

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 Г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1898.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ.

Въ „Книжной Торговлѣ“ журнала „Кіевская Старина“ продаются:

- 1) Портретъ Т. Г. Шевченка. Выдання Гр. Коваленка.
Черниговъ. Ц. 15 к.
- 2) *E. K. Тимченко.* Русско-Малороссійскій Словарь т. I
(A—O). Кіевъ, 1898 г. Ц. 2 р., съ пересылкой 2 р. 20 к.

Открыта подписка на 1898 г.

(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА”,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛъ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библіографія. Сверхъ того, редакція постараѣтъ расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложенийъ, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей, и б) научные матеріалы, около 10 печатныхъ листовъ въ годъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Предполагая въ текущемъ 1898 году посвятить № 2 журнала памяти Т. Г. Шевченка и П. А. Кулиша, № 3 — памяти О. Г. Лебединцева (по поводу 10-лѣтія со дни его смерти), № 8 — памяти И. П. Котляревскаго (по поводу столѣтія со временемъ появленія въ печати его «Энеиды»), № 9 — памяти Г. П. Голацана (по поводу 10-лѣтія со дни его смерти), № 11 — памяти М. А. Максимовича (по поводу 25-лѣтія со дни его смерти), № 12 — памяти Е. П. Гребенки (по поводу 50- лѣтія со дни его смерти), — редакція обращается съ покорнѣйшей просьбой во всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какіе-нибудь матеріалы, касающіеся названныхъ лицъ, доставить ихъ ей для опубликованія и для обработки.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. Б. Антоновича, проф. П. Я. Армашевскаго, А. А. Андріевскаго, проф. Д. И. Баїалья, А. Е. Броецкаго, Н. Ф. Бульшевскаго, Н. П. Василенко, В. И. Василенко, В. П. Горленко, проф. П. В. Голубовскаго, проф. С. Т. Голубева, проф. Н. П. Дашиевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивелицкаго, Ф. А. Кудринскаго, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ласкоронскаго, проф. Ф. Г. Мищенко, Д. П. Мил-

лера, Н. В. Молчановскою, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, А. И. Малинки, Ф. Д. Николайчика, прот. П. Орловскою, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскою, Б. С. Познанской, Л. В. Падалки, А. К. Полнищкою, А. А. Русова, проф. Н. Ф. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, А. В. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. И. Степовича, М. И. Старицкою, А. А. Титова, М. К. Чалаю, Я. Н. Шульшина, Н. В. Шуцрова, В. И. Щербины, Х. П. Ящуржинской и др.

Цѣна за годовое изданіе: на годъ.

Съ пересылкой и доставкой . . 10 р. —

Безъ доставки и пересылки . . 8 — 50 к.

За границу . . . . . 12 —

Разсрочка платежа — по соглашенню съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кievской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдельные книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кузнечная ул., 14), въ книжной торговлѣ журнала „Кievская Старина“ (Безаковская, 12), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется *Книжная торговля* (Безаковская, 12), значительно расширенная сравнительно съ прошлымъ годомъ. Подробный каталогъ будетъ приложенъ къ № 2 или 3-му журнала.

Издатель *К. М. Гамалль*. Редакторъ *В. П. Науменко*.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 Г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1898.

Дозволено цензурою Кіевъ, 27 января 1898 года.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРОДЛЕНИИ КОНКУРСА,
НАЗНАЧЕННОГО РЕДАКЦІЕЙ «КІЕВСКОЇ СТАРИНЫ».

Въ январѣ 1896 года редакціей нашего журнала былъ объявленъ конкурсъ для представлениія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработанного курса Исторіи Малороссіи, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Подробныя условія конкурса и программа „Очерковъ Исторіи Малороссіи“ напечатаны были въ № 2-мъ журнала за 1896 годъ.

Ввиду того, что до 1-го января 1898 года въ редакцію не было представлено ни одного труда на означенный конкурсъ, считаемъ долгомъ заявить, что срокъ представлениія сочиненій на тѣхъ-же условіяхъ продленъ теперь редакціей еще *на одинъ годъ*, т. е. *по 1-е января 1899 года*.

Западно-русская церковь при митр. Петре Могилѣ. (1633 — 1646 гг.).

Извѣстно, что польскіе патріоты, содѣйствуя введенію въ западно-русскихъ областяхъ унії, ожидали отъ нея благопріятныхъ для своего отечества послѣдствій: они думали, что объединеніе южно-руссовъ съ поляками въ религіозномъ отношеніи тѣснѣе скрѣпить между ними союзъ политической и тѣмъ упрочить за Польшею ея территориальныя пріобрѣтенія. Но на дѣлѣ вышло иначе. Увѣя, вмѣсто ожидаемаго отъ нея государственного благоустройства, неуклонно вела къ послѣдователемъ совершенно противоположнымъ. Будучи дѣломъ далеко не всего южно-руссаго народонаселенія, она вносила новую рознь въ государственный организмъ Рѣчи Посполитой, раздѣливши значительную часть ея подданныхъ на два враждебныхъ лагера и служа для нихъ источникомъ нескончаемыхъ пререканій, обоюдныхъ оскорблений, возмущеній и т. п.; покровительствуемая правительствомъ, имѣвшимъ во главѣ короля-фанатика, и вводимая насилиемъ, выражавшимся въ разнообразныхъ ограниченіяхъ правъ и привилегій греко-восточной церкви, она давала православнымъ многочисленные поводы къ протестамъ противъ правительственныйхъ мѣропріятій и наводила нѣкоторыхъ ровнителей православія на мысли о политическомъ союзѣ съ Польшею, далеко не соотвѣтствовавшія указаннымъ желаніямъ и ожиданіямъ польскихъ патріотовъ. Львовскіе православные мѣщане въ инструкціи, данной своему уполномоченному, отправляющему на Варшавскій сеймъ 1609 г., заявляли, что если ихъ положеніе, какъ людей угнетенныхъ „ярмомъ надъ египѣскую неволю“, не будетъ королемъ облегчено, то имъ остается одно — просить „*белаго листу о перестя до Волохъ*“. Правда, православные мѣщане отозвались объ этомъ намѣреніи, какъ о *шутки* (жартѣ); но сами назвали ее *злою шуткою*. Дѣйствительно, для этой шутки увѣя, съ ея „*опрессіями, обухами и тюрьмами*“, представляла очень благопріятную почву — и послѣ пріѣзда іерусалимскаго патріарха Фео-

фана въ Киевъ, когда польское правительство воздвигло гоненіе на возстановленную патріархомъ южно-русскую православную іерархію, некоторые изъ видныхъ представителей послѣдней, не шутя, стали обращать свои взоры насосѣднєе, единовѣрное и единоплеменное Московское государство.

Такія неблагопріятныя для Польской короны послѣдствія отъ введенія унії не могли ускользнуть отъ вниманія лучшихъ государственныхъ людей того времени и изъ среды поляковъ. Литовскій канцлеръ Левъ Сап'га въ письмѣ своемъ къ одному изъ наиболѣе фанатичныхъ представителей униатской церкви, Госафату Кувцевичу, порицая его жестокіе поступки съ православными, прямо называетъ унію „сварливою и беспокойною подругою, причиняющею многочисленные раздоры и поношения, неугомонною союзницею, подъ благовидными предлогами приносящею для государства множество несчастій“.

Фанатизмъ Сигизмунда III, окруженного ультра-католическою партиею, не дозволялъ ему здравыми глазами смотрѣть на подобное, гибельное для Польши, положеніе дѣлъ, и онъ властной рукою хотѣлъ сокрушить протести православныхъ, питая тщетную надежду, что въ концѣ концовъ унія восторжествуетъ и будетъ принята большинствомъ южно-русского народа населенія. Его сынъ Владиславъ IV былъ и вѣротерпимѣ, и дальновиднѣ своего отца. Онъ хорошо сознавалъ, что пресловутая унія, до крайности обостривъ отношенія между многочисленными подданными Рѣчи Посполитой, грозить ей гибельными послѣдствіями. Поэтому, когда смерть Сигизмунда III вызвала во всѣхъ слояхъ южно-русского народа необычайное религіозное движение для защиты своей праотцевской вѣры,—движение, ясно показавшее, какъ много скопилось горечи и недовольства въ средѣ православныхъ отъ мѣропріятій предшествовавшаго царствованія и до какой степени истощено ихъ долготерпѣніе,—Владиславъ IV, въ то время еще только кандидатъ на польскій престолъ, рѣшительно отступаетъ отъ взглядовъ своего отца по вопросамъ, касающимся уніи, и принимаетъ православныхъ подъ свое покровительство. Лишенній возможности уничтожить язву, глубоко внѣдрившуюся въ организмъ Польши, благодаря близорукой политикѣ Сигизмунда III,—онъ старается, по возможности, облегчить ея болѣзnenныя проявленія: стремится смягчить враждебныя отношенія между православными и латино-униатами и умалить поводы къ нескончаемымъ пререканіямъ между ними. На конвокационномъ и избирательномъ сеймахъ онъ принимаетъ самое горячее участіе въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ между представителями православія и унії, предсѣдательствуетъ въ комиссіяхъ по этому дѣлу и не мало пользуется личнымъ своимъ влияніемъ съ цѣлью удовлетворенія справедливыхъ требованій со стороны пра-

вославныхъ. Проектированные означенными комиссиями статьи—*Puncta uspokoienia religie Greckiey*—возстановляя нарушенные въ предшествовавшемъ царствованію права православной церкви, имѣли въ виду установить такія отношенія между религіозно-разъединенными южно-руссами, которая бы наименѣе вредно отражались на теченіи государственныхъ дѣлъ.

Сколько усилий употреблено было православными южно-руссами, а также и Владиславомъ IV, чтобы провести на избирательномъ сеймѣ означенный проектъ, имѣвшій въ виду успокоить греческую религию,—объ этомъ подробно говорено было нами въ одномъ изъ предшествующихъ трудовъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи мы имѣемъ въ виду изобразить борьбу православныхъ южно-руссовъ за правовое положеніе въ государствѣ православной церкви со времени воцаренія Владислава до кончины кіевскаго митрополита Петра Могилы (1633—1646 г.), коснувшись при этомъ и тѣхъ попытокъ къ примиренію съ католико-уніатами, которая проектировались на почвѣ религіозной, но въ основѣ своей преобладали цѣли преимущественно практическія.

I.

Преім на коронационномъ сеймѣ 1633 г. между православными и католико-уніатами по поводу статей успокоенія; участіе въ примиреніи враждующихъ сторонъ короля Владислава IV.—Дипломъ, выданный съ согласія сейма православнымъ и частными грамоты, полученные ими въ это время.—Расщатанность правовыхъ устоевъ въ Польскомъ государствѣ, какъ одна изъ причинъ затрудненій, встрѣченныхъ правительственными комиссарами при передачѣ церквей православнымъ на основаніи распоряженій короля, и фактическія данныя, подтверждающія сказанное.—Обостренные отношенія между католико-уніатами и православными.—Нападенія католиковъ на православныхъ въ Луцкѣ.—Распоряженіе отъ имени короля о закрытіи кіевскихъ и винницкихъ школъ П. Могилы.—Молитвенное письмо, составленное П. Могилою „объ умирѣніи“ православной церкви.

Когда составлены были на избирательномъ сеймѣ известныя статьи успокоенія между православными и уніатами, новоизбранный король далъ, занесенную въ *Pacta conventa*, клятву исполнить ихъ безъ промедленія¹⁾, т. е., какъ разумѣлось, на сеймѣ коронаціи, гдѣ

¹⁾ A co sie tycze — читаемъ въ Пактахъ конвентахъ—ludzi religij Greckiey rozgozniionych, te uspokoić, wedlug podanych na elekcji teraźnicyesz, na affektacyę Rzeczy Pospolitej przez nas, przy deputatach ex utroque ordine, punktow, będziemy powinni nieodwlocznie (Prawa, konstytucye u przywileje królestwa Polskiego u Wiel. Księst. Litewskiego... Warszawa, 1735 г., str. 763).

должны были получить окончательную санкцию постановлений сейма избирательного. Но успехъ, достигнутый православными при избрании короля, возбудилъ сильнейшее волнение въ католико-уніатскомъ лагерь, и приверженцами папизма, поощряемыми къ тому римскимъ престоломъ¹⁾, употреблены были всевозможные старания и подготовления, чтобы затормозить дѣло своихъ религиозныхъ противниковъ, не допустить предположенного утверждения правъ ихъ церкви на предстоящемъ сеймѣ. Разумѣется, православные южно-русы обо всемъ этомъ хорошо были осведомлены и съ своей стороны тоже дѣлали соответствующія приготовленія къ предстоящей борьбѣ²⁾. Всѣ предвидѣли, что коронаціонный сеймъ будетъ бурный, и именно изъ-за споровъ по вопросамъ религиознымъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось.

Первое столкновеніе между католико-уніатами и православными (и вообще диссидентами) произошло передъ коронаціею короля. Послѣдовавшіе настаивали на томъ, чтобы въ королевской присягѣ не было употреблено выраженіе: „salvis iuribus ecclesiae Romanae catholicae, находившееся въ присяжномъ коронаціонномъ актѣ Сигизмунда III, а принятая была форма присяги, произнесенной при вступлении на престолъ Генрихомъ IV (въ 1573 г.). Католическая партия воспротивилась этому, и посредствомъ разныхъ уловокъ означенныя слова, безъ общаго согласія на то сеймовыхъ депутатовъ, въ королевскую присягу были занесены³⁾). И хотя православнымъ депутатамъ было заявлено, что означенное выраженіе не наноситъ имъ въ-роиспользованію ущерба, потому что ниже, въ той же присягѣ помѣщены слова: *dissentientibus pacem in religione subscribo*⁴⁾, тѣмъ не менѣе они, сознавая, какое широкое, въ духѣ папизма, примѣненіе способны дѣлать католико-уніаты изъ невинныхъ, повидимому, выра-

¹⁾ Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, ed. ab Theiner. Romae. 1863 an t. III, №№ CCCXXXIX, CCCXL.

²⁾ Въ это время (кромѣ обычныхъ инструкцій послать, избираемыхъ на сеймъ), Виленскимъ православнымъ братствомъ, обнаружившимъ въ 1632 г. особенную заботливость о возстановлении правъ православной церкви (см. наше изслѣдованіе: Кіевскій митроп. Петръ Могила, т. I, глава VI) составлено было небольшое по объему новое сочиненіе, отпечатанное въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и предназначеннное для раздачи сеймовымъ депутатамъ. Это неизвестное библиографіямъ сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Rzym albo Stolica Rzymska ieſli co ma do praw Koronuy Polsciey u W. X. Litewskiego krotkie uwaženie, roku 1633 stanow koronuj na seym koronaciey podane” (Находится въ Москов. Типографской Синодальной Библіотекѣ).

³⁾ Pamiętniki Albrechta Stanisława X. Radziwiłła, kanclerza W. Litewskiego. Wydane z rekonwersji przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań, 1839 r. t. I, str. 188.

⁴⁾ Кіев. митрополит. Петръ Могила т. I, прилож. стр. 510.

женій, занесли по сemu поводу протестацію, на которую католики въ свою очередь отвѣтили репротестаціей¹⁾.

Но этотъ обмѣнъ протестаціями былъ только первымъ выстрѣломъ начинающейся между православными и латино-уніатами борьбы. Сильнейшее волненіе началось на сеймѣ, когда приступлено было къ чтенiu *пактовъ конвентовъ* и рѣчь зашла объ успокоеніи православной религіи согласно съ заключающимися въ нихъ статьями. Противъ утвержденія сеймомъ этихъ статей со стороны приверженцевъ папизма высказали горячіе протести. Католические и уніатскіе депутаты заявили, что *Pacta conventa* не составляютъ еще обязательного закона; что противъ составленныхъ на конвокационномъ сеймѣ статей успокоенія греческой религіи занесены были многія протестаціи; что этими статьями нарушаются привилегіи, данныхы уніатамъ, и вообще онѣ затрагиваютъ интересы религіозные, относительно чего допускать какія-либо перемѣны ни сеймъ, ни король безъ соизволенія на то св. отца, т. е. папы, не могутъ, а такъ какъ король ходатайствуетъ объ означенному соизволеніи, то православные и должны отложить дѣло о своей религіи до получения отвѣта изъ Рима; что выражение въ Пактахъ конвентахъ — *объщаюсь безъ промедленія (nie odwloacznie)* успокоить людей греческой религіи — не должно быть понимаемо въ смыслѣ обѣщанія исполнить это именно на сеймѣ коронаціи, ибо въ такомъ скромъ времени не могло прийти необходимое для того соизволеніе отъ Римскаго престола.

Со стороны православныхъ ревностныи защитниками правъ своей церкви выступили: Адамъ Кисель, князь Четвертинскій и брацлавскій подсудокъ Михаиль Кропивницкій. Они заявили, что *Pacta conventa* — *lex publica*, такъ какъ обязательства, данныхы новоизбраннымъ королемъ подъ присягою, должны быть исполнены; что занесенная противъ статей успокоенія протестаціи не имѣютъ существенного значенія (ибо для протестацій поле широкое: можно протестовать противъ всего); что обѣщаніе о возстановленіи правъ греко-восточной религіи королемъ дано категорическое, безъ всякихъ оговорокъ и ссылокъ на авторитетъ папы, притомъ это прикрыто авторитетомъ папы есть не что иное, какъ преднамѣренное желаніе лишить православныхъ ихъ законныхъ правъ, потому что отношеніе римскаго престола къ статьямъ успокоенія известно — онѣ уже опредѣленно высказался по этому вопросу, и ждать иного решения изъ Рима нѣть оснований: его заранѣе можно предвидѣть; притомъ же авторитетъ папы, имѣющій значеніе для латино-уніатовъ, для нихъ, православныхъ, не обязательенъ: они находятся подъ верховнымъ руко-

¹⁾ Ibid, прилож. № LXXXIV, стр. 525—523.

водствомъ своего пастыря, константинопольского патріарха, и въ дѣлахъ вѣры обязаны послушаніемъ ему; что, наконецъ, окончательное успокоеніе православной церкви обѣщано было именно на коронаціонномъ сеймѣ и откладывать его на предбудущее время, до слѣдующихъ сеймовъ, значитъ намѣренію волочить дѣло, чтобы впослѣдствіи окончательно затормозить его... Разумѣется, православные депутаты въ своихъ заявленіяхъ были совершенно правы: они стояли на почвѣ строго юридической (не говоримъ уже о сторонѣ нравственной). Это сознавали даже наиболѣе фанатичные католики, чтоб, во время сеймовыхъ преній, наивно и высказано было литовскимъ ловчимъ: *wolę ia — говорилъ онъ — troche na prawo nastąpić, a niz w piekle być*¹⁾.

Преосвященный Макарій въ своей „Исторії Русской Церкви“, упомянувъ объ означенныхъ препирательствахъ сеймовыхъ депутатовъ, замѣчаетъ: „споры были жаркие и продолжительные, но ни къ чему, не привели: утвержденіе статей на сеймѣ не состоялось. Несмотря на то, король остался вѣренъ своему слову и немедленно приступилъ къ выполнению данныхъ обѣщаній“²⁾). Такимъ образомъ, стараяя православныхъ депутатовъ, столь энергично ратовавшихъ во время сейма за интересы своей церкви, представляются уважаемымъ историкомъ какъ бы безрезультатными, и полученные православными на коронаціонномъ сеймѣ права и привилегіи (о которыхъ рѣчь ниже) являются какъ бы личнымъ дѣломъ короля.

Это не совсѣмъ вѣрно. Достаточно указать на то, что въ дипломѣ, обеспечивающемъ для православныхъ свободу вѣроисповѣданія и выданномъ королемъ при заключеніи коронаціонного сейма, прямо заявляется, что *означенный дипломъ есть сеймовое постановление, аппробованное авторитетомъ всего собранія*. Мы не хотимъ этимъ сказать, что король мало участвовалъ въ дѣлѣ успокоенія православныхъ; напротивъ — участіе его въ данномъ случаѣ было самое живое, дѣятельное и православнымъ сочувственное. Но королевская власть въ Польской Коронѣ, какъ известно, была весьма ограничена, и безъ опоры въ тѣхъ или иныхъ сеймовыхъ постановленіяхъ (а тѣмъ паче вопреки имъ) король не могъ одѣлять извѣстную часть своихъ подданныхъ привилегіями по своему усмотрѣнію. Онъ могъ, до извѣстной степени, расширять или суживать

¹⁾ Діаріушъ коронаціонаго сейма (рукоп. Импер. Публ. Бібліотека, значу-щаяся по каталогу *Размоза*. Q. IV. № 38); извлеченіе изъ него въ прилож. къ I т. сочиненія: Кіев. митрополитъ Петъ Могила, № LXXXIII, стр. 506—524.—*Pamiętniki Radziwiłła I.* 148—152. *Supplementum ad Hist. Russ. Monumenta.* № 68, p. 163 et seq.

²⁾ Исторія Русской Церкви. XI, 449.

примѣненіе на практикѣ основныхъ законоположеній, но не могъ игнорировать ихъ. Такимъ образомъ для Владислава IV, какъ увидимъ, искренно желавшаго успокоить православныхъ, было весьма важно имѣть точку опоры для этого въ сеймовомъ постановленіи, къ чему, дѣйствительно, и направлены были его усиленія, окончившіяся значительнымъ успѣхомъ.

Въ общихъ чертахъ ходъ дѣла, во время коронаціоннаго сейма, по вопросу объ успокоеніи православныхъ, по нашему мнѣнію, былъ слѣдующій.

Многодневная препарательства сеймовыхъ депутатовъ относительно извѣстныхъ „статей успокоенія“, при той стойкости, которую обнаружили обѣ враждующія стороны, мало давали надежды на благополучное окончаніе сейма: являлось опасеніе, что онъ или другою стороною будетъ, по тогдашнему выраженію, *сорванъ*. Это не могло не озабочивать „благоразумныхъ патріотовъ“, которыхъ въ числѣ сеймовыхъ депутатовъ находилось не малое количество, а въ особенности самого короля, наиболѣе другихъ желавшаго благополучнаго окончанія сейма. Поэтому, въ виду безплодности сеймовыхъ препарательствъ относительно „статей успокоенія“, изъ среды депутатовъ послышались голоса: предоставить спорное дѣло на рѣшеніе (*na decyzjа*) самого короля. Послѣ преній сеймъ на этотъ компромиссъ согласился. Такимъ образомъ Владиславъ IV опять (подобно тому, какъ на конвокационномъ сеймѣ) оказался въ роли примирителя (посредника) между униатами и православными¹⁾.

Уступка, сдѣланная въ данномъ случаѣ православными депутатами (мысль объ означенномъ компромиссѣ исходила отъ католиковъ), можетъ быть объясняема тѣмъ довѣріемъ къ королю, которое онъ успѣлъ внушить православнымъ своею расположеннostью къ нимъ и искреннимъ (хотя бы то и изъ политическихъ разсчетовъ) желаніемъ удовлетворить ихъ требования. Православные видѣли въ новомъ королѣ твердую опору для себя,—и въ этомъ не ошиблись.

Ещѣ въ самомъ концѣ октября 1632 года, когда только что составлены были статьи примиренія православныхъ съ униатами, папскій нунцій дѣжалъ энергичную попытку отклонить Владислава IV отъ утвержденія этихъ статей, но получилъ отъ послѣдняго сильный отпоръ. Новоизбранный король заявилъ, что униа въ литовско-русскихъ областяхъ съ самого начала не имѣла достаточной силы, такъ какъ введенa была здѣсь безъ согласія большинства, и что удовлетворить требования православныхъ, какъ членовъ Рѣчи По-

¹⁾ Діаріушъ коронаціоннаго сейма.

сполитої, наравнѣ съ другими несущихъ государственныя повинности, есть дѣло неотложной необходимости. Король передъ нунциемъ выразилъ надежду, что св. отецъ обратить внимание на условія настоящаго времени и признаеть сдѣланное постановлѣніе относительно успокоенія православныхъ цѣлесообразнымъ, если только не желаетъ видѣть руинъ королевства (Польши), а, можетъ быть, и христіанской (католической) религії¹⁾). Ни авторитетъ гнѣздинскаго архіепископа, ни просьбы другихъ ревнителей католицизма, ни даже внушенія изъ Рима не могли поколебать рѣшности короля, основанной на ясно и здраво понимаемомъ положеніи вещей²⁾). Владиславъ IV помнилъ обязанности, возложенные на него христіанскою (католическою) религіей, по не забывалъ и объ обязанностяхъ своихъ какъ государя, подъ властью которого находились не одни католики. Печальная послѣдствія ультра-католической политики предшествовавшаго царствованія были у него передъ глазами. Притомъ и въ личномъ характерѣ короля было не мало благородныхъ чертъ, предохранявшихъ его отъ того іезуитизма въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, какого держался печальной памяти его отецъ. Когда, во время присяги (на избирательномъ сеймѣ) Владиславъ долженъ былъ произнести занесенный въ нее выраженія относительно успокоенія „диссидентовъ“, и въ это время литовскій канцлеръ Станиславъ Радзивилль шепнулъ королю на ухо: „nie miej W. K. M. tey intencji“ (т. е. думай про себя, что этого не исполнишь), онъ отвѣтилъ: „komu przysięgam usty, temu przysięgam u intencja“, (кому присягаю устами, тому присягаю и мыслью)³⁾.

¹⁾ Theiner. Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae, t. III. № CCCXXXV, pag. 398—399.

²⁾ Pamiętniki Radziwiłła. T. I. стр. 151. Перемышльскій епископъ Павелъ Пясецкій въ своей хроникѣ пишетъ, „quod archiepiscopus stantem iam ad altare regem (передъ коронацією) initiaturus monuerat, solam catholicam Romanam fidem in Polonia scepta tenere; eaque regibus dare, et propterea reges ad altare catholicum sacro oleo perungi, ut memores accepti ibi muneris et honoris fidem catholicam defendere et propagare debeant; insuper obtestabatur, quod ea, quae sub interregno et circa electionem regiam haereticis pro bono pacis concessa fuisset, vim legis perpetuae habere non possint.“ (Chronica gestorum in Europa singularium, a Pavlo Piasecio, episcopo Praemisliensi. Cracovia, 1648 an., pag. 147).

. ³⁾ Объ этомъ заявилъ самъ Владиславъ IV депутатіи диссидентовъ, представившейся ему въ 1644 году. См. Dzieje narodu Polskiego za panowania Władysława IV. Kajetana Kwiatkowskiego. Warszawa, 1828 г. str. 422—424, где сдѣлано обширное извлеченіе изъ необнародованной реляціи пана Резя, состоявшаго въ означенній депутації.

Поэтому и на коронационномъ сеймѣ король прилагалъ всевозможныя старанія къ тому, чтобы удовлетворить требования православныхъ, встрѣтившія, какъ мы видѣли, столь сильное сопротивленіе со стороны католико-уніатовъ. Свидѣтельство объ этомъ сомнѣнію не подлежитъ. Канцлеръ Великаго княжества Литовскаго Станиславъ Радзивиллъ, бывшій на сеймѣ и близко знакомый съ ходомъ дѣлъ на немъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ, что король „явно покровительствовалъ схизматикамъ“, т. е. православнымъ. Послѣдніе часто приглашались Владиславомъ IV не только для обычныхъ аудіенций, но и для *секретныхъ переговоровъ* (*sekretnych pamów*), что, по заявлению Радзивилла, сильно огорчало добрыхъ католиковъ¹⁾. На этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ присутствовали не одни депутаты, но и другія вліятельныя лица изъ среды православныхъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежало и нашему митрополиту, какъ избранному на первосвятительской постѣ въ южно-русской церкви. Въ панегирикѣ, поднесенному П. Могилѣ по пріѣздѣ его (послѣ посвященія на митрополію) въ Кіевъ, между прочимъ, говорится: „пресвѣтлѣйшему, вожделѣнному и мира желающему монарху царства Польскаго Владиславу и высокому его сенату ты (Петръ Могила)—на избирательномъ и коронационномъ сеймахъ—доказалъ яснѣ солнца права наши, по силѣ твердяя, какъ алмазъ, золотыя по своей драгоцѣнности. Доказавши не-правду, которая тяготѣла надъ нами столько лѣтъ, ты уничтожилъ въ прахъ ее передъ помазаникомъ Божіимъ“²⁾. Это панегирическое воззваніе находитъ подтвержденіе и въ другихъ источникахъ³⁾.

Совѣщанія короля съ православными начались еще ранѣе, чѣмъ онъ избранъ былъ сеймомъ посредникомъ между ними и уніатами. Безъ сомнѣнія, они продолжались и послѣ этого, до самаго окончанія сейма. Можно съ увѣренностью предполагать, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ.

Положеніе короля въ роли посредника между враждующими сторонами было весьма затруднительное. Желаніе его удовлетворить требования православныхъ во всемъ ихъ объемѣ было, безъ сомнѣнія, искреннее. Къ этому онъ побуждался и политическими сообра-

¹⁾ Pamiętniki, T. I. 148—149.

²⁾ Mnemozynę sławy, prac u trudow Przeswietnego w Bogu Imśc oycsa Piotra Mohily... et caet; изд. въ Кіевѣ, 1633 г.

³⁾ Самъ Петръ Могила неоднократно указывалъ на свои хлопоты передъ королемъ и сеймами о восстановленіи и упроченіи правъ православной церкви (*Собрание древнихъ грамотъ городовъ минской губ. Минскъ, 1848 г.; № 112, стр. 224.*—Срав. начинѣ объ этомъ католико-уніатовъ (*Dzieje u prawa kościoła Polskiego. X. Teodora Ostrowskiego. Warszawa, 1793 г. Т. Ш. str 466*).

женіями, и даними имъ торжественнымъ (подъ присягою) обѣща-
ніемъ, и настойчивыми напоминаніями самихъ православныхъ. Но,
несмотря на представленное сеймомъ право посредничества, право
произнести свое рѣшающее слово по спорному вопросу, Владиславъ IV
ясно предвидѣлъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ провести на
сеймѣ статьи успокоенія въ полномъ ихъ видѣ *не было возмож-
ности*. Ожидались рѣшительные протесты; предвидѣлось „сорваніе“
сейма. Въ виду этого король, желавшій—какъ мы сказали—мир-
наго окончанія коронаціоннаго сейма, на совѣщаніяхъ убѣждаль
православныхъ не обострять своихъ отношеній къ латино-уніатамъ
и, подчиняясь обстоятельствамъ времени, сдѣлать иѣкоторыя усту-
пки противной партіи, при чемъ, разумѣется, съ своей стороны да-
вать рѣшительныя обѣщанія начатое дѣло успокоенія православ-
ныхъ довести до конца въ самое непродолжительное время. Оче-
видно, подобныя совѣщанія, хотя, можетъ быть, и не секретныя,
происходили у короля и съ представителями латино-уніатской цер-
кви. Сдѣлать уступки предлагалось и имъ. Какъ можно думать,
главнымъ предметомъ при этихъ совѣщаніяхъ съ тою и другою
стороною былъ вопросъ о церковныхъ бенефиціяхъ, о томъ или
другомъ распределеніи между православными и уніатами, по тог-
дашнему выражению, „духовныхъ добръ“, „духовныхъ хлѣбовъ“. О
такомъ характерѣ совѣщаній можно заключить изъ нижеслѣду-
ющихъ данныхъ: 1) Канцлеръ Радзивилль въ своемъ дневнике
пишетъ, что 8 марта король обратился къ нему съ просьбою скло-
нить луцкаго уніатскаго епископа *Почаповскаго* къ прія-
тельскому соглашению съ Пузиной, избраннымъ православными
на луцкую епископію: убѣдить его уступить иѣкоторыя церковныя
бенефиціи Пузинѣ¹⁾. 2) Иѣкоторыя изъ грамотъ, выданныхъ королемъ
при заключеніи коронаціоннаго сейма о распределеніи церковныхъ
имуществъ между православными и уніатами, могутъ быть объясня-
емы (какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ) не иначе, какъ предвари-
тельнымъ соглашеніемъ, достигнутымъ королемъ при упомянутыхъ
совѣщаніяхъ съ представителями церкви православной и уніатской.

Безъ сомнѣнія, одновременно съ этими совѣщаніями съ пред-
ставителями враждующихъ сторонъ Владиславъ IV велъ переговоры
и съ наиболѣе влиятельными государственными чинами, сообщая
имъ о результатахъ своего посредничества между православными и
уніатами и выставляя на видъ неотложную (по политическимъ сооб-
раженіямъ) необходимость удовлетворить, по крайней мѣрѣ, наи-
болѣе существенныя требованія православныхъ депутатовъ. При

¹⁾ Pamiętniki. I. 148.

известныхъ намъ воззрѣніяхъ „добрыхъ католиковъ“ на религіозные вопросы и авторитетъ папы,—это тоже было дѣломъ весьма не легкимъ, и Владиславу IV, надо полагать, не разъ приходилось повторять произнесенные имъ во время коронаціи слова о тяжести королевской короны въ Польшѣ¹⁾). Тѣмъ не менѣе старанія короля, какъ мы замѣтили, увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Сеймомъ былъ утвержденъ составленный отъ имени короля дипломъ, обезпечивающій свободу вѣроисповѣданія православныхъ и предоставившій имъ известныя права и привилегіи, притомъ съ категорически выраженіемъ обѣщаніемъ расширить оныя, согласно со статьями успокоенія, на слѣдующемъ сеймѣ.

Приводимъ этотъ дипломъ въ полномъ его видѣ (за исключеніемъ обычнаго вступленія).

„Когда мы, на прошлой счастливой нашей елекціи, начиная наше благополучное царствованіе уврачеваніемъ ранъ Рѣчи Посполитой и примиреніемъ государственныхъ сословій, приняли на себя, по ихъ просьбѣ и согласію, заботу разсмотрѣть нарушеніе правъ народа русскаго и успокоить греческую религію и, вмѣстѣ съ депутатами той и другой стороны, къ намъ сеймомъ назначенными, совершили это надежными средствами (какъ о томъ достаточно свидѣтельствуютъ статьи, за подписомъ руки нашей внесенная въ автографы книги Варшавы и потомъ утвержденная нашою присягою въ пактахъ конвентахъ), то оставалось только, чтобы на настоящемъ сеймѣ нашей счастливой коронаціи мы неотложно исполнили все, изложенное въ тѣхъ статьяхъ и въ цѣломъ и въ частяхъ. Но такъ какъ теперь мы всего этого выполнить не могли, а между тѣмъ земскіе послы отъ Короны и Великаго Княжества Литовскаго изъ многихъ воеводствъ и повѣтовъ, основываясь на данныхъ имъ братьями, неунитами, инструкціяхъ, не захотѣли приступить къ заключенію (ствержденію) сейма, доколѣ не будетъ имъ предоставлено все обѣщанное помянутыми статьями, то мы, со всею Рѣчью Посполитою, удостовѣряемъ настоящимъ напись дипломомъ и обязуемся (примѣнительно къ тѣмъ же статьямъ, стверженными нашою присягою), что на будущемъ, дай Боже, самомъ первомъ сеймѣ мы тотчасъ, на другой же день по окончаніи сенаторскихъ рѣчей (wot), все, изложенное въ статьяхъ, прежде всего ствердимъ и въ точности означенныя статьи, ни въ чёмъ имъ не противорѣча, будемъ приводить въ исполненіе. А теперь утверждаемъ для ненаходящихся въ унії свободное отправленіе богослуженія по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и монастырямъ въ Коронѣ и Вел. княжествѣ Литов-

¹⁾ Ibid. I, 139.

скомъ, также всѣ братства, школы, семинарии, типографіи и госпитали, какими они владѣютъ, одобляемъ всѣ привилегіи, какія только они имѣютъ отъ нашихъ благочестивыхъ предмѣстниковъ и блаженной памяти наиисѣйшаго короля его милости, милостиваго пана отца нашего. Что же касается до велѣбнаго отца Петра Могилы, архимандрита печерскаго, избраннаго неунитами въ митрополита Кіевскаго, имѣющаго сакру отъ константинопольскаго патріарха, равно что касается до благороднаго Александра Цузини, избраннаго на владычество Луцкое, отца Іосифа Бобриковича, избраннаго на владычество Мстиславское, и того, кто будетъ избранъ мѣстными неунитами на владычество Переਮышльское—то всѣмъ имъ мы позволяемъ безпрепятственно пользоваться юрисдикціею и испольвать свои обязанности въ средѣ всѣхъ ненаходящихся въ унії, и обращаться къ этимъ владыкамъ предоставляемъ свобода каждому, не желающему оставаться въ унії, безъ малѣйшаго препятствія со стороны уніатовъ. А такъ какъ о. архимандритъ печерскій не имѣеть теперь на своей митрополіи никакой бенефиціі, то онъ долженъ владѣть до живота своего, кромѣ св. Софіи, и печерскою архимандріею съ Пустыннимъ Николаевскимъ монастыремъ. Переਮышльскому же и мстиславскому владыкамъ, по силѣ статей, будеть ежегодно выдаваемо нами жалованье по двѣ тысячи злотыхъ польскихъ. Что касается благороднаго Александра Цузини, номината на владычество Луцкое и Острожское, то онъ имѣеть пребывать по особому нашему письменному акту. Наконецъ все, что только изъ варшавскихъ статей не приведено нами теперь въ исполненіе, мы непремѣнно исполнимъ, да поможетъ Богъ, на слѣдующемъ сеймѣ: въ этомъ мы удостовѣряемъ ихъ, неунитовъ, настоящимъ нашимъ дипломомъ, который есть сеймовое постановленіе, аппробованное авторитетомъ всего собранія, и для этого мы дали настоящій нашъ дипломъ за подпись нашею и депутатовъ, какъ отъ сената, такъ и отъ кола посольского, и за печатами коронною и вел. княжества Литовскаго¹⁾.

Очевидно, что несмотря на значительные урѣзки сравнительно со статьями успокоенія, дипломъ былъ благопріятенъ для православныхъ: ими достигнуто было самое главное и существенное—полная свобода вѣроисповѣданія и официальное возстановленіе іерархіи, словомъ, упрочено было правовое положеніе въ государствѣ православной церкви съ присущими ей учрежденіями. Такъ смотрѣли

¹⁾ Supplem. ad Histor. Russ. Monumenta. № LXIX. Рус. переводъ у проф. Макарія (Історія Рус. Церкви. XI, 450—452), но не безъ значительныхъ отступлений отъ подлинника.

на дипломъ и сами православные, такъ смотрѣли на него и католики¹⁾. Въ виду послѣдняго королю не малыхъ усилий и волненій стоило даже самое стverженіе диплома извѣстными печатами, т. е. исполненіе простой уже формальности, хотя и чрезвычайно важной²⁾.

Дипломъ для православныхъ, какъ одобренный сейюмъ (глѣдовательно, какъ *lex publica*), предоставилъ королю возможность издавать частныя, исключительно отъ своего имени, грамоты, испрашиваемыя у него разными православными лицами и учрежденіями. Такихъ грамотъ Владиславомъ IV выдано было, большею частью при заключеніи коронаціоннаго сейма, значительное количество. Такъ получили грамоты всѣ новоизбранные іерархи: *Петръ Могила* на

¹⁾ Си. панегирики П. Могилѣ, изданные въ 1633 г. (*Mnemozynę... i Eufonię wesełobrzmianą*). *Rozmowa albo relatio rozmowy dwóch Rus'now-schizmatika z unitem*, przez Kaspara Thom. Skupińskiego. Warszawa, 1634 г. (въ полномъ видѣ напечатана мною въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VI, стр. 650—733).

²⁾ А. С. Радзивилль въ своемъ дневнике пишетъ, что для скрѣпы печатью диплома, даннаго схизматикамъ (т. е. православнымъ), „че смѣля“ просить канцлера короннаго, какъ особу духовную (въ то время короннымъ канцлеромъ былъ бискупъ Іаковъ Задзинѣ); поэтому съ означеною просьбою обратились къ коровному подказчикеру (Фомѣ Замойскому) и къ нему, Радзивиллу, какъ канцлеру Вл. Княж. Литовскаго. До мозга костей проникнутый ультрапатолитическимъ возврѣніемъ, Радзивилль обратился къ своему духовнику и къ другимъ римскимъ „капланамъ“ за разъясненіемъ, можетъ ли онъ сдѣлать это безъ отягощенія своей совѣсти. Понятное дѣло, латинскіе капланы позабыли еще болѣе настроить сего „доброго католика“ противъ православныхъ, и онъ заявилъ королю, что духовникъ не совѣтуетъ ему прикладывать печати къ помянутому диплому: *skriptil w tem gadał*. Королю извѣстно было, что Радзивилловъ духовникъ умѣеть и любить починять часы. Поэтому, вынувъ свои часы и показывая Радзивиллу, Владиславъ сказалъ: „пусть твой духовникъ занимается починкою часовъ, а не сминается въ дѣла, которыя могутъ производить волненія въ Рѣчи Посполитой“. Радзивилль упорствовалъ, заявляя, что во всемъ онъ готовъ подчиниться приказанию своего государя, кроме тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло касается совѣсти и святой католической религіи. Разгневанный король сказалъ, что и онъ будетъ имѣть узыженія совѣсти (*skrypuły*), когда къ нему Радзивилль и другія, подобныя ему лица станутъ обращаться съ своимъ просьбами. Радзивилль, хотя и съ маской смиренія на лицѣ, продолжалъ стоять на своемъ. Тогда еще разгневанный король воскликнулъ: „какъ только освободится печать коронная или Вл. Княж. Литовскаго, отдамъ ее еретику!“ Такія слова произвели большое смущеніе среди католиковъ. — И послѣ этого не мало было хлопотъ и упрашиваній, чтобы Радзивилль скрѣпилъ дипломъ (нѣкоторые изъ высшаго католического духовенства брали грѣхъ на свою душу). Да и приложивъ къ диплому печать, Радзивилль занесъ манифестацію, гдѣ заявлялъ, что сдѣлалъ это вопреки своей волѣ и желанію, исключительно какъ министръ и чиновникъ. (*Ra-
mieniki I. 151—153*).

митрополію кіевську (12 марта)¹⁾, Іосифа Вобриновича—на епіскошію мініславську, оршанську, могилевську (14 марта)²⁾, Александра Пузина—на епіскошію луцьку (18 марта)³⁾ і Івана Романовича Попель—на епіскошію перемишльську (18 марта)⁴⁾.

Цими грамотами православнимъ іерархамъ, между прочимъ, предоставлялось полное право имѣть подъ своею властью и „ послушенствомъ“ весь народъ русскій не въ унії съ костеломъ римскимъ будучій и „быти не хотячій“, подобно тому какъ это предоставлено было уніатскимъ епіскошамъ относительно своей паствы и всѣхъ желающихъ находиться въ унії; и также обеспечивалось свободное, безъ малайшаго препятствія, отправленіе архіастырскихъ обязанностей при посѣщеніи разныхъ городовъ и мѣстечекъ, имѣющихъ хотя бы часть православнаго населенія.

Даны были Владиславомъ IV въ означенное время грамоты и православнымъ братствамъ: *Віленскому Свято-Духовскому* (18 марта)⁵⁾, *Мінскому Петрапавловскому* (18 марта)⁶⁾, *Люблінскому Преображенскому* (15 марта)⁷⁾, *Львовскому Успенскому* (15 марта)⁸⁾, *Перемышльскому*⁹⁾, *Брль-*

¹⁾ Археографіческій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-зап. Руси. т. II. № 36, стр. 48—49.

²⁾ А. Ю. и З. Р. IV. № 5.

³⁾ Архівъ юго-зап. Россіи. ч. I, т. VI. № CCCLIX, стр. 662—664.

⁴⁾ Подлинникъ находится въ библиотекѣ греко-уніат. собора въ Перемишлѣ; занесенъ въ Inducta Relationum castri Premisi; въ Львовскомъ Бернандинскомъ Архівѣ № кн. 352, стр. 1742.

⁵⁾ Собрание древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна и проч. Вильно. 1843. ч. II. № 42, стр. 118—125.

⁶⁾ Собрание древнихъ грамотъ городовъ минской губ. № 123, стр. 255—258.

⁷⁾ Кіев. Централ. Архівъ; № кн. 2834, л. 1406.

⁸⁾ Архівъ Львов. Ставропиг. Института (копія подлинника).

⁹⁾ Архівъ уніат. Перемышльского собора. (Оригиналъ). Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится: „Bractwo przy cerkwi Świętej Trojcy Religiey Grac- kiey, pod posłuszeństwem Patriarchi Konstantinopolskiego będące, na grunty od wie- lebnego w Bogu oysa Basyla Kopystenskiego, ihumena cerkwi pomienionej, daro- wanym, także na placu przykupionym od corki Chominei Mariny Warowi na wiecz- ność, do iego gruntu przyległym, który iuż w ieden plac przywrócił, na przed- mieście Przemyskim, rzecznym Lwowskim... и проч. Братству предоставляется имѣть „порядок“, заведенные въ другихъ православныхъ братствахъ—luцкомъ, вілен- скомъ и проч., „у szkoły (позволяется) fundować u istyć w nich bez contradicti.“— Спустя вѣсколько дній (23 марта) дана была королемъ особая грамота перемышль- скимъ православнымъ мѣщанамъ (хранится въ томъ же архівѣ), уравнивающая ихъ въ правахъ съ католиками. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что такъ какъ православные перемышльне „wolnoſci u swobod, za niedopuszczaniem“

скому¹⁾, Могилевскому²⁾, новоучрежденному Кременецкому³⁾) и, безъ сомнінія, другимъ, присвіщимъ о томъ короля. Въ этихъ грамотахъ подтверждались пріобрѣтеныя братствами въ прежнее время права, ограждались притязанія на нихъ латино-уніатовъ, признавалось дозволеннымъ существованіе при нихъ разныхъ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, разрѣшалась, съ вѣдома короля, постройка новыхъ церквей,—вообще, признавалось за ними правовое положеніе въ государствѣ, о чмъ такъ много хлопотали православные въ предшествующее царствованіе. Труднѣе было королю удовлетворить просьбы православныхъ о передачѣ имъ нѣкоторыхъ церквей, захваченныхыхъ уніатами въ разныхъ городахъ и дотолѣ находившихся въ ихъ фактической владѣніи. Относительно этого на конвокаціонномъ сеймѣ выказаны были предположенія весьма благопріятныя для православныхъ. Имъ обѣщано было возвращеніе отъ уніатовъ, по крайней мѣрѣ, по одной церкви болѣе чѣмъ въ 43 городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ довольно прочно укоренилась унія и гдѣ, следовательно, въ предшествующее время православные наиболѣе были обижены своими религіозными противниками⁴⁾. Но на коронаціонномъ сеймѣ исполненіе означенаго обѣщанія, какъ затрагивавшаго имущественные религіозные интересы, возбуждало наибольшіе протесты, и вопросъ объ этомъ (объ отчужденіи отъ уніатовъ церквей съ пріуроченными къ нимъ бенефиціями) считался неподлежащимъ рѣшенію безъ предварительного сношенія съ паню. Вопросъ этотъ совершенно обойденъ былъ въ дипломѣ, выданномъ православнымъ. Тѣмъ не менѣе Владиславъ IV, безъ сомнінія, вслѣдствіе усилен-

---

mieszczan religiey katholickiey, tak w obieraniu do urzędow, rad, gremios, czechow y innych przerogatiw, wszystkim iednostaynie służących, zażywać u z nich cieszyć się nie mogli... przeto my, zważywszy słuszną prozbę, a chcąc wszystkie prawa sacrosante et intamineate zachować, ponieważ na tem szczególnym poczatku panowania naszego do uspokojenia pewnego te roznicy przypuszczeni są.. pomienionich mieszczan Przemyskich religiey Graeckiey, nie w unii będących, s przedmieszczancami, zarówno z ludźmi catholickimi do wszelakich urzędow y godności, swobod y wolności miastu temu służących, tym listem naszym przypuszczamy.. et caet.

¹⁾ Рукоп. сбора. Киево-печ. Лавры по кат. № 20. А. 3. Р. т. V. № 9.

²⁾ Археogr. сбора докум. съверо-зап. Руси. II. №—34.

³⁾ Лук. гродск. книга, хранищ. въ Kiev. Центр. Archiw, подъ № 2167, л. 909, и рукоп. сбор. Kiev. Дух. Академіи (изъ коллекціи преосв. Макарія) № 209, стр. 9-10. Послѣдній сборникъ, очевидно, находился нѣкоторое время во владѣніи уніатовъ: всюду въ грамотѣ упомянуто не предъ словомъ унія, вслѣдствіе чего мѣста, гдѣ говорится, что грамота дана не въ уніи будучими читаются: въ уніи будучими. Въ грамотѣ, между прочимъ, говорится, что король даетъ ee wygadzajac intentiis ich wedlug punctow uprokojenia religiey Greckiey.

⁴⁾ Архивъ Юго-зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLXVI, стр. 656—658.

ныхъ просьбъ православныхъ и давнаго имъ во время упомянутыхъ переговоровъ съ ними обѣщавія, издалъ грамоты, коими предоставлялось православнымъ по одной и по двѣ церкви въ вѣкоторыхъ городахъ, находившіяся передъ тѣмъ во владѣніяхъ уніатовъ. Можно думать, что сдѣлано было это королемъ не безъ согласія на то „государственныхъ чиновъ“. По крайней мѣрѣ, въ означенныхъ грамотахъ говорилось, что на прошлой коронаціи, при умиротвореніи людей греческой религіи неуниковъ съ уніатами, *съ согласіемъ на то всіхъ чиновъ (stanow) коронныхъ и Вел. княжества Литовскаго*, прежде окончательного, предположеннаго на будущемъ сеймѣ успокоенія православныхъ (т. е. согласно со статьями успокоенія), королемъ назначено теперь же имъ передать вѣкоторыя церкви въ своихъ владѣніяхъ (*dobrach*). Извѣстны подобныя распоряженія короля о передачѣ православныхъ церквей въ городахъ: Вильнѣ (двѣ церкви), Минскѣ, Могилевѣ, Брестѣ, Кобринѣ, Гроднѣ, Слонимѣ, Новогрудкѣ, Вѣльскѣ, Красноставѣ и Клецкѣахъ¹), кромѣ церквей, предоставленныхъ православнымъ по диплому и грамотамъ вѣкоторымъ єпархамъ (Петру Могилѣ и А. Пузинѣ). Передача церквей православнымъ возложена была на комиссаровъ, назначенныхъ для сего королемъ.

Такимъ образомъ, если на коронационномъ сеймѣ православнымъ не удалось провести „статьи успокоенія“ въ полномъ ихъ объемѣ, то, при добромъ содѣйствіи короля, главнѣйшая и существенная ихъ желанія были удовлетворены.

Но въ Польской Коронѣ, при расшатанности правового порядка и авторитета верховной власти, иногда легче было исхлопотать то или иное постановленіе, исходящее отъ королевскаго имени и даже сейма, нежели воспользоваться имъ фактически. Это въ особенности должно сказать о постановленіяхъ, касавшихся спорныхъ вопросовъ по дѣламъ имущественнымъ, когда юридически оформленные права нерѣдко приходилось получать или отстаивать вооруженною силою. Подобныхъ примѣровъ исторія Рѣчи Посполитой представляетъ безчисленное множество²).

¹⁾ Собрание древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны.. и проч. ч. II, №№ 92—94. Собрание древнихъ грамотъ и актовъ минской губ. №№ 94—95. Археогр. сборни. документовъ сѣверо-зап. Руси. т. II, №№ 101—103. Ibid. Записки игумена Ореста, стр. X. Ibid. т. VI № 82. Древние акты холмск. епархіи, книги т. I (въ холмскомъ церковно-археолог. музѣѣ).

²⁾ Характерно выражалось о расшатанности юридическихъ устоевъ въ Рѣчи Посполитой Николай Лигенза на сеймѣ 1635 года. „*U nas—заявилъ онъ—право*

Съ такимъ аномальнымъ явленiemъ въ Польской Коронѣ приходилось имѣть дѣло и православнымъ.

Что касается пріобрѣтенныхъ православными на сеймахъ правъ, не затрагивавшихъ имущественныхъ интересовъ уніатовъ (свобода вѣроисповѣданія, официальное возстановленіе іерархіи, правовое положеніе въ государствѣ и т. п.), то съ ними *volens-nolens* латино-уніаты, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, должны были, какъ съ фактамъ совершившимся, мириться; но заранѣе можно было предвидѣть, что большія затрудненія встрѣтить православные, когда будуть приводиться въ исполненіе распоряженія короля, касающіяся отображенія отъ уніатовъ пред назначенныхъ къ тому церквей, и что дѣло въ данномъ случаѣ не обойдется безъ сопротивленія и открытыхъ столкновеній; можно было заранѣе предвидѣть, что въ большинствѣ случаевъ тотъ или иной исходъ по вопросу объ отображеніи церквей будетъ зависѣть отъ первѣса въ извѣстной мѣстности материальной силы на той или другой сторонѣ. Такъ (за малыми исключеніями, обусловливаемыми особыми обстоятельствами) и было на самомъ дѣлѣ.

Петру Могилѣ предоставлена была кіевская митрополія, „при церкви святой Софії лежачая“. Кіево-Софійскій соборъ находился до того времени во власти уніатскаго митрополита Вельямина-Рутскаго, не жившаго въ Кіевѣ, но имѣвшаго здѣсь своего намѣстника Станислава Кореака.

Петръ Могила, послѣ своего посвященія на митрополію, возвращаясь въ Кіевъ, съ дороги разослалъ вліятельнымъ православнымъ лицамъ письма, въ которыхъ усиленно просилъ ихъ прибыть въ означенный городъ *для сопровожденія его при занятии митрополіи* и присутствованія при торжествѣ ея освященія,— чѣмъ, по словамъ Могилы, и ему доставлена будетъ „выгода“, и „тому святобливому акту“ придана соответствующая случаю обстановка. Очевидно, Петръ Могила опасался сопротивленій при отображеніи митрополіи со стороны латино-уніатской партіи, какое опасеніе могло увеличиваться предположеніемъ, что не всѣ кіевляне (разумѣемъ сторонниковъ Исаіи Копинскаго) сочувствуютъ его избранию на первосвятительскую каѳедру. Опасенія эти были преувеличены. Хотя отображеніе кіевской митрополіи отъ уніатовъ совершилось путемъ и немирнымъ, но состоялось еще до пріѣзда Петра Могилы въ Кіевъ, и онъ съ торжествомъ могъ вступить во св. Со~~dochodzić, iakoby w wodzie głubokiej zguby szukać~~ Votum na seym wolny Warszawski, pro ultima dieianuarii w roku 1635 przychodzący, jasnie wielmożnego Mikołaja Spytkę Lięzy, z Bobruki na Brzezowie, kasztelana Sandomierskiego, Bielskiego et caet starosty w Krakowie 1635 r.).

фію безъ всякихъ сопротивленій¹⁾). Возбужденные противъ П. Могилы процессы отъ имени уніатского митрополита и его клеветовъ, по поводу „насильственного“ отобрания отъ нихъ Кієво-Софійского собора съ приписанными къ нему церквами и угодьями, не были опасны для нашего митрополита²⁾). Унія не имѣла прочныхъ корней въ Кіевѣ и едва влачила здѣсь свое существование. И нравственный, и материальный перевѣсъ въ этомъ городѣ всецѣло былъ на сторонѣ православныхъ. Притомъ означенные процессы не имѣли прочной юридической подкладки. Кієво-Софійский соборъ переданъ былъ Петру Могилѣ не только грамотою короля, но и дипломомъ, одобреннымъ всѣмъ сеймомъ. Правда, кромѣ св. Софії отобранны были у уніатовъ еще три кіевскія нагорныя церкви, не упомянутыя ни въ означенномъ дипломѣ, ни въ королевской грамотѣ Могилѣ на митрополію, именно: св. Николая Десятичного, св. Симеона и св. Василія,—но всѣ эти церкви принадлежали къ митрополіи кіевской (находились подъ патронатствомъ митрополитовъ) и съ переходомъ послѣдней къ православнымъ, естественно, должны были перейти къ нимъ. Затѣмъ, хотя упомянутыми документами не представлялось П. Могилѣ „добрь“, пріуроченныхъ къ кіевской митрополіи, и они должны были оставаться во владѣніи уніатского митрополита (взамѣнъ чего за Могилою оставалась архимандрія Кієво-Печерская и отдавались доходы Никольского монастыря), а между тѣмъ при занятіи митрополіи отобранны были и Софійские плацы въ Кіевѣ съ находившимися на нихъ крестьянами,—но эти плацы и не входили въ число упомянутыхъ добра. Это ясно видно изъ статей успокоенія, гдѣ говорится, что *вотчини митрополіи* должны оставаться за уніатскими митрополитами, самая же св. Софія Кіевская *съ крестьянами, живущими на плацахъ вокругъ нея, отдається во владѣніе православнаго митрополита*. Поэтому, хотя жалобы уніатовъ на П. Могилу и были сильно поддерживаемы ихъ покровителемъ, кіевскимъ воеводою, но, по указаннымъ выше обстоятельствамъ, практическаго значенія не имѣли.

Новоизбранному луцкому православному епископу Афанасію Пузинѣ королемъ предоставлены были особымъ актомъ, глухо упомянутымъ въ дипломѣ, Жидичинскій монастырь, села Теренки и Теремное, а для резиденціи церковь Пресв. Богородицы въ предмѣстьѣ г. Луцка. Всѣ эти „духовния бенефиція и добра“ находились до того времени во владѣніи уніатовъ. Въ Жидичинскомъ монастырѣ настоятельствовалъ Оранскій, а луцкая церковь иupo-

¹⁾ Кіевск. митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники т. I, стр. 550—551.

²⁾ Ibid. Прилож. №№ XC—XCI, стр. 540—548.

мінуты почестя приналежали луцькій уніатській єпископії. Передача Пузинѣ этихъ бенефіцій совершилась мирно, и никакихъ протестовъ со стороны представителей уніатської церкви не послѣдовало. Это случилось потому, что заботы короля во время коронаціи—склонить луцькаго уніатского єпископа Почаповскаго къ мирному соглашенію съ Пузиною и уступить послѣднему нѣкоторыя бенефіція уніатской єпископіи—увѣнчались успѣхомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ король въ грамотѣ, данной А. Пузинѣ. Здѣсь говорится, что добра Теренки „съ принадлежностями“ и Теремное, а также Пречистенская церковь на предмѣстьѣ въ Луцкѣ переданы Пузинѣ „za rozwoleniem u ustarcieniem хієдза Розароўskiego“¹). Не безъ согласія Оранскаго переданъ былъ Пузинѣ и Жидичинскій монастырь. Разумѣется, сказанное сомнѣнію не подлежитъ. Но представляется весьма странно и потому требующе разъясненія такая уступчивость со стороны Почаповскаго и Оранскаго, не менѣе другихъ уніатскихъ духовныхъ лицъ, дорожившихъ своими церковными бенефіціями. Чѣмъ была вызвана подобная уступчивость?—По нашему мнѣнію, уступчивость эта есть результатъ небезвыгоднаго для означеныхъ лицъ добровольнаго соглашенія съ православными, учиненного при посредствѣ Владислава IV. Мы думаемъ, дѣло происходило такимъ образомъ. Вслѣдствіе возстановленія правъ православной церкви въ томъ объемѣ, какъ оно проектировалось статьями успокоенія, положеніе, въ какое былъ поставленъ Почаповскій, было для него весьма нежелательнымъ. Въ означеныхъ статьяхъ говорилось: „Луцкое єпископство, съ кафедрою и со всѣми имѣніями, должно быть передано теперешнимъ луцкимъ владыкою Почаповскимъ владыкѣ неуниту, избранному обывателями волынскими, неунитами, и передано тотчасъ, какъ только послѣдній получитъ привилегію отъ короля на коронаціонномъ сеймѣ. Послѣ того Почаповскій, сохранивъ титулъ єпископа луцькаго, переселится въ Жидичинскій монастырь и будетъ владѣть имъ до своего перемѣщенія или смерти; преемникъ же его уніатской єпископъ уже не будетъ называться луцкимъ“. Правда, на коронаціонномъ сеймѣ статьи успокоенія не были утверждены въ полномъ ихъ видѣ, и въ томъ числѣ осталось безъ исполненія и предположеніе о перемѣщеніи въ Жидичинскій монастырь Почаповскаго. Но послѣдній, ознакомленный съ возрѣніями короля о вообще съ положеніемъ дѣль, не могъ не сознавать, что это только вопросъ времени и притомъ недалекаго. Поэтому, когда Владиславъ IV предложилъ ему пойти на добровольныя уступки

¹) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXVIII.

новоизбранному православным луцкому епископу, Почаповскій воспользовался этимъ и въ свою очередь заявилъ извѣстныя требованія отъ своего имени. Словомъ, онъ пожелалъ войти съ Владиславомъ IV и православными въ сдѣлку. Имѣемъ основаніе думать, что сдѣлка эта состояла въ слѣдующемъ: Почаповскій соглашался поступиться нѣкоторыми принадлежавшими ему бенефиціями Пузинѣ, но съ условіемъ, чтобы остальный „добра“ луцкой уніатской епіскопіи оставались за нимъ и онъ до своей смерти оставался епіскопомъ *statu quo*,—словомъ, требовалъ новой редакціи статей успокоенія *по отношенію къ себѣ*. Повторяемъ, что такая сдѣлка для Почаповскаго была небезыгодна. Но могли считать ее таковою и православные, и въ частности Пузина. Во 1-хъ, они получали довольно богатую Жидичинскую обитель и часть имѣній, принадлежавшихъ уніатамъ, и притомъ, что особенно важно, получали путемъ мирнымъ; во 2-хъ, преклонный лѣтъ Почаповскаго давали основаніе думать, что переходъ остальныхъ бенефицій луцкой епіскопіи въ ихъ владѣніе есть вопросъ недалекаго будущаго (въ чёмъ и не ошиблись). Въ подобное же соглашеніе православные, при посредничествѣ Владислава IV, вошли и съ Оранскимъ, которому королемъ обѣщано было соотвѣтствующее занимаемому имъ до толь положенію мѣсто,—каковое обѣщаніе королемъ тогда же на сеймѣ и было исполнено¹⁾. Надо полагать, что всѣ указанныя наими сдѣлки между заинтересованными лицами были оформлены посредствомъ соотвѣтствующихъ актовъ... Наше предположеніе, что изложенное дѣло происходило такимъ именно образомъ находить для себя подкрепленіе въ королевской привилегіи, которую на сеймѣ 1635 года подтверждены были статьи успокоенія. Въ этой привилегіи королемъ сдѣланы были нѣкоторыя отступленія отъ означенныхъ статей, и существеннѣйшія изъ нихъ касаются луцкой епіскопіи: именно, она со всѣми принадлежащими ей бенефиціями (кромѣ упомянутыхъ, уступленныхъ А. Пузинѣ въ 1633 году) оста-

¹⁾ „Подъ честь успокоенія порозненнаго народу русскаго, за счастливое елекція (и) коронація Его Королевской милости, взглядомъ затриманое архимондрии Жидичинсков конферований есть монастырь Святоаг Спаса въ Володимеру его милости отцу Пахомему Войне Оранскому и поданый есть правче (изъ протестаціи отъ имени Оранскаго противъ владимірскаго уніатскаго епіскопа, внослѣдствія „заѣхавшаго“ означенный монастырь и „отнявшаго“ его у Оранскаго вопреки королевскому привилею. См. гродскую Володимірскую книгу за 1631 г., хранящуюся въ Кіевс. Центральномъ Арх. подъ № 1001, л. л. 1091—1092.—„Наѣздъ“ на монастырь въ количествѣ 50 вооруженныхъ людей и отнятіе его случилось 1633 год, ноября 19-го. (Той же книги см. л. л. 34, 35 и 36).

валась за Почаповскимъ пожизненно и только по смерти его имѣла быть передана православнымъ (въ статьяхъ успокоенія—какъ мы видѣли—сказано, что она послѣднему должна быть передана немедленно). При этомъ король, допустивъ столь существенное отступление отъ прежняго, ствержденного его присягою постановленія, не дѣлаетъ относительно сего *никакихъ объясненій* (каковыя объясненія были бы необходимы, если предположить, что измѣненіе относительно луцкой епископіи вызывалось особыми, неизвѣстными православнымъ обстоятельствами); мало того, король находитъ возможнымъ заявлять, что онъ *пребываетъ върнымъ статьямъ успокоенія*. И сами православные, ревностно защищавшіе постановленія относительно своей церкви, состоявшія на конвокационномъ сеймѣ, не заявили протестовъ по поводу означеннаго королевскаго распоряженія. Все это, безъ предварительныхъ предполагаемыхъ нами соглашеній между заинтересованными въ дѣлѣ сторонами, было бы явленіемъ въ высшей степени страннымъ и положительно необъяснимымъ.

Для приведенія въ исполненіе королевскаго распоряженія объ отобраниі отъ униатовъ извѣстнаго количества церквей въ другихъ городахъ и передачѣ ихъ православному населенію назначены были особые комиссары, снабженныя соотвѣтствующими полномочіями. Православные, и во главѣ ихъ нашъ митрополитъ, прилагали всѣ возможныя старанія къ тому, чтобы дѣло это увѣнчалось желаемымъ для нихъ успѣхомъ.

Заботливость Петра Могилы въ данномъ случаѣ выражалась въ слѣдующемъ:

1) Онъ разсыпалъ грамоты православнымъ, въ коихъ, восхваляя ихъ стойкость въ праотцевской вѣрѣ и ободряя ихъ на дальнѣйшіе подвиги при борьбѣ съ противниками, *позволялъ и благословлялъ* отправлять богослуженіе въ тѣхъ церквяхъ, которыя, по распоряженію короля, будуть отобраны отъ „*апостатовъ*“ и возвращены имъ—православнымъ¹⁾). Этими грамотами имѣлось въ виду устраниТЬ могущее возникнуть въ средѣ православныхъ сомнѣніе,—возможно ли пользоваться церквами, „*оскверненными*“ въ предшествующее время униатами.

2) Уполномочилъ назначенныхъ королемъ комиссаровъ для передачи православнымъ церквей—князя Григорія Четвертинскаго и пана Семена Гулевича— занести въ гродскія луцкія книги списокъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, въ коихъ согласно постановле-

¹⁾ Рукоп. сборя., хранящійся въ Москов. Синод. типограф. Библ. № 1097—442; л. 19.

цю, состоявшемуся во время избирательного сейма, должно быть предоставлено православнымъ известное количество церквей¹⁾). Засенеие въ судебная книга означенного списка, не утвержденного на коронационномъ сеймѣ, имѣло цѣлью показать, что православные отнюдь не желаютъ отказываться отъ своихъ правъ на предназначенные имъ церкви, и что предстоящая передача, согласно распоряженію короля, нѣкоторыхъ, сравнительно со спискомъ, немногихъ церквей, составляетъ только частичное удовлетвореніе данныхыхъ имъ (православныхъ) на конвокационномъ сеймѣ по сему предмету обѣщаній.

3) Назначалъ изъ среды духовенства наиболѣе способныхъ лицъ, въ качествѣ своихъ представителей, присутствовать при передачѣ православныхъ церквей и вообще содѣйствовать успѣху въ этомъ дѣлѣ, давалъ имъ соотвѣтствующія инструкціи и полномочія²⁾), одобрялъ и поощрялъ православныхъ къ ревностной защитѣ пріобрѣтенныхъ ими правъ³⁾), посыпалъ вліятельнымъ людямъ и изъ противнаго лагеря письма. гдѣ, выставляя на видъ, сколько вреда принесли раздоры изъ-за религіозныхъ вопросовъ въ средѣ одного и того же народа, одной и той же братіи, просилъ ихъ содѣйствовать, согласно волѣ короля, успокоенію православныхъ и не дѣлать имъ затрудненій при предстоящей передачѣ церквей⁴⁾), — словомъ, какъ верховный представитель западно-русской церкви, принималъ самое живое и дѣятельное участіе по означеному дѣлу въ интересахъ православія.

Къ сожалѣнію, эти заботы П. Могилы и вообще всѣхъ православныхъ далеко не всегда сопровождались желаемымъ успѣхомъ. Сколько известно, только въ Могилевѣ всѣ предназначенные православныя церкви были безпрепятственно переданы имъ, не возбуждая протестовъ противной стороны⁵⁾). Послѣднее, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ того, что унія въ Могилевѣ не имѣла прочной опоры, и упомянутыя церкви не находились въ фактическомъ владѣніи уніатовъ (они были запечатаны). Но въ другихъ городахъ, гдѣ уніаты чувствовали подъ собою болѣе прочную почву, грамоты короля объ отображеніи у нихъ церквей вызвали въ средѣ ихъ сильное волненіе, и мы видимъ, что нѣкоторые комиссары, въ виду протестовъ со-

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLXVI.

²⁾ Рукоп. сборн., въ бібл. Кіево-печ. лаври, № 20, л. 30.

³⁾ Ibid. л. 10.

⁴⁾ Ibid. л. 27.

⁵⁾ Археogr. сборникъ докум. Сѣверо-Зап. Руси. т. II Записки игумена Ореста, стр. X).

сторони уніатовъ, не рѣшаются приводить въ исполненіе королевскаго распоряженія (во избѣжаніе — какъ иногда заявляли — кровопролитія), и церкви по прежнему остаются во владѣніи уніатскаго духовенства или же отбираются православными иными способами, уже послѣ отъѣзда слабосильныхъ (а иногда своей обязанности и не сочувствовавшихъ) исполнителей королевской воли; а въ иныхъ случаяхъ, когда комиссарами являются люди энергичные и притомъ отличавшіеся ревностью къ православію, хотя предназначенные королемъ церкви и передаются православнымъ, но вскорѣ послѣ отъѣзда комиссаровъ вновь захватываются уніатами.

Отмѣтимъ факты, подтверждающіе сказанное.

Въ Вильнѣ грамотою короля предназначены были къ передачѣ православнымъ двѣ церкви: св. Параскевы (Пятницкая) и св. Иоанна Предтечи, или, точнѣе, плацы этихъ церквей „съ принадлежностями“, такъ какъ самыя церкви представляли въ то время развалины. Но когда королевскій комиссаръ (Константинъ Евстаѳій Залѣскій), побуждаемый къ тому Виленскимъ Свято-Духовскимъ братствомъ, выѣхалъ на означенные плацы для передачи ихъ православнымъ, то встрѣтилъ на плацѣ Предтеченскомъ о. Николая Рубинского, уніатскаго пресвитера церкви св. Пречистой, а на Пятницкомъ — о. Сильвестра Котлубая, которые отъ своего имени и отъ имени митрополита (уніатскаго) воспротивились означенной передачѣ и въ этомъ смыслѣ вручили комиссару письменное заявленіе. Послѣдній неожелалъ воспользоваться предоставленною ему властью и (nie czyniæ żadney decyzii) ограничился тѣмъ, что о проишѣвшемъ донесъ королю; къ нему же обратиться за рѣшеніемъ двѣа предоставилъ и обѣимъ сторонамъ, назначивъ для сего опредѣленное время¹⁾.

Въ Минскѣ подлежала передачѣ православнымъ Свято-Троицкая церковь. Назначенный для сего королевскою грамотою комиссаръ — земскій писарь воеводства минскаго Христофоръ Володкевичъ — отнесся къ своей обязанности съ болѣшимъ вниманіемъ, неожели упомянутый Залѣскій, но встрѣтилъ энергичное сопротивленіе со стороны уніатовъ. Сначала представители уніатскаго духовенства въ Минскѣ заявили комиссару, что имъ якобы не выполнена судебная формальность: они поздно извѣщены объ отображеніи у нихъ церкви. Володкевичъ не вступилъ въ препирательство по этому поводу и вручилъ уніатамъ вторичное извѣщеніе о возложеніи на него порученіи, назначивъ для выполненія его новый срокъ

¹⁾ Собрание древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны и проч. ч. II №№ 94—95.

(26 іюля). Но когда въ назначенному времени онъ прибылъ въ Минскъ и вмѣстѣ съ судебными властями и православными—духовенствомъ и шляхтою—отправился къ Троицкой церкви, то встрѣтилъ здѣсь огромную толпу униатовъ и во главѣ ея—митрополичьяго намѣстника Игнатія Шоцовича, прокуратора минскихъ монастырей Іосифа Бокія, а также троицкаго священника. Многіе изъ униатовъ заняли преддверіе церкви (бабинецъ) и были вооружены. Когда комиссаръ прочелъ королевскую грамоту и на основаніи ея хотѣлъ передать церковь православнымъ, униаты не допустили его до этого („учинили явное сопротивленіе“) и вручили Володкевичу протестацію, предварительно громко прочитавши ее. Здѣсь они заявляли, что на коронаціонномъ сеймѣ статьи успокоенія не были утверждены, и сужденіе о нихъ отложено до будущаго сейма, а потому, хотя по этимъ статьямъ и предназначено передать неуніатамъ церковь въ Минскѣ, но исполненіе сего въ данный моментъ преждевременно. Православные (Петро-Павловскій игуменъ Феофилактъ Заяцъ) возражали, что статьями успокоенія предназначено распределить церкви въ городахъ между „неунитами и унитами“ соотвѣтственно численности тѣхъ и другихъ (*według proporcji*), но такъ какъ депутаты на коронаціонномъ сеймѣ не согласились на это, и окончательное рѣшеніе по данному вопросу отложено до будущаго сейма, то милостивый король, желая хотя отчасти удовлетворить просьбы православныхъ, приказалъ передать имъ, по крайней мѣрѣ, по одной церкви въ нѣкоторыхъ городахъ, каковое королевское распоряженіе и должно быть приведено въ исполненіе комиссаромъ.—Уніатскій игуменъ отвѣтилъ на это, что королевская грамота имѣютъ частный характеръ и, какъ выпрошенные *ad tale narrata, не обязательны для униатовъ*, причемъ присовокупилъ, что и предназначенная къ отобранію отъ нихъ Свято-Троицкая церковь сооружена ими, униатами, и, следовательно, уже по одному этому не можетъ быть передана православнымъ.—Это заявленіе вызвало оживленныя возраженія со стороны православныхъ, особенно по вопросу о томъ, кѣмъ сооружена была Свято-Троицкая церковь. „Не десять лѣтъ тому назадъ, а еще въ то время, когда обѣ унії не было и слышно“,—говорилъ Петро-Павловскій игуменъ,—„означенная церковь построена была нами—православными, и живы еще нѣкоторыя лица, которые ее строили; затѣмъ она сгорѣла и въ 1603 году возобновлена нами же“. Справедливость этихъ словъ удостовѣряли находившіеся въ толпѣ прихожане Свято-Троицкой церкви. Затѣмъ православные заявили, что о лживости заявленій униатовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ са-
мый „звонъ“, находящійся на Свято-Троицкой колокольни. На

Этотъ „звонъ“ находится надпись, гласящая, что онъ въ 1612 г. отлитъ въ Гданскѣ иждивенiemъ (nakładem) минскаго мѣщанина Михаила Савича при содѣйствіи прочихъ прихожанъ Свято-Троицкой церкви и отданъ на хвалу Божію *по обряду православному* (wzgladem posłuszenstwa patriarchi Konstantinopolskiego). Православные просили комиссара удостовѣриться въ справедливости сказанного ими: разсмотрѣть означенную надпись. Но когда тотъ поручилъ „возному генералу“ отправиться на колокольню съ означенною цѣлью, униаты оказали ему сопротивленіе и „замкнули звонницу“. Православные, опасаясь, чтобы противная сторона не уничтожила надписи на колоколѣ, просили комиссара „арестовать звонъ“: приставить стражу изъ прихожанъ, живущихъ около церкви, дабы они не допускали униатовъ дѣлать какія-либо поврежденія на звонѣ. Комиссаръ вновь приступилъ было къ передачѣ церкви православнымъ, но вновь встрѣтилъ со стороны униатовъ сильное сопротивленіе (stawszy z tumultem bronili y nie dopuszczali), а посему, опасаясь возмущенія и пролитія крови, ограничился составленіемъ соответствующаго происшествію акта и, выдавъ съ него копію, отослалъ его на благоусмотрѣніе короля¹⁾.

Въ Пинскѣ, согласно королевской грамотѣ, православнымъ имѣла быть переданной церковь св. Федора Тирона. Комиссаромъ для этого назначенъ былъ Федоръ Корсакъ (униатъ). Здѣсь королевское распоряженіе встрѣтило тоже протести со стороны униатскаго духовенства и опять подъ прикрытиемъ того предлога, что о передачѣ православнымъ означенной церкви не упомянуто въ дипломѣ, одобренномъ сеймомъ. Комиссаръ удалился, оставивъ церковь во владѣніи униатовъ. Но, очевидно, перевѣсь материальной силы въ Пинскѣ бытъ на сторонѣ православныхъ. Еще въ предшествовавшее царствованіе имъ удавалось, и не разъ, возвращать отъ униатовъ свою древнюю Феодоровскую церковь, хотя и не надолго. Теперь же сдѣлать это (воспользовавшись своею численностью) православные могли съ большимъ правомъ. Такъ они и поступили: когда на третій день послѣ отѣзда комиссара униатскій священникъ, по обычаю, въ третью часу утра отправился въ Феодоровскую церковь для совершенія богослуженія, онъ нашелъ ее отпертою и наполненною молящимися православными. На этотъ разъ уже униатамъ приходилось вчинять судебные иски противъ православныхъ²⁾.

¹⁾ Собрание древн. грамотъ и актовъ минской губ. № 95.

²⁾ Археогр. сборникъ документовъ Сѣверо-Запад. Руси. VI. № 82.

Повидимому, еще удачнее пошли было дѣла православныхъ въ Бѣльскѣ, гдѣ королевскою грамотою имъ предназначена была кѣмъ передача церковь Богоявленія, и въ Клещелахъ, гдѣ они должны были получить церковь св. Николая. Комиссаромъ для передачи означенныхъ церквей назначенъ былъ земской лупкій писарь Семенъ Гуловичъ Воютинскій, извѣстный своею ревностью къ православію и избранный уже православными однимъ изъ кандидатовъ на перемышльскую епископію. Послѣ предварительныхъ сношеній и переговоровъ съ Бѣльскими братчиками, Гуловичъ 24 іюля (по старому стилю) прибылъ въ Бѣльскъ и въ этотъ же день въ присутствіи митрополичьяго намѣстника о. Феофила (нарочито командированного сюда П. Могилою „для отысканія отъ униатовъ церкви“), многочисленнаго собранія дворянъ воеводства подляшскаго и мѣстныхъ обывателей, безпрепятственно отомкнулъ Богоявленскую церковь и передалъ ее „у привилегированному Бѣльскому православному братству со всею утварью и всѣми принадлежностями: школою, госпиталемъ, поповскимъ домомъ и церковными грунтами. Разумѣется, безъ протестовъ со стороны униатовъ дѣло не обошлось, но эти протесты, хотя „барзо злы и фальшивые“, на первыхъ порахъ были только письменные, и православные безпрепятственно стали отправлять богослуженіе въ возвращенной имъ церкви. Но радость ихъ была непродолжительна: въ ихъ владѣніи церковь находилась только пять недѣль. Владимірскій униатскій епископъ лично посѣтилъ Бѣльскъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью подготовить почву для противодѣйствія православнымъ, и затѣмъ прислалъ сюда своего намѣстника Симоновича, который, говорившись съ мѣстными униатскими протопопомъ, священниками и некоторыми членами магистрата, отправился въ костель и здѣсь произнесъ зажигательную рѣчь противъ православныхъ. Нафанатизированная толпа, запасшись оружіемъ, съ крикомъ и шумомъ подступила къ церкви Богоявленія, отбила церковные замки и передала ее во власть униатскаго духовенства¹⁾. Въ это время, надо полагать, произведено было сильное давленіе и на тѣхъ бѣльскихъ гражданъ, которые отреклись было отъ унії (принадлежа къ ней прежде наружно, страха ради іудеїска) и присоединились къ православію. Изъ письма бѣльскихъ братчиковъ къ Петру Могилѣ, написанному по означенному случаю, видно, что въ это время настали времена Сигизмундовскія: „новонарожденныхъ отрочать крестити (читаемъ здѣсь), хорихъ и хотячихъ со сповѣдати, мертвыхъ погребати, сильно намъ, правовѣрнымъ, (униаты) не допу-

¹⁾ Ibid. т. II. № 102—103. Рукописный Сбор. Жіево-печ. Лавры № 20, 1. 31.

сказуть, але до себе презъ мусъ гвалтовн з'пострахами привола-
ють и притягаютъ зъ неутоленными слезами нашими“¹⁾.

Тоже было и въ Клещеляхъ. Благополучно возвращенная пра-
вославнымъ чрезъ Гулевича Николаевская церковь, благодаря уси-
ліямъ того же Симоновича, вновь была отнята у нихъ (запечатана)²⁾.

Сопротивленіе оказано было комиссарамъ при исполненіи ими
королевскаго распоряженія о передачѣ православнѣй церквей и въ
нѣкоторыхъ другихъ городахъ, напр., Гроднѣ, Слонимѣ, Новогруд-
кѣ, Сокалѣ, Красноставѣ и др.³⁾.

Всѣ эти протесты, независимо отъ упомянутой нами слабости
королевской власти въ Польшѣ, были слѣдствіемъ усилившагося фа-
натализма ультра-католической партії, которая, враждебно относясь
къ политикѣ новаго царствованія по вопросу о религіозной вѣро-
терпимости, настригала всѣ усилия къ тому, чтобы воспрепятствовать
осуществленію добрыхъ начинаній короля. Какъ на образчикъ по-
добыхъ усилий, разсчитанныхъ вожжечь пламя религіозной нетер-
пимости въ сердцахъ „добрѣхъ“ униатовъ и католиковъ, указемъ
на „казанья“ придворнаго проповѣдника Фабіана Бирковскаго, про-
изнесенный имъ на конвокационномъ сеймѣ 1632 года и тогда же
запечатанныя, а затѣмъ два раза изданіемъ повторенные и въ
1633 году, причемъ на этотъ разъ съ особымъ посвященіемъ уни-
атскому митрополиту Вельямину Рутскому. Въ означенныхъ казань-
яхъ Бирковскій, принадлежавшій къ ордену Доминиканскому, но
котораго іезуиты, по всей справедливости, могли считать *своимъ*
*присынмъ*⁴⁾, — не обинуясь говорилъ, что права, дарованныя пра-

¹⁾ Рукоп. Сбор. Киево-печер. Лавры, № 20; л. 31.

²⁾ Древніе акты Холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. му-
зеѣ) кн. I.

³⁾ Ibid. О Красноставѣ см. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I. т. VI. № CCLXXI.

⁴⁾ Іезуитъ Адамъ Маковскій въ своемъ казаньи, произнесенномъ 10 декабря
1636 г. при погребеніи Фабіана Бирковскаго (*Obraz Wieliebnego ouca Fabiana Bier-
kowskiego z zakonu Dominika swi?tego doktora, wystawiony na kazaniu po-
grobewnym, et caet. Krakow 1637 r.*), указавъ на тѣсныя связи почившаго съ орде-
номъ іезуитовъ, — восклицаетъ: „W?asnie noster iest... w Athenach snadz? aboli w
Kzumie, r?ag pacholat na podz?i wystawiono bylo, oba ro?nych rodzicow u z miasta
inszego, a iednak tak sobie wzrostem, mow?, chodem, obyczayami u urodz podob-
nych, ze kto imio? i nazwisk ich nie wiedzial, rzecz byla nie podobna, aby iednego
od drugiego rozezna?.. Amicus, powiedzial ieden, alter ego, co sie między nami u
oucami nalaz?o, a w osobie ouca Fabiana prawie dobrze wykonteferowa?o“ (Ка-
занье Маковскаго перепечатано въ изд. *Biblioteka Polska*, ser. па рок 1859, zeszyt
36, 37, 38, 39, но ст. нѣкоторыми, весьма незначительными, впрочемъ, уклоненіями
отъ подлинника и съ измѣненіемъ ореографіи. По первому изданію приведенное
нами място находится на стр. 7 и 8).

вославнимъ, не имѣютъ юридического значенія, коли скоро на дарование ихъ согласились *не все католики*. Поэтому православные (и диссиденты) напрасно торжествуютъ. „Niceſcie — говорилъ онъ, обращаясь къ нимъ — nie wygrali, marnie sa triumfy waszi“. Дерзость и фанатизмъ проповѣдника не знаютъ предѣловъ: они просятся до того, что онъ въ безумномъ ослѣпленіи отваживается сравнивать религію диссидентскія, а въ томъ числѣ и *православную*, съ *непотребными учрежденіями*, терпимыми только по причинѣ человѣческой распущенности! (Jako miasta niektóre próznych domów dla swawolnych ludzi dopuszczają, non tam libenter, quam reverenter, tak waszych religiy luterskich i kalwinskiх i arianiskich i nalewajkowskich¹⁾).

Разумѣется, казанья Бирковскаго не единственный примѣръ подобныхъ отнosiеній къ православной церкви. Предшествовавшее царствованіе — царствованіе іезуитовъ въ дѣлахъ по вопросамъ религіознымъ — воспитало не мало изувѣровъ, считавшихъ православіе „проклятою схизмою“, искорененіе которой представлялось однимъ изъ самыхъ достопочтенныхъ и богоугодныхъ дѣлъ.

Неудивительно поэтому, что несмотря на королевскія грамоты, ограждающія православныхъ отъ прѣтензій, вспышки латино-уніатскаго фанатизма противъ „схизматиковъ“ были возможны даже и тогда, когда, повидимому, не затрагивались материальные интересы латино-уніатовъ, какъ при отобраніи церквей; одна изъ такихъ вспышекъ, напоминающая собою времена Сигизмундовскія, из-

¹⁾ О exorbitancyach, kazania dwoje przeciwko niewiernym, heretikom, odsczepencom u nowim politikom, wierze w katolickiej Rzymiekiej u duchownstwu nieprzyjaciolom.. Первое изданіе (безъ посвященія Рутскому) перепечатано въ изданіи: *Biblioteka Polska. Seria na r. 1859, zeszyt 36—39.* Изданія 1633 г. посать слѣдующее заглавие: Exorbitancye Ruskie z Grekow odsczepencow, heretyckie z konfederatow. Казанія dwoie. (Krakow. 1633). Въ посвященіи Рутскому Бирковскій говоритъ, что бывши на сеймахъ пренія приводить ему на мысль судъ передъ Соломономъ между двумя матерями, жившими въ одномъ дому, во „не въ однихъ обычаяхъ“. Дурная мать, задушивши собственного ребенка, замѣнила его живымъ другой матери и усиливалась доказывать на судѣ, что она ея собственная; а когда премудрый Соломонъ, съ цѣллю узнать дѣйствительную мать живого ребенка, предложилъ судившимся разсѣчь его на двое, ложная мать кричала: *не тебъ, не минъ; сѣките его на двое*. Разумѣется, по Бирковскому, дурною матерью оказывается православная церковь, которая обѣими ужъ ногами стоитъ въ пекѣ и рождаетъ только мертвыхъ дѣтей, а между тѣмъ стремится отнять у св. увіа ея достояніе, требуетъ, чтобы отъ уніатовъ отобраны были церкви, епископіи, митрополія, архимандріи... Для чего это дѣлается? спрашивается Бирковскій,— и даетъ слѣдующій отвѣтъ: *Solus ut in vacua regnet basiliscus arena.*

вѣстна.—24 мая 1634 года въ Луцкѣ католики совершили церковную процессію по случаю праздника Тѣла Господня. Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ православномъ монастырѣ, принадлежавшемъ луцкому братству, не производилось церковнаго звона, отцы іезуиты луцкой коллегіи со множествомъ своихъ слугъ и другихъ участвовавшихъ въ процесіи лицъ (всего человѣкъ до ста), съ саблями, ружьями, кольями, камнями, ворвались въ монастырскій дворъ и, раздѣлившись на партіи, производили здѣсь буйства и опустошенія. Одни, взобравшись на колокольню, забили въ колокола (чрезъ что толпа папистовъ еще болѣе увеличилась), другіе ворвались въ церковь, опрокидывая здѣсь подсвѣтчики, срывая завѣсы и т. п., третій вторглись въ училище, богадѣльню, братскія кельи, били и увѣчили всѣхъ попадавшихся подъ руку — учениковъ, богадѣльныхъ старцевъ и старицъ и поповъ,—причемъ избить былъ самъ игуменъ, у многихъ выбиты были зубы, подбиты глаза, а у учителя Босынского отрубленъ палецъ на правой рукѣ. Во время этого буйства разбиты два сундука съ деньгами, которая и были похищены. Значительно пострадали и самыя монастырскія зданія. Буйства въ Луцкѣ продолжались и въ слѣдующіе дни: сдѣлано было нападеніе на домъ одного православнаго, православныхъ, показывавшихся на улицахъ, схватывали, били и сѣкли, причемъ одинъ дворянинъ, служившій при дворѣ Пузины (православнаго луцкаго епископа), былъ замученъ до смерти¹⁾.

Служалось, что и сеймовое постановленіе (дипломъ), коимъ предоставлялось православнымъ епископамъ „пользоваться всѣми своими правами и обязанностями надъ всѣми ненаходящимися въ увѣї“, — встрѣчало сопротивленіе со стороны рѣянныхъ приверженцевъ папизма. Извѣстна жалоба луцкаго епископа Аѳанасія Пузины на жену виленскаго воеводы Анну Ходкевичъ, урожденную княжну Острожскую, характеризующая положеніе православныхъ, находившихся подъ властью владѣльцевъ папистовъ (по отношенію къ церквамъ, находившимися въ ихъ владѣніяхъ, такъ называемыхъ *патроновъ*). Пузина заявляетъ, что онъ позванъ былъ княземъ Чарторыйскимъ въ г. Корецъ для погребенія княжны Серафимы, игумены Корецкой, каковое и совершилъ. Узнавъ, что въ то время прибыла въ Корецъ и Анна Ходкевичъ, епископъ сдѣлалъ ей визитъ („вроженной людскости звѣчайный поклонъ“) и, пользуясь случаемъ, просилъ „воеводину“ дозволить ему произвести ревизію церквей, находившихся въ ея владѣніяхъ, о чемъ ходатайствуютъ его пасомые, долго не имѣвшіе своихъ архипастырей, и на что онъ, согласно со-

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи. ч I. VI. №№ CCLXXVIII, CCLXXVI.

изволенію короля и Рѣчи Посполитой, имѣть полное право. Но Ходкевичъ, въ присутствіи многочисленныхъ бывшихъ у нея въ то время именитыхъ гостей, не дала епископу просимаго позволенія: „визитовать и ревидовать заборонила“ и сдѣлала распоряженіе— „мѣсто свое и церкви замыкать и печатовать“, а также: „особамъ духовнымъ и светскимъ послушенство отдавать (Пузинѣ) заказала, за епископа и пастыра имъ (православнымъ подданнымъ) належнаго визнавать заборонила, до церквей, такъ въ местахъ, яко селахъ своихъ будучихъ, не пускатъ и можно боронить казала“. Дѣйствительно, когда А. Пузина, прибывъ въ Острогъ, хотѣлъ произвести ревизію въ мѣстной каѳедральной церкви, оказалось, что церковныя принадлежности изъ нея были, по приказанію Ходкевичъ, забраны, самая церковь запечатана шестью печатами и къ ней приставлена денная и ночная стражи. Не допущенъ былъ Пузина до ревизіи и другихъ церквей, находившихся въ г. Острогѣ¹⁾.

Въ это время самъ П. Могила получилъ огорченіе, и оттуда, откуда, повидимому, его ожидать было нельзя. Состоялось королевское распоряженіе о закрытіи Винницкой школы, основанной митрополитомъ, по всей вѣроятности, въ половинѣ 1634 года, и объ низведеніи коллегіи Кіевской на уровень низшаго учебнаго заведенія. До насъ дошли три письма отъ имени короля по означенному предмету: одно къ самому П. Могилѣ (отъ 29 октября 1634 г.), другое къ винницкому старостѣ (отъ того же числа) и третье къ воеводѣ кіевскому (27 ноября 1634 г.).

„Напоминали твоей велебности—писалъ король нашему митрополиту—и напоминали строго, чтобы болѣе не позволяль себѣ превышенія правъ и дарованными пользовался скромно. Таково однако велебности твоей послушаніе, что доселѣ воли и приказанія нашего, къ великому прискорбию нашему, не выполнилъ. Посему приказываемъ велебности твоей, чтобы, не дожидаясь другого письма и не обращаясь къ намъ ни съ какимъ разъясненіемъ, тотчасъ же и латинскую типографію и школы латинскія уничтожилъ (zniosl) такъ, чтобы ихъ ни въ Кіевѣ, ни въ Винницѣ и ни въ какомъ иномъ мѣстѣ не было. И если это безъ всякаго промедленія, тотчасъ же на самомъ дѣлѣ не будетъ исполнено, и школы съ типографіею не будутъ уничтожены, знай о томъ, велебность твоя, что мы прикажемъ инстигатору нашему выдать мандаты, и непослушаніе велебности твоей,—всѣдѣствіе котораго, по наущеніямъ чернцевъ, бунты и своееволія въ Винницѣ происходятъ,—строго будемъ карать. Сверхъ того приказываемъ велебности твоей, чтобы чернцевъ

¹⁾ Ibid. ч. I. т. VI. № CCLXII.

Деанасія Івашкевича, игумена Варлаама Литопольского и Христофора Кальнофойского непремѣнико отозвалъ и тотчасъ оттуда, какъ бунтовщикамъ, привезъ “¹⁾.

Въ письмѣ къ Винницкому старостѣ король пишетъ: „Мы удивляемся, что вельможность твоя, имѣя отъ насъ ясное и опредѣленное предписаніе, не выполнилъ нашей воли, вслѣдствіе чего своеvolie въ Винницѣ чѣмъ далѣ, тѣмъ болѣе увеличивается. Поэтому желаемъ и напоминаемъ вельможности твоей опредѣленно, дабы по полученіи нашего письма безъ всякаго уже промедленія и отсрочки въ латинскія школы, открытые схизматиками безъ нашего вѣдома и воли, а напротивъ, вопреки приказанію, — тотчасъ закрыть и ни подъ какимъ видомъ не допускаль ихъ существованія въ Винницѣ. При этомъ желаемъ, дабы вельможность твоя поукротилъ и уничтожилъ своеvolie ихъ учениковъ: ибо мы не хотимъ, чтобы студенты отцевъ іезуитовъ и сами отцы претерпѣвали отъ нихъ угнетеніе и неудобства (*angarie u niewczas*) о чѣмъ и самъ, въ твоя, по заботишися и чинамъ своимъ (*urzędowi swemu*) строго накажешь“ ²⁾.

¹⁾ Wladyslawa IV, krola polskiego... listy i inne pisma urzadowe, ktore do znakomitych w kraju meżow z kancelaryi krolewskiej wychodziły. Z rekopismow zebrał Ambro. Grabowski. Krakow. 1845 г. Грабовской не указывает источниковъ; откуда извлечены или издаваемые документы. Восполнимъ этотъ пробѣлъ: они цѣлакомъ и въ томъ же порядке перепечатаны имъ съ рукописи, хранящейся въ Краковскомъ Университетѣ подъ № 94, гдѣ означенная грамота помѣщена на стр. 28—29. Въ рукописи она помѣчена данной изъ Томашевъ, а у Грабовскаго — изъ Львова. Разумѣется, въ данномъ случаѣ отступление Грабовскаго отъ подлинника обусловливалось тѣмъ, что 29 октября 1634 года Владиславъ IV былъ во Львовѣ (онъ прибылъ сюда 26 октября и пробывъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ, — см. *Ramiegniki Radziwiłla*, I, str. 223 и 225); но дѣлать такія отступленія отъ источниковъ отнюдь не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе безъ оговорокъ. Въ данномъ случаѣ указаніе на составленіе грамоты въ Томашевѣ, гдѣ король въ означенное время не находился, можетъ быть объясняемо не ошибкою со стороны составителя письма, что, очевидно, предполагалъ Грабовскій, а иначе, именно, что письмо составлено по проискамъ латино-упiatской партіи *kanclerzem* королевскому, даже — можетъ быть — безъ вѣдома короля. Въ означенныхъ письмахъ обращаетъ вниманіе также то, что П. Морица не называется (не титууется) митромонитомъ, а только *archimandritomъ*: пріемъ (относительно уменія титуловъ православныхъ іерарховъ, т. е. какъ бы непривычнія за ними ихъ сана), нерѣдко практиковавшійся латино-упiatской партіею и вызывавшій энергичные протесты со стороны православныхъ. (См. относительно сего гродс. Владим. книгу, хранящуюся въ Кіевѣ. Центр. Архивъ, № 1004, л. 1140).

²⁾ Ibid. По рукоп. стр. 28—29. Письмо тоже помѣчено: даннымъ изъ Томашевъ, а Грабовскимъ опять поправлено, какъ и прежде (см. предшествующее примѣчаніе).

Въ письмѣ къ Кіевскому воеводѣ говорится: „Получивъ извѣстіе, что *архимандритъ* въ кіевскомъ, волынскомъ, также брацлавскомъ воеводствахъ школы латинскія открылъ, напоминали ему, чтобы онъ непремѣнно закрылъ ихъ. Но онъ воли и приказанія нашего не исполнилъ, напротивъ, еще болѣе подобныхъ же школъ устроилъ (wieczej tychże szkoł stanowi). Не мало такой его поступокъ огорчаетъ насть, ибо не имѣть относительно сего никакого позволенія отъ насть, но долженъ довольствоваться русскими школами. Поэтому требуется отъ вельможности твоей предварительно его извѣстить, напоминая, дабы оставилъ свои намѣренія и школы латинскія непремѣнно закрылъ. Если же окажется упорнымъ, тогда ждаемъ, чтобы в. твоя возвращалъ имъ шириться, а о тѣхъ, которыхъ постановлены имъ, помимо нашего приказанія и воли, извѣстилъ бы его, что имѣшь отъ насть приказаніе уничтожить ихъ“¹⁾.

Подобныя распоряженія отъ имени короля, повидимому идущія въ разрѣзъ съ его благосклонностью къ православнымъ, могутъ быть объясняемы, съ одной стороны, неопределенностью сеймового постановленія относительно православныхъ школъ, а съ другой—усиленною агитаціею латино-уніатской партіи противъ могиланскихъ коллегій. въ коихъ она, не безъ основанія, видѣла сильнѣйшее противъ себя оружіе. Въ дипломѣ о дозволеніи православнымъ имѣть школы упоминалось глухо, безъ обозначенія учебной программы ихъ, а особой грамоты относительно своей коллегіи Могилою получено не было. Между тѣмъ заботы митрополита сравнять кіевскую коллегію въ учебномъ отношеніи съ коллегіями католическими и устройство новой школы въ Винницѣ, тоже съ расширеннымъ кругомъ преподаванія, вызвали усиленную тревогу среди латино-уніатовъ и сочтены были за *своеголіе*, въ чемъ, по мнѣнію „добрыхъ“ католиковъ, небезвѣнъ былъ самъ король, „явно покровительствовавшій схизматикамъ“. О Могилѣ паписты стали распространять слухъ, что онъ вступилъ иль связь съ еретиками-лютеранами и кальвинистами, открываетъ новые латинскія школы въ трехъ воеводствахъ, вопреки диплому (гдѣ предоставается право православнымъ имѣть школы, которыхъ были уже у нихъ *in posessione*, и притомъ русскія, ибо не сказано *explicite*: *szkoły łacińskie*²⁾), что наставники и ученики могиланскихъ школъ производятъ буйства, угнетаютъ студентовъ коллегій іезуитскихъ (въ Винницѣ) и т. п. Словомъ, ультра-католическая партія усиливала выставить просвѣтительную дѣятельность П. Могилы, направленную къ благоустройству устроенныхъ имъ коллегій,

¹⁾ Ibid. по рукоп. стр. 55.

²⁾ Exegesis... С. Коссова. 1635 г., стр. 28.

какъ дѣло и *противозаконное* (съ юридической точки зрења), и для католического государства крайне опасное. Подъ давлениемъ этого шума король и вынужденъ былъ подписать, очевидно, изготавленныя въ его канцеляріи упомянутыя письма.

Но какъ королевскія распоряженія, благопріятствовавши православнымъ, не исполнялись—если была къ тому какая-либо возможность,—точно такъ не было исполнено митрополитомъ приказавшее короля, испрошенное латино-уніатами, относительно закрытия Кіевскихъ и Винницкихъ школъ, въ защиту которыхъ по означенному дѣлу, по приказанію Могилы, издано было цѣлое сочиненіе, вышедшее изъ-подъ пера префекта кіево-могилянской коллегії С. Коссова (*Exegesis..* изд. 1635 г. въ Кіевѣ).

Въ это время—время разгара религіозныхъ страстей—нашимъ митрополитомъ составлено, въ утѣшениѣ и ободреніе православныхъ, замѣчательное молитвословіе *обг умирениіи православной церкви*, которое вскорѣ (въ 1634 году) въ распространенномъ видѣ напечатано было въ типографіи Кіево-Печерской Лавры, подъ заглавiemъ: *Параѳимія*. Молитвословіе это—какъ плодъ религіознаго воодушевленія П. Могилы, взвинченаго борьбою съ иновѣріемъ, характеризуетъ переходное (еще не вполнѣ опредѣленное) положеніе западно русской церкви и свидѣтельствуетъ о надеждахъ, питаемыхъ православными на заступничество нового короля.

Представляемъ яѣсколько выдержекъ изъ означенного молитвословія:

„Боже, Боже нашъ, призри съ высоты святаго жилища твоего и *виждь озлобленіе*, еже отъ сопротивныхъ церкви твоей належащее, умилосердись на нищету ея и изми ю воскорѣ отъ рукъ ихъ и съврѣшеннѣ умири ю, молимъ ти, услыши и помилуй.

Царю праведный и Господи господствующихъ, волныхъ ти ради страстей и живоносныя смерти и погребенія, и животворнаго въскресенія твоего, *совѣтъ благъ о вѣрѣ православнѣй и о святѣ твоей соборнѣй церкви въ сердце цареви и всѣхъ предстоящихъ ему въ полати всади и мирная и благая о ней всегда глаголати устрой, и еже воскорѣ съврѣшеннѣ ю умири и совѣтуй*,—приложно молимътись, услыши и помилуй.

Боже и Творче и Содѣтелю нашъ, не помяни нашихъ беззаконій первыхъ, ище бо и согрѣшихомъ, но не отступиши отъ тебе, Бога нашего, не воздѣхомъ руки наша къ Богу чуждему, тебе молимъ и тебе мился дѣвемъ, *призри на раба твоихъ, труждущихся о умирениіи церкви твоей святыхъ*, и простиъ имъ и намъ всякое согрѣшеніе волное и неволноѳ, ниспосли на нихъ

благодать и даръ пресвятаго ти Духа, *вз еже подати имъ силу и крѣпость и слово во устахъ, еже моющи сопротиви-тись всмъ сопротивляющимся церкви его святый, и благопо-лучинъ побѣдити ихъ*, — рцемъ вси: Господи услыши и воскорѣ помилуй.

Еще молилися о благочестивыхъ рабѣхъ Божіихъ (имя рекъ) о еже Господу нашему укрѣпить и утвердить ихъ во службѣ своей и подати имъ силу и крѣпость Духа своего Пресвятаго во побѣду на вся противляющіясь церкви его святый и во потребленіе злочестія ихъ.

Господи Боже, Спаситель нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущимъ на морѣ далече, молимтися: утверди, помилуй и благослови новоизбраннаго царя нашего Владислава, и *вз сердцѣ его мирнаѧ и благая о церкви твоей и всѣхъ людяхъ твоихъ всегда благолати и съвершенню умиротвори и во прѣзвое благополучіе и благочиніе украсити сътвори*, во дніахъ его всему царству благочиніе, миръ и благоденствіе подаждь, людемъ твоимъ здравіе, воздуховъ благораствореніе, плодовъ земныхъ умноженіе и времена мирнаѧ даруй.

Обручивъ себѣ невѣсту церковь, возмущенную нынѣ отъ враговъ отступныхъ, причистыхъ ти ради страстей, яже того ради человѣколюбій претерпѣлъ еси, отъ озлобленія ихъ избави и вскорѣ умири, — молимтися, услыши и помилуй.

Раны, зашуніа, оплеванія и поносная уничиженія церкви ради своей волею претерпѣвый, отъ волковъ хищныхъ нынѣ возмущенную и отъ безбожныхъ отступныхъ гонимую, тую нынѣ отъ сихъ злодѣйства избави и вскорѣ умири, — молимтися, Владыко святый, услыши и помилуй¹⁾.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Собственоручными записки И. Могилы, вполнѣ напечатанные нами въ I ч. т. VII Архива Юго-Зап. Россіи (приведенные нами места си. на стр. 167—170).

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

„Я доло разсуждалъ и по многомъ испытаниі себя увидѣль, что не могу представить на театръ сюта никакого лица удачно, кроме простого, беспечнаго и уединеннаго; я сімъ роль выбрали, взялъ и доволенъ“.

Гр. Сав. Сковорода.

I.

Предварительныя замѣчанія.

„Пусть судить всякий, какъ хочетъ, а по моему такъ философъ Хома стоитъ философа Сковороды“¹). Эти заключительныя слова, брошенныя какъ-бы мелькомъ Бѣлинскимъ при разборѣ повѣсти Гоголя „Вій“, невольно вспоминаются теперь, когда недавнее юбилейное торжество Г. С. Сковороды въ 1894 г., (по случаю исполнившагося столѣтія со времени его смерти) нѣсколько воскресило доброе и забытое имя украинскаго философа.

Украинскій философъ!... Можно было подумать, что столь рѣдкое явленіе издавна привлекало вниманіе нашихъ изслѣдователей и читающаго общества. Ничуть не бывало. Философъ Хома далеко популярнѣе философа Сковороды. Перваго у насъ

¹) Сочин. Бѣлинскаго, изд. Солдатенк. и Щелк. т. 1 стр. 325.

знаетъ всякий школьникъ, а о второмъ—въ литературѣ заговорили лишь въ 1894 году и заговорили какъ-то торопливо, неувѣренно.

Въ свое время Сковорода очень интересовалъ собою общество. Послѣ смерти его (1794 г.) возникла цѣлая литература какъ о личности философа, такъ и о его философіи. Многіе изъ писателей старались выяснить личность Григорія Саввича и рассматривали философа подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія. Не перечисляя работъ о Сковородѣ, скажемъ только, что въ первой половинѣ XIX в. писали о немъ очень многіе: Гась-де-Кальве, Вернетъ, Коваленскій, И. Снегиревъ, Хиждеу, Срезневскій, Баталінъ, Вс. Крестовскій, арх. Гавріль, Данилевскій, Аскоченскій. Личностью Сковороды интересовались Костомаровъ, пр. Иннокентій и др. Съ начала XIX в. и до 61 года можно насчитать до 30 печатныхъ произведеній разныхъ авторовъ, касающихся Сковороды. Такое количество работъ по тому времени говоритъ само за себя. Критико-бібліографической обзоръ этихъ работъ можно найти въ первой части вступительной статьи проф. Багалія о Сковородѣ, приложенной къ сочиненіямъ философа („Сочин. Сковороды“ стр. I—LXIII. Харьковъ 1894 г.). Отмѣтимъ лишь общую особенность всѣхъ этихъ трудовъ—страстность тона въ сужденіяхъ о философѣ. Кажется, эта особенность была обусловлена свѣжестью живыхъ воспоминаній о немъ. На работахъ авторовъ, писавшихъ о Сковородѣ въ первой половинѣ XIX в., слишкомъ явно отражается впечатлѣніе, произведенное философомъ.

Съ 1861 г. и до 90-хъ годовъ о Сковородѣ ничего почти не говорятъ въ печати. Правда, Н. ѡ. Сумцовъ напечаталъ въ „Кiev. Стар.“ (за 1886 г.) „Житіе Сковороды, составленное другомъ его М. И. Коваленскимъ“; но появленіе этого замѣчательного въ своемъ родѣ литературнаго памятника не вызвало въ обществѣ интереса къ забытой личности философа.

Похороненный, такимъ образомъ, въ архивныхъ складахъ 60-хъ годовъ, Сковорода почивалъ съ своей философіей въ покойной области исторического забвенія до 90-хъ годовъ. Лишь

случайные каталоги антикварной книжной торговли сохраняли его имя для памяти потомству.

Совершенно независимое отъ людскихъ побужденій обстоятельство воскресило память забытаго философа—столѣтній юбилей со дня его смерти. Историческій календарь сохранилъ подъ 29-мъ октября 1894 г. ремарку—смерть Гр. Савв. Сковороды. Новымъ открытиемъ забытаго философа русское общество обязано Харьковскому историко-филологическому обществу и, въ частности, члену этого общества, профессору Багалѣю, который въ своемъ сочиненіи „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“ указалъ на нѣкоторое значеніе Сковороды для харьковскаго края и на приближеніе столѣтія со времени его смерти. Тотъ-же профессоръ вошелъ въ ученое общество съ предложениемъ о собраніи и юбилейномъ изданіи трудовъ философа. Предложеніе это было единогласно принято историко-филологическимъ обществомъ, „среди членовъ котораго, по словамъ проф. Багалѣя, снова пробуждается интересъ къ личности и сочиненіямъ Сковороды“ (Сочин. Сковор., I.). Кто-же послѣ этого можетъ винить публику, если она не помнитъ стараго философа? Кстати сказать, забывать нашихъ лучшихъ людей прошло—наша особенность, почти национальная привычка, которую не могутъ исправить никакіе уроки минувшаго. Припомнимъ, напр., Лобачевскаго, русскаго оригинального математика, котораго разыскали въ томъ-же 1894 году и открытие котораго было тоже для общества сюрпризомъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но припомнилось, что дѣйствительно былъ на свѣтѣ такой философъ и оставилъ послѣ себя нѣкоторое „духовное наслѣдіе“... Принялись за открытие и исследованіе этого наслѣдія, раскопали рукописи, сняли копіи. Харьковское историко-филологическое общество приняло на себя изданіе сочиненій Сковороды, поручивъ редакцію ихъ г. Багалѣю, который имѣлъ полное право сказать: «только теперь мы открыли Сковороду». Со времени юбилея появился цѣлый томъ сочиненій Гр. Савв. Сковороды, изданныхъ Харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ: „Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собраныя и редактированыя проф. Д. И. Багалѣ-

емъ". Юбилейное издание (1794—1894 гг.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. (Харьковъ. Типогр. губернск. правл. СXXXI+132+352).

Г-жъ Ефименко едва-ли не первой принадлежитъ честь открытия философа для нашей публики. Въ своихъ двухъ статьяхъ: „Личность Гр. Сав. Сквороды какъ мыслителя“ („Вопр. фил. и псих.“ кн. 25) и „Философъ изъ народа“ („Недѣля“ 1894 г. 1 кн.) она сдѣлала попытку выяснить личность Сквороды и общій смыслъ его міросозерцанія. Статьи г-жи Ефименко не претендовали, впрочемъ, на всестороннее изъясненіе украинскаго философа. Давая общую посильную характеристику философа, авторъ возвлажалъ надежду на юбилей. Г-жа Ефименко думала, что „юбилей освѣтить болѣе или менѣе полно эту туманную, но несомнѣнно даровитую и чрезвычайно интересную фигуру“.

Г. Зеленогорскій въ своей статьѣ: „Філософія Григ. Савв. Сквороды, українського філософа XVIII в.“ („Вопр. філ. и псих.“ 1894 г. кн. 23) представилъ попытку систематического изложе-
нія філософемы Сквороды. Далѣе, г. Лебедевъ пытался генети-
чески выяснить богословскую сторону філософскихъ идей Сково-
роды въ статьѣ: „Скворода—какъ богословъ“. (Вопр. філ. и
псих.“ 1895 г., мартъ).

Указанные статьи представляютъ собою рефераты, читан-
ные въ разныхъ обществахъ. На основаніи ихъ были составлены
легкіе біографические очерки філософа въ другихъ журналахъ:
въ „Мірѣ Божіемъ“ статья С. Р., въ „Трудахъ Кіевск. Духов.
Акад.“, въ „Нивѣ“ и др.

Совершенно особнякомъ стоитъ замѣтка г. Нетушкила въ
„Філос. Обозр.“ т. VII о Сквородѣ, какъ лингвистѣ.

Явившіяся вслѣдъ затѣмъ частныя статьи о Сквородѣ въ
„Кіевлянинѣ“, „Кіевск. Словѣ“, „Южномъ Краѣ“, „Одесск. Нов.“
и, вообще, въ южныхъ газетахъ, представляютъ собою резюме
и перифразъ указанныхъ выше статей съ болѣе или менѣе субъ-
ективно-авторскимъ освѣщеніемъ старого материала.

Лучшія работы о філософѣ далъ проф. Багалѣй, спеці-
ально занявшійся изученіемъ рукописей, оставшихся послѣ фі-
лософа. Его перу принадлежитъ обширный историко-критический

очеркъ, предпосланный изданію сочиненій Сковороды (стр. I—СXXXI). Продолженіемъ этого очерка служить статья того же профессора: „Украин. филос. Григорій Савв. Сковорода“ (въ „Кievsk. Стар.“ 1895 г. I и II).

Вотъ, кажется, и все, что было написано о философѣ въ юбилейный годъ. Юбилей не пролилъ желанного свѣта на эту „туманную фигуру“. Если же пролилъ, то слишкомъ недостаточно для окончательнаго сужденія о философѣ.

Два обстоятельства препятствуютъ объективному изученію философа.

Первое изъ нихъ—недостатокъ біографическаго матеріала въ собственномъ значеніи этого слова. Дѣло въ томъ, что сохранившимся о Сковородѣ свѣдѣніямъ нельзя довѣрять безусловно. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ тщательной критической проверки. Біографическій матеріалъ о Сковородѣ прошелъ сквозь призму или личныхъ впечатлѣній (какъ записка Коваленскаго въ „Кiev. Стар.“ 1886 г. кн. IX), или сантиментальныхъ воспоминаній о Сковородѣ (какъ біографія, составленная Г. П. Данилевскимъ „Основа“ 1861 г.). По этимъ свѣдѣніямъ справедливѣе можно заключать о томъ, какъ общество относилось къ Сковородѣ, какое впечатлѣніе производилъ на украинскихъ образованныхъ людей этотъ философъ, чѣмъ о томъ, какъ дѣйствительно жилъ и мыслилъ философъ.

Второе обстоятельство—недостатки метода въ изслѣдованіи о Сковородѣ. Намъ представляется, что писавшіе о Сковородѣ слишкомъ увлекались тенденціей объяснить философему Сковороды вліяніемъ на него то писателей древности, то новѣйшихъ рационалистовъ. Къ длинному перечню авторитетовъ, вліявшихъ на Сковороду (въ числѣ этихъ авторитетовъ есть и Сократъ, и Платонъ, и Діогенъ, и Піеагоръ, Орягенъ Александрійский, Лейбницъ и др.) обыкновенно дѣлается приписка, что мысли этихъ умовъ были усвоены Сковородой вполнѣ самостоятельно и применены къ жизни соответственно съ духомъ времени, въ которое жилъ Сковорода. Методъ историческихъ параллелей—методъ мало благодарный по отношенію къ философу, который оцѣни-

вается и долженъ цѣниться, главнымъ образомъ, крѣпостью само-бытнаго мышленія.

Изученіе нашего философа сложилось какъ то странно. До юбилея—обстоятельства его жизни были извѣстны болѣе, чѣмъ его философскія возврѣнія. Послѣ юбилея—его ученіе взяло явный и рѣшительный верхъ надъ его біографіей.

Такимъ образомъ, нашему философу, случайно выплывшему для своего юбилея изъ тьмы исторического забвенія, опять грозитъ отставка, забвеніе, быть можетъ, до слѣдующаго юбилея. Пусть такъ! Противъ факта не пойдешь. Но всякое дѣло требуетъ подсчета. Юбилей Гр. Сав. Сковороды, оживившій на время интересъ къ этой личности и вызвавшій рядъ разрозненныхъ статей, нуждается въ подсчетѣ, въ нѣкоторомъ итогѣ. По пробуемъ подвести эти итоги въ видѣ посильной характеристики этого чудака—философа.

II.

Біографія Сковороды. Его дѣтство, воспитаніе. Путешествіе заграницу.

Воспитаніе Григорія Саввича было начато природой. И неудивительно. Онъ родился въ живописномъ уголкѣ Малороссіи (1722 года), въ с. Чернухахъ, Лубенского округа. Его первыми учителями были „вишневый садокъ“, кленовые рощи и заливы, которыми была богата его родная рѣчка Многа, живописно извивавшаяся около родныхъ сель Сковороды—Хорсики и Чернухи. Кажется, это былъ вначалѣ некрасивый, худощавый и болѣзненный мальчикъ. Съ годами онъ выровнялся и поправился, физически окрѣпнувъ на лонѣ природы. Еще ребенкомъ онъ привыкъ быть съ однимъ собой и всецѣло довѣрился впечатлѣніямъ. Съ тѣхъ поръ какъ Грыць сталъ на ноги, онъ пропадалъ по цѣлымъ днамъ. Любимымъ его занятіемъ было засѣсть гдѣ либо въ уединенномъ мѣстѣ и играть на дудкѣ. Этотъ непріятязательный музыкальный инструментъ, который въ цоль-часа могъ сдѣлать изъ сырой лозы всякий парень на сель,

открылъ маленькому Грыцю міръ звуковъ; а пѣвець птицъ, тихій роготъ потока и еле слышное дыханіе вѣтра ввели систему въ изученіе этого сложнаго міра, развили его музыкальный слухъ и открыли ему такія тайны, которыми едва ли научили бы его простые родители козацкаго рода. Мальчикъ рано началь жить сердцемъ. Неприглядная трудовая жизнь родныхъ, дрязги и разныя нестроенія, которыми такъ богата хозяйственная жизнь всякаго простолюдина, рано пробудили въ немъ сердечныя эмоціи... А природа обострила эти эмоціи и придала имъ грустный, элегическій оттѣнокъ. На „хлопця“, по обыкновенію, не обращали никакого вниманія. Крестьяне обращаютъ вниманіе на дѣтей лишь тогда, когда послѣднія могутъ составить въ семье рабочую силу. Мальчикъ былъ предоставленъ самому себѣ. И онъ сталъ быстръ и подвиженъ, какъ козакъ, рассказы о которомъ онъ слышалъ въ дѣтствѣ, элегиченъ и задумчивъ, какъ тихая заводь его родной рѣчки. Дѣтскія путешествія по окрестностямъ родного села воспитали въ Сковородѣ ту страсть къ передвиженію, которая впослѣдствіи составила отличительную черту его жизни. Мальчика все интересовало, но не все было ему понятно. И онъ часто обращался за распросами къ взрослымъ по тому или другому вопросу. Чего не могли объяснить старшіе, то подсказывала ему природа, чего не могла объяснить природа, до того доходилъ постепенно его умъ, обнаруживавшій замѣчательную быстроту соображенія; а чего и умъ не могъ понять, о томъ онъ задумывался съ истинно-малороссійскимъ упорствомъ. Впослѣдствіи онъ искалъ отвѣтъ на свои недоумѣнныя вопросы въ книгахъ и посвятилъ имъ всю свою жизнь. „Изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ, вспоминаетъ о себѣ Сковорода, тайная сила и маніе влекли меня къ нравоучительнымъ книгамъ“.

Въ мальчикѣ ясно обозначился меланхолический темпераментъ,—основной темпераментъ малоросса, привыкшаго жить за одно съ природой. Казалось, рощи, поля, луга, по которымъ бѣгалъ маленький Грыць, протестовали противъ дальнѣйшаго искусственно-школьнаго воспитанія своего питомца и говорили: „оставьте намъ это дитя!“ Но вышло не такъ. Родители были

глухи къ этому голосу и предназначили своего сына къ духовному званію. По словамъ его біографа Коваленского, Григорій Саввичъ „на седьмомъ году отъ рожденія примѣтенъ быль склонностию къ богочтенію“... „Въ церковь ходилъ онъ самоохотно и пѣвалъ отмѣнно пріятно“. „Козацкій хлопецъ на крилоси и спивае разомъ за дьякомъ“—лучшой аттестації для деревенского мальчика въ то время не могло существовать. Это создавало лучшую репутацію въ деревнѣ, и на мальчика, должно быть, указывали какъ на отмѣченного самою природою. „Зъ Грыця выйде розумный чоловикъ“, безъ сомнѣння говорили въ Чернухахъ. Грыць слушалъ эти лестные отзывы о себѣ и, быть можетъ, раньше, чѣмъ слѣдовало, считалъ себя уже необыкновеннымъ человѣкомъ, предназначеннymъ для особенной жизни.

Время шло. Дьячекъ, учившій любознательнаго Грыця разными начальными премудростями по примитивнѣйшему методу, посовѣтовалъ родителямъ отдать его въ кіевскую бурсу, одно название которой въ то время звучало очень назидательно. Козацкія дѣти въ то время часто поступали въ кіевскую бурсу. Да и въ самомъ дѣлѣ, какому „батьку“—козаку не хотѣлось, чтобы его сынъ вышелъ въ старшины или поин? А для этого необходимо было образованіе. И мальчика, опьяненнаго природой, воздухомъ, свѣтомъ, ароматомъ полей и луговъ, мальчика, для которого свобода буквально стала закономъ существованія, посадили въ темную, мрачную комнату съ черными, какъ длинные гробы, скамьями, на которыхъ бурсаки вырѣзывали старымъ гвоздемъ всевозможныя глупости изъ своего недензурнаго лексикона, передававшагося по преданію отъ поколѣння къ поколѣнню. Посадили, сообщили ему правила казенної инструкції для обувданія свободы и заставили изучать разные „квестіони и дефініції“. Мы не знаемъ, какъ учился въ бурсѣ Сквороды, но известно, что наука, которой его учили бакалавры кіевскіе, была сложной наукой и особенно такою она должна была казаться чернуховскому Грыцьку послѣ полей, луговъ и дудки. До сихъ поръ на него все и весь дѣйствовали прямо и непосредственно. Теперь все нужно было разграничить по пунктамъ, по разрядамъ, статьямъ, тезисамъ, делинсаціямъ.

Самая простая мысль представлялась не просто, а разбивалась на punctum primum, secundum, tertium и т. д., argumentum primum, secundum и т. д., conclusio prima, secunda и т. д. Чернуховский Грыцько познакомился съ такими понятіями, какъ entitas, quidditas (чточество) и быть можетъ философствовалъ на любимую въ то време бурсаками тему: quo anni tempore mundus sit creatus, id est, quae pars anni tunc fuerit, verne an aestas, an autumnus, an hiems,—т. е. въ какое время года сотворенъ міръ:—лѣтомъ или осенью или зимой? и т. п. Такіе квестіоны были тогда въ модѣ, на нихъ воспитывались умы въ XVIII в. Одинъ изъ польскихъ визитаторовъ школъ западнаго края, быть можетъ, былъ не совсѣмъ неправъ, когда назвалъ киевскую академію того времени сатирой „gorzumъ ludskiego“¹⁾). Впрочемъ, не одними „квестіонами“ занимался Григорій Саввичъ.

Онъ основательно изучилъ древніе и новые языки. Первые открыли ему доступъ въ сокровищницу древней классической мысли; вторые впослѣдствіи дали ему возможность разумно путешествовать по Европѣ.

Впечатлѣнія дѣтства остались неизгладимыми. Скворода и въ киевской академіи не оставилъ музыки. Вопросы у него превратились въ „квестіоны“, а дудка—въ флейту. При томъ же Грыць недурно пѣлъ. Въ бурсѣ онъ еще болѣе усовершенствовалъ свой голосъ.

Въ 1745 году довелось киевскому бурсаку, которому оставалось учиться еще два года, побывать въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго пѣвчаго императрицы Елизаветы, любительницы малороссовъ и пѣвчихъ. Это было время славы Разумовскихъ. Придворнымъ пѣвчимъ малороссамъ жилось тогда недурно.

Знатные малороссійскіе паны за честь почитали имѣть своихъ сыновей въ придворной капеллѣ. Притомъ же придворные пѣвчіе могли всегда имѣть движеніе впередъ, ио протекціи.

Скворода однако не долго пробылъ въ шумномъ столичномъ городѣ. Издавна замѣчено, что бурсакъ, а пѣвчій въ осо-

¹⁾ М. Владимирскій-Будановъ. Исторія Кіевск. універ. стр. 11.

бенности, относится пренебрежительно, свысока ко всему, что носить иной, не бурсацій оттвнокъ.

Около трехъ лѣтъ пробылъ Сковорода въ качествѣ придворнаго пѣвчаго и вернулся изъ столицы разочарованныйпустотой столичной жизни. Онъ прибылъ въ Кіевъ продолжать свой академический курсъ. Есть известіе, что въ академіи Сковорода ревностно занимался еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ языками, упражнялся въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословії.

Въ Кіевѣ архіерей соблазнялъ его духовнымъ званіемъ. Сковорода, чуждый карьеризма, отказался отъ предложения. Но преосвященный должно быть слишкомъ настойчиво предлагалъ ему священный санъ,—Сковородѣ ничего не оставалось, какъ прикинуться чудакомъ. Если вѣрить одному изъ его біографовъ, онъ началъ заикаться, дѣлать разныя чудачества. По всей вѣроятности, онъ не дурно сыгралъ свою роль, потому что его оставили въ покой. Скоро онъ совсѣмъ оставилъ академію, убѣдившись, что высшее въ то время духовно - учебное заведеніе распространяло кругомъ себя гнилое знаніе сколастики. Ему открылась возможность жить где угодно. Для его свободолюбивой натуры это было дороже всего.

И Сковорода—за границей. Его давно тянуло туда. Чернуховская обстановка не нравилась ему. Она не могла удовлетворить его широкихъ запросовъ мысли. Юношѣ страстно хотѣлось посмотретьъ, какъ живутъ и мыслятъ другіе народы. А рассказы о западѣ были такъ заманчивы, увлекательны. Замѣчено, что „малороссовъ никогда не пугала Европа“ (Ефименко), но не у многихъ малороссовъ хватило бы смѣлости путешествовать по чужимъ краямъ съ одною палкою въ рукахъ да съ котомкой за плечами, какъ это дѣлалъ Сковорода.

Путешествующій украинецъ—это, безспорно, прямое уклоненіе отъ национального типа малоросса, известнаго своею неподвижностью и домосѣдствомъ и издавна считающаго, „что за селомъ бабы влادутъ прачи на небо“. Но Сковорода былъ исключительная натура. На ряду съ строго-национальными чертами

малоросса, онъ умѣлъ соединить самобытную предпріимчивость, проявить личныя оригиналныя черты.

Обстоятельства благопріятствовали планамъ Сковороды. Русскій генералъ-маіоръ Вишневскій отправлялся, по порученію двора, къ токайскимъ садамъ въ Венгрію и пожелалъ взять съ собой для находившейся въ Венгріи православной церкви пѣвца, способнаго къ церковной службѣ. Ему былъ рекомендованъ Сковорода. Григорій Саввичъ съ восторгомъ отправился за границу, хотя и съ условіемъ падѣть дьяческій стихарь въ грекороссійской церкви въ Офенѣ. Впрочемъ, онъ не долго былъ дьячкомъ. Дьяческій подрясникъ, быть можетъ, послужилъ для него лишь удобнымъ костюмомъ для болѣе безопаснаго путешествія по Западной Европѣ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ путешествовалъ по Венгріи, Польшѣ съ большимъ запасомъ любознательности и очень тощимъ кошелькомъ. Такого рода путешествія съ цѣлью самообразованія не представляли тогда въ Западной Европѣ чего либо особенно оригинальнаго. Две страны, по сообщенію Гасъде-Кальве, особенно привлекали вниманіе Сковороды—Італія и Германія. Страна Цицерона, Сенеки и Катона тянула его къ себѣ своей музыкальностью, роскошью природы. Италія—гробница древней славы—правилась ему еще и своими знаменитыми руинами, памятниками прежняго величія. Во второй—ему были по душѣ теоретическій анализъ и критицизмъ нѣмцевъ. На лонѣ восхитительной, романтической, горной природы Италіи онъ искалъ пищи своему чувству. Холодный, разсчетливый нѣмецъ съ своей въ то время абстрактной философией удивлялъ его глубиной и широкимъ захватомъ мысли. Онъ говорилъ, что любилъ Германію почти какъ родину. Впрочемъ, болѣе точный въ своихъ извѣстіяхъ бiографъ Сковороды (Коваленскій) говоритъ только объ Австріи и Венгріи, какъ мѣстахъ путешествія философа.

Какъ и слѣдовало ожидать, онъ не удовлетворилъ своихъ запросовъ и за границей. Эти запросы были по существу своему такого характера, что въ сущности ихъ не могла удовле-

творить никакая страна. Скворода вынесъ лишь убѣжденіе, что вездѣ люди какъ люди: есть добрые, есть и злые.

Онъ не искалъ, подобно Діогену, людей со свѣчкою; „его добрая душа находила, что міръ сей и въ великому своемъ развратѣ питаетъ еще много добрыхъ смертныхъ“ (Гасъ-де Кальве). Въ общемъ, онъ пришелъ къ выводу, что вездѣ „богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ, глупость предпочитаютъ разуму и шутовъ награждаютъ, вездѣ развратъ нѣжится въ мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ“. Чтобы всесторонне и опытно убѣдиться въ этой простой истинѣ, для этого стоило, конечно, побывать за границей. Священное недовольство росло въ немъ больше и больше. Неизвѣстно, какъ долго продолжалось-бы его путешествіе, если бы онъ не затосковалъ на далекой чужбинѣ по родинѣ. Это обстоятельство круто измѣнило маршрутъ его европейскаго путешествія, и Скворода, не задумываясь, повернулъ назадъ—въ Чернухи. Дорога была не близкая. Но путешественникъ былъ негребователенъ и твердо положился на крѣпость своихъ ногъ. Врожденная страсть къ мыслительному анализу и меланхолическое настроеніе были его надежными спутниками, облегчавшими тяжесть пути.

III.

Возвращеніе изъ за-границы на родину. Путешествіе Сквороды по разнымъ мѣстамъ. Педагогическіе опыты Сквороды. Его неуживчивость. Скворода и Коваленскій.

Конечно, въ Италии, въ Римѣ не мало новинокъ удалось видѣть Сквородѣ. Будетъ о чемъ порассказать. Но что онъ увидѣть новаго на родинѣ, въ Чернухахъ?

Послѣ длиннаго пути изъ-за холмовъ ему весело замахали крылья родныхъ „вѣтряковъ“. Еще усиление, еще холмъ—и панорама роднаго села открылась ему въ знакомомъ, все томъ же неизмѣнномъ видѣ. Вотъ—„церква“, и куда до нея базиликѣ рим-

скаго Петра? Развѣ тамъ такие сады? А рѣка Многа съ затонами, „де три вербы склонилися“ надъ привязанными къ нимъ „човнами“!.. Развѣ могутъ Тибръ и Дунай идти въ сравненье? Развалины родныхъ сѣноваловъ и амбаровъ, накренившихся отъ времени, были симпатичнѣе для него развалинъ знаменитыхъ каракальскихъ башнъ и исторического амфитеатра... Въ восторгѣ, навѣянномъ привязанностью къ родинѣ, Сковорода готовъ былъ цѣловать родную землю. Онъ не пошелъ сразу въ село, а посѣтилъ прежде родное кладбище, гдѣ увидѣлъ много могильныхъ кургановъ и съ грустью узналъ среди новыхъ небожителей въ-которыхъ своихъ близкихъ и дорогихъ лицъ.

Пожилъ Сковорода на родинѣ, но не долго... Онъ скоро соскучился. Что ему дѣлать въ Чернухахъ? Сфера узко-практическихъ интересовъ, въ которые были погружены его земляки, была такъ чужда Сковородѣ. А силь у него—много; является потребность такого или иного ихъ приложенія... Съ другой стороны, привычка къ мысли, къ аналитическимъ наблюденіямъ, воспитанная путешествіями, такъ сильно сказывается въ Сковородѣ, что ему ничего не остается, какъ опять взять въ руки свой „журавель“-палку и отправиться по свѣту искать занятій и пищи своему уму.

Онъ оставилъ Чернухи и пошелъ путешествовать изъ села—въ село, изъ уѣзда—въ уѣздъ, изъ губерніи—въ губернію... Послѣ пѣшаго путешествія по заграничнымъ, чужимъ государствамъ, хожденіе по родной землѣ не представляло для него особыхъ препятствій и затрудненій. Въ своей свиткѣ съ откладнымъ мѣшкомъ („видлогою“), пришитымъ къ вороту для защиты отъ дождя и вѣтра, съ узелкомъ за плечами, въ которомъ хранилась его флейта и двѣ-три книжки, съ неизмѣнной палкой въ рукахъ, бодро пошелъ онъ—веселый и здоровый—по лицу родной земли съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, что всѣ люди братья и что они не дадутъ человѣку—кто бы онъ ни былъ—умереть съ голода. „Добрый человѣкъ, говоривъ онъ, вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду дасть ему земля безъ платы, а лишнее не нужно“. Къ кому онъ шелъ? Кому онъ нуженъ былъ? Всѣмъ. Нуженъ онъ былъ священнику, потонувшему въ тинѣ механи-

чески исполняемыхъ требъ, чтобы встражнуть его заплѣсневѣлый умъ трезвымъ богословскимъ вопросомъ и напомнить ему о его призваніи. Нуженъ онъ былъ писарю, чтобы напомнить ему, что не одинъ онъ „письменный“ человѣкъ въ деревнѣ; пахарю-мужику, чтобы ободрить его въ тяжеломъ трудѣ; молодежи, чтобы поиграть ей на флейтѣ или спѣть какую чибудь пѣсню; строитѣвому самодуру-помѣщику, чтобы во-время остановить его расходившуюся руку, отъ которой трепетала жена, семейство и прислуга; и всѣмъ вообще, чтобы разскaзать о своемъ путешествiи, подѣлиться впечатлѣнiями заграницкой жизни и доказать на опытѣ полуграмотному обществу, что „философъ не есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги“, надъ которыми лишь „чудятся“, а человѣкъ, побуждающiй людей „къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего“, и „въ любомудріи опытномъ раздирающiй ризу высокоумствующихъ“. Съ каждымъ Сковорода умѣль поговорить. Въ каждомъ умѣль вселить „возбужденную борьбу мыслей“.

Онъ направился собственно въ Харьковъ, но попалъ въ Переяславль. Съ нимъ это случалось и ему было въ сущности совершенно безразлично, бытъ ли въ Переяславлѣ, или въ Харьковѣ. Ему нужны были только новая мѣста и слушатели. Но визна мѣста удовлетворяла его страсти къ любознательности, собиранiю свѣдѣнiй. Слушатели удовлетворяли его потребности учительства—тратѣ свѣдѣнiй. Сковорода не могъ довольствоваться однимъ лишь внутреннимъ сознанiемъ идей. Ему нужно было проявлять ихъ, обнаруживать предъ кѣмъ-бы то ни было.

Сковорода—учитель семинаріи. Это случилось неожиданно, какъ и многое въ жизни этого замѣчательного человѣка. Въ Переяславлѣ, „городѣ изрядномъ и довольно многолюдномъ“, гдѣ была въ то время многолюдная семинарія (до 700 учащихся), Сковородѣ предложили мѣсто семинарскаго учителя поэзіи. Онъ принялъ предложеніе и уже написалъ специально для учениковъ „Руководство о поэзії“, теоретическія положенія котораго подтверждалъ составленіемъ собственныхъ пѣсанопѣнiй. Но скоро переяславльскому профессору поэзіи пришлось убѣдиться, что умственныя дарованія и интеллектуальное превiущество надъ

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

окружающими не даютъ еще права на официальное обладаніе этими преимуществомъ. „Руководство“ Сковороды показалось либеральнымъ семинарскому начальству, и архіерей Никодимъ Сребницкій предложилъ автору измѣнить сочиненіе. Особено либеральнымъ казалось предпочтенье, оказанное Сковородой имѣbamъ Ломоносова предъ силлабическими стихами Симеона Попоцкаго. Предложено было автору исправить „Руководство“ и слѣдоватъ старинѣ. Сковорода не согласился. Отъ него потребовали „письменного отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ Консисторію“. Это вмѣшательство мѣстнаго епископа въ его педагогическая занятія вызвало раздоры. Запальчивое изреченіе Сковороды: „alia res spectrum, alia res plectrum“, высказанное имъ по адресу епископа, стоило ему мѣста. „Не живяше посредь дома моего, творай гордыню“, отвѣтилъ епископъ тоже изречениемъ, и Сковорода изгнанъ былъ изъ Переяславльского училища.

Сковорода—частный репетиторъ. Его рекомендовали одному просвѣщенному и гуманному, но щеславному и кичливому помѣщику Томарѣ для занятій съ его сыномъ. Съ точки зрењня современного „пана“ это былъ довольно таки странный учитель—въ камотовомъ кафтанѣ, не подчинявшійся этикету, не заискивающей и не унижающейся. Все еще шло сносно до поры до времени, пока учитель не обозвалъ своего ученика за какой то неудачный отвѣтъ мыслителемъ съ свиной головой. Прислуга донесла родителямъ о непочтительномъ обращеніи репетитора съ „родовитымъ шляхетскимъ сыномъ“—и Сковородѣ отказали отъ мѣста. Томара, не говорившій все время со Сковородой, лишь при прощаніи удостоилъ его словами: „Прости, государь мой! Мне жаль тебя!“ Подобными неудачами „нужда обрабатывала въ немъ сердце полезнѣйшее и насыяла въ немъ сѣмена терпѣнія“.

Оставшись безъ мѣста, „безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды“, Сковорода зашелъ въ одному своему пріятелю, переяславльскому сотнику, должно быть „на пустынножительство“. Но по случаю, игравшему такую видную роль въ жизни Сковороды, попалъ неожиданно въ Москву вмѣстѣ съ

какимъ-то Калиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ Московской академії.

Въ Троице-Сергіевої Лаврѣ ему предлагали сдѣлать переводъ Лівія и предоставляли мѣсто преподавателя при лаврскомъ училищѣ. Но Сковорода, разозливши монаховъ своими саркастическими замѣчаніями на счетъ ихъ благоутробія, предпочелъ удалиться обратно въ Малороссію, куда его влекла тоска по родинѣ. Для дальнѣйшаго насажденія „сѣмянъ терпѣнія“ судьба вторично опредѣлила его домашнимъ учителемъ у Томары, который, распростишись со Сковородой, скоро пожалѣлъ о немъ и просилъ своихъ знакомыхъ во что-бы то ни стало разыскать Григорія Саввича, когда онъ появится опять въ Малороссіи. Рассказываютъ, будто одинъ знакомый привезъ къ Томарѣ Сковороду въ сонномъ состояніи, ночью.

Быть можетъ філософъ былъ въ это время и подъ хмѣлемъ. Извѣстно, что онъ „не дурень бувъ и выпиты“. Иногда это не противорѣчило его філософскимъ убѣждениямъ. Вино развязываетъ языкъ, а Сковорода любилъ одушевленно поговорить. Съ другой стороны, нельзя было не выпивать, живя въ странѣ, гдѣ повсюду на ряду съ вѣтряками стояли примитивной конструкціи винокурни. Сковорода остался вѣренъ особенностямъ своего времени и среды. Цыанией онъ, впрочемъ, никогда не былъ. Такое утвержденіе шло-бы совершенно въ разрѣзъ съ біографическими свѣдѣніями о Сковородѣ. Никто не могъ, конечно, поставить ему въ упрекъ его по временамъ проявлявшуюся слабость къ выпивкѣ. А если бы кто и поставилъ, онъ могъ-бы отвѣтить словами Пушкина, сказанными относительно Байрона: „толпа въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ—могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ и мы, онъ мерзокъ—какъ и мы! Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ, но не такъ какъ вы, иначе“.

Жизнь Сковороды въ это время пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе ровное и спокойное теченіе. Сковорода погрузился въ природу, вошелъ во „вкусъ къ свободѣ... въ уединеніи, но безъ разстройки съ самимъ собою“. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна

онъ вставалъ обыкновенно до зари, чтобы привѣтствовать во всякое время года восходъ солнца, въ честь которого онъ составилъ мистико-пантеистический, восторженный гимнъ. Шѣть онъ всегда любилъ. Его любимой церковной пѣсни было ирмосъ Иоанна Дамаскина: „Образу златому на полѣ Деирѣ служиму“. Этую пѣснь онъ пѣлъ всегда, „по нѣкоему махинальному побужденію“. Пищу онъ предпочиталъ больше растительную, и то послѣ захода солнца; мяса и рыбы не любилъ. Гуляль всегда пѣшкомъ. Для прогулокъ выбиралъ уединенныя мѣста. По замѣчанію бiографа, онъ былъ въ это время „весель, бодръ, подвиженъ, выдержанъ, благодушествующій, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученіе и почитителенъ“. Оказывается, еще Сковорода былъ на той „первой ступени“, которую, съ легкаго слова Л. Н. Толстого, съ такимъ энтузіазмомъ проповѣдуютъ вегетаріанцы. Разница между Сковородой и современными вегетаріанцами въ томъ, что первый не кичился своимъ безмяснымъ столомъ и не проповѣдавъ о безъудобномъ питаніи, какъ объ основномъ моральномъ законѣ.

Заведенного порядка своей жизни Сковорода не измѣнилъ и тогда, когда получилъ, благодаря ходатайству своихъ знакомыхъ, должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1759 году. Это была своеобразно-аскетическая жизнь. Она такъ напоминала монашескую, что представитель духовенства, имѣвшій ближайшее отношеніе къ коллегіуму, настойчиво предлагалъ ему монашество. „Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте“, отвѣтилъ ему Сковорода и изложилъ ему свой взглядъ на монашество, послѣ чего ему оставалось принять напутственное благословеніе и удалиться изъ коллегіума, не проживши въ немъ и года.

Съ неразлучнымъ „журавлемъ“ въ рукахъ, узелкомъ и болтавшимися „чоботами“ за спиной, въ своей сѣрой свиткѣ вышелъ бѣдный, ничего неимѣющій учитель Харьковскаго коллегіума изъ шумнаго города, не ощущая въ душѣ своей ни грусти, ни упрековъ совѣсти. Ему было легко и весело. Сознаніе свободы, независимости отъ людскихъ дрязгъ и пересудъ доставляло ему царственные минуты покоя и удовлетворенія. Предъ

нимъ были открыты всѣ дороги. Ему улыбался весь міръ. Онъ понялъ, что „ходя по землѣ, слѣдуетъ обращаться въ небесахъ“, и стала наставывать на своей флейтѣ импровизацію на эту тему, смущая встрѣчныхъ своимъ видомъ и настроениемъ и наблюдала „различныхъ охоты житія человѣческаго по разнымъ мѣстамъ“.

Но окончательно успокоился Сковорода только у одного своего пріятеля въ глухой живописной деревнѣ Старицѣ (близъ Бѣлгорода), въ которой уединенно привялся за свой любимый самоанализъ.

Свои идеи, какъ результатъ философскаго настроенія, онъ излагалъ въ формѣ діалоговъ-размышленій и иногда записывалъ ихъ въ формѣ писемъ для памяти и для свѣдѣнія отсутствующимъ друзьямъ.

Но ему не долго пришлось оставаться въ покоѣ. Онъ несъ уже за собой слишкомъ извѣстный всѣмъ слухъ, славу. О немъ вездѣ говорили. Его стали навѣщать ближніе и отдаленные помѣщики и искать знакомства.

Скоро онъ снова очутился въ Харьковѣ въ качествѣ домашняго учителя юноши Коваленскаго, котораго стала учить добродѣтельной жизни, истинѣ и музыкѣ и ради котораго рѣшился снова принять въ училищѣ должность учителя синтаксиса и греческаго языка. Сковорода полюбилъ Коваленскаго и такъ привязался къ нему, что дѣлалъ его даже участникомъ своихъ странностей.

Порою, позднимъ вечеромъ уходили они вдвоемъ на загородное кладбище и тамъ, при возбуждающей обстановкѣ могильной картины, среди безмолвныхъ надгробныхъ памятниковъ и разрытыхъ въ пескѣ отъ вѣтра могиль, разговаривали о есте ственному исходѣ всякаго существованія на землѣ и о „безумномъ страхѣ“ людей при видѣ мертвыхъ. Эти неурочные разговоры иногда прерывались пѣніемъ Сковороды или игрой на сопилкѣ, которую онъ усовершенствовалъ такъ, что могъ передавать на ней переливы голоса пѣвчихъ щитцъ, и которую неизмѣнно носилъ съ собой.

Въ августѣ 1764 года для продолженія наблюденія надъ „различными охотами житія человѣческаго“ онъ прибылъ съ

своимъ ученикомъ Коваленскимъ въ Киевъ. Здѣсь учитель старался развить своего ученика объясненіемъ ему различныхъ церковныхъ древностей. Здѣсь ему опять предлагали монашество, „уловляли святыней“ и предсказывали ему, что онъ будетъ „столбомъ церкви“. Но Сковорода отказался. „Я столбовъ умножать не хочу“, отвѣчалъ онъ инокамъ. „Довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ въ храмъ Божіемъ!“ Вообще, кореннымъ непониманіемъ духа Сковороды звучали совѣты тѣхъ друзей, которые рекомендовали ему священство. Ничего не могло быть противоположнѣе между рационалистическими взглядами Сковороды на религіозные вопросы и складомъ убѣждений, какихъ держалось духовенство.

Сковорода любилъ мистико-поэтическое созерцаніе природы и провелъ на берегу Днѣпра лучшія минуты своей жизни. Погруженный въ пантейстическое созерцаніе „сущаго“, онъ подолгу сидѣлъ на нагорной сторонѣ Днѣпра, размышляя о суетѣ человѣческой жизни, о бессмертіи, о вѣчной красотѣ природы, о самосознаніи и молился. На живописномъ берегу Днѣпра чудакъ-философъ сочинялъ оригинальныя, мистико-философскія молитвы, которыя въ устахъ его дышали искренностью горячо преданного своему дѣлу человѣка, вѣрующаго въ свое призваніе. Непрѣдѣко, потрясенный до глубины души своими идеями, онъ впадалъ какъ-бы въ экстазъ, погружался въ сущее и сливался съ мірозданіемъ. Въ одну изъ такихъ минутъ къ нему пришелъ одинъ кіево-печерскій монахъ, слышавшій споръ Сковороды съ кіевскими иноками объ аскетизмѣ, съ признаніемъ, что слова философа правдивы и что онъ точно такъ же думаетъ, во что у него не хватало силъ слѣдоватъ собственнымъ мыслямъ.

IV.

Сковорода-учитель Харьковскаго училища.—Встрѣча съ губернат. Щербининнымъ. Сковорода и Елена Майоръ.

Изъ Киева Сковорода вернулся въ Харьковщину въ рубищѣ, но съ новымъ запасомъ идей, добытыхъ собственнымъ анали-

зомъ. Онъ задумалъ еще разъ попытать свои силы на поприщѣ официальной педагогической дѣятельности и еще разъ убѣдиться, что казенная служба съ ея требованіями не его удѣлъ. При харьковскомъ училищѣ, въ которомъ прежде училъ Сковорода, въ 1766 году открылись добавочные классы для дворянъ.

Сковороду пригласили преподавать дворянамъ „правила благонравія“. Ему предлагали жалованье, но Скворода отказался отъ денегъ, говоря, что преподаваніе доставляетъ ему и безъ того одно удовольствіе. Ему было въ это время 44 года. Послѣ преподаванія поэзіи, синтаксиса, греческаго языка,—правила благонравія представляли новую область мысли; но Сквородѣ по существу было все равно, что ни преподавать. Каѳедра правиль благонравія была тѣмъ хороша, что открывала свободу его мыслямъ, просторъ его рѣчамъ безъ официальной программы. Онъ вышелъ на каѳедру и началъ:

— „Весь міръ спить, спить глубоко протянувшись, будто ушибленъ! А наставники не только не пробуждаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее, чего опасаться!“

Скворода не объяснилъ, кто усыпилъ міръ, но должно быть харьковское дворянское юношество не слышало еще съ каѳедры такихъ рѣчей. Скворода не удовлетворился рѣчами и написалъ свой учебникъ по этому предмету: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства харьковской губернії“. Новизна и оригинальность взглядовъ, изложенныхъ въ этой „двери“, не понравились начальству и духовенству и своимъ рационалистическимъ духомъ, сть какимъ Скворода выражался о разныхъ религіозныхъ вопросахъ, произвели цѣлую бурю.

Для характеристики приведемъ наиболѣе характерное положеніе, которое Скворода предлагалъ харьковскому дворянскому юношеству. „Божественный духъ, училъ Скворода, весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движениі содержитъ и самъ бытіемъ есть всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починаетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ

зовется, опять въ грубую матерію обращается. По сей причинѣ разумная древность сравнивала его съ математикомъ, или геометромъ; потому что непрестанно въ пропорціяхъ или размѣрахъ упражняется, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напримѣръ, травы, дерева, звѣрей и все проч.“— „Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится“. Опредѣляя ту же міровую субстанцію въ ея метафизически-нравственномъ смыслѣ, Сковорода называлъ Бога евангельски — любовью: „Богъ любы есть“. Даже такие взгляды казались соблазнительными для тоглашихъ педагоговъ, опекавшихъ мыслительную цѣломудренность юношества. Сочиненіе Сковороды въ рукахъ обскурантовъ превратилось въ грозную улику неблагонамѣренности. Сковорода долженъ былъ оставить педагогическую службу въ Харьковѣ съ горькимъ убѣжденіемъ, что сила обскуратизма и лести сильнѣе здраваго смысла и прямодушія.

Въ Харьковѣ многіе изъ лицъ высшаго положенія искали знакомства съ Сковородой. Любопытна встрѣча Сковороды съ харьковскимъ губернаторомъ Е. А. Щербининымъ. Щербининъ любилъ музыку и хотѣлъ познакомиться со Сковородой. Однажды губернаторъ ѻхалъ въ своеиъ пышномъ рыданіи съ гайдуками по улицѣ. Сковорода въ это время сидѣлъ на тротуарѣ у гостинаго двора. Быть можетъ, онъ размышлялъ о суетѣ властоначалія, или пѣлъ что нибудь „приличное благодушеству“. Рыданіе поравнялся съ гостиннымъ дворомъ. Къ Сковородѣ подбѣжалъ адъютантъ.

— Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство, сказалъ онъ.

— Какое превосходительство? недоумѣвалъ философъ.

— Г. губернаторъ!

— Мы незнакомы. Передайте ему...

Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Черезъ минуту адъютантъ опять подбѣжалъ къ Сковородѣ.

— Васъ просить къ себѣ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ.

— А, отвѣтилъ Сковорода, подымаясь съ мѣста, обѣ этомъ слышалъ. Говорятъ — добрый человѣкъ и музыкантъ.

Снявши шапку, онъ подошелъ къ рыдану; завязался разговоръ.

— Почему не возьмешь себѣ какого нибудь занятія? спросилъ между прочимъ губернаторъ.

— Свѣтъ подобенъ театру, отвѣтилъ Сковорода, въ немъ берутъ роли по способностямъ. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простого, беспечнаго и уединеннаго; я сюю роль выбралъ, взялъ и доволенъ.

— Но, другъ мой, возразилъ губернаторъ. Можетъ быть, имѣешь способности къ другимъ занятіямъ, но тебѣ мѣшаютъ многія предубѣжденія...

— Если бы я почувствовалъ, отвѣтилъ Сковорода, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю, и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому“.

Рассчитавшись съ харьковскимъ коллегіумомъ, Сковорода окончательно рѣшилъ больше не служить и удалился въ село Гурвинское къ помѣщикамъ Земборскимъ, которые радушно встрѣтили чудака-философа. Тамъ, среди густого лѣса, въ уютной пасѣкѣ онъ написалъ свои первыя философскія сочиненія о самопознаніи подъ названіями: „Наркізъ, или познай себя“ и „Книгу Асханъ, о познаніи себя“.

А между тѣмъ о Сковородѣ шли разныя слухи. На ряду съ хорошими слухами распускалось много и небылицъ. Его упрекали въ нелюбви къ ближнему, называли его мизантропомъ, манихейцемъ и т. под. Появилось много завистниковъ, „оглагольниковъ“, выдумывавшихъ различныя басни о жизни Сковороды. Григорій Саввичъ, въ общемъ довольно равнодушный ко всякимъ сплетнямъ, порою не выдерживалъ, являлся въ городѣ, діалектически громилъ своихъ враговъ и послѣ этого удалялся еще въ большее одиночество.

Серьезныя сердечныя волненія, кажется, вовсе не играли роли въ его жизни. По замѣчанію біографовъ, онъ былъ „вовсе не склоненъ къ женскому полу“. Впрочемъ, есть смутное преданіе, что чудакъ чуть-чуть не былъ увлеченъ цѣнями гіменея.

Разсказъ относится къ довольно пожилому возрасту Сковороды. Ему уже было за сорокъ. Свернувъ въ сторону во время одного своего путешествія съ какой-то дороги въ проселокъ, гдѣ были расположены Валковскіе хутора, а изъ поселка — въ огороды, Сковорода видѣть „садокъ“ близъ пасѣкъ, а въ пасѣкѣ красивую дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Сковорода самъ былъ музыкантъ и мотивы пѣсни не проходили мимо его уха незамѣченными. Дѣвушка привлекла его вниманіе и онъ познакомился съ ея отцомъ, оригинальнымъ хоторяниномъ, носившимъ прозвище „Майоръ“. Можетъ быть, впрочемъ, это было и его званіе. Дальнѣйшее знакомство повело къ тому, что Сковорода убѣдилъ отца въ необходимости для его дочери грамоты и началъ учить дѣвушку. Какъ часто бываетъ, учитель постепенно влюбился въ ученицу. Когда Елена Майоръ заболѣла, учитель превращается въ лѣкаря и лѣчитъ ее. Она, кажется, отвѣчала ему взаимностью. Все видимо шло хорошо. Сковорода былъ объявленъ женихомъ. Его ставятъ подъ вѣнецъ. Но въ самую рѣшительную минуту природа чудака беретъ верхъ надъ сердечнымъ влечениемъ и онъ убѣгааетъ изъ церкви, изъ-подъ вѣнца.. .

Это преданіе, легшее въ основу повѣсти Срезневскаго „Майоръ-майоръ“ (въ „Моск. Наблюд.“ 1836 г. VI), пока еще не провѣрено біографами и на достовѣрность его полагаться нельзя, хотя разсказъ не стоитъ въ противорѣчіи со всѣмъ, что намъ известно о Сковородѣ.

V.

Послѣднія скитанія Сковороды. Его смерть.

Въ характерѣ Сковороды въ послѣдній періодъ его жизни замѣчается перемѣна, вполнѣ естественная, впрочемъ, въ положеніи человѣка его возраста, человѣка, прожившаго притомъ такъ оригинально свою жизнь. Его живое, впечатлительное сердце постепенно грубѣетъ, и меланхолія сильнѣе овладѣваетъ его настроеніемъ. Добрый и веселый отъ природы, онъ черствѣетъ и дѣлается своимправнѣе. Его присутствіе, всегда желательное

для общества, теперь иногда становилось тяжелымъ, вслѣдствіе капризовъ и чудачества старика. Чувство уединенія, которымъ онъ жилъ въ молодые годы, постепенно стало переходить въ немъ въ чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Нѣкогда живой и свѣтлый умъ теперь подавляется болѣе и болѣе мистицизмомъ.

Ироническое отношение къ людямъ часто переходитъ у него въ юдкую сатиру. Чуждый опредѣленныхъ привязанностей, не знавшій никогда радостей семейной жизни, Сковорода подъ старость какъ будто озлобляется и не можетъ покойно ужиться на одномъ мѣстѣ. Ко второму періоду жизни Сковороды особенно должно быть отнесено свидѣтельство Вернета: „Своенравіе, излишнее самолюбіе, нетерпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ (Сковорода) требовалъ отъ слушавшихъ его (*magister dixit*), затмевали сіяніе дарованій его и уменьшали пользу, которой общество могло бы ожидать отъ его способностей“.

Вторая половина жизни украинскаго философа представляетъ рядъ скитальческихъ похожденій, не выясненныхъ еще окончательно его біографами. У Сковороды была жгучая страсть къ передвиженію, которой не могли охладить въ немъ усталость и преклонный возрастъ. Ему въ это время было уже около пятидесяти лѣтъ. Не спѣша, съ сознаніемъ правоты и необходимости своего передвиженія, путешествовалъ онъ то въ воронежскую губернію, то опять въ любимую пасеку въ с. Гурвинскомъ, то въ Бабаи, харьковской губерніи, то въ Гусинскую пустошь къ Сошальскимъ, „гдѣ пасъ стада и читалъ Виргиліевы эклоги“, то въ Кіевъ „для любопытства“, —и наставительно всѣхъ поучалъ при всакомъ удобномъ случаѣ, не разбирая, какого званія и положенія были его слушатели. Изъ Кіева онъ однажды во-время уѣхалъ, предчувствуя приближеніе чумы. Объ этомъ такъ, между прочимъ, рассказываютъ его біографы. Проживъ въ Кіевѣ три мѣсяца у родственника своего Іустина, въ Китаевской пустынѣ, Сковорода почувствовалъ вдругъ въ себѣ „движеніе духа“, побуждавшаго его скорѣй уйти изъ Кіева. Отъ просилъ родственника своего отправить его на Україну, но тотъ отговаривалъ, прося погостить подольше. Самъ Сковорода колебался,

„уходить или оставаться“? Однажды, онъ задумчиво спускался съ верхней части Кіева на Подоль и вдругъ остановился. Онъ почувствовалъ сильный запахъ трупный... и на другой день поспѣшно выѣхалъ изъ Кіева. Черезъ двѣ недѣли, когда онъ былъ уже въ Ахтыркѣ, до него дошло извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и что городъ уже окруженъ кордономъ.

Иногда его просили погостить подольше. Тогда Сковорода располагался скромно въ какомъ нибудь уголкѣ и, самъ усугубивая себѣ и никого не утруждая никакими просьбами, проживалъ нѣсколько дней, обучая дѣтей, если они были въ домѣ, или, если ихъ не было, помогая хозяевамъ въ ихъ хозяйственныхъ работахъ. Потребности его были очень несложны. Онъ довольствовался лишь необходимымъ. Ему пробовали давать какие-нибудь подарки. Онъ отказывался, говоря: „дайте неимущему“. Его любимымъ изреченіемъ всегда было: „благодареніе Богу, что Онъ трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное—нетруднымъ“.

„Не стяжалъ онъ ни золота, ни серебра,—воспоминаетъ о Сковородѣ Лубяновскій,—но народъ не затѣмъ принималъ его подъ свои кровли. Хозяинъ дома, въ который онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно-ли было чего-либо поправить, почистить, перемѣнить въ его одѣяніи, въ его обуви; все это и дѣлалось немедленно. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще бывалъ и долѣе оставался, любили его какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты,увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность“.

Всю жизнь свою онъ провелъ свободно, чуждый карьеры и славолюбія. Во всякомъ официальномъ общественномъ положеніи онъ видѣлъ „мышеловку для души“ и боялся попасть въ нее. „Чины, богатство онъ вмѣнялъ во хвостъ“. Его любимыя поговорки носатъ характеръ игривой сатиры, въ которой мысль беретъ перевѣсъ надъ формой. Вотъ нѣкоторая изъ его любимыхъ изреченій: „старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай“; „курица кудакчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца владѣтъ на другомъ“; „рыба начищаетъ отъ головы портиться“.

Незадолго предъ своей смертью, удрученный, изможденный 73-лѣтній старикъ, по просьбѣ старого друга Коваленскаго, съ которымъ не видѣлся около 20 лѣтъ, путешествовалъ къ нему пѣшкомъ въ Орловскую губернію, въ с. Хотетево, чтобы еще разъ увидѣть и обнять своего любимаго ученика и „раздѣлить съ нимъ ничтожество его“. Путешествіе было предпринято въ самую ненастную погоду. Сковорода принесъ съ собой свои сочиненія, изъ которыхъ многія посвятилъ Коваленскому. Старые друзья ежедневно занимались чтенiemъ книгъ и разсужденіями. Знакомства съ философомъ искали многія въ то время важныя „персоны“: губернскій прокуроръ, директоръ экономіи и др.; но Сковорода, по обыкновенію, уклонялся отъ такихъ знакомствъ. Нигдѣ такъ предупредительно не ухаживали за Сковородой, какъ въ домѣ Коваленскаго, который былъ въ значительной степени обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ Григорію Саввичу. Но ухаживанія были напрасны.—Ими нельзя было удержать старика. Ему взгрустнулось по родинѣ, по Украинѣ, и никакія просьбы Коваленскаго не могли остановить рѣшенія Сковороды вернуться обратно на родину. Онъ захандриль, почувствовалъ приближеніе смерти, и любимою темою для разговоровъ въ послѣдніе дни его жизни былъ вопросъ о смерти. „Страхъ смерти, говорилъ Сковорода, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно заблаговременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не умствованіемъ, но мирнымъ расположениемъ воли своей“. Коваленскій упрашивалъ его остататься на зиму и со временемъ скончать свою жизнь въ его домѣ.

— Ничего не жалю для тебя... живи сколько хочешь,—упрашивалъ бывшій ученикъ своего учителя.

— Духъ мой велитъѣхать,—отвѣтилъ Сковорода и сталъ немедленно собираться въ путь.

Коваленскій, зная характеръ философа, не стѣснялъ его, далъ ему полную свободу—какъ, куда, съ чѣмъ и въ чемъ онъ хочетъѣхать... Въ послѣднюю минуту, при прощаніи, онъ предложилъ философу необходимый запасъ на дорогу и денегъ.

— Это что? зачѣмъ? спросилъ Сковорода.

— Возьмите на дорогу,—быть можетъ, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ-нибудь остановиться, то нужно будетъ заплатить.

Но Скворода остановилъ его.

— Другъ мой, сказалъ онъ, промыслъ Божій, вѣроятно, заботится о насъ и дастъ все потребное за благовременность.

Преживъ три недѣли въ Хотетевѣ, Скворода 26 августа 1794 года, не обращая вниманія на холодное осеннеѣ время, съ большими трудностями совершилъ свое послѣднєе путешествіе изъ Орловской губерніи черезъ Курскъ, гдѣ нѣкоторое время пробылъ у архимандрита Амвросія, на родину, въ Харьковскую губернію.

Умеръ Скворода такъ же характерно и типично, какъ и жилъ. Послѣдніе дни своей жизни онъ провелъ въ слободѣ Канъ-Івановкѣ, Харьковской губерніи, въ имѣніи помѣщика Коваленскаго. Здѣсь ему была отведена небольшая, но уютная комната, окнами въ садъ. Но въ комнатѣ онъ оставался, впрочемъ, очень рѣдко. Старикъ оставался вѣренъ своей старой привычкѣ къ движенію и цѣлыми днями бродилъ по саду и полямъ.

Былъ веселый, теплый день. У помѣщика собралось много гостей. Григорій Саввичъ былъ въ ударѣ. Остроумнаѧ, веселая рѣчъ такъ и лилась у него потокомъ, къ великому удовольствію общества, которое всегда любило послушать страннаго философа. Онъ разсказывалъ свою біографію, свои приключенія, которыхъ на его долю выпало не мало. Онъ давно уже жилъ воспоминаніями. Настоящее представляло для него мало радости и интереса. Изреченіе философа-пессимиста, что человѣкъ сорокъ лѣтъ живеть, а другіе сорокъ лѣтъ вспоминаетъ пережитое (Шоенвгауэръ), въ большой степени должно отнести къ нашему философу...

Наблюдательный человѣкъ подмѣтилъ бы странную возбужденность философа въ этотъ день, неестественность его веселія, судорожность его смѣха. И неудивительно, — это былъ предсмертный приливъ радости жизни, болѣзненно-веселый подсчетъ пережитаго, предчувствіе необходимости окончательной

расплаты. Сковорода предчувствовал смерть и хотѣлъ наговориться, и въ его рѣчахъ звучала конвульсивно-нервная нота.

Сковорода послѣ обѣда скрылся и цѣлый день одиноко бродилъ по саду, срывалъ плоды, раздавалъ ихъ работавшимъ въ саду мальчикамъ. Приближался вечеръ. Философа не было. Коваленскій сталъ беспокоиться и пошелъ отыскивать его. Солнце шло къ закату и его косые лучи грустнымъ осеннимъ блескомъ освещали пожелтѣвшіе листья. Подъ развесистой липой Сковорода задумчиво былъ погруженъ въ странное занятіе. Огорднымъ заступомъ старикъ рылъ подъ деревомъ узкую, продолговатую могилу.

— „Что это?“ спросилъ Коваленскій.— „Пора успокоиться!“ отвѣтилъ Сковорода.— „Полно шутить! Пойдемъ!“— „Иду, но я буду просить тебя, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя храмина!“

Вошли въ домъ. Сковорода былъ задумчивъ. Веселость не возвращалась къ нему. Онъ удалился въ свой кабинетъ. Его ждали къ ужину, но онъ не вышелъ. Его оставили въ покой. И раньше на него находили такія минуты, но никто не предполагалъ, что уже наступили послѣдніе часы для Григорія Саввича. Въ кабинетѣ онъ умылся, надѣлъ чистое бѣлье, помолился Богу, подложилъ подъ голову сѣрую свитку и узелокъ своихъ сочиненій—и заснуль.

На другой день его ждали къ чаю. Сковороды не было. Наступило время обѣда. Онъ не являлся.

Встревоженный Коваленскій вошелъ въ его комнату. Онъ спалъ. Коваленскій сталъ будить его; но сонъ былъ вѣчный... Сковорода лежалъ съ сложенными на груди накресть руками, холодный, окостенѣлый. Онъ умеръ въ полномъ сознаніи, покойно, безъ агоніи. Смерть нашла его готовымъ. Онъ самъ приготовилъ свое тѣло къ погребенію, не желая и этимъ быть обязаннымъ людямъ. На своей могилѣ онъ завѣщалъ написать эпитафію, такую-же оригиналную, какъ и онъ самъ и вся его жизнь: „миръ ловилъ меня, но не поймалъ“. Такъ умеръ этотъ человѣкъ, который, говоря словами Снегирева, „жилъ больше для другихъ, чѣмъ для себя, говорилъ правду людямъ не обинаясь и умеръ, не сожалѣя о своей страннической жизни“.

Тѣло Сковороды похоронили на возвышенномъ берегу пруда, близъ рощи, на любимомъ его мѣстѣ, гдѣ часто по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флейттраверсѣ псалмы и пѣсни. Впослѣдствіи тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльца, стараніемъ одного изъ его учениковъ, который прибылъ послѣ смерти его изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ („весьма цѣнныи нашими молоканами, замѣчаетъ Ливановъ, авторъ сочин. „Раскольники и острожники“").

Впослѣдствіи има Сковороды въ Ивановкѣ было совершен-но забыто и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Быть можетъ, это происходило отчасти и оттого, что Ивановка въ это время часто переходила изъ рукъ въ руки. Лишь среди близ-кихъ къ могилѣ Сковороды жителей сохранилась молва о немъ, поддерживаемая разными суевѣрными рассказами о странныхъ явленіяхъ, происходившихъ около его забытой могилы. Расска-зываютъ, что владѣльцы усадьбы, въ которой похороненъ Ско-ворода, умирали или лишались своихъ женъ. Еще чаще бывало, что новые владѣльцы усадьбы въ продолженіе пяти лѣтъ окон-чательно спивались... Ходили рассказы о видѣніяхъ и привидѣ-ніяхъ, объ опустошительныхъ вихряхъ, налетавшихъ на мѣсто упокоенія Сковороды. Народная фантазія, вообще, любить раз-работать такіе сюжеты. Но когда одинъ изъ владѣльцевъ Ива-новки обложилъ могилу философа дерномъ и устроилъ около нея пасѣку, столь любимую философомъ и притомъ считающуюся въ Малороссіи мѣстомъ священнымъ, видѣній на могилѣ чуда-ка-философа стало меныше.

Ѳ. Кудринскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЮДЖЕТЫ Г. КІЕВА ВЪ СРЕДИНѢ XVIII В.

---

14 іюля 1754 г. послѣдовалъ именной указъ объ уничтоженіи въ Малой Россіи т. наз. индуки и эвекты, а сенатскимъ указомъ 2 апрѣля 1755 г. (П. С. З. Р. И., 10386) повелѣно „во облегченіе малороссійскаго народа“ впредь ни съ кого не взимать покуховнаго и скатнаго съ продажнаго вина и дегти, ярмарковаго и торговаго, поколеснаго съ мельницъ, показанщины отъ винокуренныхъ котловъ и прочихъ тому подобныхъ разнаго званія сборовъ, какіе бы они ни были.

Эти распоряженія, вытекавшія изъ видовъ современной фискальной политики, неизбѣжно должны были отразиться на магистратскихъ доходахъ г. Кієва. Являлось опасеніе, что кіевскій магистратъ не въ состояніи будетъ нести нѣкоторыя государственные повинности, возложенные на него въ прежнее время (почтовая, подворная, квартирная и т. п.) и постоянно возвращавшія. Дѣйствительно, уже 7 февраля сдѣлано распоряженіе объ отпускѣ кіевскому магистрату на содержаніе нижняго города Кіево-Подола и на прочія надобности по 479 р. 66 к. изъ таможеннаго сбора (П. С., 10509), а 9 марта того-же года сенатомъ затребованы изъ магистрата вѣдомости о доходахъ и расходахъ за 1744, 1748 и 1754 годы. Вѣдомости были составлены и переданы въ кіевскую губернскую канцелярію для сличенія съ магистратскими приходо-расходными книгами.

Въ 1758 г. состоявшая при сенатѣ коммиссія о пошлинахъ вновь требуетъ отъ кіевскаго магистрата вѣдомости о доходахъ

и расходахъ уже за 1752, 1753 и 1754 годы. Требование было исполнено (посланы вѣдомости о расходахъ), но послѣдствій не имѣло.

Въ 1760 г. магистратъ, ссылаясь на эти вѣдомости, ходатайствовалъ передъ сенатомъ объ увеличеніи казеннаго пособія до 1214 р. 66 коп. въ годъ, въ возмѣщеніе отмѣненныхъ въ 1754 и 1755 гг. магистратскихъ доходовъ. При этомъ магистратъ ссыпался на послѣдовавшее „отъ устремленія быстрины рѣки Днѣпра Кіеву нижнему городу Подолу разореніе“ и на необходимость поправленія берега.

Въ началѣ 1765 г. сенатъ поручилъ разсмотрѣніе этого вопроса кіевскому генераль-губернатору Глѣбову. Завязалась переписка съ магистратомъ. Въ концѣ концовъ Глѣбовъ исходатайствовалъ увеличеніе казеннаго пособія до 1209 р. 12 к. въ годъ, съ соотвѣтственною доплатою съ 1756 года (всего, по 1766 г., 7294 р. 60 к.), но за то магистрату вмѣнено въ обязанность выстроить хлѣбо-запасный магазинъ, стоимостью по сметѣ въ 3507 р. 70 к. Къ постройкѣ магазина приступлено уже въ 1767 г. Не лишень интереса мотивъ Глѣбова, требовавшаго устройства магазина: еще въ 1754 г. кіевская губернскія канцелярія представила сенату пункты по такимъ матеріямъ, которыя по состоянію Кіевской губерніи къ пользѣ народной быть могутъ, и въ 6-мъ пункте написано, что „народъ малороссійскій къ земледѣлію неприлеженъ и запаснаго хлѣба не имѣеть; когда у нихъ одинъ годъ хлѣба не родится, терпать голодъ, какъ то въ 1748 году, когда саранча на полѣ хлѣба пожрала, то на другой годъ всеобщимъ голодомъ назвать было можно, ибо здѣсь въ Кіевѣ, какъ въ великомъ городѣ, въ торговые дни 50 четвертей ни за какую дорогую цѣну купить невозможно было“; но магистратъ уклонился тогда отъ постройки магазина, ссылаясь на недостатокъ средствъ¹⁾.

Такова исторія происхожденія кіевскихъ „бюджетовъ“ средины прошлаго вѣка, случайно уцѣлѣвшихъ въ старыхъ дѣлахъ бывшей кіевской губернскій канцеляріи.

¹⁾ Ср. А. Андріевскій, объ учр. въ Кіевѣ зап. хлѣб. магазина — „Кіев. Стар.“ 1891 г. № 6, стр. 475—479.

Изъ тѣхъ же дѣлъ и другихъ источниковъ видно, что киевскій магистратъ ревниво оберегалъ свое право безконтрольнаго распоряженія городскими доходами и всѣми силами отклонялъ вмѣшательство въ это дѣло постороннихъ властей. Правильнаго денежнаго хозяйства магистратъ не велъ, никакихъ смѣть не составлялось. Впервые были заведены шнуровые книги для записи нѣкоторыхъ расходовъ не ранѣе 1757 года, но тогда же эта реформа встрѣтила рѣзкое противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ членовъ магистрата. Попытки контроля со стороны преемника Глѣбова, Воейкова вызвали также отпоръ и осуществились не ранѣе 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, но безъ осо-бой пользы для города. Въ средѣ самого магистрата не было также контролирующаго органа: очередные члены отчитывались другъ передъ другомъ, разоблаченія были возможны лишь на почвѣ личныхъ интересовъ и самолюбій, а вмѣшательство вой-тovъ, въ-родѣ Сычевскаго и Пивоварова, было далеко не безко-рыстнымъ. Въ общемъ финансовое хозяйство того времени но-сило патріархальный характеръ. Не даромъ сенаторъ Костюринъ (бывшій киевскимъ вице-губернаторомъ съ 1753 по 1758 г.) многозначительно замѣтилъ въ 1762 г. магистратскимъ депута-тамъ: „А вы, бурмистры и райцы, о расходахъ магистратскихъ, о коихъ я знаю довольно, не можете ничѣмъ оправдаться, только возьмите сумку на плечи и, положа каменья, въ Кieвѣ съ мосту въ Днѣпръбросайтесь“¹⁾.

При такихъ условіяхъ, возстановить истинную финансовую исторію „матери городовъ русскихъ“ въ прошломъ столѣтіи чрезвычайно затруднительно. Добытыя до настоящаго времени цифровые данные, если-бы даже считать ихъ достовѣрными, безу-словно недостаточны, совершенно случайны и, въ сущности, поясняютъ очень мало. Исторія финансового городского хозяй-ства предполагаетъ наличность точныхъ данныхъ по крайней мѣрѣ о числѣ и группировкѣ населенія по занятіямъ, но для Киева прошлаго вѣка достовѣрныхъ данныхъ по этому вопросу

¹⁾ А. Андріевскій, Войтовство Ів. Сычевскаго въ Кieвѣ — „Кiev. Стар.“ 1891 г. № 4, стр. 26.

нѣть¹⁾) и едва-ли удастся ихъ установить на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ, на предлагаемыя сводки кіевскихъ бюджетовъ слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на матеріалъ для будущей финансовой истории города, подлежащей дальнѣйшей прорѣкѣ и разработкѣ. Пригодный для общей характеристики современного хозяйства, онъ едва-ли можетъ имѣть цѣну точного статистического показателя: данная эпоха еще не чувствовала особой нужды въ подобной точности.

I. ДОХОДЫ.

По даннымъ магистратскихъ вѣдомостей, доходы Кієва (т. е. собственно Подола, подвѣдомственного магистрату) въ 1744, 1748 и 1754 гг. выражаются такими цифрами: 9411 р. 59 к., 6207 р. 35 к. и 7571 р. 5 к.

За 1752, 1753 и 1754 гг. доходы показаны въ общей суммѣ 20673 р. 6 к. или, по среднему расчету, въ годъ по 6891 р. 2 к.

1) Какъ и слѣдовало ожидать, главный доходъ, на которомъ опиралось магистратское хозяйство, извлекался изъ торговли виномъ и водкой въ своихъ шинкахъ: „зъ магистратскихъ шинковъ за вышинкованное хлѣбное простое и двойное вино и за водку“ получено прибыли: въ 1744 г. 6617 р. 53 к., въ 1748 г.—4529 р. 43 к., въ 1754 г.—4789 р. 27 $\frac{1}{2}$ к., въ 1752—54 гг.—12663 р. 24 $\frac{1}{2}$ к., а за вышинкованные тамъ же медъ и пиво: въ 1744 г.—139 р., въ 1748 г.—20 р. 2 к., въ 1754 г.—112 р. 46 к., въ 1752—54 гг.—561 р. 94 к.

Такимъ образомъ, доходъ отъ монопольной продажи напитковъ мѣстного производства составлялъ за указанные годы въ общемъ 67,5 % магистратскихъ бюджетовъ. Ничего мудре-

¹⁾ Ср. Ив. Пантюховъ, Статистич. и санитар. очерки Кієва (К., 1875), стр. 3.—М. В.—Б., Населеніе Кієва въ 1742 г. „Кіев. Стар.“ 1888 г. № 4 (мѣщанъ въ тихъ городахъ 2575 чл. Населеніе всѣхъ частей города, съ духовенствомъ, козаками и военными, не смыше 25,000 чл.).—И. Іучицкій, Кіевъ въ 1766 г. „Кіев. Стар.“ 1888 г. № 1—3.—Также въ „Кіев. Стар.“: 1882 г. № 5; 84 г. № 2.

наго, если магистратъ велъ въ прошломъ вѣкѣ такую ожесточенную и даже кровавую борьбу противъ корчевства, отстаивая жизненный нервъ своего хозяйства¹⁾.

Кромѣ того, скатнаго и шинковаго „за продаваемое въ нижнемъ городѣ Киевѣ на Подолѣ волоское и другія виноградныя вина“ взыскано въ 1752—54 гг. 691 р. 50 к.²⁾.

2) Слѣдующій по величинѣ сборъ—помѣрный и вѣсовой—получался съ мѣръ и вѣсовъ хлѣбныхъ, кои магистратъ своимъ коштомъ строитъ и содержитъ: въ 1744 г.—524 р. 48 к., въ 1748 г.—315 р. 86 к., въ 1754 г.—373 р. 7 к., въ 1752—4 гг. 1166 р. 94 к.; вѣсовой сборъ съ вѣсовъ, коими купецкіе товары вѣсятся, былъ значительно ниже: въ 1744 г.—153 р. 84 к., въ 1748 г.—83 р. 58 к., въ 1754 г.—123 р. 8 к., въ 1752—4 гг.—273 р. 22 к.

3) Съ дегтию и соли ступочной: въ 1744 г. 308 р. 85 к., въ 1748 г.—25 р. 90 к., въ 1754 г.—176 р. 46 к., въ 1752—54 гг.—717 р. 81 к.

4) Съ „рѣзни“ магистратской и повозоваго, т. е. съ продаваемаго на Подолѣ рогатаго и прочаго скота: въ 1744 г.—93 р. 10 к., въ 1748 г.—64 р. 81 к., въ 1754 г.—79 р. 36 к., въ 1752—4 гг.—231 р. 91 к.

5) Съ паромовъ магистратскихъ, что на Днѣпѣ бывали: въ 1744 г. 286 р. 40 к., въ 1748 г.—186 р. 19 к., въ 1752—4 гг.—403 р. 50 к.

6) Береговаго „съ плотовъ дровяныхъ и селидебныхъ, изъ заграницы и изъ за Днѣпра рѣками Днѣпромъ и Десною въ Киевѣ на продажу пригоняемыхъ и къ магистратскимъ берегамъ приставаемыхъ“: въ 1744 г.—117 р. 65 к., въ 1748 г.—38 р. 50 к., въ 1754 г.—159 р. 35 к., въ 1752—4 гг. 430 р. 43 к.

7) Отъ продажи брагъ хмельныхъ и нехмельныхъ, квасу ячнаго и съѣстныхъ припасовъ: въ 1744 г.—155 р. 97 к., въ 1748 г.—31 р. 86 к., въ 1754 г.—197 р. 36 к., въ 1752—4 гг.—476 р. 45½ к.

¹⁾ О цѣнахъ на магистратскія водки, медъ и пиво въ 1776 г. см. А. Андріевскій, Матеріали, вып. 8, стр. 216.

²⁾ О цѣнахъ на волоское красное и бѣлое вино въ 1751 г.—см. тамъ-же, вып. 3, стр. 164.

8) Съ млиновъ лодейныхъ или байдаковъ, по р. Днѣпру при магистратскихъ берегахъ стоящихъ: въ 1744 г.—15 р. 57 к., въ 1748 г.—12 р., въ 1754 г.—11 р. 59 к., въ 1752—1754 гг. 51 р. 94 к.

9) Посидѣлаго съ лавокъ торговыхъ магистратскихъ, въ коихъ рѣзники мясо продаютъ, и для найма сторожей: въ 1752—54 гг.—287 р. 16 к.

10) Посидѣлаго съ лавокъ торговыхъ, въ коихъ продаются разные товары, съ полковъ, гдѣ продаются мелочная венци, построенныхъ на магистратскихъ и прочихъ земляхъ: въ 1744 г.—414 р. 38 к., въ 1748 г.—465 р., въ 1754 г.—454 р. 68 к., въ 1752—54 гг.—1070 р. $24\frac{1}{2}$ к.

11) „Съ земли магистратской, якую промышленники засѣваютъ огородными сѣменами“: въ 1748 г. 9 р. 20 к., въ 1752—54 гг.—27 р.

12) Торгового за мосты и мѣста по квитамъ съ огородныхъ и другихъ сѣстныхъ овощей: въ 1752—54 гг.—98 р. 48 коп.

13) За корыта рыбальскія, построенные магистратскимъ коштомъ, въ коихъ рыбалки продаютъ свѣжую рыбу: въ 1752—54 гг. 27 р.

14) Съ подгородья кіевскаго Преорки и ея принадлежностей Куреневщины и Сырда съ дворовъ обывательскихъ куницы, также съ котловъ винокуренныхъ показанщины и съ мельницъ при р. Сырцѣ на магистратской землѣ поколеснаго: въ 1752—54 гг.—236 р. 74 к. (въ томъ числѣ собственно куницы или поземельного сбора 16 р. 60 к.).

15) Съ обывательскихъ дворовъ на Преоркѣ, Куреневщинѣ и Сырцѣ на наемъ сторожей: въ 1752—54 гг.—122 р.

16) Съ дворовъ мѣщанскихъ и другого званія людей, построенныхъ на магистратской землѣ, куницы и поворотнаго: въ 1752—54 гг. 860 р. $14\frac{1}{2}$ к.

17) Отъ сотниковъ посполитыхъ собираемыхъ ими съ людей посполитыхъ же на наемъ сторожей для рядовъ и для магистратскихъ тюремъ: въ 1752—54 гг.—268 р. 15 к.

18) Случайные поступления показаны только въ вѣдомости за 1754 г.: получено отъ кіевск. губ. канц. 4 р. $94\frac{1}{2}$ к. за продовольствіе прибывшаго съ письмами отъ турецкаго посла гонца Ибрагимъ Тегая со слугою; получено отъ турецкаго посла за продовольствіе его и свиты 14 р.; отъ лейбъ-гвардіи капитана Тютчева за 120 подводъ до Броваровъ для того же посланника и свиты получено прогонныхъ денегъ 10 р.

Послѣ указовъ 1754 и 1755 гг. отъ магистрата были „отрѣшены“ сборы: чомѣрный и вѣсовой съ хлѣбныхъ мѣръ и вѣсовъ, вѣсовой съ купецкихъ вѣсовъ, съ дегти и соли ступочной, съ „рѣзни“ и поводовый, торговый за мосты и мѣста съ огородныхъ и другихъ овошней, съ плотовъ дровяныхъ и строевыхъ, съ паромовъ, съ байдаковъ, съ рыбальскихъ корытъ, показанщина и поколесное, всего на сумму за 1752—54 гг. 3627 р. 37 к.; что касается скатнаго и шинковаго отъ продажи воловскаго вина, то осталось только шинковое, но вдвое уменьшилось (съ 6 до 3 р. отъ буты), такъ какъ сильно поднята была таможенная пошлина.

Приведенные выше данные о городскихъ доходахъ за время 1744—54 гг. допускаютъ нѣкоторыя случайные сравненія. Изъ того-же дѣла случайно узнаемъ, напр., что въ 1720 г. кіевская ратуша показала городской доходъ въ суммѣ 4.183 р. 94 к. Съ другой стороны, въ 1761 г. магистратъ показываетъ въ приходѣ 6464 р. $13\frac{1}{2}$ к., въ 1758 г.—6354 р. $16\frac{1}{4}$ к., въ 1759 г.—3972 р. $93\frac{1}{2}$ к.¹⁾; по записямъ шестигласной думы доходъ въ 1786 г. опредѣляется въ суммѣ 27.464 р. $25\frac{1}{4}$ ²⁾; въ 1800 г.—46830 р. (при расходѣ въ 110.000 р.³⁾; въ 1806 г.—74.584 р. (вмѣстѣ съ остатками прежнихъ лѣтъ)⁴⁾; въ 1842 г.—79.657 р., въ 1845 г.—113.841 р., въ 1846 г. 82.016 р.⁵⁾; въ 1866 г.—225.639 р., при долгѣ въ 160.000 р.⁶⁾; наконецъ, въ

¹⁾ См. Андріевский, Матеріали, вып. 8, стр. 168 сл.

²⁾ См. мою статью „Кіев. гор. управление въ 1786 г.“ Кіев. Стар. 1889 г. № 5 и 6.

³⁾ Андріевский, Матеріали, вып. 10, стр. 110.

⁴⁾ Андріевский, Матеріали, вып. 3, стр. 165.

⁵⁾ И. Фундуклей, Стат. опис. кіевской губерніи, I, 402.

⁶⁾ Н. Закревский. Описаніе Кієва (Москва, 1868), I, 147.

1897 г. 1.682.531 р 97 к.¹⁾), при долгѣ, который фатально стремится превзойти годовой доходъ. Но конечно, всѣ эти сравненія сами по себѣ не могутъ имѣть никакого значенія. Что касается собственно долговъ, съ которыми Кіевъ познакомился особенно при войтѣ Сычевскомъ²⁾ то въ 1765 г. кіевскій магістратъ такъ пояснялъ это дѣло: „за расходами на другой годъ иногда деньги и напитки небольшимъ числомъ остаются, а иногда тѣхъ приходныхъ въ году денегъ на бываемые, а паче экстраординарные расходы и не достаетъ, почему магістратъ кіевскій принужденъ на кредитъ въ людей для таковыхъ же расходовъ тѣ деньги занимать“. И занимали, конечно, но на первыхъ порахъ довольно осторожно: наши предки боялись кредитата.

II. РАСХОДЫ.

Представленныя кіевскимъ магістратомъ въ 1758 г. три расходныя вѣдомости за 1744, 1748 и 1754 годы имѣютъ, такъ сказать, пробный характеръ. „Того году правящіе“ бурмистры и райцы не считали необходимымъ входить въ подробности и отчитываться въ каждой копѣйкѣ. Поэтому отчетныя вѣдомости составлены широкими штрихами, удобны для сводки, но не имѣютъ истинно мѣстнаго колорита.

Статьи расходовъ сводятся магістратомъ къ такимъ рубрикамъ:

- 1) Окладныхъ въ казну по 600 р. ежегодно.
- 2) На содержаніе почты: въ 1744 г. 417 р. 50 к., въ 1748 г.—333 р. 60 к. и въ 1754 г.—869 р. 92 к.
- 3) Подрядчикамъ за свозку съ мостовъ и другихъ мѣсть навоза: въ 1744 г.—160 р., въ 1748 г.—101 р. 20 к., въ 1754 г. 80 р.
- 4) Ремонтные матеріалы, дрова, пильщикамъ, плотникамъ и рубальщикамъ: въ 1744 г.—551 р. 99 к., въ 1748 г.—285 р. 24 к., въ 1754 г. 353 р. 78 к.

¹⁾ Смѣта доходовъ г. Кієва на 1397 годъ. Кіевъ, 1897. Стр. 47.

²⁾ Ср. Андріевскій, Воѧтовсѧ Сычевскаго—цит. выше.

5) Заготовка съна для почты, косарямъ, гребцамъ, видалъщиковамъ и на харчи имъ: въ 1744 г.—145 р. 16 к., въ 1748 г. 57 р. 40 к., въ 1754 г.—136 р. 73 к.

6) Въ катедру Кіево-Софійскую по крѣпостямъ за помѣрное по 80 р. ежегодно.

7) Въ бытность ея имп. величества въ Кіевѣ на тріумфальные ворота на Подолѣ издержано въ 1744 г.—428 р. 17 к.

8) Въ то же время ежеденно подводы по приказамъ кіев. губ. канцеляріи и разнымъ отъ знатныхъ дворцовыхъ господъ письменнымъ приказамъ и словеснымъ требованіямъ и другія „исправности“, на чтѣ, за вычетомъ 481 р. 50 к. полученныхъ изъ кабинета, издержано въ 1744 г. 706 р. 21 к.

9) На пріемъ турецкаго посла Тефтердаря и подводы въ 1754 г. 154 р. 80 к.

10) Магистратскимъ членамъ, урядникамъ, канцеляристамъ и служителямъ годового юргелту, т. е. оклада: въ 1744 г. 958 р. 20 к., въ 1748 г.—946 р. 60 к., въ 1754 г.—950 р. 15 коп.

11) На разные расходы большіе и мелочные, т. е. на случающіяся при магистратѣ разныя строенія, на заготовленіе къ тому разныхъ припасовъ и матеріаловъ, въ заплату мастерамъ, на постройку новыхъ и починку старыхъ паромовъ, на презенты пріѣзжающимъ въ Кіевъ за государственными и другими дѣлами знатнымъ персонамъ и прочимъ чинамъ, на заплату заемныхъ прежнихъ годовъ на магистратскія нужды денегъ, на извоночиковъ и разные другие расходы: въ 1744 г.—4808 р. 37 к., въ 1748 г.—2995 р. 23 к., въ 1754 г.—2776 р. 54 к.

12) Въ Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь за пристань магистратскихъ паромовъ за $1\frac{1}{2}$ пуда воску: въ 1744 г.—12 р. и въ 1748 г.—12 р.

13) 30 паромщикамъ на 5 паромовъ, по 30 к. въ недѣлю на ихъ харчахъ: въ 1744 г.—298 р. 50 к.; въ 1748 г. на починку и постройку паромовъ и паромщикамъ—182 р. 60 к.

14) На сторожей при лавкахъ, тюрьмахъ, сѣнокосахъ: въ 1744 г. (23 постоянныхъ сторожа—по 10 р. въ годъ на своихъ

харчахъ и сѣнокосные по 20 к. въ недѣлю) — 237 р. 40 к.; въ 1754 г. (2-мъ по 10 р., 22-мъ по 8 р. 50 к.) — 218 р. 95 к.

15) Репарація ратуши — въ 1748 г. 424 р.

16) Мурзамъ и турчину на харчи по приказу кіев. губ. канцеляріи въ 1748 г. 40 р.

17) „На бывшихъ въ Кіевѣ по ордеру генеральной войско-вой канцеляріи и по данной оттуда отъ суда войскового гене-рального инструкціи, по жалобамъ магистрата кіевскаго на сотника и козаковъ кіевскихъ къ шинкованію ими, на подступъ магистрату кіевскаго, неуказнымъ и запрещеннымъ напиткомъ горѣлкою, въ отбитіи магистратскихъ тюремъ, въ бою оными козаками мѣщанъ кіевскихъ и о протчемъ,—комисіантовъ, а именно: малороссійскихъ полковъ нѣжинскаго полкового судію Василія Кулаковскаго и полковаго Переяславскаго писаря Да-ниила Каневскаго, сотника басанскаго Ивана Нестелѣя да вой-скового канцеляриста Іакова Давидовскаго, писцовъ и прочихъ служителей и козаковъ, т. е. на харчи, напитки, въ заплату за ихъ труда и на кормъ лошадей; также по тѣмъ магистратскимъ дѣламъ посылая нарочныхъ въ Глуховъ въ генеральную войско-вую канцелярію и въ генеральный судъ повѣренныхъ, нанимая имъ подводы, на разные презенты, въ заплату за труда и на другіе экспенса здержано“ въ 1754 г. — 1127 р. 37 $\frac{1}{2}$ к.

Такимъ образомъ, общіе итоги расходовъ были: въ 1744 г. — 9403 р. 50 к., въ 1748 г. — 6057 р. 87 к., въ 1754 г. — 7248 р. 24 $\frac{1}{2}$ к.

„Того года правящіе“ бурмистръ Тихоновичъ и райца Василій Гудимъ снабдили вѣдомость за 1744 г. такимъ поучитель-нымъ примѣчаніемъ: „И тѣ вышеписанные расходы показаны толикимъ числомъ, когда не случается переѣздовъ чрезъ Кіевъ государственныхъ россійскихъ и иностранныхъ полномочныхъ чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ. А когда таковые пе-реѣзды чрезъ Кіевъ бываютъ, то и расходы многимъ числомъ больше бываютъ, чрезъ что и въ долги магистратъ войшоль, какъ то и прошлаго 1755 и сего 1756 годовъ на переѣзжаю-щихъ чрезъ Кіевъ посланниковъ—россійского князя Долгорукова, турецкаго Тифтердара здержано отъ магистрата кіевскаго на

подводы, на телеги, саны и другія дорожныя исправности до полторы тысячи рублей”.

Какъ уже было упомянуто выше, за 1752, 1753 и 1754 гг. магистратомъ доставлены были первоначально лишь вѣдомости о доходахъ. Губернскай канцелярія не удовлетворилась этимъ и въ 1765 г. потребовала подробныхъ свѣдѣній о расходахъ за тѣ же годы и „по какимъ регулямъ“ расходы производились. Подлинныя магистратскія книги были возвращены для составленія расходныхъ вѣдомостей. Въ интересахъ магистрата было отвѣтить поскорѣе на это требованіе, и дѣйствительно отвѣтъ получился въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ. Благодаря такому стечению обстоятельствъ, вѣдомости о расходахъ за 1752—54 гг. представляютъ, какъ кажется, простую выписку изъ книгъ, безъ всякихъ попытокъ систематизаціи расходовъ по статьямъ. Такимъ образомъ для насъ сохранилась цифровая хроника кіевской жизни за три года, весьма обильная характерными и такъ сказать колоритными данными. Впослѣдствії губернскай канцелярія задумала свести показанія этой хроники въ систему и составила общую вѣдомость, но попытка вышла неудачною: трудъ оказался непосильнымъ и сводная вѣдомость тоже вышла замѣчательно пестрая и беспорядочная. По счастью, подлинная хроника въ видѣ трехъ магистратскихъ вѣдомостей о расходахъ сохранилась цѣликомъ.

Воспроизвести здѣсь въ полномъ видѣ показанія драгоценной хроники, конечно, излишне. Ограничусь выборкой наиболѣе характерныхъ данныхъ. Въ общемъ, расходы показаны: за 1752 г. въ суммѣ 7814 р. $52\frac{3}{4}$ к., за 1753 г.—5704 р. $51\frac{1}{4}$ к., въ 1754 г. 7010 р. $6\frac{3}{4}$ к., всего 20529 р. $10\frac{3}{4}$ к., и въ остаткѣ 143 р. $95\frac{1}{4}$ к. Должно замѣтить еще, что вѣдомости эти были проверены въ губ. канцеляріи по подлиннымъ книгамъ магистрата и слѣдовательно онѣ имѣютъ наивысшую для современного хозяйственаго распорядка достовѣрность.

Если главную статью магистратскихъ доходовъ составляли поступленія отъ шинковъ, то и въ расходахъ замѣчаемъ такой же „гвоздь“: это всевозможные виды подарковъ, уплатъ и услугъ разнаго рода нужнымъ, полезнымъ или властнымъ чиновникамъ

того времени, начиная отъ генералъ-фельдмаршала и генералъ-губернатора и кончая какимъ-нибудь канцеляристомъ госуд. коллегіи иностр. дѣлъ Потапомъ, неизвѣстнымъ по прозванію, которому магистратъ высылаетъ въ презентъ „книжицу молитовникъ“ цѣною 1 р. 5 к., „за его труда по магистратскимъ дѣламъ“. Замѣтить должно, что въ то добroe старое время всѣ такого рода „презенты“, хотя и ложились чувствительнымъ бременемъ на магистратскій бюджетъ, не считались чѣмъ-то предосудительнымъ: при тогдашнихъ денежнѣхъ окладахъ чиновниковъ, послѣдніе очевидно не могли существовать безъ презентовъ деньгами или натурою; каждое крупное дѣло являлось, такъ сказать, легальнымъ поводомъ для улучшенія чиновническаго бюджета, и потому кіевскій магистратъ нисколько не стѣсняясь заносить въ свои вѣдомости и представляетъ въ губернскую канцелярію такія, напр., статѣй расхода: „бывшему здѣсь генералу губернатору Леонтьеву корову за 6 рублей“ (1752 г.); „оберъ комманданту Костюрину барана за 1 р.“ (1752 г.); „надворному совѣтнику Михайлу Новоторжцову послано въ Спб. въ презентъ грезети за 63 р.“ (1752 г. ¹⁾); „покойному господину генералу губернатору Леонтьеву, какъ прошено оувольненіи дачи работниковъ къ починкѣ дороги, лежащей между кіево-печерской и старокіевскою крѣпостьюми, куплено въ презентъ погребецъ шленской зъ водкою въ 18 р.“ (1752 г.); „въ день патрона его жъ господина генералъ-губернатора купленъ другой погребецъ шленской зъ водкою и поднесенъ ему, въ 16 р.“ (1752); „за купленные въ презентъ господину генералу маюру и вице-губернатору Костюрину и разными персонамъ свѣжие лимоны дано 2 р. 50 к.“ (1754 г.); „оному же генералъ маюру Костюрину и преосвященному въ презентъ осетровъ свѣжихъ два за 4 р. 80 к.“ (1754 г.); „бывшему кіевской губернской канцеляріи секретарю Фотьеву за его въ магистратскихъ дѣлахъ труда“ дано деньгами и въ презентъ разныхъ вещей: въ 1752 г.—10 р., въ 1753 г.—27 р. 40 к., въ 1754 г.—6 р. 18 к., да канцеляри-

¹⁾ Новоторжцову въ слѣдующемъ году послано шабского полотна цѣною въ 45 р., да пошлина уплачено 5 р.

стамъ и повытчикамъ той же канцеляріи всего за 3 года 21 р., 34 к.; „въ обсылку къ праздникамъ Воскресенья и Рождества Христова господамъ генералитету и другимъ персонамъ, тожъ и въ Софейской монастырь и на Подолѣ магистратскимъ чиновникамъ, на покупку мяса, жигности, разнаго кореня, сахару и на протчее, тожъ и деньгами сопло въ разныхъ мѣстахъ и въ губернскай канцеляріи въ ралецъ“ (а кому именно, не показано): въ 1752 г.—на 97 р. 23 к., въ 1753 г.—62 р. $51\frac{1}{2}$ к., въ 1754 г.—75 р. 74 к., всего на 235 р. $48\frac{1}{2}$ к.; „бывшему въ Кіевѣ господину тайному совѣтнику и кавалеру Костюрину, какъ прошено въ магистратскихъ нуждахъ, куплено въ презентъ въ два раза (въ 1753 г.) по погребцу съ шленскою водкою“ за 26 руб.; въ 1754 г. ему же въ презентъ парчи за 55 р., да осетра свѣжаго за 1 р. 73 к., да „рымару за выдѣлку на дворъ ево двухъ кожъ“ дано 40 к.; бывшему въ Кіевѣ преосвященному митрополиту Тимоѳею въ день именинъ и по прїѣздѣ изъ Москвы куплено осетра свѣжаго и сахару всего на 5 р. 40 к. (въ 1752 и 1753 гг.); „прїѣздившему въ Кіевѣ для нѣкоторого дѣла господину генералу и кавалеру Брылкину въ презентъ сахару за 1 р. 90 к.“ (1754 г.); „въ бытность въ Кіевѣ покойной графини Мавры Егоровны Шуваловой издержано на подводы, на презенты, тожъ на покупку выбраннымъ ею ко двору государеву пѣвчимъ возовъ и на разные ко онимъ потребности употреблено въ 1754 г. 231 р. 8 к.¹⁾; покойной графинѣ Разумовской въ презентъ къ именинамъ дѣтей ея и особливо на поклонъ ей на покупку осетровъ, сахару и на проѣздѣ посыпаннымъ къ ней съ тѣми презентами чиновникамъ: въ 1752 г. 22 р. 9 к., въ 1754 г. 25 р. 80 к., всего 47 р. 89 к.; бывшему въ Кіевѣ въ 1754 г. для комиссіи о нововыходящихъ изъ за границы въ службу сербахъ полковнику Бибикову въ презентъ сахару за 1 р. 60 к.; бывшимъ въ Кіевѣ въ томъ же году преосвященному сарскому и подонскому, генеральному бунчужному

¹⁾ Въ томъ числѣ, между прочимъ, на подвесеніе ей въ презентъ трехъ скатерть, 36 салфетокъ шленскихъ и погребца шленского же съ водкой—41 р., ру-бокъ или полотна изъ ткачаго цѣннѣцкой работы—6 р. 50 к. Для отвоза пѣвчихъ куплено 10 возовъ.

Оболонскому и зятю его Кочубею въ презентъ на сахаръ издержано 5 р. 20 к.,—и т. д., до безконечности.

Во всѣхъ трехъ вѣдомостяхъ показанъ такъ наз. „кварталь“ или мелочной расходъ на покупку мяса и рыбы для обсылки въ праздники, гдѣ храмъ есть, священникамъ и въ монастыри и проѣзжающимъ чрезъ Киевъ разнымъ знатнымъ персонамъ и въ обсылку хлѣбомъ находящагося здѣсь генералитета и другихъ знатныхъ персонъ, на покупку харчевыхъ припасовъ командированнымъ изъ генер. войсковой канцеляріи слѣдователямъ по спору магистрата съ кирилловскимъ монастыремъ о грунтахъ, и т. п. Издержано „на кварталь“: въ 1752 г.—182 р. 97 $\frac{1}{4}$ к.; въ 1753 г.—209 р. 26 к., въ 1754 г.—595 р. 5 $\frac{1}{2}$ к., всего 987 р. 28 $\frac{3}{4}$ к.

Если принять во вниманіе высокую покупательную силу денегъ въ рассматриваемое время ¹⁾, то уже приведенные отчасти, выше установленные обычаемъ расходы магистрата должны быть признаны весьма значительными. Но всѣ эти расходы блѣдаются предъ издержками магистрата, которые вызваны были обязательными отношеніями г. Киева къ гетману Разумовскому и засѣдавшой въ Глуховѣ генеральной войсковой канцеляріи.

Извѣстна пышность, съ которой совершилъ Разумовскій свое путешествіе по Малороссіи въ качествѣ гетмана ²⁾. Въ вѣдомости магистратскихъ расходовъ за 1752 г. находимъ та-

¹⁾ Вотъ, напр., нѣкоторыя данные изъ того-же архивнаго дѣла: яловица въ подарокъ вице-губернатору—4 р. 50 к.; 4 вола для магистрата—17 р. 10 к.; вово кованый—7 р.; 10 воловъ подъ пѣвчихъ для придворной капеллы, съ принадлежностями—10 р. 81 к.; 1100 яблокъ хорошихъ для презента гетману—11 р.; двѣ вазы на Куреневщинѣ подъ магистратскіе шинки—14 р.; постройка кухни для сербовъ—60 к.; устройство и снѣтіе два раза калитцы на Даѣпрѣ „для публичныхъ освѣщеній воды“—6 р. Знаменитые грибы, которые раздавалъ Сычевскій въ Москвѣ (Андріевскій, Войтество Ив. Сычевскаго въ Киевѣ. „Кiev. Стар.“ 1891, № 4, стр. 29), обошли магистрату въ 1 р. 25 к.—Замѣтка для иктіологовъ: въ 1754 г. магистратъ выслалъ Сычевскому въ Москву, рыбы каракатицъ на 90 к О цѣнѣ ценъ ср. И. Лучицкій, Киевъ въ 1766 г. „Кiev. Стар.“ 1888 г. № 1 и 3. О цѣнахъ на хлѣбъ въ 1749—58 гг. см. „Кiev. Стар.“ 1884 г. № 4, стр. 689.

²⁾ См. о путешествіи Разумовскаго замѣтку г. А. Л. въ „Кiev. Стар.“ 1890 г. № 1, стр. 117. Для подъема гетмана со свитой требовалось 140 лошадей.

вое краснорѣчивое показаніе: „Въ бытность въ Кіевѣ его сіа-тельства графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на презентъ ему самому и бывшимъ съ нимъ разнымъ персонамъ, на харчи и на протчіе издержки (кромѣ напитковъ) употреблено денегъ 899 р. 33 $\frac{3}{4}$ к.“. Между тѣмъ даже прїездъ имп. Елизаветы Петровны въ 1744 г. обошелся магистрату всего въ 706 р. 21 к. да на постройку тріумфальныхъ воротъ употреблено 428 р. 17 к.

Трудно судить, въ какой мѣрѣ посѣщеніе гетмана въ 1752 г. имѣло вліяніе на прочіе магистратскіе расходы по содержанію почты, на покупку винограднаго вина „на магистратскія потребности“ и т. п. Но основываясь на показаніяхъ расходныхъ вѣдомостей, можно утверждать, что генеральнаѧ войсковая канцелярія была для магистратскихъ финансовъ еще разорительнѣе гетманскаго волжа.

Въ 1752 г., по спору о грунтахъ съ Кирилловскимъ монастыремъ, командированы въ Кіевъ полковой кіевскій асаулъ Матвій Шумъ, мринскій сотникъ Сидоръ Журавскій и войсковой канцеляристъ Данилевскій. Разумѣется, имъ необходимъ презентъ: куплено „тирнаку“ на 1 р. 80 к., матеріи грезеты на кафтаны—51 р. 70 к., харчи—2 р. 10 к. Въ томъ же году новое дѣло: „При взятіи магистратскихъ чиновниковъ въ Глуховѣ за явившіяся по дѣлу умершаго бурмистра Холявки жены его съ наследниками письма съ неуказными титулами издержано на подводы и на харчи 149 р. 60 к.,“ да протоколисту войсковой канцеляріи „за труда его“ купленъ поясъ шерстяной шленской за 2 р., да старшему войсковому канцеляристу Сергию Дергуну сдѣлана сабля съ оправкою серебряною за 69 р. 51 к.—Всего въ 1752 г. пошло на Глуховъ 345 р., не считая конечно расходовъ „изъ квартала“. Между прочимъ, генеральному войсковому писарю Безбородку оправлена въ серебро сабля за 45 р. 80 к. 1).

Въ 1753 г. магистратъ вѣдался съ войсковой канцеляріей въ Глуховѣ уже по четыремъ дѣламъ: о разбитіи тюрьмъ ко-

1) Ср. замѣтку г. А. Л. „Генер. писарь Андрей Безбородко“ въ „Кіев. Стар.“ 1890 г. № 1, стр. 135—140.

заками, о неправильной припискѣ въ козаки, о неуказныхъ титулахъ и по спору о грунтахъ съ Кирилловскимъ монастыремъ. Безпрерывная сношенія съ Глуховыми, высылка туда провинившихся реента Величковскаго и канцеляриста Лукьяновича, презенты самые разнообразные нужнымъ чинамъ—обошлись магистрату въ 690 р. $35 \frac{3}{4}$ к. Большая часть этой суммы пошла на крупные и мелкие презенты чинамъ войсковой канцеляріи: посылались матеріи разныя, венгерское вино, сахаръ, осетры, польские календари (по 10 к. за штуку, всего послано 20 экз.), наличные деньги, волоскіе орѣхи „приливанные“, а войсковому канцеляристу Ирокоповичу даже куплено два волка! Генеральной войсковой канцеляріи члену Петру Горленку „за труда его здѣлано въ Киевѣ съ его золота ланцужокъ и прочие вещи“, за что уплачено мастеру 11 р. 74 к. Генеральному войсковому есаулу Волкевичу куплено люстрины на кафтанъ за 24 р. 5 к., ему же послано венгерского вина анталь въ 80 р. да за отвозъ вина уплачено 7 р. Послано еще венгерского вина на братію „два антала“ за 70 р. Полковому Переяславскому писарю Якиму Каневскому съ товарищи сахару на 7 р. 40 к., грезеты и сукна на 34 р. 20 к., и т. д. и т. д.

Въ слѣдующемъ году новые дѣла явились еще: процессъ съ козаками за „подступное“ шинкованіе и бой магистратскихъ урядниковъ—въ Киевѣ явилась цѣлая комиссія изъ Глухова. Нѣкій войсковой канцеляристъ Романъ Ковачъ за стрѣляніе изъ пистолетовъ препровождался магистратскимъ коштомъ въ Глуховъ и обратно. Новые расходы, прямые и косвенные. Итогъ ихъ за 1754 г. составляетъ 615 р. $\frac{3}{4}$ к. Въ эту сумму не входятъ издержки на посылку Разумовскому въ Глуховъ яблокъ хорошихъ, на посылку ему мастеровыхъ людей, на пересылку ему же въ Нѣжинъ купленной въ Царьградѣ резидентомъ Обресковымъ палатки, на поздравленіе его жены съ „патронами“ сыновей и т. п.

Въ числѣ подарковъ глуховскимъ воротиламъ можно отметить для примѣра: Горленку шапка польская съ сѣрымъ татарскимъ околышемъ (4 р.), да войсковому канцеляристу Константиновичу шапка же (3 р. 50 к.), да ему же починка часовъ

(1 р. 50 к.), да басанскому сотнику Нестелъю шапка (3 р.); судѣвъ и сотнику Лукомскому сукно на кирею (12 р. 60 к.), да лисій мѣхъ подъ кирею (20 р.), войсковому канцеляристу Туманскому сафьяну на 2 р. 50 к.; войсковому канцеляристу Якову Корнѣевичу 12 чарокъ серебряныхъ (11 р. 3 к.); войсковому канцеляристу Якову Давидовскому „за труда“ 20 р., да на кафтанъ штофу (21 р. 60 к.), да грезеты на кунтушъ (17 р. 50 к.), да для кунтуша оберы (6 р. 40 к.), да на петлицы (5 р.). Саєты и сафьянны, грезеты и штофы, платки шелковые и табакерки, сукна и пояса, деньги и орѣхи волоскіе приливанные, люстрины и календари польскіе—словомъ, все что нужно для тѣла и души, только венгерского вина на сей разъ не посыпано.

Любопытное обстоятельство: въ первой вѣдомости показано въ расходѣ по разнымъ глуховскимъ дѣламъ за 1754 г. 1127 р. 37 $\frac{1}{2}$ к., по выборкамъ же изъ второй вѣдомости получается всего 615 р. $\frac{3}{4}$ к.

Чему вѣрить? Тайну эту нельзя разъяснить по моимъ документамъ. Но если даже взять наименьшую цифру, то расходы за 3 года на Глуховъ все таки достигаютъ почтенной суммы 1650 р. 36 $\frac{1}{2}$ коп.

По нынѣшнимъ временамъ это такой пустякъ, о которомъ и говорить не стоитъ. Но не то было полтораста лѣтъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе, напр., всего городского управлениія въ 1752 г. обходилось въ 1062 р. 48 к., а въ 1754 г.—на сто рублей больше. Въ 1752 г. всѣхъ служащихъ лицъ было 81, въ томъ числѣ 2 бурмистра, райда, писарь (по 60 р. въ годъ каждому содержанія), канцелярскій реентъ и лавникъ (по 40 р.), 9 канцеляристовъ (отъ 16 до 10 р. въ годъ), 15 урядниковъ (16—12 р. въ годъ), часовой мастеръ (15 р.), 3 потижника (по 10 р.), 3 магистратскихъ слуги для главного шинка (по 8 р.), 15 разсыльныхъ (по 7 р.), 1 слуга для досмотра и починки „фантальныхъ“ водоточныхъ трубъ (9 р.), 25 сторожей, исполнявшихъ такія важныя функціи, какъ тюремный смотритель, боѣдъ при бойнѣ, базарный смотритель (8 р. 50 к.—10 р.) и 3 воловика (16 р.—16 р. 50 к.). Денежное содержаніе управлениія составляло въ 1752 г. слишкомъ 14% годового расхода (въ

1897 г.—болѣе 10%). Къ этому слѣдуетъ прибавить разныя натуральныя подспорья, не поддающіяся вычисленію. На прямыя городскія нужды—платежи въ казну, почта, ремонтъ зданій, завѣдываніе имуществами, постой—уходило не болѣе 35% дохода. Такимъ образомъ, никакъ не менѣе половины городскихъ средствъ шло буквально прахомъ: на презенты, угощенія и поздравленія, шло, можно сказать, „на ралецъ“ во всевозможныхъ его видахъ и формахъ¹⁾). Легко понять, почему свѣжій, жадный насосъ въ видѣ генеральной войсковой канцеляріи давалъ себя чувствовать такъ сильно кіевскимъ мѣщавамъ той эпохи, почему магистратъ такъ энергично стремился освободиться отъ команды малороссійскаго гетмана, не смотря на сопротивленіе войта Сычевскаго.

О благоустроенному городскомъ хозяйствѣ въ эту эпоху нельзѧ говорить серьезно²⁾. Оно носить на себѣ печать застарѣлой рутины. Войты, бурмистры, райцы—представляли собою довольно замкнутую олигархію, пожалуй похоже современной намъ олигархіи домовладѣльцевъ. Всѣ интересы мѣщанской кіевской олигархіи той эпохи въ финансовоемъ смыслѣ тяготѣли главнымъ образомъ къ винной монополіи: борьба за ея неприкосненность—главная черта въ исторіи магистрата разсматривае-

1) Относительно обычай обсыпки „на ралецъ“ ср. „Кіев. Стар.“ 1885 г. № 10, стр. 361.

2) Ср. статью „Кіевское представительство прежнаго времени“ въ „Кіев. Стар.“ 1882 г. № 5.—Достойно замѣчанія, что въ нашихъ „бюджетахъ“ за 1744, 48, 52 53 и 54 годы, если не считать расходовъ на „ралецъ“ и „обсыпку“ монастырей и церквей, встрѣчаемъ лишь два раза указаніе на благотворительность магистрата: Въ 1752 г. дано въ милостыню для бѣдности по прошеніямъ иностранному человѣку сербской націи графу Владиславу Эрдели 2 р. и въ слѣдующемъ году дано 25 к., „изъкоторой переславской жительѣ, бывшей въ люторскомъ законѣ и обращавшейся въ христіанскую вѣру“. Между тѣмъ одного винограднаго вина куплено въ тѣ годы „на магистратскія потребности“ на 1035 р. 75 к., не говоря уже объ осетривѣ, свѣжей икрѣ и сахарѣ для магистратскихъ чиновниковъ. Если судить только по „бюджетамъ“, то прямые расходы магистрата на просвѣщеніе выражались только разсыпкою въ презентъ стольчными и глуховскими канцеляристамъ молитвенниковъ, новаго завѣта и польскихъ календарей. Еще 40 лѣтъ спустя Ф. Вигель остроумно замѣтилъ о Кіевѣ: „Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, что вездѣ являлись контрасты—нищету и великолѣпіе“. Сборникъ материаловъ для истор. тоиографіи Кієва (Б., 1874), отд. II, стр. 170.

маго періода. Конечно, не забывались и обычаи доброго старого времени, съ его сложной и благочестивой обрядностью: обсылка „на ралецъ“, пальба изъ пушекъ въ дни торжествъ, игра въ трубы и битье въ литавры, панихиды по умершимъ урядникамъ,— все какъ слѣдуетъ. Но вся эта внѣшность не можетъ прикрыть ограниченности и узости интересовъ: магистратъ дорогой цѣнной откупается отъ разныхъ мѣстныхъ властей для сохраненія своихъ прерогативъ, пробуетъ хлопотать и повыше, но дальше этого не идетъ, да и нѣтъ для него побужденій идти дальше.

На запросъ кіевской губернской канцеляріи о „регулахъ“, которыми руководствуется магистратъ въ своихъ расходахъ, магистратскіе юристы, послѣ обычной ссылки на королевскія и высокомонаршія жалованыя грамоты, приводятъ такую тираду: „Да во утвержденныхъ магистрату кіевскому майдсбурскихъ правахъ, а именно въ книгѣ Спекулумъ Саксонъ подъ словомъ „звычай“ на страницѣ 530 напечатано: застарѣлый обычай совершено за право имѣеть бытьдержанъ и то правомъ называемъ зъ обычаевъ постановленнымъ, ибо и самихъ правъ ни съ какой иной притчи не содержимъ, только кои суть зданіемъ общенароднымъ принятые; справедливо же и то, что ни есть, хотя и безъ письма народъ общиј принялъ, каждый имѣеть содержать“. При томъ-же и сенатъ съ 1720 г. знаетъ и рассматривалъ вѣдомость о расходахъ магистрата, расходы эти „апробованы сенатомъ и ничѣмъ не отставлены“.

Не лишена интереса еще одна особенность разматриваемыхъ „бюджетовъ“: это постепенный ростъ долговъ. И понадобятся войту въ Москвѣ или въ Петербургѣ деньги, не хватить посланному въ Глуховъ уряднику наличныхъ на презенты, случится въ Кіевѣ чрезвычайное торжество, проездъ иностранного или русскаго посланника и оттого единовременный крупный расходъ—и готовы долговыя обязательства, по которымъ магистратъ выплачиваетъ по возможности проценты и погашеніе. Такъ, напр., за 1752—4 гг. встрѣчаются слѣдующія лаконическая замѣтки въ вѣдомостяхъ о расходѣ (и только въ нихъ): „За занятые въ магистратъ кіевскій за недостаткомъ во ономъ денегъ на всякая случающіяся магистратскія необходимости деньги заплачено про-

центу 27 р. 66 к.“ „Сѣвскому купцу Роману Смородину заплачено по данному прежде отъ сего магистрата векселю магистратского долгу съ процентомъ, о чмъ и тотъ вексель при книгѣ имѣется, 1450 р.“ (1752 г.). „За занятые въ магистратъ кіевской по недостатку во ономъ денегъ двѣсти рублевъ заплачено на полгода проценту 12 р.“ „Заплачено магистратского долга протопопу Кіево-Подольскому Роману, да прапорщику отставному Агею Осипову 260 р., да великоновгородскому архимандриту Іоасафу Митковичу 97 р. 62 к., итого 357 р. 62 к.“ (1753 г.). „На уплату за занятые въ магистратъ кіевской по недостатку во ономъ магистратъ деньги проценту 120 р. 50 к.“ „Кіевскому мѣщанину Николаю Андреевскому заплачено за войта Сычевскаго заемныхъ имъ войтомъ у брата онаго Андреевскаго пѣвчего Стефана Андреевскаго денегъ 50 р.“ „Заплачено магистратского долга разнымъ людямъ, занимаемаго кіевскимъ войтомъ Сычевскимъ съ магистратскими чиновниками 256 р. 45 к.“ (1754 г.).

Изъ дѣла и изданныхъ до сей поры матеріаловъ не видно, когда именно сдѣланы долги, по которымъ уплачивались въ 1752—4 гг. проценты, и на что они употреблены. Общее же впечатлѣніе, получаемое при разсмотрѣніи бюджетовъ за десятилѣтіе съ 1744 по 1754 г.—это подозрительность современной магистратской бухгалтеріи или, лучше сказать, полная патріархальность ея. Нужно отдать ей однако справедливость: для ознакомленія съ различными сторонами городской жизни той эпохи бухгалтерія эта представляетъ цѣнныій матеріаль, содержаніе котораго лишь въ слабой степени исчерпано настоящей замѣткой.

Н. Молчановскій.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ И. Ф. ХИЛЬЧЕВСКОМУ.

1858—1875.

Намъ доставлена нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ М. К. Чалымъ помѣщаемая ниже переписка П. А. Кулиша съ И. Ф. Хильчевскимъ, другомъ его съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Переписка эта, сравнительно съ печатавшоюся въ прошломъ году перепиской съ О. М. Бодянскимъ, отличается совсѣмъ инымъ и тономъ и характеромъ, и содержаниемъ. Объясненіе этому сразу находимъ, припомнивъ тѣ чисто научные интересы, которые связывали П. Кулиша съ О. Бодянскимъ, и тѣ интимныя, дружескія отношенія, какія существовали у него издавна съ И. Хильчевскимъ. Не давая пока никакихъ иныхъ комментарievъ къ этимъ письмамъ П. Кулиша, мы ограничиваемся опубликованіемъ ихъ, думая, что со временемъ весь опубликованный материалъ его писемъ дастъ возможность сдѣлать наилучшую характеристику и оцѣнку этой слишкомъ знаменательной личности. (Объ отношеніяхъ П. Кулиша къ И. Хильчевскому см. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 5, стат. М. Чалаго „Юные годы П. А. Кулиша“).

Ред.

1.

Безцѣнныи другъ Иванъ Филипповичъ!

Напрасно ты терялся въ догадкахъ, отъ чего я такъ скоро вернулся и почему я ўду въ Полтавскую губернію. Муза моя, почувствовавъ себя беременною, поѣхала заграницу рожать, въ чаяніи спокойствія, котораго нѣтъ въ Петербургѣ, ибо всякое общественное и

литературное волненіе въ ней, какъ въ особѣ нервной, отражалось очень сильно. Но, къ удивленію моему, я увидѣлъ, что заграницей спокойствія гораздо меньше и что процессъ рожденія духовныхъ чадъ совершился благополучно не можетъ... Поэтому бросились мы втроемъ, т. е. я, музя и Александра Михайловна, осматривать Европу. Быстро, быстро, заглянули ей въ лицо съ нѣсколькихъ сторонъ, высмотрѣли притертые румянами морщины, плюнули и воротились домой. Де вже мы не булы, такъ я й самъ не знаю! Булы, братику, на такихъ горахъ, що середь лита прытьмомъ треба кожуха, булы здається й на тому свити, да якоє выхопылись,—чи не твоими лышъ молитвами, куме? Якъ вернулись до дому, то ажъ самимъ стало страшно, якъ почулы, що про нась пошло по селу Оленовци. Кажуть, що йиздилы мы по морському дну, а зъ моря цмоками вытягли воду на горы,—такъ мы йидемо, а вгори надъ нами фила филю такъ и гонить. Да пуръ ёму страшне розказуваты.

Отъ же вернулись мы, отъ тутъ приснили й родыны. Музя моя, що та добра поросна коропська свыня, якъ почала весты, то й не переличишъ, чого вона понаводила тутъ: и перистыи, и переполоси, й мури, и всяки! Думавъ бувъ перейтихать у той хутиръ, до которого, спасыби тоби, хотивъ завитати бовкунцемъ,—такъ куды! не можна! Отсе жъ сижу да все хрыщу, то що. Побачишъ, якого я ионаплоджувавъ добра, якъ выжену свою череду за царину! Тилько въ васъ тутъ чортъ знає яка мода настала: не всяке добро можна выгонять на поле,—инше прійдетца подержать у господи, поки батько сберетца на розумъ да опереже того-сёго царинною кіякою. Загаявсь таки я довгенько на тій Українні, а треба бъ и туда позирнuty окомъ, да ще нивпідатця й до старої паніматки Гоголыхи, бо мы зъ нею карбуемъ на одпу паличку до якогось часу. Отъ чого я йиду, а не того, що ты думавъ. Зрадивъ я, якъ почувъ, що Кіевське начальство взяло Граматку до куни: якъ то Господь уміє й дурний розумъ на добро повернуты! Може бъ інши й не знали, що проявилася на свити спасенна книжка, а теперъ усяке довидається и доберетца до неї мановцами. Возвеселылось таки жъ мое серце, прочувши, що одынъ панъ—перевертенъ піднісъ и Вовчка мордатому начальству до пары зъ Граматкою: одно, що ту мудру книжку всяке посли сёго прочита, а друге, що выивилось ледашо само собою и не треба вже его теперъ никому выявляти и зъ-мижъ честного мыру выкидати.

Отсе жъ я съ тобою забалакавсь, а мини далеби николы: де що допысую да лагожусь у полтавщину. Пыши до мене такъ: Марія Ив. Гоголь для передачи въ Полтаву. 1858 авг. 3. Матроновка. Твій П. Кухицъ.

2.

23 іюля 1866 г. Варшава.

На прекрасное чиство твоое отвѣчаю нѣсколькими словами. Время мое принадлежитъ кн. Черкасскому, а кн. Чаркасскій есть ничто иное, какъ бура дѣятельности, которая и меня увлекла въ свой кругъ. Съ восторгомъ повинуюсь этому необыкновенному человѣку. Очень трудно, тяжело, мучительно, но это—моя сфера! Або пропаду, або зроблюсь лыцаремъ невмиракою.

Семьѣ твоей усерднѣйше кланяюсь. Шпиши ко мнѣ часто и широко. Очень, очень буду благодаренъ. Адрессъ: Его П—ву. Директору Отдѣленія духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ въ Варшавѣ. Твой П. Кульашъ.

3.

28 августа (9 сест.) 1866. Варшава.

Не могу понять, отчего мое чиство такъ нескоро тобою получено. Увѣдоми, когда получишь это. Работа наша по службѣ идетъ хорошо и дѣлается для меня съ каждой недѣлей интереснѣе. Хоть и совѣтно хвалить себя, но скажу, что кн. Черкасскій совершилъ премудрое дѣло, пригласивъ меня къ себѣ въ сотрудники. Я предвижу результаты весьма важные. Но это тебѣ покажеть время, сообщать же основанія моего предвидѣнія—не въ моихъ правилахъ, что, и увѣренъ, и ты одобришь, яко умудренный жизнью до зѣла. А вотъ лучше о чёмъ поведемъ рѣчь. Помнишь ли, какъ ты отлично распорядился моими финансами во время пребыванія моего въ Луцкѣ? Ты мнѣ оказалъ тогда услугу незабвенную. Прибываю паки къ твоей помощи. Зарабатывать деньги я мастеръ, но пристроить не умѣю; только илачу долги, которые теперь уменьшились уже до 4700 р.

Въ уплату этой суммы пойдутъ деньги, которыхъ я долженъ въ маѣ 1867 г. получить по заемному письму отъ покупщика моей типографіи, именно тысячъ до 3 - хъ рублей. Останется 1800 руб.

Между тѣмъ я получаю 5062 руб. 50 коп. за директорство, да 1500 р. за редакторство Сборника административныхъ постановлений и того 6562 р. 50 к. Извѣстіе этой суммы ежегодно я могу откладывать 3000, а можетъ быть и 3500 р. Желалъ бы я употребить этотъ излишокъ на покупку домика съ садомъ въ Киевѣ, въ самомъ живописномъ мѣстѣ,—напримѣръ возлѣ Лавры. Тамъ есть швейцарскія ущелія. Можно отыскать и ключевую воду, которая бы текла изъ-подъ горы. Если же ие въ Киевѣ, то близко подъ Киевомъ, надъ Днѣпромъ. Пріищи мнѣ мѣсто, а домъ мы постронимъ сами изъ превосходнаго кievскаго кирпича. Если же будетъ строеніе готовое, то и это не дурно. Ты—я думаю—знаешь теперь Киевъ и его окрестности, какъ свой собственный домъ; бродить же ты любишь; займись этимъ и устрой мнѣ пристанище на старость. Можетъ быть я заслужу себѣ награду и сверхъ жалованья. Тогда поживемъ близкими со-сѣдами съ аппетитомъ. Лучшаго города на свѣтѣ нѣтъ, какъ Киевъ, особенно для меня.

Досадно, что Ляхи все еще гнѣздятся подъ покровомъ слѣпоптствующей мѣстной администраціи; но это еще больше заставляетъ меня помогаться водворенія въ Киевѣ. Будемъ отстаивать русское право по мѣрѣ силъ. Время между тѣмъ перемѣнится, перемѣнится и нелѣпые дѣятели, непонимающіе, чѣмъ сильна кievская почва. Но какъ бы то ни было, хорошо или худо будетъ въ Киевѣ, а я хочу быть его обитателемъ въ старости, которая—увы!—не за горами.

Твой Кулишъ.

4.

^{11|22} октября 1866. Варшава.

Письмо начинается стихотвореніемъ Пушкина: Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день и т. д. Такая неправильная душа, какъ у меня, не можетъ быть спокойна. Я надѣлъ много промаховъ въ жизни, много глупостей, много пошлостей. Все это меня мучитъ,—вотъ тебѣ и вся исторія. Одно для меня спасеніе—сильная дѣятельность. Безъ службы такая дѣятельность въ Россіи—по крайней мѣрѣ для меня—невозможна. Вотъ почему я служу, да еще потому, что хочу расплатиться съ долгами. Достигнувъ этой послѣдней цѣли, я, можетъ быть, выбьюсь изъ силъ и заберусь въ хоторскую свою конную, чтобы умереть по-запорожски, т. е. вдали отъ шума. Козаки,

если не умирали на войнѣ, то удалялись въ какую нибудь глушь, даже вдаль отъ семьи. Я понимаю это чувство и безъ сомнѣнія самъ такъ сдѣлаю. Но покамѣстъ поработаемъ во славу русскаго имени, которое я люблю, не смотря на то, что его позорятъ каждый день мои соотечественники.

Благодарю тебя за деньги, которыми ты снабдилъ Александру Михайловну. Мои финансы немного спутались, но я такъ немного издерживаю собственно на себя, что легко ихъ поправлю. Знаешь ли, что стоять мой обѣдъ? $21\frac{1}{2}$ коп. Положимъ, что кофе утромъ и чай вечеромъ стоять столько же. Вотъ тебѣ 50 к. Съ извозчикомъ etc. крутльмы счетомъ день обойдется мнѣ въ 1 р. Я не курю, вина нью одну рюмку и то не всегда. Но обѣдаю каждую субботу ex officio въ клубѣ. Это мнѣ стоитъ въ мѣсяцъ рублей 20. И того 50 р. Такимъ образомъ трачу на себя въ годъ рублей 600, да на одежду etc. 400—1000. Все таки много! но остатокъ значителенъ, однакожъ. Отдѣливъ изъ него 1000 руб. на Александру Мих. и 500 руб. на квартиру, у меня останется 4000 р. Это хорошия деньги въ умѣлыхъ рукахъ, а мои руки дѣваютъ ихъ куда-то. Отчасти знаю куда, отчасти не могу сообразить. Всего хуже, что ни въ чемъ себѣ не отказываю, кроме пищи и пиянія, которые для меня составляютъ послѣднюю статью. Сегодня я обѣдаю въ клубѣ за 5 р. (съ виномъ) а завтра за $21\frac{1}{2}$ к. съ рюмкою водки и не нахожу большой разницы. Аппетитъ у меня всегда отличный. Небеса съ этой стороны ко мнѣ милосердны. Только и бѣда, что Сезотрадно какъ-то бываетъ на свѣтѣ, очень безотрадно,—и тутъ то иной разъ, подъ видомъ премудрѣйшихъ вещей, дѣлаются величайшія глупости. Жизнь моя испорчена давно. Напиши о себѣ и своей семье etc., etc.

5.

Довгенько жъ ты мовчавъ, друже Иване! Та въ мене не было охоты до лыстування. Колы не лаяты все навкруги, то ничего й пысаты, а лайкою що поможешъ? Отъ тоби й отновидъ на твои пытанія. Скажешъ: якого жъ гасида сыдыщъ у той Варшавы? А дежъ мени дитысь? На столыци нась не треба, а на Вкраини дурень на дурневи сидыть та дурнемъ и поганае. А що вже Кіевъ, то выбачай—наврядъ чи й е на свити дурницій городъ! Отъ хочъ бы ваши газеты, та цуръ имъ! Про таку погань и вспомниты не стоить. Университетски панычи, ти мовлявъ профессоры, думаютъ, що обо-

роняють Русь одъ Ляхвы, стелють же дорогу до панування на Вкраини—и именно тымъ, що побывають у цвіти народну силу, разлучаючи молодижъ изъ народомъ. Нияка сила не обибратьца противъ лядьской на Вкраини, опричъ тои, що заганяла волысь Ляхивъ за Вислу. Разумный знає се добре, а дуриному пихто въ голову не вложить. То й ничего довго про се пысаты. А що читавъ ты, брате, въ «Слові», то се до тебе витромъ занесло шматочекъ паперу и ты зъ того шматочка небагацько второпавъ. Будуть колись знати, що може бъ треба було бъ зробити для Галичини, та колыжъ, мовлявъ, ...оглухли, не чують... Яєль доведетца бачитись, тоди тоби багацько поросказую, а пысаты исторію листами—шкода.

Твій П. Кулишъ.

1867 липца 12 зъ Варшави.

6.

1867 г. Іюн 22 Варшава.

Увѣдоми меня, друже Иване, какіе наибольшіе проценты получаешь ты за свои капиталы. Такіе проценты приложу я къ сотнѣ рублей, которую тебѣ долженъ. Изъ дружбы ты не долженъ лишиться ни одного рубля своихъ доходовъ; дружба должна заботиться о благосостоянніи нашемъ. И такъ не моги возражать мнѣ противъ этого, потому что понятія мои о подобныхъ предметахъ отъ твоихъ хохлацкихъ (один хохлы способны въ такихъ случаяхъ пятиться) возраженій не измѣнятся, а увѣдоми меня безъ утайки о maxимum процентовъ, какіе ты извлекаешь изъ своей трудовой кошѣїки. Такимъ образомъ мой заемъ не произведеть въ твоихъ дѣлахъ ни малѣйшаго дефицита, а мнѣ это необходимо для моего спокойствія. Я и безъ того дѣлаю много глупостей, за которые приходится внутренно себя бранить, какъ пошлѣйшаго человѣка.

Положеніе мое таково: получаю я обыкновенного жалованья 4500 р. въ годъ да чрезвычайного 1500 и того 6000 р. Долговъ остается у меня уже весьма мало или собственно говоря: никакихъ, потому что я считаю себя должнымъ 1000 р. а мнѣ должны 25000 р. По окончаніи дѣйствій Учредительного комитета, при которомъ я состою, есть надежда получить на два года по 4500 р. Не имѣя долговъ, я надѣюсь къ тому времени сберечь тысячи три. Итого у меня будетъ въ рукахъ тысячъ 12 р. да хуторъ, на который затрачено тысячи двѣ, да книгъ тысячъ на пять (это равняется почти нулю среди

нашего варварского общества). Такимъ образомъ результатъ всей моей дѣятельности выразится какими нибудь 14-ю тысяч. движимаго и недвижимаго имущества. Не за что уважать себя человѣку, чрезъ руки которого прошло заработанныхъ денегъ не менеѣ ста тысячъ и который способенъ столько работать, сколько я! Ты мнѣ—живой упрекъ. Ты изъ малаго составилъ несравненно больше и за то тебѣ подобаетъ отъ меня честь и поклоненіе. Аминь.

7.

Славни бубни за горами, а прійдешъ ближче—собача шкура; то такъ и ся холера. Ты здалеку жахаеся, а мы въ Варшави байдуже про неи. Тутъ иниша бида: Катковъ иидьябеджуе, а дурныки ликаютца мене, мовъ ти Римляне Югурты, що мовлявъ, *absens an praesens, pacem an bellum gerens perniciosior esset in incerto habetur.* Що вони тутъ мени за хлопить роблять, то цилу книжку напысавъ бы, колыѣ схотивъ усе пропысувати. Ось прочитай 107 № «Московскихъ Видомостей», то побачишъ, якъ на мене дыка сыла гукае. Видысавъ я таке Каткову, що мовъ чемерици понюхае; а якъ не схоче напечатати (бо честні чортъ-ма въ его й за шелягъ), то пославъ я те же саме Аксакову; колыжъ и Аксаковъ почавъ уже собачими стежками бигаты, то тежъ same пославъ у Петербургъ. Посатанилы вси, чи чорты ихъ нехай батька знае,—совсемъ дурни—мовъ довбешки. Ты ему образы, а винъ тоби лубъя! Ну, та дарма. Нехай басують: самъ себе осоромлять, бо мовлявъ: брехнею свить пройдешъ, тилько назадъ не вернесся. Пани мои гуляе за границею.

Выбачай же, друже Иване, що такъ до тебе прыхваткомъ пышу. Далеби що николе: то видъ собакъ видмахуюсь, то дило роблю
Твой Кулишъ.

1867 авг. 22 Зъ Варшавы.

8.

1868 ноября 29. Варшава.

Не писалъ я къ тебѣ потому, что мы молчали. Мое слово было послѣднее. Вопрошашъ, какъ меня Богъ милуетъ? По велицей милости своей и по множеству щедротъ своихъ. Здравствую, какъ всегда, и работаю какъ никогда. Учусь по еврейски и перевелъ съ лучшихъ

переводовъ четвертую часть всей біблії, да почти всю псалтирь стихами (107 псалмовъ уже). Псаломъ 1-й напечатанъ въ «Правдѣ», а 50 первыхъ выйдетъ отъ ея имени, яко *перва третина книги*, вмѣющій заглавіе: *Украинскій псалтирь або книга хвалы Божои*, безъ имени автора. Нехай нашимъ ворогамъ буде тяжко! Перевель я также Пѣснь иѣснай (*Письмо надъ письмами*) и объясниль ону, держась Гердера, которого читаю со тщаніемъ, равно какъ и многое другое, относящееся къ Бібліі. Сіе толкованіе такъ же появится съ новаго года въ Галицкой Правдѣ, и въ настоящее время печатаются тамъ двѣ пѣсни Мовсеевы: на переходѣ черезъ Чермное море и предсмертная. Хочу взять въ свои руки тамошнее духовенство, или лучшую часть онаго, какъ это ты узришь изъ дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій по литературной части. У васъ въ Кіевѣ не понимаютъ, что теперь тамъ вся суть русскою вопроса, т. е. коренного русскаго. Кіевъ, какъ былъ, такъ и остается безпутнымъ городомъ. *До дому я не собираюсь*, да у меня его нѣтъ, хотя есть хуторъ, снабженный всѣмъ необходимымъ для обыкновенной и даже литературной жизни; а *собираюсь я за границу* для бібліотечныхъ работъ. Поживши тамъ мѣсяца два, я увижу, надобно ли мнѣ пребывать тамъ долго, или же можно возвратиться въ хуторъ и погрузиться въ кой какія писанія, кроме перевода Бібліи, который пойдетъ быстро по окончанію Псалтыря.

Въ Варшавѣ сидѣлъ я такъ долго для окончанія Сборниковъ административныхъ постановленій, за которые мнѣ назначено награды 4500 рублей, и сія награда уже утверждена, но я еще не получилъ формального увѣдомленія и, должно быть, не получу денежнѣ раньше новаго года, къ которому обыкновенно пріурочиваются подобныя события. Очень ошибаешься, друже Иване, воображая, что живи я на на родинѣ, и могъ бы имѣть благотворное вліяніе на моихъ земляковъ: перебравши въ жизни много людей, я пришелъ къ заключенію, что моихъ земляковъ, т. е. представителей интеллигенціи, надобно предоставить ихъ ничтожной судьбѣ. Пускай ими займется еще кто нибудь другой, а я намѣренъ заниматься только своею особой. «Предметъ достойный!» какъ говорить бѣднага Пушкинъ, который—...Людей, конечно зналъ

И вообще ихъ презиралъ,
Но правиль нѣть безъ исключений”—

сказано далѣе. Существуютъ исключения и для меня, но для нихъ нѣть надобности жить на родинѣ. Землю покупать мнѣ никакъ не

приходится, по явишнимъ моимъ и дальнѣйшимъ работамъ, при которыхъ съ меня довольно хутора, чтобы наблюдать растительную и животную жизнь. Эта мысль занимала меня вѣкоторое время, а теперь я рѣшился жить процентами съ небольшого моего капитала,— это дастъ свободу и досугъ.

Благодарю за обстоятельное увѣдомленіе о твоей семье. Сохраненіе столькихъ дѣтей живыми и здоровыми лучше всего свидѣтельствуетъ о твоей мудрости, а если изъ нихъ выйдутъ работницы и работники мысли, то я причислю тебя къ величайшимъ изъ людей. Жаль, что ты недовольно проникнулъ въ сущность украинскаго вопроса, который жизненнѣе всѣхъ другихъ на нашей родной почвѣ. Кто стоитъ въ сторонѣ отъ него, о томъ можно сказать, что онъ не напишется въ книгѣ живыхъ. Память всѣхъ этихъ высоко или широкоглядъ потребится отъ земли нашей. Восхваляются и благословятся грядущими родами только тѣ, которые хлопочутъ, чтобы землю нашу насыпывали потомки проливавшихъ за нее кровь свою. О прочихъ будетъ столько памяти, сколько о строителяхъ желѣзныхъ дорогъ и тому подобныхъ полезныхъ вещей. Они получаютъ свою мзду, какъ поденщики, и остаются чужими на обрабатываемомъ или огораживаемомъ ими кускѣ земли. Мы же—прямые господа и владыки этой земли: на ней отпечатается нашъ нравственный образъ, и будетъ она известна народамъ чертами этого образа, ничѣмъ неизгладимыми чертами. Такъ вотъ и жаль мнѣ, что ты воображаешь себя болѣе мудрымъ человѣкомъ, нежели еси на дѣлѣ. Но спасбо и за то, что въ тебѣ есть. Моя Александра Михайловна вмѣстѣ со мною всѣмъ вамъ кланяется. Будь счастливъ по своему, какъ я—по своему.

Въ Варшавѣ проживемъ, по всей вѣроятности, до половины января, а потомъ за границу. Пиши на мое имя, въ Хмѣльнѣй ул. № 1260, а по моемъ выѣздѣ туда же на имя Вас. Мих. Бѣлозерскаго. Щербакъ не отвѣчалъ мнѣ на письмо мое о книгахъ, писаное еще лѣтомъ. Недавно я послалъ ему письмо о Словарѣ. Теперь онъ писалъ къ Бѣлозерскому, но все-таки не ко мнѣ. Твой Кулишъ.

Оце уже й йиду! Сей листъ укинетца въ скрыньку де небудъ на дорози. Чи надовго, чи ни—не знаю: тамъ побачу. Адресу моего за границяго не посылаю, бо не знаю ѹ самъ, де скильки перебуду

часу; а потимъ, якъ уже знатыму, напышу до тебе, мій добрый и ша-
новный друже. Колыжъ бы трапылось до мене що напысаты, не до-
жидаючись мого словисту, то пыши въ Варшаву на имъя Вас. Ми-
хайловича (Бѣлозерскаго) Хмѣльна ул. 1260, а винъ вже знатыме,
куды переслать. Бувайже здоровъ и щастливый изъ любою твою
жинкою и съ кохаными твоими диточками.

Твій Кулишъ.

1868 г. дек. 30. Варшава.

10.

1 февр. ст. ст. 1869. Хлоренція.

Выихавши зъ Варшавы, и все не здужавъ, та ще, вповаючи на
теплу погоду, не взявлъ зъ собою теплои одежи, то простудысь до-
рогою, а ще бильшъ у Видни въ поганому отели, куды мене заве-
зено оманою. Звелено йихаты въ добрый отель, а пидкуплена ледарь
мовчки прывезла (середъ ночи) куды скотила. Хата — якъ ледовна, у викна
дме, натопты и обогрity було не можна. Черезъ се и тажко про-
студысь, такъ що мусылы клыкаты до мене виденського Илократа
Опольщера. Поправивши скилько було треба для дороги, я пере-
їхавъ у Венецію. Тамъ на биду страшеннай морскай туманъ, а пидъ
проклиту карновальну годыну — насылу знайшли хатыну съ такою
печчю, якъ бжолыны улыкъ, та ще й то дымуе; и беруть за сю ра-
дисть у сутки карбованцывъ зо два. А биснуватый чортячими голо-
сами верещить зо всихъ бокивъ! Вырвавши зъ сего пекла, насылу
я добравсь до Хлоренція, — и тутъ холодно, сыро, дощъ, хата пидъ
небомъ, да й туды зъ земли долитае карнавальске верещанье. Ни-
чого въ свити нема такого ненавыднаго, якъ сей галасъ и свистання
у сто свистковъ разомъ. И ни на одну пивгодыну изъ 24 годынъ
не замовкне пекельна тривога скаженого народу! Думавъ, що вмру.
Выйти не можна, бо улица захрясна народомъ та божевильными
возами, и куды не пайдешъ, усюды народъ скаженіе. Дывувавсь я,
що Италія не знає ничего крашого надъ московськи балаганы зъ
ихъ мекекеканнами, чыскомъ, верещавнами, свистомъ, дыкимъ ги-
комъ, реготомъ, погаными завываннами и всякою огидою для уха и
ока. Тенерь, бачу що москали перейняли свій ледачій гармидеръ ба-
лаганный, свое безумне галасування и передражнювання чортакъ на
масныци у сiei ледачои черни, зопсованои Римлянами, Гуннами, Ова-
рами и т. д. и т. д.

Оцежъ, хвалыты Бога, зныть карнаваль, и я трохи очунявъ, то й пышу до тебе, друже Иване, оливцемъ, не маючи въ сему дыкому краи ни папера, ни черныла чутнего. Не здужаю! Небо въ хмарахъ, отели погани, всюды даютъ ийжу и пытта погане, та яке жидивство, яке ошуканство! Хочешъ воловыны, а вянъ тоби зжарыть свыныны зъ дымомъ. та й бреше въ вици, що се воловына. У вої Хлоренція не знайшовъ ни кохве, ни шоколаду по смаку. Найнявъ гарный померъ гостынныци, съ каминомъ п давъ задатокъ. Переїхавъ зъ другого отеля, ажъ мою куплену я заплачену хату оддано другому, а мене втереблено въ таку, що нема камина, ни печи. Усе вильготне, а папиръ мокроватый. Вернувшись кашель. Ни власти, ни права, ни чести, ни совисти, ни порядку, ни самой архметыки тутъ нема. Се хранцузы вызволыли Италію съ пидъ нимца, а сама вона не згидна ни на що, и завтра ії Наполеонъ, коли скоче, oddастъ изновъ нимцеви. Та и добре зробить: тогда хочъ якій небудь буде тутъ ладъ. Багацько росказавъ бы та цуръ ему!

11.

14 апрѣля 1869 года Венеція.

Спасибо тебѣ, друже Иване, за готовность выручить меня, но деньги у меня уже есть. Получилъ я наконецъ Высочайшую награду за Сборникъ административныхъ постановлений, хоть и обманули меня, давши только 2000, вместо 4500 р. Но лучше что нибудь, не жели ничего... Дѣла мои обстоятъ благополучно. На задни колеса я постоянно озираюсь. Этого не опасайся. Здоровье мое поправилось, но буду еще купаться въ морѣ, слѣд. пробуду въ Венеціи по крайней мѣрѣ до половины іюня. Пожалуйста не сѣтуй за небрежность и краткость моихъ писемъ, иначе и быть не можетъ. Твій Кулишъ.

12.

18/25 мая 1869 г. Прага.

Спасибо за извѣстіе о своемъ финансовомъ положеніи (тѣмъ болѣе, что оно сносно) и о семейныхъ твоихъ обстоятельствахъ. Хорошо твоей дочкѣ Соњѣ побывать между чужими людьми, но между какими—вотъ вопросъ! Пословица про бычка подвернулась тебѣ подъ неро безъ особаго выбора. Она сюда не идетъ. Теперь и бычковъ

не такъ обучають, какъ въ старину. Кажется, однакожъ, что ты именно для того желаешь дочку помѣстить на время среди людей чужихъ, чтобы она узнала, почемъ киша лыха. Друже Иван! Не хлопчи объ этомъ: узнаетъ она, хоть бы ты и не хотѣлъ, цѣну этого товара. Надобно заботиться о томъ, чтобы человѣкъ—пока молодъ и воспріимчивъ—впідѣлъ и слышалъ, а также испыталъ, какъ можно больше хорошаго и радостнаго. Поэтому, если Херсонцы твои славные люди, то случаемъ этимъ нужно дорожить; если же они ни то, ни се, какъ обыкновенно бываетъ большинство, то гораздо лучше твоей Сонѣ пребывать въ Кіевѣ и что-нибудь пригодное для себя на будущее изучать, особенно же хлопотать о самоцѣльности. Нынѣшнее воспитаніе и положеніе мужчинъ вообще приводить къ безхарacterности. Женщины, случайно, находятся, вѣдь вредныхъ вліяній, унижающихъ человѣка въ мужской формѣ. Такъ надобно старайтесь, чтобъ онѣ сами были въ состояніи заботиться о своемъ семействѣ, не разсчитывая на руководство такъ называемаго болѣе сильнаго (вовсе не съ нравственной стороны) существа. Ну, да что тебѣ совѣтовать? Цоговоримъ о другомъ...

Изъ Италии я выѣхалъ потому, что докторъ, которому я вѣрю, написалъ ко мнѣ, что бы я не купался въ морѣ. Самъ онъ скоро пріѣдетъ за границу и мы вмѣстѣ поизуеществуемъ. Я и избралъ своимъ временнымъ пребываніемъ Прагу, какъ ближайшій пунктъ къ его шляху. Тутъ очень хорошо со стороны цивилизациіи и простоты жизни и природы. Теперь адресуй ко мнѣ на мое имя: Ulice Lipova № 474.

13.

16|го іюня 1869. Вѣна.

Я страдалъ отъ простуды и отъ холода; не безъ того, что и усталость отозвалась во мнѣ. Были и еще кой-какія обстоятельства, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ ты знаешь. Разочарованіе въ человѣкѣ—тяжкое дѣло! Онъ—знаменатель многихъ, ему подобныхъ. Да вотъ пріѣзжаетъ Деньковскій, осматриваетъ меня весьма тщательно и объявляетъ, что мнѣ можно преснокойно работать еще 25 лѣтъ. Лѣкарствъ никакихъ, разрѣшеніе вина и елея, полное купанье такъ же. Съ того дня силы мол удвоились, и я теперь здоровъ, какъ рыба въ водѣ. Работаю я постоянно—это нормальное мое существованіе.

Иначе—я бы пропалъ отъ скучи. Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Нѣтъ жизни виѣ труда, а я—любитель труда.

Черезъ часть праздной бесѣды (напр. за обѣдомъ) я уже скучаю, кто бы ни былъ мой собесѣдникъ,—развѣ разговоръ самъ по себѣ будетъ—работа, и притомъ близкая къ моей сферѣ. Ал. Мих. беспокоится обо мнѣ подъ вліяніемъ обыкновенныхъ страховъ за жизнь дорогого человѣка. Это—ароматъ ся сердца, но я не желаль бы, чтобы онъ такъ дорого ей стоилъ. Ты же, друже Иване, долженъ успокоиться совершенно и даже измѣнить свое воззрѣніе на мои лѣта. Я перестану работать въ день моей смерти, хотя бы она случилась въ самомъ дѣлѣ черезъ 25 лѣтъ. Жатва многа, дѣлателей же мало! Мои занятія поддерживаются, а не истощаются меня: вѣрь этому!

Нѣкоторыя обстоятельства представляютъ для меня возможность пріѣхать, черезъ мѣсяцъ, или около того, къ себѣ въ Пиддубень. Можетъ быть на зиму опять выѣду, а можетъ быть буду зимовать въ хуторѣ. Тогда повидаемся и поговоримъ подробнѣ обо всемъ, что тебя интересуетъ въ моихъ занятіяхъ. Настоящее время самое для меня скучное: надобно ждать, чтобы въ одномъ мѣстѣ сдѣлалось то, а въ другомъ другое, а безъ того нельзя никакъ устроить своего быта опредѣлительно. Комбинаціи тутъ чисто денежныя. Если у меня не будетъ довольно денегъ, то мнѣ лучше зимовать дома. Тамъ я исполню такую часть моихъ работъ, для которыхъ здѣсь не имѣю матеріала и пособій, напр. по Словарю, по своду народныхъ думъ и пѣсень, по грамматикѣ. Даже для изученія еврейскаго языка у меня тамъ очічные есть изданія, принадлежавшія нѣкоему оріенталисту и находящіяся у меня много уже лѣть на храненіи. Вотъ когда понадобились наконецъ.—Къ Чехамъ Соню везти не для чего, а въ Швейцарію—превосходно! Я пошушу Деньковскаго озабочиться пріисканіемъ пансіона и сообщеніемъ тебѣ всѣхъ условій. На нихъ положиться можно. Теперь они їдуть въ Берлинъ, а въ Швейцаріи будутъ черезъ мѣсяцъ. Благодарю тебя за любовь ко мнѣ, который такъ мало имѣетъ возможности доказать тебѣ, какъ онъ ее пѣнить. Будь счастливъ! П. Кулышъ.

14.

Бездѣйный друже Иване! Бувъ я въ тебе неспавши ничѣ, то бачивъ и чувъ усе кругомъ наче кризъ сонъ. Оде жѣ пріхавши трохи згодомъ побачу и почую все заново. У Бровари выклыкавъ я

до себе зъ села за 17 верстъ Митрофана (Александровича) и бесидовавъ изъ нымъ, уже выспавшись дуже смачно. До дому добравсь передъ пивниччу, ще не спалы. Гарно дуже въ сему куточку Азіи, бо людамъ про неи байдуже. Ну, та про се описля; а теперъ прошу тебе ся 105 рубливъ пислати ось по якому алресу: Oesterreich, Wien, Herrn Panteleimon Kulisch. Vorstadt Wieden, Untere Allee-Gasse № 9... Тамъ е довиренность у одного земляка. Винъ знатыме, що з сими гришми чиняти. Тильки благаю посылати негайно. Якъ прышлютъ тоби зъ Видна аглицьку книгу, то вызволъ іі швыденько съ цензуры, та заразъ и посылай до мене, а втрату запыши. При сій нагоди скажешь мени, кому ты здавъ мои «Записки Южной Руси», що було въ тебе ихъ доволи прымирянивъ. Твій Кулішъ.

15.

1869, серпня 24. Піддубень.

Думка моя йихаты въ Кіевъ розбылась объ усякихъ дібні на поглядъ, а справди велики перепынки. Я сподивавсь мебель свою звайти вже въ Шиддубни, а вона лежала у Курському та гнила соби підъ голымъ небомъ на дощахъ. Уси мої книги, папири, одежа, да й сами ключи були тамъ позаховуваны. Не зновъ я, чи йихаты туда на выручку, чи ждати, що мени помоге вислати одинъ добродій, що піддобривъ изъ послугою на залізныци; та вже насылу, та на превеліку силу, викрутывъ я свое добро съ поганыхъ рукъ, що держать у Россії залізныци та не хочуть складувати пересылокъ підъ покриттями, а гноить та каличать по виодоби поганою душою своєю. Се тоби одна перепынка, друге Іване. Ще жъ то знаєшь, що я покинувъ хутиръ, не добудовавши хаты. Теперъ заходивъ кукобыты—чортъ-ма робити виївъ! Обіцяють прыйти та й зводати: такій тутъ народъ выроблено! Зимовать жъ не можна безъ захисту. Се друга перепынка. А третя ось яка: Василь Білозерській просивъ роспрородати его землю, та зъ сією роспрородажи взяты й соби частину гротей, що винъ мени выненъ. Якъ же почали мене водити одъ тижня всяки homunculi, то вилыла давно й Пречиста, а дило а-ниже не посунулось. Теперъ же мени треба йихаты въ Черниговъ, а тамъ те, а тамъ інше, то гляди—ще мисаць уплыве, мовъ та днина. Оттакъ у сему мертвому краю заликає за ни за що виїхъ людській! Все, що я зробивъ за цей мисаць тутъ, можна бъ—ей же ты Богу—

зробити въ Нимещини за два дни, та ѹе й безъ досады, безъ три-
воги, безъ нудьги. А вони хотуть Европу попереджувати дурни!
Бралысь бы вже въ Монгольщину, та й будобъ зъ ныхъ. Ни! Тымъ
варваръ и варварствує, що не знає свого варварства. Сповисты жъ,
друже мій Иване, добрыхъ сусидъ своихъ, що не абы-чого, а таки
справди черезъ великий скрутъ не прыйхавъ я, такъ якъ думавъ, у
Кіевъ, та й уклонысь имъ любенъко видъ мене.

Пайпотребнища мени книга, що прыйде на твоє имѧ зъ нимещи-
ни; вона мусить пійти въ цензуру,—то викрутъ іи зъ сего мытар-
ства та й присылай до мене заразъ. Хвалити Бога, я соби здужаю
и любе мени вельми життя на хутори: найкраще воно въ свити!
Тилько треба добре окубовитись и все впорядкувати. Кланяюсь
ширимъ серцемъ твоїй семїи! Твій Кулишъ.

16.

15 сентября 1869 г. Поддубень.

Стѣздиль бы ты, друже Иване, въ село Печи, находящееся въ
20 верстахъ по сю сторону отъ Нѣжина. На станції ж. д. останов-
ки 3 минуты. Отъ станції въ 2 верстахъ—село Печи. Возлѣ самой
церкви живетъ нашъ прикащикъ Лавринъ, управляющій 41 десяти-
ною продающейся земли, который тебѣ ее покажеть и расскажетъ.
Поставивъ ногу на этой землѣ, обладая деньгами наличными, можно
купить по случаю весьма хорошее имѣніе, а это яко удобное по по-
зиції продать.

Если хочешь, поїзжай далѣе по ж. д. въ село Плиску. Тамъ
прикащикъ Григорій Король покажеть тебѣ 30 десятинъ поля (безъ
лѣсу); за эти 30 десятинъ можно взять 2000 р. Только знай, что то
и другое имѣніе предоставлено доктору Дыньковскому, отъ которого
я ожидаю и денегъ. Только въ случаѣ его выбора или отказа, я мо-
гу имѣть сдѣлку съ тобою. Это рѣшится скоро. И въ первомъ и во
второмъ имѣніи ты будешь часто видѣться со мной; а со временемъ
можемъ и очень присунуться одинъ къ другому своими оселями, да
къ тому заведемъ еще какую нибудь совмѣстную покупку и перепро-
 дажу. Твой П. Кулишъ.

17.

^{15/27} декабря 1869. Вѣна.

Безцѣнныи друже Иване! Въ Варшавѣ пробылъ и только сутки, и на 8-й день по отъѣздѣ изъ Киева насилиу добрался до Вѣны. Желѣзныи дороги въ Россіи исполнены невообразимыхъ беспорядковъ и задержекъ. Надобно считать за счастье, что я остался живъ. Лучше было бы ѿхать на Брестъ—но не въ дилижансѣ, который своего рода каторга. Здоровье мое пострадало въ дорогѣ мало. Нѣсколькими днями сидѣнья въ комнатѣ возстановлю его. Радость земляковъ о моемъ прїѣздѣ была велика,—я есть чему радоваться! Очень доволенъ я, что рѣшился ѿхать, при самыхъ неблагопріятныхъ денежныхъ обстоятельствахъ.

Теперь о другомъ. О продажѣ тебѣ земель въ Печахъ я говорилъ съ Вас. Мих.; онъ совершенно согласенъ отдать ихъ за 1200 р. кромѣ грунта, заключающаго въ себѣ 1 десятину. Этотъ грунтъ обещано продать Лаврину, который всего больше дорожитъ сосѣдствомъ «Дому Божего». Помни, что иечинская станція по ж. д. (20 верстъ по ту сторону Нѣжина), называется не Печи, а Круты, по имени другогососѣдняго села. Содержаніе твоего Юліана въ Вѣнѣ maximum будетъ стоить 320 р. въ годъ. Устроить его положеніе готовы, какъ близкіе родные для близкаго родного. О Сонѣ еще ничего не скажу относительно того, что я ей лично обѣщаль, но всячески буду стараться.

Посылаю нефранкировавши ради вѣрнѣйшаго полученія, и ты не франкируй ко мнѣ. Всегда пиши: Oesterreich—Wien poste restante. Herrn P. Kulisch.

18.

28 января 1870 Пидубень.

Получивши, друже Иване, твое письмо, я написалъ было тебѣ очень чувствительный отвѣтъ, но медлилъ отослать въ ожиданіи кое какихъ событий. Между тѣмъ чувствительность письма, въ виду твоихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, показалась несоответственнаю. Кого можно утѣшить словами? А никакого дѣла, способнаго тебя возвеселить, нельзя предпринять. И такъ, я уничтожилъ письмо мое и ограничиваюсь простымъ увѣдомленіемъ, что я сдѣлаю все, тебѣ угодное.

Земли и лѣса я продаю по уменьшенній цѣнѣ и деньги тебѣ доставлю во-время. Дѣлай, что признаешь за меныше изъ золъ или за лучшее изъ благъ, чтобы ни на кого въ душѣ не сѣтовать. Ко мнѣ раньше весны не прѣѣзжай: у меня холодно. Домъ не былъ выпробованъ зимою: ни разу въ немъ не зимовали со временеми постройки. Увѣдоми меня, лучше ли стало вокругъ тебя? Я каждый день о тебѣ думаю. Знай, что я по мѣрѣ всего отъ меня зависящаго приму участіе въ твоихъ семейныхъ дѣлахъ во всякое время и вездѣ.

Твой Кулишъ.

19.

10 февраля 1870. Пиддубенъ.

Я послалъ тебѣ, друже Иване, 300 р. и еще пришлю въ скромъ времени 200. Продавать земли я долженъ и помимо твоей надобности, а о дорогой продажѣ напрасно мечтать, потому что денегъ въ нашемъ краѣ нѣтъ — или мало.

Прѣѣзжай ко мнѣ не раньше весны, когда можно будетъ гулять на дворѣ. Не привози зъ собой ни Шевченка, никого другого. Кто имѣеть ко мнѣ надобность, пусть пишетъ. Я постоянно запарти и мнѣ каждый, кромѣ тебя одного, только мѣшаетъ. Твой П. Кулашъ.

Н. Въ Пліскѣ умеръ мой пріятель, козакъ, на котораго я во всемъ полагался. Это заставило меня продать початую постройку лавки и уступить мѣсто подъ гостиницу своему товарищу. Ограничиваюсь однимъ хуторомъ и въ немъ сосредоточиваю всю свою дѣятельность; да и то все хозяйство предоставилъ я Алекс. Михайловнѣ, а самъ знаю одни книги. Такою рѣшимостію я себя удосужилъ для дѣла литературнаго и очень успокоенъ.

20.

1870 серпня 27 Венеція.

Коханый друже Иване! Такій у мене бувъ тажкій нежитъ у Києви, що не можна було й на свитъ Божій дивитись, не то вже любе слово промовити. У дорози жъ те лыхо якось мынулось. До Радзивилова мусылы мы йихаты киними, а вже тилько зъ жидивскихъ Бродъ полетили огнянимъ возомъ, мовъ той святий Ілля. Якъ я казавъ, такъ и сталося, що не знаю де опынюсь. У Видніп тилько поба-

чивъ що мушу йпхаты въ Италію. Не згирша й се краина: трохи краща видъ багнюковатои Борзенщины. А що вже небо, такъ и Господы! Умочивъ Господь здоровеннаго квача въ самый чистый блакитъ да за однымъ махомъ и вымазавъ его все, не покинувши й малесенькои плямынки.

Литературную працу свою я добре злагодывъ, знайшовши охочихъ помишныхивъ до чорной роботы. Тенеръ трохи погуляемо зъ Иваномъ, якъ ти бжолы, що давно пасишныкъ не выпускавъ на прйгру: бодай чи не махнемо ажъ туды, де колись у ночи загетекалы на ввесь свитъ гуси. А поки що, то й Венеція, втишае насъ мовъ доброго чоловика цысанка на Велыкдень. Забуваешъ усю гидоту, на яку надывывсь сидачи дома мовчки. Душа здається крылатою, а въ серци—ни крихотки туги. Оттаке воно, брате, дыво!

Подякуй пану Михайлови и іого любій жинци, що пустылы не переночуваты, та пысни иногда до мене про свое житте и здоровъя. Вельми я втишався, що ты помолодшавъ; а зимою прыстарывся бувъ дуже! Не турбуйся дуже про долю дитворы твоєї. Якось мы зъ тобою прожили мижъ добрыми й лыхими людьми; то чомъ же ииъ не прожити? Жинци твої вклоныся видъ мене любенько. Адресъ Italia—Venezia al sign-r Panteleone Kulisch. Hotel Bauer.

21.

5 окт. 1870. Венеція.

Друже мій Иване! Якъ живешъ на свити? Я добре. Тутъ мы не знаемо ни витру, ни холоднечи. Любо якъ у насъ на провесни. Газеты не дають ничего робыты: знай читаю. Та й е що читаты! Тилько французы и вси ихъ пріятели разъ у разъ брешуть. Оде жъ думаю, що й до васъ доходыть бильшъ брехни, нижъ правды. Пани моя ще въ хутори. Е чутка, що зализныця до Волочиска незабаромъ буде готова. Колы такъ справди, то попросы любого нашого Михайла (Щербака) нехай спровидує та й сповистить мою пани заздалеги, щобъ вона не былась по далекихъ дорогахъ. Пыльно про се благаю.

Про себе ничего пысаты опричъ того, що добре здухаю, та у сему жъ и вся ричъ. Бувай здоровъ зъ усією семьею, та напыши про себе. Спизнався тутъ изъ вашимъ Кіяниномъ Цихановецькимъ Се добра людина. Твій Кулишъ.

Якъ йихатыме моя пани черезъ Київъ, то нехай Михайло на-
готує ій нове виданіе Богдана Хмельницького. Я й до неї про се
пysавъ, колыбъ не забула.

22.

⁶|₁₈ Февр. 1871. Віна.

Дорогій друже Іване! Обицявъ еси телеграммою вислати гроши тай не виславъ. Може, прочитавши мій листъ, та побачивши, що я прошу грошей не для себе, ты мрукнувъ соби тай байдуже. Колы такъ воно есть, то помылься ты здоровово. Тымъ часомъ прыйшли до мене інши гроши, такъ и не бида, а колыбъ и си гроши загаялъся, то бувъ бы великий скрутъ. Оде колы пославъ ты гроши, то добре, колыжъ не пославъ, то й не посытай, ажъ поки не сповищу, а може ихъ и зовсімъ буде не треба. Тилько зроби мени ласку, напиши разъ про всю прyczину, щобъ я знатъ, бо мушу сповистыти негайно Ив. Білозерськаго у Венеції.

Мы зъ жинкою тильки вчора въ ночи прыйшли до Відня. Загаемось тутъ довгенько, хиба сама папи скоче вернутись швидче въ хуторъ догледити господарства на провесни. Прошу тебе, друже, сповистыти мене, чи йиздять уже зализыщею зъ Києва до самого Радзівілова, чи й доси ни, и колы ни, то чи хутко йиздитыуть.

Твій Кулишъ.

23.

5 іюня 1871 года. Піддубень.

Безцінний другъ Іванъ Филипповичъ! Я уже дома. Печатанье будеть продолжаться заочно. Я все для этого устроилъ, и нѣть надобности мнѣ издерживаться на содержаніе моей особы заграницею.

Отдохнувши, пріѣду въ Київъ. Кланяйся Мих. Григор. и его домашнимъ, а куми моїй поцилуй ручку.

Твій Кулишъ.

24.

8 іюня.

Посылаю тебѣ 1000 р. Стройль я себѣ планъ поїздки въ Київъ, но выпило іначе. Пани моя боится за меня холеры. Досадно! но дол-

жно покориться. Раннюю часть косовицы я окончилъ съ большими успѣхомъ, такъ что пожалѣль о сѣнокосахъ, отданныхъ коеитъ съ половины: слѣдовало косить самому. При всѣхъ издержкахъ, было бы выгоды на 25%. Въ слѣдующемъ году буду косить все самъ. Произведеннымъ опытомъ добылъ я много практическихъ свѣдѣній, какъ быть съ рабочими. Я начинаю слыть хозяиномъ, котораго дѣламъ удивляются; я всегда удивлялся неумѣнью моихъ сосѣдей хозяйствовать. Что сдѣлало изъ меня лучшаго между чиновниками въ Варшавѣ, то самое сдѣлаетъ и лучшимъ между хозяевами. Моя заповѣдь: *est modus in rebus*. Ни теоретика, ни практика меня не увлекаютъ. Каждая мѣстность имѣеть свои законы для дѣйствій. Покамѣстъ я не ошибаюсь. Лѣсъ, купленный мною за 2000 р., цѣнить уже въ 5000 р.; а за проданный Тарновскому давали мнѣ два года назадъ только 1300 р., но я не уступилъ даже и въ крайности, до которой довелъ меня Иванъ Бѣлозерскій. Этимъ предъ тобою хвастаю! Пріобрѣтеніе Матроновки дастъ мнѣ новые законы дѣйствій. Побачишъ! Жаль, что мнѣ не удалось повидаться съ тобой и развить передъ тобой мои гарантіи успѣховъ. Ничего я не предприму, не гарантируя напередъ. Да вжежь колысь побачымось не только въ Кіевѣ, но и въ сихъ злачныхъ мѣстахъ! Бувай здоровъ! и да пронесется надъ твоей семьей безвредно бѣда холерная!

Старайся продать мѣсто на Рейтарской улицѣ по прежнему и по прежнему не спѣши высылкою денегъ заграницу Ивану Б. Этому человѣку я ни въ чемъ не вѣрю.

Твой Кулишъ.

25.

27 сент. 1871 года.

Командантъ спрашивалъ своего субалтерна: почему не стрѣляли? Тотъ отвѣчалъ: «во 1-хъ не было пороху, во 2-хъ....—Довольно! сказа-
зать командантъ. Этой одной причины совершенно достаточно, чтобы стрѣльбы не было.

Такъ и я расписалъ тебѣ всю исторію и не сказалъ, что я со-
стою очереднымъ почетнымъ мировымъ судьею 1-го участка, и что
участковый судья Рындовскій уѣхалъ въ отпускъ, сдавши мнѣ дѣла
и деньги. Поэтому мнѣ никакъ нельзѧ ѿхать въ Кіевѣ. Не разрѣ-
шить мнѣ этого и Мировой Съездъ.

Для дѣлъ я не отлучаюсь изъ дома, а сужу народъ среди своего лѣса. Добудь денегъ хоть у черта и пришли 700 р., а 1300 храни у себя. Твой Кулишъ.

26.

27 сент. 1871. (Матроновка).

У меня работаетъ 20 человѣкъ солдатъ. Въ мое отсутствіе, они работать не могутъ, потому что дѣятельность ихъ была бы для меня равна непріятельскому нашествію. Я не пріѣду и не понимаю, какимъ образомъ я, неизвѣстное банку лицо, могу дѣлать подпись на векселяхъ! Кликни съ улицы первого прохожаго, пусть онъ подпишется; это будетъ равносильно для банка моей подписи. Однимъ словомъ: я не поѣду до отпуска солдатъ не только въ Киевъ, но и за пять верстъ. Даже по воскресеньямъ они работаютъ (за особую плату), но работать въ отсутствіе хозяина никоимъ образомъ не могутъ, все равно какъ слѣпой не можетъ работать въ благоустроенномъ домѣ, совершенно ему чужомъ. И такъ, или достань денегъ, не требуя меня самого въ Киевъ, или оставь меня на произволъ судьбы. Я заранѣе писалъ къ тебѣ о солдатахъ, но ты неясно представляешь ихъ работу. Она есть пересозданіе самой мѣстности изъ хаотического состоянія въ благоустройство, о которомъ сіи бобры не имѣютъ никакой идеи. Оставить ихъ безъ присмотра на одинъ часъ—значить рисковать предметами незамѣнимыми—именно деревьями, а по предмету рытья земли произойдетъ безсмыслица. Ты, можетъ быть, скажешь: почему же пани твой не замѣнитъ тебя во время отсутствія въ Киевъ? отвѣщаю: потому самому, почему жена Мольтке ни одинъ разъ не замѣнила его во время французской кампаніи. Я нахожусь въ экспедиціи, отъ которой зависитъ существованіе новаго міра, моей Америки, а ты велишь мнѣ ѻхать въ Киевъ для какой-то подписи! Жаль, что ты не могъ быть у меня и осмотрѣть мою территорію въ томъ видѣ, какъ она мною приобрѣтена. Посѣтивъ меня въ другой разъ, ты бы видѣлъ, что здѣсь произошло, какое превращеніе!

Твой П. Кулишъ.

27.

1 ноября 1871 года.

Знай, друже Иване, что и съ 25 сентября по вчерашній день находился въ лѣсу при работахъ съ разсвѣта до ночи, приходя обѣдать на полчаса. Часто я долженъ быть навѣдаться и въ хуторѣ, гдѣ часть солдатъ работала разныхъ разности. Рабочихъ у меня было сперва 20, а потомъ 30 человѣкъ. Вчера только я отпустилъ ихъ, «такъ какъ ихъ потребовано въ полкъ». Ротный командарь выпросилъ для меня у полковника только пятерыхъ солдатушекъ, которые придутъ завтра и которыхъ работа, безъ моего постояннаго присутствія, была бы для меня вредна, а не полезна. Не знаю еще, на сколько времени отпущены сіи христолюбивые воины, но во всякомъ случаѣ прибуду за нѣсколько дней до двадцатого декабря, да еще, пожалуй, пису денегъ тебѣ привезу, потому что источники моихъ пріобрѣтеній разверзаются. Чего доброго, мы и въ банкѣ денегъ не будемъ имѣть надобности братъ. Посмотримъ, что можно сдѣлать, но будь увѣренъ, что я не посажу тебя на леду къ 20 декабря. Писать больше некогда, сиѣшу къ Имшенецкому. П. Кулишъ.

28.

17 декабря 1871. Марроновка.

Слѣдуетъ увѣдомить тебя, единый друже Иване, что я живъ и здоровъ, хотя могъ бы быть уничтоженъ и сломанъ многажды съ того времени, какъ оставилъ твою гостепріимную обитель. Недавно произведено нападеніе на двухъ вупцовъ, Ѳхавшихъ въ 4-мъ часу, т. е. утра, на станцію, пятью рыцарами таинственнаго ордена, а въ самое утро моего отѣзда въ пассажирскую залу вѣжалъ полунаагой человѣкъ, ограбленный на платформѣ. Мне слѣдовало имѣть револьверъ въ рукѣ, а не въ саку. И такъ вѣдай, что живъ и здоровъ человѣкъ, который былъ наилучшимъ относительно самого себѣ въ тѣ времена, когда казался другимъ «ледающимъ» относительно кого бы то ни было. Sąd nad nami nie dany nikomu:

Chcęc mnie sądzić, trzeba być we mnie, nie ze mną.

Я тебя уважаю между прочимъ за твою терпимость, выражющую въ моихъ глазахъ недовѣріе къ собственному суду; но и ты не всегда стоишь на одинаковой высотѣ пониманія дѣлъ человѣческихъ.

«Какъ трудно быть справедливымъ къ человѣку!» сказаль однажды Ив. Ив. въ Венеціи, и эти слова дали мнѣ почувствовать, что онъ, несмотря на недодѣланныя и заскоренные части своей будивли, очень умный человѣкъ. Продолжаю прежнюю мысль. Ты видишь, что мнимое нѣкими во время оно ледаше, чрезъ много послѣ того лѣтъ и превратностей жизни, отвергаєтъ сіе мнѣніе совершенно такъ, какъ отвергалъ бы и въ самый моментъ мнимаго ледарства да еще, но-табена, отвергаєтъ посреди тяжкихъ заботъ объ обеспеченіи кой-кого на случай прежде ожидаемой своей смерти, хотя сей кой-кто и не необеспеченъ въ настоящее время, т. е. не совсѣмъ остался бы го-лоднымъ и холоднымъ, если бы *force et taїere* прекратили мое ви-димое существованіе. Это прологъ. Далѣе скажу, что я освѣдомлялся въ Пліскѣ, нельзя ли такъ устроить, чтобы спабжать тебя египет-скими мясами, икъ же алчеть душа твоя на пути къ землѣ обѣт-ванной. Цѣны въ Пліске стоять вдвое выше Борзенскихъ, а воров-ство багажа такъ вошло въ обычай, что нельзя ручаться ни за одну посылку; застраховки на Плісецкой станціи не принимаются. Поэтому отложи попеченіе, а если хочешь, то сдѣтай два дѣла разомъ. Именно: прѣѣзжай къ намъ на сколько тебѣ можно дней съ Юліаномъ-отступникомъ, такъ чтобы быть здѣсь на самую кутью (читай *кутю*). Сынъ твой увидитъ, что люди живутъ еще и вотъ какъ, а ты накупишь египетскихъ мясъ столько, что дорога, по крайней мѣрѣ одному изъ васъ, окунится. Для этого запасись двумя большими по-рожнами саками, а перемѣнны платья не бери, развѣ одну сорочку. Напаковавши столько, сколько возможно взять съ собой въ вагонъ (въ другой рукѣ будетъ тюкъ съ египетскими мясами), ты обезпечишь себя отъ похищенія: добыча будетъ вѣрная и явишься ты домой, аки оный исполинъ—ловецъ передъ Господомъ, у котораго, иувѣренъ, никто не похищалъ ловитвы. Въ Пліску ты прїѣдешь на кутью между 9 и 10 часами утра. На почтовой ставціи будутъ ждать тебя мои кони, если будетъ санная дорога; если же груда, то по-зволь мнѣ расплатиться за тебя, т. е. выкупить собственныхъ коней, которые и меня не возили въ Пліску. (Писано бо: блаженъ человѣкъ милуй и скоты). Непремѣнно я долженъ покрыть эту часть твоихъ дорожныхъ издержекъ. Только вотъ вопросъ: какъ вамъ за-щищиться отъ холода во время перѣѣзда изъ Пліски до Пиддубна? Я не напрасно былъ въ двухъ шубахъ, да на ноги бралъ тулупъ. Это статья первостепенной важности. Если твоей шубы (подъ шубою теплое пальто) достаточно для тебя, то для Юліана-отступника по-

зычъ у кого нибудь мѣховой одежды, подъ которую онъ одѣнетъ свое нынѣшнее пальто съ мѣховымъ воротникомъ. А о ногахъ тоже по-заботиться, и, въ случаѣ недостаточнаго ихъ обезпеченія, имѣй благоразуміе вставать съ повозки и проходить пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока ноги согрѣются; въ случаѣ же надобности, заходи въ хаты, которыхъ встрѣчаются довольно часто. Моему сердцу было бы пріятнѣе видѣть у себя, на первый разъ, Соню: ибо та—моя дщерь во Христѣ Иисусѣ; но во первыхъ, сія свудельничіи сосуды мудрено возить безъ поврежденія въ такую пору года; а во вторыхъ, она, при всѣхъ возможныхъ достоинствахъ, все-таки женщина, а женщины такъ-же хочется видѣть молодость и быть видимой оною, какъ цвѣтку смотрѣть на солнце и быть освѣщаемымъ онымъ. Для Сони въ романѣ хорошаго писателя можетъ правиться зимняя поѣздка въ забвенный свѣтомъ и не желающій вниманія свѣта хуторъ, по дрянистой дорогѣ; но въ жизни собственной гораздо пріятнѣе провести хоть одинъ часъ передъ перекрестнымъ огнемъ молодыхъ глазъ (NB, часто весьма подло глядящихъ, но не для ея проницательности). Для Сони можно будетъ устроить поѣздку въ пору соловьевъ, которые предательски учатъ молодое сердце любить, съ тѣмъ чтобы жестоко за это поплатиться. Этотъ ядъ, распространенный весною въ нашихъ лѣсахъ, по крайней мѣрѣ сладокъ, и почему же его не хлебнуть, пока force et mati re находятся въ наилучшемъ для глазъ соединеніи? Тутъ она найдетъ и Вальтера Скотта на французскомъ языкѣ. Воображая себя на мѣстѣ какой нибудь Діаны Верпонъ, она прочтеть хоть одну книгу подъ очаровательный шумъ нашпхъ березъ и дубовъ, и вку-сить на время сладкаго обмана. Теперь же и обмануть ей себя здѣсь нечѣмъ. Живутъ себѣ дидѣ зѣ бабою въ маленькой хатѣ да году-ютъ скотину, чи курей, чи свиней.

Фи, прозаическая бредовъ!

Фланандской школы нестрый вздоръ.

Юліанъ-же отступникъ будетъ вознагражденъ за холодную до-рогу видомъ цѣлыхъ грудъ книгъ классического и реальнаго содер-жанія. Ему, какъ бойцу жизни, надобно видѣть жесткую наготу ея. Надобно ему прикосновеніемъ къ жесткой наготѣ жизни намозолить свою периферію, чтобы тѣмъ безопаснѣе хранить внутри все иѣжное, не всѣмъ показываемое, священное. И такъ, вотъ тебѣ проектъ по-ѣздки въ хуторскую глушь. Если на нее отважишься, или лучше ска-зать: если сообразишь, что въ ней больше пользы и удовольствія

чѣмъ потери и тягости, то увѣдоми меня для мѣропріятій съ моей стороны, а покамѣсть буди здравъ съ твоими дѣтьми: Вѣрою, Сашею, Манею, Зинею, Лидіею, Соною, буйтуромъ Зиновіемъ и Юліаномъ-отступникомъ. Твой II. Кулишъ.

29.

23 декабря 1871 г. Пиддубенъ.

Единий друже Иване! Пріѣхавши до дому написалъ было я къ тебѣ письмо (оно хранится съ наклеенною маркою), приглашающее тебя съ Юліаномъ на святки въ Пиддубенъ. Но какъ вообразилъ я васъ, горожанъ, между Плискою и Пиддубнемъ, на холодѣ, то и не послалъ письма, которое, однакожъ, ты, когда нибудь получишь, потому что оно заключаетъ въ себѣ кое что для твоего назиданія относительно меня. Теперь же вотъ о чѣмъ слово мое. Думалъ я думалъ про Соню, и пришелъ къ заключенію не въ пользу поѣздки заграницу. Мало ли дѣвицъ, обладающихъ французскимъ языккомъ въ совершенствѣ, остаются безъ мѣстъ? Къ тому же французскій языкъ можно усвоить не выѣзжая изъ Киева. Полезныя для ея будущности рукодѣлля также можно усвоить въ Киевѣ. Все дѣло въ томъ, чтѣ не пріобрѣтается въ какомъ либо опредѣленномъ положеніи или въ какой либо опредѣленной странѣ: все дѣло въ характерѣ. Есть онъ—то и кусокъ хлѣба вѣренъ въ будущемъ; а *ничи*—ничѣмъ не обезпечашь будущности. Вотъ для Юліана-отступника такъ очень—очень пригодилось бы пребываніе заграницей. Но теперь еще нельзя везти его туда, хотя бы ты и опредѣлилъ для него 300 р., назначенныхъ тобою для Сони. Нокамѣсть пусть онъ занимается своими *тетюфами*¹⁾. Заграницу поѣду не раньше начала марта.

Кулішъ.

30.

Февраля 4 1872 Пиддубенъ.

Приклони ухо твое ко глаголу усть моихъ! Нѣсколько лѣтъ уже волочусь я за хуторомъ Матроновкой, который состоитъ изъ усадьбы съ большимъ, удобнымъ для життя домомъ и 130 десятинъ, распо-

¹⁾ Конечно, имѣются въ виду греческія спражевія.

ложенныхъ вокругъ нея въ одномъ кускѣ. Владѣлецъ его рѣшился наконецъ на продажу. Цѣна дорогая, если смотрѣть безотносительно,— 9000 р., но въ сложности съ Оленовкою (150 десят.) съ Пиддубномъ (30 десятинъ), съ 30 десятинъ Оленовской земли, находящейся въ нашемъ владѣніи, съ 10 дес. его же усадебно-лѣсной земли въ ме-жу съ Матроновкою, также de facto намъ принадлежащей, и съ 20 десят. объявленными тобой въ Киевлянина (п того 370 дес.), стоить это имѣніе покупки, тѣмъ болѣе, что на первый разъ нужно имѣть въ карманѣ не болѣе 3000 р., остальные будутъ разсрочены на 5 лѣтъ. Не говоря о доброжелательствѣ твоемъ ко мнѣ, въ твоихъ ин-тересахъ слѣдуетъ помогать мнѣ достигнуть обезпеченнаго землею положенія; ибо по закону вѣроятностѣ, я проживу больше твоего, и никто, кроме меня, не способенъ озабочиться судьбою дѣтей твоихъ. Если же мы оба созданы Маѳусайлами, то лучше имѣть имущаго, нежели неимущаго друга. Но, какъ человѣческіе расчеты часто оказываются ошибочными, то въ ту сдѣлку, которую тебѣ сейчасъ предложу, и введу документальное обезпеченіе твоего добра. А именно: ты отложишь на нѣсколько времени постройку свою, а 3400 р. зай-мешь для меня. Я же заложу тебѣ за эту сумму Оленовку, которая во всякомъ случаѣ стоитъ больше. Владѣя 370 десят., я могу достав-лять тебѣ деньги на твою постройку, если ты распредѣлишь сроки: вбо лѣсовъ щадить я не буду, кроме ближайшихъ и лучшихъ. Даже въ ближайшихъ лѣсахъ предположено мною оставить только самое лучшее дерево «для славы и красы», какъ говоритъ Егова Мойсею. Судью мнѣ сдѣлаться легко, а жива дома, изъ судейскаго жалованья можно съэкономить 1000 р., т. е. въ трехлѣтие 3000 р. Такимъ об-разомъ мы выйдемъ оба на путь достаточной жизни. Покупку Матро-новки мы держимъ въ секрѣтѣ, по соглашенію съ продавцемъ. Иванъ (Бѣлозерскій) узнаетъ объ этомъ только по полученіи отъ него обѣ-щанной имъ купчей на Оленовку весною.

31.

15 февр. 1872. Поддубень.

Ты правъ съ твоей точки зрѣнія: ты размышляешь умно и ве-ликодушно. Но часто бываетъ въ жизни, что другой, поступая напе-реворъ нашимъ возврѣніямъ, достигаетъ наиболѣшыхъ результатовъ. Матроновка будетъ куплена, хотя вовсе не по финансовымъ разче-

тамъ. Для этого я готовъ, на худой конецъ, запрятать себя въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, гдѣ, при всей враждебности къ моему генотѣ, дадутъ мнѣ хорошее жалованье. Къ этому жалованью я въ тотъ же годъ прибавлю другое такое же своимъ перомъ, пошившись въ переводчики, компилиторы, публицисты и т. п., на что теперь, изъ-за своей Библіи, смотрю съ иренебреженiemъ, равно какъ и на канцелярскую работу. Но это будетъ, повторяю, на худой конецъ. Покамѣстъ я имѣю свои ресурсы въ виду. И такъ, знай, что Матроновка куплена будетъ; но ни полъ слова объ этомъ пану Ивану. Хоть онъ тебѣ и нравится, а въ немъ сидитъ бѣсъ, угрожающій мнѣ постоянно какоюнибудь пакостью. Я осклябился, подобно какомунибудь митрополиту, читая твои слова о моихъ чортѣ знаеть какихъ наслѣдникахъ. Ихъ существованіе причиною тому, что я неимѣю никакой собственности (*de jure*). Все, что я имѣю, принадлежитъ Александрѣ Мих., которая отъ своихъ братьевъ, на всякий случай, ограждаетъ меня духовными завѣщаніемъ на каждое мое благоприобрѣтеніе. Но я отнюдь не желаю, чтобы послѣ нея мое благоприобрѣтеніе досталось ея неуважаемымъ мною братьямъ, и для этого придумана мною схема, о которой скажу при свиданіи, повѣсть о чемъ довольно обширна и для тебя небеззинтесна.

У насъ 15° тепла въ комнатѣ, потому что дрова занасаются съ весны и лежать на солнцѣ перепиленные и переколотые: дубъ, береза, груша, ольха, осина, верба, преимущественно же дубъ и береза. Въ этомъ отношеніи мы аристократы.

32.

16 марта 1872

Zapatrzywanie sie twoie на оплату Оленовки и Матроновки jest mylnym: если бы я долженъ былъ, впредь отъ вышеписанного числа, уплатить 20 тыс. государств. ассигнаціями, то и тогда для этого нужно бы было не 20, а только 5 лѣтъ. Мнѣ на первый разъ могутъ дать жалованья minimum 1500 р. въ годъ. Эти деньги я проживу. Но находясь въ столицѣ, я заработкаю перомъ непремѣнно 2000 р. На другой годъ жалованье мое увеличится по меньшей мѣрѣ 500 рублей, а жизнь на столько же удешевится: ибо мнѣ не нужно будетъ устраивать квартиры и приличного высшей фешенебельности (я долженъ въ ней вращаться, *conditio sine qua non*) гардероба. Въ кассѣ у меня

останется 3000 р., что съ 2000 р. за первый годъ составить 5000. Если я въ остальные три года не заработаю по 5000 р., то не зови меня Кулишемъ, а квашею. Два первые года будуть употреблены мною на составлениe знакомствъ и прiобрѣтенie чрезъ оныя способовъ къ добыванiю денегъ; въ два года я сумѣю faire valoir всѣ тѣ качества, въ которыхъ со мной способны равняться весьма немногiе изъ смертныхъ. Неужели ты думаешьъ, что моя Варшавская служба есть только игра случайностей? Я изучилъ людей и обстоятельства и воспользовался тѣми и другими. Моральная смерть Милютина¹⁾ испортила мою карьеру; но если бы мнѣ не опротивѣли чиновники до блевоты, то я могъ бы оставаться при 4500 (а съ наградами 5000) сколько мнѣ угодно, впрець до лучшаго времени. Нѣтъ, я долженъ быть разорвать съ ними и по состоянiю моего духа, и ради спасенiя моей репутациi, которую они хотѣли опоганить. Въ Петербургѣ я изберу иныхъ людей и иную сферу дѣятельности, а пять лѣтъ невольничества слѣдуетъ принести на жертву для возвращенiя Матроновки изъ рукъ нелѣпыхъ въ руки достойныя владѣть ею. Тутъ особая исторiя, а не разсчетъ. Матроновка стоитъ только 5000 р.; четыре же тысячи я даю за искупленiе ее изъ позорного положенiя, въ которомъ она находится, Словомъ, тутъ цѣлая исторiя, имѣющая свои требования. Но мнѣ нѣтъ надобности платить 20000 р. а только 9000 и эти деньги заплатятся легче, чѣмъ ты думаешь.

И такъ, Carthado delenda est!

Для посѣщенiя ты выбралъ плохое время. Отложи до вакацiй. Утонешь на нашихъ дорогахъ, а мокрота и дожди не дадутъ тебѣ ничего видѣть въ моемъ хозяйствѣ. Притомъ же, еще не разрѣшился фактически вопросъ объ Олсновкѣ. Иванъ прiѣдетъ весною. Тогда, т. е. по совершенiю купчей, намъ будетъ о чёмъ съ тобою потолковать относительно земель и угодiй.

33.

15 июня.

Паки реку: да пронесется надъ тобой и твоими буря эпидемiй!

У насъ, покамѣсть, кругомъ здоровые люди. Да и трудно вообразить санитарность болѣе надежную. Въ самые жары здѣсь можно гулять въ тѣни древесъ. Кругомъ злаки и злаки, переходящiе въ зо-

¹⁾ Ник. Алекс. Милютинъ, статс-секретарь по дѣламъ Польши, въ 1866 г. поражаѣзъ былъ нервнымъ ударомъ и долженъ былъ отказаться отъ государственной дѣятельности.—Ред.

лото полей. Теперь у насъ за воротами жита, идущія до горизонта на подобіе палеваго моря. За ними—льса и село Оленовка, утонувшее въ деревьяхъ. Шумъ листьевъ постоянно вторить голосамъ птицъ, скотовъ и людей. Словомъ—идиллія въ натурѣ! Лѣсъ мой принесъ уже полный годовой процентъ: продано дровъ, вырубленныхъ для расчистки на 150 р., да сѣна будетъ *minimum* на 50 р. Голье, сложенное въ купы, по распродажѣ зимою, окупить употребленныя на распилку и уборку рабочія силы. Такая пропорція будетъ вырубляться ежегодно, а между тѣмъ насаженные щепы стануть приносить доходъ, равный проценту съ 2000 р. Излишняя противъ определенного или *должнаю* количества рубка будетъ уже правильная эксплуатациія строевого дерева, которой цѣль—окупить лѣсъ и сдѣлать его какъ бы полученнымъ *gratis*. Тогда вступятъ въ свои права мѣста, пущенные подъ заросль, неприкосновенную для скотовъ и людей. Она вмѣстѣ съ сѣнокосами составить нормальную стоимость лѣса, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы строевое дерево было бы вырублено до послѣдняго. Но оно тщательно оставляется для того, чтобы изъ этой хаотической пустыни образовался природный паркъ. Останется только провести дороги для прогулки, и мы съ тобой будемъ гулять, аки души праведниковъ въ Элизіумѣ. Между тѣмъ жизнь приносить на своихъ волнахъ печальное и досадное вмѣстѣ съ утѣшительнымъ. Не обращая вниманія на непріятности, я воспринимаю прежнія занятія и недѣли черезъ двѣ ходу въ Лейпцигъ печатать библію, на которую деньги имѣются изъ другого источника. Останусь тамъ до половины сентября. Чрезъ Кіевъ только перелечу, ибо такъ заповѣдано мнѣ Алекс. Михайловной. Перемѣнить родъ жизни на время мнѣ надобно и безъ Библіи.

34.

Наумбургъ на Савѣ 1872. авг. 1 в. ст.

Есть наконецъ искомое, друже Иване! Былъ я въ Берлинѣ, гдѣ много выходить русскихъ книгъ; за то не былъ въ Лейпцигѣ. Дѣло, видишь ли, вотъ въ чемъ: дешевле всего обходится печатаніе книгъ въ Наумбургѣ, по сю сторону Лейпцига, яко въ маленькомъ городкѣ; издатели же и комиссіонеры выставляютъ на первомъ листкѣ *Берлинъ* или *Лейпцигъ* для своихъ интересовъ. Развѣдавши объ этомъ, прѣѣхалъ я сюда и нашелъ городокъ въ моемъ вкусѣ. Кругомъ поля, или сады, а между полями и городомъ прекрасныя аллеи по надѣ до

рогою, т. е. поузъ дорогу, по которой ёздить. Для прогулокъ пѣшикомъ ничего лучшаго и желать нельзя. Видишь разомъ и городскую, и сельскую жизнь и древнія сооруженія (городъ былъ серьезно укрѣпленъ стѣнами, рвами и башнями въ Вобановскія времена), и новыя пизящныя постройки. Жизнь дешевле Лейпцигской много. Въ городѣ чисто и тихо, сравнительно съ большимъ городомъ. Мѣста для прогулокъ остаются почти безлюдными въ рабочее время. Невидать праздной щеголеватой толпы, которая для меня ненавистна. Аллеи и сады почти настолько же мнѣ принадлежать, какъ и въ Пиддубиѣ. И такъ я рѣшился печатать библію, но съ тѣмъ, чтобы пріостановить, если бы мнѣ понадобилось вернуться на время домой для веденія моихъ земельныхъ дѣлъ. Хоть медленно, а книга будетъ напечатана. Ты же мой единственный, никѣмъ незамѣтимый, усугуби бдительность о выручкѣ денегъ за грунтъ, что бы было чѣмъ расплатиться. У меня деньги только для жизни, а на Библію слѣдуетъ взять 1000 р. изъ тѣхъ, хотя могу получить 600 р. отъ Имшенецкаго, который намѣренъ расплатиться съ долгами, заложивъ имѣніе, или продавъ часть онаго

Теперь о тебѣ. Бѣда тоби, брате, съ Сонею. Она скучаетъ и худѣеть. А что будешь дѣлать? Мнѣ было оч. жаль на нее смотрѣть въ вокзалѣ, гдѣ мы простились. Если твоя сократовская голова до сихъ поръ ничего не выдумала для uprzejemnienia i j zycia, что можетъ выдумать моя, захлопотанная всякой всячиной? Но какъ, однакожъ, ты думаешь? Ты и выражалъ свою заботу о ней, но въ общихъ словахъ. Напиши, что съ нею будетъ, если такъ пойдутъ годы за годами. Бѣдна наша жизнь радостями и много обильна, зѣло преизобилуетъ печалиами! Отрада въ одной любви къ нѣсколькимъ подобнымъ намъ существамъ: безъ нея ничто не мило. Нашель я здѣсь пріятеля себѣ въ т. н. Dienstmann'ѣ, по случаю приглашенія его выпить со мною по кружкѣ пива. Теперь онъ ревностно помогаетъ мнѣ искать Wohnung. Вонуники здѣсь недороги. Засяду да примусь работать и надъ Библіею и—если будутъ промежутки—надъ историческими этюдами, о которыхъ я тебѣ говорилъ. Если дѣла мои не отзовутъ меня въ Россію, то Ал. Мих. должна пріѣхать сюда. Безъ этой особы не могу теперь нигдѣ жить, хоть бы и въ раю. Щѣну людямъ узнаемъ мы только въ старости. Блаженъ, кто можетъ еще дружескимъ вниманіемъ отплатить любящему и благородному сердцу за его заслуги передъ нами, которыхъ иногда мы и цѣнить не были способны. Припоминаю твои слова въ Chateau des fleurs. Понимаю

(иноскажательно) идею покаянія грѣшниковъ при концѣ жизни: она выработалась въ сердцахъ, не до остатку засоренныхъ житейской дрянью. Между прочимъ впервые нахожу здѣсь въ отелѣ двери вовсе безъ замковъ и ключей. Можно занереться только извнутри,—видно честные люди Наумбургскіе пѣмцы. Посторонній можетъ войти въ чужой номеръ, какъ въ свой. К.

35.

10 августа.

Я дома черезъ Варшаву. Этого потребовали мои дѣла съ Вас. Бѣлозерскимъ. Отливаются шрифтъ и печатаніе будетъ произведено заочно. Извѣстіе о нездоровыи Алекс. Мих. ускорило мое возвращеніе. Если ты писалъ ко мнѣ, то прочту черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда лишь надобно будетъ навѣваться въ Наумбургъ. Отъ Ив. Бѣлозерского я получилъ въ Наумбургѣ еще скареднѣйшее письмо, что у него теперь трое дѣтей, что съ вола двухъ шкуръ не деруть и что я долженъ принять Оленовку (обрѣзанную уродливымъ манеромъ) въ видѣ замѣны денежнаго обязательства. Я отвѣчалъ ему въ послѣдній разъ, что денежное обязательство возвращаю ему, а Оленовку могъ бы только купить, но безъ такихъ вырѣзокъ, какія проектированы его агентомъ. Теперь спасай только мои 1702 р. Алекс. Мих. засталъ совсѣмъ больно. Не хватаетъ у ней духу, одной, быть такою хозяйкой, какъ при мнѣ. Тоска одолѣваетъ и тѣло, не только душу.

36.

20 августа 1872

...Сонаслѣдники Алекс. Мих.—вны вдругъ раздумали продавать Матроновку. Дѣлать здѣсь значить больше нечего, т. е. такого, что насы обеспечивало бы въ старости. А какъ у меня силь и энергіи еще много, то мы и рѣшились, пристроивши имѣніе въ аренду, ѻхать въ Петербургъ для жизни, болѣе намъ соотвѣтственной Распродажа скота и проч. и проч. займетъ насъ до половины сентября. Положимъ, что въ наше отсутствіе испортится и расхитится здѣсь рублей на 200. Это мелочь, которую я скоро вознагражжу въ столицѣ. Распродажа уже началась: 2 лошади проданы; остается еще три, да скотъ и свинота...

37.

Сентября 4 1872 г.

Какъ я тебѣ писалъ, мы рѣшились немедленноѣхать въ Петербургъ. Но, не имѣя въ виду ничего вѣрнаго, не рѣшаюсь рисковать потерями — съ одной стороны въ хозяйствѣ, а съ другой въ деньгахъ, а придумалъ слѣдующее: Ильницкій покупаетъ мою библіотеку, и то не всю, за 1000 р. Другая тысяча составится изъ суженія хозяйства, котораго не должно держать въ широкомъ видѣ при неохотѣ здѣшняго народа къ найму. Третья тысяча возьмется изъ лѣсу (а можетъ быть и двѣ) посредствомъ эксплуатациі; до 2000 р. составится изъ долгу Бѣлозерскаго Ив. Эти 5000 р. я попрошу тебя помѣстить въ Киевѣ на проценты такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было получить во всякое время. В. Б—ій недолго будетъ въ состояніи удерживать за собою Матроновку, а можетъ быть и Оленовка будетъ таки мнѣ продана... До тѣхъ поръ мы будемъ сидѣть въ Пиддубнѣ на суженномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ въ Варшавѣ будутъ устроены мировые суды. Однимъ изъ мировыхъ судей могутъ назначить меня. Жалованье будетъ значительное. Тогда я вновь поставлю ногу въ стремя, ибо на этотъ постъ я смотрю, какъ на переходъ къ высшему. Если же куплю или Оленовку только, или Матроновку только, то не захочу вовсе служить, а сосредоточу свою дѣятельность на литературныхъ трудахъ, печатаемыхъ заграницей. Итакъ, все еще стоить попрежнему, и мы съ тобой должны считать себя молодыми людьми, т. е. подобными текучей, а не стоячей водѣ. Courage, mon cher ami, courage! Твой П. Кулишъ.

Примѣчаніе: Слѣдующія за этимъ 8 писемъ (отъ 11 окт., 72 г. по 11 авг. 73 г.) заключаютъ въ себѣ дешевыя и земельныя дѣла, возникшія послѣ смерти одного изъ братьевъ Бѣлозерскихъ, Витора: оказалось, раздѣлъ имѣнія 1000 десят. между 4 братьями и 3-мя сестрами) сдѣланъ неправильно; слѣдовало подѣлить имѣніе вновь. Препирательства между наследниками окончились весьма некрасиво, о чёмъ свидѣтельствуетъ ниже слѣд. письмо.

38.

11 августа 1873 Станція Плиски, за полчаса до отѣзда.

Условились братья Бѣлозерскіе подать разомъ прошенія о признаніи ихъ въ правахъ наследства и, для руководства, какъ писать и какія метрики прилагать, все это отдали черезъ меня Николаю, а

онъ бумаги наши оставилъ у себя да побѣжалъ въ Черниговъ и выхлопоталъ вводъ одного себя во владѣніе всѣмъ имѣніемъ, на основаніи ст. 1241. Теперь сестру гонитъ изъ дома чрезъ полицію, и я єду въ Петербургъ, чѣ. посредствомъ высшихъ вліяній затормозить его звѣрства, пока мы исковымъ порядкомъ, имѣя уже улиточную запись отъ двухъ братьевъ и ожидая прїѣзда Василія Мих. изъ Варшавы, исторгнемъ у него похищенное право владѣнія $\frac{5}{6}$ всего имѣнія. Буди здравъ и духомъ бодръ. П. Кулишъ.

39.

Спб. 1873. августа 16. Ночью.

Похожденія мои здѣсь только лишь начинаются, и уже исписаны ими цѣлые листки къ Алекс. Мих—нѣ. Ты же, братъ, не требуй отъ меня подробностей, какъ отъ человѣка, который, выйдя изъ гостиницы въ 8 часовъ утра, едва могъ возвратиться въ 11 часовъ ночи. Когда нибудь увидитесь съ нею и она дастъ тебѣ перечитать мои мемуары. Если добьюсь чего нибудь, немедленно уведомлю тебя одновременно съ нею, да возвеселится и твоє сердце, взирающее недовѣрчиво на домогательства твоего друга. Теперь все только насиживается, но еще и не наклевывается.

Твой П. Кулишъ.

40.

Августъ 18, 1873 г. Петербургъ.

Може ты, друже Иване, ссыдышъ соби сумуючи, та й думаешьъ: «Отъ же пропаде козакъ у тій столыци, якъ Сирко въ базари!». А мени тутъ якъ рыби въ води. Приыхавши сюды, и й самъ думавъ, що не хутко выбьюсь изъ темноты, а пріятели мои, розважаючи мене, кажуть: «Ни, васъ бо таки знаютъ, зъ вами не багацько людей зрывнаютьца. Ось удаитесь лышень оттуда й туда». Ну, що жъ? утикъ не втикъ, а побигти можна. Нанысавъ и коротенъку докладну зашыску тай пишовъ до такого цана, що зроду про юго й не чувъ. Ажъ справди винъ мене знае, и мовъ только й дожидався моего приходу: ухопивши за мене обиручъ и на починъ обицавъ службу въ 3000 карбованцевъ. А що мени любишъ грошій, такъ се его прыхильность до чоловика, що десь тамъ у якомусь хутори загубився иромижъ

ка-зна якимъ людымъ! Такъ зо мною размовлявъ гарно, шо мени наче вва си прыснисьось. Що се таке? Чы справди жъ бо и такій чоловікъ, щобъ оттакій панъ, передъ котораго генералы ходять сгорбывшиесь, озыдавсь до мене, мовъ до побратыма? Также жъ недавно ще ледаче ледащо Кайнъ Михайловичъ поневирило мною середъ цурного ватовку! А тутъ высоки пороги передо мною знижуютца, и широчены двери рошняютьца. Ну вже жъ, колы мени, писли хуторянскаго побывання за копійкою, дають 3000 карбованцівъ, такъ я не зарикаюсь зробить зъ нихъ того жъ року 6000. Я жъ бо таки трохи знаю, якъ воно робытьца и не пытавсь ни въ кого якъ ёго робыты. Оде жъ найнявъ собр хатыну за 18 р. у мисяць тай росночинаю нове житте на зароблеі грошей, а якъ зароблю багацько, тогда зновъ таки вернусь у хутиръ тай зроблюсь ваномъ на всю губу,— нехай нашимъ ворогамъ буде тяжко. Бувай же брате здоровый и веселый. Твій И. Кулішъ.

И про мою пани де хто напыше у Червиговъ, щобъ ів не займала полицея въ Матроновци. Тутъ зо всимъ пашій свить, не такій, якъ у нашихъ сторонахъ.

41.

1873. септ. 30. Слб.

Ну, брате Иване, вотъ тебѣ краткій отчетъ о моихъ походженіяхъ. Понюхавши воздухъ, какъ дѣлаетъ Сирко въ базарі, я обратился безъ всякой протекціі къ товарищу министра путей сообщенія Николаю Ник. Селифонтову, котораго не зналъ и имени не слышалъ. Онъ же меня по слуху или по печати зналъ, а потому принялъ меня дружески и выразилъ всяческую готовность мнѣ содѣйствовать. Но министръ, уѣзжая, не сказалъ ему ничего о приемѣ новыхъ чиновниковъ, имѣя въ виду формировать фалангу порядочныхъ людей лично. Посему Селифонтовъ пословѣтовалъ мнѣ познакомиться съ начальникомъ статистического отдѣла Головачевымъ, которому гр. Бобринскій ввѣрилъ сформировать личный составъ этого отдѣла. Я нашелъ въ Головачевѣ милѣйшаго человѣка, который принялъ меня съ распростертими объятіями, но сказалъ, что новые штаты возьмѣютъ силу только съ нового года, а по нынѣшнимъ нельзя мнѣ дать болѣе 1500 р въ годъ (съ нового же года 3000). Я сказалъ, что предпчитаю не братъ до нового года вовсе жалованья. Тѣмъ не менѣе надобно было

дожидаться графа, чтобы причислить меня къ министерству. Вотъ мы и ждали. Наконецъ графъ пріѣзжаетъ и благодарить Головачева, что, вслѣдъ за нимъ, въ министерство идутъ просвѣщенные люди, какъ Кулишъ, что онъ очень радъ и проч. Потомъ поручилъ своему товарищу причислить меня къ министерству (съ 1 окт. я уже на службѣ) и опять улетѣть порядковать по желѣзнымъ дорогамъ. Я его и не видѣлъ. Независимо отъ этой службы Костомаровъ старается сдѣлать меня членомъ археографической комиссіи, который получаетъ въ годъ 1500 р. въ видѣ награды за редакціонные труды. Такъ какъ напримѣри прѣжде Богъ знаетъ какихъ членовъ, которые ничего не способны дѣлать, то устроена на будущее время баллотировка, по которой рѣшаютъ выборъ не меныше $\frac{2}{3}$ бѣлыхъ шаровъ. Чрезъ это мытарство нужно и мнѣ пройти. Не знаю, удастся ли? Отъ и все.

Кулишъ.

42.

1873 г. октября 21. Суб.

Рѣдко случается мнѣ откладывать отвѣтъ на письмо, но теперь не отвѣчалъ тебѣ днѧ четыре. Занятъ; озабоченъ. Мнѣ поручено изданіе Журнала Путей Сообщенія съ новаго года. Надобно ориентироваться въ этой новой для меня области и нѣкоторыи статьи заготовить самому, а для этого и Публичная Библіотека оказалась недостаточной. Пришлось обращаться въ ученый комитетъ министерства финансовъ. Очень кстати пришлось мнѣ языкоznаніе: безъ негоничтоже сотворилъ бы. То и дѣло надобно обращаться къ англійскимъ и пфемецкимъ книгамъ. Министръ возвратился только вчера. Я еще не видѣлъ его. Служу покамѣсть безъ жалованья. Съ новаго года 3000 р., но можетъ случиться, что и до новаго года дадутъ. Ale mniejsza o to. Все дѣло въ томъ, какъ бы себя заявить на первыхъ порахъ. Потопъ страшенъ быть для жителей подваловъ и подвальныхъ лавокъ. Мнѣ онъ не помѣшалъ ни въ одномъ выходѣ и выѣздѣ да мало я обѣ немъ и думалъ. Онъ проявился только мѣстами на низшихъ мѣстахъ, о чёмъ писано въ газетахъ, изъ которыхъ и я большую частію зналъ о потопѣ. Вообще—не такой чортъ страшный, якъ его малюютъ.

2500 рубл. получили уже назначеніе, а будутъ у меня другія деньги между 1 и послѣднимъ ноября. По полученіи ихъ немедленно

тебя уведомлю. Изъ этихъ денегъ отдѣлю для тебя сколько нужно и не буду ни на что опредѣлять, доколѣ ты че скажешь *тогда!* Вообще прими къ свѣдѣнію, что если бы ты постройкою дома занутался, то я считалъ бы своимъ долгомъ выпутывать тебя доставленіемъ тебѣ periodически извѣстныхъ суммъ, — въ случаѣ, если бы ожидаемые мною деньги почему либо не получились. Жалованье мое 3000 р. можно считать съ новаго года вѣрнымъ. По всей вѣроятности, 1000 р. да-дуть ежегодно наградныхъ, такъ какъ я принадлежу къ числу немногихъ лицъ, стоящихъ на виду у министра. Если не будетъ ни добавочной службы ни увеличенія жалованья до 5000 р., о чёмъ я стараюсь коcвенno, то я могу откладывать для тебя ежемѣсячно изъ 3000 р. по 100; значитъ, черезъ годъ ты будешь имѣть, при всѣхъ моихъ неудачахъ, 1200 р. Съ этими ресурсами тебѣ нечего бояться безденежья при окончаніи дома.

Твой П. Кулішъ.

43.

14 ноября 1873 г. Спб.

Ты, братъ, не унывай. Вотъ мои ресурсы: въ ноябрѣ, по словесному и письменному обѣщанію Ивана, я долженъ получить отъ Лазаревскаго 3500 р. Въ Вѣстн. Европы принятая моя статья съ очередью въ февралѣ или марта 1000 р. Итого 4500 р. Часть этихъ денегъ надобно послать домой, гдѣ Василій Мих. разыгралъ роль миротворца, но 2500 р. къ твоимъ услугамъ. Риску я не боюсь такъ, какъ прежде, понеже состою на службѣ, которая выручитъ меня изъ всякихъ денежныхъ бѣдствій. А писалъ я тебѣ о сбереженіяхъ въ твою пользу на тотъ случай, еслибы Лазаревскій не прислалъ 3500 р., чего я не думаю. Да тогда еще и статья моя не была въ редакціи. Зная сіе, изволь сперва помочь мнѣ въ успо-коеніи Алекс. Мих. немедленно высылкою въ Борзну на ея имя 500 р., которыхъ въ моей кассѣ для нея не достаетъ и которыя будутъ возвращены тебѣ при первомъ полученіи откуда бы то ни было денегъ. И такъ, вышли немедленно, ничто же сумняшеся. Ты долженъ больше меня бояться риску, такъ какъ у тебя нѣтъ моей перспективы, но тутъ, кажется, сомнѣваться нечего. П. Кулішъ.

44.

24 ноября 1873 Спб.

Вас. Мих. устроилъ дѣла такъ, что я совершенно доволенъ хозяйственнымъ положеніемъ Алекс. Мих. Теперь она обезпечена кускомъ хлѣба, хотя бы я тотчасъ визошелъ въ страну вѣчнаго молчанія. Но мнѣ не до страны молчанія: ужасно занять. Даже и къ тебѣ пишу предъ самимъ обѣдомъ, когда бы слѣдовало погулять по Невскому проспекту. Деньги въ Матроновкѣ были нужны на сплату сестрѣ ея части, на удовлетвореніе гадкихъ претензій Николая и на уплату долговъ Виктора. Алекс. Михайл. не привыкла имѣть на шеѣ какое нибудь обязательство и потому я употребилъ всѣ усилия, чтобы поставить ее въ возможно безпечальное положеніе. Довольно съ нея и того, что заботы, лежавшія на насъ двоихъ, теперь лежать на ней одной. Спасибо, братъ! Ты лучше всѣхъ, и право не ошибаешься на счетъ достоинства моего постоянства относительно твоихъ чувствъ и дѣлъ. Въ Петербургѣ я не то, что въ хуторѣ: здѣсь за себя могу больше ручаться въ материальномъ къ твоимъ интересамъ отношеніи. Ты прекрасно дѣлаешь, успокаивая меня на счетъ цѣлости моихъ, имѣющихъ тебѣ вручиться денегъ, а я повторяю, что еслибы ты ошибся въ своемъ разсчетѣ, то я считалъ бы, что это я самъ ошибся, и что пенять не на кого, да еще постарался бы и выпутать тебя изъ твоихъ затрудненій. Бывать часы; не застану за обѣдомъ господина, съ которымъ надо видѣться. Двухъ домовъ не строй. Я объясню тебѣ послѣ, почему иаличность для меня лучше самого выгоднаго дома. До другого письма, когда не такъ будетъ некогда.

45.

9 декабря 1873 г. Спб.

Если я и помѣшалъ тебѣ 500 рублями покупать кирпичъ, то совѣсть моя можетъ отчасти успокоиться сомнительностю, по моему воззрѣнію, предположеннаго тобой результата. Подведеніе этажа твоимъ подрядчикомъ указываетъ на присутствіе подлости во всѣхъ исполнителяхъ построекъ и поставщиковъ, къ которымъ бы ты ни обратился. Но, судя по твоимъ словамъ о невозможности приступить къ покупкѣ до получения извѣстнаго капитала, я никакой помѣхи не сдѣлалъ. Иванъ не присыпаетъ денегъ. Письмо послано въ Ита-

лію 1 декабря. Скоро подобало получить и отвѣтъ, о которомъ во всякомъ случаѣ тебѣ увѣдомлю. Служба моя идетъ обычнымъ ходомъ. Съ начальникомъ статистического отдѣла, который одинъ только и стоитъ между министромъ и мною, я состою въ пріятельскихъ отношеніяхъ, такъ что, не бывая, за недостаткомъ времени нигдѣ, регулярно бываю по воскресеньямъ у него, и, противъ своего обыкновенія, засиживаюсь до часу и 2-хъ часовъ. Непремѣнно надо ужинать. Онъ любезнѣйшій по природѣ господинъ, и семья у него самая симпатичная, такъ что между ними чувствуешь себя, какъ дома. Это напоминаетъ мнѣ времена Плетневскія. Годъ и мѣсяцъ холостой моей жизни передъ 1847 годомъ я прожилъ семьяниномъ между семьею Плетнева. Потомъ онъ женился во время моего пребыванія въ Тулѣ и ужъ никакъ нельзя было возстановить прежнихъ отношеній. Исчезла простота, которая теперь у насъ царствуетъ и которая царствовала въ домѣ Плетнева, даже въ изящнѣйшемъ видѣ. Такъ вотъ мы себѣ и служимъ, работая за десятерыхъ, безъ малѣйшаго принужденія, и изъ желанія двигать дѣло сколько оно отъ насъ зависитъ (тутъ вѣдь есть и оппозиція не однимъ намъ, но и министру). Мнѣ то хорошо, вотъ какъ бы тебѣ стало получше.

46.

1 авгу 1874 г. Спб. (по секрету).

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Чтобъ ты сказалъ, брате Иване, когда бы получилъ извѣстіе, что я, будучи по льду въ Кронштадтѣ, провалился на дно морское? Ты бы сказалъ: «О морское дно! возврати мнѣ добычу свою. Я за то готовъ не строить дома еще два года!» А пожалуй, сказалъ бы что нибудь и посильнѣе этого.

Знай же, что я не одинъ разъ, а нѣсколько разъ провалился, и теперь въ нѣкоторомъ смыслѣ лежу на днѣ морскомъ. *Первый провалъ:* Иванъ вмѣсто 3575 р. прислалъ 500 р. *Второй провалъ:* Вѣстникъ Европы вмѣсто 1000, которую онъ предлагалъ за ту же самую вещь два года назадъ, теперь не дастъ и полныхъ 500 р. *Третій провалъ:* Вас. Бѣл. такъ притиснули жиды въ Варшавѣ, что я занялъ до 1 мая 1000 р. у одного пріятеля и выслалъ ему. *Четвертый и самый ужасный провалъ:* Штаты давно изготовлены и могли бы быть представлены къ утвержденію къ новому году, но Министръ

былъ безпрестанно въ отлучкахъ, то провожалъ Государя, то встрѣчалъ его на обратномъ пути, министерствомъ управлялъ товарищъ его и потому, обремененный дѣлами, не изгото维尔ъ всего того, что, по всему министерству, должно быть приготовлено къ представлению въ государственный Совѣтъ. Никто и не чувствуетъ особеннаго горя отъ этого кромѣ меня, котораго должность съ 3000 р. стоить въ этихъ штатахъ, а безъ нихъ у меня жалованья нуль. Можеть быть мнѣ что нибудь дадутъ повамѣсть; но пока пройдутъ свадебные торжества при дворѣ и проч. и проч., о штатахъ не будетъ и помину, да они и не готовы къ представленію, а министръ разомъ и правитель путей сообщенія и придворная особа, безъ которой тамъ ничто не дѣлается, поэтому долго еще я буду сидѣть у моря и ждать погоды. Алек. Мих. между тѣмъ увѣрена, да и добрѣйшій мій начальникъ не сомнѣвался, что съ новаго года я буду обеспечень жалованьемъ. Такъ какъ мнѣ случилось лежать и гораздо глубже на морскомъ днѣ, то собственно для меня горе не велико; но Ал. Мих. жаль и она не должна этого знать. Во что бы то ни стало, она должна быть увѣрена, что я получаю уже 250 р. въ мѣсяцъ: я ей обѣщалъ высылать по 125 р. въ безотчетное ея распоряженіе. Со временемъ я все наверстаю. Но теперь ты, братику, сдѣтай что можешь, если можешь, не обижая своей семьи и не вредя ея будущности. Я очень доволенъ, что написалъ Ивану такъ, какъ онъ заслуживаетъ за свою ложь. Теперь бы я написалъ ему еще крупнѣе. Черезъ недѣлю я ѿду въ Матроновку, потому что теперь удобнѣе мнѣ быть въ отпуску, пока во дворцѣ будетъ занятъ Министръ. Ты отвѣчай мнѣ туда, но такъ, чтобы изъ твоего письма не видно было ни положенія дѣлъ въ Вѣст. Европы, ни отсрочки моего жалованья. И такъ я провалился на дно морское. О якъ же вово погано такъ провалюваться! Твой П. Кулишъ.

47.

1874 года января 5 (выѣжаю 7-го) Спб.

Друже Иване! Если генералъ пишетъ съ поля битвы, что сраженіе проиграно, то это еще не значить, что кампанія потеряна. Бывають ретирады, равныя побѣдамъ. Въ настоящемъ случаѣ кампанія еще не потеряна, еще союзники не покинули претерпѣвшаго пораженіе и честь оружія не покрашена. Когда будешь писать въ

Матроновку, откуда я непремѣнно къ тебѣ заѣду, то пиши такъ, какъ будто и во снѣ тебѣ ничего подобного не снілось. Алекс. Мих. будетъ окружена комфортомъ такъ точно, какъ если бы я получалъ жалованье съ 1-го января. Это не первый онътъ. Когда я прїхалъ въ Варшаву, то вынисалъ ее и большую сестру ея съ двѣтьми и онѣ пренавиво благоденствовали, а мы съ Вас. Мих. ухмылялись, зная, что я служу безъ жалованья. Такъ прошло мѣсяца съ два, а потомъ дали мнѣ жалованья 300 р. въ мѣсяцъ, и мы опять таки смѣялись—уже открыто—надъ довгимъ волосомъ. Теперь не знаю, долго ли протянется комедія, но буду ее играть, во что-бы то ни стало. Въ Матроновкѣ буду дѣлать важныя дѣла, а потому не торопи меня прїездомъ въ Киевъ. Сказано—прїду, и буду у всѣхъ знакомыхъ. Дни три проживу. Твой П. Кулишъ.

48.

1874, янв. 6. Ночь, 2-го 20 мин.

На дрянномъ лоскуткѣ бумаги пишу тебѣ, друже Иване, такую вещь, которая превратить его въ драгоценный пергаментъ. Сию минуту вернулся я отъ своего непосредственного начальника Головачева (автора книгъ: а) десять лѣтъ реформъ и б) вопросы государственного хозяйства), съ которымъ ъздилъ проститься. Онъ мнѣ сказалъ, что когда онъ доложилъ министру о томъ, что я ищу себѣ другого мѣста (а я не зѣвалъ и одного дня), то онъ воскликнулъ: «Какъ можно намъ лишиться такого человека! Зачѣмъ смотрѣть на штаты? Дадимъ ему 3000 р. изъ запасной суммы, пока штаты будутъ утверждены» — Ну такъ и дѣло въ шляпѣ—отвѣчалъ я, и оба мы были очень рады, потому что Головачевъ такая личность и семья его состоитъ изъ такихъ личностей, съ которыми разстаться было бы потерю незамѣнимою. И такъ я дурно сдѣлалъ, что не помедлилъ съ письмомъ къ тебѣ. Теперь опять прошу; въ письмѣ ко мнѣ игнорирай этотъ сюжетъ. А—ра М—на и знать не будегъ, что со мной такое случилось. Пускай думаетъ, что со мной и случиться ничто подобное не можетъ. Въ Киевѣ буду непремѣнно и проживу довольно долго. Твой П. Кулишъ.

49.

1874 летого С.Петербургъ.

Гроши е та не посылаю. Якъ написавъ, що треба прытьмо мъ, то мушу прыслать. Та наврядъ купувати мешь цеглу.

Доводыться, брате, тоби на старисть ревнувати мене: чужи люде и недавни пріятеля таки прыхильни до мене, що й сказать не можна. Замисть щобъ упинати, сами кинулися роспітувати, якъ бы мене посадити въ Нижні! Се вже не егопстичне пріятельство. Ты чи знаєшъ хто? Пані та панночки! Чо врадить що чи ни, а клоноту нароблять за ниженський лицей по всіхъ паньскихъ кабінетахъ. Ни-чимъ вони такъ мене не винчили, якъ піклуваннемъ про мій ви-їздъ на Вкраїну: бо саме прыхилання до чоловіка — не діво: чомъ не прыхиляться, коли винъ таке вміє сказати, що не швидко забу-вається? Ни, оце штука: за те, що ты людина хороша, мы тебе выпроводимо до дому, самихъ себе не жалуючи! Справди, брате Иване, тутъ люде крахи, нижъ у насъ. Твій Кулешъ.

50.

1784 февр. 10, Слб.

И ты противъ меня Брутъ! Не написалъ бы ты своего письма, еслибъ зналъ, что произошло въ Матроновѣ между мною и Бѣлозерскими и что произошло въ Петербургѣ между мною и другими Бѣлозерскими. Изъ жалости, изъ пощады къ твоему добромъ сердцу я не хотѣлъ и не хочу сообщать тебѣ о такихъ безобразіяхъ. Но когда нибудь ты прочтешь мемуаръ, за которымъ застало меня письмо твое. До такой степени все это необыкновенно, что я считаю долгомъ своей совѣсти изложить дѣло въ мемуарѣ на память и въ на-зиданіе потомству. Видишь, какимъ бурнымъ потокомъ идетъ моя жизнь, пробивая скалы и отвлекая за собой массы деревьевъ и обломковъ, а попросту топча подъ ноги глупости и гадости человѣческія. Естественно я раздраженъ; надобно только удивляться, какъ я могу еще вести съ кѣмъ бы то ни было бесѣду o rzeczyach obojętnych и не терять порядка жизни. А тебѣ показалась какая то холодность! Я совсѣмъ потерялъ изъ виду, каково тебѣ будетъ слушать мои воз-раженія. Ты коснулся самаго больного мѣста и удивляешься, что я отмахиваюсь отъ неосторожнаго щупателя моей раны.

О полѣ скажу: *Carthago delenda est.* Если бы «мерзкое твореніе» явилось вновь во всеоружії своихъ подлыхъ связей, то я такъ точно предправилъ бы противъ него войну всѣми зависящими отъ меня средствами, какъ и во время оно. Не только не сожалѣю, что воевалъ съ нимъ, но сожалѣль бы и учрекалъ бы себя, если бъ не вооружался противъ него по-юношески. Николай вовсе не побѣдить меня. А еслибъ побѣда его знаменовалась вѣчнымъ присвоеніемъ Матроновки, то все-таки и я не считалъ бы войну проигранной. Многое можно злому человѣку сдѣлать по своему въ Россіи, но не все. Объ этомъ шкода и распространяться. «Война—по гробъ мой договоръ!» Это—сионимъ словъ: «Горе мнѣ, аще не проповѣду!» Или ты хочешь дождаться, чтобъ камни возопили? Это метафора. *Намъ* надо быть живымъ, а не отъ камней этого ждать. Вотъ ты чего наѣдалъ паче сномъ своимъ? теперь ты совершенно въ туманѣ. А когда бы разумѣль мою горячность безъ особенныхъ предположеній, то ничего бы этого полуусказанного не зналъ, былъ бы спокоенъ, а я съ своей стороны успокоился побалакавъ бы волысь про все тай годи. Матеріальные наши дѣла хорошо стоятъ, но моральныя, по отношенію къ безцутному роду Бѣлозерскихъ, волнуютъ меня и долго еще будутъ волновать. Ты же будь спокоенъ. Твой И. Кулишъ.

51.

Лютого 14 1874 года С. Петерб.

Усе думавъ про тебе; знай думаю тай не знаю чого. Отъ же й надумавъся. Треба тебе зробити старшимъ надъ икою небудь зализныцею, отъ хочь бы въ Кіевл. Сыва борода додає новагп. Чи ты бъ хотивъ старшинувати? Колы маешъ охоту, то роспѣтайся, якъ вони постають на кіевскихъ зализныцахъ: чи зъ казны, чи зъ жидивской воли? Колы е таки, що казна настановле, то вельми було бъ добре, колыбъ тоби зароблять хочь тысячъ зо дви що року.

Утикъ, не втикъ, а побигти можно. Твій П. Кулішъ.

52.

18 февр. 1874.

Понимаю, какъ тебѣ тяжело пытать постоянныя сношенія съ этою дранью Л — омъ. Ну, будемъ стараться помѣстить тебя

чѣмъ ни на есть при Кіево-Брестской или Курско-Кіевской жел. дор.,
благо не чуждаешься цвѣтной фуражки съ золотымъ окольшемъ.
За гроши спасыби, бо мени треба. Можетъ быть я скоро разживусь,
то пришлю. Въ Нѣжинѣ мнѣ не бывать. Это мимолетная мечта.
Вотъ займусь изданиемъ большого календаря Гатцукъ, то зараблю
грошій. Я, кажется, говорилъ тебѣ, что Гатцукъ беретъ на себя со-
ставъ и издержки. Мои только труды по печатанію и распродажѣ.
Я принялъ къ себѣ въ компанію двухъ дамъ, которыхъ завѣдывали
книжнымъ магазиномъ, а теперь держать корректуру въ журналахъ.
Одна изъ нихъ сестра жены моего начальника. Его семейство тру-
дающееся, а самъ онъ прошелъ сквозь огонь и воду. Вотъ черезъ него-
то я надѣюсь доставить тебѣ мѣсто. Онъ теперь важный человѣкъ
по Кіево-Брестской дорогѣ, надъ которой наряженъ судъ, и онъ
членъ суда—за расхищеніе казенныхъ денегъ. Ну, да посмотримъ; что
можно сдѣлать, сдѣлаемъ.

Ты, братъ, не знаешь, какое важное значеніе въ моей жизни
имѣеть Матроновка. Поэтому-то и слѣдуетъ мнѣ постараться о ея
возстановленіи въ собраціи хоть вѣсколькихъ членовъ семьи воеди-
но, какъ напр. дѣтей Надежды Михайловны. Пиддубень былъ для
меня ничто, хотя бы при ненѣ находилось въ много земли, но съ
водвореніемъ въ Матроновкѣ, въ меня вселился духъ ея основателя.
Вслѣдствіе этого планъ моей жизни принялъ иное строеніе, и это
даетъ мнѣ энергию, которой прежде я не имѣлъ. Прежде я былъ та-
ковъ, какъ изображено въ слѣд. стихахъ:

Цѣли вѣтъ передо мною,
Сердце спитъ и празенъ умъ.

Хоть и была нѣкая цѣль, но совсѣмъ иного характера. Да,
брать, человѣкъ—фенпѣсь, возраждающійся изъ пепла. Я бы желалъ
тебѣ набрести въ жизни на что нибудь такое, чтобы ты забывалъ
всѣхъ мерзкихъ твореній. Но вотъ и будетъ тебѣ источникъ вдохно-
венія, когда получишь мѣсто на жел. дор. Жалокъ человѣкъ, живу-
щій только для себя.

O попъ: Carthago delenda esse. Уже послано письмо къ архіе-
рею, а когда ничего не сдѣлаетъ, то какъ бы ты думалъ: кто будетъ
хлопотать въ св. Сунодѣ? Барыни! Тебѣ все представляется въ фило-
софски-мрачномъ свѣтѣ, а я такія вещи дѣлаю для отдыха и въ видѣ
увеселенія, все равно какъ бы устраивалъ дѣтскій театръ—что-лп.
Ахъ, какъ жаль, что барышни не представили тебѣ и Зинѣ Хмель-
ницкаго и Барабаша. Я сочинилъ, а онѣ разучили пьесу: *козацька*

ясà и шляхецька труса. Но въчно хлоноты и некогда жить сердцемъ. Тогда жъ была свинская исторія. Дѣйствующія лица: Хмельницкій, Барабашъ и Чура, а актеровъ только двое. И вотъ съ какомъ удовольствіемъ я затѣваю такой театръ, съ такимъ изгонилю попа и дѣлаю всѣ подобные вещи. «Кто тебя, батюшка, обидитъ? ты самъ всякого обидишъ», — вотъ мой девизъ; а ты пугаешь меня наденiemъ дрянного плutiшкп, когда я не боюсь и спильныхъ міра сего.

Твой П. Кулишъ.

53.

16 февр. 1874.

Головачевъ принялъ мое ходатайство о тебѣ и носить въ карманѣ написанную мною докладную записку, чтобы ею воспользоваться при первомъ удобномъ случаѣ. Въ запискѣ сказано, что ты желашь поступить на такую должность по администрації Кіево-брестской жел. дор., къ какой будешь призванъ способнымъ. Но меньше 1200 р. не бери. Я говорилъ о тебѣ Головачеву, какъ объ alter ego; то меньше не должны тебѣ дать, какъ 2000 р., мнѣ кажется. Это бы очень утѣшило меня! Тогда бы и на постройку предположенного тобою дома я смотрѣлъ бы безъ страха. Въ запискѣ сказано, гдѣ твой домъ. Къ тебѣ будетъ или письменное, или словесное объясненіе. Держи себя, какъ лицо, сознающее себѣ цѣну. Твой П. Кулишъ.

НВ. Человѣкъ безъ сердца подвигается впередъ, но наконецъ не виденъ еще и въ туманѣ. Когда прочтешь этотъ романъ, тогда скажешь: *a, вотъ оно что!*

Чрезъ нѣсколько часовъ: Туманъ просвѣтлѣлъ и конецъ романа впденъ, а это очень важно для пишущаго.

54.

28 февр. 1874. Слб.

Ахъ, Иванъ Филипповичъ! какъ ты будешь смеяться помня письмо свое о невѣрности заглавія, при чтеніи моего романа! Рукопись моя подвинулась уже далеко впередъ и составила не менѣе 160 страницъ такой печати, какъ въ Вѣстн. Европы. Моли небеса, чтобы я не соблазнился деньгами и не напечаталъ этого написанного (имѣю-

щаго нѣкоторую цѣнность относительно выраженной идеи) до окончания романа, который долженъ быть обширенъ.

Въ предоставленіѣ тебѣ мѣста позволлю себѣ не сомнѣваться. Я скорѣе построю тебѣ домъ, чѣмъ ты мнѣ. Твой Кулишъ.

55.

8 марта. 1874. Спб.

Ты, конечно, знаешь Сабанѣева. Нѣкія дамы напишутъ въ Москву къ его сестрѣ, а сестра напишетъ къ нему, что въ Киевѣ есть такой то Хильчевскій, отличный человѣкъ, которому надо дать заработокъ хорошій. Увѣдоми, о чѣмъ можно просить Сабанѣева, и желаешь ли ты самъ у него побывать послѣ того, какъ о тебѣ напишутъ и я тебя о томъ увѣдомлю. Что касается до мѣста на Кіево-Брестской Ж. Д. то оно зависитъ отъ Бліоха, а Бліохъ зависитъ отъ Головачева, а Головачевъ зависитъ отъ своей дочери, а дочь дала мнѣ слово постоянно освѣдомляться о докладной запискѣ, которую Головачевъ носитъ въ карманѣ, съ тѣмъ чтобы при свиданіи съ Бліохомъ вручить ему. Онъ, конечно, не ручается за успѣхъ, но Бліохъ взираетъ на него со страхомъ и благоговѣніемъ, яко на весьма приближенное лицо къ министру. Романъ мой, который уже сданъ въ редакцію для просмотра (т. 1-й листовъ 15, имѣющій отдѣльную цѣлость—всѣхъ будетъ 3 т.), поразилъ Головачева, которому я читалъ въ его семействѣ. Поразилъ онъ тѣмъ, что написанъ съ жаромъ молодости и такъ быстро, какъ подъ диктовку: на каждый день приходится почти по полулисту печатному. Стасюлевичъ, предувѣдомленный Головачевымъ, обѣщалъ мнѣ дать скорѣй отвѣтъ, за которымъ послѣдуютъ и деньги. Онъ мнѣ платить впередъ. Заглавіе я перемѣнилъ, увидѣвши, что «человѣкъ безъ сердца» наполняетъ не все содержаніе, да и потому, что тебѣ это заглавіе не нравится. Назвалъ я его *Марьинъ хуторъ* и пишу къ А. М.—нѣ, что мой хуторъ дасть больше доходу, чѣмъ ея Матроновка.

Къ святкамъ на Пасху меня отпустятъ домой, а коли раздобрятся, то продлить отпускъ и геть-геть. Ты въ мѣстѣ не сомнѣвайся ни мало. Я не замедлю составить себѣ здѣсь такія знакомства, которые дадутъ мнѣ возможность поддержать одного человѣка. Словомъ, я тебѣ построю скорѣе, чѣмъ ты мнѣ. Твой П. Кулишъ.

56.

1874. марта 22. Матроновка.

О чемъ ты хлопочешь, доказывая nullité моихъ обѣщаній? Развѣ они сопряжены для тебя съ какимъ нибудь рискомъ? Развѣ за то, что ты раздѣлялъ бы мое увѣренность, ты бы долженъ быть платить деньги? Но тебѣ нравится безнomoщность—никто и не мѣшаетъ пребывать въ ней, пребывай!

Я не получилъ еще командировки, на изготовлѣніе которой требовалось время, и уѣхалъ incognito, разумѣется за рогозиціемъ sie. Командировка была проектирована, какъ способъ отпуска. Могутъ прислать только таковый, безъ оной. Въ этомъ случаѣ поѣздка Моя въ Киевъ отодвигается къ концу моего отпуска, дабы не заѣзжать уже оттуда. Твой Кулишъ.

P. S. Не потому я удерживаю тебя отъ постройки, что ты може меня, а потому, что смотрю на нее съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Если я самъ строюсь, такъ это потому, что нельзѧ вещью изуродованою владѣть, не поправивъ ее. При томъ, ты упускаешь изъ виду, что въ случаѣ моей смерти, ты, да и никто другой, рѣвно ничего не смо-жешь сдѣлать въ моихъ дѣлахъ, а въ случаѣ твоей сmрти—я могу дѣлать въ твоихъ домашнихъ дѣлахъ многое. Прилагаемую довѣренность предъизви Кистяковскому, возьми у него 1000 р., не откладывай до 20 апрѣля и пошли Котенину.

57.

1874 апр. 4, Матроновка.

Я ни въ какомъ бы случаѣ не поступиль такъ въ положеніи Кистяковскаго, какъ онъ поступиль. Говорю не по теоріи. Обѣщанное принадлежитъ уже не намъ, и потому взять его себѣ—все равно, что присвоить чужое. Опредѣлившійся между нами уровень стоитъ 1000 р. Я въ выигрышѣ съ нравственной стороны, но и съ материальной особенной бѣды нѣть.

Ты слишкомъ строгій философъ. Виши чего захотѣлъ—*равенство!* да его нѣтъ нигдѣ, даже между двумя одинаково богатыми

I отд.

джентельменами, отправившимся вмѣстѣ путешествовать. Когда мы съ Костомаровымъ въ 1861 г. вернулись изъ заграницы, онъ сказалъ своимъ друзьямъ: «Я и вообразить не могу лучшаго спутника! А я своимъ: «трудно вообразить болѣе несноснаго спутника!» Это значитъ, что я, при самомъ началѣ путешествія долженъ былъ бы бросить Костомарова; но я предпочелъ спосѣтъ причуды этой бабы (онъ по характеру—баба). Еще сообщу тебѣ одно изъ моихъ наблюдений. Люди, обнаруживающіе наклонность къ деспотизму, способны къ слѣпому повиновенію въ принятой ими на себя роли. Равно и люди, слѣпо повинующіеся, способны къ деспотизму, въ случаѣ перевѣса ихъ шансовъ. Но послѣднее хуже первого. По моему деспотизмъ не есть абсолютное зло: безъ него многое въ жизни не мыслимо.

... Такъ та же младь,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Я знаю въ Петербургѣ одного превосходнѣйшаго человѣка, которому не достаетъ одного только, именно—деспотизма. Отъ этого недостатка страдаетъ все его семейство, да вѣдь какъ!.. Я, въ качествѣ гостя, пріобрѣлъ нѣкоторую ascendance надъ его дщерями своею ропопсѣе наклонностію къ деспотизму, и этаотъ великолѣпный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ, иногда по-дѣтски просить меня подѣйствовать на нихъ моимъ суровымъ словомъ (иногда я рѣзко говорю правду, какъ чувствую, и это даже нравится слушательницамъ, точно горчица или хрѣнъ). Такъ деспотизмъ, братъ, хорошая вещь, но проявляемая безъ осмотрительности, она ведетъ къ грубости, и мнѣ часто за это доставалось, какъ въ настоящемъ случаѣ и отъ тебя. Я и не подозрѣвалъ, что въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, деспотствую съ тобою. Но я не желалъ бы играть такую роль.

58.

1874 апр. 8.

Я не могу сказать ни слова противъ твоихъ аргументовъ и вообще не вижу вроку въ аргументаціи. Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло. Гатчуку посылаю деньги сегодня. Для тебя ожидаю 425 р. проценты съ Ив. Ив., а можетъ быть продамъ домикъ, то и скорѣе. Скажи

Кистяковскому, что довольно съ него было бы не исполнить обѣща-
нія; а онъ еще пустилъ этотъ казусъ и на обсужденіе третьихъ лицъ!
Непремѣнно это скажи, и даже покажи.

59.

1874. 5 юла. Спб.

Радуюсь благополучному теченію твоихъ дѣлъ. Мои дѣла идутъ
обычнымъ ходомъ. Послѣ 20 юля благоволи помнить новый мой ад-
ресъ на Невскомъ просп. д. Бернардаки. кв. 13. Нанимаю двѣ ком-
наты съ передней и кухней, чтобы и Алек. Мих.—нѣ доставить воз-
можность пожить среди цивилизованного свѣта. Съ дровами и водой,
проведеною въ кухню изъ Невы, 38 р. въ мѣсяцъ, 3-й этажъ. Це-
чатаю Гатцуковъ рублевый календарь на 1875 годъ въ Петербургѣ.
Его коштъ, мои труды. Въ этомъ году я получу мало, но въ слѣ-
дующихъ доходъ пойдетъ crescendo, и такимъ образомъ я имѣю на-
дежду привести свои финансы въ хорошее состояніе. Я насили опра-
вился отъ измѣнъ поповича въ минуту полученія 1000 р.

Живу въ городѣ, не читанія ради—не столько календаря, сколько
Журнала Министерства Путей Сообщенія, котораго 1-я книжка, подъ
моей редакціей, выйдетъ, какъ объявлено въ газетахъ, 1 августа. Ми-
нистръ настоялъ на этомъ объявлениі, и какъ цензура предоставлена са-
мой редакціи, то и нужно разъ по разъ ему докладывать вопроситель-
ные мои знаки. Тутъ идутъ весьма важныя противодѣйствія силы
силъ. Каждая стремится занять больше мѣста въ правительственно-
номъ мірѣ и потому требуется осторожность въ министерскомъ
органѣ. Изъ-за такого боренія силъ и живетъ нашъ братъ въ
городѣ. Въ послѣднее время вѣсы начали склоняться въ нашу сто-
рону, а то ходили по городу слухи, приводившіе насъ въ уныніе.
Если бы министръ, недовольный торжествомъ неправды, не захотѣлъ
больше служить, то и намъ сдѣлалось бы такъ жутко, какъ будто въ
воздухѣ вмѣсто 15% морозу (?). Перевѣсь покамѣстъ на нашей сторонѣ,
и выразился порадовавшіе насъ замѣткою въ газетахъ, что нѣкій
изъ сильныхъ земли „оставляетъ Петербургъ и ёдетъ лѣчиться“. Да
процвѣтаетъ его чрево, лишь бы не мѣшалъ намъ дѣлать дѣло и
хотя сколько нибудь защитить казну отъ расхищепія не тысячами, а
цѣлыми миллионами. П. Кулишъ.

60.

13 июля 1874.

Относительно моего кармана, Матроновка представляетъ иѣчто разбойницкое, и что еще досаднѣе—каждый воображаетъ, что меня облагодѣтельствовалъ. Это похоже на то, какъ невѣжда, продавши, ученому книгу, которой самъ не понимаетъ ни въ зубъ, и содравши съ него дурацки запрошенную цѣну, сожалѣвъ, что не запросилъ вдвое. Въ рукахъ каждого изъ нихъ, не исключая и наиболѣе безумнаго, все имѣніе было бы дрянью, часть ни къ чему негодною дрянью. Они видятъ, что въ моихъ рукахъ оно дѣлается и можетъ сдѣлаться чѣмъ то и доходнымъ, и пріятнымъ. Вотъ и воображаютъ, что въ ихъ владѣніи было бы тоже самое или несравненно лучшее, хотя они не имѣютъ ни денегъ на улучшеніе, ни охоты ихъ тратить, если бы были, ни умѣнья улучшать. Это мужики, нашедши золотые часы. Одинъ, самый мудрый изъ нихъ, беретъ себѣ цѣничку, другой футляръ, а третій дорожить механизмомъ. Эту штуку они уже устроили надѣцѣльнымъ имѣніемъ батьковскимъ и теперь жалѣютъ, что я не далъ имъ расхитить братнее, изуродованное уже порядкомъ, имѣніе, а недалъ тѣмъ, что каждому далъ столько денегъ, сколько кто спросилъ. Одинъ явился даже героемъ великодушія: подарилъ сестрамъ то, на что не имѣлъ морального права и что можно бы оспаривать даже юридически; но такъ оцѣнилъ каждую десятину и каждую постройку, что лучше бы и не великодушничалъ. Уплата двоимъ сестрамъ далеко превзошла нормальную стоимость всѣхъ трехъ паевъ, если бы братья захотѣли продать охотнику до покупанія земли, какового даже и нѣть въ цѣлой губерніи. Все это сдѣлано имъ съ чистою совѣстью, съ какою безумный часто совершаєтъ насилие или грабежъ. Тутъ соединилось иѣсколько пакостныхъ характеровъ, изъ которыхъ одни равняются мертвцу по дѣятельности ума и сердца (замѣть ума *отлично*, по мнѣнію толпы, и сердца т. н. *добрѣйшаго*); другіе прямо сумасшествуютъ на тему благородства, безпристрастія и пр., а треты готовы цѣлый міръ преспокойно пустить по міру. Но такой многочисленной психологической задачи не разрѣшить инѣ. Дѣло въ томъ, что деньги мои ушли или на дурацки потребованные и дурацки, въ мое отсутствіе, устроенные платежи, или же на

потери, бывшія слѣдствіемъ Матроновскаго безобразія. Но если бы завтра Матроновка вновь очутилась чужою и нужно было бы покупать каждое ея дерево по двойной цѣнѣ противъ существующихъ, и каждый шагъ земли по самой дурацкой оцѣнкѣ, которая тамъ не разъ и дѣлалась, то я служилъ бы съ тѣмъ, чтобы купить эту лоскутку земли,—и не для того, чтобы онъ оставался въ рукахъ этихъ безобразниковъ. Это чувство напрасно стало бы я изъяснять тебѣ. Ты готовъ дать самъ вместо Матроновки отличное имѣніе, а я на это отличное имѣніе полѣнился бы даже посмотрѣть для сравненія.

Министромъ назначенъ генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Попечитель при Е. И. В. Вел. Кн. Алексіѣ Алекс. *Посѣтѣ.* Все у насъ въ министерствѣ обстоитъ пока благополучно. 1-го Августа выйдетъ 1-я книжка Журн. М. П. С., если не пріостановить новое начальство, которое мнѣ совершенно неизвѣстно такъ же, какъ и я ему. Я радовался тому, чмѹ слѣдуетъ радоваться, а не всему вообще, что у тебя дѣлается. Мое положеніе лучше твоего уже тѣмъ, что у меня забота только объ одномъ лицѣ, которое я обязанъ обеспечить.

Твой Кулишъ.

61.

25 іюл.

Вотъ къ тебѣ, друже, просьба: издавался въ 1862 году въ Киевѣ пакостный Журналъ Вѣстникъ Юго-Западной Россіи. Онъ мнѣ нуженъ теперь (за 1862), потому что тамъ помѣщены статьи мои, которые въ переработанномъ видѣ предположилъ я ввести въ готовящуюся книгу *Історія Українскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго*. Тягочусь ходить въ публичную библіотеку для извлеченія ихъ изъ вышеозначенной лужи; а въ Киевѣ нетрудно найти ее на толкучкѣ у букиниста и даже въ книжныхъ лавкахъ. Такъ потщись, братъ, купить и выслать мнѣ.

При чмѹ пощади почтальона отъ дома Бернардаки, такъ какъ туда переселились только 100 р. изъ моего кармана, на усовершенствованіе квартиры, самъ же я оставался и остаюсь на углу Гороховой и М. Морской № 2½ кв. 13.

Мнѣ на короткое время понадобится дневникъ Лассоты (Tagenbuch des Lassota). Если Щербакъ дастъ или достанетъ его, то приложи къ журналъцу (Вѣстн. Ю. З. Р.), я подержу только два дня и верну тебѣ посылкою. Этой книги не оказалось въ публ. библ. Твой Кулишъ.

62.

2 авг. 1874 г.

Есть въ Петербургѣ товарищество на акціяхъ, называемое «Общественная польза». Сie товарищество взялось напечатать 3000 моей книги: Исторія Українскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго. По расчисленію директора, общество и авторъ получать чистой выручки по 1500 р. или немного больше. Въ виду сего обстоятельства, надобно про克莱тущему Литову заплатить 6 р. за паскудный Журналъ, который тѣмъ только и хороши, что его никто не читаетъ. Извлекать изъ него, что мнѣ надо, въ публ. библ. гораздо тягостнѣе, нежели лишиться 6 р., а потому присылай. Что касается до Дневника Лассоты, то если онъ къ тому времени подоспѣеть, пришли, а если неѣть, то не надо. У меня дома эта книга есть, а теперь обойдусь по памяти. Завтра выходитъ 1-я кн. Журнала П. С., и я начинаю дышать свободнѣе. Она рождалась въ между-министріе; новый министръ просматривалъ корректурные листы и отмѣнилъ одну статью о мошенничествахъ прусскихъ концессіонеровъ, которую прежній министръ самъ указалъ въ Kœlnische Zeitung. Когда утверждена была программа журнала, многихъ статей не было долго. Однѣ надо было достать, другія составить, третыи указать, какъ составить. Все это сдѣлано въ самое короткое время. Но люди, не работавшіе сами, не понимаютъ, кто можетъ и кто не можетъ исполнить подобное дѣло. Въ Варшавѣ я составилъ и напечаталъ первый «Холмскій греко-уніатскій календарь» (на 1866 г.) въ самое короткое время, и начальство, нынѣ сенаторъ Соловьевъ, приняло отъ меня книгу съ такимъ видомъ, какъ будто я каждую недѣлю приносилъ ему по одному такому тому. Теперь я опять играю роль молодого начинавшаго чиновника, а она дѣлается мнѣ крайне противна. Лишь только устрою свои финанссы на другихъ основаніяхъ (Гатцуковъ рублевый календарь, книги, изд. черезъ Общ. пользу, и т. п.), тотчасъ оставляю службу.

63.

Августа 11 1874.

Очень, очень обязанъ за присылку паскуднаго журнальца. Ласоты не присытай: обойдусь, да и поздо! къ тому времени напечатается та глава, въ которой онъ бы кстати.

Конечно, я не такъ-то легко брошу службу, но иногда нужно ее вылаять и возымѣть мысль бросить: дѣлается легче на свѣтѣ жить. Теперь я понимаю, почему любезный мой кумъ не отвѣчалъ на мое письмо: въ немъ было сказано, что я увию церковную разумѣю не «по Костомаровски». Весь этотъ причтъ исторической объясняетъ ее религіозностью, съ одной стороны, и фанатизмомъ—съ другой. Отсюда выходитъ пѣчто въ родѣ православной иконы въ ихъ сочиненіи уніатской возни: съ одной стороны праведники, съ другой грѣшники. Я же представляю и тѣхъ и другихъ такими грѣшниками, какіе и нынѣ дѣйствуютъ во имя разныхъ уній. Все объясняю надобностю въ деньгахъ и въ удовлетвореніи самолюбію, а подъ часть личному мщенію. На этомъ основаніи само свѣтило православія и столбъ вѣры, кн. Острожскій, дѣлается у меня довольно обыкновеннымъ паномъ-богачемъ, а Конашевичъ Сагайдачный нисходитъ съ пьедестала борца за вѣру на уровень счастливаго въ походахъ отамана, котораго попы, войты, бурмистры, лавники, райцы и вскіе т. н. «благочестивые» просятъ иногда приписаться сюда или туда и похлопотать о томъ или о семъ, а впрочемъ ему морской походъ или разореніе единовѣрной Московщины ближе къ сердцу всей тяганины за церковныя и монастырскія имущества, двигавшей главными пружинами церковной уніи. Словомъ, развернувши Relacye Nunciuszow Apostolskich изъ Польши и о Польшѣ, я веду читателя за кулисы того святочнаго вертепа, который показывали публикѣ (дѣтски развитой) сочинители исторіи. Сколько я ни указывалъ на эти реляціи и ихъ статистику Костомарову, онъ до сихъ поръ ихъ не читалъ, какъ это видно изъ его исторіи въ біографіяхъ. Такъ и относительно многаго другого. Но возвращаюсь къ службѣ. Покамѣстъ она сносна, но если какъ нибудь меня задѣнетъ, брошу. А жить мнѣ есть чѣмъ. Теперь ошѣть насъ только двое. С—въ примирился съ своимъ семействомъ, т. е. его умоизступленіе миновало. При томъ я имѣю ресурсы въ календарь и въ книгахъ, которые станеть издавать Общество. Польза, лишь только я скомпоную. Ось побачишь, какъ густо посыплютьца. Твой Кулишъ.

64.

10 сент.

Терроръ имѣлъ и на мои запятія вліяніе. Печатаю книгу, которой предполагалось дать такое заглавіе: «Исторія Українскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго». Она проникнута ідеєю сліянія русскаго народа. Между тѣмъ прислали мій въз заграницы мои рукописи, планъ сочиненія быстро раздвинулся. Я рѣшился выйти изъ рамокъ козачества, и, вмѣсто четырехъ или пяти томовъ, которые бы его обняли до конца, написать не меныше воеводы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Исторія оторванной Руси отъ начала ея колонизаціи послѣ татарск. опустошенія до послѣдняго возсоединенія нѣкоторыхъ частей ея подъ державою русскихъ царей.*

65.

20 Сентября.

Рукопись готова, печать идетъшибко. Если не въ первыхъ числахъ октября, то послѣ 20-го числа появится въ свѣтъ. Вотъ полное заглавіе:

Исторія оторванной Руси отъ начала ея колонизаціи послѣ татарскаго опустошенія до послѣдняго возсоединенія нѣкоторыхъ частей ея подъ державою русскихъ царей.

Томъ Первый.

Отъ начала колонизаціи до 1620 года.

Ничто-же кому глаголи. Я еще не знаю количества печатныхъ листовъ, набрано 10, а будетъ еще или болѣе 20 или болѣе 30. Въ послѣднемъ случаѣ выпущу два первыхъ тома по 20 слишкомъ листовъ.

Посылаю тебѣ первый листокъ; не показывай никому. Бумага очень хорошая. Печать тоже; но еще не была подъ прессомъ, а просто взята съ машины. Это дѣлаетъ большую разницу.

Увѣдоми меня немедленно, какъ имя великаго химика Зѣновича. Прилагаю посвященіе паматы лицъ, которыхъ дѣлали мнѣ морально или материально добро.

Благородной памяти:

Ѣ Зѣновича, Михаила Грабовскаго, Константина Свидинскаго, Матроны Бѣлозерской, Николая Бѣлозерскаго, Василія Тарновскаго, Маріи Гоголь, Петра Плетнева, Якова Бередникова, Сергія Аксакова, Константина Аксакова, Николая Мплютина, благоговѣйно посвящаетъ П. Кулішъ (но не Кулішъ) Твой П. Кулішъ.

66.

20 Окт. 1874 г.

Ты ждешь близнецовыхъ, а тутъ за наборщицкимъ пынствомъ до сихъ поръ и одного тома не выпустили изъ типографіи. Медленность отчасти мнѣ и на руку, потому что я безпрестанно позволяю то рукопись, то корректурные листы 2-го тома. Но во вторникъ 1-й томъ пойдетъ въ цензуру, гдѣ долженъ пробыть 7 дней. Выпустимъ сперва одинъ—а то поздно. Можетъ быть 2-й оставлю допечатывать безъ меня. Бѣдная А. М. одна. Радуюсь, что Господь Саваоѳъ благословилъ твою старость. У Диккенса въ одной повѣсти подъ портретомъ есть надпись: Боже, сдѣтай жизнь мою молодою. У Гомера также есть утѣшительный для настъ съ тобою стихъ: Зелена Одисеева старость.

Мнѣ кажется, какъ будто я только начинаю писать. Шланъ у менѣ обширнѣйшій. Исторія возсоединенія Руси въ 9 томахъ составить лишь первую часть сочиненія: Исторія возсоединенной Руси, которая должна обнять эскизно все отъ Владимира на Клязьмѣ до столкновенія съ Польшею, черезъ Литву, а потомъ весьма полно совмѣстить жизнь Польши и Московіи; далѣе къ нимъ примкнуть Украина и потомъ пойдетъ тріо до нашихъ дней, изображая ходъ внутренней исторіи, а не одно то, что составляетъ лишь ея фабулу. Тутъ должно выйти весьма занимательно сопоставленіе, съ одной стороны, міра азіатскаго, съ другой—їѣмецкаго и романскаго, надъ которыми владычествуетъ греческая юность человѣчества, подобно тому,

какъ всякая юность отзыается во всякой старости. Выходитъ полная картина человѣчества, освободившагося отъ постройки пирамидъ, висячихъ садовъ и т. п. Но когда и какими глазами все перечитать? Я мечтаю о томъ, что миѣ дадутъ годовой отпускъ съ жалованьемъ. Тогда у меня на примѣтѣ есть секретарь заграницею. Съ нимъ пошло бы дѣло плавно. Между тѣмъ и самыя книги должны доставить миѣ какія нибудь средства для своего продолженія. Такъ-то дурень думкою богатіе! Та добраe, а то понурывся бѣ у землю voluti ресора. Твой П. Кулішъ.

67.

18 4 окт. 30.

Завтра отправляю тебѣ 1-й томъ Исторіи возсоединенія Руси. 2-й не такъ-то скоро напечатается: еще только половина набрана. Лишь только получишь тючокъ съ почты, тотчасъ садись на извозчика и вези Драгоманову, гдѣ раскупоришь и найдешь экземпляръ съ надписью. Всѣ 5 экземпляровъ оставишь у Драгоманова, а твой 6-й.

Твой Кулишъ.

68.

28 Ноября 1874.

Второй томъ вышелъ въ 30 листовъ; все было уже готово; оставалось только влѣсть въ машину; вдругъ оказывается, что бумаги не хватаетъ! Шиты-билыты—завтра великанъ! Еслибы они дураки дали миѣ знать, я тотчасъ бы вспашелъ имъ бумагу. Нѣтъ, они заказали, и цѣлая недѣля изъ-за этого пропала! Но за то я пину и уже печатаю другую: Хуторская философія и удаленная отъ свѣта поэзія, книга, написанная въ видѣ отдыха, послѣ 2-го тома Ист. Возз. Руси.

Се буде церберу глевтякъ, которимъ винъ подавыться. Се буде кистка въ горлы всимъ горлатымъ воронамъ и ротатымъ вовкамъ. А говоря по просту, это обзоръ россійской литературы, какова она есть, и указаніе, какой она могла бы быть, колыбѣ була така розумна, якъ нашъ дакъ Якимъ Слипый. Дака сего выставляю я Аристотелемъ и Софокломъ безграмотнаго прихода, въ которомъ бездна поэзіи, среди глуп-

бокаго невѣжества. Оставалось только братъ растенія и цвѣты въ дикомъ видѣ и пересаживать на садовую почву. Нѣть, свиней напустили, скотъ и сами по-скотски рвали, а не выталывали—все погибло, а то, что они создали, ни къ чорту не годится. Таковъ смыслъ книги. Тутъ сагаю ажъ до Адама, основателя первого хутора, и указываю на величія революція въ нравственному мірѣ—все изъ-за того, что дурни не тамлять, яве хуторъ добро. Ну, да всего не можна рассказаты. Ось прочиташь изъ твоимъ Юліаномъ, дакъ побачишъ, що божевильная голова иноди скаже що небудь и до ладу. Справди се отыхъ и забавка. Любо мени буде дывытись на биснованье всихъ ученьхъ и премудрыхъ. Дѣло въ томъ, чтобы заставить ихъ разинуть ротъ и закаркать на мою книгу: всякое карканье даетъ новую тему, и русскій умъ выйдетъ изъ летаргіі, въ какой онъ находится.

Пропущусь въ отпускъ на 11 мѣсяцевъ съ жалованьемъ. Могутъ и отказать. Тогда и буду знать, что дѣлать. Тогда брошу службу и буду писать въ хуторѣ. Но за меня хлопочутъ. А это дѣлается исподволь, и я прошенія не подаю до увѣдомленія.

Не знаю ще, чи до дому зайиду, чи пани сюды прыйде, такъ повіємось заграныцю. Твій П. Кулишъ.

69.

27 декабря 1874.

Уже хуторяне гукаютъ до мене: «здоровъ, здоровъ бувъ, Кипко Самойло, гетьмане запорозьскій! Не загинувъ еси у неволи,—не загинешь въ намы козакамы по воли!» Ухъ! тай утомився жъздоро во! И нестолько 1-мъ и другимъ томомъ Исторіи, не стильки йиздою видѣ столици до Плиски, якъ перейиздомъ одъ Плиски до Матронивки! Тутъ я трохи не розбивъ головы объ груду (и 3-го тому не було бъ тогда на свити). Трохи не поломавъ соби рукъ, перекинувшись середъ Плиски, трохи не зробився сліпымъ на одно око, бо погонычъ пугою хвыськавъ коней по спинахъ, а мене по очахъ. Се страшенній перейиздъ! Наполеону зпидъ Москвы не такъ страшно було перейти до Парижа, якъ мени видъ Плиски до Матронивки. И оце одыхаю четвертый день и дывуюсь, якъ мене Богъ спасавъ видѣ такои величезнои биды! Та зъ великои втомы и зъ великои тревоги, не здужу бильшъ и до тебе пысаты, а тилько витаю тебе зъ усію тво-

ею семьею! Певно вже маешъ другій томъ моей исторіи, бо я ёго давно тоби пославъ.

Колыбъ схотивъ до мене прыйхати, то знай, що мени любо було-бъ тебе витати; теперъ вже й груды не має и добра дорога видъ Плиски. Якъ прыйдешъ у Плиски, то долевняйся, де Корній Искра, и звелы ему везти себе у Матронивку, неторговавшись. Я ему плачу, що скочу дома. Якъ же винъ погнавсь куды (бо разъ у разъ возить людей эъ вокзала), тогди вже наймай або въ жида на станції тутъ же, або въ чоловика якого коней до Матронивки и пе давай дороже якъ 1 $\frac{1}{2}$ рубля. Та думаю, що здеруть 2 р., а я було йизжу и за рубляку. Цини ростуть страшенно. Ты имъ казатымешъ, що зимою пе черезъ Борзну (24 версты), а гаями черезъ Свирського хутиръ (15 верстъ), то може повезутъ за 1 р. 50 к.

Пани тоби гарпенъко вклоняється. Твій П. Кулишъ.

70.

28 Января (годъ неизвѣстенъ) 78?

Тебѣ приятно будеть узнать, что я наконецъ рѣшился не ѻхать въ Петербургъ. Цуръ бму! Тамъ жизнь трудная, удаленная отъ природы, относительно здоровья рискованная. Живой осель лучше мертваго льва, гласить европейская пословица. Добьюсь ли я чего въ Петербургѣ и какою цѣною добьюсь—неизвѣстно, а тутъ зимою вволю начитаешься, а лѣтомъ налюбуешься зеленью, цвѣтами и животными. Людей нѣть—это правда, но много ли ихъ въ столицѣ? И такъ, жди меня съ твоимъ скарбомъ. Посовѣтуемся, какъ его пристроить. Будь здоровъ со всѣми дѣтьми твоими, которыхъ столь мужественно хранишь отъ всѣхъ золъ.

Якъ итымешъ мымо, то купы для меня книгу: Краткое наставленіе къ разведенію лѣсныхъ деревьевъ и лѣсовъ и къ правильному пользованію лѣсами. Издание Кіевск. народн. Календаря; 50 стр. Хоть и глупая книжонка, а ты таки купи, да разузнай, гдѣ въ Кіевѣ продаются сѣмена древесныя? Твой Кулишъ.

71.

1875 февр. 28 Х. Мотрововъ.

Ты дальше ушелъ отъ Царя Давида, чѣмъ я отъ Тараса Шевченка, и меня это не беспокоитъ ни мало: Доброжелательство твое

къ автору Исторії В. Р. я цѣню, но почему истинѣ не быть на моей сторонѣ? Не потому ли, что я одинъ противъ многихъ? Когда же это бывало, чтобы истина въ своемъ откровеніи избирала большинство? Общественное мнѣніе устанавливается въ средѣ умовъ пассивныхъ. Оно для меня не можетъ быть законнымъ. Ты самъ, вступаясь за Шевченка и Костомарова, служишь только отголоскомъ установленного для умственныхъ лѣнтиевъ догмата. Еслибы двѣ личности, обезпечившія нашу будущность, Петръ и Екатерина, были каты и модохды, какъ опредѣлилъ ихъ Шевченко, то намъ осталось бы только безобразничать. А читалъ ли ты его поэму «Марія»? Она написана по возвращеніи Ш-ка изъ ссылки, въ руководство, какъ видно, народу, который отъ лица письменниковъ признаетъ его лучшимъ выраженіемъ своего ума и сердца. Что касается до Костомарова, то его непониманіе нашей исторіи всего больше зависитъ отъ того, что онъ инонлеменникъ. «Вѣ всякой народной исторіи, писанной иноzemцемъ (говорить Прескоттъ), есть непремѣнно односторонность и непониманіе. Одноzemство даетъ такія силы, которыхъ никакой геній замѣнить не можетъ». Костомаровъ загнувъ изъ нашего хворосту намъ карючку, а мы его празднословіе назвали исторіею нашего народа. На безлюди и Хома дворянинъ. Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радъ. «Плѣняйся — тебѣ наслажденье», говоритъ Жуковскій. Есть люди, довольствующіе еще болѣе жалкими издѣліями грамотности. Естественно мой протестъ имъ досадень, но и баба сердилась на торгъ, а торгъ про те й байдуже. Развѣ я втечечіе 12 лѣтъ спрavился хоть одинъ разъ, какъ у насъ думаютъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ? Передъ Киевскій ареопагъ я не намѣренъ являться съ образомъ моихъ мыслей, и только случайно, противъ собственной воли, узнаю, что скажутъ о моей книжѣ печатно. Я ничего periodического не читаю. Что могутъ о ней сказать люди, для которыхъ и Костомаровъ — историкъ? Вы хотите, что бы было двѣ истины, а она только на одной сторонѣ. Если моя книга неправда, зачѣмъ ее читаютъ? Если же я не ошибся въ изображеніи моего народа, то зачѣмъ читать его карикатурную исторію? Ты хочешь совмѣстить несовмѣстимое — инонлеменника съ туземцемъ. Это, братъ, потому, что всѣ вы — до извѣстной степени — инонлеменники. Кто могъ сдѣлать васъ родными чадами земли своей? Не духовная-ли академія и университетъ? Да это питомники чужеземства, и притомъ самого плохого! Я можетъ быть пишу для одного себя? Положимъ, лучше думать правду въ одиночку, чѣмъ ораторъ

ствовать передъ публикой, потерявши чутъе къ своему прошедшему и настоящему. Мы слишкомъ долго шли различными путями, и потому публика моя сдѣлалась мнѣ чужою.

Заграницу я не поѣду. Нельзя оставить Ал. Мих., а ей нельзя оставить все, что она имѣеть и безъ чего она, по моей смерти, будеть нищею. «Помни каждый ближайшій долгъ свой». А мой ближайшій долгъ развѣ состоить въ авторствѣ? Да и денегъ у насть для побѣзки нѣтъ. Я взялъ отпускъ на четыре мѣсяца безъ жалованья. Отпускъ обѣщали мнѣ продлить на безконечное время.

Все таки лучше состоять подъ вѣдомствомъ министерства, чѣмъ губернатора. Только потому и не выхожу въ отставку. А не пишу къ тебѣ потому, что вся моя жизнь состоить изъ чтенія. Такъ о чёмъ писать? Слава Богу, что я могу, ничѣмъ не занимаясь обязательно, читать и читать; этого удовольствія я не испытывалъ давно, находясь постоянно въ борьбѣ съ житейскими мелочами, которая наконецъ научилася отъ себя удалять. Твой Кулишъ.

72.

Безъ числа и года.

Интересно было бы развѣдать, къ кому перешли бумаги Иванющева. Онъ хвалился будто бы имѣеть письменные материалы о Петрѣ Могилѣ. Хотя у него была скверная привычка лгать, но, можетъ быть, на сей разъ онъ говорилъ правду. Нельзя ли воспользоваться сими материалами? не позволять ли мнѣ его наследники просмотрѣть его рукописи? Въ такомъ случаѣ я бы прїѣхалъ дnia на полтора въ Кіевъ.

Жаль, что ты ослабѣваешь здоровьемъ. Миръ довольно пусть: въ немъ хорошихъ людей никакъ не больше Содома и Гоморы, да и тѣ хвораютъ; а дикия силы между тѣмъ скотствуютъ въ человѣческомъ образѣ. Если тебя занимаетъ моя работа, столь непохожая на то, чего отъ меня домогаются, то позаймись просмотромъ Епархиальныхъ извѣстій, Православнаго собесѣдника и т. п. Въ нихъ помѣщаются характеристическія извѣстія и документы по церковно-экономическимъ и книжнымъ вопросамъ. Заведи записной листокъ и отмѣтай въ немъ томъ, годъ, страницы, а я все это пересмотрю заразомъ. Но если это для тебя почему нибудь неудобно, то знай, что я работаю спустя рукава и съ болѣшимъ удовольствіемъ пере-

читываю Канта, нежели родную дребедень, изъ которой надобно извлечь живое начало. Напишу ли я что нибудь еще, или не напишу,—объ этомъ я такъ думаю, какъ о будущихъ прогулкахъ по лѣсу. Нечитанныхъ книгъ у меня горы, и мнѣ гораздо пріятнѣе быть читателемъ умныхъ людей, нежели писателемъ для недоумковъ. Посему, еслибы ты возрноввалъ ревностію по исторической реальности, то дѣлай это въ собственныхъ моральныхъ интересахъ.

73.

1875 Апрѣль 29.

Такъ я таки продолжаю занимать твое воображеніе! Да, хуторъ хорошее дѣло въ эту пору года. Но никогда еще такъ мало не отдавалъ я времени занятию хозяйствомъ. Встаешь рано—въ 4 и въ 5 часовъ, но просыпаешься непремѣнно въ 4. Ал. М-на. встаетъ раньше меня и отдаетъ свои царственныя повелѣнія. Я же, въ качествѣ туриста, лѣнясь читаю что нибудь въ постелѣ, доколѣ не сдѣлается совсѣмъ, что кофе меня ждетъ, послѣ кофе запираюсь въ своей комнатѣ и, подобно Щербаку, вѣсколько часовъ изумляю міръ моимъ глубокомысліемъ, которое однакожъ прерываю по времени или для того, чтобы накормить журавля, или для того, чтобы освободиться отъ кошачьихъ просьбъ, или вспомню вдругъ, что цуцыкъ Бовкунъ еще не позавтракалъ, а иной разъ, видя, что Ал. Мих. хлопочетъ въ саду, соблазняюсь сіяніемъ солнца и соловьевыми пѣснями, которая лучше всяческаго глубокомыслія. Теперь мы живемъ только вдвоемъ. И братъ Ал. Мих. удалился изъ сихъ странъ въ полтавскую палестину. Пріѣхалъ бы ты подышать нашимъ воздухомъ и полѣниться вмѣстѣ со мною. Но это тебѣ будетъ не дешево стоить, потому что на людей теперь у насъ *barzo cięźko*, и мы едва имѣемъ возможность пустынножительствовать; такъ высылать на встрѣчу тебѣ лошадей не берусь. Не мѣшало бы намъ быть съ тобою побогаче. Но, какъ я рѣшительно ни шагу изъ хутора, то мнѣ такая жизнь кажется богатою. Читать есть что, писать есть о чёмъ. Якого-жъ ище хрена треба? Будь у меня деньги, я бы разгуливалъ по всему свѣту и конечно ничего не дѣлалъ бы, а теперь, вмѣсто вѣшняго міра, я вознаграждаю себя внутреннимъ міровоззрѣніемъ, и мнѣ такъ же хорошо на свѣтѣ, какъ и любой козявкѣ.

Ты правду сказалъ, что старость—хорошее дѣло. Бюфонъ (въ статьѣ *l' homme*) сказалъ это еще лучше тебя. Я читалъ это назадъ

тому лѣтъ 30, но и тогда соглашался съ нимъ. Старость есть освобожденіе отъ всяческаго неразумія и наслажденіе многими недоступными для молодости. Бувай здорово! Твой Н. Кулишъ.

Александра Михайловна тебѣ усердно кланяется.

P. S. Если бы въ Россіи была возможна статистика, то она бы доказала, что въ нашихъ домахъ больше гибнетъ людей, нежели на желѣзныхъ дорогахъ. Каѣтъ посмотришь на нашъ народъ, какъ онъ исполняетъ свои обязанности, то такъ и видишь, что смерть гоняется за нами съ обухомъ. Это только игра случая, что я живъ среди своихъ владѣній. Сегодня могутъ убить меня кони, завтра рогатая скотина, послѣ завтра дерево въ лѣсу, тамъ огонь, а тамъ вода, а тамъ ядъ (мѣдная ступка съ позеленѣвшою солью, закисшая каструля и т. п., за чѣмъ вѣчно смотришь и вѣчно удивляешься, что еще живъ). Желѣзная дорога для меня—путь къ безопасной жизни, которая наиболѣе возможна среди цивилизациіи. Переходъ отъ твоего дома до вокзала для меня былъ опаснѣе всѣхъ моихъ разѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Но довольно утомлять твои глаза! *

Заграницу не пойду до іюля, но не потому, что тебѣ мудрено снабдить меня деньгами, а потому, что мой докторантъ теперь занятъ по уши экзаменами, которые окончатся только въ іюль. Тогда мнѣ нужно съ нимъ видѣться.

По сїй мови та бувайте здорови. Твой Кулишъ.

Ты вельми добре описавъ городянъ, що бигаютъ увеселенечки повысолоплювавши языки. Нема въ свити надъ хуторъ! Устанешъ—никуды не хапаєssя, выйдешъ у садъ—оловови тоби щебечуть. До кофе подадутъ тоби слывокъ не такихъ, якъ оттамъ яка злыдenna душа продасть ледачій наймычци. Визьмешъ, прочитешъ книжку, або самъ перомъ пыснешъ про старовину. Прыйде до тебе чоловикъ який,—винъ говорыть розумно, не такъ, якъ городяне: або про дубыни, або про осычину, чи про сино, и ничего не скаже такъ не до речи, якъ отті лысменнны людѣ, що абы слово, то вже й дурнцы. Попысавши, выйдешъ за ворота; тамъ утята съ гусьми плавають, кахкаютъ, кони пасуться, скотъ полягавъ на трави, мовъ намалеваный, а тутъ ратаи на волыківъ гукають; а сонце жъ то, сонце! Що воно виробляє по тому молодому листу, що мовъ зеленымъ серпанкомъ позалынавъ дерево!...

74.

19 іюня.

Спасыби за гроши, що поховавъ ёси въ скарбныцахъ. Колы не можна тоби прыйхати буде и 28 іюня, якъ сподиваеся, то на-
дишлешъ къ 1 июля, а самому мини йихати неможна, бо мушу йихати
въ Варшаву до В. Билозерскаго, щобъ завершить Матрониньску спра-
ву. Тогда жъ то й гроши мини буде треба, а теперъ на свои по-
требыны маю. Та що се ты мини за задачу задаешь? Якъ я выйду
тоби на зустрічъ, колы ты выйдешъ 27-го числа наничъ, а въ Плис-
ци будешъ на свитанню? Хочъ бы я й скотивъ передъ свитомъ йихати
въ Плиску, такъ кучеръ мій не скоче, бо теперъ наши люде стоять
ривно съ пивночными американами у ривновази зъ панамы, а ли-
нощамы—выше всего свиту. Та й яки мы зъ тобой будемо, недос-
павши ночи? Ни, мій голубе, колы хочешъ зробыти зъ своихъ од-
видынъ утиху и для себе, и для мене, то скажи мени, на яку годину
мижъ ранкомъ и вечеромъ мушу я пристыгнуть до тебе въ Плиску?
Подывысь у книжці, колы прыйде туда пойиздъ, тай напиши. Колыжъ
тоби теперъ вельми николы, то я тебе й не сыловатыму.

Вже соловы позамоккалы и розы осипаються. Теперъ одна втиха—
полуныци да суныци. Незнаю, чи вродить малына. Вышни побыло въ
цвіту морозомъ, такъ само, якъ яблуки и груши. Въ осени тилько
золоте сонечко по гаяхъ та левадахъ веселытыме око. Городяныно-
ви трудно нашого брата дѣ въ чому зрозумити. До Плиски 22 верс-
ты, отъ ты й думаешь: «устане винъ рано, якъ удары 4 годына,
та два годыны буде въ дорози, о шостій годыни мы побачимось». А воно не такъ, ось якъ воно выйде: Зъ вечера скажу Грыцькови:
«завтра, Грыцько, пойидемо въ Плиску, такъ щобъ на сходи сондя
рушити зъ дому». А Грыцько мени скаже: «Колыжъ я коней упораю?»
«Порай колы хочешъ, а въ Плиску мусымо постыгнуть зараня».—
Отъ Грыцько и заходытца вранци коло коней. Нема въ мене стиль-
ко снаги, щобъ его прысылувати до порядку въ стані. Кони въ ёго
замазани, закаліни; зачне винъ ихъ обмывати та обчищати, зачне
збрую збирати, запрягати, тай вылиземо зъ нымъ изъ воритъ хиба
тогда, якъ добри люде снідають, а на яку годину пристыгнемо до
тебе—сёго ни я, ни винъ не знаемо. Тымъ часомъ ты, не доспавши
ночи,—яке вже тамъ спанне на зализныци?—нудытымешъ свитомъ у
порожнѣму поганенъкому вокзали, середъ Плисецкой ривніави и, по-
зыраючи на годынны, не знатымешъ на котрій годыни опочити

I отд.

10

очима. Азія! А я бажавъ бы, щобъ ты мене побачивъ зъ вікна, добидаючи до Плисецької станції. Доволи нудьги и въ дорози черезъ наши пустыни та пустки. Нехай бы тебе не пытали чужі очи, що ты за панъ, а прывитало мое дружне око на бангофи. То колы хочешь, то прыбуваі у день. Тогда й мы зъ Грыцькомъ сякъ такъ вырядымось у далеку дорогу, ажъ за 22 версты, та й не спизнемося ни минутою, видмірявши соби яку годину на гаянне. Оце жъ пыши и сповисты, якъ воно мае буты? Твій II. Кулишъ.

75.

Зъ Варшави.

Ще не було такого черта, щобъ злякавсь запорожець, а про те чертаки свое дило роблять. Прочитай, колы хочешь 204 № Моск Вѣдом. Певно вже читавъ еси 250 и 251 №№ С. Петербур. Вѣдом., то й знаєшъ, яку костомару заперь я въ пельку газетнимъ вовкамъ. Теперъ читай № 263 тієї жъ таки газеты. Клепле дурний X. дурному Каткову, нibly я подлажуюсь до ляхивъ. Добра се ознака, що вони зсунулись зъ глузду, бо не второпають зъ якого бчку мене рвануты. Е таки люде и въ Варшави, що рады бъ мене втопити въ ложци води. Катковъ ихъ апостоль. Не маючи свого розума, споглядають на мене его очима; може й заподіють мини гуртомъ яке лыхо. Та зъ напасты, мовлявъ, не прочасты. Знайдемо й мы що робыты. А поки що, пысатыму проты Катківськихъ та Аксаківськихъ каверзъ. Нехай добри люде навчаються правды хочъ по троху.

Мазюкевича твого не бачивъ, та по правди сказавши — мени по всякъ чась николи, то й байдуже. А що кажешъ поїхало сюда ба-гацько розумныхъ людей, то шкода праці! Ничогисенько не вдіють, поки таки люди нами орудують, що рады бъ Кулиша въ ложци втопити. Позасплюють розумъ, у кого й е, або попсуются такъ, що й не пизнаєшъ.

Що се тоби привыджується про мое авторитетство середъ Моск-вы? Не знаєшъ ты іи, пане брате! Тамъ правою ничего не вдієшъ, тамъ правды бояця.

Оде найкраще, якъ на добро чоловикови обертати таку напасть, що одняты въ его частыну заробитку! хочъ бы мени впало сто тысячъ — и тогда думка моя не грошима бъ водылась, а тоби здається, що я клоночусь про тысячи карбованцівъ. Гай, гай! Давно бъ уже

трещала въ мене видъ ныхъ скрынѧ, та не грошей чоловикъ добываеться. Нехай такъ люде про мене думаютъ—воно й гараздъ, а тоби не личить.

Справди Головацкаго въ васъ не разуміють. Колысь побачать, що воно е. Затуманено людямъ очи такъ, що й ты багацько де чого не добачаешь. Не тилько *сінк* напечатавъ, та ще напечатавъ зъ лукавої науки, побувавши въ Москви. Се дило широке, а не таке, якъ тамъ у васъ миркують. Яка тутъ гордость, брате! тутъ чоловикъ на сылу дыше середъ ворожого натовку, а тоби здаецца, що винъ панує, а що про дорогу речешъ, то бывъ бы я падлюка, колыбъ зъ неи звернувъ, хочъ бы для одного такого якъ Аксаковъ, або Катковъ. Се ты ничего не знаешъ, тымъ раешъ мени «уступати другимъ дорогу». Мы стоимо въ Термопилахъ. Проклята маты, що породила такого уступателя! Нехай нась растопчути и возвистять мырови, що восторжествовалы надъ великимъ зломъ: оце буде наша найкраща слава, колы ве доведецца намъ самимъ растоптати безголовыхъ тыхъ фанатиковъ, що всимъ руськимъ мыромъ заколотили и всими способами добро и правду зъ людської души выкоренюють. Ничогисенько въ васъ не тямлять. Сидять у васъ люде во тьмѣ и сѣни смертнїй.

Зачѣмъ давать поводъ къ этимъ выходкамъ?—На що серцемъ и разумомъ жити? Та тежъ на свити нема ничего гиршого, якъ мовчки дывытысь на той соромъ, що нымъ окрыва Катковъ Руську землю! Колыбъсталась Русь такою, якою винъ іи малює, то бувъ бы ій капутъ, бо булагъ се брехня видъ моря до моря и никчемність видъ сходу до заходу сонця.

76.

6 паздерника изъ Варшавы.

На вопросъ твой: когда надѣюсь побывать въ Матроновѣ, отвѣтствую:

Первый томъ Исторіи почти что набранъ весь, а еще нужно набирать 2-й. Впрочемъ, типографія ,приняла чрезвычайныя мѣры. Надѣюсь выѣхать послѣ 1 ноября съ тѣмъ, чтобы изготовить 3-й томъ, которымъ сягону до Хмельниччины, а для Хмельниччины муши съѣздить: а) въ Варшаву и Познань, б) въ Краковъ, в) во Львовъ, г) въ Ольмюцъ, д) въ Вѣну и е) въ Венецію, а пожалуй и еще въ

Нѣкоторые извѣстные своими библіотеками города. Ты думаешь себѣ: охота жъ полуپьяного козака ставить на такой пьедесталъ? А я хлопчу о томъ, что бы стыдно было ставить ему памятникъ. (Про се мовчи). Уже князь Острожскій покотывсѧ такъ, якъ той Перунъ Кіевскій, и никогда не выдѣбаетъ изъ Леты. (И про се мовчи). За то (оттутъ почухаешь голову)! Къ Іову Борецкому подхожу педъ благословеніе, а до мищанъ иду въ гости, илюнувши на вѣльможескія и панскія бесѣды. (Мовчи, брате ѹ про се). А що вже Хмельницкому достанеться такъ такъ, якъ тому кабану, що внаходитця въ жито! Тутъ може (выбачай що такъ думаю) ты скажешъ, такъ якъ одынъ пипъ казавъ мини въ Туреччини: (пипъ здывовався, що писла Карамзина ще можна пысаты про те жъ само) «Якъ же се?» А три томи про Богдана Хмельницкого куды динешъ?—У пичъ укину. Ще здавна казавъ я Костомарову, що не такъ бы треба пысаты, такъ де жъ бакъ! Уси люде хвалять, а ты одынъ гудышъ! ще шалопай Максимовичъ пидмовлявъ мене: «Чомъ не напишете критики?» На якого вона ката здаєцца? Критику, думаю соби, напишешъ и ты, не-боже; а визмы та змалю самога гетьмана, тогди ѹ побачишъ, куды твій пендзель дывытьци! та побачивши и пайдемъ у тіи богомазы, що каже: «ничаво-ста: для хахловъ и такой Богъ брадѣ». Оце жъ я ѹ не пысавъ критики, а теперъ уже за одынъ заходомъ усе. Не-хай люде дывляться, который патретъ крашій, чи той, що поставлено на покути, чи той, що въ порога? А гарно буде дывытись на Хмельницкого! Хочъ и въ порога стоятыме, то можна по при ёму де що намалюваты предынво! Самъ винъ ледашо, а кругъ ёго було де ѹ крашче, що винъ умивъ тилько перваты (?). Оце жъ то для сего думаю швендаты по всіхъ книготекахъ, чи не выдряпаю де чого небудь цикавого. А вже таки ѹ накинувъ однимъ окомъ де що! Ну та то ще колы буде; а до весны мушу 3-го тома спорудиты; та на три тома буде Хмельнищины, та на три—до царыци Катерини и лядской халепы. Такъ усимъ дивкамъ парнаськимъ, чи дельфійскимъ по кнызи на ралецъ и буде,—хочъ и Байронъ каже, що винъ не зваживсѧ разбуркаты потомленныхъ «Девятехъ», щобъ ральцоваты имъ своею надто простою, невысокоголосною писнею. Ну, я гарненько положу свои девять кныжокъ на (не разобраю). Якъ прокинутьца, то побачать, та зазирнуть, та може ще бильшого зададутъ хропака! Твій II. Кулишъ.

77.

10 сентября (годъ неизвѣстъ).

Здоровъ, брате Иване! Отъ що зробы, спасыби тоби. Пайды до Драгомана и спытай:

- а) Чи осягъ винъ листъ про те, якъ я хвалю одинъ фельетонъ у Петерб. Вѣдомост.?
- б) Чи осягъ писля того ще два листы про книжки де що?
- в) Чи правда, що трущено его?
- г) Що тамъ за терроръ такій учинили люде, которыхъ такъ хвалено у фельетони? и д.) Хто скомпанувавъ на прочудъ гарний фельет? Хочъ тамъ якесь терророве повитре грисує, та, бувши чоловикомъ старымъ, тоби мусыть буты байдуже. Оде жъ роспѣтай про его новесеньку странычку зъ исторії просвищенія руського та й мени перекинь, що воно й якъ и звидкиля така халепа сталась?

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СКАЛЬКОВСКІЙ.

(По поводу девяностолѣтія его жизни).

Перваго января 1898 г. исполнилось девяносто лѣтъ со времени рожденія мастистаго историка Запорожья и Новороссіи Аполлона Александровича Скальковскаго; это такой возрастъ, котораго достигаютъ немногіе, и мы, привѣтствуя исполненнаго долголѣтіемъ дней Аполлона Александровича, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь главныя черты его жизни и перечень важнѣйшихъ его сочиненій. Этотъ перечень наглядно покажетъ объемъ ученого - литературной дѣятельности нашего историка, дающей ему право на глубокое уваженіе всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся судьбами своей родины.

„А. А. Скальковскій, сынъ помѣщика Кіевской губерніи, родился 1-го января 1808 г., въ Житомирѣ, гдѣ и окончилъ гимназію; затѣмъ, слушалъ недолго медицину въ Виленскомъ университѣтѣ, а затѣмъ перешелъ на юридическій факультетъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ, со степенью кандидата, въ 1828 году. Еще будучи студентомъ, А. А. посѣщалъ извѣстный салонъ княгини Зин. Волконской и, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ къ жившему тогда въ Москвѣ знаменитому польскому поэту Мицкевичу, началъ свою литературную дѣятельность въ московскихъ журналахъ.

„По окончаніи курса, А. А. отправился на службу въ Одессу, въ канцелярію генералъ-губернатора, тогда графа, а позже свѣт-

лѣйшаго князя М. С. Воронцова. Гр. Воронцовъ старался окружать себя талантливыми сотрудниками и создать въ Одесѣ учено-литературный центръ. По его указанію А. А. занялся мѣстною археологіей и исторіей, а затѣмъ и статистикой, и былъ однимъ изъ учредителей Одесскаго общества исторіи и древностей и общества сельскаго хозяйства Южной Россіи.

„А. А. совершилъ множество поѣздокъ по Новороссійскому краю для разбора и изученія разныхъ архивовъ. Между прочимъ, въ Екатеринославской казеннѣй палатѣ онъ отыскалъ, въ массѣ гнившихъ бумагъ, драгоценный архивъ Запорожскаго войска. Плодомъ этихъ изысканій была первая работа—*Исторія юрода Одессы*, потомъ—Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края (2 ч.) и *Исторія Новой Стчи или Послѣдняго коша Запорожскаго* (3 ч.). Разбирая вмѣстѣ съ извѣстными польскими писателями Крашевскимъ и Мих. Грабовскимъ архивы, конфискованные умагнатовъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ 1831 г., А. А. собралъ матеріалъ для своей книги: *Напѣзы Гайдамаковъ на Западную Україну*.

„Посвятивъ себя потомъ, по званію редактора и директора главнаго статистическаго комитета Новороссійскаго края, по преимуществу статистикѣ, А. А. издалъ въ двухъ томахъ *Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края*,увѣнчанный демидовской преміей. Третій томъ этого сочиненія изданъ не былъ вслѣдствіе отсутствія казеннаго ассигнованія по случаю Крымской войны, но почти всѣ его главы въ отдѣльности были напечатаны въ Журн. м-ва вн. дѣлъ. Въ этомъ журнальѣ, а равно въ другихъ повременныхъ изданіяхъ 30—50-хъ год., разсѣяно множество статей А—на А—ча по вопросамъ исторіи и статистики Южной Россіи. Одно перечисленіе этихъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые (*Болгарскія Колоніи, Ростовъ на Дону и друг.*) вышли потомъ отдѣльными книгами, заняло бы многія страницы. Во время крымской войны А—на А—ча сдѣлался публицистомъ, и политическія письма его въ Спѣверной Целль и С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ обращали на себя вниманіе.

„А. А. Скальковскій не былъ чуждъ и изящной литературы. Изданы имъ въ 40-хъ г. романы во вкусѣ Вальтеръ-Скотта,

Мамай, Братъя - искупители, Кагальничанка и Хрустальная балка—рассказываютъ исторію Новороссійскаго края и содер-жать много любопытныхъ свѣдѣній изъ жизни XVIII столѣтія, почерпнутыхъ изъ архивовъ и разсказовъ современниковъ, кото-рыхъ авторъ въ молодости засталъ еще въ живыхъ.

„Помимо своей ученово-литературной дѣятельности, А. А. при-несъ огромную пользу краю, организовавъ въ Одессы архивъ ми-нистерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ и завѣдуетъ до сихъ поръ. Прослуживъ въ Новороссіи семьдесятъ лѣтъ, онъ самъ былъ живымъ архивомъ для всѣхъ, кто въ Одессы нуждался въ ка-кихъ либо справкахъ по мѣстной исторіи и статистикѣ. А—иѣ А—чѣ былъ женатъ на дочери Степана Живковича, извѣстнаго дѣя-теля по освобожденію Сербіи отъ турецкаго владычества, быв-шаго секретаря Георгія Чернаго, а послѣ смерти послѣдняго, нашедшаго пріютъ въ Россіи“¹⁾.

Ученово-литературную свою дѣятельность А. А. Скальковскій началъ книгою—*Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссій-скаго края*, первая часть которого вышла въ Одессы въ 1835 году. Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ подробно описалъ первую свою археографическую поѣздку по Новороссії, причемъ сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи осмотрѣнныхъ имъ архивовъ. Въ виду рѣдкости названной книги мы приводимъ здѣсь часть этого предисловія.

„14 числа мая 1835 года оставилъ я Одессу, не зная еще на-вѣрно куда направить свои шаги; но первыя попытки, сдѣлан-ныя мною въ Новомиргородѣ, пограничномъ шанцѣ и штабъ-квартирѣ Сербскаго гусарскаго Хорвата полка (1754), доказали что лучше всего объѣздъ мой произвести по хронологическому порядку. Я разумѣю подъ симъ заглавиемъ время, моментъ или порядокъ времени, какъ на сцену всеобщей русской исторіи, об-ласти и города Новороссійскія выходили.

На такомъ основаніи я обозрѣлъ Новомиргородъ, Новоар-хангельскъ (съ окрестными ротами и остатками крѣпостей и

¹⁾ Приведенные здѣсь свѣдѣнія получены нами отъ К. А. Скальковскаго, ко-торому и привносимъ искреннюю благодарность за его любезный отвѣтъ на запросъ редакціи.

шанцевъ по Синюхѣ и Виси), Ольвіополь (т. е. Орликъ) или Екатерининскій шанецъ (пограничную крѣпость и таможню), крѣпость св. Елизаветы, или Елизаветградъ (съ нѣкоторыми бывшими гусарскими и пикнерными ротами или селами и раскольничими округами—Злынкою, Клинцами и проч.); Александрію (бывшую роту Бече или Бешку 2-ю), колонію старообрѣдцевъ, а равно Крыловъ и Крюковъ, древняя ковачы усадьбы и послѣдніе шанцы Новосербскаго поселенія на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго малороссійскихъ полковъ. У Крюкова Днѣпръ начинаетъ вторую часть поселенія въ степи, т. е. Українское или ландмилицейское на линіи, до 1750 года заведенное, и Славяносербію; а потому я перѣѣхалъ границу Екатеринославской губерніи и чрезъ Запорожскія села: Романьково и Сухачевку (т. е. Верхнеднѣпровскъ), доѣхалъ до Екатеринослава II-го на Днѣпръ. Отсюда я пустился за Днѣпръ, въ Новомосковскъ (т. е. Новоселицу, Старо-самарскій ретраншаментъ, или Екатеринославъ I-й на Самарѣ); здѣсь въ земледѣльческомъ классѣ народа я нашелъ преданія и обычаи съ 1775 года, рядомъ съ успѣхами домоводства и земледѣлія, введенного иностранными колонистами.

Слѣдовало пуститься въ глубь Славяно-сербскаго поселенія до рѣкъ Лугани и Сѣвернаго Донца и дойти до Линіи, сосѣдней съ бывшими Слободскими полками; но въ Павлоградѣ узналъ я официальнымъ образомъ, что дѣла обѣихъ линій, старой Українской и Днѣпровской, переданы первоначально Военному коллѣгію, а послѣ начальству военно-кавалерійскаго поселенія. Часть малая сохранилась въ крѣпости св. Дмитрія на Дону. Екатеринославское губернское начальство извѣстило меня, что дѣла Новосербской канцеляріи и Славяносербской комиссіи хранились когда-то (между 1763 и 1770, т. е. по упраздненіи обѣихъ областей), въ крѣпости Бѣлевской, на Линіи и въ Бахмутѣ, но что теперь ихъ тамъ уже нѣтъ больше. Тоже самое я узналъ о Славяносербскѣ (бывшемъ Донецкѣ).

Такимъ образомъ надобно было довольствоваться Екатеринославскими губернскими архивами, и тутъ, поистинѣ, былъ главный источникъ всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній для пер-

выхъ двухъ эпохъ исторіи Новороссійской. Здѣсь соединены архивы дѣлъ: бывшихъ Новороссійской и Азовской губернскихъ канцелярій, съ 1764 по 1784, Екатеринославскаго намѣстничества съ 1784 по 1796, второй Новороссійской губерніи, съ 1797 по 1802, и Екатеринославской губерніи настоящей. Кромѣ сего, здѣсь находятся архивы генераль-губернаторскіе: Воїкова, Потемкина, Зубова и др., межевые, дворянскіе и много другихъ. Но дѣлъ первоначальныхъ, касающихся временъ съ 1750 по 1763 годъ, именно самыхъ желанныхъ, ибо они, касаясь первоначальныхъ дней края, отличались бы новостью и оригинальностью, нигдѣ отыскать нельзя было. Они или погибли въ безчисленныхъ пожарахъ, разрушавшихъ такъ часто города и села Новороссійскія или—переданы въ такія руки и архивы, куда уже никто, кромѣ посвященныхъ, не можетъ отыскать себѣ дороги. Все, что удалось узнать о годахъ съ 1751 по 1764 годъ, получено мною изъ архива Екатеринославскаго архіепископа Гавріила, подавшаго мнѣ доброжелательную руку помощи въ столь затруднительномъ положеніи. Но это было бы слишкомъ мало, если бы въ Полномъ Собраниі Законовъ не были помѣщены главнѣйшиe документы, до первоначального заселенія Новороссійскаго края относящіеся. По сей причинѣ вся почти первая эпоха, кромѣ мѣстныхъ преданій, основана на XIII, XIV и друг. томахъ упомянутаго собранія. Изъ Екатеринославля я єздилъ вдоль пороговъ Даїпровскихъ, для осмотра крѣпости Владислава IV въ Старо-Кайдакахъ, Фал'евскаго канала въ Ненасытенскомъ, Сѣчи на островѣ Хортицѣ и небольшой верфи, бывшей (въ 1794 г.) въ уроцищѣ Кичкасы. Оттуда, черезъ Никополь (или Никитинскъ), одну изъ главныхъ паланокъ, или уѣздовъ, Сѣчи, по Днѣпру добрался до Бериславля (по-турецки Кизи-Керменъ), пограничнаго запорожскаго съ татарами и нѣкогда укрѣпленнаго города. Въ Никополѣ, Бериславлѣ и Каховкѣ, кромѣ небольшихъ, весьма сбивчивыхъ, но поэтическихъ преданій о Сѣчи Запорожской, я не получилъ другого рода документовъ; за то въ с. Знаменкѣ я отыскалъ нѣсколько свѣдѣній о первыхъ поселеніяхъ старообрядцевъ на берегахъ Днѣпра. Въ соборѣ Никопольскомъ хранятся многія драгоценныя утвари (даже изъ церквей католиче-

скаго исповѣданія) изъ Сѣчеваго покровскаго собора вывезенныя послѣ 1775 года (въ томъ числѣ древній черепаховый аналой—подарокъ папы) и доставшіяся запорожцамъ изъ Австріи и Польши.—Я спѣшилъ къ Херсону. Херсонъ съ 1779 года начинаетъ свою жизнь. Онъ отецъ флота Черноморскаго, громившаго турокъ съ 1788 по 1791 годъ, и одинъ изъ важныхъ свидѣтелей трудовъ и намѣреній Потемкина. Отсюда ходили русскіе для занятія ханства Крымскаго и сѣверныхъ береговъ Чёрнаго моря, сдѣлавшагося теперь русскимъ. Въ Херсонѣ архивы губернскіе не важны въ историческомъ смыслѣ, ибо не старѣе 1803 года, за то архивы военные въ крѣпости и адмиралтейскіе—неопѣненнаго достоинства, ибо тамъ дѣйствія градостроителя Херсона—Ганнибала и Потемкина—основателя могущества русскаго на югѣ, изображены большими буквами и краснорѣчивыми памятниками.

Изъ Херсона чрезъ Алешки, вторую и пограничную Сѣчь Запорожскую (1731), выѣхалъ я въ Перекопскую степь, богатую соляными озерами, безмѣрными пастищами, стадами верблюдовъ и воспоминаніями о безчисленныхъ битвахъ русскихъ, козачьихъ, польскихъ и ордынскихъ. Но эта степь, сколько мнѣ было извѣстно, мало имѣеть памятниковъ, а еще менѣе документовъ. Я спѣшилъ въ нынѣшнюю столицу Крыма.

Симферополь, или Акъ-Мечеть, куда въ 1784 году перенесено главное управление русское надъ Крымомъ изъ Карасубазара, имѣеть обширные и весьма любопытные архивы и много другихъ источниковъ полезныхъ для объясненія древней и новой исторіи полуострова: изъ нихъ я заимствовалъ все, что было возможно, о первыхъ годахъ владычества русскаго въ Тавридѣ. Остается Мариуполь и Нахичевань, греческіи и армянскія колоніи изъ Крыма вышедшия (1779). Николаевъ—послѣдствіе взятія Очакова, куда немедленно (съ 1789 г.) перенесена была часть кораблестроенія; Вознесенскъ—цѣль всѣхъ замысловъ Зубова и центръ бывшаго Бугскаго козачьяго войска и, наконецъ, Одесса (Хаджибей, Енидани) трофей и твореніе Дерибаса, коей архивы тѣмъ важны, что съ 1805 она сдѣлалась главнымъ го-

родомъ Новороссійскаго края, какъ уже съ 1803 была важнѣйшой торговой гаванью на Черномъ морѣ⁴.

Засимъ приводимъ перечень сочиненій Аполлона Александровича.

1) 1836—1838. Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. 1730—1823. Часть I, съ 1730 по 1796. Одесса. XI+288 стр. Часть II, съ 1796 по 1823. Одесса. IV+349 стр. Съ портретомъ. *Де-Рибаса, съ рисунк. одеждъ гусарскихъ и пикинерскихъ полковъ 1772 г. и карт. Вознесенск. намѣстничества.*

2) 1837. Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы. 1793—1823. Одесса. IV+296 стр. Съ портр. *Ришелье и планомъ Одессы*¹).

3) *1839. Историко-статистический опытъ о торговыхъ и промышленныхъ силахъ Одессы. Одесса²).

4) 1841. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго. Извлечено изъ собственнаго Запорожскаго архива. Одесса. VIII+437 стр.

5) 1844. Сношенія Запорожья съ Крымомъ. 1749. Материалы для исторіи Новороссійскаго края. Одесса. 26 стр. (*Отдѣльн. оттискъ изъ Одесск. Вѣстн. №№ 72 и 73*).

6) 1844. Некрасовцы, живущіе въ Бессарабіи. Ж. Мин. Вн. Д., ч. VIII, 61—81 стр.

7) 1845. Наезды гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи. 1733—1768. Одесса. 230 стр. Съ рисунк. гайдамака и планомъ Уmani.

¹) Польскій писатель Мих. Грабовскій, давал подобный отчетъ объ этой книгѣ (*Athenaeum*, 1843 г., № 2, 118—150), говоритъ, между прочими, что въ 1836 г. былъ напечатанъ въ Одессѣ, *Дневникъ путешествія гр. Воронцова по Черному морю* (*Dziennik drogi parostatku Piotr W. wzdѢu tauryckich i wschodnich brze-
bych Czarnego morza*), веденный А. А. С—кимъ, во другихъ свѣдѣній объ этой книгѣ мы не встрѣчали.

²) Звѣздочками означены книги, заглавія которыхъ взяты изъ каталоговъ. Остальные—описаны по самимъ книгамъ.

8) 1846. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго. Изд. второе, исправленное и значительно умноженное. Три части. I—367, II—367 и III—239 стр.¹⁾.

9) 1846. Поѣздка по Запорожскимъ уроцищамъ. Ж. Мин. Вн. Д., № 1, 34—77 стр.

10) 1847. Похороны козака. Русск. Изв., № 32. (*Рассказ, заимствованный изъ акта 1772 г.*).

11) 1847. Ясырь. Тамъ же, №№ 82—83.

12) *1848. Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ. Одесса.

13) 1849—1850. Порубежники. Канва для романовъ. 4 выпуска. Одесса. I VIII+195 стр. 1. Кагальничанка. Повѣсть 1769—1770. 2 Хрустальная Балка. Повѣсть 1790 и. II, VIII+200 стр. Братья-Искупители. Повѣсть 1768 и. III+202 стр. IV, 206 стр. Мамай. Повѣсть 1758—1760 и. ²⁾).

14) 1850. Опытъ Статистического Описанія Новороссійскаго края. 2 части. Одесса ³⁾. I, 364 стр.

¹⁾ Обстоятельная рецензія на первыя двѣ части этой книги, Крашевскаго, напечатана въ тогдашнемъ *Atheneney'в См. сборникъ Крашевскаго—Okruszyne*, (Варшава 1856)г. I, стр. 109—178.

²⁾ „Авторъ ихъ представляется здѣсь только „канву“ для романовъ, сцену которыхъ избралъ онъ южную Россію. Подобно бессмертному шотландскому барду, онъ „худѣйший“ заботился гораздо больше о точномъ описаніи иѣстности, обычаевъ, характеровъ и дѣятельности народовъ заселявшихъ нашъ край до введенія въ нее русской гражданственности, нежели объ украшеніи разсказа своего плодомъ воображенія.. Авторъ писалъ съ натуры. Его „осадчіе“ и героя кагальницкіе, его козаки, ногайцы, „слобожане“, караими и чабаны, — такіе же и теперь, какіе были и въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Сказание о „Братьяхъ-искупителяхъ“ истинно во всѣхъ частяхъ. О Мамай и Заблукѣ, Мишайскомъ „тайникѣ“, о крѣпости съ. Елизаветы и пр.— разсказъ основанъ на подлинныхъ документахъ..“ (Изъ „Предисловія“).

³⁾ Въ предисловіи къ I-й части авторъ указываетъ— въ какихъ журналахъ были напечатаены раньше отдельные главы „Опыта“; тутъ же авторъ перечисляетъ и источники своей книги, при чёмъ называются: Сарницкій, Даугошъ, Мих. Литвинъ.. Авторъ поясняетъ, что эти „рѣдкіе“ сочиненія онъ получалъ отъ Крашевскаго, съ которымъ „не разъ обѣжалъ уѣзы Новой Россіи“. Свѣдѣніе о 2-й части „Опыта“ взято изъ каталога.

15) 1854. Дунайцы. Эпизодъ изъ турецкой кампаніи 1769—1777. Временникъ Моск. Общ. Истор. и Древн., кн. XIX, 9—30 стр. (*Статья эта названа авторомъ „отрывкомъ изъ 4-й части Исторіи Новой Сѣчи“*).

16) 1855. Историческія замѣтки о пластинахъ. Русск. Ивн. № 183.

17) 1885—1886. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Кота Запорожскаго. На основаніи подлинныхъ документовъ Запорожскаго Сѣчевого архива. Удостоенная почетнаго отзыва императорской академіи наукъ. Издание третье. Одесса. Часть I—XIII+302, ч. II—358 стр., ч. III—330 стр. *Съ рисунк., планами и картой земель или вольностей Войска Запорожского Низового въ 1770-хъ годахъ.*

18) 1889. Адмиралъ Де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибая. 1764—1797. Одесса. 38 стр. *Съ портретомъ Де-Рибаса, планомъ Одессы въ 1794 г. и видомъ Хаджисбайскаго замка.*

Мы здѣсь не перечисляемъ статей А. А. С—аго, напечатанныхъ въ „Кіевск. Старинѣ“, начиная съ первого года ея изданія (1882 г.) и до 1891 г. включительно.

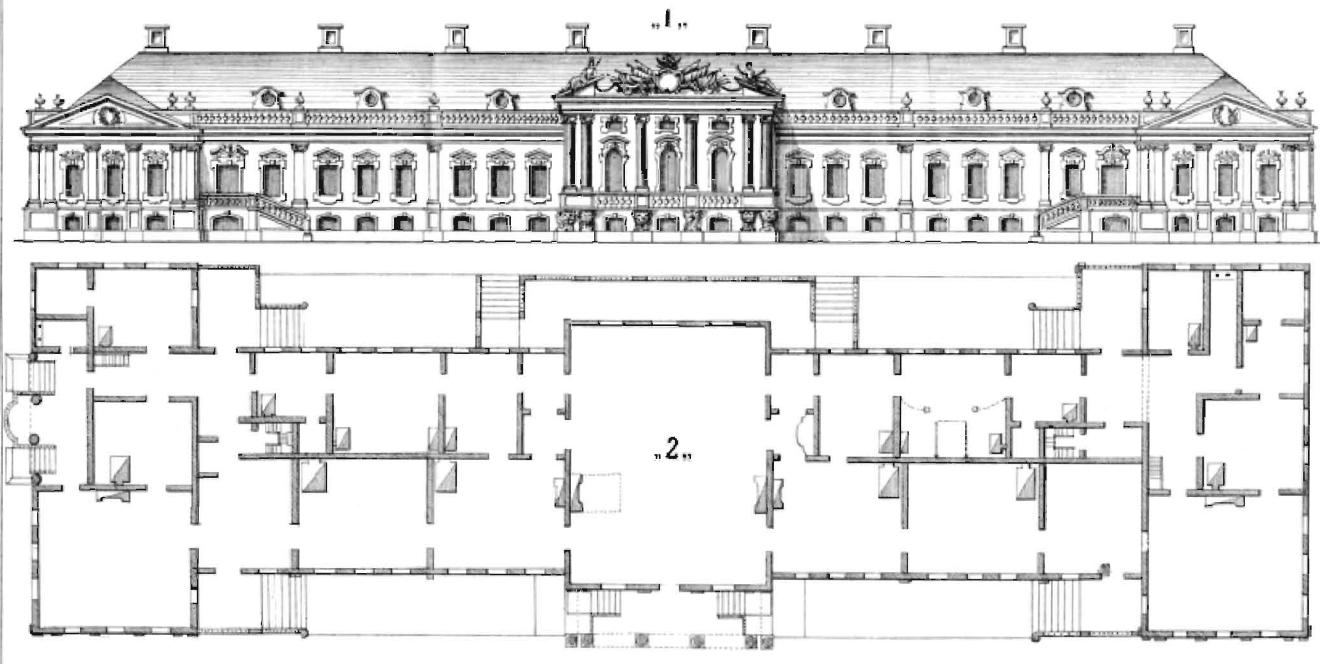
Очень можетъ быть, что нами пропущены иѣкоторыя отдельно изданныя книги А. А. Скальковскаго, и несомнѣнно, что въ этомъ перечиѣ вѣтъ множества статей А. А. С—аго, напечатанныхъ во времѧ-бно въ Одесскомъ *Вѣстнике* и *Русскомъ Извѣстіи*. Къ сожалѣнію, этихъ двухъ изданій въ Кіевѣ найти нельзя. Мы имѣли возможность указать лишь на двѣ статьи, напечатанныя въ Русск. Ивн. 1847 г. Не указываемъ мы здѣсь, по той же причинѣ, и статей А. А. С—аго, напечатанныхъ въ *Запискахъ Общ. Сельск. Хоз. южн. Россіи*, но перечень его статей, напечатанныхъ въ этомъ изданіи можно найти въ *Системат. Указателѣ къ „Запискамъ“ Бориневича*, напечатанномъ въ 1895 г., въ Одесѣ. (*Отд. оттиски изъ Зап. С. Хоз. Южн. Р.*).

Послѣдняя историческаго содержанія статья А. А. С—аго изъ напечатанныхъ до настоящаго времени, появилась въ 1893 г., въ т. XVI-мъ *Записокѣ Одесск. Общ. Истор. и Древн.*, подъ заглавиемъ: *Русское посольство къ хану Крымскому въ концѣ XVIII столѣтія*. (Стр. 267—271).

Во всякомъ случаѣ желательно было бы получить дополненія къ приведенному здѣсь списку--для составленія по возможности полной библіографіи маститаго историка Южной Россіи, которому вмѣстѣ съ симъ пожелаемъ продолжить списокъ его сочиненій новыми работами...

Выдѣ Какъ Будутъ Гетманскіе Покой Подномеромъ 1. и 2. Значить Напланѣ.

1740 г.

ГЕТМАНСКІЕ ДОМА ВЪ ГЛУХОВѦ.

(Къ рисунку).

Свѣдѣній о зданіяхъ въ старой Малороссіи лѣваго берега Днѣпра, кромѣ церковныхъ, почти совсѣмъ не имѣется. Главная причина тому заключается, конечно, въ томъ, что зданія были почти исключительно деревянныя, которыхъ если не горѣли, то разрушались отъ времени. Изъ старыхъ построекъ въ Малороссії известно лишь сохранившееся въ Черниговѣ каменное зданіе (на берегу Десны), которое зовутъ тамъ обыкновенно „домикомъ Мазепы“. Не говоримъ о томъ, что вѣтъ никакихъ оснований связывать этотъ „домикъ“ съ именемъ Мазепы, но прямое название этого зданія *домикомъ* является неточнымъ; судя по его виду и отсутствію въ немъ внутреннихъ капитальныхъ стѣнъ, слѣдуетъ думать, что этотъ *домикъ* не былъ жилымъ зданіемъ, а устроенъ былъ скорѣе для какой нибудь особой надобности, напр., для храненія пороха или какого нибудь „скарба“. Есть впрочемъ указаніе, что города старой Малороссіи обстроены были не бѣдно; такъ, напр., путешественникъ нач. XVIII в., Лукьянновъ, проѣзжая черезъ Глуховъ въ 1703 г., записалъ, что въ немъ „строеніе преузорочное, свѣтлицы хороши; палаты въ немъ полковника стародубскаго Миклашевскаго—зѣло хороши.“ Глуховскія зданія показались Лукьяннову на столько „преузорочными“, что онъ не удержался отъ общаго замѣчанія, что „очень зѣло лихоманы хохлы затѣйливы къ хо-

ромному строенію...¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ мы выразили сомнѣніе—не превознесъ ли Лукьяніовъ свыше мѣры затѣйливость хорловъ *къ хоромному строенію*, наглядѣвшись по великорусскимъ городамъ на непобѣденные домики²⁾... Сохранилось описание дома, въ которомъ жилъ гетманъ Апостоль, уже напечатанное³⁾. Сохранилось также описание двора съ постройками, въ которомъ „пребываніе имѣлъ“ гетманъ Скоропадскій. Описаніе это, сдѣланное въ 1727 г., представляетъ собою контуръ гетманского жилища. Несмотря на некоторую неясность въ изображеніи общаго расположенія построекъ, описание это не можетъ не быть интереснымъ, и мы его приводимъ здѣсь полностью⁴⁾.

„Въ городѣ Глуховѣ, въ дворѣ гетманскомъ, на которомъ гетманъ Скоропадскій пребываніе имѣлъ, близъ церкви Николая Чудотворца, огороженъ въ столбъ тертицами, отъ двора полкового обозного Михаила Кондратьева до задворковыхъ воротъ, а отъ церкви Николая Чудотворца тертицами (жѣ?); ворота въездные—только одни вереи брусовыя, сосновые, болшіе съ форткою.

Вшедъ въ дворъ, по правую сторону погребъ дубовый съ выходомъ, двери сосновые растворчатые, на крюкахъ желѣзныхъ; въ немъ въ потолокѣ (въ потолкѣ?) шендалъ на цепи желѣзной, четырѣ тертицы сосновые.

Подле погреба свѣтлица, съ комнатою безъ полу, лѣсу соснового брусового, въ ней одинъ столъ липовой, четырѣ лавки сосновые, печь кафлевая бѣлая; семь оконшекъ въ комнатѣ, двѣ съ окончинами стеклянными въ деревѣ; двое двери на крюкахъ желѣзныхъ. Противъ—той свѣтлица жъ съ комнатою соснового лѣсу; въ ней столъ круглой, липовой, скамья, печь кафлевая бѣлая, три лавки липовыхъ, три окна красныхъ, въ нихъ окончены стеклянныя въ деревѣ зъ затворами, на крючкахъ желѣзныхъ, дверь соснового лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ; въ комнатѣ одно окно красное, дверь на крюкахъ желѣзныхъ; между ними сени рубленыя соснового лѣсу. Вышеписанное строеніе

¹⁾ Черн. Листовъ 1862 г. № 4.

²⁾ Опис. Ст. Малор., II, 431.

³⁾ Матер. для Отч. Исторіи, I, от. 3-е, стр. 3-е, стр. 4—12.

⁴⁾ Оно находится въ рукописи Кіевск. Археогр. Коммісіи, № 409.

покрыто дранью. Позади тѣхъ свѣтлицъ пунжникъ, огороженъ досками, крытъ дранью.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ свѣтлица поваренная; въ ней столъ большой липовой; печь кафлевая бѣлая, семь окошечъ красныхъ съ окончины стеклянными въ деревѣ; двѣ лавки; двери на крючкахъ желѣзныхъ; при той свѣтлицѣ сѣни рубленые соснового лѣсу; въ нихъ очагъ кирпичной, два окна красныхъ съ окончины стеклянными, двери на крючкахъ желѣзныхъ; оное строеніе крыто дранью.

Близъ той кухни изба черная, старая пустая, лѣсу соснового. Подле ея изба жъ черная съ сенми лѣсу соснового; и оное строеніе крыто дранью.

Близъ тѣхъ черныхъ избъ, свѣтлица соснового лѣсу, въ ней печь зеленая кафлевая, столъ липовой, три окошка красные съ окончины стеклянными, зъ затворками на крючкахъ желѣзныхъ; въ ней чуланъ дощатой; въ немъ одно красное окно съ окончиною стекляною; въ свѣтлицѣ и комнатѣ полъ дощатой. Оное строеніе крыто терпицами.

Колодезъ, въ немъ струбъ дубового лѣсу, въ глубину пятнадцать сажень; подле его колесо, чемъ воду вытягаютъ; оковано желѣзомъ; тотъ погребъ съ колесомъ, огороженъ досками сосновыми встолбъ, покрятъ терпицами.

Оборотъ по левую сторону, свѣтлица соснового лѣсу, въ ней печь кафлевая голая, столъ круглой съ лавками, три окошка красныхъ, въ нихъ окончины стеклянные въ деревѣ, зъ затворами, дверь на крючкахъ желѣзныхъ; противъ той свѣтлицы свѣтлица жъ соснового лѣсу, зъ двемя комнатами; въ ней печь зеленая, столъ круглой липовой, три окна красныхъ съ окончины стеклянными, зъ затворами, на крючкахъ желѣзныхъ; въ другой комнатѣ два окошка красные съ окончины стеклянными въ деревѣ, полъ дощатой. Ись той комнаты проходъ до пекарни и въ пунжникъ, и въ комору; подле той комнаты комора рубленая соснового лѣсу, съ лавками. Во ономъ строеніи, съ проходомъ, шестеро дверей на крючкахъ желѣзныхъ, между светлицъ сѣни рубленые соснового лѣсу, въ нихъ двое двери на крючкахъ.

желѣзныхъ, передъ сѣни ми лавки. Оное строеніе крыто терти-
цами. Подле той светлицы пригороженъ цветникъ.

Позади тѣхъ хоромъ пекарня соснового лѣсу, въ ней два окна красныхъ, одно волоковое съ окончины стеклянными въ деревѣ, въ ней столъ, печь глиняная съ лавками, полъ дощатой; при той пекарнѣ сѣни соснового лѣсу, въ пекарни и въ сѣняхъ двоя двери на крюкахъ желѣзныхъ. Оное строение крыто дранью. Отъ пекарни проходъ до воротъ, двери сосновые на крюкахъ желѣзныхъ.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ ледовня дубовая, на ледовни аябаръ соснового лѣсу, зъ ганками; въ той ледовнѣ сходная лесница дубовая, двери соснового лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ.

Подле ледовнѣ чуланъ дощатой, двери сосновые, на крюкахъ желѣзныхъ, надъ дверми окно небольшое съ окончиною стеклянною въ деревѣ, съ мостомъ дощатымъ. Оной ледникъ и чуланъ крыты дранью.

Свѣтлица, въ которой жителство имѣла госпожа гетманша Скоропадская; въ ней печь поливаная, цвѣтная, шесть окошокъ красныхъ болшихъ, съ окончины скла большого врамловскаго (?) зъ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; шкапъ большой липовой, съ выпускнымъ столомъ, полъ кирпичной, двоя двери дубовые, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ, зъ замками нутренними желѣзными съ ключами.

Противъ свѣтлицы свѣтлица же соснового лѣсу, съ комна-
тою, въ свѣтлицѣ четырѣ окна стеклянныя, скла врамлочскаго,
зъ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; въ
томъ числѣ у одного окошка одно скло разбито, полъ кирпич-
ной, двери столярной работы дубовые, на завѣсахъ желѣзныхъ,
зъ замкомъ нутреннимъ, съ ключемъ; въ комнатѣ печь полива-
ная цвѣтная, три окошка скла врамловскаго, съ затворами, на за-
вѣсахъ желѣзныхъ съ шурупами, дверь столярной работы, ду-
бовая, на завѣсахъ желѣзныхъ, полъ кирпичной. Между ими
сѣни рубленые, одна стена соснового лѣсу, двери столярной
работы на завѣсахъ липовые, зъ замкомъ нутреннимъ, съ клю-
чемъ; въ сенихъ полъ кирпичной. Передъ сѣни крыльцо не-
покрыто. Оное строение покрыто тертицами. Вокругъ светлицъ

и комнать огородъ на цвѣтки, въ томъ числѣ и яблоки, огорожень терлицами красными.

Того двора явилось по мѣрѣ—земли въ длину: трехъ аршинныхъ двадцать девять сажень сполу, поперегъ: тритцать пять сажень. Въ томъ гетманскомъ дворѣ вышепоказанное хоромное строение все новое.“

Сколько можно понять изъ этого описанія, въ гетманскомъ дворѣ были слѣдующія постройки:

1. Погребъ.

2. Домикъ, состоявшій изъ двухъ большихъ комнатъ (*свѣтлицъ*), раздѣленныхъ сѣнями, причемъ въ одной изъ свѣтлицъ была отдѣлена (конечно, переборкою, т. е. стѣною не капитальною) комната.

3. Кухня, („свѣтлица поваренная“), съ сѣнями.

4. „Изба черная“, назначенная, конечно, для прислуги.

5. Домикъ, состоявшій изъ *свѣтлицы* съ комнатою и изъ чулана.

6. Хоромы, состоявшіе изъ двухъ свѣтлицъ, изъ которыхъ въ одной устроена была комната.

7. Пекарня, служившая, вѣроятно, черною кухнею.

8. Ледникъ, съ амбаромъ надъ нимъ.

9. Домикъ, состоявшій изъ двухъ *свѣтлицъ*, изъ которыхъ въ одной устроена была и комната. Свѣтлицы были раздѣлены сѣнями. Въ этомъ домикѣ, какъ говорится въ описаніи, жила гетманша Скоропадская.

Такимъ образомъ гетманское жилище состояло изъ трехъ особыхъ строеній, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ двѣ большія комнаты, раздѣленныя сѣнями. По своему устройству это были тѣ же хаты, которыя мы и теперь встрѣчаемъ въ Малороссіи у богатыхъ селянъ: отдельно срубленные двѣ избы соединяются между собою сѣнями, при чемъ въ этихъ избахъ иногда отгораживаются особыя отдѣленія, называемыя комнатаами. Различіе гетманскихъ *свѣтлицъ* отъ селянскихъ состояла лишь въ ихъ размѣрѣ и отдѣлкѣ.

Если мы сравнимъ жилище Скоропадского съ жилищемъ Апостола, то увидимъ, что послѣднее состояло изъ большаго

количества „свѣтлицъ“, при чмъ тутъ же находились: *свѣтлица съ комнatoю*, гдѣ помѣщалась генеральная канцелярія, *свѣтлица столовая* („стѣны обиты блакитнымъ сукномъ“), *свѣтлица крестовая* и другія *свѣтлицы*, назначенные уже для самого жилья гетманской семьи и прислуги. Тутъ же, у Апостола, на ряду съ этими свѣтлицами, встрѣчаемъ особую комнату, сложенную изъ кирпича (*каменицу*), а подъ нею—*склепъ каменный*.

Эти, контуры гетманскихъ домовъ перв. пол. XVIII в.—указываетъ на крайнюю простоту ихъ расположений, когда большой домъ представлялъ собою соединеніе только бдльшаго количества тѣхъ свѣтлицъ, которыя, будучи взяты отдельно, составляютъ обыденныя хаты...

Въ маѣ 1748 г. Глуховъ выгорѣлъ настолько, что, по замѣчанію современника, обратился въ „прамую пустыню; а между тѣмъ въ Малороссіи ожидалось поставленіе новаго гетмана. Въ октябрѣ 1749 г. изданъ былъ указъ о присылкѣ въ Глуховъ гр. Гендрикова „для выбора въ Малую Россію гетмана.“ Въ это время, повидимому, и возникъ вопросъ о постройкѣ въ Глуховѣ новаго дома для гетмана. Въ собраніи В. В. Тарновскаго находится прилагаемый здѣсь планъ¹⁾, сверху которого имѣется слѣдующая надпись: „Выдѣ какъ будуть гетманскіе покои подъ номеромъ 1 и 2 значить на планѣ“. Внизу плана значится—„1749 года“. Когда разрѣшено было въ 1747 г. „определѣленіе“ въ Малороссіи гетмана²⁾, то было извѣстно, что въ гетманы пред назначенается Кириллъ Разумовскій. Послѣдній отличался отъ прежнихъ гетмановъ между прочимъ и тѣмъ, что хорошо былъ знакомъ съ удобствами не только тогдашней русской столичной жизни, но и заграничной европейской. Прежней конструкціи гетманскіе дома, если бы они остались и цѣлы, не могли уже удовлетворить графа Разумовскаго. Вотъ для него то и проектировался прилагаемый планъ „гетманскихъ покоевъ“. Мы не знаемъ, былъ ли осуществленъ этотъ планъ, но въ 1757 г. Разумовскій

¹⁾ Планъ найденъ былъ межъ бумагами Черн. губ. правленія, составлявшими часть архива генеральной канцеляріи, при чмъ никакой объяснительной бумаги при немъ не было.

²⁾ Записки Як. Марковича II, 249

писалъ къ гр. М. Воронцову слѣдующее: „гнусное мѣсто Глуховское, на которомъ я построился уже было и не мало, и при томъ по сырости, низости и болотной землѣ почти уже деревянное строеніе, не въ пору построенное и скороспѣшно худыми плотниками и изъ мелкаго лѣсу, до того меня напослѣдокъ привели, что единственно для здоровія, которое домъ мой Глуховскій весьма повреждаетъ, принужденъ нынѣшиаго лѣта зачать каменный домъ зъ Батурина“¹⁾... Очень можетъ быть, что построенный по прилагаемому плану домъ и былъ тотъ самый, о которомъ здѣсь говорится; такъ плохо строить „гетманскіе покой“, какъ жалуется Разумовскій, могла строить Глуховская администрація только до прибытія въ Глуховъ гетмана, когда некому было за этимъ смотрѣть, а строить вужно было скоро. Поэтому и можно думать, что Разумовскій засталъ домъ въ Глуховѣ уже готовымъ и построеннымъ именно по плану 1749 года.

Какъ бы то ни было, для насъ важно, что прежнія *семилицы* съ комнатами для Разумовскаго сразу замѣнились палацомъ итальянской архитектуры. Такъ должна была быстро измѣняться и вся вицѣальная обстановка тогдашняго малорусскаго панства, конечно, старавшагося подражать своему гетману...

А. Л.

---

¹⁾ Семейство Разумовскихъ, I, 213,

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Универсалъ гетмана Гаврила Крутневича, 1603 года. Гетманъ Крутневичъ уже извѣстенъ изъ письма его къ Яну Замойскому, написанному въ маргѣ 1602 г. (Listy St. Žólk., 117). На основаніи указанного сборника писемъ, а также Буркулабовск. лѣтоиски, В. Б. Антоновичъ когда то (Кievsk. Стар. 1883, V, 140) установилъ въ такомъ видѣ рядъ козацкихъ гетмановъ нач. XVII в.

1. *Самоиль Кошка*, 1600—1602, убитый въ этомъ году въ шведской войнѣ.

2. *Гаврило Крутневичъ*, преемникъ Кошки, 1602.

3. *Иванъ Куцковичъ*, 1602—1603, «сдавшій» въ этомъ году гетманство въ г. Могилевѣ, при возвращеніи козаковъ изъ шведской войны.

4. *Иванъ Косый*. О немъ Буркул. лѣтоц. говоритъ глухо: «потомъ, по Иване Куцку, былъ гетманомъ Иванъ Косый» и—только.

Къ свѣдѣніямъ о Крутневичѣ въ замѣткѣ В. Б. Антоновича прибавлено, что онъ въ 1600 г. былъ кошевымъ(?) въ Запорожїи; свѣдѣніе это основывается, повидимому, на подписи, найденной Максимовичемъ въ одномъ изъ евангелій Цереяславскихъ церквей (Соч., I, 319), датированной 14 сентября 1600 г., где значится, что надпись сделана «за гетмана на тотъ часъ будучаго надъ войскомъ Запорожскимъ Гаврила Кортневича у земли мултнянской». Здѣсь Крутневичъ (называемъ его такъ, какъ онъ самъ писался) значится тѣмъ же гетманомъ... Можно сомнѣваться—правильно ли прочтено Максимовичемъ слово *мултнянскай* и не значится ли въ надписи *инфлянтской*? Тогда, можетъ быть, 1600-й годъ написанъ ошибочно вместо 1602 или

1603 г., когда Крутневичъ въ званіи гетмана ходилъ въ землю Инфлянскую... Впрочемъ, это одна лишь наша догадка¹⁾.

Затѣмъ, настоящій универсалъ точно устанавливаетъ время гетманства Кошого, причемъ видно, что послѣдній пробылъ на гетманствѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего сталъ гетманомъ снова Крутневичъ, уже гетмановавшій за годъ передъ тѣмъ.

Печатаемый универсалъ даетъ интересныя указанія на тотъ моментъ изъ исторіи Днѣпровскаго козачества, когда оно составляло еще повидимому одну группу, не раздѣляясь на Запорожскихъ и городовыхъ. Изъ универсала видно, что гетманы Кошка, Коный, Крутневичъ даютъ оборонные универсалы поднѣпровскимъ владѣльцамъ на ихъ тамошніе «уходы», защищая послѣдніе отъ своеолії «такъ Запорожскихъ козаковъ, яко и рѣчечныхъ»²⁾. Отсюда можно заключить, что козаки эти составляли въ это время одно *войско*, имѣвшее свои особые отъ местнаго населенія интересы... Во всякомъ случаѣ универсалъ Крутневича даетъ материалъ для новыхъ догадокъ въ уясненіи темныхъ сторонъ исторіи Днѣпровскаго козачества. Печатаемъ самый универсалъ съ буквальною точностью подлинника.

Гаврило Крутневичъ, гетманъ и все рацерство его кр. млы войска Запорозкого.

Ознаймуємо тымъ нашимъ войсковымъ листомъ теперъ и напотомъ будучимъ товарищомъ нашимъ, кому бы того ведатъ потреба належало, ижъ кгды есмо съ послуги его кр. м. зъ Іфлянгъ до Киева прибыли, били намъ войску всему чоломъ въ Бозе велебный его млы отецъ Ігнатей, игумень зо всею еже о Христе братею своею манастира свѣтого Николы Пустынского Киевскаго о томъ, ижъ продокъ напиъ не-божчицъ Самоел Кошка, гетманъ войска Запоросскаго, зъ наими всими товарищами своими, за дозволенемъ и радою нашею, далъ имъ листъ подъ печатю войсковою и съ подписомъ руки писарское, капитуле

¹⁾ Крутневичъ жилъ еще и въ 1610 г.—См. „Кievsk. Star.“, 1882 г., № 5, стр. 202) ідѣ Крутневичъ упоминается какъ „мешкаючій въ Кацевѣ козакъ Запорозкій“, собственикъ сочинянскаго евангелия.

²⁾ Какъ известно, обѣ этихъ рѣчныхъ козакахъ упоминаетъ уже и Папроцкій, разсказывая авантию Зaborowskаго („obrócił do drugiej rzeki Samary; tam znałazł 200 kozaków rzecznych, którzy tylko zwierza, ryby łowią drugim na żywność..“ „Herby“, изд. Turovsk., 157). См. также Źródła Dziejowe, t. XX, стр. 154, 1581 года „Regestr kozaków niżowych Zaporoskich i rzecznnych, który chodzili na służbę króla jmcj do Moskwy“.

манастира Николского, который лист перед нами теперь покла-
дали, в которомъ пишет до всихъ товарищовъ нашихъ, яко Запо-
розкихъ козаковъ, яко и рѣчечныхъ, абы кривды на входахъ ихъ, ме-
новите пон(и)же Черкасъ, Бѣлоберезкихъ и Пивскихъ, также изъ езовъ ихъ
на Днепре, кривды и шкоды не чинили, але еще указуючи прихилност и
ласку нашу (войсковую) къ церкви божой и къ тымъ богомолцомъ нашимъ
манастира светого Николы, что одно приходит на войско Запорозкое
от уходниковъ (уходниковъ?) на Днепре ниже Черкасъ и выше Чер-
касъ, ведлугъ звѣчуя, б(оро)шина, для которого высылаемъ посланцовъ на-
шихъ для... (отби?)раня зъ нихъ Николскихъ уходовъ жадное речы, тоест
Бѣлоберезкихъ и Пивскихъ, еды, нитей, чолна и никотого борошна,
а ни подводъ не брати и ни въ чомъ имъ кривды не чинити, вечными
часы, войско все въ коле одностайне згодне даровали манастиръ Ни-
колский, о чомъ теперь мы, будучы свѣдоми того листу такъ Кошчи-
нога, яко и теперешнега часу пана Ивана Косого, имъ, катитуле, за
гетманства его даного, на тые же входы менованыя, также за ведо-
мостю и рассказанемъ, призволенемъ всего войска, мы и овшемъ ствер-
жаемъ и водлугъ тыхъ листовъ, яко се поменило, вже вѣчными часы
есмо даровали и теперь даруемъ имъ и всимъ товарищомъ нашимъ
войска Запорозкого козакомъ, яко и рѣчечнымъ, ознакоимъ и рассказу-
емъ, абы водлугъ тыхъ листовъ спровали, ни въ чомъ кривды и
шкоды церкви божой не чинили подъ ласкою и срокостю войсковою,
не важечи собе тыхъ листовъ, отъ всего войска капитуле Николской даного
легце, кгда же великие кривды и шкоды относятъ отъ жолницовъ
и чигиринцовъ; еще есмо повинни ихъ, яко богомолцовъ нашихъ,
отъ кривль боронити и не братъ, але еще надават, на што есмо его
милости отцу пгумену и всей еже о Христе брати манастира све-
того Николы Пустынского Киевскаго дали сесь нашъ листъ, подъ пе-
чатю войсковою и съ подписомъ руки моєе власное. Писан въ Киеве,
року тысяча шестсот третего, мца мая двадцат второго дня.

М. П.

Грицко Сеневич, писар войска Запорозкого.

Универсалъ написанъ на листѣ сїрой бумаги, при чемъ изъ
второго полулиста вырѣзана полоса для закрытия краснаго воскового
кружка, на которомъ оттиснута печать. Послѣдняя величиною въ
серебр. полтинникъ, съ изображеніемъ козака и круговою надписью:
печать войска Запорозкого,

1) Т. е. жителей Жовнена и Чагринду бровы.

Подлинникъ универсала находится въ собраніи В. В. Тарновскаго, которымъ приобрѣтенъ отъ одного кіевскаго старьевщика вмѣстѣ съ нѣсколькими другими документами, исходящими изъ того же Чустьинно-Никольского монастыря и того же содержанія,—о монастырскихъ имѣніяхъ. Слѣдуетъ думать, что документы эти взяты уже изъ Кіевской казенной палаты, буда они должны были быть переданы при секуляризациіи монастырскихъ имѣній.

А. Л.

Пререканія вѣдомствъ по поводу Запорожья въ 1751 г.
Какъ извѣстно, указомъ 19 октября 1750 г. Запорожское войско съ атаманомъ и кошемъ, «такожде съ ихъ принадлежностями» передано въ вѣдомство малороссійскаго гетмана графа К. Г. Разумовскаго. А. Скальковскій (Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, изд. 3, Одесса, 1885, стр. 143) замѣчаетъ по этому поводу, что титулъ гетмана войскъ Запорожскихъ «въ отношеніи къ Низовому войску все еще былъ только титуломъ» и что войско это «въ границахъ своего коша и края не слушало никого, кроме царя и своей собственной старшины».

Послѣднее заявленіе маститаго историка кажется мнѣ слишкомъ рѣшительнымъ. Судя по архивнымъ даннымъ, приходится думать, что войско это стояло въ реальной и очень сильной зависимости отъ кіевскаго генераль-губернатора Леопольда, что подтверждается частью п «Матеріалами», изданными въ 1886 г. А. Андріевскимъ (Одесса, Изд. Имп. Одес. общ. ист. и др.).

Не лишено въ этомъ отношеніи интереса инцидентъ, возникшій немедленно вслѣдь за указомъ 19 октября 1750 г., который былъ отправленъ изъ малоросс. войсковой генеральной канцеляріи въ Сѣчь чрезъ особаго нарочного въ ноябрѣ того же года. Уже 19 апрѣля 1751 г. названная канцелярія послала кошевому атаману, войсковой старшинѣ, куриннымъ атаманамъ и всему войску строгій «репримандъ»: до свѣдѣнія генеральной канцеляріи дошло, что атаманъ съ товариствомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ «писали въ кіевскую генераль-губернаторскую канцелярію, требуя резолюцій и отъ той канцеляріи получаете ордеры и туда на оные репортуете. И хотя таковъ непріличной поступокъ, требованіемъ мимо своей настоящей команды по дѣламъ резолюцій отъ оной Кіево-губернской канцеляріи, можетъ быть послѣдовалъ по недосмотрѣнію писаря войскового, управляющаго войсковою вашею канцеляріею, но дабы то впредь исправлено

быть могло и о всѣхъ войсковыхъ дѣлахъ и нуждахъ представлено было къ главному своему комендириу, его ясневельможности господину гетману и кавалеру прамо или, до прибытія его, въ войсковую генеральную канцелярію, того рады по указу ея имп. вел. въ генеральной войсковой канцеляріи присутствующіе по повелѣнію ясневельможного господина господина гетмана и разныхъ ординовъ кавалера генералнаѧ старшина опредѣлили о семъ вамъ въ предостереженіе написать; ибо ежели сіе дойдетъ къ знанію его ясневельможности, можетъ то приято быть з неудоволствіемъ, и вамъ войска низового Запорожского господину атаману кошевому, старшинѣ тамошней войсковой и курѣнныи атаманамъ и всему войску о томъ ведать и учинить по сему ея имп. вел. указу» (подписали: Михайло Скоропадскій, Петръ Валкевичъ, старшій войсковій канцеляристъ Василь Туманский, войсковій канцеляристъ Мартинъ Руновскій).

Кошевой атаманъ Якимъ Игнатовичъ съ товариствомъ 13 мая 1751 г. написалъ объ этомъ указъ «з доволнимъ рецирмандомъ» генераль - губернатору М. И. Леонтьеву, такъ какъ, получивъ указъ канцеляріи, онъ съ товариствомъ «сумнителенъ» находится: «ибо въ выс—ству за доволность уже извѣстно, что чрезъ все бытіе войска Запорожского низового въ командѣ въ выс—ству даже и до сего дни иѣкогда нѣ въ чемъ въ кіевскую генераль - губернаторскую канцелярію отъ бывшихъ кошевыхъ и отъ мене не репортовано, но точію прамо къ въ выс—ству доносимо о всемъ и получаемо резолюцію было. И затѣмъ по оному ея имп. вел. малороссійской войсковой канцеляріи указу впредь я зъ товариствомъ не только по войсковимъ, но и по касающимся пограничнымъ дѣлахъ уже и къ въ выс—ству репортовать по предложенію ея имп. вел. генералной войсковой канцеляріи указа опасенъ... Того рады и въ выс—ству чрезъ сіе донося, прошу, дабы за неданіе отъ мене въ выс—ству о пограничныхъ дѣлахъ, какіе здесь будутъ провѣданны какъ отъ Порты Оттоманской и отъ полской стороны извѣстія, впредь на мнѣ зъ старшиною чего не взыскалось, куда надлежитъ представить» (помѣчено: «Кошь»).

Леонтьевъ 28 мая того же года далъ знать кошевому, что о происходящихъ въ войскахъ Запорожскомъ вскихъ дѣлахъ онъ долженъ доносить гетману или, въ его отсутствіе, генеральной войсковой канцеляріи; но о дѣлахъ экстраважныхъ и секретныхъ и объ опасныхъ болѣзняхъ непремѣнно и впредь репортовать ему, Леонтьеву, ибо такое репортованіе «касается ко осторожности высочайшихъ ея имп. вел. интересовъ и государственной цѣлости».

Въ іюлѣ того же года Леонтьевъ репортовалъ объ этомъ недоразумѣніи въ госуд. коллегію иностр. дѣлъ, чтобы снять съ себя возможную отвѣтственность.

Въ результатѣ этой переписки состоялся указъ имп. Елизаветы Петровны гетьману Разумовскому отъ 24 іюля 1751 г., сообщенный въ копіи ген-губ. Леонтьеву, а отъ послѣдняго посланный «войска Запорожскаго низового почтенному господину кошевому атаману съ старшиною».

«Съ немалымъ удивленіемъ — говорится между прочимъ въ указѣ или «грамотѣ» — мы освѣдомились, коимъ образомъ еще до прибытія вашаго въ Україну тамошняя генеральная войсковая канцелярія въ 19 апрѣля сего года отправа указъ... съ репримандомъ... И понеже такое отъ упомянутой генер. войск. канц. безъ вашего вѣдома запрещеніе съ репримандомъ не только излишно, но и весьма продерзостно, потому что оной на такое опредѣленіе и посылку указа собою поступать не надлежало, а сверхъ того по произшедшемъ дѣламъ уже видно было, что запорожцы и безъ такого поводу, чтобъ они въ Кіевѣ не репортовали, во многихъ нужныхъ требованіяхъ и по ордерамъ генерала-губернатора къ дѣйствительному исполненію крайне медлительны и ослушны были, а симъ запрещеніемъ они толь наипаче къ тому поощрены будуть, еже весьма непристойно, ибо вамъ доволно извѣстно есть, что о запорожцахъ не одни внутреннія, но многія и виѣшия дѣла имѣются, и къ нашему кіевскому ген. губернатору какъ отъ хана крымскаго, такъ и отъ Польши всегда по онымъ отзывы и прочія важныя пограничныя произшествія бывають, онъ же, яко учрежденій пограничной командиръ, въ должностіи находится сего того наблюдать, еже всевысочайшій нашъ интересъ требуетъ; слѣдовательно, хотя запорозцы и въ главной вашей командѣ состоятъ, однакожъ для показанныхъ обстоятельствъ ему, генералу, никоимъ образомъ обойтись неможно съ кошевымъ атаманомъ... надлежащую переписку имѣть и имъ въ нужныхъ случаяхъ безъ потерянія времени отъ себя наставлениа подавать, а чтобъ ему, генералу, по всѣмъ такимъ нужнымъ и времени нетерпящимъ дѣламъ напередъ къ вамъ или въ войсковую канцелярію отписываться и чтобъ запорожской атаманъ съ товарыщи обо всемъ же мимо его, генерала, и вамъ писали, а отъ васъ бы или отъ войсковой канцеляріи уже по-томъ къ нему, генералу, сообщаемо было, то вы сами понять можете, какое напрасное чрезъ то продолженіе времени, а въ нужномъ дѣлѣ упущеніе учинится; того ради надлежитъ вамъ такие могущіе быть

затрудненія нынѣ же отвратить и вышеозначенное отъ войсковой канцеляріи учиненное безъ вѣсъ опредѣлѣніе и посланной къ кошевому атаману *указъ немедленно уничтожить и ему кошевому атаману съ старшиною накрѣпко приказать, чтобы онъ обо всемъ потребномъ и что у нихъ происходит будеть часто упомянутого генерала Леонтьева по прежнему рапортовалъ и по его ордерамъ надлежащее исполненіе неотложно чинилъ, а обо всемъ бы въ тѣ же времена и къ вамъ, яко главному командиру, доносилъ, и въ прочемъ бы запорожцевъ въ добромъ смотрѣніи содержалъ, чтобы оные отъ своевольства весьма отвращены и частыя къ вамъ на нихъ отъ сосѣднихъ народовъ жалобы конечно пресѣчены были; о семъ послѣднемъ вы отъ себя и впередь неотлагаемое попеченіе возьмите...» ...

Коллегія иностр. дѣлъ съ своей стороны внушила Леонтьеву принимать наиракачательнѣйшія мѣры для понужденія кошевого и испрашиватъ въ случаѣ нужды ордеровъ къ кошевому отъ гетмана, обо всемъ же въ коллегію доносить безъ замедленія.

(Дѣло ген.-губ. канцеляріи 1750 г. № 136). Сообщ. И. М.

Письмо Ивана Вагилевича къ сенатору А. Я. Стороженку. Личность галицко-русского ученаго и литератора Ивана Вагилевича, теперь почти позабытая, представляетъ однако не малый интересъ по отношенію къ той части нашей общей родины, которая съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія пребываетъ почти въ несмѣнаемой борьбѣ русскихъ партій изъ-за вопросовъ национальныхъ,—мы разумѣемъ Галичину. Въ этой-то борьбѣ интересную роль сыгралъ въ свое время И. Вагилевичъ, въ 1837 году принаставшій дѣятельное участіе въ изданіи «Днѣстровой Русалки», первомъ серьезномъ проблескѣ национальнаго движенія въ Галиціи, за что и былъ въ подозрѣніи у львовской полиції, затѣмъ перешедшій въ польскій лагерь, что въ свое время дало ему титулъ *совѣтъ зляшившагося*, и наконецъ въ началѣ 40-хъ годовъ, убѣдившись въ обманѣ своихъ мнимыхъ друзей, опять сдѣлавшійся *упрямымъ русиномъ*. Хотя въ 1846 году онъ и былъ рукоположенъ въ санъ священника, но положеніе его, какъ материальное, такъ и нравственное, было не изъ удовлетворительныхъ, вслѣдствіе чего онъ попробовалъ въ 1847 году попытать счастья устроиться въ Россіи, где впослѣдствіи многие изъ галичанъ обрѣли себѣ уютные уголки. Мечтанія Вагилевича, какъ видно, были не изъ скромныхъ, т. к. ему грезилась каѳедра славянскихъ языковъ въ университѣтѣ. По поводу этихъ-то своихъ плановъ онъ и обратился съ прилагае-

мымъ письмомъ къ Стороженку, сенатору, директору внутреннихъ дѣлъ Царства Польского и разныхъ орденовъ кавалеру, какъ значится на адресѣ¹⁾). Затѣмъ эта не осуществилась для Вагилевича, такъ что онъ принужденъ былъ остаться въ Галиціи и заниматься научными и литературными трудами, то покидая духовное званіе, то опять возвращаясь къ нему, и кончивши переходомъ въ евангелическое исповѣданіе. Умеръ онъ въ крайней бѣдности въ 1866 году, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ. Желающимъ подробнѣе вспомнить объ этой интересной личности укажемъ статью Я. Г. «Судьба одного западнок.-русскою учёного» («Кіев. Стар. 1883 г., № 7).

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Господинъ!

Извините, Ваше В—ство Милостивый Господинъ, что я осмѣляюсь къ Вамъ относиться съ просьбой. Г. Мацеевскій, съ которымъ отъ 1837 г. имѣю честь быть знакомымъ, писалъ ко мнѣ, что Вы объявили ему, что хотите ласково пособствовать мнѣ, дабы я могъ получить званіе на каѳедру Словянскихъ языковъ въ Кіевѣ или Харьковѣ. Возможно ли что сдѣлать въ этомъ дѣлѣ, дѣлайте поскорѣе, ибо и у меня есть чувствіе за отчизною Русью, и я русскій только не гражданинъ; а лучше всего, когда бы я получилъ это званіе, дабы ваше правительство занялось моей отпуской. У насъ нѣть совершенно просвѣщенія, и не нужно (это есть мнѣніе нашего духовнаго начальства); вотъ даже читать русскія книги запрещено въ Семинаріумѣ, а Карагзина— и нѣмецкій переводъ. Поэтому не явно ли, что я, бывъ русскимъ славянскимъ литераторомъ, много имѣю препятствій отъ моего начальства и товарищѣй по сану. Но и это извѣстно мнѣ нынче, что, обытая въ деревнѣ или въ городѣ, гдѣ нѣть сообщенія съ образованными людьми или по крайней мѣрѣ библіотеки, очень трудно приходить здѣлать что хорошаго въ литературѣ.

Когда Ваше В—ство Милостивый Господинъ благосклонно изволите заняться моей судбою, прошу мнѣ объ этомъ написать нѣсколько словъ, дабы я могъ предпринять въ этомъ отношеніи нужные мѣры.

Имѣю честь быть Вашего В—ства, Милостивый Господинъ, съ достодолжнымъ высокопочтеніемъ покорнейшимъ слугою Иванъ Вагилевичъ.

Навловъ 1/12 іюля 1847 г.

Сообщ. В. Н.

¹⁾ Сенаторъ А. Я. Стороженко занималъ постъ Главнаго Директора департамента внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польского.

Засіданіе Черніговської архивної комісії 9 листопада 1897 р. Протоколъ этого засѣданія (черниг. губ. Вѣдом. 1897 г., № 1350) состоить изъ двухъ частей: списка *приношений* и *ченій* по предмету занять комісії. Относительно первого можно замѣтить, что не слѣдовало бы заполнять музей вещами, повидимому, неимѣющими *никакою археологическою значенія*, въ родѣ «шелковаго вязанаго кошелька», присланного въ даръ С. Д. Носомъ; а затѣмъ, слѣдовало бы о нѣкоторыхъ приношеніяхъ сообщать болѣе обстоятельный свѣдѣнія: тотъ же С. Д. Нось приславъ въ комісію «нѣсколько листовъ изъ гербовника», но какого гербовника—объясненія нѣтъ. Если это листы новѣйшаго гербовника, то можно сомнѣваться въ ихъ интересѣ для библіотеки комісії, а если это листы какого нибудь стариннаго изданія (напр. Папроцкаго), то слѣдовало бы о томъ сказать. — Страннымъ кажется указаніе въ протоколѣ на зятя графа Разумовскаго—какого то полковника Буяльскаго. Никакого такого зятя у Разумовскаго не было. Относительно *ченій* можно выразить сожалѣніе объ умолчаніи въ протоколѣ—о какихъ глуховскихъ древностяхъ сообщалъ Н. Д. Уманецъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь говорилось и «о неудовлетворительномъ ихъ состояніи». Въ протоколѣ значится, что сообщеніе г. Уманца «принято къ свѣдѣнію», а это значитъ, что сообщеніе признано не важнымъ; любопытно было бы знать суть сообщенія, чтобы затѣмъ судить о томъ—какія именно свѣдѣнія комісія признаетъ не важными. Сообщеніе Ф. М. Уманца «о небрежномъ отношеніи къ Воргольскому городищу со стороны крестьянъ сосѣдніхъ селъ», вызвало со стороны комісії, какъ и слѣдовало ожидать, ходатайство предъ начальникомъ губерніи о сохраненіи этого городища. Но желательно было бы, чтобы комісія имѣла съ тѣмъ позаботилась и о подробномъ описаніи теперешняго состоянія Воргольского городища. Вѣдь рѣчь пдетъ, повидимому, о центральному городку бывшаго Воргольскаго удѣльного княжества, слѣд. о памятникахъ XIII в. Будетъ или не будетъ обережено это городище въ будущемъ отъ дальнѣйшаго его уничтоженія, во всякомъ случаѣ то, что еще остается отъ него теперѣ, требуетъ подробнаго описанія, чтобы сохранить для науки хоть какія нибудь свѣдѣнія объ этомъ интересномъ памятнику¹⁾). Думается, что описаніемъ такихъ памятниковъ,

¹⁾ Описаніе Воргольскаго городка имѣется въ книгѣ г. Самоквасова—*Древніе города Россіи*, (Прилож. стр. 7), но ссылаю оно *Волостнымъ правленіемъ*, какъ объ этомъ тамъ и отмѣчено.

съ рисунками и планами ихъ, комиссія оказала бы большую помощь наукѣ, которой собственно она и призвана служить.—Объ архивахъ въ этомъ засѣданіи комиссії сдѣлалъ заявление только кн. Н. Д. Долгоруковъ (предсѣдательствовавшій въ засѣданіи), предложившій собрать свѣдѣнія объ архивахъ—Черниговской казенной палаты и бывшихъ мировыхъ посредниковъ. Казалось бы, что сохранившіяся еще дѣла послѣднихъ за 1861—63 годы (*введеніе въ дѣйствіе уставныхъ правилъ*) необходимо теперь же собрать и помѣстить въ библіотеку комиссіи, какъ самый цѣнныи матеріалъ для мѣстной исторіи отмѣны крѣпостного права. Въ заключеніе секретарь комиссіи г. Тихоновъ сдѣлалъ подробный докладъ о недавно построенной церкви въ Черниговской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ и о мѣстномъ въ ней образѣ св. Александра Невскаго.

Сообщая эти свѣдѣнія о послѣднемъ засѣданіи Черниг. архивн. комиссіи, будемъ надѣяться, что въ протоколахъ будущихъ ея засѣданій мы найдемъ болѣе свѣдѣній объ архивахъ...

Заговоръ отъ лихорадки (*рукопись XVIII ст.*). Въ одномъ изъ видѣнныхъ нами рукописныхъ сборниковъ 1780-хъ годовъ, списанномъ рукою козака Яготинской сотни Степана Усика, между пьесами самаго разнообразнаго содержанія, встрѣтился слѣдующій интересный заговоръ отъ *хрибры* (испорченное лат. febris):

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Пречистая Мати, госпоже! поможи мнѣ хрибру отмовити рабу Божию N (имя больного). Святый архистратигъ Михаилъ архангель! поможи мнѣ хрибру отмовити рабу Божию N. Святая Пятница! поможи мнѣ рабу Божому N хрибру отмовити.

Стоять дубъ на роспутьи; пѣд тымъ дубомъ стоить архистратигъ Михаилъ архангель з огненимъ мечемъ. Тамъ грядеть тридевять Иродовыхъ дочекъ. К нимъ рече архистратигъ Михаилъ архангель: «Куды, тридевять Иродови дочки, грядете?» — «Грядемо ми до раба Божего N его червоной крѣви розжигати, его костей ламати, его сердце нудити». К нимъ рече архистратигъ Михаилъ архангель: «Не градѣте ви, тридевять Иродови дочки, до раба Божего N его червоной крѣви розжигати, его костей ламати, его сердце нудити: есть в раба Божего N тридевять крукъвъ желѣзнихъ, тридевять прутъвъ желѣзнихъ; буде васъ на тридевять крукъвъ желѣзнихъ кидати, буде на васъ триде-

вять прут'я въ жалізнихъ збивати. Щедѣть собѣ на сухій лѣса, на пустія поля, где люди не заходить, где и людскій гласъ не заходить. Аминь, аминь, аминь».

Сколько помню, заговоръ водобнаго содержанія не встрѣчался въ этнографическихъ сборникахъ, но что-то похожее мнѣ приходилось слышать въ дѣствѣ изъ устъ «бабы-шептухи», лѣчившей меня отъ лихорадки. Во всакомъ случаѣ настоящій текстъ интересенъ уже тѣмъ, что записанъ болѣе ста лѣтъ назадъ.

Сообщ. О. Л.

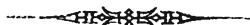
Кіевская почта въ 1731 г. Согласно послѣдовавшему въ 1725 г. апрѣля 25 въ Кіев. Губ. Канц. указу объ устроеніи почтоваго двора. кіевскій магістратъ ежегодно взбиралъ особаго почтмейстера изъ грамотныхъ мѣщанъ, который обязанъ былъ каждый мѣсяцъ представлять въ магістратъ особый реестръ, сколько было отпущенено и по какимъ подорожнымъ подводѣ въ теченіе мѣсяца. Реестръ этотъ затѣмъ при особомъ доношеніи магістрата представлялся въ Губ. Канц. Одно изъ такихъ доношеній съ реестромъ за ноябрь мѣсяцъ 1731 г. мнѣ и попалось въ дѣлахъ прошлаго вѣка. Изъ реестра этого, поданнаго тогдашнимъ почтмейстеромъ «присяглымъ урядникомъ» Семеномъ Марковичемъ, видно, что подводы давались отъ Кієва до Броваровъ (въ теченіе ноября мѣсяца 14 разъ) и до Борисполя (7 р.). Всѣхъ подводъ въ теченіе мѣсяца отпущенено было съ почтоваго двора 30, въ томъ числѣ безъ прогоновъ 22, а за прогоны 8, при чёмъ, за недостаткомъ почтовыхъ лошадей, 2 подводы были наняты у обывателей и за нихъ уплачено изъ ратуши 90 кон., а прогоновъ по нимъ получено почтою 72 к.

Актъ объ избраніи сельскаго священника, 1713 г. Року божого 1713, мѣсяца июня 21 дни. Передо мною Феодоромъ Семиновичомъ, протоопою Роменскимъ, зехавши въ село Пустовойтовку по змершому небожчику отцу Самуилу, ставши всѣ единстайне и вся громада упрашають по змершому небожчику попадѣ, иже всѣ мовлять: ежели пріймешъ сего дака на имя Василя, который у насъ третий рокъ на дяковствѣ зостаетъ, бо онъ покорний и способный въ отиравѣ церковной, дочеръ еи взяти, и ми на то всѣ со

жеби мѣли себѣ за учителя и пастыра душъ людскихъ, жеби церковъ божественнаа не била на долгий часъ во отиравѣ замедлѣнна.

Притомъ было людей зацнихъ и вѣри годнихъ, напроль: при Стефану, старостѣ Оксютинскому и Пустовойтовскому, Ивану, атаману, Заворотку и Микитѣ, войту, рибалцѣ Ивану, ктитору Чорному и Мартину Иваненку, и Степану Тимошенку, и Ничипору Черевкѣ, и Федору Бабѣю, и иного на той часъ было не мало.

Степанъ, староста, зо всею громадою низко кланиюсь¹⁾.

¹⁾ Изъ архива генер. канцеляріи, по Чернаговск. описи, № 262.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ историческихъ материаловъ по исторії Кубанскаго козачьяго войска. З тома. Собранны и изданы И. И. Дмитренко. Спб. 1896. 8 д. л.
Томъ I. 1. Кубанский Край. 2. Кавказская Линія. 3. Черноморское войско козачье. 4. Хоперские козаки. 1737—1801 и. XVI+897 стр.
Томъ II. Бумаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымникского и дрн. 1787—1795 и. XXVII+475 стр.
Томъ III. Войско вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ. 1787—1795 и.
XL+799 стр.

Осенью 1896 г. Кубанское козачье войско праздновало свой двухсотлѣтній юбилей. Въ составъ Кубанскаго войска вошло съ 1861 г. и Черноморское войско, возникшее изъ переселившихся въ к. XVIII в. на берега Кубани бывшихъ запорожцевъ. Кубанскій юбилей подалъ поводъ къ нѣсколькимъ изданіямъ материаловъ для исторія Кубанскаго козачьяго войска вообще и для исторіи «войска вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ» въ частности¹⁾). Къ числу этихъ изданій принадлежать и настоящіе три тома «материаловъ», изданныхъ И. И. Дмитренкомъ. Въ предисловіи къ этому изданію читаемъ: «Занятія по исторіи бывшаго Черноморскаго козачьяго войска, прямого и не-посредственнаго наслѣдника столь славнаго и знаменитаго Запорожскаго войска, дали мнѣ возможность собрать въ архивахъ Петербурга Москвы въ Екатеринодара довольно большое количество интересныхъ документовъ. Примѣръ изданія военно-ученымъ комитетомъ сборниковъ однихъ лишь военно-историческихъ документовъ... побудило и меня къ изданію возможно большаго числа собранныхъ мною документовъ, какъ пособія вообще къ исторіи козачества, такъ и въ част-

1) См. „Кievsk. Стар.“ 1897 г., № 7—8, II, 42.

ности въ исторії Кубанского козачьяго войска. Осуществить это мнѣ представилось возможнымъ лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію наказнаго атамана Кубанского козачьяго войска Як. Дм. Маламы съ материальною помощью большого любителя и глубокаго знатока козачьей старины И. И. Бурсака». Даѣте г. Дмитренко говорить, что, «не останавливалась на издаваемыхъ теперь трехъ томахъ, въ недалекомъ будущемъ, имѣя уже готовый въ рукахъ материалъ, онъ приступить къ изданию послѣдующихъ томовъ, захватывая въ каждый томъ или выпускъ періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ жизни Кубанского козачьяго войска, чередуя отдѣльно выпускъ документовъ по исторії Черноморскаго и Линейнаго войскъ».

Материалы для исторії Черноморцевъ помѣщены почти исключительно въ послѣднихъ двухъ томахъ.

Послѣ разоренія въ 1775 г. Сѣчи, запорожцы разбрелись по южнорусскимъ степямъ и «блукали» тамъ, пока Потемкинъ не организовалъ изъ нихъ въ 1787 г. «войска вѣрныхъ козаковъ», подъ командою «войскового атамана и подполковника» Сидора Бѣлаго. Въ январѣ 1788 г. Потемкинъ извѣстилъ «войско», что императрица «изволила снизойти на пожалованіе войску земли для поселенія въ Керченскомъ кутъ вли на Таманѣ. Съ этого времени бывшіе запорожцы получаютъ название Черноморскихъ козаковъ. Заботясь о дальнѣйшемъ устройствѣ послѣднихъ, Потемкинъ въ августѣ 1788 г. «утвердилъ» премьеръ-майора Антона Головатаго полковникомъ при войскѣ вѣрныхъ козаковъ, имѣющихъ кошъ свой на Збуреевской сторонѣ, подъ командою войск. атамана Сидора Бѣлаго», причемъ «велѣно ему принимая въ селеніяхъ бывшихъ козаковъ Запорожскихъ всѣхъ таковыхъ, прежде въ кошѣ служившихъ козаковъ, записывать въ число помянутыхъ вѣрныхъ»... (II, 10). Затѣмъ, въ январѣ 1789 г. «войско вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ» получаетъ прежнюю организацію запорожцевъ: Чепѣга получаетъ званіе кошеваго атамана, Ант. Головатый—войскового судыи и т. д. Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ точнѣе указалъ Черноморскому войску въ земли, на которыхъ оно получило право разселяться: «на Кинбургской сторонѣ земли, непринадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра... присовокупляется къ тому же округъ Енікольскій съ Таманомъ, на которомъ отданы мнѣ мѣста съ рыбными ловлями самыми изобильными, любя войско, навсегда оному дарую». (I, 45). Съ этого времени Черноморское войско служило военную службу въ составѣ русской арміи до лѣта 1792 г., когда ему было пожаловано «въ вѣчное владѣніе

состояній въ области Таврической островъ Фанагоріа со всею землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани отъ устья ея до Усть-Лабинскаго редута»... (П., 2).

Вмѣстѣ съ тѣмъ на эти пожалованыя земли козаки должны были и переселиться. Напечатанные г. Дмитренкомъ «материалы» для исторіи Черноморскихъ козаковъ дѣлятся на двѣ части: одна, обнимающая собою службу козаковъ до переселенія на Кубань, а другая — относящаяся уже къ жизни козаковъ на Кубани. Первая часть заключаетъ въ себѣ акты 1787—1791 г.г., а вторая 1792—1795 г.г. Всѣ эти «материалы» взяты, какъ сказано на заголовкѣ, изъ «Кубанского войскового архива». Въ архивѣ этомъ занимался уже г. Короленко, авторъ обстоятельной монографіи, изданной подъ заглавіемъ «Черноморцы»¹⁾, состоящей тоже изъ двухъ частей: 1) «Черноморцы за Бугомъ» и 2) «Черноморцы на Кубани». Въ книгѣ г. Короленка напечатано значительное количество и сырого материала («Приложения», 76 стр.), извлеченаго изъ того же кубанскаго войск. архива. Теперь изданные г. Дмитренко «материалы» представляютъ собою новые подробности для исторіи Черноморскихъ козаковъ, дающихъ возможность будущему изслѣдователю пополнить и значительно распространить монографію г. Короленка²⁾. Несомнѣнно, что трудъ г. Дмитренка по собранію и изданію столь значительного по количеству исторического материала для «Черноморія» заслуживаетъ большой благодарности всѣхъ интересующихся судьбами Днѣпровскаго козачества. При этомъ, однако жъ, нельзя не замѣтить, что планъ размѣщенія документовъ въ «Сборникѣ» г. Дмитренка имѣть некоторые недостатки. Прежде всего, редакторъ расположилъ документы, помѣщенные во второмъ томѣ, не въ хронологическомъ порядке, а по группамъ лицъ, отъ которыхъ исходили тѣ или другія официальные бумаги; такимъ образомъ мы видимъ здѣсь такие отдѣлы: «бумаги императрицы Екатерины II», «бумаги кн. Потемкина - Таврическаго»,

¹⁾ Черноморцы. Соч. Короленко. Спб. 1874. 8 д. л. 212—76 стр. Послѣ изданія этой книги явился еще, въ 1880 г., очеркъ Бентковскаго — Заселеніе Черноморія съ 1792 по 1825 годъ. (Наматн. книжка Кубанск. облости 1881 г.) 125 стр. Рассказъ Бентковскаго о первыхъ годахъ жизни Черноморцевъ на Кубани основанъ на книгѣ г. Короленка.

²⁾ Въ „материалахъ“ г. Дмитренка мы замѣтили повтореніе лишь одного документа, уже напечатанаго г. Короленкомъ; это — церемоніаль встрѣчи Головатаго послѣ его возвращенія изъ Петербурга, въ августѣ 1792 г., напечатанный у г. Короленка на стр. 29—31, а у г. Дмитренка — III, 499—501.

«бумаги Голенищева-Кутузова, «бумаги Нассау Зигенъ» и т. д. При такомъ планѣ свѣдѣніе о томъ или другомъ фактѣ, случившемся въ определенное время, можетъ находиться въ разныхъ мѣстахъ книги, смотря потому, въ бумагѣ какого начальника оно изложено. Затѣмъ, документы, напечатанные въ третьемъ томѣ и составляющіе матеріалъ во всемъ однородный съ тѣмъ, который помѣщенъ во второмъ томѣ, расположены однако жъ уже хронологически, потому что здѣсь офиціальные бумаги исходить отъ весьма значительного количества лицъ и притомъ ранговъ не важныхъ... Но въ третьемъ томѣ замѣчается существенный недостатокъ въ томъ, что редакторъ почему то нашелъ нужнымъ опустить не только *надписи и подписи* въ бумагахъ, но и обозначеніе мѣстъ, откуда бумаги писались. При этомъ заголовки бумагъ, сделанные редакторомъ черезчуръ кратки и неопределены. Наapr. «Ордеръ Головатого полковнику Курланскому, 28 ноября 1789 г.» (№ 224). Кто такой былъ этотъ полковникъ Курлянскій и откуда писанъ ордеръ—остается неизвѣстнымъ; «ордеръ Головатого Лубяному», (№ 227); ни званія Лубянаго, ни мѣста написанія ордера—вѣтъ; «письмо Іосифа Трубникову Головатому», (№ 232);—кто такой Трубниковъ и откуда писано письмо—свѣдѣній нѣть. Секретный ордеръ войск. есаула Зах. Сутыки» (№ 245);—кому писанъ ордеръ и откуда—не видно. «Прощеніе куреней Тамошевскаго и Деличковскаго судьи Головатому» (№ 312), кѣмъ подписано прошеніе и откуда—неизвѣстно; «приказъ кошка старшинѣ Каракаю» (№ 368),—кѣмъ подписанъ «приказъ» и откуда—не видно; «сообщеніе турецкихъ запорожцевъ старшинамъ» (№ 565),—какимъ старшинамъ писано «сообщеніе», кѣмъ и откуда—не указывается. «Регистръ, сколько забрано вещей въ землянкѣ судьи Головатого» (№ 617),—въ какой землянкѣ забирались вещи, по какому случаю и кѣмъ—не видно. «Письмо судьи Головатого Павлу Фроловичу, 21 апрѣля 1792 г. устье Березини» (№ 657);—кто такой Павелъ Фроловичъ—не видно, а письмо хотя и надписано—«устье Березани», но писано оно изъ Петербурга (стр. 456), потому что тамъ находился въ этотъ моментъ Головатый (стр. 455—457); а что собственно обозначаетъ указаніе на «устье Березани»—понять нельзя. «Письмо Скаржинскаго кошовому Ченѣгъ», 20 мая 1793 г. Астрахань (№ 861);—кто такой Скаржинскій—не видно, при чёмъ это свѣдѣніе можетъ быть объяснилось бы изъ подписи Скаржинскаго, въ печати опущенной. «Письмо Федора Квитка Аант. Андр. Головатому» (№ 982),—кто такой Ф. Квитка и откуда письмо писано—не указывается. И. т. д., и т. д.

Указанные редакторскіе дефекты тѣмъ большее возбуждаютъ со-
жалѣніе, что собранные г. Дмитренкомъ материалы по содержанію
своему, за рѣдкими исключеніями, очень интересны, значительно до-
полняя и поясняя наши свѣдѣнія о перерожденіи Запорожья въ
«Черноморію».

По малозвѣстности книги г. Дмитренка ¹⁾, приводимъ изъ нея
нѣсколько документовъ для лучшаго ознакомленія съ этимъ изданіемъ.

a. «Письмо Антона Головатою Павлу Фроловичу, 21 апр.
1792 г. Вамъ не безизвѣстно о турецкой войнѣ, какая уже окончи-
лась, и мы, изъ бывшихъ запорожцевъ, по повелѣнію покойнаго свѣт-
лѣйшаго князя и великаго гетмана и монаршаго благоволенія, со-
бравшись до двѣнадцати тысячъ, служили во оной: на водѣ—лодками,
сухомъ пути—пѣшо и конно, и названы вѣрными Черноморскими ко-
заками; а за службу теперь назначиваются къ поселенію землю на
Кубани и Тамани, для полученія которой прѣѣхалъ я съ старшинами
въ Петербургъ и обнадежива(ю)тъ отсель скорою отправкою. Въ
войскѣ нашелъ больше женатыхъ, нежели холостыхъ. Знакомыхъ ва-
шихъ изъ Шкуринскихъ (изъ Шкуринского курена?) стариковъ на службѣ
есть: Василь Иваша и Есько, что въ байракахъ жилъ, Лукьянъ Нев-
дига и Остапъ Сипчакъ. Полковникъ Колпачекъ померъ. Кошовымъ
прежде былъ Сидоръ Бѣлый, коего подъ Очаковомъ, въ сраженіи, на
судахъ убили, а нынѣ Захарій Чепъга Кисляковскій (Кисляковского
курена?), судью я, писаремъ Леушковскій (кур.) Котляревскій, есау-
ломъ Крилевскій (кур.) Сутыка. Когда Петръ Ивановичъ и Иванъ
Яковлевичъ въ живыхъ, то свидѣтельствуйте отъ меня нижайшій имъ
уклонъ, а притомъ покорно прошу, батьку, не оставляйте, ежели
случай позволить, о тамошнемъ поведеніи своей жизни, и кто изъ
нашихъ запорожцевъ живъ, письменными увѣдомленіями».

Павелъ Фроловичъ, къ которому написано письмо, это несо-
мнѣнно бывшій запорожскій войск. суды Головатый, арестованный
при уничтоженіи Сѣчи, въ 1775 г., вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ
Калнишевскимъ (Петромъ Ивановичемъ) и войск. писаремъ Глобою
(Иваномъ Яковлевичемъ). Объ этихъ двухъ лицахъ Антонъ Голова-
тый и спрашивается Петра Головатаго (м. б. своего родственника) и
кланяется имъ. Но куда же это письмо писано?—Извѣстно, что глав-

¹⁾ Книга эта, повидимому, на рынкѣ не появлялась, такъ какъ въ объявленіяхъ не называлась. Узнать о ней намъ пришлось случайно и получили мы книгу непо-
средственно изъ Екатеринодара, благодаря любезности И. И. Дмитренка.

ные представители уничтоженной Сѣчи были сосланы, въ 1776 г., въ разныя отдаленныя окраины: Калнишевскій—въ Соловецкій монастырь, Петръ Головатый—въ Тобольскъ и Глоба—въ Кондинскій монастырь (850 верстъ къ сѣв. отъ Тобольска) ¹⁾. Петръ Головатый въ Тобольскѣ и умеръ; слѣд. Антонъ Головатый писалъ свое письмо еще туда же, въ Тобольскѣ, но было ли оно отправлено по адрессу—знатъ того нельзя, такъ какъ въ книгѣ г. Дмитренка не значится, откуда взято имъ это письмо; едва ли можно полагать, чтобы и оно взято было изъ Кубанск. войск. архива. Въ приведенномъ письмѣ Ант. Головатаго особенно интересенъ тотъ фактъ, что и чрезъ 16-ть лѣтъ послѣ ссылки Калнишевскаго, еще не зналъ о мѣстѣ этой ссылки даже и такой свѣдущій въ запорожскихъ дѣлахъ человѣкъ, какимъ былъ Ант. Головатый.

б. «Довѣрность Ант. Головатою поручику Латъ на продажу его имѣнія, 10 окт., 1792 г. Состоящую Екатеринославскаго намѣстничества, въ Новомосковскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Кильчакѣ, собственную мою дачу о 3500 дес. удобной, а неудобной 450 дес. земли, со всѣми находящимися на ней господскими и подданническими строеніемъ, хлѣбомъ, пчелами и другими домовыми вещами (кромѣ воды (?)) равно въ мѣстечкѣ Новоселицахъ жилой домъ, ежели кто пожелаетъ купить, прошу васъ за объявленныя отъ меня цѣны продать, гдѣ надлежитъ въ судебномъ мѣстѣ законнымъ порядкомъ крѣпость совершить, и покупщику на ону дачу планъ и книгу межевые, при семъ прилагаемые, поручите»...

Приведенный документъ показываетъ, какъ устраивалась запорожская старшина послѣ разоренія Сѣчи.

в. «Письмо Скаржинску кошовому Чепыѣ, 20 мая 1793 г. Астрахань.—Батьку, знаменитый атаманъ кошевый, старшій брате Захаръ Алексѣевичъ! Ей що то колись було въ Сѣчи видати, то теперь слухомъ слыхати, атамана кошового, поря(а?)дника войскового, батька Захара Алексѣевича и судью Антона Андреевича съ старшинами и славнымъ вѣрнымъ войскомъ на здѣшнемъ берегу Черноморскомъ и по рѣкѣ Кубани, послухайте жъ чего хочется маѣ?—Чтобъ

¹⁾ Си. Русск. Стар. 1875 г., ноябрь, статья И. С. Ефименка, „Донъ“, ежемѣс. журналъ, 1837 г., ноябрь, статья Д. И. Эварницкаго и „Календарь Тобольск. губ. на 1890 г.“ (Тобольскъ), въ которомъ помѣщены свѣдѣнія о „колодникахъ“ Кондинскаго монастыря XVIII в., при чемъ въ числѣ колодниковъ называется и Глоба. Въ Кондинскомъ мѣстѣ Глоба и умеръ, оставивъ послѣ себя въ г. Кондинскѣ потомство, существующее и нынѣ. Календ., стр. 268.

вамъ Богъ далъ счастливо жити, вороговъ бити, старыхъ женити, дѣтей плодити, рыбу ловити, скотъ розводити да и новую еще славу заслужите. Все сіе вамъ Богъ дастъ и буде, бо вы добрые люди. Ой! колибъ то я могъ васъ теперь видати и якъ батьковъ и братей обніти, тобъ то серцу утѣха, но коли въ томъ помѣха, то письмо пишу и васъ прошу, батьку, атамане кошовыи, и ты, пане судья войсковыи поклонъ отъ меня приняти, старшинамъ и войску сказати, что я всѣмъ вамъ пріятель вѣрный и доброжелатель неліцемѣрный, да що и сынъ мой вашъ козакъ куренній. Прощайте да и насть не забувайте».

Кто такой былъ авторъ этого лирическаго посланія—не видно; даже невѣдѣмъ и имя этого Скаржинскаго, вѣроятно значившеся въ его подпіси.—Можетъ быть это былъ сынъ лубенскаго сотника—Петръ Михайловичъ Ск—ій, который за участіе во взятіи Очакова получилъ Георгія, а въ 1793 г. былъ «кавказскимъ намѣстникомъ»¹⁾. Если это былъ дѣйствительно П. М. Скаржинскій, то письмо его не можетъ не указывать на сочувствіе «городовыхъ» къ судьбѣ Запорожья послѣ уничтоженія Сѣчи... Откуда взято это письмо, видимо принадлежавшее къ семейному архиву кошеваго Чепѣги,—не указано.

«Письмо къ отцу сыновей Антона Головатаю, Александра и Афанасія, 13 февр., 1794 г. «Свидѣтельствуемъ вамъ наше всенижайшее почтеніе и увѣдомляемъ васъ, что мы еще слава Богу здоровы. При семъ просимъ васъ всепокорнѣйше не оставить насть вашимъ родительскимъ увѣдомленіемъ о своемъ здоровыи и благополучіи.—Я²⁾ же сего лѣта былъ въ морѣ и продолжали путь свою до Данії; въ Копенгагенѣ были. Я служилъ на адмиралтейскомъ кораблѣ у Александра Ивановича фонъ-Крюза «Іоанъ Креститель» стоцущечномъ. Но въ бытность мою въ морской практикѣ отъ морской погоды былъ всегда въ болѣзни. И такъ прошу вашего родительского позволенія чрезъ годъ выйтіи изъ корпуса въ полѣ, въ какой вамъ угодно будетъ. Я съ моей стороны желалъ бы вашимъ черноморскимъ офицеромъ быть, ежели вашей родительской милости разсудится, по окончаніи геометріи, фортификаціи и артиллериі³⁾. Я же, когда былъ въ морѣ, то братцу ни сахару, ни чаю не отпускали,

¹⁾ См. „Кievsk. Стар.“ 1893 г., іюнь, 426.

²⁾ Это говорить о себѣ старшій Александръ, какъ видно изъ другихъ бумагъ,

³⁾ Желаніе юнаго черноморца было исполнено: въ 1796 г. онъ уже ходилъ съ отцомъ въ походъ на „Персидскіе берега“. „Сборн.“, I, 67.

кромъ полтора рубля въ пять мѣсяцівъ, и то приказывалъ ему нашъ господинъ полковникъ пить (?) по одной копѣйкѣ въ день.—Въ корпусъ же хорошо учать, но впрочемъ содержаніе очень худо. Намъ, какъ вамъ извѣстно, 952 рубля въ годъ (?); платья же, въ которомъ въ классы ходимъ, кромъ мундировъ и бѣлья, все кадетское, также—кушанье, чаю (?); тѣмъ мы и отличны сть кадетъ. Прежде, какъ вамъ извѣстно, нась ея императорское величество изволила опредѣлить въ корпусъ, то намъ отведено было два покоя, кушанье и денщикъ было особливо. Въ бытность мою въ морѣ, (?) при окончаніи компанії (когда?) возвратился, то братецъ стоялъ вмѣстѣ съ кадетами и кушалъ кадетское кушанье. Я просилъ господина полковника нашего, чтобы онъ отпустилъ кушанье къ намъ, но онъ отказалъ. Кромъ чая, мнѣ въ зимѣ купили шубу, а братцу нѣтъ. Я много разъ сказывалъ, но онъ сказаль: она ему не нужна, потому что онъ будетъ въ корпусъ. И такъ, чѣмъ больше я ему говорю, тѣмъ больше онъ на меня сердится. И такъ просимъ васъ, милостивѣйшиe родители, кланяться любезной бабушкѣ нашей, также и любезнымъ братцамъ и всѣмъ сродникамъ всеніжайшее наше почтеніе просимъ засвидѣтельствовать и остаемся навсегда ваши доброжелательные дѣти. С.-Петербургъ». Изъ приведенного письма видимъ—какъ черезъ 20-ть лѣтъ послѣ уничтоженія Запорожья сыновья разогнанныхъ запорожцевъ уже учились въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, и, какъ видно, не отставали отъ товарищей, изучая геометрію, фортификацію, артиллерию.. Кромъ этихъ двухъ сыновей, у Головатаго было еще три: Матвій, Андрей и Константинъ. Послѣдніе три въ 1796 г. были еще «малолѣтними»¹⁾. Одного изъ нихъ, впослѣдствіи, Головатый помѣстилъ въ какое то харьковское училище²⁾.

д. Письмо Федора Квітки къ Антону Головатому, 17 марта, 1794 г. «Во первыхъ поздравляю васъ со всѣмъ домомъ св. четыре-десятницею, которую желаю отъ всего сердца въ ненарушимомъ здравіи и благополучіи препроводить и страстямъ Христовымъ поклониться... Матушка—что въ письмѣ пишеть, тому есть такъ точно. Меня польстило на то то самое, что она хотя богатого отца, но все то богатство принебрегала, а приняла христіанскую вѣру съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ женою. Я вижу, что сіе сдѣлала она чрезъ меня, боясь Всевышнаго, чтобъ меня за сіе не наказалъ, если ее оставлю,

¹⁾ См. т. I, стр. 67 и т. III, стр. 764.

²⁾ Статья Основыженка о Головатомъ, Отеч., Зал. 1839 г., № 11, стр. 11.

вознамѣрился на ей сочетаться бракомъ, пришло мнѣ на мысль то, что може за сie меня Богъ не оставить»...

е. «Письмо Ульяны Порохникой къ зятю Ант. Головатому, 17 марта, 1794 г. Самара». «Наступившимъ нынѣ святымъ постомъ поздравлю васъ съ любезнейшою вашею сожительницею и дѣтками... О себѣ же доношу, что по милости Всевышняго жива и здорова нахожусь. Федоръ Григорьевичъ свидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе. Пріѣхалъ съ полка въ домъ, приезъ себѣ невѣсту изъ знатной фамиліи, но только изъ иностранныхъ, а уже выкращенку. Проситъ дозволенія о вступленіи съ ею въ бракъ. Я хотя по разсужденіи своему, что она иностранка, несвѣдующая совсѣмъ, мнѣ и не желала (?) сдѣлать, но видя ея добродѣтельство, хорошія качества и къ хозяйству охоту имѣющу усердно, желаю и благословлю ихъ; и васъ покорно прошу желать имъ добра и не оставлять ихъ»...

ж. Письмо Ант. Головатою къ З. А. Чепель, 30 мая 1794 г., Тамань. «Моя Ульяна Григорьевна по полудни въ 5-мъ часу, въ самую зелену недѣлю, ради праздника, царство ей небесное, покинула меня и осталась въ крайней багѣ (?), вчерашній день, залогомъ моей вѣрности и преданности Богу, государю, войску и товариству 1).

Больше нечѣмъ хвалиться, а увидѣвшись говорить буду».

Изъ приведенныхъ трехъ писемъ многаго понять нельзя. Федоръ Квитка (какой неизвѣстно) ²⁾ называетъ Ульяну «Порохину» — матерью; въ то же время эта Ульяна Порохнина по свидѣтельству редактора есть теща Ант. Головатого, но она ли есть и та Ульяна Григорьевна, которую называетъ Головатый *свою*, извѣщая Чепѣгу о ея смерти — разобрать нельзя... Несомнѣнно, что опущенные редакторомъ надписи и подпіси писемъ во многомъ затмили содержаніе и этихъ писемъ.

При нѣкоторыхъ недостаткахъ «Сборника», редакторъ его тѣмъ не менѣе, повторяясь, заслуживаетъ большой благодарности за ту массу интереснаго материала, которую онъ въ немъ обнародовалъ. Эти материалы даютъ намъ возможность близко познакомиться съ

¹⁾ Письмо приводится буквально, — смыслъ заключительныхъ словъ не понятенъ...

²⁾ Развѣтъ не отецъ писателя Григорія Федоровича, родившагося въ 1778 г. Объ отношеніяхъ отца писателя къ Ант. Головатому см. выше указанную статью Гр. Ф. Квитки въ *Отеч. Зап.* 1839 г.

представителями послѣднихъ запорожцевъ—Чепѣгой, Головатымъ и друг. и оцѣнить ихъ практическій умъ, съ помощью котораго они такъ умѣло и прочно устроили судьбу разогнанного было запорожскаго «товариства». Будемъ ожидать, что обѣщаемое И. И. Дмитренкомъ «послѣдующіе томы» его «Сборника» представлять такой же интересный материалъ для исторіи перерожденаго Запорожья.

А. Л.

О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. А. А. Шахматова.
М. 1897 г. 58 стр. Изъ «Чтений въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей Российскихъ».

Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что *Повѣсть временныхъ лѣтъ* составлена на основаніи самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Но вопросъ, собраны-ли и сведены-ли всѣ эти матеріалы послѣднимъ редакторомъ свода, или же часть ихъ входила въ составъ другого, болѣе древняго, который и легъ въ основание *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, до сихъ поръ остается открытымъ. Академикъ А. А. Шахматовъ допускаетъ возможность, что «*Повѣсть вр. лѣтъ*» составлена на основаніи другого, болѣе древняго свода, гдѣ уже былъ сгруппированъ матеріалъ (или только часть его) изъ разныхъ повѣстей и списковъ. Составленіе *Повѣсти вр. лѣтъ* А. А. Шахматовъ относитъ къ 1116 году, обѣщаю показать это въ другой статьѣ, посвященной вопросу о двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ *Повѣсти вр. лѣтъ*.

Мы не будемъ излагать подробно тѣхъ основаній, по которымъ А. А. Шахматовъ допускаетъ возможность существованія болѣе древняго свода, который онъ называетъ «Начальнымъ сводомъ». Интересующейся этимъ вопросомъ долженъ обратиться къ самой статьѣ г. Шахматова. Мы только постараемся указать нѣкоторые выводы автора.

А. А. Шахматовъ началъ съ сравнительнаго изслѣдованія различныхъ списковъ такъ наз. первой новгородской лѣтописи. Изслѣдованіе это показало, что въ концѣ XII или въ первой четверти XIII в. въ Новгородѣ составились два лѣтописныхъ свода, при чемъ появление второго свода объясняется утратой первого или большей части первого свода. Описывая новгородскія события, оба свода дополняли свои извѣстія описаніями событий общ.-русскаго характера, при чемъ первый сводъ заимствовалъ ихъ изъ *Повѣсти вр. лѣтъ*, а второй изъ

какой-то другой лѣтописи, весьма сходной, но не тожественной съ Повѣстью и представляющейся тѣмъ древнѣйшимъ сводомъ, изъ которого въ первой четверти XII вѣка составилась Повѣсть». «Такимъ образомъ, говоритъ А. А. Шахматовъ, изученіе списковъ второго Новгородскаго свода приводить настъ къ возстановленію первоначальнаго свода, легшаго въ основаніе *Повѣсти вр. лѣтъ*» (стр. 1).

Изслѣдованіе А. А. Шахматова распадается на три главы. Въ первой авторъ говоритъ объ исторіи составленія 1 и 2 новгородскихъ сводовъ, а также позднѣйшаго свода XIII в.—Софійского времененика; во второй—о томъ древнѣйшемъ новгородскомъ лѣтописцѣ, извѣстія котораго соединены первымъ новгородскимъ сводчикомъ съ заимствованіями изъ *Повѣсти вр. лѣтъ*, а вторымъ—съ заимствованіями изъ начального свода; въ третьей главѣ разсматривается составъ начального свода на основаніи данныхъ, представляемыхъ, какъ новгородской первой лѣтописью, такъ и архангелогородскимъ лѣтописцемъ.

Оставляя въ сторонѣ первую и вторую главы, мы подробнѣе остановимся на содержаніи третьей, болѣе интересной для юга Россіи, главѣ. Раньше всего авторъ приводитъ цѣлый рядъ статей и извѣстій Начального свода, которыя, по его мнѣнію, не могутъ быть объяснены изъ Повѣсти вр. лѣтъ и представляютъ болѣе древнюю редакцію соотвѣтствующихъ частей Повѣсти вр. лѣтъ (стр. 40). Затѣмъ онъ обращается къ разсмотрѣнію хронологіи начального свода и заимствованій изъ греческихъ источниковъ сравнительно съ Повѣстью вр. лѣтъ (стр. 41 и слѣд.). Въ этомъ отношеніи и г. Шахматовъ приходитъ къ заключенію, что «хронологія Начального свода основана также на греческомъ источнике, причемъ составитель свода пользовался имъ независимо и раньше составителя Повѣсти вр. лѣтъ» (стр. 42). Есть въ начальномъ сводѣ пропуски сравнительно съ Повѣстью вр. лѣтъ, но, по мнѣнію А. А. Шамматова, пропуски эти только кажущіеся. Они объясняются тѣмъ, что составитель Повѣсти вр. лѣтъ сдѣлалъ вставки, отсюда и получились какъ-бы пропуски въ Начальномъ сводѣ (стр. 47). Такими вставками являются, напр., и договоры русскихъ князей съ греками, причемъ вставка ихъ сдѣлана настолько неискусно, что А. А. Шахматовъ старается возстановить даже прерванную цѣль первоначального рассказа (стр. 47—48). Цѣлый рядъ доказательствъ приводитъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія...

Для изученія и возстановленія Начального свода А. А. Шахматовъ пользуется также позднѣйшимъ лѣтописнымъ сборникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Архангелогородскою лѣтописца*, который является

сокращенiemъ какого-to лѣтописнаго свода, отразившаго въ древней своей части вліяніе двухъ источниковъ—Повѣсти вр. лѣтъ и Началь-наго свода, причемъ свѣдѣнія изъ Начальнаго свода переписаны не изъ Софійскаго временника. Это доказывается тѣмъ, что въ Арханг. лѣтописцѣ они сохранились въ болѣе древней и *полнoй* редакціи (стр. 52). «Арханг. лѣтописецъ, или вѣрнѣ оригиналъ его, содержитъ въ себѣ рядъ заимствованій изъ очень древней редакціи Начальнаго свода, редакціи, повидимому, предшествовавшей той, которая, съ одной стороны, отразилась на 2-мъ Новгородскомъ лѣтописномъ сводѣ, а съ другой—легла въ основаніе Повѣсти вр. лѣтъ». (стр. 56)...

Въ настоящее время и существуютъ пока эти два источника для возстановленія Начальнаго свода—списки 2-й редакціи Новгородской первой лѣтописи и Архангелогородскій лѣтописецъ. Цѣликомъ возстановить сводъ на основаніи ихъ, конечно, нельзя. Полного возстановленія, замѣчаетъ А. А. Шахматовъ, «надо ожидать или отъ новыхъ открытій въ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ, или отъ критического изученія Повѣсти вр. лѣтъ, сравнительно съ матеріаломъ, извлекаемымъ изъ Новгородской лѣтописи» (стр. 57). Скудость данныхъ для характеристики Начальнаго свода «не даетъ возможности съ увѣренностью опредѣлить ни времени, до котораго доходилъ исторический разсказъ свода, ни года, когда онъ составленъ». Авторъ ограничивается пока выводомъ, что Начальный сводъ составленъ (вѣроятно въ Кіевѣ) въ XI в. послѣ 1074 года (стр. 57). Что касается источниковъ Начальнаго свода, то часть ихъ опредѣляется изслѣдованіями, посвященными вопросу о составѣ Повѣсти вр. лѣтъ. Въ числѣ русскихъ источниковъ было какое то *Скizanie o Началѣ Руси*, приблизительный ходъ разсказа котораго можно возстановить по новгородской редакціи. Въ числѣ источниковъ Начальнаго свода были также какія-то лѣтописныя записи новгородского происхожденія. Это послѣднее соображеніе даетъ А. А. Шахматову поводъ поставить вопросъ: «нельзя ли думать, что составителю Начальнаго свода была известна какая то новгородская лѣтопись, доведенная до 70-хъ годовъ XI ст.?...

Словомъ, интересная работа А. А. Шахматова снова поднимаетъ нерѣшенный и старый вопросъ о началѣ нашего лѣтописанія, поднимаетъ его въ новомъ совершенно видѣ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать обѣщанныхъ работы автора въ этомъ направленіи.

Н. В.

Fontes historiae ukraino-russicae (ruthenicae) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Sevchenkiana editi. Vol. II. Жерела до історії України Руси. Видає археографічна Комісія Наукового Товариства імені Шевченка. Том II. Люстрації королівщин в землях перемиській і сяноцькій в р. 1565. У Львові 1897.

Въ свое время на страницахъ «Кievsk. Стар.» (1896, № 7—8) было отмѣчено появление первого тома изданій археографической комиссіи Товарищества имени Шевченка, въ которомъ помѣщены были относящіяся къ 1565—1566 г. люстраціи королевскихъ имѣній, лежавшихъ въ галицкомъ Поднѣстровью. Въ только что вышедшемъ второмъ томѣ помѣщены относящіяся къ тому же времени люстраціи земель перемышльской и сяноцкой, лежащихъ въ сѣверо-западной части Галиціи, въ басейнѣ р. Вислы, по ея притокамъ Вислоку и Сяну. Изданіе люстрацій 1565 г. Коммісія предполагаетъ закончить третиимъ томомъ, въ который войдутъ люстраціи земель Львовской, Белзской и Холмской; люстраціи Подольскихъ повѣтовъ не войдутъ въ настоящее изданіе, такъ какъ онъ уже изданы Киевскою Коммісіею для разбора древнихъ актовъ (Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. VII, т. II). Въ настоящемъ томѣ напечатаны люстраціи русскихъ жупъ (соляныхъ варницъ) въ Перемышльской землѣ и староствъ Перемышльского, Лежайского, Замковского и Сяноцкаго—по единственному сохранившемуся списку, находящемуся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Изданію предпослано изслѣдованіе главного редактора арх. ком. проф. Грушевскаго, озаглавленное «економічний стан селян въ перемишльськихъ староствахъ въ середині XVI в.». Статья эта составлена на основаніи люстрацій 1565 г. и нѣкоторыхъ матеріаловъ, относящихъся къ болѣе раннему времени, а именно—подробнаго инвентаря, составленного въ 1553 г. (до сихъ поръ неизданнаго) и описей 1494 и 1497 (изданныхъ въ «Запискахъ Тов. Шевченка»). Главные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ на основаніи изученія этихъ матеріаловъ, заключаются въ слѣдующемъ. Въ концѣ XV в. площадь крестьянской пашни почти не увеличивалась. Число отдѣльныхъ хозяйствъ также возрастало чрезвычайно слабо, сравнительно съ естественнымъ приростомъ населенія. Увеличеніе числа хозяйствъ обусловливалось, главнымъ образомъ, дробленіемъ грунтовъ до обычной нормы $1\frac{1}{2}$ лана; но при этомъ увеличивается число загородниковъ (малоземельныхъ): за 12 лѣтъ число ихъ увеличилось на 133%. Причиной всѣхъ этихъ

перемѣнъ является, съ одной стороны, развитіе фольварочнаго (шляхетскаго) хозяйства, при чмъ крестьянскіе грунты скучились «*pop sine effusione lacrimarum*», съ другой—условіями тогдашняго хозяйства, дѣлавшими невыгоднымъ хозяйство на мелкихъ участкахъ. Не желавшіе оказаться въ положеніи пролетарія-загородника вынуждены были искать новыхъ земель для колонизаціи и нашли ихъ въ перемышльскомъ Подгорѣ. Въ половинѣ XVI ст. здѣсь возникаетъ рядъ новыхъ поселеній; но и въ нихъ средняя величина грунта тоже— $\frac{1}{2}$ лана. Таковы были условія землевладѣнія. Что касается податей, то они еще не были уравнѣны и представляютъ большое разнообразіе, особенно въ слахъ различныхъ разрядовъ—русскаго, нѣмецкаго и волошскаго права. Въ слахъ «русскаго права», т. е. основанныхъ еще на старинныхъ русскихъ обычаяхъ, подати были весьма разнообразны, и только панщина приведена уже къ одному знаменателю—«робити какъ скажутъ» (*dum et quando mandatur*). Въ слахъ «нѣмецкаго права» (т. е. вновь основанныхъ) подати равномѣрнѣе, но въ общемъ выше, чмъ въ слахъ русскаго права; панщина тоже. И въ тѣхъ, и въ другихъ обложеніе въ XVI в. выше чмъ въ XV (особенно въ русскихъ слахъ). Въ слахъ «волошскаго права» (съ русскимъ населеніемъ) господствующее занятіе составляло скотоводство; по этому и дань платилась здѣсь продуктами скотоводства; но со временемъ скотоводство приходить въ упадокъ и дань замѣняется должнымъ чиншемъ. Вообще же обложеніе въ этихъ слахъ весьма равномѣрное, панщина значительно легче (напр. 15 дней въ годъ, или: одинъ день жнуть, сплавляютъ лѣсъ). Существовали еще «конюшія села», но они представляли уже архаическое явленіе, и въ XVI в. были вымѣряны на ланы и обложены чиншемъ. Таковы были повинности тяглыхъ крестьянъ. Что касается «загородниковъ», число которыхъ такъ быстро увеличивалось въ XVI в., то ихъ положеніе еще не было урегулировано: одни отбывали панщину, другіе платили чиншъ, иногда и то и другое соединялось; размѣры повинностей были очень разнообразны, вѣроятно въ зависимости отъ величины грунта.

Настоящая статья составляетъ какъ-бы продолженіе предисловія къ первому тому и отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Тоже точность въ изслѣдованіи матеріала, то же умѣнье воспользоваться малѣйшими указаніями изслѣдуемаго матеріала, и съ другой стороны—то же отсутствіе обобщеній, иногда вызывающее въ читатель нѣкоторое недоумѣніе. Такъ, изъ предисловія къ 1 тому можно заключить, что положеніе крестьянъ ухудшилось по направленію отъ

Ю.-В. къ С.-З.; Перемышльская земля, занимающая С.-З. часть Галиції, повидимому, должна представлять еще худшія условія; но изъ приведенныхъ данныхъ, повидимому, нельзя сдѣлать такого вывода, да и самъ г. Г. сопоставляетъ Перемышльское старство по обложенію съ Снятинскимъ (на Ю.-В.) и Дорогобычкимъ (на С.-З.). Вообще вторая статья заключаетъ еще меньше обобщеній, чымъ первая: такъ, въ ней неѣтъ указаній на разряды крестьянъ и общихъ выводовъ о благосостоянії крестьянскаго населенія. Впрочемъ г. Г. еще въ первой статьѣ заявилъ, что отлагаетъ общіе выводы до окончанія цѣлаго ряда детальныхъ изслѣдований о внутреннемъ строѣ Галиції въ XVI в., да и настоящую статью заканчиваетъ такъ: «на тімъ тим часомъ кінчаю».

В. Щербина.

**Сборникъ Харьковскаго историко-филологического Общества. Томъ 10-й
Харьковъ 1897. Стр. I—X, I—III и 1—223.**

По заведенному порядку, и настоящій томъ «Сборника» открывается офиціальнымъ отдѣломъ, носящимъ заглавіе: «*Отчетъ о дѣятельности историко-филологического общества въ 1896—97 академическомъ году*». Но этотъ «отчетъ» совсѣмъ не похожъ на обычные отчеты, представляющіе итоги дѣятельности того или иного учрежденія въ такой строгой и точной системѣ и сжатой формѣ, что результаты дѣятельности становятся ясными до осязательности. Отчетъ харьковскаго историко-филологического Общества имѣеть, напротивъ форму, краткихъ протоколовъ засѣданій, и такъ бы слѣдовало его наименовать, не вводя читателя въ недоумѣніе. Изъ протокольнаго отчета мы узнаемъ, что Общество въ 1896—97 году имѣло пять лишь засѣданій (24 октября и 29 ноября 1896 г., 13 и 28 февраля, и 8 апрѣля 1897 г.; 15 апрѣля, когда былъ поднесенъ членами Общества М. С. Дринову альбомъ съ портретами и адресъ съ подписями членовъ, а А. С. Лебедеву—адресъ, мы не относимъ къ днамъ засѣданій Общества, потому что въ отчетѣ не сказано, чтобы поднесеніе адресовъ происходило въ засѣданії). Пятое засѣданіе было посвящено исключительно административнымъ дѣламъ, и рефераты читались лишь въ первыхъ четырехъ засѣданіяхъ. Всѣхъ рефератовъ мы насчитали 14; по засѣданіямъ они распредѣляются очень неравномѣрно; въ 1-мъ засѣданіи было прочтено 9 рефератовъ; во 2-мъ—1, въ 3-мъ и 4-мъ—по 2;

кромъ слушанія рефератовъ, Общество обсуждало и решало свои текущія дѣла (о печатаніи трудовъ своихъ членовъ въ «Сборникѣ», о присужденіи преміи А. А. Потебни, о назначеніи темъ для преміи слѣдующаго года, о выборахъ должностныхъ лицъ и новыхъ членовъ Общества и т. п.). Прочтенные рефераты касались исторіи католической церкви (1) и этнографіи (1); къ бібліографії можно отнести 5 рефератовъ и къ некрологамъ—7.

Къ сожалѣнію, въ настоящемъ «отчетѣ» не представлены поучительныя цифровыя данныя о публичныхъ чтеніяхъ для женщинъ, какія (т. е. данныя) мы имѣли въ предшествовавшей книгѣ „Сборника“.

Въ отчетномъ году въ предсѣдатели Общества избранъ проф. Н. Ф. Сумцовъ и въ секретари—Е. Е. Рѣдинъ.

Бюджетъ Общества: въ приходѣ—1786 р. 10 к.; въ расходѣ—1620 р. 10 к.; остатокъ на текущій годъ—166 руб.

Указанія на число членовъ Общества мы не нашли въ «Отчетѣ», равно какъ не нашли указаній и на дѣятельность Педагогического отдѣла.

Таково состояніе и дѣятельность достопочтенного Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Переходимъ теперь къ обзору помѣщенныхъ въ «Сборникѣ» изслѣдований и материаловъ.

Серьезный этнографический трудъ *Ф. Ю. Зелинскаго* производить чрезвычайно отрадное впечатлѣніе. Говоря «*О заговорахъ*», авторъ обстоятельно разсматриваетъ существующія мнѣнія о нихъ ученыхъ, подвергая эти мнѣнія критическому анализу, изслѣдуетъ психологическія основы заговоровъ у разныхъ народовъ, слѣдить за исторіей развитія заговоровъ и опредѣляетъ ихъ главныя формальныя черты. Болѣе близкимъ къ истинѣ авторъ считаетъ опредѣленіе заговора, сдѣланное г. Крушевскимъ: „заговоръ есть выраженное словами желаніе, соединенное съ известнымъ обрядомъ или безъ него, желаніе, которое должно непремѣнно исполниться. Покойный А. А. Потебня сдѣлалъ поправку къ опредѣленію г. Крушевского; по его опредѣленію, „заговоръ есть словесное изображеніе сравненія данного или нарочно произведенаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее“. Мнѣніе Потебни принято и г. Зелинскимъ, какъ самое точное и вѣрное. Доказательству его истинности и посвящены весь трудъ автора. Всѣ другіе ученые смотрятъ на заговоръ какъ на остатокъ языческой молитвы, тѣмъ не менѣе всѣ они наблюдаютъ и отмѣчаютъ силу слова, выражающуюся въ заговорѣ, и на неотразимость его въ произведеніи желаемаго дѣйствія. Смотря на

заговоры, какъ на остатки языческихъ молитвъ и клятвъ, многіе ученые часто смѣшиваютъ одни съ другими, напр.: считаютъ заговорами клятвы въ договорахъ Олега и Игоря съ греками, плачъ Ярославны и проч. „Если каждое сравненіе, говорить авторъ по этому поводу, считать за заговоръ, то мы должны будемъ назвать заговоромъ и такое выраженіе изъ известной церковной молитвы какъ: «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою». Изслѣдованіе Ф. Ю. Зелинского невольно приводить читателя къ заключенію, что заговоръ есть весьма близкое къ гипнотическому внушенію явленіе, чѣмъ и объясняется магическое дѣйствіе первого.

Вторая статья *«Пѣсни о Травинѣ»*, принадлежащая перу известнаго этнографа Н. Ф. Сумцова, затрагиваетъ очень интересный вопросъ о малорусскихъ разбойничихъ (известныхъ подъ именемъ гайдамакихъ) пѣсняхъ, героями которыхъ являются Гнатко Голый, Кармелюкъ, Гавриленко, Недуменко, Джеременко и друг. Для опредѣленія характерныхъ чертъ малорусско-гайдамакихъ и галицко-русскихъ опрышковыхъ пѣсенъ авторъ рекомендуетъ сравненіе ихъ съ великорусскими и предлагаетъ этотъ планъ для любителей малорусской этнографіи, въ увѣренности, что при добромъ желаніи онъ будетъ расширенъ и улучшенъ. Для примѣра г. Сумцовъ разсматриваетъ *«Пѣсни о Травинѣ»*, малоизвестномъ малорусскомъ разбойникѣ, сравниваетъ ихъ съ великорусскими пѣснями о Травинѣ и, на основаніи общихъ чертъ, приходитъ къ заключенію, что пѣсни эти великорусского происхожденія; онъ можетъ быть отнесены (по сравненію съ официальными документами) къ XVII в., отзываются скоморошнымъ пошибомъ и весьма характерны по чертамъ профессиональной скоморошной обработки.

Статью г. Г. Ирмера оставляемъ для обозрѣвателей латышской этнографіи, которой онъ касается, хотя не можемъ не пожелать, чтобы и южно-русские этнографы устроили подобную же выставку въ Киевѣ на предстоящемъ археологическомъ съездѣ въ 1899 году, какая была устроена въ 1896 г. на Рижскомъ съездѣ и описывается г. Ирмеромъ.

Въ посвященной *Памяти Н. С. Тихонравова* статьѣ г. Н. И. Аликритса, обозрѣвающаго труды Н. С. съ 1874 по 1893 г. авторъ напоминаетъ и объ изслѣдованіяхъ его по исторіи южно-русской литературы, говоря о которыхъ онъ или приводитъ основную мысль, или только излагаетъ ихъ содержаніе.

Отдѣль матеріаловъ содержитъ въ себѣ сборникъ *«народныхъ обрядовъ и пѣсенъ Лубенской губерніи, записан-*

ныхъ въ 1888—1895 и.», и представленныхъ для напечатанія В. П. Милорадовичемъ. Сборникъ имѣть цѣлью пополнить въ иѣкоторой степени этнографические недочеты и пробѣлы по лубенскому уѣзду. Онъ состоитъ изъ трехъ большихъ частей: въ первую входятъ обряды и пѣсни родинные; во вторую—пѣсни молодежи и свадебныя и въ третью—похоронныя, соотвѣтственно народному изреченію: „трычи дывенъ чоловикъ: якъ родыця, винчаетця и помирае“. По мнѣнію Н. Ф. Сумцова объ этомъ сборникѣ, изложенномъ въ протоколахъ засѣданій историко-филологического общества (стр. III—V), г. Милорадовичъ „чрезвычайно удачно справился съ трудной задачей собиранія сырого матеріала. Онъ не только даетъ въ своихъ сборникахъ много новыхъ пѣсенъ и повѣрій, т. е., не отмѣченныхъ ранѣе въ печати, но главное—группируетъ ихъ въ ясномъ и послѣдовательномъ порядкѣ, съ указаніемъ на существующіе въ печати варианты, съ краткими, но дѣлыми и вполнѣ научными предисловіями“. Н. Ф. Сумцовъ считаетъ трудъ г. Милорадовича полезнымъ вкладомъ въ современную этнографію, ибо въ немъ заключаются данные, «которыя могутъ служить для характеристики всего южно-русского племени». Въ виду этой важности сборника. Историко-филологическое Общество, по недостатку собственныхъ средствъ, ходатайствовало предъ Полтавской Земской Управой о выдачѣ субсидіи въ 300 руб. для напечатанія этого сборника, съ обязательствомъ выслать въ Управу 300 экземпляровъ его. Субсидія дана была земствомъ. Отмѣчаемъ этотъ отрадный фактъ сочувствія земскихъ представителей къ интересамъ науки, къ счастію, не единственный въ исторіи земскихъ учрежденій.

И. Каманинъ.

Новости польской исторической литературы.

1) *Kazimierz Pułaski. Szkice i poszukiwania historyczne. Seria druga. Petersburg 1895. Str. 350.*

Обыватель подольской губерніи (с. Завадинцы каменецкаго уѣзда), авторъ «Отношений Польши къ Менгли-Гирею» и цѣлаго ряда пре- восходныхъ статей изъ южно-русской исторіи (Дикія Поля, Евстафій Дашковичъ и др.), собранныхъ въ 1-мъ выпускѣ «Очерковъ и изслѣ-

дований» (1887), К. А. Пуласкій выступиль теперъ съ новымъ рядомъ работъ, составляющихъ второй выпускъ „Очерковъ и изслѣдований“. Здѣсь помѣщено пять статей: 1) Изъ воспоминаній Барскаго конфедерата; 2) Переписка Михаила—Юрія Миншка, великаго короннаго маршала, въ 1783—1790 гг.; 3) Постановленія волынскаго сейміка въ Луцкѣ въ 1790 г.; 4) Подольская шляхта въ эпоху турецкаго владычества въ Подолії (1672—1699) и 5) Махметъ-Гирей, ханъ Переоконскихъ Татаръ, и отношенія его къ Польшѣ (1515—1523). Всѣ эти статьи, какъ видно изъ ихъ заглавій, имѣютъ ближайшее отношеніе къ научной области «Кievской Старины» и по своей обстоятельности заслуживають вниманія со стороны любителей серьезнаго историческаго чтенія.

2) *Adolf Pawiński. 1840—1896. Zarys dziejów żywota i pracy skreslit Wincenty Zakrzewski. Petersburg 1897. Str. 124.*

Упоминаніе объ А. И. Павинскомъ на страницахъ „Кievской Старины“ не можетъ показаться страннымъ, такъ какъ покойный профессоръ Варшавскаго Университета († 12 августа 1896 г.), издавая материалы по истории Польши въ сотрудничествѣ съ А. Н. Яблоновскимъ (*Źródła dziejowe*), косвенно оказалъ нѣкоторыя заслуги и южно-русской исторіографіи. Въ настоящей книжѣ г. Закржевскій, профессоръ всеобщей исторіи въ Краковѣ, талантливо, въ милой и сердечной формѣ, съ глубокимъ проникновенiemъ въ душу усопшаго, рисуетъ его жизнь и научно-литературную дѣятельность. Книга такъ прекрасна, что отъ нея нельзя оторваться. Намъ только кажутся немного странными тѣ страницы (42—43), на которыхъ встрѣчаемъ такія обобщенія: «Довольно значительную роль въ кружкѣ редакціи *Ateneum'a* и вообще въ Варшавскомъ Обществѣ (во 2-ой половинѣ 70-хъ годовъ) играли жиды, чувствовавшиe уже себя тѣсно связанными съ цѣлью обществомъ и готовые ему служить; многіе изъ нихъ шли впереди другихъ, когда являлась необходимость принести крупную жертву для цѣлей общаго блага. Кто знаетъ или помнитъ, напримѣръ, дѣятельность Якова Натансона (мы беремъ одну личность, давно умершую и оставившую много заслугъ), тотъ можетъ сразу понять, что модный теперь въ нѣкоторыхъ кругахъ антисемитизмъ является у насъ (т. е. въ Польшѣ) полнѣйшою безмыслицею (каковы бы ни были, впрочемъ, первоначальныя, отчасти основательныя, причины подобныхъ стремленій и явленій), является одностороннимъ народно-впроиспособленымъ шовинизмомъ, вреднымъ и пагубнымъ, какъ

вообще вредны и пагубны шовинизмъ и односторонность». Вѣдь для существованія антисемитизма въ Польшѣ есть иная, болѣе органическія, причины, чѣмъ вѣроисповѣдный шовинизмъ. Къ книгѣ приложенъ погодный указатель сочиненій Павинскаго.

3) *Teki Pawińskiego. T. I Liber quitantiarum Alexandri regis ab a. 1502 ad. 1506. (Księga skarbową Króla Alexandra Jag.). Warszawa 1857. Str. 221—XXVI.*

Предисловіе Александра Яблоновскаго гласить: «Прежде временная смерть проф. Павинскаго не позволила ему издать собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, часть которыхъ осталась почти пѣликомъ напечатанною, а другая—приготовленною къ печати. Оставить ихъ подъ спудомъ болѣе продолжительное время было бы большою потерей для науки. Вотъ почему во имя науки, а также изъ уваженія къ памяти заслуженнаго работника на научномъ полѣ, мы считаемъ своею нравственную обязанностью заняться, не откладывая, изданіемъ въ свѣтъ его наслѣдства. Такъ какъ самые матеріалы довольно разнородны, то мы даемъ имъ общее заглавіе: *Portfeli A. Павинскаго*. Начинаемъ съ книги расходовъ короля Александра». Изданіе это можетъ понадобиться и для южно-русскаго историка, такъ какъ Александръ былъ одновременно королемъ польскимъ и великимъ княземъ Литвы, въ составѣ которой входила тогда вся почти Южная Русь съ Киевомъ во главѣ; нужно только замѣтить, что матеріалъ его—крайне сухой и пригоденъ почти исключительно для исторіи польскихъ финансъ. Къ изданію приложены три указателя: лицъ, мѣстъ и должностей. Послѣдній, по нашему мнѣнію, самый важный, такъ какъ, хотя въ словарной формѣ, но рисуетъ составъ польского правящаго класса того времени.

4) *Drobne prace i notatki Erazma Majewskiego z dziedziny Archeologii przedhistorycznej i Etnografii. Z 66 rysunkami i podobiznami. Warszawa 1897. Str. 128.*

Въ этой небольшой книжкѣ собраны журнальныя статьи и рецензіи, написанныя авторомъ въ послѣдніе годы, а также нѣкоторыя ненапечатанныя мелкія работы. Много интересныхъ соображеній, съвѣтовъ и библіографическихъ справокъ найдеть здѣсь любитель археологіи, особенно доисторической. Обращаемъ вниманіе на статьи: *происхожденіе вишни* (занесена въ среднюю Европу Славянами съ береговъ Чернаго моря) и *культъ медведя*, на совѣты автора, какъ

добывать и хранить предметы древности, на снимки каменныхъ орудий изъ коллекцій автора и на нѣкоторыя рецензіи, въ числѣ которыхъ есть и рецензія образцовой работы проф. В. Б. Антоновича Археологическая карта кіевской губернії (М. 1895).

А. С.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897, № 10—12.

Указъ имп. Александра I. (17 Марта 1801 г.) объ освобожденіи «содержимыхъ въ Динаміондской крѣпости духоборцевъ Слободско-украинской губ., козаковъ и однодворцевъ, 152 чел. м. и ж. пола (№ 10).

Рѣчь Кіевскаго Митрополита Евгения, сказанная отъ всего духовенства имп. Николаю I, 24 августа 1826 г. въ кремлевскомъ дворцѣ (№ 12)

Провинціальные привы за послѣдніе полѣтка (воспоминанія Ф. Я. Лучинского)—окончаніе. Будучи въ 1861 г. назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ Новогеоргіевскъ (Херсонской губ.), г. Л. былъ свидѣтелемъ введенія положенія 19 февраля, о чемъ и сообщается нѣсколько интересныхъ подробностей. Такъ, онъ описываетъ воображаемый крестьянскій «бунтъ», состоявшій въ колективномъ чтеніи манифеста и просьбѣ разъяснить его. «Другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ волненій, замѣчаетъ г. Л., я не припомню; но иѣстная администрація сильно волновалась». Одинъ становой приставъ право полиціи наказывать крестьянъ по жалобамъ помѣщиковъ обратилъ для себя въ доходную статью и бралъ съ помѣщиковъ за каждую экзекуцію по 25 р. Съ большою похвалою отзыается г. Л. о мировыхъ посредникахъ. Съ введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ г. Л. не имѣвшему образовательного ценза, пришлось оставить должностъ слѣдователя и, скрѣпя сердце, привѣтъ мѣсто помощника исправника; но въ 1869 избранъ былъ мировымъ судьею Тираспольского округа и занималъ эту должностъ до ея упраздненія въ 1892. (№ 10).

Історическій Вѣстникъ 1897. № 10—12.

Графиня Е. В. Літтіа, ур. Эннелігардтъ Адріанова. Біографія известной племянницы и фаворитки Потемкина. Въ статьѣ сообщаются свѣдѣнія о сестрахъ ея—А. В. Браницкой и В. В. Голицыной и объ ихъ отношеніяхъ къ Потемкину, а также нѣкоторыя интимныя подробности изъ жизни имп. Екатерины II. Къ статьѣ приложенъ портретъ гр. Літтіа (№ 11).

Записки гр. Комаровскаго ген.-ад. имп. Александра I. Въ X главѣ записокъ сообщаются вѣкоторыя подробности о пребываніи автора въ 1862 г. въ Житомирѣ, о губернаторѣ Камбурлеѣ, помѣщикѣ Ильинскомъ и его роскошномъ имѣніи Романовѣ (Рома пнува), гр. Потоцкому, устроившемъ въ Умани знаменитый садъ Софіевку, о кн. Радзивилѣ, владѣльцѣ Бердичева, и о разстрѣляніи поляка Ржевускаго, смотрителя русскихъ провіантскихъ магазиновъ, передавшаго ихъ французамъ (№ 11).

Воспоминанія о Мальцовѣ Межеецкаго. Біографическая свѣдѣнія объ извѣстномъ основателѣ «Мальцовскихъ» заводовъ—ген.-м. С. И. Мальцовѣ и описание его заводовъ. Мальцовскія конторы были, между прочимъ, въ Черниговѣ, Кіевѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ, Херсонѣ, Одессѣ. Въ послѣдней главѣ описывается отправка товаровъ изъ Брянска на югъ по Деснѣ и Даїпру, при чёмъ особенно подробно описана переправа черезъ днѣпровскіе пороги. Къ статьѣ приложенъ портретъ Мальцова и нѣсколько рисунковъ (№ 11).

Терновскіе изувѣрь и ихъ ученик (по даннымъ III місіонерскаго съѣзда) П. Л. Юдина. Статья до вѣкоторой степени разъясняетъ происхожденіе секты, главой которой была извѣстная Виталія. Секта эта возникла на почвѣ великорусского старообрядчества, чрезвычайно распространеннаго въ херсонской губ., и въ особенности въ тираспольскомъ уѣздѣ, гдѣ насчитывается до 11500 раскольниковъ (№ 10).

Въ отдѣлѣ «*Критика и бібліографія*» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ: «Къ исторіи западно-русскаго просвѣщенія (віленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія) соч. К. В. Харламповича». В. 1897.—«А. Ярушевичъ. Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій (1461—1530) и православная литовская Русь въ его время». Смоленскъ 1897 (№ 10). «Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Сост. И. И. Малышевскій». Спб. 1897 (№ 11).

Въ отдѣлѣ «*Новости и мелочи*» подъ заглавіемъ «Переписка Станислава Понятовскаго» сообщеніе о книгѣ «Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance, relative aux partages de la Pologne. Par Evgene Mattar. Paris 1897.» (№ 10).

Въ отдѣлѣ «*Смѣсь*» — описание открытія памятниковъ имп. Александру II, и Александру III въ Черниговѣ (№ 10) и свѣдѣнія о дѣятельности Общества исторіи и древностей въ Одессѣ, Общества древностей и искусствъ въ Кіевѣ и историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университѣтѣ (№ 12).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

9-й годъ изданія. Открыта подписка на 1898 годъ на 9-й годъ изданія.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ

и

ВѢСНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще новостей по всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналь много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ материаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго материала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзодорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся деятелей техники и промышленности, критика и бібліографія; симѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, промышленности, разныя мелкія извѣстія и т. д.; справочный отделъ: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговли и статистической свѣдѣнія, данные о спросѣ и предложеніи; правительственные распоряженія. За истекшіе восемь лѣтъ въ составъ сотрудниковъ журнала вошли слѣдующіе лица:

Профессоры, адъюнкты-профессоры и доценты Технологическихъ институтовъ С.-Петербургскаго и Харьковскаго, Императорскаго Московскаго Техническаго училища, Рижскаго Политехническаго института и др.—В. И.

Альбицкій, Е. А. Владіміровъ, А. П. Гавриленко, А. Д. Гатцуцъ, А. В. Гречаниновъ, М. Н. Дем'янновъ, Г. Ф. Депінь, В. Г. Залісскій, К. А. Зворыкинъ, П. В. Котурницкій, Н. П. Лалговой, А. П. Лидовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Ч. Никитинскій, П. П. Петровъ, А. И. Предтеченскій, В. М. Рудневъ, А. И. Сидоровъ, Н. И. Тавидаровъ, С. Л. Франкфуртъ, П. К. Худяковъ, В. В. Шкателовъ и др. *

Преподаватели, ассистенты, лаборанты—И. П. Александровъ, А. П. Величковскій, П. В. Войнаровскій, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, Д. В. Зубаревъ, С. П. Данговой, Л. М. Лялинъ, В. Д. Мѣшаевъ, Н. А. Пановъ, В. А. Пантелеевъ, К. М. Плѣшковъ, А. Русановъ, А. М. Соколовъ, П. С. Страховъ, К. И. Тумскій, В. Г. Фонъ-Бооль, А. Н. Шустовъ и др.

Представители фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій—М. И. Алтуховъ, И. К. Андрющковъ, Н. Н. Адамчиковъ, Л. Я. Аркінъ, А. Г. Бадюль, В. Я. Бенінъ, Н. Е. Верезовскій, М. Берловъ, И. П. Боклевскій, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Ф. И. Бараксинъ, М. К. Васильевъ, И. Видаускій, Ю. Ф. Вишневскій, С. Ганшинъ, П. Гарберъ, Л. Н. Глазовъ, Д. А. Головъ, І. П. Горенцель, А. Ф. Грайновъ, А. В. Грушке, С. И. Гулишамбаровъ, И. Гурвичъ, А. Н. Державинъ, И. А. Добряковъ, Е. Дьяконовъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Завадскій, А. Завалишинъ, И. Залкіндъ, Н. Н. Зворыкинъ, А. Д. Зеленинъ, И. М. Зиновьевъ, А. А. Забловъ, П. Касаткинъ, М. Кергеръ, Д. Кириличниковъ, С. А. Козьминъ, А. И. Коренбліть, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, А. Г. Лаписовъ, Л. М. Лялинъ, П. А. Малый, А. Мейро, А. П. Милинскій, А. М. Настиковъ, Ф. Ф. Надлеръ, М. А. Нетыкса, К. Ф. Неймайдеръ, О. Я. Никитинскій, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглоблинъ, А. И. Онуфровичъ, П. А. Персіаніновъ, Н. А. Песоцкій, П. И. Плаксицкій, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ, А. Т. Разуваевъ; К. Рейнеръ, А. С. Рейсеръ, Х. Х. Репманъ, М. А. Рыловъ, А. Семеновъ, С. Сербіновичъ, П. И. Сиптицъ, О. Старникъ, А. А. Томсонъ, М. Н. Триполитовъ, А. Угаровъ, А. Фадѣевъ, И. А. Федоровъ, Н. А. Филипповъ, И. М. Фуксъ, Г. Хелінскій, М. Я. Цоллеръ, В. Чернєвъ, О. В. Шаньгинъ, Д-ръ Юркевичъ, Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмайеръ, и др.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комит. Минист. Народа. Просвѣщенія. Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. по 16 руб. высыпаются по первому требованію ст. наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высыпаются все вышедшие въ сейтъ №№.

Пробные №№. высылаются по первому требованию съ наложеннымъ платежемъ, по 1 р. 50.

Допускается разсрочка. 16 руб. въ годъ съ перес. и дост., за $\frac{1}{3}$ года — 9 руб. Учащимся — скидка 25%.

Подпись принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. К. А. Казначеевъ.

2—3

О ПОДПИСКѢ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ „ЖИЗНЬ И ШКОЛА“ СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ.

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНИЕ“ (г. X.).

«Жизнь и Школа» имѣть цѣлью служить органомъ объединенія русскихъ учителей и интересамъ явцѣ, стоящихъ близко къ дѣлу образованія въ Россіи, и издастся по слѣдующей программѣ:

- 1) Правительственные узаконенія и распоряженія, касающіяся образования въ Россіи.
- 2) Научно-популярныя статьи (съ чертежами и рисунками).
- 3) Мелкие новѣти и разсказы (бытовые и историческіе), путешествія, очерки и др. подоб. произведенія.
- 4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, училищевѣденію, школьнай гигиенѣ. Очерки по народному образованію въ Россіи и на Западѣ.
- 5) Русская печать о школьнномъ дѣлѣ. Мысли и сужденія печати по педагогическимъ вопросамъ.
- 6) Библіотечное дѣло въ Россіи и за границей. Органы ацій общественныхъ и школьнныхъ библіотекъ и др. образовательныхъ учрежденій для народа.
- 7) Библіографія. Критика и рецензіи педагогическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностраннѣыхъ, разборъ учебниковъ и пособій. Обозрѣніе періодическихъ изданій какъ общихъ, такъ и специальнѣыхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п.
- 8) Корреспонденціи. Современное обозрѣніе воспитанія и обученія у васъ и за границей.
- 9) Политическая извѣстія и новости русской жизни. Обозрѣніе выдающихся соѣтій въ Россіи и др. государствахъ.

10) Смѣсь. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогиче-
ческіи темы.

11) Справочный указатель. Справки и указанія по различнымъ прак-
тическимъ вопросамъ учебнаго дѣла и школьнаго быта.

12) Что намъ писать. Письма и сообщенія въ редакцію.

13) Книжный листокъ. Свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ;
указатель статей, встрѣчавшихся въ повременныхъ изданіяхъ и заслужи-
вающихъ вниманія какъ учителей, такъ и вообще образованнаго читателя.

14) Почтовый ящикъ. Отвѣты редакціи.

15) Объявленія. Послѣднія печатаются на первой стр. по 50 к.,
за послѣдній по 10 к. Подписчики (годовые) печатаются бесплатно.

При газетѣ издается, въ видѣ приложения, особый сборникъ, подъ
заглавиемъ «Школьное Обозрѣніе», въ которомъ помѣщаются статьи, по
объему, не удобны для еженедѣльного изданія, а также портреты Август-
ийшихъ Особъ и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣя-
тельности, благотворительности и народнаго образования.

Подписная цѣна съ доставкой и перес. 5 руб., за полгода 3 руб.,
и за три мѣсяца 2 руб., для начальныхъ школъ и учителей 4 руб., за
границу 6 руб. за годъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за
1893 г. и 1894 можно получать за два руб., 1895 и 1896 по три руб.
за годъ. Библиотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой.
Подписчики, приобрѣтающіе за всѣ годы, пользуются, сверхъ того, уступ-
кою 50%.

Вышедшіе №№ «Школьного Обозрѣнія» и «Жизнь и Шк.» тек. г.,
по требованію, высыпаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Подписка принимается въ главной Конторѣ «ЖИЗНЬ и ШКОЛА»:
С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

Редакторъ-Издатель М. Е. Виноградовъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ. 13-й годъ изданія.

Еженедѣльное общеполезное изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ
приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ номерѣ двухъ листовъ чертежей
или образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, при-

способленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

«Ремесленная газета» необходима специальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремесль и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во всякомъ семействѣ для того, чтобы выбрать или заказать нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какими современными требованіями онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи «Ремесленная Газета» оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій.—Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя), сапожно-башмачному, кузничному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесла. Газетѣ» будетъ помѣщены рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ еженедѣльныхъ сообщеній о различныхъ заграничныхъ востокахъ, редакція будетъ давать бесплатно отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ специальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогого (многимъ недоступнаго) материала за крайней дешевую цѣну.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднимъ подписчикамъ бесплатно всевозможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, а также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высыпаются по первому требованію немедленно съ наложеннымъ платежомъ.

«Ремесленная газета» въ теченіе истекшихъ 12-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того обилия полезнаго и необходимаго для всякаго материала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) 50 № въ годъ, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ и

2) сто листовъ приложений (замѣняющихъ преміи «Рем. Газ.»), ко- торыя отдельно стоять въ розничной продажѣ свыше 20 р. с.

3) Иллюстрированный настѣнныи календарь.

Подписавшимся среди года высылаются все вышедшии №.

Подписная цѣна: 6 рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой (за пол- года 4 рубля).

Полные экземпляры «Ремесленной Газеты» со всѣми приложеніями за 1886 г. по 10 р., а за 1887, 1889, 1890 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 г. (безъ книгъ) по 5 р. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. вѣрь разошлись.

«Ремесленная Газета» рекомендована Г. Министромъ Наро. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

Адресъ Редакціи: Москва, Долгоруковская улица, домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ А. К. Казначеевъ

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 годъ

На политическо-общественную и литературную газету

ЕНИСЕЙ

ВЫХОДИТЬ ВЪ КРАСНОЯРСКЪ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдельными бюллетенами.

2. Отдѣль оффіциальный, важнѣйшія правительственные распоряженія.

3 Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей, совмѣстно съ интересами сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на Востокѣ.

4. Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасаю- щихся съ нимъ губерній Сибири,—по городскому и земскому хозяйству,

экономическая, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.

5. Обзоръ общественной жизни Сибири въ Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка.

6. Политическія извѣстія, общія и, въ частности, касающіяся Азиатскихъ странъ.

7. Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей бассейна реки Енисея и соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи.

8. Научный отдѣль.—Открытия и путешествія по Сибири и ее окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.

9. Литературное обозрѣніе,—критика и библіографія, особенно, сочинений объ Азіи.

10. Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія.

11. Судебная хроника, безъ обсужденія решений.

12. Смѣсь. Отвѣты редакціи.

13. Справочный отдѣль: судебные свѣдѣнія, свидѣтели, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, не-доставленные телеграммы и т. п.

14. Объявленія казенныхъ и частныхъ.

Подписьная цѣна, съ доставкой и пересылкой на годъ, 7 руб., на пол-года 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Енисей“, собственный домъ, Воскресенская ул.; въ Ачинскѣ въ отдѣлѣніи конторы при типографіи Е. Ф. Кудрявцева; въ Томскѣ въ отдѣлѣніи редакціи „Енисей“, Почтамтская ул., домъ Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Иркутскѣ: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Петербургѣ и Москвѣ въ центральной конторѣ объявленій торгового дома Л. и Э. Метцль и Ко.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

2 — 3

Еженедѣльный Иллюстрирован. Журналъ

„С-ПЕТЕРБУРГЪ“.

ИЗДАНІЕ БЕЗЦЕНЗУРНОЕ.

Сущ. съ 1894 г.—Въ 1897 г. подписчиковъ было 8327.

Основы журнала: отсутствіе лицемѣрія, независимость, человѣкою-біе и вѣра въ золотой вѣкъ.

Содержание: Современные Вопросы. А. Молчанова.—Политическая и Общественная жизнь. Н. Сарычевой.—Научные Новости. Н. Быстрова—Все и Вездѣ. Э. Янсона (Профессоръ Я.).—Доктореска Замѣтки и о Чумѣ. Н. Петрашевскаго (Д-ръ П.).—О Женскомъ Вопросѣ. Е. Щегловой (Дама).—Новости Исторіи. В. Снегирева.—Объ Отравахъ Человѣчества (о пьянствѣ, куреніи и пр.). С. Кавелина.—Наши окраины, путешествія, романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, практическіе соображенія, о сельскомъ хозяйстве и пр. и пр. Рисунки цветной краской.

Отзывъ «Нового Времени» (7043 и 7053). Номера журнала «С.-Петербургъ» обращаютъ на себя вниманіе какъ изяществомъ рисунковъ, такъ и материаломъ; онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ качествѣ добро-порядочного и вполнѣ литературнаго изданія».

2 рубля въ годъ съ доставкой
СПб., Невскій пр., д. 60. 2 и пересыпкой.

Разсрочка для желающихъ: 1 р. при подпискѣ и 1 р. къ 1 Апрѣля.—

Редакторы-Издатели: Н. Сарычева и А. Молчановъ.

2—3

1898. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1898.

На общедоступный, иллюстрированный еженедельный журналъ подъ названиемъ

„ЖУРНАЛЪ НОВЪЙШИХЪ ОТКРЫТІЙ И ИЗОБРѢТЕНІЙ“.

Въ теченіи 1898 года подписчики получать:

52 еженедѣльныхъ, иллюстрированныхъ номера, заключающихъ въ себѣ описание новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній въ общепонятномъ и ясномъ изложеніи, доступномъ всякому развитому человѣку.

12 иллюстрированныхъ выпусковъ, заключающихъ въ себѣ слѣдующія сочиненія:

I. Сельскохозяйственные промыслы.

II. Силы природы и пользованіе ими.

III. Самодвижущіеся экипажи: паровые, керосиновые, электрическіе.

«Журналъ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній» даетъ описание всѣхъ выдающихся современныхъ открытій и изобрѣтеній, въ ясномъ и общепонятномъ изложеніи, поясняемомъ рисунками. Онъ также знакомить чита-

телей съ успѣхами техники въ Россіи и за-границей, съ положеніемъ существующаго уровня промышленности и условіями возникновенія новыхъ выгодныхъ производствъ. Библіографический отдѣлъ даетъ свѣдѣнія о новыхъ сочиненіяхъ на русскомъ и иностраннѣхъ языкахъ по всѣмъ отраслямъ техники и естествознанія, а перечень привилегій снабжается краткимъ изложеніемъ сущности изобрѣтений.

Подписанная цѣна на Журналъ вмѣстѣ со всѣми приложеніями съ пересылкой: на годъ—7 р.; на $\frac{1}{2}$ —4 р.; на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., за границу 10 р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 68.

Допускается разсрочная (при подпискѣ исключительно въ конторѣ Редакціи): При подпискѣ—3 р., въ Апрѣль—2 р. въ Іюль—2.

Библиотеки, учрежденія или частныя лица, доставившія подписку не менѣе, какъ на 5 годовыхъ экземпляровъ Журнала, пользуются уступкою 5%.

Для учащихъ и учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ цѣна Журнала на годъ 6 руб. Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 2 руб., въ апрѣль 2 руб. и въ іюнь 2 руб., или по одному рублю первые шесть мѣсяцевъ.

Ред.-Изд. П. Песоцкій.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

годъ изданія.

XI-й

„СВВЕРТЬ“.

годъ изданія.

XI-й

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ,
выходящій подъ редакціей Коринфскаго.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будуть печататься произведения М. Н. Альбова, А. В. Амфитеатрова, С. А. Андреевскаго, К. Д. Бальмонта, К. С. Баравцевича, А. Н. Будищева, И. А. Бунина, П. В. Быкова, Л. Б. Вайнберга, В. Л. Велички, гр. А. А. Голенишева-Кутузова, П. Г. Ганзена, И. А. Гофштеттера, П. И. Добротворскаго, С. Д. Дрожжина, Я. Е. Егорова, А. Е. Зарина, А. П. Коптиева, А. В. Круглова, Пл. А. Кускова, В. П. Лебедева, В. С. Лихачова, М. А. Лохвицкой А. А. Дугового, К. А. и С. В. Максимова, Д. И. Мамина-Сибиряка, Л. М. Медведѣва, Н. М. Минскаго, Д. Л. Михаловскаго, В. М. Михеева, проф. Н. А. Орлова, Н. А. Панова, П. Ф. Порфириева, И. Н. Потапенки, М. И. Пыляевса, гр.

Е. А. Салиаса, В. Я. Свѣтлова, К. К. Случевскаго, Н. А. Соловьевы-Несмѣлова, Ф. К. Сологуба, проф. Н. В. Сорокина, Вл. А. Тихонова, Л. Н. Трефолева, С. С. Трубачева, кн. Э. Э. Ухтомскаго, К. М. Фофанова, Ф. В. Черниговца, Ант. П. Чехова, О. Н. Чюминой, И. Л. Щеглова и другихъ писателей.

Въ 1898 году подпісчики журнала „Сѣверъ“ получать:

52 №№ иллюстрированного журнала, изъ которыхъ съ цветными рисунками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. 12 №№

52 №№ еженедѣльной газеты „СѢВЕРЪ“ (въ форматѣ газетн. листа убористой печати).

12 томовъ „БИБЛІОТЕКИ СѢВЕРА“, каждый томъ—объемомъ отъ 160 до 240 страницъ плотнаго шрифта, въ которыхъ будетъ дано СОБРАНИЕ НОВѢЙШИХЪ РОМАНОВЪ

ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА:

1) «Безъ Догмата», 2) «Семья Поланецкихъ», 3) «Quo Vadis?» («Камо грядеши?»), 4) «Крестоносцы». Этими романами знаменитый писатель создалъ себѣ во всемирной литературѣ громкое имя. Въ отдельной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб.

12 №№ ежемѣсячного журнала «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ», со множествомъ рисунковъ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ. 12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваний, дамскихъ рукодѣлій, монограммъ, съ пояснительнымъ текстомъ, на отдельныхъ большихъ листахъ. 12 №№ ежемѣсячного журнала «ХОЗЯЙСТВО въ ДОМОВѢДСТВѢ», въ которомъ даются советы и указанія, необходимыя для хозяйства и домашняго обихода.

Кромѣ всего этого, годовые подпісчики „СѢВЕРА“ получать бесплатно

РОСКОШНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ:

48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій

И.В. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

Къ альбому будуть приложены: 1) портретъ И. С. Тургенева, 2) вступительная статья объ И. С. Тургеневѣ и 3) пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ. Литературно-художественная цѣнность этой главной на 1898 г. преміи журнала «Сѣверъ», выпустившаго уже свои художественные альбомы къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится въ всѣхъ всячаго сомнѣнія.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями: 6 руб. на годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 7 руб. съ достав. и перес. во всѣ города Россіи; за-границу на годъ 11 р. На 6 мѣс. съ дост. и пер. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. съ дост. и пер. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. съ дост. и пер.—60 к.

Бесплатныя библіотеки и читальни, народныя и-церковно-приходскія школы и училища, городскіе и сельскіе учителя и учительницы, сельскіе священники, дьяконы и церковно-служители, служащіе въ земскихъ и частныхъ аптекахъ фармацевты и волостныя правленія пользуются исключительнымъ правомъ получать журналъ «Сѣверъ», со всѣми къ нему приложеніями и преміями, на особо льготныхъ условіяхъ, а именно: за 6 руб. съ доставкой и пересылкой. Подписка на льготные экземпляры принимается исключительно въ Главной конторѣ журнала «Сѣверъ» (Спб., Екатерининская, 4) на имя издателя *Н. Ф. Мертица*.

Подписка адресуется въ Глав. конт. журн. «Сѣверъ» (Спб., Екатерининская, 4) на имя издателя *Н. Ф. Мертица*.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ
1898 г.

НОВЪ

XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ
1898 г.

илюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

За 14 рублей

безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики «НОВІ» получаютъ въ 1898 году, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія тѣсть изданія:

- 1) Журналъ Новъ 24 выпуска въ форматѣ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій.
- 2) Особый иллюстрированный отдѣлъ Мозаика (24 выпуска), составляющій какъ бы самостоятельный журналъ по прикладнымъ знаніямъ, вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.
- 3) Журналъ Литературные Семейные Вечера (отдѣлъ для семейного чтенія) 12 ежемѣсячныхъ книжечекъ романовъ и повѣстей.
- 4) Восемь перевѣтенныхъ томовъ полнаго соченія сочиненій П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго)

5) Четыре переплетенные тома полного сочинений Вл. Ив. Даля (Козака Луганского)

6) Две роскошно переплетенные книги, формата in-folio, «Живописной России», посвященные описанию Москвы и Москов. промышлен. обл.

*Первый номер новаго XIV (1898) подписаного года выйдет
15-го декабря 1897 года.*

Годовая подписная цѣна за всѣ вышеобъявленныя изданія вмѣстѣ съ пересыпкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за перес. и дост. бесплатныхъ премій—14 руб. За границу—24 рубля.

Разсрочка платежа допускается, при чёмъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб.; остальные же деньги могутъ высылаться по усмотрѣнію подписчика ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку бесплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Къ свѣдѣнію гг. новыхъ подписчиковъ не получавшихъ „НОВЫ“ въ 1897 году.

Лицъ не состоявшія подписчиками «НОВЫ» въ 1897 году и не имѣющія еще первой половины СОЧИНЕНИЙ АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО и первой половины СОЧИНЕНИЙ В. И. ДАЛЯ могутъ, подписываясь на «НОВЪ» въ 1898 году, получить первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій А. Печерского и первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій В. И. Даля, вмѣсто томовъ, выдаваемыхъ въ 1898 году прежнимъ подписчикамъ. Вторая же половина сочиненій, какъ А. Печерского, такъ и В. И. Даля, будетъ выдана этими новыми подписчиками въ 1899 году въ чёмъ редакція теперь же и принимаетъ передъ ними обязательство.

Новые подписчики на «НОВЪ» 1898 года, т. е. лица, не бывшія подписчиками въ журналѣ въ минувшемъ 1897 г., при уплатѣ за 1898 г. 26-ти рублей, вмѣсто 14-ти руб., могутъ получить въ 1898 г.: всѣ 14 томовъ полного собранія сочиненій Андрея Печерского и всѣ 10 томовъ полного собранія сочиненій В. И. Даля,

а также и тѣ двѣ переплетенные книги «Живописной России», которые выдавались подписчикамъ въ 1897 году; значитъ, вмѣсто двухъ книгъ «Живописной России», они получать четыре переплетенные книги этого изданія и, вмѣсто 12 томовъ сочиненій А. Печерского и В. И. Даля, 24 тома.

Подпись принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18; въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи «НОВЫ», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій остр., 16 лин., собств. домъ, № 5—7.

Подробные объявления о подписке и условиях рассрочки платежа
высыпаются из Главной Конторы редакции журнала «Новь» (С.-Петербург),
Вас. Остр. 16 лин., д. № 5--7) по востребованню бесплатно.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 г.

Годъ издания 86-й

на политическую, ученую и литературную ежедневную газету

СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА

I-е ИЗДАНИЕ

ИЗДАВАЕМУЮ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Акцион. обществомъ печатнаго дѣла „ИЗДАТЕЛЬ“

безъ предварительной цензуры, подъ редакціей

А. К. Шеллера (А. Михайлова).

Поставивъ своей главнѣйшей задачей дать читателямъ за недорогую
цѣну интересную, живую и правдивую газету, отвѣчающую на вопросы,
выдвигаемые жизнью, общество «Издатель» пригласило къ участію въ га-
зетѣ, кроме прежнихъ сотрудниковъ, новые литературныя силы. Ближай-
шее участіе въ газетѣ принимаютъ:

Я. В. Абрамовъ, Л. А. Авилова, К. С. Баравцевичъ, В. В., Н. Г.
Гаринъ (Михайлловскій), В. Г. Генкенъ, М. Б. Городецкій, И. Ивановичъ,
Н. Кр., Н. В. Максимовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтеть, К. В.
Назарьева, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Н. О. Пру-
жанскій, Э. Л. Радловъ, Н. А. Рубакинъ, А. Сакмаровъ, А. М. Скабичев-
скій, М. Слоожанинъ, К. М. Станюковичъ, В. А. Тамирязовъ, А. М.
Хирьяковъ, А. К. Шеллеръ и др.

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты «Сынь Отечества» помѣщаются:
руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ политики,
литературы, науки, экономической и общественной жизни во всѣхъ ея
проявленіяхъ, административныя и придворныя извѣстія, а также корре-
спонденціи какъ заграничныя, такъ и внутреннія, телеграммы (внутреннія
и иностраннія); статьи по военному дѣлу, сельскому хозяйству; истори-
ческія статьи и замѣтки, торгово-промышленныя и биржевые свѣдѣнія;
усебные отчеты, литературныя, театральныя и музыкальныя рецензіи,

бібліографія, біографії и некрологи современнихъ общественныхъ дѣятелей, фельетонъ-общественной жизни и беллетристика, русская и иностранная.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получать: **52** нумера воскресныхъ приложенийъ, печатаемыхъ въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированного журнала, гдѣ помѣщаются: исторические и современные романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и проч. Болѣе **300** художественныхъ рисунковъ: портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей, историческая, бытова, современная иллюстраціи, а также карикатуры, шахматныя, шашечныя задачи и проз., что въ теченіе года составить большой сборникъ интересныхъ литературныхъ произведеній и иллюстрацій.

Подписная цѣна съ доставкою и пересыпкою по Имперіи: На 1 годъ—**8 р.—к.**, на 6 мѣс.—**4 р.—к.**, на 3 мѣс.—**2 р.—к.** За границу.—На 1 годъ **14 р.—к.**, на 6 мѣс.—**8 р. к.**, на 3 мѣс. **4 р.—к.**

2 3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ (9-й годъ издания)

НА ОВІЩЕПЕДАГОГІЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ вышедшихъ за текущій годъ книжкахъ журнала (№№ 1—10) напечатаны, между прочимъ слѣд. статьи: 1) И. П. Деркачевъ (по поводу 35-лѣтія ѿго общественно педагогической и литературной дѣятельности). Н. Ф. Арапьевъ; 2) К. Д. Ушинскій въ Симферополѣ (по личнымъ воспоминаніямъ). И. П. Деркачева, 3) Изъ педагогической автобіографіи. Л. Н. Модзалевскаго; 4) Очерки развитія и современного состоянія средняго образования въ Англіи. П. Г. Мижуева; 5) Идеалы и дѣйствительность средняго образования въ Англіи. Его-же; 6) О единой школѣ въ Западной Европѣ. Проф. А. Д. Вейсмана; 7) Образованіе и положеніе народнаго учителя въ Швейцаріи. А. Н. Каменской. 8) Новая русская педагогія, ея главающіе идеи, направленія и дѣятели. П. Ф. Каптерева; 9) О вѣкото-рыхъ дурныхъ привычкахъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Д-ра В. В. Горицевскаго; 10) О школьніхъ болѣзняхъ и мѣрахъ, предупреждающихъ ихъ развитіе, Д-ра В. К. Якубовича; 11) О физическомъ воспитаніи. Д-ра Г. Явейна; 12) Физіологическая теорія воспитанія и обученія проф. Левентали. Д-ра А. С.

Виреніуса; 13) Новый способъ изслѣдованія умственныхъ способностей и его примѣненіе на учащихся проф. Эбингауза. Его-же; 14) Нравственное воспитаніе въ связи съ эволюціонной теоріей. Л. Е. Оболенскаго; 15) О воспитаніи и обученіи дѣтей идиотовъ, тупоумныхъ и отсталыхъ по Сегену. М. Н. Лебедевой; 16) Воля и воспитаніе ея. К. В. Ельницкаго; 17) Объ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ. Ст. Никольскаго; 18) Педагогические матеріалы въ сатирахъ Салтыкова. С. Ашевскаго; 19) Новое поприще для дѣятельности русской интеллигентной женщины. А. М. Калмыковой; 20) Школьные нормы В. П. Вахтерова; 21) Объ идеалахъ церковной и свѣтской школы Кл. Тихомирова; 22) Начальная школа и профессиональные знанія. Д. Д. Лобанова; 23) Къ двадцатипятилѣтію «Положенія» о городскихъ училищахъ. Высочайше утвержденіе 31-го мая 1872 года. Н. З.; 24) Постановленія по народному образованію земскихъ собраний 1896. И. П. Бѣлоконскаго; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи. А. П. Раменскаго; 26) О наглядноязыковомъ методѣ обученія грамотѣ. Н. Страхова; 27) Способы и пріемы обучения правописанію. В. Г. Зимницкаго; 28) Методические пріемы веденія письменныхъ работъ по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. К. Н. Шульгина; 29) О современной постановкѣ преподаванія чистописанія въ нашихъ школахъ и о мѣрахъ къ ея улучшенію. И. Е. Евсѣева; 30) Замѣтки о чтеніи художественныхъ произведений въ народной школѣ. А. Максимова; 31) О значеніи черченія при прохожденіи курса геометріи. Н. Гебеля; 33) Замѣтки о методахъ преподаванія специальныхъ предметовъ въ среднихъ сельскохозяйственныхъ школахъ. П. Строева.

.. Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кроме отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народного образованія въ Зап. Европѣ, хроника народного образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессионального образованія В. В. Барютовича и пр.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печат. листовъ каждая. Подписанная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р. 50 к.; для иностранныхъ съ пересылкою—семь руб.; за границу—девять руб. Сельские учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкой въ одинъ рубль. Земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени» и Карбасникова.

За предыдущіе годы (кромѣ 1890 г.) имѣется еще небольшое чи-
сло экз. по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

2—3

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

подписанная цѣна
со всѣми
приложеніями:
съ пересылкою
на годъ

4 РУБ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

подписанная цѣна
со всѣми приложеніями
съ пересылкою
на три мѣсяца . . .
ГЛАВНАЯ КОНТОРА
СПБ., Невскій, 28. **1** Р.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА.

Самостоятельный въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго из-
вращенія фактовъ и безусловно независимый органъ печати. Ярко освѣщающая
всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сѣть корреспондентовъ,
эта газета, при всей своей твердости и неуклонности, справедливая и
безпредубежденная, — уже много лѣтъ является, несомнѣнно, наиболѣе полнымъ

выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности руководящихъ статей, еже-
дневныхъ бесѣдъ, политической, столичной и провинциальной общественной
жизни, фельетона, телеграммъ, новостей и отголосковъ, корреспонденцій,
мира изящныхъ искусствъ и пр., — по своей полнотѣ и свѣжестѣ отвѣчаютъ
совершенно подобными же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ.

БОЛЬШЕ 50,000 ПОДПИСЧИКОВЪ.

Въ ней принимаетъ участіе цѣлый рядъ извѣстившихъ русскихъ
писателей, произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу
ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

НА СОБЫТИЯ ДНЯ

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни
помѣщаются не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ,

но и въ самой газетѣ, по мѣрѣ надобности, нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

Литературная часть воскресныхъ номеровъ печатается съ иллюстраціями на событія дня, на бѣлой глазированной бумагѣ размѣромъ въ 8—12 страницъ (сверхъ газетнаго листа), какъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ наступающемъ году въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» будутъ напечатаны. «ОСНОВЫ», романъ въ 6 частяхъ Независимаго. И. Ясинскаго. «ИДУ НА ВАСЪ!» романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко. «Записки товарища прокурора», Боровиковскаго. «Цѣль жизни», романъ П. Н. Краснова. «Раба», разсказъ Авиловой. Необыкновенная история «обыкновенныхъ людей», Н. Пружанскаго, и др.

Подписная цѣна на второе изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи: на годъ 4 руб. на полгода 2 р.

на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь мѣсяцъ 35 коп.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій, 26.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

НА 1898 ГОДЪ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный исторический журналъ „РУССКАЯ СТАРИНА“, вступая въ 1898 году въ двадцать девятый годъ своего существованія остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русские исторические материалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто исторического материала, на страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной нынѣ эпохи.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по истории русской литературы и искусства; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи

фін, замѣтки и дневники; 8) Исторические разсказы и преданія; 9) Челобитные и разные документы, рисующіе бытъ русского общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помещаться портреты выдающихся русскихъ деятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1897 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарского, которые были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваются 1. р.

Войсковые части могутъ выписывать „РУССКУЮ СТАРИНУ“ чрезъ редакцію „Досугъ и Дѣло“.

3—8

ЗАПИСКИ

ІМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(Адресъ Редакціи: Харьковъ, Университетъ).

ВЫХОДЯТЬ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

(1-го Января, 1-го Мая и 1-го Ноября).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Часть *официальная*: извлечения изъ протоколовъ Съвѣта, а также и другія официальные акты и документы.

2) Часть *неофициальная*: а) научный отдѣль (ученые изслѣдованія, сообщенія и наблюденія, публичныя чтенія, отчеты объ ученыхъ командировкахъ и т. п.); б) критика и библиографія; в) Харьковская университетская лѣтопись (статьи и материалы по истории Харьковского Университета, біографіи и некрологи профессоровъ и почетныхъ членовъ Университета, отчеты о диспутахъ и пр.); г) приложения, заключающія въ себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: *диссертации, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.*

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковского Университета 2 руб.

ВЪ ГОДЪ.

Редакторъ *Д. Овсяніко-Куликовскій.*

3—3

Открыта подписка на 1898 годъ.

30-й г. изд. ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Въ настоящее время „Всемірна Иллюстрація“ занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ изданій Европы.

ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

даетъ въ годъ болѣе тысячи художественно выполненныхъ рисунковъ и болѣе трехъ тысячъ столбцовъ разнообразнѣйшаго текста.

ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

заручилась участіемъ извѣстныхъ писателей и художниковъ.

Годовая книга въ С.-Петербургѣ, безъ дост. 15 р.

” ” ” съ дост. 17 ”

” съ перес. во всѣ города имперіи 18 ”

Допускается разсрочка:

при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября оставлѣнны 5 руб.

Подробное объявление и каталогъ всѣхъ изданій фирмы книгоиздательства Германъ Гоппе высыпаются по требованію бесплатно.

Превзошедшій всакія ожиданія успѣхъ экстренныхъ приложенийъ ко „Всемірной Иллюстраціи“ прошлыхъ лѣтъ—Стихотвореній Больцова, „Книги юсент“ Гейне, „Шѣсенъ“ Беранже, Сочиненій графа Л. Н. Толстого и „Наташа Мурдреца“ Лессинга— побуждаетъ ее предложить подписчикамъ на будущій—1898—г. два подарка, какъ бы въ pendant къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ. „Всемірная Иллюстрація“ дастъ двѣ огдѣльныя книги двухъ корифеевъ всемірной и русской литературы:

„ФАУСТЬ“,

трагедія И. В. Гёте съ многочисленными иллюстраціями первоклассныхъ германскихъ художниковъ въ стихотворномъ, одобренномъ и исправленномъ самимъ Пушкинымъ, переводѣ Э. И. Губера

и

ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

съ великолѣпными иллюстраціями выдающихся русскихъ художниковъ.

Въ это изданіе войдетъ около десяти крупныхъ произведеній Лермонтова. Такая прехія должна много говорить сердцу русскаго человѣка, который готовъ перечитывать перлы поэзіи Лермонтова.

Кромѣ того „Всемірная Иллюстрація“ даетъ

ОТДѢЛЪНІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНИЯ

со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненій.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: С.-Петербургъ, Садовая 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 г. на

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТИНКЪ“,

журналъ литературно-научный и политический.

Въ первыхъ книжкахъ «Съв. В.» 1898 г. будуть напечатаны повѣсти В. Мікуличъ, В. Немировича-Данченко, О. Шапиръ; „Современная Наука“ Карпентера, съ введениеиемъ гр. Л. Н. Толстого, „О Губернаторахъ“ прив.-доц. В. Госсена, „Проектъ Уголовнаго Уложения“ проф. И. Фойницкаго, „Мицкевичъ и Русское Общество“, В. Чуйко, „Рабочее Законодательство въ Зап. Европѣ“ Н. Райхесберга и мн. др.; въ приложении къ журналу будеть данъ переводъ книги проф. Штаммлера: „Хозяйство, и право съ точки зренія материалистического пониманія исторіи“.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

П. Арефьевъ, К. Бальмонтъ, проф. Ф. Батюшковъ, И. Боборинъ, П. Вейнбергъ, А. Волынскій, Н. Геренштейнъ, прив.-доц. В. Гессель, И. Гиѣдичъ, М. Горькій, Н. Дружининъ, А. Каменскій, Н. Карабчевскій, В. Каревинъ, проф. А. Кирничниковъ, А. Кончаловъ, Б. Корженевскій, Котъ-Мурлыка, М. Лохвицкая, К. Льдовъ, Е. Лѣткова, В. Мікуличъ, Н. Минскій, Вас. Немировичъ-Данченко, Вл. Немировичъ-Данченко, Ф. Нефедовъ, проф. Д. Овсяніко-Куликовскій, проф. И. Оршанскій, М. Петровъ, А. Рейнгольдъ, Л. Саломѣ, проф. В. Сергѣевичъ, С. Смирнова, В. Спасовичъ, А. Субботинъ, П. Тверской, гр. Л. Н. Толсто й, проф. А. Трачевскій, М. Чайковскій, В. Чуйко, О. Чумина, О. Шапиръ, В. Шенрокъ, А. Шеллеръ, проф. Л. Шенемановичъ, В. Ширковъ, проф. Е. Шимурло, проф. И. Фойницкій, Б. Фофановъ, проф. Н. Холодовскій, И. Ясинскій, А. Эртель и мн. др.

Въ 1897 г. въ „Съв. В.“ напечатаны беллетристические произведения гг. Ш. Гиѣдича, М. Горькаго, Кота-Мурлыки, Вл. Немировича-Данченко, С. Смирновой, В. Шаркова, И. Ясинскаго и др., статьи гг. Н. Дружинина, Н. Карабчевскаго, проф. А. Кирничникова, проф. Д. Овсяніко-Куликовскаго, проф. И. Оршанскаго, проф. В. Сергѣевича, проф. А. Трачевскаго, М. Чайковскаго, Б. Чуйко, проф. Л. Шенемановича, проф. Е. Шимурло и мн. др.

**Начиная съ майской книги, „Съверный Вѣстникъ“ издается
БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.**

Съ облегченiemъ условія издания, въ виду снятія съ журнала предварительной цензуры, редакція „Сѣверного Вѣстника“ желаетъ расширить провинциальный отдалъ и просить лицъ, имѣющихъ къ тому возможность, доставлять материалы, пригодные для обработки въ областномъ отдѣлѣ, а также самостоятельные замѣтки и корреспонденціи касательно явлений мѣстной жизни, текущихъ интересовъ мѣстнаго общества, народнаго образованія, дѣятельности губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, всевозможныхъ общественныхъ начинаній и т. п.

Подписька принимается: во всѣхъ извѣстныхъ краинѣ, магаз. столицѣ и провинціи. Главная Контора: Спб., В. Московская, д. 11, въ Москвѣ—въ конт. Н. Печковской, Петровскій линіи.

Условія подписки:	Годъ:	На полгода:	На 3 мѣс.:	Одинъ мѣс.
Для иностранныхъ съ перес. 12 р.		6 р. — к.	3 р. — к.	1 р.
Въ Спб. съ дост. . . . 11 „		5 „ 50 „	2 „ 75 „	1 „
Для заграничныхъ . . 14 „		7 „ —	4 „ —	

Для казенныхъ и общественныхъ учреждений допускается подписка въ кредитъ (при подпискѣ въ Гл. Конторѣ); также и для частныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ—за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Пробный № высылается за 28 к. (марками). Новые подписчики получать бесплатно первыи части (напечат. въ 1897 г.) истор. ром. Генр. Сенкевича „Крестоносцы“, который продолжится печатаниемъ въ 1898 г.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКИЯ ВѢДОМОСТИ“

ВЪ 1898 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ казенными приб.

на годъ. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс. на годъ. 6 мѣс.

Съ доставкой по гор. почтѣ. 16 р.—к. 9 р.—к. 4 р. 50 к. 1 р. 80 к. 18 р.—к. 10 р.—к.

Съ пересыпкою в ногороди. 17 „—“ 10 „—“ 5 „—“ 50 „—“ 2 „—“ 19 „—“ 11 „—“

За границу . . . . . 26 „—“ 14 „—“ 8 „—“ 3 „—“ 28 „—“ 16 „—“

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныи прибавленія не поступаютъ

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Малъ-Невскій пр. № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ издатель кнзъ Э. Э. Ухтомскій.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

Восемнадцатый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОВЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшней политики и общественной жизни III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго

Края" и „Российского Телеграфного Агентства“. V. Последние известия (сообщение собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и известія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка IX. „Свѣтъ и Тѣна“ (маленький фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и известія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и известія другихъ газетъ XII. Внѣшнія известія: заграницкая жизнь, посланная почта. XIII. Фельетонъ: научный, беллетристический, стихотворный и общественной жизни. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библиографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отрывокъ. XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь. XX. Справочная съѣдѣнія: дѣла назначенные къ слушанію въ судебнѣхъ учрежденіяхъ, съѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Газета ежедневно получаетъ известія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамилии историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношенія къ текущимъ событиямъ.

Подписьная цѣна на 1898 г.:

съ пересыпкою многороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.	Р. Е.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашению съ редакціей.

Подписка и объявленія принаимаются въ ХАРЬКОВѢ въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Йозефовича, № 13.

Съ конца текущаго 1897 года „Южный Край“ будетъ печататься въ увеличенномъ размѣрѣ на новой ротационной машинѣ, заказанной въ Парижѣ, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Йозефовичъ

3 — 3

О БЪ И З Д А Н И КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТИЙ въ 1898 году.

Цѣль настоящаго издания остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія съѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ мжъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются.

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новые постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугоудамъ.
5. Программы, конспекты, и библіографические указатели для учащихся.
6. Библіографические указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянию учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для получения ученыхъ степеней, соисканія наградъ, про *venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, пропзносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собранияхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Материалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанные статьи распредѣляются на двѣ части—(21—офиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофиціальную (статьи научнаго содерѣжанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся автентичнѣй ученої литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающіемъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются материалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1893 году будуть выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ кошѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обиѣнѣ изданиемъ принимаются въ канцелярии Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платить за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.: продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписаныхъ денегъ.

Гг. многородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Киевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владимира.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

29-й годъ **издания.** **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ 1898 Г.**

„НИВА“

выходящий еженедельно, со многими бесплатными приложениями.

Гр. подписчики «Нивы» получать въ теченіе 1898 года:

52 №№ художественно-литературного журнала «НИВА», заключающего въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА,

которое является ПЕРВЫМЪ по полнотѣ содержанія, такъ какъ въ него войдутъ «Стихотворенія» Тургенева, не помещенные въ прежнихъ изданіяхъ. Полное собраніе сочиненій Тургенева будетъ приложено къ «Нивѣ» въ теченіе одного 1898 года, въ 12 томахъ, отпечатанныхъ на хорошо глазированной бумагѣ, еще болѣе четко, чѣмъ приложенія предыдущихъ лѣтъ, съ приложеніемъ автографа и портрета И. С. Тургенева, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ «Сборника Нивы», по одному тому въ началѣ каждого мѣсяца. Содержаніе отдѣльныхъ томовъ слѣдующее:

ТОМЪ I. Портретъ и факсимile И. С. Тургенева. Предисловіе. Біографія И. С. Тургенева. Записки охотника. ТОМЪ II. Отцы и дѣти. Наканунѣ. ТОМЪ III. Дымъ. Дворянское гнѣздо. ТОМЪ IV. Новь. Рудинъ. ТОМЪ V. Андрей Колосовъ. Бреттеръ. Три портрета. Жидъ. Пѣтушковъ. Дневникъ лишняго человѣка. Три встрѣчи. Муму. Постоялый дворъ. ТОМЪ VI. Два пріятеля. Затишье. Переписка. Яковъ Насыковъ. Фаустъ. Поѣзда въ Полѣсье. Ася. ТОМЪ VII. Первая любовь. Призраки. Довольно. Собака. Исторія лейтенанта Ергунова. Бригадиръ. Несчастная. Странная исторія. Степной Король Лиръ. ТОМЪ VIII. Вешнія воды. Стукъ... стукъ... стукъ! Пувинъ и Бабуринъ. Часы. Сонъ. Разсказъ отца Алексея. Отрывки изъ воспоминаній. Пѣснь торжествующей любви. ТОМЪ IX. Клара Миличъ. Стихотворенія въ прозѣ. Стихотворенія. ТОМЪ X. Вифасто предисловія. Неосторожность. Безденежье. Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Находѣникъ. Холостякъ. ТОМЪ XI. Завтракъ у предводителя. Мѣсяцъ въ деревнѣ. Провинціалка. Разговоръ на большой дорогѣ. Вечеръ въ Соррентѣ. ТОМЪ XII. Литературныя и житейскія воспоминанія. Критическія статьи и рецензіи. Некрологи, письма. Переходы. Хронологический и алфавитный указатели.

*** Соч. Тургенева могутъ быть приобрѣтены въ видѣ бесплатного приложения только въ теченіе 1898 г. и отдѣльно отъ «Нивы» не продаются.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНИЙ“
которые будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждого мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„Стѣнной календарь“ на 1898 г., печатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложеніями: Безъ доставки въ СПБ. 5 р. 50 к. Съ доставкою въ СПБ. 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) 6 р. 25 к Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 7 р. За ГРАНИЦУ 10 р.

Требованія просимъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

2—2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 годъ.

на ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Девятый годъ изданія.

Выходитъ въ Москвѣ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, 1-го числа каждого мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала въ 1898 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кроме богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореній и т. п.), приобрѣты, между прочимъ, неизданныя письма Аксакова, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. О. Кохановской, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова) и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 р. 25. За гравиду съ пересылкой 18 руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военного сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписанная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 руб. съ пересылкой.

Правительственный и общественные учреждения всѣхъ вѣдомствъ, полковые библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

Годовая подписка на журналъ принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просить адресовать исключительно въ контору журнала.

Книжнымъ магазинамъ и библіотекамъ дается уступка по 50 коп. съ каждого годового экземпляра доставленной подписки.

Н.В. Лица, подписавшіяся одновременно на журналъ *Русское Обозрѣніе* и на газету *Русское Слово* (годъ изданія четвертый) на годъ, безъ различія въ какому бы званію или сословію ни принадлежали, могутъ пользоваться значительной уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вместо 20) въ годъ. Подписка съ означенной льготой не разсчитывается и черезъ книжные магазины не принимается.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ контору журнала *Русское Обозрѣніе*: Москва, Тверской бульваръ, д. Яголковскаго.

Книги журнала за первыя семь лѣтъ съ его основанія (1890—1896 гг.) предаются въ конторѣ редакціи по 5 руб. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ сель лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Такъ какъ пересылка по почтѣ сюють слишкомъ дорого, то въ требований слѣдуетъ непремѣнно обозначать ближайшую станцію желѣзной дороги или отдѣленіе транспортной конторы, где заказчикъ желаетъ получить изданіе, причемъ стоимость пересылки по жел. дорогѣ или чрезъ транспортную контору уплачивается адресатомъ на мѣстѣ. Если же заказчикъ желаетъ получить изданіе по почтѣ, то сверхъ стоимости изданія слѣдуетъ прислать на пересылку за 19 фунтовъ («фѣ комплекта книгъ каждого года») по почтовой тарѣ (стоимость пересылки 1 фунта отъ Москвы до мѣста назначенія можно узнать въ каждой почтовой конторѣ).

2-3. Редакторъ-издатель Анатолій Александровъ.

Въ 1898 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, юля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологии, исторіи и этнографіи.

2) Специальные изыскания и статьи по археологии, истории и этнографии Восточной России (Поволжья, Средней Азии и Сибири);

3) Материалы археологические, исторические и этнографические, относящиеся к Восточной России: мелкая оригинальная сообщения, акты, произведения народного творчества, словаря инородческих языков и местных русских говоровъ, извлечения изъ периодическихъ изданий Восточной России;

4) Хроника: изыскания о музеяхъ Восточной России, о находкахъ, раскопкахъ, съ экспедицияхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологии, истории и этнографии Восточной России; отдельные вопросы редакціи;

6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей местныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданий, имѣющихъ отношеніе къ археологии, истории и этнографии Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Аудіэ-Ата), Г. Ахматовъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богоординскій, проф. Е. Ф. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсалы), В. Н. Витевскій, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ, М. Е. Евсеевьевъ, И. А. Износовъ, Н. Ф. Катановъ, С. И. Келюевъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, М. Н. Мартыновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Смолен.), Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ф. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штуkenбергъ, И. Н. Юрикъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайского мира. Для послѣднего осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Будапештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финской, венгерской и скандинавской литературы.

Цѣна годовому изданію 5 р., каждая книжка отдельно по 1 руб. Желающие могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюня.

Действительные члены Общества, внесшие членскій взносъ въ размерѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписные суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологии, Истории и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписзывающіе отдельные выпуски отъ Общества за пересылку не платить.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.
 на издающія БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ
 ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

,ВОСХОДЪ“.

И Газету „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“.

18-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Въ ближайшихъ книгахъ «Восхода», между прочимъ, будетъ помещено:

Къ исторіи еврейскихъ сектъ. (Новая серія). А. Я. Гаркави.—Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Исторические очерки талмудизма. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Изъ моихъ воспоминаній. (Новая серія). М. Г. Моргулиса.—Докторъ Санхецт, лейбъ-медикъ Императрицы Елизаветы Петровны. Д-ра С. О. Груzenберга—О семидесяти толковникахъ современного иудаизма. М. Г. Моргулиса.—Объ этнографическихъ изслѣдованияхъ въ чертѣ еврейской обѣдости. Л. М. Брамсона.—Изъ исторіи евреевъ въ Россіи. П. Марика.—По поводу базельского конгресса. М. Г. Моргулиса.—Литература эпохи Маккавеевъ. Ос. Гольцмана.—Литературно-исторические очерки. И. Рабби Менаше изъ Ильи. |II. Къ семидесятиѣтію соч. «Теуда Бенсрэль» И. Б. Левинзона. Ш. Литература безвременья. С. М. Гинзбурга.—Еврейская и антиеврейская депутатіи передъ лицомъ римскихъ Императоровъ. Исторический очеркъ. С. Меклера.—Римъ въ талмудѣ и мидрашѣ. Г. Г.—Заіорданье. Е. Я. Хисина.—Эсфирь Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ. О. Н. Чуминой (Михайловой).—Темные люди. Повѣсть. Д-ра Г. А. Гельмана.—«Жидъ» (Sale Juif). Романъ Луи Доливо. Шер. съ французскаго. С. Ф.—Карлсбадская идилія. Очеркъ С. О. Ярошевскаго.—Турецкій мессія Историческая новелла И. Зангвилля. Съ англійскаго Цер. С. Л. Федоровичъ.—Фантазерь. Этюдъ Елены Бердяевой.—По этапу. Разсказъ И. И. Митрапольскаго.—Первая любовь. Разсказъ Георгія Нѣжина.—Исаакъ Коваль. Разсказъ. Н. Пружанскаго.—Пасхальная жертва. Очерки изъ жизни «черты». Г. Ванеля. Изъ путевыхъ впечатлѣній. Р. Ф. Ильиша.—Алемская школа земледѣлія и садоводства. Я. Г. Эннегера.—Изъ воспоминаній о базельскомъ Конгрессѣ. А. Е. Ландау.—Послѣдняя часть «Судейскихъ древностей» Іосифа Флавия. Переводъ съ Г. Г. Гнекеля. (Въ особомъ приложении). Кромеъ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, рассказы, очерки, а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О. Чуминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова, Х. Зингера и др.

По особому соглашению съ извѣстными художниками, академиками М. Л. Маймономъ, редакція „Восхода“ имѣть возможность предложить своимъ подписчикамъ на 1898 г. большой роскошный альбомъ

„БИБЛЕЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ“.

За три рубля вмѣсто десяти.

Альбомъ этотъ состоить изъ двѣнадцати большихъ, роскошно исполненныхъ фототипіею картинъ, изображающихъ:

1) „Агарь“ въ пустынѣ.—2) „Вирсавія“, выходящая изъ воды.—3) „Дебора“ правительница израильянъ.—4) „Лудиевъ“—съ головою Олоферна.—5) Дочь Іевеа“ (прощаніе).—6) „Миріамъ“, сестра Моисея.—7) „Рахиль“, пасущая овецъ.—8) „Руэль“—на полѣ у Вооза.—9) „Сарра“, жена Авраама.—10) „Суламита“, героиня „Пѣсни Пѣсней“.—12) „Ревекка“ у колодца.—12) „Эсейръ“, жена царя персидскаго.

Всѣ эти картины вложены въ изящную папку, тисненную золотомъ. Цѣна этому роскошному альбому

Только для подписчиковъ «Восхода» три руб.

Вообще же въ продажѣ альбомъ будетъ стоить десять руб.

Выписывающіе „Восходъ“ въ рассрочку пользуются тою-же льготой, т. е. также получаютъ такой альбомъ за три руб. вмѣсто десяти.

Цѣна на годъ журнала „Восходъ“ и газеты „Недѣльной хроники Восхода“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р. и къ 1 Июля 3 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ. Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

2—2

Редакторъ-издатель А. Е. Ландau.

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО“⁶⁶

КІЕВСКАЯ

Ежедневная, Литературная, Политическая и Художественная
ГАЗЕТА

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ

И СЪ ДВУХЪ-НEDѢЛЬНЫМИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ,

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1898 г. ПО НРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

на 1 годъ—10 руб., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 руб., на 1 м.—1 р.;
безъ доставки: на 1 годъ—8 р., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к.,
на 1 м.—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб., къ 1 Мая—3 руб. и къ 1 Июля—2 руб., а для служащихъ въ администр., судебн., обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые, десять мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ Газеты: Киевъ Прорѣзная улица, № 8-а (Музикальный пер.).

2—3

Редакторъ-Издатель M. E. Краинский.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 годъ

на большую, научно-литературную, политическую и экономическую газету

„ПРИДНІПРОВСКІЙ КРАЙ“

подъ редакціей В. В. СВЯТЛОВСКАГО.

Газета будетъ выходить въ Екатеринославѣ въ объемѣ и въ форматѣ большихъ органовъ столичной прессы. Русская провинциальная жизнь требуетъ печатного слова, и это главная причина возникновенія „Приднѣпровскаго Края“. Россіи нужна правда — и знакомство возможно широкое съ своей собственной внутренней общественной жизнью. Удовлетворенію этихъ потребностей и будетъ служить литературный органъ, который на первомъ планѣ ставить изученіе мѣстныхъ вопросовъ, а за тѣмъ и вопросовъ общерусской жизни. Задача мѣстнаго провинциального органа должна заключаться въ оказаніи всесторонней помощи обществу и администраціи въ дѣлѣ выясненія нуждъ населенія, а также въ поднягіи уровня его благосостоянія и въ указаніи мѣръ для усиленій борьбы съ отрицательными и нежелательными сторонами мѣстной жизни. Приднѣпровскій Край, ставшій въ послѣднее время центромъ могучаго развитія желѣзного и горнаго дѣла, а также цѣлаго ряда разнообразныхъ промышленныхъ предпрѣтій, нуждается въ свободномъ органѣ для правильнаго освѣщенія и пониманія этихъ важныхъ отраслей индустрии. И эту задачу беретъ на себя также новая газета. Желательно возможно широкое участіе читателя въ доставленіи газетѣ фактическаго материала. Газета соадаетъ знаніе и всякой грамотный человѣкъ можетъ вложить свою кружинку знанія на пользу общаго дѣла. всякая правдивая справка, всякая правдивая корреспонденція будетъ желаннымъ гостемъ на страницахъ „Приднѣпровскаго Края“. Личные, партійные интересы, реклама, травля всякаго рода — ни подъ какой маской не будутъ имѣть доступа въ газету.

Дальнѣйшее развитіе программы и profession de foi редакціи читатель найдеть въ первыхъ номерахъ „Приднѣпровскаго Края“.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимается участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, и между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, Л. Б. Бергенсонъ, Е. В. Святловскій, И. А. Гофштетеръ, Л. П. Никифоровъ, Скальпель (псевдон.), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Д. И. Тихомировъ, А. М. Коншинъ, И. И. Рачинскій, Л. Ю. Гольдштейнъ, С. П. Добрачевъ (Степановъ), М. Скопинъ, П. И. Ковалевскій, (ироф.), И. И. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), Д. Н. Маминъ Сибирякъ, Сарматъ (псевдон.) и мног. друг.

Съ первыхъ номеровъ начнется печатаніе романа А. Додэ „Опора Семьи“ (Le Soutien de famille).

Условія подписки	На 12 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
	руб.	к. руб.	к. руб.	к. руб.

Съ дост. въ Екатеринославѣ . . . . . 10 — 5 50 3 50 1 50

Съ пересыл. въ другіе города. 12 — 6 50 4 50 1 75

Пріемъ подписки производится во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ, а подписки и объявленій въ главной конторѣ, которая помѣщается въ Екатеринославѣ. Проспектъ, домъ Коцылова, а также въ конторѣ Торгового Дома Л. и Э. Метцля о №° въ Москвѣ, Мясницкая улица, домъ Спиридонова, и въ его отдѣленіи С.-Петербургъ, Б. Морская, № 11.

Издатель С. М. Коцыловъ.

1 — 3

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 годъ

на ежедневную политическую и литературную газету

„ВОЛЫНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ	6 р.
" " " полгода	3 р.
" " " три мѣсяца	1 р. 50 к.
" " " одинъ мѣсяцъ	— 10 к.

Подписька принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца и до конца года.

Допускается разсрочка подписной платы для служащихъ, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ съ ручательствомъ г. г. казначеевъ или управляющихъ. Подписывающіеся на газету съ разсрочкой, уплачиваются при первомъ взносѣ еще 50 к.

ПОРЯДОКЪ РАЗСРОЧКИ:

при подпискѣ 2 руб. 50 коп., къ 1-му мая 2 руб. и къ 1-му сентября 2 рубля.

Лица, подписавшіяся въ первыхъ числахъ декабря, получаютъ газету въ теченіи мѣсяца бесплатно. Подписька принимается въ г. Житомирѣ и въ отдѣленіяхъ главной конторы.

Издатель А. М. Когенъ

Редакторъ Е. А. Фидлеръ

1 — 3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНИЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе Чтений состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопределенные сроки. Въ Чтенияхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и материалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древнерусской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволять обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергею Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воз-дваженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Н. Карбасникова (Моковая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

1 — 2

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ”.

А.

А. Е. Оповідання. Київъ 1896 г., стр. 1—33. Цѣна 8 к.

Андріевский А. А. Комиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевский А. Изъ жизни Киева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Київъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевский А. Войтовство Ивана Сичевского въ Києвѣ. 1754—1766 года. Київъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевский А. Русские конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Київъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевский А. Реляція Київского генераль-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Київъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевский А. Послѣдніе киенскіе сотовики. Київъ 1896 г., стр. 1—40. Цѣна 50 коп.

Андріевский А. Василій Андреевич Жуковский. Издание киенской комиссии народныхъ чтений. Київъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевский А. Первый русский книгоиздатель. Издание киенской комиссии народныхъ чтений. Київъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевский А. Крымъ и Крымскіе татары. Издание киенской комиссии народныхъ чтений. Київъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческая пѣсни малорусского народа. Томъ первый. Київъ 1874 г. I—XXIV, стр. 1—336. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Київъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ истории Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта киевской губерніи. (Приложение къ XV т. „Древности“). Издание Московского Императорского Археологического Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметныхъ (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографія по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Київъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Київъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Антоновичъ В. Описание монетъ и медалей, хранящихся въ нумизматическомъ музѣѣ Университета Св. Владимира. Выпукъ I. Монеты древнаго міра. Київъ 1896 г., стр. 1—238. Цѣна 1 р. 20 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Черниговѣ 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалтий Д. И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Київъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинъонъ Ганина Молотника (Бытовой разсказъ), Київъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадский С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребиковичъ, подскарбій земський, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Київъ 1888 г. стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Бібліографіческий указатель „Киевской Старинѣ“ за первое десятилітіе 1882—1891 г.г.). Київъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Бігдай. Пѣсни кубанскихъ казаковъ. Выпуски: 1-ий, 2-ой, 3-ий („Пісні черноморськіи“) и 4-ый („Пісні лінійськіи“).

Для одного голоса и хора съ аккомпаниментомъ фортепиано. Цѣна выпуска 1 р.

Білаловський Н. А. Складка. Альманахъ на споминъ Владимира Степановича Александрова. Року Божого 1896-го Харків 1896 р., стр. 1—271. Цѣна 1 р. 25 к.

Білаловський. Складка. Альманахъ. Року Божого 1897. (Въ пользу общества вспомоществования для нуждающихся переселенцевъ — малороссіотъ) стр. I—VI; 1—193. Спб. 1897. (Съ 3-мъ фотографіями). Цѣна 1 р. 25 к.

Білоусенко Александръ. Ватъкинъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Бѣлашевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Бѣлашевскій Николай. Раскопки на княжей горѣ въ 1891 г. Кіевъ, стр. 1—44+2 табл., снимковъ. Цѣна 30 коп.

Бѣлашевскій Николай. Археологический съездъ въ Ригѣ. Отгискъ изъ журнала „Кіевская Старина“. Кіевъ, 1896 г., стр. 1—45. Цѣна 50 коп.

B.

Веселовский А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вирна пара да више. У Чернигови 1895 р., стр. 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірський-Будановъ М. Передвиженіе южно-русского населения въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр. 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчонь Марко. Викушъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчонь Марко. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчъ кн. Н. Г. Рѣпнину и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

G.

Гаврышъ Ол. Царивна-русаляка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 7 к.

Гаврышъ Ол. Оповиданія. (Щастя, навики, кохання, образъ смерти). Кіевъ, 1897, стр. 1—37. Ц. 20 к.

Гаврышъ Ол. Закохана (Поэма). Кіевъ 1893 г., стр. 1—16. Цѣна 5 к.

Гамалій И. Земля и люде въ Россіи: I. Шівничий Ледовитый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалій И. Земля и люде въ Россіи: II. Мезонійска тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалій И. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалій И. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербургъ. Кіевъ 1883 р., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалій И. Земля и люде въ Россіи: V. Білоїссія и Дніпро. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалій И. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ, 1884 г. 1—39. Цѣна 10 коп.

Гамбовъ Л. Байки (съ передмовою Б. Г.) У Чернигови 1895 р., стр. I—IV, 1—172. Цѣна: за простой бумагѣ 15 к., за лучшей 25 к., па зеленевой 40 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные союзни Руси при Владиміре Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Горденко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Примода у повидь. 3) Петро Мирониченко. Оповидання. У Чернигови, 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борисъ. (В. Чайченко). Байки У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографические материалы, собранные въ Черниговской и соседніихъ съ нею губерніяхъ. Выпукли 1. Рассказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Тоже; выпускъ 2. — Черниговъ, 1897 г., стр. 1—390. Цѣна 2 руб.

Гринченко Б. Неймовирный, або чоловикъ та жинка безъ вири не спилка. Драма на пять дій. У Чернигови 1896 г., стр. 1—72. Цѣна 10 к., на лучшей бумагѣ 15 к.

Гринченко Б. Покинута у лиси дивчина. Казка. Одесса 1896 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Гринченко Б. Дочки. Хліборобъ. Перший ковалъ. Видавъ Ст. Ів. Эрастовъ. (Въ Черноморії). Ростовъ на-Дону 1897 г., стр. 1—16. Цѣна 3 коп.

Гринченко Б. Хатка въ Балци и пр. Оповиданія. У Чернігові 1897 р., стр. 1—233. Цѣна: на простой бумагѣ 85 коп.; на душкей—75 коп.

Гулакъ - Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Днівникъ, генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Іздание підъ редакцією А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 года). Кіевъ 1898 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы) Кіевъ 1895 г., стр. I—III+1—342. Цѣна 2 р.

То же. Часть 3 я. (1730—1734 гг.) Кіевъ, 1897 г. Стр. I—479; Цѣна 1 р. 50 коп.

Дніпровська Чайна. Хрестоносъ. Оповиданія. У Київи 1896 р., стр. 1—32. Цѣна 5 к.

Думы кобзарські. Видано підъ поглядомъ Б. Гринченка. У Чернігові 1897 р. Стр. 1—106. Цѣна: на лужайкѣ бумагѣ 15 к., на обыкновеній 5 к.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной України. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Вѣдомствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическая замѣтки о старинѣ и материалахъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жыви струны. Збирникъ писень. У Чернігові 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

Житецкій П. Очерки литературной исторіи малорусского нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. іп 8⁰. Ц. 75 к.

Житецкій П. Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ іп 4⁰. Съ 4-мя снимками. Цѣна 50 к.

Житецкій П. Теорія сочиненія съ християнствомъ. Одобрено Министерствомъ Народного Просвѣщенія, какъ учебное руководство для среднихъ учебныхъ заведений. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара оповідання. С.-Петербургъ 1862, стр. 1—15. Цѣна 3 к.

Загирня М. Підъ землею. Оповиданія про шахты. У Чернігові. 1897 г Стр. 1—108. Цѣна 12 коп.

Загирня М. Добра порада. Оповиданія. У Чернігові 1896 г., стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Загирня М. Якъ выгадано машинною йиздити. У Чернігові 1897 р. стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Загирня М. Орлеанська дивчина Жанна д'Аркъ. У Чернігові 1897 р. Стр. 1—47. Цѣна 6 коп.

И.

Івановъ А. Розмова про земні сили. Переявлена на українську мову М. Комаровъ. Книжка друга (з малюнками). Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

Імшенецький В. Видъ чого заводатця пошити або лыхи хвороби и якъ ихъ стерегтися. С.-Петербургъ 1696 г., стр. 1—29. Цѣна 10 к.

Іродиччукъ. Сира кобыла. Одесса, 1897. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

К.

Казочки. Кіевъ 1896 г., стр. 1—76. Цѣна 10 к.

Казюча и Нулишъ Панно. Два казки. (Шиворинка и цыганъ). Кіевъ, 1890. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправления Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старинѣ и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14. Цѣна 25 к.

Кернеренко Грицко. Въ досужій часъ. Лірика поэзія. Харьковъ 1896 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Кернеренко Грицко. Невелъчкій збирникъ творивъ. Харьковъ 1890 г., стр. 1—49. Цѣна 25 к.

Кистянікій о. Федоръ. Воспомінанія его. (Брошюра оттискъ) Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кіевъ и его предметы: Шулявка съ Протасовъмъ яромъ. Байкова гора съ Саперною слабодкою по переписи 2 марта 1874 года, произведенной Юго-западнымъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Кіевъ, 1875 г. стр. 1—III, 1—401. Цѣна 1 р.

Новакенко Грицко. Видъ чого вмерла Меласі? Оповиданія про обкладъ. У Чернігові 1897 р.; стр. 1—40; Цѣна 5 коп.

Новоленко Грицько. Пощесна хвороба чума на людяхъ. У Чернігови, 1897 р. стр. 1—20. Ціна 3 коп.

Новоленко Грицько. Правдиве слово та інши оповідання. У Чернігови 1896 р., стр. 1—40. Ціна 6 коп.

Конисский О. Дядь Евменъ. Сломянки бабы Улкны Красючки. У Чернігови, 1894 г Стр. 1—24. Ціна 5 коп.

Конисский Ол. Я. У тисної баби. У Києві 1896 р., стр. 1—32. Ціна 5 к.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсѧ. Казка. Київ 1895 г., стр. 1—39. Ціна 7 к.

Кононенко М. С. Княгиня - кобзарь. (Баллада). Київ 1893 г., стр. 1—35. Ціна 15 к.

И. П. Котляревский. Москаль Чаривникъ. Малоросс. водевиль въ 1 дѣйствіи. Київъ, 1886 г. Стр. 1—64. Ціна 15 коп.

Коцбубинський. Михайло. Съятъзылотинъкъ. Оповідання. У Чернігови. 1893 г., стр. 1—18. Ціна 3 к.

Коцбубинський М. 1) Харитя 2) Ялинка 3) Манечкій грицинькъ. Оповідання. У Чернігови 1895 г., стр. 1—36. Ціна 5 к.

Кримський А. Черезъ що люде бідніють та що имъ треба робити. Шорады Грыцька Квитки. Москва 1896 г., стр. 1—36. Ціна 15 к.

Кримський А. Хто жъ виненъ? Оповіданне. Писано моюю київськими міщанъ. Видав Ст. Ів. Эрасговъ. Екатеринодаръ. Стр. 1—32. Ціна 5 коп.

Кримчакъ. Оповідання та виши: Артемовського - Гудава, Бильловського, Боровиковського і др. Зибравъ. Б. Г. У Чернігови 1897 р., стр. 1—48. Ціна 7 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Ціна 5 к.

Кулишъ. Ориє, — ідилія. Київъ, 1890 г. Стр. 1—16. Ціна 5 коп.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основиленко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчанихъ повістей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Ціна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Ціна 2 р. 50 к.

Кулчанко. Г. Нѣкоторыя историко-географические свѣдѣнія о Буковинѣ. Київъ, 1876 г., стр. 1—83. Ціна 40 коп.

II.

Лазаревскій А. Описаніе старой Мароссіи. Матеріали для исторіи заселенія, землевладѣнія и управліенія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Київъ 1889 г. стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Ціна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Київъ 1893 г., стр. I—I+1—52+I—XXXV. Ціна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Алекс. Степ. (некрологъ) Київъ, 1889 г. Стр. 1—12 портретъ. Ціна 15 коп.

Левицій Иванъ. Витрогонъ. Київъ, 1891 г. Стр. 1—16. Ціна 5 коп.

Левицій Иванъ. Голодному й опеньки мисо. Мишанска комедія - водевиль на 2 дії. Видання друге. Київъ, стр. 1—40. Ціна 15 коп.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волинского дворянства въ XVI вѣкѣ. Київъ 1888 г., стр. 1—69. Ціна 40 к.

Левицкій Иванъ. На Кожумякахъ. Мишанска комедія на 5 дій. Друге виправлене видання. Київъ 1887 г., стр. 1—108. Ціна 25 к.

Левицкій Иванъ. Дви московки. Повість. Друге видання. Київъ 1887 г., стр. 1—84. Ціна 25 к.

Левицкій Иванъ. Баба Шараска та баба Палажка. Частина I. Неможна баби Шараски вдержатись на сели. Четверте видання зъ додатками. Київъ 1887 г., стр. 1—39. Ціна 10 к.

Левицкій Иванъ. Чортяча спокуса Оповідання. Друге видання. Київъ 1887 г., стр. 1—52. Ціна 12 к.

Левицкій Иванъ. Маруся Богуславка. Оперетта на 4 дії. Друге видання. Київъ 1887 г., стр. 1—79. Ціна 20 к.

Левицкій Иванъ. Кайдашева симъя. Повість. Київъ 1887 г., стр. 1—211. Ціна 50 к.

Левицкій Иванъ. Не той ставъ. Повість. Київъ 1896 г., стр. 1—206. Ціна 50 коп.

Леонідъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга.“ По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св.“ Київъ 1889 г., стр. 1—8. Ціна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирникъ тацків та веснянок. Київъ 1875 р., стр. 1—10. Ціна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто таїкъ хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Ціна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторії торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Ціна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франції до революції и продажѣ національныхъ

имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за-
границу). Киевъ 1894 г., стр. 1—42.
Цѣна 50 к.

Лучицкій И. В. Крестьянская нозе-
мельная собственность во Франціи и
продажа национальныхъ имуществъ. Киевъ
1896 г., стр. 1—65 Цѣна 75 к.

М.

Мельникъ И. Каталогъ коллекціи
древностей А. Н. Поль въ Екатери-
нославѣ. Выпукъ I. Киевъ 1893 г., стр.
1—219+Географический указатель (стр.
1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна
3 р. 50 к.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Юж-
ной Руси. Выпукъ II (первая половина
XVII ст.) Переводъ К. Мельникъ (Подъ
редакцію В. Антоновича). Киевъ 1896 г.,
стр. 1—327. Цѣна 3 р.

Милорадовичъ В. Къ вопросу объ
источникахъ „Віл“. (Брошюра-оттискъ).
стр. 1—4. Цѣна 5 к.

Милорадовичъ В. Сказки о жабахъ.
(Брошюра оттискъ), стр. 1—4 Цѣна 5 к.

Мырный Панасъ. Переумудривъ. Комедія
для п'яти справахъ. Киевъ 1886 г.,
стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ И. Къ южно-русской діа-
лектології (А. И. Соболевскій. „Очеркъ
русской діаlectологии“ III. Малорусское
народное.“) (Брошюра-оттискъ), Киевъ
1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Михальчукъ М. Статистика въ об-
ласти діаlectології (А. А. Дикаревъ. Воро-
нежский этнографический сборникъ. Воро-
нежъ 1891 г.) Брошюра - оттискъ)
Кievъ 1893 г., стр. 1—20 Цѣна 10 к.

Михальчукъ К. Филологическое не-
доразумініе (О формѣ им. п. мн. ч.
именъ прилагательныхъ въ малорусскомъ
яз. на —ое и т. п.). (Брошюра-оттискъ).
Кievъ 1896 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Мищенко Ф. Г. П. Галаганъ (некро-
логъ). Kievъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна
20 к.

Мордовець Данило. Саллятка. Опо-
відання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—
26 Цѣна. 5 к.

М. Щ. Дѣтскій здѣмъ до вкушениія
отъ древа познанія добра и зла. (Ізъ
дѣтскаго міра деревенского мальчика).
(Брошюра-оттискъ). Kievъ 1895 г., стр.
1—107. Цѣна 75 коп.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ
1767 года и акты о выборахъ депутата-

товъ въ коміссію сочиненія Уложенія.
Кievъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX.
Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ
Кистиківскій (Біографіческий очеркъ съ
отрывкомъ изъ рукописной автобіографії
его) Киевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ.
Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ,
какъ предметъ гімназического курса.
(Рѣчъ, читаная на торжественномъ актѣ
Кievской 2-й Гімназіи). Kievъ 1881 г.,
стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа
преподаванія русскаго языка въ низшихъ
классахъ гімназіи. Kievъ 1894 г., стр.
1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣ-
вичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра-
оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В. Къ литературѣ рожде-
ственскихъ и настальниыхъ виршъ. Бро-
шюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ
особенностей малорусской рѣчи. Kievъ
1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятіїю со
дня смерти Ивана Петровича Котлярев-
скаго. Kievъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна
20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со
дня кончины Григорія Федоровича Квит-
ки - Основыненка: 1) Біографіческий
очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій
писатель, передъ судомъ критики. Съ
портретомъ. Kievъ 1893 г., стр. 1—59
Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ф. Новый источникъ о
козацкомъ восстаніи 1625 г. и мѣсто
заключенія Куруковскаго договора. (Бро-
шюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ф. Отголосокъ лиричес-
каго языка. (Брошюра-оттискъ), стр.
1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, при
слівія и таке інше. Збірники О. В. Мар-
ковича и другихъ. С.-Петербургъ 1865 г.
стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна
2 р.

Н. О. Бунтъ Сквицкаго магістрата.
Kievъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

Ныва. Український літературний
збірникъ 1885 року. Одесса 1886 г., стр.
1—207. Цѣна 1 р.

О.

· Оповидання про давнія: 1) Максимъ
Гримачъ: 2) Въ осені лиго. 3) Старий
Донда. 4) Проскурка. Kievъ 1896 г.,
стр. 1—40. Цѣна 5 к.

Оповидання. Дзвонарь. Сужена. Наді
у Киви 1897 р., стр. 1—42. Цѣна 5 к.

Основ'яненко Гр. Перекопи поле. Повість. Харківъ, 1894. Стр. 1—47. Цѣна 3 коп.

П.

Петровъ Н. Къ исторії колонізації Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Пилинскій Д. Пригоды (Малюнки зъ життя). Москва 1896 г., стр. 1—61. Цѣна 15 к.

Писни Лирника. Написарь въ Полтавѣ въ 1897-мъ року Кость Лирникъ С.-Петербургъ, 1892, стр. 1—154. Цѣна

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображеніи Св. Равноапостольный князь Владимиръ въ Св. книгіи Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинными изображеніями? Киевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

П. Л. О началѣ христіанства въ Киевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при Св. Владимирѣ. Киевъ 1888 г., стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Программа Юго-западного Огдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества для собиранія свѣдѣній по Этнографії. Стр 1—104. Цѣна 10 коп

Программа Юго-западного Огдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества для собиранія свѣдѣній по Географії, стр. 1—14. Цѣна 2 коп

Про карти, до якихъ присуждаются мирови судді. Киевъ 1856 г., стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Киевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Пчилка Олена. Українськімъ дітямъ. Пять перекладівъ - віршівъ. Київъ 1882 р., стр. 1—46. Цѣна 20 к.

Пчилка Олена. Думки - мережанки Волинь 1885 р., стр 1—97. Цѣна 50 к.

Пчилка Олена. Переїклады зъ Н. Гоголя (Два розмaitыхъ зразки). Київъ 1881 г., стр. 1—33, 1—39, 1—63. Цѣна 35 к.

Пчилка Олена. «Весняною ночи».
Перекладъ оповідання Н. Гоголя. Київъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 25 к.

Пчилка Олена. Сужена - не огужена. Жартъ въ 1 дні. Київъ 1881 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Р.

Р-а П. З. Казка про перлове наимисто. Розумний писарь. У Чернігови 1896 р., стр. 1—24. Цѣна 4 коп.

Р-а П. З. 1) Чорноморець у неволі. 2) Якъ чоловікъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповідання. У Чернігови 1895 р., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Р. Л. И. Порча українскихъ народныхъ птесень. Київъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черстивий пирожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Київъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Івашко. Київъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Мати Божа бѣ гриха одвела. Правдиве оповідання. Київъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 10 к.

Романова Одарка Писни, Думки, легенди. Київъ 1896 г., стр. 1—56. Цѣна 15 коп.

Романович-Славатинскій А. Воспомінання объ архівѣ Государственного Союза. Київъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя птесни. Київъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы ногъ. Цѣна 1 р. 30 к.

Русовъ А. Матеріали для опѣнки земельныхъ угодій, собраніе Черніговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернській земській управѣ. Т. XV. Кропивенскій уѣздъ. Рецензія (Брошюра-оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

Русовъ А. А. Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII ввковъ и некоторые данные о Днѣпрѣ въ атласа конца прошлаго столітія. Київъ, 1876 г., стр. 1—150 карты. Цѣна 60 коп.

Рябошап-а П. Т. Розбита бандура. Київъ 1893 г., стр. 1—193. Цѣна 75 коп.

С.

Самійленко Володимерь. Зъ его поезій. Частина перша. Київъ, 1890, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

Слово о Цовку Игоревнъ. Перетлумачивъ на югочасну наську мову К. В. Шейковскій. Елабуга, 1885 г., стр. 1—35. Цѣна 50 коп.

Старницій. М. І. Богданъ Хмельницкій. Исторична драма въ V діяхъ, въ 6-ти одинахъ, зъ апофеозомъ. Київъ, 1897 р., 1—138. Цѣна 75 к.

Степовыкі О. Оповідання про комахъ. Яка одь іхъ користь, або шкода въ господарстві. (Зъ 45 малюнками). Київъ, 1892 р. Стр. 1—250. Цѣна 30 коп.

Степка Херсонський беллетристичній збирникъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н. Къ исторії русскаго просвѣщенія XVII ввка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Київъ 1888 г., стр 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Леонардъ Севинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29. Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса. Закоханий чортъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дастъ, то я въ вікно подастъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Стороженко Марко. Проиллятій. Пoэма на малоросс. языцѣ изъ преданій и пoвѣрій Запорожской старини (съ портретомъ автора). Спб., издание Суворина. Дешевая библіотека № 314. Стр. 1—144. Цѣна 15 коп.

Страшні забавы. Оповідання про римський циркъ. Видано підъ поглядомъ Б. Гриненка. У Чернігови 1897 р. стр. 1—23. Цѣна 3 коп.

Сумцовъ Н. Ф. Исторический очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ф. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистического изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 25 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободиль Україну отъ польской неволи. Издание четвертое коммісіи народныхъ чтений. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу педостаціонныхъ студентовъ Університета Св. Владимира. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенкo Иванъ. На Україні. Вирши, писні и пересловни. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличченко Ив. Протестъ слободской старшини и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Тобилевичъ Иванъ (Каренкo-Карий). Драмы и Комедіи. т. I. Одесса, 1897 р. стр. 1—450. Цѣна 1 р. 50.; т. II. Стр. 1—479. Цѣна 1 р. 50 коп.

Тутковский П. Юго-западный край. Популярные естественно-исторические и географические очерки. Выпускъ первый (съ 4 рисунками въ текстѣ). Кіевъ 1893 г., стр. 1—178. Цѣна 1 р.

Тоже. Выпускъ второй. Кіевъ 1895 г., стр. 1—6. Цѣна 50 к.

Тышко Ол. Май. Кіевъ 1896 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Ф.

Федиковичъ Осип. Повисти. З переднімъ словомъ про галицько-руське письменство Мих. Арагаманова. Кіевъ 1876 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р

Ч.

Чайченко В. Нелюбъ. Оповідання. Кіевъ, 1891 г. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Ніцпалъ. 2) Панько. Два оповідання. У Чернігови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповідання про те, якъ чоловікови підъ землю въ шахти пригоди трапилася. У Чернігови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповідання. Вдруге видано зъ додатками та зъ виправками. У Чернігови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Чиналенко Е. Розмова про селське хазяйство. Чвертий парть, плодозминъ и сіяна трава. Одобрено особими Комитетомъ при Министр. Нар. Просв. и Министерствомъ Землемѣдія. Оєssa 1897 р., стр. 1—32. Цѣна 6 к.

Чулай Грыцько. Оповідання. (Якъ я першанивъ виганять и др.). Кіевъ. Цѣна 10 коп.

Чулай Грыцько. Оповідання (Янця. Страшна кара). Кіевъ, 1891 р. стр. 1—45. Цѣна 10 к.

ІІІ.

Шевченко Т. Наймычка. Пoэма. Харьковъ, 1892 г. Стр. 1—31. Цѣна 2 коп.

Шейковский Н. В. Толкованіе слова „Вира“. Казанъ 1878, стр. I—14. Цѣна 25 к.

Шейковский Н. В. Толкованіе слова „Русь“ и его разновидностей Юбилейное издание. Мензелинскъ 1889 г. Стр. 1—14. Цѣна 15 коп.

Шейковский Н. В. Рецензія на словарь Чискунова. (Оттільний оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ“). Стр. 1—20. Цѣна 15 коп.

Шейковский Н. В. Опыт южно-русского словаря Том V. Т—Ю. Выпускъ 1-й. Москва 1884 г., стр. I—XIII, 1—140. Цѣна 1 р 25 к.

Шейковский Н. В. Филологическая замѣтка. Казанъ 1887 г., стр. 1—37 Цѣна 50 коп.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 1 к.

Шевченко Тарасъ. Перебеня. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Шевченко Т. Катерина. У Чернігови 1895 р., стр. 1—28 Цѣна 3 к.

Шевченко Т. Г. Кабзарь. Гайдамаки. Іяданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. Къ малорусскому темству приложенъ переводъ Н. В. Гербеля. С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—71 in folio. Цѣва 5 р. 50 коп.

Шулика Павло. Де знайшовъ, де загубивъ. Оповідання. У Черкасахъ, 1897 г. Стр. 1—30. Цѣна 5 к.

III.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра-отискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Коленищины). (Брошюра - отискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - отискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семействаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Щербина В. О Киевской Старинѣ. Два чтенія. Издание Кіевской комиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1896 г., стр. 1—56. Цѣна 15 к.

Я.

Яструбець Про звири (по Брему) Миксонали або хижя звири. І. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуринський Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владимира и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1893 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

О Т Ъ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кievской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналь, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнійшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнійшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 Г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1898.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ, 19 февраля 1898 года.

Сверхъ книгъ помѣщенныхъ въ дополненіи къ каталогу при № 2, въ книжную торговлю при «Киевской Старинѣ» (Безановская, 12) вновь поступили слѣдующія изданія:

1. Горленко В. П. Южнорусскіе очерки и портреты. Киевъ, 1898, 1—229, цѣна 1 рубль.
2. Котляревскій И. П. Собравіе сочиненій на малороссійскомъ языке: 1) Энеила 2) Наталка—Полтавка. 3) Москаль чаривныкъ. Съ портретомъ автора. Изданіе полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1897 г., 1—440, д.—35 к. (Чистая прибыль предназначается на памятникъ поэту).
3. Лисовскій А. Н. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка. Изданіе А. А. Зиновьева. Полтава, 1896, 1—48. Цѣна 25 к.
4. Ляскоронскій В. Г. Исторія Переяславской земли съ древнейшихъ временъ до половины XIII ст. (Монографія). Киевъ, 1897, I—VII, 1—486, I—XIII, + карта, цѣна 3 руб.
5. Черниговскій Н. Ф. Донецкіи сонеты. Бахмутъ, 1898, 1—30. Цѣна 10 к.
6. Черниговскій Н. Ф. Писни кохання. Харьковъ, 1895, 1—100 + I—I, цѣна 75 к.
- 7 Чорнушенко Василь. Заклати гроши. Изданіе Наголкина. Киевъ, 1894, 1—14, цѣна 5 к.
8. Щоголевъ Я. Вдресло. Лірна поэзія. Харьковъ, 1883, 1—154, I—III, in 4⁰. Д. 1 р. 30 к.

Письма Честаховского, писанныя въ 1861-мъ году о похоронахъ поэта Шевченка¹⁾.

Авторъ нижепечатаемыхъ писемъ о похоронахъ Т. Г. Шевченка—Григорій Николаевич Честаховский. Онъ, вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки, по порученію друзей поэта, провожалъ его тѣло отъ Петербурга до Канева²⁾.

Г. Н. Ч-ій происходилъ изъ *военныхъ поселянъ*, сколько помнимъ, херсонской губерніи, и въ Петербургъ сначала прїехалъ, желая учиться живописи, большая охота къ которой проявилась у него съ дѣтства. Но талантъ у Ч-аго оказался небольшой, и онъ сталъ зарабатывать насущный хлѣбъ канцелярскою службою въ Канитулѣ орденовъ. Съ переселеніемъ Шевченка въ Петербургъ въ 1857 г., въ кругъ его близкихъ знакомыхъ скоро вошелъ Г. Н. Ч-ій. Сближеніе послѣдовало сначала на задушевномъ пѣніи Ч-имъ малорусскихъ пѣсенъ, а затѣмъ горячая привязанность пѣвца къ поэту была послѣднимъ оцѣнена, и Г. Н. Ч-ій сталъ однимъ изъ частыхъ и желанныхъ посѣтителей Шевченка, когда послѣдній зажилъ своимъ хозяйствомъ въ зданіи Академіи Художествъ. Когда получено было разрѣшеніе на перевозъ праха Шевченка въ Малороссію и понадобился проводникъ, то лучше Г. Н. Честаховскаго для этого было и придумать³⁾. На него и указали бли-

¹⁾ За предоставленіе въ наше распоряженіе этихъ писемъ считаемъ долгомъ привести глубочайшую благодарность В. В. Тарновскому, собственность котораго они составляютъ.

²⁾ Г. Н. Ч-ій былъ главнымъ распорядителемъ проводовъ и похоронъ, а пишущій эти строки былъ лишь его, такъ сказать, помощникомъ.

³⁾ Указавіе покойнаго Н. М. Бѣлоозерскаго (К. Ст., 1882 г., окт., 75), что сначала предположено было поручать проводы тѣла Ш-ка художнику Мократу, кому—по нашему мнѣнію, невѣрно; по крайней мѣрѣ мы не помнимъ этого.

жайшіе друзья поэта. Можно сказать, что Ч-ій *свято* исполнилъ возложенную на него миссію. Онъ настоялъ, между прочимъ, чтобы тѣло поэта было похоронено на Чернечьей горѣ, а не въ Каневѣ.

Г. Н. Ч-ій въ послѣдніе годы своей жизни бывалъ частымъ гостемъ у В. В. Тарновскаго въ его чудесной Качановкѣ. А когда Ч-ій умеръ (въ мартѣ 1893 г.) въ Петербургѣ, то тѣло его въ томъ же году было перевезено В. В. Тимъ въ ту-же Качановку и тамъ похоронено въ паркѣ, причемъ надъ прахомъ горячаго почитателя памяти Шевченка была насыпана могила почти одинаковыхъ размѣровъ съ тою, которую покойникъ насыпалъ въ 1861 г. надъ прахомъ *Тараса*.

При какой обстановкѣ вторично похороненъ былъ поэтъ на Чернечьей горѣ, Г. Н. Ч-ій подробно рассказалъ въ своихъ письмахъ къ пославшимъ его друзьямъ поэта. Эти письма здѣсь и печатаются¹⁾.

А. Л.

I.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Українська²⁾!

Учора, въ середу, 3-го числа мая, въ четверть третѣго часу, Кобзарь нашъ дужій ставъ уже на свою ридну землю Українську³⁾, а я ставъ навколошки и тричи уклонився рид-

¹⁾ Пользуясь случаемъ, сдѣлаемъ керотенъко добавленіе къ напечатаннымъ уже свѣдѣніямъ о перевезеніи тѣла Т. Г. Шевченка изъ Петербурга въ Каневъ.—Н. М. Бѣловерскій, сообщая свѣдѣнія объ этомъ, говоритъ, между прочимъ (I. с.), что „въ Москвѣ гробъ Шевченка стоялъ за городомъ, на дворѣ какогос-то столлярна, среди кучи стружекъ“. Это невѣрно. Прямо со станціи желѣзной дороги гробъ былъ перевезенъ и поставленъ до слѣдующаго дня въ церкви *Тихона на Арбатѣ*. Это обстоятельство хорошо помнить и Н. В. Шугуровъ, тогда студентъ московскаго университета. Въ церкви тѣлу поэта кланялись О. М. Бодансій и Н. С. Тихонравовъ (хорошо его помню по хромотѣ). Другихъ посѣтителей изъ тогдашнаго московскаго ученого-литературного міра что то не помнимъ; кажется, ихъ и не было. Продѣлки тѣла при перѣѣздѣ черезъ Орелъ были особенно торжественны: впереди гроба шло духовенство съ шніемъ „Христосъ Воскресъ“, а за гробомъ слѣдовала военная музика Камчатскаго пѣхотнаго полка, игравшая малорусскѣе мотивы. Процессію замыкали гимназисты Орловской гимназіи, сопровождающие своимъ начальствомъ.

²⁾ Федоръ Ивановичъ Черненко. У него собирались на вечера петербургскіе малороссы.

³⁾ При перѣѣздѣ изъ Орловской въ Черниговскую губернію, по почтовой дорожѣ изъ Сѣвска на Глуховъ.

ній неньци України й тричи поцилувавъ іи святу землю одъ себе и одъ ридныхъ дитей іи, котри свято почитають іи, проживаючи на чужини далекій. Потимъ зайшли зъ моимъ дорогимъ спутникомъ въ шинокъ, купылы машталирамъ горилочки; винъ выпивъ пивъ чарочки, а я повну за Тарасову память, за неньку Україну и за добрую и любую нашу Громадоньку, роскинувшись по усёму свиту, котра почитає святу Україну; ззилы варену таранъ въ шинку, потимъ выйшли на дверъ, поговорили своею мовою зъ маленькими диточками Українськими, котри тутъ якъ на те случились; я давъ имъ по трь копійки серебромъ, и поганяй дальше.

Теперь я пишу вамъ изъ *Кролевця*, котрый одъ Кієва за 267 верстъ. Якъ тилки мы повернули зъ Орла на Кромы, то природа така, шо не тилко наблюдательне око, а даже саме просте мужиче побаче и скаже: „що нивже се не те, шо бачили доси.

Честаховський.

Четвергъ, 4-е мая, 1861 року.

II.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Українська!

Батько нашъ дорогій Кобзарь, орель сизокрылый уже въ Кіеві. Учора, 6-го числа, въ 7 часивъ утра мы прыйхали въ Бровари; тамъ ночувавъ студентъ Кіевскаго Університета,—до-жидавъ насъ. Мы сказали ему, шо рушимо зъ Броваривъ въ 10 часивъ утра, и винъ одправився въ Кіевъ.

Черезъ пивтора часа, ище прыйхало до насъ трь студента, тутъ мы тилко одъ нихъ узнали, шо Варфоломей¹⁾ жде насъ у Кіеві. Тутъ я роблю пропускъ,—потимъ розскажу.

Процессія началась коло пяты часивъ вечера у самому лиси, шо зъ стороны Броваривъ. На мосту одпягли коней, и студенты й громада везли на рукахъ Кобзаря ажъ до самисинької церкви Рождества, шо на Подолі²⁾). Усю дорогу казали прывітливі

¹⁾ Варф. Григ. Шевченко.

²⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 2.

слова батькови Кобзареви и поставылы его на ничъ въ церкви. У недилю въ четыри часа одслужили панаходу и понеслы Батька Дужого на рукахъ своихъ дитки щири та розумни, чтуши святую память Кобзаря свого. Якъ выйшовъ я съ церкви, та подывывсь, що діеця на двори пидъ открытымъ не бомъ, то й не знаю, браты Українци, якъ Вамъ сказать, що діялось зо мною;—хотилось бы умерты.

Домовину Кобзарську поставылы на мари и неслы на рукахъ по-надъ Дніпромъ широкимъ и по-надъ крутими горами.

Попереду йихали на коняхъ верхи два жандарми, за ними хоръ не салдатськои, а городовои музыки, грави маршъ; за нимъ хрестъ, а за хрестомъ корогва, за нею ище дви корогвы церковни, потимъ попы, за ними группа цеховыхъ городскихъ значкivъ, а потимъ красувавсь Кобзарський гробъ, накритий червоною китайкою—заслугою козацькою, а кругомъ его однаждять значкivъ городськихъ цехивъ. Процессія ростягнулась на цилисиньку верству, и видъ бувъ такій величный та добромъ пахучій, що хиба тилки у Бога е въ раю.

Оточъ вся оця процесція йшла до парохода; теперъ Батько Тарасъ незабаромъ буде уже зовсимъ у своїй господи. Его поставылы на пароходи, завтра въ 7 час. ранкомъ въ Каневъ йидемо.

Г. Честаховскій.

7 мая. 2 часа ночи.

III.

3-го іюня 1861 г. Каневъ.

Федоръ Ивановичъ!

Я ще й доси не маю одъ Васъ ніякої вистоньки, якъ Вы живете таменъки, и шо діеця на свити; я блужу соби одыновій окресть Канева по высокихъ та крутыхъ горахъ, якъ черкесынь по Кавказу. Тутъ дуже гарно, не хотивъ бы разставатись зъ мыльмъ краемъ, де колись завзвити Гайдамаки зъ свяченными гулялы та виру, та волю людську ратували. Колы та колы збираю людцівъ та насипаємо нашому дорогому Кобзареви могилу, уже висипали зъ сажень заввишки, та вздовжъ саженивъ три; мо-

гила має видъ пирамидки, а въ головахъ дубовый окрашеный хрестъ завышки два сажни. Шоробымо, поробымо сть людцамы, а потимъ знимемось та й шомандруемъ въ Пластунку пидъ Княжу Гору, де вольна горилочка; народъ пидопье—и веселенькій; а Батькови Тарасови стилко царства небесного надавали!

Я пославъ свидительство докторське про мою хвористъ;—не знаю, шо тамъ діеца въ нашому капитулѣ¹⁾). Одъ Василія Тимофіевича Новицкого не маю ще віякої висти.

Не знаю, чи Каменецкій выславъ Кобзаривъ и прочого книжного краму; якъ шо не выславъ, то будьте ласкави, нагадайте ему, шобъ высылавъ якъ мoga скорише. Я буду дожидатъ одъ Васъ письма зъ грошима и заразъ рушу въ Петербургъ. Якъ бы Вы прыслалы Хату и Букварь: тутъ дуже цёго дыва треба для народа, тутъ чинъ заводе для народа школу и дуже-дуже нуждаєця въ букваряхъ, а грошей чортъ-ма.

Поклоница одъ мене усій нашій Громади. Шо тамъ у васъ діеца? Дядькови Данылови Семеновичу (Каменецкому) и дидови Щербаку душевно кланяюсь и жду одъ ныхъ краму.

Адресъ. Київской губерніи, въ городъ Каневъ, на почтовую станцію.

Г. Честаховський.

IV.

Федоръ Ивановичъ!

Я получивъ любый листъ Вашъ якъ разъ на святу недилю и дуже давную, шо обизвалысь до мене. Отъ Даныла Семеновыча тожъ получивъ листъ и накладную, а книжокъ и патретивъ кобзаревыхъ ще не получавъ. Спасыби Вамъ укупи съ Дан. Сем., шо обизвалысь любымъ голосомъ, бо якось дуже осиротивъ я безъ нашої петербурської громадонъки, нечувши іи мовы и що тамъ діеца. Тутешни де-котри паны запрошують мене до себе, а я нейду, бо вони паны, а одъ простою люду тилько й чуешъ—

---

¹⁾ М'ясто слуги Г. Н. Честаховского.

паны та панщина переплетена батогомъ або хворостомъ, а до того ще проклита сарана дуже напала на поля коло Канева; ажъ страхъ, ажъ сумно! сказавъ бы Батько Тарасъ, якъ бы почувъ, та подивився. Оде учора 16-го тильки що вивершивъ Батькови Тарасови могилу сажени въ два заввишки, а теперъ пиду оброблять; добрий людъ дуже помигъ мени у сёму дили; зъ канивськимъ людомъ начавъ робити могилу, а кончивъ зъ пекарцями й хмілянами (помищичими крепаками),—один за 7-мъ верстъ одъ Канева, а други за 14-ть, і робили щирише, нижъ канивське мищенство. Боже мій! якъ бы мени хотилося хоть капелыночку подякувати ихъ на прощаніе—зварить имъ обидъ на вичне помынання Батька Тараса; цежъ у насъ обычай ста-рынного заповиту, і народъ нашъ дуже за его прыдержуеця. Дуже бъ гарно було, бо Батька України поховалы, а людови не далы ні шматочка хлиба въ помынокъ, тильки своя громада та попы выпили по чарочци, трошки перекусыли печеної рыбы съ хлібомъ, а потімъ Шевченки симьею зварили капусты й локшини два горшкі, тожъ все для своихъ п'ятнадцяти чоловикъ, та тімъ і закинчали. А потімъ розійхались по куточкахъ, якъ горобци по острихахъ, тильки я одинъ остався і коженъ день вештаюсь на Тарасовій горі, хоть дернину або дві выкопаю, та положу ему на широки груды, і якось легшає на серци.

Канивськимъ людови якось моторошно дивиця на мене, що я, панычъ зъ великого Ієленбурха, та надину гайдамацьки штаны й сиру свитку, та визьму заступъ въ руки й роблю Тарасови могилу не такъ, якъ бы панъ робивъ зъ заступомъ въ рукахъ, а таки такъ, якъ добрий хазяйскій сынъ, або щирый робитныкъ—або ще краще, якъ добрий панъ посередъ крепакивъ зъ палыцею або батогомъ пристає до помочи людови на панщині; та ще числя того возьму та прочитаю що небудь изъ Кобзаря, або карандашъ въ руки тай нарисую якого чоловика або-що,—те имъ въ дывовыжу і сами не прыдумаютъ і не прыберуть соби толку, шобъ то воно за чоловикъ такій. Сказати бы що воно панъ, такъ не выходить: паны жъ того не роблять, що винъ выробляє заступомъ і довбежкою.

Отъ для сихъ сырить я дуже бажавъ бы одъ усего серца зварить обидъ коло Тарасовои хатыны и помянуть съ щирымъ нашимъ людомъ его велыку да любящу душу, нехай бы вони згадували, шо колись то було, якъ прыйхавъ Батько Тарасъ зъ далекої дороги у свою господу панувати міжъ нымы. Вони вси называютъ его Батькомъ Тарасомъ, рятувавшимъ ихъ волю, а гора, на котрій поховалы—Тарасовою горою, замись прежнєго названия Чернечою. Оде моя думка; якъ вы прыймете іи своимъ серцемъ такъ, якъ и я, то чи не можно вамъ переговорить зъ громадою объ цимъ дили, може складуця карбованцівъ 15-ть, то буде вволю, бо у мене нема вже ни копійки за душою, а ти гроши 50 карбованцівъ, шо прышлете, то треба на дорогу. Я пысавъ Вамъ, шобъ прыслалы мени 50 карбованцівъ моихъ грошай изъ сохранной казны, шо ва книжку, и теперъ дожидаюсь.

Душевно кланаюсь усій Громадоньци любій и Данилови Семеновычу: Винъ дуже угадавъ, шо мое перше слово було проты кіевського панства,—теперъ мени дуже николы пысать объ цимъ. Якъ кончу Тарасову могилу, то прышлю листъ до Громадоньки, тоди все опышу, якъ шо було, а теперъ тильки скажу, шо якъ бы я не почувъ изъ Тарасовыхъ устъ пры его жизни слова, шо: „тыхе прыстаныще и спокой найдешъ коло Канева“, то Батько Тарасъ смило засанувавъ бы въ Кіеві зъ панамы, бо ни одної души живої не було, котра бъ не потягла зъ усей сily на панску сторону. Дуже добре зробивъ я, шо пойихавъ зъ Батькомъ Тарасомъ, а то прыйшлось бы весь викъ жалувати до одури. Я пославъ въ Капитулъ свідительство о болисти моїй и пысъмо Новицкому, а одъ ёго нема ни одної строки, ни одного слова; якъ бы у Васъ малось часъ времени завернути до его и роспытаця, шо и якъ вони діеця, та сказали бъ и мени. Прощайте! весь Вашъ

Г. Честаховській.

Якъ будете пысать до Пантелеїмона Александровыча, то поклониця ему щиро одъ мене.

Въ вівторовъ 13-го іюня я ишовъ до Хмільної збирати громаду до Тарасової могилы, а шляхъ иде черезъ жита и черезъ лісъ,—

рай земний тай годи! жита на четверть выше моего росту. Не
розстався бъ зъ Україною!

17-го Іюля 1861 года. Каневъ.

V.

20 Іюля. 1861 года.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Українська!

Ище сонечко на неби сяе, а наше сонечко святе—батько Тарасъ, великий свитъ Україны, уже въ останне сковалось за темну гору, видкиль уже его ясного нового свиту бильше не побачить ридна земля Українська зъ своимъ добрымъ людомъ козачимъ.

10-го мая въ симъ часивъ пополудни нашъ дорогий та лубий Кобзарь улигся на вишни вики у своїй новій темній хатыни, видкиль уже не выйде бильше подывыця на свитъ Божій, своимъ яснимъ та орлымъ козацькимъ погладомъ не окине неньку Україну, не почуе бильше его нової та голосної писни добрый людъ козачій, а та писня, шо проспивана имъ, нехай буде писнею благовисти для молодого козачого поколиння и направля къ добру, чести и корысти народної кожного чесногого Українця.

Якъ йихать одъ Києва на пароходи по Дніпру, то верстовъ добрыхъ въ четыри треба унізъ спустыця за Канивъ; тамъ надъ самисинськимъ берегомъ, на высоченній гори—Тарасъ осивъ своимъ новымъ селыщемъ посередъ самої горы. Вершина тієї горы буде вздовжъ саженивъ сто, а у поперекъ до сорока п'яти. Гора къ востоку круто опускаєця къ берегу Дніпра такъ, шо по прямому идучи не зайдешъ, а треба піднимиця на хитрощи: ступишъ разивъ пять упередъ по підъ горою, а потімъ повертай лыдемъ туды, куды бувъ потылицею, та уп'ять подаєся напередъ, та хватается за лищину, шобъ не полетить шкереберть; къ западу и юго-западу тежъ same, а къ югу и юго-востоку изъ-за цei горы встає друга гора, така жъ завбильшки, якъ и Тарасова гора, и покрита густымъ молодымъ лисомъ,—кучерява та хороша, густымъ лисомъ оквичана, верхомъ своимъ підпирає хмары и далеко, дуже далеко виднієця, якъ йидешъ одъ Києва. На цiй

МОГИЛА Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

гори я хотивъ поховать Тараса;—Вареоломей перехитрывъ мене, сказавъ, что то помищича земля; я тилько поплямкавъ, та ничего робить. Якъ начавъ насыпать Тарасови могилу и писля трудивъ повивъ людей въ Пластунку, на вольную горилочку, тоди узнавъ, что то земля Канивська, а не помищича. Буду до вику жалкувать, что Вареоломей обманувъ мене; мабуть, и Тарасъ пожалкуе, бо якъ выстроили-бъ школу на тій горы, то Тарасови, литаючи на хмарахъ, не стоило-бъ труда унызъ спускаця, прямо на хмари у викно влетивъ бы я подывыця на своихъ школяривъ, шо вони выбробляють. Де одя гора спускаеця круто къ западу, то одъ неи росте тожъ гора трошечки ныжче, а за цією ище гора, а промижъ гирь, де одна гора до другои склоняюця, дальше видни верхи другихъ гирь гостроверхихъ. Такъ, шо якъ станешъ на Тарасовій гори лыцемъ къ югу, то одъ юго-востока и до съверо-запада Тарасову гору други горы облягають, якъ ти хмари оступаютъ, шобъ взять его биле тило и подать другимъ хмарамъ, шо литають выше та до Бога бlyжче; нехай несуть туды, де понеслы его любу да щиру душу по широкому простору, бо ій тисно було на земли,—до чубатыхъ дидивъ запорожцivъ на бенкетъ небесный! Зъ Тарасовои горы видно далеко ажъ до Переяслава, а тамъ дали тилько мрie¹⁾.

8-го мая въ 7-мъ часивъ у ранци знялъсь мы пароходомъ „Кременчукъ“ одъ Києва и привезли батька Тараса до Канева въ чотири часа пополудни. Пароходъ приставъ къ берегу ныжче Канева верстовъ два съ половиною; зняли съ парохода гробъ, поставили на жидивську повозку и повезли по-надъ самисенькимъ Дніпромъ крутогорымъ берегомъ въ Канивську церковь Успенія Божієї Матері. Дойихалы до сельской деревяної церкви Спаса Преображенія (передъ Каневомъ)—маленьке сельце по надъ берегомъ Дніпра протяглось ажъ до Тарасової гори и дилыця на три названня: одъ Канева звеця Селище, середня часть Бесарабівка, а коло самої Тарасової горы—Монастыще.

¹⁾ Ввидѣ иллюстрації помѣщаю рисунокъ могилы Г. Г. Щевченка, послѣ реставраціи ея въ 1885 году, съ видомъ на лѣвый берегъ Дніпра. Рисунокъ исполненъ масляными красками однимъ молодымъ художникомъ, прожившемъ на Щевченковой горѣ для своихъ художественныхъ студій нѣсколько недѣль въ 1889 г.

Тутъ бувъ колысъ монастырь; е люды, котри памъятають, якъ его розбиралы и построили зъ его церковъ Спаса Преображенія, шо прынадлежить до Канивського Селыша. Цей монастырекъ памятный тимъ, шо въ ему на Тарасовій гори похованы *три козачи гетманы*—Іванъ Пидкова, Кишка и Шахъ. Максимовичъ¹⁾ розказувавъ оце и показувавъ шляхъ, де везлы убитого Ивана Пидкову; по тому шляхови везлы й Тараса до его тыхого дому. Тамъ насъ зостривъ отецъ Феодосій въ облаченії съ причетомъ и корогзамы и проводивъ до городськои церкви Успенія. Якъ перейхали базарь и стали піднимати въ гору, то насъ зостило ще два протопопы въ облаченії съ хрестами, образами, цеховыми корогвами и лкоюсъ цеховою коробкою видъ гроба, покрытою червонымъ сукномъ. Оци жъ то попы зъ Успенской церкви йшли проты насъ съ червоною коробкою скорымъ параднимъ маршемъ и добрыхъ за пивъ верствы одъ Успенской церкви спиткались зъ нами. Попередъ кобзаревои домовыни йшли попы, потимъ хрести зъ орлами, а попередъ пуста червона коробка застаршинувала, и процесія зробилася такою пышною, шо й самъ блескучий Петербургъ не бачивъ такого дыва. Хто не бачивъ сего дыва, то ей Богу, такъ, якъ и я, подумавъ бы, шо двохъ мертвеницъ ховають разомъ. То, бачите, тутешній звычай такій мищанській. Та це ще ничего, шо одна коробка выпала на нашу долю, а то бува якъ ховають якого дуку, то иде стилько коробокъ, скилько е цехивъ въ городи; бачите—кожный цехъ ма свою коробку, и якъ протянути одна за другою, то смило укрывать гирѣ дви або три одными коробкамы й червоными, й зелеными, й синими, й жовтыми, и всякими та ажъ потимъ уже несуть настоящу домовину зъ мертвеницъ; цѣго звычаю хто не зна, то ей Богу, подумае, шо громада ховае цилу громаду, и побоїтся підійти, подумае, шо чума передушила стилько народу.

Передъ входомъ въ цвинтарь процесія остановилася служить литію. Тутъ одынь изъ Кіевсько-Університетской громады, сопутствующей Кобзареви до Канева, выступивъ до гробу и ска-

¹⁾ Мих. Ал. Максимовичъ пріїзджалъ съ своей Михайловой Горы на похорони Т. Г. Ш—ка.

зavъ щире сердечне слово Батькови Тарасови; це дуже-дуже подобалось Канівської громади цеховій. Узнавши, шо я йду при тили Тарасовимъ, кинулись до мене и усердно просылы, шобъ я давъ имъ на память Батька Тараса те, шо оце читали „бо намъ такъ подобалось, шо й сказать не можна, якъ то хороше“. Я сказавъ: „просить у того, шо читавъ, а у мене нема“. Поставыли гробъ у церкви, одслужили паныхиду й вечерню, тай по-таглы шукать прыстанища. Найшли, повинтили громаду нашу, котра зоставалась у цвінтари, зійшлись, я й кажу: „нап'ємось, браты, чаю, та ляжемъ спать, шобъ завтра якъ можна рано встать, та пойдемо обирати мисто для нової хаты кобзареви“. А мени й кажуть, шо вже мисце обиране. А я: „та воно добре, шо обиране, алежъ треба усімъ укуни обибирать, роздивившись та посовитувавшись“. Кажуть: „та мы бачили вже—мисце добре; а вы хиба не бачили?“—„Та колыжъ мени бачить? тилько шо прыйхали, уже й бачить! я ще й горы тієи не знаю, де вона, на котрій будемъ ховать“. А вони: „якъ то не бачили? адже ви були коло церкви, то повинні бачить, бо коло церкви жъ будуть ховать Тараса. Уже, кажуть, договорыли й гробокопателів за десять карбованцівъ, и вони пішли за заступами, шобъ яму копати. Я заразъ побигъ у цвінтарь, пытаюсь, а мени й мисце показують, де яму копати. Я объявывъ народу, шо воля покойного була така: поховать его на тій землі, де винъ дуже бажавъ поселыця при жизни свой, и никто не має права закопати его тамъ, де винъ не хотивъ. Народъ одностайнє заговоривъ, шо яка воля покойного була, то такъ треба й робити. Це мене ободрило трошки, я найшовъ синівъ Вареоломея Шевченка, вони знали про се, шо батько хоче поховать Тараса коло церкви, и тривожно поглядали на мене, а я репетувавъ свое и спытавъ ихъ: „чи правда, шо вашъ батько хоче закопати коло церкви Тараса?“—Правда.—„А хто жъ ему натуркавъ оце въ голову? Я жъ ему объявлявъ задушевную волю покойного и бажання нашої Української Петербургской громады.“—Мы сего не знаємъ; батько казавъ, шобъ отъ на цимъ мисти яму копали“. „А де батько? шукайте его“. А я тожъ пишовъ розглядати его по-міжъ народомъ. Народу була сила велика. Выйшовъ я за цвін-

тарь, колы дывлюсь—Вареоломей бижить до мене зъ дитьми, стревожений и каже: „друже мій, чи вы оте мисце бачили, де я хочу поховать Тараса? ось подывиця, якъ тутъ гарно: и гора высока, и Дніпро близько, и Боже мій якъ то хороше; а таменьки за оградою купымъ мисце тай школу поставимо. Ось подывиця, якъ добре буде. А школа буде у его пидъ самимъ бокомъ”. — „Якъ бы воно добре не було, то все добре тилько по нашему, а мы давайте добре робить по Тарасовому, якъ бажала его душа безсмертна, то тоди ще краще зробимо и добре буде. Бо якъ начнемъ порядкувати по своему, то душа Тарасова и потомство козацьке, чтуще память его святу, буде клясты насть, поки свита сонця и грихъ нашъ буде неокупный. А давайте лышень, Вареоломей Григоровычъ, поховаемъ Тараса подальше одъ церкви; а якъ шо вамъ хочеца безпреминно коло церкви, то и тамъ можна буде поставить церковь Тарасову, хоть манесеньку. Може у васъ нема грошей чимъ орудовать, возьмить моихъ тридцать карбованцівъ, а потимъ oddасте”. А Вареоломей: „якъ будемъ тамъ ховать, то ще й завтра не управимся зъ цимъ диломъ, а у мене кожна мунута время дорога, я вже й такъ, якъ недиля рушивъ зъ дому”. Я натякнувъ, шо якъ бува николи вамъ, то мы й сами поховаемо; показжть тилько мисце, де ота гора, а вы зъ Богомъ йдьте.—Вареоломей пиддався: „ну, добре, каже, такъ завтра пойдемо обирать мисто, а тимъ часомъ ходимъ поговорымъ съ цехами, шо возьмуть зъ насъ, шо викопають могилу”. Цехари, недовго думавши, запалили зъ насъ сто карбованцівъ. „А шо, Григорій Миколаєвичъ, яка у васъ думка отъ про се дило”? каже мени Вареоломей. А я ему: „у мене зовсімъ немає ніякої думки въ голові, а просто завтра вранци достанемо застутивъ та лошать, пойдемъ вкупи зъ Кіевською Громадою, та збудуемо своїми руками нашому Батькови хату”. Тоди Вареоломей, не сказавши мениничого, повернувшись до цехаривъ и каже имъ: „идти вы соби до чорта, а зъ нимъ до самого старшого сатани на пораду, а мы, пане Грицьку, ходимъ съ тобою та напьемося чаю, то чи не буде лышень краще”. На другій день, у вівторокъ, 9-го мая уранци пішли до Дніпра, наняли човенъ, сили й пойхали Дні-

промъ по надъ крутымы берегамы. Дойихалы до горы, на волыку силу зибрались на неи, роздывылись; я показавъ мисце, де, по моему бъ, приходилось робыть Тарасови новый будынокъ, спытавъ громады: чи согласни на те? Громада въ одынъ голосъ— „согласни!“ И началась робота. Выкопалы яму, а каменщики солдаты вымуровалы кирпичный зводъ и на третій день, у середу 10 мая, въ три часа пополудни, отправылись въ церковь, одслужили якъ слидуе по закону, що було треба, потимъ протоіерей промовывъ, спасыби ему, въ церкви до Батька Тараса прощальне слово: „Ты, каже, брате нашъ о Христѣ, Тарасе, настоящій щирый Батько свого Українського люду, ты першій заступивъся за ридне слово Українського народу въ солдацкій шинели, у тажкій неволи, далеко на чужини, не перестававъ болить серцемъ за людъ свій и его слово! Миръ ти, Тарасе!“

Потимъ вынесли гробъ, поставили на козацькій визъ, накрыли червоною китайкою, а замись воливъ впрягся людъ хрещеный и повезлы, якъ слидъ, диты своего батька, повернувшого въ далекого краю до своего дома. Якъ рушили одъ церкви, то везлы парубоцтво, чоловики и наша кіевська громада. Я давай ходыты помижъ дивчаткамы и диткамы малымы, шобъ и вони прыставали до купы, „бо вы жъ, кажу, для Тараса однакови булы люби, якъ парубки, жинки, диды и бабы, то бериця уси вкупи везти“; дивчатка усмикались, соромыльсь, отговорювались, шо и такъ баґацько везутъ безъ насъ. „Баґацько, та не вы, а то треба, шобъ и вашу працю Богъ побачивъ“. Повезлы Кобзаря тією дорогою, видкиль йихалы по-надъ Дніпромъ; въ однимъ мисти треба було зовсимъ звернуть въ тей дороги на праву руку. Дорога йшла горамы въ лисъ; тутъ треба було обийхать сажнивъ пивтораста у бикъ потикомъ (де малесенька водыца протикае изъ джерель; называеця потикомъ). Людъ и каже мени: „ходимте, панычу, зъ намы, тутъ прямійша дорога, мы ихъ переженемо, а то дуже далеко останемся сзаду; бачите, яка улышка тисна, не протовишимось“. Бачу, шо правда: „ходимъ“, кажу. Тутъ скажу ось що. Якъ тильки ступывъ я першій шагъ на Канівську землю, то заразъ познакомыясь зъ людомъ. „Здорови булы, людѣ добри! Здоровенъки, дивчатка!“

Здрастуйте!— „А шо, чи сего дня празныкъ якій чи що, шо ви гуляете“?— Ни, празныка нема ніякого, а чули, шо сюда привезуть одёго пана, шо прывезлы, такъ оце стоимо й дожидаемось.— „А хто жъ вамъ сказавъ, шо ёго прывезутъ?— Та тутъ увесь людъ про се говоре; у насъ давно чутка йде, шо ёго прывезутъ, ще казалы въ пистъ або на великолінхъ святкахъ прывезутъ, але жъ не було; а учора казалы, шо сего дня безпреминно буде, такъ мы й выйшли подывыця“.— „И добре зробили, спасыби вамъ; такъ уже колы прыйшли назустрічъ, то проводьте вже ажъ до церкви, якъ слідъ диткамъ почтити память Батька.— Та мы жъ оце туда йдемо“.— Добре, ходимте у купци, ходимте— и потягли за возомъ. Я йшовъ зъ людомъ, розказувавъ имъ, шо оце за чоловикъ Тарасъ, просувъ ихъ, шобъ вони не звалы его паномъ, а звалы батькомъ Тарасомъ. Дійшли до слобидки; я роздавъ дивчаткамъ по квиточці зъ Тарасової петербургской могилы на память, і третя доля канивського люду була уже знакома зо мною. На такій ладъ робивъ я скризь, де пройхалы зъ Тарасомъ, одъ Петербурга и до самисинського Канева. Такъ ось чого людъ коло мене ходивъ роємъ: ему хотилось слова, а я не скупувся на цей толаръ. Тараса скризь прыймали то за полковника, то за генерала. „Люде добри! Богъ зна, за вищо оце одъ васъ така зневага на простого крепака Тараса“— якъ гримъ трищало въ ушахъ хрещеного люду. Повезли Тараса умызъ на потикъ, а я пішовъ напростеъ горюю зъ людомъ, побачивъ маленького та гарненького хлопчика и кажу ему: „Ты жъ таки якъ козакъ добрий, то тоби зовсімъ не слідовало— бъ отутъ плентаця помижъ жінками та дивчата, а пішовъ бы ты прыставъ до козацької громади, шо везуть батька Тараса, та помигъ бы козацькому батькови за сонця доплестись до дому, та якъ звичайний козакъ, той дивчатъ підмовивъ бы до помоги“. Колы це підходе до мене молодиця въ червонимъ платку повязана и пытаєця мене: „панычу, а скажить, будьте ласка: „чи то жъ воно подобає женському полу мишаця въ оце дило?“ А я ій— що нема ничего найкращого, найподобнійшого, язв' усімъ диткамъ у кули, и женському и мужському полови, одъ малого й до старого, почтити память Батька

Тараса, бо винъ бувъ усимъ диткамъ Украины батько и кохавъ усихъ однаково, якъ мужській, такъ и женській полъ. Молодычка одійшла одъ мене, а я забалакавсь зъ хрещенымъ людомъ и опередыръ саженивъ на сто кобзаривъ пойездъ, йшовшій мижъ горамы потикомъ; мени було видно за садамы тилько верхи короговъ. Я спустывся зъ людомъ унызъ, перейшли потикт, и я пиднявсь трошки підъ другу гору, видкиль стало видно, якъ на долони, весь кобзаривъ пойиздъ. Колы дывлюсь—якъ макова ныва зацвила коло кобзаревої домовыни, а сама домовына якъ найбильша макивка красуеця посередь великої ныви: все дивочки, якъ квіточки, а дивчата, якъ макивки, облавыли густою батовою й везуть визъ Тарасивъ, а жиночки позадъ воза помагають и ни одної мужської душі нема, не тильки въ вози, а і близько коло воза. У мене навернулись въ очахъ слёзы одъ такого дыва, и я пишовъ назустрічъ и сказавъ: „Велике вамъ спасиби, батьківськи дочки, хай вамъ Богъ счастливить за ою услугу и помога на все добре въ жизни“. Було дивочимъ отвітомъ: „мы думали, панычу, що вы шуткуєте; а якъ бы сказали, мы бъ одъ самої церкви повезли, а теперъ уже никому не дамо везти, ажъ до самої могили довеземо“. Молодиця въ червонимъ платку була стара дивка—старшинець надъ дивками, и якъ допыталась у мене правды, що не жартую, заразъ загадала дивчатамъ везти Тараса. А ще тилько одихали одъ города зъ верству. Окресть Канева нема ни одного мисця ривного, навити на двадцять сажень, усе горы, та горы поросши лисомъ, и прыходиця, чи йти, чи йихатъ зъ горы у пызъ, а зъ нызу на гору отакою дорогою. Люди Канівськи дивчата везли батька України добрихъ верстовъ зъ висимъ або и усихъ десять, бо треба було далеко, далеко кругомъ обійтися лисомъ, бо таки гори усе, що зъ великомъ трудомъ зійдешъ пихтурою, а йихатъ нема и въ помини. Верстовъ зо два одъ Канева у ту сторону, де мы йихали зъ Кобзаремъ, нема густого лису,—уже сплюндреваний: такъ, де та де, стоять дубы поростыкани, та кущами росте молодий лисъ, а потімъ начинаєця густий молодий лисъ. Котри дивчата не малы де притулыця до Кобзаревого воза, напали на лисъ и давай ломать виты и устилать дорогу Кобзареви.

Якъ побачила те уся челядь, и мале й велые, якъ кинуця на листъ—затришавъ сердешный якъ одъ доброго пожару; покрылась Кобзарева дорога зеленымы витамы, якъ зеленымъ килемъ заслана. Ажъ серце млило одъ такого дыва, наче яка комашня зъ Божого неба залетила мени пидъ саму шкуру и ко-зака витанцёвуvala,—такъ було любо, радисно та весело дывыця на дивоцьку, славну потугу. Таки картыны, таки картыны, шо ніяка голова чоловича не вымизкуе такои чудасіи, и любой, бессмертный нашъ Тарасъ не подастъ Богови жалобу на людъ козачій, не скаже, шо винъ усю жизнь вештався мижъ татарамы, бо хоть коло его домовыны запахло чоловичимъ духомъ. Якъ везлы, то попередъ усієи процессії неслы патретъ Кобзаривъ, и увесь людъ до малої дытыны бачилы, якій винъ бувъ живымъ. Якъ прывезлы до гробу, то знялы домовыну зъ воза и начали зновъ одправу попы, а патретъ поставили высоко на груши, у головахъ домовыны. Кончили попы, заразъ начала кіевська наша братія въ останне прывитне и прощальне слово Кобзареви. Такихъ було чотыри чоловика; одынъ державъ слово отъ Билоруськои народности; а кончивъ пипъ, отець Феодосій, цей уже п'ятий. Опустылы биле тило въ гробъ и начавъ народъ росходыця. Попивъ угощали то винами, то ромами и чаємъ. Потимъ я пидійшовъ въ громадою до попивъ и поблагодаривъ ихъ одъ усієи громадоньки нашої за те, шо вони держали значне слово нашему любому Кобзареви. Попы дуже були рады нашему прывитанню, повставали зъ травы и передилувались зо всею нашою громадою. Потимъ мы повечеряли и розійшлились, а де-котри остались ночувать на Тарасовій горі, и усю ничъ огнище горило, наче гайдамацтво ночувало въ лиси зъ свячеными. Оце жъ вамъ, щири браты Українци, розказавъ, якъ зъумивъ, якъ и шо було, по своимъ сыламъ и знанию.

Щирый до Васъ Г. Честаховській.

Київъ 20 лютя 1861 года.

VI.

1-е Іюля 1861 года Каневъ.

Федоръ Ивановичъ!

Ще не мавши одѣ Васъ ніякои вистоньки зъ Петербурга, я говорывъ зъ Варфоломеемъ Грыгоровычемъ про землю, на которїй полягъ спочить Батько. Винъ получивъ листъ отъ другого нашого Батька *Пантелеимона*; той пысавъ Варѳоломееви, шо землю купе Черненко и шобъ на его имя и купчу запысать, и шо Черненко и гроши заплате.

А Варѳоломей казавъ мени, шо чи не можно бѣ запысать купчу на землю на ёго имя, бо мени, каже, якъ братови Тараса, кажеця, якось nibы бильше прыстало бѣ, никъ другому якому чоловикови. Я одповидавъ ему, шо я не можу ришишь сёго дила ни такъ ни сякъ, а напышить, кажу, до Федора Ивановича и до Пантелеимона Александровича, хай вони зъ Громадою подумають, якъ заблагорозсудять.

Моя думка така, нехай Варѳоломей объясныть Вамъ, чого винъ бажа, шобъ на ёго, а не на ваше имя, була запысана купча, тоди помиркуете зъ Громадою и побачите, шо треба робыть.

28 іюня я йиздывъ въ Корсунь, за 50 верстъ одѣ Канева. Бачите, ясно свитлійшій Лопухинъ бувъ мынынныкъ; туда коженъ годъ у се время йизде и Канивське, и друге панство, — отъ и мене пидмовылы, и я потаскався зъ людьми. Тутъ гарна церковь; въ канастаси е Шебуевськи образа. Бачивъ ясно свитлійшаго здоровенного дидугу Лопухина въ церкви.

Вертавшись изъ Корсуня (я тильки бувъ тамъ одынъ день),роспытаюсь, по якъ мистахъ ходывъ Тарасъ, будучи у Корсуни, пройшовъ по ёго слидахъ тропки, посыдивъ на тихъ скеляхъ, де винъ одпочивавъ, тай потягся до Канева. Любувавсь на ланы широкополі; хліба, Боже мылый, яки хороши,—рай тай годи! Тилько по якихъ мистахъ е багацько сараны, такъ шо ажъ муравы по зашкурою тнутъ, якъ подывыся (Тарасове: „Ажъ страхъ, ажъ сумно!“ якъ разъ пидходе до сего несчастя). Данилу Семено-вичу скажить, шо я получивъ кобзареви книжки, патреты и брошюрки въ исправности и дякую ёму дуже шо ихъ прыславъ, та-

ще пропшу его, якъ можна, то нехай якъ мога бильше прышле брошюрокъ для продажи, я ще тутъ проживу може въ мисяць и якъ не продамъ, то оставлю у попа Феодосія, той продастъ и гроши прышле, а може ще и я успію продатъ; та якъ мога бильше усякихъ: и Хмельнищни, и Кобили Сирои и Пидбреҳача и усихъ, усихъ, яки тилько е у его, и писень. Глядить же, я буду ждать.

Легенды народа про Тараса: Ни, теперъ уже пуста домовына, а винъ у печеряхъ у Кієви перевернувся въ мощи. А то винъ йде на митли (комета); кажуть, що усихъ панивъ передуше, а таки нась одстоить зъ-підъ неволи. Ни, винъ не вмеръ, тильки народъ морочать пустою домовыною, а винъ самъ ходе живи-синькій помижъ народомъ, кажуть его бачилы, що прыйшовъ до корчмы, купувъ горилки, самъ выпивъ два чарки та ще почас-тувавъ жинку й чоловика и проч. Про мене отъ якъ розказують: якъ живъ Тарасъ, то оцей чоловикъ точнисинько иде по его слиду. Це якійсь пророкъ, бо, кажуть, бачилы его чи у Хмільній, чи якійсь другій слободи, що нись на соби превелъченний хрестъ сажнивъ зъ двадцять, а писля взявъ тай почепиць соби на груди, и хочъ бы винъ самъ и не признавався людямъ, що пророкъ, то таки такъ видно, що се шось не просте. Про легенды я ще вамъ напишу, це ще не все. Прошу Дан. Семен. щобъ не гниававсь, що до его не пішу; мени якъ писать, то день терять.

Помищикъ Кіевською губернію Парчевській прыйздывъ до справника и казавъ, що якъ попадея на мої землі оцей що привизъ Шевченка, то препроводю его до васъ якъ бунтовщика и возмутителя. Отакій ляхъ! а я зовсимъ не говорюничого воз-мутительного. Имъ досадно, ляхамъ, що мы, будучи чиновни особы, и за панибрата зъ простымъ селяниномъ обходимось, то за це на ляхахъ ажъ шкура ихъ реаєця. Громада Кіевського Уни-верситета, провожавша до Канева тило Тарасове, уся була одягнута въ билыхъ козацькихъ сорочкахъ вымережанихъ заполоччу, въ шароварахъ, свиткахъ, підперезанихъ червоними поясами и смушевыхъ шапкахъ, а въ голови—зъ братською думкою, та люби та щири въ обхожденії зъ народомъ якъ ридни браты, якъ дити одного батька и одної матери, то паны, глядя на такій но-

вый братській ладъ, якъ-бы моглы огнемъ выпалыи молоде по-
колина братськои семьи Українскаго люду.

Сердечно благодарю за гроши, шо прислали; я получивъ 54
карбованци. Кланяюсь усій нашій Громадовиці Українскій и
дуже буду жалкуватъ, шо не маю силъ выполнить іи волю. Я
якъ прыймавсь за дило робить Тарасови могилу, то у мене була
така думка, шо це буде временна могила, шобъ тилько дать
яко мога кращій видъ, то й затіяве таку могилу, думаю шо
якъ будуть ставитъ памятникъ, то іи рознесуть геть, и такъ на-
родови объявывъ, котри робили, що другу насыплють могилу
круглу. А якъ бувъ у Корсуни, то говоривъ Вареоломееви, шо
якъ буде ставитъ хрестъ чугунный, високій, то тамъ, де те-
перь стоить хрестъ у головахъ, начавъ бы выводитъ каменныи
стовпъ, на котримъ укріпивъ бы хрестъ, та зъ другого боку пры-
бавивъ бы стильно могилы, сколько теперъ е, та й насыпавъ бы
круглу могилу. Отъ яка моя думка, а поки ще нехай буде такъ,
бо дуже барадъко время займа, такъ шо не успіюничого и на-
малюватъ для себе.

Напросить Данила Семеновыча, нехай передастъ Билозер-
скому Василію Мих., чи не може винъ подарувать попова Ос-
нову за годъ, а на будущій годъ винъ буде винисуватъ уже
за гроши.

Честаховскій.

Посыпувавъ уси листы, а ще таки хочется сказать. До мене
приходить бывшій людъ помищичій, я дивлюсь на его малевану
спину,—серце рвеця, а шо я зроблю? и бодай языкъ не родився,
щобъ казать пымъ отаке слово гирко обиженному людови, „шо
якъ я взявся бъ тоби шо небудь помогти, то мене тутешне пан-
ство опыше, якъ бунтовщика и возмутителя народного, и тилько
запышу для себе якъ то було, тай тимъ и покинчаю, и бидолаха
бывшій здвыгне плечима и я здвыгну плечима, та тимъ и закин-
чаемъ панську роботу. Якъ мы прыйхали въ Каневъ съ Тарасомъ,
то тутъ уже сидивъ одынъ студентъ Кіевскаго Університета,
покинувшій Університетъ и пішовшій служитъ народови, зробив-
ся писаремъ въ деревни Дударяхъ въ 20 верстахъ отъ Канева.

Мы бралы его изъ тюрмы на поруки, простица съ Тарасомъ въ церкви, а до могилы не пустылы. Отаке то! Прощайте.

1-е Іюля 1861 года Каневъ.

Прочитайте Основу: якій то чортяка удовбавъ въ голову *Мордовцеву*, шо вашъ народъ, писля кути и взвару проты Ризду, прыймаеця куделю прясты на гребни, а на двори фуга та метиль мете; треба бъ було ему ще додать, шо гримъ гремить и бlyскавка бlyска, а веретена зюрчать. Оце чортовщина яка!

Скажить Василію Михайловичу Билозерському, нехай выпле всю Основу ст 1-го Генваря 1861 года въ Каневъ на имя Ивана Лаврентьевича Прохоровича и напыше, шо стоить, то гроши прышлють.

Прочитайте 22 № Сына Отечества 28 мал о погребенії Тараса въ Кириловкѣ, ім'ніи Фліорковскаго, та скажить ему, шо винъ брехунъ.

VII.

16 іюля.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько!

Громадськи двадцять-пять карбованцівъ я получивъ въ четвергъ 7-го Іюля и заразъ накупывъ усякой всячини, трохи не ввесь канивський базарь закупувъ.

Въ субботу 8 Іюля святылы попы Тарасову могилу и пра-
вилы панаходиу. Зъ самого ранку людъ почавъ сходыця на „Та-
расову гору“ (такъ іi теперъ називають) и до пивъ дня зибра-
лось мыра стильно, шо вкрыли всю гору. Въ часъ полудня начали
панаходиу и якъ кончили, то цопы й мыръ хрещеный пишли
у Пекарській лисъ, за пивторы верствы одъ Тарасовои могилы,
тамъ було симъ видеръ дешевої горилки, по 1 р. 40 к. сер.
видро, и варена страва. З першу далы мырови, за попивськимъ
благословеніемъ, коливо, а потімъ рибу варену й печену, борщъ
зъ поросятыною, печеню, локшину и взваръ, та ще й додали,
якъ ведеца мижъ хрещенымъ людомъ, по чарци вареної. Несподи-

вано вышло такъ гарно, шо бильше й бажать не можна. Обидало мыра до четырехъ сотъ съ половыною и было для всихъ вдоволь и выпить, и пообидать, бо багадъко було такого люду, шо якъ почулы, шо „Грыцько“ дае обидъ на вишний помынокъ Батька Тараса, то понаготовлювалы всякои всячины й попривозылы зъ собою, а де котри варылы й пеклы у лиси, тамъ, де й нашъ обидъ готовавсь, и горилки, пыва, меду, черешень, поричківъ суныць (суныци—лісова ягода въ породы полуныць) и огирківъ и стрючківъ, и Боже мій—чого тамъ не было! Народъ дуже бувъ доволиний; та, мабуть, и Батько Тарасъ, поглядаючи изъ-за хмары, разглажувавъ вуса й тилько слынку ковтавъ, плямкаючи, якъ хрещеный уконтентувавсь на вишню его памятау. Обидъ бувъ у густыхъ пущахъ, за пивтораста ступнивъ одъ Дніпра, на славній лощини, пидъ самисинъкою горою, має названня Городокъ, мабуть одъ Гайдамацькихъ трехъ городківъ, выкопаныхъ на сій гори. Верхъ сей горы буде вищий цьтибинбурського Ісаакія, и вся поросла густымъ старымъ лісомъ. Отъ у такимъ то мы раю помыналы Тарасову козацьку душу. Боже ты мій, Господы! якъ було любо та гарно у сей день святый, шо „ажъ, ажъ, ажъ“!—якъ мовлявъ було батько Тарасъ.

Про Тараса знає вся крепацька Украина, шо винъ бувъ ій Батькомъ заступникомъ, шо винъ улягся коло Канева. Присходитъ люде зъ слобідъ вклоныця его могили. Я часто застаю коло могили простыхъ слобожанъ: стоять знявши шапки, пидпершись на ципки зъ клуночками за плечима, и дывляця на могилу такъ, шо я ще ни разу на своїмъ вику не бачивъ такого широго, тихого, умленного погляду людського, нібы у сій могили закопалась остання надія ихъ на лучу долю. Бо паны ляхи кажуть: уже вашу волю закопали у землю, то недижете буты на воли; воля ваша здохла и ій якъ стерво вонюче закопали коло Канева. А шо, хотілось вамъ буть вольними,—отъ ваша й воля! На панаходи були слобожане изъ-за Мошенъ, затри дни ходу до Тарасової могили. Де хожу, шо говорю зъ хрещеними—очей не зводять: вожне слово нібы зъ неба падає имъ якою-сь благодатною отрадою въ серце. Якъ правылы пана ходу, то я стоявъ соби похило, а коло мене Лазаревскаго Иванъ,

и роздумувавъ: де то наша люба Громадонька? шо коженъ изъ ныхъ діє й де повергаєця? Чи знають, чи видають, шо ми въ оцей часъ цилою Украиною чымо святу пам'ять нашого дорогого Батька Тараса и шо ихъ свята жертва зибрала сюда людъ хрещеный для святого дила.

У субботу, въ начали девятого часу, бувъ Михайло Матвіевичъ Лазаревській коло Тарасової могили и дуже жалкувавъ, шо Тараса не закопали въ Києви. Про се буде рахувать потомство—хто помыляєця, а на мою просту думку здається, шо кожна душа щира козача буде радуватся, шо Тарасъ била Канева похованый, а не у Києви. Я якъ вийду отъ на ту гору та якъ окину очима навкруги ажъ до Переяслава, то ей же Богу наче въ моихъ грудахъ вся будуща Украина, зо всими своими найпізнішими потомкамъ, зъ усієи силь гарюче та радисно виспиву, шо Батька Тараса поховалы на простори, де легенька хмара перелитає та птыця щебече на воли. Буйнегенькій витеръ та тыхая Українська думка буде витати кругъ его домовини. Хотилось бы, шобъ на ту пору душа зъ мене вилетила и простиагти копыта на Тарасовій вольній землі. Теперь я нездужаю и думаю: отъ якъ бы то Богъ змилюсердився та не вернуця въ Петенбурхъ, шобъ тутъ и закопали,—тоди бувъ бы я самий властоящий козакъ запорожського заповиту. Граматки 50 штуцъ отъ Федора Ивановыча получени, тридцять отдано попови, а двадцять народови, вони дуже нуждаюця у сему. Ото шо полуучени отъ дорогого Данила Семеновыча брошюри, то якъ капля зъ неба упала на засыхаюцій отъ жары языкъ народа. Изъ слобидъ приходять и пытаюця, чи нема ще,—мы бъ купыли.

Я пысавъ, шобъ прысылали якъ мога скорише усякихъ книжечокъ; тутъ можна продацать на базари, народъ дуже ханаєця за книжки. Якъ буду йихать до Петенбурху, то оставлю на базари у лавочци на такимъ слови, якъ бажа Данило Семеновычъ; я вже говорывъ объ цимъ и прыймають зъ радостю.

Мих. Матв. Лазаревскій пойихавъ у суботу въ симъ часивъ вечера въ Корсунь до Варѳоломея. Клыкавъ мене зъ собою, я не пойихавъ, бо дуже перепекло мене сонцемъ на роботи коло Тарасової могили и теперъ, якъ розвареный, не можу ничего ро-

быть. У недилю 9-го Іюля прыйиздывъ у Каневъ изъ Корсуня Вареоломіевъ сынъ Каленикъ тараптасомъ за Чалымъ. Чалый у Кіеви инспекторомъ 2-й гімназіі; винъ ийхавъ изъ Кіева зъ жинкою на пароходи до Канева, сидивъ довго на Тарасовій гори и дуже жалкувавъ, шо мене не бачивъ; я бувъ за Дніпромъ у Келеберди, а якъ прыйихавъ до дому, то заставъ візитну карточку одъ Чалого зъ жинкою. Чалый—це душа дуже щира й тепла; я думаю, вы знакоми зъ нимъ по его слову надъ Тарасовою домовыною.

Учора 14 Іюля прыйихавъ изъ Кереливки Тарасивъ братъ Мыкита; винъ казавъ, шо у недилю у вечери бувъ у ныхъ у Кереливци Михайло Матвієвичъ и, поговорывши де що, пойихавъ уп'ять, здається на Умань чи що. Кереливка за 26 верстовъ по той бикъ Корсуня, значить одъ Канева за 76 верстовъ.

Мыкита каже, шо у недилю, 16-го Іюля, Вареоломей самъ прывезе Чалого у Каневъ до парохода. Якъ прыйихавъ Мыкита до Тарасової могилы, то заставъ тамъ двохъ попивъ, одну попадю, діакона и военного поручика зъ Михайлівки, верстовъ за 15 тъ одъ Тараса. Пипъ и діаконъ зъ Хмільної, а другій пипъ зъ Межиричи. Ишовъ великий дощъ, а попамъ и гадки нема, имъ про те байдуже; напяли пидъ ясеномъ палатку, поставили самоваръ видеръ зъ трое завбильшки, навезли гориляча, закуски та цилисінській день и пробайдыкували. У вечери запалили велику купу багати, та до пивъ ночи усе служили панахиidy. Оце пьють та йидять, та повылизаютъ на могилу уси та якъ начнутъ правитъ панахиду, то Боже мій, якъ то хороше иде луна по лиси и по всему Монастырьшу (слобідка коло Тарасової гори). Голоса усе молоди та хороши, самому старшому попови тилько 29 годъ, а ти вси далеко молодчи одъ его, и попадя зъ ними спивала, то ей же Богу, ридко поспукать такои пивчеськои. Оце одиравлять панахиду, та давай спивать козацьки стародавни писни. А якъ бажалы побачить Грыца: сто карбованцівъ не гроши, тилько достань Грыца, того, шо прывизъ Тараса. А Мыкита и каже: „нездужа, а то бъ прывизъ бы его вамъ“. Дуже жалкували. Десять панахидъ одслужили, та уже почало на свитъ займаця, якъ цойихали до дому.

Пекари им'ніе Шарчевского, котрый збираєця пійматъ ме-
не на свой земли, звязать яко возмутытеля народного и пред-
ставить по команди въ городъ Каневъ.

Якісь ляхъ Шаманскій прыйшовъ до сотника Пекарского Опанаса, тай й каже ему: „а поважи мени, будь ласковъ, свое ружо, я куплю у тебе“. Опанасъ пишовъ у коморю за ружомъ, а лахъ за нымъ; побачивъ два книжечки на полыци, узявъ ихъ тай заховавъ за халяву у чобитъ. Опанасъ просывъ, шобъ видавъ, а лахъ отговорювавъ, пославъ за горилкою тай давай напуватъ Опанаса поты, поки Опанасъ таки гарнецько пидобравъ, тоди лахъ знявся тай потаягъ. Опанасови байдуже, а Опанасова жинка до ляха: виддай книжечки! А винъ не оглядаеця. Тоди Опанасыха, не будучи дурною, кинулась до ятраки, а зъ ятракою до третої жинки сусидки, черезъ дорогу, та крикнулы на Опанаса, той пробуркавсь та побиглы наганять, нагналы лаха, обаранылы зъ усихъ четырехъ бокивъ; лахъ не оддававъ, тоди вони взялыша за его щирише та повалылы й поотнимали книжечки. Понеслы до цопа; пилъ, прочитавши ихъ, и каже: прыйдти до мене у суботу чоловикъ зъ шистъ, я прочитаю вамъ усимиъ, шобъ вы почулы у купи, шо тутъ написано. Тоди вы пидить до того ляха та нехай винъ прочитає изъ вашихъ рукъ, а въ его руки не давайте, нехай не осквернє цихъ книжечокъ своimi погаными руками. Книжечки булы: „Тарасова ничъ“ и „Псалмы Давыдови“. Якъ бувъ обидъ у суботу, то я при всему народови заставывъ Опанасову жинку, якъ шо було, розсказать попамъ. Якъ розсказала, пиднявся регитъ на ввесь листъ.—А я подякувавъ ій та ще й поцилувавъ за те, шо добре управылась зъ лахомъ. Боже мій! якій нашъ народъ добрый та благонравный! Якъ прыведе кого Богъ буты въ України, то сами побачите, шо це правда. Якій складъ, яка походка у жинокъ и чоловикивъ—не можна очей одирвать, такъ гарно, прыгоже. Це якась орлына порода людей, а чистота въ серци и добродушіе—плакать хочеця!

Извъ моего листа вы вже знаете народну легенду, шо Тарасъ не вмеръ и шо бачили его, якъ купывъ у Пластунци го-

рилочки и почастувавъ человека и молодычку. Сегодня я, йшовши на Тарасову гору, зайшовъ до жида Єски, коло Тарасовои горы, взять горилки та почастувать Мыкиту Шевченка та ще хто трапыця; колы дывлюсь, ажъ Мыкита вже тамъ кружас съ рыбалками, а часъ бувъ сёмый ранкомъ. Єська пидходить до мене: „панычу, дывиця,—якъ на мени и доси тило тремтить. Якъ бы вы знали, якъ я сёгодня у ночи перелякався, то Богъ мене накажи; мало не упавъ мертвый на доливку. У саму пивничъ хтось стукаеця въ двери:—одчини! Я й кажу: иди до викна, шо тоби треба?—Дай горилки, будь ласка!—Я одсунувъ викно й пытаюсь: „а хто ты такій?“—„Шевченко“! Я якъ ہрыкну зъ усієи сили: а ну-ну, якій ты! ой вей-миръ,—и жинка й дити до смерти поперелякувались; то якъ бы винъ не сказавъ: чого ты кричишь? я Шевченко, старшій братъ того, шо на гори захованый“,—то ей Богу й не знаю, шо й було-бъ зъ намы“.—Мыкита гулявъ зъ полами, та якъ вицидилы горилочку, то винъ пишовъ до жида о пивъ-ночи.

Мабудь, писемъ уже не прысылайте до мене, бо въ кинци мисяця поверну въ Петенбурхъ. Оде заразъ прыйшли люде зъ Хрещатыка, душъ шисть: четыри жиночки и два человека, прыйшли на поклоненіе Тарасови и зайшли мене побачить.

Будьте ласкави, попросить Василія Тимофеевича Новицкого, шобъ виславъ мени отсрочку отпуска на три або на чотири мисяци, якъ ще не высылали, а якъ выслали то ничего й казать.

Якъ шо губернаторъ заарештує мене, то треба жъ таки видѣ маты и сидячи въ тюрми; а якъ найде це дило неважнимъ та выпроваде до Петербургу, то видѣ все таки не помишаше,—его прышлють назадъ, якъ бува мене въ Каневи не застане. Хочъ це дило, по моему, для малыхъ дитей годне, але беруця за его велики пани, то ще шобъ не прыйшлось изъ-за мухи—слона зазимуватъ у Каневи. Та глядить, шобъ изъ-за цого не выключили изъ Капитула, бо я ни на волосокъ невиненъ, а тилки не можна було цого обійти, бо попавъ мижъ вовківъ, то трудно було вывернути, шобъ не укусилы.

Зъ будущою поштою напышу, коли рушу до дому, до Громады. Прощайте.

Честаховскій.

Александръ Матвѣевичъ¹⁾! прочитайте оце письмо и будь ласка заразъ одишилить Федору Ивановичу Черненко, въ С. Петерб., на углу Ивановской и Кабинетной улицъ, домъ Матушевича.

VIII.

19 Іюля 1861 г. Каневъ.

Федоръ Ивановичъ и браты Украинци!

Досыдився я у Каневи! коилы, коилы тай докоили. Учора, часивъ въ шість вечеромъ, пишовъ я до Начальника Поліції, не до того лаха Монастирського, а до самого старшого Шолецького Окружного, и кажу: ось вамъ контръ-марка зъ почты, шо мій начпортъ одисланый въ Петербургъ, и прошу выдать мени выдъ на пройиздъ въ Петербургъ. Добре, каже, приходьте завтра въ одынадцять часивъ, а потимъ каже: „або не приходьте—я вамъ прышлю его самъ.“ Подякувавъ и пишовъ; зайшовъ до отца Єфодосія, просыдивъ тамъ довгенько, а потимъ потягъ до дому. Колы де згодомъ являнеця квартальній: „пожалуйте до начальника Поліції“. Бувъ уже дванадцятий часъ ночи. Одягся тай пойхавъ у купочци зъ квартальнимъ. Прыйхалы, увійшли въ хату. „А, мое почтеніе! А шо це вы, Григорій Миколаевичъ, здумали утикатъ одъ насъ ничью, хиба вы не знаете, якій порядокъ ведеця, шо вы должны получить одъ мене выдъ на пройиздъ, а не такъ, якъ вы здумали утикатъ одъ насъ ничью“.—„Я не злодій, шобъ мавъ утикатъ одъ васъ, и никого не обікравъ, шобъ пускаця навтикача проты ночи. Та чи вы пизналы мене чи ни? А же я бувъ сегодня у васъ и просывъ выдать мени выдъ на пройиздъ; цежъ було, кажеся, недавно, часивъ зъ шість тому время; чи у васъ памъять чимъ-небуди прышиблена, шо

¹⁾ Писано съ начала къ А. М. Л-ому, жившему въ это время дома, въ котопскомъ усадѣ, а онъ уже отслужилъ въ Петербургъ.

такъ скоро забулы“.—„Бачите, каже, тутъ дильце возныло и уже Губернатору послалы донось, то треба вамъ уже пидождать у Каневи, шо зъ цёго буде. Ось возьмить лышень, та пидпышить оце, шо я приготовывъ для васъ, та тоди й зъ Богомъ, до дому“. Прочитавши,—пидпышавъ, шо не пойду зъ Канева до разришенія Начальства, тай прысивъ по прозьби начальства. Подумавши трохи, и кажу: Господы, невже чоловикъ зъ лучшимъ думкамъ въ голови и благимъ намиреніемъ непреминно долженъ быти мученыкомъ! Посыдивъ зъ мынуту, тай пишовъ до дому. Отаке то! Оде жъ браты Українцы! знайте, шо може день, або другій, то и я уже буду сидить за мурамы одинокій й сыротою, мижъ вовкамы ляхамы. Що буде, то побачимо, а знайте, шо я бачивъ бытыхъ понивеченыхъ людей и па ихъ прозьбы помогты имъ одвитугавъ: шо якъ я начну вамъ шо небудь совитувать, то паны опышуть мене бунтовщикомъ народнимъ—разъ, а друге—робить усе, шо вамъ будуть приказувать паны, бо въ покирности есть прыма надежда вашого спасеня одъ крепацтва; а якъ же, Боже сохрани, будете бунтуваця, та не слухать, то смило буде те, шо паны сядуть вамъ на шию літъ на двісти, або на трьста—и бильше ничего не говорывъ. Не знаю, чи послалы до Губернатора и други брошюрки, тилко поліцейскій казавъ, шо пры лядськимъ доноси послалы „Гайдамакъ“. Прощайте!

Пидить, будьте ласка, до Василія Тимофеевича Новицкого и объяснить ему усе, шо я ничимъ не вынуватъ иничого не боюсь—хоть бы самого черта зъ рогами. Тилько мени и досадно одного, шо якъ не поспію до строка отпуска явыця на службу, то шобъ не исключили изъ Капитула¹⁾.

Александръ Матв'євичъ! Прочитайте и пошлите до громады.

Г. Честаховський.

¹⁾ Весь этотъ эпизодъ подробно изложенъ въ заонскѣ Г. Н. Честаховскаго, напечатанной въ „Киенск. Стар. 1896 г. № 2.

ШЕВЧЕНКО И ЩЕПКИНЪ.

(О ч е р къ).

I.

Шевченка и Щепкина связывали узы самой искренней, самой задушевной пріязни. Гдѣ и когда познакомились между собою поэтъ и артистъ, съ какого времени начались между ними теплые, дружескія отношенія,—на эти вопросы не даютъ прямого отвѣта извѣстные до сихъ поръ біографические материалы о Шевченкѣ и Щепкинѣ. Но одинъ эпизодъ изъ ихъ многолѣтняго знакомства, одинъ небольшой періодъ, можно прослѣдить очень подробно. Въ этихъ подробностяхъ ясно видна степень ихъ взаимной привязанности, отчетливо обрисовываются и сами знаменитые земляки, и ихъ отношенія между собой. Этотъ періодъ, прослѣдить который является возможнымъ по дневнику и письмамъ Шевченка, по письмамъ къ нему Щепкина и некоторымъ воспоминаніямъ, относится ко времени жития Шевченка въ Нижнемъ Новгородѣ, по возвращеніи изъ ссылки, и въ Москвѣ, до отъѣзда въ Петербургъ. Письмо Тараса Григорьевича къ Щепкину, приводимое мною дальше и впервые появляющееся въ печати, относится также къ этому періоду, хотя писано изъ Петербурга, и добавляетъ вѣсколько чертъ къ картинѣ всего эпизода.

Въ своихъ письмахъ¹⁾ и дневникѣ²⁾ Шевченко называетъ Михаила Семеновича „давнимъ“, „старымъ“ другомъ. Отсюда

¹⁾ „Основа“, 1861, октябрь, стр. 13.

²⁾ Тамъ-же, 1862, апрѣль.

можно заключать, что знакомство ихъ началось если не въ первые годы по пріѣздѣ Шевченка въ Петербургъ, когда и онъ и имя его не были никому извѣстны, то въ первые годы его занятій въ академіи художествъ или по выходѣ „Кобзаря“. Можно, такимъ образомъ, предполагать, что къ началу сороковыхъ годовъ Щепкинъ и Шевченко были между собою знакомы. Знаменитый артистъ былъ уже тогда въ полной силѣ и славѣ своего таланта. Онъ пріѣзжалъ играть въ Петербургъ и здѣсь, прослушавъ про выдающееся дарование, про горемычную судьбу дѣтства и юности молодого земляка, могъ самъ броситься на знакомство съ Шевченкомъ и „привитать“ его также отзывчиво, горячо, какъ всегда откликался съ пыломъ юноши на все свѣтлое, даровитое, требующее поддержки и поощренія.

Первое, по времени, указаніе на знакомство Шевченка съ Щепкинымъ встрѣчается въ стихотвореніяхъ самого Шевченка. Свою *Пустку*, написанную въ Кіевѣ, въ 1846 г., онъ посвящаетъ М. С. Щепкину. Это можетъ, пожалуй, указывать на то, что они познакомились между собою во время странствованій Шевченка по Малороссіи, въ 1843—46 гг. Изъ самой *Пустки* легко вывести заключеніе, что она написана подъ впечатлѣніемъ близкихъ, сердечныхъ отношевій автора съ артистомъ. Не однимъ дружескимъ, теплымъ словомъ надо было обмѣняться имъ прежде, чѣмъ Шевченко могъ просить своего друга:

Заворожи меня, волхве,
Друже съвоусый!
Ты же сердце ванечатавъ,
А я—ще боюсь...

Однако, такимъ впечатлительнымъ людямъ, какъ Щепкинъ и Шевченко, не надо было долгихъ лѣтъ знакомства, чтобы договориться до откровенныхъ рѣчей, до сердечныхъ изліяній. Щепкинъ могъ встрѣтиться съ Шевченкомъ во время своихъ поѣздокъ на гастроли въ южные города, и одного — двухъ свиданій было достаточно, чтобы явилось взаимное расположеніе, надолго и прочно сохранившееся.

Во всякомъ случаѣ Шевченко познакомился съ Щепкинымъ задолго до *Пустки*. Въ дневникѣ своемъ онъ утверждаетъ,

что въ послѣдній разъ, передъ ссылкой, онъ видѣлся съ своимъ „старымъ другомъ“ въ 1845 г.¹⁾. По возрасту между ними была большая разница: Щепкину въ сороковыхъ годахъ шелъ уже шестой десятокъ лѣтъ жизни, богатой опытомъ, полной и невзгодъ, и радостей,—онъ, по выражению Шевченка, уже „запечаталъ свое сердце“; поэтъ же былъ больше, чѣмъ на четверть вѣка моложе своего пріятеля и въ возрастѣ бодрыхъ силъ и надеждъ на будущее, смѣнившихъ невеселое прошлое. Но эта разница возраста не могла помѣшать имъ близко и скоро познакомиться. Шевченко вообще былъ скорѣ на знакомства. Съ Шевченкомъ, разсказываетъ Костомаровъ, мы познакомились необыкновенно быстро: на другой день мы говорили другъ другу „ты“²⁾.

Тѣмъ легче и проще сдѣлалось это, безъ сомнѣнія, съ Щепкинымъ. Михаилъ Семеновичъ горячо отзывался всегда на все, что носило характеръ простоты и искренности. Помимо этого, помимо того, что ихъ связывали интересы искусства и литературы,—у Щепкина и Шевченка было и еще общее: это—ихъ родина. Съ нею были соединены для нихъ самыя радостныя, самыя свѣтлыя воспоминанія о дняхъ далекаго, певозвратнаго дѣтства,—какъ бы горько ни жилось въ ту пору. У обоихъ дѣтство прошло въ крѣпостной средѣ, въ непосредственной близости къ цароду. Щепкинъ воспитывался при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Шевченко, но и тому, и другому горько достались корни ученія. Наконецъ, у обоихъ съ дѣтскихъ лѣтъ зародились артистическія страсти—у одного къ сценѣ, у другого—къ рисованію.

II.

Въ 1847 году Шевченко на долго разлучился съ своими друзьями и знакомыми. Сосланный на далекую окраину, онъ лишенъ былъ и утѣшеннія вести съ ними переписку. Со Щеп-

¹⁾ Основа, 1861, іюль, стр. 12.

²⁾ Автобіографія Н. И. Костомарова, „Рус. Мысль“, 1885, № 5, стр. 211.

кинымъ, какъ замѣчено выше, онъ видѣлся въ послѣдній разъ еще раныше—въ 1845 году, а затѣмъ, къ концу своей ссылки, не зналъ даже, живъ-ли знаменитый комикъ. Вѣсточку о Щепкинѣ доставилъ ему Я. Г. Кухаренко, который, живя въ Москвѣ во время коронаціи, въ 1856 году, познакомился съ артистомъ и отъ послѣдняго узналъ о мѣстопребываніи Шевченка. Тогда Кухаренко написалъ Шевченкѣ письмо, на которое тотъ, между прочимъ, отвѣталъ вопросомъ: „Чи старшій Щепкинъ ще живий? Отъ щира козацька душа и молода якъ у дытыны. Чи не пышешъ ты ему часомъ? Якъ пышешь, то цілуй его за мене. Яку винъ тамъ тоби *Пустку* читавъ? Я—поганий зъ мене батько—забувъ свою риду дытыну“¹⁾...

Вѣсть о Щепкинѣ не могла не обрадовать Шевченка въ его тяжеломъ одиночествѣ, гдѣ верба, когда-то посаженная палкою, была его единственнымъ отдыхомъ и другомъ, единственнымъ отраднымъ эпизодомъ безотрадной жизни²⁾. Посылая Кухаренко свои стихотворенія, онъ вспомнилъ и про Щепкина. „Дай,—пишетъ онъ,—доброму писареви перепысать и *Крынicyю* и *Чениця*, и *Вечиръ*, та пошли старому Щепкину,—nehай на старицѣ читае та не забувае безталанного кобзаря“³⁾.

Въ мечтахъ своихъ о скорой свободѣ, о близкомъ свиданіи съ друзьями Шевченко удѣляетъ мѣсто и Щепкину. Во снѣ, какъ и на яву, ему видятся картины давно пережитого, отдѣленнаго отъ настоящаго гранью десятилѣтней подневольной разлуки. Въ одномъ изъ нѣсколькихъ, записанныхъ Шевченкомъ сновъ является и М. С. Щепкинъ. Это было въ ночь на 4 іюля 1857 г., когда земляки свидѣлись во снѣ. Они говорили, конечно, о театрѣ, и Шевченко спрашивалъ артиста: отчего онъ не продолжаетъ своихъ записокъ? Щепкинъ отвѣчаетъ на это, что жизнь его протекла такъ тихо, такъ счастливо, что и писать не о чемъ⁴⁾. Само собою разумѣется, что, собираясь по пути

¹⁾ „Листи до Кухаренка“, письмо отъ 22 апр. 1857 г., *Основа*, 1861, скт. стр. 8.

²⁾ Письмо къ Н. О. О., 1855. *Москов. Вѣдом.*, 1862, № 45.

³⁾ „Листи до Кухаренка“, письмо отъ 3 іюля 1857 г., *Основа*, 1861. скт., стр. 9—10.

⁴⁾ „Дневникъ“, *Основа*, 1861, іюль, стр. 12.

въ Петербургъ изъ ссылки остановиться въ Москвѣ, Шевченко разсчитывалъ непремѣнно видѣться съ Щепкинымъ. Онъ даже просить Кухаренку направлять ему письма черезъ Щепкина¹⁾.

18 сентября 1857 г. Шевченко пріѣхалъ въ Нижній Новгородъ и здѣсь, по его выраженню, „застрялъ“,—застрялъ невольно. Мечты о Петербургѣ, надежды скоро свидѣться съ старыми друзьями—разлетѣлись прахомъ. Пришлось жить въ чужомъ и чуждомъ городѣ, среди незнакомаго общества. Правда, Шевченко быстро пріобрѣлъ себѣ кружокъ пріятелей изъ людей, составлявшихъ мѣстную интеллигенцію. Но это не могло заставить его забыть о прежнихъ друзьяхъ, съ которыми для поэта были связаны воспоминанія о лучшихъ годахъ его творческой жизни. А друзья не ѻхали павѣстить опального поэта. Одни не желали этимъ вредить ему, другіе были изъ тѣхъ, дружба которыхъ живетъ лишь „до чернаго дня“; тѣмъ было нельзя, а этимъ—некогда. И изъ всѣхъ старыхъ пріятелей лишь одинъ Щепкинъ пріѣхалъ къ Шевченку въ Нижній Новгородъ,—пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы повидаться, пріѣхалъ, не взирая на зимнюю стужу, не взирая на свои преклонные годы и служебныя обязанности.

III.

12 ноября Шевченко написалъ письмо Щепкину и просилъ съ нимъ свиданія гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Москвы. „Какъ бы я радъ былъ видѣть этого славнаго артиста-ветерана“,—отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Щепкинъ никогда не задерживалъ отвѣтовъ на письма и 27 ноября послалъ уже второе письмо поэту. Верстахъ въ сорока отъ Москвы у сына Щепкина находилась дача, и тутъ-то артистъ предлагалъ устроить свиданіе. Но какъ человѣкъ, болѣе, чѣмъ его другъ, опытный въ житейскихъ дѣлахъ, Щепкинъ задаетъ прежде всего „нескромный“ вопросъ: „есть-ли у Шевченка средства на эту поездку?“ Вопросъ оказался вполнѣ умѣстнымъ. У Шевченка

¹⁾ „Листи до Кухаренка“ Основа, 1861, октябрь, стр. 11.

средствъ, дѣйствительно, не было, потому что у него только что передъ тѣмъ украли 125 заработанныхъ рублей. Приходилось согласиться на другое рѣшеніе задачи, предложенное въ томъ же письмѣ самимъ Щепкинымъ: на пріѣздъ артиста въ Нижній.

Предлагая такую комбинацію, Щепкинъ, конечно, сознавалъ и самъ всѣ связанныя съ ея выполненiemъ неудобства. Но добрый порывъ былъ всегда для Щепкина главнымъ двигателемъ во всѣхъ его поступкахъ. Къ тому же въ результатѣ поѣздки Щепкинъ видѣлъ и нравственное значеніе. Не для того только, чтобы повидаться собирался онъ въ Нижній: „а поговорить бы о многомъ нужно,—пишетъ онъ,—можеть быть, моя старая голова навела бы и твою на добрую мысль“. Да и какъ бы иначе могъ отвѣтчать Щепкинъ на сердечную просьбу поэта, закинутаго судьюю на перешпуть въ незнакомый уголъ. „Друже мій давній, друже мій едыный!“ писалъ Шевченко, — изъ далекої Киргизьской пустыни, изъ тяжкої неволи витавъ я тебе, мій голубе сызый, щирымы сердечными поклонами. Не знаю тилько, чи доходылы воны до тебе, до твого щирого, великого серця“. А если и доходили, что изъ этого толку? Вотъ если бы можно было свидѣтъся, „якъ бы то намъ хоть часыночку подышитъся одынъ на одного, хоть годыночку поговорить съ тобою, друже мій едыный. Я оживѣ бы, я напоивѣ бы свое серде твоимы тыхимы речамы, неначе живущою водою“.

Не въ характерѣ и не въ натурѣ Щепкина было отвѣтчать на такія трогательныя просьбы отказомъ.

Когда Шевченко получилъ письмо Щепкина, ему пришла въ голову мысль—соединить съ пріѣздомъ артиста и его гастроли на Нижегородской сценѣ. И не думая надъ этимъ долго, онъ сталъ подготовлять почву. Переговорилъ съ директоромъ театра,—тотъ соглашался на какія угодно условія, лишь бы знаменитый артистъ выступилъ въ Нижнемъ. Сообщилъ о своей мысли Далю, известному театралу Улыбышеву и другимъ поклонникамъ Щепкина. Конечно, всѣ обрадовались слушаю лишній разъ насладиться игрою ветерана русской сцены. Въ своемъ письмѣ отъ 5 декабря Шевченко все это излагаетъ Щепкину и соблаз-

няеть его пріѣхать въ Нижній. „Тутъ бы тебе, преславного, на рукахъ понеслы твои безчисленные поклонники,—пишетъ Шевченко. Щасливый ты, дуже щасливый, мій славный, мій великий другъ! Вси тебе бачили, вси до едыного русскаго чоловика, вси тебе знаютъ и съ любовью повторяютъ твое обаятельное, прославленное имя“. А я,—говоритъ онъ про себя,—„подивлюсь на тебе, подивлюся неначе на всесвітнюю галерею, неначе на всесвітній театръ, и забуду хоть на годыну свое невсыпуще горе“.

Занятый мыслью о пріѣздѣ Щепкина, Шевченко 8 декабря началъ писать своихъ *Неофитовъ*, задумавъ ихъ посвятить своему старому другу, какъ поэтическую дань своей душевной признательности. „Я ему посвящаю это произведеніе,—отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ— и мнѣ бы ужасно хотѣлось ему прочитать и услышать его вѣрныя дружескія замѣчанія“.

Въ это время директоръ Нижегородскаго театра Варенцовъ сѣѣздили въ Москву, видѣлъ Щепкина и, вѣроятно, переговорилъ съ нимъ о дѣлѣ. Отъ 11 декабря Щепкинъ пишетъ, что къ празднику пріѣдетъ—„колядовать вкупѣ“. Что касается до участія въ спектакляхъ, то, пожалуй, раза два—три онъ выступить. „А колы що не такъ, то мы и безъ театра обійтаемось“.

Изъ всей этой переписки видно, что Щепкина побуждалоѣхать въ Нижній исключительно желаніе повидаться и поговорить съ Шевченкомъ, а гастроли явились случайностью, придуманною поэтомъ.

Итакъ, вопросъ о поѣздаѣ Шепкина въ Нижній былъ решенъ, и артистъ увѣдомилъ своего друга, что 21 декабря выѣзжаетъ изъ Москвы, чтобы праздникъ встрѣтить вмѣстѣ. Получивъ это извѣстіе, Шевченко выразилъ въ дневникѣ свой восторгъ такими словами: „Послѣ автра я обниму моего старого, моего искренняго друга. Какъ я счастливъ этой неліцемѣрной дружбой! Немногимъ изъ нась Богъ посылаетъ такую полную радость, и весьма немногие изъ людей, доживъ до 70 лѣтъ, сохранили такую поэтическую свѣжестъ сердца, какъ М. С., счастливый патріархъ и артистъ!“

Наконецъ, 24 декабря Шевченко записалъ въ свое мъ дневникъ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ безумной радости: „Праздникъ праздника и торжество есть изъ торжествъ! Въ три часа ночи пріѣхалъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ!“ И этимъ днемъ онъ отмѣтилъ свое посвященіе *Неофитовъ*.

Съ этого дня и до отъѣзда друга Шевченко не заглядывалъ въ свой дневникъ—не до того ему было¹⁾.

IV.

Сохранился анекдотический разсказъ о Нижегородской встрѣчѣ друзей. По этому варианту Щепкинъ, прежде чѣмъ увидаться съ Шевченкомъ, долженъ былъ попросить на это разрѣшеніе у губернатора, которымъ тогда въ Нижнемъ состоялъ М. Н. Муравьевъ. Губернаторъ разрѣшилъ свиданіе, по въ своемъ присутствіи. И вотъ,—читаемъ дальше,—друзья встрѣтились и, несмотря на долголѣтнюю разлуку, узнали другъ друга, бросились въ объятія и оба расплакались, какъ дѣти. Муравьевъ не выдержалъ, прослезился и со словами: „видно вы въ самомъ дѣлѣ прекрасный человѣкъ, если вѣдь такъ встрѣчаютъ пріятели“,—бросился къ Шевченкѣ и началъ обнимать его! Тогда Щепкинъ, наблюдавшій эту сцену, промолвилъ, обращаясь къ Муравьеву: „Ваше превосходительство, что это вы плачете? Да вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили“.—Острота была благосклонно принята просвѣщеннымъ губернаторомъ и всѣхъ развеселила²⁾.

Какъ анекдотический, разсказъ этотъ характеренъ. Но изъ самаго содержанія и смысла его видно, что врядъ-ли что-нибудь подобное могло произойти въ дѣйствительности. Замѣтимъ прежде всего, что въ перепискѣ Шевченка съ Щепкинымъ, по поводу Нижегородской встрѣчи, нигдѣ не упоминается объ особомъ разрѣшеніи, которое надо было имѣть для свиданія съ поэтомъ.

¹⁾ Всѣ предыдущія и послѣдующія цитаты заимствованы изъ дневника Шевченка и изъ переписки его съ Щепкинымъ. Письма Шевченка къ артисту были напечатаны въ *Основѣ* 1861, октябрь, стр. 12—16. Письма же Щепкина къ поэту были помѣщены М. Чалымъ въ *Кievлянинѣ*, 1870, №№ 40, 41 и 43.

²⁾ *Трудъ* 1881, № 5, замѣтка, М. К. „Кое-что о Шевченкѣ“.

Самый эпизодъ встрѣчи вполнѣ правдоподобенъ. Конечно, друзья бросились другъ лругу въ объятія, расплакались. Но трудно допустить, чтобы въ такія минуты всегда тактичный и осторожный Щепкинъ сталъ острить надъ губернаторомъ, отъ котораго, при томъ, зависѣло свиданіе друзей.

Какъ бы тамъ ни было, они встрѣтились, и для Шевченка, по его собственному признанію, въ дневникѣ, настали „шесть дней полной, радостно-торжественной жизни“. Шевченко сознавалъ, что Щепкинъ „сдѣлалъ ему честь, какой не многіе удостоились отъ знаменитаго старца“¹⁾). Но дороже чести во сто кратъ было то душевное потрясеніе, то счастье, тѣ „радостныя, сладкія слезы“, которыя вызвалъ въ Шевченкѣ пріѣздъ Щепкина.

Ни въ перепискѣ, ни въ дневнике Шевченка не встрѣчается указаній на то, какъ провели друзья эти шесть дней. Но эту картину легко себѣ представить. На первомъ планѣ, безъ сомнѣнія, были долгія, долгія бесѣды: бесѣды о прошломъ, о горемычномъ житьѣ-бытьѣ поэта, о полной радостями и успѣхами жизни артиста. „Старая голова“ Щепкина наводила Шевченка на „доброя мысли.“ О чёмъ, какъ не о своемъ жизненномъ идеалѣ могъ внушать мысли своему другу „артистъ-человѣкъ“, „старецъ-юноша“? А этотъ идеалъ выражался словами, проводимыми въ жизнь: честный и добросовѣстный трудъ, стремленіе къ умственно-нравственному совершенствованію, любовь къ людямъ, вѣра въ свѣтлое будущее... Можно вообразить себѣ, какъ глубоко западали живыя рѣчи въ глохнувшую душу поэта, какъ будили онѣ въ его сердцѣ добрья чувства, въ его творческой способности—новыя силы.

Часть времени уходила, конечно, на посвѣщеніе знакомыхъ и поклонниковъ Московской и всероссийской знаменитости, съ которой Шевченко всѣ эти дни былъ не разлученъ, а вечера посвящались спектаклямъ: Щепкинъ игралъ, а Шевченко упивался его игрой, отъ которой потомъ не сразу пришелъ „въ нормальное состояніе, какъ отъ волшебнаго, очаровательнаго видѣнія“.

¹⁾ Кіев. Стар., 1889, Февраль, стр. 309, „Воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Г. Шѣкѣ“.

Щепкинъ выступилъ на Нижегородской сценѣ въ лучшихъ своихъ роляхъ: въ Гоголевскомъ Городничемъ,—одномъ изъ самыхъ яркихъ своихъ созданій,—въ трогательномъ, вызывавшемъ слезы *Матрозъ* и въ Чуиранъ изъ *Москаля Чаривныка*, котораго онъ игралъ неподражаемо. Четвертою его ролью была Любимъ Торцовъ изъ *Бѣдность не порокъ*, котораго сыгралъ здѣсь единственный разъ. Роль эта ему не удалась да и вообще произведенія и типы Островскаго были ему не по душѣ.

Особенный, совсѣмъ личный интересъ имѣла для Шевченка постановка *Москаля Чаривныка*. Она связана была съ сердечнымъ увлеченіемъ поэта одною изъ юныхъ Нижегородскихъ актрисъ,—увлеченіемъ, увы, не закончившимся благопріятнымъ исходомъ, также какъ и другіе его романы.

Еще въ первомъ своемъ письмѣ по поводу гастролей Шевченко писалъ Щепкину: „Тутъ есть прехороша дивчина и талантлива артистка Шунова. Чи вы не вѣкварылы бѣ сего Чаривныка на вѣдовызыжу Нижегородскимъ людямъ?“ Но самъ, не дожидаясь отвѣта, увлекъ на это дѣло Шунову, которая стала учиться малорусскому говору, такъ что въ томъ же письмѣ Шевченко приписалъ въ post-scriptumъ: „Зрадило дивча—ажъ заплакало.“

Не изъ любви къ искусству и къ своему другу хлопоталъ Шевченко. Ему хотѣлось дать сыграть съ знаменитымъ артистомъ и выдвинуть впередъ юную артистку, предметъ своего любовнаго увлеченія! По воспоминаніямъ Е. Б. Піуновой-Шмидгофъ¹⁾ и по другимъ разсказамъ, хорошо известно это неудачное романическое приключеніе поэта, и мы не будемъ останавливаться на немъ во всѣхъ подробностяхъ.

Шевченко бывалъ у Піуновыхъ и возгорѣлся страстью въ 15 лѣтней Катрусѣ, о чёмъ и сообщилъ ея родителямъ, прося руки ихъ дочери. Какъ ни любили Шевченка въ семье Піуновыхъ, но отъ предложенія его свѣта не взвидѣли. Ему былъ пятый десятокъ лѣтъ на исходѣ, да и что въ немъ было жениховскаго?—спрашиваетъ Шунова. „Сапоги смазные, дегтярные, тудупъ чуть не нагольный, шапка самая простая, барашковая,

¹⁾ Н. Ф. Юшкоа. Е. Б. Піунова-Шмидгофъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. Казань, 1889, стр. 35—43.

да такая страшная, хлопающаяся въ день по сотнѣ разъ.“ Съ отвѣтомъ на его предложеніе рѣшили подождать и ждали до тѣхъ поръ, пока не явился для дѣвушки ея суженый, когда Шевченко жилъ уже въ Петербургѣ. А тогда и самъ Шевченко отрѣзился отъ своего увлеченія, какъ видно изъ печатаемаго ниже письма.

Въ Москаль Чаривныкъ Піунова играла Тетяну. „Тарасъ Григорьевичъ, а въ угоду ему и Михаиль Семеновичъ учили меня малороссійскому языку и вдолбили роль Тетяны“,—говорить по этому поводу Піунова. По замѣчанію современаго критика, Піунова была такъ хороша въ этой роли, что Щепкинъ былъ въ восторгѣ и утверждалъ, что ни съ кѣмъ онъ не игралъ съ такимъ удовольствиемъ. Объ этомъ отзывѣ артиста говорить въ дневникѣ и самъ Шевченко, замѣчая, что Щепкинъ вообще „благодѣтельно подѣйствовалъ на это милое и даровитое созданіе“.

Послѣ отѣзда Щепкина изъ Нижняго, Шевченко прибѣгалъ къ авторитетному вмѣшательству своего друга, чтобы устроить Піунову на Харьковскую сцену, просилъ объ этомъ и другихъ лицъ¹⁾), но хлопоты его успѣха не имѣли.

29 декабря Щепкинъ уѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Шевченко съ нѣсколькими изъ своихъ знакомыхъ проводилъ его до первой станціи и, возвратясь домой, былъ весь подъ обаяніемъ испытаннаго умиротворяющаго вліянія. Онъ не зналъ, чѣмъ можетъ отплатить старому другу. „Любовю!—восклицаетъ онъ въ дневникѣ—но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любить? Чѣмъ же? Кромѣ молитвы о тебѣ, самой искренней молитвы, я ничего не имѣю“.

И на другой день образъ Щепкина и его сценическія созданія не покидаютъ воображенія поэта. „Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста,—записываетъ онъ въ дневникѣ,—стотъ великий человѣкъ, кротко улыбающейся, другъ мой единий, искренній мой, незабвенный Михаиль Семеновичъ Щепкинъ“.

¹⁾ Напр. М. А. Максимовича (*Кіев. Стар.*: 1885, № 2, стр. 334).

V.

Въ тотъ самый день, который {Шевченко отмѣтилъ какъ „праздникъ праздника“, въ рождественскій сочельникъ, Щепкина поразило тяжкое, хотя и не неожиданное горе: заграницей, въ Испаніи, умеръ отъ чахотки старшій сынъ Щепкина, Дмитрій, котораго ожидала блестящая карьера ученаго¹⁾). Извѣстіе объ этомъ престарѣлый артистъ получилъ на порогѣ дома, возвратясь изъ Нижняго. Волненія, испытанныя во время поѣздки, смылились сильнѣйшимъ душевнымъ потрясеніемъ. „И тѣло устало и душѣ некогда“,—пишетъ онъ Шевченку сей-часъ по прїѣздѣ домой. „Дай душѣ отдохнуть, а то она все время была въ такомъ волненіи, что немножко и не подъ силу, а прїѣхалъ домой—все взворушилось въ старой душѣ моей“.

Это, однако, не помѣшало Щепкину въ томъ же письмѣ просить Шевченка замолвить предъ почтовымъ начальствомъ словечко за почтальона, который сопровождалъ его изъ Нижняго и ухаживалъ за нимъ, какъ за ребенкомъ: „добroe слово въ пользу маленьkаго человѣка необходимо“.

Прошло немного времени, и у Шевченка созрѣлъ планъ побывать въ Москвѣ. Снова выдвинулся на сцену проектъ устроить свиданіе подъ Москвой. Щепкинъ на это отвѣчалъ приглашеніемъ прїѣзжать, если на масленицѣ и если разрѣшать, то въ Москву, а если постомъ, когда артистъ освободится отъ занятій, то и на дачу. Въ томъ же письмѣ Щепкинъ уведомляетъ Шевченка, что рисунки его будутъ разыграны въ лоттерею.

Изъ сохранившейся переписки между друзьями, относящейся къ этому periodу, извѣстны письмо Шевченка и четыре письма Щепкина. Письма касаются со стороны поэта хлопотъ по ангажементу Шіуновой въ Харьковѣ. Щепкинъ отвѣчаетъ по этому вопросу, стараясь умѣрить восторженность своего друга и указать на его непрактичность. Кроме того, въ письмахъ Щепкина идетъ рѣчь о В. А. Кокоревѣ, извѣстномъ откупщикѣ

¹⁾ Д. М. Щепкинъ оставилъ послѣ себя начало большой работы: *Объ источникахъ и формахъ русской баснословія*. М. 1859.

того времени. Здѣсь дѣло идетъ, повидимому, о деньгахъ, которыя нужно было получить съ Кокорева за художественные работы Шевченка. Исполнить это порученіе Щепкину не удавалось. „Я бы и своихъ тебѣ послалъ, но и самъ теперь безъ денегъ; а потому извернись какъ нибудь. Въ первыхъ числахъ февраля мой бенефистъ, и я могу тогда свои деньги отдать, а съ него получу послѣ“. Такъ, вѣроятно, и было сдѣлано, потому что въ письмѣ отъ 3 февраля Шевченко благодарилъ Щепкина за присылку 200 рублей.

Въ хлопотахъ о материальныхъ дѣлахъ Шевченка Щепкинъ не оставлялъ заботы и о нравственномъ его обиходѣ. Въ Москвѣ дошли до Щепкина слухи о кутежахъ поэта, и онъ пишетъ: „Не вытерплю, скажу! Ты, кажуть, дуже кутнувъ трохи? Никакая пещечина меня бы такъ не оскорбила. Богъ тебѣ судья. Не щадишь ты ни себя, ни друзей твоихъ. Погано, дуже погано. Не набрасывай этого на свою натуру и характеръ. Я этого не допускаю: человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть воля. Не взыщи за мои грубыя слова. Дружба строга, а ты самъ произвелъ меня въ друзья, и потому пеняй на себя“.

Ни на масленицѣ, ни на первой недѣлѣ поста Шевченку не пришлось поѣхать въ Москву. Случилось это немного позже. 1 марта 1858 г. Шевченко получилъ дозволеніе жить въ Петербургѣ и 8 марта выѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Пріѣхалъ онъ прямо къ Щепкину, жившему у Старого Нимена, и, какъ самъ записалъ, „повидимому, надолго“. Отъ гостепріимнаго Щепкина вообще трудно было скоро вырваться. А тутъ еще у поэта распухъ и покраснѣлъ глазъ, на лбу высыпали прыщи. Хозяинъ ухаживалъ за гостемъ, какъ „за кашризнымъ ребенкомъ“. У Щепкина было въ обычай — „носиться“ съ тѣми, кого онъ любилъ и кого считалъ отмѣченнымъ искрою Божьей. Это было известно его друзьямъ и знакомымъ. По поводу *Неофитовъ* Костомаровъ писалъ еще раньше Шевченку: „Такъ не только друковать сю вещь рано, да позволь мени, брате, не посыпать и Щепкину: бо винъ зъ нею усюды носытыметъца и пайде про

тебе така чутка, що прытьмомъ не слизь пускатъ тебе до столяци¹⁾.

Щепкинъ перебывалъ съ Шевченкомъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ,—а знакомыхъ у него—была вся интеллигентная Москва: Аксаковы, Максимовичъ, Бодянскій, Кетчеръ, Кошелевъ, кн. Репнина, Забѣлинъ, Якушкинъ, Станкевичъ, Бабстъ, Чичеринъ, Коршъ и многіе другіе—у всѣхъ у нихъ побывалъ Щепкинъ съ своимъ другомъ или „показывалъ“ имъ его въ знакомыхъ домахъ. Шевченко, какъ поэтъ, испытавшій превратности судьбы, не могъ не интересовать передовыхъ людей московского общества, а особенно, когда появлялся съ своимъ популярнымъ и всѣми любимымъ другомъ.

Этотъ періодъ московскихъ знакомствъ закончился 25 марта обѣдомъ въ честь Шевченка у Максимовича, и 26 марта, прогостивъ у Щепкина больше двухъ недѣль, поэтъ уѣхалъ въ Петербургъ:

Друзья разстались на-вѣки. Жизненному пути и того, и другого близокъ былъ конецъ. Но письменныя сношенія между ними поддерживались. Извѣстны два письма,—одно Щепкина, другое Шевченка, относящіяся къ этому предсмертному періоду жизни поэта въ Петербургѣ. Въ это же время было написано и то письмо, которое мы печатаемъ теперь впервые.

Шевченко, приѣхавъ въ Петербургъ, сразу попалъ въ моду и закружился въ водоворотѣ столичной жизни. Не съ такими намѣреніями, которыя ови, конечно, обсуждали вмѣстѣ съ Щепкинымъ, стремился Шевченко въ Петербургъ. Работать и работать—вотъ къ чему призывалъ своего друга старый артистъ. Понятно, что ему не могла нравиться разсѣянная, свѣтская жизнь поэта. И этимъ вызваны, безъ сомнѣнія, его слова въ письмѣ отъ 23 мая: „Теперь два слова старика—за дѣло и за дѣло. Не давай овладѣвать собою бездѣйствію“. И снова въ концѣ письма: „Да, еще разъ: за дѣло и за дѣло“. Какъ откликъ на этотъ призывъ, звучатъ слова Шевченка въ письмѣ отъ 13 ноября 1858 г.: „якъ той щирый воль запрягся я въ

¹⁾ М. Чалый. Жизнь и произведения Т. Г. Шевченка, стр. 117.

роботу". И тутъ же Шевченко добавляетъ, что и этого письма не написалъ бы, если-бы не безденежье. Онъ просить Щепкина „вырвать у Кокорева оти 100 карбованцівъ“ и переслать ихъ ему. Наконецъ, и послѣднее, приводимое нами письмо, касается того же денежнаго дѣла.

Вотъ это письмо съ орфографической точностью¹⁾:

„Благородный мій единий друже!

Де доткнєця до користи до грошей, то я бачу що твоя на-
тура моїй сестра ридна, и соромлива, и боязливава. Чого се воно
такъ? Мабуть того що гроши душу холодять, а наши души бо-
яця холоду. Повинно буть такъ. Кокоревъ, якъ я бачу, забувъ
про мои гроши, а нагадать йому никому причъ тебе, а ты со-
ромися. Я думаю ось що зробить. Напиши ты Кокореву письмо
тай адресуй його на мое имя, съ передачею. Результатъ пови-
ненъ буть такій. Я получу свои гроши, и лично познакомлюся
съ цимъ замѣчательнымъ чоловикомъ. Добре було бъ, якби ты
такъ зробивъ. Або выдумай лучше.

Скажи мени, будь ласкавъ, щобъ зъ мене теперъ було якби
бувъ я оженився на моїй любій *Тетяси?* Пропацій чоловикъ
та й більшъ ничего. Не пишешъ ты мени, чи бувъ у тибе ху-
дожникъ Раевъ зъ моєю новою гравюрою. И чи бачився ты зъ
графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ. Якъ не бачився, то побачся
и подякуй йому одъ мене.

У насъ теперъ африканскій актеръ, чудеса виробляє на
сцени. Живого Шекспира показує. Не знаю чи поиде винъ до
васъ. А билше нового нема ничего. Цилую твою жинку, дитей
и внучатокъ, нехай здорови ростуть та щасливі будуть. Поци-
луй С. Тимофеєча за мене и Кетчера и Мина и Максимовича
и всіхъ кого знакомого побачишъ.

¹⁾ Письмо написано, на цвѣтной, сине-голубовато-блѣдной, почтовой бумагѣ. Оно находилось въ бумагахъ одного изъ наслѣдниковъ Щепкина, а теперъ принад-
лежить автору настоящаго очерка. Письма Шевченка къ Щепкину, напечатанные въ острільской книжѣ *Основы* за 1861 г., были сообщены въ редакцію самими Щепкинами. Почему въ числу этихъ четырехъ напечатанныхъ писемъ не было присоединено печатаемое теперъ письмо — неизвѣстно. Вѣроатно, оно не было разъ-
искано Щепкинами.

Оставайся здоровъ мій друже едыный, не забувай мене твого ридного брата. Т. Шевченко“.

1868. Декабря 6.

Для будущаго біографа поэта письмо это представляетъ интересъ. Прежде всего Шевченко даетъ разгадку того, что связывало его съ Щепкинымъ. У нихъ были родственныя натуры,— „и соромливыя и боязливыя“. Ихъ души „боялись холода“.

Исторія съ полученіемъ денегъ отъ Кокорева затрагивается и въ этомъ письмѣ.

Почему-то тутъ же Шевченко вспоминаетъ о своей „Тетясѣ“ (Піуновой),—вспоминаетъ съ раскаяніемъ о своей мысли жениться на ней.

О художникѣ Раевѣ Шевченко сообщалъ Щепкину въ письмѣ отъ 13 ноября. Раевъ привезъ въ Москву экземпляръ гравюры (*eau-forte*), изданной на счетъ графа Алексія Серг. Уварова, котораго Шевченко и проситъ „подякувать“.

Африканскій актеръ, который „живого Шекспира показує“ былъ Ольриджъ. Извѣстно, какая пріязнь существовала между трагикомъ и поэтомъ, хотя они объяснялись только мимически.

Этимъ письмомъ заканчиваются, въ хронологическомъ отношеніи, извѣстные до сихъ поръ материалы для характеристики дружбы между Шевченкомъ и Щепкинымъ. Съ небольшимъ черезъ два года послѣ этого письма (26 февраля 1861 года) угасъ навсегда поэтъ, а еще черезъ два съ половиной года (11 августа 1863 года) сопелъ въ могилу и его „старый другякъ“, на памятникѣ котораго написано: „артистъ—человѣкъ“.

Алексій Ярцевъ.

О МОТИВАХЪ ПОЭЗИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловіе — значеніе и условія изученія поэтическихъ мотивовъ Шевченка. Чистороннія вліянія. Опредѣленіе значенія и задачъ творчества. Слово. Дума. Муза. Ільїн. Ніва. Кобзарь. Пророкъ. Апостолъ правды. Народность. Замістованія и подражанія. Народныя ієвси, поетрія, обычай, обряды, сравненія. Народность въ міросозерцаніи и описаніяхъ быта. Вибѣшля природа: солнце, мъсяцъ, вечерняя звѣзда, вѣтеръ, тучи, море, Дунай, Днѣпро, Украина, флора и фауна. Исторические мотивы: гетьманщина, козачество, панщинна, чумачество, солдатчина, чужина. Релігіозно - іравственные мотивы: релігіозное чувство. Молитва. Київськія святыни. Понятія о добрѣ и злѣ, богатствѣ и бѣдности. Трудъ. Наука. Мотивы поэтические, этнографические, автобіографические и литературно-бытовые. Славяно-фільство. Мотивы семейно-родственныя. Село. Хата. Молодежь. Дѣвичья красота. Бракъ. Дѣти. Байструки. Мать, синь и дочь. Покрытка. Наймичка. Смерть. Кладбище.

Изученіе жизни Т. Г. Шевченка значительно подвинулось впередъ въ трудахъ г. Чалаго и г. Конисскаго. Сравнительно меньшее сдѣлано для изученія его поэзіи; но и въ этой области въ послѣднее время появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, преимущественно галицкихъ ученыхъ — Партицкаго, Франка, Студинскаго. Въ особенности выдается крупный и весьма цѣнныій въ научномъ отношеніи трудъ г. Колессы въ 3 ч. „Записокъ Товариства Шевченка“ (стр. 36—152) о вліяніи Мицкевича на Шевченка. Вышедшая недавно въ Полтавѣ брошюра г. Лисовскаго о мотивахъ поэзіи Шевченка представляетъ чистую фантасмагорію изъ теплыхъ словъ, или своеобразное стихотвореніе въ прозѣ — звучное, красивое, но и только.

Научное изучение поэзии Шевченка со стороны мотивовъ представляется затруднительнымъ по многимъ причинамъ. Хотя по виѣшнему объему Кобзарь не великъ, и его вполнѣ можно издать въ какой-либо „Дешевой библиотекѣ“ въ объемѣ и стоимости полнаго собранія сочиненій Лермонтова въ 35 коп.; но по внутреннему содержанію Кобзарь—памятникъ сложный и богатый. Это малорусскій языкъ въ его историческомъ развитіи, крѣпостничество и солдатчина во всей ихъ тяжести старого времени, въ отношеніи преимущественно къ семейному положенію женщины, и наряду неугасшія воспоминанія о козацкой вольности. Здѣсь сказываются удивительныя сочетанія, съ одной стороны, вліянія странствующаго украинскаго философа Сковороды и народныхъ кобзарей, съ другой—вліяніе Мицкевича, Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Въ Кобзарѣ отразились киевскія святыни, запорожская степная жизнь, идиллія малорусскаго крестьянскаго быта—вообще исторически выработавшіяся народный душевный складъ съ своеобразными оттѣнками красоты, задумчивости и грусти. При посредствѣ своего ближайшаго источника и главнаго пособія—народной поэзіи, Шевченко тѣсно примыкаетъ къ козацкому эпосу, къ старой украинской и отчасти польской культурѣ и даже стоитъ въ связи, по нѣкоторымъ образамъ, съ духовно-нравственнымъ міромъ Слова о полку Игоревѣ. Шевченко не случайно перевелъ плачъ Ярославны. Въ его душѣ звучали поэтическія струны, близкія къ тѣмъ, которыя подъ вѣщими перстами Баяна рокотали славу древне-русскімъ князьямъ.

Главная трудность изученія поэзии Шевченка заключается въ томъ, что она насквозь пропитана народностью, и крайне, трудно, почти невозможно, опредѣлить, гдѣ кончается малорусская народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество Шевченка. Народное начало поглотило и скрыло литературные вліянія; получается такое общее впечатлѣніе, будто поэзія Шевченка сложилась сразу, безъ историческихъ и литературныхъ традицій, безъ постороннихъ вліяній, безъ внутренняго органическаго роста—впечатлѣніе ошибочное. Несомнѣнно, и у Шевченка были источники и пособія въ богатыхъ уже въ его время запасахъ

литературъ русской, польской и малорусской. Ближайшее, научное изученіе открываетъ литературные источники, которыми пользовался Шевченко то удачно, то неудачно. Такимъ источникомъ была поэзія Мицкевича (см. ст. г. Колессы въ Запискахъ Товариства Шевченка), отчасти Н. Маркевичъ (см. ст. г. Студинского въ 24 № Зори 1896 г.). Извѣстно, что Шевченко любилъ Пушкина, зналъ многія его стихотворенія наизусть, и при всемъ томъ вліяніе Пушкина на поэзію Шевченка трудно опредѣлить за украинскими наслоеніями. Замѣтно вліяніе „Братьевъ разбойниковъ“ на Варнака (282, 283), вліяніе „Египетскихъ но-чей“ (362), „Рѣдѣеть облаковъ летучая гряда“ (246). Кое-гдѣ замѣтно вліяніе Лермонтова (о чёмъ ниже). Есть еще одно препятствіе для научного анализа Шевченка—художественная цѣльность, простота и задушевность его стихотвореній.—Его мягкая поэмы живутъ своей внутренней, присущей имъ жизнью и не поддаются холодному и сухому научному разбору. Впрочемъ, выдѣленіе мотивовъ представляется дѣломъ сухимъ и малопривлекательнымъ лишь въ процессѣ работы, а не въ результатахъ ея. Сближеніе отдѣльныхъ мотивовъ открываетъ цѣлый рядъ глубоко жизненныхъ явлений, наводитъ на такія стороны въ мысляхъ и чувствахъ поэта, которые раньше не были замѣчены или не были достаточно поняты. Съ выдѣленіемъ мотивовъ ярко обрисовываются кое-какія характерныя черты малорусского народнаго міросозерцанія и быта. Затѣмъ, лишь при выдѣленіи мотивовъ и по сравненію ихъ съ породившими ихъ явлѣніями литературы и быта, можно будетъ проникнуть въ тайну художественного творчества Шевченка и опредѣлить, какъ отражались и кристаллизировались въ чуткой душѣ поэта испытанныя имъ житейскія эмоціи.

Цѣль настоящей статьи—скромная: нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу изученія Кобзаря по мотивамъ, нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ мотивахъ. Для полнаго и обстоятельнаго изученія Шевченка нужно еще многое такое, чего нѣть въ настоящей статьѣ, “нужно во 1) составить словарь Шевченка, что поможетъ определенію самыхъ мелкихъ мотивовъ, 2) нужно изучить формальную сторону его поэзіи (непочатое поле), т. е.

строеніе стихотвореній, эпитеты, повторенія и пр. т. п., 3) нужно привлечь прозаическую статьи и письма Шевченка, 4) подыскать соответствующія литературные параллели въ поэзіи малорусской, великорусской и польской, съ одной стороны—въ цѣляхъ определенія возможныхъ литературныхъ подражаній, съ другой—для уясненія общихъ приемовъ художественной концепціи, и въ 5) путемъ постановленія всѣхъ подмѣченыхъ мотивовъ нужно определить главные запасы житейскихъ наблюдений, какіе накопилъ Шевченко, и его личныя точки зрѣнія. Послѣдняя задача намѣчена ниже лишь вкратцѣ и мимоходомъ.

Не придавая настоящей статьѣ значенія полнаго и разностороннаго изслѣдованія, мы, однако, сочли бы ошибочнымъ и несправедливымъ, если бы она сочтена была за простой предметный указатель. Это было бы несправедливо потому, что мотивы большей частью сгруппированы по внутреннему ихъ сродству и мѣстами комментированы; стоитъ только, при достаткѣ времени, раскрыть данные въ скобкахъ цифровые ссылки, какъ настоящая сравнительно небольшая статья легко можетъ быть обращена въ большое изслѣдованіе.

Прежде всего нужно отмѣтить признанія поэта о значеніи и цѣляхъ художественного творчества вообще, его личнаго творчества въ частности. Правда, въ литературѣ существуютъ уже замѣтки на этотъ счетъ въ значительномъ числѣ; но они далеко не исчерпываютъ всѣхъ, относящихся сюда, мотивовъ. Обыкновенно пользуются лишь тѣмъ, что поэтъ говорить о своемъ словѣ или о своей музѣ—всѣмъ известныя „Орыса моя, ниво“, или „Не нарикаю я на Бога“, „За думою дума“ и др. (см. по петербургскому изданію 1883 г., стр. 162, 217, 462, 479, 406, 407, 442, 326, 6, 165). Но этихъ мотивовъ (*слово, музя, пъсня, нива*) еще недостаточно для обрисовки воззрѣній Шевченка на природу и значение поэзіи. Нужно привлечь еще тѣ мѣста, гдѣ говорится о счастьѣ, какъ понимаетъ его поэтъ (напр. на стр. 298), о славѣ (стр. 458). Въ особенности важны въ смыслѣ поэтическихъ признаній все тѣ мѣста, гдѣ говорится

о кобзарѣ, о пророкѣ и о думахъ, какъ любимыхъ дѣтяхъ (1, 4, 162, 173, 202, 217, 218, 241, 278, 353 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ поэтъ подразумѣваетъ подъ кобзаремъ самого себя; потому онъ внесъ во всѣ обрисовки кобзаря много лирическаго чувства. Исторически сложившійся образъ народнаго пѣвца былъ по душѣ поэту, въ жизни и нравственномъ обликѣ котораго, дѣйствительно, было много кобзарскаго. О кобзарѣ Шевченко говорить очень часто (по изд. 1883 г. см. стр. 3, 4, 5, 7, 9, 12 — 13, 53, 55, 58, 91, 92, 96 и мн. др.). Рѣже сравнительно встрѣчается пророкъ (см. стр. 381, 406, 461). Къ стихотвореніямъ о пророкѣ тѣсно примыкаетъ небольшое, но сильное ст. обѣ апостолѣ правды (482). Въ обрисовкѣ пророка, въ особенности въ ст. „Неначе праведныхъ дитей“, замѣтно общее, довольно сильное вліяніе Лермонтова. Итакъ, въ самостоятельную субъективную группу можно выдѣлить всѣ мотивы: слово, пѣсня, муз., (отчасти слава), кобзарь и пророкъ, что, разумѣется, не исключаетъ возможности рассматривать эти мотивы и въ другомъ порядке, хотя бы въ наиболѣе простомъ и сравнительно наиболѣе безопасномъ отъ ошибокъ—порядкѣ алфавитномъ.

Народность Шевченка, какъ народность Пушкина и др. выдающихся поэтовъ, слагается изъ двухъ родственныхъ элементовъ—а) народности вѣнѣшней, заимствованій, подражаній и б) народности внутренней, психически наследственной. Определеніе вѣнѣшнихъ, заимствованныхъ элементовъ не трудно; для этого достаточно ознакомиться съ этнографіей и подыскать прямые источники въ народныхъ сказкахъ, повѣряхъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Определеніе внутреннихъ психологическихъ народныхъ элементовъ весьма затруднительно и въ полномъ объемѣ невозможно. У Шевченка есть тѣ и другіе элементы; но при этомъ основные психологические такъ широки, что придаютъ общую окраску всей его поэзіи и сообщаютъ ей большую колоритность. Душа Шевченка до такой степени насыщена народностью, что всякий, даже посторонній, заимствованный мотивъ получаетъ въ его поэзіи украинскую национальную окраску.

Къ виѣшнимъ, заимствованнымъ и въ большей или меньшей степени переработаннымъ народно-поэтическимъ мотивамъ принадлежатъ:

1) Малорусскія народныя пѣсни, приводимыя мѣстами цѣлкомъ, мѣстами въ сокращеніи или передѣлкѣ, мѣстами лишь упоминаемыя. Такъ, въ „Перебендѣ“ Шевченко упоминаетъ объ извѣстныхъ думахъ и пѣсняхъ—про Чалаго, Горлыцю, Грыця, Сербына, Шинкарьку, про тополю у края дороги, про руйнованье Сичи, „веснянки“, „у гаю“—любопытный репертуаръ пѣсенъ, должно быть, особенно любимыхъ поэтомъ и хорошо ему извѣстныхъ. Пѣсня „Пугачъ“ упоминается, какъ чумацкая, въ „Катерынѣ“; „Петрусь“ и „Грыць“ въ „Черныцѣ Марьянѣ“; „Ой не шумы, луже“ упоминается дважды,—въ „Перебендѣ“ и „До Основьяненка“. Въ „Гайдамакахъ“ и въ „Невольникахъ“ находится дума о бурѣ на Черномъ морѣ въ небольшой передѣлкѣ. Встрѣчаются иѣсколько народныхъ пьяницкихъ пѣсень (13, 379). Свадебныя пѣсни, изъ тѣхъ скабрезныхъ, что поютъ на перезву, вошли въ „Гайдамакы“ (стр. 120, 125). По всему „Кобварю“ разсыпаны отзвуки, подражанія и передѣлки народныхъ лирическихъ пѣсень (напр. на 344, 367, 371, 372, 374—380, 464 и др.).

2) Легенды, преданія, сказки и пословицы, сравнительно съ пѣснями, встрѣчаются рѣже. Изъ легендъ о хожденіи Христа взято начало ст. „У Бога за дверьми лежала сокира“. Изъ преданій взять разсказъ о томъ, что „ксенды нѣкогда не ходили, а ѿздили на людяхъ“ (302). Пословица „скачи враже, якъ пань каже“ (7) въ „Перебендѣ“. Иѣсколько поговорокъ рядомъ въ „Катерынѣ“ (на 45 стр.). Много народныхъ пословицъ и поговорокъ разбросано въ „Гайдамакахъ“.

3) Въ большомъ количествѣ встречаются народныя поэпрыя и обычай. Таковы, поэпрыя о сонѣ - травѣ (229), о томъ, что на мѣсадѣ „брать брата на вильцахъ держе“ (513), что „веселка воду позычае“ (248). Таковы многіе свадебные обычай—обмынь хлѣбомъ, дареніе рушниковъ, печеніе коровья и др. (150—152, 233, 335), обычныя формы ласки (мытье головы стр. 188), обычай посадки деревьевъ надъ могилами (31) или по отсутствующему (232).

повѣрья о вѣдьмахъ (206, 443—457), о русалкахъ (26, 27, 29, 225), о ворожкахъ (16, 17), о пристрѣтѣ (179, 59).

4) Масса художественныхъ образовъ взята изъ народной поэзии, напр., образъ смерти съ косой въ рукахъ (240), олицетвореніе чумы (360, 374). Въ особенности часто встречаются народные образы доли и недоли. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что народный складъ представленій Шевченка о долѣ выступить очень рельефно, если взять, напримѣръ, тѣ мѣста „Кобзаря“, где говорится о долѣ — и такихъ мѣсть очень много—по изд. 1883 г., стр. 18, 312, 440, 174, 175, 276, 367, 369, 212, 213, 214, 216, 218, 219,—и сравнить ихъ съ народными пѣснями о долѣ въ V т. Трудовъ Чубинскаго 1042, 1019, 1025, 360, 361, 785, 627, 4, 28, 29, 30, 345, 41. Доля въ „Невольнику“ (174—175) внушена поэту народными сказками.

5) Наконецъ, въ Кобзарѣ много заимствованныхъ народно-поэтическихъ сравнений и символовъ; напр. склоненіе явора—горе парубка (181), весилье—война (224, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ думахъ), жатва—битва (161, какъ въ Словѣ о П. Иг. и въ думахъ), заростаніе шляховъ—символъ отсутствія милаго (232), калина—дѣвица (205, 214, 230).

Народная пѣсня потому часто встречается въ Кобзарѣ, что она имѣла огромное значеніе для поддержанія духа поэта въ самые горестные часы его жизни, что прекрасно выражено на стр. 309:

Люде зрадять,
А вона мене порадить
И порадить, и розваже,
И правдоньку мени скаже.

Народность Шевченка опредѣляется далѣе его міросозерцаніемъ, излюбленными его точками зреѣніями на виѣшнюю природу и на общество, причемъ въ отношеніи къ обществу выдѣлается элементъ историческій—его прошлое, и элементъ бытовой—современность. Одна изъ этихъ основныхъ точекъ зреїнія бываетъ иногда атрофирована, другими словами, вѣтъ природы, или отсутствуетъ исторія, или недостаетъ современности. У

Майкова, напр., не было современности, и природа у него освѣщена очень блѣдно. У большинства современныхъ лириковъ нѣтъ ни малѣйшаго историческаго интереса. Всего этого много у Пушкина, Лермонтова, Шевченка; всѣ основные моменты—виѣшняя природа, исторія и современный бытъ освѣщены у нихъ съ глубоко національной точки зрѣнія.

Внѣшняя природа обрисована оригинально, съ своеобразнымъ украинскимъ колоритомъ. *Солнце* ночуетъ за моремъ, выглядываетъ изъ-за хмари, какъ женихъ весной посматриваетъ на землю (6, 60, 184, 412 и др.). *Мъсяцъ* круглый, блѣднолицій, гуляя по небу, смотритъ на „море безкрае“ (65) или „выступае съ сестрою ворею“. Всѣ эти образы дышать художественно-миѳическимъ міросозерцаніемъ, напоминаютъ древнія поэтическія представленія о супружескихъ отношеніяхъ небесныхъ свѣтиль.³ *Вечерняя звезда* въ „Сонце заходить“ (246) ставить это стихотвореніе въ близкую связь съ пушкинскимъ „Рѣдѣеть облаковъ летучая гряда“. Подробно я говорилъ объ этихъ стихотвореніяхъ и народныхъ ихъ аналогіяхъ въ I вып. „Этюдовъ о Пушкинѣ“ стр. 32. Сходные мотивы на 246, 248 и нѣкот. др.

Тучи, хмари упоминаются большей частью мимоходомъ (25, 27, 306 и др.). Превосходно изображеніе вечерняго облака на 306 стр.

Вѣтеръ у Шевченка является въ образѣ могучаго существа, принимающаго участіе въ жизни Украины (см. 161 стр. и др.); то онъ ночью тихонько ведетъ бесѣду съ осокой (203), то гуляетъ по широкой степи и разговариваетъ съ курганами (8, 209), то заводитъ буйную рѣчъ съ самимъ моремъ (214, 216). Зимняя завирюха обрисована въ „Катеринѣ“ (стр. 49).

Море—но объ немъ мы здѣсь не будемъ распространяться—въ виду существованія статьи А. Каневскаго „Море въ поэзіи Т. Г. Шевченка“ въ 30 № „По морю и сушѣ“ 1895 г., где собраны всѣ главныя обрисовки моря. Въ какой національно бытовой обстановкѣ является у Шевченка море, можно судить изъ слѣдующаго интереснаго по простотѣ и задушевности стихотворенія:

Каламутним болотами,
Межъ бурьянами, за годами
Три годы сумно протекли;
Багато дечего ввали
Зъ моей темной коморы
И въ море вышкомъ однесли,
И вышкомъ проковтнуло море
Мое не злато—серебро—
Моя лата, мое добро,
Моя аудьгу, та и печали...

Эта картина въ основѣ имѣетъ представлѣніе о наиболѣе практикуемомъ въ Малороссіи способѣ воровства изъ коморы, гдѣ крестьяне хранятъ все лучшее, обыкновенно одежду, а кто побогаче—то и злато—серебро. Море является тайнымъ сообщникомъ вороватыхъ годовъ.

Дунай вошелъ въ стихотворенія Шевченка подъ прямымъ вліяніемъ народной поэзіи и обрисованъ (см. 38, 138, 190) въ духѣ народной поэзіи.

Другое дѣло *Днѣпръ*. Это, можно сказать, одинъ изъ самыхъ главныхъ и основныхъ мотивовъ всей поэзіи Шевченка. Съ Днѣпромъ въ сознаніи поэта связывались историческая воспоминанія и любовь къ родинѣ. Въ „Кобзарѣ“ Днѣпръ—символъ и признакъ всего характерно малорусскаго, какъ *Vater Rhein* въ нѣмецкой поэзіи или Волга въ великорусскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. „Немае другого Дніпра“, говорятъ Ш. въ посланіи до мертвыхъ, живыхъ и ненародденныхъ земляковъ. Съ Днѣпромъ поэтъ связывалъ идеаль счастливой народной жизни, тихой и въ довольствіѣ:

Межъ горами старый Дніпро,
Неваже въ молоци дытива,
Красуетца, зибуетца
На всю Україну,
А по надъ ними зелевість
Широкія села,
А у селахъ у веселыхъ
И люди весели...

Днѣпръ широкій (381), дужій, сильный (102), какъ море (2); всѣ рѣки въ него впадаютъ, и онъ всѣ ихъ воды несетъ въ море (297); у моря онъ узнаетъ о козацкому горѣ (20); онъ

реветь, стонеть, тихо говоритъ, даетъ отвѣты; изъ - за Днѣпра прилетаютъ думы, слава, доля. Здѣсь пороги, курганы, церковка сельская на крутомъ берегу; здѣсь сосредоточенъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, потому что Днѣпръ „старый“ (354), потому что Днѣпръ „сивый козакъ“ (270). На берегу Днѣпра поэтъ, по собственному его желанію, и похороневъ (201). Вообще, Днѣпръ входитъ во многія лучшія стихотворенія Шевченка (см. 354, 381, 397, 297, 2, 8, 20, 25, 27, 29, 68, 102, 138, 164, 167, 186, 201, 225, 237, 241, 278, 242, 266, 267, 270, 277, 278, 353, 354, 465).

Другой весьма обычный мотивъ поэзіи Шевченка — *Украина*, то упоминается мимоходомъ, но всегда ласкательно, то съ обрисовкой или естественно-физической, или исторической, такъ что при систематизаціи мотивовъ пріуроченіе Украины представляеть нѣкоторое затрудненіе. Съ наибольшей основательностью мотивъ этотъ можетъ быть отнесенъ въ разрядъ мотивовъ виѣшнихъ, тѣмъ болѣе, что природа Украины описана лучше и вѣрнѣе, чѣмъ исторія Украины, гдѣ поэтъ иногда впадаетъ въ одностороннюю идеализацію (стр. 4, 7, 8, 161, 265, 267, 273 и др.). Въ описаніи природы Украины выступаютъ чередующіеся поля и лѣса, гаи, садочки, широкія степи (209, 246, 249 и др.)¹⁾.

Для кого я пишу, для чего,
За что я Украину люблю,
Че варгъ вона огня святого?
А все таки іи люблю
Мою Украину широку... (292—293).

Изъ этой коренной психологической любви къ родинѣ вышли всѣ сочувственные описанія малорусской флоры и фауны — тоцоли (13 и др.), перекатиполя (219), лилеи (227), королева цвита (227), ряста (251), барвинка (334) и особенно калины (210, 214, 229 и 230), соловья (14, 15, 210, 273 и др.), чайки (164), сыча (359). Сближеніе соловья съ калиной въ ст. „На вичну память Котляревскому“ построено на сближеніи ихъ въ народныхъ пѣнняхъ (напр. въ V т. Трудовъ Чубинскаго стр. 23, 463). Подроб. объ этомъ мотивѣ и сходныхъ восточныхъ о

¹⁾ См. еще Партикало, „Провидчи идеи въ письмахъ Т. Шевченка“.

любви соловья и розы см. въ IV вып. моихъ „Этюдовъ о Пушкинѣ“ стр. 1—5. Интересно сравнить „Лилюю“ Шевченка (227—229) съ „Лилеем“ Манжуры. Можно подумать, что первыя стро-ки стихотворенія Шевченка повліали на Манжуру; но, несомнѣнно, что стихотвореніе Манжуры обработано вполнѣ оригинально; по силѣ и по стройности оно выше соответствующаго стихотворенія Шевченка.

Исторические мотивы весьма разнообразны—плачъ Ярославны (474), гетьманщина (171, 270, 389), запорожцы (8, 24, 68, 178, 190, 191, 220, 261—2, 285, 355), въ частности запорожское оружіе (182, 234, 235), плѣнники (19, 20, 22), картины печального запустѣнія (239, 354), исторические шляхи (231, 352, 232, 235, 387), могилы козацкія (405, 236 и мн. др.), угнетеніе уніатами (10, 301 и др.), историческая мѣстности—Чигиринъ, Трахтемировъ (160, 270), историческія лица—Богданъ, Хмельницкій, Дорошенко, Семенъ Шалій, Нидкова, Гамадія, Гонта, Зализнякъ, Головатый, Дмитрій Ростовскій (467, 385, 284, 8, 191, 19 и др.). Иногда подъ однимъ мотивомъ, однимъ именемъ могутъ скрываться разныя пониманія, напр., въ однихъ мѣстахъ гетьманы „варшавське смиття“ (175), прокляти (270), въ другихъ гетьманщина называется „святой“ (389).

На рубежѣ между исторіей и современностью стоитъ мотивъ о чумакахъ. Во время Шевченка это было еще чисто бытовое явленіе. Позднѣе чумачество было убито желѣзными дорогами. Въ „Кобзарѣ“ чумаки являются довольно часто (45, 150, 375, 378, 13, 33, 156, 306, 374), причемъ чаще всего говорится о болѣзни и смерти чумака (33, 374, 375). При благопріятныхъ обстоятельствахъ чумаки везутъ богатые подарки (156); но иногда они возвращаются съ одними „батожками“ (378). Вообще, чумачество описано въ духѣ народныхъ пѣсенъ, и мѣстами подъ прямымъ ихъ вліяніемъ, что можетъ быть на-

глъдно выяснено соотвѣтствующими народными параллелями изъ сборниковъ Рудченка, Чубинскаго и др.

Солдатчина у Шевченка тѣсно переплетается съ панцирной и нынѣ въ данной имъ обрисовкѣ въ значительной степени представляется архаическимъ явленіемъ: въ солдаты еще сдаются паны, служба продолжительная; сравнительно наиболѣе полный и сочувственный образъ солдата въ „Пусткѣ“ (233) и въ „Ну что, здавалось, слова“. (407)... Кромѣ того см. еще 232, 293, 295, 372, 389, 416.

Чужина обрисована большей частью въ духѣ народныхъ пѣсенъ, меланхолически и неопределенно (213, 217, 350 и др.)

На чужыни не ти люде—
Такжо зъ вами жити...

Поэзія Шевченка очень богата религіозно-нравственными мотивами. Теплое *религіозное чувство* и страхъ Божій проникаютъ весь „Кобзарь“ (см. 168, 169, 183, 187, 219, 268 и мн. др.). Извѣстно молитвенное обращеніе Ш. къ Богу:

Дай жити—сердемъ жити
И Тебе хвалыти,
И Твой свитъ нерукотворный,
И людей любыти.

Въ посланіи до живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ своихъ благочестивый поэтъ вооружается противъ атеизма и объясняетъ невѣріе одностороннимъ влияніемъ нѣмецкой науки. Какъ человѣкъ весьма религіозный, Шевченко въ теплыхъ выраженіяхъ говорить о силѣ молитвы (425, 402), о киевскихъ святыняхъ, о чудотворномъ образѣ пр. Богородицы (263), о богоомолкѣ (283, 152, 184), постоянно выдвигаетъ христіанскіе принципы добра (289, 321, 322 и др.), въ особенности прощеніе врагамъ (247, 456, 457 и др.). Сердце поэта отъ смиренія и прощенія исполнено надежды (279, 288). Все это спасло поэта

отъ пессимизма и отчаянія, лишь по временамъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій его личной жизни и жизни его родины, пребывавшихъ въ поэзію Шевченка, напр. въ видѣ горестнаго восклицанія, что „нема раю на всимъ свити, хиба що на неби“ (222).

Въ тѣсной связи съ основнымъ религіозно-нравственнымъ настроениемъ поэта стоять всѣ мотивы о богатствѣ и бѣдности, о значеніи труда (42, 43, 147, 221 и др.) Поэта смущаетъ имущественное неравенство людей и нужда ихъ, смущаетъ его еще болѣе, что богатство не обезпечиваетъ счастья:

Есть люде на свити—
Срибломъ—золотомъ сають,
Здається, панують,
А доли не знають,
Ни доли, ни волы!

Отсюда совѣты—„не женися на багатій, бо выжне съ хаты;“ въ другомъ стихотвореніи: „Не завидуй багатому; багатый не мае ни пріязни, ни любови—винъ все те наймае..“ Трудъ одобряется, какъ условіе самостоятельности.

Бо хто не вміє заробить,
То той не вмітиме й пожити (569).

Наука Шевченка благочестива и человѣколюбива. Въ пользу поэта въ особенности подкупаетъ извѣстный выставленный имъ принципъ—„и чужому научайтесь и своего не цурайтесь“. Поэту, однако, совсѣмъ была чужда идея исканія истины и служенія ей независимо отъ какихъ-либо, хотя бы самыхъ дорогихъ, традицій, въ смыслѣ словъ Виктора Гюго:

Je veux savoir,
Quand la science serait sombre
Comme le soir!

У Шевченка обнаруживается мѣстами національно-прикладное пониманіе науки, мѣстами отождествленіе науки съ моралью и неудачное иронизированіе надъ людьми „письменными и дру-

кованными", которые будто бы даже солнце „гудяль" (66), или, какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ:

Якъ бы вы вчылись такъ, якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то зализете на небо:
„И мы ве мы, и я не я,
И все те бачывъ, все те знаю,
Нема ви пекла, а ви рай,
Нема и Бога, твильки я,
Та куцый винецъ узлуватый,
Та бильшъ никою..."

Поэтъ хотѣлъ „своей мудрости"; но такая мудрость бываетъ иногда въ прямой ущербъ для науки и подчасъ даже и препятствуетъ развитію народнаго самосознанія и прогресса.

Оставляя въ сторонѣ *политические мотивы*, нынѣ болѣйшей частью устарѣвшіе, мотивы хорошо извѣстные по заграничнымъ изданіямъ „Кобзаря" (лучшее изд. Огоновскаго), мы отмѣтимъ здѣсь лишь его *славянофильство*, которому посвящено въ Кобзарь не мало страницъ (109, 110, 141, 169, 194, 195, 196). Сюда же примыкаетъ стихотвореніе „славянамъ", изданное въ октябр. кн. Киевск. Стар. 1897 г.

Кое гдѣ разбросаны *этнографические мотивы*—о ляхахъ (457, 301 и др.), жидахъ (74, 76, 162, 223, 224 и др.), цыганахъ (444, 455), киргизахъ (241, 300, 301).

Въ особую группу нужно выдѣлить мотивы *автобіографические*, напр., цѣнное въ этомъ отношеніи посланіе къ Козачковскому (263), „Мени тринадцатый мынавъ" и др. (268, 441, 442 и др.) и въ особую группу мотивы *объ отдельныхъ писателяхъ*, напр., о Сковородѣ (263), Котляревскомъ (212). Шафарикѣ (194), Марко-Бовчкѣ (461).

Всѣ перечисленные выше мотивы поэзіи Шевченка, за исключениемъ двухъ - трехъ (Днѣпръ, Украина, козаки), уступаютъ передъ основными мотивами *семейно-родственными*. Семья—есть настоящая суть всего „Кобзаря", а такъ какъ основу

семьи составляетъ женщина и дѣти, то они и наполняютъ со-
бой всѣ лучшія произведенія Шевченка¹). П. И. Житецкій въ
„Мысляхъ о малор. думахъ“ (стр. 72) говоритъ, что въ произ-
веденіяхъ малорусской поэзіи, какъ школьнай, такъ и народ-
ной, народная этика сводится главнымъ образомъ къ семейной
морали, основанной на чувствѣ родства. Въ другомъ мѣстѣ г
Житецкій говоритъ, что въ народной поэзіи правда называется
матерью ридною, а мать правдою вирною, и въ образѣ матери
создана большая нравственная сила, какъ сила любви. Всѣ эти
сужденія вполнѣ примѣнимы къ поэзіи Шевченка, которая по
развитію семеино-родственныхъ идеаловъ прымыкаетъ непосред-
ственно къ народной поэзіи.

Арена развитія семеино-родственныхъ началь—село обрисовано весьма сочувственно (175, 249, 269, 294, 310, 354, 361,
389, 464, 465). Какъ въ народной поэзіи, у Шевченка село
обыкновенно риѳмуется съ словомъ весело. Идеаломъ поэта было
чтобы „пустыню опановалы веселія села“ (464). Есть и „убоги
села“, и „село неначе погорило“—все отъ панчины.

Еще чаще упоминается и мѣстами полно описана хата—
излюбленный мотивъ Шевченка (396, 191, 202, 269, 271, 465,
236, 239, 244, 346, 388, 396, 486, 273, 279, 293, 298, 321,
354, 362, 373, 374, 378, 465, 478, 480, 482, 488). Большой
частью хата лишь упоминается, обыкновенно съ добавкой эли-
тета „блѣла“: „Хатки биленъки—мовъ диты въ билыхъ сороч-
кахъ“ (269, 293, 321, 354), „хатына, неначе дивчына, стоять
на прыгори“ (465); въ хатѣ „живе надія“ (279, 298). Въ не-
счастныхъ семьяхъ хата „пусткою гніє“ (244), покой немазани,
сволокъ немытый—(346), пекло, неволя (388). Лучшія описанія
хаты въ ст. „Хатына“ (396) и „Вечиръ“ (236). Своеобразны
сравненія и образы: погорѣлая хата—истомленное сердце (202),
хата—славянство (191), хата—могила (486).

Молодость, молодыя лѣта (277, 288, 309 и др.) обрисо-
ваны въ духѣ народной словесности, мѣстами какъ подражаніе
и перепѣвъ.

¹) О Шевченкѣ, какъ другѣ семи, краткая статья А. Каневскаго въ 8 № „Шо морю и сушъ“ 1895 г.

Парубоцтво обрисовано блѣдно, случайно и мимоходомъ (напр. на 389); *дивчина* входитъ во многія стихотворенія, чаще всего описание дѣвичьей красоты (205, 215, 238, 296, 368, 412), любви (56, 59, 61, 123), *дивованья* (367, 368, 369, 373, 14). Отношеніе поэта къ дѣвушкѣ глубоко гуманное. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Шевченка въ этомъ отношеніи. „*И станомъ гнуckымъ*“ написано подъ вліяніемъ извѣстной „*Молитвы*“ Лермонтова. Съ чувствомъ искренней горести поэтъ рисуетъ паденіе дѣвушки (204, 239, 244, 393, 477). Весьма замѣчательны по различію тона два однородныхъ стихотворенія—дѣвица безъ дружинъ (238—тонъ протяжный и грустный) и дѣвица помолвленая (237—тонъ бойкій, веселый).

Въ „*Черница Марьяна*“ и „*Назарь Стодоля*“ описаны *ос-черницы*, на стр. 413 *сюзоръ*, 151—коровай, 39 и др. *весилье*, 338—бракъ неравный по лѣтамъ, 390, 398, 402—бракъ неравный по общественному положенію. Потребность семейной жизни отмѣчена во многихъ мѣстахъ „*Кобзаря*“ (напр. 221), а идеалы тихой и радостной семейной жизни выражены на стр. 397, 464, 465, 468, 472, 473.

Въ особенности видное значеніе въ поэзіи Шевченка имѣютъ *дѣти*. Въ русской литературѣ яѣть ни одного писателя, у котораго такъ много мѣста было бы отведено дѣтямъ. Причиной тому были сильныя личныя впечатлѣнія поэта изъ тяжелаго его дѣтства и его любовь къ дѣтямъ, подтверждаемая, помимо Кобзаря, и многими біографическими данными, въ особенности характерными воспоминаніями г-жи Кропивиной. О дѣтствѣ самого Шевченка см. подробную статью г. Конисского въ „*Русской Мысли*“ 1893 г. Стихи о дѣтяхъ въ петерб. изд. Кобзаря 1883 г. разбросаны на стр. 42, 46, 48, 146, 247, 253—4, 293, 353, 365, 388, 144, 252, 345 и др. Лучшее стихотвореніе этого рода—„*И золотой, и дорогой*“ (292—293)—имѣетъ крупное автобіографическое значеніе.

Незаконнорожденные дѣти, или *байструки* встрѣчаются на многихъ страницахъ Кобзаря, какъ темное пятно крѣпостного быта—стр. 52, 53, 146, 228, 319, 320, 326, 390, 374, 398 и

др. Поэтъ такъ объясняетъ свою симпатію къ байстрятамъ (стр. 326):

Неваже воровъ той, лягачи,
Про нехогоду людямъ краче:
Такъ я про слезы, та печаль,
Та про байстрать отыхъ ледачыхъ.
Хотъ и никому ихъ не жаль,
Росказую та плачу.
Мени ихъ жаль!....

Семейные отношения выражены 1) въ обрисовкѣ матери вообще (396, 412, 457), 2) отношений между матерью и сыномъ (стр. 365, 374, 41, 42, 45, 46, 51, 142, 146, 148, 149, 160 и др.) и 3) отношений между матерью и дочерью (стр. 371, 205, 229, 253, 317, 16, 18—19, 34, 36—37, 39, 59, 61 и др.) Повсемѣстно разсѣяно много народно-поэтическихъ элементовъ, частью какъ результатъ прямого заимствованія изъ народной поэзіи, частью какъ наблюденіе надъ живой действительностью.

Отношеніе отца къ сыну въ „Сотникѣ“ (341) построено на нѣсколько исключительномъ мотивѣ любви къ одной женщинѣ.

Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ Шевченка—*покрытка*. У Шевченка былъ предшественникъ, касавшійся этого мотива—Г. Ф. Квитка. Въ народной поэзіи покрытка встрѣчается рѣдко, кое-гдѣ въ пѣсняхъ, да и то большей частью мимоходомъ и описательно. Шевченку принадлежитъ заслуга обстоятельного изученія соціальныхъ условій, порождавшихъ при крѣпостничествѣ покрыткъ, и заслуга изображенія ихъ не только художественного но и гуманнаго, въ интересахъ пробужденія общественной совѣсти и состраданія. О покрыткахъ говорится на стр. 35, 51, 160, 295, 314, 317, 325, 326, 446, 456, 457, и др. Цѣлые поэмы—„Катерина“, „Видьма“ трактуетъ о покрыткѣ. Наибольшая идеализація покрытки выразилась въ концѣ „Видьма“. Въ другомъ видѣ идеализація покрытки, еще болѣе искусственная („їй шкода мужыка да жаль святого сирака“), проведена въ „Маринѣ“. Поэтъ не жалѣть темныхъ красокъ при описаніи горемычной доли покрытки, мѣстами не безъ круц-

ныхъ преувеличеній. Въ дѣйствительности „покрываніе“ сходило для дѣвицъ легче, при значительной снисходительности общественного мнѣнія. О покрыткахъ, какъ бытовомъ явленіи, см. замѣтку Фонъ-Носа въ Кіев. Стар. 1882. III. 427—429.

Большимъ сочувствиемъ Шевченка пользовались также *наймички*. Объясненіе дано на 388 стр.:

Моя голубка молодыя!
Для кого въ свитѣ живете?
Вы въ наймахъ вырослы чужіи,
У наймахъ косы побѣдите,
У наймахъ, сестры, й умрете!

Цѣлая поэма, лучшее произведеніе Шевченка, посвящено *наймичкѣ* и получило такое заглавіе. Здѣсь разлито много теплago, гуманнаго чувства. Если бы Шевченко не написалъ ни одной строчки, кромѣ „Наймички“, то этой поэмы было бы достаточно, чтобы стать ему во главѣ малорусской литературы и въ ряду съ наиболѣе крупными славянскими гуманитарными поэтами.

Въ то время какъ народная поэзія оставляетъ безъ вниманія *старость*, Шевченко съ любовью относится къ старикамъ и старухамъ—бѣднымъ вдовамъ (365, 153, 154, 192, 273 и др.). Таково симпатичное изображеніе дѣда, вспоминающаго о молодости (273), дѣда въ семейной обстановкѣ, съ внуками (192 и др.), старого кобзаря Перебенди (4—7).

Образъ *смерти* въ стих. „По надъ полемъ иде“ и въ „Невольникѣ“ въ видѣ косаря, образъ традиціонный, стоящій въ близкой связи съ произведеніями поэзіи и искусства какъ южно-русскихъ, такъ и западно-европейскихъ. Стихотвореніе это при всемъ томъ отличается въ высшей степени своеобразнымъ, чисто украинскимъ характеромъ, какъ образцовая национальная обработка широкаго международного культурнаго мотива.

Даже *кладбище* описано у Шевченка такъ, что выдѣляется вѣчно характерно-украинское (стр. 295, 425).

По горѣ
Садочокъ темный, а въ садочку
Лежать себѣ у холодочку,

Мовъ у раю, мои стари.
 Хресты дубови посыпались,
 Слова дощемъ позаливались...
 И не дощемъ, и не слова
 Гладесенько Сатурнъ стырае!..
 Нехай святыми спочивають
 Мои стари. . .

Въ этихъ словахъ сказалось такое глубоко-христіанское настроение поэта, какое роднитъ его по духу съ первыми христианами, писавшими въ катакомбахъ на саркофагахъ своихъ родныхъ скромное „сум sanctis“ или даже одно „sanctis“, въ которомъ именно выражалось желаніе, чтобы покойники почивали со святыми.

Н. Ф. Сумцовъ.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ ШЕВЧЕНКУ.

1857 — 1860.

Задержанный на шути въ столицу 19 сентября въ Нижнемъ Новгородѣ, Шевченко разослалъ приглашениа къ своимъ друзьямъ—навѣстить его во время праздника Рождества¹⁾). Отъ 3 декабря онъ писалъ Кулишу въ Петербургъ:

«Зроби ты ось що: старий Щепкинъ на симъ тижни хоче до мене прыйхати въ гости; а що якбы и ты молодий забигъ за нымъ у Москву, та вкупочци и прылетали бъ до мене. Тутъ бы мы порадылись зъ старымъ майстромъ и насчетъ твоихъ «Записокъ» и на счетъ моего никчеснога добра».

Но П. А. отъ поїздки наотрѣзъ отказался:

1.

«Не подобає мени, друже мій Тарасе,—писаль онъ изъ Петербурга, йиздити на розмову съ тобою, бо про тебе побываються, якъ бы тебе залучить до столици; якъ же пійде слава, що вже й теперъ до тебе збираються земляки, якъ жди до рабына, то гляди—й попсується твое дило въ великихъ панивъ: Я жъ соби на лыхо, чоловикъ у громади замитний, то заразъ уси й дознаються, що пойхавъ за симъ мыль киселю йисты. Колибъ же то люде толковали дило по правди, а то таке выгадають, що й не снылось нашому брату. Такъ не жди мене и не пенай на мене. Мени сей зъездъ не запекодивъ бы, а тоби цевно запекодить. Пишешъ ты про свои вирши. Добре бъ ты вчинявъ, якъ бы довивъ ихъ до ладу да й попрысывавъ мени любенько. Друковати жъ тоби на первыхъ порахъничого не ражу,—

¹⁾ См. раньше стат. г. Ярцева „Шевченко и Щепкинъ“.

хіба вже втеряєшъ зовсімъ надію на столицю. А якъ дастъ Богъ прыгнітать тебе оттутъ на багнахъ, тоді порадимось, що зъ ними чинитъ.

Нема твого «Гуса» ни въ кого, пане брате!¹⁾). А згадай самъ, що здумаєшъ, а що забувъ, то скомпануй наново. Симъ ты намъ додогодиши краще одъ караваю, далеби! Про журналъ я й не помышляю. Не наше се дило, Тарасе. Утонешъ у журнали безъ славы й безъ памяті. Нехай хто іншій веде журналъ, а мы помогатимемъ, то се такъ! намъ треба писатъ у тому родц, который есть наше праведне достояніе и що вже нехай хто іншій, хоть якъ поті, а пічо-го такого не втне. Журнальна жъ премудрость не велике диво и ба-гато знайдется до сего дила мистецивъ. Нехай соби мизкують на здоровье! А я оце копавсь у старосвітськихъ шиаргалахъ, доводивъ до ладу всяку всячину для «Записокъ», а дали печатали Гоголя, то зникненіївъ бувъ ии на що, а теперъ якъ покинувъ таку работу, що всякє подужало бъ, то й свить мени одкрывся, и почавъ я пы-сать таке, чого опричъ мене—чи гарно воно, чи й не такъ то—ни-хто не напишє. Якъ бы ты бувъ тутъ коло мене, прочитавъ бы я тоби въ смакъ, а ты бъ мени запомигъ розумною радою, якъ дове-сты дило до кінця. Теперъ же мени ии съ кымъ и порадитъся. Усе то бачъ народъ або судовий, або воєнний, або дуже розумный зъ книжною наукю, а такого, щобъ розумъ бравъ отъ самого Бога, якъ ты, мій брате,—и нема коло мене. Да вже жъ колись побачимось, и наговоримось, и начитаємося! А колы ии, то такъ перекинемъ одињъ одному, що въ кого е—на пораду. Колыбъ тилько давъ Богъ дове-сты до кінця, бо кінець—дилу винець. А робота велика!

Книжки мої на Україні. Була така думка, щобъ тамъ и зви-коватъ у зимовику, а теперъ бачу, що тилько й життя нашому бра-ту на столиці. Колы що треба, то самъ иду въ публичну бібліо-теку, а треба мало не що дня по новій книжці, то не накупицся.

Адресъ такъ: Имиреекъ, въ собственній типографії, на углу Воз-несен. и Екатерингофск. проспекта, д. Лєя. Твій душою П. Кулишъ.

NB. Цани моя на Україні, той не витає тебе, а дуже шанує и поважає, якъ и вси добри й розумні люде.

¹⁾ Объ утраченной поэмѣ „Іванъ Гуссъ“ Ш—ко писаль Кулішу: „Чы не найдешь тамъ у панточки хотораны въ альбомѣ моего Гуса, а то шкода буде, якъ пропаде“? Ч.

2.

Хотивъ я послать тоби, мій друже шановный Тарасе, де що зъ новыхъ книжокъ, котри въ мене друкуються, та трудно набрать по листку зъ - підъ великихъ купъ друкованого паперу. Нехай якъ доведеться все до ладу, тогди й пришлю. Побачишъ, яки дыва въ нась творяться: уже й каминя починає вспіяты! Дежъ бакъ не дыво, що Московка преобразылась въ Українку да таки новисти вдравла, що хоть бы й тоби, мій друже, то пришлъ бы въ миру! Ось побачишъ, що на свити степови квітки!

Стилько въ мене роботы, що й въ голови не вмищається. Въбачай, що коротко пышу и про твое дороге висанне не споминаю. Коротко про його що й писать, а широко николы, далеби! Ось напиши лышень до мене, якъ и що ты думаешъ—гадаешъ, то я тоби на всякє слово одвітуватыму, выбравши добру годину. А теперъ твій прыятель заразъ йиде, то й не скаменесся, зъ якого кинца початы.

Чп получывъ ты мои книги? Якъ вони тоби здалысь? Пышни гуляючи, про всячыву, бо Господь знае, колы побачымось. Спасыби жъ тоби, велике спасыби, за Ченця¹⁾—се мени дорога буде памятка!

Твій до вику П. Кулишъ.

С. П. Ноября 26, 1857.

3.

Посылаю тоби, брате Тарасе, зъ сею почтою «Оповидання ровчка». Якъ то-то ихъ ты уподобаешъ? Пышни щиро, якъ думаешъ, бо ты въ нась голова на всю Україну. Пышуть до мене зъ Москви, щобъ у московському журнали що-небудь твое напечатать. Не квапся на се, мій голубе, до якого часу. Одно—що тоби треба спростовувати дорогу до столиці, а друге—зъ великою увагою треба теперъ роздивлюватись, що напечатать, а що й прайдерхать. Слава твоя писательска теперъ у зенити, то вже треба оглашати себе голоснимъ диломъ, а не абы-якимъ. Посли 1847 году ждуть одъ тебе земляки ричей великихъ. А посли вже й малымъ до ихъ обізвесся. Отъ икъ бы Гусса ты згадавъ, або наново скомпонувавъ! Ми знаємо толькожочатокъ:

Кругомъ тисюта и неволя,
Народъ захований мочить,

¹⁾ Пoэма „Чернецъ“, посвященная Кулишу—написана въ Орской крѣпости.

А на апостольскимъ престоли
Чернецъ годованый сидѣть, и проч.

У 4-й княжци Русской Бесѣды есть де-шо про Гусса. Прочитай да й выведы свою красну мову про його¹⁾. Колы жъ у тебе е гарни вирши и безъ Гусса, то пришли перше мени ихъ на проглѣдъ, що бъ пишло воно зъ моеніи руки, якъ Наймычка, которои—самъ бачашъ—я не зонсуваў. Щыро кохаю твою музу и не пожалую часу переписать, що вона тоби внушила,—нехай не выходить мижъ люде росхрыстана й простоволоса, цыганкою,—нехай явыться мырови гарною дивчиною, отецькою дочкою, щобъ знаты було по дочци й батька. Оце жъ будуть тебе підбывать москали, то ты не дуже подавайся и моеніи рады не занехай. Почалы мы зъ тобою велыке дило,—треба жъ его такъ и весты, щобъ була нашему народу зъ нашыхъ ричей шаноба.

Прощай! пиши й до мене. 1857, декабрь 22. С. П. Твій II. Кулишъ.

4.

Отъ тоби, брате Тарасе, гроши,—ажъ 250 цилковыхъ! Се за твои невольницьки пейзажи. Тутъ не знайшлось охочыхъ, такъ я пысавъ до нашихъ панивъ, оцинывши 17 штуку у 250 р. Хотилось мени, щобъ спомынки про твою святу для нась неволю булы не въ чужыхъ, а въ ридныхъ рукахъ, и чого бажавъ, те Господь и помигъ мени вчынты. 1857, дек. 23. Кулишъ.

5.

Твоя «Неофиты», Брате Тарасе, гарна штука, да че для друку... Не годытся напомынать сынови про батька, ждуучы одъ сына якого бы не було добра. Винъ-же въ нась теперъ первый чоловикъ: якъ-бы не

¹⁾ Изъ черновыхъ лоскутковъ, оставшихся по смерти поэта, видно, что онъ, по совѣту Кулиша, пробовалъ написать поэму вновь, но это ему не удалось: стихи написаны съ большими помарками:

И Архимедъ и Галилей
Вына й не бачили—єхей
Потикъ у черео чернече...
А ви, святыхъ предотечи,
По всему свиту розійшлись...;

винъ, то й дыхнуть намъ не далы-бъ. А воля крипакивъ — тожъ ёго дило. Найблыжши теперъ до ёго люде по души — мы, пысатели, а не пузаты чыны. Винъ любить нась, винъ йме намъ виры, и вира не посрамыть ёго. Не тилько друковать сю вещъ рано, да позволь мени, брате, не посылатъ и Шепкину, бо винъ зъ нею всюды носытымеця, и піиде про тебе така чутка, що прытъмъ не слідъ пускатъ тебе у столыцю. Тутъ же саме се дило наклонулось. Такъ-то, брате! Иниша бъ була ричъ, якбы ты докинчавъ «Гусса» — тамъ бы тоби було де розглатця; а панство — така лодарь, що ін зневажай скильки хочешъ — усяке скаже спасыби. Тутъ же й лыцарство въ тебе пидъ бокомъ, и вассалы, и славане зъ нимцами, и жыдова грошовыта — широка выйде поэма!

Письни твои дуже гарни. Не вже обыдви ты самъ скомпанувавъ? «Дуда» наче мени знакома. Не хапайся, братику, друковать московскихъ повистей. Ни грошей, ни славы за винъ не добудешъ. Аджехъ и Данте и Петрарка думалы, що прославяться латынскими своими книгами. Оттакъ тебе морочитъ ся москальщина. Цуръ ій! Лучче ничего не робы, такъ сиды та чытай, а мы тебе хлибомъ погодуемо, абы твое здоровье! Ось, може, перенечатаемо твои перши стыхы, то за те буде й слава й гроши. Я поспытаюсь у Крузе, нашого щирого поспишыка, чи не пропустывъ бы винъ другимъ (выданнямъ) Кобзаря и Гайдамакъ? А до того можна де що прыбавыть. Вовчокъ тоби давно послано. Якє твое буде про ёго слово?

Твій лүшечю П. Кулішъ.

1857 ліст. 20.

6

Посылаю тоби, брате Тарасе, удруге Вовчка. Якъ прочытаешъ, то, далеби, помолодшаешь. А все такы до мене заразъ пыши твоє щыре про ёго слово. «Неофиты» пошлемо по словеси твоему, абы тильки той Шрейдерсъ завитавъ до насъ у друкарню. Перешлемо й тоби экземпляръ, що бъ ты бачивъ, що воно таке — добра редакція. Такъ и всяке твое пысания треба процидиТЬ на решето, щобъ не осталось шкаралющы, або-що; а росхрыставшысь, далеби не годытца выходить мижъ люде. Сёго жъ бильше тоби нахт оне зробыть, хоть до ста бабъ иди. У мене есть переписанный Кобзарь и Гайдамаки. Колыбъ

хто провівъ ихъ черезъ Главное Правлєніе Цензуры, тоди бъ уже цензоръ добавку яку хочешъ безъ Правлєнія прочитавъ бы, ла й выдатъ бы гарненько книжку: «Думы, писни и поэмы Шевченка». Друковати жъ нигде не квапся, опричъ мене, бо въ мене й оксія вси зроблені, и наборщики прывычни, и корректоръ—землякъ. Друкуємо й теперъ «Повисти Квитки», то вже всяке наломылось, якъ що й до чого. А Гусса нема въ Тарновського: я сёго пана добре знаю, и нигде таки нема й нечутно по України—се певно!

Грошій тоби насідали цилковыхъ изъ 200 на дорогу, якъ почули, що ты йихати мешъ изъ неволи, и си гроши у одного паныча лежали, да треба роспітати, де вони теперъ. Изновъ же давали у гр. Толстого домашній спектакль якісь,— і тамъ назбиралы грошей доволи, да й держать, боячись, щобъ ты не проциндривъ, и все піджидаючи тебе въ столицю, щобъ тогда було тоби за що руки зачепити. Колыбъ іще сами не повроциндрували, бо й таке въ світи буває. Шкода, що я не дуже можъ людьми вештаюсь, то гараздъ ничего й не знаю... А ты пыши Лазаревському, що оттакъ и такъ, і щобъ винъ хотъ у графа Т. забравъ гроши, а ти, що въ пачыча, не проіадуть, і я ихъ знайду, де вони теперъ, бо панычъ появіавсь у Ниметчину, то комусь певно оддавъ на руки. А наздавали тыхъ грошенятъ изъ України, радіючи славному невольнику и не боячись уже за се халепи.

Засмутивъ ти мене, брате, сказавши, що хочешъ оружитись. Не гарну ти пору вибрањ; не вибивъсъ ти изъ своеї нужди, не вишовъ на простий шлахъ. Треба бъ тоби зъ симъ диломъ підождати. Йиша бъ ти навпосли єго размизкувавъ. А въ мене була така думка, щобъ тебе за граныцю спровадити, і щобъ ти ширше по світу поглянувъ. Ся думка була у мене и въ 1847 годі, коли ти не забувъ, — такъ тогда Микола не давъ доброго дала вчынити, — а теперъ, мабуть, якасъ Маруся, чы Одарка, чы Ганна стане на твоїй горози. А не багато бъ тоби й треба, що бъ дойти до свого розуму и вчынитись великамъ поетомъ на все вичны роки! Колыбъ на тебе напустить батька Пугача, то далеби що винъ бы тебе отверезивъ, не випивши й пивъ коповки оковытої!

Про Московські жъ повисти скажу, що зневажышъ ти себе имъ передъ свитомъ, да й бильшъ ничдго. Щобъ пысать тоби по московськимъ, треба жити іншъ московськимъ писателямъ и багато дѣ-чого набратъця. Поглянь на Квитку: винъ себе въ таке багно втеребивъ московщиною, що посли смерты єго мы ніякъ єго не витягнемъ и не поста-

вымъ такъ высоко, якъ увили достоинъ по украинскымъ повистямъ. Москали тычутъ намъ въ вачи Халавскими, Столбиковыми и всякою гидотою, на которую сами жъ ёго необачного пидбылы. Такъ и тоби буде, брате! Якъ бы въ мене гроши, я бъ у тебе купывъ ихъ уси разомъ да и скалывъ. Читавъ я твою «Княгиню» и «Матроса». Можетъ ты мени виры не піймешъ, може скажешъ, что я московщын не люблю, тымъ и ганю. Такъ отъ же тоби: ни одна редакція журнальна не скотила ихъ друковать. Тутъ не одного таланту треба. Адже жъ у тебе бувъ талантъ, якъ ты малювавъ картины «Катерыну»; надъ поэмю «Катерыно» и доси плачуть, а на картины Катерыну кивають головою. Такъ кивають земляки, прочитуючи й твои московськи повисти, а москали одкидають геть¹⁾, а вирши твои ридны й москали шанують, а земляки наче псалтырь промовляють. Такъ-то, брате, до всякого дила особая кебета и особая наука. Що за добро було бъ, якъ бы нась Господь докупы звивъ, да якъ бы мы пожылы по сусидски хоть одынъ рикъ да й Костомару до себе прыманыли. Порозумнійшалы бъ уси трое. Що жъ, колы йдемо ризно трома шляхамы! Ось и я не всыжу на одному мисци, и мене тягне то сюды, то туды. Оце надумавсь навидаться хоть на часыну до яницивъ, якъ воны тамъ живуть и якъ разуму доходить. Ты жъ пышп до мене не вважаючи, что одъизжаю, бо менi всяку потрибну ричъ перекыдати-муть и всяке дило безъ мене буде тутъ робыться такъ, наче я й не одлучавсь изъ дому: що друковати-метьца, що готовытєметьца до друку, а я, вернувшись, пиддамъ сылы, де треба порядокъ дамъ, да и зновъ махну набиратись чужого разуму, бо вже пора й намъ порозумнійшать. Прощай же, мій голубе съзый. Пыши до мене колы хочъ и просто заграныцю оттакъ: Belge Bruxelles, post restante. A Mousieur Pantaleimon Kouliche. А я тоби одповидати-му на всяке твое слово—не то що! Прощай! Пани мої нездужає въ Борзни, такъ още махну за нею, а потимъ простувати-мемъ черезъ Варшаву прямисенько въ Брюссель. Твій Кулишъ.

1658 февр. 1.

¹⁾ Не довѣрія такой суровой критикѣ земляка, Ш-ко обратилася къ С. Т. Аксакову, желая помѣстить „Вчагиню“ въ Русской Всесѣдѣ, редакторуемой тогда Максимовичемъ; но старый Аксаковъ отвѣтилъ ему слѣд.: „Не соѣтую вамъ печатать эту повѣсть: она несравненно ниже вашего огромнаго таланта стихоговорнаго. Вы лирикъ, элегистъ; вашъ юморъ не веселъ, и шутка не всегда забавна. Иль предъ собой блестательное поприще, на которомъ вы полный ходите, вы не можете оскорбиться, если замъ скажутъ, что вы не уйдете пройти по какой-нибудь теплой тропинкѣ къ т. д. (см. Жизнь въ произведениях Ш-ко стр. 110).

(На особой бумагѣ). Иноди, може тоби прыпаде нужда, а пидъ такій поганый чась готовъ ты будешъabo заиродатъ,abo не знать якъ надруковать свои вирши. То лучше отъ якъ нехай буде: пышы до мене, що ироби грошей треба—и пышы таки сюды, а не въ Брюссель хоть мене тутъ и нема. Листы получатые тутъ мій секретаръ (Каменецкій), винъ же й хозяинъ, и корректоръ, и издатель. То виявъ, прочитавши всякий листъ, такъ зробить, якъ и я, грошенитъ тоби про нужду вышле; а чавносли, якъ дастъ Богъ твои вирши огласыты, брацнено на счетахъ и зробымось квиты. Чого тоби треба одъ Каменецкого, чы книжку яку, чы справку, то все пышы до мене въ Петербургъ, а винъ за мене все тоби зробить, ще краще одъ мене

7.

Пышу до тебе, брате Тарасе, съ того хутора, де ты въ мене на весилли шаферувавъ, чы то пакъ боярынувавъ. Пани мої недугуючы, оставалась одъ октября на України, а я самъ пробувавъ на столици. Теперь же воца, слава Богу, исправилася, и оце пускаемся изъ нею до Варшавы и дали. Пышу жъ до тебе отъ зачимъ. Колись ты малювавъ «Живописну Україну» и ничего зъ того не вышло, а хоть бы й вышла яка тоби корысть грошова, то все жъ бы бувъ послугачъ панській, а не людській, людямъ бо не було-бъ ціякого дила до твоєї живописної України: не змогли бъ люде за дорожнетою до неї докупытыся. Теперь же самъ бачышъ, що панській викъ кинчається, а людській починається, то саме година—помиркувати, якъ бы людямъ помогти духомъ у гору пиднатися. Отъ же я тоби дамъ добру раду. Накидай ты перомъ, де-що зъ нашої исторії и пошиди суй вирша зъ думъ и зъ свого таки компонування. Си твої рисунки мы вырижемо на дереви, одпечатаемъ и разрасуємъ фарбами трошки краще одъ лубочнихъ картынокъ московськихъ. Ціна буде имъ по 2, чы по чотыре шаги, а колы дуже дешево, то по 6 шагивъ, и будуть вони продаватися по всихъ ярмаркахъ, и будуть вони наливлюватися у кожній хати замись московського плюгавства, и буде старе й мале на ихъ дывитися и отті підписи вычытувати, и розійдеться по України наше „слово забуте, наше слово тыхосумне, богобоязливе“, и воскресить вона не одну душу,—и мала твої праца станеться зъ часомъ прычною великого дила всесвітніго,—душа моя чує. Я й самъ понарисовувавъ бы, и выйшло бъ воно не згиршъ

одъ московщины, да въ мене тіі абресы не будуть таки характерыстычны, якъ у тебе. Ты якъ не поведешъ перомъ, то все воно закорлючитьца по художныцки. А треба, шобъ дитвора дывлячись на си картины, набиралась доброго смаку. Велыке, велыке выросте зъ того добро на Украини,—далеби! Отто, брате, не гай часу и не покладай сеи працы ии на одынъ день. Колы жъ не чуешь до неи охоты, то пыши заразъ до мене, що шкода, то я вже самъ якъ-небудь нарыйсю тыи кунштыки, покинувши для сёго вси свои пысання й чытання, бо се вельмы благе и достойне дило! А продавать ихъ и развозить по ярмаркамъ знайдутьца люде, не турбуйся. А що народъ кынетьца куповать, то що й казать! Чортъ знае яку купуе, а то-бы не куповавъ такого добра! Бачу по граматци, до которои и чоловики и бабы кващаютьца, радиочи, що всякe слово такъ до души й промовлие. Прощай! пыши у Брюссель. Твій П. Кулішъ.

1858, февр. 14. Хутиръ Мотроновка.

8.

Дывуюсь я, чытаючи вашъ листъ, тай не надывуюсь: чогобъ то мени плысты зъ своими виршамы по суси иидъ парусомъ! Хиба и Олегъ, нехай Богъ крые, або що? «Парусъ»¹⁾ у своему универсали переличывъ уси народности, тилько забувъ за нашу, бо мы, бачъ, дуже однакови, близъкіи родычи: якъ вашъ батько горивъ, такъ вхъ гривса! Не годытца мени давать свои вирши пидъ Парусъ и того рады, що його надувае чоловикъ, который вступысь за князя, любителя хлѣсты. Може воно й доладу по московскій натури, тилько мы сего не вподобали для своего люду, а вже колы въ Москви даватымуть хлѣсту, то даватымуть и на Украини. Отъ що! Ище блаженнаиіи памяти царь Микола постановывъ у військовыхъ артикулахъ, щобъ москаливъ изъ украинцевъ бильшъ караты соромомъ и словами, або розумно вмовляти, а нижъ сикты ризкамы. И той знатъ, що нашъ народъ выйшовъ уже зъ того зросту, щобъ йисты березову кашу, а хазинъ Паруса, маючи нашу народність ии за що, думае, що для хахловъ усякій законъ бряде!

¹⁾ Ив. Александровъ, приступая къ надавію газеты „Парусъ“, просилъ Максимовича передать ему для 1 № стихотворения Ш-ка (Вечіръ, Пустка, и др.), и Т. Г-чъ не только согласился на это, но приглашалъ къ Кулішу; отвѣтомъ на приглашеніе и было настоящее письмо. Ч.

Оттакъ-то! не здывуйте, добродію, що не вволивъ я вашою волій,
бо дило се не мале; сами маєте розумъ. Якъ будете писати, то по-
клонитесь вашому любому подружжю.

А се еже до васъ: Учора я сказавъ вамъ де-що про стыхи, да
я злякавсь, щобъ вы не прынталы того за вхибу своему достоинству
поэтычному. Колыбъ кто іншій написавъ ваше слово до Ляхівъ, то
може високо я поставивъ бы ёго—такъ якъ вы казаночокъ. Но вы сами
соби поставили таку високу миру въ печатныхъ и непечатныхъ за-
шихъ виршахъ, що я найплохшій кратикъ зумів вказати, що ныжче
їи—тои мири. Може я помыляюсь, якъ дытина судачи про ваши
вирши, да лучче жъ вамъ знать, що дитинка моя думка одъ васъ не
замкнута, ніжъ не знать, що сиравди въ чоловика на думци! У на-
шому товаристві повинна царствувати щыра воля суда. Не всюды я
те скажу про Марка Вовчка, або про Васъ, розбираючи Ваши пы-
сання, що скажу въ своїй громаді, і съ того щырого суду, мени
здається, повинна вийти для нашої молодої словесности велика
користь!).

9.

Высоконоважный Добродію,
Тарасе Григоріевыч!

Полтавці, зазвавши мене до себе на бенкетъ, жалкували, що
Вы до вихъ торицъ не завитали. Скилько не було тамъ на бенкеті
ричей поважнихъ, то знай Ваше славне и шановне имя споминали,
такъ якъ родна сим'я споминає про свого батька, що десь далеко
живе на чужині. Пыль не разъ за Ваше здоров'я и просили мене
вблагати Васъ, щобъ Вы хочъ на ту весну пошанували Полтаву,
явивши ій свою кохану и шановну персону. Оде жъ я, виновнаючи
свою обицянку, запевнило Васъ, що нигде въ свити такихъ щырехъ
и прыхильнихъ до себе дітей не знайдете, якъ у тій Полтави. Тутъ-
бо не то паны та паненята, а всака душа письменна ї щыра зъ
вашимъ Кобзаремъ, наче зъякимъ скарбомъ дорогимъ, носитьца, та

¹⁾ Письмо относится къ концу 1858 г., такъ какъ „Царусь“ издавался въ 1859 г., причемъ вышло его только два номера. Во 2-мъ номерѣ была поміщенна рецензія І. Кулиша, а стихотвореній Шевченка не напечатано тамъ ни одного.

Ред.

Й хутко вже й книжокъ имъ буде не треба, бо повытвржувалы вже вси Ваши стыхи на память и тривайте, чы не по Кобзареви вже ѹ Богу молятьца.

Бувайте жъ здоровн й весели за своею працею гарною, а я пойду ще Вашого брата одвидати и въ ёго хлиба-солы пойвсты.

Кулишъ.

Василевка (Гоголева), 1860, мај 10.

10.

Добродію, Тарасе Григорьевичу!

Другій тыпъ «Хаты» вже додруковуетьца. Щежъ треба Вамъ знаты, що цензура другого тыпу була не тутъ, а въ Москви; то туть бы була морова съ попранками.

Вси хатни сотрудники у «Хати» въ мене ривни. Кожный аркушъ (12 листковъ) давъ чистои прыбыли 60 цилковыхъ. Вашого Гостынъца тилько 9 листковъ, та некай вде за ривный аркушъ. Посылаю 60 цилковыхъ. Не здывуйте за малу плату. Якъ бы росцинювати, що чого стоить, то прыйшло бы такимъ поэтамъ, якъ Кузъченко, заплатить тилько по конійци за стыхъ; а мы й ему сердечному з.платыли такъ, якъ и Вамъ.

Выбачте, що не прыславъ и доси Вамъ грошей. Тутъ не малый бувъ скрутъ на гроши, та спасыби Богу, сякъ такъ раздобувъ.

І. Кулишъ.

1860 окт. 7.

Западно-русская церковь при митр. Петре Могилѣ. (1633—1646 гг.).

(Продолжение) ¹⁾.

II.

Подготовлена къ сейму 1635 г. П. Могилы и другихъ православныхъ.—Подготовлена къ означеному сейму короля Владислава IV, посольство въ Римъ Оссолинского и результаты онаго.—Сеймъ 1635 г. и успѣхи, достигнутые на немъ православными.—Грамоты послѣ сего сейма, выданные православнымъ и католикамъ.—Протестація послѣднихъ противъ сеймовой конституціи 1635 года. „О религії греческой“.

Сопротивленіе католиковъ распоряженіямъ короля о передачѣ православнымъ некоторыхъ церквей и вообще (по выражению Могилинаго „пѣснопѣнія“) „злодѣйства“, чинимыя ими „во благочестіи сущимъ“,—какъ мы видѣли,—основывались болѣею частію на томъ внѣшнемъ предлогѣ, что „статьи успокоенія“, проектированныя на конвокационномъ сеймѣ, не были въполномъ ихъ видѣ одобрены сеймомъ коронационнымъ и такимъ образомъ не получили значенія закона общеобязательнаго (*lex publica*). И хотя на послѣднемъ сеймѣ категорически было заявлено, что утвержденіе означенныхъ статей есть дѣло *недалекаго будущаго*, но католико-уніатская партія, имѣя въ виду примѣры предшествовавшаго царствованія (когда успокоеніе греческой религії постоянно откладывалось отъ сейма до сейма), лъстила себя надеждою, что домогательства православныхъ, встрѣтивъ сильные протесты со стороны „добрыхъ католиковъ“, и на этотъ разъ будутъ отклонены сеймовыми депутатами. Подобныя надежды рѣзкие панисты питали и прямо ихъ высказывали еще непосредственно послѣ коронаціоннаго сейма,

¹⁾ См. „Киевск. Стар.“ 1898 г., № 1.

не обинуясь заявляя, что уступки православнымъ, сдѣланныя на этомъ сеймѣ католиками съ великимъ прискорбіемъ (*magno nostro dolore*), обусловливались обстоятельствами времени, обычными при избраниі королей, и что въ будущемъ домогательства „схизматиковъ“ могутъ быть отклонены съ большими усилиями (*commodius felicius que*)¹). Надежды эти сильно поддерживаемы были увѣренностью, что Римскій престолъ не только не дастъ своего соизволенія на утвержденіе „статьи успокоенія“, но и сдѣлаетъ все, отъ него зависшее, дабы разрушить плоды усилий православныхъ на предшествовавшихъ сеймахъ²).

Разумѣется, эти надежды и чаянія латино-уніатской партіи не были тайною для православныхъ. Огюда понятно, что и къ предстоящему сейму они должны были подготовляться съ такимъ же тщаниемъ и заботливостію, какія обнаружены были ими предъ сеймами предшествовавшими. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Что касается нашего митрополита, то дѣятельность его въ этомъ отношеніи (какъ и въ прежнее время при однородныхъ обстоятельствахъ) отличалась обычными, свойственными ему неутомимостью, энергией и благоразуміемъ. Онъ воодушевлялъ православныхъ къ предстоявшей борьбѣ съ враждебною партіею, побуждая устроить общественные молебствія объ одержаніи победы надъ религіозными противниками³), старался сгруппировать силы своей паствы, призываю ѹ единодушію и мужественному стоянію за прапорецкую вѣру, разсыпалъ письма вліятельнымъ лицамъ въ государствѣ съ

¹⁾ Иль письма Станислава Любомирского, епископа Плоцкаго, которое послано было имъ въ Римъ послѣ коронаціи Владислава IV (Рукоп. библиотеки Оссорианскихъ во Львовѣ, № 157, л. 296 об.).

²⁾ Каспаръ Слуцінскій въ своемъ сочиненіи: „Rozmowa albo relatatio rozmowy dwoch Rusinow, schizmatika z unitem“, изд. въ 1634 г., влагаетъ въ уста унита, разговаривающаго съ православнымъ, слѣдующія слова: *Ze siż chwalisz, żeście wygrali* (т. е. получили на коронационномъ сеймѣ благоприятный для православія дипломъ). *Wygraliście w tym, bo cerkwie, monasterы y imiona cerkiewne niektore naznaczone są was, do których mera et nullo nie należeliście. A u mnie to wygrana, kiedy consens Summi Pontificis byl by, ale wieś, że Summus Pontifex nie jest approbatorem schizmat*. (Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I., т. VII, стр. 731).—О подготовленіяхъ латино-уніатовъ къ предстоявшему сейму си. постановленіе провінціального собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ гіїзменскаго архієпископа Венжика въ ноябрѣ 1634 г. *Synodus provincialis sub illustrissimo et reverend. domino Joanne Węzyk... et caet.* изд. 1636 г. въ Краковѣ. См. XXI главу подъ заглавіемъ: *De unione Ruthenorum*.

³⁾ Къ этому времени относится изданіе упомянутой вами *Парамией* (молебныи иѣсопіїи объ умиротвореніи православной церкви).

просьбою содѣйствовать умиротворенію православія и тѣмъ положить конецъ смутамъ, столь нагубнымъ для самой Рѣчи Посполитой, причемъ въ письмахъ къ православной шляхтѣ намѣчалъ иногда предметы самыхъ петицій, которыя они должны были обсудить на своихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ (сеймикахъ предсеймовихъ) съ цѣлью зачисенія ихъ въ инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ¹); наконецъ, и самъ дѣятельно готовился къ поѣздкѣ—и это уже въ четвертый разъ—на имѣющій открыться сеймъ. Сохранилось письмо П. Могилы къ Могилевскому братству отъ 4 ноября 1634 года, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Думаемъ, что небезъзвѣстны милостямъ вашимъ труды и издержки смиренія нашего, которые мы охотно понесли для блага церкви Божіей и успокоенія всего православія на прошлыхъ двухъ сеймахъ во время междуцарствія и на третьемъ, при счастливой его королевской милости, цана нашего милостиваго, коронація, не безъ пожитку (пользы) для всего благочестиваго народу“. Затѣмъ, упомянувъ въ общихъ чертахъ, въ чемъ состояли эти „пожитки“, П. Могила указываетъ на необходимость совмѣстнаго дѣйствія въ интересахъ православія и на предстоящемъ сеймѣ, дабы довести дѣло успокоенія церкви до желаемаго окончанія. Приглашая братчиковъ тоже явиться (т. е. послать депутатовъ) на сеймъ, митрополитъ говоритъ, что предшествовавшія его поѣздки для означенной цѣли истощили его „достатки“ и собственныe, и монастырскіе (при другихъ неотложныхъ расходахъ), а потому обращается къ братству съ просьбою оказать ему денежное вспомоществованіе для предстоящаго его путешествія на сеймъ²). Подобная же грамота, безъ сомнѣнія, послана была П. Могилою и другимъ вліятельнымъ братствамъ. По крайней мѣрѣ въ расходной книжкѣ Львовскаго братства подъ 17 ноября 1634 года значится: „Его милости отцу митрополиту на потребу послолитую 430 золотыхъ“³), —жертва, очевидно, вызванная посланіемъ П. Могилы, по содержанію однороднымъ съ его письмомъ къ братчикамъ Могилевскимъ.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ шляхты, обычныхъ предъ сеймами, вопросамъ религіознымъ—какъ и слѣдовало ожидать—отведено было первенствующее мѣсто, причемъ православные дворяне энергично настаивали на томъ, чтобы въ инструкції сеймовыхъ де-

¹) На Вишенскомъ сеймѣ 1634 г. посламъ за общий сеймъ 1635 г. вмѣнялось въ обязанность имѣть въ виду „*progrze iego mosci metropoly Kijow, skiego*“. (Бервардійский архивъ во Львовѣ, Ind. castr. terr. Leop. № книга 385 стр. 439).

²) Археограф. Сборникъ документовъ сѣверо-зап. Руси, ч. II, № 38.

³) Архивъ Львовъ. Ставроп. Института. Приходо-расх. книга іп Q № R. 35, стр. 8.

путатамъ включено было обязательство для нихъ не приступать, согласно диплому, ни къ какимъ сеймовымъ постановленіямъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ утверждены „статьи успокоенія“ въ томъ видѣ, какъ онѣ просектированы были во время конвокациі (какъ занесены въ *Pacta conventa*). И подобная требованія дворянъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, где численность православныхъ была не незначительна, были удовлетворяемы. Такъ, напр., въ инструкціи посламъ на сеймъ, составленной 4 декабря 1634 года на Вишенскомъ сеймикѣ, говорится: „Такъ какъ для Рѣчи Посполитой и сохраненія правъ нашихъ весьма важно, чтобы все, значащееся въ Пактахъ конвентахъ, недавно утвержденныхъ присягою короля его милости, было исполнено, то мы поручаемъ панамъ посламъ нашимъ, дабы они, приступая къ составленію сеймовой конституції, начали оную съ Пактовъ конвентовъ и, если что согласно съ ними не исполнено, напомнили о томъ и просили всѣ статьи въ нихъ утвердить безъ исключенія“¹⁾. И въ другомъ мѣстѣ: „Что касается пановъ братіи нашей религії греческой, въ унії не находящихся, о томъ должны стараться паны послы наши, чтобы они, согласно конституції, составленной во время коронаціи, и диплома, имъ даннаго, совершиенно были успокоены“²⁾.

Но уже и на этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ въ средѣ депутатовъ возникали разногласія по вопросамъ религіознымъ, долго тормозившія теченіе дѣлъ,—разногласія, зависѣвшія иногда отъ несогласій между самими православными. Такимъ вопросомъ было замѣщеніе Переяславской кафедры. Пререканія по этому вопросу Вишенскій сеймикъ разрѣшилъ, воспользовавшись инцидентами, имѣвшими мѣсто во время сеймовъ предшествовавшихъ: посовѣтовавъ спорящимъ обратиться къ посредничеству короля и положиться на его рѣшеніе. „А такъ какъ—читаемъ въ помянутой инструкціи—относительно перемышльской епископіи между ихъ милостями панами братію нашей религії греческой, въ унії не находящимися, великия были препирательства, которая долго нашъ сеймикъ задерживали, то какъ въ началѣ своего царствованія его королевская милость, король нашъ милостивый, благоразумно и отечески забо-

¹⁾ „Iz wiele na tym Rzeszy Pospolitey u wolnościam naszym nalezy, aby we wszystkich punctach Pactis Conventis, świezo nam od jego królewskiey mosci poprzysiężonych, dosić się stało, zlecamy to panom posłom naszym, aby zaczynając constitutio seymowe, a pactis conventis pocseli, u ielsliby się w których ieszcze nie dosić stało, tego puominali się u prosili, aby wszystkie do effectu przywiedzione były“. (Берлард. Архивъ во Львовѣ. Ind. Castr. Terr. Leopol. № 111. стр. 1518).

²⁾ Ibid. стр. 1531.

тился объ успокоеніи означенной религії, такъ и въ настоящее время мы желаемъ того, чтобы авторитетомъ его царской власти означенная контроверсія была успокоена, то однако себѣ, согласно правамъ и обычая, охраняя, дабы обыватель-гражданинъ, рожденный въ землѣ Переяславльской, владыкою былъ”¹⁾.

Обращеніе и на этотъ разъ въ затруднительномъ случаѣ къ Владиславу IV, не встрѣтившее возраженій со стороны православныхъ, свидѣтельствуетъ объ укоренившемся между ними увѣренности въ искреннемъ желаніи короля содѣйствовать дѣлу религіозного успокоенія. Дѣйствительно, торжественно высказанныя обѣщанія короля по этому предмету, при его избраніи, не разъ повторенные впослѣдствіи, сознаніе гибельности для государства ультра-католической политики своего отца, опасеніе неминуемыхъ волненій въ случаѣ неудовлетворенія законныхъ требованій православныхъ, затруднительное положеніе, въ какомъ находилось въ то время государство,—все это побуждало Владислава IV твердо стоять за свои возврѣнія по религіозному вопросу и всячески содѣйствовать исполненію данныхъ православнымъ обѣщаній. Поэтому предстоявшаго сейма Владиславъ IV ожидалъ не съ меньшимъ волненіемъ, чѣмъ сами православные, и къ благополучному окончанію его еще задолго до назначенія онаго прилагалъ соотвѣтственные подготовленія.

Разумѣется, главнымъ тормозомъ для благихъ намѣреній короля (для успѣха православныхъ) былъ Римскій престолъ, соизволеніе котораго относительно „статей успокоенія“ выставлялось латино-уніатами, какъ необходимое условіе для ихъ утвержденія сеймомъ. Всѣ—и православные и латино-уніаты—хорошо понимали, что такого соизволенія (въ особенности при тогдашихъ отношеніяхъ католицизма къ православію,—отношеніяхъ, дышавшихъ нетерпимостью) послѣдовать не могло. Латино-уніаты съ полнымъ основаніемъ могли разсчитывать, что, вместо согласія папы, изъ Рима посыпятся громы и молніи на лицъ, сочувствующихъ „успокоенію схизмы“. На этой увѣренности, какъ мы сказали, латино-уніатская партія основала свои надежды относительно неутвержденія сеймомъ упомянутыхъ статей.

Поэтому одною изъ главныхъ заботъ короля послѣ коронаціонного сейма было устраниТЬ предвидимый изъ Рима ударъ, грозившій разрушить его планы относительно успокоенія православныхъ,—по крайней мѣрѣ смягчить этотъ ударъ и сдѣлать его менѣе вредоноснымъ.

¹⁾ Ibidem.

Такую чрезвычайно трудную задачу Владиславъ IV намѣривался разрѣшить, воспользовавшись установившимся въ Польшѣ обычаемъ, по которому новый король, по своемъ вступлениі на престолъ, чрезъ нарочитое посольство увѣдомлять объ этомъ папу съ изъявленіемъ ему, какъ главѣ католицизма, сыновней поворности. Подобное, обычное посольство Владиславъ IV и избралъ средствомъ для достиженія своей цѣли — испросить у папы столь необходимое соизволеніе на предполагаемое успокоеніе православныхъ, согласно съ пактами конвентами. Посломъ для этой важной миссіи избранъ былъ королемъ Георгій Оссолинскій, и лучшаго выбора для намѣченной цѣли сдѣлать было трудно.

Георгій Оссолинскій происходилъ изъ фамиліи родовитой, но небогатой¹⁾. Овою карьерою онъ обязанъ былъ преимущественно самому себѣ. Получивъ блестящее по тому времени образованіе, онъ, по возвращеніи на родину, началъ службу при дворѣ королевича Владислава въ качествѣ одного изъ приближенныхъ дворянъ въ его свитѣ. Но желаніе выдвинуться изъ среды своихъ сверстниковъ, а главное попытки подорвать расположение королевича къ его давнему любимицу Казановскому, вызвали непріязнь къ Оссолинскому со стороны Владислава, и онъ долженъ былъ выбыть изъ его свиты. Женитьба на дочери короннаго подскарбія составила ему, въ лицѣ вліятельнаго тестя, значительную протекцію, благодаря которой Оссолинскому удалось въ 1621 году, на двадцати-шестилѣтнемъ возрастѣ, стать во главѣ посольства, отправляемаго въ Англію съ просьбою къ королю о помощи, въ виду крайне стѣсненнаго положенія Польши послѣ пораженія подъ Цецорою.

Посольство это дало возможность Оссолинскому обнаружить свои способности и какъ блестящаго оратора, и какъ искуснаго дипломата. Произнесенная Оссолинскимъ при представлении англійскому королю рѣчь таکъ понравилась послѣднему, что онъ тотчасъ послѣ аудіенціи просилъ послана прислать съ нея копію и приказалъ отпечатать ее на языкахъ латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, ис-

¹⁾ Объ Оссолинскомъ въ польской литературѣ существуютъ специальные ионографіи. Лучшая изъ нихъ: 1) *Życie Jęzoga Ossolińskiego, kanclera wielkiego koronnego... et caet.* Dzieło ks. Franciszka Bogomolca, составленное въ 1777 г въ двухъ томахъ, а затѣмъ перепечатанное въ изд. *Biblioteka Polska, Seria na rok 1861. Zeszyt 1—5.* Оно важно по значительному количеству приложенного къ нему сырого материала (первоисточникъ). 2) *Język Ossoliński. D-ra Ludwika Kubala* (Lwow, 1883 г., въ двухъ томахъ). Постскійное сочиненіе имѣетъ значительную цѣнность вслѣдствіе широкой постановки вопросовъ и по привнесенію новыхъ данныхъ.

панскомъ и нѣмецкомъ¹⁾). Краснорѣчіе у Оссолинскаго соединялось съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, и его рѣчи, произносимыя къ тому же съ замѣчательнымъ ораторскимъ искусствомъ, всегда производили неотразимое впечатлѣніе. Впослѣдствіи, когда слава неподражаемаго оратора за Оссолинскимъ твердо упрочилась и онъ выступалъ на сеймахъ съ рѣчью—все замирало²⁾. Ille regit dictis,—говорили о немъ пріятели; animos et pectora mulcet,—добавляли недоброжелатели²⁾.

За посольство въ Англію, успѣшно выполненное, Оссолинскій получилъ отъ короля старство Радомицкое, за участіе въ войнѣ прусской старство Андзельское, за участіе въ переговорахъ при заключеніи мира съ Швеціею подстолство коронное. Но возвысился Оссолинскій только въ самомъ концѣ царствованія Сигизмунда III, точнѣе сказать—при самой его кончинѣ, благодаря всесильной въ то время при дворѣ паниѣ Урсулѣ Майеринѣ, усердѣйшей въ течевіе многихъ лѣтъ слуги короля, замѣнявшей его дѣтыамъ вторую мать. При одрѣ умирающаго короля Оссолинскій получилъ должность подскарбія (казначея) надворнаго, занимаемую предъ тѣмъ его тестемъ Яномъ Даниловичемъ, а этотъ перемѣщенъ былъ на должность подскарбія короннаго³⁾. Обѣ эти должности, высокія сами по себѣ, пріобрѣтали необыкновенно важное значеніе во время междуцарствія въ Польшѣ: надворный подскарбій въ это время получалъ доходы съ королевскихъ имѣній и, совмѣстно съ подскарбіемъ короннымъ, расходовалъ ихъ. Если примемъ во вниманіе, что Сигизмундъ III скончался имѣя долги, обремененъ былъ долгами и королевичъ Владиславъ, а между тѣмъ послѣднему нужны были средства для поддержанія своей кандидатуры на престолъ,—то поймемъ, какъ важно было для семьи покойнаго короля имѣть въ подскарбіяхъ лицъ, расположенныхъ къ ней. Безъ сомнѣнія, преданная королевскому дому Урсула хорошо понимала это и, надо полагать, вошла въ соглашеніе съ Оссолинскимъ, предоставляемая ему означенную должность. Какъ бы то ни было, Оссолинскій оказался самымъ удобнымъ для Владислава казначеемъ: сокровищница государственная была всегда открыта для него, и вообще оба подскарбія во время междуцарствія сильно радѣли предъ сеймовыми депутатами объ умноженіи королевскаго скарба. Съ этого времени прошлое,

¹⁾ Jerzego Ossolinskiego, kan ierza wielkiego koronnego, autobiografia, obejmujeca pierwszych 26 lat jego zycia. (Biblioteka Ossolinskich. Zbior materialow do Historyi Polskiej. Zeszyt III. Lwow, 1876), str. 127. Оссолинскій заявляетъ, что „drukars (его рѣчи) jednego dnia kilkanaście tysięcy egzemplarzyow przedstę“.

²⁾ Jerry Ossolinski. Kubala, t. I, str. 40.

³⁾ Pamiętniki Radziwiłła. I. 8—9.

давнее нерасположение Владислава къ Оссолинскому замѣнилось болѣе пріязнью. Во время елеціи онъ сдѣлалъ его своимъ частнымъ министромъ, а когда вступилъ на престолъ, то сразу же наградилъ по-парски, чѣмъ вызывавы были и удивленіе и зависть съ разныхъ сторонъ. Король подарилъ Оссолинскому свой палацъ въ Варшавѣ, саблю, стоящую 10.000 злотыхъ, шесть великолѣпныхъ коней, 60,000 злотыхъ готовыми деньгами, великолѣпная украшевія, которыми были обиты во время коронаціи хоры въ Краковскомъ костелѣ, и кромѣ того (что возбуждало наибольшую зависть) ему пропоставлено было одно изъ наиболѣйшихъ староствъ — старство Быдgosкое.

Какъ человѣкъ умный, образованный, съ опытностью искуснаго дипломата соединявшій счастливый даръ краснорѣчія, Оссолинскій — какъ мы сказали — былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для пред назначенной ему миссіи. Правда, онъ считался добрымъ католикомъ и однимъ изъ реномѣнѣйшихъ противниковъ иновѣрцевъ. Во время презій на конвокационномъ сеймѣ по вопросу объ успокосніи диссидентовъ, онъ, обращаясь къ послѣднимъ, произнесъ слѣдующія значительныя слова, не разъ потомъ повторявшіяся рѣчными папистами и сдѣлавшіяся какъ бы классическими въ устахъ ультра католической партіи: „Религія ваша — пришлецъ (*przychodziem iest*) у насъ; вѣра же католическая — госпожа и хозяйка въ домѣ свѣтѣ. Берите, что дается вамъ изъ милости; мы скорѣе пожертвуемъ свою жизнью и имущество, нежели допустимъ вамъ свободно распоряжаться въ Польшѣ“¹⁾). Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, стремившійся къ почестямъ и желавшій играть видную роль въ государствѣ, — что возможно было только заручившись расположениемъ короля, — Оссолинскій нашелъ для себя болѣе удобнымъ содѣйствовать преднарѣтаніямъ Владислава IV и слѣдовать его политикѣ по вопросамъ государственнымъ. Щедрыя милости короля окончательно утвердили Оссолинскаго въ этой мысли, и онъ со времени коронаціоннаго сейма дѣлается какъ бы правою рукой Владислава.

Королемъ даны были Оссолинскому инструкціи и письменная (составленная при его же участії)²⁾ и устная, *секретная*. Послу поручалось подвергнуть къ стопамъ св. отца полную покорность

¹⁾ Ibid. t. I, str. 50.—Срав. *Прилоз. къ I т. сочиненія: Кіевскій митрос. Ш. Могила и его сподвижники*, стр. 472.

²⁾ Письменная инструкція Оссолинскому въ копії хранится въ бібл. Оссолинскихъ во Львовѣ. № рукоп. 225 (Kubal. I. 281).

со стороны нового короля и заявить о самыхъ благахъ его намѣреніяхъ по вопросамъ религіознымъ; обѣщать отъ его имени, что онъ не только будетъ заботиться объ обращеніи въ лоно католицизма польскихъ схизматиковъ, но постарается привлечь къ подножію апостольского престола Швецію и Москву, противъ которыхъ готовится къ войнѣ. Король желаетъ только, чтобы св. отецъ въ настоящее время не противился тѣмъ времененнымъ уступкамъ схизмѣ, которые вызваны были крайнею необходимостию, и не изрекъ осужденія на его королевскую присягу по данному вопросу.

Кромѣ этой главнѣйшей цѣли посольства, были и другія довольно щекотливыя просьбы къ папѣ, какъ-то: объ урегулированіи „десятинъ“, о воспрещеніи духовнымъ лицамъ пріобрѣтать помѣстья и, въ особенности, о процессѣ Краковской академіи съ іезуитскою коллегіею, основанною въ Краковѣ въ ущербъ интересамъ местной академіи, а между тѣмъ получившую соотвѣтственную ея желаніямъ привилегію отъ папы.

Посольство Оссолинскаго отличалось необычайною, невиданною дотолѣ ни въ Польшѣ, ни въ Римѣ пышностью. Въ его свитѣ (съ прислугою) было до 300 человѣкъ. Въ то время съ большою помпой и блескомъ отправлялъ посольства французскій дворъ; но Оссолинскій рѣшился въ этомъ отношеніи затмить самихъ французовъ, и что послѣдніе имѣли сдѣланымъ изъ серебра, онъ желалъ имѣть изъ золота; что они изъ золота — онъ изъ драгоцѣнныхъ камней; что тѣ изъ драгоцѣнныхъ камней — онъ изъ діаментовъ (алмазовъ). Реляціи и появившіяся тогда описанія вѣзды въ Римѣ Оссолинскаго, дѣйствительно, имѣютъ какой-то почти сказочный характеръ. Между прочимъ, въ нихъ разсказывается, что кони въ свитѣ посла имѣли подковы изъ чистаго золота, причемъ некоторые изъ нихъ были умышленно плохо прикреплены и распадались въ отдельные куски на „добычу уличной черни¹⁾.

Эта сказочная роскошь не была слѣдствіемъ одного обычнаго у поляковъ гонора, разсчетъ у Оссолинскаго могъ быть и болѣе тояній: поразить столицу св. Петра видимыми знаками богатства, славы и могущества того государя, который, въ лицѣ своего посла, столь покорно преклоняется свою главу къ подножію папскаго престола. Оссолинскій надѣялся чрезъ блескъ своего посольства достиг-

¹⁾ Реляціи о вѣздахъ Оссолинскаго въ Римъ см. у Kubatъ т. I, примѣч. на стр. 281.—Въ числѣ подарковъ папѣ Оссолинскому, между прочимъ, везъ якобы подлинный привилей Константина Великаго (*diploma donationis*), хранившійся въ Московской царской сокровищницѣ и захваченный поляками во время завоеванія ими Москвы.

нуть большей уступчивости относительно своихъ просьбъ со стороны папы и лицъ его окружающихъ; этотъ блескъ былъ какъ бы удачнымъ приступомъ къ его дипломатической задачѣ. Дѣйствительно, Оссолинскій сразу же окруженнъ былъ исключительнымъ вниманіемъ со стороны папы и его придворнаго штата.

3 декабря 1633 года (послѣ предварительныхъ переговоровъ Оссолинскаго съ кардиналами) назначена была послу аудіенція у папы, состоявшаяся при самой блестящей обстановкѣ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ рѣчи Оссолинскаго предъ Урбаномъ VIII, преимущественно касающіяся интересующаго насъ вопроса.

Начавъ свою рѣчь заявлѣніемъ, что Владиславъ IV, могущественнѣйшій монархъ, носящій на своей главѣ три царскія короны—польскую, шведскую и московскую, въ лицѣ его, посла, съ покорностью упадаетъ предъ столицею апостольскою, прочитая вскимъ тріумфамъ благоговѣйная службы сей столицѣ и цѣлованіе ногъ папскихъ, указавъ затѣмъ на военные подвиги Владислава, сдѣлавшіе его имя извѣстнымъ всему свѣту, ораторъ продолжалъ: „Такимъ образомъ, всѣ народы, населяющіе сѣверъ Евроны отъ Карпатъ до Каспійскаго моря, отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго—все это, отче святый, за преклоненіемъ Владислава, упадаетъ предъ твоимъ трономъ, ибо всѣ тѣ народы или по праву наслѣдственному, или, какъ покоренные оружиемъ, признаютъ его своимъ государемъ. Между ними всѣми первое мѣсто по справедливости принадлежить Польшѣ, которая какъ властителямъ своимъ добровольно подчиняется, такъ и религію и благочестіе, не чрезъ насилие или угрозы, благоговѣйно сохраняетъ. Сія то Сарматія, недоступная римскому оружію, въ настоящее время покорилась римской вѣрѣ; она, нѣкогда столичныхъ сувѣрій кормильница, нынѣ единаго Бога служительница; она, ревностнѣйшій стражъ вольности, никогда не удручающая ярмомъ, въ настоящее время бискупамъ и столицѣ апостольской наинокорнѣйшій слуга,—Польша, говорю, которая одна на свѣтѣ не производить уродствъ. Не вышло изъ нея ни одной ереси, ни одного отступничества, а если и тамъ находятся зараженные недугомъ сосѣднихъ народовъ, то таковыя немедленно сурою правъ нашихъ карою и пятномъ вѣчнаго безчестія отъ цѣлости шляхты пребываютъ отсѣченными. Кто только прочитается узаконенія, при королѣ Ягелло установленія, а по общую отечественному соизволеніемъ всего рыцарства утвержденія, тотъ признаетъ, что клятвы пі одного собора строже не относились къ ерсі. И хотя въ настоящее время мы склонны отчасти потворствовать несчастному времени и братской любви, никогда однако не допускали и не допустимъ уничтожить означенныхъ узаконеній, желая дать свидѣтель-

ство потомству, что устойчивость отечества и правъ нашихъ основываемъ на цѣлости единої религії. Даже въ оное недавнее, плачевное лля Рѣчи Посполитой время, когда мы короля Сигизмунда—живой образъ благочестія съ земли на небо взятый—сплакивали, ты увидѣлъ бы, отче наше святѣйшій. цѣлый сеймъ, сонать и народъ польскій, наиболѣе борьбою за религію и съ соотечественниками своими, зараженными ересью, занятыи, нежели заботящимся о безопасности отчизны и обѣ избрали нового короля. Ревность свѣтскихъ чиновъ дополняла заботливость бискуповъ и заслужила какъ отъ нихъ, такъ и отъ твоего апостольского посла публичныя благодарности“.

Указавъ затѣмъ на почетное положеніе, которое занимаетъ въ Польшѣ католическое духовенство, на выдающуюся религіозность польского народа, наконецъ на то, что Рѣчъ Посполитая всегда была опорою втогженій въ католическую государству со стороны враговъ христіанства турокъ, я вообще выставивъ на видъ могущество Польши,—Оссолинскій, отъ имени отечества, къ стопамъ св. отца припадающаго, благодарили папу за его содѣйствіе при избраніи короля, подчеркивая при этомъ, что выборъ этотъ для римскаго престола долженъ быть наиболѣе желательнъ. Чрезъ тебя,— говорилъ Оссолинскій,—величайшій изъ папъ, Польша имѣть Владислава. Владиславъ Польшу, а ты обладаешь обоими. И ты, при помощи Божіей, узрить еще прелъ свою столицею одичалыхъ львовъ Скандинавскихъ, усмиренныхъ могучею рукою Владислава. узрить предъ собою отщепенцевъ отъ верховнаго пастыря и замкнуть ихъ въ своей овчарнѣ: ибо вышель на ловитву сынъ твой, лабы насытить тебя и голодъ твой. жаждущій славы Наивысшаго, утолить, и лабы тамъ обнаружить начало своего царствованія, гдѣ есть надежда возмѣстить потери, какія понесли небо и церковь“... Рѣчъ заканчивается завѣренiemъ въ покорности апостольскому престолу Владислава, который всегда готовъ слѣдоватъ его указаніямъ въ дѣлахъ религіозныхъ¹).

Рѣчъ Оссолинскаго произвела глубокое впечатлѣніе на окружающихъ и чрезвычайно понравилась папѣ: „и Цицеронъ не могъ бы сказать лучше“,— заявилъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, находившемуся во время аудіонціи вблизи папскаго трона²). „Лучшаго посла и выбрать было нельзя—писалъ онъ впослѣдствіи Владиславу IV, благодаря его за посольство и осыпая при этомъ

¹⁾ Рѣчъ Оссолинскаго передъ папою издана была тога же (въ 1633 г.) въ Римѣ; затѣмъ перепечатываема была нѣсколько разъ. Издаваема была въ переводѣ и на польской языкѣ. Помѣщена она (на латинскомъ и польскомъ языкахъ) и у Богомольца, по указ. изданію на стр. 257—261 и 311—316.

²⁾ Jerry Ossollinski, Kubala, T. 88, где указанъ и первоисточникъ.

похвалами Оссолинского¹⁾. Пріязненныя отношенія къ всесильному въ то время кардиналу Барбарини и другимъ влиятельнымъ римскимъ сановникамъ установились у Оссолинского еще ранѣе папской аудіенции, почти тотчасъ же по прїездѣ его въ Римъ. Такимъ образомъ, возложенная на посла миссія началась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Относительно изложенныхъ въ королевской инструкції петицій учреждены были особыя комиссіи, причемъ кардиналъ Барбарини предоставилъ Оссолинскому самому избрать въ неё членовъ изъ римскихъ кардиналовъ для совмѣстнаго обсужденія петицій съ членами посольства. Всѣ, хотя и вѣсма важныя, но все-таки второстепенныя просьбы короля были удовлетворены, даже щекотливое дѣло о закрытии іезуитской коллегіи въ Краковѣ. Но самое главное и существенное желаніе короля — вопросъ объ успокоеніи православныхъ, одобрсніе пактовъ конвентовъ, встрѣтило въ комиссіи „неиреодолимыя препятствія“. „Назначена была для разсужденія объ этомъ предметѣ — письмо Оссолинскій впослѣдствіи — конгрегація изъ четырехъ кардиналовъ, четырехъ прелатовъ и четырехъ канониковъ. Не было недостатка въ стараніи, чтобы найти способъ удовлетворить желаніе короля, съ великимъ тщаніемъ разрабатывали этотъ вопросъ во время моего пребыванія въ Римѣ, въ теченіе цѣлыхъ пяти недѣль, однако же могли найти средства, какимъ бы образомъ апостольская столица оказала хоть бы и слабѣйшее подобіе (najmniejszego podobieństwo) своего участія въ возвращеніи церковныхъ бенефиций схизматикамъ. Просилъ ксендза суффрагана гнѣзденского, секретаря посольства, не уѣзжать изъ Рима до самаго окончанія этого дѣла, но и онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ препятствіе состояло въ томъ, что (римскій) костель не только не могъ одобрить, но и согласиться на возвращеніе духовной власти тѣмъ, которые отлучились отъ единенія съ нимъ; напротивъ того, каждый пастырь, согласно божественному закону, повиненъ душу положить за стадо свое“²⁾).

Дѣйствительно, съ суровою непреклонностью формулировано было окончательное постановление конгрегаціи относительно успокоенія православныхъ согласно со статьями успокоенія. Конгрегація не только не нашла возможнымъ исполнить желаніе короля, какъ оно выражено было въ данной Оссолинскому инструкціи, т. е. одобрить означенныя статьи, но съ рѣшительностью отклонила и болѣе умѣ-

¹⁾ Theiner. Vetera, monum. Polon. et Lithuaniae. Г. III. № CCCLIX, pag. 408.

²⁾ Jerzy Ossolinski, Kultura. I. 80.

ренное предложениe, исходившее отъ лица о. Валеріана (капуцина),— одного изъ близкихъ къ Владиславу IV духовныхъ лицъ, находившагося въ свитѣ Оссолинскаго,—предложениe дать *молчаливое согласие* на просьбу короля. Конгрегація заявила, что апостольскій престолъ не можетъ въ этомъ дѣлѣ молчать и бездѣйствовать (*silere aut dissimulare*), напротивъ долженъ въ виду предстоящаго сейма всячески противодѣйствовать (*repugnare et contradicere*) домогательствамъ схизматиковъ, побуждая къ протестамъ какъ нунція въ Польшѣ, такъ и всѣхъ католиковъ, въ особенности прелатовъ. Въ этомъ смыслѣ рѣшено было дать инструкцію нунцію и вообще наблюдать, чтобы интересы уніатовъ польскихъ не пострадали на предстоящемъ сеймѣ¹⁾.

Это окончательное рѣшеніе конгрегаціи, состоявшееся уже послѣ отѣзда Оссолинскаго изъ Рима, было имъ предвидѣно; тѣмъ не менѣе онъ отѣзжалъ со спокойною душою: то, чего онъ никакими усилиями не могъ достигнуть у римскихъ прелатовъ, того достигъ у самого папы. Послѣдній далъ Оссолинскому согласіе удовлетворить главную просьбу короля въ томъ смыслѣ, что никакой грозной грамоты съ осужденiemъ дѣйствій Владислава въ Цольшу не воспослѣдуетъ, и что рѣшеніе конгрегаціи (разумѣется, папѣ заранѣе известное) будетъ имъ залежано до окончанія сейма. Словомъ, папа далъ то *молчаливое согласие*, которое предлагалось о. Валеріаномъ и на которое, безъ сомнѣнія, только и могъ разсчитывать польскій король. Что дѣйствительно такое обѣщаніе папою было дано и притомъ исполнено, это—думаемъ—едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ грамотѣ Владислава, выданной уніатамъ непосредственно послѣ сейма 1635 года (14 марта), между прочимъ, говорится, что онъ, король, радѣя обѣ общественному благу, озабоченъ былъ примиреніемъ людей греческой религіи и способы для такого примиренія пріостановилъ было до рѣшенія св. отца, но такъ какъ св.

¹⁾ *Theiner. Vetera monum. Polon. et Lithuaniae*, t. III. № CCCLXIX. Здѣсь, въ протестаціи нунція Филонарда, занесенной противъ сеймовой конституціи 1641 г. о религії греческой, приводится только начало постановленія папской конгрегаціи, вызванного просьбою Владислава IV къ Римскому престолу относительно соизволенія на „статьи успокоенія“. Въ полномъ видѣ означенное постановленіе находится въ рукахъ Сборникѣ, принадлежавшемъ преосв. Макарію, а нынѣ находящемся въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи подъ № Аа: 210). (См. стр. 63).—Въ Архивѣ Греко-уніат. митрополитовъ при св. Синодѣ, въ переплетеной книжѣ подъ № VIII, находятся постановленія папской конгрегаціи по означеному вопросу, состоявшимъ 5, 22, и 30 декабря 1633 г., 27 января, 2, 4 и 5 февраля 1634 г. 27 января 2, 4 и 5 февраля 1634 г.

отецъ съ своимъ рѣшеніемъ замедлилъ и никакой опредѣленной декларациії не учинилъ (iѣ oucіes s. iudicium swoie suspendit ужадney deklaracyi gretelney nie uczynił), а на сеймѣ иначе нельзя было приступить къ разсужденіямъ объ охранѣ Рѣчи Посполитой и другимъ дѣламъ,—то и пришлось уступить людямъ, не въ уніи находящимся,—и т. д.¹⁾) Тоже самое заявляетъ и подканцлеръ коронный Єома Замойскій въ подпись своемъ подъ протестомъ латино-уніатовъ относительно сеймовой конституції 1635 г. (iѣ oucіes s. iudicium suum suspendit) 2).

Надо полагать, что обаяніе, произведенное въ Римѣ Оссолинскимъ, и выставленная имъ заманчивая перспектива загнать въ папскую овчарню „одичалыхъ скандинавскихъ львовъ“, въ связи съ распространившимися слухами объ удачахъ Владислава IV въ начатыхъ имъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Москвы, и были главною причиною *необычайной* (принимая во вниманіе извѣстные взгляды папского престола относительно схизмы) уступчивости Урбана VIII

Оссолинскій уѣхалъ изъ Рима, осыпанный папскими милостями и, поѣтвівъ еще, тоже по порученію Владислава, нѣкоторые властительные дворы,---въ мартѣ 1634 года возвратился на родину. Король чрезвычайно былъ доволенъ результатами посольства въ Римъ и вновь щедро наградилъ своего фаворита. Реляцію о своей миссіи въ Римѣ Оссолинскій доложилъ шляхтѣ на сеймѣ 1635 года.

Этотъ, съ петеріемъ ожидаемый православными, сеймъ назначенъ былъ на 31 января и, открывшись въ назначеннное время, продолжался шесть недѣль (до 14 марта)³⁾. Подробныхъ свѣдѣній объ немъ не имѣется. Но ходъ дѣла на сеймѣ по вопросу объ успокоеніи православныхъ въ общихъ чертахъ можетъ быть возстановленъ.

Почти тотчасъ же по открытіи сеймовыхъ засѣданій, православные, согласно даннымъ имъ инструкціямъ, заявили свое требованіе объ окончательномъ успокоеніи ихъ религіи, причемъ, разумѣется, выставляли на видъ данное имъ на коронаціонномъ сеймѣ обѣщаніе, что на первомъ слѣдующемъ сеймѣ ни къ чему не будетъ при-

¹⁾ Археогр. сборникъ документовъ сѣверо-зап. Руси, II, № 44.

²⁾ Тогоременинъ печатный экзем. означеній протестаціи находится въ музеѣ князей Чортківскихъ въ Браковѣ.

³⁾ Первымъ послѣ коронаціонного сеймомъ былъ общий сеймъ въ Варшавѣ, созванный на 19 июля 1634 года. Но это былъ сеймъ двухъ-недѣльный (обычно сеймы продолжались шесть недѣль) и созванъ былъ, какъ говорится въ начаѣ конституціи, составленной на немъ, „romiñawsy zwykle sołennitatem“ вслѣдствіе угрожавшей опасности отъ турокъ. Разсужденій о религіозныхъ дѣлахъ на этомъ сеймѣ не было (см. сеймовую конституцію подъ означеніемъ годомъ).

ступлено, пока не воспослѣдуетъ утвержденіе „статьй успокоенія“. Латино-уніатская партія по обычаю указывала на несомнѣмость такихъ требованій съ католическими традиціями и исполненію ихъ ставила въ зависимость еть соизволенія папы. Сеймовые депутаты пожелали ознакомиться съ результатами посланства по этому поводу въ Римъ, и 14 февраля Оссолинскій „чинилъ публичную реляцію по этому предмету“¹⁾. Мы уже сказали, что опредѣленнаго рѣшенія папою относительно „статьй успокоенія“ не было дано, или точнѣе, сурое опредѣленіе по сemu предмету римской конгрегаціи временно было имъ задержано. Это обстоятельство сторонниками *успокоенія религії* (а такихъ было немало и между благоразумными католиками) могло быть изъясняемо въ смыслѣ *молчаливаго согласія* римскаго престола на статьи успокоенія; противоположное толкованіе „о намѣреніяхъ св. отца“ дѣлаемо было—и оно, разумѣется, болѣе согласовалось съ дѣйствительностью—ультрапатолицескою партіею. Словомъ, начались обычныя, нескончаемыя препирательства между сеймовыми депутатами. Не подлежитъ сомнѣнію, что король и въ это время, какъ на предшествовавшихъ сеймахъ, употреблялъ все свое вліяніе къ благополучному окончанію сейма, а оно возможно было только при удовлетвореніи просьбъ православныхъ, съ непоколебимою твердостью заявлявшихъ, что они „не приступятъ ни къ какимъ разсужденіямъ, если не будутъ исполнены данныя имъ обѣщанія“. Безъ сомнѣнія, король входилъ въ личныя объясненія и съ православными, склоняя ихъ на иѣкоторыя уступки уніатамъ частнаго характера (относительно церковныхъ бенефицій), и съ представителями латино-уніатской церкви, убѣждая ихъ подчиниться требованіямъ противной стороны, и съ вліятельными свѣтскими чинами, указывая имъ на опасность, какая предстоитъ Рѣчи Посполитой въ случаѣ неутвержденія сеймомъ „статьй успокоенія“. Происходили по этому вопросу и частныя засѣданія заинтересованныхъ въ семъ дѣлѣ лицъ въ присутствіи представителей отъ особы короля. Религія греческая—пишетъ С. Радзивилль въ своемъ дневнике подъ 26 февраля—иѣвла частное засѣданіе, на которомъ и я долженъ былъ быть *по приказанію короля*²⁾. Есть извѣстіе, что въ это время православные—подобно тому какъ на конвокационномъ и избирательномъ сеймахъ—вошли въ соглашеніе съ *диссидентами*, дабы общими усилиями содѣйствовать успокоенію религії. Находится намекъ и на то, для чего нашему митрополиту нужны были большія денежныя средства для сеймовыхъ поѣздокъ и куда уходила

¹⁾ Pamiętniki Radziwiłła. I. 232.

²⁾ Ibid. I. 234.

Значительная часть „его отеческаго достоянія“ и материальныхъ веномоществованій отъ паства. Въ реляціи вунція Висконти, посланной въ 1636 году къ кардиналу Барбарини о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, о сеймѣ 1635 года, между прочимъ, сообщаются такія свѣдѣнія: „дизуниты на прошломъ сеймѣ, соединившись съ диссидентами, употребляли всевозможныя козни, наихитрѣйшия вслѣдствіе лукавой злости греческой, чтобы достигнуть цѣли своихъ злоумышленій; угрожали даже, что употребятъ насилие (*uzyja gwałtu*), и если не взялись за оружіе (*nie rzucili się do żelaza*), то потому только, что имъ удобнѣе было *всегда борью посредствомъ золота*, которое вслѣдствіе корыстолюбивой алчности зольщихъ католиковъ, попало не къ одному Гуду. Не довольствовались (православные) немногими, но, отвергнувши всякое соглашеніе, хотѣли совершенно искоренить унію, отнять отъ нея наилучшія бискупства, монастыри, церкви, имущество церковное и присвоить оныя схизмѣ, а также позакладывать новыя и чрезъ то такъ упрочить ее, чтобы никогда не могла ниспровѣргнуться... Вслѣдствіе такого насильственного преслѣдованія, *малой склонности и преданности шляхты къ уніи* и причинъ, въ другихъ мѣстахъ этого письма указанныхъ, нельзя было избѣжать многихъ потерь; на противъ того, умнѣйшие католики да и сами даже уніаты, существенные интересы которыхъ были здѣсь замѣшаны, доселѣ не могутъ надивиться, что корабль, обуреваемый такимъ волненіемъ, не потонулъ окончательно“¹⁾).

8 марта цѣлый день сеймъ занять былъ разсужденіями о греческой религії „и все согласились—какъ заявляетъ Радзивилль—на то, чтобы и унія и схизма permissive свое богослуженіе (*nabożenstwo*) отправляли. Не знаю—съ грустью прибавляетъ сей добродушный католикъ: подтверждаетъ ли я это терминъ *permissive*? Я одинъ не могъ преодолѣть этого, протестуя и духовнымъ выставляя на видъ тревожное сомнѣніе, что нужно страшиться того термина *permissive*: какъ бы онъ страшный Судія не допустилъ такихъ (согласившихся на уступки православныхъ) до неба *prohibitive*, а не отосдалъ до пекла *permissive* 2).

Но этотъ терминъ *permissive* отнюдь не желательенъ быть и для православныхъ, которые, не подлежитъ сомнѣнію, возставали противъ него, видя здѣсь важное ограниченіе возстановляемыхъ правъ своей церкви. Дѣйствительно, въ сеймовую конституцію терминъ этотъ

¹⁾ Belacze nunciuszow Apostolskich i innych osob o Polsce, II, str. 264—265.

²⁾ Pamiętniki Radziwiłła, I, 239.

не быль внесенъ. Означенная конституція по вопросу объ успокоеніи греческой религії дословно гласила слѣдующе: „Удовлетворяя *Ras-tis Conventis* и поручительству, данному во время счастливой нашей коронаціи относительно успокоенія и умиротворенія подданныхъ нашихъ, обывателей коронныхъ и Вел. Княжества Литовскаго религії греческой, мы установленное, согласно съ пунктами, составленными при нашемъ избраніи, примиреніе (*zgodę*) приводимъ въ исполненіе и на будущее время, руководствуясь сими пунктами, обѣщаемъ отъ имени своего и нашихъ преемниковъ охранять какъ находящихся въ единеніи (съ римскою церковью), такъ и не находящихся въ ономъ, на основаніи сего установившагося закона. Доброжелательствуя же сemu примиренію, мы повелѣли выдать имъ на нынѣшнемъ сеймѣ привилегіи въ знакъ достовѣрного обезпеченія (договоровъ) за подпись нашей руки и нашими печатями. Также всѣ процессы и тажбы, начатые съ обѣихъ сторонъ изъ-за религії и вышеупомянутыхъ статей, предаемъ вѣчному забвенію и уничтожаемъ, возобновляя обѣщаніе, подробно изложенное въ конституціи 1609 года“¹⁾.

По окончаніи сейма Владиславомъ IV, на основаніи ставшей закономъ конституціи, выдано было 14 марта двѣ основныхъ привилегіи: одна уніатамъ, а другая православнымъ.

Въ привилегіи, данной уніатамъ, отъ имени короля говорилось слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ, кому о томъ знать слѣдуетъ, теперешнимъ и будущимъ (людямъ): такъ какъ мы, радѣя о благѣ общественномъ, приняли на себя трудъ водворить миръ между людьми греческой религії и способы для осуществленія этого пріостановили было до рѣшенія (*do deklaracyey*) св. отца; но поелику св. отецъ замедлилъ съ своимъ сужденіемъ и никакого опредѣленного рѣшенія не учинилъ, а между тѣмъ на сеймѣ иначе (т. е., не удовлетворяя просыбамъ православныхъ) невозможно было приступить къ охранѣ Рѣчи Посполитой и другимъ дѣламъ, то и пришлось намъ уступить людямъ, не находящимся въ унії, что сдѣлано нами не съ цѣлью одобренія правъ схизмы, но ради общественного блага. Посему и настоящее свидѣтельство наше даемъ въ томъ, что мы къ людямъ, находящимся въ унії съ костеломъ римскимъ, исполнены благосклонности и расположенія и сохраняемъ за ними митрополію и принадлежащія къ ней имѣнія на вѣчныя времена. При уніатахъ же должны оставаться навсегда архиепископство полоцкое,

¹⁾ Си. сеймовую конституцію подъ означенными годомъ.

бискупства Владимирское, пинское, холмское и смоленское съ монастырями, церквами и имѣниями имъ принадлежащими; за уніатами также должны оставаться навсегда Виленскій монастырь св. Троицы съ братствомъ, съ церковью св. Пятницы и съ принадлежащими къ нимъ фундушами монастыри—гродненский, жидичинскій, могилевскій, минскій, новогрудскій, онуфріевскій, мстиславскій-пустынскій, полоцкій, брацлавскій, лещинскій и другіе, которые находятся въ настоящее время въ ихъ владѣніи. А въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ неуники никогда не должны имѣть ни одной церкви. Удостовѣремъ также за себя и наименѣйшихъ преемниковъ нашихъ, что епископства тѣ, архимандритства, игуменства, мы и преемники наши не будемъ отдавать никому иному, какъ только заслуженнымъ базиліанскимъ законникамъ (монахамъ), держащимся правиль св. Василія, которыхъ теперешній митрополитъ унитъ и его преемники, униты, будутъ предлагать намъ и преемникамъ нашимъ (для утвержденія въ должностяхъ)“¹⁾.

¹⁾ Означенная грамота запечатана: въ *Археограф. сборнике документовъ относящихся къ Сѣверо-Зап. Руси* два раза,—въ т. I подъ №№ 138—141 въ ряду другихъ грамотъ, данныхъ уніатамъ, и во II т. подъ № 44 отдельно; у Островскаго въ III т. его сочиненія—*Dzieje u prawa kościola Polskiego* (стр. 496—498) и у Кулѣша въ соч. *Wiara Prawoslawna* (вид. 1704 г., стр. 261—262).

Во всѣхъ этихъ изданіяхъ грамоты, кроме незначительныхъ разнорѣчій, происшедшихъ отъ неудачнаго прочтения чѣхоторыхъ мѣстъ и по смыслу легко восстановляемыхъ, есть существенное разногласіе въ названіи одного монастыря, предназначающаго уніатамъ. Въ Археограф. сборнике т. II (стр. 61) онъ называется *Plystyński*, въ I т. того же сборника (стр. 357)—*Pustynski*, у Островскаго и Кулѣша: *Pustynski*. Преосв. Макарій въ своей исторіи церкви (XI, 476) отдаетъ предпочтеніе первому изъ указанныхъ чтеній: *Пустынскій*. Но такого монастыря не было. Безъ сомнѣнія, должно признать правильнымъ чтеніе Островскаго и Кулѣша, но предварительно сдѣлавъ къ нему *хотя и корректурную, но весьма важную поправку*,—именно между: *Mscislawski*, *Pustynski*, слѣдуетъ уничтожить *вапяту*, т. е. въ данномъ случаѣ разумѣются не два монастыря, а одинъ: *Мстиславскій-Пустынскій*. Такой монастырь дѣйствительно существовалъ и находился недалеко отъ Мстиславля. Свѣдѣнія о немъ восходять къ концу XV стол. 14 сентябрь 1499 года Мстиславскій князь Михаилъ Ивановичъ по члобитю игумена и братіи „пречистой Богоматери эз Пустынки“ позволилъ имъ призывать и селить на монастырской землѣ людей, съ освобождениемъ ихъ отъ урядового и владычнаго суда и повинностей (А. З. Р. т. I. № 177, стр. 201). Дальнѣйшія документальные данные объ означенной обители см. А. З. Р. т. I. №№ 215, 217 Ibid. т. II, №№ 21 63, 142 и 162. Ibid. т. III №№ 23, 98. Бѣлорусскій Архивъ (Москва, 1824) ч. I. № 31. Археогр. Сборникъ Сѣверо-Зап. Руси. Т. II. №№ 9—11, 15—16.—На За-мостьскомъ соборѣ означенный монастырь пред назначенъ бытъ для резиденціи уніатскаго смоленскаго архіепископа.

Выданная православнымъ привилегія гласила слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ, кому слѣдуетъ, что мы, пребывая вѣрными статьямъ примиренія между унитами и неуниками греческаго обряда, которые составлены во время счастливой нашей елекціи и утверждены конституцію настоящаго сейма,—помимо сего опредѣляемъ слѣдующее: На луцкомъ епископствѣ ксіондъ Почаївскій долженъ пребывать до его смерти, а послѣ его смерти означенное епископство нами будетъ предоставлено со всѣми издревле принадлежащими къ нему имѣніями отцу Пузынѣ, не униту, избранному на оное обывателями волынскими и уже посвященному; а если отець Пузына умретъ прежде тешерешняго уніатскаго луцкаго владыки, тогда означенная епископія будеть принадлежать тому, кого волынскіе обыватели, какъ своего електа, намъ представать. А когда луцкое епископство будеть передано неуниту, жидичинская архимандрія немедленно будеть предоставлена униту, со всѣми имѣніями, издавна къ ней принадлежащими, и съ церковью Пресвятой Троицы, а также дворикомъ, приписаннымъ къ означенной архимандріи. Селенія Теренки, Седмарки и Теремки, которыми отець Пузына владѣеть пожизненно, по вступленіи его на луцкую епископію имѣютъ оставаться при той же епископіи, какъ во владѣніи его самого (Пузыны), такъ и его преемниковъ, неуниковъ.—Равнымъ образомъ по смерти ксіонда Афанасія Крушецкаго, перемышльского владыки, мы передадимъ это епископство съ имѣніями тому, кого изберутъ перемышльские обывагели и намъ представать. Для резиденціи же тешерешняго перемышльского владыки неуница мы назначаемъ и утверждаемъ монастыри: Спаскій, св. Онуфрія и называемый Смольница со всѣми принадлежащими тѣмъ монастырямъ имѣніями. А когда послѣ смерти ксіонда Крушецкаго неунить приметъ въ свою власть перемышльское епископство, тогда Церкви св. Спаса и св. Николы, находящіяся на перемышльскомъ предмѣстьѣ, съ селеніемъ Шехиномъ, принадлежащимъ къ имѣніямъ епископскимъ,—будуть переданы униту, единодушно избранному въ епископы находящимися въ унії, и должны оставаться въ фактическомъ владѣніи того епископа и его преемниковъ.—Гродненскій монастырь съ его имѣніями будеть принадлежать унитамъ, въ вознагражденіе за что униты уступили неуничтамъ монастырь Выдубицкій подъ Кіевомъ

Кегати, сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Упомянутая грамота Владислава IV уніатскому духовенству Віленской Археогр. комиссию при изданіи ея (Археогр. Сб. т. II. № 45) снабжена и русскимъ переводомъ. Переподъ этого во многихъ мѣстахъ до такой степени далекъ отъ подлинника, что совершенно пересказывается и исказжаетъ его смыслъ.. Къ чему приходить подобные переводы?

съ имѣніями, издревле къ нему принадлежащими, и перевозомъ.— Также и монастырь св. Спаса въ Могилевѣ съ перевозомъ останется во владѣніи уніатовъ; а церковь св. Креста въ Могилевѣ и селенія Печерскъ, Цырковъ, Барсуки и Тарасовичи, которыми владѣютъ вышѣ упомянуты, также церковь въ Минскѣ, называемая Блаженная (Beata), должны принадлежать неунитамъ.— Отецъ же Петръ Могила, избранный отъ неунитовъ митрополитомъ, какъ владѣетъ архимандрію Печерской, монастыремъ Никольскимъ и церковью св. Софіи, такъ въ его совмѣстномъ владѣніи все это до конца его жизни и должно оставаться; а послѣ его смерти бенефиціи эти будутъ разданы согласно со статями примиренія, утвержденными при нашемъ избраніи.— Въ школахъ кіевскихъ и вилескихъ дозволяемъ неунитамъ учить по-гречески и по-латыни, такъ впрочемъ, чтобы свободнымъ наукамъ обучали не делѣ діалектики и логики. А какія церкви щедроставлены будутъ унитамъ и неунитамъ комиссарами, для этого вами назначенными, обѣ стороны должны ихъ рѣшевію быть покорными.— Всѣ процессы, начатые какъ относительно св. Софіи и Никольского монастыря, такъ и по другимъ (однороднымъ) дѣламъ между унитами и неунитами, касающими и уничтожаемы, за исключениемъ убытокъ и личныхъ обид, которые, если существуютъ, могутъ быть предметомъ судебныхъ разбирательствъ.— Исполненію всего этого мы удостовѣляемъ именемъ нашимъ и нашихъ преемниковъ и посему, на основаніи пунктовъ настоящей привилегіи нашей, какъ униты, такъ и неуниты должны пользоваться своими правами¹⁾.

Уніатскій писатель Острожскій, хорошо ознакомленный съ тогото-временными источниками, заявляетъ, что привилегія, данная Владиславомъ IV уніатамъ, была вызвана усиленными просьбами къ королю уніатскаго митрополита Рутекаго, и считаетъ это одною изъ величайшихъ услугъ „сего архипастыря для своей паствы²⁾“. Нашъ незабвенный историкъ преосв. Макарій склоненъ смотрѣть на привилегію Владислава уніатамъ, а также и на самую привилегію сего короля православнымъ, какъ на отступленіе отъ статей примиренія, допущенное королемъ въ пользу уніатовъ³⁾. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ дѣятельность короля представляется не совсѣмъ въ вѣрономъ свѣтѣ.

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXXX в. Рукоп. Кіев. Дух. Акад. (въ пожертвованыхъ преосв. Макаріемъ № Aa 210, стр. 81. Въ послѣдней грамотѣ (въ переводѣ на латинскій языкѣ) съ датою отъ 18 марта 1635 г., — что относительно числа очевидно должно призвать ошибкою).

²⁾ Ostrowski, Dzieje u prawa Kościoła Polskiego (изд. 1793 г.) т. III, str. 498.

³⁾ Исторія Русск. церкви XI. 475.

Что Рутскій хлопоталъ о выдачѣ уніатамъ привилегіи — это, разумѣется, сомнѣнію подлежать не можетъ¹⁾). Но выдавая озпа-
чочную привилегію, король не нарушалъ статей примиренія, узако-
неніе которыхъ стоило ему столь великихъ усилий. Статьями при-
миренія отнюдь не уничтожалась унія (ибо это дѣло было бы, при
существовавшемъ порядкѣ вещей, невозможное), а только возстанов-
лялись юридическая права церкви православной съ возвращеніемъ ей
извѣстнаго количества храмовъ, съ принадлежащими къ нимъ бене-
фиціями, находившимися до того времени во владѣніи уніатовъ. По-
этому подтвержденіе правъ уніатской церкви и остававшихся за нею
церковныхъ бенефицій было дѣломъ вполнѣ естественнымъ, а съ го-
сударственной точки зрѣнія и благоразумнымъ. Разумѣется, непрѣ-
ятное впечатлѣніе производить въ привилегіи короля заявленіе, что
права даются православной церкви вынужденно и не могутъ быть
одобряемы имъ, королемъ; но не слѣдуетъ забывать, что Влади-
славъ IV былъ католикъ и за свою благосклонность къ православ-
нымъ подвергался постояннымъ нареканіямъ, а потому означеннай
фразѣ, притомъ явно носящей дипломатической характеръ, особен-
наго значенія придавать не слѣдуетъ.—Что же касается фактиче-
скихъ отступленій отъ статей примиренія, отчасти усматриваемыхъ
въ привилегіи уніатамъ, а преимущественно въ грамотѣ, данной
православнымъ,—то такихъ отступленій дѣйствительно можно ука-
зать (и преосв. Макарій указываетъ) нѣсколько. Самое существен-
ное отступленіе состоитъ въ томъ, что по статьямъ примиренія уні-
атскій луцкій епископъ немедленно долженъ былъ передать еписко-
пію со всѣми ея имѣніями православному владыкѣ, а самъ пере-
селиться въ жидичинскій монастырь; между тѣмъ по королевской
грамотѣ имѣнія луцкой епископіи пожизненно остаются за луцкимъ
уніатскимъ епископомъ Почаевскимъ, а православному владыкѣ до
кончины послѣдняго предоставляется жидичинскій монастырь съ нѣ-
которыми селами. Затѣмъ, не уничтожается совершенно перемышль-
ская уніатская епископія, что по статьямъ примиренія должно было
осуществиться послѣ смерти Аѳанасія Крупецкаго (тогдашняго по-
ремышльского епископа). Наконецъ, нѣкоторые монастыри и церкви,
предназначавшіеся православнымъ, оставляются по прежнему во вла-
дѣніи уніатовъ, а въ трехъ городахъ: Витебскѣ, Полоцкѣ, Ново-

¹⁾; Въ довесеніі папскаго пунція Вісконти въ Римѣ (1636 г.), между про-
чими, говорится: „Roztropnoсть u gorliwoсти metropolity Jos. Rutskiego saъ waszey
przewielebnosci ukadnaj iuzъ znanie, ale w tey wažnejey okolicznoсci (рѣчь идетъ о
сѣмѣ 1635 г.) stały się dla každego pamietne (Relacye пunciuszow.t II, str. 265).

грудкѣ православнымъ воспрещалось имѣть даже и по одной церкви, между тѣмъ, по статьямъ примиренія, церкви предполагалось распределить между унитами и неунитами пропорционально ихъ числу, причемъ относительно Полоцка прямо говорилось, что здѣсь одна церковь, по указанію королевскихъ комиссаровъ, должна была быть представлена православнымъ.

Но вину за означенныя отступленія возлагать на Владислава IV едва ли основательно: безъ сомнѣнія, на эти отступленія дано было согласіе самими православными, вынуждаемыми къ тому обстоятельствами.

Мы видѣли, какое сильное волненіе произвело въ латино-уніатскомъ лагерь *юридическое* возстановленіе правъ православной церкви и сколь продолжительна и упорна была борьба изъ-за этого вопроса. Положеніе короля въ качествѣ посредника между враждующими сторонами было крайне затруднительное и при настойчивости однихъ противниковъ (православныхъ), желавшихъ получить возможно болѣе церковныхъ бенефицій, и при упорствѣ другихъ (уніатовъ), стремившихся удержать въ своихъ рукахъ захваченное прежде и поступиться возможно меньшимъ,—дѣло успокоенія греческой религіи не могло совершиться безъ обоюдныхъ уступокъ заинтересованныхъ сторонъ, и—какъ мы видѣли—усилія короля именно и нацравлены были къ тому, чтобы склонить противниковъ къ этимъ уступкамъ. На многочисленныхъ совѣщаніяхъ короля съ представителями интересовъ православія и уніи происходило до извѣстной степени то же самое, что происходит въ наше время на такъ называемыхъ конференціяхъ по дѣламъ замиренія между враждущими сторонами, когда проектируемые пункты мирныхъ условій подвергаются тѣмъ или инымъ измѣненіямъ, вызываемымъ обстоятельствами, причемъ стороны склоняются, точнѣе, вынуждаются къ обоюднымъ уступкамъ во избѣженіе большихъ, нежелательныхъ осложненій дѣла.—Что въ данномъ случаѣ важнѣйшее изъ указанныхъ нами отступленій отъ статей примиренія (относительно луцкой епископіи) было послѣдствіемъ уступчивости со стороны православныхъ или, точнѣе, добровольнымъ, вызываемымъ сложившимися обстоятельствами, соглашеніемъ ихъ съ уніатами, притомъ небезвыгоднымъ для обѣихъ сторонъ,—объ этомъ мы говорили уже выше. Безъ сомнѣнія, желаніе благополучно окончить свое дѣло, то есть юридически закрѣпить за свою церковью нарушенная въ предшествовавшее царствованіе права ся, было причиною согласія православныхъ и на другія упомянутыя нами отклоненія отъ статей примиренія, тѣмъ болѣе, что некоторые изъ этихъ отклоненій могли быть даже и желательны

для православныхъ (напримѣръ, замѣна Гродненскаго монастыря Кіево-Выдубицкую обителью).

Въ разматриваемомъ нами дѣлѣ прискорбны были не эти отступленія отъ статей примиренія, имѣвшія значеніе второстепенное, а прискорбно было тѣ, что примиреніе между враждующими сторонами *на почвѣ юридической*, какъ состоявшееся подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, было, въ особенности со стороны уніатовъ, неискреннимъ, а потому не дававшимъ надежной гарантіи къ прекращенію смутъ и ссоръ изъ-за религіозныхъ вопросовъ (а главное изъ-за церковныхъ бенефицій) на будущее время.

Въ дѣйствительности такъ и было.

Когда, на основаніи состоявшейся конституціи, православнымъ выдана была приведенная пами привилегія, отъ имени латино-уніатовъ (духовныхъ и свѣтскихъ) занесена была протестація противъ сеймового постановленія. Сущность протестаціи заключалась въ слѣдующемъ. Прежде, на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ, протестующіе не изъявляли своего согласія на предлагавшіеся способы примиренія православныхъ съ уніатами, основываясь на томъ, что означенное дѣло не можетъ состояться безъ соизволенія на оное апостольской столицы, какъ верховной руководительницы по вопросамъ, касающимся религіи; поэтому въ настоящее время, когда мнѣніе римскаго престола по сему предмету сдѣгалось уже извѣстнымъ, а именно, что безъ отягощенія совѣсти и безъ опасности для спасенія нельзя согласиться на принятіе пунктовъ примиренія и на передачу православнымъ вѣкоторыхъ церквей, находившихся дотолѣ во владѣніи уніатовъ, — „протестуючи“, какъ на самомъ сеймѣ предъ лицемъ всей Рѣчи Посполитой заявляли, такъ и сейчасъ передъ судомъ заявляютъ, что на поименованные способы примиренія, а равно и на конституцію нынѣшняго сейма о греческой религіи не могутъ дать позволенія и не позволяютъ. — Далѣе въ протестаціи заявлялось, что такъ какъ уніатское духовенство не могло „упросить“, дабы при немъ оставлены были всѣ, находящіяся въ его владѣніи церкви съ принадлежащими къ нимъ помѣстьями, то оно не можетъ уступить ихъ добровольно, но только по принужденію (*non consentiendo, sed patiente*), обѣщаясь въ оставленныхъ ему церквяхъ приносить мольбы за короля и милую отчизну и за своихъ престьдователей, дабы Господь не возмѣстилъ имъ ихъ грѣхъ и не подвергъ Рѣчу Посполитую проклятию и караю (разумѣется за упомянутую конституцію). — Подъ протестацію находятся подписи всѣхъ католическихъ и уніатскихъ бискуповъ, находившихся въ то время въ Варшавѣ, восьми воеводъ, нѣкоторыхъ выстыхъ чиновниковъ при дворѣ и нѣкоторыхъ пословъ, — всего подписи 51-го лица. За-

мѣчательно, что между подписавшимися находятся и такие лица, которые были правою рукою короля и наиболѣе другихъ (изъ католического лагеря) содѣйствовали проведению на сеймѣ конституції относительно греческой религіи. Такъ, напр., въ числѣ протестующихъ мы встрѣчаемъ и извѣстнаго намъ Георгія Оссолинскаго, столь много въ угоду короля потрудившагося для дѣла православныхъ. Разумѣется, его подпись подъ протестацію съ дипломатическими оговорками есть не болѣе, какъ желаніе замѣсти слѣды своей дѣятельности по данному вопросу, сильно вооружившей противъ Оссолинскаго ультра-католическую партію. Опасеніемъ навлечь на себя укоризны со стороны означенной партіи, безъ сомнѣнія, руководились при подписи протестаціи и другія лица, принимавшія, хотя бы то и исключительно съ формальными стороны, участіе въ упомянутомъ дѣлѣ. Изъ такихъ подписей съ оправдательными мотивами приведемъ здѣсь подпись подканцлера короннаго юмы Замойскаго, какъ наиболѣе характерную въ смыслѣ уясненія тѣхъ усилій, съ которыми проведено было на сеймѣ дѣло объ успокоеніи греческой религіи. Вотъ эта подпись: „Юма Замойскій, подканцлеръ коронный, генералъ краковскій. Подобно тому, какъ на елекціи и коронаціи его королевской милости я, безъ соизволенія апостольскаго преестола, не хотѣлъ дать согласія на означенное примиреніе, такъ и въ настоящее время, когда дѣло дошло до приложения печати, я въ виду того, что св. отецъ съ своимъ сужденіемъ по данному вопросу замедлилъ, заявилъ о моемъ желаніи слѣдовать въ семъ дѣлѣ рѣшенію иныхъ милостей ксендзовъ бискуповъ, какъ такихъ лицъ, которымъ принадлежитъ руководство нашей совѣтостью, а потому и своего позволенія (на приложеніе печати) дать не могъ. Но поелику заключеніе сейма безъ сего не могло состояться, а непріятель сталъ надъ головою отчизны, и такъ какъ другіе чины обѣщали имъ (т. е. православнымъ) то permissive и требовали отъ меня того же, я вопреки желанію исполнилъ свою обязанность, предварительно выступивъ съ манифестацію и то повторяя, что настоящія привилегіи и тѣ, которыхъ вносятъ будуть изданы въ такомъ же родѣ, не должны нарушать правъ касательно шляхетскихъ имѣній (т. е. права надѣлять имѣніями церковныя учрежденія) ¹⁾).

Спустя два дня (20 марта) занесена была протестація противъ состоявшейся конституціи о греческой религіи и отъ имени папскаго нунція въ Польшѣ. Въ этой широковѣщательной протестаціи, между прочимъ, заявлялось, что, хотя обстоятельства и не

1) Протестація 1635 г. (въ музѣѣ Чертопіжскихъ въ Краковѣ).

1 отд.

дозволяютъ сопротивляться схизматикамъ (въ виду состоявшагося узаконенія: утвержденія сеймомъ статей примиренія) путемъ юридическимъ, тѣмъ не менѣе апостольскій престолъ никогда не можетъ дать соизволенія на статьи примиренія и вообще на что-либо, идущее въ разрѣзъ съ интересами католицизма и унії, и противъ подобныхъ постановленій протестуетъ и всегда протестовать будетъ, такъ какъ опытъ противны божескимъ и человѣческимъ законамъ, канонамъ, древнимъ церковнымъ обычаямъ, культу единственной религії (католицизму) и долгу католиковъ, обязанныхъ къ повиновенію и послушанію римской церкви. Схизматики (т. е. православные) тогда только могутъ заслужить благословеніе св. отца и упрочить свое правовое положеніе въ государствѣ, если возвратятся къ унії съ католическою церковью, — что составляетъ завѣтное желаніе римского престола¹⁾.

Разумѣется, указанныя протестаціи не могли имѣть юридического значенія, какъ направленныя противъ постановленія, ставшаго общеобязательнымъ закономъ; но онѣ усиливали въ извѣстной части общества недовольство этими постановленіями, разжигали религіозныя страсти, побуждали неуважительно относиться къ распоряженіямъ правительственной власти относительно приведенія въ исполненіе статей примиренія и какъ бы заранѣе оправдывали могущія встрѣтиться противленія этимъ распоряженіямъ.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Theiner. Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae № CCCLXIX, 418—420.

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

VI.

Общія особенности философіи Сковороды.

Сковорода писалъ много, а говорилъ еще больше. Въ его разсужденіяхъ много путаницы, противорѣчій, неизбѣжныхъ въ сужденіяхъ такого разбросанного, многограннаго ума, какимъ былъ Сковорода. То онъ говоритъ о „единомъ началѣ, вездѣсущемъ центрѣ и умномъ цыркулѣ“, близкомъ, повидимому, къ Спинозовской міровой субстанціи, и является монистомъ; то учитъ о двухъ началахъ и его учение имѣетъ всѣ признаки дуализма; то считаетъ духъ началомъ міровой жизни; то договаривается до учения о вѣчности матеріи. Иногда онъ говорилъ Ѳдкимъ языкомъ раціоналистовъ XVIII в.; иногда языкомъ древней святоотеческой литературы; иногда—возвышался до чисто-пророческаго, библейскаго стиля, а иногда его рѣчь принимала совершенно непонятное и странное теченіе. Однихъ выводовъ требовала отъ него метафизическая философія; другихъ—нравственная, этика. Конечно, скажутъ: эти противорѣчія могутъ быть примиримы... И дѣйствительно, они такъ или иначе примираются въ интересахъ цѣльности. Но вопросъ въ томъ: было ли у Сковороды цѣльное, ясно определенное міросозерцаніе? По нашему мнѣнію, это былъ сложный, неупорядоченный умъ, который едва ли когда-либо зналъ силу цѣпей неумолимо-систематического вывода. Поэтому,

говорить объ определенной философской системѣ его мыслей значитъ сразу стать на нѣсколько невѣрный путь въ сужденіи о его ученіи.

А между тѣмъ думаютъ, напримѣръ, что всѣ сочиненія Сковороды можно раздѣлить на три группы: художественныя(?)—пѣсни, вирши и басни; нравственно-поучительныя—духовные канты, богословскія правила и, наконецъ, философскіе разговоры¹⁾“. Такое дѣленіе имѣеть, конечно, значеніе только для каталоговъ.

Другой изслѣдователь говоритъ о „чрезвычайной цѣльности и законченности его (Сковороды) философскаго міровоззрѣнія, которая дѣлаетъ изъ его построенія монолитъ безъ примѣсей и трещинъ“²⁾). Эта тирада невольно наталкиваетъ на вопросъ: былъ ли когда-нибудь на землѣ философъ, міросозерцаніе котораго представляло-бы „монолитъ безъ примѣсей и трещинъ“?

Третій изслѣдователь, останавливаясь, въ частности, на специально философскихъ произведеніяхъ Сковороды, разлагаетъ его ученіе на группы разныхъ положеній и представляетъ своимъ читателямъ цѣлую систему ученія³⁾, забывая, что къ мысламъ Сковороды по существу нельзя подходить съ требованіями строгой системы.

Дѣленіе сочиненій и классификація взглядовъ, безспорно, можетъ имѣть нѣкоторое внѣшнее удобство при изученіи сочиненій Сковороды, но оно мало служитъ внутреннему пониманію его произведеній. Главный недостатокъ этого пріема заключается въ томъ, что, слѣдя уму, изслѣдователь легко можетъ увидѣть систему тамъ, где ея вовсе нѣтъ, какъ это и оправдалось на писавшихъ о Сковородѣ. Въ частности, отдѣлять, напр., философскія сочиненія Сковороды отъ нравственныхъ неудобно уже потому, что самъ Сковорода не дѣлалъ этого различія. Онъ не отдѣлялъ своей философемы отъ морали.—Его философскія разсужденія назидательны; а нравоученія всегда носятъ въ себѣ философски-умозрительный и по мѣстамъ туманно-мечтательный характеръ. Далѣе, философія и мораль у него опираются на

¹⁾ „Міръ Божій“ ноябрь, 1894 г., стр. 61,

²⁾ „Вопр. филос. и певч.“ 1894 г. ноябрь, стр. 422.

³⁾ „Вопр. филос. и певч.“ 1894 г. кн. 23 и 24.

религіозномъ основаніи, а богословскіе взгляды вытекаютъ изъ философіи.

Тамъ, гдѣ дѣло касается чистой философіи, Сковороду очень удобно ставить въ зависимость отъ древне-классической философіи, при чемъ обязательно приводится свидѣтельство Коваленского о томъ, что „любимѣшими писателями Сковороды были: Плутархъ, Филонъ Иудеянинъ, Цицеронъ, Гораций, Лукіанъ, Климентъ Александрийскій, Оригенъ, Ниль, Діонисій Ареопагитскій и Максимъ Исповѣдникъ“, а изъ новыхъ—„относительные къ симъ“. Зависимость философскихъ воззрѣній Сковороды отъ древне-классическихъ авторитетовъ съ особенной аргументаціей раскрыта въ статьѣ Зеленогорскаго „Философія Г. С. Сковороды“, (помѣщенной въ „Вопр. фил. и псих.“ 1894. г. м. май и сентябрь). Проф. Зеленогорскій здѣсь авторитетно утверждаетъ о зависимости взглядовъ Сковороды отъ древне-классической философіи и въ частности — отъ философіи Платона. Но, къ сожалѣнію, это свое положеніе онъ не обосновываетъ на какихъ нибудь болѣе или менѣе прочныхъ данныхъ. Утвержденіе профессора, что „кто знакомъ съ философіей Платона, для того это ясно и очевидно“¹⁾, доказательно, конечно, только для того, кто изучаетъ философію подъ руководствомъ самого профессора.

Професоръ Багалій безусловно правъ, говоря по поводу сократической дѣятельности Сковороды: „мы не отвергаемъ аналогію въ дѣятельности и отчасти положеніи Сократа аѳинскаго и Сократа малороссійскаго; но это только виѣшняя аналогія: внутренней зависимости здѣсь не было или, по крайней мѣрѣ, она не доказана“. („Сочин. Сковороды“ LX).

Если, впрочемъ, вліяніе Сократово-Платоновой философіи на ученіе Сковороды еще можетъ быть основано на нѣкоторыхъ пунктахъ сходства въ ученіяхъ, то для утвержденія вліянія на его ученіе западно-европейскихъ мыслителей изслѣдователямъ приходится прибѣгать къ всевозможнымъ натяжкамъ.—Прямыхъ данныхъ для утвержденія этого вліянія пока еще нѣтъ... Путешествіе Сковороды за границу въ этомъ отношеніи ничего не

¹⁾ „Вопр. фил. и псих.“ 1894 г., май, 222.

доказываетъ. Зная вѣмецкій языкъ, Сковорода могъ завести знакомство съ учеными нѣмцами; но дѣйствительно ли онъ вель это знакомство, съ кѣмъ именно и какое вліяніе на складъ нашего философа оказало это знакомство,—не извѣстно.

Наиболѣе стройную и выдержанную систему философіи Сковороды даетъ профессоръ Багалль. Вотъ схема этой системы:

Вѣчно существуетъ одно мірозданіе.

(Монизмъ Сковороды).

Оно состоитъ изъ трехъ міровъ:

космоса (большого міра), человѣка (малаго міра) и библіи (міра символическаго).

Въ каждомъ отдѣльномъ мірѣ два начала:

Вѣчность (духъ) и тленность (матерія).

(Дуализмъ Сковороды).

Духъ въ каждомъ мірѣ беретъ перевѣсъ надъ матеріей.

(Спиритуализмъ Сковороды).

Изъ ученія о духѣ вытекаетъ нравственное ученіе философа... и т. д.

Такая система идей въ отношеніи къ Сковородѣ намъ представляется, однако, произвольной, примѣнимой скорѣе къ доктринерамъ-теоретикамъ, а не такому живому, подвижному уму, какимъ былъ Сковорода. Можно смѣло сказать, что если-бы Сковорода философствовалъ по такой системѣ, то мы не имѣли-бы философа. Въ данномъ случаѣ дѣло, кажется, болѣе выиграть, если, при изложеніи и оцѣнкѣ мыслей Сковороды, отрѣшиться на время отъ тенденцій систематизаціи и смотрѣть на его философскія произведенія какъ на выраженіе процесса различныхъ философскихъ умонастроеній, т. е. видѣть въ его мысляхъ не столько систему, сколько самыя мысли, не лишенныя въ общемъ, конечно, относительной цѣлостности и законченности, но не чужды многихъ противорѣчій, недомолвокъ и неточностей.

Поэтому, приступая къ характеристицѣ философіи Сковороды, прежде всего установимъ положеніе: важно взглянуть на Сковороду, отрѣшившись отъ всякой основной школьнай точки

зрѣнія... и видѣть въ немъ, не мудрствуя лукаво, лишь то, что видно будетъ.

Особенностью характера Сковороды, налагающей отпечатокъ на всю его философію, было то, что онъ сначала интуитивно-мистически пережилъ философскія положенія въ своемъ духѣ, прежде чѣмъ взялся за перо для связнаго изложенія этихъ положеній. Какъ извѣстно, первыя философскія сочиненія написаны Сковородой уже въ довольно зрѣломъ возрастѣ. Онъ осуществилъ мудрое правило: „*primum—discere, deinde—vivere, denique—philosophare*“. Такимъ образомъ философія Сковороды—пережитая философія. Въ этомъ безспорное ея преимущество предъ многими другими учеными. Она прошла чрезъ настроеніе и душу философа. Съ этимъ характеромъ философіи Сковороды изслѣдователямъ необходимо считаться, потому что эта особенность объясняетъ, во-первыхъ, связь взглядовъ Сковороды съ его причудливымъ темпераментомъ, сильно затрудняющую критическое изслѣдованіе его философскихъ трактатовъ; во-вторыхъ,—объясняетъ вытекающую отсюда трудность изложенія философіи Сковороды.

Отчасти подъ вліяніемъ внутреннихъ интуитивныхъ побужденій своего духа, а отчасти подъ вліяніемъ богатыхъ данныхъ собственного опыта, Сковорода яснѣе другихъ въ свое время понималъ, что чистая мысль отвлеченной метафизики сама въ себѣ имѣеть мало цѣнности;—что цѣнность мыслей вообще и ихъ значеніе приобрѣтается лишь по-стольку, по-скольку онѣ бываютъ связаны съ принципіальными внушеніями воли человѣка и религіозными, сердечными эмоціями. Отсюда философскія положенія Сковороды отличаются многосторонностью своего содержанія, такъ сказать, многогранностью мыслей. Ими затрагиваются сразу различные стороны человѣческаго духа.

Работая на почвѣ общихъ многостороннихъ идей, захватывающихъ всего человѣка, Сковорода главнымъ источникомъ и двигателемъ своей философіи признавалъ разсудокъ. Разсудочно-аналитическимъ духомъ проникнуты всѣ его философскія положенія. На разсудочную почву онъ переводилъ и все то, чѣмъ жилъ. Разсудокъ у него былъ не средствомъ разработки мысли,

а источникомъ идей, самовозбудительной силой оригинальныхъ мыслей.

Опытъ имѣлъ для нашего философа значеніе второстепен-
наго источника идей. Не боясь впасть въ парадоксъ, скажемъ,
что для Сковороды опытъ былъ не столько источникомъ образо-
ванія идей, сколько причиною ихъ разбросанности и хаотичности.
Многосторонность впечатлѣній мѣшала приведенію мыслей фи-
лософа въ органическое единство. Сковорода не знаетъ прямолиней-
наго теченія идей. Жизнь—не система. Это—разнообразіе
впечатлѣній, часто не имѣющихъ между собой никакой связи. Гри-
горій Саввичъ отзывался на это иногда безсвязное разнообразіе. Онъ,
вообще, не любилъ однообразія. Онъ былъ философскимъ эхомъ
сложнаго процесса общественной жизни своего времени, и его
философія вышла разнообразною и калейдоскопичною, какъ тѣ
люди и явленія, съ которыми приходилось ему сталкиваться.
Всякое полученное впечатлѣніе онъ по своему переживалъ, обоб-
щалъ и затѣмъ подвергалъ переработкѣ на началахъ чистаго
мышленія. Сковороду, пожалуй, можно было упрекнуть, что онъ
слишкомъ увлекался въ своей наклонности разсуждать по по-
воду всего того, что не давало достаточно философской пищи
и потому не достойно было философіи. Этимъ объясняется, по-
чему его разсужденія превращались въ формальное логизирова-
ніе въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-либо фактъ представлялъ
меньше данныхъ для разсужденія, чѣмъ хотѣлось Сковородѣ.
Отсюда его иногда своеобразные, оригинальные выводы по по-
воду такихъ явленій, которыхъ обыкновенно проходятъ незамѣ-
ченными. Мысленіе Сковороды не всегда имѣло существенную
тѣсную связь съ фактами. Точныхъ указаний на факты и вообще
эмпирическихъ данныхъ у него мало. Сковорода разсуждалъ по
поводу фактовъ, но отдавалъ предпочтеніе чистому умозрѣнію,
основанному на неизмѣнныхъ началахъ разума. Для него важны
были не факты, которыхъ много можно подыскать подъ всякую
теорію и толковать какъ угодно, а принципіальная точка зрѣнія.

Но, отводя разсудочно-аналитической дѣятельности въ своей
философіи главное мѣсто, Сковорода не игнорировалъ, точнѣе—
не могъ игнорировать другихъ силъ души, какъ орудій фило-

софского настроенія. Въ частности, воображеніе играетъ сильную вспомогательную роль въ динамикѣ его философіи. Извѣстно, что ни одна область мысли человѣческой не бываетъ свободна отъ такого или иного вліянія воображенія. Философія Сквороды испытала на себѣ рѣшительное господство этой силы. Его философія въ значительной степени—философія образовъ.... Понятіе у него почти не отдѣляется отъ представленій. Скворода часто пользуется пластичными и яркими примѣрами для наглядности своихъ философскихъ положеній. Онъ, кажется, понималъ, что воображеніе одинъ изъ оживляющихъ элементовъ, придающихъ сухимъ мыслямъ плоть и кровь.

Вотъ почему самыя названія его письменныхъ философскихъ сочиненій имѣютъ аллегорически-образный характеръ: „Ізраильскій змій“, „Бесѣда, нареченная двое“, „Діалогъ, имя ему потопъ змѣинъ“, „Начальная дверь“... „Убогій жайворонокъ“, „Благодарный Еродій“... Можно подумать, что все это не философские трактаты, а своеобразные беллетристические рассказы, требующіе, какъ извѣстно, работы творческаго воображенія. Отсюда—пластичность философіи Сквороды, возвышающаяся по мѣстамъ до художественной яркости.

Наконецъ, у Сквороды были сильныя вѣшнія основанія въ философски-критическому умонастроенію. Сталкившись съ людьми различныхъ положеній и понятій, Скворода почувствовалъ потребность провѣрки царившихъ понятій и выводовъ. Во всей философіи Сквороды ясно сквозитъ желаніе философа разобраться въ хаосѣ господствовавшихъ представленій, стремленіе осмыслить эти представлія, упорядочить и свести ихъ (насколько это возможно) къ одной свѣтлой общей мысли. Разворвать понятія о Богѣ, природѣ, человѣкѣ и всемъ разнообразіи міра и установить надъ этимъ знаніемъ одно начало вѣчнаго единства—было задачей философіи Сквороды. Отсюда—своевременность и, такъ сказать, почвенность философіи Сквороды.

Ликвидировать старыя мысли людей, разбирать традиціонно накопившійся умственный хаосъ не легко. На ряду съ серьезными идеями тутъ приходится сталкиваться съ случайными, маловажными мыслями. Поэтому, въ философіи Сквороды нужно

отличать тѣ двѣ стороны, которыя можно назвать философствованіемъ и умничаньемъ. На первомъ лежитъ печать серьезной мысли; второе—дѣло минуты, настроенія. Вопросъ о цѣнности тѣхъ или другихъ философскихъ положеній Сковороды можетъ относиться только къ первому. Положенія Сковороды, поэтому, имѣютъ не одинаковую цѣнность.

Въ своей характеристицѣ мы не будемъ останавливаться на частныхъ пунктахъ философіи Сковороды, а обратимъ вниманіе на тѣ главные этапы, чрезъ которые проходила и двигалась мысль нашего философа.

VII.

Характеристика философіи Сковороды. Опредѣленіе философіи. Метафизика Сковороды.

Что-же „представлялъ“ собою Сковорода съ его философіей „на театръ свѣта“?

Это былъ прежде всего раціоналистъ, вѣровавшій въ разумъ, считавшій его „главною прелестью человѣка“. Нѣть нужды, что его раціоналистическимъ положеніямъ недостаетъ строгой органической связи. Въ немъ было больше идей, чѣмъ системы, и этого вполнѣ достаточно, чтобы занимать въ философскомъ пантеонѣ почетное мѣсто. „Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сie есть философія“. Къ какой философской школѣ должно причислить философа съ такимъ понятіемъ философіи? Сковорода былъ представителемъ той философіи, для опредѣленія которой подойдутъ многія слова изъ философскаго лексикона, но точнаго названія которой до сихъ поръ еще не найдено. Принято обыкновенно называть такихъ мыслителей эклектиками, т. е. вѣрнѣе не называть ихъ никѣмъ въ особенности. Вотъ почему въ Сковородѣ видятъ вліяніе и Сократа съ Платономъ, и Спинозы, и Локка, и Лессинга и др. Вотъ почему къ Сковородѣ подходятъ всѣ почти названія философскихъ направлений (его называютъ и спиритуалистомъ, и дуалистомъ

и пантеистомъ, и монистомъ и пр.), хотя ни одво изъ этихъ названий не объясняетъ сути его учения.

Это былъ апологетъ разума, апостолъ раціонализма. „Мы всѣ раждаемся безъ разума, учили онъ, но живемъ для разума, для премудрости“. Она-то „премудрость и есть прекраснѣйший образъ Божій, тайно въ сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движений и дѣлъ. Разумъ—имя Божіе, сила Божія, Слово, Воскрешеніе, Животъ, Христосъ“. Онъ училъ, что человѣку по природѣ свойственно быть философомъ, т. е. разумнымъ существомъ. Познаніе, составляя цѣль жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно истинное настроеніе, достойное человека, какъ мыслящаго существа. „Извѣсняетъ богоиздѣль Платонъ: нѣтъ сладчае истины; а намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истина сладость“.

Каково метафизическое учение Сковороды?

Сковорода никогда не излагаетъ своей метафизики въ полномъ видѣ, но, насколько можно судить по разнымъ мѣстамъ его произведеній, его метафизика можетъ быть сведена приблизительно къ такимъ частнымъ тезисамъ. Богъ—всемірный Развумъ. Міръ—Его созданіе. Богъ—духъ, сила жизни. Міръ представляеть двѣ натуры—видимую и невидимую. Первая есть „тѣнь, тлѣнь, пустошь, плоть, пепелъ, песокъ, пельнь, желчь, грязь, лесть, мечта, смерть, тьма, злость, адъ, подлая обветшающая стихійная риза, обезьяна, подражающая во всемъ своей господжѣ, господствующей натурѣ“. Духъ—невидимую натуру—Сковорода надѣляетъ противоположными эпитетами. Духъ даетъ содержаніе матеріи, и міровая жизнь есть взаимодѣйствіе двухъ началь—духа и матеріи. Ученіе о дуализмѣ міровыхъ явлений, о субстанціи и атрибутахъ проводится въ его діалогѣ „Бесѣда: Двое“. Яснаго, впрочемъ, учения объ отношеніи духа къ матеріи мы не находимъ въ учениіи Сковороды. Въ вопросѣ объ отношеніи Бога къ міру онъ является то деистомъ, то пантеистомъ.

Философско-метафизическое учение о мірѣ и Богѣ и ихъ взаимномъ отношеніи тѣсно связано у Сковороды съ эволюціон-

нымъ развитіемъ мірозданія и не чуждо пантейстического ха-
рактера.

Сознавая трудность той тропинки, по которой мысль человѣка идетъ въ своѣмъ метафизическомъ теченіи, онъ совѣтовалъ осторожно („брасно“) „искать начала всемірной машины“. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно въ философіи Сковороды такое мѣсто: „Взглянемъ на міръ сей... какъ на маши-
нище изъ машинъ составленный, ни мѣстомъ, ни временемъ не ограниченный... Я вижу въ немъ единое начало, единъ центръ и единъ умный циркуль во множествѣ ихъ. Сие начало и сей центръ есть вездѣ, а окружія его нѣтъ нигдѣ... Если скажешь мнѣ, что внѣшній міръ сей въ какихъ то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу: кончится, сирѣчь, начинается. Видишь, что одного мѣста гра-
ница есть, она же и дверь, открывающая поле новыхъ про-
странностей. И тогда-жъ зачинается цыпленокъ, когда кончится яйце. И такъ всегда все идетъ въ безконечность. Все исполняющее начало и міръ сей, какъ тѣнь его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то проходитъ, то рождается, то исчезаетъ и есть ничто: „materia aeterna“.

Говоря о вѣчной матеріи, онъ доходилъ до отождествле-
нія этого начала съ Богомъ, поясняя при этомъ, что „у древ-
нихъ Богъ назывался умъ всемірный, также бытіе вещей, вѣч-
ность, судьба, необходимость; а у христіанъ знатнѣйшія ему
имена слѣдующія: Духъ, Господь, Царь, Огедъ, Умъ, Истина“. Сковорода былъ убѣжденъ, что „дышишь вездѣ оживляющей всѣхъ Духъ Господень“.

Пантейстическое ученіе здѣсь такъ согласовано съ дуали-
стическимъ, что трудно решить: въ какой чашкѣ вѣсовъ лежалъ
рѣшающій выводъ философа—на сторонѣ монизма, или дуа-
лизма?

VIII.

Ученіе о чловѣкѣ.—Этика Сковороды.—Вопросъ о самопознаніи и счастьи.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ Сковорода удѣлилъ гораздо больше мѣста ученію о чловѣкѣ, чѣмъ о природѣ, и его философія ближе всего подходитъ подъ название субъективно-идеалистической философіи чловѣческаго духа съ замѣтно преобладающимъ ученiemъ о гносеологическомъ процессѣ знанія. „Познай себя“—вотъ точка опоры, отъ которой отправляется нравственное его ученіе. Пока мы не узнаемъ самого себя, т. е. живущаго въ насъ „истиннаго чловѣка“, до тѣхъ поръ мы не узнаемъ ничего вѣнѣ нась находящагося. Чѣмъ больше познаемъ себя, тѣмъ выше подымаемся „на гору вѣдѣнія“. Что же нужно дѣлать, чтобы познать себя? Анализировать свое внутреннее существо. „Ищи, стучи, перебирай, рой, выщупывай, испытывай, прислушивайся“, совѣтуетъ Сковорода. (Мысли о самопознаніи особенно развиты Сковородой въ его философскомъ діалогѣ „Нарвісъ“). Это состояніе анализа доставляетъ чловѣку минуты царственнаго наслажденія, доступного лишь философу. „Жизнь живетъ тогда, говорить философъ, когда мысль наша, любя истину, любить выслѣдоввать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится незаходимымъ свѣтомъ.. Это одна изъ лучшихъ метафоръ Сковороды, въ которой философская мысль соединена съ поэтичностью выраженія. Этотъ призывъ Сковороды къ внутреннему философскому анализу звучалъ внушительно въ его время, когда общество жило догматизмомъ традиціонной мысли и когда поэтому всякая самодѣятельная „тропинка мысли“ была новостью и дѣйствительно доставляла дѣвственнымъ умамъ большое наслажденіе.

Принимая принципъ критико-гносеологического изслѣдованія, Сковорода приходитъ къ общему выводу, что все случайное, вѣшнее по отношенію къ существенному, внутреннему и вѣчно пребывающему есть плоть, тлѣніе, тѣнь и вмѣстѣ съ тѣмъ и зло. Въ чловѣкѣ отраженіемъ вѣчнаго божественнаго является мысль; она только и составляетъ истиннаго чловѣка. Мысль или

духъ человѣка, отражая въ себѣ это вѣчное, носить вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ и единственную доступную мѣру (критерій) познанія Бога или плана вселенной.

Такимъ образомъ, познаніе есть единственный путь къ сліянію съ вѣчною основою міра, есть единственная истинная цѣль жизни. Человѣческую жизнь способна „животворить одна только истина“, и „не ошибся вѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ и неученымъ предѣлъ мертваго и живаго“.

Затрогивая существенно ученіе о человѣкѣ, Сковорода не могъ обойти вопроса о смыслѣ и цѣли жизни человѣка. Относящіяся сюда сочиненія: „Разговоръ дружескій о душевномъ мірѣ“, „Разговоръ, называемый алфавитъ и букварь мира“, „Басни Харьковскія“ и др. даютъ намъ цѣлый рядъ мыслей, характеризующихъ нравственно-практическое ученіе Сковороды. Эти мысли изъ всѣхъ ученій нашего философа самыя интересныя, читаются сравнительно легко, не утомляя читателя схоластическими хитросплетеніями.

Нравственная жизнь истиннаго мудреца, по учению Сковороды, должна выражаться въ довольствѣ немногимъ, самонужнымъ, въ сознательномъ повиновеніи не страстиамъ, а разуму. Смыслъ жизни—въ разумной любви. „Вся сила Десятословія вмѣщается въ одномъ словѣ—любовѣ“.

Что такое *счастіе*? Познаніе себя и Бога. Уразумѣть свое счастіе—значитъ найти его. Оно въ насъ самихъ. Человѣкъ долженъ находить свое счастіе впутреннимъ самоанализомъ.

Царство Божіе внутри насъ. Въ этомъ пунктѣ своего ученія Сковорода приближается къ нравственной доктринѣ Толстого. „Адское царство“ тоже внутри насъ, оно въ насъ бываетъ тогда, когда мы не сознаемъ, какъ необходимо для насъ царство Божіе.

Отсюда слѣдуютъ два частныхъ положенія о счастії. Во-первыхъ, „счастье—въ сердцѣ, сердце—въ любви, любовь же—въ законѣ вѣчнаго“. Счастье, какъ внутреннее настроеніе, обусловленное самопознаніемъ, не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста. Оно не заключено „ни въ Америкѣ, ни въ Канарскихъ островахъ, ни въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, ни въ царскихъ чертогахъ, ни въ Соломоновскомъ вѣкѣ, ни въ богатствахъ, ни въ

чинѣ, ни въ наукахъ, ни въ здоровыи“. Во-вторыхъ, счастье — въ согласіи нашей воли съ требованіями природы. Законъ природы не есть только законъ механической или абстрактно-логической необходимости... Законъ природы есть законъ гармоніи, управляющій свободной жизнью человѣка, придающій ей смыслъ и значеніе. Жить согласно съ природой (волей Божіей) значитъ быть счастливымъ. Это не трудно, потому что естественно. Вообще, счастье — это душевный миръ, чувство внутренняго самоудовлетворенія, чувство „душевной сладости, веселія, кураж“а. Оно можетъ быть вездѣ съ нами. „Какъ рыба въ водѣ, такъ и мы въ немъ“.

Что касается собственно практической, житейской морали, то основнымъ положеніемъ у Сковороды въ этомъ ученіи было: „благодареніе блаженному Богу, что нужное сдѣлалъ онъ не-труднымъ, а трудное ненужнымъ“. Это характерное изреченіе, много напоминающее известную сентенцію Эпивура, имѣло въ устахъ нашего философа самостоятельное значеніе и отражало въ себѣ практическій отголосокъ его теоретической философіи.

Практическій выводъ изъ этическаго ученія Сковороды можетъ быть формулированъ въ такомъ положеніи: Громадная часть людскихъ страданій происходитъ въ сущности отъ недоразумѣній отъ неумѣнья людей пользоваться необходимымъ. Если бы каждый болѣе или менѣе ясно сознавалъ, что въ тяжелой борьбѣ за существование не всякое желаніе имѣетъ право быть удовлетвореннымъ, что не на всякую эмоцію слѣдуетъ отвѣтать и терять свои силы, то было-бы найдено могучее средство устраненія значительной части бѣдствій, и люди, быть можетъ, были-бы счастливѣе.

Счастье — вѣчный вопросъ человѣчества. Это тотъ искомый ивсъ, который,—на зло всѣмъ усилиямъ философской мысли,—не можетъ быть найденъ до сихъ поръ никакими теоретическими построеніями. Ниодна философская система не удовлетворила рѣшенію этическаго вопроса о счастьи, и мысль долго томится въ безплодныхъ поискахъ рѣшенія этической теоремы.

Не удовлетворилъ рѣшенію этой теоремы и Сковорода. Крупный недостатокъ этой теоремы тотъ, что въ ученіи Сковороды о счастьи слишкомъ замѣтный перевѣсъ беретъ гносеоло-

гіческій принципъ. Въ этомъ главный недостатокъ этики Сковороды вообще. Сознаніе и самопознаніе, какъ бы они ни были глубоки, сами по себѣ не могутъ дать счастья человѣческому духу.

Впрочемъ, не смотря на недостаточность житейской теоремы, построенной Сковородой,—она въ нѣкоторой своей части и въ наше время далеко не утратила еще своего значенія, и не слѣдуетъ торопиться сдавать ее въ архивъ. Та часть современной этики, которая провозгласила равновѣсіе между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ человѣка, какъ принципъ счастья, не далеко ушла отъ точки зреїнія, поставленной Сковородой въ прошломъ вѣкѣ.

Но современная этика знаетъ и такую сторону, которая далеко оставляетъ за собой ученіе Сковороды. Эта часть главнымъ образомъ касается условій нравственного совершенства человѣка на землѣ.

Сравнивая этику нашего времени въ этой части ея ученія съ этическими возврѣніями Сковороды, легко видѣть, что успѣхи, какие сдѣлало нравственное ученіе въ наше время, особенно замѣтны въ двухъ пунктахъ современной этики.

Во-первыхъ, параллельно теоріи совершенства личности, (почва, на которой стоялъ Сковорода) въ наше время выдвинута и развита теорія совершенствованія общества, такъ сказать колективной единицы. Наше время знаетъ мнѣнія о томъ, что личность—сила, отжившая въ исторіи человѣчества свое время...

Во-вторыхъ, новѣйшее нравственное ученіе выдвинуло громадный и неустранимый факторъ нравственного процесса—борьбу за существованіе, съ которой необходимо должна считаться современная мораль. Борьба за существованіе,—этоѣль не соціальный только но и космической законъ всякой жизни,—представляетъ conditio sine qua non нравственного ученія. Мнѣніе, что нравственность нашего времени должна заключаться въ смягченіи острыхъ условій борьбы за существованіе, въ возможномъ облегченіи этихъ условій для тѣхъ, кто много терпитъ въ этой борьбѣ,—завоевываетъ себѣ все большее и большее количество адептовъ.

Понятно, что время Сковороды было далеко отъ такихъ взглядовъ. Сковорода, стоя на почвѣ личного совершенства,

училъ о необходимости приспособляться къ природѣ и ея голосу. Его моральный принципъ—гармоническое сочетаніе человѣка съ природой, которая выражаетъ собою волю Божію. Нынѣшняя этика, стоя на почвѣ эволюціи, учитъ о борьбѣ, какъ обѣ универсальномъ законѣ всякой жизни. Ея моральное начало—дисгармонія, несоответствіе между нравственнымъ стремленіемъ духа и условіями, нарушающими это стремленіе.

Этическое ученіе Сковороды въ сущности своей есть теорія вседовольнаго, всеблаженнаго эгоизма. Нынѣшнее этическое ученіе—по преимуществу теорія альтруизма.

IX.

Богословское ученіе Сковороды. Взглядъ на Библію.

Общей особенностью богословскихъ взглядовъ Сковороды было смышеніе ихъ съ философией. Сковорода неясно отличалъ богословскіе вопросы отъ философскихъ. Вопросамъ первого рода онъ придавалъ философскую постановку, а философию проводилъ сквозь призму библейскихъ понятій. Библія и философія были для Сковороды наименованіями одного и того же круга понятій. Обѣ учать о томъ, „какъ облагородствовать человѣческое сердце“, т. е. сврдятся къ чисто нравственному вопросу о счастьи человѣческомъ. Отсюда положеніе Сковороды, что „каждый долженъ быть богословомъ“.—Въ лучшемъ смыслѣ это положеніе Сковорода осуществилъ на себѣ самомъ, представляя изъ себя философа на библейскомъ основаніи и богослова съ критико-философскимъ полетомъ мысли.

Чѣмъ-же является Сковорода въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ?

Онъ провозгласилъ, что „Богъ—Библія“. По его словамъ, Библія имѣть универсальное значеніе. Это—„мірокъ символичный“,—заключающій въ себѣ собраніе аллегорій, образовъ, фигуръ, ведущихъ нашу мысль въ понятіе вѣчнаго бытія, утаенной въ тлѣніи“.—Однако Сковорода не останавливается

на одномъ символическомъ пониманіи Біблії. Онъ пытается всесторонне разгадать ея смыслъ.

Прежде всего онъ сознается, что лишь въ 30 лѣтъ отъ рода началъ впервые сознательно читать Біблію. Если принять во вниманіе, что это говорятъ о себѣ ученикъ, учившійся въ Кіевской духовной академіи и, слѣдовательно, прошедшій всѣ тонкости богословской схоластики, то его сознаніе многозначительно. Очевидно, школьнное изученіе Біблії онъ не считалъ даже за чтеніе. Онъ имѣлъ свой особенный взглядъ на Біблію.

По ученію Сковороды, откровеніе Божества началось не съ Моисеем. Оно всегда существовало въ родѣ человѣческомъ: Богъ раскрывалъ и раскрываетъ Себя, съ одной стороны, въ природѣ, съ другой—въ душѣ человѣка. Біблія Моисея есть третій видъ божественнаго откровенія. Но и этотъ видъ откровенія не начинается съ Моисеем, а продолжается. „Матерь Европейскаго Богословія есть Египетское Богословіе,“ говорить онъ.

Отношеніе Сковороды къ Бібліи было двойственное: мистически-символическое и раціонально-критическое.—Какъ человѣкъ своего времени, воспитанный притомъ на традиціонныхъ началахъ духовной школы, осмыслившій Біблію въ врѣломъ возрастѣ и притомъ хорошо понимавшій роль религіи въ современномъ обществѣ,—онъ признавалъ священную книгу—Богомъ, видѣлъ въ ней источникъ богопознанія, считалъ ее путеводителемъ къ „Присносущему Началу“. Онъ говорилъ о вѣрѣ, доказывалъ ея необходимость. Впрочемъ, аргументація біблейской вѣры не оригинальна у Сковороды и мѣстами не идетъ дальше аллегорій, болѣе или менѣе мѣткіхъ сопоставленій и общихъ фразъ. Необходимость вѣры онъ выводилъ изъ того, что человѣческое сознаніе издавна считается съ вѣчными вопросами, для которыхъ нельзѧ найти вполнѣ раціональныхъ доказательствъ и которые должны решаться, поэтому, вѣрою. Сковорода рѣшилъ утвердить эти вопросы на Бібліи—на „символическомъ мірѣ“... Отношеніе разума къ вѣрѣ у Сковороды слабо выяснено. Онъ склоненъ былъ признавать эти силы равными, т. е. не давать имъ въ сущности никакого опредѣленнаго отношенія. Въ одномъ случаѣ Сковорода стоитъ за руково-

водящую роль разума и напоминает рационалистовъ XVIII в. Въ другомъ случаѣ онъ напоминаетъ Лютера, который, несмотря на свой рационализмъ и критическое отношеніе къ вѣрѣ, долженъ быть, однако, въ нѣкоторыхъ вопросахъ признать разумъ „гнуснымъ другомъ сатаны“, „злѣйшимъ врагомъ Божімъ“.

Какъ человѣкъ прогрессивнаго мышленія, Сковорода не могъ не видѣть и вліянія Библіи на человѣчество. Буквальное вѣщнее пониманіе Библіи можетъ „потопить“ здравый смыслъ людей. Такое пониманіе навело на міръ „безчисленныя и ужасныя суевѣрій наводненія.“ Эти суевѣрія въ свою очередь послужили причиной „вздоровъ, споровъ, сектъ, вражды, междоусобій и странныхъ, ручныхъ и словесныхъ войнъ, младенческихъ страховъ“. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, „Библія подобна ужасной пещерѣ,—она вся преисполнена пропастей и соблазновъ; она первѣе на єврейскій, потомъ на христіанскій родъ безчисленныя навела суевѣрій наводненія“. Въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ онъ умѣлъ отличать важное, главное, отъ второстепенныхъ вопросовъ, которые, благодаря вліянію Кіевской Академіи, были распространены тогда въ обществѣ. „И кой се есть родъ странный Богословія, если въ немъ рѣчь о желѣзѣ, не о Богѣ!“ О чудесахъ христіанства онъ высказывался осторожно или, точнѣе, остерегался высказываться, считая вопросы въ этомъ родѣ безполезными для души. „Если чего не понимаешь (въ Библіи), говоритъ Сковорода, закричи съ Варухомъ:—какъ великъ домъ Божій!“ „Пожалуй, не любопытствуй“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. „Не заглядывай за ширмы, за хребетъ театра... Поступай здѣсь такъ, какъ бы на нѣкоемъ зрѣлищѣ, и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется“. Для богопознанія онъ считалъ чудеса совершенно излишними. Для понятія о Богѣ, училъ онъ, вполнѣ достаточно одного самопознанія. Познай себя—и познаешь Бога. „Кто хорошо позналъ себя самого, тотъ уже узналъ и Христа“. „Кто слѣпъ дома,—тотъ и въ гостиахъ.“ Къ чemu намъ чудеса, когда вся вселенная такъ ясно говоритъ о Высшей силѣ, когда, выражаясь словомъ Сковороды, „вся дрянь дышитъ Богомъ и вѣчностью“, когда „вся тварь есть поле слѣдовъ Божіихъ“.

Увлекаясь внѣшністю Библіи и забывая, что она, какъ всякая внѣшность, тлѣнь, и что нѣтъ блага, кроме Бога, люди начинаютъ уповать на плоть и кровь, обожаютъ вещество въ свѣчахъ, живописи и церемоніяхъ. Сколько уже вѣковъ люди мудрствуютъ въ церемоніяхъ—и каковы плоды? Только одни расколы, суевѣрія и лицемѣрія. „Церемоніальнымъ терновникомъ заросъ входъ въ садъ Божьей истины и нѣтъ туда доступа человѣку“. „Суевѣръ скорбить, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной скорбить, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемаго. Иной клянеть квасъ, другой—опрѣсноки“. Внѣшнєе благочестіе, обрядности—тоже, что на зернахъ скорлупа и шелуха.—Чисто рационалистическое отношеніе Сковороды къ Библіи выразилось въ слѣдующихъ насмѣшилыхъ словахъ: „люди, по словамъ Библіи, преобразуются въ соляные столбы, возвосятся къ планетамъ, вздѣть колясками на морскомъ днѣ и воздухѣ; солнце, будто карета, останавливается, желѣзо плаваетъ, рѣки возвращаются, отъ гласа трубного разваливаются городскія стѣны, горы какъ бараны скачутъ, волки съ овцами дружатъ, востають мертвые кости, падаютъ съ яблонь небесная свѣтила, а изъ облаковъ крупяная каша съ перепелками... Будто блаженная натура когда-то гдѣ-то дѣлала то, что теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ. Возстать противъ царства натуры и ея законовъ есть несчастная, исполнинская дерзость: какъ же могла возстать на свой законъ блаженная натура?“ Сковорода особенно возставалъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, „точно летали Ильины кони, плавало при Елисѣѣ желѣзо, говорили при Авраамѣ змѣи“. „Кто угорѣлъ или въ горячкѣ, тотъ только скажетъ: желѣзо плаваетъ“. „Много нужно развалить, разломить и искрошить прежде, чѣмъ придетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину“.

Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ Сковорода молится передъ Библіей, стоитъ предъ ней на колѣняхъ и, сложивъ личный разумъ, благоговѣйно внимаетъ ея каждому слову; въ другомъ случаѣ—ко многимъ мѣстамъ св. писанія онъ относится съ Ѣдкимъ сарказмомъ.

Сущность богословски-философскихъ возврѣній Г. С. Сковороды можно свести къ положеніямъ:

1. Разумъ долженъ имѣть широкія права въ изслѣдованіи христіанской доктрины. Вѣра тоже является важнымъ источникомъ богопознанія, особенно въ вопросахъ, недоступныхъ для разума.
2. Св. Писаніе можетъ спасти и погубить, освѣтить и омрачить, смотря по тому, на сколько умъ человѣка способенъ понимать истины Св. Писанія.
3. Но истина не въ одномъ Св. Писаніи. „Истина беззачальна“, какъ говорить Сковорода.

Введя, такимъ образомъ, въ свое религіозное ученіе мало пригодный критической элементъ, стараясь расширить религіозное мировоззрѣніе своихъ соотечественниковъ и направить общество на раціональный путь религіозного развитія, Сковорода— „не могъ не прийти къ отрицанію многихъ религіозно-догматическихъ предразсудковъ и явился еретикомъ въ церковно-конфессіональномъ смыслѣ“. Конечно, можно соглашаться всячески религіозныхъ возврѣній Сковороды съ очищеннымъ понятіемъ религіи (какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, напр. г. Лебедевъ, г. Зеленогорскій), но все-таки трудно сдѣлать Сковороду православнымъ, не противорѣча основному закону достаточно основанія. Изслѣдователь старается во преки этому закону выяснить, что Сковорода не *отреченный* религіозный мыслитель, что, напротивъ, онъ воспиталъ свой умъ на знаменитыхъ древняго времени представителяхъ богословской мысли на востокѣ (въ особенности на твореніяхъ александрийскихъ отцовъ и учителей церкви).¹⁾ Вліяніемъ раціонально-лександрийской школы и объясняются даже не только его возврѣнія, но и его методъ. Но тотъ же изслѣдователь замѣчаетъ, что „православный богословъ не найдетъ полнаго соотвѣтствія между православнымъ доктринальскимъ ученіемъ о Св. Троицѣ и философскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ Сковороды“.⁽²⁾

¹⁾ Вопр. философіи и психол. 1895 г., мартъ, рефератъ г. Лебедева: „Сковорода, какъ богословъ“.

²⁾ Тамъ-же, 234.

Съ религіозныиъ ученіемъ Сковороды не стоять въ противорѣчіи только его общее стремленіе къ идеаламъ, къ вѣчному небу, затмѣваемому тиной суевѣрій и предразсудковъ. Что-же касается собственно специальныхъ богословскихъ разсужденій на ту или другую тему христіанскаго катихизиса, то въ этихъ разсужденіяхъ Сковороды много непримиримыхъ противорѣчій. Въ своихъ поискахъ за „свѣтлостью мысли“ онъ много разсуждалъ, стремясь найти „центръ“, но не изъ всѣхъ своихъ разсужденій могъ смѣло сдѣлать прямой выводъ, не боясь впасть въ противорѣчие съ раньше сказаннымъ. Онъ много говорилъ на богословскія темы, но не всегда договаривалъ. У него много недомолвокъ. Иногда онъ не могъ договориться до конца, а иногда словно нарочно выбиралъ для своихъ мыслей туманную форму выраженія, чтобы этимъ обойти вопросъ, его не разгадать. Порою онъ склоненъ признавать за достовѣрныя два противоположные понятія. Стоя на почвѣ свободнаго религіознаго міросозерцанія, Сковорода пытался создать свой храмъ, который не противорѣчилъ бы догмѣ, но вместо храма создалъ лишь громадный безформенный пантеонъ, въ которомъ таинственный мистическій мракъ мѣшаетъ разглядѣть отчетливо тѣхъ боговъ, которымъ поклоняется філософъ.—То здѣсь, то тамъ мелькаютъ передъ зрителемъ філософы древности: Сократъ, Платонъ, отцы александрийской школы и др., но окончательно разглядѣть алтарь этого пантеона нѣтъ никакой возможности.

Ф. Будрикій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1846 — 1877 г.г.).¹⁾

— — —

27.

1848, апр. 21 Тула.

Шановный мій Добродію

Осыпъ Максымовыч!

Вже колы Вы до мене озываєтесь ридною мовою, дакъ и я не втерплю, одгукнусь до Васъ, хочъ и оглядуючись, батьковою та матерыною риччу. Не знаете Вы, пане мій любезный, що мени за мука изъ моими родычами та прыятелями. Чы я жъ то не напысавъ тыеи жъ годыны на столыцю, щобъ яко мога боржій простовавъ мій шурякъ до того скаредного Срезневського та и взявъ бы исторычески думы украинськи хочъ силою! Дакъ що жъ! Покы передъ очыма, дакъ ци родычи да прыятели наче и на людей здаюцца, а тильки за очы, такъ наче имъ лысый дидъко до потылъци голову поверне. Мовчыть якъ стина, ось уже мисяцивъ зо тры, та не тильки про думы, та про де що й друге — ни же, що вже бъ таки и Бога побоявсь и людей посоромыvсь. Вже я ёго й понукавъ: тату бо, одвитуй уже що небудъ, чы ты живешъ ище на свити, чы тебе лыхый злизавъ? Такъ де-яки балясы роспустыть, а що якъ про що путне просышъ, дакъ наче ёму засипыть. До самого жъ Срезневського мени такъ мыло та любо пысаты, наче йты до собаки у кумы. Мерзене, истинно мерзене порожденie! Якъ Вамъ оце здаецца: що якъ прышла разъ до ёго въ столыци пани-матка бидахи Костомары, несчастыва невиста, удовыця безпомощна, немицна бабуся, дакъ винъ изъ жинкою передъ нею снidaє, а ій хочъ бы на смихъ сказавъ: чы не прызволытесь и вы, пани-матко,

¹⁾ По независимъ отъ редакція обстоятельствамъ, эти письма не могли быть закончены въ прошломъ году (см. № 12) и печатаются теперь, какъ дополнение къnimъ, подъ тѣми номерами, подъ которыми они должны были стоять въ хронологическомъ порядке ихъ. Ред.

зъ намы? Не знаю, де винъ такихъ звычаивъ понаучувавсь, мабудь у Нимцівъ. Ще жъ треба памятать, що Костомара колись за щасливыхъ часивъ частенько зъ имъ хлібомъ-силью дилывся, прыятелемъ ёго злався и не одну може послугу ёму вчынівъ. Дакъ чого вы хотите отъ такого злыдennаго перевертня? Я не прыберу и слова, якъ до ёго пысаты, и чы жидомъ, чы поганыномъ юго величать, а бильше одъ великого пересердя гыдую до ёго й ричъ оборочуваты. Ще разъ напишу до шуряка, нехай иде та вымagaе думы у того ныдого поганца.

А я оттутъ сидячи безъ дила,—бо й доси мени жадной службы не даютъ,—вертишъ, вертишъ у своему мизкови того Ивана Мучытеля, щобъ высноватъ зъ ёго царованьня романъ исторыческій; дали бачу, що ни-не втну, дуже гыдкий,—нехай ёму тяжко икнедця на тимъ свити, та махъ—и перескочивъ зъ пивъ чоловичого вику. Теперъ сноўкгаю розумомъ коло Новгородка-С'єверського, якъ винъ бувъ у ту чудну Самозванщыну, та повыдумувавъ тутъ про ёго де що багато. Я жъ бо тамъ и самъ колись учывся и по тимъ зубровськымъ ровамъ швен-дявъ, утикаючи отъ алгебры да отъ рыторыки. Дакъ новыймавши дешо зъ книжокъ, компоную оце романъ same зъ того моменту, якъ Отрепьевъ пидступа одъ Черныгова до Новгородка, та ще такъ хо-чещця, щобъ не дуже исторыи чепляты, а тилько помижъ ярмаркомъ исторычнымъ извертатыся; дакъ тутъ такого накомпоновавъ, що може й лаятымете, якъ колись надрукую. Хочецця такъ зкомпоновать, щобъ и Москали не сердышь, та й своимъ землякамъ не золжыть(?), дакъ не знаю, чмъ потраплю. А зовецця романъ: *Дружына С'єверякъ* и вже ажъ тры главы написано. Та чы нема въ Васъ часомъ *Ска-заний Русскаго Народа Сахарова и пословицъ Снейшрева*. Колы ласка Ваша, вышлить, я прочытаю, де що повыпysую и книжкы поверну назадъ у цилости. Пысавъ я до Погодина, щобъ винъ мени симъ удружишъ, и на свій счетъ бравъ я пересылку сюды книжокъ та винъ выдно уважа мене за жыда, не йме виры ни на копійку. Мов-чть—стіна стіною. Бувайте жъ здоровы! Готовый до услугъ П. Кулишъ.

Спасыби Вамъ, добродію за *Чтенія*. Истинне сокровыще оце Вы намъ даруете. Якъ книжка, то все Вамъ дякую.

28.

Шаловный и высокоповажный мій земляче Осыпъ Максымовычъ!

Колы бъ тильки Вы зналы, якъ засмутывъ мене отой хардызяжъ, що заивъ наши писни! Отъ уже иродова душа, дасть такъ! Гляньтесь: хтобъ же то ждавъ такого палыводы зъ того ученого паныча, що такъ звычайненько пыше було до нашого браччика простака листы? Ничого сказатъ, стоить Выговскаго! Якъ же то намъ буде огыдно колысь, якъ винъ зъ нашего жъ хворосту та намъ и карлючку загнє! Вылайты вразъкого пройдышвита печатно! сказаты правду на ввесь свить! Що бильше зъ такимъ чынны?

Дякую Вамъ щыро за *Сказанія Русскою Народа*, котори зъ нызыкымъ поклономъ Вашій мылости и назадъ поворочую увъ усякій цилости. Вже я трохы не всю першу часть напысавъ своего романа. Вы мени same въ горячу мынуту допомоглы; за се дуже Вамъ дякую.

Ще жъ одна дяка есть у мене Вамъ за те, що Вы того дурошвита Брамбеуса до позорного стовба прывязалы. Оттакъ имъ и треба, безсовиснымъ шарлатанамъ, що звыкли людей дурачыты! Залылы же Вы ёму за шкуру сала. «Ни неня въ брази не купала», якъ мовлявъ той Котляревскій! Бажавъ бы я подывытись, якъ позычательне той Брамбеусъ теперъ очей у собакы, идуучи мижъ люде. Чы, може, такой уже на все готовъ заздалеги: да ще бъ собаку навчывъ дывыцца людямъ у вичи! Що вы думаете! Дарма, нехай соби,—горбатого могыла справыть; а ваша крытыка великого стоить мыру хрещеному: не нятымуть бильшъ виры тымъ перевертнямъ бездушнымъ. Шкода, що Вы де-небудъ у сій крытыци не прыткнулы, що у Брамбеуса давній се звычай; що отъ, мовъ, винъ усю свою Коллектанею (*Collectanea z dziejopisów Tureckich*) прошпикговавъ брехнею. Да объ сёму можно пропечататы особо артыкуль. Колы хотите, прышлить мени ту польску книжку, що показувалы, я вамъ вытягну зъ неї саму сылу (бо вамъ, добре знаю, николы), а вы що знаете, прыпышете та й надрукуете. Тильки ни, якъ подумаю, то й мени теперъ не до того: треба вже свого Сѣверяка до розуму доводыть, щобъ не зосталась на зиму хата безъ крыши. Не прысылайте, ничего пустовать обицянкамы.

Я, Богу дяка, здоровъ,—тильки такъ скучно въ сій Тули, що нехай ій бись! Ни души не знайшовъ соби понутру. Жыву, мовъ у лиси.

Бувайтє жь здоровенъки та не забувайтє й мене сиромаху.

П. Кулѣшъ.

1848. Маї 19. Тула.

29.

Шановный земляче и добродію Осыпъ Максимовычъ!

Колы ще я Вамъ не остывъ изъ своимы докукамы, дакъ благаю Вашу мылость ище разъ пидсобыты мени у моїй роботи. Чы не можете Вы позычты мени на якыйсь часъ: 1, Сказанія о осадѣ Троицкаго монастыря, *Авераамія Палицина*; 2, Лѣтописи о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства, и пр. да ще 3, Восьмого тому русскихъ лѣтописей по Никонову Списку? Я бъ ихъ Вамъ одиславъ икъ такому уремью, икъ якому Вамъ завгодно назначты. А треба, дуже треба. Знаете, тутъ ось яке дило случылось. Якъ почавъ я мытыковаты про свій романъ, такъ нытка за ныткою убравсь у саме потканье и въ основу того часу, да й думаю соби: Чого жъ оце мени брехаты, колы правду можно ось-ось намацаты? Ке лышъ, я першъ начертаю соби усю картину того часу, такъ якъ вона справди була, да потимъ чы не буду я сущымъ хозяиномъ, якъ трапыця де що для роману выбраты! А то я и самъ не звидавъ своихъ скарбивъ, а гайнную дороге й дешеве на романъ. Отъ ломирковавши самъ изъ собою, и почавъ пысаты справжню исторыю того смутного уремья, якъ я іи порозумивъ, щобъ усякъ часъ и усякъ старосъвицкій лыцарь пройшовъ черезъ мою голову, и щобъ однимъ поглядомъ обниты ту дыво-видну игру людськихъ страстей, замешаныне люду православнаго одъ того пройдисвита Самозванця и всяки биды, яки тоди складались земли Московській. Зачавъ же я не одъ Самозванця, а одъ самого зкону Ивана Мучытеля, та вже довивъ ажъ до року 1600. И вподобалась мени дуже ся праця. Есть про що змовыты поважне слово. И буде то книга геть-геть товста, може не де и прытулымося зъ нею, якъ не въ Чтенняхъ. Тылько чы прыймете таке мизкованье, що крышки, того-то бачте изслідованія, якъ у васъ оглаглено,—немае; а есть тильки оповидь, а зъ оповиди вже й само изслідованіе выходить, що

інколы й натюкнешъ чытателю, а інколы й самъ здоровъ збагне. Дакъ чы годтымечя ще для Васъ така штука? и чы надрукуете Вы іи, якъ у ії буде страныць 400 вашыхъ безъ роздилу на стовбци? А вже мени дано певну надію, шо друковать позволять, абы бъ що небрыклыве не напысавъ. Дакъ отъ уже таке имъ покволе, доморосле Московське, а не наськѣ степне, шо й водою никому не замутить.

Чы бувъ у Васъ Вернадський? Якъ винъ Вамъ здався? и якъ его Ваши профессоры, чы ласкою прывитали, чы може гордымъ окомъ, шо таке молоде та хоче докторомъ вельчаться? А гарный хлопець, якъ бы не дуже пофранцузывсь. Та ще, може, зъ литамы похолодіе до всѣго иноземного, нимецкого, до того вразъкого *прогесу*, шо тильки руйнуете старовыну, а нового ничего не збудовавъ виковишнёго.

Жду не дождусь Вашыхъ «Чтеній»: роздратовалы Вы мене московскыми письнями, шо такъ хвалыте. Вже колы Вы хвалыте, такъ выдно справди скарбъ, а не письни. А чы скоро жъ наськи? якыхъ то тамъ немае скарбивъ? Господы! зросте жъ такій квітъ середъ стелу, шо никто ёго й не пересажуе, не обцюлює й не полывае.

Спасыби Вамъ за 8 книжку *Чтеній*. Тоди дякую, якъ прочытавъ. Спасы Васъ, Боже, за Вашу працю: шо за дорогу вы мостыте нею исторыкамъ и поэтамъ! Тильки зъ чого се Вы взялы, шо бъ то я грымавъ, шо все наське да наське! Де жъ ёму бильшъ появытысь! Хто бъ ёго безъ Васъ выдавъ на світъ? Такъ-бы, може, й попропадало, якъ бы вси булы таки фертыки, якъ оти Петербурськи книжны-кы, шо тильки вміють зъ чужого хворосту карлючки загынаты. Скорійшъ ище вытягуйте изъ архыву иностранной коллегіи та друкуйте, а мы за всяку книжку ей же ради бъ Вамъ у сами ногы уклонытыся, такъ Вы наст запомогаете усякою пысьменською худобою!

Зъ щырою прыязню до послуги готовый землякъ вашъ
П. Кулішъ.

1848, іюня 16. Тула.

30.

4 Іюля, 1848. Тула.

Высокоповажный Пане Земляче!

Щыро дякую Вамъ за позыку книжокъ: Аврамія Палицына и Лѣтописи о мятежахъ. Шо то такы, якъ е свое на чужыни, то й

допоможе иры нужди! Що жъ мени въ свити робыты, що немае въ Васъ Ныкона VIII книгы? Купыты, кажете, іи не можна! А чы не знаете, що панъ Бередныковъ надрукуе у четвертому томи полного Собр. Русск. Лѣтописей? Чы ще сей томъ не выйшовъ! Лыхо та й годи напому браччыку на одышби одь такого мисця, якъ Петербургъ, або Москва! — Сказанія современиковъ, издани Устряловымъ, маю, а Арцыбашова и Бутурлина прочытавъ бы зъ великою охотою, та не знаю, де взяты, а куповать для одного разу не хотилось бы, бо може воны й не дешеви. Чы не мае въ Васъ? то вже не полинуйтесь и не поскупитесь запомогти мене нымы на який схочете часъ, та тутъ же скажете, чы скоро вертать Вамъ Цалицяна и о Мятежахъ. Колы скоро, то, покинувшы все, пороблю за разъ выпыски та й одишлю. А Соловьева чытавъ я зъ великою увагою. Писля ёго може бъ нашему брату, чоловику простому, не годилось бы й мизковаты, та подумаешь одно те, що це крытика исторычна, а не исторыя, а друге, що який бы той панъ профессоръ ни розумный чоловикъ бувъ, а всёго не збагне: е де—що въ московській исторыи таке, що нашъ братъ Українецъ інакше миркуе;—дакъ отъ и визьме охота, а клыщъ, воспыснемъ словомъ нехытрымъ, та всякому розумнымъ, що зъ сёго буде! Хапаця мени ничего, бо за шыю не тече, та я такы й не вмію ничего робыть швидко. Хочъ же бъ я й напысавъ цю исторыю скорійшъ, нижъ треба, то и то ій не завадыть. Нехай се буде пидмалёвокъ, а якъ знайдемо фарбы правдывійши, то й наложымо де подобае: тымъ часомъ око прывыкне сягати шырше, дакъ де-що збагнешъ описля таке, що може бъ не прыйшло й на думку, прокладуючи зразу бытый шляхъ. А за Ваши побытки объ моїй книзци и за Вашу раду благую щыро Вамъ дякую. Якъ знаєшъ, що е пидъ бокомъ чоловикъ зъ добрымъ до тебе духомъ, то й на душі якось теплійше, и дило лучче спорыця. Объ козацтви я такы чы маленьку ричъ розвивъ и звязки ихъ зъ московськими голодранцями—бурсаками познаходивъ и козацтво въ мене не послidня закарлючка въ цій мудрій та хымерній исторыї. А отъ якъ бы Вы були добри та надиславы мени на часыну отту польську книжку Дзялынського о Лисовчинахъ, тобъ ще лучче воно въ мене на картыни заграло. Тутъ уже безъ сорома казка: колы що можна, то дономожите мени, во имя того свиту, которому служите и покланяйтесь. А поки прийде та осінь, то багацько ще можна поробыты дила. Я жъ теперь такъ любо соби кватыру спорядывъ, що

въ саду и днюю, мовъ цыганъ пидъ шатромъ сижу та все чытаю та пышу,—такъ шкода таке дороге время упускасты. За 9 книжку «Чтений» велике таке, якъ вона сама, спасыби. Ничого мовыты, огрядна такы пани! Заглянувъ я окомъ у неи разивъ изо тры: усе смашне тай дуже смашне, а що вже стыхы Кирѣевскаго, то истынно ласощи! До Срезневскаго направлю ще одного та вже презавзятого козарлюгу,—колы знаете—Петра Сердюка. (Объ московскыхъ же писняхъ дамъ Вамъ, бо бажаете, одповидъ, якъ уси прочытаю). А ректоръ не знаю, чы визьмецця за Срезневскаго таъ цупко, якъ треба; бо винъ хочъ чоловикъ уже й куды який добрый, та велыкий панъ, дакъ не потурбуетъ себе таъ, щобъ ажъ официалью прыструнты Срезневскаго; а хиба чы не визьмемъ винъ ихъ у ёго соромъ. Просытому, щобъ пры всихъ поровъ ёму очы, покы не оддасть; та все такы скажу, що не знаю, якъ винъ за се визьмецця и чы визьмецця. Теперь же якъ на те и часъ не гарный до сёго: люде мрутъ, дакъ ридко вси мижъ себе бачацца; а ще якъ порозлазяцца по дацахъ, то до осени мовъ жабы зъ болота ледве носы вытыкаютъ. А на Сердюка певнійша надія: ось побачыте!

Вернадський поиде въ Петербургъ, то настройте й ёго одъмого имения, а я пысульку Вернадському посылаю для передачи тому господыну. Посылаю ще листокъ писень. Доставъ я ихъ ажъ у Варшави и ось тильки теперь воны мени впалы въ руки числя того разруху, що поставывъ усе мое книжныцтво ногами до горы.

Чы не будете часомъ юхаты колы черезъ Тулу? То отъ якъ знайты мое шатро цыганське: треба иты або юхаты Новою Дворянскою вулыцею вгору трохи не до самого поля, та якъ дойдете до остатнёго перехрестя, то по ливу руку буде деревьяній въ два п'ятра домъ, жовтый изъ билымы ставнямы, на рижку, а по ливу на рижку поганеньки будынки чорномази, чы дыки, чы попелясти; за си будынки за рижокъ повернуть управо и иты, або юхаты просто зъ пивъ-гоней; отъ на ливій руци перший домокъ—три оконця зъ зеленымы виконнычкамы на вулыцю—моя кватыра. Домокъ деревьяній ноганенській, попелястый, надъ хвирткою напысано: Титул. Совѣтницы Парак. Ивановой. А уличка все такы зовецця—катъ іи знае зачимъ—Ново-дворянська, якъ и іи сусидка—пани: мабудь родычи. Обіймаю Васъ щыро.

П. Кулишъ.

31.

13 Іюля, 1848, Тула.

Ще разъ спасыби тоби, щырый порадныку мій, за твою пидмогу. Арцибашевъ пидосливъ якъ разъ у саму робочу годыну. Якъ узявъ я ёго въ руки та якъ заглянувъ, що воно е—бо зроду вперше цю книжку й бачу,—такъ думавъ, що за таке густе та дрибне друковання выймай зъ кышени по малій мири жменю грошей. Отъ и нолизъ до Лестрыку що колись, спасыби тобі, мени надиславъ; якъ же зуздривъ, що за таке сокровище тильки три рубли положено одь Вашого шановного товарыства, то заразъ до гамана, та оце й посылаю три рубли у сёму такы листи,—оддай будь ласка,—та ще й подякую свое высокоповажннее товарыство за таке добре дило, що й дешеве и сътне. А шановного, любязного мого дидуся, Аврама Палицына, и Лѣтопись о мятежахъ въртаю тоби, добродію мій мылый, изъ великою подякою та ще, щобъ то, якъ водыця, oddать позыку зъ верхомъ, шлю тоби де-яки шпаркгальки, що новышикриувавъ у своїй скрини. Може вони тоби й геть-то знадобяцца, не казавъ бы, якъ хозяину на всю губу.

Перший шпаркгалькъ. Може выдавъ—де вже но выдаты? де-инде по Вкраини голеного запорозця намалёваного, що седя, пидобгавши ноги, грає на кобзі та ще й промовляє. А що промовляє, те внизу й підписано. Ляхи зовуть ёго въ своїхъ книжкахъ *козакомъ Мамаемъ*. Єсть коло Суботова, чы що, и дубъ *мамаевъ*, де винъ вишавъ ихъ браччыківъ та жыдову. Було въ мене воно десь и залишсано, та вже запамятавъ. Отъ же я колись бувъ у Мошиахъ и знайшовъ тамъ сего козарлюгу изъ такою підписью, що краща й просторница одь усихъ іншихъ; та й саме малёвання вже старе дуже, що ажъ полупалось, дакъ тымъ-то я й не разибравъ одного слова на кинці—чи *юловатий*, чы *борадатий*. Самъ уже домизкуєсся,—мое дило тильки зписати.

Другий шпаркгалькъ. Колись я бувъ злизнавсь изъ запорозькимъ кошовимъ Гладкымъ и выпрохавъ у ёго де-яки звишти про козацьке жытте пидъ туркомъ. Посылаю тоби ихъ. Де-що есть тутъ дуже цикаве: до того Миллера та Ригельмана воно й геть-то пидъ стать.

Третій шпаркгалькъ—актъ про те, якъ дуже козацтво въ кости грало.

Четвертый шпаркатель—казака, запысаная въ Подольскій губерніи, цикава покыдъка що до языка. Колы надрукуете, то благово-
лите прыпечататы: «списанная Евгенiemъ Малавскимъ». Буде радъ
чоловичокъ. Воно жъ и то правда, що «достоинъ дилатель мэды своея.»

Четвертый шпаркатель—варыяитыки до писень.

Пятый шпаркатель—пошкрайбокъ изъ моихъ колышнихъ сту-
дій надъ весиллямы. Чы въ тебе бачъ пысана брошюрка о малорос-
сийскихъ свадьбахъ изъ письнямы, а пысавъ іи Стеблевскій попыкъ?
Колыбъ пще не въ того дurosвита Срезневскаго!

Шостый и сёдмый шпаркатель. Се вже такъ щось, я й самъ
добре не знаю, на що воно треба кому.

Ще жъ е въ мене тоби, пане земляче, цяцька—козацький ле-
естръ 1741, чы що, року, та не въ мене, а ажъ у Петрозаводському.
Якъ бухне винъ тоби на стиль, дакъ знай, що це одъ мене гости-
нець. Друковать ёго може й залышне, а що такъ держаты, дакъ и
геть цикаво. Побачыпъ, яки тамъ прызвыща: *Мыкита Не-ижъ-сало!*
Семенъ Урви-хвистъ: що за кумедный народъ бувъ ци козакы! Отъ
же тоби дарю сей леестръ на вики виши, не съ тымъ, що «на
тоби небоже, що мени негоже», а для того, що ты ёго збережешъ
и до пуття доведешъ лучче одъ мене. Теперь пропу одвитовать
мени: якъ именно пысать у Вильну до книгопродавя Завадеського
и що коштуе, и якъ зовецца книжка Дзялынскаго про Лысовычики?
Що коштуе Бутурлынъ? и чы не продаецца у розбывку, якъ Арцы-
бапьевъ? Ище жъ будь ласкавъ перекынь мени экземпляръ украин-
ськихъ моихъ преданій, а колы нельзя, то хочь одну *Орысю* зъ ныхъ.
Жинка моя забажала ихъ, мабуть, на новыну; а эъ хаты никому не
дамъ, будь певенъ. Ище жъ не все: ты, добродію, надрукавъ колысь
Историю Галицькои Руси, чи Червоной. А ке-lyshъ сюды одну книжку
по-приятельски да по-братерськи! История моя вже дойшла до віпестя
Отрельева въ Съверни одъ Лытвы, и вже книжка странычокъ изъ
200, якъ невелыкъ, а ще, може, буде два разы стильки до кинца.

О, буде мене шлыкгаты пидъ бокы ученый людъ! Та вже жъ
нехай воны пышуть для такихъ, якъ самы, а я для своеи ривни.
Я бувъ хотивъ прыслаты тоби часточку на проглядъ, чы благосло-
вышъ такъ смильво про исторични речы глаголаты? Та не знаю,
чы до того тоби! Тамъ може самому николы дыхаты. Дакъ чы не
лучче пысаты та пысаты, якъ Богъ пославъ на розумъ, а трудящыхъ
людей дурнычамы не турбовать? Бувай же здоровъ, шановный мій

земляче, а я покы живъ. Зостаюсь у щырій прыязни твоимъ найпрыхильнищымъ слугою.

Панько Кулишъ.

32.

Коханый мій пане Осыпъ Максымовычъ! Добре, що оце доля злучыла мене якось изъ тобою: одъ тебе, якъ чого треба, заразъ добъесса товку, а вже мени отыш столычни панычи! Сердюкъ мовчыть, якъ стина; може его нема й на столыци, а може й е, та збожеволивъ; а гарный бувъ колысь хлопецъ. А родычи мовчать и по готовъ. Я бъ тоби, добродію, ось що порадывъ. Напысать бы тоби до самого владителя тыхъ писень, що заграбывъ Срезневський (бо найбильшъ его письни залаглы въ того харцыякы), щобъ прыславъ тоби до друку исторыцьки письни,—колы то воны въ ёго оцилили у ту несчастливу заверюху. Я бъ и самъ напысавъ до ёго, та боюсь, щобъ изновъ не попастысь у биду,—скажутъ, що тутъ «не литература, а политыцьки каверзы», щобъ воны имъ пропали—такъ мени хотилось у выхъ плутацца! Ты жъ, яко чоловинъ чистый якъ скло, пышы и просы, чого хочешъ,—колыбъ тильки той панычъ зъ переляку не зарикся одвитовати на всяки листы. Да вже жъ не куды йшло пропысати до ёго слово, чы друге, отъ ёго й адресъ: «Никол. Ив. Костомарову, въ Ростовѣ». Колы не проіавъ его зборныкъ, то неможна, щобъ утерпивъ винъ не послати тоби, якы въ его знайдущца, исторыцькихъ писень, тильки чашышы, якы у тебе скарбъ готовъ до друку, и тилько за не тымъ друкуешьъ, що Срезневський заграбывъ тыи письни, що выпысані зъ его, Костомарыного зборныка. Пышы жъ, пане земляче, до сёго паныча по-московски, а то злякаецца та й замовкне. Ще лучче, колы одзовесси до ёго, яко Секретарь Общества Исторіи и Древностей на друкованому листи за вазенnoю печатию—тоди не буде жадного сумлення.

Ни, пане добродію, Орыса моя була добре выправлена: не будо въ ій такихъ промахивъ, бо чы разъ же то читавъ я ів прыятелямъ?

Историю свою я подплывъ на два части, щобъ не одвымъ духомъ напысати, и оце перша часть нехай буде «История Бориса Годунова и Димитрия Самозванца», а друга ще безъименна. Знаешъ, треба де що позбирати та розчопвати перше, да тоди вже й за другу книжку, а се нехай буде опытъ, чы годыцца такечки пысать историю.

Днівъ черезъ пять и закончу. Плетневъ постараецца, щобъ тамъ у столыци пропустыли іп черезъ цензурне мітарство, да тоди вже треба думати, якъ іп и на світъ выпустыти. Поки жъ се буде, бувайте здоровы. Оде зождавши недиль во трь, хочу прохачца, чы не дозволять мени осисты въ ридному хутори коло містечка Вороніжа. Плетневъ дає надію, що вже на цей разъ змілююцца. Такъ оттамъ зновъ може де знайду яку літочысь чы що до твоихъ «Чтеній», щобъ запобигти ціого счастливого часу, поки ты редакторуєшъ. Чы нечувавъ ты про Іллю Тымковського, що бувъ директоромъ у Новгородку? Кажуть, винъ колись думавъ писати исторію Малороссії и, будучи ревизоромъ архівівъ, повытігавъ звидты цілкомъ, що тилько похотивъ, та й державъ у себе, іовъ та собака па сини. Теперъ чы не вмеръ лишъ старий кулакъ, а Турановка его звидты не далеко,—то отъ чы не одконаємо ми нового колодезя до исторії ридного краю? Такъ-то бачъ мізкую соби, якъ то тамъ весело буде мени проживати на тій Україні, а якъ не дозволять, то й терни отутъ горе!

Кланяємось тоби зъ жинкою да просимо не забувать насъ середъ твоихъ хлопотъ літорацькихъ. Прыхильний до послугъ.

Твій П. Кулішъ.

1848, Авг. 11. Тула.

33.

Выбачай, шановный мій прыятелю, що я такий на тебе звичъ поклиніть. Ни, бачу, що ты отаманъ-характерникъ голіниний: свого дила не проспішъ и не програєшъ! Це, бачъ, мени зъ великого жалю такъ у голови завернулось, що я школу свого чури-пісарчука зложивъ на такого широ-хороброго лицаря! О, щобъ же іому тамъ на Україні галушки та вареники въ пельку не лизали, якъ винъ оце удравъ мени таку шиабу! Двійчи шваба: перше, що вийшла пісеннитица въ друку, а друге, що зневаживъ такъ необачне тебе, мій добродію, відомого шаную и поважаю що найбильшъ у світи! Эге! та вже жъ некай воно на сухий лисъ іде, а мы зъ тобою черезъ таку накость прыязни не одмітатиємо: чы правда?

Добре, дуже добре оце ты выметыковавъ, якъ выдрать зъ лапъ у того козодупа Срезневського нашы письни. Шлю тоби и свідчитель-

II отд.

ство: нехай воно поре ему тыи собачы очы. Та вже, якъ выдерешъ, то будь ласка заразъ и мени посылай звистку, щобъ и я радовався.

А я саме оце зкончывъ свою працю, що роздильтъ на-двоє. Воно жъ и по материы даже одно одъ другого ризныцца, хочъ друге у першому мае починки. Дай же Боже часъ добрый, колыбъ мени оца исторыя помогла умылосердить столичныхъ панівъ, щобъ доволылъ й нашому брачку держаты перо за ухомъ!

Жинка моя, спасыби ій, що напышу, то й перечише; отъ воно мени й покволнійше,—и теперъ ще докончує писаныне, та потимъ уже й пошлемо на столицю.

Теперь, мій щырый порадныку, спытаюсь я въ тебе ще про одне дило. Колысь було я прынююхусь до Одиссея, чымъ воно пахне; ажъ воно пахне правдыро тымы гуторкамы, що отъ николы поведе старый дидъ изъ молодшымъ чоловикамы, сидучи на колодци въ свято, або коло лушныка, у довгы зимни ночи. Отъ не разъ спадало мени на лумку, що то якъ бы взять оту Одиссею та й перелыдевать якъ небудь по-наськы, або слово до слова росказаты нашою риччу? Та подумаю, подумаю такъ, та и занедбаю зновъ таку хить. А теперъ отъ прышлось мени сидить безъ уряду, зложывши руки, чы не ваяцца бъ до тыи працы? Тыльки треба де чымъ цунко до того запомогтись. Якъ тоби здаецца?—Чы може ничего росхожуватись? бо, якъ тамъ кажуть, се працы «неблагодарна», никому непотрибна!—Ге?

Оттаву тоби карлючку загнувшы, шлемо поклонъ разомъ въ жинкою,—бувай здоровъ, счастывъ, а мы тоби до послугъ на всикъ часъ готовы.

П. Кулишъ.

1848, Авг. 20. Тула.

35.

1848, міобра 6. Тула.

Дакуемо твой ласци, шановный пане земляче, за новую книжку «Чтений». Сподивалысь знайты пры ій и пысульку твоей руки, та мабудь тоби якъ кажуть, теперъ не до соли. И не одрывайсь такы одъ свого дила, якъ не мае пылкои потребы до насъ листовать. Лучче нехай та хвыля піиде на падмогу науци. Мы й такъ знаемо, що ты про насъ памитаешъ, якъ и мы про твою мылость.

Зъ «Исторыю» намъ не посчастыло: не можна друковать, бо погано зкомпонована. Самъ товарышъ министра ій читавъ, да й

одвітовавъ тымъ великимъ гетманамъ, що не гарно написана,— дакъ ничего таке й друковати. Такъ оце вже треба зновъ брацца за граматку та вчиться такъ компонувати книжки, щобъ варти були друкомъ. Ты може съятаєшъ: а що жъ цензура? Цензура—зкраю, вона ничего не знає; вона, бачъ, за мою книжку й не прыймалась, бо, сказано, на що марне й часъ тратити на таке писання, що й друку не варте? Э!

Кланяемось твоїй милості обое.

П. К.

Будь ласка, пошли що найбозрій хлоцца зъ приложеню тутъ писулькою, щобъ того чоловичка захочить пще въ Москви, бо винъ вийизджа.

39.

12 января, 1849 Тула.

Мени треба, шановни пане земляче, Німецько-Руссько-Французько-Англійскій словаръ Рейфа. Велике спасыби тоби за обицянку одтысивъ. Сіогодні написавъ я до своеї господыни, щобъ не забула узяти ихъ у тебе. Та за тымъ же заходомъ будь ласка дасы мени прочитати *Южною Руською Сборнику*, Метлынського, а я тоби верну іого укупи зъ Жуковського виршамъ. Може тоби вже й треба Жуковський, то напиши—заразъ и пришлю, колы жъ тоби ще не до соли буде довго, то нехай полежить. Ми іого прочытаємо удруге зъ жинкою. Вона голубонька ще й доси не знає, чы вдіє що зъ тими великими панами та гетманами. А тутъ и тоби, кажешъ, прыпекаютъ—горе та й тильки! Якъ зкончицца твое дило, то будь ласка заразъ напиши, якъ ты у Москви зостаєся и що маешь чынныти? Велика буде моя радисть, колы дадуть такы тоби яву—небудь пильгу; хочь же и ни, то не журись дуже, бо журбою поля не перейдешъ. Перемелецца, то й мука буде. На все е въ Бога лики.

Прочитавъ я Одиссею и другу книжку Жуковського. Гарно и Боже якъ-то гарно вміє той старий дідусь Гомеръ старовину оповидати! Велике дило зробивъ, чы ще зробить Жуковський, перелатцювавши іого речы по своюму, тильки, братику, не осуди мене, якъ скажу, що висъ мій якись інши зилля чує у тому Гомеровському вертографі. Не сподобивъ мене Господь изучити грецький языкъ,—читавъ я Одиссею тильки по французькы, то мени здаецца, що треба бъ якось простишъ отцымъ Менелаямъ то-що розмовляти.

9*

Може це таємъ уено здаецца, а тилько якъ чытаешьъ, то наче луна йде не по гаахъ, не по лугахъ, не по води, а по высокихъ палахахъ, у якихъ не жили ще тыи голосномовны люде. Якбы Жуковського ще разъ маты на свитъ породыла та вже не царськымъ захребетникомъ, а пахаремъ або чумакомъ, до може бъ тоди Гомеръ заговоривъ до насъ власною мовою. А все такы велычезне спасыби пану Жуковському за юго ирацю. Теперъ, пане земляче, навчы ты мене своеи писни; якъ тоби здаецца та Одиссея. Ты чытаешьъ ін по грецьки, то тоби й патерыца у руки: судъ твій буде правый. А мы, люде прости, тебе пысъменного послухаемо.

Мени давъ Бигъ радисть—дочку oddаю замижъ. Е въ мене у м. Воронижи хресныци, Оленка Вовкивна, дивчина така, що якъ погляне, то наче шовковою хусткою смашни уста обитре. Блдна сыротына, выкохала іп недоля, а оце вже знайшла соби пару, дакъ я завтра посылаю батьківське благословеные. Тильки чогось на серденьку важко: знаешъ, яки въ насъ чоловинки на України. Колыбъ не прышлось и ій, голубонци, квильты такъ, якъ у тихъ писняхъ, що само серце ихъ намъ проснивало, зъ тугы та печали разрываючысь. Що жъ-то якъ ридну дытыну кому прыведе Бигъ у чужу семью oddатати? Якы й-то жаль тому отцю-матери!

Бувай же здоровъ, пане брате, та пе забувай твого щирого до послиду годыни прыятеля.

П. Кулиша.

40.

Ничого вже й казати тоби, батьку Осыле Максимовычу, якъ мене оттой харцызяка Срезневський преогорчывъ. Зъ серця пышу до всякого на столыцу про юго злодійство—nehай люде правдыви пллють на юго слиди; хочъ цимъ юго покараемо. Спасыби тоби, батьку, за ласкаве прывитанне моєї жинки. Що то якъ бы намъ пощастило перебратысь до тебе у ту Москву? отъ бы зайшла робота въ языку, и сердю, й голови! Та отъ уже хутко буде намъ звистка зъ Петербурха. Радъ я, що вы соби обое зъ своею сестрыцею живете веселенько; ажъ духъ мій радувавсь, слухаючи, якъ моя стара слебезувала мени про Вашу господу въ про наше мыле життя-пробування. Спасыби, мій голубе сзыый, и за книжки, которыми ты зновъ

мене наградивъ. Счастье твоё, що ты своимы працайы прыманивъ до себе и самого Гоголя; багацько може зробиши ты намъ усимъ добра нашыговавши іого святою старосвітчиною нашою. Колы ласка, напышы, добродію, до мене, и ѿ тоби тёперъ здавсь той чудный та дивный козарлюга? Що винъ робить, або має робити? чы не покынувъ на вики своєй Україны?

Теперъ у мене велиководны свата, то гуляю, не роблюничого. Богу диковать, пробую здоровый. Поклонись, батьку, възенько одъ моей жинки Марен Никитычни. На дыво вподобала іи мои пачи! це нахвалыцца, що за предобра та премыла людина! Прощай та я нась не забувай, а мы тебе и во сні бачимо. Жинка моя възенько тоби кланяещца.

І. Кулишъ.

1849, марта 16. Тула.

Метлынський прыславъ мені свій Зборникъ. Якъ тоби здалась *Наталля* Макаровського, а мене дакъ и за ухо одъ іи не одтагнешъ. Та се жъ, братику, сама чиста патока! отъ медови ричы! Отъ поважна та мыла мова! Пиднеръ козакъ, ничего сказати, нашу літературу, нехай тамъ ему у ротъ сунуцца сами вареники зъ сметаною! *Неволя* чи Гарасько уже зусимъ не те, та спасыби й за *Наталлю*.

Сердюкъ пойихавъ у Деритъ за кандыдатствомъ. Колыбъ ще Бигъ до-помигъ оціому бидаси выбрацца зъ калюжы та поставыти свою мажу на суси, коло шынкарки Маруси!

46.

1 Декабря, 1849. Тула.

Отъ, братику, що вже й на листы увиравалась нашему брату нытка. Сюды хипъ, туды хипъ, але у кышпени бряжчить не дуже-то. Э, пекъ іого матери! такълучче жъ нехай та гривняка пиде на силь, нижъ на те, щобъ зповистыты якого козарлюгу, що отъ знай, що мени весело, або скушно. Колы козакъ другяка, до не забуде винъ побратыма й безъ листивъ, а ледачого й ланцюгомъ до себе не прыкуешъ. Отъ изъ цій-то, братику, рахубы годи вже я листоватись до тебе що мисяця, а колы не лучыццаничого особливого, то вже одберешъ одъ мене листъ ажъ у трь мисяци разъ. Отъ до чого довелы злайдни козака!

Тыжъ, братику, не мизкай соби, що це я або сумую, або увесь свить изъ нудьги остывъ мени. Э, бороны, Боже! И вчора Кулишъ и сіогодні Кулишъ; не перестане винъ кохаты до вику, кого укохавъ разъ щырымъ сердемъ, и хочъ бы рокивъ двадцять не бачився й не листовавсь изъ тобою, то й на волосынику не зминить винъ своеи до тебе прыхылности. Прощай же, братику ридный, на три мисяци. Колы-жъ трапыця тоби або кватеру переминьты, або зъ Москвы куды зъихаты, то будь ласка зповисты мене, щобъ я зновъ, де ты въ Господа обертаєшся. Тежъ саме чынныту й я. Теперъ же я й моя жинка живемо, якъ Богъ намъ повеливъ, отъ у сій навысній Тули, учымось де чого по трошку седючи дома та й ни про що не дбаемо. Добре й такечки жыты на свити. За все про все дякуемо Господеви мылосердному!

Вамъ же обомъ нызенько кланляемось.

П. К.

57.

Шановный Добродію

Осыпе Максимовычу!

Про твого брата я пославъ листъ у Полтаву заразъ, скоро прочитавъ твою суплику, та не знаю, чомъ одвітовання немае. Оде надбавъ трохи усякои старовыны, та вже, якъ у тебе скрыні і до-бра и ты въ насъ певный старовинный господаръ, дакъ прымы й це докупы—може кому знадобыцца. Я жъ, Богу дяка, живъ и здоровъ изъ своими ваніями и панночкою,—тильки дуже жалкую, что грецька мова не дуже мени втамковуецца; а чомъ? Эге, бо треба гроши заробляти, а то ипропаду з голоду колись и зъ грецькою мовою. Такъ, паке брате; не гань мене й не сlyуй. Я й самъ чоловикъ щирый, та трудно, кажуть, праты противъ рожна. Одъ пана Ивана Ханенка довидаєшся де про що з моихъ оккупаций. Бувай же здоровъ тай насъ не забувай своимъ словомъ.

До послугъ щирый землякъ П. Кулишъ.

Р. В. 1852, февр. 18 С.-Петербургъ.

64.

С.-Петербург. 1852, ноября 14.

О, щобъ васъ та бодай васть! Я думавъ, що вы вже давно одпровадылы посылку, та й мовчу, а теперъ на ката моимъ паніямъ

муфты и мантылі, колы воны самы идуть у муфту? Я напысавъ имъ, щобъ не дожыдались, и попрохалы продать ци вытребеньки охочымъ. До Васъ воны будуть може черезъ пивтора тижня, а може й черезъ два, бо воны до сюго торгу й пишки, сыричъ до Блатенська.

Эге, нашъ землякъ Макаренко (який винъ у биса Макаровъ?) пишовъ у гору, такъ що тильки дывысся та подцмокуешъ.

Оде въ середу запрохавъ винъ мене зъ собею до тихъ панивъ, що зовутъ журналистами,—бачте чытаты, якъ тамъ кажуть, романъ іого. Добре, думаю, побачымъ чы почуемъ, що тамъ за розумни люде, и що винъ тамъ зкомпоновалъ, и що казатимуть іому пре-мудри головы. Отъ свыточки попадивалы и пишли. Чорты бъ убылы ихъ батька, якъ ци пъявки пысъменного люду пышно живутъ! Одынъ дзыглыкъ у іого—такъ нашему брату була бъ кватыра. Лежачы хлибъ заробляютъ. «Де жъ тыи бидолахы тулацца—подумавъ я—що понавыроблювалы имъ оцихъ лампъ, оцихъ мармуровыхъ вуколь, оцихъ вылымивъ? Може въ іиншого у кисткахъ ломыть одъ холоду та сырости, а винъ пославъ черезъ усю хату цимъ господарамъ зелене сукно: самому бъ такъ на жупанъ згодылось, а воны ногамы топчуть».—Ну, дарма, колы вже така въ ихъ хисть, нехай соби панують. Отъ и почавъ нашъ Макаренко чытаты имъ свою книжку. Та й мудра жъ книжка! Де винъ и чувъ, видъ кого винъ довидавъсъ про таку стародавню старовыну? Наче про ридного батька, такъ винъ росказує оттамъ про якого небудь лыцаря або гультайя, що вже й кисточокъ іого доси не зосталось у могили. Гарно, такы такъ гарно, що и самы тыи ледакторы облызуюцца, та не диждавшись и кинця, заразъ и почали зъ нымъ торгувацца, наче за вивцю, або за шкапу. Винъ имъ—поглянувши на ти препышныи уборы—и каже: що жъ панове? тутъ ничего таицца, та й самы вы здорови знаете, що намъ хто бильше дастъ, зъ тымъ мы и сваты. Колы хотите, щобъ я не оддавъ свого компонования К-му, такъ давайте по 60 рубливъ. Воны ажъ затряслысъ. «Голубчику, кажуть, хыбажъ не знаешьъ, якыи теперъ часы? и намъ иноди доводыцца бидовать, якъ прыдеща даромъ за друкъ платиты». Та давай клястись, що прытъмомъ не можно, а колы хотите, кажуть, то по 50 р. Ну, знаете, яка поквола душа въ нашего земляка: заразъ и згодывся, та ще впрохалы іого и ту повисть, що пидъ ладъ до першыхъ буде напысана, имъ оддатъ, а тамъ, якъ Богъ поможе журналови, то може й крашчу плату дадутъ, щобъ не пустить до того К-го. Не люблять воны іого,

а винъ добре прыслужуецца нашему землякови; якъ бы не было юго
шидъ бокомъ, такъ воны бъ и губу закопылы. Такъ отъ вамъ и
лытературны новынки. Оде 1-го декабря вже й выйде початокъ
Макаренкового компонования. Скоро винъ буде у Васъ у Москви.
Я прохавъ юго и до Васъ зазирнуты, щобъ вы знали, шо то за
Макаренко, а винъ щобъ знатъ, шо то за Ісько Матерынка.

Я жъ оце вже зновъ почынаю служыты у мыныстерстви, щобъ
земляки и мене узывали паномъ. Може такы й мени який чынокъ
прыбалять—усе такы повышчаю, шо якъ вернусь на Вкраину, то
може дѣ на весилли й вышче головы, або волосного пысаря по-
садять.

Бувайте жъ здоровы та й насть не забувайте. А про рудого
Панька Мак. напысанъ, та врядъ чы дозволять тутъ у насть, бо
кажуть—годи вже вамъ балжать про того нависнога часичника.

До послугъ готовый землякъ

П. К.

Адресъ: такъ и пышите, якъ напысано, покы зповищу.

65.

Р. Б. 1883, февраля 3 дні.

Та годи вже! нехай юму цуръ тому кожухови! Шо зъ воза
впало, те пропало. То жъ изъ воза, а це зъ огненной колесныци.
Кажуть паніи, шо прытъмоиъ усе имъ подано до рукъ, опричъ ко-
жуха: салопчики не звязаны ничымъ, а два подушки звязаны то-
ненькимъ реминцемъ, а пояса ніякого воны не бачылы. Мабуть
уже тамъ тава кумедія це новына, выдно кожухъ кынулы у ко-
мирку, а чого имъ не треба, те й подалы. Эге! Цуръ же юму: намъ
и безъ кожуха, слава Богу, тепло. Купылы мы соби оце недавно
гусли, шо зовутъ роялемъ, та се у такого майстра, шо й сказаты
страшне,—ажъ у самисинъкого Вырта. Эге! а чомъ же и намъ не
поставыть у себе такихъ гусливъ, якъ у великихъ панивъ? Зумі-
емо й мы на ихъ играты. Тильки не лякайсь, добродію земляче!
Ты вже думаешь може, шо якъ у Вырта, то заплатыли цилковыхъ
500 або 600. Ни, мы выбрали соби уже обиграны, чы якъ тамъ
кажуть подержаны гусельки, та ще попрохали такого мыстця тор-
говцацца, шо нимецъ жався, жався та й отдавъ за 300 карбованцівъ.
А воны такъ же густымуть, якъ шесты-сотни. А гарный въ насть
є писни на нотахъ. Тыи, шо я въ тебе, добродію, узявъ, забрако-

вавъ нашъ музыка Артемовський; каже, що нависний той Марко-
вичъ не знать чого надряпавъ. А самъ винъ, цей музыка, зкомпо-
новавъ дуже гарныхъ штучокъ зъ пивдесятка, такъ серде й пидмы-
вають и пидмывають. Разъ заграє и заспиває, то здаєцца пишовъ
бы на вирицыдки; а потімъ такъ заголосить, що й запорожець по-
нуруїцца. Напиши, будь ласка, де теперъ тыи панночки Оксакиини,
може бъ я имъ де що переславъ: нехай бы взналы правдыву нашу
мелодію, незаправлену нимецькимъ хмелемъ. А тому живому па-
нышеви Оксаку хотилось бы перекинуты книжечку на незабудь. Такъ
роспытаі, колы твоя ласка, та дождавшись слободного, часу, й пы-
сни.—Ну, отъ тоби й про рудого Панька надруковано у другій
книзиці От. Зап. Прочытай за однимъ заходомъ и кинець Однорога
мого прыятеля та й скажешъ, чы гарно, чы може покенжуешъ. Ты
въ нась письменный чоловикъ на всю губу,—тоби й книжки въ
руки. Та не дуже кепкай, бо тутъ багацько де чого не мае, що
було написано въ того козарлюги, а де що й не такъ, якъ у іного
було. А що, чы москалямъ по нутру оповиданне про ихъ старовину,
чы може кажутъ: Колы не пипъ, такъ не вбрайись и въ ризы, ба-
лакай про своихъ запорозцівъ, а мы й самы про своихъ предківъ
расскажемъ? А якъ бы наше письмо въ ладъ, то Макаренко ще на-
писавъ бы два такы казки про ту жъ старовину; тоди, каже, воно
буде дило съ кинцемъ. А се винъ тильки такъ, якъ той Квитчынъ
маларь, що виставывъ на ярманьци салдацький патреть та й пры-
таивсь, що казатыиуть мыряве.

Пані наші здоровеньки й веселеньки; кланяюцца Вамъ обоимъ
укуци зо мною нызенько. Прощайте та й не забувайте. Ноты, лы-
стотъ газеты и воротычокъ прышлю по почти. Щось нашъ братъ
не дуже хапаецци до дому. Колы не тисно Вамъ изъ саньми, то ще
подержите. Ми шукаемо оказії, щобъ хто взявъ та довізъ до Бор-
зны, колы жъ тисно, то попродайте, якъ самы знаете. У прыязни
щырый землякъ.

І. К.

75.

«Бувъ у Тули та и въ дула», добре мовлявъ есы, мій добродію.
Скоро прыйхали мы у сю Тулу, заразъ вона й нагодовала нась ду-
лямы. Одно: не засталы въ господи господара, а друге: тарантасъ
нашъ стонть наче облуплена шкана. «Буде каже, готовъ черезъ

тыждень», та мабудь изногъ готуе дулю вразькій Тулякъ! А що нема въ господи пана, то сёму самъ я выненъ: треба було мени заразъ писать до ёго изъ Москви у Тулу, а я, напысавши зъ Блатенська на село, и байдуже про те, що винъ може чекає насъ у городи. Теперъ же винъ пойхавъ на якесь тамъ слідстиве, а вернецца «може» черезъ днівъ п'ять. Шкода й часть тратити. Знайшли мы у того жъ песького сына каратника гарну бричку, тильки трошки не-готову, та може купымъ та й почимчыкуемъ на Вкраїну. А все такы днівъ зо три чи й билшъ треба тутечки загаяцца. Навидаемось до земляка, що живе коло Рогожаной кривыци. Бацца пысавъ я колыеь до тебе, шановный друже, про сёго земляка. Нудячи світомъ у ей Туї, було мы съ жинкою пійдемъ та й блукаємо зъ пчвъ дни по за околыцамъ. Отъ разъ прышли до гарної церковки, що стоять на одшыби сама соби середъ поля, поміжъ селами в гаями. Коло церковки тильки хатына, а трошки oddаликъ—попора оселя незагорожена, не пышна, тильки въ із й роскошы, що зелени лыни кругомъ. Напившись у кривыци воды, идемо мы до церкви—ажъ гульктъ: назустрічъ нашъ землякъ, та такы заразъ по нашему й заговоривъ. Роспыталисъ мы зъ нимъ и познакомылисъ. Служивъ колись у москалихъ, а теперъ дожива вику стороженемъ коло церкви и панамаремъ. Часто було мы ходымъ до ёго на одвидыны; иноди полуднуємо въ ёго малопросолни огирки, а потімъ рвемъ дыки квитки коло ёго на цвінтари. Нигде стильки не росте округи Тулы квітковъ, якъ на тихъ могилкахъ коло земляка. Любо було намъ до ёго навидувачца. Все було сердега сумое, що не зоставсь у своєму краю. Жинка въ ёго, бачите московка, такъ вона ёго й заманыла у Тулу. Тутъ іи синокъ изъ почтарівъ вислуживсь у офіцери; такъ вона то думала, що винъ ихъ при старосты прыголубить, а той поганый цуцькъ якъ дождавсь власного лову, дахъ про матиръ и байдуже. Оце жъ мы що йидемо черезъ Тулу, то до земляка й навидаемось. Та й радъ же намъ дидусъ! наче добрымъ родичамъ. Отъ и теперъ вечиркомъ до ёго зазирнемъ: що то винъ тамъ бидолаха робить. Може вже й надъ нимъ бують дыки квитки середъ могилокъ. Не дай Боже на чузыни вмерти!

Бувайте жъ здоровенъки та й насъ не забувайте. Мени ажъ и доси якось не по соби, що мы въ васъ накоилы калыбурды. Наче військови постоємъ стояли. Довго треба буде вамъ порацца, щобъ усе зновъ зробить якъ скло.

Не осудите, Бога рады: мени здравалось, что воно не такъ буде хлопотно для Васъ. Цуръ ёму сёму звычаю—завертать до прыятеля. Теперь уже, якъ трапыцца произджаты, то лучше до Шевалды; ажъ мій друже коханый, не зупынай и не жалкуй: побачышъ, что вси будутъ уконтентовани. А гроши тутъ не Богъ знае якп. Кланялемось Вамъ обомъ уси нызенько.

Щирый до услугъ земликъ П. К.

1853, іюля 2 Тула.

Ще одну книжку знайшовъ: Notices and Anecdotes illustrative of the Incidents characters and scenery described in the Novels of W. Scott, in 8—0, 3 fr. 50 с. Можетъ се та сама, что я запысавъ у Москви. Колыжъ не та, то знайды, будь ласка добродію, и вышли або выпыши.—Нани моя, опричъ мене, особо дякуе твоїй, пане земляче, сестрыца за ії ввичливость и добристъ. Зовсамъ, каже, наша землячка украинка.

76.

Отъ мы й дома, пане земляче! Та й не хутко жъ мы дочвалали. А чомъ? Бо въ нась на Вкраини жidова и доси орудие де чомъ. Якъ отдавалось на 12 риkъ станція, такъ вона й перехопила у папивъ, згодывшись ва саму дешеву цину; теперъ же держыть таки мызерни шканы, що одъ витру валаюцца. У Кролевца мы простоилы якъ разъ 10 годынъ. Ну, та слава Богу, вернуlyсь до дому живы й здоровы. Любо повива витерецъ изъ саду у наши викна. Сонце сме, дерево мае листемъ передъ самымъ моимъ столомъ; а у Блатенську де сёго взяты? Хвала тоби, Господы, що вынись мене живого й цилого изъ тыи болотнїи цивилизація. Лучче тутъ носить свытку, нажъ тамъ жунанъ. Теперь оце разбираю свои книжки та струментъ, а трохы одпочивши въ налагодывши прымусь за роботу.

Нилолай Даниловичъ не дождавсь нась та й чкурнувъ за дитмы до Харкова. Карета цилисинъка, и наша колиска, хочъ мы на-

валы на сю увесь той грузъ, що складавъ Андрій на поштовый возокъ.

Бувайте обое здоровенъки та колы що, то вишите до насъ, а що вже я, то колы що трапыцца для Васъ цикаве зъ книжокъ або що заразъ зповищу.

П. К.

1853, іюня 18. Мотронинка, комо Борзны.

А що тყи панычи зъ журналомъ? Даусъ?

Колы е у Арльта або въ кого другого книжка: *Dictionnaire générale anglais-français et fr.-angl. par A. Spiers*, то купите, колы жъ нема, то нехай Арльтъ вишите. Мени треба тилька *anglais-français*, а *français-anglais* зовсімъ не треба; та колы вони продаюцца укуши, то ничего робити. «Кобыла за диломъ, а лоша безъ дила». Тильки въ лошаты выросте хинь, а съ того *français-anglais* чортъ маты-ме ничего.

Може вже выдумали Аглычане якій інший крацій лексиконъ, анижъ Спирса, такъ, посовитувавшись, и купите. Мени-то, бачте, треба не слова, а термины по всимъ наукамъ. Знаю, що е таій словаръ, объясненный по англійски жъ, та не знаю, якъ винъ прозываецца. Будь-ласка, роспітайте у звяочыхъ людей, якє издanie новійшъ и краціе, та й звеліть Арльтови виписать. Хочъ бы рубливъ и 10 коштовало, заплачу. Тилько не энциклопедію, а таки объяснительный словаръ по разнымъ наукамъ и ремесламъ. Е, именно е таій у тыхъ англычанъ.

86.

Тула 1854, февр. 10.

Оце жъ мы вже йимо й дули, шановный пане земляче. Прыїп-халы сюды ще вчора, въ першій годыни. Добра була дорога; колы бъ така й до самого дому! а все рады, що добрались до одыху. Що за людина мыла оцей Гусъ! Серце радуецца, дывлячись на юго жытти. Завтра йидемо дальшъ.

Подывывсь я тутъ на Мертвы Души, та ажъ потылыцю почувавъ. Щобъ юго злдни пысалы того пысаря! Самъ накрундіовавъ (?) ханаючысь, $2\frac{3}{4}$ аркушивъ, а $4\frac{1}{4}$ давъ перепысаты якомусь дурневи, шо пыше буйнишъ та ще пе тымты и правонысаныя, а все тилько м'яня (це бъ то мене). Колы можно, то виньте тому дурневи за тыи аркушы гроши, та нехай вашъ пысарь перепыше усе одныю рукою, та нехай не разганяе стричокъ, та въ що на стрици тольки по два слова, а гарненъко перепыше. Того рукопысь кинчаецца словами: «и потомъ, минуту подумавши, спросилъ себя внутренно, точно ли бы теперь умній распорядился? И, махнувши рукой, прибавиль».

То за однымъ заходомъ нехай перепыше й Гостраныцу, та й посылайте хутенъко, бо далеби вже давно хочецца покуштывать тыхъ паньскихъ ласоощивъ.

Дякуемо жъ Вамъ, добродію, за всю вашу ласку. Просымо насть не забуваты листовне, а мы до Васъ разъ по разъ верстатымемъ мысленную дорогу.

Гусъко Вамъ изыенъко кланяецца кгекгечучы.

Вашъ Ч. К.

87.

Февр. 25, 1854 Мотроновка.

Шукавъ шукавъ я своихъ кунштыківъ, шо колись поробывъ изъ тыхъ кобзаривъ та дидывъ, шо рассказувалы мени про давнюю старовину—нема! Знайшовъ ось одного тильки прудыуса да й та вже на картони. Посылаю жъ хочь сіого—nehай винъ розважае тебе, мій любый прыятелю, на чужыни. А то постривай лышъ, ось прыде літо, мы тоби намалюемо де що зъ натуры, колы ты до сіого охочый.

А що жъ се, братику, немае одъ тебе посылочки зъ паньківщиною? Та ще, будь ласка, не забудь выписаты изъ Тыхонравовской книжкы зъ якогось листу щось таке про Панька, шо не знайшли тоди мы зъ тобою. И колы чого добувъ для мене, то хутенько, братику, й высыдай, бо nehай—лыхый чоловикъ, и духъ мій юго не терпить.

Мы, слава Богу, живы и здоровы; де що поробляемо, майструемо, а билшъ oddыхаемо писля тый городськой працы. Тутъ иныши зайдли труды. Оде взявъ до вёрстака хлопця—неука та и учу сто-

лярськой пауки, щобъ было кому майстровать, якъ доведецця хату опатрувати у тому Зарози надъ Оржыцею. А тутъ розжылисъ на тройко коненять, такъ треба обтижджати, бо ще не ходили у за-празди. А тамъ у саду зайци обгрызають дерево—такъ часомъ пйдемъ изъ рушныцею, чы не застукаемъ котого на гарячому вчынку, Та де що зъ свого давніого выправлю, щобъ уже хочъ и сывому чоловикови доведецця взяты у руки, такъ щобъ не зганывъ. Треба, брате, щобъ ричъ була твереза у такому пысими, якъ про ти давни. кривавы роки. Тутъ ничего не визьмешъ солодкими словцями та выкрутасами. Хотилось бы такъ, щобъ що листокъ, то й зерно, щобъ не було половы або пустоцвиту. Оде жъ усе чытаю своимъ та й прислухуюсь самъ наче чужымъ ухомъ, та описля, вернувшись у свою келю, и выправляю, не жалуючи ничего. Се вже, може, чы не послидняя буде праця. Перепишу та и нехай лежить для ненарожденныхъ.

Любо, братику, пожыты дома на воли, безъ тыи городськой докукы, безъ тыи неустанной праці на спихъ,—пожыты зъ самимъ собою, огледыцця трохи на свое хозяйствечко, довести де що до ладу, а тымъ часомъ и одпочыты тиломъ и душою! Оде жъ такъ я провождаю свій часъ оттуть у хутори, де нема й чутки ни про ту навиженну Рашель, ни про тыи гаспидські столы, ни про тыи учены змагання друкомъ и словами. Ажъ дыхати легко!

Ну, а ты жъ якъ ся маєшъ, якъ живешъ? Чы бачивсь изъ паномъ Михайломъ! Обицявсь я заглянуты ще разъ до іого у господу та й не поспишувсь. Ты знаєшъ, чы змігъ бы я и сее и онее. Оправды мене якъ знаєшъ—нехай не гнивицця мій любий добродій. Хотивъ я написати до іого листъ, та й не знаю якою мовою и якими словами. Може буде й не въ ладъ, якъ разбалакаюсь дуже широко. Такъ оце погадаю—погадаю тай мовчу. А що вже й каваты, якъ бы хотилось ублажити ціого шановного дидуся риднимъ словомъ.

Тымъ часомъ бувай здоровъ, любый земляченъку, да не забувай твого щироприхильного.

П. К.

иолыгавсь, наче той жидъ изъ чортомъ. Нехай та нехай, ажъ гулькъ—и зима: треба якось буде ввичи дывытысь. Та вже жъ, не въ спрка позычать, треба одвичаты власнымы.

Правда, й клопоту мени було багацько—овва скильки! Вертивсь я у своему хутори мовъ ракъ на огни и ледве, ледве насылу та на превелыку сылу окукдывъ юго такъ, що заммо не замерзнешъ, а литомъ не спечесся. А тутъ гости: теща, Ригельманъ (сусидъ же бачъ прыйихавъ, треба и до юго черезъ поригъ илюнуты), а дали Жемчужниковъ. Цей хлопець и геть-то у мене заганясь, и хочъ дуже мени дещо поперебывавъ, ну, да вже жъ хочъ не дурно: тамъ таке втишис та цикаве враже москалча, що й роботу усику забудешъ. Ото «пойдемъ у Пилтаву». Пойдьмо. Налагодылы брычеку, дойихали до Лубень — «шогано въ брыцци: пойдьмо такъ на перекладній». — Та Бигъ эть тобою! Якъ же такы мыни пидкыдаца на тій чертопхайди мовъ той кгудыкъ-офыцерь! — Ни такы! Якъ почавъ, якъ почавъ,— мусывъ я старистю бовтацца мовъ те барыло на вози до самисинької Полтавы, ще й назадъ. Не знаю вже, чы багацько теперъ у мене въ животи чого зосталось, чы все выбовтавъ; а почуваюсь такъ, що кат-мае начого, опричь свижого?.... Отожъ мы знайшли и Яновщыну, про которую по набрихувавъ той Давылевський писенитици. Стара Гоголыха п і дочки прелюбезни люде. Такъ нась прыголубылы, якъ родычивъ, и яки тилько булы шваркгали (зъ чимодана зъ немеччини и письмо до сестры до Ганны), усе вамъ—нате, батечки, що хотя робить соби. Ще й бильше обищали, якъ побачусь изъ ихъ небожамъ у Москви. Воно бо тамъ служыты-ме. И небожа (Трутовський) гарный хлончыкъ. На Пилтаву я тильки подывысь тай годи. До твого двоюродного не заходывъ: утомывсь писля того бовтання и радъ бувъ одпочынку. А про Гнидича никтоничого не тамыть. Бувъ соби якъ уси хлоната—отъ и все. Бачывъ хатыну Котляревського. Одынъ непевный намалює і для мене. А де шведъ полигъ головою,ничого того недоглядавсь: не було часу. Вернувшись до хутора, зновъ працювавъ надъ садовиною, а дали—пойду хочъ трохи одпочыну на хутори въ тещи. Такъ и тутъ же бо ви. Лыстивъ таку гыбелъ понасылалы, що опе ви якъ не одышушсь (Плетневъ, або лучче Макаровъ прыславъ 40 лыстивъ покойнаго Панька. Дружака мій Макаровъ усе вже поперецисувавъ власноручне—вехай іому Господь оддячыть!) Пыше старый Оксакъ, що пославъ у Лубни посылку, а тамъ я прохавъ на пошти, щобъ зверталы до тебе, бо

думамъ швидко оныштысь у Москви. Тешеръ же бачу, що до звми треба зачекати тутечки, щобъ не выдать живку на чужи руки. Такъ будь ласка, колы тее, такъ посытай боржій у Борзну на мое имъя, бо теперъ саме залиzo разогрилось и куецца. Про чинни выбачай: де жъ мени шукати кращого издателя, колы бращи чекаюти кращого часу? А чы хутко той часъ настане? Может не за нась! Отъ и теперъ я зновъ назбыравъ думъ зъ пивдесятка (про Голоту—цица й тильки, те що надруковано у Максимовича и у Метлинскаго—тильки маленьки урывочки) хтоожъ ихъ надрукую? Нехай хочъ цыганъ—я й цыганови оддамъ. Ще де про що зъ тобою побалавать, та нехай уже якъ побачымось. Пойду до Оксака, злагожа дещо, та тоди може зазимую у Москви (колыбъ мени таку кватерку, щобъ изъ дзыглыкамы, щобъ тый дурнцы не куповати--хочъ бы два хатыны. Может прочуешъ, то будь ласка—напиши до Оксака «для передачи», бо до столыци не хочецца швейцары. Кланяемось обомъ обое.

Твій П. К.

97.

Посылаю Вамъ, Добродію, проповиди да й боюсь, щобъ не сказали: Колы не пипъ, то не вбирайсь и въ рязы. Ще й того не знаю, чы вподобали Вы мою книжку про южну Русь. Такъ {николы, що прытъмомъ погибаю, и листу николы написать до пріятеля: хутко вже вси одцураюцца за мою неввичльвость. Не цурайтесь же хоть Вы мене, добродію, а николы пыснить таки про себе, що зъ Вами діетца. Развиць по чать на тыжденъ Йижджу съ поблонамы, щобъ дозволылы Чорну Раду на світъ появыты и чого вже зъ нею не було? Була вона и въ злодіяка Срезневськаго въ рукахъ, да насылу вырятовавъ. Теперъ уже ненве обищаютъ пропустыть, да ще Богъ знае: казавъ панъ—кожухъ дамъ, да й панське слово тепле! Кланяются Вамъ землячки. Адресь: у Литовскаго рынка, въ д. Вагенгейма кв. № 8.

Щиро прыхильный землякъ П. Кулишъ.

1856, ноабря 25.

98.

Шановный земляче

Осыне Максимовычу!

Потурбуйтесь, будте ласкави, да знайдить у себе мою рукопись *Искатели счастья* и вручить подателю сін суплики.

Щиро прыхильный Вашъ землякъ П. Кулишъ.

1856, ноабря 58.

99.

Шановный земляче

Осипе Максимовичу!

Пысавъ я до великихъ панивъ у Київъ, щобъ помогли Вамъ выпустыть Дила Колл. Архива. Одвитують, що вони бъ сего бажалы, да зъ Бодянськимъ—кажуть—трудно вести дило, бо винъ—кажуть—трохи соби кругенькій, и просить мене переговорыть изъ Вамы. Напишите не гаявшись до мене, сколько Вамъ треба на се дило грошей и на якихъ кондиціяхъ. Такъ якъ мое дило сторона, то мени зручнійшъ изъ панамы переговарувати.

Щиро прыхильный землякъ

П. Кулішъ.

1857, февр. 12, С.-Петербург. У Литовского рынка, д. Вагенгейма, кв. № 8.

101.

Ну, нехай же воно такъ буде, якъ есть. Колы такъ, то й такъ. А все таки не довидавсь я одь Васъ, сколько треба грошей на выпускъ диль Колл. Архива и на якихъ условіяхъ. Хоть бы зновъ я, то й то бъ мени було легше.

Будьте ласкови, або спалить той листъ, на который одвітовали, або замажте отте серденько, бо то зовсімъ не до Васъ написано. То моя пани написала до мене, що—каже—ты марне працюешь надъ Гоголемъ, здоровье в'ибаєшъ, часъ тратишъ, а якъ порахуешъ, сколько перевивъ грошей на переписки, пересылки, перейзды, да, сколько бъ заробивъ своїмъ особнимъ диломъ, поки ёго падрукуешъ то й побачишъ що марне труждався. А я ій одвітую: «Пидожди, серденько, кияца—побачишъ». А тутъ до Васъ листъ лежавъ—отъ я и вдравъ—батькови заполочи на рукава, а матери кресево да тютюну. Сміявшись я, прочитавши Вашу одновидъ—трохи не пропавъ отъ речоту. Хашаючись швидко дило зробить, не перечитую листывъ, що пышу. Може й не одному вже удравъ до завиті! Не здивуйте, Добродію, да замажте тіі слова.

Бувайте жъ здоровы да й насъ не забувайте

Щиро прыхильный землякъ

П. Кулішъ.

1857, березоволя 7. С.-Петербург.

102.

Посылаю Вамъ, шановный земляче -- Осипе Максимовичу, че-
резъ Базунова 4 тома Гоголя, а два получите отъ ёго жъ, якъ вый-
дуть изъ цензуры.

Мени треба изъ моихъ Українськихъ преданій статью о Чуприни
и Чортуюси, а въ мене тутъ іи нема, а десь захована на Україні
прышлить будь ласка!

Получивъ я одъ Квитки довиренность напечатать по нашему
Основяненкови повисти и Комедії, а тутъ достать Козиръ-Дивки и Ко-
медії ніде. То чи не прислали бъ Вы, Добродію, для сёго слушаю
своихъ книждекъ, назначивши имъ цину, а соби бъ купылы. Да ще
якъ бы й те, що въ Молодыку, бо въ мене есть тилько та книжка
Молодыка, въ которой Перекоты-Поле, а Сердечной Оксаны и прочого
немає.

Печатаю повисть про Бориса Годунова и Димитрія Самозванця.
Літургія Гоголя пропущена; опе вже друковатыму.

А за границю мі-якъ не выберусь! Костомаровъ пойхавъ че-
резъ Стокгольмъ да черезъ озера. Бувъ у Васъ, да Вы десь выгу-
лювались на дачі.

Бувайте здорови!

Щиро прихильний землякъ
П. Кулішъ.

Коли чого нельзяя, то будте ласкави, сповистять хутенько! Живу
тамъ же, де и перше.

1857, іюня 18.

103.

Радуюсь и веселюсь, що «Чтенія» будуть ізновъ Чтеніями, а
не ка-знає чимъ!

Вашъ журналъ буде найлюбійшимъ моимъ читаннемъ, бо й
ты Чтенія були моими хлібомъ насущнимъ, и багато я ими поко-
ристовався. Нехай же Вамъ Господь помогає!

Не гарно оце вы робите, що цупко держите всяку книжечку.
Вы жъ бачите для якого дила! Да Богъ зъ Вамы! всякъ соби панъ.
Пошукайте жъ для мене хочъ мижъ пыльонами заразъ: 1, Козиръ
Дивки, 2, Ганнуси (сія повисть есть и въ Телескопи 1832, и особе).
Або ни--не турбуйтесь: я вже написавъ до Башуцької, и певно
вона мени вишло съ Царського Села.

А Чуприна и Чертоусъ надрукованъ у моихъ Украинскыхъ преданіяхъ, которы Вы хотили выпустить у Чтеніяхъ. Сю статью знайдете хутко по заголовкахъ. У Васъ же есть экземпляръ. А Максимовычъ надруковавъ чортъ-знае що. Почухавъ певно потыльцу прочитавши въ другому томи моихъ записокъ мемуаръ Закревскаго про Чуприну и Чертоуса, да ще колысь не такъ почухае!

Спасыби за опечатки. Укажу при 6-му тому. Колы-бъ Вы знали, що за робота, або лучше—морока була зъ листамы Гоголя опричь усего ишшого, то сказали бъ, що не въ моготу й самому Аргусови було бъ прочытать усю корректуру самому. Ище якъ-бы въ спыну нихто не гнавъ; а то прытьмомъ напечатай до весны! Досадно, да ничего робить. Радуюсь, що хоть де-которы томы захопивъ самъ чытаты, а найпыльнейшъ Мертвii Душы.

Бувайте здоровы. И Вамъ николы, то ничего перо роспусккаты, алучче де що оставьти языку на одбучу!

Щыро прыхильный землякъ

П. Кулишъ.

1857, іюня 26 С-Петербург.

А що вже тыпографії, то нехай имъ цуръ! Хоть скілько заплаты, а воно наровыть, якъ бы на чернило то що съ тебе выгадати! Завивъ я оце свою, то вже тутъ не буде ніякого фальшу. Ось побачыте, якихъ Вамъ прышлю гостынцівъ! Лытургію Гоголя печатаю вже въ себе, да и ще де-що свое.

104.

Ты книжки, що Вы прислали, Добродію, у мене есть, а нема въ мене только Козыръ-Дивки да Ганнуси. И вони въ мене есть, тилько скованы въ хутори, въ которому никому знайти ихъ. А якъ бы Вы прислали свій экземпляръ, то отъ Вамъ честне слово, що верну Вамъ старе изданіє або добувши де инде, або вернувшись на Україну зъ Блатенська.

За Чуприну и Чертоуса дуже Вамъ дякую. Выдно й теперъ трудно Вамъ добуть экземпляра, колы переписали. А я думавъ, що Вы теперъ хозяинъ у тому склади, що оставсь одъ 1848 году. Чы, може, рытца було бъ довго? Ну якъ бы не було, а спасыби, вельке спасыби!

Щыро прыхильный землякъ.

П. Кулишъ.

1857, Іюля 2.

106.

Насылу да на превелыку силу злишмы мы сяку-таку хатыну. Тутъ морока съ цензорамы, Добродію! Нахто читати не хоче. Колыбъ, каже по турецьки, або по чимецьки то читавъ бы, а то не знатъ по яківски! Да вже насылу знайшовсь добрацій чоловичокъ, що згодивсь нашу Хату читати. Ну, й тутъ же нашему брату безъ пени не миунлось. Якъ назначили Панина верховодомъ, цензоръ мій заразъ и штаны попустивъ до долу. Я бачу що прытьмомъ лыхо, да й закінчавъ посередъ книжки, а тобъ ще зовсімъ прышвидли! Посылаю жъ къ Вамъ Хату, яка есть; не погордуйте въ неї заглянуты.

Да ще отъ що, Добродію шановный Осыпу Максимовычу! Хоче одни землякъ выдавати Галлерею портретивъ українскихъ писателівъ, то й Вашъ портретъ сюди неодмінно треба виставити. Будьте ласковы, спасыби Вамъ, вишлить гарненку фотографию, да ще й інсульку, що Ви дозволяєте Данылу Семеновычу Каменецькому Вашу шановную парсуну напитографыровать отъ у такій-то колекції.

Шани мої, вкучи зо мною, кланяется Вамъ и Вашому любому подружью. Порывае насъ на Україну, да роспочавъ я словаръ українській, то й не знаю, чы не прыйдетца ажъ до май тутъ висидити.

Бувайтежъ здоровы да не забувайте щиро прыхильного и поважающего Васъ земляка

П. Кулиша. Спасыби за 4 книжку Чтеній!

1860, февр. 26, С.-Петербургъ.

110.

Высокоповажный Земляче
Осыпе Максимовычу!

Насылу я зибравсь, якъ убогий на кисиль, на книжечку, щобъ одячыты Вамъ за Ваши коштовны подарунки. Посылаю и автографъ Квитки. Незабаромъ побачымось, бо мы зъ Олександрою Михайловою вийздымо на літо до родичевъ. У конци березозоля рушымо.

Щиро прыхильный до Васъ землякъ П. Кулишъ.

1863, березоза? Блатенськъ.

112.

Осъ Вамъ, Высокоповажный Добродію, Осыпе Максымовычъ. чотыри Евангелыста. Таки ледачы люде Галычане, що зажерлы вси мои дружи, не дали мени ви шеляга выручки за ныхъ, а теперь не прыслалы и двохъ прымирныківъ, що хотивъ бувъ я подаруваты Вамъ та Румянцевському музееви. Нате жъ ось мій хатній прымирныкъ, а якъ дастъ Господь, що буду за граныцею, дахъ одныму въ кого не будь сыломиць ииши книжки, що подрукававъ колись про нужду галычанъ, та й надишлю Вамъ.

Посылаю жъ въ регуляцію Надхинськихъ спомыноў про запорозцівъ. Нехай бо таки исторычна крытыка не спыть, пидложывши підъ головы вси грамоты, днёвныкы, оловидання свідківъ и таке інше, що мы понапечатували.

Пани мои по малу одужуе, слухаючи соловьиного співу. Накупивъ я въ Іммера городнаго и квиткового насиеня, давъ вона й порається въ саду, а я соби довбаюсь то въ Вашихъ чтеніяхъ, то въ іишихъ душеполезныхъ книгахъ. Посылаемо обое обомъ Вамъ виезесеъкіи поклоны наши.

Щыро до Васъ прыхильный П. Кулишъ.

1877, апр. 22. Мотрововка.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Т. Г. Шевченко по воспоминаниямъ полковника Косырева.

Въ Русск. Вѣдом. за 1897 г. (№ 199) г. Б. Тагіевъ напечаталъ отрывокъ изъ воспоминаній полковника Е. М. Косырева о Шевченкѣ за время пребыванія его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. Приводимъ этотъ отрывокъ здѣсь, опуская начало статьи, принадлежащее г. Тагіеву. Лѣтомъ 1847 г. было закончено устройство начатое за годъ передъ тѣмъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря Ново-Петровское укрѣпленіе. „Въ это время я,—говоритъ Косыревъ,—находилъся въ составѣ гарнизона, воздвигавшаго это укрѣпленіе, и командовалъ сначала 1-ю, а потолъ 3-ю ротою 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ 1850 году, по окончаніи своихъ чертежныхъ работъ, изъ Оренбурга былъ присланъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе рядовой Тарасъ Шевченко и назначенъ въ 4-ю роту, которую командовалъ тогда штабсъ-капитанъ Лотаповъ, человѣкъ мало развитой и строгой. Призвавъ къ себѣ Шевченка, ротный командиръ обошелся съ нимъ очень круто.

— Ты, братецъ мой, за политическія дѣла попалъ въ солдаты?— спросилъ онъ.

— Да, за политическія,—ответилъ Шевченко.

— Не да, а точно такъ, ваше благородіе,—оправилъ его штабсъ-капитанъ.

— Точно такъ, ваше благородіе,—повторилъ Шевченко.

— Смотри ты у меня,—грозя пальцемъ, сказалъ ротный командиръ,—а не то я изъ тебя всю эту дурь повышибу. Стучай въ казармы и безъ моего разрѣшенія оттуда никуда,—прибавилъ онъ.

Въ казармахъ къ Шевченку былъ приставленъ дядька изъ солдатъ, который наблюдалъ за его поведеніемъ и обучалъ ружейнымъ приемамъ и маршировкѣ въ три темпа учебнымъ шагомъ. Трудно давалась Шевченку эта премудрость; физически былъ онъ слабъ и сто-

яль подъ ружьемъ, согнувшись въ три погибели¹⁾. Непривыкшій къ строевой службѣ, онъ началъ хранить отъ постоянныхъ ученій, а тутъ еще изъ корпуснаго штаба было получено секретное предписаніе не давать Шевченку возможности ни писать, ни рисовать. Оказалось, что за свое короткое пребываніе въ Оренбургѣ, послѣ аральской экспедиціи, онъ и тамъ успѣлъ накураlesить, рисуя карикатуры на высокопоставленныхъ лицъ. Къ счастью для него, Потаповъ былъ скоро переведенъ, и командиромъ роты назначенъ былъ я. Шевченко, отличавшійся всегда живымъ характеромъ, любившій побалагурить, очутившись въ такой узкой рамкѣ дисциплины того времени, засилъ. Я видѣлъ, что ни аресты, ни наказанія не приведутъ ни къ чему, что позывъ къ вину у Шевченка есть потребность его больной души. Я уговаривалъ его, говоря, что онъ сломитъ виномъ свое и безъ того некрѣпкое здоровье, но онъ всегда, во время нашихъ аудіенцій, стоялъ, понуря голову, и не возражалъ ни слова. Я видѣлъ близкую гибель этого человѣка и началъ дѣлать ему поблажки. Во-первыхъ, я разрѣшилъ ему имѣть бумагу и карандашъ, а также инструменты для ваянія изъ глины²⁾. Шевченко съ жадностью ухватился за эти искусства. Онъ рисовалъ портреты съ солдатъ и офицеровъ. Очень удачно изобразилъ меня карандашемъ на большомъ листѣ бумаги (хотя вообще портреты у него рѣдко удавались), а также лѣчили изъ глины разныя фигуры, которыхъ охотно распускались офицерами и солдатами нашего укрѣпленія. Помню двѣ такихъ фигуры: одна изображала Христа въ моментѣ, когда на него былъ надѣтъ терновый вѣнецъ; передъ Христомъ стоялъ жидъ на колѣнахъ, высунувъ языкъ, а внизу имѣлась надпись — «радуйся Царь Іудейскій». Другая группа представляла киргизскую кибитку, въ которой противъ двери сидѣлъ полунаагой киргизъ, въ конической съ загнутыми по бокамъ полями шапкѣ на головѣ, съ небольшой бородкой, улыбающейся физіономіей, играющій на домбрѣ (балалайкѣ); снаружи кибитки противъ двери, лицемъ къ киргизу, была представлена его жена, съ смѣющимся лицомъ и толкующая въ деревянной ступѣ деревяннымъ же честомъ просо, а около нея на землѣ — двое нагихъ дѣтей, играющихъ съ котенкомъ. Шевченко отлилъ изъ гипса много этихъ группъ, которыми и надѣлилъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Послѣдовав-

¹⁾ Шевченко былъ мѣромъ въ 2 арш. 3¹/₄ верш. и значился по ранжирному списку 2-й роты 191-мъ рядовымъ (въ 1849 г.).

²⁾ Впослѣдствіи это было разрѣшено и высшимъ начальствомъ.

брали охотниче «Царя Иудейского». Офицеры платили за группу по рублю, а некоторые и больше. Кроме того, Тарась Григорьевичъ писалъ стихи и любилъ распѣвать малорусскія пѣсни, особенно «Дуютъ витры».

Мало-по-малу общество офицеровъ приближало къ себѣ штрафованного художника-поэта, и вскорѣ Шевченко былъ уже полноправнымъ членомъ чашего небольшого общества. Страсть къ пину однако не покидала его. Нѣтъ-нѣть, да и напьется бывало до положенія ризъ. Цянство часто вредило ему и по службѣ, и нерѣдко мнѣ праходилось выдергивать его подъ арестомъ. Однажды онъ въ нетрезвомъ видѣ зашелъ въ офицерскую комнату, гдѣ собралось довольно много молодежи. Ему предложили выпить и закусить, отъ чего онъ не отказался, а вскорѣ его уже нашли спящимъ на диванѣ. «Господи! Шевченко умеръ», крикнулъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.—Спящаго обступила толпа, а онъ неистово хранилъ и свистѣль носомъ. Молодежь обрадовалась, что представился случай немного пошкольничать и тутъ же выкинула шутку надъ сияющимъ поэтомъ. Снали они дверь съ петель, положили на нее Шевченка и понесли вокругъ своей квартиры, напѣвая: «Святый Боже, Святый Кръпкій». Услышавъ пѣніе, я вышелъ изъ своей комнаты и, увидѣвъ странное шествіе, спросилъ, чѣмъ это такое.

— Шевченка хоронимъ,—съ хохотомъ отвѣчали мпѣ офицеры.

Конечно я, какъ начальникъ, приказалъ имъ оставить свою выходку и на той же двери отнести Шевченка въ казармы и сдать его дежурному по батальону. Поутру Шевченко былъ посаженъ подъ арестъ на сутки, а офицеры отдежурили безъ очереди по гарнизону и по работамъ.

Какъ человѣкъ образованный и хороший разсказчикъ, Шевченко былъ всегда желаннымъ гостемъ, и его приглашали какъ семейные, такъ и холостые. По мѣстному обыкновенію, тогда, преимущественно въ воскресные дни, устраивали или завтракъ въ 12 ч. дня, или вечернюю закуску часовъ въ 9. Когда приходилъ Шевченко, за имъ строго слѣдили, сколько рюмокъ водки онъ выпьетъ. Послѣ третьей рюмки семейные обыкновенно выпроваживали его въ казармы, а холостые—послѣ четвертой или пятой. Сообразно съ количествомъ выпитыхъ рюмокъ, у Шевченка проявлялась страсть къ анекдотамъ и рассказамъ, которые постепенно доходили до того, что нужно было затыкать уши. Шевченко впрочемъ былъ скучъ и поэтому никогда не расходовалъ на водку своихъ денегъ, а выпивалъ болѣе при слушаяхъ.

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи находился тогда отъ акціз-наго откуша отставной чиновникъ 14-го класса Зигмунтовскій, человѣкъ лѣтъ 70-ти, но еще здоровый и бодрый, съ женою своею, пятидесятилѣтней здоровой бабой. Еще въ нижнихъ чинахъ Зигмунтовскій служилъ въ какомъ-то гусарскомъ полку и былъ въ походахъ съ княземъ Суворовымъ за Балканами; по окончаніи же походовъ вышелъ въ отставку съ чиномъ 14-го класса, долго жилъ въ Бессарабіи и затѣмъ, съ занятіемъ укрѣпленія, перебрался къ намъ и занялся торговымъ дѣломъ. Зигмунтовскій ужасно любилъ тѣхъ людей, которые внимательно выслушивали его рассказы о походахъ, и готовъ былъ рассказывать днями и ночами, привирая при этомъ немило-сердно. Въ это время хозяйка дома выносила большой подносъ съ винами и разными закусками, при видѣ которыхъ рассказчики воодушевлялись. Шевченко, когда некуда было болѣе дѣваться, любилъ заходить въ «спиртомору» (такъ солдаты называли Зигмунтовскаго, потому что, при отпускѣ спирта въ команды, онъ показывалъ крѣпость его спиртометромъ Траллеса) послушать его рассказы, а главное—хорошенько выпить и закусить. Вотъ онъ и отправляется бывало къ отставному гусару.

— Здравствуйте, добрѣйшій мой Константина Николаевичъ и многоуважаемая Софья Самойловна,—привѣтствуетъ онъ хозяевъ,—какъ ваше драгоцѣнное здоровье, какъ живете-можете?

— Ахъ, бездѣнныи нашъ Тарасъ Григорьевичъ, живемъ мы, слава Богу, помаленьку, вашици усердными молитвами. Какимъ васъ это вѣтромъ занесло къ намъ? Ну, очень, очень рады, просимъ милости садиться, дорогой нашъ гость, побесѣдуемъ о чёмъ, а то намъ скучно однимъ-то со старухой!

Гость и хозяинъ садятся на диванъ, за круглый столъ, а хозяйка идетъ собирать закуску. Вотъ тутъ-то и начинаются мало-по-малу безконечные рассказы о походахъ, о Балканахъ, о Бессарабіи и т. д. Разъ Зигмунтовскій дошелъ до того, что сталъ рассказывать, будто въ Бессарабіи родится такие громадные огурцы, что бывало разрѣжетъ солдатъ пополамъ огурецъ и изъ одной половины дѣлаетъ лодку, а изъ другой два весла, сидѣть и переплыvаетъ черезъ Дунай на другую сторону.

— Это что за диковину вы рассказываете, Константина Николаевичъ,—прервала рассказчика Шевченко,—а вотъ когда я служилъ на Раймѣ, такъ видѣлъ рѣку Сыръ-Дарью; вы не повѣрите, какая она рыбная. Рыба вся почти поверху плаваетъ; бывало захочешь от-

правиться на другую сторону реки и прямо перебрасешь по рыбь. Одной ногой встанешь на сома, другой на осетра, а потом на сазана, судака, усача; а иногда такъ случится, что большая рыба и сама догадается, перевезетъ,—смотряшь, и переправился; стоишь на берегу и любуешься на эту рыбную реку.

Понялъ хозяинъ насыпшку, обидѣлся немногого, но скоро успокоился и примирился. А между тѣмъ бутылки пусты, и гость, покачиваясь и напѣвая «Віють витры», тащится въ казармы.

Помню, въ 1851 г. приѣхалъ въ укрѣпленіе инженеръ, прaporщикъ Добровольскій, игравшій на флейтѣ. Съ помощью его у насъ состоялся оркестръ музыки. Я игралъ на скрипкѣ пріма, прaporщикъ Сергеевъ—секунду, а Гарликъ одинъ вечеръ на контрабасѣ, другой — на кларнетѣ. Къ святкамъ у насъ состоялся и театръ: играли комедію Островскаго «Свои люди сочтены». Подкалюзина игралъ я, женскія роли—молодые прaporщики, а Ризположенскаго — Тарасъ Шевченко. Онъ гдѣ-то досталъ себѣ шаровары горохового цвета, синій старенький, немного узкій ему фракъ, измятую поноженную шляпенку и намалевалъ себѣ красками лицо, такъ что весьма походилъ на приказанаго, идущаго въ питейное заведеніе опохмѣлиться. Роли были всѣми твердо выучены, и комедія сошла недурно. Шевченко же положительно потѣшалъ своею ролью, особенно въ сценѣ, когда онъ спрашивалъ Аграфену Кондратьевну относительно Огурчикова и говорилъ: «Это у васъ водочка? — я рюмочку выпью!» По окончаніи спектакля комендантъ, подполковникъ Маевскій, угостилъ все общество, какъ актеровъ, такъ и зрителей, великолѣпныи ужиномъ, передъ которымъ устроились еще танцы. Шевченко попросилъ въ это время музыкантовъ сыграть трепака, а самъ, переодѣвшись хокломъ, сталъ отплясывать малороссійскій танецъ. Плясалъ онъ свободно и весьма потѣшилъ, такъ что по требованію публики долженъ былъ повторить нѣсколько разъ. По общей просьбѣ спектакль былъ данъ вторично, а затѣмъ его повторили еще два раза для нижнихъ чиновъ. Послѣднимъ онъ такъ понравился, что нѣкоторые изъ нихъ сами стали пробовать, и въ средѣ ихъ нашлись скоро толковые актеры, которые уже на слѣдующей масленицѣ стали играть комедіи и водевили. И съ этого времени театръ у насъ не переводился.

Припоминаю еще,—это было уже годъ или два спустя. Комендантъ укрѣпленія полковникъ У., большой любитель охоты, собралъ разъ цѣлую компанію и отправился за нѣсколько верстъ, захвативъ

съ собою и Шевченко. Выѣхали мы на берегъ моря, сопровождаемые козачьимъ конвоемъ,—время тогда было небезопасное; киргизы только и ждали случая начать на русскихъ. Проѣхавъ верстъ 15, мы выѣхали въ уроцище Лбаше (мысь, выдающійся съ сѣверовосточнаго берега Каспійскаго моря), съ котораго видны острова Кулялинскій и Каинный. Видъ былъ очень живописный. Море широкою гладью своихъ водъ разстилалось, какъ ровная скатерть, на необозримое пространство. Два смерча неудалѣкъ отъ насъ казались подижающими небо и то расходились, то приближались одинъ къ другому. Спустившись къ морю, мы оставили лошадей и экипажи и засѣли въ ожиданіи перелета. Тарасъ Шевченко, отойдя отъ нашего лагеря, гдѣ приготовился ужинъ, шаговъ на 15, сѣлъ на камень, досталъ бумагу и карандашъ изъ портфеля и началъ рисовать красивый видъ на морѣ. Огромная соломенная шляпа, сплетенная имъ самимъ изъ морскихъ водорослей, была нахлобучена сильно на носъ и скрывала его лицо. Около остатковъ разрушенной туркменской крѣпости мы ожидали добычи, а многіе разбрелись въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы къ вечеру всѣмъ собраться въ назначенное мѣсто. Въ 6 часовъ мы стали собираться, и когда я спускался съ горы, то видѣлъ Шевченко въ томъ же положеніи съ нахлобученной шляпой и опущенной головой. Увлеченные рассказами объ охотѣ и хвастаясь своими трофеями, мы однако совершенно позабыли про Шевченко, который все не приходилъ. Между тѣмъ шашлыкъ былъ готовъ, запахъ жареной баранины пріятно щекоталъ носъ, а рюмка водочки соблазнительнымъ миражемъ уже рисовалась въ нашемъ воображеніи.

Каково же было наше удивленіе, когда три бутылки водки оказались порожними, а бутылка спирта, захваченная для козаковъ, оказалась тоже почти пустою. Тутъ мы вспомнили о Шевченко. «Ужъ не онъ ли все это выпилъ?»—спросилъ полковникъ.

— «Да его бы разорвало отъ такой дозы»,—замѣтилъ кто-то. Въ сопровожденіи коменданта, мы отправились посмотрѣть, что дѣлаеть нашъ художникъ. Онъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи и крѣпко спалъ, опустивъ голову на колѣни. Около него валялся прекрасно исполненный рисунокъ Каспійскаго моря съ двумя смерчами. Запахъ водки такъ и разносился вокругъ спящаго. Мы стали будить его, но онъ цвавился на землю и только мычалъ, но не проснулся,—очевидно, что онъ былъ мертвѣцки пьянъ.

Тогда козакамъ приказано было взять его, положить на арбу и отливать водою, но и это не помогло. Шевченко не проснулся до

самаго укрѣпленія. Эта продѣлка не прошла ему даромъ; онъ былъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ съ исполненіемъ караульной службы. Послѣ этого случая онъ долго не пилъ и написалъ на малорусскомъ языке большое меланхолическое стихотвореніе.

Въ 1856 году я выпросилъ себѣ смѣну и отправился въ Уральскъ, гдѣ и пробылъ до весны 1857 года, когда возвратился опять въ Ново-Петровское укрѣпленіе, такъ какъ маіоръ Л., смѣнившій меня, умеръ, и мнѣ было приказано снова вступить въ завѣдываніе двумя ротами.

По возвращеніи я засталъ Шевченка въ добромъ здоровьѣ и уже бросившимъ пить. Въ слѣдующемъ же 1857-году Шевченко получилъ Высочайше дарованное прощеніе и уволился отъ службы. Въ концѣ августа того же года онъ былъ отправленъ на почтовой лодкѣ въ Гурьевъ Городокъ для препровожденія оттуда сухимъ путемъ въ г. Уральскъ къ баталіонному штабу, откуда, по окончательномъ увольненіи, и выѣхалъ въ Кіевъ (назначенный ему для пребыванія) 8-го сентября 1857 года. Съ тѣхъ поръ я его больше не видалъ, О немъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ и показывалъ письма, хлопотала одна графиня, благодаря которой онъ и получилъ прощеніе.

О памятникѣ Шевченку. Въ одномъ изъ январскихъ номеровъ (14) С.-Петербургскихъ Вѣдомостей М. И. Корниловичъ возбуждаетъ вопросъ о памятникѣ Шевченку. Вотъ что онъ говоритъ по этому предмету: „Едва-ли кто-либо изъ нашихъ поэтовъ, говорить г. Корниловичъ, имѣлъ столь печальную судьбу, какъ знаменитый пѣвецъ Украины. Всѣмъ известно, какъ неудачно сложилась его жизнь. Только любовь къ народу и его исторія вдохновляли поэта на образы свѣтлого; что же касается его личной житейской обстановки, его внутренней жизни, то въ этомъ не было ничего отраднаго. Жизнь пришла и прошла, полная страданій и несбыточныхъ надеждъ. Кто не знаетъ, какъ страстно поэтъ, сынъ народа, любилъ свой народъ, и съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ освобожденія его отъ вѣкового рабства! Но злой рокъ не далъ ему и этого утѣшения: только недѣлю Шевченко не дождался радостнаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ...“

Какъ печально читать ежегодно появляющіеся ко дню годовщины поэта призывы помочь бѣдствующимъ его родственникамъ! Съ этой стороны наше общество нужно прямо упрекнуть въ недостаткѣ вниманія къ памяти великаго поэта. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы общество не знало или забыло про Шевченка. Напротивъ, его всѣ знаютъ и читаютъ, ибо онъ—не только поэтъ малорусскій, но и общерусскій. Въ послѣднее время даже вышло въ продажу дешевое и вполнѣ общедоступное изданіе его сочиненій. Такимъ образомъ, мы читаемъ Шевченка, мы увлекаемся и вдохновляемся красотами его поэзіи, но мы скучны на то, чтобы сдѣлать что-либо для памяти поэта.

Однако, кромѣ общей всѣмъ намъ слабости—отсутствія общественной иниціативы и самодѣятельности, тутъ имѣли мѣсто и разныя другія причины. Недалеко еще то время, когда о Шевченкѣ избѣгали говорить въ печати, публично: поэтъ, очевидно, былъ на дурномъ счету. Слава Богу! теперь уже это время миновало, и нынѣ не слышно болѣе криковъ о возможности Запорожской Сѣчи.

Мнѣ думается, что именно теперь насталъ удобный моментъ сдѣлать что-либо для памяти поэта, и обществу слѣдуетъ серьезно подумать объ этомъ.

Намъ нужно взять примѣръ съ поляковъ, которые, пользуясь такимъ моментомъ, строятъ памятникъ Мицкевичу. Такимъ дѣломъ должна быть, безъ сомнѣнія, постановка памятника и нашему поэту и устройство бѣдствующихъ его родственниковъ. Не мѣшаетъ вспомнить, что въ настоящее время строится памятникъ другому украинскому писателю, Котляревскому, творцу „Энеиды“.

„Кобзарь“ Шевченка представляетъ собою самое лучшее и естественное дополненіе къ твореніямъ великаго автора „Мертвыхъ душъ“...

Думается, что дѣйствительно настала уже пора для того, чтобы просить о разрѣшеніи подписки на памятникъ Шевченку. Дѣло скоро пойти не можетъ, что мы видимъ на памятникъ Гоголя. Слѣдовательно, пройдутъ многіе годы, пока можно будетъ собрать достаточный капиталъ.

Похороны запорожца въ 1772 году. Предлагаемый здѣсь разсказъ принадлежитъ маститому историку Запорожья Аполлону Александровичу Скальковскому и напечатанъ имъ ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ¹⁾). Рассказъ основанъ, какъ говорить авторъ, „на рапортѣ за номеромъ и печатью одного козачьаго полковника“. Перепечатывается онъ здѣсь безъ всякихъ измѣненій.

„Это было въ 1772 году. Посланный въ Ново-Сербію узнать, что сдѣлялось съ больнымъ, храбрымъ въ битвахъ и усерднымъ къ службѣ атаманомъ куреннымъ, который, жестоко раненный при взятии турецкаго корабля подъ Кинбурномъ, отправился въ Добрянку, роту (селеніе) Молдавскаго гусарскаго полка²⁾, къ одной бѣдной вдовѣ-дѣячихъ, чтобы воспользоваться „зناхарствомъ“ во всѣхъ вообще болѣзняхъ. Пріѣхавъ въ селеніе, говорить полковникъ, я отыскалъ бѣдную избу лекарки и нашелъ тамъ большое собраниe. Хозяйка въ слезахъ сидѣла въ углу своей свѣтлицы подъ образами и подчиваля водкою, не смотря на крайнюю бѣдность, добрыхъ со-сѣдей—посѣтителей „за упокой души умершаго“. На дубовой лавѣ, головою къ иконѣ Покрова Богородицы, лежалъ въ полномъ козачьемъ боевомъ нарядѣ, въ юпкѣ, кизанкѣ и кунтуши, запорожскій витязь; его пика стояла съ одной, а ружье съ другой стороны гроба, бурка накинута была на ноги, шапка съ сѣрою оборкою и алымъ бархатнымъ мѣшкомъ лежала на груди его. Дѣячокъ читалъ апостольскія посланія. Вскорѣ явился священникъ изъ Никольской церкви, покойника положили въ „домовину“ (гробъ), покрыли сѣрою намиткою (родъ кисеи) вмѣсто парчи, и поселяне чинно понесли его въ церковь; добрый конь, снаряженный какъ бы къ бою, съ сѣдломъ, пистолетами „въ кобурахъ“ и съ клубками (вьюками), понуривъ голову, шелъ назади за гробомъ; его вель вѣрный молодицѣ Карпо, весь обворванный, и горько плакалъ; въ промежуткахъ церковнаго пѣнія онъ, обтирая слезы рукавомъ, всхлипывалъ и напѣвалъ:

„И взявъ мій панъ соби дружиночку
Высокую могилочку“.

¹⁾ Русск. Извѣстіе 1847 г. № 32.

²⁾ Нынѣшня сѣверная часть Херсонской губерніи состояла изъ ротъ или селеній: Молдавскаго, Чернаго и Желтаго и Гусарскихъ и Елизаветградскаго Пиннерскаго полковъ.

На гробѣ, рядомъ съ саблею, козачьему шапкою и пикою, положила старуха и барвинковый вѣнокъ въ знакъ его цѣломудрія, что то былъ *малоецз* (*celibataire*), а не посполитый козакъ. Пара воловъ шла позади и везла бѣлый, каменный, чисто полированный крестъ съ изображеніемъ муки Спасителя и приличною надписью:

„Здѣ почиваетъ—Рабъ Божій Григорій Покотило, знатный товарищъ войска Запорожскаго Низового и куреня Кущовскаго. Преставися року 1772 Іюль 4-го дня.

Этотъ могильный памятникъ добрый козакъ „справлялъ“ себѣ еще при жизни, ибо послѣ его кончины некому было бы его упокоить; отецъ и мать вѣрно давно уже померли, а сестры у него не было на свѣтѣ¹⁾. Принесли гробъ въ церковь, отслужили панихиду и тѣмъ же чиномъ понесли на кладбище.

Когда козака положили въ яму и при трогательномъ напѣвѣ „вѣчная память“, блогочестивые гусары и посполитые люди мигомъ насыпали высокую могилу и тутъ же вкопали крестъ, на память потомства о рыцарь-покойнике, старая хояйка попросила „какъ слѣдовало“ панъ-отца священника съ клиромъ и добрыхъ людей сосѣдей откушать „за упокой его души“. Пошли гости въ хату, кто какъ могъ помѣстился за столомъ, кто на лавкѣ, кто около печи (хотя и такъ уже было жарко); только хояйка и добрый цюра (слуга, хлоенецъ) покойника ничего не ъли, глотая слезы вмѣсто хлѣба. Поблагословивъ яства и выпивъ рюмку водки, панъ-отецъ откашлялся, погладилъ лысину и сѣдую бороду и сказалъ собранію:

„Панове братья, добры молодцы! покойный Данило, дай Богъ ему царство небесное, былъ человѣкъ добрый, козакъ храбрый, но уже старый; родился онъ въ Польшѣ, гдѣ и отъ кого—никто не знаетъ, и онъ никогда и никому о томъ не говорилъ. Кажется, отъ рода шляхетскаго, бо долго червонный, китайчатый жупанъ, совсѣмъ уже старый и поношенный, хранилъ онъ въ скрыни, и только на „великъ день“ (св. воскресенье) и у причастія подъ

¹⁾ Одинъ только памятникъ, поставленный отцомъ, нашли мы на гробахъ Запорожцевъ. Онъ стоитъ въ с. Гирлахъ (Херсонской губерніи и уѣзда) надъ Днѣпромъ, принадлежащемъ князю М. С. Воронцову. На крестѣ съ одной стороны надпись: „Здѣ почиваетъ рабъ Божій, козакъ куреня Рогивскаго, Данило Харченко, преставися року 1762 года Марта 2. Съ другой же стороны эти краткія, во горькія слова: „стараниемъ Харька стараго, батька его, постановленъ 1763 года, ибо весьма горько отцу пережить свое дитя.“

„мундуромъ“ надѣвалъ его. А красный жупанъ, панове, вы знаете, есть одежа роду шляхетскаго. Покойный сказывалъ, что когда ему было 3 или 4 года, онъ сидѣлъ однажды на печкѣ и игралъ съ котенятами, какъ крикъ „пожаръ! гайдамаки!“ наполнилъ хату, а въ скорости и все селеніе; какая-то пани, видно его мать, схватила его на руки, закутала въ червоный жупанъ и побѣжала въ лѣсъ, но на дорогѣ какой-то человѣкъ догналъ ее, ударилъ топоромъ, повергъ на землю; съ матерью и Данило упалъ тоже, облитый ея кровью и защищенный ея трупомъ. Она такъ сильно схватила его руками, что покойный, 60 почти лѣтъ жившій послѣ этого несчастія, все еще, казалось ему, чувствовалъ эти предсмертныя объятія и прощеніе матери. Упокой Господи, ихъ души! Чтосталось послѣ? онъ не знаетъ. Помнить только, что какой-то выстрѣль раздался надъ его головою, и онъ обомлѣлъ отъ страха; когда же пришелъ въ себя, онъ былъ на лошади и на рукахъ у кого-то. Старый ко-закъ крѣпко прижалъ его къ груди, скакалъ что ни было мочи, приговаривая: „не бейся хлопче, я тато“ (отецъ). Добѣжалъ до какой-то воды, онъ остановился и крикнулъ громко: пугу! пугу! Какіе-то люди отзвались съ другой стороны. Козакъбросился съ лошадью въ воду. Данило опять обмеръ и очутился на буркѣ, въ большой избѣ, какъ послѣ оказалось, въ куренѣ Кущевскомъ, куда панъ Иванъ Завадовскій, куренной атаманъ, его спаситель, привезъ его и посвятилъ „славному Запорожу“. Зная, что онъ латининъ (да проститъ имъ Богъ ихъ заблужденіе!), добрый атаманъ миропомазаль его въ церкви чрезъ отца Вениамина. Панъ судья и панъ бывшій асаулъ были крестными батьками, а мать Сѣчъ-Запорожская была кумою. Такъ прошла его молодость. За службу царскую и войсковую зробили его атаманомъ куренныемъ; въ походѣ на Турка командовалъ онъ на лодкѣ своего куреня; а съ паномъ Аѳанасиемъ (Колпакомъ) подъ Кимбурномъ взялъ онъ турецкую судину; но тамъ дважды пострѣленъ: одна куля попала въ ногу, но ту за-живила наша старая Оксана (це плачь, матко, и мы туда пойдемъ, куда пошелъ панъ Данило). Панове! дай Богъ ему царство небесное! И выпили. „Другая куля, чортъ бы ее побралъ (Господи, прости мое поганое слово!), попала прямо въ грудь козацкую. Данило былъ уже 7-го десятка, куля не свой братъ-атаманъ,—кулакомъ не выбѣшь. Оксана робила, что могла, но пришла смерть, хватъ косою, и атамана нема якъ небувало. Смерть, панове, никого не розбирає. Что Богъ повелѣлъ, то и будетъ.“

„Но панове! Данило быль козацъ щирый и добрый, жилъ и умеръ христіаниномъ и православнымъ, какъ слѣдовало. Хоть часомъ и поколотиль Ляшка, хоть одуриль Жида або Татарина,—ну, это дѣло нехорошее, но бѣда не велика, это нехристъ, и они не разъ добрыхъ христіанъ обижали, да онъ и покаялся, болѣль крѣпко, молился усердно, защищаль Церковь Божію отъ бесурмановъ и уніатовъ, Богъ простить его грѣхи. Чего и вамъ, панове, доброе желаю.

„Вотъ я говорю вамъ, что онъ козацъ быль добрый и честно окончилъ свою жизнь. У него было 20 рублей денегъ; онъ подаровалъ ихъ на войско, и я прошу васъ, пане атамане громадскій, послать ихъ съ добрымъ человѣкомъ, чтобы кто-нибудь изъ васъ, панове гусары (Молдавскаго полка), ихъ не отнялъ“. (Всѣ улыбнулись и еще хватили горѣлки). „Да оставилъ 9 руб. на похороны, и вы видѣли—мы его похоронили честно; да оставилъ коня съ сѣдломъ на церковь, другого коня на мою долю; да оставилъ жупанъ свой красный, то мы его и похоронили въ немъ, бо онъ быль роду шляхетскаго человѣкъ, а серебряную икону и 1 руб. денегъ подаровалъ пани Оксанѣ за то, что его недѣли съ 4 лечила и кормила; да пани Оксана, хоть часто и безъ хлѣба бывае, а только иконку взяла и носить, а гроши дала намъ вотъ на эту страву, чтобы ему легко было успокоиться; ну, доброе и это дѣло, хоть и лишнее, панове, для такой бѣдной женщины. А третю клячу и рушницу и кантанъ и бурку подаровалъ своему Карпу—молодику и принялъ его въ свой курень, да оставилъ ему 80 коп. денегъ. Да Карпо такой же дурень, какъ и Оксана, бурку и одежду взялъ, а гроши,—отъ подывитесь, панове, въ оконечко, отъ собралъ нишую братью, калѣкъ та бабъ, да и задаль имъ трапезу; ну, хлопче, вотъ и вамъ наше благословеніе. Хоть ты и оборвался немнога на службѣ, та въ куренѣ тебя поодѣнутъ. Тамъ, кажутъ, на Запорожья, карбованцы решетомъ мѣрятъ, а гуси печеные сами съ земли выростаютъ. Ну, панове! отъ и борщъ кажись наливаютъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!“

Всѣ сказали: аминь! и начали усердно кушать, какъ бы Данила-атамана никогда не бывало ни живаго, ни мертваго; только Оксана около печи—то подаетъ страву, то плачетъ, приговаривая: „барвиночку мій! сыночку мій! лебедочку мій!“ а тому сыночку было 10 лѣтъ больше, нежели Оксанѣ. Только вѣрный цюра не ёсть и не пьеть, а кормить нищихъ, да поетъ подъ окномъ:

„Ой гуси мои, гусинята!
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батенька...“

И при этомъ словѣ цалуетъ свое ружье, словно покойнаго пана атамана, и плачетъ...

Не думайте, читатели, чтобы я выдумалъ это событие; я только прибавилъ два, три слова; все взялъ изъ официальной бумаги за № и большою печатью и внизу подписанной: „*Полковник Исаак Мандро съ старшиною и товариствомъ*“. Не правда-ли, сколько тутъ поэзии; и въ юности доброго козака, и въ его духовной, и въ самоотверженности старухи „знахарки“, почти ежедневно терпящей отъ голода, и върнаго слуги, оборваннаго и бѣднаго, безъ рода и племени, „какъ всѣ молодики“, и уже раздѣлявшаго послѣднее добро съ толпою нищихъ и калѣкъ, своихъ братій по страданію!¹⁾

Воспоминанія подольского старожила о временахъ крѣпостного права. Нигдѣ въ Россіи крѣпостное состояніе не было такъ мучительно-тяжело для крестьянъ, какъ въ юго-западномъ (и сѣверо-западномъ) краѣ. Въ остальной Малороссіи, какъ и въ Великой-Россіи, помѣщика и крестьянина объединяло единство вѣры и національности, и сознаніе этого единства, хотя до извѣстной степени, смягчало ихъ взаимныя отношенія. Не то было въ юго-западныхъ губерніяхъ. Здѣсь «панъ» и подвластный ему «хлонъ» были крайними полюсами, представлявшими двѣ исконо-враждовавшія между собою народности, религіи и культуры. Здѣсь четыре съ половиною миллиона сельскаго населенія, испоконъ-вѣка русскаго и православнаго, принадлежавшаго, и по старому историческому праву, и по только-что совершившемуся (въ концѣ XVIII ст.) факту завоеванія, къ племени коренному, господствующему, къ племени побѣдителей,—въ силу крѣпостного права закрѣпощены были въ подданство сравнительно ничтожному по числу сословію иновѣрцевъ и инородцевъ, которое и *de jure* и *de facto* принадлежало къ племени пришлому и побѣжденному. Эта масса сельскаго населенія по старой памяти, еще до временъ Хмельницкаго и Железняка, питала непримиримую вражду къ сво-

¹⁾ Отрывокъ изъ посмертныхъ распоряженій Григорія Шекотила напечатанъ въ Истор. Нов. Сѣчи, 1846 г., т. 1, стр. 198.

имъ помѣщикамъ-полькамъ, и во время мятежа 1831 года многие крестьяне, какъ и въ мятежъ 1863 года, усерднѣйшимъ образомъ хватали и передавали въ руки начальства своихъ пановъ, руководимые, кромѣ вѣковой ненависти, надеждами на выходъ изъ своего безотрадного положенія. Но надежды не сбылись, а за усердіе пришлось бѣднякамъ дорого поплатиться. Имѣнія замѣшанныхъ въ мятежѣ и осужденныхъ перешли или къ ихъ родичамъ, или, конфискованные въ казну, были сдаваемы въ арендное содержаніе тѣмъ же полякамъ-шихтичамъ, которые, опираясь на полицейскую и судебную власти, находившіяся въ рукахъ чиновниковъ, по большей части ихъ же «родаковъ», постарались теперь воздать сторицю «хлопамъ» за недавнія услуги. Руководясь, кромѣ мщенія, принципами крѣпостной политической экономіи, помѣщики и арендаторы видѣли въ усиленіи панщини и повинностей всякаго рода вѣрный источникъ для поправленія состоянія, потрясенаго мятежемъ. Съ этого именно времени въ архивахъ мѣстнаго управлѣнія накапливается огромная масса дѣлъ о всевозможнаго рода притѣсненіяхъ крестьянъ; эти дѣла еще ждутъ своего историка. Въ нихъ сплошь и рядомъ живыми красками рисуются такія потрясающія картины безчеловѣчныхъ жестокостей и неимовѣрныхъ страданій, что встревоженная мысль читателя невольно переносится ко временамъ христіанскихъ мучениковъ... Чтобы сколько-нибудь оградить крестьянъ отъ этого дикаго пропзыва со стороны рабовладѣльцевъ, генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ ввелъ въ 1847 г. известныя *инвентарные* правила, которыми точно опредѣлялись крестьянскія повинности и число рабочихъ дней. Но опытъ показалъ, что и эта мѣра (противъ которой въ свое время такъ энергично протестовали помѣщики) мало облегчила положеніе крестьянъ: съ одной стороны, за исполненіемъ инвентарныхъ правилъ должны были слѣдить главнымъ образомъ предводители дворянства (поляки-помѣщики) и затѣмъ все тѣ же малонадежные полицейскіе чиновники; а съ другой—владѣльцы и ихъ управители, лишенные прежнаго права пользоваться крестьянскимъ трудомъ въ теченіе всей недѣли, остроумно перевели *поденкую* барщину на *урочную*, что косвенно дозволалось и инвентарными правилами. Къ какимъ невыгоднымъ для крестьянъ результатамъ приводила эта *урочная* система—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ «Воспоминанія» подольского старожила, протоіерея Н. Михневича, помѣщена въ «Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» 1890 года. Достойно вниманія, что воспоминанія о. Михневича близайшимъ образомъ

относятся къ имѣніямъ русскаго вельможи графа Гудовича; между тѣмъ оказывается, что въ экономіяхъ этого столичнаго предводителя дворянства вся администрація была исключительно польская, и крестьянамъ въ его имѣніяхъ жилось ничуть не легче, чѣмъ въ польскихъ помѣстьяхъ. Такъ было и въ казенныхъ имѣніяхъ, сдававшихся въ аренду все той же польской шляхтѣ.

«Когда я сталъ пастыремъ словеснаго стада (рассказываетъ о. Михневичъ, принявшій священство въ 1839 году), крѣпостное право проходило три стадіи: 1) древнее крѣпостное право, безъ всякаго права для крестьянина; 2) урочное время съ 1847 года¹⁾, когда для отбыванія барщины назначались уроки, и наконецъ 3) временно-обязательная барщина въ 1861 году, когда крестьяне обязаны были, послѣ объявленія имъ свободы, еще нѣсколько лѣтъ отбывать барщину помѣщикамъ. Самое тяжелое для крестьянъ время—это были уроки. Наступала косовица, и на одного действительного косаря отмѣривались пocosы и на его жену, и на дѣтей, если они уже ходили на паничину. Во время жнивъ было то же, и не разъ случалось видѣть, что на двухъ-трехъ десатинахъ, отмѣренныхъ, какъ уроки, для всѣхъ лицъ семьи, жнетъ одна душа, мужъ или жена; съ понедѣльника до субботы они не кончали работы, а съ понедѣльника назначались уже новые уроки. На себя работали люди только по ночамъ, и Богъ вѣдаетъ, какъ выдерживала ихъ натура этотъ сверхъ-человѣческій трудъ. Но особенно трудна была молотьба. У крестьянина жена и двое дѣтей, отбывающихъ барщину, положенную на четыре души,—экономъ выбрасываетъ по 3 копы, такъ какъ всякая душа должна была отбывать въ нелѣло три урока, и бѣдный мужикъ цѣлый день первый только носить изъ скирды 12 копъ въ свой стожокъ и затѣмъ молотитъ и молотить, а если до субботы не кончить своихъ уроковъ, то его молотятъ... Я жаль въ имѣніи графа Гудовича, бывшаго 13 лѣтъ московскимъ предводителемъ дворянства. Богатство и связи огромны! Могъ ли быть противъ такого лица какой-нибудь протестъ со стороны крестьянства? Все молчало и терпѣло. Всѣ служащія лица въ экономіи графа Гудовича, отъ управляющаго до послѣднаго конюха,—все было польское; о русскомъ языкѣ не было и помину. Полиція получала отъ экономіи значительную

¹⁾ Въ „Под. Еп. Вѣдомостяхъ“, откуда мы цитируемъ (Прибавленіе къ № 17 1890 г.), напечатано „въ 1842 году“. Полагаемъ, что это опечатка, такъ какъ по всему видно, что рѣчь идетъ объ инвентарѣ 1847 года.

субсидію, но и безъ того она не смѣла рта разинуть, боясь за свое существование и служебное положение. А что же духовенство? Предъ польскими властями оно было бесильно. Когда священникъ просилъ эконома за какого-нибудь крестьянина, то экономъ, приступая къ экзекуції, говорилъ: «Я думавъ тоби даты 25 ризокъ, але ты скаржыўся попови, то я дамъ теби 50», и слова приводились въ дѣйствіе. Былъ случай въ с. Великой-Вербкѣ, гдѣ я жилъ, что крестьянинъ чѣмъ-то оскорбилъ эконома; тотъ послалъ за нимъ двухъ десятскихъ. Когда они вели его около пруда, несчастный, предчувствуя муки, вырвался изъ рукъ провожавшихъ, бросился въ прудъ и утонулъ. На другой день вытащили трупъ, и онъ три дня лежалъ на берегу пруда. Плачъ жены и дѣтей погибшаго возбуждалъ жалость въ крестьянахъ, и они тоже плакали. Наконецъ пріѣхала полиція и безмолвно дала мнѣ предписаніе: крестьянина, «неосторожно утонувшаго», предать землѣ по христіанскому обряду. Во время лежанія трупа на берегу пруда проѣзжалъ мимо экономъ, и одинъ крестьянинъ не выдержалъ и крикнулъ经济ому: «душегубець! изъ-за тебе людитопятса! Богъ тебе накажеть!» Экономъ поѣхалъ сейчасъ съ жалобою къ управляющему на мужика, его оскорбившаго, какъ ему казалось и его панскому гонору; крестьянина привели на другой день на конюшню управляющаго, который предоставилъ经济ому удовлетворить себя за обиду, и онъ удовлетворилъ, и окровавленного крестьянина отвезла жена на возу, заливаясь слезами.

Въ это тяжелое время духовенство оказывало единственную нравственную поддержку для крестьянъ: незримо оно воодушевляло ихъ нести терпѣливо свой тяжелый крестъ; въ церкви, на исповѣди, при исполненіи требъ, при вздохахъ бѣдныхъ тружениковъ, пастыри указывали на крестъ и распятаго на немъ Спасителя; не разъ духовные отцы плакали съ своими духовными дѣтьми,—и это сердечное участіе къ судьбѣ народа поднимало духъ его.

Для духовенства юго-западнаго края въ этотъ «урочный» періодъ времени было тоже немало горя. Правила объ урокахъ барщины читали торжественно въ церкви, въ присутствіи предводителя дворянства, исправника, благочиннаго и станового пристава; гдѣ былъ помѣщикъ на лицо, приглашался и онъ въ это собраніе. При крестьянахъ правила передавались мѣстному священнику съ заявлениемъ крестьянамъ, что чего они не будутъ знать или станутъ сомнѣваться въ чемъ, то обращались бы къ своему священнику. Теперь крестьяне увидѣли, что уроки тиже не имъ прежней панщиной, при

которой бывало, что если мужикъ пошелъ тайкомъ куда-нибудь въ сторону на заработки и тамъ пробылъ недѣлю и двѣ и затѣмъ приходилъ, то его подвергали только «сѣкуці», а время работы уже пропадало и не взыскивалось; а при урокахъ ему считали и пропущенную работу, и онъ впадалъ въ неоплатные долги по неисполненію уроковъ. Священники, по требованію прихожанъ, читали правила уроковъ, а крестьяне волновались, но, конечно, не отъ чтенія правилъ объ урокахъ, а отъ невыносимой ихъ тижести, а помѣщики-поляки всю вину сваливали на священниковъ. Эти жалобы получало правительство, и вѣльно было отобрать эти правила отъ священниковъ; но дали ихъ открыто, а отобрали секретно. Тутъ священники стали среди двухъ огней: помѣщики жаловались, что священники читаютъ крестьянамъ правила, хотя и секретно, а прихожане нарекали на своихъ пастырей, почему не читаются. Вследствіе этого многіе священники пострадали: ихъ переводили на другія, часто худшія, мѣста, и когда священники, чувствуя свою невинность, упирались и не хотѣли переходить на другіе приходы, имъ угрожали полицейскими мѣрами и нерѣдко угрозы приводились въ исполненіе. Тутъ часто архиастыри были не при чемъ; священникамъ нерѣдко распоряжалась гражданская власть.

Но все это прошло, какъ сонъ: явилось 19 февраля 1861 года — и крестьянинъ вздохнулъ свободнѣе, и духовенство стало самостоятельнѣе. Но полную свободу принесъ 1863-й годъ, когда всыхнула польскій мятежъ. Всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ кончились. Ксендзы стали кланяться священникамъ, паны пожимали руки имъ. Водворились естественные отношенія между пастырями и часомънами. Всякій достойный іерей, строго исполнявший свои обязанности и далекій отъ вымогательствъ, былъ глубокоуважаемъ народомъ. Экономическое положеніе крестьянъ послѣ 1863 года быстро стало возрастать; черезъ годъ — два бѣдный мужикъ, имѣвшій двѣ овечки, уже имѣлъ пару лошадокъ и коровку для молока дѣтямъ. Доходы церквей и духовенства значительно поднялись ..,

F.

Крестоносъ (*Бытова я картинка*). Дивныя мѣста у насъ, въ южной Волыни! Всюду горы и пригорки, лѣски, дубравы и гайки по склонамъ горъ; а внизу изъ-подъ горъ текутъ родники, свѣтлые и чистые, блеститъ маленькая рѣчка, бѣльеъ плотина, высыпанная мергелемъ; за ней небольшой «ставокъ», а при немъ непремѣнно мельничка, день и ночь шумящая своими колесами. Селенія у насъ расположены обыкновенно на косогорахъ. Хатки бѣлыя, крытыя соломой, съ непремѣннымъ крестомъ, выѣланнными на фронтовой части крыши. Ниже усадебъ идутъ огороды, а за ними—левады и сѣнокосы. Церковь стоитъ непремѣнно на пригоркѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилищъ, обсаженная вокругъ вѣковыми липами, кленами, яворами и ясенями. Кто садилъ эти деревья— никто не знаетъ. „У насъ на сели и памятника (т. е. поминающаго) такого не мае, щобъ зналъ, хто тіи дерева посадывъ“—говорятъ крестьяне. Церковь обычно деревянная, дубовая, построенная въ формѣ корабля, иногда съ тремя куполами. Крестьяне очень привязаны къ своимъ старымъ церквямъ и сердечно благодарятъ, если кто похвалить ихъ церковь.

Въ нашемъ селѣ была такая же церковь, только очень ужъ старенькая. Старые люди говорили, что она стояла болѣе двухсотъ лѣтъ: еї строили еще въ то время, когда турки „воювали св. Потчаивъ“. Хранились въ ней старыя, очень старыя книги и утварь, было евангеліе, которому считали около трехсотъ лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ Ѵздили по нашимъ мѣстамъ какой-то человѣкъ, вошелъ съ собою красавыя новыя книги и церковные вещи и „морочивъ“ людей, вымѣнивая старыя вещи и книги на новые. Обошелъ онъ и нашего молодого батюшку: далъ ему новое евангеліе, а себѣ взялъ старое. Какъ узнали объ этомъ наши люди—чуть не плакали: „Покійный панотець не зробылы бъ сёго й зроду!“ Старого батюшку очень любили у насъ; его родъ священствовалъ въ нашемъ приходѣ болѣе двухсотъ лѣтъ; а нынѣшняго батюшку прислали къ намъ откуда-то изъ Полѣсья.

Когда наша старая церковь стала совсѣмъ уже тѣсна, да и отъ ветхости разошлась въ углахъ и накренилась, рѣшили построить новую церковь. На нашихъ дубравныхъ сѣнокосахъ нарубили сколько нужно дубовъ, нарѣзали изъ нихъ брусьевъ, подрядили „русскихъ“—плотниковъ и стали строить. За постройкою наблюдали, кромѣ священника и старости, выборные отъ „громады“, а больше всѣхъ Микола Чорный, человѣкъ еще не старый, но поль-

зуючійся у наць всеобщимъ уваженiemъ за разумъ, физическую силу и „прыхильнистъ до Божого дому“. Въ одно лѣто постройка была вчернѣ окончена. Новая церковь оказалась жуда выше и помѣстительнѣе старой, а колокольня, по одїнкѣ крестьянъ, „мало чымъ ныжча, нижъ у святыму Почаиви“. Все уже было готово, оставалось только водрузить крестъ на куполѣ церковномъ. Хорошо вызолоченый крестъ стоялъ на „цвынтари“, и всѣ люди ходили рлядѣть на него. На воскресеніе было назначено освященіе креста и постановка его на церкви. Рано утромъ сталъ собираться народъ; многие пришли изъ окрестныхъ сель; съѣхались и сосѣдніе священники. Когда освящали крестъ, люди жертвовали „хустки“, ручники, полотна и деньги. Окончилось служеніе. Плотники-мастера, немного уже выпивши, стали было увязывать крестъ, чтобы тянуть его вверхъ по блоку. Всѣ присутствовавши были какъ-то смущены; а Микола Чорный сталъ передъ крестомъ и говоритъ:

— Негодиться святый хрестъ тягти вирёвкою!

— Чаво тамъ „негодиться?“ возразили плотники. Хохламъ все голится—Богу молиться.

Подошли ближе старики и стали говорить:

— Микола добре каже; колись було тее, що люди на крыжахъ (на спинѣ) зносили хрестъ святый на церкву, а не тягли на блокахъ та на вирёвкахъ.

— Правда, свята правда!—загудѣли остальные.

— Я хочу знести святый хрестъ на крыжахъ,—сказалъ Микола.

— Молодецъ хахоль! И то можно! сказали мастера. Только знай, братъ, что крестъ-то маленько тяжеловать: въ немъ вѣсу-то четыре пуда и десять фунтовъ!

— Дозвольте мени знести святый хрестъ на крыжахъ! сказалъ Микола и поклонился священникамъ и народу на всѣ стороны.

— Якъ що маєшъ надію на Бога, нехай тоби святый Господь допомагає! отвѣтили люди. Священники тоже согласились.

Микола положилъ три земныхъ поклона, приложился къ кресту, поклонился на всѣ стороны; а тѣмъ временемъ мастера сняли крестъ съ подставки и начали увязывать его „на врыжахъ“ у Миколы. Весь погостъ притихъ въ нѣмомъ ожиданіи, а одна молодая матушка такъ испугалась, что бѣгомъ пустилась въ домъ священника. Нѣкоторые изъ молодыхъ подошли и предложили Миколѣ

свою помощь; онъ наскоро поблагодарилъ, но отъ помощи отказался.

— Молодецъ ты, братъ Микола! Помогай тебѣ Богъ! сказали мастера и, внимательно оглядѣвъ, ироично ли увязанъ крестъ, мигомъ шмыгнули по лѣстницамъ и канатамъ на самый верхъ церкви, и стали ожидать тамъ Миколу съ крестомъ.

Медленно и осторожно началъ онъ забираться по лѣстницѣ.

Она крѣпко гнулась и шаталась подъ нимъ. Были минуты, когда всѣ замирали отъ ужаса, что вотъ-вотъ лѣстница не выдержитъ десятипудовой тяжести и обломится. Но, хвала Богу, Микола благополучно добрался до самого верха. Тамъ мастера сняли съ него крестъ и уставили его на мѣсто.

Когда Микола спустился внизъ, его умиленное лицо сіяло какимъ-то внутреннимъ просвѣтленіемъ, а на плечахъ, по тѣмъ мѣстамъ, где лежалъ крестъ, выступили сквозь сорочку кровавыя пятна. Люди окружили его, во онъ стоялъ молча и, казалось, не видѣлъ никого; потомъ вдругъ началъ плачать — сначала тихо, затѣмъ все сильнѣе, всхлипывая какъ ребенокъ. Всѣ съ участіемъ обступили его: „Чого плачешъ, Миколо? Можетъ тоби боляче? Тутъ и диды и бабы, усяке зилья и добри масти знаютъ: якъ помастышъ, хутко загоиться!“

— Ни, добри люде,—проговорилъ Микола,—не того я плачу; мени зовсимъ не боляче. А якъ прыгадаю соби, що Христосъ висъ хрестъ и проливавъ свою кровъ за нась гришныхъ,—и мени Господь давъ велике щастя несты хрестъ и пролиты свою кровъ за святый хрестъ,—то якъ прыгадаю соби тее, не можу втриматись, щобъ не плакаты!..

Дѣло о совращеніи въ католицизмъ княжны Любомирской.

Разбирая бумаги, оставилія послѣ протоіерея г. Ровно, волынской губернії, о. Андрея Корноковскаго, я съ особымъ интересомъ остановилъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ, какъ офиціальныхъ (указы волынской консисторії), такъ и неофиціальныхъ (частные письма) документахъ, дающихъ возможность сказать нѣсколько словъ по поводу невыясненнаго еще длиннаго дѣла о совращеніи княжны Зинаиды Михайловны Любомирской въ католицизмъ. Зин. М. Люб-

мирская была православной дочерью могилевского губернского предводителя дворянства Михаила Голинского. Михаил Голинский принадлежал к римско-католическому въроисповѣдавію; но женился на православной (дочери графа Толстого) и подписанной обязался воспитывать своихъ дѣтей въ православіи. Князь Казимир Фридрихович Любомирскій, вліятельный помѣщикъ г. Ровно, которому принадлежали громадныя имѣнія въ волынской губерніи, женился на его дочери Зинаидѣ. Обрядъ обрученія хотя былъ благословленъ православнымъ священникомъ, но таинство брака съ польской пышностью совершено было въ 1845-мъ году римско-католическимъ ксендземъ въ кіевскомъ костелѣ. Молодая супруга К. Любомирского, вращавшаяся преимущественно въ сферѣ польскихъ помѣщиковъ, составлявшихъ мѣстную аристократію въ краѣ, только номинально считалась православной, на самомъ дѣлѣ она совершило оставила „*wiaru chłopów*“ и перешла въ католицизмъ, что явно выражалось нехожденiemъ ея въ православную церковь, небытіемъ у исповѣди, посвѣщенiemъ костеловъ и соблюденiemъ польско-католическихъ обрядовъ. Такъ какъ княгиня официально была приписана къ одному изъ православныхъ приходовъ, то благочинный Червинскій донесъ объ отступничествѣ Любомирской епархіальному начальству. А когда чрезъ некоторое время у Зинаиды Михайловны родился сынъ, которого крестили обливанiemъ въ костелѣ, онъ послалъ „вторичное доношеніе“, въ которомъ говорилъ, что „отступление отъ православія высокопоставленной особы можетъ производить соблазнъ въ средѣ прихожанъ, ибо повлечетъ за собою разные толки, могущіе послужить къ непоколебимости для православныхъ въ вѣренной ему паствѣ“ ¹⁾.

Послѣ Червинскаго благочиннымъ былъ о. Венедиктъ Омелянскій, которому, повидимому, очень хотѣлось попасть въ миссіонеры къ двору Любомирскихъ и который съ этой цѣлью дѣжалъ самыя ревностныя донесенія („секретныя“) духовной консисторіи. Но волынская духовная консисторія почему-то нашла удобнымъ поручить это дѣло не о. Омелянскому, а другому протоіерею, о. Равновичу. Послѣдній получилъ формальное предписаніе убѣдить безотлагательно всѣми мѣрами З. М. Любомирскую обратиться въ православіе, и донести консисторіи о результатахъ дѣла. Равновичъ медлилъ донесенiemъ. Доносить было нечего. Его увѣщанія (если они только

¹⁾ Донесеніе отъ 6 января (безъ обозначенія года) № 3.

были въ дѣйствительности) остались безрезультатны. Чрезъ нѣкоторое время послѣдовалъ новый консисторскій указъ, которымъ на помощь Равиновичу назначался еще протоіерей ровенскій о. Лотоцкій. Совмѣстными усилиями двухъ протоіереевъ было достигнуто только то, что Зинаида Михайловна Любомирская *объщала* выполнить долгъ исповѣди по православному чину у о. Лотоцкаго, о чемъ и было донесено консисторіи. Консисторія и епархіальная власти между тѣмъ почему-то сильно интересовались этимъ дѣломъ. Въ 1850 году волынскія консисторія, не получая никакихъ дальнѣшихъ извѣстій отъ Равиновича о ходѣ дѣла, поручила протоіерою Венедикту Омелянскому забрать справки, что сдѣлано Равиновичъ по дѣлу присоединенія къ православію Зинаиды Любомирской и почему Равиновичъ ничего не доноситъ?¹⁾ Протоіерей Омелянскій донесъ, что о. Равиновичъ медлитъ этимъ дѣломъ, но вмѣсто разъясненія причинъ медлительности переслалъ въ консисторію какуюто переписку обѣ отступничествѣ Любомирской, переданную ему о. Лотоцкимъ.²⁾ Чего касалась эта переписка,—изъ документовъ, какіе были у насъ подъ руками, не видно. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1855—6 годахъ консисторія снова подняла дѣло о Любомирской и стала посыпать указы за указами³⁾, но протоіерей Лотоцкій донесъ, что Любомирская уже два года за границею, гдѣ проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ. З. М. Любомирская въ выѣздѣ за границу нашла для себя лучшее средство избавиться отъ претензій русскихъ священниковъ.

Въ этомъ дѣлѣ интересны нѣкоторыя интимныя бумаги, наприм. секретное отношеніе протоіероя Омелянского въ Казимиру Фридриховичу Любомирскому въ 1858 году съ представленіемъ подлиннаго указа о дѣлѣ Любомирскихъ и просьбою дать ему „совѣтъ и наставленіе, что я долженъ отвѣтить своему начальству“⁴⁾. Почтенный протоіерей не постыдился въ официальной бумагѣ, за нумеромъ, просить „противную“ сторону научить его, какъ ему дѣйствовать въ интересахъ православія... Нужно думать, что Казимиръ Фридриковичъ далъ о. протоіерою соотвѣтствующій „совѣтъ и на-

¹⁾ Ук. вол. дух. конс. 1850 г. отъ 23 дек. за № 10,772.

²⁾ Отнош. 1851 г. отъ 8 янв. за № 8.

³⁾ Указъ вол. консист. 1855 г. за № 12,155; указъ вол. конс. 1856 г. отъ 30 июня за № 4,581.

⁴⁾ Отнош. 1858 г. отъ 20 сент. за № 102.

ствленіе“, судя по тому, что послѣ этого дѣло о присоединеніи княгини отложено было на долгое время. На особомъ „чернике“ (безъ хронологич. даты и подписи) сохранились между прочимъ наброски любопытнаго письма, писаннаго, кажется, рукою протоіерея о. Равиновича къ Любомирскому: „Досточтимый Казимиръ Фридриховичъ! Корецъ муки зъ крупою я получилъ и за вашу добростъ очень благодару, а за мелево также бардзо (т. е. очень) дѣчу (благодарю). Только бы по своему протоіерейству я не попался-бы въ лапы консисторіи, которая занадто (слишкомъ) чеплается (т. е. пристаетъ)... Что касается до жалобы, то совсѣту дуже (т. е. очень) не беспокоиться, бо зъ того ницъ (ничего) не выйде... А бумагу зъ известнымъ вамъ доношеніемъ я давно послалъ зъ нарочнымъ куды слѣдуеть“... (дольше три строчки разобрать нельзя было). Это письмо о. протоіерея прямо указываетъ дѣйствительные интересы нѣкоторыхъ изъ лицъ мѣстнаго духовенства въ дѣлѣ присоединенія кн. Любомирской къ православію. Дѣло это, можетъ быть, потому и затянулось такъ долго: еще въ 70-хъ годахъ оно не было окончено, судя по указу вол. дух. консисторіи, которымъ протоіерею ровенскому Клюковскому предписывалось употребить „все свое паstryрское усердіе и опытность къ возвращенію Любомирскихъ въ чѣдра православія“¹). Но о. Клюковскій отвѣтилъ на это предписаніе цѣлымъ рядомъ какихъ-то жалобъ на затрудненія и интриги... Кажется, это дѣло такъ и кончилось ничѣмъ.

Что касается разныхъ жалобъ и доношеній, которыхъ было много въ этомъ дѣлѣ, то умѣсто вспомнить слова м. Филарета, сказанныя по поводу подобныхъ дѣлъ юго-западнаго края: „Тутъ много жалобъ и воплей неизвѣстно на кого; много разнородныхъ предметовъ, большую частью неопределенныхъ потребными обстоятельствами“²...

Ф. Кудринскій.

¹⁾ Отъ 9 февр. 1870.

²⁾ Рус. Арх. 1873 г. кн. 2. стр. 135. Письма м. Филарета къ Нечаеву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

---

*Історико-топографические очерки древняго Києва (съ планомъ древнилю
Києва 1638 г.) Н. И. Петрова. Київъ, 1897 г.*

*Киевъ, его святыни и памятники. Сост. проф. Петровъ. Редакція В. И.
Шемякина (Приходская бібліотека). Спб. 1896.*

Названныя книги принадлежать одному автору и посвящены одному предмету, но изложены въ совершенно различной формѣ. „Очерки“ представляютъ рядъ серьезныхъ статей, снабженныхъ всѣмъ научнымъ аппаратомъ и первоначально печатавшихся въ „Трудахъ Киевской Духовной Академіи“; „Киевъ“ появился въ популярномъ изданіи „Приходской бібліотеки“, разсчитанной на простого „грамотного читателя“ и представляетъ популярный очеркъ Киева и путеводитель по киевскимъ святынямъ. Тѣмъ не менѣе оба сочиненія преслѣдуютъ, повидимому, одну общую цѣль. Задача „Очерковъ“, какъ видно изъ предисловія къ этой книгѣ, состоитъ въ объединеніи разрозненныхъ материаловъ и изслѣдований по исторической топографіи Киева съ цѣлью „представить пока общую только схему ея, на основаніи которой можно было бы въ послѣдствіи времени построить и полную историко-топографическую картину древняго Киева“. Вторая изъ названныхъ книгъ, повидимому, представляетъ попытку такого синтетического построенія, хотя, по замѣчанію самого г. Н., „въ этой книгѣ, вслѣдствіе популярнаго характера ея, не вездѣ могли быть указаны и полно развиты научные основанія проводимыхъ имъ новыхъ взглядовъ на истори-

ческую топографію Києва“ („Очерки“ Предисл.). Посмотримъ же, какъ поставленная задача выполнена въ обоихъ сочиненіяхъ.

Остановимся сначала на „Очеркахъ“. Книга эта составлена по слѣдующему плану. Въ краткомъ вступлениі (стр. 1—5) излагается общій очеркъ исторіи Киева съ древнійшихъ (доисторическихъ) временъ до X в., съ указаніемъ постепенного заселенія различныхъ частей территоріи города. Затѣмъ слѣдуетъ описание этихъ частей и находящихся на нихъ достопримѣчательностей въ порядкѣ ихъ (предполагаемаго) заселенія, а именно: 1) Щековица и ея окрестности, 2) Плоская часть или Оболонь, 3) Печерскъ, 4) Старый городъ, 5) Подоль и 6) вѣкоторые загородные памятники древности и святыни (Песочный городецъ, Вышгородъ и Межигорье). Самое изложеніе представляетъ довольно полный сводъ изданныхъ и отчасти неизданныхъ матеріаловъ; г. П. постоянно цитируетъ какъ старыхъ изслѣдователей (Берлинскій, Фундуклей, Максимовичъ, Закревскій), такъ и позднійшихъ (Антоновичъ, Бѣляшевскій, Грушевскій, Гошкевичъ, Лашкаревъ, Лебединцевъ, Хвойко и мн. др.), чутъ не на каждой страницѣ встрѣчаются ссылки на Кіевскую Старицу, Чтенія въ Обществѣ Нестора лѣтописца, Археологическую карту Кіевской губерніи В. Б. Антоновича, Планъ Кіева 1695; изъ неизданныхъ матеріаловъ г. П. ссылается на различные изображенія К. П. Лавры, планы Кіева 1713—1715 и 1719 г. и на только что изданный имъ приложенный и къ настоящему изданію планъ Кіева Кальнофойского.

Всѣ указанныя особенности придаютъ большой интересъ книгѣ г. П. Но при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ она представляетъ и крупные недостатки. Такъ общія положенія, на которыхъ основанъ весь планъ сочиненія, далеко не могутъ быть признаны научно обоснованными. Для доказательства своихъ предложеній о постепенномъ заселеніи территоріи Кіева г. П. съ одинаковымъ довѣріемъ ссылается на безспорныя археологическія и историческія данныя, и на легендарныя сказанія. Такъ признавая „баснословное“ и „экономическое“ значеніе легенды о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, онъ тѣмъ не менѣе пріурочиваетъ ее къ VI вѣку, а такъ какъ потомки этихъ князей покорились Хозарамъ, то слѣдовательно „въ періодѣ Хазарского владычества средоточiemъ кіевской жизни была часть Кіева, соответствующая древней Щековицѣ“ (5). „Хазаръ смѣнили два варяжские боярина князя Рюрика“—Аскольдъ и Диръ; они „укрѣпились южне древней Щековицы: Аскольдъ на

нынѣшемъ Печерскѣй, а Диръ, по всей вѣроятности, на западномъ склонѣ горы Кія“. „Со времени Олега первенствующее значение получаетъ гора Кія или нынѣшнай Старый городъ и защищаемый имъ Кіевоподолъ“ (тамъ же). Мы думаемъ, что введеніе легендарного элемента привело къ серьезному недоразумѣнію. Что Щековица и прилегающія къ ней высоты представляютъ древнѣйшіе населенные пункты кіевской территории—это несомнѣнно доказывается археологическими находками; но также несомнѣнно сравнительно позднее возникновение „Старого Кієва“ (съ чѣмъ, отчасти, согласенъ и г. П.). Возышеніе Печерска при Аскольдѣ болѣе чѣмъ сомнительно, если даже вѣрить тому, что Аскольдова могила дѣйствительно находилась на Печерскѣй¹⁾. Точно также сомнительно позднее заселеніе Подола; правда г. П. основываетъ это свое мнѣніе на археологическихъ данныхъ и ссылается на „Арх. карту“ пр. Антоновича, но тотъ же пр. А. въ публичныхъ лекціяхъ (изд. въ 1897 г.) высказываетъ обѣ этомъ вопросѣ совершенно въ другомъ смыслѣ²⁾.

Что касается остальныхъ изслѣдованій, между которыми встрѣчаются не только своды уже высказанныхъ мнѣній, но и самостоятельные очерки по неизданнымъ материаламъ (напр. о послѣдовательныхъ перестройкахъ великой церкви К.-П. Лавры, о постепенномъ переустройствѣ Печерска въ XVIII ст.), то и здѣсь на-ряду съ очень цѣнными и добросовѣстными изслѣдованіями встрѣчаются сомнительныя толкованія и противорѣчія. Не будемъ останавливаться на тѣхъ мнѣніяхъ, которые основаны на своеобразномъ объясненіи г. Петровымъ плана Кальнофойскаго; г. П. и въ настоящемъ изслѣдованіи настаиваетъ на своемъ объясненіи и даже въ прибавленныхъ къ книгѣ „дополненіяхъ и поправкахъ“ помѣстилъ цѣлую статью по этому вопросу (стр. 260—267). Постанова эта представляется намъ столь же мало убѣдительной, какъ и предисловіе къ новому изданію плана Кальнофойскаго, о которомъ мы имѣли

¹⁾ Что г. П. имѣлъ въ виду только этотъ фактъ, показываетъ слѣдующая его фраза: „Аскольдъ, судя по его могилѣ, сидѣлъ на нынѣшнемъ Печерскѣй“ (стр. 53).

²⁾ „Древнее заселеніе Подолія и его торговая хѣтальность подтверждаются находками на Подолѣ монетныхъ кладовъ, языческихъ гробницъ и спорадически разсыпанныхъ отдельныхъ предметовъ древности, относящихся къ до-христіанскому времени (Публ. лекція по геологіи и исторіи Кієва, читанная пр. П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ), (стр. 53).

случай высказаться на страницахъ „Кіевской Старины“ (1896, № 12). Не будемъ останавливаться и на случайныхъ обмолвкахъ, вродѣ того, что „названія Хоревица и Угорское происходятъ отъ одного корня (52), или категорического утвержденія, что Богоявленскій монастырь съ Академію основанъ въ 1615 г. дворянкою Галшкою (Еленою) Гулевиченою Лозкиною (206). Но не можемъ не указать на странное противорѣчіе въ описаніи К. П. Лавры. На стр. 78 читаемъ: „Въ 1230 г. 3 мая произошло въ Кіевѣ землетрясеніе, отъ котораго великая церковь пещерская разступилась на четыре части, т. е. дала большія четыре трещины, которыхъ и обнаружены были въ 1881 г. при ремонтировкѣ штукатурки наружныхъ стѣнъ этой церкви“. И непосредственно затѣмъ: „Въ 1240 г. Батый совершилъ разграбилъ Печерскую обитель, превративъ ее въ развалины, за исключеніемъ малаго Предтеченскаго храма и Троицкой церкви надъ вратами лавры“. Всльдѣ затѣмъ говорится, что великая церковь пещерская долго еще „повидимому находилась въ развалинахъ“ и была восстановлена только въ 1470 г. Симеономъ Олельковичемъ.

Вторая книга написана по тому же плану, какъ и „Очерки“, но изложена совершенно иначе. Она состоитъ изъ двухъ частей: 1) краткій очеркъ исторіи Кіева и 2) Описаніе отдѣльныхъ мѣстностей, святынь и памятниковъ кіевскихъ. Первая часть соотвѣтствующая краткому предисловію „Очерковъ“, занимаетъ болѣе $\frac{1}{4}$ всей книги (51 стр. изъ 180); вторая распадается на тѣ же отдѣлы (по мѣстностямъ), но описание отдѣльныхъ мѣстностей слѣдуютъ другъ за другомъ, „придерживаясь того порядка, какому обыкновенно слѣдуютъ кіевскіе богомольцы при поклоненіи кіевскимъ святынамъ“ (53): Печерскъ, Старый городъ, Подолъ и, наконецъ, Щековица: изъ окрестностей описанъ только Вышгородъ. Ясно, что авторъ имѣлъ въ виду менѣе подготовленнаго читателя; но именно поэтому книга представляетъ не болѣе подробное¹⁾, а скорѣе сокращенное изложеніе фактовъ обслѣдованныхъ въ „Очеркахъ“. Что касается изложенія, то и здѣсь наряду съ удачно написанными страницами встрѣчаются изложенные неясно и сбивчиво. Такъ, въ первой части, представляющей вообще довольно вѣрный и полный очеркъ исторіи Кіева съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, встрѣча-

¹⁾ „Подробнѣе объ исторической топографіи древнаго Кіева сказано авторомъ въ приготовленной имъ къ печати книгѣ: Кіевъ, его святыни и памятники“ („Очерки“, стр. 1).

ются мѣста очень неудачно изложенные. Особенно неясно изложенъ древнійшій періодъ. „Еще задолго до того времени, говорить г. И., когда Русь выступила на поприще исторіи, мѣсто занимаемое Киевомъ, заселено было какимъ-то племенемъ, которое жило въ пещерахъ“ и т. д. „Это племя очень рано познакомилось съ предпріимчивыми греками“... Затѣмъ говорится о временномъ прекращеніи этихъ сношеній вслѣдствіе вторжения варваровъ, и о возобновленіи ихъ въ VI в., къ которому „нужно отнести баснословное лѣтописное преданіе объ основаніи г. Киева тремя братьями: Кiemъ, Щекомъ и Хоривомъ“. Потомки этихъ князей покорились Хозарамъ и „черезъ Хозаръ Киевъ вошелъ въ торговые сношениія съ восточными народами, какъ о томъ свидѣтельствуютъ клады саманидскихъ монетъ, найденные въ Киевѣ“ (1—2). Затѣмъ слѣдуетъ преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Мы думаемъ, что и подготовленному читателю не легко разобраться въ этой путаницѣ (гдѣ даже не упоминается имя славянъ), а неподготовленный, конечно приметъ ничто же сумняющееся всѣ упомянутыя но не названныя племена за Предковъ русского народа и только съ недоумѣніемъ остановится передъ саманидскими монетами. Такое же недоумѣніе возбудитъ сообщеніе, что въ 1620 г. возстано лена была въ Киевѣ православная іерархія, а въ 1632 г. она разрѣшена была и польскимъ правительствомъ (42). А въ болѣе подготовленномъ читателѣ не можетъ не вызвать недоумѣнія сообщенія объ основаніи въ 1857 г. въ Киевѣ „множества учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ“, открытіи Свято-Владимирскаго братства и иѣсколькихъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ Исторического с. Нестора при университетѣ и Церковно-археологическаго съ музеемъ при Духовной Академіи (49). Не говоримъ уже о мелкихъ погрѣшностяхъ, вродѣ Введенской Общины Красного Креста на Печерскѣ (51) и опечаткахъ въ собственныхъ именахъ (Вичуровщина стр. 22, Даніевская вм. Деміевская 51), очень неудобныхъ въ справочномъ изданіи, предназначенномъ для большой публики. Вторая часть книги представляетъ въ большинствѣ случаевъ повтореніе (часто буквальное) сказанного въ «Очеркахъ»,—съ одной стороны сокращенное—опущеніемъ подробностей и мотивировкы высказываемаго мнѣнія, отчасти дополненное—описаніемъ новѣйшихъ сооруженій и памятниковъ и вѣкоторыми разъясненіями разсчитанными на менѣе подготовленныхъ читателей. И въ этой книгѣ г. П. находить возможнымъ ссылаться на планъ Кальnofайскаго, „разматривая его съ оборотной стороны на свѣтъ“ (напр.

стр. 20, 69, 80), хотя совершенно основательно не вдается въ толкованіе столь необычного приема. При описаніи отдѣльныхъ памятниковъ встрѣчаются мелкіе недосмотры, вродѣ того, что имя Гуловичевны Галшки переводится (какъ и въ „Очеркахъ“) Елена (150), или имя Сагайдачнаго упомянуто въ исторіи Братскаго монастыря только по тому поводу, что имъ пожертвованъ крестъ (156). Нельзя не указать еще на одну странную погрѣшность. Желая опредѣлить, какая мѣстность носила въ древности название Хоревицы, г. П. говоритъ: «въ послѣднее время съ большимъ основаніемъ отводятъ ей мѣсто на лѣтописномъ Угорскомъ, нынѣшнемъ Печерскѣ» и ссылается при этомъ на статью г. Маркевича („Къ древней топографіи Киева“—К. С. 1857, 12). Мы справились съ указанною статью и нашли тамъ два предположенія относительно Хоревицы: по мнѣнію автора, это была или „мѣстность нынѣшняго Софійскаго собора и окрестныхъ усадьбъ“, или „гора, на которой стоитъ нынѣ Михайловскій монастырь“; „Липки же, а тѣмъ болѣе Печерскъ, были въ то время, по его словамъ, мѣстами не кievскими“ (л. с. 785—786).

Сопоставляя все сказанное, можю, кажется, придти къ тому выводу, что разбираемыя книги имѣютъ различную цѣнность. „Очерки“ представляютъ первую попытку систематического свода и пересмотра старыхъ и, въ особенности, вновь изданныхъ матеріаловъ, и потому, не смотря на всѣ свои недостатки, представляютъ полезное пособіе для всякаго занимающагося мѣстною исторіею и имѣютъ извѣстную научную цѣнность. „Кievъ“ преслѣдуется двѣ задачи—съ одной стороны обобщеніе и систематизацію матеріала, по-помѣщеннаго въ „Очеркахъ“, съ другой—популяризацію этого матеріала; ни одна изъ этихъ задачъ не можетъ быть признана выполненною: съ одной стороны „Кievъ“, какъ популярная книга ни въ какомъ случаѣ не представляетъ той „полней историко-толологической картины древняго Киева“, необходимость которой указываетъ г. П. въ предисловіи къ „Очеркамъ“; съ другой стороны—по обилию и недостаточно тщательному выбору фактовъ и по своему тяжелому и сухому изложенію „Кievъ“ не можетъ быть признанъ хорошей народной книгой и едва-ли найдетъ много читателей.

В. Щербина.

Сборникъ свѣдѣній о родѣ «Максимовичъ» (чей). Составилъ И. Максимовичъ исключительно для членовъ своей семьи, родныхъ, друзей и добрыхъ знакомыхъ, не предназначая тикового для продажи. Рига.

1897 г., 8 д. л., 143 стр., 4 портрета 1) и родословная роспись.

Какъ видно изъ заглавія, книга о Максимовичахъ издана *pro domo sua*. Одинъ изъ нынѣ живущихъ Максимовичей пожелалъ сбратъ свѣдѣнія о своемъ родѣ и, потрудившись немало, издалъ настоящую книгу. Источники собранныхъ свѣдѣній перечислены въ началѣ книги. Отсюда прежде всего видно, что у составителя „Сборника“ фамильно-архивныхъ бумагъ не было вовсе. Почти всѣ свѣдѣнія о Максимовичахъ взяты изъ печатныхъ источниковъ, причемъ послѣдніе оказались не бѣдными потому, что Максимовичи были одно время (при Мазепѣ) видными людьми, оставили по себѣ слѣды въ бытописаніяхъ родины.—Родонаачальникомъ Максимовичей былъ Максимъ, который хотя и былъ повидимому сыномъ „жолнера войска Запорожского“ Ивана Шимашенка, но отцовское свое прозвище потерялъ и сталъ называться новымъ—*Печерскимъ*, съ того времени, какъ онъ взялъ въ аренду у Киевской лавры принадлежавшее ей мѣстечко Печерскъ. Это было во второй половинѣ XVII в. Вмѣстѣ съ пещерскою арендою Максиму удалось получить и должность сборщика пошлины (индуктаря) на пещерской таможнѣ, чрезъ которую провозились разные товары изъ Польши въ лѣвобережную Малороссию. Индуктаремъ Максимъ сталъ по выбору Мазепы, который замѣтивъ дѣловитость пещерского арендатора, поручилъ ему важное „войсковое дѣло“ „около выбраны индукты.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Мазепа взялъ Максима Печерского съ дѣтьми „въ свою оборону“, считая его „выгоднымъ себѣ человѣкомъ“, какъ писалъ объ этомъ и въ офиціальныхъ актахъ. У Максима было семь или восемь сыновей; всѣ они были люди расторопные и учившіеся. Старшій—Іоаннъ, принялъ монашество, былъ экономомъ Киевской лавры, не достигнувъ еще и тридцати лѣтъ. Второй сынъ Максима—Василій былъ компанейскимъ полковникомъ; Михаилъ и Антонъ—бунчуковыми товарищами и лишь одинъ Петръ остался малозамѣтнымъ значковымъ товарищемъ. За то четвертый сынъ Максима—Василій былъ компанейскимъ полковникомъ; Михаилъ и Антонъ—бунчуковыми

¹⁾ Портреты приложены: Іоанна Максимовича, митрополита Тобольского, М. А. Максимовича (писателя), и отца, и дяди составителя „Сборника“.

выми товарищами и лишь одинъ Петръ остался малозамѣтнымъ значеовымъ товарищемъ. Зато четвертый сынъ Максима—Дмитрій сталъ однимъ изъ ближайшихъ наперстниковъ Мазепы. Сначала онъ занималъ полковые уряды—писаря и судьи въ Нѣжинскомъ полку, но потомъ—конечно, по милости гетмана, Дмитрій сталъ войсковымъ *экзакторомъ*, т. е. откупщикомъ налоговъ на продажу водки, табаку и дегтя. Позднѣе Мазепа поставилъ Дмитрія М-ча генеральнымъ есауломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его гетманскимъ „Кравчимъ“. Эти *придворные* чины ввелъ въ гетманщинѣ Мазепа и, сколько известно, даваль ихъ своимъ приближеннымъ. При такихъ милостяхъ гетмана Дмитрій М-чъ женился на одной изъ видныхъ въ Малороссіи невѣсть, на дочери несомнѣнного *шляхтича* Федора Сулимы, другія дочери которого были замужемъ: одна—за гетманичемъ Самойловичемъ, а другая за Лубенскимъ полковникомъ и тоже любимцемъ Мазепы, за Зеленскимъ; а когда ко всему этому Мазепа, не скучясь, надѣлилъ его нѣсколькими мѣстностями, то Дмитрій М-чъ сталъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ гетманщинѣ.— Такимъ образомъ при Мазепѣ сыновья Максима Печерского стояли всѣ на виду, хотя и не всѣ занимали одинаковое положеніе. Но внуки Максима стали уже въ другое положеніе. Обстоятельства сложились такъ, что сначала осиротѣла семья старшаго изъ Максимовичей—Василія, когда послѣдній былъ убитъ въ сраженіи, въ 1694 г., а потому осиротѣла и семья Дмитрія Максимовича, когда онъ, за участіе въ измѣнѣ Мазепы, былъ сосланъ въ Архангельскъ. Вмѣстѣ съ ссылкою Дмитрій М-чъ потерялъ и всѣ свои маєтности. Эти несчастные случаи въ семьяхъ двухъ старшихъ сыновей Максима и были одною изъ главныхъ причинъ, почему тутъ не сохранилось семейныхъ бумагъ: онѣ были растеряны, когда семья Василія и Дмитрія лишились своихъ главъ. Другіе сыновья Максима занимали положеніе уже не столь видное, а потому не имѣли возможности разбогатѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли случая и накопить семейныхъ бумагъ. Послѣднія накапливались почти исключительно лишь у богатой старшины, которая, располагая и образованіемъ, и богатствомъ, не могла обходиться безъ бумажнаго веденія своихъ дѣлъ. Такимъ образомъ мы видимъ, почему у Максимовичей не сохранилось семейныхъ архивовъ. Извѣстный знатокъ и любитель малорусской письменной старинны М. А. Максимовичъ, происходившій отъ Василія Максимовича, ревностно искалъ у родичей старыхъ бумагъ о своихъ предкахъ, коихъ не находилъ (кромѣ обычныхъ *универсаловъ*), потому

что ничего изъ дѣдовскихъ «шпаргаловъ» у этихъ внуковъ и правнуковъ и не было.

Такимъ образомъ составителю настоящаго „Сборника“ оставалось собирать свѣдѣнія о своихъ предкахъ почти исключительно изъ книгъ, гдѣ случайно печатались разнаго рода упоминанія о Максимовичахъ. Повидимому, свѣдѣнія собраны обстоятельно и члены размножившагося теперь рода Максимовичей, конечно, скажутъ великое спасибо Ин. Кл. Максимовичу, давшему имъ возможность уразумѣть „лѣта рода родовъ“ своихъ.

Сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Сообщая свѣдѣнія о Максимовичахъ, составитель „Сборника“ подробно говоритъ и о М. А. Максимовичѣ, причемъ упоминаетъ и о дѣтяхъ его—сынѣ Алексѣѣ и дочери Ольгѣ. Объ Ольгѣ Михайловнѣ сказано, что она умерла въ 1891 году, и больше ничего. Видимо, что И. К. Максимовичу остались неизвѣстными *печатныя* свѣдѣнія объ общественной дѣятельности этой замѣчательной дѣвушки, такъ результатно потрудившейся въ короткую свою жизнь (р. 1865, † 1891) въ дѣлѣ народнаго образования. Довольно полная свѣдѣнія объ Ольгѣ М-нѣ были напечатаны въ львовской *Зорї* за 1893 годъ.

А. Л.

Materyały antropologiczno archeologiczne i etnograficzne wydawane staraniem komisji antropologicznej Akademii umiejetnosci w Krakowie. Tom I. Kraków. 1896. 8 д. л. 108+425 стр. Съ рисунк. древностей и планами Варшавы.

Издание это, не смотря на то, что появляется первымъ томомъ, не имѣть предисловія, объясняющаго его планъ; но по содерянію этого тома слѣдуетъ думать, что „*Materyały*“ замѣнили собою извѣстный сборникъ *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, который издавался тою же краковской академіей. Прежній сборникъ дѣлился на три отдѣла: (1) *Dział archeologiczno-antropologiczny*, 2) *Dział antropologii w scislejszem znaczeniu*, и 3) *Materyały etnologiczne*, а теперешній сборникъ дѣлится на два отдѣла:

1) *Dział archeologiczno-antropologiczny* и 2) *Dział etnograficzny*.

Какъ въ прежнихъ сборникахъ, такъ и въ настоящемъ польская наука не упускаетъ изъ виду малорусскую народность, отводя ей

изученію немалое мѣсто. Повидимому, такое вниманіе къ Малороссіи основывается на историческихъ воспоминаніяхъ... Въ настоящемъ сборникѣ Малороссію имѣютъ въ виду слѣдующія статьи: 1) Юліана Талько-Гринцевича—Charakterystyka fizyczna ludnoſci Podola na podstawie własnychъ spostrzeżeń, 2) Елены Чеховской—Wesele w Rudzku и 3) Dumki i pieśni ludu ruskiego z Zadnieprza, собранныя Натальей Зиммеръ. „Wesele w Rudzku“ заключаетъ въ себѣ обстоятельное описание свадебнаго обряда въ Пинчинѣ (Рудскъ находится на границѣ Пинского и Кобринского уѣзда), гдѣ малорусская народность, повидимому, сохраняетъ бытовые свои черты въ неприкосновенности, благодаря топографическимъ условіямъ, вслѣдствіе которыхъ пинчукі мало сообщаются съ своими сосѣдями. Далекая старина слышится, напр., въ слѣдующей пѣснѣ:

Не наступай Лытва,
Буде съ нами бытва!
Будемъ быты, войовать,
Дивоныки не даваты...

Видимо, пинчукі не отождествляли себя съ Литвою.

„Думки“ и пѣсни, записанныя г-жею Зиммеръ, заключаютъ въ себѣ болѣею частью общеизвѣстныя пѣсни, снабженныя, впрочемъ, мотивами въ нотахъ. Пѣсни записаны почти исключительно въ Полтавѣ и около нея (напр. въ Тагамлыкѣ, а не Таганлыкѣ, какъ нѣсколько разъ указываетъ г-жа Зиммеръ). Есть, впрочемъ, четыре пѣсни, записанныя будто бы въ Тамани отъ „тамошнихъ козаковъ“. Въ числѣ ихъ записана и слѣдующая:

Слава, слава!

Слава нашимъ козаченькамъ,
Нехай вороги идутъ;
Слава нашимъ Чорноморцамъ,
Орламъ Украины,
Що въ горы идуть
Черкезовъ бьють и т. д.

Извѣстно, что это не пѣсня, а одинъ изъ куплетовъ оперы Н. В. Лысенка „Чорноморцы“. Какъ видно, г-жа Зиммеръ введена была въ заблужденіе какимъ-то г. Юріемъ Зубовымъ, сообщившимъ ей эту пѣсню.

А. Л.

*Складка. Альманахъ. Року Божею 1897. Спорудыевъ К. А. Билы-
ловський. Въ пользу Общества для вспомоществованія нуждаю-
щимся переселенцамъ. Чистая прибыль назначается на помощь малорос-
самъ переселенцамъ. С.-Петербургъ, 1897 г., цѣна 1 р. 25 коп., 193
стр. 8.*

Изъ подробно выписаннаго заглавія «Сладки» видно, что выручка отъ продажи этого сборника предназначается въ пользу переселенцевъ,— назначеніе симпатичное; остается только пожелать скорѣйшаго осуществленія назначеннай цѣли. Но врядъ ли это случится въ такомъ непродолжительномъ времени, какъ было бы желательнымъ. Складка, составленная г. Билиловскимъ, не отличается, къ сожалѣнію, такимъ литературнымъ достоинствомъ, чтобы не залежаться ей на полкахъ книжныхъ магазиновъ. Правда, прозаическая часть сборника несомнѣнно говоритъ въ его пользу, а въ особенности разсказы: «Христосъ на вколишкахъ»—Д. Мордовцева, «Стари гультия»—Ивана Левицкаго и «Нудьга»—А. Крымскаго. Есть еще въ Складкѣ оповиданія С. Д. Носа—«Запорожецъ Абыухъ», но это неудавшаяся попытка на беллетристической разсказъ, а «Поїздка на пепелище Чортомлыцкой січи» и «Прыказка до нюхарей»—Д. Яворницкаго—это этнографическій матеріаль съ предисловіями автора, подробнымъ описаніемъ путешествія и нѣкоторыми историческими справками. Остальные страницы Складки заполнены стихотвореніями 15-ти поэтовъ, помѣстившихъ по 1-2-3 и до 10 стихотвореній каждый. Какъ видѣть читатель, недостатка въ поэтическихъ произведеніяхъ нѣть; однако же поэзію мы находимъ только въ стихотвореніяхъ Ивана Франка, Василя Щурата, Миколы Вороного да можно еще указать на одно стихотвореніе Я. Щоголева—«Суботы св. Дмитра». Остальная поэзія Складки настолько слаба, что кромѣ этого, ничего другого и сказать о ней нельзѧ. Остается только пожалѣть, развѣ, что издатель сборника таѣ много отвелъ мѣста никому неинтереснымъ и никому ненужнымъ стихотвореніямъ. Несправедливо было бы не исключить изъ этого числа стихотворенія Ив. Стешенка; стихи послѣдняго отличаются гладкостю и музикальностю, но такъ густо пересыпаны эпитетами—срібный, дзвинкучій, палкій, свитлый, гучный, свитозорый, злотистый, блискучій, яскравый, славутный, могутный, пышный и другими, что даже затмняется мысль стихотворенія и чувствуется какая-то приторность. Что касается остальныхъ поэтовъ, то лишь во избѣ-

жаніе упрека въ голословности, я позволю себѣ сдѣлать 2-3 выписки изъ ихъ стихоплетства, дабы подтвердить сказанное, что произведенія такія никому неинтересны и никому ненужны.

Вотъ, напр., стихотвореніе г. Шамраева, подъ заглавіемъ «Лирныку»:

Тяжки й смутни
Твои писни
Про бидну нашу долю,
Въ ныхъ щыра ричъ.
Въ ныхъ сердя мичъ,
Котре мовъ стогне з болю и т. д.

Въ стихотвореніи Хведора Коржа—«Бида видъ кумедіантывъ» (нѣчто вродѣ сатиры) находимъ такія прелести:

У голови одъ вдохновення
Йде гуркотня, якъ одъ млына.
Такъ, такъ: отъ вже й для драмы менимъ:
«Бида никого не мына».

или:

Его дочка? Чыя? Чы Гната?
Та въ його жинки ще катъ-ма;
Тай хто жъ бува дочкою брата?
Ну, къ бису, трястя іи ма!

А вотъ стихотвореніе Ричыцкаго:

Морозна ясна ничъ. На мисачнимъ проминни
Въ безкраимъ поли снигъ алмазомъ чистымъ грае,
Будынокъ камянный дае широки тини
И згорда навкругы все поле озырае.

Стоитъ вартовый пидъ дверыма,
Одынь, якъ былинка,
И скоса поводыть очыма
По мури будынка и т. д.

Въ числѣ такихъ стихотвореній не послѣднее мѣсто занимаютъ и произведенія К. Билыловскаго; они заполняютъ 15 страницъ Складки, или одну двѣнадцатую часть всей книги, и блещутъ такими виршами:

Люблю тебе, чы й се сказать.
Що ты моимъ дитямъ не маты;
Що любыхъ нашихъ ты малять,
Якъ лебедь крыльмы лебедятъ,

До себе нужно горнешь, крышь,
 Впадаешь коло ныхъ и млєшъ,
 То трусысся за ныхъ, треитышъ,
 То сміхомъ срибнымъ задзвенышъ,
 Мовъ въ рай тоби видкрылась брама
 Якъ вчуешъ въ перве слово: «мама»!

Или, напримѣръ, въ стихотвореніи «Остання весна» — возлюбленная говорить своему возлюбленному:

Несы мене, несы изъ хаты,
 Въ останній разъ ще потурай!
 Несы туды, де пышны шаты,
 Де спивъ и пахощи,—де рай!...

И много, много можно было бы повыписывать подобныхъ прелестей у 8 или 10 поэтовъ, что заполнили своими произведениями добрую половину Складки.

Значительно выше по достоинству два стихотворенія Ивана Франка. Первое изъ нихъ озаглавлено: «Фантастычни думы, фантастычни мрів» и состоитъ изъ трехъ куплетовъ. Вотъ первый куплетъ.

Якъ бы знатъ я чары, що спинають хмары,
 Що два сердя можуть известы до пары,
 Що ламають пута, де душа закута,
 Що въ пожыву нымы зминьтесь й отругта, —
 То тебе бы, мыла, обдала ихъ сыла,
 Вси въ твоимъ бы серди іскры погасыла,
 Вси думки й бажання за однимъ ударомъ,
 Лышь одна любовъ бы выбухла пожаромъ,
 Обняла-бъ достоту всю твою истоту,
 Мысли вси пожерла, всю твою турботу,
 Тильки мій тамъ образъ и ясніє й гріе—
 Фантастычни думы, фантастычни мрів!

Во второмъ стихотвореніи — «Отсе тая стежечка» — въ прекрасной, милой формѣ воспѣвается та стежечка (тропинка), по которой милая унесла счастье, полюбивъ другого.

Отсе тая стежечка
 Извивається,
 А у мене сердечко
 Розрывається.
 Все, що найдорогше,

Найулюблене,
Чымъ душа жыва була, —
Тутъ загублене.
Чымъ душа жыва була,
Чымъ пышалася.....
Отсе жъ тая стежечка,
Щобъ запаласи!

Такъ оканчивается это стихотворение.

Въ произведеніяхъ В. Щурата и М. Вороного читатель также найдеть ту искру и почувствуетъ ту теплоту, какая чувствуется въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ неру талантливыхъ поэтовъ. Въ особенности замѣтно это у В. Щурата въ стихотвореніи „Мое сердце не тутъ, моя дума не тутъ“, а у М. Вороного въ стихотвореніи „А море клемоче“.

На отмѣченныхъ разсказахъ Д. Мордовцева и Ивана Левицкаго я не останавливалась потому, что сами имена авторовъ говорятъ за свои произведенія; относительно же оповиданія А. Крымскаго— „Нудьга“, въ которомъ описана тоска по родинѣ, можно сказать, что разсказъ этотъ очень симпатичный, описание душевной тоски изложено такъ правдиво и такъ реальфно, что производить глубокое впечатлѣніе, но оставляетъ по себѣ ясное сознаніе, что чувства такія испытываютъ и переживаютъ только люди больные. Впрочемъ, и самъ авторъ „Нудьги“ говоритьъ въ одномъ мѣстѣ: „неужели это psychopathia nationalis“?—Да, несомнѣнно! отвѣтить читатель, прочитавши разсказъ.

М. Кононенко.

**Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ
министерства юстиціи. Кн. X. М. 1896.**

Десятая книга „Описанія“, между прочимъ, знакомить насъ съ краткимъ содержаніемъ отдѣла книгъ кіевскаго стола (повоѣтъ), состоящаго изъ 55 номеровъ за періодъ съ 1666 по 1706 годъ и представляющаго, повидимому, много цѣннаго для финансовой исторіи Малороссіи. „По содержанію, говоритъ „Описаніе“, книги кіевскаго стола представляютъ росписные, смѣтные и счетные списки городовъ Кіева, Переяслава и Нѣжина и различнаго рода мелкіе

документы по губернаторскому управлению г. Киевомъ и воеводскому управлению Переяславомъ, Нѣжиномъ и другими менѣе крупными городами“. Такъ, среди книгъ Киевскаго повытъя мы находимъ за 1666 годъ „Переписную книгу разнаго званія“ служилыхъ, жилецкихъ, промышленныхъ людей, крестьянъ и бобылей въ малороссийскихъ городахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ, слободахъ, селахъ и деревняхъ, составленную для разверстки хлѣбныхъ и денежныхъ окладовъ“. Въ особенности много среди документовъ кievскаго повытъя „смѣтныхъ списковъ“ г. Киева.

Н. В.

Ф. В. Тарановский. Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава 1897. 201 стр.

Надѣясь въ одной изъ ближайшихъ книжекъ подробнѣе поговорить о трудахъ г. Тарановскаго, мы отмѣчаемъ теперь только его появленіе. Трудъ распадается на пять раздѣловъ.

Въ первомъ авторъ знакомитъ насъ съ исторіей распространенія магдебургскаго права въ Германіи и Речи Посполитой; во второмъ дѣлаетъ обзоръ памятниковъ магдебургскаго права русскихъ городовъ Речи Посполитой; въ третьемъ разбираетъ сочиненія Гроицкаго, какъ памятники магдебургскаго права русскихъ городовъ Речи Посполитой; въ четвертомъ— сочиненія Щербича; ваконецъ, въ пятомъ характеризуетъ сочиненія Гроицкаго и Щербича съ исторической и литературной точекъ зрѣнія.

Работа г. Тарановскаго выполнена въ высшей степени добросовѣстно. Центръ ея лежитъ въ главахъ (раздѣлахъ), посвященныхъ разбору сочиненій Гроицкаго и Щербича, которыми, какъ руководствами, пользовались суды магдебургскій въ русскихъ городахъ Речи Посполитой. Сборники Гроицкаго и Щербича— частнаго происхожденія и никогда не были утверждены законодательною властью; но практика ввела ихъ въ жизнь и дала широкое распространеніе, вопреки мнѣнію проф. В. Б. Антоновича, съ которымъ г. Тарановскій въ данномъ случаѣ полемизируетъ. Въ виду этого г. Тарановскій старательно отмѣчаетъ источники названныхъ трудовъ,

чтобы доказать, что сочиненія Гроицкаго и Щербича являются очень добросовѣстнымъ изложеніемъ положеній магдебургскаго права.'

Н. В.

И. П. Лаппо. Земскій судъ въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка. („Журн. Минист. Нар. Просвѣщ.“, 1897 г., № 6, стр. 263—302).

Статья г. Лаппо заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе о земскомъ судѣ въ литовск. государствѣ въ концѣ XVI в., съ краткимъ очеркомъ его постепенного развитія на протяженіи всего XVI в. Послѣ изданія третьаго статута (1588 г.) въ Литовск. княжествѣ, кроме земскаго, существуетъ еще нѣсколько видовъ судовъ: гродскій (замковый), подкоморскій, трибунальскій мѣстскій, дворный королевскій,— каждый со своими особыми книгами; но среди этихъ всѣхъ судовъ земскій судъ занимаетъ то особое положеніе, что онъ независимъ,— въ противоположность другимъ,—отъ административной власти. Его составъ—судья, подсудокъ и писарь—выбирается земянами повѣта и лишь утверждается королемъ. Для выбора упомянутыхъ должностныхъ лицъ „вряда земского судового“ должна была собираться вся шляхта „отъ вышшаго до визшаго стану“, извѣщенная королевскимъ листомъ, опубликованіе котораго обыкновенно производилось за 4 недѣли до дня выборовъ. На съѣздѣ выбираются четыре кандидата,— непремѣнно шляхтичи, при томъ коренныхъ родовъ, а не новосѣлъ въ повѣтѣ, и уже изъ этихъ король, по своему усмотрѣнію, утверждалъ того или другого въ качествѣ члена суда. Членами суда не могли быть: 1) лица духовныя, 2) занимавшія какой-нибудь урядъ въ томъ же повѣтѣ, 3) занимавшія должность урядника судового въ какомъ-нибудь другомъ повѣтѣ. Должность урядниковъ судовыхъ пожизненна и неприкосновенна. Послѣ избранія, судья и подсудокъ должны были принести присягу въ добросовѣстномъ и беспристрастномъ отправлениі своихъ обязанностей, а писарь—въ точномъ, правильномъ веденіи судовыхъ книгъ. Писать онъ долженъ „поруску, литерами и словы рускими“.

Собственно судъ производился судьей и подсудкомъ, но они

также спрашивали мнѣнія и у писаря; эта коллегія и составляла „судъ земскій“.

По статуту, урядники земскіе должны отправлять свои обязанности лично, но иногда одинъ изъ нихъ могъ отсутствовать по какимънибудь причинамъ; въ такомъ случаѣ неявившійся долженъ былъ извѣстить о своей неявкѣ шляхту и товарищѣ судовыхъ, и послѣдніе избирали временнаго замѣстителя. Впрочемъ, иногда такое замѣщеніе происходило и безъ помощи шляхты. Конечно, причина неявки должна быть уважительная, въ противномъ случаѣ виновный утрачиваетъ свою должностъ.

Что касается до писаря, то онъ могъ брать себѣ въ помощь подпiska, одного или нѣсколькихъ,—но отвѣтственнымъ лицемъ являлся одинъ писарь. Въ качествѣ жалованья члены суда получали доходъ отъ каждого разсмотриваемаго дѣла или вписываемаго въ книги документа.

При судѣ состоялъ „возный“. Обязанности его—исполнительныя; его посылаетъ судъ по просьбѣ частныхъ лицъ „на всякие справы людскіе“. Онъ же доставляетъ „позвы“—повѣстки лицамъ, имѣющимъ стать передъ судомъ.

Земскій судъ съѣзжался на три сессіи, „роки“, „каленціи“, ежегодно. Роки были: трехкрольскіе (6 января), троицкіе и михайловскіе (29 сент.) Обыкновенно урядники судовые пріѣзжали заранѣе, дни за 3 до начала роковъ, чтобы покончить подготовительныя работы: „выписи“—кому надо и т. п. Самый судъ происходилъ въ особомъ „дому судовомъ“, въ центрѣ повѣта, „въ мѣстцѣ звыкломъ“; урядъ гродскій заботился о помѣщеніи для членовъ суда, а также и „иныхъ становъ“, пріѣхавшихъ на роки. Засѣданія происходили съ утра до вечера; иногда даже при свѣчахъ. Определеннаго числа дѣлъ для разсмотрѣнія на засѣданіи не было положено,—иногда успѣвали рѣшить одно дѣло, иногда болѣе десятка. Сессіи продолжались обыкновенно около трехъ недѣль, при чемъ засѣданія происходили ежедневно, кроме дней большихъ праздниковъ и воскресеній.

Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію земскаго суда,—распадаются на два отдѣла; одни только заносятся въ книги, другія требуютъ постановленія суда по существу дѣла; первыя могутъ быть и гражданскаго и уголовнаго характера; хотя статутъ и стремится разграничить кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ каждому суду, но de facto упомянутый кругъ, будучи весьма широкимъ, сливается съ дѣлами другихъ судовъ почти незамѣтно.

Изъ дѣлъ, которыя вѣдались земскими судомъ, главными были — дѣла по имѣніямъ, затѣмъ по „выводу шляхетства“, кромѣ того, ему принадлежитъ одна функция, которая ставить его выше другихъ судовъ,—это надзоръ за правильностью дѣйствій суда гродскаго; но онъ все же первая инстанція и на его рѣшенія, за исключеніемъ вѣкотораго рода дѣлъ, можно апеллировать къ высшимъ судов. инстанціямъ,—къ трибуналу и дворному королевскому суду.

Земскими судами были подсудны: земяне, шляхта, при чемъ наблюдается полная равноправность между обоими полами; но кромѣ этихъ, встречаются часто мѣщане, евреи, слуги замковые, путные, „особы стану духовного“ и пр.; такимъ образомъ оказывается, что земской судъ не имѣть строго шляхетскаго характера, хотя по закону лица судящія и подсудны должны принадлежать только къ шляхетскому стану.

При судахъ состояли „прокураторы“, т. е. лица, на обязанности которыхъ лежало веденіе чужихъ дѣлъ въ этихъ судахъ; по статуту они безвозмездно должны были помогать вести дѣло людямъ неимущимъ и за отказъ исполнить требованіе суда лишались права вести на судъ вообще чужія дѣла.

При разборѣ дѣлъ, кромѣ тяжущихся и нѣкоторыхъ ихъ пріятелей, не допускалось никого; поэтому засѣданія земск. суда не были вполнѣ публичными.

Послѣ окончанія роковъ, врядники еще оставались дня на три, которые проходили въ выдачѣ справокъ и въ удовлетвореніи „иныхъ потребъ шляхетскихъ“. Разъѣзжаясь, члены суда „прячутъ книги прежнихъ роковъ“ въ „скрыню мѣдную“, за тремя замками и печатями и ставить ее въ безопасное мѣсто, въ „склепъ“, который находится подъ охраной воеводы или старости. Книги только что отсужденныхъ роковъ остаются на рукахъ у писаря до слѣдующихъ роковъ „для парадного спрѣвованья и начисто переписанія“.

Языкъ актовъ русскій, но подписи дѣлались и по польски; нарушение статута (писать по руску литерами и слова русскими) началось еще съ 1560 г.; начиная съ этого года идутъ акты, писанные русскимъ языкомъ, но латинск. буквами. Въ началѣ XVI в. въ Литвѣ земской судъ находился всецѣло въ рукахъ воеводы, старосты и державцевъ, которые передавали власть своимъ намѣстникамъ; послѣдніе, по статуту 1529 г., должны выбирать 2-хъ земянъ, „людей добрыхъ и годныхъ веры“; при нихъ долженъ быть писарь; намѣст-

никъ въ отсутствіи обоихъ присяжныхъ не имѣть права судить. Но требование статута не могло такъ сразу скоро утвердиться въ юридической практикѣ Литвы. Еще въ 1554 г. виленскій земскій судъ по прежнему былъ судомъ намѣстника воеводы или старости. Роковъ, въ смыслѣ сессій послѣдующаго времени, не существуетъ,— судъ творить „справедливость“ цѣлый годъ, безъ перерывовъ даже въ годовые праздники. При судѣ находились иногда „люди добрые“, съ которыми онъ „чинить размову“, прежде чѣмъ постановить свой приговоръ; число такихъ совѣтниковъ различно: иногда одинъ, иногда и болѣе. Не рѣдко вместо намѣстника разбираютъ дѣло его слуги; одинъ, или вдвоемъ, или же его писарь.

Крупныя перемѣны принесъ себѣ 1564 годъ; въ этомъ году по Бѣльскому привилею, воеводы, старосты и иные врадники „вырекаются судовъ и справъ всѣхъ воеводскихъ“, которые и замѣняются по новому уставу судами „звычаю права коруннаго“; самъ же земскій судъ, какъ и остальные суды литовскіе, былъ введенъ новымъ статутомъ 1566 года; однако, еще до 1570 г. подъ новой формой ведутся еще старые порядки. Земскій судъ до 1566 г. вѣдалъ всю массу дѣлъ, которая съ 1566 г. была раздѣлена между судомъ земскимъ, гродскимъ и подкоморскимъ.

Для „огледанья“ шкодъ, ранъ, границъ судьи посылали своихъ вижовъ (больш. частью своихъ собственныхъ слугъ), а для приведенія приговора въ исполненіе отправлялись „дѣцкіе“. Вижи не были исключительной принадлежностью уряда: ихъ избирали и частныя лица добровольнымъ соглашеніемъ; потомъ они превратились въ вижовъ повѣтовыхъ, и наконецъ въ возныхъ повѣтовыхъ, которые упоминаются въ 1565 г. въ городенск. книгахъ.

Такимъ образомъ, земскій судъ первоначально былъ судъ намѣстника воеводы или старости, потомъ онъ обращается въ *судей повѣтовыхъ*, назначенныхъ воеводою, и въ решеніяхъ своихъ подлежитъ апелляціи послѣднему. Ко времени средняго статута (1566)—онъ уже отдѣльный отъ администраціи, засѣдаетъ по каденціямъ и судитъ именемъ государя, печатая его печатью. Послѣ 1570 г. характеръ его совершенно опредѣлился. Изъ приведенного здѣсь содержанія статьи г. Лаппо видно, что она даетъ обстоятельный очеркъ судоустройства въ литовскомъ государствѣ, основанный на близайшемъ изученіи законодательныхъ памятниковъ. Такое судоустройство существовало и во всей Украинѣ. Возстаніе Хмельницкаго, измѣнивъ во многомъ прежнія формы общественнаго быта,

коснулось и судовъ. Земскій судъ былъ замѣненъ судомъ козацкимъ. Обстоятельного изслѣдованія по этому вопросу мы и до сихъ поръ не имѣемъ, если не считать попытки г. Миллера, очень слабо очертившей козацкій судъ¹⁾.

В. Д.

Бібліографічесная замѣтка.

На дніяхъ въ Кіевѣ вышла книга постояннаго пашего сотрудника В. Н. Горленка подъ заглавиемъ: *Южно-русскіе очерки и портреты*. Стр. 229. Цѣна 1 р. Она заключаетъ въ себѣ одиннадцать статей, появившихся ранѣе въ „Кіевской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, „Трудѣ“ и „Русскомъ Обозрѣніи“, но значительно дополненныхъ и переправленныхъ. Вотъ ихъ перечень: 1) Родина Гоголя, 2) Изъ исторіи Южно-руссаго общества начала XIX вѣка, 3) Кіевъ въ 1799 году, 5) Шевченко—живописецъ и граверъ, 5) Двѣ поїздки съ Н. И. Костомаровыемъ, 5) Украина въ изображеніяхъ французовъ, 7) М. М. Макаровскій, 8) Г. О. Квитка, 9) Аполлоновы женщины, 10) Захолустье, 11) Завѣты деревни.—Книга издана очень изящно и, конечно, заинтересуетъ многихъ своими сюжетами.

Обзоръ журналовъ.

„Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“. 1897 г.

Свящ. І. Гордіевскій. Памяти каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева. №№ 5, 6, 7; 9 и 11. Біографіческий очеркъ по личнымъ воспоминаніямъ автора: дѣтство, знакомство съ поэтомъ Шевченкомъ, жизнь въ семинаріи и академіи.—Дѣятельность въ качествѣ профессора кіевской семинаріи и по народному образованію въ бытность въ Бѣл.-Церкви.—Видная роль при усмиреніи крестьянскихъ волненій въ 50-хъ г. г. Законоучительство во 2-ой Кіевск. Гімназіи, ре-

¹⁾ Сборникъ Харьковск. Истор.-Філол. Общ., VIII, стр. 63 и далѣе.

дакторство Епарх. Вѣдомост.—Услуги духовенству: ходатайство объ увеличеніи жалованья, отклоненіе проекта о переселеніи малороссійскаго духовенства въ центральную губернію, дѣятельность по управлению женскими духовными училищами.—Отношеніе къ родственникамъ и окружающимъ.

Очеркъ свящ. Гордіевскаго заключаетъ много интересныхъ свѣдѣній, извѣстныхъ автору, какъ близкому родственнику П. Г. Л—ва.

Іванъ Інатьевичъ Малышевский. №№ 3. и 4. Краткій біографической очеркъ и перечисленіе литературныхъ трудовъ.

Попытка на разрѣшенію вопроса: Кто именно перенесъ пропѣвъ кн. Ярослава съ западной стороны Киево-Софійскаго собора на сѣверо-восточный уголъ его. № 4.

Прот. П. Марковскій. Къ замѣткамъ о жизни учениковъ въ Киевской Духовн. Семинаріи въ 30-хъ г. г. №№ 7 и 17. Воспоминанія автора, 85-лѣтняго старца, недавно умершаго, о прежнихъ тяжелыхъ для учащихся временахъ. „Плохая, скудная семинарская пища, тяжкія тѣлесныя наказанія, товарищескія классныя забавы, „могарычи“, и проч. Путешествіе воспитанниковъ на каникулы пѣшимъ и воднымъ путемъ.

Причина, вызвавшая Брестскую Унію (перепечатки изъ газ. „Кievлянинъ“ отчета о рефератѣ въ Общ. Нест. Лѣтоп. О. И. Левицкаго), № 8.

Прот. П. Орловскій. Поучительное чтеніе о святит. священномученикѣ Макаріи, митрополитѣ Кіевскомъ, № 8. Общеизвѣстныя свѣдѣнія.

Прот. І. Корольковъ. Кіевскій Митрополитъ священномученикъ Макарій и его значение въ исторіи Юго-Западной церкви № 10. ТАкого же характера свѣдѣнія.

Изъ церковной лѣтописи Богоявленскаю прихода ж. Паволочи, Сквицкаю уѣзда. Свящ. Серапіона Броековскаго. №№ 12—14. Интересное свѣдѣніе о доходахъ церкви и содержаніи причта въ связи съ исторіей прихода, нач. съ XVIII в.

Генераль Карльевъ о штурмѣ замка. № 12.

Флоръ Малеванскій. Пастырская дѣятельность кіевскихъ митрополитовъ съ 1686—1796. Кіевскій Митрополитъ Гедеонъ-Свято-польскій князь Четвертинскій (1686—1690) № 15.

Онь-жес. Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій (1690—1707), № 18.

Онъ-же. Київський митрополитъ Іосафъ Кроховскій (1708—1718).
№ 19. Общеизвестныя свѣдѣнія, точно подобранныи по печатнымъ
источникамъ.

Протоіерей Павелъ Федоровичъ Подвysоцкій (Некролог)
№ 16.

Св. князь-мученикъ Игорь Ольговичъ. А. Лотоцкаго, № 18.
Сводъ лѣтописныхъ свѣдѣній.

Переходъ вотчиннаю лаврского духовенства въ епдѣніе кіев-
скихъ митрополитовъ. К. Н. Ш—аго. № 19. Статья составлена
по архивнымъ свѣдѣніямъ „объ изъятіи бѣлага духовенства, быв-
шаго въ лаврскихъ вотчинахъ, изъ подъ вѣдѣнія лавры и передачи
его вѣдѣнію кіевскихъ митрополитовъ“.

Даниилъ Гавриловичъ Лебединцевъ (Некролог). Свящ. Іоанна
Гордіевскаго, № 19. Біографическая данная на основаніи семей-
ныхъ свѣдѣній

Церковно-приходская школа 1897 г.

1. К. Корольковъ. *Приходскія школы при церквяхъ въ XVIII в.*
и проекты объ учрежденіи ихъ въ царствованіе императрицы Ека-
терины II. № 6 (январь), и 7 (февраль). „Школы въ XVIII в. со-
ставляла такую же принадлежность каждого прихода, какъ и цер-
ковь“. Особенно въ Малороссіи, гдѣ ихъ только въ двухъ полкахъ—
Нѣжинскомъ и Черниговскомъ было 350.

2. Сравнительные итоги по народному образованію въ Херсон-
ской епархіи за 1893/4 годъ. Кн. 6 (январь). Свѣдѣнія о церковно-
приходскихъ школахъ по ихъ превосходству по мнѣнію автора,
надъ земскими.

3. Свящ. Н. Свѣлецкій. *О значеніи Києва, какъ религіозного*
центра православной Россіи. Кн. 4 (ноябрь) и кн. 5 (декабрь).

Труды Київської Духовної Академіи 1897 г.

1. Свящ. Ф. Титовъ. *Київо-Софійский каѳедральный протоіерей*
Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ № 1, 133—176. Біографический
 очеркъ со свѣдѣніями о литературной дѣятельности покойнаго.

2. Петровъ. *Історико-топографические очерки древняю Києва,*
Начало помѣщено въ „Трудахъ“ за 1896 г.

3. В. Серебренниковъ. Кіевская Академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. № 3, 331—356, № 5, 107—128. № 7, 307—346. О содержаніи интересной работы г. С. см. Кіевск. Ст. 1897 г., декабрь.

4. А. Д. Эртель. О стѣнописи въ Великой Успенской церкви Киево-печерской Лавры № 4, 500—527. Статья вызвана замѣткой, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которой неизвѣстный авторъ обвиняетъ реставраторовъ Киево-Печерской лавры, не поща-дившихъ „даже историческихъ портретовъ княз. Острожскихъ и Сангушко, писавшихъ въ XVI столѣтіи“. Г. Эртель, сличая доку-ментальный извѣстія, утверждаетъ, что никакихъ историческихъ портретовъ XVI в. никогда не существовало. Первая реставрація, нарушившая древность и художественную красоту,—была произведена Симеономъ Олельковичемъ въ 1470 г., когда онъ построилъ новую церковь „едва не отъ основанія“.—Затѣмъ послѣ страшного пожара 1718 г. произведена была новая реставрація, неизвѣстно кѣмъ и, вѣроятно, довольно неудачно, такъ какъ уже въ 1776 г. Захарія Голубовскій расписалъ, или лучше сказать, „размалевалъ“ на-ново всю церковь, уничтоживъ такимъ образомъ всѣ остатки прежней Лавры.—Въ 1840—42 еще разъ реставрировалъ живопись, въ такомъ же духѣ, какъ и Голубовскій,—монахъ Иринархъ.

5. І. Н. Корольковъ. Кіевскій митрополитъ священномуче-никъ Макарій и его значеніе въ исторіи Юго-Западной церкви. № 6, 152—178. Общеизвѣстныя свѣдѣнія.

6. Свящ. Ф. Титовъ. Очерки изъ исторіи „Кіевской Духо-вой Академіи. № 10, 167—207. (Статья не окончена). „Преосвящ. Моисей Богдановъ-Илатоновъ, первый ректоръ Академіи (1819—1823).—Біографія его.—Преобразованіе старой Академіи временно въ Ду-ховную Семинарію—1817 г., и торжественное ея открытие снова—28 сентября 1819.—Дѣятельность Богданова въ качествѣ ректора, профессора богословскихъ наукъ.—Дѣятельность по устройству эко-номической части Академіи.—Расширеніе и увеличеніе зданій и по-строекъ.—Оставленіе ректорства.

С. Т. Голубевъ. Прискорбныя столкновенія Петра Могилы съ своимъ предшественникомъ по митрополіи и кіево-никольскими инонами, № 10, 206—276. Устраненіе съ кафедры епископовъ, по-ставленныхъ патріархомъ Теофаномъ.—Протестъ со стороны Исаіи Кошинского.—Столкновенія и недоразумѣнія между Исаіемъ и Це-

тромъ Могилою.—Королевская комиссія для разбора жалобъ Исаї на Могилу.—Протестъ игуменовъ и иноковъ Пустынно-Никольского монастыря противъ Петра Могилы.—Полученіе Могилою привилегіи на управлениі Пустынно-Никольскимъ монастыремъ и вооруженное занятіе имъ оной.—Судебное дѣло по поводу послѣдняго.

П. Орловский. Столѣтие кіевской епархіи въ настоящемъ ея составѣ (1 сентября 1797 г.—1 сентября 1897 г.) и состояніе церквей, въ какомъ они вошли въ этотъ составъ. № 11, 400—418 Обозрѣніе кіевской епархіи митрополитомъ Іероѳеемъ.—Приказъ кіевской дикастеріи, въ которомъ указывалось на жалкое состояніе церквей и повелѣвалось сдѣлать исправленія согласно его инструкціи.—Печальная картина состоянія церквей.

живеть у пась пятой месяцъ, кажетца я вамъ писала і теперъ въ здешній краю, грасе а не роукоіг, спокойно такъ, какъ подъ Москвой, Прагу взяли, Варшаву взяли, Костюшку взяли і все полскіе затеи кончились; літовской генералъ губернаторъ назначенъ к. Н. В., но еще указу нетъ, а приватные вести. Мы збираемся въ Петербургъ, но также еще не знаемъ, какъ скоро приказано будетъ Тимофею Ів., а я въ деревню поеду и пробуду все то время, покуда онъ будеть въ Петербургѣ, а тамъ ужъ вмосте въ Минскъ возвратимся. Прошу покорно обнять за меня Александру Павловну і поздравить съ новорожденнымъ, і верте, м. г-дръ мой, что я всегда буду съ совершенною преданностю і почтеніемъ ваша верная і покорная слуга С. Тутолмина.

Ілья Андреевичъ три дні уже какъ въ Несвіжে і слава Богу здоровъ.

17). (*Тутолміной*) Отъ 16 сего месяца писмо ваше, м. г-дръ мой, Григорій Петровичъ, я сейчасъ получила. Благодарю васъ за оное і за все дружескіе пожеланія наицінательнейше; весма одолжила мене Александра Павловна, припомнівъ сваріть мою любимую ягоду, прошу покорно жа сіе поблагодарить и ув'рить, что я сердечно желаю возобновить старое наше знакомство і удостоверить о искренней моей привязанности. Писмо мое, чрезъ васъ въ Москву посланное, дошло исправно і я уже ізвестію имела; теперъ же позовлите васъ еще поблагодарить, что вы не забыли въ семъ удостоверітца. Осталось мя въ попросить васъ, мой любезной благодетель, о зделанії несколкихъ штофовъ и не мене 12 мятной водки для моего Тимофея Івановича. Оставленную вами мне при отезде вылечила ево отъ спазмовъ, то онъ и положилъ не піть другой, кроме мятной. Вы сімъ крайне нась одолжите, а мне также прикажите исполніть ваши комісіи, кои со всею готовностю ісполнять буду. О здешняхъ новостяхъ скажу вамъ толькі сіе, что князь Николай В. уже две недели, какъ суда пріехалъ і живетъ въ нашемъ доме. Ахъ! когда бъ еще дожила я до сей радости, чтобы увидеть благодетеля нашео почтенаго Петра Александровича. Но я уверена, что Богъ меня сімъ утешить и исполнить желаніе серца моего. Поляковъ везде поколачивають. Кінорінгъ по своему обыкновенію воюетъ и еще боле, при васъ еще было начало, а теперъ пуще и надѣянца должно, что продолженіе будетъ и виредъ. Прастите, благодетель мой, обоймите за меня сердечно любезную вашу Александру Павловну, такъже и дочку вашу, а мно верте оба, что я, покуда продолжата жиць моя, пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ і признательностю вашею покорнѣйшей слугой С. Тутолмина.

18). (*Тутолміної*). Покорнѣйше благодарю васть, м. г. мой, Григорій Петровичъ, какъ за дружеское писмо ваше, такъ и за присланную водку и варенье; все оное прекрасно зделано і я вамъ за оное весма обязана і желаю очень, чтобъ сама могла вамъ здѣлать что либо пріятное. О извесномъ вамъ чловекѣ буду просить Тимофея Івановича (Тутолмина) і еслі сіе возможно, то онъ, конечно, любя васъ і уважая, не откажеть здѣлать вамъ сию услугу, а я берусь ему напоминать. Миѣ весма нужно переслать къ Алексею Філіпповичу Надаржинскому очень надобные для него бумаги, и опасаясь, чтобъ на почте какъ нібудь оные неутратились, то и прошу васъ, любезной другъ, отпісать мнѣ, могу ли я оные доставить къ вамъ и возмете ль вы на себя, чтобъ по полученіи доставить оные къ нему верно, чемъ вы много меня обяжите. Покорнѣйше прошу засвидетельствовать іскреннее усердіе мое Александре Павловнѣ і изъявить признательность мою за попеченіе ея въ исполненіи комісіи моей. Впрочемъ пребуду на всегда съ велеснымъ почтеніемъ и преданностю, м. г. мой, вашей покорнѣйшей слугою С. Тутолмина.

19 іюля 1794 году. Несвижъ.

При извиненіи себя хлопотами, по случаю пребыванія здесь князя Николая Васильевича паче еще увеличившимся, я ежели не писомъ, то темъ не менѣе признательнымъ сердцемъ, благодарю васъ, мил—го г—дра моего, за последнее ваше ко мнѣ только дружеское отношеніе. Верте, что чувствіи приверженности моей къ вамъ есть непреложны и что я самъ и всегда пребуду съ душевною приверженностью вашимъ вернымъ и покорнѣйшимъ слугою. Т. Тутолминъ.

P. S. Андрей Степановичъ, которому принопу мое почтеніе, погрешилъ противъ меня, усумняся въ моей къ себе древней и непременейшей привязанности и усердія.

19). (*П. В. Завадовскаго*). М. г. мой Григорій Петровичъ

Вскоре придется дѣло въ генераліный судъ по жалобѣ козаковъ Сміялицкихъ. Пребываю удостовѣреннымъ о вашей ко мнѣ благосклонности, ищу преклонить ваше вниманіе къ объясненію слѣдующаго: покойный мой братъ пріобрѣлъ куплею отъ разныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ свое владѣніе въ Сміялчи земли съ крестьянами, а проданная козаками есть только часть. — Прошу, м. г., при разборѣ дѣла уважить обстоятельство сіе и не разрушить, а подкрепить вашимъ правосудіемъ законное стяженіе. Въ каковой надеждѣ, какъ и съ почтеніемъ искреннимъ пребываю вашего пр—ва покорнѣйшимъ слугою Г. Петръ Завадовскій С. Ляличи. 11 іюня, 1800 г.

IV. ЛЮВЕЦКІЕ АКТЫ.

1. Купчая Лоевскаю войта Семена Дупла на проданную п. Григорію Слободецькому съноожать. 1637 г., іюня 9.

Я, Семенъ Дупло, войтъ лоевъский, на тотчас намесникомъ бывшимъ от пана Яна Тишевъскаго, подстаростего лоевъскаго, со-знаю тымъ моимъ листомъ, ижемъ продалъ съноожать пану Григореви Слободецькому за шесть золотыхъ, абы ему не быть въ препѣодахъ никто вичными часы, волно мнѣ продать и где мі кѣлвекъ подеть и на пожитокъ свой обернуть у Вориховицы съноожать тая границею от цемляковъ (ажъ до) Ненца ажъ до дуба хорошаго, там же далей до кривого дуба, отъ кривого ажъ до великого дуба, от великого дуба просто до лозы, там же долично живцомъ от оцѣка знову зас через грedu пришла тая съноожать до мое власное, так же уз дубнякъ пришло до высокого дуба, от Богойка граница ажъ до поповы. Року 1637-го мїця липца дна 9. Jako ja pීemieiajtny pisma prosiłem dobrego człowieka na imię Bykocza, generała Rzeczyckiego. Boykocz, general rzeczycky tęka swą.

2. Купчий листъ Любецкаго мѣщанина Демида Брагинца на проданные любецкимъ мѣщанамъ Борису Бережновичу и Гришку Кужелевичу комору съ пляцомъ.

Року 1656, месеца сентября 7 днja.

Передо мною Климою Шестаченкомъ, наместникъ от его милости пана Пол на тот час будучимъ любецкимъ, и передо мною Омеляномъ Татариномъ, и передо мною Девонгиемъ Бобруенициою, пред мещанами и обывателями любецкими и пред иными людми на тот час будущихъ немало, ставши очевисто на имя Демид Брагинци, также мешанинъ и обыватель любецкий сознал явне, ясне и доброволно, ани з жадного примушеня только з доброи воли своей, иж будучи потребный пинязей продалемъ и пустилемъ, зреясь на вечность, то ест комору ис пляцомъ свою власну, никому ни вчимъ не заведеную ани пенню пану Борису Бережновичу и пану Гришку Кужелевичу мещаномъ и обывателемъ любецкимъ посполу, ув одной стени зрублено с Кисниченою коморою, а меновите, за суму куп десят личбы и монѣты литовъской; котороемъ то вышемененныи мищаномъ волност даю на той коморе вшелякие товари держат и волно имъ будет также продат и дат, албо и дароват и ку якому хотячи пожиткови своему лѣпшому обернут; а по заплате право скасовано быти не маєт, так и сеи листъ маєт въ собѣ моцъ зуполную и подъ закладомъ таковой же

сумы; нащо для липшоє вири и твердости даю им сес мой купчий лист, то ест доброволный запис с притисненем печати и с подпи-
сом руки. Диялося у Любечу року, месеца и дня выш описаного.
Климъ Шестаченко и(аместникъ) Л(юбецкий) от его милости пана
П(олковника) Чер(ниговскаго) рукою. За устною и очевистою проз-
бою от особъ вышменованных до (с)eго их листу подписуюсь на
прозбу Иван Попович рукою.

3. Продажный записъ любецкаго мыщанина Ивана Степкаго на проданные п. Калинику Манку кргунта.

Року 1658, месеца юла 18.

Я Иван Степкай, обевател и земляця любецкий, чиню вѣдомо
и зознаваю сим моим продажным и доброволным записом моим
каждому кому едно колвок вѣдати того будет потреба, ижем я, яко
ведлуг продажы небожчыка славной памяти отца моего пана Стец-
кого, которой продажи и купли естем во всем досконале и добре
свѣдом, яко з воли доброй, пан отец мой, мѣючи кргунта свои
власныи и добра нам належачныи; аже за уподобанемъ и за слуш-
ним торгом пана Калиника Мавка, который, уподобавши собѣ так
поле по межах звычайныхъ, якотеж и инише добра до того нале-
жачныи, взядши границею од Решина идуши шляхом по Кирѣнкову
границу и од Кирѣнковы границы взядши идуши у Гриневу до-
рогу, и з Гриневы уздышы притягла концем знову у Манкову; ко-
торый то помененый кргунть мый, Степкай, доброволне продалисмо
и уступили зrekши на вѣчност ему самому, помененому пану Кал-
енику Манку, жоне и потомком его вѣчными часы, который волен
будет тот помененый кргунть од нас купленый пан Каленик про-
дат, дат, дароват и пожитки размножат, ведлуг воли и уподоба-
ни своего; а жаден ему в той его купли препшодою быти не має,
так я сам, жона и потомкови мои, и жаден з покривных, близ-
ких и далеких, албо и з людей общих, яко никому пенно, ани
зavedено, под зарукою вины на уряд любецкий золотых сто, а по
заплате тот его купленый од нас кргунть звышпомененый пан Ка-
леник оддаленый бути не має, так теж и сес лист маєт моц зуполну-
ю. И на том далисмо сес наш купчий лист с притисненем пе-
чати и с подписом руки моей власной. Дѣялос у Любечу, руку,
месеца и дня звышписаного.

*4. Листъ Яна Степкаго на проданные любецкому мыщанину
Каленику Манку кргунты. 1658 г., 27 июля.*

Я, Ян Степкай, чиню видомо тым листом моимъ и зознаваю'
иж по зейстю (з) свѣта сего, славное памети отца моего, будучи я

видомъ, иж продалъ отецъ мой поле эъ лисомъ из дубровами и зо всеми пожитками, того кгрунту палежачыми, за копъ двадцать и за четыри личбы литовское на имо Каленикови Манкови, мещанинови любецкому, в староствѣ любецкомъ лежачымъ, то ест почавши граничит и описана и значит з Манковой границы шляхомъ черниговскимъ, не займуючи поля пана Стецкого, уз лис решинский и з лису решинского у студенец Горасков, (з) студенца уявши до Гриневы дороги из законам граничит, и оттуля у Манкову межу, знову в тот же шлях черниговский, тогды той кгрунту належачий служачий до зажываня ест поданый и потвержоный вичными часы, и потомству его пуки стаине домоствя его, и жаден над той мой лист прешкоды не повинен чинит. Тогды я будучи яко дедич тоей продажи видомо чиню, з раменя моего даю той лист под вшелякими варунаками и с подписом руки моес, и зезнаваю вичными часы и зрекаюсе, же не еstem належачий до того поля. Писан у Любечу месеца июля двадцат семого року тисеца шест сот петдесят осмого. Jan Stecky гѣка сваѣ (Мѣсто З-хъ печатей). Лукян Амелянович, войтъ любецкий на тот час будучый подписуюс рукою власною. Хилко Егрыщенко, сотник любецкий наказный, рукою. Демидъ Брегиченко, мещанинъ любецкий подписуюс на тот час будучи рукою власною.

*5. Росписка любецкаго земянина Опанаса Евсевича Щуковскаго на долгъ священику Пятницкому за пчелъ и жито. 1659 г.,
28 декабря.*

Я, Опанас Евсевич Щуковский, земянин любецкий, вызнаваю сим моим писанем, иж зостанем винен господину отцу Пятницкому любецкому за слушно пришлую причину, то ест трое бчол и еще бчолы трое, и соснами, которые духовни лица наименовали, а четвертьти тылко пчолы и мѣрьку жита, жебы мело быт то без жадное завады, що се дияло при людех запных и вѣры годных, при пану Мелхру Щуковским, при пану Гаврилу Щуковским, при пану Отроху Игнатовичу и при них запьных людей немало. Що со дияло въ року 1659, месеца декаврия 28 дня. Феодор Попович рукою власною.
(М. П.)

6. Продажный листъ любецкаго мещанина Якима Пресмыченка съ женю на проданные священику Пятницкому Григорю Пронковичу дворъ и садъ съ огородомъ.

Я, Яким Пресмыченко, посполе з женою своею, обыватель и мещанин любецкий, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим

доброволным продажным вецистым листом, иж м'ючи мы двор и сад з огородом свой власный, никому ни в чес не заведенный, ани пленный и никаким правом, ни долгом не преконаный, лежачий в м'сте Любечу, з одное стороны межою од Яска Белоуска, а з другой от Семея Белоуска, прето будучи мы потребны п'вназей пустилисмо и на вечность зроклися и продали чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священику Пятницкому любецкому, на вѣчные часы, ему самому жонъ и потомкам его за готовую суму п'внезей, то ест за копъ пятиадцат гропей личбы литовской; которму вольно тот двор з садом и з огородом спокойне уживат и з него вшелякие пожитки м'ять, албо ли кому продат, дат, дароват, иле ку своему большему пожитку оборотит, яко свое власное, до котого не тylко я, вышъменованны Еким, але и жона, и потомкове мои и жаден с покревных моих, яко близких, такъ тежъ и далеких, не мают м'ят до оногого двора и огорода з садом жадной потребы и вышъменованого чест(ного) г(оспо)дина отца Григория, так теж жону и потомковъ его в том спокойном уживанию турбоват не повинны. А еслибы хто ине колвекъ см'лбы и важдися оному вышъменованому чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию в том якую колвекъ кризду и перешкоду чинит, любъ теж якъ неслушъне за то на право позыват, таковыи каждый заплатит вины на близко принадлежаий урядъ нашъ любецкий копъ двадцат, а по заплаченю усих шкод и накладов и тосей поменской вины маєт також зостават тот двор и огород з садом при честном господину отцу Григорию. И на том я, вышъменованны Еким, даю оному тот мой продажный вецистый лист, с подпісом рукъ и с притисненем печати люд'єи вери годных, на том моем листе ниже подписаныхъ. Писан в Любечу, року 1660. Яко писма неум'єтнай до того листу казал руку свою подпісат. Яско Стефанович рукою (М. П.) Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wyszniawanego Iakima Prosmyczenka, iako samiego pisać nieumiejętnego w osobie jego do tego listu ręką swą podpisał. Gabriel Duryna ręką swą. Ісаї Мартинович Ланка рукою. Енсей Варкович рукою. Микита Кузмович рукою.

7. Купчий листъ любецкаго козака Тереха Хоменка на проданный любецкому мъщанину Якову Матюшенку огородъ.

Року 1660 в'єсця априля 5 дня.

Передо мною Лукяном Омеляновичом, войтом любецким, ставши очивисто Терех Хоменко, козак любецкий, мишкаючий в маєтнощі любецької сила, прозываемого Озмикови, зознал явне и доброволне, ани з жадного примусу, тylко з доброй воли моей, ижем я про-

дал огород свой властный, лежачий за брамою нагорнею любецкою берег огорода Скугаревского и берег Злобого огорода, то ест, про даю Якову Матюшенку, обивателю и мещанину любецкому, а меновите: за повчварта золотога, до котораго того пляцю огорода не повинен жадный, ани я сам, ани отец мой, ани с кревных моих, так и общих людей никакой перешкоды чинити не мают, под зарукою вини на его милости пана полковника кои десят, а на уряд любецкий золотых двадцат. На що я оному задле лѣнишой вѣри и твердости даю сей мой лист купчий, с печатю и с подпісом руки урядовой. Писан в Любечу, року и дня вышней описанного. Лукьян Омелянович, вольть любецкий. Яско Билоуска при том часу был и на то руку подписал. (М. П.)

8. Тестаментъ любецкой обывательки Оксини Корнѣевны Потапихи Кезихи. 1660 г., 12 апрѣля.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святую живоначальную и нераздѣлимую Троицу, станьсе таі речь ку хвѣле Божиѣ и ку вѣчной памети Аминь. Я раба Божиѧ Оксиня Корнѣевна Потапиха Кезиха, обевателка тракту любецкого, чыню явно и зознаваю сим тестаментомъ остатнюю волею мою каждому кому будет того вѣдати потреба тепер и на потомные часы, иж будучи я навежона от Господа Бога обложенюю хоробою и на смертной постеле лежачы и видечы себе быти близкое ку смерти, нижли ко животу. на первой попѣзї душу мою в руцѣ Створителю, а тѣло мое грѣшное зят мой, на йме Сила Брехун, мает поховат погребом християнским и вшеляких памти дорочных одиравит, як на то ест звычай християнский, которому то звышъреченному зятю моему одказую кгрунтъ свой отчызны добра лежачии у мысох, который небожчик отец мой купил за грости свои власныи у Мехеда Илича Торешецкого, на що и лист купчий на тот кгрунтъ оному имененому зятю моему до рукъ давши вѣчными часы варуючи, иж бы оному в тых добрах и во вшеляких пожитках кгрунту онаго од сынов моих Тишка и Кондрата, и Исаака жадной перешкоды и ущербку чынит не важилис, але жебы спокойны он то уживал, и волен будет и продат, дат кому, и дароват и иле якъ хотечи ку лѣнишому пожиткови своему оборочат ведлуг и с уподобанія своего. При котором то тестаментъ були люде добрыи и вѣры godных мещане любецкии, на йме Миско Чучанъ, Ницифор Щочал и Дмитр Козаченко, Качдрат Кезечко и иных будущих не мало при писаню сего тестаменту. А хтобы мѣль и важился сес мой тестаментъ остатнюю волю мою нарушил, тоды ис таковым суд буду мѣти на

оном страшном судѣ Христовѣ предъ судиою нелицемѣрныи. Писан року 1660, мѣсяца апрѣля 12 днія. За устною и очевистою прозбою пана Тимоха Кезенка, яко сам писат неумиетный до того тестаменту подписал руку. Григорей Демидовичъ рукою. (М. П.). За устною и очевистою прозбою звышпомененых особы до того тестаменту подписался. Богдан Корнѣевичъ рукою.

9. Продажный листъ любецкаго обывателя Омеляна Тарасовича съ женой на проданный ими любецкому священнику Григорию Пронковичу огородъ. 1660 г., 1 мая.

Я Омелян Тарасовичъ, посмоле з женою своею Федосею, обывателе любецкие, чинимо вѣдомо и явно звязнаваем тым нашим продажным вечистым листомъ, ижесмо продали и въ моц пустили огородъ свой власный, бывший Стосаковский, никому ни въ чимъ незаведеный и неподлоглый, лежачий з одного боку межою отъ Богдана Петровича, мещанина любецкого, а з другой стороны отъ Миска Чучана, то ест чест(ному) г(оспо)дцу отцу Григорию Пронковичу, священнику любецкому, ему самому, жонѣ и потомкомъ его на вѣчные часы за коць десет грошей личбы литовской, волно оному честному господину отцу Григорию тот илац спокойне уживат, дат, дароват, алболи ку своему добруму пожитку обернуть, яко свое власное; до котораго то вышъменованого огороду, но тылко я сам, Омелян, але и жона моя, и потомкове мои, и жаден съ приятелей моихъ, яко близкихъ, такъ тежъ и далнихъ не мае мѣт потребы и ему вышъменованому честному господину отцу Григорию въ томъ жадное турбаций чинит не важилис. А еслибы, который колвекъ з тыхъ именованихъ людей смѣльбы и важился честному господину отцу Григорию въ томъ перешъкодою быт и его въ спокойномъ уживаню турбоват, таквый кождый заплатит вины на уряд любецкій коць двадцат, а по заплатеню тоей вины и всіхъ накладовъ и шкодъ, маєт таковимъ же способомъ зостават тот огородъ при честному господину отцу Григорию, и тот листъ мой въ каждого права и суду цале а ненарушоне хован быти маєт. При которой то продажи были люде задные и вѣры годные мещане любецкие, именовите: панъ Богданъ Петровичъ и Михал Масленко и Тит Жупиченко. Дѣялося въ Любечу; року 1660, мѣсяца мая 1 днія (М. П.). Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wysz mianowanego Omeliana Tarosowicza iako samego pisać nieumiejętnego w osobie jego do tego listu rękę swą podpisał. Gabryel Duryna ręką swą.— Устна прошона до того купъчаго листу отъ вышъ менованого Омеляна Тарасовича, яко неумѣтнаго писати, при печати руку подъписалъ. Богдан Петровичъ рукою.— До того листу

купчого устнє и очевисто упрощонный о подпiss руки, я Лукянъ Омеляновичъ руку свою подписаль.

10. Продажный листъ Просмыковыхъ дочекъ на проданный Пятницкому священнику Григорию огородъ съ садовиною. Року тепер идучомъ 1661, мъсяца априля 24 дня.

Перед нами Гаврилом Василевичом, сотником его царского величества войска Запорожского любецким, и при велю людех засных и вѣри годных, при том часе будучих, постановив имсѧ очевисто Просмыковы дочки, меновите менъшая, которая явне очевисто со-знала и на вѣчност зреckлasy пляцу своего то ест з огородомъ и що колвекъ до него належит з садовиною, а будучи потребная иѣ-нязей продала и на вѣчност пустила и подала чест(ному) господину отцу Григорию священнику Пятницкому любецкому, за готовую суму иѣнязей, то ест за кондесст гропей личбы литовской; которому вышъменованому честному господину отцу Григорию, жонѣ и потом-комъ его волно тот садъ ис пляцомъ спокойно уживат, любо про-дат, дат, даровать, иле ку своему большому пожитку оборотит, яко свое власное: до которого то саду не тылко мы, имененные Прос-мыковые дочки, але жаденъ с покревныхъ наших, яко близких, такъ тежъ и далнихъ но мають мѣть жадной и оного вышъменованого честного господина отца Григория в том ого спокойномъ уживаню турбоват не новинны. При которой той купли были люде засные и вѣры годные, меновите: Тимох Хилченко и Ерошъ Стасенко и Иван Помаз, мещане любецкие. Писан в Любечу, руку, мѣсеца и дни вышней описанного. (М. П.). Гавриил Василевич, сотник его царского величества войска запорожского любецкий рукою.

*11. Тестаментъ лоевскаго мѣщанина Семена Василевича 1667 г.,
26 января.*

Во Имя Отца и Сына и Святого Духа святей живоначальной Троицы станся тая рѣчь ку вѣчной памети. Аминь. Я рабъ Божий Семион Василевич, прозвываемый Плющъ, мещанинъ стародавъ-ный и обивател лоевъский а на сес час, през сию войну мешкаю-чый в мѣсте его царского пресвѣтлого величества Чернигове, будучы мнѣ от Господа Бога навежжоному хоробою обложъю, а видечи себе юже ближъшаго ку смерти нижъле ку животу, зачимъ сес мой тесъ-таментъ за цѣлого розуму своего и добroe памети, распоряжучы такъ убогое убоzство свое, яко и кгрунты свои отцовскии в кгрунтьте лоевъскомъ лежачый, кону што будет; на первей жонѣ моей Аннѣ

Стасовиѣ отказую и отписую и з дочкою мою, з неюжъ спложеною, вес кгрунтъ мой отцевъский у Лоевщинѣ, што сам ходилом, знову зас у (?) атѣвъщине который маю кгрунть из Зѣнъковъцами, тамъ инѣ належит половина того кгрунту у.....вѣ, то все отписую вышьмененой жоне своей, которая має из дочькою мою иосполом спокойне вжывати, а если доросте лѣтъ своих и пойде в стань светий малженский, то ей половина во всем том кгрунте, а жоне моей половина; а если смерть Богъ пошлет на дочьку мою, то ввесь жонъ моей, которая має тѣло мое грѣшное християнскимъ погребомъ поховати и отпоминати. Духовному зас моему отцу Филипу Ивановичу свещенику николскому лоевъскому за все провъсъ пуд меду повинна ув осен дати. А што ткнется о долъги, такъ я людем ничего, никому невиненъ, якож и мнѣ не винни. Притом заверяю моим тестаментомъ осгатънє воли моей, aby никто не нарушал под клятвою святых отец и называю его на декрет пред маестат Божий. При которомъ том спораженю тестаменту моего были люде добрыи и вѣры годныи: канервей Лукьянъ Микитенко мещанин лоевъскій. Мартинъ Кононович Бобровник мещанин лоевъскій. Апанас Мишкович Лапатневецъ. Пархомъ Гаплыкъ. Сава Семенович Ковал, Иля Микитенко и иных немало людей добрых и вѣры годных. Писан у Чернигове, року 1667, месеца іануария 26 днія.

12. Дарственныи (?) листъ стародубовскаго протопопа Андрея Грушевскаго любецкому мещанину Богдану Шпаку на пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ 1669 г., 19 апрѣля.

сотником, асаулом и всего рицерства войска его царскаго пресвѣтълого величества запорожскаго, и от них будучим на уряде, иж я маючи пляц з (о)городомъ в Любечу за брамою киевскою стоячий, по небожъчу Яцевичу мнѣ служачый за одправу духовную сорокуста; который то пляцъ и огород не ест никому пенный, ани в сумѣ ни от кого незаведенный, тилко я з доброю воли своей даю въмощ пану Богдану Шпаку, обывателю и мещанину любецкому, приятелеви своему, волно ему на пляцу томъ будоватися и пожитку заживат с того (о)города без нарушеня писаня моего и под сроким каранем и виною войсковою. Што для лѣпшой вѣри при печати моей руку свою подписьую. Дѣялося въ Стародубѣ, року 1669, мѣсцеца апрѣля дня 19. Андрей Грушевъскій протопопа стародубовскій.

(М. П.)

13. Справа по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою и Процкомъ Григоревичемъ Дейковичемъ о киругнть, 1671 г., 28 июля

Перед нами, Стефаном Войцеховичемъ, сотником любецкимъ, Петромъ Елоцкимъ, атаманом городовым любецкимъ, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецкимъ, и перед велю людей на тот час будучихъ, справы добръ вѣдомыхъ, приточила справа межи Михайлом Тимоховичемъ, прозвываемым Белдюжкою, а Процком Григоревичем Дейковичемъ о киругнть Белдюжковщизну, который през сес час военный в розных завикухах вакуючи в зобополном держанию а не роздѣльно покревные, так отец помененого Михайлы з родною братею мающи, так теж и по нихъ потомству ув оныхъ часах счал, аже поневаж до того часу частка, когорая Михайлова по отцы спадат мѣла, которая волна аникуму отцемъ а и теж имъ жаднымъ долгомъ и записомъ не заведена допоминался у суду нашего, которому помененый Процко збороняет и уживат недопускает и не хочет допустити, менуючи варунокъ и моц права описаного купчею, который повѣдающи предали и завили и в моц вечистое поссесны подали и уживат позволили Пархомъ и Семен Ивановичи Белдюжки, которые якобы ему промежку своими и Михайлову частку завели. Мы теды чуючи контроверсию стороны поводовой и отпорной пыталисмо, еслибы хто живый человѣкъ и старожитный о тыхъ киругнтахъ небыл свѣдомый? На що звышъ помененый Михайло становиль двухъ особъ, мещан зацныхъ и вѣры годныхъ, а тои справы добре свѣдомыхъ, пана Максима Костамаху и Феодора Бурдука, которые ставши своими особами устнє и очевисто перед нами признавали, иж от килкадесят лѣт тот киругнть Белдюжковщизна в зобополном держанью зоставал и никому ни вчомъ небыл заведеный, ани описаный, такъ за живота дедичовъ, яко и по смерти волно зостаючи и до того часу, що теды мы чуючи сознане устное для далшое и лѣпшое вѣдомости и потвржденя оную справу и записат казали. Писан у Любечу року 1671, месеца іюля 28 дня.

14. Декретъ атамана и вайта любецкихъ по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою Мушеномъ и любецкимъ мышаниномъ Процкомъ Дейковичемъ о киругнть Року тепер идущаго 1671, месеца авгуаста 7 дня.

Перед нами Петром Елоцкимъ, атаманом городовым любецкимъ, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецкимъ, и при нас будучихъ иныхъ особъ людей вѣры годныхъ Мартина Евтушенка и Кирила Мавка и иныхъ немало будучихъ, справы добре свѣдомыхъ, приточила справа

иже Михайлы Тимоховича Белдюги Мушенка обевателя убѣжицкого в трактъ любецкомъ, а Процка Дейковича мещанина любецкого о кгрунт дедичный, названый Белдюжковщизну, лежачий подъ Любечомъ, о частъ, которую небожчикъ Тимох отецъ помененого Михаля уживал, который ивьючи въ зобополном держанию изъ небожчикомъ Иваномъ братомъ рожонымъ, такъ и по смерти не подѣлный Михайлови изъ братиго Ивановичами Белдюгами по родичахъ своихъ спадающий въ посессию спал; а же поневаж брата Тимохова Пархомъ и Семенъ Ивановичы, будучы потребны пѣнзей, частъ свою належачую помененого кгрунту, который имъ по отцы снал, продали, завели и купчю звышменованому пану Процкови Дейковичу завили и въ моцъ вечистое посессии подали, уволнивши кроме части Михайловы заставляющи волно, которая нивчимъ, никому не цennaя, ани заведеная; которую то частъ звышменованный Процко, при той своеи купленой части, и туу Михайлову зайшол былъ, хотечи его отдалити и дармо оттерти зъ его вечистои отчизны, и презъ лѣтъ килка пашучи уживал и его недопускал и допустити не хотѣлъ; за що запозвавшые передъ судъ нашъ о скютокъ сиравы укривженый просилъ насъ; мы теды выслушавши контраверсий стороны поводовой и отпорной, поневаж Михайло становилъ на тое сторону людей зацныхъ и вѣры годныхъ, пана Максимиа Костомаху и Феодора Бурдука мещан... которые ставши своимъ особами сознавали, ижъ... и въ вечистой посессии Тимоха и Ивана небожковъ... зостаючий потомкомъ по нихъ, никому ни въ чомъ незаведеный сп... те въ тыхъ слова потвержающи Кирила Манко сознал передъ судомъ нашимъ, ижъ жадной продажи и заводу такъ за живота, якотеж и по смерти о части Михайлови належачую и до того часу не было чого о томъ добре будучи свѣломъ о томъ у суду нашего и сознал. Мы теды, чуючи сознане устное, наказалисмо моцю того декрету, абы помененый Процко отъ сего часу далей помененому Михайлови Тимоховичу Мушенкови у его отчизны кгрунть, то естъ, у половицу Белдюжковщизны, которую и небожчикъ отецъ его Тимох Муха уживал, жадного уходу и потребы немел вѣчными часы; поневаж до того часу въ зобополном держанию а нераздѣльный зостаетъ, разделитъ и розѣхатъ наказалисмо, абы жаденъ своего левенъ былъ. А еслибы тежъ далѣй, послѣ того часу звыш менованый Процко Михайлови Тимоховичу Мушенкови якую колвекъ кривду и до его части уходъ який ивти мал, теды за донесенемъ скарги укривженого повиненъ будетъ вины заплатитъ на урядъ близко належачий золотыхъ сто. И на томъ для лѣпшой вѣры и стверженя далисмо пререченому Михайлови сесъ нашъ декретъ при печати и съ подписомъ руки при печати менованихъ. Писанъ въ Лю-

бечу, року, месеца и дня звышписаного. Петро, Елоцкий, атаман городовий любецкий (М. П.). Миронъ Демиденко, вуйтъ любецкий.

15. Продажныи листъ Павла Бакуринскаго и жены его Анны на проданный любецкому священнику Григорию Прокоповичу пляцѣ съ огородомъ въ Любечѣ. 1674 г., 15 января.

Ja, Paweł Bakurzynky, i ja, Anna Pierocka Bakurzynska, czyniemy wiadomo tym naszym pismem, iż my będąc potrzebnemi pieniędzy przedalysmy plac goły z ogrodem w Lubeczu z jedney strony od wału mieyskiego od szewca Semena Białouska, wielebnemu jego mosci oycu Hrehoremu Prokopowiczowi swieszczenikowi Piatnickiemu Lubęckiemu w wieczuą possesyią za gotową summę pieniędzy, to iest złotych dwadziescia; na coś my dali dla lepszej wiary tę naszą pismo s podpisem rąk naszych i s podpisem rąk przyjacielskich, od nas uproszonych. Data w Lubeczu, 15 january 1674. Paweł Bakurzynsky ręko swo własną. Na mieście małżonky moiej, jako pisma nieumiejetnej podpisuię się Paweł Bakurzynsky. Proszony pieczętarz do tego pisma podpisuię się Lukasz Babski. (М. П.). Устна прошоный от особы выш менovanых подписью со Григорей Мартиновицъ.

16. Запись Кротинской громады о безпрепятственномъ пользованіи любецкимъ священникомъ Григориемъ Пронковичемъ угодьями, принадлежащими къ церкви св. Параскевы и придельну св. Евстафія.
1675 г., месяца марта 15 дня.

Мы Кротинци, Кузма Антонов и Сидор Яцкович со всѣми громадою своими мужами, Хомя и Отрох и вся люде, при бытности нашего священника отца Феодора Даниловича, при пану Феодосию Михайловичу и при пану Роману Осташъце, райци и мещанину черниговском, при пану Дмитру Трохимовичу, мещанину черниговском, при пану Никифору Орловском, при пану Феодору Рубану, мещанину острецком, Василю Ивановичу, мещанину острецком, приняли згоду з отцем Григорием Пронковичом, священником Пятницким любецким, со всюми завсѣ заводы правнин, кото- рисмо иѣли межи собою иroz тіє часы и подушенiem и побудки отца Ярофѣя Котовича Пречистского любецкого, на том, ижем ведлугъ поданя от отца Якова Григорьевича, старого бывшого священника любецкого и ведлугъ поданя правъ давных отцу Григорию Пронковичу, священнику Пятницкому, от рожных державцов любецких и ведлугъ постановеня и свѣдоцства иѣста Любеча всей

громады що колвек належито до церкви Св. вел. муч. Параскевої и до предѣла св. муч. Евстафія, якъ остров Змийский з озерцем и зо всѣми пожитками належитими, в тим всѣм по перечачи по-винисмо отдават все тое належитое водлуг продков наших отцу Григорию Пятницкому любецкому; а ежелибысмо не мѣли отдать, подпадаем под вину, положонную правъ давних и отцов наших. А еслибы могъ хто зновляти и турбацию якую правную зновляти, та-ковый заплатит выну, якъ з духовного стану, на его милость пана и пастира коп сто ку отданю неотложне, а если з мирских, то на его милост пана гетмана и пана полковника, туюж суму и на близ-коналежащий уряд коп 17. На що сіє наше писане даемо при лю-дех вишменованих. Року 1675, месеца марта 15 дня. Дмитерь Отрохович бурмистрович черниговский рукою, Семен Григоревич в(а-местник) любецкий. Феодор Михалович, рукою. Раман Астапович мещанин и райца черниговский. Писар того письма священник Кро-тичанский Феодор Данилович рукою власною. (М. П). Панъ Ни-кифоръ Орловъский рукою.

17 Актъ передачи брагинскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Юрко-вичемъ своихъ грунтовъ во временнное владыніе брагинскому мѣща-нину Степану Макововичу. 1675 г., 7 июля.

Я Алексій Юркович, бывшій мещанин брегинскій, а тепер менкаючій в Чернигове, чыню вѣдомо сим моим письмом, иж я, маючи кгрунты отцовъських в мѣстѣ Брягиню, здавъ на наданые от Александра Батьковскаго, старости Брягина, од ксенженъци пана нашего милостивого, нашто и право маю; што тоды углядѣвъши я в том, же тот кгрунть, огороды, сеноожати и што при нем на-лежно, упрощаю впред пана а пана старости теперешнаго, пана мо-его милостивого, жебы тая моя отчизна никому не была заведена зачым нас Господь принесе; только тое все в мои и владзу подаю, Степану Макововичу, мещанину брегинскому, и право тое подаю, который повинен мою отчизною, никто иныхъ до моего приходу, только яко я сам обладат и пожытковать, в чом я моего мосцивого пана упрашаю, а вашей милости во вѣсем поволный услугай. С Чернигова, року 1675, месеца июля дня 7.

Вашей милости моему мосцивому пану во вѣсем поволный услу-гай Алексій Юрковичъ низко кланяюся.

18. Купчій листъ Ланка Мартиновича на проданный имъ любецкому священнику Григорію Пронковичу пляцъ съ огородомъ въ Любечъ. Року тепер идучемъ 1676, месеца мая 28 днія.

Я, Ланко Мартинович, бывший обевателъ з мѣста Черей, а тепер обевателъ Вербицкій тракту Черниговъскаго, чыню вѣдомо и зезнавую симъ моимъ продажнымъ и вѣчистымъ записомъ и листомъ каждому, кому будетъ того вѣдати потреба, у каждого права и суду и на каждомъ мѣсцу, ижъ я, мѣючи пляцъ селитбу изъ огорода, частку купленную отъ Якима Просмыка у Любечу на предмѣсти Кгончарыщу идучы отъ межы пляцу бояръ Антоновскихъ и помеж пляцъ сполне отца Григория Пронковича, священника Пятницкаго любецкаго, котору завѣвъ и иродалъ тойже небожчикъ Якимъ Просмыкъ, аже будучи я потребный иѣннязей и ишому никому не ухиляючи на сторону яко близшай и сполна належитъ ку пляцу имененаго отца Григория, съ которымъ я заведиши торгъ продалъ есми и уступилъ зrexся на вѣчност, то естъ, отцу Григорию ому самому, малжонцѣ и потомкомъ его на вѣчные часы за готовую суму иѣннязой, а меновѣте: за конъ шѣстъ грошей личбы и монеты ливовъской, на которомъ пляцу волно будетъ отцу Григорию селитисъ, будоватисъ и огородъ пахати и вшелякий з него пожитокъ мѣти, албо и кому продати, дати, даровати и замѣнити и кому хотячи отъ себѣ якимъ правомъ пустити ведлугъ воли и уподобаня своего, а жаденъ ему въ тои купли перешкодою быти не маestъ, такъ я самъ, малжонка и потомковъ моихъ и жаденъ з близкихъ кревныхъ и повинныхъ моихъ, албо и з людей общыхъ, яко никому ни въ чимъ пеннай, ани заведенай, подъ зарукою вины на близко належачай урядъ кош десетъ; а заплативши предся оная купля при отцу Григорию вѣчне зоставатиметъ; такъ тежъ и сесъ мой куничий листъ вѣчистой продажи маestъ мати моцъ зуполную. При къторомъ справованю торгу и куили были люде добрыи и вѣры годные и того добре свѣдомыи, меновите быт рачилъ: панъ Нѣцко Орловъскій, мещанинъ любецкій, панъ Кондратъ Семакъ, Кондратъ Ерченко Семакъ, Алексей Дроздовъскій. земяне тракту любецкого и иныхъ на тотъ часъ будучихъ во-мало людей вѣръ годныхъ, добре справы свѣдомыхъ. И на томъ далъ есми преречоному отцу Григорию Пронковичу сей мой куничий листъ вѣчистой продажи, съ подписомъ руки и съ притисненiemъ печати. Писанъ у Любечу, року месеца и дня звышписанаго. Богданъ Корнѣевичъ Дробний, писаръ сего листу рукою власною Ланко Мартиновичъ, самъ писма неумѣтный, упросилемъ того же писара, абы онъ руку мою подпидалъ.

19. Продажный листъ Евтуха Козла Гордъенка съ женою на грунты, проданные Кирилу Чобутченку, съ условиемъ на случай возвращенія изъ татарского пленна наследниковъ этихъ грунтовъ.

1677 року, месеца апрѣля 25 днія.

На врядѣ Любецкомъ передъ нами Миною Михайловичомъ, атаманомъ городовыи любецкимъ, и Мартиномъ Евтушенкомъ, вуйтомъ на тотъ часъ зостающимъ Любецкимъ, ставши очевисто предъ нами Евтух Козелъ Гордъенко, обевателъ тракту любецкого, созналъ изъ женою своею Овдотею Яцковною, яж они продали кгрунть небозчика родича своего Яцка Рыбалченка, лежачий въ Салкове обмежу П., . . Жыленицы кгрунта, а другимъ бокомъ межою Курила Чобутченкова кгрунту, которому и сей помененый грунтъ Яцковщыну продали за готовую суму пѣнзей копъ шѣст личбы и монеты литовскoe, такъ съ полями разробленными и не разробленными, сѣножатыми при томже грунти зостающими, яко (ужи)валъ небожчыкъ Яцко, а по немъ зостающимъ по-томки его Ермола, которогого татаре взяли изъ маткою, теды такъ и мы вручаемъ пану Курѣле, ему самому и жонѣ его, волне будетъ яко своимъ властнимъ пожытковатъ, албо по смерти своей кому скотячи вручытъ, до вызволенія зъ неволи целыхъ господарей помененнаго Ермоля, албо матери его, албо сестры, которую послѣдне взято, того грунта, а ежели бы Богъ Всомощный съ тыхъ трехъ особъ которое вызволилъ зъ неволи, теды отложивши сумму помененному Куриле, албо въ кого въ possessии бы зоставалъ по немъ тотъ грунтъ при собѣ одержати мѣе, яко свое непѣнное; що мы выпо помененныи врядъ, принявши до себѣ тую справу, ствержаемъ симъ нашимъ писанемъ, и даемъ потребуojой сторонѣ для лѣпшої твердости при печати нашей врядовой и съ подписомъ рукъ подъ печатю нижей именованныхъ и подъ закладомъ вины золотыхъ ста на врядъ близко належачий за вѣчнанія турбаций презъ сей листъ описанный. Дѣлося въ Любечу 1677 року, месеца апрѣля 25 днія. Устне и очевисто прошоный о подписи рукъ до того листа отъ Курила Чобутченка презъ тогожъ писаря подписалася Емелянъ . . . менко прѣ той справе будучимъ и того добрѣ свидомъ Кирилъ Худолѣнко печатамъ того листа рукою.

А особливѣ доходячи сего декрету и права достосваочы помененный Курила тратилъ послѣдне изъ женою своею, а меновите выкладу правнаго талеровъ два, которое все сполне при тойже суме копъ шести, и сие зоставатъ мае цѣло вѣчными часы не нарушаочы права сего. А хтось мой сей кгрунтъ отъ Курила отобрати (мел) вѣдлугъ сего декрету теды при тыхъ шести копахъ и сии два талеры повинни будуть отдать.

O T Ъ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта или служить проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе дрѣвніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды дрѣвнійшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ дрѣвнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 Г.

Кіевъ, типографія Імператорскаго Університета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.

1898.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ.

ПАМЯТИ Θ. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА.

(по поводу десятилѣтия со дня его смерти).

12-го марта 1898-го года истекаетъ 10 лѣтъ со дня смерти основателя и первого редактора-издателя нашего журнала, *Феофана Гавриловича Лебединцева*. Его труды, затраченные имъ при организації этого дѣла и при веденіи его въ теченіе *первых шести лѣтъ*, его талантливая редакторская способность, выразившаяся во всѣхъ разнообразныхъ функціяхъ редакторства, его умѣлая дѣятельность, направленная къ привлечению какъ сотрудниковъ, такъ и подписчиковъ, наконецъ, его большой умъ, знанія и литературный талантъ—все это заставляетъ насъ, преемственно замѣстившихъ его въ трудномъ дѣлѣ редактированія специальнаго мѣстнаго органа, не только сохранять въ своей памяти его почтенное имя, но позаботиться и о томъ, чтобы въ средѣ нашихъ читателей это имя сочеталось съ представлениемъ о лучшихъ сторонахъ въ жизни общественнаго дѣтеля. На страницахъ нашего журнала уже нѣсколько разъ появлялись краткія замѣтки о *Θ. Г. Лебединцевѣ*, преимущественно касавшіяся его редакторской дѣятельности (см. 1888 г. № 5-й: „Къ редакторской дѣятельности Θ. Г. Лебединцева“ В. Г.; 1889 г., № 3-й: „Памати Θ. Г. Лебединцева“ Н. Сумпрова), а частію и учено-литературной (см. 1888 г., № 4-й: „Къ литературной дѣятельности Θ. Г. Лебединцева“). Въ настоящее время, когда исполняется 10 лѣтъ со дня его смерти, мы считаемъ, что лучшимъ выраженіемъ нашего по-

ченія въ трудамъ покойнаго будеть опублікованіе тѣхъ матеріаловъ, которыми болѣе всего характеризуется личность съ ея разнообразными стремленіями, завѣтными думами и выработанными жизнью идеалами,—это переписка съ лицами, по своему положенію дававшими поводъ, не стѣсняясь обстоятельствами, открыто дѣлиться съ ними всѣмъ тѣмъ, что выражаетъ внутренній міръ души человѣка. Переписка Ф. Г. Лебединцева со многими лицами и по разнообразнымъ вопросамъ, мы надѣемся, будетъ опублікована въ свое время. Мы-же теперь, благодаря любезному вниманію сына покойнаго, А. Ф. Лебединцева, получили право напечатать ту часть писемъ его къ брату, Петру Гавриловичу Лебединцеву, которая касается очень интереснаго периода въ жизни его—времени служенія въ Холмской училищной дирекціи въ качествѣ начальника ея. Письма эти были приготовлены къ печати еще самимъ Петромъ Гавриловичемъ и снабжены нѣкоторыми его примѣчаніями. Мы опускаемъ въ нихъ все то, что имѣеть частный, семейный характеръ, и печатаемъ только ту часть ихъ (значительно большую), въ которой Феофанъ Гавриловичъ является предъ нами съ его общественными и національными чертами.

Печатая эти письма, мы тѣмъ самымъ даемъ возможность будущимъ біографамъ Феоф. Гаврил. имѣть тотъ матеріаль, безъ которого всякая біографія носить только внѣшній характеръ, не освѣщаю предъ нами души человѣка. А біографія Ф. Г. Лебединцева, весьма интересная уже потому, что на его долю выпала въ жизни почтенная роль *ученаго, педагога и литератора*, до сихъ поръ не только не разработана, но, можно сказать, почти не начата. Въ то время какъ въ печати мы можемъ найти теперь нѣсколько прекрасныхъ страницъ изъ біографіи братьевъ его, Петра и Даниила Гавриловичей (см., напр., „Кіев. Епарх. Вѣдом.“ 1897 г. № 5, 6, 7, 9 и 11 статью свящ. І. Гордіевскаго: „Памяти каѳедрального протоіерея П. Г. Лебединцева“; или: его-же: „Даниилъ Гаврил. Лебединцевъ“—тамъ-же № 19),—о жизни Феофана Гавриловича мы имѣемъ только самыя краткія свѣдѣнія, которыхъ и сообщаемъ здѣсь.

О. Г. Лебединцевъ родился 12-го марта 1828 года въ с. Зеленої Дубровѣ, звенигород. у., кіевск. губ., и принадлежалъ къ семье сельского священника. О годахъ дѣтства и о характерѣ жизни въ семье мы можемъ составить понятіе по тѣмъ даннымъ, которые опубликованы въ вышеназванныхъ статьяхъ свящ. И. Гордіевскаго о его братьяхъ. Какъ проходили годы школьнаго ученія О. Г-ча, мы пока ничего въ печати не знаемъ; знаемъ только, что онъ окончилъ курсъ Кіевской Духовной Академіи въ 1851 году и сейчасъ-же поступилъ преподавателемъ въ Воронежскую семинарію, откуда вскорѣ былъ перемѣщенъ преподавателемъ же въ Кіевскую семинарію. Къ этому послѣднему періоду относится и редактированіе имъ въ свое время очень интереснаго журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“, основаннаго по его-же ініціативѣ. Въ этотъ періодъ редактированія журнала (съ 1860 по 1863 годъ) имъ напечатанъ былъ въ немъ рядъ статей, касающихся мѣстной исторіи. Въ 1864 г. Феоф. Гавр. получаетъ мѣсто экстра-ординарнаго профессора въ Кіевской Духовной Академіи по каѳедрѣ раскола. Въ этомъ году онъ напечаталъ два тома „материаловъ для исторіи православія въ западной Украинѣ въ XVIII ст., съ обширнымъ предисловіемъ: „Архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій“. Не долго пробылъ О. Г-чъ въ Кіевѣ, т. к. съ 1865 году онъ былъ назначенъ начальникомъ Холмской дирекціи. Здѣсь, какъ видно и изъ печатаемыхъ писемъ, онъ не игралъ исключительной роли казеннаго чиновника, а желалъ на дѣлѣ применить ту любовь къ родному, національному, которую обнаруживалъ онъ и раньше (см. его статейку на малорус. языке въ Основѣ: „О ярмаркахъ; до сильскихъ парадіянъ“; или: „Поученіе въ день Нового года“—въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1863 г., № 1) и которая, конечно, была причиной, натолкнувшей его, послѣ выхода въ отставку, приступить въ 1882 году къ изданію журнала, считающаго своей нравственной обязанностью сохранять благодарную память о Феофанѣ Гавриловичѣ Лебединцевѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самый органъ.

Письма О. Г. Лебединцева къ брату въ Киевъ.

(1865—1867 г.г.).

О. Г. Лебединцевъ, основатель и первый редакторъ „Киевской Старины“, до 4 декабря 1864 года состоялъ экстраординарнымъ профессоромъ Киевской духовной академіи, а сего числа высочайшимъ приказомъ назначенъ исправляющимъ должность начальника вновь открываемой Холмской учебной дирекціи, съ окладомъ жалованья по 3000 р. и на разъѣзды по 1000 р., всего по 4000 р. въ годъ, а 30 ноября 1865 года утвержденъ въ этой должности. Избрание его на это мѣсто, а также Е. М. Крыжановскаго, бывшаго баккалавромъ той же духовной академіи по каѳедрѣ русской словесности, на вновь открывшееся мѣсто начальника Сѣдлецкой учебной дирекціи состоялось предъ выѣздомъ изъ Киева бывшаго Попечителя Киевскаго Учебнаго Округа Федора Федоровича Витте на должность главнаго директора Комиссіи Народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, въ томъ предположеніи, что лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, стоя во главѣ учебныхъ заведеній двухъ губерній съ русскимъ населеніемъ, насилиемъ польского правительства отторгнутымъ отъ православной церкви въ римскую унію, будуть болѣе соотвѣтствовать видамъ правительства въ поддержанію русской народности въ этомъ краѣ и охранѣ ея отъ вліянія римско-католического духовенства. Соображенія эти были высказаны въ частной бесѣдѣ законоучителя Киевской 2 гимназіи съ директоромъ той-же гимназіи В. В. Вилуевымъ (нынѣ тайнымъ совѣтникомъ, состоящимъ при Варшавскомъ генераль-губернаторѣ), приглашеннымъ уже г. Витте на должность началь-

ника Варшавской учебной дирекціи, и симъ послѣднимъ довѣдены до свѣдѣнія г. Витте почти наканунѣ его отѣзда изъ Киева, съ указаніемъ тѣхъ лицъ, которыя съ болѣшею пользою могли бы занять вышеупомянутыя должности. Вполнѣ одобривъ мысль о таковомъ предположеніи, г. Витте пожелалъ только немедленно знать о согласіи предложенныхъ кандидатами на эти мѣста Θ. Г. Лебединцева и Е. М. Крыжановскаго и затѣмъ, не имѣвъ даже времени лично познакомиться съ ними, поспѣшилъ представлениемъ о ихъ назначеніи съ увольненіемъ изъ духовнаго вѣдомства. Раскаиваться въ этомъ онъ не имѣлъ впослѣдствіи никакого повода, сохранивъ къ нимъ довѣріе и расположеннность до самой кончины своей въ 1880 году. Издаваемыя письма Θ. Г. Лебединцева къ брату, кромѣ братскихъ и семейныхъ отношеній, вызывались въ значительной степени и потребностью замѣстить благонадежными въ учебномъ и нравственномъ отношеніи русскими лицами вакансіи въ существовавшихъ и вновь открывавшихся гимназіяхъ, прогимназіяхъ, педагогическихъ курсахъ и народныхъ училищахъ довольно обширной Холмской учебной дирекціи.

Ѳеофанъ Гавrilовичъ отправился изъ Киева въ Царство Польское 17 Января 1865 года, вмѣстѣ съ Ефимомъ Михайловичемъ Крыжановскимъ, нацрвляясь чрезъ Брестъ въ Варшаву для представлениія новому своему начальству въ качествѣ начальниковъ учебныхъ дирекцій и полученія отъ него словесныхъ и письменныхъ инструкцій. (П. Г. Лебединцевъ).

Письмо 1.

Итакъ я уже въ Варшавѣ. Пишу противъ обыкновенія копотко; писать пространно и некогда, и совершенно неудобно.

Витте принялъ насъ такъ любезно и внимательно, какъ и ожидать трудно было. О томъ, что мы запоздали прибытіемъ, едва упомянуль, но совершенно безъ упрека или замѣчанія, и тотчасъ выдалъ намъ подъемный—мѣ (1200 р.) и Ефиму Михайловичу (800 рублей). Меня избрали въ Холмъ потому, что

тамъ резиденція уніатського єпископа, тамъ уніатська семінарія, дьячковская и вмѣстѣ учительська уніатська школа, и тамъ же хотять устроить русскую полную гімназію. Холмъ скверный городокъ; говорятъ, даже квартиру трудно найти. Вся надежда на будущее. Я не тужу. Богъ дастъ, устроимся какъ-нибудь.

Вчера были мы въ засѣданіи Комиссії Народного Проповѣщенія. Намъ прочитали бумаги о нашемъ назначеніи и затѣмъ привѣтствовали насъ цѣлованіемъ всѣ бывшіе тутъ члены, русскіе—отъ души, а поляки—едва-ли искренно. Это называется здѣсь инсталляціей или введеніемъ въ должность. Тутъ же вручили намъ кипу бумагъ по нашимъ новымъ должностямъ. Работы будетъ бездна. Сегодня и завтра дѣлаемъ визиты, по указанію Ф. О. Витте, князю Черкасскому ¹⁾, Кошелеву ²⁾, Фунду克莱ю ³⁾, Трепову ⁴⁾ и проч. и проч. На завтра приглашены на обѣдъ къ князю Черкасскому; завтра же будемъ представляться Намѣстнику Царства Польскаго Бергу, послѣ завтра будемъ обѣдать у Витте. Бывши вчера въ греко-уніатской комиссії, познакомились мы съ Холмскимъ уніатскимъ бискупомъ-номинатомъ ⁵⁾. Простой старичекъ и на видъ невзрачный.

24 Января 1865 г., г. Варшава.

Письмо 2.

Слава Богу, надежды наши на будущее проясняются. Рѣшено открыть въ Холмѣ гімназію, и мнѣ поручено заняться этимъ дѣломъ; самое же открытие состоится въ іюлѣ настоящаго года. И такъ я могу окружить себя и свою семью своими же людьми—образованными и намъ сочувствующими. По открытии гімназіи, вѣроятно, тамъ появятся и другія учебныя заведенія. Выборъ учителей Витте предоставляетъ мнѣ; вчера сказалъ:

¹⁾ Ки. В. А. Черкасскій—Главный Директоръ Комиссії Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ въ б. Царствѣ Польскомъ.

²⁾ Кошелевъ—Глав. Директоръ Комиссії Фінансовъ.

³⁾ Фундуклей—Предсѣдатель Кодификаціонной Комиссії.

⁴⁾ Треповъ—Варшавскій Оберъ-Полиціймайстеръ.

⁵⁾ Ксендзъ Калинскій—избранный, но еще не посвященный въ єпископы.

кого вы изберете, тотъ и будетъ утвержденъ. Особенную надежду возвлажаетъ онъ на воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, рекомендуя искать кандидатовъ между своими. Предполагается открытие русской гимназіи и въ м. Бѣлой, съ преобразованіемъ гимназіи Сѣдлецкой, въ дирекціи Ефима Михайловича. Тамъ, въ Холмѣ, хотимъ мы создать „русскій центръ“, говорилъ мнѣ князь Черкасскій, и на мой вопросъ: „скоро ли это предполагается сдѣлать?“, отвѣтилъ: „хоть бы и завтра; вамъ предстоитъ большой трудъ, но вы можете оставить по себѣ памятникъ“. Витте и Михневичъ обѣщали хлопотать о томъ, чтобы въ Холмской гимназіи были положены высшіе оклады для учителей, чѣмъ въ прочихъ польскихъ гимназіяхъ. Мнѣ, наконецъ, обѣщають дать помѣщеніе въ какомъ-либо изъ закрываемыхъ въ Холмѣ католическихъ монастырей, которые и поручаются осмотрѣть немедленно по прїѣздѣ въ Холмъ. Дирекція моя считается въ числѣ пяти старшихъ; мѣстность, говорятъ, тамъ прекрасна, безъ болотъ, воздухъ чистый и здоровый.

Время проводимъ здѣсь нескучно, но суетливо. Въ воскресенье обѣдали у Кошелева, главнаго директора Комиссіи Финансовъ. Въ понедѣльникъ были на обѣдѣ у князя Черкасскаго, куда были приглашены Бѣлозерскій¹⁾ и Кулишъ²⁾, а послѣ обѣда князь предложилъ намъ свою ложу въ оперу. За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть подлѣ князя и вести съ нимъ бесѣду: удивительно умный человѣкъ. Во вторникъ обѣдали у Витте: хозяева были весьма внимательны и любезны съ нами. Помѣщенія у этихъ господъ такія, что приводятъ въ удивленіе, особенно у Кошелева. Это дворцы въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Графъ Бергъ принялъ насъ наскоро, съ общими фразами, такъ какъ онъ всегда сильно занятъ. Пробудемъ здѣсь еще недѣли двѣ.

27 января 1866, г. г. Варшава

1) В. М. Бѣлозерскій, прежній издатель Основы,—былъ Правителемъ Канцелярии Учрежденія Комитета.

2) П. А. Кулишъ былъ короткое время чиновникомъ въ Канцелярии Учрежденія Комитета.

Письмо 3.

Послѣ обѣдовъ у князя Черкасскаго, Кошелева и Витте, мы обѣдали еще у И. Г. Михневича¹⁾, который принималъ пасъ такъ радушно, что, прощаюсь, я невольно сказалъ, что у нихъ я совершенно забылъ Варшаву, чувствуя себя какъ бы въ Киевѣ. У Вилуева были нѣсколько разъ: онъ въ душѣ добрый человѣкъ. Бѣлозерскій принималъ меня съ особенной любовью; Кулишъ сперва оттолкнулъ меня своею холодностію, но потомъ самъ вѣшель ко мнѣ и заговорилъ совсѣмъ иначе—такъ, что любо было. Прощаюсь, Витте сообщилъ намъ, что князь Черкасскій очень доволенъ нами и очень радъ такому удачному выбору. Бѣлозерскій также говорилъ мнѣ на прощаныи, что и предъ нимъ князь Черкасскій отзывался съ большою похвалою о мнѣ и Ефимѣ Михайловичѣ. Однимъ словомъ, пріемъ былъ вездѣ такой удачный и пріятный, что я могъ бы опасаться упрека въ хвастовствѣ, если бы писалъ къ кому-либо другому.

Побывавъ на балу у Витте, въ театрѣ и въ оперѣ, между бездѣльемъ занялись и дѣломъ. Самымъ важнымъ было совѣщеніе объ устройствѣ гимназіи въ Холмѣ. Положили было жалованья учителямъ только по 1000 руб., несмотря на мои возраженія. На другой день мнѣ удалось исхлопотать еще по 200 р. для 4 учителей. Содержаніе инспектору гимназіи, который будетъ и преподавателемъ одного изъ предметовъ, опредѣляется въ 2750 рублей, при казенной квартирѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Главному учителю Педагогической Школы положили 1500 руб. при казенной квартирѣ. О кандидатахъ на эти и прочія гимназіческія мѣста нужно крѣпко подумать.

Изъ Варшавы выѣхалъ я въ среду утромъ и на другой день въ 6 часовъ утра прибылъ въ Люблинъ, натерпѣвшись днемъ и ночью отъ холода въ пути.

15 Февраля 1865 г., г. Люблинъ.

¹⁾ Ос. Гр. Михневичъ б. помощникъ почечителя Кіевск., а потомъ Варшавскаго учеб. округа.

Письмо 4.

Люблинъ очень милый городокъ, но небольшой. Для губернскаго города еще многаго недостаетъ, и я не очень жалѣю, что не пришлось жить въ немъ. Окрестности Люблина очень красивыя и довольно уже напоминаютъ Украину послѣ равнинъ и болотъ Польши. Холмъ, въ который я прибылъ сегодня въ 11-ть часовъ, по мѣстоположенію удивительно красивъ. Просто душа возврадовалаась, когда увидалъ. Окрестности несравненные; но и только. Населеніе незначительное, постройки бѣдныя; вдобавокъ онъ два раза погорѣлъ. Типъ его польскій, и въ этомъ его достоинство. Здѣсь есть, напр., двѣ цукерни, есть нѣсколько колодцевъ, гдѣ вода накачивается насосами легко и скоро, есть портные, сапожники, башмачники, столяры—все съ выѣсками, лавки съ бакалейными и красными товарами. Квартира, которую я занялъ на первыя сутки, гораздо лучше, чѣмъ въ какой мы душились въ Варшавѣ. Два покоя и предпокой стоятъ 5-ть злотыхъ. Готовили постное, безъ рыбы, очень пріятно и прилично. Что будетъ далѣе,—не знаю, а отъ первого впечатлѣнія я еще не тужу, что попалъ въ такое мѣсто, которое во многихъ отношеніяхъ большое захолустье. Жиды, услыхавъ прежде меня объ устройствѣ гимназіи, заявили намѣреніе строить дома; безъ гимназіи жъ и тѣ, говорятъ, дома оставались пустыми, какіе есть.

Сегодня я успѣлъ побывать только у военнаго начальника и бургомистра (т. е. городничаго) и оставить первому свой паспортъ, а второму предписаніе губернатора объ оказаніи可能іе ротосу iak w wyszukaniu, tak tez w wrѣdzieniu lokalu¹⁾. Обоихъ не засталъ дома. Чрезъ полчаса явился бургомистръ во всей формѣ и разыгралъ роль чуть не городничаго въ Ревизорѣ. Мнѣ особенно страннымъ казался титулъ превосходительства, которымъ онъ поминутно подчывалъ меня, принимая въ то же время соответственную позу. На счетъ локала онъ предложилъ два изъ закрытыхъ монастырей, какой угоденъ будетъ моему превосходи-

¹⁾ Возможнаго содѣйствія мнѣ, какъ въ отысканіи, такъ и во внутреннемъ устройствѣ квартиры.

тельству, обещалъ и мебель дать. Предь вечеромъ приходилъ и военный начальникъ, съ извѣстіемъ между прочимъ о томъ, что квартира отыскана въ піарскомъ монастырѣ и будетъ состоять изъ трехъ комнатъ. Завтра посмотрю, что это за квартира. Послѣ обѣда явился ксендзъ Зѣневичъ,¹⁾ профессоръ здѣшней семинаріи, а въ слѣдъ за ними еще три профессора, и между ними извѣстный Войцицкій. Любезные люди; но я берегусь ихъ, еле можно. Почему то они очень совѣтовали, чтобы я занялъ квартиру въ базиліанскомъ, также закрытомъ, монастырѣ, гдѣ живутъ некоторые изъ нихъ, и гдѣ квартира можетъ быть изъ четырехъ большихъ комнатъ. Неловко и опасно, можетъ быть, съ ними; но и у піаровъ сосѣди—одинъ ксендзъ и великое множество солдатъ. Очень жалѣю, что не засталъ Кокошкина:²⁾ онъ уѣхалъ на три дня въ Красноставъ чрезъ полчаса по моемъ пріѣздѣ, а ждалъ меня долго и съ нетерпѣніемъ. Мнеъ тѣмъ болѣе пріятно его сосѣдство, что онъ племянникъ или двоюродный братъ княгини Черкасской и посвященъ во всѣ тайны правительственныхъ плановъ относительно уніатскаго населенія.

Теперь самый главный интересъ—нужно строить канцелярію. Рѣшаюсь взять Иляшевича, сына Катерины Павловны, какъ обещалъ, и Крыжановскаго,³⁾ котораго рекомендуете вы и Андрей Г.,—перваго письмоводителемъ, втораго дѣлопроизводителемъ. Письмоводителя я опредѣляю самъ, о второмъ долженъ представить на утвержденіе Комиссіи. Итакъ, скажите Иляшевичу, чтобы онъ, взявъ билетъ изъ консисторіи на жительство въ Полынѣ, немедленно, по полученіи сего письма моего, уѣхалъ въ Холмъ. Жалованья ему 300 р. с. Такъ какъ дол-

¹⁾ Протоіерей, а въ послѣдствіи архіпресвитеръ уніатскій и администраторъ Холмско-уніатской епархіи. Онъ обучался въ Кіев. дух. Академіи вмѣстѣ съ двумя товарищами—Холмскими уніатами: Бѣгдановскимъ и Лебединскимъ. Зѣневичъ впослѣдствіи былъ отставленъ отъ должности и посланъ въ сельскій приход священникомъ, Лебединскій—былъ приходскимъ священникомъ въ селѣ, Бѣгдановскій былъ въ свѣтскомъ званіи при Холм. семинаріи и послѣдствіи бѣжалъ за границу, во Львовъ.

²⁾ Мѣстный комиссаръ по престынск. уѣзамъ, тоже что моровой посредникъ

³⁾ Иляшевичъ, неокончившій курса духовн. семинаріи, Крыжановскій съ аттестатомъ объ окончаніи курса той-же дух. семинаріи.

жность его не классная, то, кажется, можно пока и не увольняться изъ духовнаго званія. Если понадобится увольненіе, подастъ прошеніе отсюда. Нужно непремѣнно метрическое свидѣтельство и увольнительное изъ семинаріи. Прогоновъ не могу теперь дать ему, ибо на этотъ предметъ нѣтъ теперь ассигновки; но могу потомъ просить Коммисію, или и самъ онъ доѣдетъ въ надеждѣ на значительное по его положенію жалованье. На наемъ квартиры для канцеляріи отпускается 200 р. с. Кажется, что можно будетъ и помѣстить его въ канцеляріи. Если бы до его прїѣзда я уѣхалъ по дирекціи, то на счетъ его оставлю диспозицію. Пусть только явится къ военному начальнику съ билетомъ. Гдѣ буду находиться я, здѣсь будутъ знать. Жалованье съ того дня, какъ будетъ опредѣленъ мною. Что до Крыжановскаго, то пусть пришлетъ прошеніе на мое имя объ опредѣлениі на должность дѣлопроизводителя Холмской учебной дирекціи, приложивъ метрическое свидѣтельство, аттестать и увольнительное изъ духовнаго званія свидѣтельство. Если бы послѣднее могло быть выдано не скоро, то пусть пропишетъ только, что онъ подалъ объ этомъ прошеніе, и вышлетъ немедленно по полученіи. Когда подастъ прошеніе, то опредѣлениѣ несомнѣнно; слѣд. и увольненія изъ духовнаго званія опасаться нечего. Жалованья ему 750 р., должность классная, кажется, въ IX классѣ. Если будетъ хороши, предоставлю ему должность учителя церковнаго пѣнія въ гимназіи или въ педагогической школѣ съ жалованьемъ въ 300 р. с. О прогонахъ представлю Коммисію вмѣстѣ съ представленіемъ объ опредѣлениі на должность. Сколько дадутъ, тогда узнаемъ: вѣроятно не менѣе 200 р. Можетъ-ли онъ писать по польски? Счетная или экономическая дѣла здѣсь на польскомъ языкѣ ведутся. Прошеніе должно быть на гербовой бумагѣ; но здѣсь особый гербовый сборъ, а потому право не знаю, у мѣста ли тутъ будетъ гербовая русская бумага. Знаю, что кто пишетъ на простой, съ того потомъ взыскиваютъ слѣдующую пошлину. Пусть наконецъ поспѣшитъ присылкою прошенія. Коммисія требуетъ скоро, да и мнѣ необходимо. Иляшевича буду ждать съ нетерпѣніемъ: письма очень много, самъ не успѣю, да и не прилично все самому писать.

Жаль мнѣ Поставского; но, признаться, я, думая, объ немъ, опасался, чтобы консисторскія привычки не оказались здѣсь, да притомъ и польскій языкъ непремѣнно нужно знать.

Что съ моими актами дѣлаютъ? ¹⁾ Попросите М. В. Юзефовича, чтобы выслали по экземпляру Кулишу, Бѣлозерскому и Кокошкину. Кулишъ—членъ Коммисіи, Бѣлозерскій присыпалъ Юзефовичу Основу, а Кокошкинъ... знакомый Юзефовича, и занимается разработкою уніатскаго вопроса.

Объ уніатахъ буду писать; но пока и самъ объ нихъ ничего не знаю. На завтра пригласилъ изъ Красностава архитектора для осмотра монастырей и снятія плановъ, а потомъ донесу Коммисіи, гдѣ и какъ можно будетъ помѣстить гимназію. и чего будетъ это стоить. Помышляю о женской гимназіи; но пока буду молчать и ждать. Надо сейчасъ писать увѣдомленія о вступленіи въ должность. Бискупъ все еще въ Варшавѣ; Черкасскій выжимаетъ изъ него послѣдніе соки. Онъ дѣйствительно лукавый, и если я писалъ, что онъ простой старичекъ, то понималъ это въ смыслѣ его необразованности. Шиманскій ²⁾ руководить имъ; уніаты влянутъ, разумѣется тѣ, которые далеки отъ латинства.

Путешествіе по дирекціи хочу устроить такъ, чтобы отъ времени до времени возвращаться къ Холмъ. Какъ скоро поѣду, еще не могу опредѣлить. ^{15/27} Февр. 1855 г.

О Дахновичѣ ³⁾ послано чрезъ три дня оберъ-прокурору и митрополиту кіевскому.

¹⁾, Разумѣется часть 1-я томъ III Архива Юго-Западной Россіи, въ которомъ напечатаны акты, относящіеся къ состоянію Украинскихъ православныхъ церквей въ половинѣ 18 вѣка, съ предисловіемъ Теоф. Гавр-ча, о чёмъ сказано выше.

²⁾ Шиманскій—католический епископъ въ Подлясії (Восточная часть Сѣдлецкой губ.), населеніемъ не преумуществу уніатами. Смотр. стр. 14-я.

³⁾ Магистръ Богословія, воспитаникъ кіев. дух. академіи. Дахновичъ—бывшій преподаватель Кіев. дух. семинаріи; былъ вызванъ кн. Черкасскимъ на должность преподавателя словесности и церковно-славянскаго языка въ Холмской уніатской семинаріи; впослѣдствіи перешелъ на службу въ Варшавскій учеб. округъ, былъ учителемъ въ гимназіяхъ Холмской, Варшавской 1-ой, Люблинской и директоромъ гимназіи Ченстоховской.

Намѣстникъ утвердилъ на другой день. Надѣюсь къ Пасхѣ видѣть Дахновича уже въ Холмѣ.

Письмо 5.

. . Теперь что нибудь о своемъ житьѣ. Живу все еще въ дукернѣ. Вмѣ постное, но безъ рыбы, такъ какъ этихъ вещей здѣсь нѣтъ. Квартиру окончательно избралъ въ базиліанскомъ монастырѣ, визави съ Калинскимъ. Четыре большія, хотя и грязныя комнаты. Двѣ занималъ военный докторъ, другія двѣ ксензы-базиліанъ: обоимъ даютъ другое помѣщеніе. У піаровъ такъ грязно и столько солдатъ, что жить невозможно. Я не наставлялъ на отводѣ квартиры,—все дѣлается по бумагѣ, которую я привезъ отъ губернатора и которой очень испугались. Кое-какую мебель далутъ отъ города; переберусь послѣ завтра. Тамъ и канцелярію устрою, потому что нанять положительно невозможно. Дахновича, кажется, можно будетъ посадить у базиліанъ. Позавчера осматривалъ зданія піаровъ и реформатовъ; у послѣднихъ отличный садъ, и тамъ я хочу устроить педагогическую школу и самъ въ послѣствіи помѣститься. У піаровъ предлагаю устроить гимназію. Зданіе піаровъ въ 2 этажа устроено буквою Н, одинъ конецъ длиннѣе и соединенъ съ костеломъ. По совѣту Кокошкина, хочу хлопотать, чтобы на другой сторонѣ піарской усадьбы выстроили такой-же корпусъ для женской русской гимназіи, о которой русины гвалтъ кричатъ. Кокошкинъ обѣщаетъ отъ себя хлопотать у Черкасскаго. Если это состоится—піарскій костель обратятъ въ уніатскую церковь для обѣихъ гимназій, вся постройка будетъ имѣть великолѣпный видъ. Нужно однако же тысячу 70 на постройку корпуса и передѣлку и отдѣлку реформатовъ и піаровъ. Кокошкинъ уверяетъ, что для русскихъ не поскупятся. Завтра обо всемъ пишу формально и частно Витте и, вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, Черкасскому. Иду съ визитами къ уніатамъ послѣ обѣди. Въ Холмѣ пробуду, кажется, еще недѣли двѣ. Много дѣлъ.

20 Февр.—4 марта 1865 г.

Письмо 6.

Благодарствую за письмо отъ 24 февр., полученное мною вчера; благодарю въ особенности за хлопоты о письмоводителѣ и дѣлопроизводителѣ для меня. Иляшевича жду со дня на день. Безъ него, какъ безъ рукъ. Письма пропасть. Пригласилъ двухъ здѣшнихъ православныхъ причетниковъ, изъ которыхъ одинъ окончилъ курсъ семинаріи. Работаемъ втроемъ съ 9-ти до 2-хъ и 3 хъ часовъ, вечерами также что нибудь дѣлается, и при всемъ томъ едва половину бумагъ очистилъ; а тутъ каждый день подходятъ все новые бумаги. Выданыя Иляшевичу деньги я, конечно, возвращу. Если я ему не выслалъ прогоновъ, то потому что таковыхъ и не полагается; надо будетъ особо представлять, да и то едва-ли дадутъ. Постараюсь что-нибудь придумать для покрытія этого расхода. Что касается дѣлопроизводителя, то пока прошу не беспокоиться пріисканіемъ. Поставскаго мнѣ очень хотѣлось имѣть; но теперь по всему виджу, что ему самому не сходно было бы перейти на это мѣсто. Служба на пенсію 35 лѣтъ, такъ какъ эта должность не учебно-педагогическая, вычетъ въ өмеритуру 10 процентовъ по той-же причинѣ, чистаго жалованья только 675 р. и затѣмъ доходовъ никакихъ. Итакъ пусть лучше остается въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ пишете, ему представляется другая какая-то служба. Въ прошломъ письмѣ я писалъ, какой мнѣ нуженъ дѣлопроизводитель. Кандидатовъ или просителей было нѣсколько; но все не по моему вкусу. Наконецъ, дни четыре назадъ сему со мною случилось чуть-чуть не видѣніе, конечно, отъ напряженныхъ думъ. Заснувъ въ 2 часа ночи, я проснулся въ 5-ть, почувствовалъ, что во снѣ меня давила какая-то неизвѣстная мысль, а когда очнулся, то первая мысль была о Бочковскомъ, вмѣстѣ съ Правиковымъ уволенномъ изъ академіи за вольнодумство, такое впрочемъ, за которое теперь можно бы пожалуй и всѣхъ студентовъ уволить. Бочковскій былъ, по общему признанію, одинъ изъ болѣе даровитыхъ студентовъ; но, будучи въ высшей степени честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, онъ не пустился, подобно Правикову, на промыслы и остался доселѣ въ низкой долѣ—

учителемъ русскаго языка въ Радомыслскомъ училищѣ. Объ немъ я всегда жалѣль, теперь особенно стало мнѣ жаль его, и я тотчасъ всталъ съ постели и написалъ къ нему приглашеніе въ дѣлопроизводители. Жду теперь отвѣта отъ него и очень желалъ бы, что бы онъ согласился. Что онъ товарищъ мой, этого я не боюсь,—онъ человѣкъ мягкий, деликатный, работящий и исправный. Со временемъ я думалъ бы провести его, если возможно, въ гимназію, или семинарію. Отлично читалъ бы лекціи. Польскій языкъ ему почти родной, какъ подолянину, русскимъ онъ владѣлъ отлично еще въ академіи. Горькая доля не убила его: я видѣлъ его три года назадъ тому,—тотъ же свѣтлый взглядъ, понятія свѣжія, и читалъ, видно, много. Далъ бы Богъ, чтобы я ему былъ полезенъ, а онъ мнѣ.

Что сказать Вамъ о Холмѣ и моей жизни въ немъ? Пока, пустѣйшій городишко, и если бы не дѣла пропасть, можно бы умереть съ тоски. Уніаты, тѣ самые, которые хлопочутъ о возстановленіи своей народности и не испугались бы православія, мелкий и слабый очень народъ. Черкасскій это понимаетъ и хочетъ усилить здѣшнихъ уніатовъ вызовомъ изъ Россіи и преимущественно изъ Галиціи, а въ Галиціи на такія приглашенія спрашиваются обыкновенно: а когда православіе принимать—сейчасъ, или немного погодя? Галичане далеки отъ православія, и отъ народности великорусской еще далѣе. Тамъ образовалась недавно партія красныхъ: ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ московщину въ прозѣ и въ стихахъ. Такъ называемая хохломанія—тамъ великая сила и развивается съ неудержимою быстротою. Наука тамъ принимаетъ популярное направленіе. Одного изъ галичанъ, именно протоіерея Криницкаго, человѣка умнаго, дѣльнаго и образованнаго, вызываютъ въ Холмѣ ректоромъ семинаріи. Нынѣшній ректоръ старикъ, отжившій свой вѣкъ, но въ тоже время ярый латинистъ. Былъ я въ здѣшней каѳедральной церкви. Шла обѣдня-шептана; тѣмъ временемъ два мужика и три бабы, сидя на скамейкахъ, пѣли рожанецъ¹⁾). Смѣхъ и горе!

¹⁾ У уніатовъ, какъ и у католиковъ, кроме обыкновенной обѣдинъ съ иѣвнемъ, совершалась въ церквяхъ обѣдня тихая, которая вся была читана тихо, почему въ просторѣчіи ее называли шептанкой. Обыкновенно она совершалась предъ обѣдней пѣвой и въ это время молящіеся, сидя на скамьяхъ, пѣли нарочно составленныя пѣсни на польскомъ языкѣ, называемыя годзинками и рожанцами.

Долго ходилъ я по церкви, рассматривалъ иконы, алтарь, восемь боковыхъ престоловъ, устроенныхъ совершенно по католически; былъ потомъ на поздней спѣваной обѣднѣ, вглядывался, вдумывался въ богослуженіе, служащихъ, предстоящихъ, и чуть не расплакался въ самой церкви, а потомъ такъ тяжело было весь день, что я не зналъ, куда дѣваться. Что за странная смѣсь! Искаженіе, безобразіе такъ и видишь въ каждой мелочи. И чего стоила эта микстура? Крови, потоковъ крови и муки тяжкихъ. Православіе—точъ въ точь, какъ въ погребальной пѣснѣ поется: и вижу во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну и бесславну, не имущую вида; а надъ нею, какъ погребальный покровъ, унія, а въ сторонѣ католичество, какъ страшный призракъ смерти всѣпожирающей. Грустно... Былъ у бискупа. Великій плутъ; но такъ простъ и не далекъ, что не вѣришь глазамъ своимъ, что видишь предъ собою архіерея. Въ немъ особенно видишь жалкое положеніе унії. Онъ получаетъ жалованья 6000 р., но доходовъ никакихъ, а дѣтей 12-ть, а было всѣхъ 20-ть. Ja iuż podziękuię, a pan dyrektor niech będzie iuż na moim miejscu... ¹⁾) говорилъ онъ мнѣ. Ale kłamie... Былъ въ школахъ холмскихъ—польской и уніатской. Въ первой 72 уч., во второй 6-ть; тамъ ксендзъ каждый день ходить на урокъ, а здѣсь никто не бываетъ. Такъ вѣдь и у насъ: Русь вездѣ та же Русь, православная-ли она или уніатская. Хочу употребить всѣ усилия для поднятія русской ²⁾ школы и начинаю съ того, что перевожу ее съ отдаленаго болота въ средину города.

4—16 Марта 1865 г.

¹⁾ Я скоро уже поблагодарю (за службу,) а господинъ директоръ пусть останется вѣсто меня... говорилъ онъ мнѣ, но говорилъ живо.

²⁾ Названія: русини, русинскій совершенно тождественны по значенію съ названіями: уніаты, уніатскій. Названіе русины изобрѣто въ Галиції поляками въ пятидесятыхъ годахъ, когда въ русскомъ населеніи этой страны стало развиваться сознаніе своей национальности и представители интелигенціи русской стали рѣшительно заявлять въ печати, въ мѣстныхъ и центральныхъ правительственныйхъ учрежденіяхъ, что они не поляки, но составляютъ особую национальность, отлич-

Письмо 7.

Благодарю васъ за ваши хлопоты по пріисканію мнѣ хорошаго дѣлопроизводителя. Хотя я и писалъ вамъ, что послать приглашеніе къ Бочковскому; но какъ и доселѣ отъ него нѣтъ отвѣта, то можетъ быть, что и Сочинскій мнѣ пригодится. Какъ ни хотѣлось бы мнѣ Бочковскаго, но я опасаюсь, что онъ не согласится, не потому, чтобы мѣсто было невыгодное, а потому, что онъ, говорятъ, сталъ упорно довольствоваться малымъ и очень щекотливъ. Подожду еще немножко, но не далѣе Пасхи, а, пріѣхавши въ Киевъ, могу лично пригласить Сочинскаго, если Бочковскій откажется. Илашевичемъ я очень доволенъ, но безъ дѣлопроизводителя слишкомъ тяжело: самъ перечитай всякую бумагу до мелочей, самъ обдумай, какъ и что съ нею сдѣлать, самъ пиши черновыя и переписанное внимательно читай. Самому также смотрѣть надо за входящею и исходящею, а польскія бумаги самому и записывать. А всякую мелочь помнить надо, что исполнено, что нужно предпринять, и проч. и проч., и ни съ кѣмъ посовѣтоваться нельзя.

Пріѣхать на Пасху въ Киевъ я не оставилъ намѣренія и сегодня даже послалъ докладную записку объ отпускѣ. Отказать—не откажутъ, но боюсь, что отпускъ запоздаетъ, и что мнѣ придется, пожалуй, первые дни въ дорогѣ пробыть и во-

ную отъ польской. Въ видѣ уступки поляки придумали для русскихъ галичанъ название русины (Rutheni), признавъ, что сіи русины не поляки, но и не русскіе, кѣи обитаютъ въ предѣлахъ Русскаго государства, въ сосѣдней Волыніи и Подолії. Это название арилось по вкусу тогда галичанамъ русскимъ. Такъ какъ населеніе Холмской земли (губерніи Люблинская и Сѣдлецкая) въ этнографическомъ отношеніи то же, что и населеніе Галиціи, Волыніи, Подолії—малорусское, но въ религіозномъ отношеніи, а также по языку и обычаямъ болѣе близко къ населенію Галиціи, то и холмскихъ униатовъ, даже въ русской печати, называли русинами, ихъ церковную обрядность, языкъ—русинскимъ. Эти названія просуществовали не долго: уже въ началѣ 70-хъ годовъ рѣдко можно было услышать эти названія и то въ приложениі къ униатамъ Галицкимъ, а не Холмскимъ. Къ тому времени какъ Холмскіе униаты рѣшились присоединиться къ православной церкви (1876 г.), и Галицкіе ихъ братья созвали неизѣстность навязанного имъ полками названія—русины и стали безбоязненно называть себя и въ обыденной рѣчи, и въ печати настоящимъ именемъ—русскіе.

зиться съ пьяными ямщиками. Подумайте, отъ Варшавы до Холма бумага идеть иногда 5-ть и 6-ть дней,—всего 216 верстъ, притомъ по шоссе. А пріѣхать въ Кіевъ миѣ необходимо по многимъ причинамъ: надо съ вами и другими посовѣтоваться на счетъ учебниковъ, надо книги и деньги за акты получить у Юзефовича, если онъ не отдалъ вамъ доселѣ, надо вербовкой заняться и о томъ посовѣтоваться, за отправкою мебели наблюсти и, наконецъ, въ семье и на родинѣ душу отвести въ праздничное время и отдохнуть немножко послѣ тяжелой работы. Семейства взять теперь не могу по разнымъ причинамъ, а главное потому, что нѣтъ удобнаго и приличнаго помѣщенія. Хлопочу всѣми силами о казенному помѣщеніи, прошу за деньги дать, а въ частныхъ домахъ, если бы и вышли военные, нигдѣ нельзя помѣститься, бо, по секрету сказать, въ цѣломъ Холмѣ нѣтъ дома болѣе, какъ изъ 4-хъ комнатъ, а переднихъ вовсе не полагается, и выходитъ человѣчество прямо или въ сѣни или на улицу. Важный городъ!

Новаго у васъ, конечно, ничего, если не считать распоряженія Черкасскаго о введеніи проповѣди на русинскомъ языкѣ. Изъ Варшавы не даютъ никакихъ вѣстей о гімназіи: писалъ, не отвѣчаютъ. Сегодня снова пишу, чтобы добиться какого-либо извѣстія.

(Даты вѣтъ, получено 27 Марта 1865 г.)

„Наума“ Михаила Ал.¹⁾ хочу купить нѣсколько сотъ.

Письмо 8.

Собрался писать къ вамъ, когда и выѣзжать надо, и тромошить со всѣхъ сторонъ. Напишу, сколько успѣю, ибо сегодня непремѣнно нужно послать письмо. И такъ уже совсѣмъ предъ вами, а отложу, снова не скоро соберусь.

Начну съ гімназіи и педагогической школы. По всему видно, что Витте и Черкасскій распинаются, чтобы устроить

¹⁾ Разумѣется „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“—соч. М. А. Максимовича.

это дѣло къ августу, но какъ тутъ успѣть, когда только что смѣта составляется. Вчера получилъ отъ Витте запросъ, могу ли прибыть къ 20-му мая безъ помѣхи составленію смѣты. Сегодня отвѣчаю, что смѣта готова будетъ къ 20-му, самъ могу пріѣхать къ 24 или 25, такъ какъ смѣту нужно завезти въ Люблинъ на разсмотрѣніе Губ. Правленія. Вызываютъ иока меня, Ефима М. и Теодоровича¹⁾—для разсужденій объ устройствѣ греко-уніатскихъ школъ. Дѣло это считаются очень важнымъ и спѣшнымъ, а у меня еще не готовы всѣ свѣдѣнія объ уніатскихъ школахъ. Надоѣздить и собирать. Выѣзжаю сегодня или завтра,—какъ успѣю.

Безъ дѣлопроизводителя бѣда. Отъ Мурковскаго и доселѣ отвѣта нѣтъ, а потому я послалъ къ житомирскому учителю Гродецкому предложеніе. Что дѣлать? Удобство то, что онъ уволился уже изъ духовнаго званія,—все таки скорѣе можно перетащить.

Гріельскій²⁾, какъ вы знаете, почти отказался и даже принялъ мое предложеніе какъ-то равнодушно и холодно. Ругаетъ Губера³⁾ и опасается, какъ его, такъ и Витте. Послѣднее его слово было—сказать объ немъ Витте; тогда онъ подумаетъ. А жаль,—онъ хороший человѣкъ.

Грушевскому, Пономареву⁴⁾ и прочимъ ничего не могу сказать опредѣленного о томъ, съ какого времени начнется гимназія. Въ Варшавѣ узнаю приблизительно и тогда напишу. Кандидаты на учительскія мѣста являются со всѣхъ сторонъ. Мушинскій и Моссаковскій изъ минской семинаріи прислали письма и послали прошенія Витте. Даниилъ Г. рекомендуется какого-то Федоровскаго, художника, въ учителя русск. языка,—изъ харьковскихъ семинаристовъ. Полякъ—докторъ⁴⁾, о кото-

¹⁾ А. Г. Теодоровичъ въ это время былъ начальникомъ Люблинской Учеб. Дирекціи; по упраздненіи этой Дирекціи посредствомъ присоединенія части ея къ Холмской, а другой части—къ Сѣдлецкой, Теодоровичъ былъ начальникомъ Калишской Дирекціи, а затѣмъ Директоромъ русскихъ гимназій въ Варшавѣ—мужской и женской. Вышелъ въ отставку въ 1871 г.

²⁾ Бывшій учитель Бѣлоперковской гимназіи.

³⁾ Бывшій правитель канцеляріи кіев. учеб. округа—при Витте.

⁴⁾ Преподаватели кіев. дух. семинаріи.

⁵⁾ Докторъ Ентысъ, позже, былъ назначенъ на должность врача въ Холмскую гимназію.

ромъ я разсказывалъ, добивается усиленно: былъ въ Варшавѣ и просилъ ходатайства люблинскаго губернатора. Даже подрядчикъ приходилъ сегодня—подрядъ снять, а кузнецъ вузницу нанять. Но со всемъ надо ждать.

Въ Кіевѣ я забылъ книгу, „Народовѣщеніе“¹⁾). Вышли вмѣстѣ съ Еп. Вѣдомостями, которыхъ доселѣ не получено съ 3-го №. Она мнѣ очень нужна къ отѣзду въ Варшаву. Если получится послѣ, скажу Иляшевичу все-таки выслать отсюда. Кстати: тутъ и типографію собирается открыть какой-то Гольдшмитъ. Былъ уже у меня и просилъ ходатайства о дозволеніи.

Деньги на вспоможеніе школамъ за два квартала я уже получилъ; но книгъ для школъ не закупаю. Пойду въ Варшаву и тамъ испрошу разрѣшеніе. Буквари Золотова, Главинскаго и Лерманова пересмотрѣль;—не годятся въ настоящемъ видѣ, галицкіе лучше, и не только буквари, сколько катихизисъ и св. исторія. Повезу ихъ въ Варшаву и попрошу разрѣшенія. До того времени прошу выслать мнѣ 1,000 экземпляровъ Наума, о чёмъ я уже говорилъ, и 200 букварей М. А. Максимовича. За сотню букварей я уже заплатилъ ему, а на другую сотню и тысячу Наума пришлите счетъ на бланкѣ редакціи, а я выплю сейчасъ деньги. Счетъ нуженъ для отчета. Букварь лаврскій забылъ въ Кіевѣ, кажется у васъ, а по памяти не знаю, каковъ онъ. Часословцы и псалтири необходимо будетъ изъ Киева покупать, ибо въ Почаевѣ типографіи нѣтъ теперь, а прежній запасъ истощился.

Изъ Галиції не даютъ ни епископа, ни ректора для семинаріи Холмской. Все интриги Калинского²⁾ и Шиманского³⁾. Писали ажъ до Риму, а папа въ Вѣну. Даже ставленниковъ не принимаютъ. Цѣль та, чтобы вынудить посвященіе Калинского. Но—дудки! ^{7/15} Мая 1865 г.

¹⁾ Уніатскій просторіанный Катихизисъ съ примѣрами изъ житій св. отецъ, изданный въ 17 вѣкѣ.

Издание вновь въ Холмѣ послѣ 1870 г. и распространеніе въ приходахъ Холмской епархіи.

²⁾ Епископъ-помнінать.

³⁾ Епископъ Поданскій римско-католической епархіи, вновь открытой въ Сѣдлецкой губерніи предъ восстаніемъ 1863 года съ цѣлью окатоличенія уніатовъ

Письмо 9.

Двѣ недѣли просидѣлъ я въ Варшавѣ на этотъ разъ. Надоѣли, какъ и въ первый разъ,—пуще всего обѣды въ 5-ть часовъ и засѣданія. Вамъ интересно будетъ знать, какъ рѣшили дѣло объ устройствѣ греко-уніатскихъ школъ, равно,—что съ гимназіями Холмскими. Много было толковъ и споровъ по первому дѣлу: Черкасскій возставалъ противъ вызыва учителей для элементарныхъ школъ изъ имперіи и сильно настаивалъ на томъ, что учителями должны быть дьяки¹⁾), а смотрителями-священники уніатскіе; мы были противъ этого, хотя и не совершенно. Наконецъ, послѣ пяти засѣданій, на послѣднемъ изъ которыхъ присутствовалъ самъ Черкасскій, кое-какъ сошлись, и мнѣ поручено было составить записку о результатахъ совѣщаній. Сущность этой записки въ томъ, что учителями могутъ быть и дьяки, и вызванные изъ имперіи, и даже галичане, а въ завѣдыванію школами можно приглашать благонадежнѣйшихъ изъ священниковъ, по сношенію съ греко-уніатскимъ управлениемъ. Я старался согласить противорѣчія и въ то же время оградить себя на всякий случай. Другая записка была объ учебникахъ галиційскихъ, которые Черкасскій порѣшилъ принять безусловно, хотя мы вовсе не настаивали на этомъ. Обѣ записки пущены уже въ ходъ, и скоро Учредительный Комитетъ постановитъ по нимъ свое рѣшеніе. Большая пособія обѣщаются уніатскимъ школамъ: отпускъ матеріала на постройку и топливо—безвозмездно, а денегъ—безвозвратно. На каждую изъ двухъ дирекцій хотятъ отпускать по 10-ти тысячъ, т. е. для пособія уніатскимъ школамъ. Но вмѣстѣ съ этимъ насыдаются, чтобы какъ можно скорѣе, какъ можно больше школъ открыть и какъ можно лучше ихъ устроить. На это было три особыхъ Высочайшихъ повелѣнія.

¹⁾ Въ Холмѣ при уніатской семинарії была школа дьяковъ, церковныхъ чтецовъ и пѣцовъ. Это было почти элементарное училище, въ которомъ главными предметами обучения было чтеніе церковныхъ книгъ и церковное пѣніе. Воспитанники этого училища, поступая въ дьяки при церквяхъ, были весьма мало пригодны для учительскихъ должностей.

Что до гимназій и педагогической школы, то ихъ хотять открыть непремѣнно въ августѣ; но успѣютъ ли, Богъ знаетъ. Разомъ же и женскую гимназію хотять открыть. Досталось мнѣ изъ-за этихъ гимназій отъ Черкасскаго. Дѣло вотъ въ чёмъ. Я привезъ смѣту на передѣлку піарскаго зданія. Смѣта эта была составлена въ объѣздѣ мой по дирекціи, котораго Витте требовалъ настоятельно. Когда я воротился въ Холмъ 20 мая, ни одна строчка изъ смѣты не была переписана, а 21-го нужно было выѣзжать. Взять 12-ть семинаристовъ, и едва успѣли переписать въ одинъ день 40 листовъ. До того ли тутъ было, чтобы поправлять и сокращать. Между тѣмъ архитекторъ разогналъ смѣту на 46 тысячъ. За это-то и напалъ на меня Черкасскій, доказывая, что смѣта не должна превышать 10-ти тысячъ. Никакія оправданія и объясненія не помогали. Спасибо, Витте вступилъся, Бѣлозерскій и другіе. Послали отсюда архитектора на мѣсто сокращать смѣту. Дай Богъ однако жъ, чтобы къ половинѣ іюля приступили къ работамъ.

А между тѣмъ набираютъ штатъ учителей; отъ насъ потребовали кандидатовъ. На инспекторство я предложилъ Грельского; но и Витте возсталъ противъ него, а Михневичъ и руками замахалъ: и старый, говорить, и вялый, и мало знающъ, и капризный,—словомъ: рѣшительно забраковали. Тогда остался мнѣ выборъ между двумя: Пономаревымъ и Г. Я сдѣлалъ большой рискъ, за который вы долго будете журить меня, и въ корторомъ, можетъ быть, самъ когда нибудь раскаюсь, именно: выбралъ Г.

Пономарева я предложилъ въ инспекторы педагогической школы, Грушевскаго учителемъ русской словесности, Леушинскаго изъ Минска—на русскій языкъ, Амулина, академического регента, переуступилъ Ефиму Михайловичу на вѣмецкій языкъ, Аристова—на греческій языкъ и Черкунова, шурина Денковскаго, оканчивающаго курсъ въ кіев. университетѣ—на естественную исторію. Бочковскаго забраковали, и я не настаивалъ; на исторію попросился изъ Галиціи вѣкто Лопатинскій. Такъ какъ за тѣмъ у меня не доставало еще двухъ на математику и одного на чистописаніе, да Ефиму М. нужно было также

человѣка, то Витте и Черкасскій, какъ для этого, такъ и для другихъ дѣлъ, рѣшили командировать меня въ Львовъ, куда и долженъ я отправиться недѣли черезъ двѣ. Командировка сколько пріятная, столько же и опасная, ибо на мнѣ будетъ лежать отвѣтственность за выбранныхъ, а тамъ есть такие мазурики, что чортъ ихъ разберетъ. Боюсь не только ляховъ, но и крайнихъ хохловъ; да и трудно будетъ говорить съ старою и молодою партіями,—того и глади, пропечатаютъ.

Вчера пріѣхалъ Бергъ. Ждутъ многихъ новостей и великихъ реформъ. О предположеніяхъ, какія существуютъ на этотъ счетъ, трудно сказать что-нибудь вѣрное. Ждутъ *wielenia*¹⁾ и раздѣленія на 10-ть губерній; тогда и Холмъ попадеть въ число губернскихъ городовъ. Но въ числѣ предсказаний есть одно непріятное и тревожное для насъ, именно замѣна Витте Гильфердингомъ. Объ этомъ какъ въ барабанъ бьютъ, и самъ Витте не скрываетъ своихъ опасеній, да и Гильфердингъ не даромъ тутъ сидитъ и даже былъ на одномъ изъ нашихъ засѣданій. Съ Гильфердингомъ мы познакомились у Черкасскаго: какой-то холодный и далеко не такъ привѣтливъ и простъ, какъ Витте. Жаль и очень жаль будетъ Витте.

Письмо 10.

Настоящее письмо, по краткости времени, будетъ, кажется, чисто дѣловое. Прежде всего благодарю васъ за присылку Наума. Деньги 100 р. с. при семъ посылаю. Изъ комитета грамотности мнѣ прислали безмездно 750 книгъ разныхъ названій, преимущественно букварей Студитскаго. Пишутъ, что могутъ и еще прислать. Раздаю направо и налево: благо есть что раздавать. Буквари Студитскаго мерквіе, какъ и Главинскаго, Лермонтова и прочей братіи; но и этому я радъ. Жаль, что не прислали вы букваря Максимовича. Впрочемъ, время терпитъ, такъ какъ

¹⁾ Т. е. включенія Царства Польскаго въ составъ Росс. Имперіи.

теперь вездѣ почти ученіе прекращено. Со временемъ и галиційскихъ дождемся, хотя я всетаки буду мѣшать ихъ съ русскими.

Число школъ сильно растетъ, а учителей нѣтъ. Мнѣ сдали 64-ре прошенія желающихъ изъ Россіи, и я держу ихъ у себя, не давая пока имъ никакого ходу. По самой большей части просится все дрянь: пустить ее, значитъ осрамить Россію и здѣсь испортить дѣло. Я говорилъ Витте, что гораздо лучше на первый разъ выписать самое небольшое число окончившихъ курсъ семинаріи и самыхъ лучшихъ, между прочимъ для того, чтобы и Черкасскому показать, что наши лучше его дьяковъ-уніатовъ, не умѣющихъ даже читать по-славянски. Витте вполнѣ согласился на это, и, какъ окончившие желаютъ большаго жалованья, то онъ разрѣшилъ намъ выдавать каждому изъ нихъ сверхъ 150 р. жалованья еще столько-же наградныхъ или добавочныхъ изъ тѣхъ 10 т. р. с., которые предоставлены будутъ въ наше распоряженіе. Ко мнѣ въ Кіевѣ при васъ приходили четыре окончившихъ курсъ въ семинаріи проситься въ учителя, а прежде еще два приходили; но и тѣ, и другіе просили жалованья больше, чѣмъ 150 р. Я обѣщалъ извѣстить и теперь прошу васъ оповѣстить въ семинаріи приватнымъ образомъ вызовъ на 10-ть человѣкъ, объявивъ желающимъ, чтобы они предварительно прислали прошенія прямо ко мнѣ, и не на гербовой бумагѣ, а на простой, но съ метрическими свидѣтельствами и аттестатами обѣ ученіи. Каждый изъ нихъ получитъ обѣщанные Коммиссіею 50 р. с. прогоновъ, и затѣмъ будетъ получать штатнаго жалованья 150 р. и добавочныхъ также 150 р. Я хочу помѣстить ихъ недалекѣ отъ Холма для того, чтобы и имъ удобнѣе было обращаться ко мнѣ со всякими нуждами, и мнѣ легче надзирать за ними. Трудно напередъ угадать, какое впечатлѣніе произведетъ появление православныхъ учителей въ средѣ уніатовъ. Толкуютъ обѣ этомъ различно. Въ Варшавѣ, какъ я, кажется, писалъ уже вамъ, порѣшили въ тѣхъ школахъ, гдѣ будутъ православные учители, преподаваніе закона божія поручать уніатскимъ ксендзамъ съ жалованьемъ отъ правительства по 50 р., но я прибѣгну къ этому способу тогда только, когда примѣчу неудовольствіе и ропотъ отъ назначенія правосл.

учителей, ибо иначе что тогда дѣлать учителямъ? Учить читать и писать, да первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики? На этомъ не разойдется самый дѣльный учитель и не заслужить хорошей репутаціи. Приглашая кандидатовъ на учительскія мѣста, вы потрудитесь, конечно, собрать объ нихъ свѣдѣнія. Тѣхъ, которые при васъ приходили ко мнѣ, я не помню по фамиліямъ; но изъ прошлаго курса еще въ генварѣ просились Петръ Яковлевъ и Владіміръ Татаровъ. Первый не особенно боекъ, но второй весьма дѣльный малый. Впрочемъ, обоихъ я принялъ бы съ удовольствіемъ: Яковлевъ хороши тѣмъ, что знаетъ ноту и имѣеть очень хороший голосъ. Гдѣ они теперь, не знаю; въ консисторіи, я думаю, извѣстно. Предстоитъ еще одинъ вопросъ: какая карьера ждетъ тѣхъ, которые изъявили бы желаніе поступить сюда учителями? Во всякомъ случаѣ не худшая той, какую они сдѣлали бы, поступивъ учителями въ духовныя уѣздныя училища; но, можетъ быть, и гораздо лучшая: отсюда выходъ во всѣ стороны на службу въ Польшѣ, гдѣ такъ нуждаются въ русскихъ чиновникахъ и преимущественно ищутъ поповичей. Губернаторъ нѣсколько разъ жаловался мнѣ на недостатокъ русского люду въ его управлениі: то же слышишь отъ комиссаровъ и уѣздныхъ начальниковъ. Со временемъ, кажется, заведутъ въ Холмщинѣ вездѣ дѣлопроизводство на русскомъ языке, а Холмъ сдѣлаютъ центромъ русского управления. Теперь даже можете поздравить Холмъ съ повышеніемъ: распоряженіе о пожалованіи его въ уѣздные города уже сдѣлано, а не-задолго станетъ, кажется, и губернскимъ городомъ.—Изъявившіе желаніе на учительство должны быть уволены изъ Кіевской епархіи, о чёмъ я отнесусь, по полученіи отъ нихъ прошеній, въ консисторію. Мнѣ кажется, что тутъ вовсе не нужно поднимать вопроса объ увольненіи изъ духовнаго званія, такъ какъ духов. званіе существуетъ только въ Россіи, а здѣсь даже названія этого нѣтъ, и самое понятіе о немъ тутъ не примѣнимо.

Прошу васъ также разыскать студента академіи Ивана Соломоновскаго и предложить ему мѣсто учителя образцового начального училища, которое будетъ при Холмской гимназіи или

точнѣе при педагогическихъ курсахъ, съ жалованьемъ въ 300 р. с. Онъ просить у меня именно подобнаго мѣста; но само собою разумѣется, что со временемъ я могу дать ему и большій ходъ. Если согласенъ, то пусть подастъ прошеніе объ увольненіи изъ академіи, а затѣмъ прошеніе ко мнѣ съ метрикою и аттестатомъ. Прогоны, конечно, получитъ, но въ какомъ размѣрѣ, навѣрное не знаю, разумѣется, не менѣе 50 р. Соломоновскій рѣшительно не хочетъ быть въ академіи, а я быль бы очень радъ этому весьма дѣльному человѣку, съ отличнымъ слогомъ и прекраснымъ почеркомъ. Онъ ждетъ теперь моего отвѣта на его просьбу ¹⁾.

Дѣлопроизводителя, наконецъ, я получилъ въ лицѣ извѣстнаго вамъ Кухаренка ²⁾. Сегодня или завтра онъ будетъ уже въ Холмѣ. Дѣло это сдѣжалось случайно и стоило мнѣ и Комиссіи большихъ хлопотъ. Когда я представилъ Мурковскаго, Витте и Михневичъ дали мнѣ рѣшительный совѣтъ поискать другого, такъ какъ о Мурковскомъ переписка должна ити не менѣе 4-хъ мѣсяцевъ, а дѣла уніат. школы требуетъ вести какъ можно скорѣе. Говорили резонъ, и я выбралъ Кухаренка; но тутъ уперлись Фундуклей и Орловъ ³⁾: дѣло перешло даже въ Совѣтъ Управленія, который и присудилъ Кухаренка мнѣ. Я очень обрадовался этому; и мнѣ легче будетъ, и дѣла быстрѣе пойдутъ, а то просто невыносимо становилось. Не знаю, что дѣлать теперь съ Мурковскимъ, который доселѣ ждетъ моего отвѣта. Думаю, не опредѣлить ли его штатнымъ учителемъ педагогич. курсовъ; тутъ жалованье 800 р. с. ⁴⁾.

¹⁾ По увольненіи изъ Києв. Академіи Соломоновскій быль опредѣленъ учителемъ образцового училища при педагогическихъ курсахъ въ Холмѣ, потому быль штатнымъ учителемъ Педаг. Курсовъ въ разныхъ городахъ и составилъ и издалъ нѣсколько руководствъ для преподаванія рус. языка, весьма пригодныхъ для народныхъ школъ Варшав. Обруга; вышелъ въ отставку въ должности Инспектора (Начальника) Учительской Семинаріи, какъ названы потомъ педагогич. курсы.

²⁾ По окончаніи курса Києв. Духов. Семинаріи, быль учителемъ въ школѣ М. Малина, кіевск. губерніи, открытой кіевск. учеб. округомъ, по переходѣ въ Царство Польское, быль дѣлопроизводителемъ Холм. Учеб. Дирекціи, потому учителемъ въ Учительскихъ Семинаріяхъ и въ должностіи Инспектора Солецкой Учительской Семинаріи (въ Радомской губ.); вышелъ въ отставку, выслуживъ срокъ на пенсію.

³⁾ Директоръ Варшав. русской гимназіи, открытой д. тайн. сов. И. Н. Фундуклеемъ.

⁴⁾ Мурковскій, бывшій учитель кіевск. женск. духов. училища, въ это время поступивъ въ Университетъ для высшаго образования.

Изъ Варшавы не получилъ никакихъ новыхъ свѣдѣній, хотя тамъ теперь именно готовятся великия реформы для Царства, а для нась русскихъ, здѣ слушающихъ, великия льготы. Кухаренко писалъ, что дѣло идетъ тихо и такъ секретно, что ничего нельзя вывѣдать.

Недостаетъ мнѣ помощника инспектора: не поѣхалъ ли бы разомъ и С. на это мѣсто? Жалованья по должности учителя можно дать 1200 р., да помощническихъ 300 р. и казенная квартира. Теперь и академическимъ есть разсчетъ итти сюда, ибо скоро, кажется, удвоить число дирекцій.

Хотѣлъ сегодня послать Вамъ деньги за Наума, но не приняли,—на воскресеніе отложили. Когда бы еще хоть немножко букварей лаврскихъ: просятъ иногда, а дать нечего. Изъ Комитета грамотности мнѣ прислали 750 разныхъ книжекъ; но буквари Студитскаго плохи. Что Максимовичъ?—пишетъ-ли о Холмщинѣ? Витте и Черкасскій очень довольны заказомъ. Объ уніатахъ много набралось у меня свѣдѣній; но вотъ бѣда—и въ гору николы глянуть.

24 іюня—6 июля 1865 г. Холмъ.

...Черкасскій сильно негодуетъ на то, что въ катедрѣ холмской играютъ на органѣ. Воротившись въ Холмъ, я узналъ, что играютъ ученики школы дьяковъ, и какъ это дѣлается во время классовъ, то наложилъ запрещеніе. Хотѣли было семинаристы играть, но я объявилъ то-же. Съ тѣхъ поръ органъ молчитъ. Органиста нѣтъ, и жалованья ему не положено, а по просить не посмѣютъ. Слышалъ, что хотятъ продать органъ. Туда ему и дорога.

Вотъ вамъ новость: съ нынѣшняго или слѣд. года уніатскими священниками будетъ жалованье 300—500 р. с. Приходы дѣлятся на 3 класса, и въ 1-мъ 500, во 2-мъ 400, а въ 3-мъ 300 р. съ сохраненіемъ земель и доходовъ. Каково! Это не то, что у нась ¹⁾). Напиши позавидують. Но Черкасскій уполн-

¹⁾ Въ юго-запад. краѣ тогда получали священники приходовъ 1-го класса 160 руб., 2-го 150 руб., 3-го и 4-го 140 р., 5-го 120 р. 6-го 100 р. и 7-го 80 р. въ годъ. Теперь получаютъ все по 300 р., въ Привислянскомъ краѣ по 1200 руб. въ годъ.

номочилъ насъ распространять всюду, что жалованье будетъ выдаваемо только тѣмъ, которые станутъ говорить проповѣди по русски или по русински. Ну и распространяемъ; морщатся ксендзы, но иные теперь уже пристаютъ на русскій языкъ.

Письмо 11.

Сиѣшу писать къ вамъ, чтобы обмѣнваться еще разъ-другой письмами, пока вы отправитесь съ митрополитомъ въ объездъ по епархіи.

Кума я просилъ, чтобы онъ пріискалъ мнѣ двухъ учителей на математику, одного на латинскій и одного на греческій языкъ. Прошу васъ и обѣ этомъ. На Галичанъ остатнія надежда погибла, хотя, признаться, мнѣ не хотѣлось ихъ. Назначеніемъ учителей теперь надо торопиться, чтобы всѣ съѣхались къ началу сентября, когда, можно надѣяться, и гимназія будетъ открыта. Смѣты и планъ утверждены; 19 іюля ст. ст. торги, а къ 1-му августа работы начнемъ. Насяду на подрядчика всѣми силами, чтобы по крайней мѣрѣ зданіе мужской гимназіи было готово къ 1-му сентября. Пономареву и Грушевскому ничего болѣе опредѣлительного сказать не могу. Дѣло обѣ ихъ квартирахъ будетъ зависѣть не только отъ времени открытия, но и отъ того, когда уволить ихъ Синодъ, а Синодъ теперь думаетъ, вѣроятно, думу горькую, видя, что такъ многіе бѣгутъ изъ его вѣдомства....

Нѣтъ ли учителя чистописанія и рисованія? Жалованья 500 р., подъемныхъ рублей 300, должностъ въ IX кл. Я писаль Даніилу Г., чтобы предложилъ это мѣсто тому художнику, который просился на русскій языкъ; но онъ что-то не отвѣчаетъ, да едва ли и тотъ согласится? Нѣтъ ли также учителя въ педагогич. курсы на 800 р. с. жалованья и должностъ въ VIII кл.?

Букварей, часослововъ и псалтырей крайне нужно. Когда бы Лавра выслала на коммисію хоть по сотнѣ часослововъ и псалтырей, а букварей русско-славанскихъ обѣщали изъ Коммисіи Нар. Просвѣщенія выслать. Двѣ сотни букварей Макси-

мовича, за которыя я ему и деньги заплатилъ, прошу выслать, оставивъ всякия опасенія. Я дѣлаю опыты, который букварь лучше придется, и мнѣ нужны всякие буквари, а до того, что въ нихъ есть что-либо по малороссійски, мнѣ нужды мало. Вездѣ пока галиційскіе учебники, а никто обѣ нихъ ни слова. Ефимъ М. выписалъ ихъ на 400 р. Я удержался, но дотолѣ, пока вопросъ обѣ нихъ рѣшенъ будетъ Учредительнымъ Комитетомъ, а это рѣшеніе не за горами. Кокошкинъ говорилъ, что Петербургская партія вообще не любить Черкасскаго и Милютина; но дѣло въ томъ, что Милютинъ въ великой силѣ у Государя. Итакъ до поры до времени слѣженіе за сепаратизмомъ здѣсь не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій, пока инициатива того, что тамъ можетъ казаться сепаратизмомъ, будетъ исходить отъ Милютина и Черкасскаго.

Соломоновскому прошу объявить, чтобы онъ по полученію увольненія немедленно прислалъ свое свидѣтельство увольнительное и метрику. Опредѣлю я самъ, но въ комиссію нужно написать о выдачѣ прогоновъ.

Начальницы для женскаго училища не пришлютъ изъ Петербурга. Витте именно мнѣ поручалъ пріискать. За совѣтъ не поручать женщинѣ всего управлениія очень благодаренъ; буду хлопотать.

Еп. Вѣдомости были получены; но Иляшевичъ затаскалъ было ихъ куда-то, а потомъ я съ удовольствіемъ прочелъ церковно-арх. замѣтки и многое другое. Дѣйствительно, ихъ вѣра въ томъ, чтобы вотъ на счетъ сердцовъ не было перемѣнъ и проч.

Калинскій сильно работаетъ въ Австріи: опять не дали ректора и другихъ, и на этотъ разъ запретилъ самъ нувцій.

P. S. Типографія у насъ, кажется, скоро будетъ.

18/30 іюля 1865 г.

Письмо 12.

Теперь о гимназіяхъ. 19-го нашего авгуаста онѣ должны быть открыты, а учителя ни одного, начальства никакого. Не-

знаю, что-то будетъ. Прошу васъ покорѣйше выскать въ университетѣ тѣхъ кандидатовъ, о которыхъ я уже писалъ, т. е. двухъ на математику, одного на латинскій, одного на греческій языкъ и учителя чистописанія и рисованія. Двумъ жалованье по 1200 р., двумъ по 1000 р., а учителю чистописанія 500 р. Подъемныхъ 300—400 р. Какъ бы это поскорѣе, какъ можно скорѣе. Пусть посылаютъ прошенія къ Витте—съ документами, а вы напишите Витте о тѣхъ, кто будетъ вами выисканъ, я же отъ себя напишу, чтобы опредѣлилъ, не спрашивая меня, для сокращенія времени. Нашихъ духовныхъ не дождешься и до зимы, да и довольно ихъ приглашено. До свиданія! Ёду въ Красноставъ.

21 іюля (2 августа) 1865 г. Г. Холмъ.

Письмо 13.

Почта отходитъ ночью, теперь 6-ть часовъ, а тутъ народа ждеть еще съ экзаменами на учительскія мѣста.

Сегодня строительный нашъ комитетъ имѣлъ первое засѣданіе. Комитетъ состоитъ изъ 6-ти членовъ: меня, архитектора, присланного изъ Варшавы, двухъ уніатскихъ ксензовъ, бургомистра и одного мѣщанина уніата. Послѣдняго я нарочно выбралъ потому, что онъ хозяинъ, имѣлъ собственный каменный домъ, который самъ строилъ, и потому знаетъ толкъ во всемъ. Трудно и даже страшно; но, Богъ дастъ, какъ-нибудь управлямся.

Срокъ отдѣлки классовъ для гимназіи—15-епольское сентябрь. Не знаю однажды, успѣетъ ли подрядчикъ. Женское училище положено окончить къ новому году. Окончательный срокъ для всѣхъ работъ 1-е іюня слѣдующаго года. Церковь хотятъ устроить въ зданіи піаровъ; но я хлопочу, чтобы отдали одинъ костелъ, безприходный и никому ненужный¹⁾.

28 іюля (9 августа) 1865 г., г.

¹⁾ Костелъ этотъ былъ смежный съ зданіемъ, предназначеннымъ для женской гимназіи. По закрытію монастыря католическаго, которому принадлежало зданіе и костелъ, посѣщенній оказался безприходнымъ и ненужнымъ. Впослѣдствіи ходатайство Ф. Г. Лебединцева было уважено, и костелъ былъ передѣланъ въ церковь уніатскую, а съ 1876 г.—православную. Шпій—прекрасный храмъ при женскомъ учебномъ заведеніи.

Письмо 14.

Послѣдніе три дня я получалъ каждый день по письму отъ васъ. Сейчасъ только принесли послѣднєе. Читалъ и дивился; тѣмъ не менѣе спѣшу написать, чтобы Вы не беспокоились вслѣдствіе слуховъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могу считать вѣрными.

Откуда эти слухи дошли до васъ, я знаю, хотя вы и не пишете. Дѣло въ томъ, что за три или четыре дня предъ этимъ я получилъ точно такое же письмо отъ Ефима М. Не сомнѣваюсь, что онъ написалъ прежде вамъ, а потомъ мнѣ. Но не въ томъ собственно дѣло: какое основаніе для этихъ слуховъ—вотъ главный вопросъ. Коснусь, прежде всего, самаго важнаго извѣстія, будто профессоры семинаріи ъздили къ Черкасскому съ жалобою на меня и съ просьбою о перемѣщеніи меня изъ Холма. Холмъ не Киевъ и не Петербургъ, гдѣ живущіе въ одномъ концѣ города не знаютъ, что дѣлается въ другомъ. Здѣсь извѣстно не только, кто, когда и куда выѣзжаетъ, но даже, кто куда идетъ. Знаю поэтому несомнѣнно, кто изъ профессоровъ, когда и куда ъздила. Въ Варшаву, вскорѣ по прибытіи моемъ оттуда, ъздила Войцицкій¹⁾), одинъ, по случаю болѣзни дочери своей, учащейся въ Варшавскомъ пансіонѣ. Войцицкій извѣстенъ здѣсь и въ Варшавѣ. Что Войцицкій могъ сказать что-нибудь дурное обо мнѣ, въ томъ не сомнѣваюсь; но что я ему не подалъ ни малѣйшаго повода къ тому, это также несомнѣнно. Былъ онъ у меня съ визитомъ, и я у него былъ тотъ часъ же. Былъ онъ у меня разъ вечеромъ, а я у него ни разу—за недосугомъ. Встрѣчались нѣсколько разъ; но при каждомъ свиданіи, кромѣ, самаго большаго вниманія, почтенія и любезности, онъ ничего другого отъ меня не встрѣчалъ. Былъ потомъ въ Варшавѣ, проѣздомъ за границу для рукоположенія, Лебединскій: самъ онъ человѣкъ очень добрый, да и я съ нимъ обходился въ троекратное свиданіе самымъ радуш-

¹⁾ Войцицкій, профессоръ уніатской семинаріи, есевадъ-каноникъ (протоіерей) въ послѣдствіи, по удалевіи Калинскаго, ему поручено было, по представлению кн. Черкасскаго, управление Холмской епархіей и дать титулъ архипресвитера.

нымъ образомъ.—Проѣхалъ недавно чрезъ Варшаву за границу єкономъ семинарії—кенснъ Панасинскій, который больше всѣхъ мнѣ нравится, и съ которымъ потому я найлюбезнѣйшимъ образомъ обращался.—Былъ недавно профессоръ Шоцей:—этому я первый сдѣлалъ визитъ и затѣмъ, встрѣчаясь нѣсколько разъ, относился съ полнымъ уваженіемъ и любезностю. Говорить противъ меня онъ ничего не имѣлъ, да и не захотѣлъ бы, такъ какъ и ъздилъ въ Варшаву за тѣмъ, чтобы упроситься въ гимназію. Больше никто не ъздилъ въ Варшаву. Съ тѣми, которые здѣсь, я въ самыхъ пріятнѣйшихъ отношеніяхъ, особенно съ вицеректоромъ¹⁾), съ которымъ цѣлуюсь не менѣе 6-ти разъ при каждомъ свиданіи, хотя въ душѣ не очень высокаго обѣ немъ мнѣнія. Вообще ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ профессоровъ я не только не имѣлъ никакихъ столкновеній, но и никакихъ объясненій, которыхъ могли бы подать поводъ къ нареканіямъ на меня. Кромѣ полной вѣжливости, почтенія и любезности, они не видѣли отъ меня ничего другаго. Одно, на что они могутъ указывать и изъ чего могутъ выводить неблагопріятныя заключенія и, пожалуй, даже клеветать на меня, это то, что я не бываю почти ни у кого изъ нихъ; но за то я ни у кого и никогда не бываю, и предъ всѣми вообще и предъ каждымъ въ частности извиняюсь и твержу всегда, что бывать мнѣ рѣшительно некогда. Въ этомъ отношеніи я не дѣлаю различія между православными и уніатами; равно какъ они не могутъ не вѣрить моимъ словамъ, ибо всѣ они не только не видятъ меня гдѣ-либо въ гостяхъ, но рѣдко видятъ гуляющимъ, а кто приходитъ ко мнѣ, тотъ всегда застаетъ меня за бумагами, въ какую пору ни пришелъ бы ко мнѣ.

Итакъ, что профессоры семинаріи *пздили* жаловаться на меня, это совершенѣйшая ложь. Трое изъ нихъ разновременно были въ Варшавѣ,—каждый по своимъ обстоятельствамъ. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ нихъ сказалъ обо мнѣ, что я

¹⁾) Должность вицеректора въ уніат. семинарії соотвѣтствовала должности инспектора. Вицеректоръ, кенснъ Гарасовскій, былъ слишкомъ ополченный и окатоличенный уніатъ; по удаленіи Калинскаго былъ также удаленъ на приходъ въ село.

держу себя съ ними далеко, холодно, даже, пожалуй, гордо,— все на томъ основаніи, что я доселѣ не могъ быть ни у кого изъ нихъ болѣе, какъ по одному разу; но чтобы тутъ была общая, нарочитая жалоба, чтобы кто-нибудь могъ пожаловаться на мою неделикатность, негуманность, проще,—грубость, сердитость и т. под., этому я не могу повѣрить на томъ основаніи, что ничего подобнаго не замѣтилъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Думаю такъ отчасти и потому, что Витте въ одномъ письмѣ передавалъ, говоря его словами, просьбу, точнѣе же, приказъ Черкасскаго—стать въ возможно близкія отношенія къ униат. духовенству; когда-же я отвѣтилъ, что забочусь объ этомъ всѣми силами и представилъ на это нѣкоторые факты, то онъ, объявляя, что сообщить объ этомъ Черкасскому, прибавилъ въ то же время, что Черкасскій почему-то былъ другаго мнѣнія, но и только. Будь какая-либо положительная и серьезная жалоба, — я не сомнѣваюсь, что ни Черкасскій не скрылъ отъ Витте, ни тѣмъ болѣе Витте отъ меня.

Что сельскимъ іерейямъ я нигдѣ и никакой непріятности не сдѣлалъ и ни малѣшаго не подалъ повода къ нареканіямъ, это также совершенно вѣрно. Былъ, правда, у меня одинъ ксендз¹⁾ униатскій изъ Подлясія, котораго Сидорскій¹⁾ представилъ, какъ отчаяннаго брехуна и высочайшаго подлеца: его я принялъ не такъ радушно, какъ другихъ, можетъ быть даже нѣсколько холодно, но это потому, что въ оба раза онъ заставалъ меня за самою экстренною работою и долго мучилъ меня самою нелѣпо просьбою—ходатайствовать о томъ, чтобы ему дали лучшій приходъ. Разумѣется, что такой просьбы я не принялъ и объяснялъ лишенному за разныя проказы прихода ксендзу, что лучшее средство поправить свои дѣлишки и репутацію, это показать на дѣлѣ ревность объ униатствѣ и русинствѣ недощущеніемъ совращеніи въ латинство и проповѣданіемъ на русскомъ или русинскомъ языкахъ. Ксендзъ этотъ—блуждающая комета, и едва ли не онъ пустилъ въ Подлясіѣ то, о

¹⁾ Управлявшій греко-униатскими дѣлами при кн. Черкасскомъ; умеръ въ 1895 г. въ должностіи (въ послѣдствіи) директора канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода.

чесъ писалъ мнѣ Ефимъ М., именно—будто я „держу себя гордо, не сочувствую нуждамъ уніат. духовенства, не забочусь объ немъ и люблю только властвовать“. Но этотъ же ксендзъ разказывалъ по всему Подлясью, что когда онъ *въ каретѣ* подѣхалъ къ Комміssії Внутр. и Дух. Дѣлъ, то Черкасскій выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, а Черкасская просила познакомить ее съ его женою, и опять—Черкасскій предлагалъ будто ему принять православіе, тогда какъ было совершенно наоборотъ, и пр. Вообще изъ разсказовъ Ефима М. и Сидорскаго я заключилъ, что уніатское духовенство, брехливое вообще, брехливое особенно па Подлясьѣ. Нигдѣ столько не бываетъ толковъ и слуховъ, часто поразительныхъ своею нелѣпостью, какъ на Подлясьѣ, что и здѣшніе уніаты подтверждаютъ, а Ефимъ М. имѣеть охоту слушать. Извѣстія, теперь переданныя имъ, какъ самъ пишетъ, заимствованы отъ какихъ-то ксендзовъ съ одной и отъ Жозефа съ другой стороны. Источники одинаково мутные. Всего вѣроятнѣе, что поводомъ къ этимъ слухамъ послужило извѣстное представленіе Калинского о томъ, какъ понимать отношенія директора къ дѣлу проповѣдничества, посланное по тому случаю, что я просилъ у ректора для прочета проповѣдь одного семинариста послѣ того, какъ она прошла законную свою цензуру и была произнесена въ церкви. Проповѣдь эта давно возвращена мною и, разумѣется, что ни на ней, ни обѣ ней я не сдѣлалъ никакихъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ замѣчаній или отзывовъ. Это неосторожное любопытство, хотя я имѣть для него полное основаніе въ возвложенномъ на меня наблюденіи за семинарію, возбудило неудовольствіе Черкасскаго, который поручилъ Витте предостеречь меня, чтобы я былъ какъ можно осторожнѣе въ отношеніи къ семинаріи; но на томъ дѣло и кончилось. Кто-то изъ двухъ, ректоръ или Калинский, въ бытность здѣсь Сидорскаго, говорилъ ему, что я будто всякия дѣла по семинаріи рѣшаю; но нелѣпость этого самъ Сидорскій призналъ, такъ какъ я былъ однажды только въ семинаріи—на полчаса, и ничего не сдѣлалъ, ничего даже не сказалъ. Семинарію и Калинского покоробило постановленіе Учр. Комитета о наблюденіи со стороны директоровъ, но вовсе

не мои въ ней отношения, ибо я вромъ упомянутаго посвѣщенія былъ еще только одинъ разъ на экзаменѣ и также ни слова не сказалъ. Въ этомъ смыслѣ я писалъ и еще напишу и Витте, и Сидорскому. Въ Люблинѣ не уніаты, а распустили было слухъ про Теодоровича, что его вовсе увольняютъ, по случаю дѣйствительно крутой его переписки съ предсѣдателемъ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Пишу все это для успокоенія вашего; но не думайте, что бы я былъ равнодушенъ къ сообщеннымъ мнѣ слухамъ, или же былъ слишкомъ самоувѣренъ въ своей непогрѣшимости и безопасности. Вообще здѣсь надо быть въ высшей степени осторожнымъ, и я стараюсь обѣ этомъ всѣми силами; но бываютъ случаи, когда выдумаютъ изъ ничего, какъ это и Ефимъ М. испыталъ.

Что узнаю изъ Варшавы, о томъ напишу, а теперь не могу не благодарить васъ за ваши замѣчанія и совѣты, которые внушиены братскою любовью.

8—20 авг. 1865 г., г. Холмъ.

P. S. Позавчера я получилъ письмо отъ Сидорского, который увѣрительно пишетъ, что скоро имѣютъ послать меня въ Львовъ—посмотрѣть тѣхъ уніатовъ, которые просятся на учит. мѣста въ Холмѣ, „не говоря имъ ничего положительного.“ Написать это поручили ему Витте и Черкасскій. И изъ этого я заключаю, что слухъ о перемѣщеніи моемъ—чистая выдумка.

Работы двигаются съ возможной быстротою, и я надѣюсь, что классы будутъ отданы къ сроку. Я каждый день, и по нѣсколько разъ, бываю на работахъ и смотрю во всѣ глаза, чтобы не прозѣвать чего-либо. Присланный изъ Варшавы архитекторъ, кажется, добросовѣстный человѣкъ.

Въ назначеніи учителей такая теперь путаница изъ-за галичанъ, что я просилъ уже Витте назначать, не спрашивая моего мнѣнія. О рекомендуемой Поляковой¹⁾, женѣ священника, также ничего не могу теперь сказать, ибо Витте писалъ мнѣ только выслушивать классныхъ дамъ, но не давать имъ рѣ-

¹⁾ Полякова—натальница Фундукеевской женской гимназіи въ Киевѣ.

шительныхъ обѣщаній, такъ какъ штать не утвержденъ, и самое открытие женской гимназіи послѣдуетъ только съ новаго 1866 г.

Письмо 15.

Уніаты такія небылицы разносять о комъ угодно, даже о Черкасскомъ, что превзошли въ этомъ отношеніи Часъ и Ойчи-зну¹⁾. Это подлыйшии, омерзителыи народъ, въ десять разъ хуже поляковъ²⁾. Витте пишеть, что меня рѣшили послать въ Львовъ, но только позже, когда будетъ открыта гимназія. На счетъ слуховъ о несближеніи моемъ съ духовенствомъ уніатскими, о чемъ прежде была рѣчь, замѣчаетъ, что Черкасскій успокоился его увѣреніемъ, что это ложь, прибавляя къ тому: „во мнѣ всегда найдете ограду, защиту“. Кажется, что все дѣло именно въ томъ, что кто-то шепнулъ Черкасскому, будто я далеко держусь отъ ксендзовъ уніатскихъ. Сегодня же я послалъ письмо Витте собственно о слухахъ, сообщенныхъ вами, прося не говорить Черкасскому, если это слухи пустые, въ чёмъ и высказалъ я свою увѣренность. По этой же причинѣ не буду писать Сидорскому. Подожду, что напишетъ Витте.

Учредительный Комитетъ рѣшилъ вызвать для гимназіи изъ Галиціи не болѣе 2 или 3-хъ учителей, и то, когда ис-тощатся всѣ средства къ отысканію русскихъ учителей, для на-родныхъ же школъ 10—15 учителей на двѣ дирекціи, но съ величайшею осмотрительностію и самою крайнею осторожностію относительно ихъ политического направленія. Витте просто называетъ это узкимъ взглядомъ и формализмомъ, а опасенія на счетъ сепаратизма чуть не дурачествомъ. Вотъ, что значитъ честный нѣмецъ.

¹⁾ Польскія газеты, издававшіяся въ Краковѣ и Львовѣ; въ нихъ чуть не еже-дневно печатались удивительныи измышленія о русскихъ и въ дѣятельности въ Польшѣ.

²⁾ Какъ ни рѣзокъ этотъ отзывъ объ уніатахъ, но онъ справедливъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи подлясскихъ уніатовъ.

Касательно учебниковъ Учр. Комитетъ постановилъ допускать изъ галиційскихъ изданий только книги духовнаго содержанія, всѣ же прочія книжки должны быть непремѣнно на русскомъ языке. Бѣдный Ефимъ М.! Вѣдь онъ выписалъ на 400 р. с. галиційскихъ учебниковъ. Слава Богу, что я уберегся и терпѣливо ждалъ решения Учр. Комитета! Любопытно однако жъ было бы заглянуть въ душу Учр. Комитета, чтобы знать, какими понятіями руководился онъ, разрѣшая духовныя книги и не разрѣшая недуховныхъ.

Образа для гимназіи я предлагалъ выписать изъ Киева, но Черкасскій нашелъ это неудобнымъ и требуетъ, чтобы они заказаны были въ Галиції. Витте пишетъ, чтобы я послѣшиль заказать, а между тѣмъ сдѣлалъ бы официальное о семъ представление. Черезъ чуръ тонко!

Дополнительные правила касательно униатскихъ школъ, поданныя мною и Еф. М., рассматриваются въ Учр. Комитетѣ. Черкасскій, какъ пишетъ Витте, на бумагѣ отказался отъ уступокъ, сдѣланныхъ намъ на словахъ, т. е. непремѣнно хочетъ присадить ксендзовъ униатскихъ къ школамъ. Витте нетерпѣливо ждетъ, что скажетъ на это Учр. Комитетъ. О, даль бы Богъ, чтобы онъ осадилъ Черкасскаго. Пропасть придется, если присадятъ къ намъ этихъ прощалыгъ и ябедниковъ. Понятна цѣль Черкасскаго: черезъ ксендзовъ и дяковъ онъ хочетъ подчинить себѣ наши двѣ дирекціи.

Если найдутся кандидаты на учительскія мѣста въ гимназіи, то пусть присылаютъ поскорѣе прошенія къ Витте. Галицію только поманываютъ, а кто ихъ дождется, да и не хотѣлось бы мнѣ самому этихъ новыхъ униатовъ. 1200 р. не присвоено известному предмету, а будетъ назначаемо по моему усмотрѣнію достойнѣйшимъ.

^{10/22} авг. 1865 г. г. Холмъ.

Семинаристамъ скажите, чтобы не ѻхали прямо сюда на учительство, не подавъ предварительно прошеній и не получивъ отвѣта, иначе поставать и меня, и себя въ крайнее затрудненіе. На все нужно время, и на то опять, чтобы выискать подходящее мѣсто.

Письмо 16.

Полагаю, что вы уже въ Киевѣ; потому снова начинаю писать.

Первѣе всего о слухахъ. Вмѣсто всякихъ объясненій посылаю письмо Витте, которое прошу возвратить за казенною печатью. Подобное-же письмо прислалъ Вилуевъ. Ergo... На инспекторское мѣсто Витте хочетъ назначить Андрея Стефановича, учителя Варшавской русской гимназіи, бывшаго два года въ Кіевской академіи, а оттуда перешедшаго въ университетъ. Отъ оберъ-прокурора Витте получилъ телеграфическое увѣдомленіе о томъ, что Синодъ опредѣлилъ уволить 13-ть наставниковъ дух. уч. заведеній на службу въ Польшѣ, но списка ихъ еще не прислалъ. Стефановича всѣ хвалятъ и самъ Витте.

Прошеніе Пясецкаго ¹⁾ сегодня прислано на мое имя, и я даю завтра благопріятный отвѣтъ,—рекомендую штатнымъ учителемъ педагогическихъ курсовъ. Передайте это о. Варѳоломею, ²⁾ а онъ пусть Пясецкому передастъ.

Передайте окончившему курсъ академіи Амулину (онъ прислалъ мнѣ два письма и въ послѣднемъ пишетъ, что хочетъ юхать, не дожидаясь), что онъ будетъ назначенъ въ Бялу, ко мнѣ же на нѣмецкій языкъ назначенъ уже галичанинъ Хоминъ, имѣющій на дняхъ прибыть въ Холмъ. Абрамовича ³⁾ я представилъ уже и надѣюсь, что онъ будетъ утвержденъ. Скажите всѣмъ собирающимся въ Польшу, что назначеніе ихъ послѣдуетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, и подъемные деньги будутъ высланы на имя Слѣпушкина. Витте проситъ написать всѣмъ имъ, чтобы собирались заблаговременно и юхали какъ можно скорѣе.

Кандидатовъ новыхъ не трудитесь пріискивать. Витте пишетъ, что мѣста два-три нужно оставить для галичанъ. Меня

¹⁾ И. Я. Пясецкій уволился изъ Кіев. Дух. Академіи по болѣзни и назначенъ быть учителемъ педагогическихъ курсовъ (Учительской Семинаріи) въ Холмѣ. Состоитъ (въ 1896 г.) Начальникомъ Калишской Учебной Дирекціи.

²⁾ Архимандрій, профессоръ дух. академіи.

³⁾ Изъ окончившихъ курсъ дух. академіи учитель Кіевс. жен. дух. училища, нынѣ директоръ Бѣльской гимназіи.

пошлють въ Галицію тотчасъ, какъ скоро пріѣдетъ инспекторъ гимназіи, а то не на кого дирекцію оставить и работы.

Намъ готовятся большія привилегіи по службѣ. Витте пишетъ, что дѣло это было уже присыпаемо на его заключеніе отъ Милютина.

25 авг.—6 сент. Г. Холмъ.

Письмо 17.

Опять собрался писать предъ отходомъ почты. Прежде всего о самомъ нужномъ.

Передайте Сергѣенку, что по новому штату Холмской гимназіи, представленному уже на Высочайшее утвержденіе, жалованья учителю рисованія и чистописанія 600 руб., а въ педагогическихъ курсахъ особая плата по 60 к. с. за урокъ. Срокъ на пенсію предположено сократить съ 35 на 25 лѣтъ, какъ въ Россіи, но только для русскихъ. Квартиры казенной не полагается. Если хочетъ, пусть присыпаетъ прошеніе—прямо Витте.

Открытие гимназіи и пед. курсовъ отложено на 2—14 окт., за неприбытіемъ учителей. Работы окончены къ 15—27 сент. Скажите Пономареву и Грушевскому, чтобы выѣзжали немедленно и ѿхали день и ночь. Къ открытію гимназіи пріѣдетъ изъ Петербурга Витте, и, конечно, будетъ недоволенъ, если они къ тому времени не явятся.

Пріемные экзамены идутъ. Учениковъ уже больше ста. Въ Галицію поѣду послѣ открытія гимназіи. Теперь сильная суэта.

Будьте здоровы.

19 сент.—1 окт. 1865 г. Г. Холмъ

Письмо 18.

Итакъ гимназія и педагогические курсы открыты 5—17 ок. На открытии, по личному повелѣнію Государа Императора,

былъ Витте и по моему приглашенню Костанда и Буцковской¹⁾, кромъ множества ксенозовъ, военныхъ и другихъ чиновъ. Служилъ Калинскій и домъ освятилъ соборнѣ послѣ народной процессіи. Торжество было велие, но стоило лично мнѣ до 200 р. с. Съ слѣд. почтою непремѣнно выплю вамъ описание онаго для епар. вѣдомостей.

Тѣмъ временемъ потрудитесь розыскать Соломоновскаго и объявить ему, что обѣ уплатѣ 200 р. с., которые требуетъ съ него Синодъ, я уже написалъ Витте, что поэтому пусть онъ смѣло даетъ Филарету²⁾ расписку и немедленно ѹдетъ. Тутъ получитъ и подъемныя, и окончательное увольненіе. Жалованіе ему по новому штату 500 р. с. Пусть же не медлитъ ни мало. Очень нуженъ.

Учителю церковнаго пѣнія въ госуд. совѣтѣ положили жалованья 500 р. Передайте это при случаѣ Абрамовичу.

Пишу съ слѣд. почтою, а теперь ни минуты свободной.

10—22 окт. 1865 г., г. Холмъ.

Письмо 19.

Не успѣвъ съ сегодняшнею почтою послать вамъ письмо, я начинаю сегодня же писать, чтобы успѣть до слѣдующей почты и написать на этотъ разъ побольше.

Итакъ открытие гимназіи состоялось наконецъ. Много хлопотъ и много денегъ стало это дѣло, но теперь я чувствую себя и лучше, и какъ будто легче. Уже одно то для меня большой выигрышъ составляетъ, что я могу посыпать въ гимназію на экзамены всѣхъ кандидатовъ на учительскія мѣста, которые дѣлали мнѣ много хлопотъ. Съ открытиемъ гимназіи русскій элементъ взялъ здѣсь еще болѣе сильный перевѣсъ, а когда гимназія устроится вполнѣ и будетъ открыта гимназія женская, тогда Холмъ приметъ совершенно русскую физіономію. Разскажу вамъ кое - что изъ періода открытия гимназіи и о самой гимназіи.

¹⁾ Костанда генералъ, начальникъ пѣхотной дивизіи, нынѣ генералъ-адъютантъ, членъ Государствъ Совѣта; Буцковскій—Любліанскій губернаторъ.

²⁾ Ректору Дух. Академіи.

Начать съ того, преосвящ. Іоанникію¹⁾, какъ видно, сильно хотѣлось быть на этомъ торжествѣ, и, какъ оно предполагалось первоначально 15—27 сентября и затѣмъ отсрочено было на неопределеннное, но непродолжительное время, то Іоанникій и подгонялъ свой прїездъ въ Холмъ такъ, чтобы попасть, что называется, на самое расторжье. Прїехалъ онъ 24-го сентября и оставшись до 26-го, увѣрялъ меня нѣсколько разъ, что, какъ сообщили ему въ Варшавѣ и въ дорогѣ, открытие гимназіи назначено именно на 26-е. 25-го онъ обѣдалъ у насъ со всею духовною и свѣтскою свитою, 26-го служилъ, послѣ чего обѣдали у Крашановскаго²⁾. Въ тотъ и другой разъ онъ убѣжалъ меня, что церковная церемонія при открытии гимназіи должна быть совершена по обряду православной церкви прав. протоіереемъ; но я отдѣлся отъ него тѣмъ, что къ открытию имѣлъ прибыть Витте, которому онъ поручилъ передать его взглядъ. Говоря проповѣдь 26-го, онъ нежданно прослезился, заговоривъ о томъ, какъ ему хотѣлось бы, чтобы между здѣшними разновѣрцами установился миръ и согласіе. Прослезилось при этомъ нѣсколько дамъ, жандармскій полковникъ и военно-уѣздный начальникъ. 14—16 октября къ обѣду дождался я, наконецъ, Витте, которому съ великимъ трудомъ приготовилъ у себя квартиру. Его встрѣчали везде по пути отъ Варшавы до Холма гражданскія и военные власти, и здѣсь не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ посыпались съ рапортами и представленіями. Не знаю, худо-ли, хорошо-ли, но я не дѣлалъ ему никакой встрѣчи, хотя рапортъ подалъ и служащихъ представилъ на утро. Предварительно обдуманный мною, известный вамъ планъ церемоніи онъ одобрилъ вполнѣ. Осталось уломать Калинскаго³⁾, котораго я не хотѣлъ и трогать до прїзыва Витте, не надѣясь, чтобы онъ согласился принять участіе въ схизматицкомъ празднику. Въ 5 часовъ вечера мы отправились къ нему. Вигте началъ съ того, что Государь лично по-

¹⁾ Варшавскій архіепископъ.

²⁾ Протоіерей православній церкви въ Холмѣ, б. товарищъ преосвященнаго по академіи.

³⁾ Уніатскій епіскопъ-номінатъ.

ручили ему пріѣхать въ Холмъ и отпраздновать открытие гимназии, какъ можно торжественнѣе. Застигнутый върасплохъ, Калинский до того оробѣлъ, что на все согласился и даже заговорилъ по русски, какъ могъ.

Торжество, какъ видите, вышло довольно пышное; но были нѣкоторыя неудачи, о которыхъ, конечно, нельзя было упомянуть въ описаніи. Прежде всего разгнѣвался Костанда на законоучителей уніатскихъ, которые не явились на церемонію, уѣхавъ въ свои приходы, и ближайшаго изъ нихъ Шелеметка за 15-ть верстъ велѣлъ доставить (и доставленъ) съ жандармами. Хотя все это подѣломъ, но слѣдовало бы осторожнѣе дѣйствовать. Я старался уговорить и Костанду, и Витте; но видно, что они не изучили еще уніатовъ. Потомъ Витте сказалъ рѣчъ, которая была у него написана загодя, но, произнося, онъ сбивался и повторялся. Моя рѣчъ очень рѣзка, и потому я съ вечеря читаль ее Витте, въ присутствіи Теодоровича и еще нѣсколькихъ лицъ, прося ихъ сказать, что смягчить, а что совсѣмъ выбросить; но всѣ въ одинъ голосъ твердили, что и то уже очень мягко. Обѣдь шелъ чинно, и первые тосты прошли смирно; но затѣмъ, по выходѣ Витте, оставшаяся компанія зашумѣла неистово, возглашая гости за тостами. Костанду подхватили на ура; но едва спустили его, какъ онъ скомандовалъ меня подхватить и пошли какъ на штурмъ; потомъ, не знаю почему, схватили Теодоровича, а за нимъ нашлись какіе-то охотники на комиссара Баранова ¹⁾, который довольно толстъ. Офицерство орало во всю глотку и стучало саблями. Я послѣдній пригласить Костанду на верхъ, и все человѣчество затихло и стало расходиться. Жаль, что ни Стѣфановичъ, ни Кокошкинъ не сказали приготовленныхъ спичей, а спичъ Кокошкина произвелъ бы впечатлѣніе. Онъ мастеръ и писать, и произносить. Я нѣсколько разъ просилъ, но когда потерялся порядокъ, онъ

¹⁾ Д. Г. Барановъ — комиссарь по крестьянскимъ дѣламъ Холмского участка, то же что мировой посредникъ; впослѣдствіи былъ управляющимъ греко-уніатскими дѣлами при министрѣ гр. Толстомъ, а по присоединеніи уніатовъ къ православной церкви въ 1876 г., назначенъ былъ Начальникомъ Калишской Учеб. Дирекціи; умеръ въ отставкѣ 12 января 1897 г., въ Кіевѣ

упорно отказался.—Прибавить слова два о мѣстѣ, гдѣ мы обѣдали. Это была столовая базиліанъ, а теперь классъ для пѣвчихъ. Огромная, но сильно запущенная зала. Вытащили лавки и все, что было, мыли и чистили дни два, поставили часть своей мебели, повѣсили икону и два портрета Государя и Государыни, присланные для женской гимназіи. Вышло ничего. Столъ и портреты были убраны цвѣтами.

На другой день, до 4-хъ часовъ, мы ходили съ Витте то по классамъ, то по работамъ. Чрезвычайно важныхъ результатовъ достигъ чрезъ эту ревизію: во 1-хъ, работы въ зданіи пореформатскому Витте разрѣшилъ пріостановить до весны, во 2-хъ, къ этому зданію разрѣшилъ сдѣлать пристройку, безъ чего трудно было бы намъ извернуться, въ 3-хъ, согласился на устройство бани изъ реформатского бровара, въ 4-хъ, разрѣшилъ и въ піарскомъ зданіи нѣкоторыя сверхъсмѣтныя работы, и обѣщалъ настоять на отдачѣ флигеля, въ 5-хъ, призналъ мою квартиру не только не обширною, но даже малою, хотя я отказался отъ расширения. Канцелярію остался очень доволенъ. Послѣ обѣда и чаю Витте уѣхалъ въ Варшаву, оставивъ самое пріятное впечатлѣніе.

Изъ разговоровъ Витте можно было заключить, что поѣздкою въ Петербургъ онъ много поправилъ и укрѣпилъ свое положеніе. Государь видимо благоволить къ нему. Намъ готовятся такія привилегіи: прежняя служба васчитывается въ здѣшнюю, срокъ службы 25-тилѣтній, жалованье все обращается въ пансіонъ; въ случаѣ болѣзни полный пансіонъ за 15-ть лѣтъ службы, за 10-ть половина, за 5-ть одна треть; представление къ наградамъ чрезъ два года и даже чуть ли не чрезъ годъ. Дай Богъ только пожить здѣсь въ добромъ здоровьѣ! Мнѣ и снится, и видится, что я могу своими очами увидѣть здѣсь православіе, если поживу подольше. Не говорю о частныхъ слу-чаяхъ, въ родѣ того, напр., что учитель Нѣмецкаго языка Хоминъ послѣ отбытой церемоніи, когда воротились домой, бросился мнѣ на шею и взволнованнымъ голосомъ произнесъ: послѣ того, что я слышалъ сейчасъ, чувствую, что мнѣ стыдно оставаться уніатомъ, или—что одинъ ученикъ педагогической школы на другой день подалъ мнѣ прошеніе о присоединеніи

его къ православію. Но вотъ случай, достойный замѣчанія: на прошлой недѣли двѣ огромныя деревни, Обша и Замхъ, на австрійской границѣ, приняли православіе и присоединены священникомъ ихъ д. Бабицъ безъ всякого шума и формальностей. Въ соседнихъ деревняхъ: Ружанцѣ, Хмельку и другихъ идетъ сильное движение. Кажется, что и они не устоятъ. Тутъ бы только огня подкладывать, а горѣло бы куда какъ хорошо! Просто покатило бы по всей Холмщинѣ. И дай-то Богъ! Жаль народа этого, искалѣченного варварами-пропагандистами. Славный народъ!

Позавчера отправилъ въ Кіевскую консисторію отношеніе съ просьбою увѣдомить окончившихъ курсъ семинаріи Брояковскаго и Каченовскаго, а также уволеннаго пзъ средняго отдѣленія Филона Михалевскаго о томъ, что они назначены мною учителями сельскихъ школъ, и выдать имъ билеты на проѣздъ, предварительно уволивъ ихъ изъ епарх. вѣдомства. Прошу наблюдости за этимъ дѣломъ. Въ іюль я просилъ консисторію увѣдомить меня, нѣтъ ли съ ея стороны препятствій къ перемѣщенію въ Польшу учителя Халчанской школы Левкевича, но она и отвѣта не дала.

Хочу устроить какъ нибудь, чтобы назначаемые сюда въ зем. учители не были увольняемы изъ дух. званія. Буду просить Витте, чтобы снесся съ оберъ-прокуроромъ св. Синода о зачисленіи такихъ въ Варшавскую епархію. Попросите, чтобы не увольняли до того изъ дух. званія назначенныхъ мною.

Позавчера прїѣхалъ Грушевскій 4-й учитель. Бѣда безъ учителей! Аристовъ¹⁾ уже прислалъ только запросъ, какъ уплатить ему 400 р., которые съ него требуютъ. Чепурковскій что-то не ѳдетъ, а я давненько послалъ ему приглашеніе. Командировки въ Галицію доселѣ нѣтъ; но жду съ каждою почтою. Соломоновскій, говорятъ, въ отчаяніи и не знаетъ, что дѣлать. Пусть беретъ билетъ мѣсяца на два и ѳдетъ сюда. Вотъ и все. Тутъ и уволь-

¹⁾ Г. А. Аристовъ, кончилъ курсъ Кіев. Дух. Академіи и назначенъ былъ учителемъ исторіи въ Холмскую гимназію; очень дѣланный былъ учитель, любимый учениками; прослуживъ 6 лѣтъ въ Холмѣ, умеръ тамъ же отъ чахотки.

неніе и уплату денегъ устроить можно, и на мѣстѣ будетъ. Я написалъ бы самъ ему, да не знаю, гдѣ онъ находится.

24 октября (5 ноября) 1865 г. Г. Холмъ.

Письмо 20.

2-го декабря я воротился, наконецъ, изъ Львова. Обычная суeta по пріѣздѣ и множество срочныхъ дѣлъ доселѣ мѣшали писать. Приходится разомъ чуть-ли не на три письма отвѣтать.

Побывалъ же я въ центрѣ унії, въ средѣ хохломаніи. Много особенного, интереснаго, да всего не пересказать. Чтобы не сбиваться, буду писать по порядку. Такъ какъ я везь съ собой кой-какія книги, то меня сильно пугала таможня или комора, какъ ее тутъ называютъ. Пугало и то, какъ я съ нѣмцами буду объясняться, не зная по-нѣмецки. Вышло противъ ожиданія: начальникъ русской таможни, вѣкто Шевелевъ вызвался написать записку къ начальнику австрійской таможни, чтобы мнѣ оказано было всѣвозможное снисхожденіе. Тотъ хорошо говоритъ по польски и, прочитавъ записку, пропустилъ безъ малѣйшаго осмотра. Мрачное нѣкоторое впечатлѣніе произвела на меня съ первого разу Галиція, можетъ быть потому, что я ѿхалъ въ дурную погоду, а можетъ быть и отъ того, что грустно было смотрѣть на родной намъ уголокъ, искалѣченный подъ двойною властію поляковъ и нѣмцевъ. По дорогѣ, съ превеликимъ любопытствомъ, я останавливался при встрѣчѣ съ поселянами и вступалъ съ ними въ разговоръ. Все то же, что и у насъ: хаты, клуны, хлѣва, одежа, языки, походка, взглядъ, окладъ лица, пріемы въ разговорѣ и ненависть къ ляхамъ. Только столбы везде Австрійскіе и надписи нѣмецко-польскія. Это особенно злило меня. Церкви такія же, какъ и въ Холмщинѣ и какія у насъ были еще ве очень давно, напр. въ Сигидинцахъ, въ Журавкѣ. Видно, что архитектура была когда-то везде общая на всемъ протяженіи Малорусской земли. Въ мѣстечкѣ Равѣ заходилъ къ священнику Пославскому и первый разъ услыхалъ натуральный говоръ малорусскій, не по прихоти

употребляемый,—отъ самого іерея, его жены и дочери панны. Верстъ за 50 отъ Львова начинаютъ показываться въ сторонѣ отъ шоссе отрасли Карпатъ, весьма похожія на Кіевскія горы, а потомъ верстъ за 15-ть отъ Львова приходится переваливаться чрезъ эти горы, за которыми скрывается Львовъ.

Львовъ лежитъ между высокими горами, въ котловинѣ, и потому окрестности его гораздо красивѣе самого Львова, или, точнѣе, въ нихъ то и вся краса. По пространству Львовъ будетъ равняться Житоміру, но гораздо тѣснѣе построенъ. Древнія Успенская и Никольская церкви въ срединѣ города, а св. Юръ, каѳедра митрополичья, на краю, на высокой горѣ, откуда видѣнъ весь Львовъ.

Пріѣхавъ въ Львовъ предъ вечеромъ, я не могъ никуда болѣе отправиться, кромѣ русскаго театра. Шла піеса нравоучительная: *Подгоряне*, сюжетъ которой взять изъ быта Карпатскихъ русиновъ. Піесу писалъ священникъ, музыку положилъ священникъ же, въ театрѣ всюду виднѣлись священники. Я пришелъ до начала представленія; играла великолѣпная полковая музыка изъ чеховъ. Вдругъ растворяются двери, входитъ какой-то ксендзъ въ скунфейкѣ, какую Данило Максимовичъ С. надѣваетъ на свои именины; весь народъ поднялся и отдалъ ему почтеніе; за нимъ другой ксендзъ, старый-престарый, едва плелся, сгорбившись и опираясь на палку. Спрашиваю сосѣдей,—кто такие,—отвѣчаютъ: митрополитъ Литвиновичъ и епископъ перемышльскій Полянскій. Поднялся занавѣсъ, и на сценѣ показалась богато убранная и весьма красивая *дивиця*. Что сказали бы у насъ? А тутъ ничего; все въ порядкѣ обычномъ и никого не удивляетъ присутствіе владыкъ въ театрѣ. Играютъ на сценѣ по малорусски, говорить публика вся по малорусски, кавалеры съ дамами перешептываются и комплименты подпускаютъ также по малорусски, и никто не можетъ упрекнуть ихъ въ себеподобіи, въ прихоти, въ чудачествѣ и т. п. Тутъ действительно чувствуешь, что говорѣть малорусскій не есть прихоть или чудачество, но единственная натуральная рѣчь, ибо говорить по нѣмецки или по польски было бы действительно странно. Сида въ театрѣ одинъ, не имѣя никого знакомыхъ,

я долго вдумывался въ это исключительное положеніе здѣсь малорусского языка, сохранившаго полное право гражданства въ одномъ только самомъ небольшомъ уголѣ обширной Малорусской земли, и дивно мнѣ стало, что во всѣхъ другихъ углахъ той же и даже болѣе коренной Малорусской земли тотъ же языкъ считается и простымъ, и грубымъ, и смѣшнымъ, и даже преступнымъ... До того перевернулись понятія у людей. Тѣмъ страннѣе, что эти понятія годъ отъ году входятъ въ кругъ образованныхъ людей. О себѣ самомъ замѣчу, что, говоря по малорусски съ Кулишемъ и Бѣлозерскимъ, я чувствовалъ себя неволовко, не натурально, а въ Львовѣ ничего подобнаго не чувствовалъ отъ начала до конца, а теперь—опять для меня странно заговорить съ кѣмъ вибудь по малорусски. Дивныя дѣла!

На другой день былъ у митрополита Литвиновича. Помѣщеніе у него небольшое, но хорошо отдѣланное; экипажъ его, говорить, первый въ Галиціи, прислуга говорить по малорусски. Человѣкъ онъ очень умный, бойкій и ловкій. На меня поглядѣлъ съ большими недовѣріемъ, хотя принялъ весьма деликатно и почтительно. Когда въ другой разъ я былъ у него, онъ отнесся уже совсѣмъ иначе,—съ такою искренностью, съ такимъ чувствомъ, что я и доселѣ не могу забыть его прощанья со мною, когда онъ, взявъ меня обѣими руками за голову и благословляя, приговаривалъ: „Нехай васъ Господь благословыть, куды вы повернетесь, на всяке добре дило! Нехай вамъ Господь наградыть, що й насть бидныхъ не забуваете (предъ прощаніемъ рѣчь шла о покупкѣ у нихъ книгъ, что дало значительную поддержку ихъ ставропигії, и о выпискѣ *Недили*, которая безъ этого должна была бы прекратиться), тай для моихъ единосплеменниковъ трудытесь и вырываете ихъ изъ зубивъ оттихъ проклятыхъ ляхивъ“. Сеймъ произвелъ въ немъ решительную перемѣну: доселѣ его упрекали въ наклонности къ полонизму и католицизму, теперь онъ показалъ себя совсѣмъ инымъ; русины въ восторгъ приходяты, и я вѣрю, что восторгаются не напрасно. Въ виду опасности, Литвиновичъ сталъ во главѣ русиновъ и вступилъ въ отчаянную борьбу съ поляками, которыхъ и предо мною ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Былъ я потомъ у протоіерея Петруса вича, ученѣйшаго мужа, который много лѣтъ трудится надъ составленіемъ сравнительного словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій, у Головацкаго—предобный стариочекъ,— и Дѣдицкаго, редактора Слова,— весьма живой и энергической человѣкъ. Петруса вичъ живетъ въ 2-хъ маленькихъ комнатахъ, буквально заложенныхъ книгами; Головацкій—очень просто и даже бѣдно, а Дѣдицкій—просто бурлакою, въ одной комнатѣ, вмѣстѣ съ редакціею. Бѣдность и простота—отличительная черта галиційскихъ русиновъ. Инспекторъ всѣхъ уч. заведеній Галиції Яновскій живетъ чуть не на чердачѣ, въ 3-хъ комнатахъ, и ходъ чрезъ кухню. Такъ ли живетъ Кіевскій или другой попечитель, либо нашъ главный директоръ, а вѣдь это равныя мѣста.

Былъ нѣсколько разъ въ кассино, т. е. въ русинскомъ клубѣ, въ такъ называемомъ русскомъ народномъ домѣ. Съ та-кою надписью въ лучшей части города красуется 4-хъ этаж-ный обширный домъ, построенный на ежегодный съ 1848 г. взносъ отъ всѣхъ безъ исключенія русиновъ по одному только крейдеру! Тутъ русская гимназія, педагогическіе курсы, театръ, клубъ и библіотека. Съ утра до вечера тутъ толкутся всевозможные русины, читаютъ журналы и газеты, играютъ въ бил-ліардъ и карты, говорятъ о всевозможныхъ дѣлахъ и решаютъ всякие вопросы.

Былъ разъ 5-ть на сеймѣ. Огромная зала въ два свѣта, съ галлереями по тремъ сторонамъ. Скамьи для пословъ великолѣпныя—ясеневаго дерева, съ мягкими, трипомъ обитыми по-душками, на которыхъ возсѣдаеть человѣкъ 20-ть простыхъ мужиковъ въ свиткахъ и кожухахъ. Рядомъ съ Конфасюкомъ сидить графъ Адамъ Потоцкій. Для маршалка богатѣйшая эстрада, онъ сидить на великолѣпномъ золоченомъ креслѣ и тор-жественнымъ стукомъ булавы призываетъ въ порядку. Это Сапіїга, бѣжалій изъ Россіи въ 1831 г., человѣкъ умный и пред-ставительный, но съ великимъ гоноромъ. Одѣтъ въ кунтушъ.

Ляхва ведеть себя на сеймѣ, какъ будто въ корчмѣ, слиш-комъ развязно. Положеніе селянъ довольно неловкое, хотя они также держать себя весьма свободно. Выспреннія рѣчи имъ

недовѣдомы, пустыя словопрѣнія наводятъ скучу, и я быль свидѣтелемъ, какъ одинъ хохоль среди какой-то цвѣтистой рѣчи одного ляха заѣвалъ во всю свою пасть. Спросили одного въ честной компаніи: что такое параграфъ? „Э, то погана штука; о-такъ два крючечки, въ одного кинця крючечокъ, и въ другого кинця крючечокъ, то хочь на тому, хочь на другому, а все таки зацепышишься“. Что будуть дѣлать эти послы въ Вѣнѣ, въ рейхсратаѣ, гдѣ всѣ пренія идутъ на нѣмецкомъ языке?—Въ 48-мъ или другомъ какомъ-то году, одинъ мужикъ-русинъ попалъ въ рейхератъ и зѣвалъ, разумѣется, сколько душѣ его угодно было, хотя не спалъ, что крайне удивляло нѣмцевъ: Вдругъ какой-то министръ, объясняя волю императора, заговорилъ фигурою единоначалія: *er lies, er lies...* Мужикъ поднялъ голову и обратясь къ сидѣвшему подле него священнику, спросилъ: чы то може винъ за нашъ листъ говорить?—Но вотъ нѣмцы въ отношеніи къ русинамъ: бывшаго губернатора Львова Стадіона крестьяне одной деревни выбрали посломъ на сеймъ въ 48 г. Нужно было благодарить ихъ письмомъ. Стадіону сказали, что нужно и написать, и подпи-саться по русински, а онъ ни бельмеса не понимаетъ. Нашли какого-то мастера, который написалъ, самого Стадіона выучили подпи-ваться; но уже собираясь подпи-ваться, онъ потребовалъ, чтобы ему прочитали письмо. Прочли, онъ не понимаетъ ничего; ему протолковали по-нѣмецки. Да точно ли такъ написано, спросилъ онъ, и, долго не рѣшаясь подпи-ваться, замѣтилъ: теперь я не удивляюсь, отчего мужикъ не хочетъ подпи-ваться никакой бумаги, хотя совершенно соглашается на словахъ.—Расскажите это Кавнакову, пожалуй и Безаку. Это особенно идетъ къ Киевской губерніи, гдѣ такъ много перемучили народа именно изъ-за подписей при составленіи выкупныхъ актовъ.

На митрополичьемъ служеніи не былъ, потому что митрополитъ только въ великие праздники служить торжественно обѣдню, въ обыкновенные же воскресные и праздничные дни имѣть *шептану* или шипучку, которую служить, какъ простой священникъ. Въ богослуженіи галиційскомъ это, кажется, единственный остатокъ латинства, во всемъ прочемъ—они согласны съ нами. Покойный митрополитъ Яхимовичъ составилъ было

проектъ очищенія обряда и созвалъ было соборъ для обсужденія и утвержденія; но вдругъ, предъ самимъ соборомъ, скоро-постижно умеръ, какъ говорить его секретарь, отъ яду, будто бы даннаго ему подкупленнымъ отъ поляковъ слугою. Проектъ этотъ хранится у того же секретаря. Яхимовичъ доходилъ до того, что хотѣлъ надѣть на священниковъ наши рясы и отростить бороды. Тайкомъ и теперь нѣкоторые священники носятъ рясы, по крайней мѣрѣ говорили мнѣ, что у нихъ есть рясы. Всѣ открыто говорятъ, что шизмы они не боятся, равно и москіевщины, а надъ унію и папою просто подсмѣиваются. Ненависть къ полякамъ невѣроятная. Въ театральныхъ піесахъ то и дѣло поддѣваютъ поляковъ и то, какъ они зничили Русь. Такія мѣста возбуждаютъ неистовый фуроръ. Въ одной піесѣ выступаетъ священникъ-благодѣтель сиротъ, который въ заключеніе поетъ обрученной четѣ наставленіе, кончающееся словами: *своєї матери Руси та ї не забувайте.* Вы не можете представить, до чего доходитъ изступленіе публики при этихъ послѣднихъ словахъ. Многіе рѣшительно плакали. Не напрасно Львовскій русскій театръ называется на всѣхъ афишахъ *народнымъ.*

• Книгу *Народовѣданіе*, данную вами, я оставилъ для перепечатыванія, если Черкасскій не откажется отъ своего обѣща-нія—выписать для Холмскихъ церквей экземпляровъ 400. Петрушевичъ говорилъ, что въ Галиціі эта книга весьма почитается.

Учителей для гимназіи и школъ народныхъ нашлось довольно. Наука стоитъ тамъ высоко; духовенство русское не-сравненно образованнѣе католическаго, что сознаютъ и сами поляки. Внѣшнее благочестіе и дисциплина въ упадкѣ. Въ клубѣ подъ день *Введенія* священники преспокойно поигрывали въ карты.

Въ другой разъ поговорю еще о Галиціи, а теперь о нѣ-которыхъ другихъ предметахъ. Дахновичъ выслалъ вамъ деньги, и вы, конечно, уже получили ихъ. Деньги за Соломоновскаго вышло чрезъ Дахновича, который ёдетъ на этой недѣлѣ въ Кіевъ. Варгудѣвичъ согласился на 150 р., но я позабочусь уве-

личить какимъ-нибудь способомъ его окладъ. Онъ очень хороший учитель. Каченовскій не такъ-то и надѣль мнѣ, приставая за 300 р., хотя я далъ ему единственное въ дирекціи мѣсто въ двухклассномъ училищѣ на 200 р. Похилѣвичъ пусть подождетъ, если хочетъ болѣе, чѣмъ 150 р. Дѣло въ томъ, что Витте, лично и въ письмѣ обѣщавшій дать и 300 р. окончившимъ курсъ д. семинаріи, отказался потомъ, какъ только ему отказали въ Совѣтѣ Управлѣнія; но я не теряю надежды исхлопотать высшій окладъ окончившимъ курсъ семинаріи.

Сейчасъ получилъ отъ Витте письмо; онъ приглашаетъ пріѣхать въ Варшаву и, хотя прибавляетъ: „я не требую, такъ какъ это сопряжено съ издержками“, ноѣхать все-таки надо.

Милютинъ позавчера пріѣхалъ въ Варшаву, и Витте хо-чется, чтобы я лично представился ему и объяснилъ положеніе дѣлъ въ Холмщинѣ и Галиціи. Ёду завтра, но возвращусь не позже, какъ чрезъ недѣлю.

13—25 декабря 1865 г. Г. Холмъ.

Братства православнаго нѣть и не было въ Львовѣ съ 1717 г., какъ увѣряли меня Петрусевичъ и Шараневичъ — великие историки и мѣстные жители. Всѣ мои распросы по этому предмету оказались тщетными. Есть православная церковь, священникъ и самое малое число прихожанъ. Церковь помѣщается въ домѣ. Хотѣли строиться и просили мѣста, но мѣста не дали, и дѣло не состоялось.

(Продолженіе следуетъ).

Морозенко.

I.

— Спы, Пылыпку, спы!.. Онъ чуешъ, яке на двори схопылося? Гурюче, гуде, та вые... Розгулявся Морозенко! Немавмыну старому дидузи: ажъ пыщть усе, а винъ, немылосердный, давыть... Знаешъ Оленченого Андрійка? Укусывъ бидного за пальчики, ажъ ногтикъ побиливъ, пучка опухла. Теперь маты ёго и вовтузытця зъ нымъ: не знае, сердешна, яку ему пораду даты... Почне одтераты—Андрійко плаче: пальчики болыть; давай хукаты, одигриваты—а хлонья ще дужче займетца..., А все черезъ те, шо не слухавъ матери. Маты казала ему: не ходы, сынку, на дверъ: Морозенко лютуе! А винъ не послухавъ—пишовъ... Отъ и вкусывъ его Морозенко за пальчики.—А теперъ обомъ лыхо: Андрійкови лыхо—пальчики болыть, а матери друге—Андрійко нездужа!

Такъ зъ вечора на Меланки казала Катря Зайчыха своему семылитнemu сынови Пылыпкови, забывшись зъ нымъ видъ страшеннаго холоду ажъ за коминъ, у самый теплый куточекъ печи.

Було ще не пизно—тилько почынало смеркаты, а Катря вже зовсімъ на пичь забралася. Не знаты видъ кого й за для чого синешни двери закрутыла; хатни зашипнула... Зняла невеличкий каганчикъ съ полыци, засвітила—и мерци побралася зъ сынкомъ на пичъ, захопывши й світло зъ собою.

Черепъльный каганчикъ, що вилупила его Катря зъ розбитого кашника, зъ каплею рыжієвої олії на дни, ледве бlyмавъ у темному кутку своею сизою горошыною на кинци кгнота;

пузатый коминъ заслонявъ той пидслипый свитъ видъ хатнёго мороку; на печи хочъ сякий-тайкій свитъ борюкався съ темнотою, за те хату окрывали непроглядни померкы... Видно, свитъ неохочый заглядаты въ темни прыстановыща, де ховаютця злыдни видъ холоду! Та ѹ шо тамъ было освичуваты? Хатни голи стини—полупани; морозъ повыступавъ на ихъ сызымъ иніемъ; чорни двери розмалююдавъ винъ билымы вызырункамы, а на шыбкахъ повымуроувавъ цили бараны крыги; тала та крыга по-малу и спускалася по стинахъ әжъ до доливки чорнымы шатёкамы... У кутку пидъ божныцею замисть столу стояла узесенька прымостка на четырёхъ паколахъ, убытыхъ въ землю... Не лежало на тій прымостци,—якъ у добрыхъ людей бувае,—ни хлиба шматочка, ни солы дрибочки; на двохъ годыхъ дошкахъ тім прымостки чорнили тилько дирки, де булы колысь сучки, що повыгнивали, та повыпадали. А вгори въ кутка выглядавъ невелычкий образъ—не знатъ святого, чи святои, бо на ёму малюнокъ потемнивъ, позлущувався, одни тилько чорни очи сумно визыралы зъ пожовклого облычча, не мовъ скаржылыша на холодъ, та голодъ, що доводылося терпити хозяинамъ хаты... А насупроты столу, мижъ череватою пичкою и другою стиною, прытульвся пиль зъ четырёхъ тоненъкъхъ дранычокъ, таихъ хыстыкъхъ, що воны хыталыша та вгыналыша и тоди, якъ хто до ихъ пидходывъ, немовъ перестерегалы не накладуваты на ихъ ничего, щобъ бува не проломылдися. Та на ихъ и не лежало ничего—пустисинки, та голисинки, якъ и та гола та дебела жертка, що высила у кутку надъ поломъ. И на вищо ій тамъ прывишено?.. У день, правда, на ій бовталося лыхе ряденце, а на ничъ вона зоставалася голою дровынякою, прычеленою наче на те, що колы кому заманетьца—було-бъ де повисытысь... И—дыво дывне!—якъ пе Катри николы не западала така лыха думка, колы кругомъ цei було таке убожество непроглядне, нужда та недостача безмирни, холодни та голодни злыдни!

Одначе, тобъ було ще дывнійше, якъ бы въ Катрыній голови заклюнулась така чорна думка въ ночи на Меланкы, якъ разъ передъ Василлямъ!.. Всакому звисно, що въ туничъ ста-

рый рикъ винчаетца, а новый зачынаетца... На вики вични старый зынкне, занесе зъ собою и добре и лыхе, поховае пережыте й перемучене и стражданнямъ закручене; а колы що й зоставить у людскій скованци-спомынци, то все жъ то буде не кыпуче жыття-страждання, а тилько спогадка про ёго, не жыве въидлыве лыхо, а тилько ёго холодна облуда... На томисть новый рикъ прыйде, нови надії прынесе зъ собою, а за нымы, може, хочь невельку крыхотку щастя... Та багатому багато ёго треба, а бидному—и то гараздъ, колы буде що на завтра кусаты, буде чымъ забезпечытысь видъ холоду!

У Катри вси ти запасы якъ-разъ на Меланкы выйшли. Ще зъ осены вона зъ нымы тяглалася та держалася: скупылась и хлибомъ, и топльвомъ, думала перехопытись черезъ зиму... Та ба! Объ Риздви вона побачыла, що не тилько черезъ зиму, а хочь бы черезъ святки перехопытись... „Тилько бъ черезъ святки!“ дума. А тамъ—робоча пора настане... У багатыхъ людей назбираетца не мало чорнои одежи, поношеною билля,—треба его попраты... Пиду до кого, або хто поклыче... може хочь на хлибъ перепаде! А може въ кого трисочекъ або кизячкивъ выпрошу: буде чымъ у хати прокуриты... Такъ и перетагну черезъ зиму,—абы черезъ свята!“

И отъ сёгодни у день Катря послidню мысочку борощеньця вытрусыла, щобъ зпекты сяку-таку перепиканку; послidне полинце спалыла, щобъ спекты іи; послidній бурячокъ у борщъ покрышила, послidню пучку солы въ ёго вкинула... „Очыстылася! Зовсимъ очыстылася... На завтра хочь и въ рай святый, то чиста!,“ думала Катря, пораючись билля печи.

Покы середъ чериню лежало трюхле полинце, дожыдаючи пидпалу, Катря була нibly покійна. Правда, чорни думки и тоди вже снувалы по іи облыччу, нерадисно свитылы карамы очыма... А якъ вона запалыла останне полинце, якъ огнени языки обхопылы ёго кругомъ, то ій здалося, буцимъ то іи серце горыть-палае!.. А якъ почавъ борщъ укипаты, то въ іи серцы таки кыпъятки пиднялыша, що якъ вона ни крепылася, а не выдержала...

— Пылыпку! сыночку мій! Що мы будемо завтра йисты?
скрынула вона—и гарячою течію гиркыхъ слизъ полылся ти
кыпъятки зъ очей до долу...

Пылыпко пидскочывъ до матери, прылавъ до іи облычя
и тыхо промовывъ.

— Цыть, мамо, цыть! Завтра, мамочко, новый годъ... Я
завтра пиду до хрещеного батька посыпать... Дасть мени батько
сороковку грошей, а дядына—вельку паляныцю, ще и ковбасу
напридачу... Отъ и буде намъ що йисты! А на гроши топлыва
купымо... багато-багато, щобъ на усю зиму стало!

Катря утыхомыралася. Та якъ же було ѹ не утыхомыр-
тыся, колы сынъ обицяє таки багати прыноси?

А Пылыпко, якъ тилько знову заклопоталася маты, уже и
зъ хаты махнувъ.

— Куды ты, розхристаный та неодягнений? Морозъ на
двори лютый! крикнула вона ему навдогинци.

— Я на хвилиночку, мамо... Я заразъ и вернуся.

Справди Пылыпко не забарывса. Ускочывъ у хату—якъ
пупъ сыній, зубами цокоче.

— А що, не я тоби казала: не йды? И куды ты ходывъ?

— Я за пашнею, мамочко, бигавъ.

— За чымъ?

— За пашнею. Сусидній хлопець обицявся пашни на по-
сыпання даты... Я до ёго бигавъ... Ось вона,—такъ зъ рукавычкою и отдавъ,—хвалытца сынъ, показуючи матери рукавычку.—Та тутъ, мамо, не тилько пашня и горохъ е, и ква-
соля... всёго насыпавъ Хведир!

— И куды ты, сыну, пидешъ по такому холоду?

— Якъ куды? Кажу жъ: до хрещеного батька...

— Господь зъ нымъ, дытино моя! Хиба блыгій світь до
его тёпатыся? Якъ черезъ лисъ—то тры, а шляхомъ—пять
верстовъ буде... Ще змерзнешъ у дорози!

— Я змерзну?.. Та я литомъ було на одній нози до ёго
дострыбаю!

— То літомъ, сину, а це—зимою... Шляху немає, сніги глибоки... загрузнешъ де-небудь, та й не вилізешъ... Не ходы, мій голубе! Хай, якъ потепліе, тоді підешпъ...

— А що жъ мы завтра будемо йисты? чымъ хату натопимо?—спытався синъ, зазираючи матери у вичи.

Вона ажъ стрипнулася, мовъ хто колючу голку встремивъ у ії серце... „Боже мій! у таки лита, та чымъ свою головоньку винъ влопоче?!”—подумала вона, ледве здержуючи слезы... И, прыгорнувши сына до себе, почала его умовляти:

— Не влопочы, сину, про завтрашне,—Господь мылосердный обѣ насъ поклопоче. Ты у мене—малый... одна въ мене утиха и надія. Не доведи Боже, лучитца що съ тобою недобре, на вищо тоді и мени на билому свитоньку жити?... Не ходы, синку!... Не ходы, моя дытыно ридна!

— Я бъ, мамо, й не пишовъ, та якъ же Хведорови рукавичку назадъ вертаты?... Ты—скаже—не ходывъ... ще сміятыся буде.

— Мы пашню высиплемо, а рукавичку оддамо... Не ходы, мій голубчыку! Ты жъ у мене слухнаний,—послухайся мене: не ходы!... И почала голубыти Пылыпка.

— Ну, добрe,—не пиду вже... тилько не вбывайтесь такъ, мамочко! упрохувавъ уже Пылыпко матиръ, цилуючи ії и въ лобъ, и въ щоки.

Катря наче заспокоилася, а про те неймовирна думка не кидала ії головы, клопотала ії... Вона знала своего Пылыпка, який винъ уразливый до чужого горя... То жъ до чужого, а до свого? Хиба винъ нечувъ, якимъ вона несамовитымъ голосомъ заволала, останни запасы вытрущуючи на сёгоднi? Хиба винъ не бачивъ по ії заплаканихъ очихъ, яка ризуча мука на стократъ крае ії серце? Хиба вона не знає, якъ ти слезы й та мука боляче упынаются въ его жалислыве серце?... Та винъ на що хочъ пиде, аби ёго маты не плакала... Винъ и обдурыти обдуре—абы ії заспокоити.

Вона не помыллася. Пылыпко, умовляючи матиръ, тилько заспокоювавъ ії. Въ ёго малій головоньци гвіздкомъ стремила думка: отъ хочъ бы що—а питы посыпать! И торикъ винъ

ходы въ—ще менчымъ... Хрещеный батько давъ ёму сороковку грошай... Шагивъ зъ пять винъ выпосыпавъ по селу... То жъ торикъ було, тоди винъ бувъ малымъ, а теперь... Теперь винъ дядыни скаже, что у ихъ ничего йисты... Дядына добра людина,—надае ему и хлиба, и ковбасъ... Отто винъ звеселыть матиръ, якъ нанесе до дому подарункивъ!... „Маты стращае, что я змерзну... И чого бъ я змерзъ?... Та я—якъ чкурунъ, ажъ закурить! Мени абы съ хаты выбраться, щобъ не запрымитыла маты, а тамъ...“

— Ты бъ, сынку, сёгодни виддавъ Хведорови рукавычку,—трохы въ-годомъ почала Катря... Ну я сама спорожню, та й виднесу назадъ. Скажу: у насъ своя е... Дай сюды рукавычку!

— Такъ я, мамо, похвалився Хведорови, что въ нась рукавычки немае. Хай я завтра у обидъ самъ ему видамъ, а то у брехунахъ зостануся.

— Ну, добрѣ... Хай и по твоему буде!—одказала зитхнувшы Катря и почала у хати поратысь.

Пылынко соби буцимъ загрався, а тымъ часомъ прыгадувавъ, куды бъ ёго заховаты рукавычку, щобъ маты не побачыла. Винъ теперь каявся, что похвалився матери про неи... Не похвались—маты бъ ничего не знала, не клопоталася; а теперь не одстане... одно товктыме: не ходы, та не ходы.

Тилько що маты выйшла чогось на дверъ, винъ зразу схопывся, метнувъ очыма по хати, побачывъ непрымитне мисце мижъ пичью и паколомъ видъ полу,—и мерщи ткнувъ туды рукавычку.

— Сыды тамъ, та не пысны! скрыкнувъ на неи, и посварывсь невельчымъ пальчыкомъ, мовъ на кого жывого.

Рукавычка выставыла до его напалька, наче, глузуючи, дражнила: отъ же визьму, та й похвалюся! Отъ тилько маты на поригъ,—а я заразт ій на очи!

— Бачъ, яка осоружна: я іи прошу, а вона, мовъ нарочне, выставляетца!.. Пидожды жъ ты!

И винъ побрався ажъ пидъ пиль, щобъ переховаты рукавычку.

Катря, вернувшись зъ надвору, здывувалася—де це Пылыпко? куды ёму дитыся?... Чи не на печи? подумала и, несподиваючись ничего, пидійшла до полу, вазыраючи на пичъ.

— Сыну! де ты? спытала.

— Гаррр... загаркавъ Пылыпко зъ пидъ полу, удряпнувши матиръ за чобитъ... Катря зъ жаху одскочила ажъ насередъ хаты.

— Ненечко! матиночко! Злякалься? выскочивши зъ пидъ полу, скрывнувъ Пылыпко и повысь у неї на рукахъ.

Винъ усміхався до неї и рожевимъ своїмъ лыченъкомъ, и яснымы оченятамы, и билымы, мовъ жерновкы, зубенятамы.

— Нехай тоби, сыну, добро снитця,—якъ ты злякавъ мене! промовыла вона, пиднимаючи его у гору, и прыгорнула до себе.

Пылыпко вчешыўся за матерыну шыю, рукамы, прыпавъ до неї головою,—и такъ утишно на всю хату залывався!.. Не маісчы съ кымъ погратыся, винъ пустувавъ теперъ хочъ зъ матирью.

Маты соби радила. Хай дытына краще бавытця, нижъ буде сушты себе важнымы думкамы! Поцилувавши сына у лобъ и въ росхристану голу душу, ажъ трычи мицно поцилувавши, вона донесла его до полу и, положывши на тонки дранечки, ще разъ поцилуvalа... Не знатъ де й дилася недавня туга, сумъ, та журба гирка!

— Моя дытыночко ридна! Мій сыночку коханый!... Краще такъ забавлятysя, нижъ пидешъ куды—не знатъ за чымъ! на-гадала знову Катря.

— Та я жъ вамъ казавъ уже, мамо, що не пиду! Яки бо вы неймовирни!—обизвався винъ зъ докоромъ.

— Чую, чую, моя дытоно. Я знаю—ты слухнаний... Ты послухаешся своеї матери! палко шептала Катря, а про те думка про сынови заміри не выдала ії головы.

Вона зійшла до неї и тоди, якъ Катря послалася и лягла съ сыномъ спаты. Черезъ те вона й на-добраничъ загомонила зъ сыномъ, щобъ одвернуты ёго видъ его замиру—иты посы-

паты; стала лякаты Морозенкомъ, що вкусывъ Оленченого Андрійка за пальчики.

— Та я, мамо, не боюся Морозенка, одказавъ Пылыпко,— не страшный винъ мени! Андрійко малый, не зная що робыты,— то винъ ёго и вкусывъ за пальчики; а я—не боюся ёго!... Якъ бы винъ ставъ мене кусаты,—то я бъ ёго,—по зубахъ, по зубахъ!

— Ни, сыну, и ты бійся ёго,—хай ёму всячына! Может бъ и Андрійко оборонывся, якъ бы знаявъ, колы винъ нападетца; а то винъ завжде пидходе крадькома... Увусе, та й подався дали!

— То якъ же видъ ёго, мамо, й устерегтыся, колы винъ такый? Мы ще тутъ поснемо, а винъ пидкрадетца, та й покусае.

— Тутъ не покусае, сыну, бо тутъ тепло... И зубы въ ёго ростануть, якъ винъ пидкрадетца до насъ.

— А де жъ винъ живе? де ёго хата? спытався Пылыпко.

— На двори, сыну... Де вихало найстрашише, та холодъ найлютиший—тамъ ёго й хата..

— Якъ же винъ не змерзне, мамо? Ты кажешь, що винъ старый, а отъ—не боитца холоду.

— Чого жъ ёму бояться, колы винъ и е самъ холодъ.

Пылыпко задумався. Дыбно ёму и чудно ёму... Винъ знае, що таке холодъ, винъ бачывъ не разъ и вихало... Непрывитне все те, дошкауляе... Оже щобъ то було старе або молоде—винъ не знае, щобъ мало облыччя—не бачивъ... А отъ маты дидуганомъ Морозенка взывае... Винъ знае и діда—старого, горбатого, зъ билою бородою и запалыми пидслипуватими очима... Оже то дидъ добрый—ничого не зашкодить. А отъ Морозенко,— важе маты,—кусаетца...

— Мамо! А бачивъ хто Морозенка, який винъ?

— Не знаю, моя дытыно... Я не бачила, то й не знаю. А люде кажуть, що винъ старый-старый, та кремезный... Голова—зъ гору; замисть волосся, укрыта снигомъ; а борода сплетена зъ довгыхъ-предовгыхъ вискрякивъ, що намерзають у ясний день пидъ стрижами... А нищо такъ у ёго—якъ зубы! Наче голочки, гостри, тонки—непримитни; винъ якъ вусае пымы, то

впускає у тило... Черезъ те воно такъ и болуть, та трудыть, якъ винъ угородыть въ ёго свои зубы!

— И очи е въ ёго, мамо?

— Е, сынуш... Кажуть: очи въ ёго зъ криги—били та блискучи, отъ якъ тонки скалочки зъ лёду бувають, тилько замисто чоловичкивъ у ихъ холодны огники свитять... Страшни таки очи, крый Господы! Якъ наведе винъ нымы на кого,—такъ наскризь холодомъ и проныже!

— А ноги винъ має? и руки?

— Е ноги и руки... Ноги—въ земли, не видно; а руки—довжелезни хапала; винъ нымы завжде махає... Холодомъ дыхне, а руками махне,—такъ по всому свиту снигомъ та холодомъ и стеле... А якъ розсердитца чого, то ще дужче руками замахає,—тоди уже циле вихало здіймає.

— Нехай ему всачына, який винъ страшный, мамо! глыбоко зитхнувшы, мовывъ Пылыпко.

— Страшний, сынуш... А найстрашнишый малымъ диткамъ. Винъ ихъ любить кусаты, а часомъ и зовсимъ соби забирає.

— Я жъ, мамо, не малый; мени ёго ничего боятца.

— Бійся и ты сынку. Ты велыкий на те, щобъ тебе у гору пидняты, або матери на руки взяты; а Морозенкови—ты саме впору. Такихъ, якъ ты, винъ найбильшъ долюбляє... Часомъ буває, вы выскочите на дверь,—то винъ заразъ и почне зъ вамы заграваты: за пальчики кусає, або за носа лове, а то—на щоци улише такого холодного поцилунку, що видъ ёго ажъ шкура побиліє, а потимъ—геть злущытца... То жъ—колы винъ васъ у сели, не далеко видъ домивки застукає, а якъ—не доведы Боже!—де въ голому поли, або у лиси заскоче,—то тамъ уже и душу вытягне.

Пылыпко замовкъ, прытаивши духа; мовчала и Катря. Завдавши сынови такого страху, вона була певна, що винъ побоїтца питы посыпать. Ій тилько того и треба, щобъ винъ не зирвався у таکий холодъ, въ таку далеку путь! Ій самій, прышвидній до всякої лыхої години—и то часомъ ажъ плачъ бере, якъ выскоche на дверь... А тожъ то ёму—малому! безъ одежы

теплои, бевъ чобитъ добрыхъ... Хай трохи попомліе душою видъ страху, а якъ засне—переспить... Страхъ мынетца, забудутця ти страховыща, що душу лякали, сонъ своимъ спокоемъ все те заснует; а все жъ зостанетца спомынка про ту страховину и та спомынка одхасне сына видъ лыхого замиру.

Вона глянула на ёго. Пылыпко не спавъ, лежавъ тыхо; широко роскрыти очи напрямlyся у кутокъ печи; винъ нымы и не змыльне—такъ дывитца прыкро... Куды винъ дывитца? що винъ тамъ вбачає?.. Винъ никуды не дывитца... Поглядъ ёго ганяєтца за таємною думкою, що стоить передъ нимъ нерозгаданою марою,—якъ той нерозгаданий страхъ, що опанувавъ ёго душу и серце... Що воно? видкия воно?... не пытайте!.. Чутно тилько, якъ оте страховыще пронизує ёго мале серце, якъ воно выдаєтца у кожній жылотци,—озываетца у кожному сустави... Оже назвати ёго—не пидберешъ слова; пійматы й розглядиты—не натрапишъ часу... Такъ пробигає бlyскавыця черезъ наше тило: не счуешся звидкы—світне, проніже и—не снати куды зныкне...

— Сыночку! пизно вже... ты спавъ бы. Ну, я тебе перехрещу, щобъ нишо лыхе до тебе сонного не прыставало,—мовила Катря, дывлючись на замыслене личенько Пылыпкове, и начала его хрестыты, а перехрестывши, здавыла злегенька за носыкъ—Пылыпко усміхнувся, повернувся бокомъ до матери. Тыха дримота почала ёго колыхати, злегка закрываючи очи... Незабаромъ писля того винъ заснувъ.

II.

Прыспавши сына, зосталася Катря одна зъ своїми думкамы самотными. Невесели вони булы у неї! Та й кому зайде на думку радистъ, колы на завтра ничего йисты,ничымъ въ хати прокурұты у люти морозы?.. Якъ не забывай соби бакы инчымы гадкамы, а думка про що-денни потребы скаредного жыття верне тебе до ёго, почне крутыты та вертиты коло ёго,—отъ якъ круятця голубы надъ пожежою... Дарма имъ, що посма-

ляться крила; байдуже, що незабаромъ огонь пожре ихъ тило, якъ до сего пожерь ихъ захистъ—оселю: несподиване страховище вабить ихъ, тягне до себе... Кругомъ чорний морокъ, дымыше та курище розип'ялося, а пидъ нымы—такъ видно та ясно! Доки сили стає, шугають вони, сполохани зъ гніздъ своїхъ, надъ широкимъ полум'ямъ, въ дыму та курищи, въ горячимъ видъ палу повитри,—поки не посмалятця. Тоді видъ знемоги опукою падають у жарке огнище.

Чоловикъ—не чтиця, Катря—не голубка... Хочъ кругомъ неї вихорилася пожежа зліденної життя, душила димомъ та чадомъ ії знеможену душу; хочъ у тому чорному дыму и крутились та вертились ії самотні гирки думы,—та не падали вони на огнище, не смалитись и не горили; а ще бильше розпросторювались и гуляли соби по волі—не на безкраїмъ простори, а въ холодній хатини, бьючись объ сырі стини, заглядаючи у голі кутки, прислухаючись до пекучихъ перебоївъ серця... То ій учувалася своя голодна печія, то синивъ безпомішний викрикъ: „мамочко, йистки хочу! мамочко, папки! мамочко, змерзъ—холодно!“

Ну, що, справди, дасть вона завтра синови йисты? Чымъ прокуре черевату пичъ, щобъ обигрity ёго, малого?... Пити у кого позичати? Хто жъ ій позиче?... Чи може, Христа рады руку простягти?—Хто жъ на те зверне увагу?—Гладка, скажуть, не хоче робити, та въ старци пошилася!... Ну, та може хто й зглянетця, зарятує на день або другий... А тамъ же? а дали? Колы-бъ вона сама була, то байдуже ій журитися... Хиба мало високого дерева въ лиси, глыбокихъ ополонокъ на ричци? Тилько бъ, може, нагнулася довга гилька надъ тиломъ, або зашумила вода по-пидъ лёдомъ, сердачысь, що хтось незвичайний зрушывъ ії сонний покій!... А отъ била боку лежить ії втиха й надія, спочиває ії крихотка серця, що вона съ такимъ болемъ одирвала видъ свого и пустыла на світи окремнимъ життямъ... Все на світи переживетця й мынетця; все замовкне, якъ і мы сами замовлено; все знікне, якъ тинь та, коли мы очі закриємъ,—одно зостанетця---вони,—наша частка, що звязує

мертвого зъ живымъ, нагадуе живому про помершего; та нытка, що тягнетця безъ перерыву черезъ сотни, тысячи викивъ... Не дай, Господы, вона перерветца!

Черезъ те Катря бильше болила за сына, нижъ за себе. Та й чого ій за себе болити, колы все, що було доброго та живого у души, такъ перетрюхло та перемлило, такою корою покрылося, що ничому уже проломити ій!

Чого тилько вона не пережыла на своимъ вику, не звидала? Десяти літъ вона зосталася сыротою, безъ батька, безъ матери, у паньскому двори. Не на те прымостыла ій тамъ доля, щобъ на воли рости, якъ былина въ полі,—а щобъ підставляти свою спыну підъ нагальну працю, томыты свою сиритьску голову чужыми клопотами, выслушувати докоры та нарикання, скочтувати стусана и духопелыка видъ кожного, въ кого засверблить руки... Батька ій ще замолоду въ москали виддалы, щобъ знати, якъ треба корытися крепацькій долі; а мати сохла та склила, поки зовсімъ не восклила, покинувши на билому свити однадцятилітню сыроту... Зосталася вона однімъ одна зъ Зайцёвого роду. Булы, правда, дядьки та титки зъ матерніого боку, та ти за дворомъ жили, а туди заходили тилько въ ряды—годи, щобъ часомъ поманити ій сухаремъ зъ остюкамы... Була ще въ неї хрещена мати, що колы-не-колы мыла й чесала ій, та були паньски индычата, що вона пасла малою, а бильше никого близького не було. Индычата ій найблизчи були. Вона зъ ними росла, ними втишалася. Оце на бере у пазуху невеличкіхъ индычать, та й майнє зъ ними поступу... Стари индыки курлюкають женутца за нею... А вона наче витеръ степомъ гуляє; заливаєтця реготомъ, бо индычата, підсакаючи у пазушни, лоскочуть ій по-підъ бокамы... А якъ побильшають индычата, почнуть добиратись ростомъ до старыхъ индыківъ, то вона наче на ихъ гукати, смистати,—и знову—регоче, колы вони до неї, наче москали на муштри, уси разомъ забелькочуть... Дурница! дытачи забавки та вытребеньки, за яки не разъ птишиця чесала руки объ ій спыну... Силькис! Колы та дурница забавляє насъ, тишить,—то чомъ же

й не потишились нею?... Хиба не такъ само бавлятця люде, гонаючысь за достаткомъ, почотомъ, славою? Та-жъ сама дурныця, тилько инчои поры, инчихъ лигъ!... Одно тилько: невелычка Катруся, бавлячись въ индычатамы, сама себе забавляла и видъ іи играшокъ не было никому ніякои втраты, хочъ птышныця, засылающы духопелька, и гукала що сылы: „ты жъ, сучко, напелехавши повну пазуху индычать, подавышъ ихъ!“— А мы, ганяючысь за достаткомъ, почотомъ, та славою, такъ часомъ бавымось съ людьмы, що видъ нашыхъ забавокъ бувae имъ дуже солено!... Намъ байдуже про те, якъ було байдуже и Катри—чи краще индычатамъ по степу била старыхъ индыкивъ бигаты, чи у іи пазушны пышаты... Вона знала одно: це іи забавляло, вона и бавилася... Маленька-дурненъка! Та й теперъ, выдно, вона не порозумнишала, бо прыгадавши давне, трохи не скрыкнула: „и чому я до вику не зосталася невелычкою дивчынкою зъ невелычымы индычатамы?!...“

Такъ думала Катря, та не такъ судыла мачуха-доля.

Мынуло ій пятнадцять літь. Вона тилько-тилько що стала роспускатися, якъ та рожева квітка въ ранци на зори, стыгнуты и наливатися, якъ червонобоки яблука объ Спаса... Ясне сонце та запашне степове повитря допомагали роботи дивоцькихъ літь... Висока Катря та брава, на лыци якъ калына, чорне волосся, наче хміль, кучерямы обвыває іи голову; кари очи такъ утишно выгляджають въ-підъ довгыхъ вій; загара на облычи доводе, що не буряковый квасъ, а горяча кровъ двюрыть у іи жылахъ.

Разъ іи углядивъ панъ—и... Катря видъ индычать піймала у горнышни. Вона не скаже, щобъ тамъ ій жылося погано: було ій удоволь и пыты, и исты, и въ чому походыты; одно тилько: не було воли! Ій хотилося, якъ тому витрови, по степу ганяты, надыхатися полёвого повитря, щобъ ажъ у грудихъ зaimалось, нажарытися на сонці палючому—що якъ не займетця!... А вона мусила сидити у чотирёхъ стинахъ, та хиба колы-не-колы по садку походыты, въ холодку та въ тини, куды тилько кривъ густе гилля пробиваєтця ясне сонячне проминня...

Полёва былына, вона не прызычаена до густои садовои тини. Чорна загара геть спала зъ ії повного выду—білый винъ у неи, та свижый, мовъ пылюсточка зъ рожевои квіткы; волосся видѣ пахучои масты, та що-денно вычисування выривнялось та выточилось—не стерчыть на голови кучерявымъ хмелемъ, а гладенько прычесане, ривно облягае кругомъ ії билого чола; сама вона ще пиднялася, выривнялась, налилася, немовъ обточена стала... очей не одирвешъ видѣ неи!... То все було зъ-околу. А що було на души у Катри, що заводылось у ії серди?— Вона никому не казала, та ії никто й не пытаў... „Яке несподиване щастя выпало Катри!—гомонилы дворови:—що було зъ неи, а чымъ теперъ стала? Сказано: не родысь вродливымъ, а родысь щасливымъ“...—„Брехня! думала Катря:—черезъ ту вроду не маю я щастя зъ-роду!“

Незабаромъ писля того выйшла воля. Все зашумило кругомъ; прорвалася гребля людскій сподиванци на краще жыття... Цили довги вики мостныы та гатылы ії, держалы въ запруди ту велыку воду; а це вона зразу прорвала ту мицну греблю и понеслася широкою течію по селяхъ, хуторахъ. На дывовыжу усімъ дворовымъ вынесла та течія и паньску горнышну Катрю зъ двору на... волю! Крепакы за те трохы ії на рукахъ не носылы... „Сказано: своя кистка, своя кровъ! не обросте вона жыромъ у роскошахъ—до свого ридногого обизветца!“... Булы, правда, и таки, що казали: „Дурна, дурна, Катря, та не розумна! и щобъ тамъ зъ нею сталося, якъ бы вона зосталася у двори?... Ни, заманулося свого хлиба, воли... Побачыть, яка та воля,—якъ не разъ, не два голедна й холодна посыдыть!“—Оже Катря не потурала на те: ій прытъмомъ захотилось воли—и вона поплыла за тією бурльвою течію, що, знявшись зъ двори, понеслася по всёму широкому краю, выгукующы та выкры��ущы: „хочъ гирше, абы инче! Буде нашымъ ворогамъ чужымъ потомъ умыватыся, напою кровью упыватыся!“...

Пишла Катря у село до дядька та дядыны, та не довго була у родычивъ. Не ій молодій, та дизнавшій роскоши, було мырытыся зъ тымъ мозолянымъ хлиборобськымъ жыттямъ, до

якого прыкрутила доля іи родичивъ. Ще поки стояла весна-красна, зъ тепломъ прывитнимъ, зъ цвітомъ роскошнымъ, зъ запашними лугами та степами,—вона по ныхъ швендяла, прыгадуючи свои дытчи забавки. А якъ настали жныва, зъ довгими палочыми днями, невельчкими короткими ночами, зъ важкою похопльвою роботою,—то ій стало не вмічъ: у день немылосердно сонце пече,стерня у руки й ноги коле, нагальна прадя зъ нигъ валасе, а ничка прыйде,—хвоста того заачого коротча,—ни выспаться, ни одпочыты якъ треба!... На силу Катря одбула жныва, та й подалася зъ села у городъ, де стилько галасу та гомону, дыва та чуда усякого. Село, руючись у своїй черноземли, середъ цидметивъ та горбдивъ, гараздъ не зрозуміє городського жыття. Байдуже кротови, що поверхъ ёго узенькои норы прывитно сяє ясне сонечко, а въ проворому повитри литають і радисно щебечуть усяки пташки! Дарма й сонцеви, що у глухихъ нетрахъ земли руетця якесь слипороде звиря: хай соби руетця, та пидпушуе землю, на котрій тепло, поеднавшись зъ свитомъ, зародить таку буйну рослину! Сильвісь і пташкамъ—видкиля беретця ихъ жывнистъ: куды окомъ не скинь, де не прыткнись—всюди іи багато: а коли хто зже не зъ одного стебля, то недалеко і друге... тилько знятись, та перелетити!... Всякому своя доля: одынь, рукъ не покладаючи, прадюе, а другий—єго працю безъ клопоту пойдае!

Катри спершу подобалось городське жыття: хатня робота не важка, зайвого часу чи мало, і дыва усякого багато... А до того ще: уродлива та прыздоровью Катря кыдаєтця кожному нъ вичи! Вытищаются пидслини очи, уздривши передъ собою полёву квитку; загра-затинаєтця порожнє серце, якъ заманячыть передъ нымъ брава дивоча постать! Не дыво, що Катря не мала одбою одъ влесливыхъ ричей, та здывованыхъ очей... І москаль середъ муштры до неї бровамы моргає; і шевчыкъ або кравчукъ посыла ій навздогинци таки солодкословни прывиты, що у неї ажъ духъ сперає у грудяхъ; і блиднолыщи цанычи, стринувшись зъ нею—оживають, проясняютця, і гетьтеть проводать ії своїми очыма... А Катря—земли пидъ собою не чує!... Ой стережыся, полёва пташко, зъ нызу бlyскучыхъ

котячихъ очей, а зъ горы быстрыхъ напущивъ хыжыхъ шуликивъ! То воны била тебе ворожать: одни—крадъкома, по-пидъ тынню, а други—зъ—высока, шыряючи у безкраимъ простори синёго неба... Кожному хочетца житы: кожному треба жывитись!

Не вбереглася пташка шулики, якъ не вбереглася и Катря своеи недоли... У сусиднёму двори таый хороший панычъ и такымъ солодкымъ медяныками годуе!... Найилася Катря тыхъ солодкыхъ медяныкивъ,—ажъ теперъ ій нудно, якъ про те згадае... Медяныкивъ швидко не стало: панычъ оженясь на паниочки, де вона служыла за горнышну, а ій ткнувъ у жменю дви червоныхъ бумажки... ажъ у неи въ-воччу видъ ныхъ почервонило!... Спасыби й за те! Все такы не съ порожнимы рукамы прыйдетца въ село вертатись.

Незабаромъ Катря вернулася до вдовы-дядыны, що пидъ той часъ, поховавши чоловика, однимъ одна ва старости лить зосталася... Спасыби дядыни—не прогнала Катри и узвавши въ неи гроши до скову, обицяла навить писля смерты oddаты ій свою хату зъ огородомъ... Хочъ та хата й валылася, а огорода того--жменя, а всежъ такы свій захистъ, свое прыстановыще... И птыца соби гнездечко зывывае!

Оселылася Катря въ сели... Пишовъ кругомъ гоминъ про неи; чутно смишки та пересмишки: корысна у городи зъїжа, онъ яки гладки видтила вертаютца!... Слухала те Катря, та мовчала, навернула лыхо важкымъ гнитомъ горя, та душою млила... Все, що було у іи серци жывого, закаменило; все, що було въ души доброго, зотлило... Зосталыся горе та слёзы, та... Пылыпко зъявывись на утиху!

Шылыпко іи справди утишывъ. Не було тыхъ любыхъ назививъ, щобъ вона ёму не прыкладала; не було тыхъ утишныхъ сливъ, которыми бъ вона ёго не взвивала!... У ночи не спить—ёго доглядае. У день—сердемъ за его мліе, колы робота одирве видъ ёго на яву хвылыну. Нема для неи щастя й спокою, якъ била ёго... Хай соби довги языки, що хочуть говорять: ротивъ людямъ не позамазуешьъ, и слухаты—не переслужи-

хасішъ... А воно—мале немовлятко... одна въ свити утиха й надія!

Полюбила й титка мале внуча. Тыхе та утишне, воно стало забавкою старій бабуси. На перебій одна передъ другою хапали вони ёго на руки, носилися зъ нимъ; его забавляючи—самы бавилися.

Ото пидъ такимъ додглядомъ и рись Пылыпко, пиднимався на ноги—и ставъ мазуномъ своихъ и чужыхъ. Уздривши ёго, чоловикъ востановытця: гляне на те пышне паньске личенько, ясни блакытни очыци, та биле и мякє, наче лёнъ волосачко... „Гарний городський гостинчыкъ,—ничого казаты!“ подума соби. А жинки—абы де спіймали Пылыпка, то й зъ рукъ не спускають: та вхопить, а друга й свои руки пидставляє, щобъ перехопити.

Зовсімъ бы добре жилося Пылыпкови, коли бъ було чого у волю йисты. А то не вряды-годы приходилось однимъ сухаремъ давытысь... Ще поки стара бабуся жила,—и сякъ, и такъ жилося... Катря пиде на роботу; титка зъ Пылыпкомъ дома. Однъ Богъ знає, де вона выдерала за-для Пылыпка шматочокъ мякої палянчыкъ, або краечокъ булки! А якъ стара на той свитъ переставилась,—погиршало на симъ и Пылыпкови, й Катри... Винъ самъ соби дома—голодный та холодный сумуе; а вона—на чужій роботи серцемъ за ёго мліє...

Отакъ не забарилася Катря перебигти трудною думкою довгу й родючу ныву свого безталання—и опизнилася знову въ холодній хати, въ тисному куточку на печі, рядомъ зъ своимъ Пылыпкомъ, що на завтра збирався ити до хрещеного батька посыпати, щобъ прынести ій и палянчую, и ковбасу, и грошей...

Куды єму йти, та й у чому ёго йти, по такому лютому ходу? подумала Катря... А якъ же ій справди на завтра буты?... Що вона дастъ єму завтра пойисты?... чымъ вона въ хати прокурить?... Чи то свята земля давнише запасивъ бильше родила, що ихъ вистачало? чи меньше ихъ утрачалося?... чи може вона тоди молодча була, щырише робила, бильшъ зарабляла?

И знову невсыпуша журба захопыла іи въ свои пупки обыймыща; занудыло та затрудыло матерыне горяче серце; за- скреблася червоточыною у пошевлій видъ горя души; важкымъ гнитомъ навернула ясный розумъ... Ни, немае розгадкы, просвітку не выдно!

„Хочъ бы що продаты!“... И вона позырнула кругомъ себе. Пидслипій каганчыкъ ледве прысвичуе съ комина,—допомагае пидслипымъ видъ слизъ очамъ оглядаты злыденне добро... Онъ дираява ряднына чорніе—простяглася падъ Пылыпкомъ замисто постели. „Кому вона и на-що годытдя?“... Онъ невелычка подушечка пиддержуе ёго кучеряву головоньку...“ Вона була колысь велька, зъ пуху... та черезъ килько літъ зносялася, що й не пизнаты... Пуху въ ній, правда, ще багато: якъ-бы розскубты та розбыты—и на вельку бъ стало... Замисть пуху напирныкъ можна соломою або синцемъ набыты... и на соломи щасливому добре спытдя... Отъ, якъ-бы продаты!... Та кому жъ ёго?... колы?... Онъ ще кожушына вовною въ гору, мовъ вивдя простяглася... „Колысь за неи двадцять рубливъ давалы... Ще й теперь можна рубливъ зъ пять зачёпты... Та якъ ёго безъ кожушыны по такому холоду на роботу бигаты... Хочъ бы потеплило швыдче,—у свытци бъ можна... За старчыла бъ кожушину... П'ять рубливъ гроши... На ныхъ бы мисяцівъ зо два протягты можна, а тамъ—потепліе... Хиба однесты шынкареви въ заставу?... А може тамъ ще що знайдетдя?“—Каганець почавъ прымеркаты: останне світло въ ёму выгорало. По куткахъ печі стовпилысь морокъ та чорна темнота... Катря провела рукою по черени—чи не налапае бува ще чого, про вищо вона, може, забула... Мозоляна рука черкнулася объ суху глыну и загарчала...“ Ни, не забула... не помылышась... ничего бильше немае!“ подумала вона и глянула на Пылыпка. Сонна дытына тихо лежала передъ нею—розхристана, роскыдана. Катря вытягla зъ-пидъ себе другій край рядныны и вернла нею сына, поцілувавши ёго у заплющани очи.—Нагорилый кгнить бlyснувъ, зашкварчавъ... сыза іскорка стрильнула у гору—и згасла... У хати зробылося темно, якъ у домовыни.

Катря пидвелаася, встала—и почала спускаться зъ печи на пиль, зъ полу—до долу. Ось вона босымы ногамы почовпала по холодній доливци прямо до столу. Вхопывшись рукамы за край ёго, вона звела очи у темный кутокъ... Тамъничогисенько не выдно... Силькись: вона знае, що тамъ стоять образъ.—Переночывши край столу, вона одступыла ступнивъ зо два назадъ—и почала хрестытысь... Мицно сдупывши пучку, вона ще мицнише почала накладати нею то на лобъ, то на груды, то на плечи... Чутно було глухе постукуванне середъ темноты, а бильше ничего... Ажъ ось почулось важке зитхання, наче духъ выпираався изъ тила... „Господы!... Боже мій:... раздався глухий голосъ въ темноти, мовъ вырывався зъ-пидъ земли. Ще трохи згодомъ—щось посунулось, наче упало... То Катря опустылась навколошки и замолылася въ голосъ.

— „Господы!... я не вчена Тоби молытись. Я не зугарна Тебе святымъ словомъ просыты... Я не за себе... Не на мене Ты зглявъся,—зглянься на ёго!... Дай мени пораду у моимъ гори... Пошли мени розумъ добуты, чого не стае намъ!... А Ты, Маты Божа—Царыце небесна! Заступнице наша! Напуты ёго на все добре... захисты ёго видъ усего лыхого: видъ холоду и видъ голоду, видъ хворобы та болисты, видъ наглои смерты!“

Дали вона, прыпавши головою до холодной доливки, замовкла. Вся постать у неи тремтила, голова трусылася, слезы расно-расно посыпалысь зъ закрытыхъ очей.

Хочъ зарани заходылася Катря высыпнати нымы на новый рикъ свое щастя, а все такы трохи полегшало на души, якъ вона не швидко пидвелаася зъ земли. Хочъ туга серде наче въ жмени давыла, та не ризала его своимы гострыми острогамы!... Поточуючись, наче чмелена, почовпала Катря назадъ до полу и покарарабкалась зъ полу на пичъ. Помацки налапавши сына, вона обережно перехрестыла ёго—и на край подушки, рядомъ зъ ёго кучерявою головонькою, скылыла свою задурену голову.

Чорна непроглядна темнота стояла кругомъ. На двори ревла сердыта буря, стугонила у стини, стребала по осели, выла въ дымари, гуркотила у викна... Катря не дослухалася.

Натомлена важкымы думкамы голова не здужала зъ дослуханіямъ спрavлятысь, натружене болистю сердце забажало спочынку.. Незабаромъ обгорнуло Катрю ниме забуття, захытала дримота, а мицный сонъ прыкрывъ іи своимъ спокоемъ.

III.

Бралося далеко за пивничъ. Позасыпалы люде по своихъ теплыхъ захыстахъ; спыть-дримае земля пидъ глыбокымъ снегомъ; знемигся витерь, утомылося й вихало--затыхло... Не сплять тилько зори въ далекому неби, та не спыть той старый дидуганъ Морозенко, якымъ Катря лякала свого Пылыпка Билымъ иниемъ чипляетця винъ за дерево, гладенькою крыгою выстылае соби слидъ по снигу, дыше въ повитри такымъ холодомъ, що ажъ кыпить усе кругомъ ёго. Росьходывся сердитый—немылосердно давыть,—колетця видъ ёго натовчу черна земля; трискаетця на ій снигова кора; дилытця на шматки товста крыга надъ водою. Глухий бренькитъ видъ того йде по-надъ землею, росьпросторюетця въ холодному та густому повитри, а, дойшовши до лису,—стукаетця объ кожну деревыну. Тамъ, у его темній гущавыни, выуть вовкы-сироманци и ихъ голодна писня, якъ той лементъ, розлягаетця по всій околыци.. Сумно усюды, холодно й страшно... Кругомъ высить морокъ, та мла непрглядна буле, тилько сниги выблыскуютъ трохы, та глупіють зори у высокому неби.. Ажъ-ось выплывъ зъ-за горы Волосажаръ и почавъ выблыскуваты своимы зирочкимы, немовъ танцовавъ передъ свитомъ...

У той саме часъ злегенъка скрыпнулы синешни двери въ Катрыній хати—и замовклы. Трохы згодомъ рыпнулы й подвірни, выпускаючы Пылыпка на двірт.—Загорненый у довгу матерыну святку, закутаный іи чорнымъ платкомъ, у шкарбунахъ на босу ногу, зъ рукавычкою въ рукахъ, винъ, мовъ заець, выскочывъ зъ синей,—та й полынувъ прямо зъ села на лисъ. Сердце ёго, якъ у невельчкои пташкы, стукalo-былось, духъ затынався у грудяхъ; а мали ноженята—байдуже про непомирни

чоботы,—свое робылы: винъ нымы швыдко чекрыжывъ все впередъ та впередъ.

И який винъ радый, що прокынувся зарани!... який веселый, що маты не чула, якъ винъ вставъ, узувся, одився и выишовъ!... Отъ якъ бы ёму такъ и звернутыся, щобъ маты ще спала!... Винъ бы багати приноси положывъ на столи, а самъ прылигъ биля неи... Онъ уже и свитъ бованіе на двори: билувати смугы пробываютьца кризъ намерзли шыбы у хату... Винъ вдае, що спить, а маты вже проснулася... „Сыночку! пора вставаты“—шепче вона ёму тыхо... А винъ—мовъ не чуе,—ще дужче зажмурює свои очыци, потягаєтца—наче й геть-то розиспався... „Бачъ, якъ мицно заснувъ,—дывуетца маты.—Поспы, сынку,.. поспы ще трохы, покы я прыберусь“... каже вона, влизаючи съ печи. „А то де взялось?!“ скрыкнула маты, углядивши на столи хлібъ та ковбасы.—А винъ скопывся, взырає зза комина, та давай реготаты... „А що, мамо!.. злякався я вашого старого Морозенка?!... що—злякався?..“ И винъ мыттю плыгнувъ зъ печи на пиль, зъ полу—до долу... Маты ёго пидхопыла, прыгорнула до себе... „Отъ якъ бы то такъ сталося!“—запобигає упередъ думкою Пылыпко,—та знай налягає на ноги, поспишаючи до лису.

Ось винъ выбигъ уже й за село—на широке роздоля... Передъ ёго очыма манячыть лисъ, прытрушеный иніемъ зверху, та прыкрытый снигомъ,—наче страшenna била гора бованіе винъ здалека... Подыхнуло на Пылыпка вильнымъ холоднымъ повитрямъ; ущипнуло за нись, ажъ покотылыші слёзы зъ очей, и невелычкимы крыженкамы сразу на віяхъ завыслы.—Та ну не страшы: не боюсь я тебе! промовывъ Пылыпко, струшуючи рукою прыженки зъ очей.—То тилько маты лякала... И винъ не пишовъ, а побигъ пидтюпцемъ.

Ось винъ добигъ вже до лису...Не сниговою горою теперъ винъ здававсь Пылыпкови, а темнимъ страшыдломъ зъ чорными корявымы ногамы, билымы лапатымы рукамы, та величезною закутаною снигомъ головою.. Скілько въ того страховыща нігъ та рукъ?—И не переличты!... Ось воно одну ногу пидста-

было пидъ Пылыпкови шкарбуны, мовъ перечепыты вбираетця... Пылыпко ухыльнувсь—обмынувъ... Ось другу знову засыла... третя зъ снигу вылазе... Ось лапата рука зацепила ёго за голову и сразу обтрусыла всёго снигомъ... Винъ, якъ опеченый одскочывъ... Щось десь луснуло,—посыпало, наче горохомъ... Онъ друга рука наставляетця... третя зъ-далека на его кывае, мовъ перестерегає: не ходы дали!... Пылыпкови зробылося страшно,—чорни кружала заходылы передъ очыма; на голови пиднялося волосся у гору... наче джемели—загуло у вухахъ... Серце, якъ не высокоче, бьетця .. духъ запынаетця въ грудяхъ... Винъ востановыўся.

— Морозе, Морозеночку! замолывся винъ тыхо... Пусты мене до хрещеного батька... Я тилько до его одного пиду посыпать и що выпосыпаю,—видамъ тоби половыну...

Недалеко видъ его сичъ засычавъ, сова зарепетувала; а ему здалося, що то Морозенко регоче...

— Хиба тоби мало половыны, що ты регочешъ?.. То я все тоби видамъ, усе... И гроши, й ковбасы... Пусты тилько!

— Ну—гу — гу—у—у!... застогнавъ пугачъ середъ лису, а Пылыпкови здалося, що то загукавъ Морозенко:—не пущу!

— Бачъ який ты лыхый, та не добрый! почавъ докорять Пылыпко.—И щобъ тоби сталося видъ того? Я жъ не твоє братыму, а буду прохаты въ хрещеного батька .. Онъ бидкаетця маты, що въ насъ на сегодни ничего йисты, ничымъ протопыти у хати... Пусты, голубчыку!...

— Ха—ха—ха—ха—хаа—а—а!... зновъ зарепетувала сова, и гучна луна того скаженого репету по всему лиси роздалася.

То ты тилько вмієшъ реготаты? скрыкнувъ Пылыпко.— Такъ не боюсь я тебе!... И, пиднявши кулачата у гору, винъ подався впередъ.

Такъ цвирчить и стрыба горобецъ передъ котомъ, що вловивъ горобця и, мицно здавивши зубами, покручує довгымъ хвостомъ, та высвичує хыжо очыма... Ой стережыся, невеличкий горобчыку, того лукавого выкручування, та хыжого высви-

чування! Леты соби мерщи у свое гнездечко, выплакуваты свое горенько зъ своею дружыною... Стережыся й ты, невелычкий Пылыпку, своего лютого ворога, що тоби зъ нымъ боротись не сила! Вернысл мерщи въ свою голодну та холодну оселю, де тебе ненька ридненська прыгріє и потурбуетца про твои недостачи.

Не встеригся зечевья горобець: не встыгъ и цвиринькнуть въ останне, якъ накрывъ его китъ своею пазуристою лапою... Не встеригсь й Пылыпко свого ворога, що заманывъ его ажъ въ середыну глухого лиса, де винъ збывся зъ шляху и ризався трохи не по поясъ глыбокыми кучугурамы снigu.. Не личивъ Пылыпко, скилько разивъ приходилось ему падаты и набираты снigu не то що въ шкарбуны, а й за пазуху и за чорный платокъ на голови... Силькись! Снигъ винъ отрусе, та й знову дере у-передъ; дурноверхе завзяття его пидганяе... Лисъ передъ нымъ мовъ выроста; винъ давно вже ускочивъ у него и повинний бы бувъ перейти, а отъ ему кинця-краю немае... Морозъ вже не разъ, мовъ опикъ, боляче ущипнувъ его за ноги въ лыхыхъ шкарбунахъ, за голи мали кулачата и за лыченъко биле, рожеве... Не потура на те Пылыпко: зостановытца перепочты, потре те мисце, де заболить, похука въ мали рученята, та й знову—пидтюпцемъ дали...

Ось винъ выбравсь на чисту поляну. Кругомъ лисъ обстуливъ ії; а вона чиста та била лежыть соби, видночывае пидъ холоднымъ снигомъ и тилько зирочки выблыскують по ій свонимы сизо-жовтуватыми искоркамы... Де се винъ? куды забривъ? Скилько разивъ доводилось литомъ бродить ему по лису, а винъ не припамятае такои поляны... Чи не Морозенкова це, бува, горныця? Чи не за для себе винъ прыбравъ ії такъ чепурно-чисто?... Кругомъ обставывъ деревомъ высокымъ зъ кучерявымъ верховьямъ, пообтыкавъ невелычки полянки поміжъ деревомъ кущами гонкои лишыни, видъ витру холодного закрывае... Певне, це его свитлыця... Онъ—пидъ кожною деревиною по пеньку чорніє... то—за для гостей, що якъ найдуть, то було-бъ де перепочты... Чомъ же теперъ никого немає?.. Чи були, та поросходились, чи ще й не приходилы?...

— Систы, лышень, тутъ и соби та видпочычи,—промовывъ голосно Пылыпко... Здорово ухоркався, ажъ пить проймае... Сяду та перепочыну.

Пылыпко выбравъ найзручнишій пенёкъ и сиѣ на ёму.

— Ну, та й добраче сидиты: е куды простягты ногы и спыною объ вищо обпертсысь,—подумавъ Пылыпко, простагуючи натружени поженята и прыхыляючись головою до товстой деревыны.

Ему было такъ хорошe... Холоду винъ не почувавъ; руки и ноги терплы—нимилы, немичъ чи сонъ колыхавъ его стыха...

— Видпочыну, та й знову пиду—хочъ свитомъ добьюсь до хрещеного батька.. Докажу такы матери, що Мороза іи не злякавсь... Не страшный винъ мени... хочъ спершу було наче страшно... А теперъ?.. ни... не боюсь... не страшный...

Пылыпко затыхъ, наче заснувъ... Що се таке?.. Винъ почувъ; наче що стрильнуло въ ему; голова ходоромъ заходыла; посыпалысь искорки изъ очей—и разомъ усе передъ нымъ освityлось...

Загорилася вся поляна якымъ сзыимъ свитомъ. Середъ того сизого сایва почалы снижынки ворушытысь, почалы пидниматысь, вставаты... Та яки воны невелычки, тендитни, табили?!.. Лычко—зъ мачыне зерно, сами—зъ горошину, а ручечната та поженята, наче волосъ,—тоненъки...

— Годи намъ спочывать! загомонилы. Швидко свить буде, дидусь нашъ прыйде... Погуляймо, та въ довгои лозы пограймо! И почалы ставаты одна до другои спыною.—Разомъ!.. хтось гукнувъ.—Руки посплитаць, задни посхыляць и переднихъ пиднялы у гору; дали передни прыгнулышь, пидпимаючи заднихъ и —пишло, пишло... Усе кругомъ колесомъ такъ и заходыло!... „Та й проворни яки!“ подумавъ Пылыпко.

— Бude! погрильсь! хтось крыкнувъ. Давай танцоваты, нашого гостя дывуваты!—Якого?—Хлопця малого, що йшовъ до хрещеного батька посыпты, та прысивъ у насъ на пеньку одпочывать...

Ха—ха—ха! ха—ха—ха!
 Якъ бы то намъ женихъ...
 Невелычкого, малого—
 Хлопъяточка молодого!..

„Дывысь: ще й глузують!“, дума Пылыпко... А воны кругомъ его, якъ той рій заходылы... Крутятца, немовъ заверюха знялася.

— Шкода, що немає музыки! знову чує Пылыпко.—Де въ гаспьда подився нашъ музыка?—Видно выхылывъ чи мало, стричаочи новый рикъ, та й залигъ у дупли одпочывать.—Ходимо, его збудымо. Доки винъ, бисова пьяныця, буде кутыты!

Девилько паръ кынулося генъ до дуплинастого дуба... Закрутилыша надъ дупломъ, та незабаромъ у ёму й зныкли. А ти, що зосталысь били Пылыпка, заспивали:

Вставай, вставай пьяныченьку!
 Годи тоби спати.
 Заграй ты намъ на скрыпоньци,
 Дай потанцовати.

Незабаромъ зъ дупла показався чорный цвиркунъ, на увесь ротъ позихаочи, та ногою голову почухуючи.

— Прочумайся, пьяныце! Ать, якъ розиспався!.. кричать до его снижинки.

— Пьяныце! огрызнувшись цвиркунъ. Який я пьяныця? Ви мене напували, чи що?

— А видъ чого жъ ты спышъ?
 — Видъ чого? Сонъ найшовъ!...

— Знаемо мы видкиля той сонъ. Цилу ничъ у попа гулявъ, попову дочку звеселявъ... Прочумайся жъ, та грай мерщи!

— У попа и безъ мене були свои музыки. Виддае дочку писли водохрестя, то тамъ такого гостей зибралося, що й протовицьтесь ніякъ. Цилу ниченъку гуляли... Музыка тне, а вси танцюють.

— Отъ и ты намъ заграй, щобъ и мы потанцовали.
 — А плата буде?
 — Буде.

— Яка?

— Зъ инію водыца цупка!

— Подавитьца вы нею! скрыкнувъ цвиркунъ, сплюнувши.

— Ну годи, не комызься, та мерщи проспсыся. Бо якъ повернетца нашъ дидусь Морозенко, то буде тоби лыхая ненька!

— Вы такъ и звыкли про все доводыты дидови... Цокотухы! Становитца вже, буду граты.

И, надымающысь, винъ почавъ:

Цвирины! Цвирины!

Якъ бы теплый черинъ,

Та горяче просо,

То спавъ бы я й доси!

А тутъ мени холодно,

Жыты мени голодно..

Бухъ!

Питы надиты кожухъ...

И цвиркунъ мерщи плыгнувъ у дупло. Вси снижынки зареготалысь.

— „Дывысь, яки тутъ дыва!“ промовывъ чи подумавъ Шылыцко.

— Ще й не такіи побачышъ,—хтось до его обизвавсь.

Це зразу—щось якъ загуде!—тонко та голосно запыштало, наче кто въ невелычку дудочку загравъ.

— Це наше Вихало йде,

Та музыки за собою веде!

Скрыкнулы разомъ снижынки и закрутылыша середъ поляны. Захыталысь гильки на высокому дереви и почалы струшуваты зъ себе иній... То не иній, то ледве прымитни били голенъки хлопъята злиталы зъ гилекъ и кожне, вхопывши за руку снижынку, почало биля снижынокъ крутытыся та гопака выбываты.. Снижынки соби, зипъявшись на пальчыкы, дрибно ногамы выбиралы; сухе листя на лищыни подымалося, гул, деренчало; лищына объ лищыну терлась-скрипила, а витеръ помижъ гилькамы такъ завывавъ, що въ Шылыцка ажъ у вухахъ

пышчало... Снижинки зъ ииiemъ крутылыша, збывалыся въ купу и та купа росла, бильшала и, наче стовпъ, пиднималася въ гору.

Вихало! вихало!

Наше любе втихало!..

Прайди ты до нась,

Звеселыты намъ часъ!

Все кругомъ пыщало, верещало, гуло...

Ажъ-ось зъявылося й Вихало... Товсте та кругле, наче здоровенна копыця, воно десь зъ-за дерева взялося и, вхопывшись за верхивъя гилекъ цупкымъ лапастымъ рукамы, почало спускатыся середъ поляны... Товсти, якъ лантухи, его ногы у повитри гойдалыся; снигова одежа на ему крутылася—лопотила, а кустрата голова на вси бокы майтолалася...

— Помочи дайте! помочи дайте!.. Пиддержуйте, щобъ не впавъ, бува, я, та не забывся,—товстымъ охрыпымъ голосомъ загуло Вихало.

Снижинки зъ ииiemъ ще бильше закрутыхыся, стовпомъ здіймаючыся въ гору, и той стовпъ пидвелы пидъ Вихало...

— Ху—у! заморывся!—сказало Вихало и по стовпу почало спускатыся на поляну.

— Гу—гу—у—у! загуло... Вихало и все кругомъ его закрутыхыся...

У Пылыпка потемнило въ очахъ; голова кругомъ заходыла, у вухахъ дзвонило, мовъ въ дзвоны, гадкы почали меркнуты—зникаты... Его щось хытае—колыше...

Засны, засны, мій сыночку,

Малая дытыно!

чуе винъ, наче кризъ сонъ, чыйсь любый голосъ... То маты надъ нымъ котка спивае, чи хто иначый?... Ни—то не матусынъ голосъ, то хтось другой надъ нымъ похыльвся... „Чого жъ воно тисно такъ стало?... Хто се на мене такымъ холодомъ дыше?...“ плутаетца въ Пылыпковій голови... „Се ты—дидугане, Морозе? се твои лыхи учынки?...

На щастя, на здоровъя, на новый рикъ!...“ загуло въ Пылыпка у вухахъ... тысяча свичокъ засвityло у вочахъ и—винъ побачывъ дидугана Морозенка... Здоровенна,

наче вынныцъкий казанъ, голова его була замустрена цилымъ оберемкомъ билого снигу; довга, якъ помело, борода выплетеана въ товстыхъ вискрякивъ крыги; товсти настобурчени бровы густо покрыти билымъ инемъ, а сиро-зелени очи, наче волосожары, выблыскуть холоднымъ свитомъ... Тыхо скыльвся винъ надъ Пылыпкомъ, подывывсь, мовъ мылувався, на его лыченко билецокійне и—свитнувшы хыжны очыма—приложивсь до теплыхъ ще устонькивъ Пылыковыхъ своими холодно-палючымы устамы... Не зитхнувъ Пылыпко, не струснувся!... Все въ ёму й кругомъ его затыхло, покрылося темнымъ холоднымъ спокоемъ...

Вже билый свить носывся по-надъ землею; вадумалось сонце вставаты и послало впередъ себе ажъ два червони стовлы. Стоять воны на краи неба, пиднялыша высоко у гору, бують своимъ червонымъ свитомъ,—пророкують людямъ щось лыхе на сёгодни...

—На щастя, на здоровъя, на новый рикъ!

Роды, Боже, жыто, пшеницю и всяку пашныцю,— почулося Катри кризъ сонъ.—Вона вынулась; одкрыла очи,— та й не стымлася... Де лежавъ Пылыпко—тилько слидъ его: чорніе диряве ряденце, бованіе примнята подушка.

Вона мытту стрыбнула зъ печи до долу—и побачыла табунъ посыпальныкивъ, шо товпилысь биля порога.

— Вы не бачылы Пылыпка?—пытае.

— Ни... поторопили ти.

— Боже жъ мій, Боже!—вдарылась въ телесы Катря.— Винъ такы не злякався, не послухався—пишовъ!

Та вхопывши на опашки кожушанку, якъ нависна, помчалася зъ хаты.—Хлопчики постоялы трохы—и, здывовані, пиплы соби дали.

— А куды се? Куды се такъ швидко?—гукалы до неи зъ дворивъ селяне, дывуючысь, шо Катря такъ зарани и такъ прудко бижыть улыцею.

Не дослухалася вона до того допытування; вона навить не бачыла ничего передъ собою, окримъ одного Пылыпка.

— Пылыпку!... сыну мій!... сыночку!... И куды ты пишовъ по такому лютому морозу?... Куды ты знявся по такому скаженому холоду?... гукала вона на бигу, думаючи, що те гукиння ранишъ видъ неи добижть до сына, подастъ ему звистку—якъ побываетца за нымъ его маты!

Витеръ подыхавъ проты неи—и геть односывъ назадъ Катрынъ нестяжный лементъ.

Недонявши гукомъ, вона надолжала бигомъ... Ажъ мерзла земля гула пидъ нею—такъ вона мчалася! У грудихъ духъ затынався, серце, якъ не выскоче, былось,—а вона неслася!.. Вона не потурала ни-на-що... Хиба вона дыше для себе? Хиба серце бьетца для неи?.. Хиба не все одно, колы те й друге—стане, якъ ёго па свити не стане?.. И чому вона не птыця? Чому въ неи не вырослы крыла?.. Стрилою бъ вона пустылася навздогинци; рабцемъ бы упала—де его спиткала; сзызмъ орломъ пидхопыла на свои крыла—и мыттю до дому прымчала!.. Та ба! Нема въ неи крилець; ій Богомъ не дано липаты... Хай же одбуваютъ за все ноги!

И Катря не жалила своихъ ногъ: скилько хапало духу—мчалася; спотыкалася объ груду; падала у высоки кочугуры снигу и, выкарабкавшись, знову неслася дали та дали.

Ось вона вже й била лису... Ось и въ лисъ убигає... Быта дорога послалася вправо... А то чый слидъ верне наливо?... На чистимъ снигу свижий слидъ малои ногы... Катря, якъ укопана... „Не вже це Пылыпчинъ слидочекъ?... Збылось въ ночи изъ шляху?...“ ударыло Катри въ голову... „Та не вже жъ то, Господы?!“ скрыкнула вона, не знаючи, що ій робити,—чи йти по шляху, чи вернутъ по слиду... „А може воно дали и на шляхъ натрапыло?... Пиду по слиду,“—подумала Катря и, наче пьяна, хытаючися, тыхо поплелася свижимъ снигомъ въ гущавину лиса.

Ясне сонце почало пидниматись десь далеко за лисомъ и ёго червоный свитъ слався у лиси по снигу, а на опушенихъ инiemъ высокихъ гилькахъ стрыбало его ясне проминня, высвичуючи то жовто-зелеными, то червоно-сыними искорками. Наче

зачарований велетень, стоявъ лисъ, опущеный увесь ивіемъ билымъ, прыкрытый й пронызаный наскривъ соняшнымъ сяйвомъ... У ему було тыхо; холодне повитря видъ лютого морозу, здаєтца загускло, а ни ворухнетця,—чысте, прозоре, спокійне...

Хто утерпивъ бы не зостановытця, щобъ налюбуватыся тію чаривныю красою?

Оже Катри байдуже про те! Не до того ій, щобъ чымъ мылуватысь на свити... Вона тій чаровнычои красы не прымічае, та й не баче. Вона вбачае тилько свижый слідъ по снігу и боїтца его загубыты... Чорною марою тыняєтца вона по тому сліду; хыляе то на право, то на ливо—куды винъ поверне; ій, навіть, не западае у голову до чого винъ доведе; вона тилько одного бажае—швидче, хутчише знайти своего Пылынка!...

Онъ слідъ рижетця прямо на кущъ лищыны... Ни—не въ кущъ винъ пишовъ, а повернувъ по за кущемъ. Чмеленна Катря за нымъ повертае и..: оценылась середъ невелької круглої поляни.

Быstre око іи не помылося,—вглядило зразу, що Катри треба, и вона, якъ стрила полонула до пенька, на которму сидивъ Пылынко, приклонившись до дерева головою....

— Пылынку!.. сыночку мій!—нестяжно скрыкнула Катря и—вхопилася за его...

Палючий огонь не опикъ бы такъ боляче ій рукъ, якъ опекло ихъ холодне Пылынкове тило!...

У Катри передъ очыма дымъ завуривъ... запекло биля серця... голова кругомъ заходыла... Якась невыразна думка знялася у іи голови, проплазала горячымъ мозкомъ, та тамъ и заколила...

Опукою новалылася Катря биля сына, та вже бильше й не пидводылася. У неи одъ нестяжки розирвалося серце!

На третій тилько день кынулісь селяне шукаты Катрю и знайшли іи уже задубилу биля мерзлого сына.

— Отаке то вчынылося! Не даромъ сонце вси оди дни таки стовлы ставыло,—мовывъ старый дидъ, оглядяочи холодни трупы.—Шкода молодои силы; подавыть морозъ.

— Та й краще! одказавъ Катрынъ близъкий сусида, высокий та сухий, наче дошка,—чоловикъ.—Не задавыть бы морозъ, то голодъ догрызъ!

— А хлопчыкъ?.. Яка то була утишна дытына! знову каже дидъ.

— Не жалкуйте, диду, малого: ранише умерло—менче горя знатыме! знай одно товче Катрынъ сусида.

Люде тилько важко зитхнулы, та перехрестылыся... Чи не видъ божевильныхъ ричей Катрыного сусиды?

П. Мырный.

Западно-русская Церковь при митр. Петре Могилѣ. (1636—1646 гг.).

(Продолжение) ¹⁾.

III.

Комиссіи, назначенные королемъ для распределенія церквей между православными и униатами и ихъ дѣйствія.—Сопротивленіе, встрѣченное означенными комиссіями въ холмской епархіи.—Уніатскій епископъ М. Терлецкій, какъ одинъ изъ главныхъ представителей ультра-католической партии и правозарушитель „статей успокоенія“. Нѣкоторыя нарушенія означенныхъ статей со стороны православныхъ и процессы по этому поводу.

Самымъ сложнымъ и затруднительнымъ для правительства дѣломъ въ данное время было пропорціональное распределеніе между православными и униатами церквей въ городахъ. Для урегулированія и приведенія въ исполненіе этого дѣла королемъ образованы были двѣ комиссіи; одна для коронныхъ земель, другая для Великаго Княжества Литовскаго. Каждая комиссія состояла изъ шести членовъ, частью католиковъ, частью православныхъ. Обязанности комиссаровъ обозначены были въ грамотахъ короля, выданныхъ на ихъ имя. Здѣсь говорилось, что комиссары должны были, послѣ предварительного между собою уговора, послѣдовательно объѣхать города, собрать свѣдѣнія о числѣ находившихся въ нихъ униатовъ и православныхъ и соотвѣтственно этой численности распределить между ними церкви. Рѣшеніе комиссаровъ, по общему между ними согласію постановленное, обязательно для обѣихъ сторонъ.

¹⁾ См. „Кievsk. Star.“ 1898 г., № 2.

Въ случаѣ разногласій между самими комиссарами относительно правильности того или иного рѣшенія, въ такѣй называемыхъ сомнительныхъ случаяхъ, дѣло обѣ этомъ должно быть представлено на благоусмотрѣніе короля ¹⁾.

Обѣѣздъ комиссарами городовъ начался съ іюня мѣсяца 1635 г. и продолжался довольно долго. Обшій порядокъ при этомъ былъ таковъ. Жители городовъ извѣщались о времени и цѣли прїѣзда къ нимъ комиссаровъ. Обыкновенно такое извѣщеніе производило сильное волненіе въ средѣ жителей. Большею частью оказывалось, что считавшіеся доселѣ уніатами вовсе не расположены къ уніи, будучи привлечены къ ней угрозами и вообще внѣшними давленіями, и теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, объявляли себя православными. Такимъ образомъ численность послѣднихъ значительно выросла и къ прїѣзу комиссаровъ она приводилась въ извѣстность самими же православными. Были даже такие нерѣдкіе случаи, что въ городѣ вовсе или почти вовсе не оказывалось уніатовъ. Такъ, напр., когда комиссары прибыли въ Люблинъ и, созвавъ любой греческой вѣры, приступили къ опредѣленію числа уніатовъ и православныхъ, городскіе жители единогласно заявили, что все они, безъ исключенія (*nemine excepto*), исповѣдуютъ старую вѣру, т. е. православіе, и просятъ, дабы содержаніе оной обеспечено было имъ и на будущее время, причемъ въ доказательство своихъ словъ подали реестръ православныхъ гражданъ, который во всеуслышаніе и былъ прочитанъ, но возбуждалъ протестовъ ²⁾. Точно такъ же, когда комиссары прибыли въ Лосицы и приступили къ опредѣленію относительной численности въ этомъ городѣ уніатовъ и православныхъ, то о первыхъ, несмотря на тщательное разслѣдованіе дѣла, не могли получить никакого свѣдѣнія; все прихожане во главѣ со своими священниками заявили, что они исповѣдуютъ православную вѣру и при ней желаютъ остаться и на будущее время ³⁾.—Въ Грубешовѣ комиссары нашли только четырехъ уніатовъ—попа Василія, его сына и зятя и еще какого-то иногородняго мѣщанина; все же грубешовскіе граждане объявили себя „неуніатами“, причемъ переходъ многихъ изъ нихъ въ православіе, очевидно, совершился передъ самимъ прїѣздомъ комиссаровъ (упомянутый попъ Василій, жившій при Николаевской церкви, долженъ былъ оставить ону, такъ какъ все его николаевскіе при-

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI, № CCLXXIX, стр. 691—692.

²⁾ Ibid. ч. I. т. VI. № CCLXXXIV, стр. 704—706.

³⁾ Кіев. Центр. Архивъ, № книги 2161, л. 953 об.

хожане отступились отъ него ¹⁾). Подобное же явление—массовое возвращение „людей греческой религии“ къ православію имѣло мѣсто при посѣщеніи комиссарами и другихъ городовъ ²⁾). Вообще—означенные объѣзды комиссіями городовъ представляли одно изъ наглядныхъ доказательствъ, до какой степени громадному большинству русского народонаселенія, подвластнаго Польшѣ, ненавистна была унія, насильственно ему навязанная и поддерживавшаяся репрессивными мѣрами.—

Комиссары при распределеніи церквей между православными и уніатами дѣйствовали съ болышею осторожностью и осмотрительностью, стараясь, по возможности, не нарушить интересовъ „при-миряемыхъ“ ими сторонъ. Если въ городѣ не оказывалось ни одного уніата (точнѣе, не находилось желавшихъ оставаться въ унії), а церквой было мало (одна, двѣ), то онѣ присуждались православнымъ, но при этомъ иногда дѣлались оговорки: еслибы впослѣдствіи въ средѣ городскихъ обывателей объявился какой-либо уніатъ (*unit się iaki nalazi*) и пожелалъ имѣть церковь своего вѣроисповѣданія, то православнымъ вмѣнялось въ обязанность пріобрѣсти удобный „пляцъ“ (мѣсто, площадь) и передать его уніатамъ для постройки храма ³⁾). Если же въ городѣ находилось значительное количество церквей, то, несмотря на отступленіе отъ унії почти всѣхъ гражданъ, комиссары распредѣляли церкви между православными и уніатами почти поровну. Дѣлалось это какъ въ виду того, что не всегда духовенство слѣдовало примѣру своихъ прихожанъ (т. е., не всегда изъявляло желаніе перейти въ православіе), такъ и въ виду возможнаго возвращенія къ унії нѣкоторыхъ лицъ, отрекшихся отъ нея, вообще—какъ значится въ тоговременныхъ актахъ—„in spem unionis“ ⁴⁾.—Дѣйствуя отъ имени короля въ качествѣ „умиротворителей“ между уніатами и православными, комиссары, вслѣдствіе жалобъ и просьбъ послѣднихъ, заявляли, что впредь всякая нареканія и притѣсненія изъ-за дѣлъ религіозныхъ не должны имѣть мѣста, и каждая сторона должна довольствоваться предоставленными ей церквами съ пріуроченными къ нимъ угодьями. Такъ какъ при распределеніи между религіозными противниками церквей бывали и такие случаи, что присуждаемая православнымъ церковь находилась рядомъ, на одномъ „пляцу“ съ

¹⁾ Киев. Центр. Архивъ; № кн. 1003, л. 304.

²⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI. стр. 725.

³⁾ Киев. Центр. Архивъ; № кн. 2161, л. 953 об.

⁴⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI стр. 725.

церковью, предоставляемою униатамъ,—то въ видахъ предупреждѣнія возможныхъ между тою и другою стороною столкновеній и вообще неудобствъ отъ такой близости мѣстъ богослуженія, принадлежащихъ лицамъ враждебно другъ къ другу настроеннымъ, комиссары рекомендовали православнымъ перенести свою церковь на какое-либо другое, болѣе для нихъ удобное мѣсто¹).

Не смотря на то, что комиссары действовали отъ имени короля, по его распоряженію, притомъ на этотъ разъ основанному на сеймовомъ постановлѣніи, для всѣхъ обязательномъ, не смотря на то, что при самомъ распределѣніи церквей они блюли интересы униатовъ, оставляя за ними не мало церквей только *in spiritu unionis* (следовательно, не всегда распредѣляли ихъ пропорціонально наличной численности православныхъ и униатовъ, какъ это требовалось королевскими грамотами),—латино-уніатськія власти остались крайне недовольны означенными комиссіями и заносили противъ нихъ протесты. Въ этихъ протестахъ по-прежнему заявлялось, что грамоты короля обѣ отобрани отъ униатовъ церквей исiproшены были *ad male pagata*, т. е. вслѣдствіе ложныхъ донесеній православныхъ, скретно, окольными путями; подрывалось самое значение означенныхъ грамотъ, какъ противорѣчящихъ прежнимъ узаконеніямъ, по которымъ отчужденіе церквей и церковныхъ имуществъ не можетъ быть производимо свѣтскою властью безъ соизволенія на то римскаго престола; наконецъ, сами комиссары обвинялись въ пристрастіи къ православнымъ и несправедливости въ отношеніи къ униатамъ, заподозривалась правильность представляемыхъ имъ православными реестровъ съ перечисленіемъ своихъ единовѣрцевъ, и т. п.²). Разумѣется, подобные протесты, какъ лишенные юридической подкладки, въ большинствѣ случаевъ не имѣли существеннаго значенія. Но въ Холмской епархіи дѣло доходило иногда и до открытаго сопротивленія распоряженіямъ короля.

Холмскимъ униатскимъ епископомъ былъ въ то время Мѣодій Терлецкій, едва ли по своему фанатизму чѣмъ-либо уступавшій пресловутому Іосафату Кунцевичу. Тажелую руку этого „апостола уни“ православные почувствовали немедленно по вступленію его на каѳедру. Унія, дотолѣ почти только номинально существовавшая въ Холмщинѣ, начинаетъ имъ вводиться здѣсь съ настойчивостью и посредствомъ насилия. Православные священники, не пожелавши

¹⁾ Ibid. ч. I. т. VI. стр. 720.

²⁾ Древніе акты холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музѣѣ), книга I.

признать надъ собою власти Меѳодія, преслѣдуются, изгоняются изъ приходовъ и замѣняются его сторонниками, а находившіяся въ ихъ вѣдѣніи церкви обращаются въ уніатскія. Ревнители православія стѣсняются въ своихъ правахъ и подвергаются всевозможнымъ оскорблѣніямъ. Разумѣется, благодаря такимъ насилиямъ болѣе малодушные изъ православныхъ соглашались принимать унію, но это согласіе было вынужденное, вымученное „опрессіями“; а потому, когда съ воцареніемъ Владислава, благодаря достигнутой при его избраніи перемѣнѣ въ правовомъ положеніи западно-русской церкви, наступила для нея, по тоговременному выраженію православныхъ, „заря новой жизни“, когда узаконено было свободное исповѣданіе „старой вѣры“, съ возвращеніемъ православнымъ отнятыхъ у нихъ церквей или, точнѣе, части оныхъ,—то указанное нами религіозное движение въ средѣ русскаго народа (отреченіе отъ уніи и возвращеніе къ православію) съ неменьшою силою проявилось и въ Холмѣ-щинѣ. Но здѣсь на стражѣ интересовъ уніи стояла уже довольно значительная фаланга воспитанныхъ Терлецкимъ его пособниковъ. Поэтому еще въ первый объѣздъ комиссарами Холмской епархіи (въ 1633 г.) нигдѣ они не испытывали болѣе затрудненій, какъ здѣсь, и отобранныя ими отъ уніатовъ церкви большою частью не-¹⁾ долго оставались во владѣніи православныхъ ¹⁾). Послѣ сеймовой конституції 1635 года, когда объѣздъ комиссарами городовъ съ указаніемъ нами цѣлью обставлена была съ юридической стороны на незыблѣмо прочномъ основаніи, противленіе королевскимъ распоряженіямъ являлось уже дѣломъ весьма опаснымъ. Тѣмъ не менѣе фанатизмъ Терлецкаго, и на сеймахъ и всюду заявлявшаго, что онъ душу свою готовъ положить за свою наставу, т. е. за унію,—побудилъ его и къ подобному сопротивленію. Въ реляціи Якова Сушки читаемъ, что когда комиссары прибыли въ Холмъ и, при бытности Меѳодія, во всеуслышаніе объявили, что тѣ, которые не желаютъ быть уніатами, пусть станутъ на ихъ сторону, а тѣ, которые хотятъ быть уніатами—на сторону епископа,—народъ раздѣлился, причемъ, по чудесному Божьему опредѣленію, случилось такъ, что уніаты стали на правой сторонѣ, а неуниты, хотя и въ большемъ количествѣ (*plures*), на лѣвой. Такъ какъ епископъ (Меѳодій) не соглашался уступить неунитамъ какую либо церковь, то комиссары насильственно передали имъ церковь Успенія Пресвятой Богородицы. Но когда донесено было объ этомъ епископу, онъ, сопутствующий духовенствомъ, народомъ и шляхтою, поспѣшно отправился къ означенной церкви, энергично изгналъ изъ нея неунитовъ и достойными

¹⁾ Дрезденѣ акты холм. епархіи. ви. I.

пастыря словами укоряль комиссаровъ, въ числѣ коихъ были и католики, а послѣ сего пляхта укротила волнующійся народъ батогами. Тогда комиссари должны были отступить съ посрамленіемъ. Съ той и другой стороны запечены были протестаціи о насилияхъ¹⁾. Въ Холмскомъ церковно-археологическомъ музѣѣ находится обширное письмо самого Мсюодія Терлецкаго объ означенномъ событиї, писанное имъ къ своему другу—земскому писарю Матвію Щиглецкому—съ цѣлью составленія на основаніи его протестаціи противъ православныхъ. Письмо это, несмотря на преувеличенія, искаженіе фактовъ и вообще пристрастную окраску событий, естественную подъ первомъ такого фанатика, представляеть весьма любопытный исторический памятникъ, не мало служацій къ уясненію трактуемаго нами предмета. Терлецкій заявляетъ, что первая комиссія, пріѣзжавшая въ Холмъ (очевидно въ 1633 году), *шею себѣ сломала*. Назначеніе послѣдующихъ комиссій объясняется упорствомъ со стороны православныхъ, не желавшихъ на сеймѣ приступать къ разсужденіямъ о неотложныхъ государственныхъ дѣлахъ, если не будуть удовлетворены ихъ требованія. Что касается комиссаровъ, то они исполняютъ свои обязанности съ охотою, ибо хотя ихъ объезды дѣло и *безбожное*, но для нихъ весьма выгодное. Одинъ изъ нихъ купилъ уже Корытицу (имѣніе), помышляетъ и о Дубницѣ, а другой (очевидно намекъ на князя Четвертинскаго) заплатилъ нѣсколько тысяч золотыхъ долга. Къ одному изъ комиссаровъ (Городольскому старостѣ, католику) Терлецкій писалъ письмо съ просьбою оставить свое намѣреніе производить объезды городовъ въ его епархіи, какъ дѣло, клонящееся къ *погибели душъ людскихъ*, выставляя при этомъ и свою непреклонную волю—скорѣе пожертвовать жизнью за цѣлость своего словеснаго стада, чѣмъ допустить какой либо ущербъ въ ономъ. „Такою правдою—заявляетъ Мсюодій,—я такъ поразилъ комиссара, что онъ въ своемъ отвѣтѣ обрушился на меня со всѣми фуріями, наполнивъ его несносными сарказмами, вслѣдствіе чего означеный отвѣтъ правильнѣе назвать *насквилемъ*“. Затѣмъ комиссары обвиняются въ томъ, что не сообщали опредѣленныхъ свѣдѣній о времени своего пріѣзда въ города, часто мѣняя сроки. Это дѣлалось—по объясненію Терлецкаго—якобы въ тѣхъ видахъ, чтобы не дать ему, заботящемуся о своемъ стадѣ пастырю, возможности защитить оное своимъ присутствіемъ. Въ назначенный срокъ комиссары прибыли только въ Люблинъ. Но этотъ городъ,—по сознанію

¹⁾ Реляція Суши у Narasiewicza въ Annales Eccles. Ruthenae, изд. 1867 г. Ловъ вовѣ.

Меодія (чрезвычайно важному въ виду послѣдующихъ событий), „издревле зараженъ бытъ схизмою и связи съ унію не имѣлъ“. Отсюда, минуя Красноставъ, Холмъ и Грубешовъ, комиссары отправились на Украину, по направлению къ Киеву, „выкореняя въ посѣщаемыхъ ими городахъ святую унію“. Въ Холмщину комиссары возвратились въ февраль слѣдующаго года. О посѣщеніи ими Сокала и Бельза „съ ущербомъ для святой уніи и къ пагубѣ душъ людскихъ“, Меодій своевременно своими сторонниками не былъ извѣщенъ. Ему уніаты и католики дали знать только о днѣ пріѣзда комиссаровъ въ Грубешовъ. Но Меодій, по его словамъ не приготовленный къ сему и имѣя въ распоряженіи мало времени, не поѣхалъ въ означенный городъ, а потому комиссары, „заставши овецъ безъ пастыря, дѣлали, что хотѣли“, — именно, двѣ находившіяся здѣсь во владѣніи упіатовъ церкви — Честнаго Креста и св. Николая — передали „схизматикамъ“. Терлецкій объясняетъ это взяточничествомъ со стороны комиссаровъ, якобы получившихъ отъ грубешовскихъ гражданъ (православныхъ) подарковъ на двѣ тысячи златыхъ, не считая еще тысячи, истраченной на угощеніе комиссіи. Изъ Грубешова комиссары прибыли въ Красноставъ, гдѣ „присудили схизматикамъ“ камennу церковь, а такъ какъ она была заперта, то ночью поотбивали замки и насильственно заняли ее. Терлецкій сдѣлалъ распоряженіе, какъ обѣ грубешовскія церкви, переданныя православнымъ, такъ и красноставскую запечатать, — и наивно заявляетъ своему другу, что онъ не знаетъ, имѣетъ ли его распоряженіе „важность“ и не повлечетъ ли за собою съ юридической стороны (*według prawa*) непріятностей для него. — О посѣщеніи комиссарами Холма и сопротивлѣніи, оказанномъ имъ здѣсь, — Меодій въ существенныхъ чертахъ разсказываетъ согласно съ Сушкою, но съ большими подробностями и мѣстами съ инымъ освѣщеніемъ фактовъ, доходящихъ до противорѣчія съ показаніями послѣдняго. Комиссары прибыли въ Холмъ въ пятницу (7 марта) и, по заявлению Меодія, пришли въ недоумѣніе, такъ какъ „не могли допытаться ни обѣ одномъ схизматикѣ“. Но ночью комиссары, имѣя при себѣ хорошо подготовленныхъ людей, призывали черезъ нихъ гражданъ въ гостиницы для собесѣданій, вслѣдствіе чего утромъ въ холмлянахъ обнаружилась великая перемѣна: „стали собираться противныя уніатскому епископу толпы, записываться въ реестръ (т. е. заявлять себя православными), производить бунтъ“ и т. п. Всѣхъ, записавшихся въ качествѣ православныхъ въ реестръ, по словамъ Меодія, было 35; но и этотъ списокъ составленъ былъ несправедливо, такъ какъ въ него записано было много лицъ, которыхъ въ то время не было въ городѣ,

и такихъ, которые не давали на то согласія и, крѣпко стояли за унію. Когда комиссары приступили къ исполненію своихъ обязанностей, Терлецкій заявилъ, что какъ прежде онъ „не изъявлялъ согласія на комиссіи, такъ не соизволяеть и теперь и заранѣе предупреждаетъ, что какое бы ни состоялось опредѣленіе въ ущербъ уніи, онъ скорѣе пожертвуетъ своею жизнью, нежели допустить привести его въ исполненіе“. Тѣмъ не менѣе комиссары, прини-
мая во вниманіе, что часть гражданъ заявили себя православными, присудили имъ Успенскую церковь, находившуюся въ предмѣстьѣ города, съ шпиталемъ и всѣми принадлежностями, обеспечивъ православнымъ свободное исполненіе религіозныхъ обязанностей. Терлец-
кій приказалъ своимъ клевретамъ не допускать комиссаровъ до „отобранія церквей“. Тѣмъ не менѣе утромъ въ воскресенье цер-
ковь чрезъ комиссаровъ была православнымъ передана, причемъ, по словамъ Терлецкаго, его приставники были прогнаны и церковные замки сломаны. Когда дано было знать объ этомъ Мессодію, онъ поспѣшилъ отправиться къ Успенской церкви. „Такъ какъ я — гово-
рить Терлецкій — явно шель черезъ городъ, то люди, видя такое необычайное мое путешествіе и догадываясь, что я поспѣшилъ иду для защиты церкви, побѣжали за мною, притомъ не только мои уніаты и добрые католики, но и жиды, желая посмотреть на траге-
дію. Въ это времяѣ хали изъ дома въ костель къ обѣднѣ (на msza) госложи Куницкая и Андреевская, и онѣ, смотря на другихъ, по-
слѣдовали за нами. Я, не оглядываясь назадъ и не видя за собою громадной толпы, меня сопровождавшей, прямо пришелъ къ церкви, которую найдя запертою большими замкомъ, приказалъ священнику означенной церкви отпереть, желая слушать въ ней литургію (что потомъ и исполнилъ) и своимъ присутствіемъ противостоять волкамъ и хищникамъ. Отвѣчалъ тотъ отецъ, что не имѣтъ ключей, по-
тому что замокъ не церковный. Я спросилъ: церковный замокъ гдѣ же? — Отвѣчалъ: схизматики отбили и не знаю куда дѣвали, а цер-
ковь заперли своимъ замкомъ. Я разсудилъ: если свѣтскія лица рѣшились безправно отбить церковные замки, то почему не могъ бы учинить того я съ мірскимъ замкомъ, святотатственно къ дверямъ церкви привѣщенныемъ? — и тотчасъ приказалъ ударить въ него обу-
хами, а потомъ, отворивши церковь, нашель царскія двери выломанными; чрезъ нихъ схизматицкій комиссарскій попъ вошелъ безъ почтенія, даже съ пренебреженіемъ, въ алтарь, гдѣ находились св. дары, обратился къ своей сектѣ съ неприличными словами: вотъ, говорилъ, уніатскій сакраментъ, который такъ же много значить,
какъ и хлѣбъ простой, и т. п. Около церкви, прежде чѣмъ она
была отперта, католическое простонародье, будучи оскорблено не-

пристойными словами схизматиковъ, кинулось было въ драку съ ними, но я кривнулъ, чтобы вели себя спокойно... меня послушали, такъ что, по милости Божией, пролитія крови не было. Впрочемъ, иѣсколькимъ схизматикамъ досталось отъ кулаковъ и палокъ, но безъ вреда, какъ отъ женщинъ. Именно говорять, якобы госпожи Куницкая и Андреевская происполнились такой ревности католической, что не только лично присутствовали при мнѣ, но показали вмѣстѣ съ тѣмъ геройскій духъ: вырвавши изъ рукъ схизматиковъ тѣ же самыя палки, съ которыми они пришли было, эти госпожи живо замолотили ими по хребтамъ хлопскимъ и воспріяли на плошади пальму викторіи¹⁾. Послѣ этого Меѳодій приказалъ звонить къ литургії, которая и была совершена, послѣ чего, по его словамъ, „ни одинъ уже схизматикъ не показывалъ своихъ очей какъ въ этой, такъ и въ остальныхъ холмскихъ церквяхъ“ ¹⁾.

Поступки Меѳодія были явно противозаконны. Не могъ этого не сознавать и самъ онъ. Но какъ фанатикъ, притомъ разсчитывавшій на сильную поддержку ультра-католической партии, въ особенности надѣясь на одобрение и могущественное содѣйствіе расположеннаго къ нему римскаго престола, — онъ не усомнился вступить въ противозаконную борьбу съ православными, которую и велъ въ теченіе всей своей жизни. Этюю борьбою онъ нанесъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ ранъ Рѣчи Посполитой, усиливая въ средѣ православныхъ подданныхъ оной озлобленіе противъ царившей здѣсь неправды, противостоять которой безсильной оказывалась верховная власть; но ближайшія послѣдствія этой борьбы, казовая послѣдствія, для Меѳодія были благопріятны: онъ своими безконечными процессами противъ православныхъ (хотя и не дешево ему стоившими) до такой степени стѣснилъ ихъ, что многіе изъ нихъ — хотя бы то и наружно — подчинились ему. Въ Холмѣ ири Меѳодію православнымъ, не смотря на всѣ ихъ усилия, не удалось имѣть ни одной церкви. Потерявъ надежду возвратить присужденную имъ Успенскую церковь, они предприняли сооруженіе церкви на свои средства и, купивъ для этого удобное мѣсто, стали свозить на него строительный материалъ; но Меѳодій силою захватилъ этотъ материалъ и свезъ его къ своей соборной церкви, отнялъ и самое мѣсто, предназначеннное для церкви. Меѳодій не ограничился и этимъ: посредствомъ судебныхъ преслѣдованій и всевозможныхъ стѣсненій онъ довелъ православныхъ жителей Холма до того, что они, по словамъ Суши, „клятвенно отреклись отъ схизмы и дали за себя и своихъ потомковъ судебнѣмъ порядкомъ заактированное обѣщаніе всегда пребы-

¹⁾ Древ. акты Холм. епархіи (въ Холм. музѣѣ) к. I.

вать въ унії, подъ угрозою за отступленіе отъ нея) конфискації имущество.

Подобную же борьбу съ православными Меодій велъ и въ другихъ городахъ своей епархіи¹⁾.

Были отклоненія отъ вошедшихъ въ силу узаконеній по дѣламъ религіознымъ и со стороны православныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ вызваны были необходимостию: были почти неизбѣжны. Мы видѣли, что въ городахъ Витебскѣ и Полоцкѣ православные не должны были имѣть ни одной церкви, и такимъ образомъ юрисдикція православнаго епископа (мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго) на эти города не простидалась. Такое постановленіе, состоявшееся во время сейма 1635 года, находилось въ противорѣчіи со „статьями примиренія“, проектированными на избирательномъ сеймѣ, но тѣмъ не менѣе на него— какъ нами замѣчено— православные вынуждены были дать свое согласіе (по крайней мѣрѣ протестовъ съ ихъ стороны мы не встрѣчаемъ). Такая уступчивость со стороны православныхъ вызвана была неизреклонною настойчивостію латино-уніатской партіи и *особеннымъ положеніемъ этихъ го-*
родовъ. Въ Витебскѣ въ ноябрѣ 1623 года умерщвленъ былъ православными известный фанатикъ Іосафатъ Кунцевичъ. Коммісія, назначенная правительствомъ для разслѣдованія этого дѣла, произнесла суровый декретъ: около ста человѣкъ осуждено было на смертную казнь, имѣнія осужденныхъ конфискованы, городъ Витебскъ лишенъ магдебургскаго права и всѣхъ прежде дарованныхъ ему вольностей, мѣста, гдѣ совершалось православное богослуженіе, были разрушены, и витеблянамъ воспрещалось вновь возобновлять оныя. Возвращеніе прежнихъ вольностей своему городу жители Витебска приобрѣли впослѣдствіи тяжелою цѣною, обязательствомъ принять унію и впредь неуклонно слѣдоватъ ей. На эти обстоятельства и указывали латино-уніаты, домогаясь въ указанномъ смыслѣ измѣненія статей примиренія²⁾. Что касается Полоцка, жители кото-раго тоже не были неповинны въ умерщвленіи Кунцевича, то этотъ городъ, по мнѣнію латино-уніатовъ, уже потому долженъ быть не заключать въ стѣнахъ своихъ схизмы (православія), что былъ резиденціею означенного „блаженнаго мученика“, душу свою положившаго за дѣло унії.

1) Ibid.

2) Витебская Старина, изд. А. Сапунова. т. I. докум. №№ 118—120. Ibid. т. V ч. I. № 93.

Вводимая посредствомъ угрозъ и насилий увія въ Полоцкѣ и Витебскѣ не могла быть принимаема искренно: ее принимали съ ненавистью къ ней въ душѣ, въ силу необходимости. Поэтому, когда съ воцаренiemъ Владислава IV правовое положеніе западно-русской церкви существенно измѣнилось къ лучшему, достигнутое латино-уніатскою партіею выдѣлевie означеныхъ городовъ изъ общаго узаконенія о религіозной свободѣ, какъ бы закрѣпошеніе этихъ городовъ за увіею, не могло не возбудить здѣсь крайняго неудовольствія и не вызвать движеній въ пользу православія. Притомъ по отношенію къ Полоцку точное исполненіе постановленія 1635 года о неимѣніи здѣсь православными ни одной церкви оказывалось уже запоздавшимъ, такъ какъ еще въ 1633 году Владиславомъ IV, по просьбѣ земскаго брацлавскаго суды Себастіана Мирскаго, выдана была привилегія, котороею дозволялось въ пожертвованномъ имъ плацѣ, находящемся въ г. Полоцкѣ, „церковь и монастырь будовати, подъ послуженствомъ владыки мстиславскаго, не въ унії будучого“ ¹⁾). Поэтому, можетъ быть опираясь на эту привилегію, Сильвестр Коссовъ, вскорѣ по вступленіи на мстиславскую каѳедру, при объѣздѣ своей епархіи посѣтилъ и Полоцкъ: „прибыль сюда— по словамъ уніатскаго архіепископа Антонія Селявы— съ шумомъ и воинскимъ оружіемъ, переосвящалъ уніатскихъ священниковъ и присоединилъ ихъ съ прихожанами къ схизмѣ (православію)“ ²⁾. Кажется, въ это же время онъ посѣтилъ и Витебскъ, какое посѣщеніе тоже сопровождалось присоединеніемъ „простого люда“ къ православію ³⁾). Такія дѣйствія со стороны С. Коссова вызвали сильные протесты со стороны полоцкаго уніатскаго архіепископа и сочтены были правительствомъ за нарушеніе существующихъ узаконеній. 1-го мая 1636 года Владиславъ IV издалъ наказъ, воспрещающій С. Коссову пріѣзdy въ Полоцкъ и Витебскъ ⁴⁾), а судебные процессы, начатые противъ него Антоніемъ Селявою и тянувшіеся цѣлые годы, доставили много хлопотъ, огорченій и материальныхъ ущербовъ мстиславскому епископу ⁵⁾.

Другое, болѣе громкое дѣло о нарушеніяхъ православными „статей примиренія“ возникло въ перемышльской епархіи. Намъ известно, что по означеннымъ статьямъ перемышльская епархія предоставлена была православнымъ, но съ оговоркою, что до смерти

¹⁾ Ibid. т. V. ч. I. № 90.

²⁾ Ibid. т. V. ч. I. стр. 150.

³⁾ Ibid. т. V. ч. I. № 97.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid. т. V. ч. I, № 99, стр. 149 и слѣд.

уніатського єпископа Афанасія Крупецького ім'ямъ этой єпархії должны оставаться за нимъ, до того же времени православному перемишльскому єпископу, для его резиденції, предназначены были три монастыря: св. Спаса, св. Онуфрія и такъ называемый Смолница. 14 марта 1635 года привилегія на перемышльскую єпископію королемъ была дана земскому луцькому писарю Семену Гулевичу-Воютинскому, избранному на ону православными. Въ этой привилегії, кромѣ означеныхъ монастырей со всѣми „дарами“, къ нимъ принадлежащими, Гулевичу предоставлена была еще церковь Пречистенская (около Переяславля)¹⁾. Изъ означеныхъ монастырей лучшій—св. Спаса—находился дотолѣ въ фактическомъ владѣнніи уніатського єпископа А. Крупецькаго. Предвидя, что со стороны послѣдняго можетъ воспользовать сопротивленіе при передачѣ номянутаго монастыря въ вѣдѣніе православныхъ, Гулевичъ, какъ чловѣкъ рѣшительный и энергичный, не послѣдовалъ обычному порядку, посредствомъ котораго должна была бы совершиться означенная передача. Онь повсюду разославъ грамоты и письма къ православнымъ своимъ пасомымъ еть просьбою къ известному времени прибыть въ Переяславль для отображенія отъ уніатовъ Спасскаго монастыря. Вслѣдствіе этого призыва изъ разныхъ мѣстъ перемышльской и даже львовской єпархії стеклось множество народа, часть котораго (очевидно дворянне) была вооружена. И вотъ 10 июня 1636 года эта многочисленная толпа (по свидѣтельству уніатськихъ источниковъ, якобы численностью въ 20,000) двинулась къ монастырю св. Спаса, внезапно напала на него, разрушила ограду, завладѣла келіями, житницами и вообще всѣми монастырскими имуществомъ. Нѣкоторые слуги и друзья Крупецькаго заперлись въ башнѣ, окруженнай каменною стѣною, гдѣ якобы мужественной защищались около десяти дней. Что касается до самого Крупецькаго, то онъ въ это время оканчивалъ літургію (*divina celebrabat*). Церковные двери (запертны по его распоряженію) были разбиты съ-кирами, и Гулевичъ введенъ быль въ храмъ. Крупецький находился еще въ облаченіи; на него посыпались оскорбления и удары, а одинъ изъ „схизматиковъ“, дворянинъ Маркевичъ, приставилъ къ его груди два пистолета и произвелъ выстрѣлы, давшіе освѣчу. Когда же выстрѣлы имѣли бытъ повторенными, Гулевичъ прикрылъ Крупецькаго своею мантіею и среди общаго смятенія—крика и стона избиваемыхъ людей—отвелъ его въ ризницу, гдѣ онъ, не пивши и не ъвші, просидѣль до полуночи, пока тайно не выведенъ быль изъ своего заключенія Гулевичемъ. Въ это время нѣкоторые изъ

¹⁾ Кіев. Центр. Архів; № кн. 2150, л. 738 об.

церковныхъ прислужниковъ были подвергаемы истязаніямъ, слуги заключаемы въ карцеры, вообще всюду производились страшныя насилия¹⁾. Не смотря на естественныя преувеличенія въ протестаціяхъ и рассказахъ униатскихъ писателей объ этомъ событии, въ существенныхъ чертахъ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія должны быть признаны за достовѣрныя. За это говорять уже тѣ прискорбныя послѣдствія (о чёмъ скажемъ ниже), которыми сопровождалось это дѣло для Гулевича и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ означенномъ нападеніи.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ (а численность подобныхъ фактовъ, хотя и не столь выпуклыхъ, можетъ быть увеличена) видно, что „статьи примиренія“ не достигли одной изъ главныхъ своихъ цѣлей: не внесли мира и спокойствія между православными и латино-уніатами. Слишкомъ обострены были отношенія между тѣми и другими, чтобы ихъ многолѣтнія пререканія рѣшены были правительственною властью, въ особенности при слабости этой власти. Къ тому же сама власть, подъ давленіемъ латино-уніатской партіи, обнаруживала въ это время колебанія, не безъ основанія заставлявшія православныхъ опасаться за прочность достигнутыхъ ими на предшествовавшихъ сеймахъ результатовъ. Такъ, напр., когда съ разныхъ сторонъ²⁾ латино-уніатского лагеря посыпались жалобы о несправедливомъ якобы распределеніи церквей между православными и уніатами, то король вынужденъ былъ послать воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ и другимъ властямъ грамоты, въ которыхъ, выставляя на видъ несправедливость дѣйствій комиссаровъ (комиссары, назначенные для Короны, насильственно отобрали иѣкоторые церкви отъ уніатовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ), приказывалъ всѣ означенныя церкви вновь возвратить уніатамъ³⁾. Въ тоже время посланы были королемъ грамоты и самимъ комиссарамъ, въ коихъ король упрекалъ послѣднихъ въ неисполненіи его *памѣреній*, приказывалъ имъ вновь объѣхать города и иѣкоторыя церкви, отобранныя отъ уніатовъ, вновь возвратить имъ, представивъ православныхъ найхудшія (*podleysze cerkwie*)³⁾. Разумѣется, отображеніе отъ православныхъ уже отданного имъ, притомъ, смѣло можно утверждать, справедливо отданного — не могло не вызывать въ средѣ ихъ новыхъ волненій, новыхъ неудовольствій, а отсюда и открытыхъ сопротив-

¹⁾ Ind. Relat. Castr. Premisl. въ Львов. Бернадинскомъ Арх; № кн. 359, л. з. 435—441.

²⁾ Kiev. Центр. Арх.; № кн. 1003. л. 447.

³⁾ Ibid. № кн. 1003, л. 448.

леній. Словомъ, то „плами“, которое внесено было въ зданіе Рѣчи Посполитой чрезъ введеніе здѣсь пресловутой религіозной уви съ Римомъ,— „плами“, столь быстро разрушавшее это зданіе,—не только не было потушено „статьями примиренія“,—но, по крайней мѣрѣ, по мѣстамъ, еще болѣе было раздуваемо. Владиславъ IV не могъ этого не сознавать, а потому въ интересахъ государства рѣшился прибѣгнуть къ другой лелѣвой имъ мысли—примиренію православныхъ и уніатовъ на почвѣ религіозной, путемъ взаимныхъ уступокъ съ той и съ другой стороны.

IV.

Попытки со стороны короля къ примиренію враждающихъ сторонъ на почвѣ религіозной и отношеніе къ сему представителей православной церкви.—Депутація короля по этому поводу къ православнымъ въ бытность его въ 1636 г. въ Вильнѣ. Грамоты короля, разосланные представителямъ уніатской и православной церкви о созваніи собора для разсужденій объ услоіяхъ религіозного соглашенія.—Проецтъ унії.—Неудавшійся („сорванный“) сеймъ 1637 г.

Мысль о примиреніи православныхъ съ уніатами на почвѣ религіозной—мысль не новая. Извѣстно, что рѣчи объ этомъ подняты были еще на сеймѣ 1623 года¹⁾). Около этого времени составленъ былъ и планъ подобнаго соглашенія. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы православные и уніаты, собравшись на соборъ, общимъ совѣтомъ избрали себѣ патріарха. Подобнаго плана не чуждались ни уніаты, обманувшіе въ пышныхъ обѣщаніяхъ католиковъ, ни православные, изпуренные продолжительно борбою съ католиками и до крайности стѣсненные въ своихъ правахъ. Разсужденія объ этомъ дѣлѣ возобновлялись въ 1624, 1626, 1627 и 1629 годахъ; но они ни къ чому не привели, съ одной стороны, вслѣдствіе крайняго несочувствія подобному соглашенію большинства простого народа, а съ другой—вслѣдствіе разныхъ точекъ зрѣнія на дѣло религіозного соглашенія представителей православной и католико-уніатской церквей.

Владиславъ IV вѣрилъ въ возможность религіозного соглашенія между православными и уніатами путемъ взаимныхъ уступокъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе всего своего царствованія всемѣрно заботился объ этомъ (равно какъ и о религіозномъ примиреніи католиковъ съ протестантами). Безъ сомнѣнія, еще на коронаціонномъ сеймѣ, когда религіозная разногласія приняли опасный для спокой-

¹⁾ Кіев. митроп. П. Могила, т. I глава III.

ствія государства характеръ, король входилъ въ сношенія съ представителями православія и унії: склоняя тѣхъ и другихъ къ примиренію на почвѣ религіозной. Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что о надеждѣ на подобное примиреніе не мало трактовалось и въ секретной инструкціи, данной отправляемому въ Римъ въ качествѣ посла Георгію Оссолинскому. Недаромъ послѣдній въ своей краснорѣчивой рѣчи предъ папою заявлялъ о заботахъ Владислава IV-го привлечь въ овчарню „св. отца“ одичалыхъ львовъ скандинавскихъ (москвичей) и отщепенцевъ отъ верховнаго пастыра (православныхъ западно-руссовъ). На сеймѣ 1635 года заботы короля въ указанномъ направлении, въ виду тѣхъ же религіозныхъ разногласій, должны были еще болѣе увеличиться. Принимая во вниманіе всю совокупность данныхъ по трактуемому предмету, можно предполагать, что Петръ Могила и другіе наиболѣе видные представители православія къ желанію короля не отнеслись отрицательно. Они могли заявить (какъ П. Могила заявлялъ), что св. восточная церковь ежедневно проситъ Господа, дабы онъ путями, ему вѣдомыми, привести раздѣленныя церкви къ тому единенію, которое существовало между ними прежде, въ теченіе тысячелѣтія. Но подавая такую надежду, ревнители православія во главѣ съ представителемъ западно-русской церкви не желали главнымъ образомъ противорѣчить королю, такъ много сдѣлавшему въ интересахъ православія, на самомъ же дѣлѣ, хорошо ознакомленные съ вожделѣніями латино-уніатской партіи и съ воззрѣніями на этотъ предметъ, едва ли могли (за рѣдкими исключеніями) питать дѣйствительную надежду на умиротвореніе православной церкви посредствомъ предлагаемаго компромисса: ибо они хорошо знали, что римскій престолъ далекъ отъ мысли объ единеніи церквей, какъ о взаимообщеніи между ними въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною всѣхъ завѣщанныхъ древностью особенностей въ ученіи, управлѣніи и обрядности; они знали, что римскій престолъ смотрѣть на означенное единеніе, какъ на подчиненіе православной церкви католической, какъ на вседѣлое порабощеніе первой послѣдней. Такимъ образомъ надежды, подаваемыя королю представителями православной церкви на возможность примиренія ихъ съ уніатами на почвѣ религіозной, были не болѣе какъ дипломатическимъ пріемомъ съ ихъ стороны передъ королемъ, въ помощи и содѣйствіи котораго они столь нуждались. Между тѣмъ Владиславъ IV своимъ совѣщаніямъ съ представителями православной церкви по данному вопросу придалъ преувеличенное значеніе въ смыслѣ склонности послѣднихъ сдѣлать существенные уступки католицизму, о чёмъ, кажется, и извѣстилъ папу, осаждаемаго жалобами на короля за его покровительство „схизматикамъ“.

По крайней мѣрѣ Урбанъ VIII въ письмѣ своемъ, отъ 10 іюля 1636 г., на имя волынскаго воеводы осипалъ его похвалами за то, что „онъ виѣтъ съ возлюбленными братьями—Петромъ Могилю, митрополитомъ Руиновъ, и Аѳанасіемъ, епископомъ луцкимъ, заботится о приведеніи всѣхъ русскихъ къ единству съ римскимъ престоломъ на основаніи флорентійскаго собора (*iuxta sacri concilii Florentini praescriptum*)¹). Въ это время слухи о склонности Петра Могилы и луцкаго епископа Аѳанасія Пузыны принять унію (даже о приятии послѣднимъ оной) были, кажется, распространены значительно. Нѣкто Фрукъ въ письмѣ своемъ (отъ 18 іюля 1636 г.) къ униатскому Владимірскому епископу Госифу Мокосѣк-Баковецкому извѣщаетъ послѣдняго, какъ о новости, что луцкій епископъ Пузына, обратившись съ просьбою къ князю Заславскому о прекращеніи начатыхъ противъ него, епископа, процессовъ за учиненные имъ „бунты“ въ Кременцѣ, а также о предоставлениі ему Дерманскаго монастыря, изъявилъ желаніе принять унію и даже далъ присягу на оную. „Говорятъ—пишетъ Фрукъ—о Могилѣ, что онъ окончательно хочетъ перейти на сторону уніи. Объ этомъ была рѣчь въ Бродахъ, у его милости пана Краковскаго. Его милость сказалъ: о Пузынѣ не сомнѣваюсь, но о Могилѣ *весъма*; въ особенности сомнѣвается панъ подкоморій Львовскій, который хорошо его (Могилу) знаетъ“²).

Особенную заботливость о примиреніи православныхъ съ униатами на почвѣ религіозной Владиславъ IV проявилъ въ 1636 году, когда несостоительность правительственныхъ распоряженій „объ успокоеніи людей греческой религії“ обнаружилась всецѣло. Въ этомъ году, въ бытность свою въ Вильяѣ, онъ обратился къ православнымъ съ увѣщаніями войти въ соглашеніе съ униатами и учинить „генеральную згоду“. Съ этой цѣлью послано было къ нимъ (по всей вѣроятности, къ виленскимъ братчикамъ) уполномоченное лицо, которое обратилось къ собранію православныхъ съ слѣдующею рѣчью:

„Король его милость говоритъ вамъ чрезъ посредство меня: какъ ваши предки оказали сопротивленіе уніи и чрезъ то подали примѣръ другимъ городамъ, такъ (желательно), чтобы вы, ихъ потомки, были побужденіемъ для тѣхъ же городовъ къ (взаимному) соглашенію.“

¹⁾. Theiner. Vetera Monum. Pol. et Lithuaniae, t. III, № CCCLVII.

²⁾. Подлинникъ находится въ библ. Кіев. Дух. Академіи (поступилъ изъ Трагурского монастыря).

„Увѣщеваетъ васъ король его милость къ общему соглашенію по слѣдующимъ причинамъ:

1) Все, позволенное вамъ королемъ его милостью на прошлыхъ сеймахъ, потому позволено было, что ваши духовные руководители, въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія въ вашу пользу, обѣщали скорое соединеніе (религіозное соглашеніе съ уніатами); теперь пришло время исполнить это обѣщаніе.

2) Усматриваетъ король его милость, что сѣкира лежитъ при корнѣ вѣроисповѣданія греческаго, такъ какъ число людей, принадлежащихъ къ нему, не прибываетъ, но умаляется. А развѣ не умаляется, когда многіе какъ отъ уніатовъ, такъ и отъ неуніатовъ переходятъ въ обрядъ латинскій,—не только свѣтскіе но и монашествующіе,—вслѣдствіе чего возрастаютъ книги (судебныя дѣла), которыя все вѣти и листья столь прекраснаго вѣроисповѣданія износишаются, отсѣкаются и отрываются? А развѣ не умаляется, когда съ обѣихъ сторонъ умножаются судебные процессы, которые, уменьшая имущество ваше, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и ваше расположение къ своему вѣроисповѣданію? А развѣ не умаляется, когда многія церкви обращаются въ костелы? А это все происходитъ оттого, что надежда соединенія отсрочивается.

3) Видитъ король его милость, что васъ и въ Коронѣ и въ Литвѣ декретами закрываютъ, маєтности, основанныя вами и завѣщанныя, отнимаютъ, даже, увеличивая ваши несчастія (а ѳe krzyż podnosząc), не всегда позволяютъ производить звоны въ колокола, всюду не только не имѣете вы свободнаго доступа къ вольностямъ, но пребываете въ унижениі; а такъ какъ набожные церемоніи и обычай ваши сейчасъ уже имѣютъ отмѣны, то, если сами о себѣ не будете стараться, и ваше вѣроисповѣданіе, и полученные вами права, однимъ словомъ, все погубите.

4) Поелику въ членахъ вѣры (между православною и уніатскою церквами) противорѣчія нѣть и поелику уніаты желаютъ соглашенія, то много повинны предъ Богомъ вы будете (т. е., если не послѣдуетъ убѣжденіемъ короля). При этомъ король его милость предостерегаетъ васъ: если станете медлить соглашеніемъ, какъ бы не случилось, что уніаты, истомившись ожиданіями, не пожелали бы съ своими церквами и бенефиціями перейти въ обрядъ римскій, а для осуществленія этого развѣ они не найдутъ себѣ помощниковъ? Предупреждая это, милостивый нашъ король, чрезъ меня, убѣждаетъ васъ, дабы вы позаботились о соглашеніи съ уніатами и начали это дѣло при бытности въ Вильнѣ его королевской милости. Вы (чрезъ исполненіе сказаннаго) пріохотите короля къ пожалованію сему го-роду большихъ вольностей, а равнымъ образомъ и вамъ самимъ,

какъ заботящимся объ упомянутомъ соглашениі, будуть оказаны милости. Пріохотите (къ услугамъ вамъ) и нась, такъ какъ мы въ своихъ помѣстьяхъ имѣемъ много церквей. Мы о церквяхъ вашихъ и духовныхъ бенефиціяхъ будемъ такъ-же заботиться и охранять ихъ, какъ заботимся и охраняемъ духовенство костеда римскаго⁴ 1).

Предполагая, что почва для религіознаго соглашенія православныхъ съ униатами достаточно подготовлена, король въ началѣ сентября 1636 г. разослалъ къ представителямъ православной и униатской церкви, а равно и къ нѣкоторымъ вліятельнымъ свѣтскимъ лицамъ грамоты съ призывомъ озабочиться о приведеніи означеннаго дѣла въ исполненіе. Въ посланіяхъ къ митрополитамъ православному (П. Могилѣ) и униатскому (Вельямину - Рутскому) король писалъ: „По милости Божьей обеспечивши спокойствіе государства отъ виновныхъ враговъ, мы желали на предстоявшемъ общемъ сеймѣ все, что, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ времени, производить волненія и въ будущемъ можетъ затруднить сеймовыя совѣщанія, надлежаще уврачевать и ввести въ свои предѣлы. Рознь же между Русью возсоединенію (съ Римомъ) и не возсоединенію, навлекая на Рѣчь Посполитую не мало непристойнаго (zaciagaiac inconveniencya), много отнимаетъ времени на сеймахъ,—и хотя во время счастливой нашей элекціи уже опредѣлены средства для успокоенія (враждующихъ), однако на прошломъ сеймѣ мы узнали, сколько приведеніе этихъ средствъ въ исполненіе затруднило Рѣчь Посполитую и навѣрное и впредь не перестанетъ затруднять. Поэтому, разсылая по настоящему дѣлу наши листы къ старшему духовенству обѣихъ сторонъ и къ нѣкоторымъ свѣтскимъ лицамъ,—такъ какъ у васъ и братства въ дѣлахъ религіозныхъ имѣютъ не малую силу,—мы желаемъ, чтобы вы предъ наступленіемъ слѣдующаго сейма снеслись со всѣми ими и озабочились объ изысканіи такихъ способовъ, посредствомъ которыхъ между вами, обѣими сторонами, могло бы установиться единеніе и прочное согласіе. Ибо пока вы надежными средствами не придетѣ къ соглашенію въ своихъ разногласіяхъ, одна сторона не перестанетъ беспокоить другую тяжбами, утѣснять и всячески затруднять. Знаемъ, что главнѣйшимъ вопросомъ между вами (православными и униатами) будетъ вопросъ о повиновеніи, которое вы (православные) оказываете константинопольскому патріарху; но если разсудите, что дѣжалось въ той

). Рукоп. Виленскаго Свято-Дух. монастыря; сравни Лукашевича Dzieje wyznania Helweckiego w Litwie; во Лукашевичъ не вѣро отнеситъ означеный фактъ къ 1648 году.

столицѣ и теперь дѣлается, легко прійдетѣ къ мысли, что, не нарушая правъ патріаршства, вы можете, по прикѣру Москвы и другихъ государствъ, имѣть у себя дома то, зачѣмъ тянетесь на сторону. Сoverшите же дѣло, угодное Богу, полезное Рѣчи Посполитой, потребное русскому народу, особенно находящемуся въ унії, и незавиенное для насъ”¹⁾.

Къ этому времени выработанъ былъ и самый проектъ религіознаго соглашенія православныхъ съ уніатами. Въ сущности это былъ тотъ же самый проектъ, который составленъ былъ въ 1629 г. ко времени львовскаго съѣзда, назначенаго Сигизмундомъ III для совѣщаній между православными и уніатами. Но теперь проектъ былъ нѣсколько расширенъ, а главное, снабженъ обширными примѣчаніями. Главнѣйшіе пункты проекта, какъ и прежде, состояли въ томъ, что 1) русскіе греческаго обряда не вносятъ въ символъ вѣры прибавленія „и отъ Сына“, но въ свою очередь не должны порицать и латынанъ, учащихъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Вообще споры объ этомъ должны быть прекращены. 2) Русскіе греческаго обряда должны вѣрить въ существованіе третьаго иѣвста—чистилища, хотя и не обязаны вѣрить, что очищеніе душъ въ немъ происходитъ черезъ огонь. 3) Обязаны вѣрить, что души святыхъ находятся на небѣ. 4) Всѣ русскіе греческаго обряда, находящіеся подъ властью польскаго короля, состоять въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, но только въ томъ случаѣ, если онъ вѣруетъ согласно вышеизложеному, если пребываетъ вѣрнымъ христіаниномъ, если будетъ единственнымъ патріархомъ той церкви, если, „по своемъ посвященію, пришлѣтъ къ его величеству королю, митрополиту и ко всѣмъ русскимъ епископамъ свое вѣроисповѣданіе и объявить, что онъ вѣруетъ согласно вышеизписанному“. Когда его вѣроисповѣданіе окажется и признается согласнымъ съ объявленнымъ, тогда всѣ подданные его величества, держащіеся греческаго обряда, обязаны исподредственно зависѣть отъ означенаго патріарха. 5) Обряды и обычай восточной церкви будутъ сохраняться въ цѣлости, безъ прибавленій и убавленій; вѣдѣніе тяжбъ будетъ принадлежать общему собору, решенія котораго обязательны. 6) Русскіе не должны порицать опреѣноки латынанъ, субботній постъ, причащеніе подъ однимъ видомъ, съ другой стороны и римляне не должны хулигъ кислыхъ хлѣбовъ русскихъ, ихъ мясоѣденіе въ субботу и причащеніе подъ обоими видами. Такимъ образомъ, всякий держится своего обряда и хвалитъ другой, хотя

¹⁾ Supplm. ad. Histor Rus. Monam. № LXXII.

ему и не слѣдуетъ... 7) Никто изъ латынянъ не долженъ говорить, что воеточные патріархи не имѣютъ той власти и юрисдикції, какую имѣли ихъ предшественники, законно поставленные и православно (каѳолическо) вѣровавши, потому что и теперьша патріархи, если законно поставлены, все каѳолическо принимаютъ и (согласно съ симъ) вѣрють. Никто изъ русскихъ не долженъ держать у себя и читать книги, написанныхъ или изданныхъ во время разногласія съ римскимъ престоломъ и направленахъ противъ римскихъ перво-священниковъ. Всѣ русскіе греческаго обряда должны говорить, что римскій престолъ есть первый (между всѣми) и римскій первосвя-щенникъ — первопрестольникъ или епископъ первого сѣдалища, что ему не только принадлежитъ первое мѣсто и предсѣдательство на соборахъ, но онъ имѣетъ власть созывать самые соборы и одобрять ихъ опредѣленія. Это одному ему по праву приличествуетъ, ибо онъ есть правитель въ церкви Христовой, преемникъ божественнаго Петра. Къ нему братья должны присыпать синодальныя грамоты (опредѣленія), и къ нему должно обращаться съ апелляцію и за разрѣшеніемъ вопросовъ по важнѣйшимъ дѣламъ.

Къ этому проекту присоединены подробная разъясненія отно-сительно четвертаго пункта онаго, о томъ, какъ слѣдуетъ пони-мать зависимость отъ константинопольского патріарха *непосред-ственную и посредственную*.

Непосредственная зависимость отъ патріарха, по этому разъ-яснею, должна состоять главнымъ образомъ въ томъ, что митро-политъ въ церквяхъ возносить молитву за него. Затѣмъ, послѣ до-стигнутаго соглашенія, патріархъ на первый разъ (*prima vice*) даетъ „сакру“ митрополиту; но Русь должна позаботиться, чтобы ея по-слѣдующіе митрополиты освобождены были отъ поѣздокъ за озna-ченною сакрою въ патріархамъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какое Богъ назначитъ для освобожденія Востока (отъ власти турокъ). Между митрополитомъ и патріархомъ должны быть только письменныя сношенія: они пересыпаютъ другъ другу синодальныя посданія и свое исповѣданіе вѣры, согласное съ изложенными выше... Митрополитъ пользуется въ Россіи правами постояннаго экзарха, и какъ таковой (*sic exarcha natus*) можетъ рѣшать вѣвъ дѣла внутри государства (польскаго) самостоятельно.

Въ чёмъ должна состоять посредственная зависимость митро-полита отъ патріарха?

Въ томъ, во-первыхъ,—отвѣчаютъ составители проекта, что митрополитъ всегда поминаетъ (на богослуженіяхъ) прежде перво-священника (папу), потомъ патріарха; во-вторыхъ, въ томъ, что

давши согласіе (на предлагаемое религиозное соглашениe), митрополитъ свое письменно изложенное исповѣданіе вѣры посыпаетъ къ римскому первосвященнику, заявляя, что онъ такъ вѣруетъ и что такое же исповѣданіе пошлетъ къ константинопольскому патріарху; въ-третьихъ, въ томъ, что послѣ состоявшагося соглашениe, митрополитъ будетъ ходатайствовать передъ верховнымъ первосвященникомъ, дабы онъ согласился войти въ сношенія съ патріархомъ по вопросу объ отмѣнѣ поѣздокъ за „сакрою“ вслѣдствіе сопрѣженныхъ съ ними опасностей; въ-четвертыхъ, въ томъ, что митрополитъ по-заботится, дабы первосвященникъ утвердилъ рѣшеніе патріарха ка-сательно означенныхъ поѣздокъ, по крайней мѣрѣ, до того време-ни, какое Богъ опредѣлилъ для свободы Востока. Кроме того, если бы чего не доставало власти митрополита, какъ экзарха, онъ упросить первосвященника восполнить этотъ недостатокъ. Избран-ный въ митрополиты (*pominatus*) не прежде вступаетъ въ управ-леніе церковью, какъ произнесетъ исповѣданіе вѣры въ присут-ствіи епископовъ и нѣсколькихъ архимандритовъ, а также верхов-наго легата (римскаго) или его представителя.

Почему не возможна поѣздка къ константинопольскому патріарху (за „сакрою“ и по другимъ дѣламъ)?

Въ подтвержденіе затруднительности и нежелательности такихъ поѣздокъ составители проекта представляютъ нѣсколько доводовъ: во-первыхъ, указывается на опасность, такъ какъ и посланный и самъ патріархъ легко могутъ возбудить въ туркахъ подозрѣніе и тѣмъ подвергнуть свою жизнь опасности; во-вторыхъ, нельзя ожи-дать никакой пользы отъ такихъ поѣздокъ, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни ученія, ни школъ, не можетъ быть и справедливаго рѣшенія; въ-третьихъ, слишкомъ дорого бы обошлись и самыя по-ѣздки вслѣдствіе царящихъ на Востокѣ хищенія и всеобщей симо-ніи; въ-четвертыхъ, чрезъ поѣздки самый обрядъ потерпѣлъ бы униженіе, ибо тогда обнаружилось бы, что скитальцы — греки управ-ляютъ, а русскіе, несмотря на свое превосходство, покоряются имъ.

Впрочемъ, такъ какъ сношеніями съ константинопольскимъ патріархомъ русскіе чрезвычайно дорожили, то составителями приве-денныхъ объясненій къ проекту сдѣлано было замѣченіе, что отно-сительно этого пункта можно кое-что и уступить противной сторонѣ¹⁾.

¹⁾ См. Прилож. къ 1 т. сочиненія: Кіевскій митрополитъ П. Могила, стр 380—384.

Уступки католицизма, сдѣянныя въ приведенномъ проектѣ „противной сторонѣ“, т. е. православію, были ничтожны. Онъ сводились къ признанію за послѣдними обрядности, но отнюдь не обеспечивали за ними сохраненія въ неповрежденномъ видѣ вѣроученія. Главный отличительный догматъ католической церкви—главенство папы—выдвигался на первый планъ, причемъ православные обязывались не къ почетному только признанію первенства римскаго первосвященника, но къ признанію его божественности намѣстничомъ св. Петра, видимою главою церкви, руководителемъ и вершителемъ всѣхъ дѣлъ церковныхъ. Словомъ, православныи предлагалась та же ненавистная имъ унія, противъ которой они такъ энергично боролись, хотя предлагалась какъ бы въ смягченномъ видѣ. Длинныи рѣчи о константинопольскомъ патріархѣ, о неудобствахъ сношенія съ нимъ, о симоніи, царившей на Востокѣ, и т. п. велись съ цѣлью подготовить православныхъ къ окончательному разрыву съ греческою церковью, ибо представители католицизма не могли не сознавать, что на ихъ проектѣ константинопольскій патріархъ не можетъ дать согласія и еслибы даже посредствомъ материальныхъ жертвъ такое согласіе и было достигнуто, то оно, возбудивъ общее негодованіе въ греческой церкви, послѣднею было бы тотчасъ же кассировано. Эти длинныи рѣчи были подготовительною почвою для склоненія православныхъ къ отдѣленію отъ греческой церкви чрезъ образованіе *собственнаго патріархата*, о чмъ прямо король и заявлялъ въ своихъ грамотахъ митрополиту православному и уніатскому.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что кандидатомъ на патріаршество намѣченъ былъ королемъ и даже латино-уніатской партию Петръ Могила. Намеки на это находимъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ хотя иѣсколько и позднѣйшаго времени, но еще написанныхъ при жизни П. Могилы и притомъ тогда именно, когда попытки къ соглашенію православныхъ съ уніатами не оставляемы были королемъ. Кассіанъ Саковичъ въ 1642 году, издавая свою *Перспективу*, въ предисловіи „до читателя религіи греко-русской“, между прочимъ, пишетъ: „Взялъ отецъ Могила церковь св. Софіи въ Кіевѣ, много столѣтій передъ тѣмъ опустошенную, а въ настоящее время такъ ее возстановилъ, что отъ всѣхъ получаетъ похвалу. Также возстановляетъ монастыри, основываетъ школы и много дѣлаетъ добра въ интересахъ своего народа, такъ что еслибы захотѣлъ распрощаться (waledikować) со схизмою и вступить въ унію съ св. юстоломъ римскимъ, безъ сомнѣнія, не только митрополичьяго,

не и патріаршаго сана быль бы достоинъ¹⁾). Вышій митрополітъ Исаія Конинскій по непровѣреннымъ слухамъ заявлялъ, что Петръ Могила вѣры христіанской отпалъ и благословленъ отъ папы римскаго нынѣ (въ 1638 г.) въ великой постѣ *въ патріархи*. Очевидно, что ложные слухи, распускаемые о П. Могилѣ И. Конинскимъ, въ основѣ своей имѣли предложенія короля, сдѣланнныя нашему митрополиту о предоставлѣніи ему подъ извѣстными условіями патріаршества. Разумѣется, предлагая Петру Могилѣ патріаршій санъ, Владиславъ IV и латино-уніатская партія имѣли въ виду заручиться содѣйствіемъ его, какъ самаго выдающагося и по своему положенію и по своему вліянію, основанному на крушихъ заслугахъ предъ русскимъ народомъ, представителя православной церкви. Прежнее (въ бытность архимандритомъ) участіе П. Могилы въ дѣлѣ соглашенія православныхъ съ уніатами и отзывы о немъ, какъ человѣкѣ примирительно относившейся къ разностямъ между церквами православною и католическою, давали латино-уніатской партіи надежду, что и въ данное время, въ особенности въ виду открывающейся перспективы получить патріаршій санъ, Могила склоненъ будетъ оказать существенныя услуги проекту религіознаго примиренія. Но если Петръ Могила въ прежнее время, увлеченный заманчиво-миролюбивыми рѣчами сторонниковъ уніи и лицовою стороною плана о соглашеніи съ римскою церковью, и мечталъ о возможности взаимообщенія между церквами (православною и католическою), то въ настоящее время, когда для него очевидно сдѣлалась и оборотная сторона означеннаго плана, а намѣренія сторонниковъ папизма перестали быть тайною,—опъ не могъ не понять, что предлагаемые проекты о соглашеніи съ уніатами грозятъ неминуемою опасностью чистотѣ православія, ведутъ къ порабощенію православной церкви римскому престолу, а потому не только не приложилъ стараний къ осуществленію предполагавшагося соглашенія съ уніатами, но и принялъ мѣры къ огражденію православія отъ посягательства на оное. Такъ, исполнняя приказанія короля, онъ разослалъ его грамоты съ призывомъ къ религіозному примиренію съ уніатами православнымъ братствамъ и, совѣтуя имъ обсудить это дѣло всесторонне, наказывалъ, чтобы на ближайшій сеймъ (на которомъ имѣли быть разсужденія по этому вопросу) избраны были депутатами лица, наиболѣе извѣстные своею ревностю къ православію²⁾). Ясный знакъ,

¹⁾ Ἐπανόρθωσις albo Perspectiwa..., изд. 1642 г., въ Краковѣ (предисловіе „do czytelnika religiey Graecorumskiey“)

²⁾ Лѣтопись Львов. Ставроцигіального Братства, по древнимъ документамъ составленная Діонисіемъ Зубрицкимъ (оттискъ изъ журн. М. Н. Просв.) стр. 83.

какъ относился митрополит къ затѣй короля, хотя,—повторяемъ,—не желая возбудить неудовольствія съ его стороны, открыто, принципіально и не вооружился противъ нея.

Сеймъ 1637 года, на которомъ предположены были совѣщанія православныхъ съ униатами по означенному вопросу, открылся своевременно, но, вслѣдствіе крупныхъ разногласій между депутатами, не окончился: былъ „сорванъ“. Если при началѣ его и были совѣщанія православныхъ съ униатами о религіозномъ между собою примиреніи и учрежденіи особаго западно-русскаго патріархата, то они не привели ни къ чему, и затѣя короля окончилась неудачно, хотя—какъ увидимъ—ни онъ, ни латино-униатская партія отъ нея не отказались.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВІЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА^{*}.

II. Оренбургскій обыскъ и его послѣдствія.

III. Межирицкій инцидентъ.

Оренбургскій обыскъ у Шевченка имѣетъ важное значеніе въ его біографіи, ибо онъ былъ причиной ссылки поэта въ Новопетровское укрѣпленіе, гдѣ ему суждено было провести цѣлыхъ семь лѣтъ. По возвращеніи изъ Аральской экспедиціи Шевченко былъ препровожденъ въ Оренбургъ (въ ноябрѣ 1849 г.) и прикомандированъ къ начальнику экспедиціи А. И. Бутакову, чтобы докончить подъ его руководствомъ работы по описанію Аральского моря. Благородный Бутаковъ рекомендовалъ Шевченка командиру отдѣльного оренбургскаго корпуса Обручеву съ такой хорошей стороны и выставилъ услуги, оказанныя имъ экспедиціи такъ ярко, что послѣдній послалъ отъ себя ходатайство къ шефу жандармовъ гр. Орлову (отъ 20 ноября 1849 г.) о дозволеніи рядовому Шевченку заниматься рисованіемъ. По по-воду этого ходатайства гр. Орловъ входилъ съ докладомъ къ Государю Императору, но Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, о чёмъ гр. Орловъ сообщилъ Обручеву.—Судя по разсказамъ Ф. М. Лазаревскаго, служившаго тогда въ Оренбургѣ, полугодичное пребываніе Шевченка въ этомъ городѣ

^{*}) См. „Кіевская Старина“ 1893 г. Мартъ.

было сравнительно свѣтлой полосой въ жизни поэта. Онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, которое хотѣло произвѣсть его въ унтер-офицеры, жилъ не въ казармахъ, а въ домѣ адъютанта Обручева К. И. Герна, вращался въ интеллигентной средѣ своихъ соотечественниковъ и ссыльныхъ поляковъ, которые относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, а главное только номинально считался солдатомъ, не несъ военной службы, даже ходилъ въ партикулярномъ платьѣ и, живя на свободѣ, могъ сколько угодно писать и рисовать. Но Шевченко очень хорошо зналъ, какъ непрочны эти блага, что достаточно доноса, чтобы висящій надъ нимъ Дамокловъ мечъ немедленно опустили на его голову, чтобы его снова возвратили къ ужасамъ казарменной жизни. Этимъ объясняется трогательное письмо его къ Дубельту (отъ 10 января 1850 г.), этотъ отчаянnyй крикъ наболѣвшаго сердца художника, который молилъ только объ одномъ, чтобы ему официально разрѣшено было рисовать¹⁾. Сколько извѣстно, это письмо осталось безъ отвѣта. Въ концѣ января главный начальникъ края В. А. Перовскій уѣзжалъ по дѣламъ въ Петербургъ. По просьбѣ-ли друзей и заступниковъ Шевченка, или по своему собственному побужденію, но только онъ забѣжалъ въ III-е отдѣление къ Дубельту и, не заставши его, оставилъ письмо, которое находится при дѣлѣ о художнике Шевченкѣ, хранящемся въ Архивѣ Департамента Полиціи²⁾. „Зная, какъ у Васъ мало свободного времени—пишетъ Перовскій—я не намѣренъ докучать Вамъ личными объясненіями и потому, прилагая при семъ записку объ одномъ дѣлѣ, покорнейше прошу В. П. прочесть ее въ свободную минуту и потомъ увѣдомить меня,—можно ли что либо по Вашему мнѣнію предпринять къ облегченію участіи Шевченка? Заслуживаетъ-ли онъ, по Вашему мнѣнію, ходатайства? При этомъ письмѣ Перовскій приложилъ слѣдующую записку: „Въ

¹⁾ Письмо это было приведено цѣликомъ въ моей статьѣ „Геніальный Горемыка“, помещенной въ Сборникѣ „Братская помощь Армянамъ“. Москва 1897.

²⁾ За позволеніе пользоваться этимъ дѣломъ приносимъ глубокую благодарность Министру Внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкину.

1847 г. Тарасъ Шевченко былъ арестованъ въ Кіевѣ, привезенъ въ С.-Петербургъ и потомъ отправленъ въ отдельный оренбургскій корпусъ на службу рядовыемъ за сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ пасквильныхъ стиховъ, при чемъ ему было воспрещено писать и рисовать. Съ тѣхъ поръ рядовой Шевченко вель себя отлично хорошо; онъ два года сряду, въ 1848 и 1849, участвовалъ и былъ весьма полезенъ въ экспедиціи, снаряженной для описанія Аральского моря.—Въ прошломъ году по возвращеніи Шевченка изъ этой экспедиціи командиръ отдельного оренбургскаго корпуса, удостовѣрившись въ его отличномъ поведеніи, службѣ и образѣ мыслей, испрашивалъ ему дозволенія рисовать, но на это представление послѣдовалъ отказъ. Въ этомъ положеніи дѣла Г. Корпусный Командиръ не можетъ произвести Шевченка въ унтеръ-офицеры, хотя онъ, Шевченко, служить съ отличиемъ уже нѣсколько лѣтъ рядовыемъ и не былъ праговоренъ въ солдаты безъ выслуги. Рядовому Шевченку около 40 лѣтъ; онъ весьма слабаго и ненадежнаго сложенія и въ продолженіе кампаніи на Аральскомъ морѣ неоднократно подвергался скорбуту“

На письмо и докладную записку Перовскаго послѣдовалъ отвѣтъ отъ 20 февраля 1850 г., въ которомъ Дубельтъ говоритъ, что гр. Орловъ находить рановременнымъ входить съ все-подданнейшимъ докладомъ о помилованіи Шевченка, но что если Шевченко заслуживаетъ быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры, то удостоить его непосредственно зависитъ отъ генерала отъ инфanterіи Обручева, такъ какъ Шевченко разжалованъ безъ лишенія правъ выслуги.

Но Шевченку не суждено было дождаться производства въ унтеръ-офицеры. Нѣкто прaporщикъ Исаевъ по личной злобѣ на поэта¹⁾ послалъ доносъ Обручеву, въ которомъ изъяснилъ, что Шевченко вопреки Высочайшей волѣ и долгу службы занимается рисованьемъ, пишетъ стихи и ходить въ цартикуляр-

¹⁾ Причины этой злобы разъяснены со словъ Ф. М. Лазаревскаго въ моей статьѣ „Первые четыре года ссылки Шевченка“ (Киевская Старина, 1888 г. кн. 10).

номъ платьѣ. Получивъ доносъ и предполагая, что Исаевъ могъ послать одновременно таковой же и шефу жандармовъ, Обручевъ приказалъ Герну пригласить съ собой жандармскаго штабъ-офицера и произвести обыскъ въ квартирѣ Шевченка. При обыскѣ были, между прочимъ, захвачены письма къ Шевченку отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ кн. Репиной, Лизогуба, Лазаревскаго и др., и два альбома или двѣ записныя книжки, испещренныя стихами и всякаго рода рисунками, точнѣе набросками, сдѣланными карандашомъ.—Все это было послано въ III-е отдѣленіе и пріобщено къ дѣлу. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ были уже напечатаны („Кіевская Старина“, 1893, мартъ). Привожу еще одно письмо кн. Репиной, тогда мною пропущенное.—Оно было отвѣтомъ на первое письмо Шевченка къ ней изъ Орской крѣпости¹⁾.

Яготинъ 13 Января 1848 г.

Огъ души благодарю Васъ, мой добрый и незабвенный Тарасъ Григорьевичъ, что Вы меня вспомнили въ далекой странѣ. И здѣсь мы Васъ не забываемъ и очень часто рѣчь идетъ о Васъ. Нѣтъ, я бы не засмѣялась, а зарыдала бы, если бы увидѣла Васъ теперь²⁾ и молила бы Бога дать языку моему краснорѣчіе, чтобы утѣшить Васъ, вознести духъ Вашъ выше горькой участіи Вашей, смягчить сердце Ваше, говоря съ Вами о милосердіи Господнемъ. Который не хочетъ смерти грѣшника, а чтобы онъ былъ живъ! Если бы это зависѣло отъ меня, распечатавъ мое письмо, Вы бы исполнились благодати; оно бы Васъ освѣжило, укрѣпило, Вы бы бодро и съ покорностью носили бы крестъ Вашъ. Но увы! что могу я бѣдная, безсильная сдѣлать для Васъ, мой добрый Т. Г? Молиться? Да, молиться, какъ можно чаще, какъ можно теплѣе, чтобы Богъ подкрѣпилъ Васъ въ настоящемъ испытаніи, чтобы онъ вложилъ милосердіе

¹⁾ См. Кіевская Старина 1886 г. октябрь.

²⁾ „Вы непремѣнно бы разсмѣялись—писалъ книжѣ Шевченко—если бы увидали теперь меня: вообразите самого неуклюжаго гарнизонааго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами—и это буду я!“

въ средѣ окружающихъ Васъ, чтобы направилъ тѣхъ, отъ которыхъ зависить земная участь къ помилованію! Съ какою радостью всѣ ваши здѣшніе друзья помогали бы Вамъ нести крестъ! Какъ всѣ они обрадовались отъ Вашего письма! Оно долго странствовало, ибо Андрей Ивановичъ (Лизогубъ) въ Одесскѣ. Въ очень непродолжительномъ времени я пришло Вамъ книги. Не хочу отложить ни одной почты отвѣтчать Вамъ на письмо Ваше, которое я встрѣтила съ такимъ благодарнымъ теплымъ чувствомъ. Вотъ ужъ мы перешли въ новый годъ! Каково Вамъ было встрѣтить его на чужбинѣ! Я никогда не забуду, какъ папенька тому кажется пять лѣтъ назадъ открылъ Вамъ объятія свои и какъ Вы сыновне припали къ нему на грудь¹⁾! Вѣчная память этому истинно добромъ человѣку! Вотъ ужъ три года, какъ его нѣтъ между нами. Въ Яготинѣ все идетъ по прежнему: общество наше то же самое, исключая Тани²⁾, которая все болѣеть и лѣчится въ Кіевѣ. Мы имѣемъ прибавленіе весьма драгоцѣнное къ нашему кругу—это бывшій кіевскій студентъ (Бодровъ?), котораго Вы видѣли у меня въ Кіевѣ и у другихъ также—чистая душа, желающая Вамъ, какъ и многіе другіе, силы упованія и терпѣнія. Какъ понятно мнѣ Ваше мученіе—не рисовать! Это настоящая пытка! Но не будемъ роптать: Богъ дастъ—это перемѣнится. Услышьте мой дружескій совѣтъ и слѣдуйте ему: предайтесь Вашей настоящей обязанности какъ можно усерднѣе, облагораживайте ее примѣрной исправностью—вѣдь въ ней испытаніе, посланное Вамъ самимъ Богомъ для очищенія души Вашей; воспитывайте ее, очищайте молитвою, вспоминайте, что многіе молятся за Васъ, что хотя отдалены отъ Васъ, но думаютъ и бодрствуютъ за Васъ! Не унывайте, несите крестъ, молитесь и надѣйтесь! Къ великому моему сожалѣнію письмо мое не было готово для вчерашней почты и

¹⁾ Княжна рассказывала мнѣ, что растроганный Шевченко поцѣловалъ руку мастигатого князя, а по уходѣ его сказала, обращаясь ко всѣмъ: отъ такихъ старыхъ я люблю!

²⁾ Одна изъ трехъ сестеръ Псіоль, съ которыми княжна Репнина была очень дружна.

надобно его отложить до будущей. А какъ долго Вы его ожидали, добрый Т. Г.! Я по собственному опыту знаю, сколько можетъ быть горести въ ожиданіи. Да подкрѣпить Васъ Господь! Да дастъ Онъ душѣ Вашей любовь и вѣру; тогда Вы повѣрите, что Тотъ, Который настъ полюбилъ, даже до смерти неизмѣненъ, не такъ, какъ люди. Людей нужно любить, ибо они братья наши и дѣти Небеснаго Отца, а вѣрою въ Спасителя усыновленные для жизни вѣчной; ихъ должно любить, и эта обязанность иногда такъ легка, что мы въ эти минуты понимаемъ ее. Но Христосъ сказалъ: будьте убо вы совершенны, яко же Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть, т. е. исполняйте вашъ долгъ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ, не ожидая взаимности, но дѣлая добро вездѣ и всѣмъ. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Вы можете дѣлать добро только видимое Богомъ, но которое для того Имъ не будетъ отвергнуто; напротивъ! Освѣщайте душу Вашу молитвою, очистите ее отъ всего затмѣвающаго ее и да благословитъ Васъ Господь въ этомъ трудномъ и святомъ подвигѣ! Есть ли у Васъ Евангелие? Я обѣщаюсь писать часто къ Вамъ и еще разъ, мой добрый Т. Г., благодарю Васъ за Вашу дружескую память. Передаю перо Глафириѣ, которая также хочетъ привѣтствовать Васъ. Прощайте, да освѣнть Васъ благодать святая!

Вамъ душою преданная

Варвара Репнина.

Дальше слѣдуетъ приписка, писанная рукою Глафиры Ивановны Дунинъ-Борковской, урожденной Псіоль:

„Вы конечно не повѣрите, когда я скажу Вамъ, что грустные Ваши строки къ княжнѣ меня сердечно обрадовали. Наконецъ-то Вы отозвались, Т. Г., и дали намъ средство выказать Вамъ хотя малую часть того живаго искренняго сочувствія, которымъ полны всѣ Ваши здѣшніе знакомые и друзья. Что могу Вамъ пожелать на новый годъ? благодати Божіей, терпѣнія и слезъ, чтобы освѣнить и растворить духовную пустыню Вашей жизни:

Прощайте, Т. Г., бумага не позволяетъ распространяться болѣе. Не забывайте насъ! Да благословитъ Васъ Господь!

Г. Д. Б.

Небольшія записныя книжки были у него захвачены еще при арестѣ его въ Кіевѣ (5 апрѣля 1847 г.), и такъ какъ въ нихъ не было ничего предосудительного, то онѣ и были ему возвращены передъ отправленіемъ его изъ Петербурга въ Оренбургъ. Онѣ сопровождали поэта при его переходахъ изъ крѣпости въ крѣпость и въ экспедицію въ Аравльскому морю, и потому находятся въ довольно потертомъ и загрязненномъ видѣ. Въ книжкѣ съ бумажной обложкой попадаются наброски карандашомъ различныхъ фігуръ и видовъ, очевидно сдѣланныхъ наскоро: видъ юрты или куреня, лошади, верблюды въ разныхъ положеніяхъ лежащіе, идущіе, навьюченные, съ сѣдоками и безъ сѣдоковъ; есть нѣсколько народныхъ пѣсенъ и думъ, записанныхъ Шевченкомъ отъ разныхъ лицъ во время его странствованія по Волыни и Подолію въ 1845 г.: о *Мазепѣ и Паліѣ*, о *князѣ Котляренкѣ* (т. е. о генералѣ Котляревскомъ, знаменитомъ кавказскомъ героѣ, котораго Пушкинъ называлъ бичемъ Кавказа), о *Бондариенкѣ*, о *Кармелюкѣ*, и объ *Іигнатѣ Голомѣ*.

Изрѣдка эти наброски карандашомъ и пѣсни перемежаются собственноручно написанными стихотворными отрывками самого Шевченка.

Въ концѣ книжки находятся отрывки изъ посланий Шевченка къ неизвѣстному другу, писанные карандашомъ и полустертыя отъ времени.

Во второй записной книжкѣ въ каленковомъ переплетѣ, кроме нѣсколькихъ набросковъ карандашомъ, изображающихъ сцены изъ украинской жизни (лучшій изъ нихъ: бандуристъ играетъ на бандурѣ, а козакъ слушаетъ его, глубоко задумавшись), находятся отрывки изъ неизвѣстной драмы, которые трудно разобрать, и списанный рукою Шевченка отрывокъ, вѣроятно, изъ народной думы:

Послѣдствія оренбургскаго обыска были весьма печальны для Шевченка. Изъ Петербурга послѣдовалъ Высочайший при-

Отд. I.

8

казъ немедленно подвергнуть его строжайшему аресту, а по окончаніи слѣдствія перевести его подъ строжайшій надзоръ изъ 5-го Оренбургскаго линейнаго батальона въ другой отдаленнѣйшій батальонъ. Но этимъ дѣло не окончилось. Въ числѣ писемъ, отобранныхъ у Шевченка, было письмо на малорусскомъ языкѣ его земляка, чиновника Оренбургской пограничной таможни, Сергѣя Левицкаго (отъ 1 марта 1850 г.), находившагося въ отпуску въ Петербургѣ. Левицкій былъ болѣшимъ пріятелемъ Шевченка, который въ письмѣ къ Бодянскому называется его доброй и щирой душой *). Въ письмѣ Левицкаго было нѣсколько фразъ, которыя возбудили подозрительность III-го отдѣленія и стоили жизни одному высокодаровитому и подававшему большія надежды юношѣ. Сообщая Шевченку петербургскія новости, Левицкій, между прочимъ, пишетъ: „много есть тутъ нашихъ, но кажется такие люди, которыхъ можно промѣнять на пѣмцевъ. Есть между ними нѣкто Н. М. Головко, магистръ Харьковскаго университета. Вотъ правдивая душа! Какъ сойдемся съ нимъ, то его первое слово о Васъ. Онъ сотрудничаетъ во многихъ журналахъ и хлопецъ дуже розумный; жаль только, что своею правдивостью надѣляетъ того, что и его сошлютъ куда-нибудь, ибо онъ уже и сейчасъ подъ надзоромъ полиції. Онъ часто бываетъ у Остроградскаго. Много есть тутъ такихъ, что вспоминаютъ о Васъ, и Головко говоритъ, что хотя Васъ и не стало, но на Ваше мѣсто найдется до 1000 людей, готовыхъ стоять за все то, что Вы говорили“.— Послѣднія слова этого письма навели подозрительного гр. Орлова на мысль о существованіи въ Петербургѣ тайного малороссійского общества, число членовъ котораго доходитъ до тысячи человѣкъ.— Нужно было принять противъ него мѣры быстрыя и рѣшительныя, и вотъ 15 іюня гр. Орловъ одновременно командируетъ жандармскаго полковника Станкевича арестовать Левицкаго, а жандармскаго полковника Левентала арестовать Головка и, опечатавъ всѣ принадлежащи имъ бумаги,

*) Гаршинъ, Шевченко въ ссылкѣ. Истор. Вѣст. 1886, № 1.

доставить ихъ обоихъ въ III-е отдѣленіе. Первое порученіе было исполнено въ точности и обошлось безъ всякихъ инцидентовъ. Арестованный и подвергнутый допросу въ III отдѣленіи, Левицкій объяснилъ, что никакого тайного общества живущіе въ Петербургѣ малороссы не составляютъ, что слово *нашъ* употребляется въ значеніи малороссъ, землякъ, что хотя Головко и говорилъ ему, что на мѣсто Шевченка могутъ найтись 1000 другихъ, которые раздѣляютъ его мнѣнія и готовы постоять за нихъ и за правду, но кто эти лица и въ чемъ состоять ихъ мнѣнія, не объяснилъ. Объясненія Левицкаго, подтвержденныя осмотромъ его бумагъ, въ которыхъ не найдено ничего подозрительнаго, показались Дубельту настолько правдоподобными, что въ письмѣ къ гр. Орлову онъ прямо заявилъ: „что во всемъ этомъ дѣлѣ ничего важнаго быть не можетъ и что, по его мнѣнію, Головко, при либеральномъ образѣ мыслей, дабы придать себѣ болѣе важности въ глазахъ своихъ соотчичей, говорилъ имъ о тысячѣ Шевченокъ, которые существовали въ его воображеніи“. Но обманутый въ своихъ ожиданіяхъ гр. Орловъ не могъ и на этомъ успокоиться. Хотя изъ личнаго допроса Левицкаго и онъ убѣдился, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего политическаго, „но не менѣе того,—писалъ онъ Дубельту,—я буду продолжать изслѣдованіе, дабы въ столь важномъ предметѣ не упустить изъ виду ни малѣйшихъ подробностей въ томъ предположеніи, не откроется ли чего либо при сугубомъ разсмотрѣніи дѣла?“. Но и сугубое разсмотрѣніе не дало ровно ничего, и гр. Орлову не оставалось ничего больше, какъ сознаться въ своей ошибкѣ и отпустить Левицкаго. Но если Левицкій отѣлся только страхомъ, то для несчастнаго Головка это привлеченіе къ дѣлу имѣло роковой исходъ. Командированный гр. Орловымъ арестовать Головко жандармскій полковникъ Левенталь донесъ управляющему III-го отдѣленія Дубельту слѣдующее: „По прибытии моемъ на квартиру магистра Головко и по объявлѣніи ему, что онъ по Высочайшему повелѣнію арестованъ, таковой обѣщалъ немедленно одѣваться. По осмотрѣ моемъ маленькой темной комнатки его спальни, въ которой ни-

какихъ бумагъ не оказалось, онъ вышелъ, чтобы будто достать бѣлье; квартальный надзиратель стоялъ возлѣ него, а я осматривалъ бумаги, лежавшія на столикѣ; вдругъ, я услышалъ крикъ надзирателя: „что вы? что вы?“ Я оборотился и увидѣлъ, что Головко держалъ въ рукахъ пистолеты и прицѣливался въ надзирателя Столярова, который ретировался; тогда онъ прицѣлился въ меня; я только что успѣлъ подвинуться немножко отъ стола, какъ онъ выстрѣлилъ по мнѣ. Я звалъ городового унтеръ-офицера, чтобы вмѣстѣ съ нимъ его обезоружить, какъ онъ захлопнулъ дверь и сейчасъ слышенъ былъ другой выстрѣлъ. Я разломалъ двери и увидѣлъ его лежащаго на землѣ въ крови. Доктора, которые были призваны, нашли, что онъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и уже былъ мертвъ, когда они пришли.“ Узнавши объ его смерти и, можетъ быть, увидѣвши въ самоубийствѣ Головко новое подтвержденіе его преступныхъ замысловъ, гр. Орловъ приказалъ произвести строгое разслѣдованіе объ его личности и образѣ мыслей. Были тщательно разсмотрѣны оставшіяся послѣ Головко бумаги, были спрошены всѣ знающие его, начиная съ его квартирнаго хозяина. Судя поеннымъ, добытымъ этимъ разслѣдованіемъ, Головко былъ человѣкъ далеко недюжинный. Онъ велъ жизнь тихую и скромную, занимался наукой, нерѣдко посвѣщалъ знаменитаго математика, академика Остроградскаго, и собиралсяѣхать въ Англію, чтобы собирать материалы для докторской диссертации. Показанія знакомыхъ, кроме того, рисуютъ его человѣкомъ серьезнымъ, задумчивымъ, хорошо образованнымъ, читавшимъ на иѣздаческихъ иностранныхъ языкахъ, обладавшимъ даромъ слова и способнымъ привлекать къ себѣ сердца людей, какъ своей любезностью, такъ и интересомъ своей бесѣды. Знакомые Головко не скрыли, впрочемъ, что онъ отличался характеромъ крайне раздражительнымъ, такъ что по временамъ не могъ выносить никакого противорѣчія. Весьма вѣроятно, что эта раздражительность находилась въ связи съ болѣзнью сердца (аневризмъ), которымъ онъ страдалъ много лѣтъ. Тяжелыя впечатленія, осложненные хроническою болѣзнью, способствовали въ

выработкѣ въ душѣ Головко крайне мрачнаго взгляда на жизнь, отчасти навѣянаго вліяніемъ изученія пессимистическихъ доктринъ Леопарди; въ числѣ его бумагъ нашлись листки на итальянскомъ языкѣ, доказывающіе, что его мысли постоянно были устремлены къ смерти и что онъ таилъ въ своей душѣ убѣждѣніе, что для него было-бы лучше совсѣмъ не существовать.—Какъ бы то ни было, но преждевременная смерть его была важной потерей для науки, которой онъ далъ право ожидать отъ него многаго *). Можно себѣ представить, какъ страдалъ Шевченко, когда до него дошло извѣстіе о смерти Головко, какъ жалѣлъ и упрекалъ себя въ томъ, что, уничтожая передъ обыскомъ разныя письма и бумаги, не уничтожилъ злосчастнаго письма Левицкаго и тѣмъ невольно способствовалъ гибели своего даровитаго земляка и восторженного почитателя.

III.

Почтенный біографъ Шевченка М. К. Чалый (*Жизнь и произведения Тараса Шевченко*, стр. 140—143) разсказываетъ объ одномъ курьезномъ инцидентѣ, случившемся съ поэтомъ въ послѣдній прїездъ его въ Малороссию лѣтомъ 1859 года. Арестованный въ мѣстечкѣ Межиричи по обвиненію въ богохульствѣ, Шевченко былъ препровожденъ въ Киевъ, и только благодаря гуманности тогдашняго генералъ-губернатора кн. И. И. Васильчикова, дѣло это не приняло печального

*) Занимствуемъ изъ дѣлъ Харьковскаго университета слѣдующія біографическія свѣдѣнія о Головко: Николай Алексѣевичъ Головко родился 1825 г. въ быль сынъ коллежскаго асессора и мелкопомѣстнаго помѣщика волчанскааго уѣзда, Алексѣя Головко. По окончаніи курса въ частномъ пансионѣ Зимницкаго, онъ поступилъ въ 1841 г. на математическое отдѣленіе философскаго факультета; въ 1845 году окончилъ курсъ, въ 1846 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра астрономіи, а въ слѣдующемъ году (15 мая 1847 г.) защищалъ диссертацию „О падающихъ звѣздахъ“. Въ 1848 г. онъ представилъ рго *venia legendi* сочиненіе „О поляризации теплоты“. Оно помещено въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1849, № 2. За соображеніе этихъ свѣдѣній приношу глубокую благодарность проф. Харьковскаго унив. А. С. Лебедеву.

для него оборота. Посмотримъ, какъ вся эта исторія разъясняется имѣющимися у насъ подъ рукой офиціальными данными. Извѣстно, что давнишней мечтой Шевченка было пріобрѣсти себѣ клочечокъ земли въ живописной мѣстности надъ Днѣпромъ, построиться и провести тамъ остатокъ дней своихъ. „Вотъ-бы гдѣ намъ съ Вами пожить—говорилъ онъ дочери гр. Толстого,—вотъ-бы гдѣ и умереть!“ *). По просьбѣ поэта двоюродный братъ его, В. Г. Шевченко, отыскалъ весьма удобное для усадьбы живописное мѣсто близъ м. Межиричи (черкасскаго уѣзда), во владѣніяхъ помѣщика Парчевскаго, и звалъ Тараса взглянуть на него. Весной 1859 г. Шевченко былъ уже въ Киевѣ. Проживъ нѣкоторое время въ родной Кирилловкѣ, онъ отправился въ Межиричъ, чтобы поговорить съ самимъ Парчевскимъ насчетъ земли. Помѣщика онъ не засталъ дома, пришлось вести переговоры съ его управляющимъ. О дальнѣйшемъ такъ разсказывается слѣдившій за Шевченкомъ жандармскій подполковникъ Грабовскій въ своемъ донесеніи кіевскому генералъ-губернатору: „Пригласивъ къ себѣ служащихъ въ экономіи лицъ, Шевченко угождалъ ихъ водкой и въ разговорѣ съ ними, держа въ рукахъ сорванный съ липового дерева листокъ, спросилъ полѣсовщика: кто создалъ этотъ листокъ? Полѣсовщикъ отвѣталъ, что Богъ. За этотъ отвѣтъ Шевченко сталъ бранить полѣсовщика, произнося страшныя богохульства. До-прощенный по поводу изложенныхъ въ донесеніи подполковника Грабовскаго обстоятельствъ, Шевченко представилъ слѣдующее объясненіе, копія съ котораго находится при дѣлѣ. Приводимъ его цѣликомъ:

Августа 6 дня 1859 г.

„Изъ Петербурга пріѣхалъ я въ Кіевскую губернію съ цѣлью повидаться съ родственниками и пріобрѣсти небольшой кусокъ

*.) „Вѣст. Европы“ 1883, августъ „Воспоминаніе о Шевченкѣ“ К. Ф. Юнге.

земли, гдѣ-бы можно было водвориться на постоянное жительство. Когда нашелъ желаемое мѣсто между городомъ Каневомъ и селомъ Пекари, въ имѣніи помѣщика Парчевскаго, то, взявши у управляющаго его Вольскаго въ мѣстечкѣ Межиричи землемѣра, отправился туда, чтобы отмѣрить земли сколько надоно. Это случилось между 10 и 13 іюля. Землемѣръ, взяши съ собой двухъ рабочихъ, прибылъ на мѣсто, но не успѣлъ онъ кончить измѣренія, какъ пріѣхалъ братъ управляющаго и привезъ съ собой родственника землемѣра, какого-то Козловскаго, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Увидавъ такого франта между горъ и лѣса, я невольно захотѣлъ и долго еще продолжалъ посмѣиваться надъ нимъ; замѣтивъ же, что онъ не умѣеть отвѣтить на шутку шуткою, я попросилъ у него извиненія и, окончивши работу, пригласилъ его закусить подъ липу. Здѣсь же находились два рабочіе и вѣроятно слышали нашъ разговоръ, но сколько они его понимали не знаю, потому что мы говорили по-польски. Во время завтрака Козловскій завелъ со мной какой-то богословскій разговоръ на польскомъ языкѣ.—Чтобы прекратить этотъ разговоръ, я сказалъ по-русски, что теология безъ живого Бога не въ состояніи создать этого липового листка и при этомъ вырвалъ листокъ изъ липы и показалъ ему. Козловскій замолчалъ Нѣсколько минутъ спустя онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ на русскомъ языкѣ: какъ я думаю о Матери И. Христа? Подобный вопросъ меня смущилъ, и, не зная какъ ему отвѣтить на него, я въ свою очередь его спросилъ, что онъ самъ думаетъ о Пресвятой Дѣвѣ? Онъ такъ долго искалъ отвѣта, что я, не дождавшись его, съ нетерпѣніемъ сказалъ: передъ Матерью, родившей намъ Спасителя, Который пострадалъ и умеръ за насть на крестѣ, мы всѣ должны, какъ истинные христіане, благоговѣть; иначе, если-бы Она не родила Его, Она была-бы обыкновенная женщина. На другой день я выѣхалъ изъ мѣстечка Межиричи въ Городищенскій уѣздъ въ гг. Яхненко и Семиренко. Прогостили у нихъ сутки, поѣхалъ я въ мѣстечко Корсунь и въ с. Кирилловку для свиданія съ моими братьями. Оттуда я возвратился опять въ Межиричи, чтобы лично условиться съ помѣщи-

комъ Парчевскимъ о покупкѣ земли, но не дождавшись его, выѣхалъ изъ этого мѣстечка въ с. Пекари, а оттуда, переправившись черезъ Днѣпръ, пошелъ я въ село Прохоровку, полтавской губерніи, къ бывшему профессору и ректору университета Св. Владимира Максимовичу. Не дошедши нѣсколько шаговъ до его саду, меня догналъ становой приставъ съ нѣсколькими десятскими и тысяцкими и арестовалъ меня, привезъ меня въ мѣстечко Мошны, кіевской губерніи, не объяснивши причины, по какому праву онъ это сдѣлалъ. На другой день поутру въ квартирѣ станового увидался я съ черкасскимъ исправникомъ и жандармскимъ офицеромъ, которые мнѣ сказали, что будто бы я въ мѣстечкѣ Межиричѣ въ нетрезвомъ видѣ богохульствовалъ. При этомъ находились тутъ же еще какихъ-то два чиновника. Меня это такъ изумило и разсмѣшило, что я не нашелъ нужнымъ объясняться съ ними. Когда же жандармскій офицеръ сказалъ, что онъ донесетъ объ этомъ кіевскому генералъ-губернатору, то я тутъ же просилъ его взять меня съ собою въ Кіевъ, такъ какъ онъ въ тотъ же день отправлялся туда, въ чемъ онъ мнѣ отказалъ, яко бы за неимѣніемъ мѣста въ экипажѣ. На другой день, т. е. 18 июля, былъ я препровожденъ въ городъ Черкассы, гдѣ нѣсколько дней просилъ исправника, чтобы онъ отпустилъ меня на честное слово въ Кіевъ, но онъ отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ. Тогда я написалъ письмо къ вышеупомянутому жандармскому офицеру, въ которомъ изложилъ все, что теперь излагаю, предположивъ, что онъ покажетъ мое письмо генералъ-губернатору кн. Васильчикову. Исправникъ же, получивъ предписаніе кіевского гражданскаго губернатора, отправилъ меня съ соцкимъ въ Кіевъ. Не увѣряю, но предполагаю, что вся эта исторія произошла вслѣдствіе безсильного мщепія г. Козловскаго. Если не будетъ принято во вниманіе мое показаніе, то прошу въ удостовѣреніе справедливости сказаннаго мною здѣсь сдѣлать строгое разслѣдованіе". Прочтя это показаніе, выслушавъ мнѣніе чиновника, отбиравшаго его отъ Шевченка, и поговоривъ лично съ Шевченкомъ, кн. Васильчиковъ увидѣлъ, что это дѣло пустячное и умышленно раздутое; поэтому онъ счелъ своимъ долгомъ прежде

всего освободить Шевченка и послать новому шефу жандармовъ кн. В. М. Долгорукову вмѣстѣ съ копіей показанія Шевченка и свое собственное заключеніе. Разсказавъ всѣ обстоятельства дѣла, кн. Васильчиковъ прибавляетъ: „чиновникъ, отбиравшій отъ Шевченка объясненіе, ко лжескій совѣтникъ Андреевскій удостовѣряетъ, что Шевченко, сколько можно заключить изъ его наблюдений надъ нимъ и изъ суждений его о разныхъ предметахъ, преданъ безусловно вѣрѣ предковъ своихъ и что въ немъ замѣтно даже врожденное, вовсе имъ нескрываемое, пренебреженіе ко всему латинскому и польскому.—Сообразя объясненіе Шевченка, я прихожу къ заключенію, что взведенное на него обвиненіе могло возникнуть по недоразумѣнію лицъ, передъ которыми онъ вель разговоръ, или, быть можетъ, вызвано и неудовольствиемъ, возбужденнымъ имъ къ себѣ насмѣшками надъ Козловскимъ, и рѣзкимъ отвѣтомъ на разговоръ его о богословіи. Поэтому, не придавая этому дѣлу особаго значенія, я оставляю его безъ послѣдствій и разрѣшаю Шевченку, согласно выраженію имъ желанію, возвратиться въ Петербургъ. О выше изложенномъ долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія Вашего Сиятельства.“

Разъясненія кн. Васильчикова повидимому не удовлетворили кн. Долгорукова. Конечно, онъ не рѣшился подвергать сомнѣнію мнѣніе такого авторитетнаго лица, какъ кievскій генераль-губернаторъ, но не могъ удержаться, чтобы не написать на поляхъ полученной изъ Киева бумаги слѣдующихъ словъ: „Несмотря на все здѣсь изложенное, призвать Шевченка и, сдѣлавъ ему строгое внушеніе, присовокупить, чтобы онъ былъ весьма остороженъ; въ противномъ случаѣ, чтобы не пенялъ на насъ за тѣ послѣдствія, которыми онъ можетъ подвергнуться“.

Едва-ли нужно говорить, что все здѣсь сказанное было исполнено въ точности.

Н. Стороженко.

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

(*Окончанie*).

X.

Отношениe Сковороды къ народно-раціоналистическимъ сектамъ своего времени. Пѣсни Сковороды.

Не удивительно, если Г. С. Сковороду, при довольно не-определенной догмѣ его богословствованія, считали и считаются причастнымъ если не основанію, то по крайней мѣрѣ развитію одной изъ рационалистическихъ сектъ Малороссіи, именно—духоборчества. Вопросъ о томъ, насколько учение Сковороды могло содѣйствовать дѣйствительному развитію духоборчества—вопросъ пока не ясный, смутный. Г-жа Ефименко склонна защищать положеніе о вліяніи идей философа на сектантскій раціонализмъ вообще¹⁾. Ссылаясь на то, что въ архивныхъ дѣлахъ, касающихся раціоналистического сектантства на югѣ, встречаются указанія на Сковороду, думаютъ, что онъ обратилъ исключительное вниманіе свое на молоканъ и духоборцевъ украинскихъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнныя ссылки на дѣла въ архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ находимъ въ извѣстномъ сочиненіи Ливанова: „Раскольники и острожники“ (напр. дѣло 1862 г. № 32).

Сковорода, какъ знатокъ музыки, сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые церковные пѣсни на музыку. Зна-

¹⁾ Вопр. философ. и психол. 1894 г. Кн. V стр. 443.

ніемъ музыки и пѣніемъ Сковорода, можетъ быть и не намѣренno, послужилъ и для молоканъ, которые и до нынѣ нѣкоторые псалмы изъ Библіи поютъ его напѣвомъ. Ливанову, по его словамъ, случалось встрѣтить въ домахъ молоканъ, между другими, слѣдующіе стихи Сковороды, распѣваемые въ домахъ ихъ въ дни праздничные:

Всякому городу нравъ и права.
Всяка имѣть свой умъ голова,
Всякому сердцу своял есть любовь,
Всякому горду свой вкусъ есть каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ душа,
А мнѣ одно только не идеть съ ума! и пр.

Въ вышеупомянутомъ сочиненіи „Раскольники и острожники“ перечисляются тѣ печатныя сочиненія Сковороды, которые были въ большомъ употребленіи у молоканъ. Эти сочиненія: 1) „Библіотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самого себя“ (3 части С. П. Б. 1798 г.)¹⁾; 2) „Начальнаа дверь къ христіанскому добронравію“, 1766 г. (въ Сіонск. вѣст. за 1806 г.); „Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ“ (Москва 1837 г.). Журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“ въ которомъ печатались сочиненія Сковороды, былъ очень популяренъ у молоканъ. Въ свое время онъ быстро ими скапался. Цѣнность этого изданія между молоканами простиралась отъ 50 до 100 рублей. При обыскѣ домовъ многихъ молоканъ, „Сіонскій Вѣстникъ“ отбирался въ числѣ другихъ запретныхъ книгъ и отиравлялся въ консисторію. Послѣдняя обыкновенно поручала кому нибудь изъ своихъ членовъ разсмотреть эти еретическія сочиненія и дать о нихъ отзывъ. Возможно, что отъ консисторскихъ протопоповъ книги опять переходили въ руки молоканъ.

Сочиненія Сковороды, говорить Ливановъ, даже списывали профессора и ученики Духовной Академіи, старики помѣщики и тѣ досужіе люди, которые цѣнили Сковороду; нѣкоторые

¹⁾ Это сочиненіе у Сковороды имѣть другое название. „Асхавъ о познаніи себя“.

списывали и держали ихъ просто какъ произведенія человѣка, страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично. Но сознательнѣе всѣхъ списывали и читали сочиненія Сквороды наши молокане. При слѣдствіяхъ эти тетрадки пришивались къ дѣлу, какъ улики. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, Ливановъ дѣлаетъ общую ссылку на архивъ Мин. Вн. Дѣль отъ 1762—1809 годовъ. Духовные и сатирическіе канты Сквороды, переложенные на музыку, распѣвались слѣпыми бандуристами на торгахъ и перекресткахъ и попадали въ кругъ любимѣшихъ кантовъ молоканъ. Пѣснямъ этимъ внимали на торгахъ и перекресткахъ жители украинскихъ сель и мѣстечекъ, поселяне и козачество, чумаки, бурсаки и далеко неграмотные тогда мѣщане, среди которыхъ жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риѳмованныхъ произведеній своихъ, собственною личностью дѣйствовалъ на массы Скворода¹⁾.

Въ учени молоканъ были дѣйствительно стороны, которымъ не могъ не симпатизировать Скворода. Философу могли нравиться въ молоканахъ ихъ суровое презрѣніе къ роскоши, наклонность къ аскетизму. По словамъ Ливанова, „это дало клеветѣ поводъ называть Сквороду развратителемъ народа и даже начаться вѣкоторымъ секретнымъ дѣламъ противъ него (см. Арх. М. В. Д.)“.

Хотя сочиненіе Ливанова, писанное съ явно тенденціозными цѣлями, по справедливости не пользуется кредитомъ въ науцѣ, но тѣмъ не менѣе ссылки и „дѣла“, которымъ причастенъ Скворода, должны обратить вниманіе лицъ, пользующихся возможностью провѣрить, насколько справедливы указанія Ливанова и если справедливы, то въ чемъ заключаются эти „дѣла“. Разборъ этихъ дѣлъ быть можетъ открылъ-бы новые стороны жизни и мысли нашего философа.

Кстати о пѣснопѣніяхъ Сквороды. Музыка, въ которой такъ пристрастился нашъ философъ, не была случайнымъ его

¹⁾ Ливановъ: „Раскольники и острожники“, т. II, стр. 238 и 239.

занятіемъ. Напротивъ, это одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ душевнаго склада философа. Для Сковороды это была не забава, а своего рода тоническое мышленіе, звуковая логика, въ которую музыкантъ вкладывалъ наблюденіе и опытъ. Сковорода учитъ вмѣстѣ съ Сократомъ, что „совершеннѣйшая музыка есть философія“. Всѣ пѣсни Сковороды имѣютъ идеиній смыслъ. Тоны, соотвѣтствовавши той или другой пѣсни, имѣли внутреннюю логику.

Пѣсни Сковороды можно охарактеризовать разными эпитетами, но только не художественностью... Онъ почти всѣ написаны тяжелымъ, неудобоворазумительнымъ слогомъ. Для примѣра приведемъ пѣсню о счастьѣ:

„Счастье, гдѣ ты живешь?
 Горлицы, скажите!
 Въ полѣ-ли овцы пасешь?
 Голуби, возвѣстите!
 О счастье, нашъ ясный свѣтъ!
 О счастье, нашъ красный цвѣтъ!
 Ты, мати, намъ покажися!
 Счастье, гдѣ ты живешь?
 Мудрые, скажите!
 Въ небѣ-ли ты пиво пьешь,
 Книжники, возвѣстите!
 О счастье, нашъ ясный свѣтъ, и т. д.
 Книжники вѣдь всѣ молчатъ,
 Птицы тоже всѣ нѣмы,
 Не говорять, гдѣ есть матери,
 Мы же сами не вѣмы.
 О счастье...
 Счастья нѣтъ на землѣ,
 Не обрящешъ мя извѣй“....

Это одна изъ болѣе выдержаныхъ и складныхъ пѣсень Сковороды. Но это не пѣсня, а скорѣе пѣсонопѣніе, украшенное риторическими метафорами и не заключающее въ себѣ ни капли поэзіи. Здѣсь звучитъ „серезная нота морали“ (Багалѣй). Ско-

вороду невозможно отнести къ числу поэтовъ. Поэтическое настроение его никогда не могло возвыситься до истинно-художественного порыва. Этому мѣшалъ теоретический анализ Сковороды, его логически-критическое умонастроение. Этому мѣшала сколастика кіевской бурсы, оставившая замѣтный слѣдъ на всѣхъ сочиненіяхъ и мысляхъ Сковороды. Вотъ почему его пѣсни всегда мечтательно — серьезны, разсудочны, его остроуміе тяжеловатое, придуманное. Острота Сковороды цѣпляется за логику и только подъ этимъ условиемъ валетаетъ иногда выше обычного уровня; его изреченія, въ которыхъ онъ пытался высказать себя со стороны юмора, нѣсколько странни, а нѣкоторыя даже непонятны. Справедливо замѣчаетъ проф. Багалѣй, что „умъ его никогда не былъ игривымъ“ (соч. Сковор. стр. VII).

Конечно, поэзія была доступна ему лишь какъ психологическое настроеніе, но не какъ творчество.

Дѣйствія его пѣсни стали особенно популярны, благодаря, кажется, популярности „Наталки - Полтавки“, въ которую онъ вставлены Котляревскимъ. Другихъ пѣсенъ, особенно распространенныхъ въ народѣ, изслѣдователи указываютъ очень немного, хотя и много говорять о вліяніи Сковороды на народъ, подобно Ливанову. Думаютъ, что духовныя пѣсни, канты и пѣсни были распространены друзьями Сковороды по всей Малороссіи, или, быть можетъ, онъ самъ диктовалъ ихъ своимъ друзьямъ по ихъ просьбѣ, во время своихъ частныхъ путешествій. Какъ бы то ни было, можно утверждать, что пѣсни съ религіознымъ мотивомъ болѣе привились въ народѣ, чѣмъ пѣсни не духовнаго содержанія. Духовныя пѣсни, удовлетворявшия умонастроению народа, болѣе отвѣчали его запросамъ. Строгая мораль съ замѣтнымъ аскетическимъ оттенкомъ, проникающая религіозныя пѣснопѣнія Сковороды, соотвѣтствовала кореннай чертѣ малоросса — скептическому равнодушію къ мірской суетѣ и потому находила откликъ въ народной душѣ. Вполнѣ возможно, поэтому, что пѣснопѣнія Сковороды особенно привились у тѣхъ сектантовъ слободской Украины, которые усвоили себѣ аскетическую доктрину. Отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ,

что идеи Сквороды были молоканскія. Во всякомъ случаѣ, предположеніе, что Скворода подготовилъ своимъ философствованіемъ почву для народнаго раціонализма тамъ, гдѣ она была не подготовлена, и содѣйствовалъ развитію свободомыслія тамъ, гдѣ почва для этого была приготовлена, никакъ не противорѣчить всему, что извѣстно о Сквородѣ. Если же къ этому прибавить нѣкоторое сходство идеи Сквороды съ идеями молоканъ, то это предположеніе можетъ получить еще большую опору.

XI.

Мистицизмъ Сквороды. Скворода, какъ обличитель общественныхъ предразсудковъ.

Былъ-ли Скворода мистикомъ?

Этотъ вопросъ естественно задаютъ изслѣдователи философіи Сквороды и приходить иногда къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Одни видятъ въ Сквородѣ крайняго мистика и склонны думать, что энтузіазмъ Сквороды простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно было почесть его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія¹⁾). И дѣйствительно, многія неудобовразумительныя аллегоріи, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Сквороды (напр. въ „Ізраильс. Зміѣ“, въ „При бѣса съ Варсаново“ и др.) служатъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого взгляда. Другіе, напр. г-жа Ефименко, отрицаютъ его наклонность къ мистицизму и объясняютъ всѣ эти неудобовразумительныя мистико-туманныя аллегоріи его своеобразнымъ языкомъ.

Сопоставляя туманно-мистический характеръ многихъ мѣстъ сочиненій Сквороды съ обстоятельствами его жизни, должно признать, что Скворода былъ очень склоненъ по природѣ

¹⁾ Ливановъ: „Раскольники и острожники“, т. II стр. 237.

къ мистицизму. Но проза жизни, трезвая классическая литература, которой онъ во-время занялся, и путешествіе заграницу отрезвили его и вывели его умъ на болѣе или менѣе здоровую дорогу. Онъ жилъ двумя настроеніями: разсудочными и сердечными. Когда сухой, отвлеченный раціонализмъ не удовлетворялъ его, онъ предавался внутреннему самоуглубленію, входилъ въ область мечтательности и, какъ сообщаютъ его бiографы, по нѣсколько часовъ просиживалъ иногда надъ Днѣпромъ, въ экстасическомъ оцѣпенѣї созерцая проявленіе божества въ природѣ. Многія странности Сковороды прямо вытекали изъ его мистической настроенности.

Какъ известно, Сковорода вѣрилъ снамъ и предчувствіямъ. „Обильное воображеніе вело его не рѣдко въ область изступленія и дѣлало отчасти суевѣромъ“, замѣчаетъ одинъ изъ его бiографовъ (Гесь-де-Кальве). Мы не имѣемъ основаній не признавать справедливости этого свидѣтельства.

Впрочемъ, какъ справедливо замѣчено уже, „рѣшенія вопросовъ о томъ, былъ-ли Сковорода, главнымъ образомъ, мистикъ, или-же преимущественно раціоналистъ, или то и другое вмѣстѣ, и какъ сочетались въ его воззрѣніяхъ эти (а также и и другіе могущіе оказаться въ нихъ) элементы,—не являлся-ли его мистицизмъ, напр., привычкой, первоначально вызванной неопределенно-внѣшними условіями, а затѣмъ прихотливо сочетавшейся съ другими иногда противоположными ему элементами,—окончательного и полнаго рѣшенія этихъ вопросовъ надо ждать отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій“¹⁾.

Какъ общественный дѣятель, Сковорода былъ педагогомъ, для которого свободное учителство было не профессіей, а результатомъ чистаго нравственного побужденія. „Обучатися и купно обучати братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ моихъ успокоеніе“. Въ частности, относительно воспитанія дѣтей, онъ былъ убѣжденъ, что это воспи-

¹⁾) „Вопр. филос. и психол.“ 1895 кн. 4 (29) стр. 510.

тание должно быть полное и затрагивать всѣ стороны человѣческой природы: умственную, нравственную, эстетическую и физическую. Такой взглядъ не былъ еще ясно сознанъ въ педагогической литературѣ того времени, и къ Сквородѣ прислушивались, какъ къ новатору.

Это былъ пропагандистъ новыхъ идей, проводникъ прогрессивной мысли, вѣровавшій въ лучшее будущее, въ „новаго Израиля“, въ „царство Божіе“, и съ энтузіазмомъ возвстававшій во имя этой вѣры противъ суевѣрій и предразсудковъ. Его слово было струей здороваго воздуха въ нездоровой общественной атмосферѣ, насыщенной угаромъ нелѣпыхъ предразсудковъ. „Согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ разгорается огонь, говоритъ онъ убѣжденно съ истинно пророческимъ вдохновеніемъ, ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца и не для того только, чтобы говорить“...

„Нѣть смертоноснѣе для общества явы, говорить онъ, какъ суевѣріе“... Атеизмъ онъ считалъ явленіемъ менѣе опаснымъ, чѣмъ суевѣріе... „Нѣть желчи и жестоковынѣе суевѣрія и нѣть дерзновенїе, какъ бѣшенность, разжженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ—тогда, когда сія ехіда, предпочитая нелѣпныя и нестаточные врачи надъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонить своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносити Богу“. „Говорятъ суевѣру: слушай, другъ! Нельзя сему статься... Противно натурѣ... Но онъ съ желчью вопіеть во весь опоръ, что для Бога все возможно... Дѣтское сіе есть мудрованіе, обличающее непостоянность блаженныя натуры: будто она когда-то и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ... Возстать противъ царства натуры и ея законовъ—сія есть несчастная, исполнская дерзость; какъ-же могла сама возстать на свой законъ блаженная натура?“ и т. п. Онъ проопровергдалъ о горнемъ Іерусалимѣ, гдѣ не будетъ „вражды и раздора, гдѣ все общее, гдѣ общество будетъ въ любви, любовь въ Богѣ, Богъ въ обществѣ“, и его проповѣдь дышала тѣмъ

священнымъ пламенемъ мистического энтузіазма, который „жжеть сердца людей“.

Онъ возмущался кастовымъ положеніемъ ученыхъ, требовалъ равноправного свѣта науки. „Знаніе, говоритъ онъ, не должно узить своего изліяння на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и обжираются, но должно переходить на весь народъ и вodorотиться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: „и я человѣкъ и мнѣ, что человѣческое, не чуждо““. Онъ возмущался полуученостью и сатирически обличалъ тѣхъ мудрецовъ, которые „устами бочутъ, устами гогочутъ... измѣняются, какъ луна, беспокоятся, какъ сатана... алчны, какъ песь, жадны, какъ водная болѣзнь... постоянны, какъ море, вѣрны, какъ вѣтеръ, надежны, какъ ледъ, разсыпчаты, какъ прахъ, исчезаютъ, какъ сонъ. И они—люди?... Но сколь много есть головацкихъ, восклицаетъ Сковорода, у нихъ—же нѣтъ головы!“.

Во имя разума Сковорода осуждалъ крайне-утилитарное направлениe умовъ, протестовалъ противъ узко-матеріалистического склада жизни. „Нынѣ, говоритъ онъ, измѣрили море, землю, воздухъ, небеса и обезпокоили брюхо земное ради металловъ; размежевали планеты, доискались на лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, нашли закомплектныхъ міровъ несчетное множество; строимъ непонятны машины; засыпаемъ бездны; воспрягаемъ и привлекаемъ стремленія водныхъ. Боже мой! чего мы не умѣемъ, чего не можемъ? Но то горе, что при всемъ томъ, кажется, чегосъ великаю недостаетъ“... Философъ не доказалъ чего же именно.

XII.

Общественно-воспитательное значеніе Сковороды.

Сковорода вращался, главнымъ образомъ, въ двухъ сферахъ:—въ обществѣ средняго сословія — помѣщиковъ, дворянъ, и въ средѣ низшаго крестьянскаго люда Малороссіи. Въ той и

другой сферѣ его мысли имѣли вліяніе. Воспитательное значеніе Сковороды для средняго полуобразованнаго общества заключается въ томъ, что онъ съ истинно - пророческимъ вдохновеніемъ пробуждалъ въ немъ самосознаніе, критическое отношеніе къ явленіямъ жизни, заставляя помѣщиковъ - сибаритовъ, разныхъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей, вдумываться въ сколько въ свою жизнь и видѣть въ ней не одно яденіе арбуза.

Всѣ изслѣдователи приписываютъ Сковородѣ вліяніе на открытие Харьковскаго университета. Указываютъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что между жертвователями на открытие первого малорусскаго университета находятся все знакомые Сковороды. Если признать тутъ вліяніе, то нельзя не сказать, что оно слишкомъ „косвенное“. Харьковскій университетъ, безспорно, открылся бы и безъ Сковороды. Но нельзя отрицать, что представители интеллигентнаго дворянства Слободской Украины: Квитка, Розальонъ-Сошальскій, Донецъ-Захаржевскій, Ковалевскій, Коваленскій, Щербининъ (харьковскій губерн.), Урюпинъ (харьковскій голова) и др. обязаны лучшими минутами умственной своей жизни этому чудаку - философу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Урюпину Сковорода увѣщевалъ его не-премѣнно слѣдовать по пути „доброй славы“, которая „лучше мягкаго пирога“. „Не думай, друже, писаль Урюпину Сковорода, что добрая слава есть то же, что пустозвонный мірской газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Да не хвалится премудрый премудростю своей!...¹⁾“. „Въ Израильскомъ Змії“ Сковорода побуждаетъ дворянъ (единственный сравнительно-мыслящій классъ людей того времени — послѣ духовенства) заняться любомудріемъ. Но, увы, потомки дворянскихъ родовъ, съ которыми приходилось сталкиваться Сковородѣ, едва ли долго помнили философа. „Культурные люди

¹⁾ Истор. Вѣст. 1897 г., Янв., 336. „Украинск. Старина“. Очерки, замѣтки, материалы изъ стародавнаго харьковскаго быта и культуры. Проф. Багалѣя. Харьковъ 1896 года.

края, говорить г-жа Ефименко, успѣли забыть его довольно основательно“¹⁾). Благодаріе въ этомъ отношеніи память народа.

Воспитательное значеніе Сковороды для народа могло опредѣляться его свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, тѣмъ его просвѣтильнымъ оптимизмомъ, который онъ вселялъ въ среду крестьянина, ведущаго безпросвѣтно-тяжелую, безсмысленно-трудовую жизнь. „Большой народъ спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ“, но Сковорода вѣрилъ, что „всякъ сонъ есть пробудный и кто спитъ, тотъ не мертвичина и не трупище околѣвшее“, и онъ, какъ умѣлъ, старался шевелить этого соннаго богатыря, умѣлъ каждого ободрить, поселить въ руку лучшее. Онъ самъ былъ убѣжденный народный учитель добра. „Претрудно быть злымъ, легко быть благимъ“, училъ онъ народъ съ свѣтлой надеждой на лучшее. Онъ предлагалъ народу „млеко“ соотвѣтственно его развитію... Онъ зналъ, что нужно народу, и вѣрилъ, что „всякое дѣло спѣть собой“. „Клубокъ самъ собой покатится съ горы, отними только ему препятствующій камень. Не учи его катиться, а только пособляй“. Впрочемъ, фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе вліянія філософії Сковороды на простой народъ мы еще не имѣемъ. Быть можетъ, эти данные представить намъ впослѣдствіи полная біографія Григорія Саввича. Д. И. Багалъ, опираясь на воспоминанія Лубянского и Срезневскаго о Сковородѣ, говоритъ, что „нравственное вліяніе Сковороды на простой народъ было очень благодѣтельно“.

Біографія Сковороды и характеръ его сочиненій показываютъ, что онъ хотѣлъ быть не просто філософомъ, но народнымъ філософомъ. Онъ желалъ своими разсужденіями будить косную народную мысль. Для этой цѣли онъ старался употреблять иногда популярныя, простонародныя разсужденія и доводы.

Не безъ добродушной ироніи называлъ онъ себя „Публикой“, а свое ученіе—„блѣмы на черной сковородѣ“, или „простонародной плеткой, тканкой“, которую предлагалъ на дорогахъ, на базарѣ въ праздничные дни, когда скачеть

¹⁾ „Недѣля“, 1894 г. 1 кв.

,,пьяная воля“ на поляхъ, гдѣ „въ бездождіи потъ поливаетъ нивы“, по кладбищамъ, церквамъ и вездѣ, гдѣ находилъ слушателей. За эту „плетку“, „тканку“ его особенно не любили тѣ чопорные представители интеллигентнаго общества, которые предлагали, что истинное ученіе должно быть предлагаемо въ изящной формѣ, чуждой вульгарности и рѣзкости. Таковъ, между прочимъ, былъ Вернетъ, который называлъ Сковороду „необдѣланнымъ дорогимъ камнемъ“. Сковорода не оставался въ долгу у изящнаго Вернета и обозвалъ его „мущиною съ бабскимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ“.

Тяжеловѣсные слитки философскаго знанія, малодоступные публикѣ, онъ хотѣлъ перечеканить и расцѣнить на обыкновенную ходячую монету, сдѣлать ее достояніемъ по возможности большаго круга людей. Нельзя сказать, чтобы это ему удалось, но во всякомъ случаѣ самая попытка къ популяризаціи философскаго знанія въ XVIII в. заслуживаетъ изученія и дѣлаетъ жизнь Сковороды цѣлымъ подвигомъ; особенно, если принять во вниманіе, что и нынѣ популяризація знанія—вопросъ, не далеко ушедшій отъ временъ Сковороды.

Сковорода—замѣчательный представитель глухой, неравной, но упорной борьбы личности съ обществомъ. Этотъ человѣкъ жилъ личнымъ субъективнымъ идеаломъ. Онъ тщательно разобралъ теоретическія основы этого идеала и настойчиво старался проводить его въ жизнь. Но онъ не зналъ, что такое среда съ ея требованіями, компромисами, приспособленіями. Онъ вѣрилъ въ силу своего идеала больше, чѣмъ въ силу общества съ его косностью и препонами. Въ этомъ заключалось трагикомическое положеніе Сковороды, какъ общественнаго дѣятеля.

Личность задумала научить или, лучше, переиначить, перевоспитать общество. Но тщетно. Общество не поддавалось перевоспитанію. Непризнанный реформаторъ—„чудакъ“—уходилъ изъ общества побѣжденный, но не сдавшійся, не сраженный... Залѣчивъ свои раны въ какой нибудь пасѣкѣ, въ усадѣбѣ, своеобразнымъ мистико-поэтическимъ настроеніемъ, онъ снова шелъ въ то же общество, снова боролся и снова уходилъ съ клеймомъ неуживчиваго человѣка, но съ незалятанною совѣстью и съ

тѣмъ свѣтлымъ, радостнымъ сознаніемъ долга, которое позволяло ему смотрѣть на жизнь, какъ на радость. „Я радуюсь, говорилъ онъ, а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни“. Не каждый съумѣеть вынести такую борьбу, не у каждого хватитъ для этого силы духа, крѣпости воли. Въ этой неизреклонной крѣпости духа, гордости воли и заключается нравственное величие Григорія Саввича. Онъ хотѣлъ жить такъ, какъ говорилъ, и если это ему не удавалось, то потому, конечно, что столь идеальнымъ, прогрессивнымъ убѣжденіямъ, какія хотѣлъ Скворода провести въ жизнь, общество съ своими непреодолимыми навыками всегда представляло достаточное противодѣйствіе.

Почему-то думаютъ, что „Скворода не искалъ ни славы, ни уваженія“,¹⁾ словно въ желаніи прославиться есть нечто предосудительное, несогласное съ нравственнымъ обликомъ человѣка.

Скворода вовсе не былъ чуждъ самолюбивыхъ стремленій. Изображая изъ себя отшельника-странника, онъ въ то же время чутко и самолюбиво прислушивался къ тому, что о немъ говорятъ. Если онъ не печаталъ своихъ произведеній, то не потому, что не желалъ видѣть ихъ пущенными въ читающее общество, а потому, что не имѣлъ средствъ прибѣгнуть для распространенія своихъ идей къ помощи типографскаго станка. Извѣстно, что онъ ничего не имѣлъ противъ списыванія его сочиненій и самъ охотно популяризовалъ свои идеи въ обильной перепискѣ съ друзьями. Популярность, которую онъ по справедливости пользовался, была однимъ изъ сильнейшихъ мотивовъ его философскихъ странствованій. Его частныя удаленія изъ общества обусловлены были, конечно, мотивами внутренняго характера, но этимъ мотивамъ нисколько не противорѣчило то эгоистичное внутреннее удовлетвореніе, которое испытывалъ Скворода отъ сознанія, что о немъ говорятъ, что его мысли разбираются, толкуются, что о немъ судятъ и такъ, и сякъ. Замѣчательно, что онъ уходилъ отъ общества всегда съ нѣкоторой демонстраціей, т. е. произведши иѣкоторое впеча-

¹⁾ „Укр. Стар.“ 36 стр.

тлѣніе, оставивъ послѣ себя извѣстный слѣдъ, который, онъ зналъ, не скоро заметутъ языки... Онъ знаетъ, когда нужно уйти отъ общества. Вообще, онъ былъ, какъ говорится, „себѣ на умѣ“... Этимъ объясняются отчасти и его причуды. Срезневский говоритъ о Сковородѣ: „глаза его блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная, но тутъ-же, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и чудная гримаса, и чудная ужимка... говорить умѣеть и любить, и говорить иногда, какъ добрый украинецъ; за то умѣеть и подурячить другихъ вмѣстѣ самимъ собою и ученостью, и умомъ, и благочестіемъ, и часто уловками пронырливаго попрошайки“¹⁾.

XII.

Сковорода и его эпоха. Заключительныя замѣчанія.

Если - бы потребовалось однимъ словомъ охарактеризовать времена Григорія Саввича Сковороды, то мы бы назвали эту эпоху временемъ броженія, новоустройства во всѣхъ сферахъ общественнаго быта Слободской Украины, въ которой преимущественно жилъ и дѣйствовалъ украинскій философъ. Это было время приспособленій, перемѣщеній, незримой переформировкіи общественныхъ элементовъ въ краѣ.

Въ государственно - административномъ отношеніи Слободская Украина, — край малонаселенный и почти дикій, — постепенно принимала видъ благоустроенной страны. Къ этому были направлены всѣ государственные мѣропріятія того времени. Въ это время (1765 г.) формировалась „Слободская Украинская губернія“ (съ ея подраздѣленіями на провинціи и комисарства), переименованная черезъ нѣсколько лѣтъ въ „Харьковское Намѣстничество“ (1780 г.). Это было время передвиженія народ-

¹⁾ Сочин. Сковор. стр. XVII.

ныхъ массъ на плодородные, малонаселенные пустыри... Сюда спѣшили и бродачіе элементы населенныхъ странъ, и тѣснимые поляками поселянє „того бочной“, Заднѣпровской Украины. Здѣсь завязывались свободныя хоziйства на вольныхъ грунтахъ... Богатые заливные луга, пасѣчныя угодья, лѣса представляли со-бою благодатную почву для привольной жизни, не стѣсняемой пока ни угнетеніями барства, ни земельными подушными окладами, которые въ то время вводились (и то не на всѣхъ, а лишь на войсковыхъ обывателей). Воинственная традиція гет-манщины постепенно отдалялась, теряли силу свѣжаго воспоминанія и переходили въ преданіе, давая мѣсто новымъ политическимъ понятіямъ и стремлѣніямъ. Козачество, коренной политический элементъ края, постепенно переходило частью на почву земледѣльческаго класса или чумаchestва, частью реформировалось въ полки великокорусскаго строя.—Лишь шайки запорожцевъ—„рыцарей прадидовщины“—по старой памяти не переставали изрѣдка беспокоить жителей своими набѣгами, но эти набѣги имѣли теперь уже видъ не войны, а разбоевъ при серьезныхъ случаяхъ и шалости—при легкихъ.

Общества, въ смыслѣ класса людей, связанныхъ между со-бою какими-либо культурными интересами, въ изображаемую нами эпоху не было, а было лишь смѣщеніе разнородныхъ, не-установившихся случайныхъ людей, очутившихся другъ съ дру-гомъ въ случайному сосѣдствѣ. Тутъ были туземные запорожцы, знавшіе Сѣчь, отставные вояки, помнившіе удалые походы времень Петра I, и прислаенные администраторы—чиновники. Молодое великокорусское чиновничество переплеталось тутъ съ ста-рыми войсковыми писарями... Старое дворянство, имѣвшее, впрочемъ, въ краѣ немногого представителей, предпочитало сиба-ритствовать и вести рѣдкую по своей неподвижности, празд-ную жизнь. Новое дворянство, формировавшееся изъ козацкой старшины, не опредѣлилось еще въ своемъ сословномъ быту, хотя и заявило уже свои права на барство и на хозяйственное преимущество въ краѣ. Совершенно особнякомъ стояли при-

вольные мелкопомѣщичи хутора съ „липовыми покоями, которые по сту лѣтъ слишкомъ пребывали невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы“¹⁾.

О систематическомъ просвѣщеніи въ описываемое время, конечно, не можетъ быть и рѣчи. „Чары Цирцеи“, навѣянныя въ сѣверной Руси эпохой Екатерины II, не коснулись Слободской Украины.... Въ краѣ не было ни гимназій, ни школъ.... Единственный пріютъ книжной образованности—„Харьковскій духовный коллегіумъ“ былъ лишь напоминаніемъ школьнай образованности, первой залетной птичкой, которая одна еще весны не дѣлаетъ. Церковныя школы давали слабыя начала знанія. Духовенство все еще оставалось въ положеніи самаго образованнаго класса. Но оно жило наслѣдственнымъ запасомъ фамильныхъ преданій и не допускало прогресса идей. Важнымъ условіемъ для развитія мыслей Сковороды было то обстоятельство, что тогда не было еще развито ученіе о фатализмѣ зла и о трагикомической пустотѣ человѣческой жизни, ученіе, составляющее философскую моду нашего времени.

Какъ и во всякое переходное время, въ Слободской Украинѣ второй половины XVIII вѣка было много дерзкихъ проходимцевъ, авантюристовъ, умѣвшихъ извлечь свои выгоды изъ неопределеннаго положенія страны. Поборы, взяточничество, насилия разнаго рода развились въ высшей степени. Крупныя власти брали крупныя взятки деньгами и натурою, кто помельче—бралъ мелкую взятку. Опекуны грабили опекаемыхъ... Все это совершалось открыто и часто безнаказанно.

Педагогическія условія страны сказались въ томъ своеобразномъ складѣ народнаго учительства, который традиціонно вошелъ въ духъ малорусскаго общества и сроднился съ нимъ.

Педагогъ второй половины XVIII в. представлялъ собою явленіе во многихъ отношеніяхъ любопытное. Онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ обязанности—и гувернера, и учителя, и няньки, и

¹⁾ Українск. Старина. Матеріали для історії української літератури и народ. образ. Данилевскаго. Харьковъ 1866 г. стр. 5.

домашняго управляющаго, и балагура-собесѣдника. Директоръ Новгор.-Сѣверск. гимназіи И. Ф. Тимковскій вспоминаеть о своемъ учителѣ — губернера такимъ образомъ: „онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бояка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ“¹⁾). Чтобы ученикъ не бѣжалъ отъ грамматики, его привязывали длиннымъ полотенцемъ къ столу. Письмо практиковалось на черныхъ дощечкахъ, на которыхъ писали или мѣломъ, или бѣллами (особый составъ, извѣстный должно быть лишь педагогамъ XVIII вѣка).

Главными педагогами въ краѣ были дьяки. Чего они не умѣли сообщить, то въ совершенствѣ доучивалось при помощи семинаристовъ, которые имѣли въ Малороссіи значительную, — хотя и невыясненную еще, — воспитательную роль. Гоголь въ „Віѣ“ угадалъ очень вѣрную исторически-типичную сторону старо-малорусской педагогіи, когда выставилъ трехъ путниковъ украинскихъ семинаристовъ, путешествующихъ по селамъ Малороссіи и незамѣтно распространяющихъ сѣмена знанія въ странѣ.

Бродячіе педагоги безъ различія возраста были кореннымъ, хотя и неоригинальнымъ явлениемъ исторической Малороссіи. При своемъ демократическомъ строѣ, Малороссія не знала аристократіи ума, связанныаго съ тѣмъ или другимъ званіемъ, со словиемъ. Малороссы привыкли смотрѣть на образованіе не какъ на привилегію какой нибудь касты, а какъ на законное достояніе всѣхъ. Вотъ почему въ ней постоянно находили и теперь еще находятъ пріютъ разные старые заштатные премудрые дьяки, отставные дряхлые капраны, умудренные приключеніями и опытомъ, старцы-вищіе, кобзари, школяры-эпетенты и др. И каждого малоросса готовъ на досугѣ слушать, сохраняя при себѣ право критического отношенія къ рассказамъ, по пословицѣ: „чужихъ людей слухай, а свій розумъ май“²⁾. Особеннымъ почетомъ и уваженіемъ пользовались въ народѣ „старцы“. И въ настоящее время въ Малороссіи слово „старецъ“, „дядь“ не

¹⁾ Українск. Старина. Харьковъ 1866 г. 7 стр.

всегда значитъ нищій, а въ прежнее время слово „старецъ“ было полнымъ омонимомъ народнаго мудреца, умудренаго самимъ опытомъ, долголѣтней жизнью. Сковорода не безъ основанія подписывался „старецъ Варсава“, „старчикъ“, т. е. бродячій философъ, народный мудрецъ. И эти движущіеся философы—чудаки, мыслители — самородки были необходимы въ общей экономіи народной жизни. Это „перекати-поле“, съмя, несущееся вѣтромъ обстоятельствъ, не знающее, гдѣ, на кого оно упадеть и какой принесетъ плодъ...

Сопоставляя черты жизни нашего философа съ характеромъ эпохи, легко можемъ уяснить себѣ нѣкоторыя особенности въ жизни Сковороды.

Во-первыхъ, понятными становятся передвиженія его и тотъ радушный пріемъ, какой онъ находилъ вездѣ, куда бы ни приходилъ. Григорій Саввичъ былъ типичношшимъ представителемъ бродячаго малорусскаго духа.

Во-вторыхъ, въ обстоятельствахъ его времени находится объясненіе для себя и та часть его философіи, которая направлена къ обличенію предразсудковъ и суевѣрій, царствовавшихъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Наконецъ, въ-третьихъ, особенности языка и стилистики сочиненій Сковороды удовлетворительно объясняются тоже характеромъ времени Сковороды и того школьнаго образованія, которое онъ, получилъ въ Кіевской академіи.

О первыхъ двухъ особенностяхъ мы достаточно говорили. Остановимъ свое вниманіе на послѣдней чертѣ философа—оригинальности его языка.

Сковорода былъ воспитанникомъ Кіевской бурсы и заплатилъ большую дань своей almae matri стилемъ своихъ произведений. Біографы изслѣдователи отдаютъ должную дань „силѣ и разительности“ (Снегиревъ) слога Сковороды, но не скрываютъ и недостатковъ его языка. Они находятъ языкъ печатныхъ произведеній Сковороды тяжелымъ, страннымъ, неудоборазумительнымъ, запутаннымъ, исполненнымъ разныхъ провинціализмовъ; и не безъ основанія одинъ изъ почитателей философіи Сковороды (Хиж-

деу), желая издать сочиненія философа, въ то же время задумалъ составить и словарь его мудреныхъ реченій. Другой почитатель Сковороды (К. Я. Сергѣевъ) совѣтовалъ даже издать всѣ творенія его въ переводѣ, дабы странная смысль его языка не „испугала многихъ читателей („Сочин. Сковороды“ стр. XIX). Испугаться, правда, было чего... Дѣйствительно, языкъ Сковороды—это какое-то странное глаголаніе съ примѣсью полуславянскихъ, полународныхъ, полулатинскихъ, польскихъ и даже еврейскихъ реченій,—тотъ своего рода волапюкъ, на которомъ иные образованные люди конца прошлого вѣка считали нужнымъ выражаться, чтобы быть умными, чтобы дивить своихъ слушателей мудреными рѣчами. Сковорода не чуждъ былъ этого предразсудка. Онъ различалъ стили рѣчи и, безспорно, раздѣлялъ убѣжденіе своихъ соотечественниковъ, что о возвышенномъ должно говорить возвыщенно. Онъ предпочиталъ иногда облечь свои мысли въ загадочно-тайную, школьную форму аллегоріи, ученой фабулы, и часто самая простая, обыкновенная мысль выражалась имъ въ вычурной, сколастической формѣ, напр.: „нѣть вѣрнѣе, сирѣчь полезнѣе и величественнѣе, какъ познать самого себя... Отсюда рождается благословенное иное царство владѣть собою могти“. Всѣдствіе неясности языка, многія мѣста его произведеній остаются съ загадочнымъ смысломъ. Даже басни и притчи его (гдѣ, казалось бы, можно быть вполнѣ естественнымъ, народнымъ) носятъ неудобовразумительную форму и малодоступны для народнаго чтенія. Читая басни и пѣсни Сковороды, невольно думаешь, что видишь предъ собою какіе то неудачные переводы съ чуднаго оригинала.

Духъ времени вынуждалъ Сковороду писать иногда такимъ стилемъ. Нужно еще удивляться, что Сковорода, прошедшій сколастическую школу Кіевской академіи, не вполнѣ былъ неудобопонятъ въ своихъ вычурныхъ произведеніяхъ. Многія мѣста его сочиненій показываютъ, что Сковорода недурно владѣлъ чисто-народнымъ малорусскимъ языккомъ. При томъ же біографія его свидѣтельствуетъ, что онъ былъ незамѣнимый собесѣдникъ и балагуръ въ обществѣ. Значитъ, онъ могъ, когда хотѣлъ, го-

ворить прямо и народно. Уступая лишь модѣ, онъ выражался туманно - приговенно. Какъ человѣкъ талантливый, стоявшій нѣсколько выше своего общества, Сковорода умѣлъ говорить двоякимъ языккомъ—то простымъ и яснымъ, то тяжелымъ, философскимъ языкомъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ спрашиваетъ: „Что есть древо жизни?“ — И отвѣчаетъ: „Посреди плоти нашей“.—„Что есть древо жизни?“—„Есть законъ ума“.—„Что есть законъ ума?“—„Свѣтъ тихій славы Безсмертнаго Отца Небеснаго“. Или: „спортивъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойно есть нашего почтенія и любви въ вѣкъ вѣковъ“¹⁾). Мысли—простыя, а форма темная. Г-жа Ефименко думаетъ, что „Сковорода, по обстоятельствамъ времени и мѣста, былъ самъ творцомъ своего языка“. Это справедливо. Нѣкоторыя слова—особенно составныя—обязаны своимъ происхожденiemъ Сковородѣ.

Вѣшняя форма произведеній Сковороды оказала все-таки немаловажную услугу для его популярности. Издавна замѣчено, что люди, загадочно выражаютіе свои мысли, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, привлекаютъ къ себѣ слушателей. А полуобразованное общество боготворить такихъ лѣдѣй, принимая загадочность ихъ оборотовъ рѣчи за признакъ глубокой мысли и ума. Издавна подмѣчена слабость малоразвитыхъ людей бѣжать на всякую загадку, на все новое, необыкновенное, хотя, быть можетъ, и простое и ясное въ своей сущности.

Но нравственно-философское величіе Сковороды опиралось, конечно, не на одной этой слабости общества. Общество, угадывая въ туманныхъ реченіяхъ Сковороды признаки великаго ума, не ошибалось. На этотъ разъ его слабость послужила не мишурѣ, а настоящему творцу мысли.

Сковорода, какъ мыслитель, говоритъ А. Ефименко, слишкомъ долго и слишкомъ несправедливо былъ въ полномъ забвѣніи. Изслѣдователь опасается, какъ-бы волны житейскаго моря съ ихъ непрерывнымъ миражемъ все новыхъ, пестрыхъ и за-

¹⁾ Вопр. филос. и псих. Ноібрь 1894 г. 421.

хватающихъ интересовъ, снова не захлеснули этой фигуры, которой не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя¹⁾“. Другой писатель высказываетъ убѣженіе, „что на этомъ не остановится изученіе такой крупной и цѣльной личности, такого замѣчательного культурнаго типа, какимъ былъ Скворода. Что интересъ къ этой личности возникъ только въ послѣднее время, это объясняется, конечно, какъ случайными обстоятельствами (напр., истекшимъ столѣтіемъ со дна его кончины), такъ и цѣлымъ рядомъ тѣхъ внѣшнихъ причинъ, въ какихъ находилось изученіе такого рода личностей и вопросовъ въ прежнее время. И теперь еще сочиненія Сквороды доступны публикѣ не въ полномъ видѣ“²⁾.

Пріятно вѣрить, что надежды исполняются, хотя данныхъ для осуществленія этихъ надеждъ и нѣтъ. Ничто не предвѣщаетъ, чтобы изученіе этой личности подвинулось впередъ. Изслѣдователи боятся, какъ-бы „волны житейскаго моря не захлеснули этой фигуры“... А мы скажемъ такъ: пусть волны хлещутъ,—въ этомъ и жизнь. Если-же та или другая фигура можетъ быть ими захлеснута,—виноваты въ этомъ не волны. На пьедесталахъ философской сильной мысли не нужны намъ такія фигуры, которая разрушаются волнами. Даѣше, если этой фигурѣ „не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя“, то никакія усиленія современныхъ философовъ не создадутъ условій для поднятія этого знамени.

Дитя юга, воспитанное въ живописной Малороссіи, прошедшее школу школьнай сколастики, съ яркой индивидуальностью и своеобразнымъ темпераментомъ,—Скворода былъ типомъ въ полномъ значеніи этого слова. Можно и даже должно спорить о стремлѣніяхъ и идеяхъ этого человѣка, но нельзя отрицать его силы, нравственного величія. Соображая все, до сихъ известное о Сквородѣ, каждый беспристрастный изслѣдователь долженъ признать его здоровымъ и отраднымъ явленіемъ своего времени.

Ф. Будрицкий.

¹⁾ Вопр. филос. и псих. 1894 г. Ноібрь. 419.

²⁾ Вопр. фил. и психол. 1895 г. кн. 4 (29) стр. 509.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(По поводу книги Θ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“).

I. Мазепа до поставленія гетманомъ.

Главная задача книги Θ. М. Уманца заключается въ „выдѣлениі свѣтлыхъ точекъ въ политической и частной жизни Мазепы“, такъ какъ „на Мазепѣ многое пятачъ“, да притомъ „общая мольва сгустила темныя краски“. Задача выбрана во всѣкомъ случаѣ интересная. Несомнѣнно, что Мазепа былъ человѣкъ большого ума и еще большаго характера, а тѣ яркія перипетіи, которыя случились въ его жизни, сдѣлали изъ него героя, годнаго во всякой романѣ. О такомъ человѣкѣ всегда можно сказать многое вовсю, если особенно недостатокъ документальнаго материала заставляетъ историка прибѣгать къ догадкамъ.

Изслѣдуя личность Мазепы, какъ исторического дѣятеля и частнаго человѣка, авторъ настоящей книги не пишетъ исторіи его гетманства со всѣми внѣшними событиями послѣдняго, а береть только крупные моменты изъ жизни Мазепы, отдѣляя для каждой изъ нихъ особую главу. Такихъ главъ семь: а) *Молодость Мазепы*, б) *У Дорошенка*, в) *Семья Самойловичей*, г) *Быть или не быть*, д) *Поздняя любовь* и е) „*Шведская инкурсія*.“ ¹⁾.

Книга г. Уманца написана живымъ языкомъ, и нѣкоторый результатъ отъ этого несомнѣнно получился: книгу его прочли многіе изъ тѣхъ читателей, которые *ученыхъ* книгъ почти не читаютъ. А здѣсь—кромѣ довольно своеобразнаго языка (много словъ и выраженій—изъ домашняго обихода) еще и всегда инте-

¹⁾ Въ восьмой главѣ заключается обзорѣніе портретовъ Мазепы.

речная личность Мазепы... Но книга г. Уманца интересна и для людей, обязательно читающихъ ученыя книги.

Представляя здѣсь свои замѣтки на книгу г. Уманца и по поводу ея, мы впередъ говоримъ, что, хотя во многомъ личность Мазепа представляется еще неясною, но для оцѣнки нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ общественной и частной его жизни собрано уже достаточно исторического материала, чтобы не обращаться къ помощи предположеній и догадокъ... Замѣтки наши будутъ слѣдовать въ порядкѣ отмѣченныхъ у автора моментовъ изъ жизни Мазепы.

1. *Молодость Мазепы.* Первый критический сводъ генеалогическихъ и біографическихъ свѣдѣній о Мазепѣ принадлежитъ извѣстному знатоку истории правобережной Малороссіи Эд. Руликовскому, который въ *газетной корреспонденціи* сообщилъ обстоятельный перечень собранныхъ имъ свѣдѣній, какъ о происхожденіи, Мазепы, такъ и о его молодости¹⁾. Приведя имена Николая, Федора, Адама и Яна Мазепъ (*Dzien. W.*, № 196), Руликовскій никакой родственной связи между ними не устанавливаетъ за неимѣніемъ къ тому данныхъ. Тутъ все однѣ лишь догадки...²⁾ Черезъ два года послѣ статьи Руликовскаго, появилась другая статья—„*Mazera. Noty historiczne*“,³⁾ авторъ которой, положивъ въ основу свѣдѣнія Руликовскаго, дополнить ихъ печатными, при чемъ указалъ едва-ли не всю тогда извѣстную литературу о Мазепѣ; впрочемъ, ничего существенного къ свѣ-

¹⁾ *Dziennik Warszawski* 1854 г., №№ 196—198. При этомъ Руликовскій воспользовался двумя цѣнными замѣтками Ю. Бартошевича о Мазепѣ (его посыпка къ Тетерѣ), напечатанными въ томъ же *Dzien. Warsz.* въ 1853 г., №№ 150 и 188. Статья Руликовскаго дополнена примѣчаніями Бартошевича, которому, какъ видно она сообщена была въ рукописи.

Раньше Руликовскаго былъ напечатанъ очеркъ жизни Мазепы, принадлеж. польск. ученому Ах. Пршездѣцкому („*O Mizerie*“, *Atheneum*, 1842 г., № 1, стр. 28—61), но здѣсь—сводъ однихъ печатныхъ свѣдѣній.

²⁾ Статья Руликовскаго вызвала замѣтку Тим. Липинскаго (*T. ж.*, № 211), въ которой указывается, что въ автѣ 1572 г. значится не Николай, а Михаилъ Мазепа.

³⁾ Авторомъ этой анонимной статьи Бартошевичъ называетъ какого то Чомбера (*Świecki, Histor. Pamiętki*, I, 366), лица совсѣмъ неизвѣстного въ польской литературѣ.

дѣніямъ Руликовскаго Чомберъ не прибавилъ. Затѣмъ, сводъ свѣдѣній Руликовскаго былъ повторенъ Ю. Бартошевичемъ, въ 1858 г., въ его дополненіахъ къ книгѣ Свѣнцкаго ¹⁾), со включеніемъ перечня документовъ, порученныхъ королемъ Мазепѣ въ 1663 г., при посылкѣ его къ Тетерѣ. Позднѣйшія свѣдѣнія о происхожденіи Мазепы и о его молодости принадлежать тому же Руликовскому и помѣщены въ его статьѣ о селѣ Мазепинцахъ (Słown. Geogr., VI, 183—184). Здѣсь Руликовскій, говоря о происхожденіи Мазепы, называетъ Михаила Мазепу, получившаго въ 1572 г. отъ Сигизмунда-Августа привилей на земли по р. Камяницѣ, и Николая Мазепу, показанного въ 1616 г. владѣльцемъ хутора надъ „Камяницей“,²⁾ и говоритъ, что, казалось, сыномъ этого Николая былъ Адамъ Мазепа, за которымъ по акту 1659 г. было укрѣплено село Мазепинцы, при чёмъ въ этомъ актѣ называется и сынъ Адама—Янъ. Въ актѣ 1659 г. Адамъ Мазепа называется „шляхтичъ и жолнеромъ“, а въ актѣ 1662 г. тотъ же Адамъ Мазепа называется уже „подчашимъ Черниговскимъ“, а черезъ три года (1665 г.) подчашимъ Черниговскимъ былъ сынъ умершаго Адама—Янъ. Сообщивъ эти документальные свѣдѣнія о Мазепахъ, Руликовскій ставитъ вопросъ: этотъ ли самый Янъ Мазепа, сынъ Адама, былъ гетманомъ?—Руководясь тѣмъ, что гетманъ Мазепа самъ говоритъ, что онъ родился въ Мазепинцахъ, Руликовскій полагаетъ, что Янъ, сынъ Адама, былъ именно гетманъ ³⁾.—На основаніи приведенныхъ свѣдѣній г. Уманецъ уже категорически говоритъ: „Родъ гетмана Мазепы принадлежитъ къ самымъ древнимъ въ Малороссіи и заслуженнымъ въ Войску. Его пращуръ отъ Сигизмунда I, въ 1544 г., получилъ имѣніе въ Бѣлоцерковскомъ повѣтѣ... Источники не называютъ этого предка Мазепы. Одинъ только Похилевичъ называетъ его Николаемъ... Михаилъ Мазепа, вѣроятно сынъ предыдущаго, получилъ въ 1572 г. утвержденіе на Мазепинцы... Слѣдующее поколѣніе

¹⁾ Historyczne Pamiątki (Warsz., 1858), т. I, стр. 363—366.

²⁾ О владѣльцахъ „хутора на Камяницѣ“ Николаѣ Мазепѣ, см. также Арх. Юг.-Зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 293.

³⁾ На этотъ самый вопросъ Бартошевичъ отвѣчаетъ такъ: „tej wazadki nie zmiem u rozwiazywac stanowczo. Histor. Pam.,“ I, 365.

представляютъ Федоръ и Николай, вѣроятно, сыновья Михаила Мазепы. Затѣмъ по актамъ выступаетъ Степанъ-Адамъ Мазепа. О томъ, что онъ былъ единственнымъ сыномъ Николая Мазепы, надо заключать по имѣнію....“

Какъ видимъ, основаній для заключенія о томъ, чтобы родъ гетмана Мазепы принадлежалъ къ заслуженнымъ въ „Войскѣ“—нѣтъ никакихъ. О службѣ предковъ Адама Мазепы въ „Войскѣ“ свѣдѣній—нѣтъ; самъ Адамъ, именуясь сначала „шляхтичемъ и жолнеромъ“, а потомъ—подчашимъ, къ „Войску“ принадлежать не могъ. Только гетманъ Мазепа сталъ принадлежать къ „Войску“ съ момента своего поступленія на службу къ Дорошенку... Подъ именемъ постоянно употреблявшагося въ въ актахъ термина—„Войско Запорожское“, до пол. XVII в. слѣдуетъ разумѣть ту группу русскаго населенія приධѣлѣвской Украины, которая уже въ концѣ XVI вѣка стала выражать свой протестъ противъ польскихъ порядковъ. Изъ этой группы населенія образовалось особое войско, принявшее название Запорожскаго на томъ основаніи, что его зачатки явились въ видѣ поселившихся за Даѣпровскими порогами козаковъ. Войско это служило военную службу польскимъ королямъ, не смѣшиваясь съ другими войсками, подъ именемъ козаковъ, при чемъ, съ теченіемъ времени, не только служилое войско, но и все то населеніе, изъ которого оно набиралось, стало называться „Войскомъ Запорожскимъ“. Такимъ образомъ, подъ именемъ послѣдняго разумѣется обособившаяся въ перв. пол. XVII в. группа малорусскаго населенія, которая противопоставила польскимъ порядкамъ свои порядки, при чемъ совокупность послѣднихъ явила основою военно-гражданскаго устройства козаковъ „Войска Запорожскаго“. Отсюда мы видимъ, что онъ принадлежить къ „Войску Запорожскому“ и никакой представитель этого „Войска“ не назвалъ бы Киселя—*своимъ*... По всему этому г. Уманецъ неправильно причисляетъ къ „Войску“ переименованныхъ у него Мазепъ.—Засимъ мы видимъ, какъ легко находить г. Уманецъ пращура гетмана Мазепы въ лицѣ предполагаемаго Николая (ссылаясь на Покилевича, какъ известно, автора въ

данномъ случаѣ менѣе чѣмъ авторитетнаго) и относить его почему то къ 1544 г. Преемники этого пращура слѣдуютъ въ разсказѣ г. Уманца съ присоединеніемъ слова *вѣроятно*, а Адамъ Мазепа—такъ даже и безъ этого прибавленія называется вмѣстѣ и *Степаномъ*, потому что гетманъ по отчеству звался Степановичемъ.

Также едвали правиленъ выводъ г. Уманца и о томъ, что „Мазепы, оставаясь православными, продолжали дружбу съ ко-
зачествомъ“... Ни изъ какихъ свѣдѣній г. Уманца этого не видно.

Повторенный г. Уманцемъ перечень именъ Мазепъ, встрѣ-
ченныхъ прежними историками гетмана въ юридическихъ ак-
тахъ XVI и XVII в.в. (до 1665 г. включительно), ничего не разъ-
яснилъ болѣе того, что говорилось и до сего.

А между тѣмъ нѣкоторое новое освѣщеніе этихъ свѣдѣній о Мазепѣ можно было найти. Въ 10-мъ томѣ *Актовъ Ю. и З. Россіи*, изданномъ въ 1878 г., и заключающемъ въ себѣ свѣ-
дѣнія о состояніи Малороссіи въ 1654 г., напечатано не мало свѣдѣній о персоналѣ тогдашней правобережной козацкой стар-
шинѣ. Здѣсь мы видимъ, между прочимъ, что весною 1654 г. Бѣлоцерковскимъ полковникомъ былъ Семенъ Половецъ (стр. 397 и 405), а Бѣлоцерковскимъ атаманомъ—*Адамъ Мазепа* (стр. 405). Изъ списка Бѣлоцерковской „шляхты“, составленного въ томъ же 1654 г. и напечатанного тутъ же (стр. 783), видно,
что въ числѣ ея значится цѣлый рядъ Мокіевскихъ (девять че-
ловѣкъ). Намъ извѣстно, что мать гетмана была Мокіевская.
Знаемъ мы также (см. ниже), что гетманъ былъ женатъ на до-
чери Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца. Отсюда мы имѣемъ достаточныя основанія для заключенія, что упоминаемый въ 1654 г. Бѣлоцерковскій атаманъ Адамъ Мазепа былъ женатъ на одной изъ Мокіевскихъ, а слѣдовательно этотъ са-
мый Адамъ и долженъ быть отцомъ будущаго гетмана... Имя Степана явилось, слѣдуетъ полагать, отъ двухъ именности и—
для благозвучія въ козацкихъ ушахъ, когда будущій гетманъ попалъ уже межъ козаковъ. Называя мать гетмана, въ монаше-
ствѣ Марію-Магдалину, г. Уманецъ говоритъ, что „ея почеркъ заставляетъ предполагать значительное для того времени обра-

зованіе". Действительно, почеркъ матери Мазепы, какъ видно изъ прилагаемаго ниже снимка, ¹⁾ можетъ дать вѣкоторое основаніе для заключенія о ея книжномъ образованіи. Снимокъ ея почерка взятъ здѣсь изъ акта 1701 г., когда „Мазепиной“ было не менѣе восемидесяти лѣтъ... Книжное ея образованіе вполнѣ понятно изъ того, что она была несомнѣнная шляхтянка, т. е. принадлежала къ семье болѣе или менѣе культурной. Можно думать, что близкое родство будущаго гетмана съ такимъ множествомъ шляхтичей Мокіевскихъ оказало вліяніе и на дальнѣйшую судьбу Мазепъ... Адамъ Мазепа, будучи по происхожденію и самъ шляхтичъ, тѣмъ не менѣе ишелъ въ козаки и будучи человѣкомъ замѣтнымъ, былъ поставленъ въ своей сотнѣ атаманомъ. Но Мокіевскіе въ козаки не пошли, а остались по прежнему въ рядахъ шляхты и „шляхтою“ показаны въ спискахъ, по которымъ русскіе воеводы приводили въ январѣ 1654 г. къ присягѣ новыхъ подданныхъ Московскаго государства. Подражая Мокіевскимъ, могъ и Адамъ Мазепа оставить свое козачество и возвратиться въ прежнее положеніе... Тутъ могли дѣйствовать и материальные расчеты, и тѣ шляхетскія тенденціи, которая несомнѣнно имѣли въ тогдашнемъ южно-русскомъ обществѣ много приверженцевъ даже среди козацкой старшины (Выговскій и друг.). Результатомъ возвращенія въ прежнее положеніе для Адама Мазепы — могла быть возможность помѣстить единственнаго своего сына къ королевскому двору въ число „дворянъ“ ²⁾ Юный „Янъ“ Мазепа не только сталъ королевскимъ „дворяниномъ“, но и дворяниномъ, котораго король отличилъ отъ другихъ, принявъ въ число своихъ „покоевыхъ“, (должность, соотвѣтствовавшая вѣмецкимъ камеръ-юнкерамъ). Но прежде, чѣмъ Мазепа сталъ „покоевымъ“, король, по свидѣтельству Отвиновскаго, посыпалъ его заграницу

(Купчая полк. Миклашевскому. Подлинникъ у В. В. Тарновскаго).

а) См. это слово р. Янде (*Dworzanin*) и въ книгѣ Морачевскаго—*Staroedytnosci Polskie*, тоже слово. (*Dworzaninem* powinien byt bydzie tylko swdaj i smachcic").

для окончанія образованія, которое будто бы начато было Мазепою въ Киевской академіи, какъ говоритъ Величко. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ ранней молодости Мазепа выходилъ изъ ряда своихъ сотоварищей какъ по образованію, такъ и по положенію. „Покоевымъ дворяниномъ“ короля Мазепа былъ уже въ 1659 г., какъ это видно изъ упоминанія о немъ въ письмѣ Выговскаго къ кор. канцлеру Пражмовскому¹⁾. Основываясь на этомъ письмѣ, обыкновенно говорять, что король послалъ Мазепу къ Выговскому съ какимъ то порученіемъ... Говорить это и г. Уманецъ („король уже даетъ ему важное порученіе къ Выговскому“)... Но собственно изъ письма Выговскаго этого не видно, такъ какъ тутъ говорится о томъ лишь, что какое то извѣстіе Выговскій посылаетъ Пражмовскому чрезъ Мазепу... То же самое видимъ и изъ письма Потоцкаго къ королю, что чрезъ Мазепу послано было только письмо. Но чтобы Мазепу король послалъ и къ Выговскому, и къ Потоцкому—съ какимъ либо порученіемъ, а не для доставленія лишь письма, повторяемъ, этого не видно. Обыкновенно съ фактамъ посылки Мазепы къ Выговскому связываютъ вопросъ о годѣ его рожденія. Со словъ Стебельскаго историки повторяли, что Мазепа родился въ 1629 г.²⁾. Свѣдѣніе это не документальное и потому останавливаться на немъ нельзя. Настаиваютъ на томъ, что очень молодого Мазепу король не послалъ бы къ Выговскому; но почему же король не могъ послать чрезъ двадцатилѣтняго своего „дворянина“ письма къ Выговскому или къ Потоцкому? Указываютъ на посылку королемъ Мазепы, въ 1663 г., къ Тетерѣ, съ клейнодами, какъ на порученіе слишкомъ важное, чтобы оно могло быть довѣрено юному человѣку, но ниже мы увидимъ, что это порученіе Мазепа долженъ былъ исполнить *не самолично* и что онъ его исполнилъ довольно легкомысленно, какъ это могъ сдѣлать именно только юный посланецъ... Говоримъ все это, думая, что Мазепа могъ родиться и въ 1639 г...³⁾). Разумѣется, все это догадки, но основанные на фактическихъ сведенияхъ.

¹⁾ Шамитники, III, ii, 362 и 366.

²⁾ Chronologia, II, 423. То-же повторяетъ Лакомбъ.

³⁾ Въ перечнѣ „реликвій“ I-го Кад. Корп. (Русск. Извл. 1898 г., № 41) указывается между прочими Львовское Евангеліе 1644 г. и имѣющіяся въ немъ надписи, и тутъ же замѣчается: „здесь нельзя не указать, что 1644 г. былъ годомъ рожденія гетмана Мазепы“. Оттуда такое заключеніе—не видно. Не изъ надписи ли?

ваніємъ ихъ служить то обстоятельство, что „поздняя любовь“ естественнѣе могла посѣтить Мазепу не въ 75 лѣтъ, а можетъ быть десятью годами раньше... 1). Уманецъ полагаетъ, что Мазепа могъ родиться и въ 1633 г. (стр. 11) и въ 1629 г. (стр. 23). Безъ документальныхъ данныхъ, поле догадокъ велико.. Объ ученіи Мазецы г. Уманецъ говоритъ, пользуясь показаніями Отвіновскаго и Величка. Тутъ мы читаемъ: „продолжая разыскивать черты воспитанія Мазепы, надо принять въ разсчетъ ею глубокія познанія въ русскомъ языке“. Выписавъ затѣмъ изъ Костомарова отзывъ Мазепы объ одномъ подметномъ письмѣ („письмо это писано не въ Польшѣ и не полякомъ, это показываютъ слова, какихъ въ польской рѣчи нѣтъ; думаю, что это письмо написано здѣшними людьми и при томъ не однимъ“ и проч.) г. Уманецъ заключаетъ: „чтобы такъ ориентироваться въ различныхъ діалектахъ русского языка, надо или русское филологическое образованіе, или усвоенное съ дѣтства знаніе языка. Перваго тогда не было во всей Россіи; второе Мазепа могъ пріобрѣсти въ дѣтствѣ, усвоивъ устную народную рѣчу...“ Здѣсь прежде всего не видно, о какомъ русскомъ языке говорить г. Уманецъ. Намъ неизвѣстенъ текстъ того письма, въ сужденіи о которомъ Мазепа обнаружилъ свои познанія „въ различныхъ діалектахъ русского языка“ ¹⁾; не знаемъ также, самъ ли Мазепа писалъ подпісанный имъ отзывъ о „подметномъ“ письмѣ, или же его канцелярія... Но во всякомъ случаѣ, если Мазепой и была усвоена „устная народная рѣчъ,“ то этой рѣчью писемъ тогда не писали... Порусски писались тогда письма тѣмъ языкомъ, какимъ написаны немногія письма Лазаря Барановича (среди множества его польскихъ писемъ), т. е. языкомъ книжныхъ (напр. № 36, 46, 49, 57, 126, 129 и др.) ²⁾. Письма эти, конечно, далеки отъ устной народной рѣчи... Сомнѣваемся, чтобы Мазепа могъ писать въ молодости даже и такимъ языкомъ свои русскія письма, какимъ ихъ писалъ Барановичъ, потому что свою молодость онъ провелъ въ той средѣ, которая и говорила, и писала

¹⁾ Сколько можно понять изъ отзыва Мазепы, подметное письмо было написано по-польски, но неправильной рѣчью.

²⁾ Письма Лазаря Барановича. Черниговъ. 1865.

почти исключительно по-польски... Здѣсь мы разумѣемъ не только Варшавскую придворную обстановку, но и семью Мазепы въ Бѣлоцерковщинѣ, у которой несомнѣнно общоднымъ азыкомъ была рѣчъ польская. Мать Мазепы, будучи уже древней монахиней, продолжаетъ подписьвать свое имя польскими буквами. Польская рѣчъ настолько была распространена среди культурныхъ малороссіянъ праваго берега, что и Печерскій архимандритъ Кроковскій, для своей частной переписки съ генересауломъ Ломиковскимъ, употребляетъ эту самую рѣчъ польскую..¹⁾). Этой рѣчью пользовался конечно и Мазепа въ своихъ письмахъ, почему коронный гетманъ Яблоновскій могъ говорить, что онъ, Яблоновскій, знаетъ „разумъ письменного слога Мазепы“ ²⁾). Въ виду всего этого едвали можно говорить о „глубокихъ познаніяхъ Мазепы въ русскомъ языке“, да еще приобрѣтенныхъ имъ отъ „усвоенія устной народной рѣчи“... О языке указываемой г. Уманцомъ „думы“ говорить здѣсь не приходится, потому что сочиненіе ея Мазепою—не установлено. Письма Мазепы, писанныя къ Матронѣ Кочубей, наполнены полонизмами, слишкомъ удаляющими ихъ отъ „устной народной рѣчи“.

Засимъ скажемъ подробнѣе о посылкѣ королемъ Мазепы въ 1663 г. къ Тетерѣ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, послѣдствиемъ этой посылки была отставка Мазепы отъ службы у Яна-Казимира.

Въ февралѣ 1663 г. король послалъ Мазепу съ письмами къ Юрію Хмельницкому, въ то время правобережному гетману; но Хмельницкій въ это время сталъ уже монахомъ, и королевскія письма были получены его преемникомъ Тетерею. Изъ отвѣта послѣдняго можно догадываться, что Янъ-Казимиръ, готовясь въ походъ на лѣвобережную Малороссію, старался обезпечить добрыя отношенія съ правобережными козаками и получить отъ нихъ при этомъ помошь.—Извѣщая, что вместо Хмельницкаго гетманомъ сталъ онъ, Тетеря тутъ же описываетъ тѣжкое положеніе Украины отъ насилий „Орды“. Подробности этихъ насилий Тетеря передаетъ королю словесно чрезъ Мазепу.—

¹⁾ Кіевская Старина 1894 г., май, 359.

²⁾ Соловьевъ, изд. Т-ва Общ. Польз., III, 1120.

Узнавъ такимъ образомъ о поставленіи гетманомъ Тетери король нашелъ нужнымъ немедленно послать ему гетманскіе „клейноды“ (привилей, булаву, знамя, котлы и печать), опять таки съ главною цѣлію приласкать необходимыхъ ему въ это время козаковъ. Клейноды долженъ былъ везти Мазепа, но вручение ихъ Тетерѣ, или правильнѣе „Войску“, должно было быть произведено собственно Холмскимъ ловчимъ, такъ какъ послѣдній долженъ былъ—при церемоніи врученія клейнодовъ—занимать первое мѣсто (w czym pierwsze mieysce mieś będzie p. Łowczy Chełmski) ¹⁾. Вмѣстѣ съ порученіемъ доставить клейноды, Мазепѣ были поручены письма для передачи разнымъ лицамъ изъ козацкой старшины. Видимо, что и это порученіе было тѣсно связано съ предположеннымъ походомъ короля на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ данной Мазепѣ инструкціи видно, что онъ долженъ былъ, въ случаѣ если то найдетъ Тетеря нужнымъ, отправиться съ письмомъ короля и къ Самкѣ (Samczenko) на „Заднѣпріе“, и тамъ же отдать и другіе порученные ему универсалы (у uniwersały do wszystkich tamecznych miast odda). Долженъ былъ Мазепа отправиться при этомъ также и въ Запорожье (опять таки, если то найдетъ нужнымъ Тетеря), съ цѣлію отвлечь запорожцевъ отъ „протекціи царя Московскаго“. Въ инструкціи не были перечислены всѣ порученія, которыя были даны при этомъ Мазепѣ. Болѣе полный ихъ перечень сообщенъ Бартошевичемъ ²⁾. Изъ этого перечня видно, что Мазепа везть въ Украину чуть не десятки универсаловъ для разныхъ лицъ изъ козацкой старшины съ разными обѣщаніями. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Мазепѣ давалось очень важное порученіе. Шло дѣло о томъ, чтобы по возможности облегчить будущее завоеваніе королемъ „Заднѣпрія“. Повторяемъ, что по инструкціи Мазепа, исполняя тѣ или другія частности своего порученія, долженъ былъ дѣйствовать по указаніямъ Тетери. Повидимому,

¹⁾ „Informatia panu Mazepie, pokoiowemu JK msci, iadacemu do p. hetmana Zaporoskiego (Tetery). Dana z cancellariey wielkiej koron. we Lwowie“. *Źródła do dziejów Polskich. Wilno.*, 1843. Томъ 1, стр. 34—43.

²⁾ *Dziennik Warsz.*, 1853 г., № 159, а затѣмъ перепечатанъ въ книгѣ Сѣнницкаго, *Hist. Pamiątki*, I, 364.

приняты были все мѣры, чтобы Мазепа потѣшился исполнить порученіе возможно аккуратно. Такъ, между разными „привилеями“ и универсалами, которые вручены были Мазепѣ, былъ врученъ ему привилей и лично для него—на маєтность Будище (въ староствѣ Богуславскому); тутъ же былъ приказъ Бѣлоперковскому коменданту объ охраненіи маєтностей Адама Мазепы, предполагаемаго отца будущаго гетмана.

И тѣмъ не менѣе Мазепа исполнилъ это порученіе очень неудачно. Сохранилось письмо Тетери по этому предмету, писанное къ Цражмовскому (кор. канцлеру), въ которомъ гетманъ говоритъ, что присланные королемъ клейноды очень было обрадовали „Войско“, но въ тоже время одно обстоятельство наполнило сердца старшинъ и черни неудовольствіемъ (*poaltegowiało serca*), а именно то, что король, должно быть плохо свѣдомленный (*male informatus*), прислалъ эти клейноды чрезъ п. Мазепу, который не достигъ еще до такой высокой чести и не заслужилъ еще того, чтобы обращаться (*szafować*) съ клейнодами. И Войско Запорожское усматриваетъ особую немилость короля въ томъ, что королевскія свои отличія (*regimina*) онъ поручилъ „Войску“ принять изъ рукъ своего брата (*nostratis*), нигдѣ ничѣмъ еще не отличившагося. Безъ сомнѣнія, не только Заднѣпровцы (*Zadnieprzanie*), но и чужie нашли бы въ этомъ обстоятельствѣ предлогъ для ѿвой насмѣшки (*do uga-gania*), такъ какъ имъ, Заднѣпровцамъ, знаки (*insignia*) будетъ вручать какой-то знаменитый князь, а не молокосось (*młokos*)... И хорошо еще добавляетъ Тетеря, что Мазепа предупредилъ меня о своей миссіи прежде, чѣмъ собралась великая рада, а то произошло бы въ „Войску“ великое смятеніе... А потому, заключаетъ Тетеря, прошу вашу милость упросить короля не оскорбляться (*żeby uraźać sie nie raczył*), что мы *не приняли изъ рукъ Мазепы присланныхъ клейнодовъ* (*oto że przez p. Mazepę przy-słanych z rąk onego nie odebraliśmy kleinotow*)...¹⁾ Такимъ образомъ, изъ этого письма видно, что вручить клейноды „Войску“ Мазепа хотѣлъ было *самолично*. Значитъ, Холмскаго ловчаго

¹⁾ Памятника, IV, отд. 3, 299—803.

съ нимъ не было, а между тѣмъ по инструкціи Мазепа долженъ былъ явиться къ Тетерѣ, съ клейнодами, не иначе, какъ вмѣстѣ съ ловчимъ, потому что ловчій долженъ быть *первымъ* при ихъ врученіи,, Войску“, а Мазепа тутъ оставался лишь ассистентомъ... Но Мазепа явился къ Тетерѣ *одинъ* и самолично хотѣль было передать „Войску“ королевскіе дары. Тетеря обидѣлся и, какъ видно, справедливо, потому что и король, пославъ Мазепу съ клейнодами, находилъ поднесеніе ихъ „Войску“ Мазепою же неудобнымъ, почему церемонія передачи клейнодовъ и поручалась королевскому чиновнику, хотя и не особенно высокаго, но все же замѣтнаго ранга.—Не вручивъ Тетерѣ клейнодовъ, Мазепа тѣмъ самымъ не могъ исполнить и другихъ, сдѣланныхъ ему порученій, такъ какъ по инструкціи—эти другія порученія должны были быть исполнены при руководительствѣ Тетери... Но Тетеря былъ обиженъ присылкою къ нему „молокососа“ и—совсѣмъ его не принялъ...

Можно предполагать, что Мазепа намѣрился передать Тетерѣ клейноды—безъ участія ловчаго—по легкомыслію и самонадѣянности; если этотъ ловчій почему-либо и не могъ явиться для исполненія королевскаго порученія, то Мазепа, согласно инструкціи, все таки не могъ передавать клейнодовъ Тетерѣ—*самолично*. Какъ бы то ни было, но Мазепа не съумѣлъ исполнить данного ему важнаго порученія, причемъ еще и оскорбилъ самолюбіе очень нужнаго въ тотъ моментъ для Польши человѣка...

Вотъ причина, по нашему мнѣнію, отставки Мазепы отъ службы у короля въ 1663 г. Легкомысліе Мазепы, да еще въ такомъ важномъ дѣлѣ, естественно могло отвратить отъ него милость короля, и Мазепѣ оставалась одно—уходить...

У г. Уманца отставка Мазепы объяснена иначе, конечно, потому, что имъ упущена изъ виду данная Мазепѣ инструкція, при чемъ оставленъ безъ вниманія и *отказъ Тетери отъ принятія клейнодовъ изъ рукъ Мазепы*. Г. Уманецъ указываетъ при этомъ на непослѣдовательность Тетери (стр. 11), который де, обозвавъ Мазепу молокососомъ, забылъ, что два мѣсяца тому назадъ „совершенно серьезно относился къ его посольству“, возложивъ на него подробное донесеніе королю о видѣнныхъ имъ, Мазе-

пою, разореніяхъ Украины татарами... Но, какъ видно, положеніе Мазепы въ томъ и другомъ случаѣ было далеко не одно и то же: въ первомъ случаѣ король ему поручалъ только отвезти письма къ Юрію Хмельницкому; письма приняты были Тетерею, который, извѣщая короля о своемъ избраніи въ гетманы, жаловался еще на разоренія татаръ и, желая лучше освѣдомить короля объ этихъ разореніяхъ, поручалъ посланцу разсказать королю устно то, что этотъ посланецъ самъ видѣлъ... Въ этомъ случаѣ для Тетери безразличенъ былъ „молокососъ“, такъ какъ послѣднему поручалось дополнить письмо разсказомъ очевидца; при чемъ чѣмъ ближе посланецъ стоялъ къ королю, тѣмъ подробнѣе онъ разскажетъ о томъ, что видѣлъ на Украинѣ.—Совсѣмъ не въ томъ положеніи былъ Мазепа, когда хотѣлъ въ апрѣлѣ 1663 г. лично передать „Войску“ королевскіе клейноды... Тутъ Мазепа захотѣлъ стать въ то положеніе, права на которое и король не признавалъ за нимъ. Слѣдовательно, Тетеря, какъ въ февралѣ не принималъ посольства Мазепы, такъ не хотѣлъ принимать его въ роли посла и двумя мѣсяцами позже.

Послѣдовавшая затѣмъ отставка Мазепы въ книгѣ г. Уманца находитъ объясненіе натянутое... Рассказавъ стычку Паска съ Мазепою, который де былъ „на сторонѣ короля“, почему и донесъ на Паска, г. Уманецъ такъ говорить объ отставкѣ Мазепы: „порученіе доставить гетманскую булаву Тетерѣ было едва ли не послѣдней службой Мазепы Польшѣ. Его положеніе въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ дѣлалось болѣе затруднительнымъ. (?) Онъ былъ на сторонѣ короля; польскій же шляхтичъ всегда подозрѣвалъ короля въ посягательствѣ на „золотую свободу“. Поляки терпѣли (?) Мазепу, пока видѣли въ немъ орудіе польского вліянія въ Малороссії (?); но письмо Тетери разсѣяло иллюзіи (?). Оказалось, что козаки, для ухаживанія за собой, требуютъ болѣе дорогой декораціи (воеводъ и сенаторовъ), а не какого-нибудь Мазепу. Поляки относились къ Мазепѣ не только свысока, но и подозрительно (?). Малороссіяне столько разъ измѣняли, что измѣна (?) Мазепы—какъ шляхтича православнаго—была только вопросомъ времени... И такъ Мазепа

имѣлъ всѣ поводы задуматься надъ своимъ положеніемъ. Послѣ ряда измѣнъ своей вѣрѣ и народности, онъ могъ добиться здѣсь только мѣста регента королевской канцеляріи или ротмистра какой-нибудь надворной хоругви... И это въ то время, когда карьеры одна—другой экстравагантной возникали на берегахъ Днѣпра, когда смѣлые авантюристы—Пушкарь, Самко, Выговскій, Дорошенко, Тетера, Брюховецкій—ворочали обществомъ и, казалось, находили свое счастье.“

„Душными показались Мазепы улицы Варшавы. Среди неприятливыхъ взглядовъ заносчивой шляхты ему чудятся звуки родной пѣсни и прѣвыступаютъ картины родной страны“.

„Мазепа сопровождалъ Яна Казимира въ началѣ его похода въ Малороссію (1663 г.), но около Бѣлой Церкви, „отклонившися за службу королю, зосталь при отцу своемъ еще въ живыхъ бывшему“, говоритъ Величко. Отсюзъ Мазепы, вѣроятно, былъ боленъ, что и дало предлогъ отстать отъ похода и поселиться въ Мазепинцахъ¹⁾“.

Фактическихъ основаній для всего этого разсказа въ книгѣ г. Уманца мы не находимъ... Одинъ указывается здѣсь фактъ, что будто Мазепа „отклонился королю“ на его походѣ въ Заднѣпріе. Такъ свидѣтельствуетъ Величко. Здѣсь вѣрно, что Мазепа оставилъ службу у короля въ 1663 г., но нѣть основаній относить этотъ фактъ ко времени похода короля въ Заднѣпріе. Если король нашелъ Мазепу неумѣлымъ исполнителемъ важнаго порученія, то онъ съ нимъ, вѣроятно, тогда же и разстался, т. е. лѣтомъ 1663 г. А если Мазепа остался у короля и послѣ возвращенія отъ Тетери и если затѣмъ онъ пошелъ съ королемъ въ походъ, то не ловко было ему оставлять короля на походѣ... Думается, что Величко, писавшій свою лѣтопись болѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ 1663 г., могъ слыхать объ отставкѣ Мазепы, случившейся въ этотъ достопамятный для лѣвобережной Малороссіи годъ, при чѣмъ Мазепа, будучи уже гетманомъ, могъ пояснить, что „отколо-

¹⁾ Есть известіе, что Адамъ Мазепа жилъ въ Бѣлой Церкви, чтѣ разумѣется не имѣло ему владѣть и Мазепинцами. См. разсказъ польского посланца къ Выговскому Перетятковича въ 1659 г. Универс. Изв. Киевск. У—та 1873 г., № 9, стр. 14.

нился" онъ королю въ моменть его похода противъ той страны, гдѣ онъ сталъ затѣмъ властелиномъ... *Вѣроятная* болѣзнь отца Мазепы въ этотъ моментъ, разумѣется, нисколько не устраниетъ полной сомнительности извѣстія Величка.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа шесть лѣтъ остается въ неизвѣстности. Къ этому времени историки относятъ время его романовъ съ Фальбовской и Загоровской, точно не опредѣляя ихъ моментовъ. Восполнная бѣдность свѣдѣній за это время о Мазепѣ, г. Уманецъ говоритъ, что послѣдній, оставивъ Варшавскую службу, продолжаетъ числиться при королѣ и даже добивается нѣкоторыхъ выгодъ и отличій. При этомъ указывается инструкція Кіевскихъ дворянъ своимъ посламъ на Варшавскій сеймъ, назначенный на мартъ 1665 г., причемъ упоминается Адамъ Мазепа, подчашій королевскій, имѣющій сына „при боку панскому въ покоѣ его королевской милости“.¹⁾ Изъ этого упоминанія о Мазепѣ выходитъ, что если тутъ разумѣется будущій гетманъ, то онъ и въ 1665 г. сохраняетъ должность королевскаго „покоеваго“... Затѣмъ г. Уманецъ говоритъ о назначеніи Яна Мазепы Черниговскимъ подчашимъ, ссылаясь на свѣдѣнія Бартошевича (стр. 462). Всѣ эти свѣдѣнія пока еще темны... Но весьма вѣроятно, что получившій въ 1662 г. званіе Черниговскаго подчашаго Адамъ Мазепа былъ тотъ самый Мазепа, который козаковалъ въ 1654 г.; званіе подчашаго онъ могъ получить въ награду за свое обращеніе къ Польшѣ. Такимъ образомъ Черниговскій подчашій долженъ быть отецъ будущаго гетмана... А тогда слѣдуетъ признать, что и инструкція Кіевскихъ дворянъ упоминаетъ о будущемъ гетманѣ, который, слѣдовательно, въ 1665 г. снова служилъ при королѣ, а по смерти отца въ томъ же году получилъ его званіе—Черниговскаго подчашаго...

Эти похожденія Мазепъ, конечно, не даютъ основаній для заключенія о „православныхъ и козацкихъ ихъ традиціяхъ“ (стр. 18). Похожденія „Яна“ Мазепы сопровождались, какъ извѣстно, романами; ихъ извѣстно два и оба они случились съ замужними

¹⁾ Жіевск. Стар. 1886 г., док., 758. Польского текста инструкціи, упоминающей о Мазепѣ, здѣсь нѣтъ.

женщинами¹⁾). Можно думать, что Мазепа избѣгалъ романовъ съ нев замужними... Очень можетъ быть, что эта осторожность привела Мазепу и къ его женитьбѣ на вдовѣ. Могло случиться, что и тутъ дѣло началось романомъ, а кончилось бракомъ... Впрочемъ, жена Мазепы занимала видное положеніе въ своемъ околоткѣ; это была дочь Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца и вдова другого Бѣлоцерковскаго полковника „Самуила Фридриховича Козмы“, повидимому иностранца. Отъ этого Фридриховича остался сынъ, котораго вотчимъ переселилъ на лѣвый берегъ, гдѣ онъ сталъ родоначальникомъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ несомнѣнныи фактъ, что женщины въ жизни Мазепы красной нитью проходили уже съ юныхъ его лѣтъ.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа прожилъ на правомъ берегу какъ разъ то время, когда здѣсь центральнымъ козацкимъ дѣятелемъ становился Дорошенко. Затѣмъ видимъ, что какъ только Дорошенко добился, послѣ смерти Брюховецкаго, видной роли главнаго претендента на гетманство (не только правобережное, но и лѣвобережное), то Мазепа поступаетъ къ нему на службу и становится, если вѣрить Величку, ротмистромъ гетманской надворной корогвы, т. е. начальникомъ оберегателей личности гетмана.

У Дорошенка. Такъ называетъ г. Уманецъ вторую главу своей книги, которую начинаетъ обрисовкою личности Дорошенка, надѣляя его и талантами, и простодушiemъ человѣка, у котораго „дѣль всегда открыта или заслонена такъ неловко, чтобы никого не обмануть“... Но мы имѣемъ въ виду одного Мазепу. О мотивѣ перехода его на службу къ Дорошенку г. Уманецъ говоритъ: „соблазнъ (перехода на службу къ Дорошенку) заключался не въ преимуществахъ службы при Дорошенкѣ, а въ той национальной программѣ, которой онъ (Дорошенко) держался, въ томъ, что въ данную минуту *Мазепа не могъ сдѣлать ничего нрав-*

1) Интересно, что разсказанная Паскомъ легенда о Мазепѣ — какъ привезъ его къ юшади мужъ одной изъ этихъ женщинъ (Фальбовской) — известна уже была и Вольтеру. Записки Паска въ первый разъ изданы только въ 1843 г. Откуда же Вольтеръ заимствовалъ эту легенду?

ствено лучшаго. Когда въ увлекались Дорошенкомъ, имъ увлекся и Мазепа¹⁾.

Предположеніе объ увлеченіи Мазепы „національной программой“ составляетъ одно предположеніе и, по нашему мнѣнію, едва ли даже вѣроятное. Еслибы тутъ было увлеченіе личностью Дорошенка, то почему же Мазепа не присталъ къ нему лѣтомъ 1668 г., когда Дорошенко, истребивъ непопулярнаго Брюховецкаго, сталъ, какъ говорить Самовидецъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. А можетъ быть, что Мазепа поступилъ на службу къ Дорошенку, по приглашенію послѣдняго, въ начальники своихъ тѣлохранителей, такъ какъ Мазепа когда-то находился у польскаго короля въ роли очень близкой къ той, которая требовалась Дорошенку. Мазепа скоро прижился у Дорошенка, получилъ у него урядъ генер. есаула и сталъ, повидимому, очень нужнымъ для правобережнаго гетмана человѣкомъ. Но когда „національная программа“ оказалась Дорошенку не подъ силу и популярность правобережнаго гетмана стала меркнуть, Мазепа, повидимому, сталъ думать о перемѣнѣ положенія. Такое желаніе Мазепы стало подозрѣвать и Дорошенко²⁾. При какихъ обстоятельствахъ Мазепа оставилъ Дорошенка и перешелъ на сторону Самойловича, объ этомъ имѣются документальная свѣдѣнія, которые и разъяснены г. Уманцомъ съ добавленіемъ, что Мазепа „очаровалъ“ Самойловича, а когда былъ посломъ послѣднимъ (въ 1674 г.) въ Москву, то и тамъ „всѣхъ очаровалъ“. Вторую главу своей книги г. Уманецъ заключаетъ такъ: „во всякомъ случаѣ, факты говорять, что Мазепа оставилъ Дорошенка не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, но вслѣдствіе непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ“. Къ этому можно добавить, что стечениемъ послѣднихъ Мазепа съумѣлъ воспользоваться: „очаровалъ“ новаго

¹⁾ Тутъ же г. Уманецъ добавляетъ, что Мазепа зналъ Дорошенка, уже съ 1663 г.; но это свѣдѣніе сомнительное. Вердимо, что г. Уманецъ думаетъ такъ на основаніи сообщенія Бартолевича (см. стр. примѣч.), что Мазепа возникъ въ 1663 г. къ Дорошенку королевское письмо... Но, какъ мы видѣли, письмо это едва ли было довезено.

²⁾ Самъ Мазепа разсказываетъ, что когда онъ просился разъ у него къ жевѣ въ Корсунь, то Дорошенко, заподозривъ его въ измѣнѣ, сказалъ: значитъ, что Ромодановскій сободилъ его прелестнѣ... „Акты Ю. З. Россіи, XI, 559.

своего патрона и во всякомъ случаѣ нашелъ у послѣдняго „болѣе выгодное мѣсто“.

Третья глава названа—„Семья Самойловичей“. И здесь мы не будемъ останавливаться надъ портретами Многогрѣшнаго и Самойловича, которые попутно нарисовалъ г. Уманецъ. Какъ известно, гетманъ Самойловичъ по происхожденію былъ *поповичъ* („Поповичемъ,“ а не Самойловичемъ зовутъ его лѣтописи); отецъ его былъ священникомъ м. Ходоркова, откуда онъ потомъ переселился на лѣвый берегъ, въ м. Красный Колядинъ (Конотопскаго у.). Такимъ образомъ, Самойловичъ хотя выросъ и на правомъ берегу, высшее общество котораго было культурнѣе лѣвобережнаго, но не могъ имѣть особой „їдукації“. А между тѣмъ эта „їдукація“ сдѣлалась необходимой Самойловичу, когда онъ сталъ гетманомъ и когда на каждомъ шагу хотѣлъ показать свое превосходство предъ простыми смертными. Превосходство его предъ послѣдними должно было выразиться и вообще въ держаніи гетманскаго двора,—въ устройствѣ известной его обстановки. Имѣлась въ виду, конечно, обстановка *панская*—правобережныхъ польскихъ вельможъ, въ свою очередь старавшихся подражать королю. Самовидецъ подробно разсказываетъ, какъ Самойловичъ сталъ величаться, возвѣвъ на гетманскій столъ. Одною изъ принадлежностей этого величанья явились гетманскіе „дворянѣ“, состоявшіе главнымъ образомъ изъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, пребывавшихъ при, гетманскомъ „дворѣ“ ради большей его пышности. Такими „дворянами“ окружали себя всѣ польские вельможи, не говоря уже о королѣ. Такихъ „дворянъ“ завелъ у себя и Самойловичъ¹⁾). Вотъ этотъ человѣкъ и сталъ патрономъ Мазепы послѣ Дорошенка.

Несомнѣнно, что новый патронъ скоро оцѣнилъ Мазепу, какъ человѣка, которому хорошо были известны всѣ обычай дворской жизни и который, кромѣ того, былъ еще и хорошо обученъ наукамъ въ тогдашнемъ ихъ обиходѣ. Какъ бывшій королевскій „покоевый“, Мазепа могъ наставлять гетманскій „домъ“ въ надлежащемъ публичномъ его держаніи, а какъ бывшій воспитанникъ заграничныхъ училищъ, Мазепа могъ помогать

¹⁾ Кіевск. Стар. 1884 г., № 10, Томары.

и въ дѣлѣ „эдукації“ гетманскихъ дѣтей. „Сему человѣку (Мазепѣ) ввѣрилъ гетманъ Самойловичъ воспитаніе своихъ дѣтей“, говоритъ Бант.-Каменскій, ссылаясь на „малороссійскія дѣла коллежск. архива“. Не упоминалъ о свѣдѣніи Бант.-Каменскаго, г. Уманецъ не вѣритъ свѣдѣнію объ этомъ учительствѣ Мазепы, сообщаемому „Исторіей Русовъ“, причемъ указываетъ на бывшихъ при дѣтяхъ Самойловича учителей—монаховъ. Одно другому, какъ видно, не мѣшало.—Трудно сказать, насколько Мазепа могъ быть зачисленъ въ ряды „людей, окуренныхъ порохомъ“ (стр. 65), но несомнѣнно, что помогать въ воспитаніи гетманскихъ дѣтей онъ могъ, обладая плодами заграничной „эдукації“. А послѣдняя для Самойловича именно и была важна: своихъ дѣтей онъ хотѣлъ воспитать совсѣмъ по иному, чѣмъ самъ воспитывался. Пребываніе Мазепы въ первые годы при Самойловичѣ, въ качествѣ гетманскаго „дворянина“, сохранялось въ народной памяти еще и въ 1721 г. Интересный разсказъ записанъ въ этомъ году гетманскими чиновниками по жалобѣ жителей Конотопскаго села Мал. Самбора на Андрея Лизогуба за захватъ имъ Самборскихъ земель: „и когда то село Мал. Самборецъ—разсказывали мѣстные сторожилы—еще за власти гетмана Самойловича, досталось Мазепѣ, на тотъ часъ еще дворяниномъ будущему, въ то время Мазепа, принявши тое село.... и яко-жъ на тотъ часъ, зъ початку, еще не оживвшись, велѣль своему старостѣ спрягатися въ Иваномъ Охрѣменкомъ, Малосамборскимъ козакомъ....“¹⁾). Отсюда между прочимъ видно, что Мазепа пришелъ къ Самойловичу человѣкомъ не богатымъ, такъ какъ на первый разъ, въ новомъ хозяйствѣ, ему пришлось „спрягаться“ съ богатымъ козакомъ.

Такимъ образомъ дворская служба Мазепы у Самойловича на первый разъ была награждена лишь небольшою маєтностью. Въ ряды войсковой старшины Мазепа сталъ не скоро: по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Самойловичу и по прежней службѣ у Доротенка, Мазепа могъ удовлетвориться только генер. урядомъ (въ полковники Самойловичъ Мазепу, вѣроятно, не отпу-

¹⁾) Историч. Очерки сель Конотопск. уѣзда. (Черниговъ 1886), стр. 2.

стиль бы, чтобы не разставаться...), но для получения такого уряда требовалось, значитъ, время. По свидѣтельству, Бант.-Каменского, только въ 1682 г. Мазепа поставленъ былъ генеральнымъ есауломъ.—И въ званіи „дворянина“, и уже будучи генер. есауломъ, Мазепа вѣсколько разъ посланъ былъ Самойловичемъ въ Москву съ разными порученіями офиціального характера. Съ такими же порученіями посыпалъ Мазепу Самойловичъ и въ Киевъ, напр., для участія въ избраніи митрополита въ 1685 г. Г. Уманецъ замѣчаетъ, что при этомъ „въ Москву и Киевъ Мазепа возилъ только мысли Самойловича и нигдѣ не дѣйствовалъ офиціально по собственному усмотрѣнію“. А мы скажемъ, что иначе и быть не могло, такъ какъ Мазепа былъ очень уменъ, чтобы дѣйствовать иначе и затѣнять собою того, въ чьихъ пока рукахъ находилась его карьера... Нигдѣ не выказывая „собственного усмотрѣнія“, Мазепа тѣмъ не менѣе за тринадцатилѣтнюю службу при Самойловичѣ самъ хорошо узналъ Москву и Москву далъ возможность узнать себя. Въ это же время онъ еще лучше изучилъ тотъ персоналъ высшей войсковой старшины, которая и при самовластіи Самойловича не теряла значенія въ направленіи общественныхъ дѣлъ.

Результаты пребыванія Мазепы при Самойловичѣ, сначала—въ маломъ званіи гетманского „дворянина“, а потомъ въ генеральномъ чинѣ, обнаружились на Коломакѣ, лѣтомъ 1687 г., когда Самойловичъ былъ низложенъ, а на мѣсто его поставленъ былъ онъ, Мазепа. Кто былъ руководителемъ интриги противъ Самойловича, кто писалъ на него доносъ,—это пока окончательно еще не выяснено. Но результатъ интриги—на лицо. Преемникомъ Самойловича сталъ Мазепа. Г. Уманецъ говоритъ, что Мазепа избранъ правильно, а потому ни въ чемъ и винить его нельзя, кромѣ данной Голицыну десятитысячной взятки. Доказывая *правильность* выборовъ Мазепы, г. Уманецъ указываетъ и на значеніе „козацкаго лагеря“, юридически будто бы представлявшаго Малороссию, и на то обстоятельство, что выборъ Мазепы во всякомъ случаѣ правильнѣе де выборовъ Сомойловича, Многогрѣшнаго... Послѣднее указаніе едвали правильно. И Самойловичъ, и Многогрѣшный—поставлены на гетманство своею же бра-

тією старшиною, безъ того сильного посторонняго вліянія, ко-
торое имѣло мѣсто на Коломацкой радѣ и которое такъ по-
дробно описано въ дневникѣ Гордона ¹⁾. Читая это описаніе,
конечно, нельзя согласиться съ г. Уманцемъ, чтобы „избраніе
не зависѣло отъ Голицына“. Да и записка Мазепы къ Голицыну,
найденная между сокровенными бумагами послѣднаго, о по-
сылкѣ ему 10/т. рублей, обѣщанныхъ раньше ²⁾), видимо гово-
ритъ, что Голицынъ былъ купленъ за эту сумму раньше избра-
нія, такъ какъ поднесеніе подарка „человѣку своей партіи
послѣ избранія“, конечно, сдѣлано было бы въ реальному видѣ,
а не въ „обѣтницѣ“ 10/т. рублей, т. е. такой суммы, которой
даже не могло найтись у дарителя, когда онъ пообѣщалъ его
одарить... Тутъ виденъ уже не подарокъ post factum (который
въ семъ случаѣ и не простирался бы до такой огромной суммы),
а заранѣе условленная плата за обѣщанную помошь и плата
такого размѣра, что Мазепа на Коломакѣ и собрать ее не
могъ ³⁾... При этомъ, конечно, никто не станетъ спорить съ г.
Уманцемъ, что „людей прежнихъ эпохъ нужно брать въ обста-
новкѣ ихъ времени“, т. е. что Мазепу нельзя де особенно вин-
ить за то, что онъ купилъ гетманство взяткою.—Можно его
и не винить, но нельзя видѣть въ немъ „самаго популярнаго
человѣка если не во всей Малороссіи, то по крайней мѣрѣ въ
лагерѣ подъ Коломакомъ“. Мазепа былъ большой эгоистъ, былъ
скучъ, храбрости—совсѣмъ неизвѣстной... Словомъ, не видно
у него въ характерѣ тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ человѣка
популярнымъ. Но былъ Мазепа смышенъ и ловокъ и „во всей
Малороссіи, и въ лагерѣ подъ Коломакомъ“—и эта ловкость была
единственною причиною, доставившею ему булаву. Ловкость, съ

¹⁾ Tagebuch, II, 190.

²⁾ Устряловъ, Истор. царств. Петра В., I, 356, „Записка Мазепы князю В. Голицыну“.

³⁾ Отсюда, вѣроятно, идетъ преданіе, что Мазепа заплатилъ Голицыну взятку
денегами, взятыми въ долгъ у генер. обознаго Борковского (Б. Каменск., III,
и.р. 2) Такъ рассказывали потомки Борковского, хвастая богатствомъ предка... Вѣ-
роятѣе, что Мазепа просилъ этихъ денегъ на Коломакѣ у Борковского, но послѣд-
ній по скучности не далъ... Послѣдующія отношенія Мазепы къ Борковскому такую
догадку дѣлаютъ болѣе вѣроятною, чѣмъ преданіе потомковъ.

которою Мазепа обдѣльвалъ свое избрание, замѣчательна. Главный приемъ этой ловкости заключался въ томъ, чтобы устранить всѣхъ конкурентовъ, персоналъ которыхъ ограничивался лицами, подписавшими доносъ. Здѣсь значатся: генер. обозный Борковскій, генер. судья Вуяхевичъ, генер. писарь Прокоповичъ, пять „заслуженныхъ въ войскѣ особы“: Солонина, Яковъ Лизогубъ, Григорій Гамалъя, Дмитрашко-Раичъ и Степанъ Забѣла¹⁾. Изъ числа этихъ пяти безъурядныхъ лицъ, четыре—бывшіе полковники, а пятый, Забѣла, бывшій генер. хоружій, сынъ извѣстнаго долгою своею службою генер. обознаго Петра Забѣлы. Лизогубъ былъ полковникомъ у Дорошенка, на правомъ берегу, а остальные три на лѣвомъ, при чемъ Гамалъя былъ низложенъ еще при Брюховецкомъ, а Солонина и Дмитрашко были низложены Самойловичемъ. При этомъ Лизогубъ, Гамалъя и Дмитрашко по прежнимъ своимъ походженіямъ были старые авантюристы, хорошо знакомые съ старшинскою интригою. Вотъ эти пять лицъ, слѣдовавши за Самойловичемъ въ походѣ въ званіи лишь „значного товариства“, тѣмъ не менѣе были ядромъ вліятельной старшины, при чемъ четыре изъ нихъ несомнѣнно мечтали о возвращеніи прежнихъ полковничихъ урядовъ, а пятый, Забѣла, по своему знатному родству и богатству²⁾ и какъ отставной генер. хорувжій, хотя и не былъ до того полковникомъ, но, добиваясь высшаго уряда, могъ мириться, конечно, только на полковничествѣ.

Вотъ этихъ пять человѣкъ Мазепѣ, главнымъ образомъ, нужно было не только привлечь на свою сторону, но и поставить ихъ при этомъ въ положеніе властное... Такъ, повидимому, долженъ былъ разсуждать Мазепа, обдумывая планъ дѣйствій для достижениія булавы...

Несомнѣнно, что самый вѣрный къ этому способъ заключался въ предоставлениіи этимъ пяти лицамъ полковничихъ мѣстъ, но при томъ, конечно, такъ, чтобы мѣста ими были полу-

¹⁾ Источники Малор. Исторіи, Бант.-Каменск. I, 304. Значилъ тутъ еще, послѣднимъ въ числѣ подписавшихъ доносъ, п Кочубей, безъ указанія его уряда былъ онъ въ это время „реентомъ“ генер. канцелярии.

²⁾ Описаніе Стар. Малороссіи, II, 138.

чены чрезъ Мазепу или посредствомъ его. Причемъ сдѣлать это нужно было, разумѣется, до рады, т. е. въ тотъ моментъ, когда всѣ полковничы мѣста были заняты... И тѣмъ неменѣе все это было сдѣлано: *всѣ названные пять лицъ явились на раду 25 іюля уже полковниками*, и притомъ три изъ нихъ тѣхъ самыхъ полковъ, которыхъ они уже были и прежде полковниками, а Забѣла—полковникомъ того полка, въ которомъ находились его маєтности. Кромѣ того, Прокоповичъ и Кочубей явились на раду 25 іюля тоже съ повышенными урядами: бывшій передъ тѣмъ генер. писарь Прокоповичъ явился генер. судью (вторымъ), а бывшій „реентъ“ Кочубей—генер. писаремъ. Какъ же это сдѣлалось?—Фактъ этотъ до сихъ поръ не былъ отмѣченъ; не могло быть, значитъ, и его объясненій¹⁾. Изъ свѣдѣній Бант-Каменскаго, заимствованныхъ имъ изъ „дѣлъ коллежскаго архива“ (III, 5), видно, что 24 іюля Голицынъ собралъ у себя въ палатѣ „генеральную старшину“, при чемъ прочтены были новые „статьи“ будущаго гетмана и затѣмъ, по одобреніи ихъ старшиною, будто бы условлено было и избраніе Мазепы... Было ли говорено на этой *предварительной радѣ* о завтрашнемъ избраніи Мазепы—точно сказать нельзя, но несомнѣнно, что только въ этотъ моментъ могли быть поставлены *новые полковники и повышены въ рангахъ Прокоповичъ и Кочубей*. Другого подходящаго момента для этихъ перемѣнъ до 25 іюля не было.

Новые полковники были поставлены слѣдующіе: Лизогубъ въ Черниговъ, вмѣсто Григорія Самойловича, Гамалѣя въ Лубны, вмѣсто Ильяшенка²⁾, Дмитрашко—въ Переяславъ, вмѣсто Леонтия Полуботка³⁾, Солонина—въ Козелецъ (Кievск. полкъ),

¹⁾ Костомаровъ (Руїва, стр. 682) полагалъ, что эти лица были полковниками уже и въ то время, когда подписывали 7 іюля довѣсъ на Самойловича, но его ошибка тутъ лѣтственна: не могъ быть Лизогубъ Черниговскимъ полковникомъ, когда этотъ урядъ былъ завѣтъ Григоріемъ Самойловичемъ, Дмитрашко—Переяславскимъ, когда здѣсь былъ Леонт. Полуботокъ, Забѣла—Нѣжинскимъ, когда это мѣсто занималъ Ярема Непракъ, что видно именно изъ той страницы книги Ригельмана (III, 3), на которую Костомаровъ дѣлаетъ ссылку на стр. 691-й „Руїву“.

²⁾ Тестя гетманского адѣянника Михаила Самойловича.

³⁾ Сынъ Леонтия Полуботка Павелъ женатъ на дочери гетманского плѣянника Михаила Самойловича.

вмѣсто (кажется) Коровченка-Вольского, и Забѣла—въ Нѣжинъ, вмѣсто ничтожнаго Яремы Нецрака, (неизвѣстно откуда взявшагося и неизвѣстно куда дѣвавшагося). Наконецъ, поставленъ былъ и шестой—новый полковникъ Тимофей Алексѣевъ — въ Стародубъ, вмѣсто Якова Самойловича, при чёмъ и Алексѣевъ былъ уже и прежде Стародубскимъ полковникомъ и былъ низложенъ Самойловичемъ для очистки мѣста старшему сыну, Семену.

Всѣ эти шесть лицъ значатся полковниками на актѣ обѣ избраніи Мазепы, произшедшемъ 25 іюля ¹⁾). Кто же могъ распорядиться поставленіемъ новыхъ полковниковъ наканунѣ выборовъ новаго гетмана, когда прежніе полковники (за исключеніемъ двухъ сыновей Самойловича) формально еще оставались на своихъ мѣстахъ? Разумѣется, не та *рада*, которая собиралась у Голицына 24 іюля, потому что она состояла изъ пяти—шести лицъ (Борковскій, Вуяхевичъ, Прокоповичъ, Кочубей)... не имѣвшихъ значенія... Думается, что никто другой такого важнаго распоряженія, кромѣ Голицына, сдѣлать не могъ. Только власть Голицына могла устранить безъ всякаго суда прежнихъ полковниковъ, поставивъ имъ въ вину близость къ низложенному гетману. Выборы новыхъ лицъ на мѣсто устранныхъ тоже не могли произойти безъ чьего-либо особаго указанія и ходатайства. А Голицынъ могъ это сдѣлать по ходатайству—или самихъ лицъ, получившихъ полковничыи уряды, или того, для кого нужны были именно эти назначенія... Если Мазепа пообѣщалъ Голицыну 10/т. рублей за его помошь при выборахъ новаго гетмана, то Голицынъ долженъ былъ эту помошь оказать во всѣхъ тѣхъ ея частностяхъ, которые нужны были Мазепѣ. А какое же лучшее средство можно было употребить Мазепѣ для привлечения на свою сторону указанныхъ лицъ и сдѣлать ихъ властными, какъ не давши имъ возможности явиться на выборы—полковниками и притомъ желанныхъ ими полковъ... Голицыну дана была дорогая „обѣтница“, а Голицынъ далъ шести вліательнымъ лицамъ полковничыи мѣста, и на радѣ явилось шесть полковниковъ—несомнѣнно усерднѣйшихъ сторонниковъ Мазепы, потому что уряды

¹⁾ Собрание государств. грамотъ и договоръ IV, 558.

свои получили они посредствомъ этого самаго Мазепы...¹⁾ Повышены были при этомъ въ своихъ урядахъ, какъ сказано выше, еще и Прокоповичъ съ Кочубеемъ и, разумѣется, волею Голицына. Можно думать, что повышеніе при этомъ Кочубея въ генер. писари сдѣлано было потому, что Мазепѣ онъ былъ желательнѣе въ этомъ рангѣ, чѣмъ Прокоповичъ.—Неужели же не ясно, что „Голицынъ подсунулъ Мазепу козакамъ“? (Стр. 75). Поэтому едва ли можно говорить, что козаки, при выборѣ новаго гетмана, не имѣли никакихъ основаній, чтобы „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи,ничѣмъ неизвѣстнаго, имъ незнакомаго, только что потерпѣвшаго пораженіе и не бывшаго даже воиномъ по профессії“. Какъ будто бы рада 25 іюля происходила въ идеальной обстановкѣ... Всякую иллюзію при этомъ уничтожаетъ описание этой самой рады, сдѣланное очевидцемъ: на радѣ участвовало 2000 козаковъ (800 конныхъ и 1200 пѣшихъ), при чемъ это небольшое войско было окружено другимъ войскомъ—московскимъ, нарочно придинутымъ сюда по распоряженію, сдѣланному наканунѣ вечеромъ²⁾). Правда, участвовало на радѣ и все остальное козацкое войско, но лишь номинально, при чемъ представлялось оно лицемъ одного генер. писаря Кочубея³⁾... Вотъ при какой обстановкѣ Голицынъ спросилъ козаковъ—кого желаютъ они выбрать себѣ гетманомъ?... Козаки сначала молчали, а потомъ ближайшіе къ Голицыну назвали Мазепу, и это имя повторено было другими. Нѣсколько голо-

¹⁾ Замѣтимъ, что изъ шести полковъ, въ которые назначены были новые полковники, пять—были обширѣйшиe въ Малороссіи, занимая территорію едва ли не въ $\frac{3}{4}$ всей гетманщины. См. карту Малороссіи при книгѣ Шафонскаго Описи Черниг. намѣсты.

²⁾ Tagebuch Гордона, II, 189.

³⁾ На актѣ избрания, послѣ подписей наличной старшини, значится: „А вмѣсто полковъ, на службѣ монаршой икъ царского пресоѣти. величества зостающихъ на Запорожью, Чернѣговскаго, Переяславскаго, Прилуцкаго, Миргородскаго, охотницкихъ конныхъ Новицкаго и Пашковскаго и пѣхотныхъ Яворскаго и Герасимоваго и сотнѣ Глуховской, а вышней Кодаку на усть Самары—Нѣжинскаго и пѣхотныхъ Иваніеваго и Кожуховскаго, за самыхъ тыхъ полковниковъ, за старшину ихъ полковую, за сотниковъ и за атамановъ куренныхъ и за всю чернь, рядовое товариство, я, Василь Кочубей, писарь войсковой енералный, властною рукою подимусуюся“. Собр. госуд. грам. и договор., IV, 560.

совъ назвало было Борковскаго, но—sie wurden aber bald zum stillschweigen gebracht... (Гордонъ). Такимъ образомъ Коломацкая рада должна была „подчиниться внушеніямъ иностранного вельможи, хотя ничѣмъ неизвѣстнаго и не бывшаго воиномъ по профессії“, но повелѣвшаго всѣмъ бывшимъ въ походѣ русскимъ войскомъ, часть котораго окружала тотъ „козацкій лагерь на рѣкѣ Коломакѣ, который, по мнѣнію г. Уманца, въ этотъ моментъ совершенно легально обратился въ „Коломацкую раду“... Если и существовало какое-либо подобіе „теоріи государственного права Малороссії“ (стр. 70) въ формѣ „войсковыхъ обычаевъ“, то ужъ никакъ не могла имѣть эта „теорія“ примѣненія на Коломакѣ, гдѣ властно повелѣвалъ и распоряжался кн. Голицынъ, самый сильный тогда человѣкъ въ Московскому государствѣ...

Думается, что всего сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что Мазепа получилъ булаву только при помощи власти Голицына, которую онъ при этомъ такъ ловко эксплуатировалъ. Отсутствіе у Мазепы той популярности, которую приписываютъ ему г. Уманецъ, доказывается рядомъ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы. Эти событія указываютъ, что народъ считалъ избраніе Мазепы какою-то случайностью и не ожидалъ отъ новаго властелина крѣпкой власти. Обыкновенно бываетъ такъ, что когда, при смѣнѣ властителей, власть попадаетъ въ руки авторитетнаго и популярнаго избранника, то народъ сразу и всецѣло подчиняется новой власти. Не то бываетъ, когда эта власть достается незаслуженно человѣку сомнительнаго авторитета. Тогда народная масса обыкновенно спѣшитъ воспользоваться случаемъ или для заявленія какихъ-нибудь протестовъ, или—просто для того, чтобы побудить и сорвать на комъ-нибудь сердце. Такимъ образомъ заволновалась народная масса въ Малороссіи, когда на гетманство поставленъ былъ при протекціи Московскаго боярина (Великогагина) авантюристъ Брюховецкій, устранивъ народнаго предѣлизбранника Самка. Заволновалась народная масса и вслѣдъ за поставленіемъ въ гетманы Мазепы. Г. Уманецъ приводитъ случаи „поднявшагося волnenія“ среди козаковъ, находившихся

въ походѣ, при чёмъ „буйство разрослось“ до того, что Прилуцкіе полчане бросили своего полковника (Лазаря Горленка) живого въ печь, а затѣмъ ограбили свою полковую церковь; въ Переяславскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ арестованы были казаками ихъ прежніе полковники. Факты эти приведены въ книгѣ г. Уманца безъ объясненія¹⁾, при чёмъ не говорится въ ней о такихъ же волненіяхъ, произошедшихъ во многихъ мѣстахъ Малороссіи, вслѣдъ за полученіемъ тамъ извѣстія о новомъ гетманѣ. Такъ Лизогубовская лѣтопись, послѣ извѣстія о поставленіи Мазепы, говоритъ: „тогда чернь и мужики пановъ своихъ, а паче арендаровъ, грабовали, а иныхъ мучили, въ смерть забивали, по городамъ и въ Войску“²⁾. Новый властитель спѣшилъ тушить эти волненія не властью, а уступками массѣ, разославъ „универсалы по всей Украинѣ, жебы тую своеволю унимали, а тихъ бунтовщиковъ карали, а ежели кому какая кривда отъ кого есть, жебы правомъ доходили, а сами своихъ кривдъ не мстилися, а также постановили, жебы юже арендъ не было на Украинѣ на горълку, а ни на жадный напитокъ, опрочь индукты“. (Самовид., 1687 г.).

Отвергая подкупъ Голицына Мазепою для полученія булавы, г. Уманецъ говоритъ, что „по духу времени Мазепа не могъ не дарить людей своей партіи послѣ избранія“. Дѣйствительно, Мазепа сдѣлалъ нѣкоторые подарки послѣ своего избранія. Подарки эти выразились въ маєтностяхъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ гетмана. Но подарки были сдѣланы почти исключительно людямъ незначительнымъ и, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдствіе близкихъ личныхъ къ немъ отношеній нового гетмана. Важные люди, какъ мы видѣли, были награждены урядами уже передъ выборами; дѣлать имъ еще подарки Мазепа находилъ ненужнымъ. Кого Мазепа одарилъ послѣ своего избранія, видно изъ слѣдующаго перечня универсаловъ на маєтности, выданныхъ въ первыя шесть недѣль послѣ 25 іюля³⁾.

¹⁾ Убитъ былъ еще Гадяцкими полчавами и бывшій миргородскій полковникъ Кіашка. Tagebuch Гордона, II, 188.

²⁾ Сборн. лѣтописей, изд. Кіевск. Арх. Ком. 1888 г., стр. 34. См. также Сулим. Арх., 25, Мотыж. Арх., 3, Кіевск. Стар. 1889 г., лѣто. Мгарск. м-ря, стр. 8—9.

³⁾ Перечень универсаловъ на маєтности, рукоп. нашей б---ки.

1687 г., 26 июня. Генер. судъ Саввѣ Прокоповичу подтверждение права на с. Кудровку.

— 17 августа. Черниговскому полковнику Якову Лизогубу на с. Сосновку. (Универсалъ выданъ на пути изъ-подъ Коломака въ Батурина, въ г. Ромны).

— 17 августа. Войск. товар. Данилу Лѣсницкому на с.с. Матяшовку и Милюшки.

— 25 августа. Прилуцкому полковому есаулу Ивану Носу на с. Голубовку.

— 25 августа. Черниговскому войсков. писарю Ивану Скоропадскому (будущему гетману) на села Выхвостовъ, Боровицу и слоб. Дроздовку.

— 25 августа. Войсков. товарищу Пантелеймону Радичу на с.с. Буянку и Сахновку.

— 27 августа. Кролевецкому сотнику Ивану Маковскому на с. Подоловъ.

— 28 августа. Войсков. товарищу Карпу Мокріевичу подтверждение права на с.с. Сибережъ, Ямище и Гучинъ.

— 9 сентября. Вдовѣ прилуцк. полк. писаря Раковича Агафьѣ подтверждение права на с.с. Петровку и Поповку.

Сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторыя поясненія.

Универсалъ Саввѣ Прокоповичу, выданный хотя и на другой день послѣ избранія, но лишь заключающій въ себѣ подтверждение на имѣвшуюся уже у него маетность, показываетъ, что Мазепа считалъ достаточнымъ повышеніе Прокоповича въ генер. судью.

Универсалъ Якову Лизогубу, поставленному на Коломаѣ полковникомъ одного изъ значительныхъ полковъ (Черниговскаго), на с. Сосновку, данный на пути изъ-подъ Коломака въ Батурина, долженъ указывать, что Лизогубъ, *не имѣя въ это время ни одной маетности, спѣшилъ* выпросить у нового гетмана универсалъ на село, около котораго онъ, переселившись изъ-за Днѣпра, имѣлъ уже значительное хозяйство¹⁾). Поэтому Лизогубу важно было получить именно Сосновку, хотя и находившуюся въ чужомъ полку. Никому изъ другихъ пяти новыхъ полковниковъ

¹⁾ Кіевск. Стар. 1882 г., № 1. Лизогубы.

Мазепа маєтності не далъ, тоже, значитъ, находя, что они получили уже хорошую награду въ видѣ урядовъ.

Данило Лѣсницкій, занимая совсѣмъ невидное положеніе въ „Войскѣ“, получилъ, однако же, *два села*. Это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Лѣсницкій былъ пасынкомъ Степ. Кунинцкаго, товарища Мазепы по службѣ у Дорошенка¹⁾.

Нось, Скоропадскій и Радичъ получили маєтности, можетъ быть, въ благодарность за ту или другую помощь, оказанную при избраніи. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Нось былъ вообще очень юркій человѣкъ по своему характеру, а Скоропадскій отличался угодливостью... Кролевецкій сотникъ Маковскій былъ почему-то очень близокъ къ Мазепѣ и въ народѣ известенъ былъ, какъ „кумъ“ послѣдняго²⁾.

Вдова Раковича могла получить универсалъ по ходатайству Носа, который былъ женатъ на сестрѣ умершаго ея мужа³⁾.

Трудно объяснить выдачу универсала Карпу Мокріевичу. Мокріевичу приписывается главное руководительство въ интригѣ, низложившей Многогрѣшнаго. Какъ видно, дѣйствія его при этомъ были таковы, что и свои отъ него отвернулись: на радѣ, выбравшей преемника Многогрѣшному, Мокріевичъ былъ устраненъ отъ писарства и остался въ ряду „знатныхъ войсковыхъ товарищѣй“. За предательство Мокріевича, Лазарь Бараповичъ публично обзывають его Иудою, какъ объ этомъ разсказываетъ Орликъ въ его письмѣ къ Яворскому. Вотъ этому Мокріевичу Мазепа нашелъ нужнымъ почему-то тоже дать подтвердительный универсалъ въ первые дни своего гетманства.

Изъ всѣхъ этихъ универсаловъ мы видимъ, что Мазепа считалъ достаточною наградою для подписавшихъ доносъ на Самойловича лицъ—повышеніе ихъ урядами. Одинъ остался не повышеннымъ на урядѣ (не было высшаго уряда)—генер. обозный Борковскій, и онъ былъ награжденъ маєтностями: въ октябрѣ 1687 г. Мазепа далъ Борковскому три богатыхъ села—Орловку, Брусиловъ и Тупичевъ.

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ Кіевск. Стар. 1886 г., 1 іюнь, 453.

²⁾ Опис. стар. Малороссія, II, 366, 369.

³⁾ Кіевск. Стар. 1888 г., ноябрь, 369.

„МАМАЙ“
(репинські редакції)

„МАМАЙ“

Библиотека "Руниверс"

МАМАЙ.

Изображение запорожца.

(Къ рисункамъ).

Запорожскій козакъ былъ долгое время олицетвореніемъ малорусского народнаго идеала. Его воспѣвала народная поэзія, его-же стремилась выразить въ краскахъ народная живопись. Въ старое время по всей Малороссіи очень распространена была картина, обыкновенно написанная какимъ нибудь наивнымъ и неискуснымъ сельскимъ художникомъ, на которой изображался козакъ съ обычными атрибутами своего быта, каковы: осѣдланный конь, списъ, лукъ, мушкетъ, шабля, люлька и бандура. Для поясненія мысли художника на картинѣ помѣщались обыкновенно стихи, представляющіе болѣе или менѣе краткую, но мѣткую и проникнутую юморомъ характеристику изображаемаго молодца. Иногда портретъ запорожца дополнялся изображеніемъ повышенного имъ на деревѣ за ноги жида; иногда художникъ давалъ просторъ своей фантазіи и портретъ разрастался въ цѣлую жанровую картину, на которой появлялись другіе козаки, истребляющіе надъ котелкомъ въ стени горячія галушки съ приправой горилки и жартовъ; появлялся жидъ, умоляющій о пощадѣ; другого жида козакъ вздергиваетъ въ это время на дубъ внизъ головою. Разговоры дѣйствующихъ лицъ изображены въ видѣ надписей, вытягивающихся изъ ихъ устъ. Иногда по-

вѣшеный на дубѣ жидъ замѣнялся козакомъ, который съ обрублеными руками болтается на деревѣ также внизъ головою. Такія картины, по объясненію А. А. Скальковскаго, дѣлали Поляки въ 1760 годахъ на страхъ гайдамакамъ и выставляли ихъ по корчмамъ и на ярмаркахъ¹⁾.

Двѣ картины, первого и второго типа, сохранились въ музей В. В. Тарновскаго, откуда мы и воспроизведимъ ихъ на прилагаемыхъ рисункахъ. На первой картинѣ, ограничивающейся портретомъ Запорожца, помѣщена надпись:

„Гай, гай! Якъ я молодъ бувавъ, що то во мнѣ була за сила, ляхѣвъ, жидѣвъ, туркѣвъ, татаръ воюючи, и рука немлѣла. А теперъ и вонъ силнѣща здаеця; плечи и ногтѣ болить, якъ день и нѣчъ попобиеця. Отъ така то буча недовга нашихъ лѣть година; скоро цвѣте и вянє, якъ у полѣ билина.

Хоть на мене и дивись, да ба не вгадаешь, вѣтки родомъ и якъ зовутъ, вѣчичірѣ не знаешь. Колы трапилось кому въ степахъ бувати, то той можеть мое имя и призвѣще оугадати. Бо въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката, такъ назовуть якъ натрапишь на якого свата; жидъ зъ бѣди аз бѣди за рѣдного батька почитае, а лахъ милостивимъ добродзеемъ називае, а ти якъ хочь назови, на все позволяю, абы не крамаремъ, бо зате и пополаю; отъ лахи трохи оугадали що лошака подаровали, посмотри на гербъ знаменитый, что сверху онъ прибитій.

Гей нуте степи горѣть пужарами, пора мѣнять кожухъ на жупани, та якъ добрій ярмарокъ и оудача покаже, то ще не одинъ лахъ изъ жидомъ въ барѣши, пекъ имъ якъ наможутся, поляже; то мушу оуступити за шкатулу червонихъ и за рѣгъ золотомъ литій. Кожухъ шкорупѣлій скинувъ имъ до ката, аби якъ спуратся оу прямого свата, та вже бѣжишь на сѣчъ моторичу нити, цуръ имъ бѣгдай. Якъ извили насъ лахи дурити а надѣя певна мушкетъ сѣромаха, та еще не заржавѣла и шабля моя сваха, хоть уже и неразъ пасокою вѣмилась да и теперъ якъ бы разозлилась.

¹⁾ Порубежники. Соч. А. Скальковскаго. Вып. IV, 1850, стр. 204.

Случилось минѣ и не разъ въ степу варити пиво: пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво, то и теперь до вражжого батка валяеца въ степу спохмѣля головъ, костокъ мертвихъ, отого весѣля.

Да и справдѣ пристарѣвши на Русь пѣти мушу, ачай тамъ отпоминаютъ попи мою душу, тілко жъ минѣ негля на лавѣ оумѣрати и съ французами бере охота ище погуляти.

То не одинъ кателикъ либо и два не стане, якъ случится.... на спису застрияне; да якъ натягну и лукъ та бразну тетиву, мусить ханъ Кримскій за Дунай футѣкати зъ ордою.

Хотя и минѣ нестрашно на стеноу оумѣрати, тилко жалко що нѣкому буде поховати: татаринъ цурается, а жидъ зъ лахомъ не приступить, хиба якій звѣроха въ байраки поцунить.

Ачай минѣ въ степахъ що небудь прикинуть для смерти, однакъ ще не одному лаху зъ жидомъ мушу носа втерти.

Оуже хотъ трохи зъледачївъ, однакъ чуются плечи, щебъ прогнавъ хоренгу за Віслу и розлетѣлася бѣ съ французами лахва, якъ одъ жару блохва. Вѣдкіль родомъ Я на свѣтѣ, всякъ въасъ хоче знати, ясенъ на сѣчѣ и всякий назови братомъ.

А имя минѣ Хома, що на головѣ волося нема, бувъ космокъ, да и той оу Дунаи за три днѣ одмокъ».

На второй картинѣ надъ главной фігурой надписано: „Козакъ Мамай“. Онъ играеть на бандурѣ и говоритъ, обращаясь къ товарищамъ: „по трудахъ, хлонци, гуляйте, лишь дило свое сполняйте“. Одинъ изъ вечеряющихъ козаковъ, подавая чарку другому, говоритъ: „пый, брате, за Йося, та тягны за лобъ и Мося“. Третій, держа галушку на спичкѣ, обращается къ жиду: „намъ грошай твоихъ не треба, за такихъ платять спасеннемъ зъ неба.“ Жидъ говоритъ: „ой вей, пане Мамаю, помилуй мене, я ни копѣйки грошай не маю.“ Козакъ, вздергиваюшій жида за ноги на дерево, приговариваетъ: „годи тоби, вражій сыну, чвертки пысаты, ось будешъ на дубови маюхвесъ¹⁾ спываты“. Подъ повѣшеннымъ жидомъ подписано: Йось.

¹⁾ Маюхвесъ=Maifest, жалобная еврейская пѣснь.

На первой картинѣ имя козака—Хома безъ прозвища. На второй онъ названъ Мамаемъ. *Мамай*—не былъ вымысломъ народной фантазіи, а, дѣйствительно, въ срединѣ прошлаго столѣтія существовало два лица, преимущественно носящихъ это имя. А. А. Скальковскому удалось собрать о нихъ слѣдующія свѣдѣнія.— „Съ 1750 года, восемь лѣтъ сряду, границы Польскія были терзаемы гайдамаками. Страхъ народный увеличивалъ ихъ число до невѣроятности, такъ что теперь, когда намъ вполнѣ известно ничтожное число этихъ грабителей, не имѣвшихъ никогда и 300 человѣкъ въ одной шайкѣ, понять даже трудно, какъ ихъ въ одну экспедицію не истребляли ни польскіе, ни русскіе коменданты. Особенный ужасъ наводила въ Украинѣ шайка *Мамая*, козака Запорожскаго.... Оказывается, что подъ этимъ именемъ дѣйствовало два лица. Одинъ *Мамай* въ 1750 году пришелъ на байдакѣ въ Мошны и какъ это мѣстечко, такъ и всѣ имѣнія князя Любомирскаго разорилъ и людей изрубилъ. Генераль Ле онтьевъ сильно его преслѣдовалъ, а его команды за нимъ долго по степямъ гонялись, пока, наконецъ, не настигли его. Шайка его была совершенно истреблена, а самъ атаманъ былъ повѣшенъ и четвертованъ. Голову его съ шапкою и усами воткнули на шпиль и поставили на мосту въ Тарговицѣ. Нѣкій Андрей Харченко снялъ съ этой головы шапку, надѣлъ на себя и назвалъ себя Мамаемъ. Этотъ *Мамай*, по примѣру своего предшественника, ходилъ съ шайкой на Ладчину. Черкасскій губернаторъ Ростковскій писалъ о немъ русскимъ пограничнымъ властямъ слѣдующее: „Сего 1758 года мѣсяца апрѣля въ прошлыхъ числахъ козакъ куреня Щербиновскаго въ Сѣчи Запорожской, называемомъ *Мамай*, напавши съ чатою своею гайдамацкимъ способомъ на маєтности здѣшнія Украинскія, а особливо на мѣстечко *Мошны*, и старство Черкасское разорилъ. Не только людей зруйновалъ, худобы оныхъ позабиралъ и нѣсколько надесять человѣкъ слушныхъ обывателей поубивалъ и осѣдлости попалилъ, да и церкви святыхъ пообдирали, что только знайдовалось въ оныхъ позабиралъ; все отъ мала до велика разгромилъ и внивецъ означенное мѣстечко обернулъ. Откуда возвра-

тившиесь байдакомъ, рѣкою Днѣпромъ плывучи внизъ съ чатою своею и здѣсь въ староствѣ Черкасскому, въ селѣ Ломоватомъ, людямъ худобы позабиралъ и нѣкоторыхъ мучивъ мало не до смерти, и оттуда отплывши, ѿхалъ тѣмъ же байдакомъ водою до староства Чигринскаго, въ которомъ приставши до берега и забравши добычъ оную на нѣсколько десять возовъ, посреди бѣла дня переѣхалъ въ томъ же староствѣ на Каланчаевскую треблю въ слободы малороссійскія мимо караула, стоящаго тамъ при Русской границѣ“..... Второй Мамай впослѣдствіи, по распоряженію польскихъ властей, былъ сначала посаженъ на палю, а потомъ повѣшенъ“¹⁾.

Собиратели этнографическихъ матеріаловъ давно обратили внимание, какъ на народный портретъ Запорожца, такъ и на преданія о Мамаѣ, съ нимъ связанныя. Мы знаемъ слѣдующія литературныя извѣстія обѣ этомъ предметѣ.

1) 16-го іюля 1848 года П. А. Кулишъ, посылая О. М. Бодянскому изъ Тулы нѣкоторыя бумаги, писалъ ему:

„Першый шпаргалыкъ. Може выдавъ,—де вже не выдати? де-инде по Вкраини голеного запорозця намалёваного, що седя, пидобгавши ноги, грає на кобзи та ще й промовляє. А що промовляє, те внизу й пидписано. Ляхи зовуть ёго въ своїхъ книжкахъ *Козакомъ Мамаємъ*. Есть коло Субботова, чы що, и дубъ Мамаивъ, де винъ вишавъ ихъ браччыківъ та жыдову. Було въ мене воно десь и записано, та вже запамятавъ. Отъ же я колись бувъ у Мошнахъ и знайшовъ тамъ сего козарлюгу изъ такою пидписью, що краща й просторница одъ усихъ іншихъ; та й саме малевання вже старе дуже, що ажъ полупалось, дахъ тымъ-то я й нерозибравъ одного слова на киці—чи *головатый*, чы *бородатый*. Самъ уже домизкуєсся,—моє дило тильки зписати“²⁾.

¹⁾ Порубежники. Соч. А. Скальковскаго. 1850. Вып. III, стр. 65, 66, 70, 71, 13, 185; вып. IV, стр. 53, 71. Подзаглавіе III и IV выпусківъ: „Мамай“. Новѣсть 7758—1760 годовъ. Въ 2-хъ частяхъ.

²⁾ Кіевск. Стар. 1898, февраль, стр. 290.

2) Въ заключеніи къ упомянутой выше въ примѣчаніи по-вѣсти „Мамай“, занимающей III и IV вып. „Порубежниковъ“, А. А. Скальковскій въ 1850 г. писалъ: „О Мамаѣ сохранилось много преданій и памятниковъ; много крестовъ каменныхъ и бабъ обломанныхъ называются *Мамаями*; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшій экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова въ Мошнахъ (Кiev. губ.), но тысячи копій вы найдете по всей Українѣ... Въ Киевской губерніи Чигиринскаго уѣзда въ Бураковскомъ лѣсу по дорогѣ изъ казеннаго селенія Херсонки въ с. Нестеровку есть еще дерево, называемое *Мамаевымъ дубомъ*; стволъ его, необыкновенной толщины, весь избуравленъ отыскивателями кладовъ“¹⁾.

3) Извѣстный составитель *Этнографического альбома*²⁾, оставшагося ненапечатаннымъ, докторъ Де-ла-Флизъ, помѣстилъ въ свое мѣсто альбомъ снимокъ съ портрета Запорожца и снимокъ съ Мамаева дуба, раскрашенные акварелью. Въ объясненіяхъ къ снимкамъ Де-ла-Флизъ говоритъ: „Между поселянами есть преданіе о разбойнике Мамаѣ и во многихъ домахъ находится картина, изображающая сего разбойника, сидящаго подъ дубомъ съ бандуркою въ рукахъ; подъ этой картиной есть стихи... Въ Чигиринскомъ уѣздѣ около деревни Херсонки я видѣлъ огромнѣйший дубъ, давно уже усохшій и безъ вѣтвей; его называютъ дубомъ Мамай и сказываютъ, что подъ этимъ дубомъ Мамай располагался своимъ таборомъ и вѣшалъ на вѣтвяхъ его поляковъ и жидовъ, попадавшихся въ его руки, и на немъ же послѣ самъ былъ повѣщенъ“.—„Мамаевъ дубъ, срисованный съ натуры. Сей дубъ находится въ уроцишѣ Васильковскомъ Мотренинской дачи возлѣ д. Херсонки Чигиринскаго уѣзда, у котораго разбойникъ Мамай весьма часто располагался таборомъ, какъ говорить мѣстное преданіе. Дубъ сей имѣеть

1) Вып. IV, стр. 204—205.

2) Рукопись церковно-археологического музея при Киевской Дух. Академіи № 206. Альбомъ составленъ въ 1854 г. См. Описаніе рукописей Н. И. Петрова, 1875, стр. 153—155.

толщины 3 $\frac{1}{3}$ аршина при раздѣленіи вѣтвей и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ, какъ дерево то безъ листья... Во времія пребыванія у сего дерева пиры его (Мамая) обозначались кровавою мечстью на полякахъ и жидахъ, которыхъ, попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на вѣтвяхъ сего дуба, на которомъ и самъ, пойманный, по распоряженію польского правительства повѣшенъ¹⁾. Рисунокъ дуба представляетъ гигантское дерево, лишенное вѣтвей и листьевъ, съ ободранной корой внизу ствола и съ клочьями зеленаго мха во впадинахъ¹⁾.

4) Въ I томѣ Записокъ о Южной Руси (1856 г.) на стр. 316—319 П. А. Кулишъ напечаталъ одинъ изъ извѣстныхъ ему вариантовъ надписей на изображеніи Запорожца подъ заглавиемъ: „П. Стихи на картинѣ, представляющей Запорожца-Кобзаря“. Никакого примѣчанія, поясняющаго, гдѣ хранится картина, съ которой списаны надписи, нѣть.

5) Въ 1888 году Д. И. Эварницкій описалъ портретъ Запорожца, видѣнныи имъ въ г. Новомосковскѣ у крестьянина Ивана Чуприны, который унаслѣдовалъ его отъ предковъ, и напечаталъ помѣщенные подъ нимъ стихи. „Этотъ портретъ“, говоритъ г. Эварницкій, „одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, которые ходать съ разными варіаціями по Старой и Новой Малороссіи, съ подписаными подъ ними стихами, иногда короткими, иногда очень длинными“²⁾.

Насколько намъ извѣстно, снимки съ народныхъ изображеній Запорожца вообще или Мамая были до сихъ поръ напечатаны дважды:

1) Въ приложеніи въ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ кніазя Мышецкаго, изданной въ Одессѣ въ 1852 г. (съ экземпляра Одесского музея Общества исторіи и древностей).

2) Въ книгѣ Д. И. Эварницкаго „Запорожье“ и пр., 1888, т. I, стр. 72, рис. 5 (съ экземпляра собранія Я. П. Новицкаго).

А. С.

¹⁾ Рукописи стр. 80—85.

²⁾ См. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народы. Слѣд. 1888 г., т. I стр. 73—75.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Малороссійскія п'есы въ казармѣ. Трудна и томительно однообразна казарменная жизнь солдата. Понятно поэтому, что доставленіе разумныхъ развлечений обитателямъ казармъ крайне важно. Вотъ почему мы видимъ довольно частыя посѣщенія солдатами заѣзжаго театра и цирка. Однимъ изъ наиболѣе доступныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе пріятыхъ развлечений для солдата является постановка такъ называемыхъ «солдатскихъ спектаклей».

Не говоря о важномъ воспитательномъ значеніи и сближеніи солдата съ офицеромъ (устроителемъ спектакля) на почвѣ вѣнчурской, сближенія крайне необходимаго для разумнаго руководства массами въ минуты необходимости, мы отмѣтимъ только значение его для жизни казармы, какъ развлечения.

Оно прежде всего пріятно для актеровъ. Дни репетиціи для актеровъ—это чрезвычайно пріятные дни. Актеры почти забываютъ, что они солдаты въ казармѣ, и отдаются всей душой разучиванію и исполненію незамысловатыхъ ролей и забываютъ здѣсь свои служебныя неудачи. Намъ случилось наблюдать, какъ одинъ изъ актеровъ,

Отд. II.

фейерверкеръ, будучи разжалованъ въ рядовые, все-таки продолжалъ репетиціи и съ успѣхомъ участвовалъ въ представленіи, несмотря на всю тяжесть понесенного взысканія. Онъ на репетиціяхъ забывалъ свое горе, и его самолюбіе послѣ перенесенного удара получило нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что его не исключили изъ числа актеровъ. Это удержало его отъ дальнѣйшихъ ошибочныхъ шаговъ, и скоро онъ возстановилъ свою репутацію и получилъ обратно утерянное званіе.

Что устройство спектаклей доставляетъ большое удовольствіе солдатамъ, видно изъ того, что стоитъ офицеру разъ выразить желаніе устроить спектакль, чтобы потомъ къ нему обращались съ просьбами о дальнѣйшемъ движениі дѣла.

Кромѣ солдатъ-актеровъ, солдатскій спектакль доставляетъ удовольствіе солдатамъ зрителямъ. Во-первыхъ, онъ даетъ имъ нѣкоторое эстетическое наслажденіе (конечно, при удовлетворительномъ исполненіи, чего всегда можно добиться), да кромѣ того приятно имъ и сознаніе, что «не одни паны могутъ играть, а и нашъ братъ солдатъ».

Такого рода развлеченія намъ случалось устраивать въ казармы войсковой части, расположенной на одной изъ нашихъ окраинъ.

Достаточно намъ было одного-двухъ солдатъ спросить, «не найдутся ли охотники играть на сценѣ?», какъ труппа была уже готова. Оставалось выбрать пьесы и разучивать.

Мы не будемъ здѣсь разбирать скучный репертуаръ нашего народнаго театра и доказывать трудность выбора пьесы. Не въ этомъ цѣль настоющей замѣтки. Мы имѣли въ виду разсказать, какія малорусскія пьесы мы поставили, кто и какъ ихъ сыгралъ, и какое впечатлѣніе произвели на зрителей.

Приступая къ устройству спектакля и имѣя въ виду, что въ части войсковой имѣется достаточный процентъ малороссовъ и что въ число актеровъ записалось нѣсколько человѣкъ ихъ, мы рѣшились разучить не только всю русскую народную пьесу, но и малорусскій водевиль. Наше предложеніе было встрѣчено восторженно. Актерамъ воронежцамъ такъ понравилось оно, что они съ нетерпѣніемъ ждали, когда будемъ читать пьесы. Подъ руками оказались «Москаль-Чаривныкъ» Котляревскаго и «Простакъ» В. Гоголя. Обѣ пьесы были прочитаны, и выборъ палъ на «Простака». Въ этомъ мы сошлись съ актерами. Эта пьеса показалась актерамъ и болѣе естественной, и

Болѣе простой. Разворали роли. «Романъ, украинскій козакъ» сразу овладѣлъ своей ролью и потребовалъ только небольшихъ поправокъ. «Параска, єго жинка» была понята солдатомъ и нѣкоторыя мѣста— первыя сцены съ мужемъ—были хорошо исполнены на первой же репетиції. Остальныя сцены, особенно кокетничаніе и запрыгиваніе съ дьячкомъ требовало упорной работы. «Соцькій» былъ слабъ. Солдатъ, исполнявшій его, очень конфузился, а главное плохо владѣлъ языкомъ и требовалъ постоянныхъ поправокъ въ произношеніи, хотя онъ чистокровный малороссъ, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда. Во время представленія этотъ авторъ такъ смущился, что пропустилъ цѣлую сцену, что вызвало сначала нѣкоторое замѣшательство, особенно непріятное потому, что мы играли, какъ и всегда, безъ суплера. Послѣ этой неудачи солдатъ отказался отъ всякаго участія въ спектакляхъ. «Москала» изображалъ уроженецъ могилевской губерніи, съ великорусскимъ говоромъ, съ нѣкоторой примѣсью бѣлорусскаго. Онъ требовалъ большихъ поправокъ, хотя и игралъ привычный ему образъ—солдата. Онъ тоже отказался отъ участія въ дальнѣйшихъ спектакляхъ, но потому только, что обиліе служебной работы не оставляло ему достаточно досуга для участія. Самой трудной ролью оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, роль «Дьячка». Солдатъ, взявшиіся играть «Дьячка», былъ малограмотный, но зато единственный изъ всѣхъ нашихъ актеровъ, игравшій раньше на сценѣ. Онъ прежде, еще въ сельской школѣ, игралъ Царя Максиміліана и теперь можетъ прочесть его напаузъ съ свойственнымъ исполнителямъ этой известной пьесы пафосомъ. Быть можетъ, именно это участіе въ безтолковомъ исполненіи Царя Максиміліана и было отчасти причиной, что онъ не сразу овладѣлъ своей ролью, гдѣ отъ него прежде всего потребовалось, хотя и своеобразное, но выразительное чтеніе. Послѣ долгой работы, почти надъ каждой фразой, онъ овладѣлъ ролью настолько, что исполненіемъ своимъ доставилъ большое удовольствіе зрителямъ и заставилъ ихъ отъ луши поххотать.

Этотъ спектакль былъ на Рождество, слѣдующій мы поставили на маслянную. Здѣсь малорусскій водевиль былъ «Гласный» П. Козловскаго. «Мыколу Ивановыча Лагоду» исполнялъ тотъ же солдатъ, который игралъ Романа въ «Простакѣ», и надо отдать ему справедливость, что онъ въ «Лагодѣ» не повторилъ «Романа» и далъ новый образъ. «Прасковья Хведоровна» была исполнена тѣмъ-же, кто

игралъ «Параску» въ «Простакѣ», а «Васыля Васыльевича Цуркына» игралъ бывшій «Дьячокъ». Надъ Цуркинымъ пришлось опять много поработать, такъ какъ у солдата крѣпко осталась въ памяти роль «Дьячка», и сначала онъ то и дѣло переходилъ въ дьяковскій тонъ. «Катрю» изображалъ новый солдатъ, впервые изызвившій желаніе играть. Будетъ даже правильнѣе, если мы скажемъ, что его пригласили остальные актеры, такъ какъ онъ по своей фигурѣ болѣе другихъ подходитъ къ роли «дивчины». Выборъ былъ очень удаченъ, такъ какъ загримированнымъ онъ оказался очень красивой «дивчиной», да и сыгралъ эту роль настолько хорошо, какъ только можно было сыграть ее солдату. Ясно, значить, что заботясь о хорошей постановкѣ пьесы, актеры-солдаты подумали прежде, чѣмъ указали мнѣ на этого актера. «Михайло Семенюта», молодый царубокъ, вышелъ нѣсколько тяжеловатъ и неповоротливъ — солдатъ не подходилъ къ роли и не обладалъ ею, несмотря на все стараніе наше.

Третій спектакль былъ поставленъ лѣтомъ, въ лагерь. Зрите-лами были и окрестные дачники. Малорусскій водевиль былъ «Якъ на доби роги ростуть» Боровиковскаго. Здѣсь «Охрима Лемпіку» исполнялъ опять тотъ-же, уже поработавшій надъ ролями стариковъ, солдатъ. Несмотря на это, роль эта была имъ исполнена менѣе удачно, чѣмъ двѣ предыдущія. «Кицьшолапенко» игралъ опять бывшій «дьячокъ», и здѣсь опять «дьячка» ему очень помогъ. Онъ почти сразу понялъ роль и не требовалъ большой надъ собою работы. Зато много пришлось поработать надъ ролью «Омелька». Выборъ актера для роли дурня былъ неудаченъ. Актеръ, исполняющій дурня на сценѣ, долженъ быть самъ умнымъ,—тогда только онъ можетъ изобразить настоащаго дурня. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ этого не было, и «Омелько», представляющій слабое подражаніе «Степѣнку» Квитки, не былъ хороши. Немного лучше оказался «Микола Зубенко». Зато очень удачно исполнилъ роль «Оксаны» молодой солдатъ, непрослужившій еще и года въ войскахъ, малороссъ, уроженецъ саратовской губерніи. Правда, будучи самъ по натурѣ вялъ и скроменъ, онъ лучше изобразилъ «Оксану» тамъ, где она является послушной и покорной жинкой, а не въ тѣхъ сценахъ, где она—безшабашная, веселая молодыца.

Вотъ въ краткихъ словахъ исполненіе пьесъ.

Что касается исполнителей, то таковых въ малорусскихъ воевавшихъ участвовало одиннадцать человѣкъ, изъ нихъ восемь воронежской губерніи, острогожского уѣзда; двое могилевской губерніи, климовичскаго уѣзда, а одинъ саратовской губерніи, балашовскаго уѣзда. Въ числѣ воронежцевъ одинъ на службѣ уже 4 года, трое—3 года, двое—2 года и двое—2-й годъ. Могилевскіе оба два года прослужили, а саратовскій служить только первый годъ, еще только что окончилъ курсъ молодыхъ солдатъ. Четверо изъ нихъ прибыли на службу неграмотными, а остальные научились хорошо грамотѣ и прошли высшую войсковую школу—учебную команду. Двое пришли малограмотными,—одинъ изъ нихъ окончилъ учебную команду. Всѣ остальные, включая и молодого солдата, пришли на службу грамотными.

Никто изъ актеровъ, кроме одного, о которомъ сказано было выше, не только никогда не участвовалъ ни въ какомъ спектаклѣ, но до поступленія на службу и не видаль театра и не имѣлъ о немъ представлѣнія. Только будучи уже на службѣ, некоторые изъ нихъ видали театръ.

По происхожденію—всѣ крестьяне.

И эти актеры такъ заинтересовались спектаклями, что охотно исполняли роли, при чемъ двое изъ нихъ участвовали во всѣхъ трехъ пьесахъ, одинъ въ двухъ, изъ остальныхъ только одинъ отказался играть по нежеланію участвовать, остальные же не повторяли ролей по случайнымъ, отъ нихъ независѣвшимъ обстоятельствамъ. Исполненіе именно малорусскихъ пьесъ такъ ихъ заинтересовало, что всѣ они, кроме могилевцевъ, записывались только на малорусскія пьесы, и у настѣ, такимъ образомъ, образовались двѣ труппы—одна великорусская, другая малорусская. Къ сожалѣнію, не у всѣхъ малоруссовъ сохранилась чистая малорусская рѣчъ, и мнѣ частенько приходилось поправлять ихъ говоръ. Порча языка происходитъ еще въ деревнѣ. Солдаты-актеры объясняли мнѣ, что старики въ деревнѣ говорить не такъ, какъ они, и что народная малорусская пѣсня частенько уступаетъ мѣсто разудалой солдатской пѣснѣ, часто чуждой и напѣва и смысла.

Участіе двухъ могилевцевъ-белоруссовъ не помѣщало цѣльности впечатлѣнія малорусскихъ пьесъ. Одинъ изъ нихъ исполнялъ солдата, другой-же, участвовавшій во всѣхъ трехъ пьесахъ, игралъ не простонародные типы, а дьячка, бурсака и полупанка. Здѣсь кстати

будеть упомянуть объ одномъ наблюденіи. Въ минувшемъ году мы участвовали въ составлениі войскової перечневой переписи. Опрашивая солдатъ, мы обратили вниманіе на то, что бѣлоруссы часто не знаютъ названія своего нарѣчія, и многіе изъ нихъ на вопросъ о родномъ языке, отвѣчали: «малороссійскій».

Указавъ здѣсь на отношеніе исполнителей къ своимъ ролямъ, мы скажемъ вѣсколько словъ о зрителяхъ. Нечего и говорить, что солдаты-малороссы, которые составляли около одной четверти всѣхъ зрителей, были въ полномъ восторгѣ, слыша съ подмостковъ простой сцены, въ казармѣ, свою родную рѣчь; но даже и немалороссы были очень довольны малорусскими пьесами, такъ какъ всякое острогумное выраженіе вызывало неудержимый смѣхъ и веселье и, пожалуй, эти малорусскіе водевили понравились публикѣ больше, чѣмъ пьесы изъ народной великорусской жизни, поставленныя нами одновременно съ малорусскими водевилями.

Заканчивая нашу замѣтку, мы считаемъ нeliшнимъ упомянуть, что въ сосьдней съ нами части на солдатской сценѣ была поставлена, и говорятъ не безъ успѣха, драма Кропивницкаго «Дай сердцу волю, заведе въ неволю». Намъ не удалось быть на этомъ представлении, но ясно, что такую пьесу можно поставить только послѣ достаточной подготовки актеровъ на другихъ болѣе легкихъ вещахъ.

Пожелаемъ-же дальнѣйшаго успѣха развитія малорусскаго театра въ казармѣ, и пусть онъ въ связи съ малорусскими хоровыми пѣснами явится коррективомъ къ нивелирующему вліянію военной службы.

К. О.

Читатели изъ народа и поэзія Кулиша. Одинъ изъ наблюдателей народной жизни въ екатеринославской губерніи сдѣлалъ опытъ раздать читателямъ изъ народа иѣкоторыя малорусскія произведенія покойнаго І. А. Кулиша и затѣмъ записать отзывы ихъ о прочитанномъ. Своихъ читателей этотъ наблюдатель характеризуетъ такимъ образомъ: «Все это люди сельскіе, земледѣльцы, иногда

неграмотные, иногда съ грамотой, которую можетъ дать довольно усидчивое самостоятельное чтеніе послѣ окончанія народной школы. Народъ въ большинствѣ слушаевъ молодой (18—25 лѣтъ); но есть и нѣсколько стариковъ. Въ общемъ и грамотные и неграмотные очень любятъ слушать чтеніе, и грамотный всегда предпочтетъ прослушать книжку, чѣмъ прочесть, и читаетъ охотнѣе, прослушавъ уже разъ произведеніе. Это объясняется просто тѣмъ обстоятельствомъ, что при самостоятельномъ чтеніи большинство сельскихъ читателей затрудняется самымъ механизмомъ чтенія, и значительная часть активнаго вниманія такого читателя идетъ именно на преодолѣніе трудностей этого механизма, почему самое содержаніе книги усваивается хуже, чѣмъ при слушаніи сколько-нибудь сноснаго чтенія, когда пониманіе читаемаго облегчаетъintonacія голоса чтеца. Вслѣдствіе той-же причины охотнѣе берутъ читать понравившіася при слушаніи книги: знакомый уже въ общемъ съ содержаніемъ, сельскій читатель усваиваетъ его въ деталяхъ при самостоятельномъ чтеніи, несмотря на трудности самого процесса чтенія». Относительно «Досчатокъ» (сборникъ думъ и поэмъ, 2-е изданіе 1876 г.) наблюдатель такъ резюмируетъ мнѣнія сельскихъ читателей: «Одной изъ читательницъ очень понравилось «Люли-люли» — грустное стихотвореніе на тему о душевномъ одиночествѣ, но такая вещь, какъ «До Данта» осталась совершенно непонятной уже по тому одному, что ни о Данте, ни о его сочиненіяхъ никто ничего не зналъ. Переводная баллада изъ Мицкевича «Русалка» обыкновенно была неисна для сельскихъ читателей, и совсѣмъ непонятною была баллада изъ Мицкевича-же «Химеры». Зато превосходный перепѣвъ баллады того-же Мицкевича «Powrót taty» («Чумацьки диты») нравился моимъ читателямъ и трогалъ ихъ. Это собственно и не переводъ, а перенесеніе на малорусскую почву сюжета изъ польской литературы, слѣдованное въ высшей степени удачно и согласно съ малорусскимъ народнымъ духомъ, — онъ производилъ поэтому (а также и по своему близкому народному чувству сюжету) всегда большое впечатлѣніе. Прекрасныя маленькия историческія поэмы «Солоныця» и «Кумейки» очень нравились читавшимъ уже кое-что по малорусской истории, но «Дувайська дума» не была понятна: она требуетъ для своего пониманія уже большихъ историческихъ знаній. Поэма «Настуся», обладающая многими прекрасными поэтическими мѣстами, возбуждала интересъ читателей, но не удовлетворяла ихъ, потому что казалась имъ неоконченной: ав-

торъ обрываетъ ее на томъ, что герой (Морозенко) пока остается дома, но имѣетъ отправляться на войну. Наиболѣшю и наилучшю поэмю сборника является «Велыки проводы». Какъ извѣстно, героя этой поэмы «Голку» Кулишъ списалъ съ знаменитаго сподвижника Богдана Хмельницкаго и Выговскаго Юрия Немирича. Эта украинскій панъ, широко, по-европейски, образованный, попутешествовавшій по Западной Европѣ, оставилъ по собственному побужденію свою партію и примкнулъ къ народу. Среди малорусской «старшины» того времени онъ выдѣляется не только своей образованностью, но и широтой взглядовъ и гуманностью, исключающими междуплеменную вражду. Таковъ у Кулиша и Голка: онъ оставляетъ казацкаго врага Іеремію Вишневецкаго и присоединяется къ козакамъ, борясь вмѣстѣ съ ними противъ притѣснителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшительный врагъ варварства и дикости, и является защитникомъ польского и еврейскаго мирнаго населенія противъ насилий и грабежей своеобразнаго «гультайства».

Онъ мечтаѣтъ засѣять
Надії
И думы высоки
У козацькій, у лыцарській
Натури широкій.

И тогда
Збудується церква нова,
Пидъ небо знесеться,
Якъ истини вичне слово
На ввесь миръ прольеться;
Якъ забудуть бративъ браття
Мужыками зваты;
Якъ у всихъ наасъ на Вкраини
Одна буде маты.

Но именно эти «думы высоки» и не были понятны для той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ или—лучше сказать—онъ были поняты въ совершенно превратномъ смыслѣ, благодаря его запрещенію грабежей и насилий: онъ былъ сочиненъ сторонникомъ польскихъ пановъ. Любовь его къ польской паннѣ, которую онъ спасъ, еще ухудшила дѣло, а онъ былъ убитъ возмущившейся чернью. Растерзанное его тѣло было брошено въ Даїпиръ... Эта поэма читалась съ большимъ интересомъ всѣми, кто читаль «Досвітки», но нельзя

сказать, чтобы Голка былъ понять сельскими читателями. Вотъ отзывъ одной читательницы, когда-то окончившей народную школу, много потомъ читавшей, а теперь уже жены и матери. «Не нравится мнѣ Голка, потому что онъ хоть и былъ въ душѣ сторонникъ козаковъ,—а почему ему не оставаться жить у поляковъ? А то что это за козакъ, если онъ козакъ лишь въ мысляхъ, а на дѣлѣ—полякъ? Хоть онъ и хотѣлъ, чтобы въ Украинѣ была воля, и запрещалъ козакамъ нападать на костелы и грабить, а есендзовъ убивать, а какъ разъ эти есендзы были лютые враги,—зачѣмъ-же ему жалѣть ихъ? Я думаю, что Хмельницкій справедливо сдѣлалъ, велѣвъ его убить. Зачѣмъ ему отпускать тайно Рарожинскую, если она желаила Украинѣ зла, а онъ о томъ зналъ, что она врагъ родинѣ, а помогъ ей убѣжать. Можетъ быть, что когда-нибудь онъ и сдѣлался бы хорошимъ козакомъ, только зачѣмъ-же ему быть склоннымъ къ полякамъ, которые, какъ нападать къ нимъ козакъ, то такъ его жестоко мучать: если не безъ ногъ, то безъ рукъ оставятъ, а ужъ сдѣлаютъ калѣкою. Хоть онъ и полюбилъ эту Рарожинскую, а все таки долженъ былъ помнить, что она полька и хотѣла зла Украинѣ. Книжку не совсѣмъ понимаю: кто его мать и какъ это, что онъ казачьяго рода, а жилъ у поляковъ». Въ этомъ отзывѣ такъ и слышится голосъ тѣхъ «гайдабуръ», которымъ Голка запрещалъ грабить костелы и убивать мирныхъ жителей. Это тѣмъ болѣе удивительно, что писавшая его—женщина. Читала она—для крестьянки—много, но бессмысленно, конечно, болѣе плохого, чѣмъ хорошаго и, какъ видно, большого развитія изъ чтенія не вынесла. Гораздо мягче отзывъ парубка, тоже учившагося прежде въ школѣ: «хорошій былъ человѣкъ Голка за то, что онъ отказался отъ поляковъ и рѣшился своихъ братьевъ оборонять. Онъ хотѣлъ своему народу добра. Одно плохо сдѣлалъ Голка, что промѣнилъ на черныя брови, да на карія очи всю Украину. Книга эта очень хорошая, потому что она рассказывается, какъ мы когда-то жили». Еще большее понравился Голка товарищу этого парубка по школѣ, вмѣстѣ съ нимъ учившемуся. Онъ тоже не совсѣмъ одобрилъ Голку за любовь къ полькѣ, но понялъ его гуманныя стремленія. Онъ находилъ, что Голка и Украину любилъ, и правду—потому такъ и дѣйствовалъ, а любовь къ полькѣ вещь простительная; измѣны-же онъ здѣсь не видѣлъ. Этотъ парубокъ пріобрѣлъ себѣ, ради поэмы «Велыки проводы», «Досвитки» и очень дорожилъ ими.

Послѣ разбора «Досвітокъ», сельскіе читатели высказывались екатеринославскому наблюдателю еще относительно романа Кулиша «Черная рада». — «Во всей этой суголовѣ лицъ и сталкивающихся интересовъ, изображаемыхъ въ романѣ, мои сельскіе читатели хотя и разбирались съ трудомъ, но приходили не всегда къ одинаковымъ выводамъ. Въ мнѣніи о Брюховецкомъ все сошлись: «Брюховецкій Иванецъ былъ погань: онъ изъ сѣчевыхъ козаковъ сдѣлалъ хищныхъ волковъ, они грабили лавки, обирали богатыхъ мѣщанъ и мужиковъ, такихъ-же крещеныхъ, какъ и сами» — пишетъ крестьянка I. К. «Брюховецкій — нагубникъ людскихъ душъ», — характеризуетъ его другая крестьянка M. П. «Хитрый Брюховецкій для того и сдѣлался гетманомъ, чтобы дѣлать что угодно съ мужиками и запорожцами» — говорилъ о немъ въ своемъ отзывѣ о книгѣ крестьянинъ P. K. Еще большую непрѣзнь вызвалъ своею личностью сторонникъ Брюховецкаго — Гвинтовка. «Гвинтовка силился показать себя вельможнымъ паномъ. Онъ мнѣ очень не нравился за то, что такъ издѣвается надъ своюю женой, да еще и при людяхъ; хоть она и полька, а все-таки ее жаль; онъ могъ-бы склонить ее къ козацкимъ обычаямъ, а то изо-всего видно, что онъ только издѣвался надъ ней» (У. К.) «Гвинтовка отвратителенъ за свой звѣрскій характеръ «бузувирскій», онъ заслуживаетъ собачьей чести; больше всего я на него зла за его жену, да за его ко всѣмъ лицемѣріе. Скверный, гнусный «злодіяка». (M. П.)- Такъ возмущаются противъ Гвинтовки женщины за его despotizmъ и издѣвателство надъ женой; мужчина не обращаетъ на это никакого вниманія и говоритъ лишь: «Гвинтовка поганый потому, что вмѣстѣ воюютъ, а добычу лишь козаки берутъ, — больше всего отъ этого и поссорились, и плохо вышло». Противникъ Брюховецкаго, Сомко, котораго авторъ надѣлилъ всевозможными добродѣтельми, не произвелъ особаго впечатленія на сельскихъ читателей. Сомко — козакъ хороший, и умный, и правдивый, не ошибался никогда словомъ — говорить о немъ M. П.; У. К. выражается неопределеннѣе: «Сомко тоже, кажется, былъ хороший человѣкъ, только ему не удавалось». Крестьянину онъ не совсѣмъ понравился: «Сомко былъ хороший человѣкъ, да панъ былъ». И рядомъ съ этимъ горячія похвалы по адресу Кирилла Тура, которому авторъ не совсѣмъ симпатизируетъ. «К. Туръ мнѣ очень нравится, онъ мнѣ лучше всѣхъ, описанныхъ въ этой книгѣ; онъ мнѣ понравился всѣми своими поступками; очень уважаетъ свои обычай, говоритъ всегда правду и

тоже не желалъ людямъ худого; а что онъ Лесю укралъ, то въ этомъ онъ не виноватъ: сердце его заставило, и онъ былъ за нее, какъ честный и добрый козакъ; онъ дѣлалъ все по совѣсти и какъ долгъ велить». Въ такомъ родѣ и другіе отзывы, но интересно, что почему-то никто не отмѣчаетъ его великодушія, выразившагося въ желаніи замѣнить присужденного къ смерти Сомка самимъ собою. Что касается старого Шрама—лица, если не ошибаемся, наиболѣе симпатичнаго автору, то и здѣсь, какъ и относительно Сомка, отзывы различны: «Шрамъ очень хороший человѣкъ»—(У. К.). «Шрамъ очень хороший человѣкъ, любилъ очень Україну и желалъ всѣмъ добра, какъ добрый отецъ дѣтямъ, даже больше». (М. П.). За то крестынину Шрамъ совсѣмъ не понравился: «Шрамъ былъ плохой человѣкъ, только и хвалилъ свое козачество, а то всѣ глупцы». Интересно, что во всѣхъ этихъ отрывкахъ лица характеризуются больше со стороны ихъ личной нравственности и личной симпатичности, а мотивъ политической и общественной почти отсутствуетъ. Это обстоятельство даетъ возможность упомянутымъ сельскимъ читателямъ хвалить не только Сомка, Крилла Тура и Шрама, но и Череваня съ Череванихой.

Гораздо больше общественного элемента въ отзывахъ читателей тамъ, гдѣ они говорить о порядкахъ той эпохи вообще. Въ общемъ отзывы эти не благопріятны. «Плохіе были тогда порядки, такъ какъ не было никакого ладу: всякъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ, и многимъ хотѣлось быть старшимъ; это еще бы ничего, да было много такихъ, которые привыкли въ прежніе годы войны наживаться чужимъ добромъ,—имъ не хотѣлось добывать трудомъ кусокъ хлѣба, они то и мутали между народомъ, находя, что имъ прежде лучше жилось. И потому еще плохо, что въ этихъ порядкахъ не было никакой крѣпости: кто хотѣлъ, тотъ и былъ гетманомъ, и начальствовалъ, и никого не боялся». Другой читатель относится снисходительнѣе къ порядкамъ той эпохи: «Порядки были тогда, мнѣ кажется, хорошіе. Хорошіе потому, что тогда хоть какой «значный» козакъ, но онъ не презиралъ и самого послѣдняго человѣка. Какъ теперь у насъ есть паны, такъ и тогда были; но тогда хоть и были паны козаки, однако, на нихъ смотрѣли не какъ на пановъ, а какъ на богатыхъ людей, которые могутъ помочь болѣе бѣднымъ, и эти богатые не презирали никого». Книга вообще понравилась: «Книга очень хорошая и интересная очень, хорошее въ ней описано и ко-

нець хорошій, только трудновато разбирать о тѣхъ несогласіяхъ, ко-
торыя въ ней описаны». Въ такомъ родѣ и другіе отзывы.

«Ізъ другихъ произведеній Кулиша», продолжалъ екатериноп-
словскій наблюдатель, — «изящная, граціозная идиллія «Орися», на-
писанная въ подражаніе шестой пѣсни «Одиссеи», читается крестья-
нами съ удовольствіемъ; но они мало понимаютъ «Дивоче серце». Причина этого та, что тѣ стороны жизни интеллигентіи, которыхъ
затронуты злѣсь авторомъ, требовали-бы для сельскаго читателя бо-
льше подробной обрисовки, а безъ этого многое въ книжкѣ является
совершенно непонятнымъ.

Совсѣмъ оказался непонятнымъ разсказъ «Про злодія у сели
Гакиевныци» (изъ серіи «Листы съ хутора»). Этотъ разсказъ былъ
прочитанъ однимъ лицомъ въ собраніи взрослыхъ крестьянъ — муж-
чинъ и женщинъ. Слушатели сперва смыслились надъ разсказомъ вора,
да слегка побравничали его за воровство. Когда же они узнали, что
воръ разбогатѣлъ, что ему удалось, то, въ крайнему изумленію чи-
тавшей, — послышались такие разговоры:

- Смотри-ка, и не ловить его!
- Потому что онъ молился Богу, когда шелъ красть.

Сем'я вора, противодѣйствовавшей ему, повидимому, не сочув-
ствовали. Когда воръ поймался во юрѣ церкви, слушатели говорили:

- Видите: не помолился Богу и поймался!
- Вадите, — даже и на иконы въ церкви не смотрѣль, — по-
этому Богъ ему и не далъ удачи.

Подобный-же взглядъ на этотъ вопросъ встрѣтили мы и у
одного мальчика, маленькаго (лѣтъ 10), но умнаго. Вотъ что онъ
сказалъ, прочитавъ книжку:

— Сперва ему удавалось: пойдеть, украдетъ — и не поймаютъ;
а какъ пошелъ церковь обкрадывать, но не захотѣлъ молиться Богу,
говоря: я теперъ уже и самъ — то и поймался.

— Да развѣ-же Богъ помогалъ ему красть?

— Кто его знаетъ...».

Авторъ приведенныхъ замѣтокъ о впечатлѣніи произведеній
Кулиша на читателей изъ народа говоритъ, что всѣ отрывки напи-
саны были читавшими по-малорусски, а имъ переведены на литерар-
турный языкъ, и просить, чтобы приведенные наблюденія были про-
вѣрены кѣмъ-либо инымъ на практикѣ, т. е. путемъ чтеній произ-

веденій Кулиша въ различныхъ мѣстностяхъ Малороссіи. (Извлечено изъ газеты «Волынь» 1898 г. №№ 25 и 25).

„Зміевий валъ“ въ черніговской губ. (Історическая замѣтка). Въ недавно вышедшей монографії г. Ласкоронскаго — «Історія Переяславской земли», въ которой подробно перечисляются всѣ древнія укрѣпленія Переяславскаго княжества, въ томъ числѣ и городища южной части черніговской губерніи, территории которой входила въ составъ упомянутаго княжества, ничего не сказано о существованіи, въ предѣлахъ козелецкаго уѣзда, древнаго вала, извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ «зміеваго вала» или «змійнаго рва». Изъ этого я заключаю, что упомянутый остатокъ древности непрѣстенъ историкамъ, и потому сообщаю о немъ все, что мнѣ извѣстно.

Та часть вала, которая мною изслѣдована, проходитъ черезъ лѣсную дачу м. Кобыжчи, козелецкаго уѣзда, идя параллельно течению р. Остра, но южнѣе его верстъ на 5—6, при чемъ валъ насыпанъ къ сторонѣ рѣки, а открытая сторона рва обращена къ степной части уѣзда. Валъ, изслѣдованный мной на протяженіи одной версты, представляетъ насыпь вышиною отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ аршина и ровъ, шириной отъ 2-хъ до 3-хъ саж., а глубиною не болѣе аршина. Какъ валъ такъ и ровъ покрыты густымъ лѣсомъ, ростущимъ тамъ съ неизапамятнаго времени. Мѣстные крестьяне, хорошо знающіе мѣстность, утверждаютъ, что валъ этотъ, начинаясь въ остерскомъ уѣздѣ, проходитъ черезъ весь козелецкій уѣздъ и теряется въ предѣлахъ пѣрѣжинскаго; и при томъ, во многихъ мѣстахъ, валъ будто бы сохранился гораздо лучше, чѣмъ въ кобыжчской дачѣ.

При разспросахъ крестьянъ, какъ они объясняютъ себѣ происхожденіе рва — послѣдніе разсказали легенду, совершенно сходную съ тѣми, которыя разсказываются народомъ о «змійныхъ рвахъ» въ полтавской и кіевской губерніяхъ. Именно: въ пещерѣ поселился змѣй, чудовище, пожиравшее людей, и никто не могъ одолѣть его; только свв. Кузьма и Демьянъ, по ходатайству гибнущаго населенія, при помощи особыхъ молитвъ, зариягли змѣя въ изготовленный специально

для него тяжелый желѣзный плугъ,—и змѣй, въ ярости, началъ проводить плугомъ глубокую борозду, которая тянется до самого Чернаго моря; но и море не остановило бы его, если бы сильная жара не заставила змїя выпить воды столько, что онъ лопнулъ.

Чтобы выяснить значеніе и происхожденіе этого вала, тинущагося, следовательно, 100 или 150 верстъ, нужно обратиться къ лѣтописи. Въ лѣтописи же говорится, что Владиліръ св. вскорѣ послѣ крещенія (988 г.), видя, что около Кієва мало городовъ, и находя, что это «не добро есть»,—«нача ставити города по Деснѣ и по Устрѣ и Трубешеви, по Сулѣ, и по Стугнѣ»¹⁾. Это мѣсто лѣтописи большинствомъ ученыхъ объясняется такъ, что Владиліръ возводить новые укрѣпленія, расширять восточную часть своего княжества отъ вторженія разныхъ враждебныхъ народовъ, а въ особенности степныхъ кочевниковъ. Но однѣхъ крѣпостей было недостаточно для сдерживанія набѣговъ,—и Владиліръ св., по свидѣтельству Брувона, оградилъ свое княжество валомъ и рвомъ для отраженія кочевниковъ²⁾. Такихъ валовъ и другихъ укрѣпленій было нѣсколько линій, подвигавшихся все къ югу по мѣрѣ расширенія государства. Самой южной линіей укрѣпленій были защитныя сооруженія по р. Сулѣ; но между этой рѣкой и рѣкой Остремъ было еще нѣсколько линій защитныхъ валовъ, проходившихъ иногда параллельно одинъ другому. Такъ, вблизи г. Переяславля (полт. губ.), со стороны степей, проходять два земляныхъ вала, значительныхъ по высотѣ и протяженію³⁾. Объ этихъ валахъ есть упоминаніе и въ лѣтописи: «і приде Ітларь (1095 г.) у городъ Переяславль, а Китанъ—ста межи валома съ вои»⁴⁾; затѣмъ, подъ 1149 г. говорится о Юрів Долгорукомъ: поиде отъ Стряквы мимо городъ, по зори, исподився, и ста межи валома»⁵⁾.

Не касаясь затѣмъ вопроса обѣ укрѣпленіяхъ по р. Удаю и въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ это слишкомъ бы расширило нашу замѣтку, перейдемъ къ разсмотрѣнію района по теченію р. Остра. Значеніе Остра, какъ ниграничной рѣки, известно въ отдаленной древности, известно также значительное число селеній по его берегамъ.

¹⁾ Ипат. лѣт., стр. 83.

²⁾ В. Б. Автономовичъ. Змїевы вали въ предѣлахъ Кіев. земли, Кіев. Стар. 1884.

³⁾ Лискоронскій. Исторія Переясл. земли, стр. 159 и 162.

⁴⁾ Ипат. лѣт., стр. 158.

⁵⁾ Ипат. лѣт., стр. 265.

гамъ уже въ X вѣкѣ. Такимъ образомъ, Владимира св., построивъ по теченію Остра города-крепости, не только защищилъ окресты села и города, но и преградилъ доступъ врагамъ къ Киеву и Чернигову, и сдѣлалъ безопаснымъ плаваніе по рѣкѣ Деснѣ. Принять мнѣніе г. Ласкоронскаго о томъ, что не было надобности *усиленно* защищать этотъ отдѣльный княжества, такъ какъ «на протяженіи *всего* теченія р. Остра, по обѣимъ сторонамъ послѣднаго, находились въ древнее время обширные лѣса и болота»¹⁾, — можно только относительно. Дѣло въ томъ, что лѣвый (обращенный къ степи) берегъ р. Остра во многихъ мѣстахъ возвышенъ, глинистъ, и переходитъ въ постепенно повышающуюся къ югу равнину, сливающуюся со степами у верховьевъ р. Суоя. Для примѣра достаточно указать лѣвый берегъ Остра возлѣ г. Козельца. Да и самъ цитированный выше авторъ, нѣсколько особо опасныхъ мѣсть, где и были выстроены крѣпости — гг. Остеръ и Нѣжинъ. Можно думать, что это существование легкихъ подступовъ къ городамъ по р. Остру и заставило Владимира св. насыпать тотъ защитный валъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, прѣткнувъ его по всей линіи остерскихъ городовъ. Что такое мнѣніе имѣть пѣвѣстныя основанія, это, мнѣ кажется, подтверждается тѣмъ, что существуетъ третья параллельная защитительная линія, въ видѣ отдѣльныхъ городищъ, находящихся въ Заворичахъ, Бобровицѣ, Носовѣ и Дорогинкѣ. Такому обилию защитныхъ сооруженій нельзя удивиться, если вспомнить, что Бобровицкое городище лежитъ въ стахъ въ 6-ти отъ истоковъ р. Суоя, а лѣтопись свидѣтельствуетъ, что на верховьяхъ и вообще по теченію р. Суоя постоянно происходили встречи и битвы съ половцами. Если обѣ этомъ валъ не встречается указаній въ лѣтописи, то причина кроется въ томъ, что, вслѣдствіе быстраго расширенія границъ государства, онъ скоро утратилъ свое стратегическое значеніе.

Сопоставляя все сказанное, можно прийти къ тому выводу, что, во 1-хъ, ровъ и валъ, идущіе параллельно теченію р. Остра, имѣли оборонительное значеніе, что, во 2-хъ, сооруженіе этого вала должно быть отмѣчено, съ большой вѣроятностью, во времени Владимира Св., и что, въ 3 хъ, защитный валъ этотъ долженъ быть признанъ самымъ сѣвернымъ, изъ сооруженій подобного рода, на территории Сѣверской земли.

¹⁾ Ласкоронскій. Истор. Переизд. зем., стр. 73. Курсивъ въ выдержкахъ нашъ

Въ заключеніе нужно пожелать, чтобы этотъ исчезающій памятникъ сѣйой старины былъ изученъ и изслѣдованъ лучше, чѣмъ это удалось мнѣ.

А. Вѣлецкій-Носенко.

Январь, 1898 г.

Къ вопросу о сбираніи этнографическихъ матеріаловъ.
 Въ очередномъ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи послѣдней сессіи 1898 года былъ, между прочимъ, сдѣланъ очень интересный докладъ губернской земской управы *о сохраненіи памятниковъ народного творчества*. Докладъ этотъ, затрагивая вопросъ о сохраненіи памятниковъ народной старины вообще, разъясняетъ въ частности значеніе произведеній народного творчества, какъ неизысканного источника, изъ котораго вдохновеніе поэта, музыканта и художника черпаетъ образы и краски. «Среди нивеллировки, производимой существующими жизненными условиями,—говорится въ докладѣ,—свѣжан струн, вносимых остатками древняго народно-художественного творчества, нерѣдко спасаетъ искусство отъ безцѣльности настоящаго». Обращаясь, далѣе, къ судьбамъ Малороссіи, докладъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что здѣсь выработался и самобытный типъ народной пѣсни, и свои мелодіи, имѣющая своеобразная достоинства,—и при всемъ томъ въ настоящее время всѣ эти дорогія качества малорусской пѣсни начинаютъ уступать място новымъ теченіямъ, подъ вліяніемъ фабричной и солдатской жизни. Ввиду сказанаго, нельзя допустить мысли о возможности нерадѣнія въ этомъ случаѣ со стороны учрежденій, самою жизнью призванныхъ стоять на стражѣ народныхъ богатствъ разнаго вида. Такое нерадѣніе докладъ называетъ *художественнымъ вандализмомъ*, потопленіемъ корабля съ произведеніями античнаго искусства. Хотя въ Черниговѣ существуетъ Ученая Архивная Комиссія, въ программу дѣятельности которой входитъ и указанная задача, но во 1-хъ, на одномъ и томъ-же полѣ два работника сдѣлаются болѣе, нежели одинъ, а во 2-хъ, Архивная Комиссія посвящаетъ свою дѣятельность преимущественно кабинетной разработкѣ документовъ, а задачи сохраненія памятниковъ народного творчества требуютъ непосредственнаго соприкосновенія съ народной жизнью.

Въ заключеніе докладъ управы предполагаетъ: 1) войти въ сношеніе съ мѣстными знатоками и любителями народнаго быта о доставленіи различнаго рода памятниковъ народнаго творчества; 2) ассигновать 500 руб. въ годъ специально для этой цѣли; 3) ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшении публичнаго исполненія малороссийскихъ театральныхъ піесъ и пѣсенъ на общихъ основаніяхъ съ русскими піесами и пѣснями. Къ сожалѣнію, докладъ этотъ въ собраніи былъ отложенъ обсужденіемъ въ подробностяхъ до сессіи будущаго года, а между тѣмъ онъ затрагиваетъ одну изъ живыхъ страницъ въ жизни народа, требующихъ союзныхъ усилій въ работѣ какъ ученыхъ обществъ, такъ и разныхъ учрежденій, близко соприкасающихся съ народнымъ бытомъ. Въ этомъ случаѣ земскіе органы, конечно, не должны быть рассматриваемы узко въ ихъ дѣятельности и задачахъ: вѣдь на земствѣ лежитъ обязанность блести не только матеріальные, но и духовные интересы массъ, а что можетъ быть въ культурномъ отношеніи выше и дороже сохраненія въ народѣ тѣхъ самобытныхъ, національныхъ устоевъ, которые, съ одной стороны, не противорѣчатъ общимъ принципамъ человѣчества, а съ другой—будучи поддержаны въ народѣ, охранять его отъ псевдо-культуры, такъ рѣзко обозначающейся въ послѣднее время въ жизни нашего села? Не напрасно, вѣдь, обращено на этотъ вопросъ о народной пѣснѣ вниманіе нашего правительства, которое, вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки предсѣдателя пѣсенной комиссіи, государственного контролера Т. И. Филиппова, поставило дѣло собирания и изданія пѣсенныхъ русскихъ мотивовъ на широкую дорогу, обеспеченнуя уже тѣмъ однимъ, что поездки для собранія пѣсень и изданія ихъ производятся на средства, опредѣленныя Высочайшею волею.

Описаніе Днѣпра. Инспекторъ судоходства по р. Днѣпру инженеръ Н. И. Максимовичъ предпринимаетъ въ ближайшемъ будущемъ изданіе составленнаго имъ весьма цѣннаго труда, имѣющаго своимъ содержаніемъ описание Днѣпра въ судоходномъ, гидротехническомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Матеріалы для этого труда собирались инженеромъ г. Максимовичемъ въ теченіе десятка лѣтъ,

отд. П.

2

почему издание обещаетъ выйти весьма полнымъ и обстоятельнымъ. Оно составить одинъ томъ большого формата *in folio*. Кроме подробнаго гидрографическаго обзора Днѣпра и экономического очерка Днѣпровскаго бассейна, издание это будетъ заключать въ себѣ цѣлый рядъ картъ, таблицъ, графиковъ и діаграммъ, наглядно объясняющихъ движение судоходства по Днѣпу, показывающихъ характеръ судового хода и промѣры глубинъ въ различныхъ участкахъ рѣки, состояніе горизонта водъ въ рѣкѣ въ разныя времена года и т. д. Помимо этого, къ изданию будетъ приложена большая серія иллюстрацій, изображающихъ виды наиболѣе важныхъ пристаней Днѣпра, интереснѣйшихъ прибрежныхъ мѣстностей и крупнѣйшихъ рѣчныхъ сооруженій и работъ, а также типы плавающихъ по р. Днѣпу паровыхъ и непаровыхъ судовъ. Послѣ выхода въ свѣтъ этого капитального и широко задуманного труда, предполагается сдѣлать изъ него краткое извлечениe и издать въ видѣ справочной книги—путеводитель по Днѣпу, въ которомъ давно уже ощущается сильная потребность. Принимая во вниманіе, что гидрографія рѣкъ, развившаяся, напр., въ Германіи въ цѣлую литературу, равно какъ и экономическое изслѣдованіе рѣчного судоходства по отдѣльнымъ бассейнамъ, имѣющее важное значеніе при решеніи многихъ краевыхъ вопросовъ, представляется пока у насъ совершенно почти непочатую область,—нельзя не признать издание инж. г. Максимовича вполнѣ своеевременнымъ и желательнымъ. (Приднѣпровскій Край 1898 г., № 32). Къ этому можемъ добавить что рѣка Днѣпръ уже имѣеть нѣкоторую, литературу. Можемъ указать, напр., на монографію Н. Мосаковскаго, первая часть которой напечатана въ 1884 г. (Спб. 8 д. I., 112 стр.). вторая («Рѣка Днѣпръ и ея пороги») въ журналѣ «Инженеръ» 1886 г., №№ 5 и 9. Рядъ статей о Днѣпровскихъ порогахъ въ экономическомъ отношеніи напечатанъ въ Журн. Мин. Пут. Сообщ. за 1873—75 гг. Прекрасная карта теченія всего Днѣпра издана была лѣтъ 10—20 назадъ Мин. Путей Сообщенія.

Предполагаемый памятникъ Въ 1894-мъ году общество станицы Таманской, Темрюкскаго отධѣла, Кубанской области, обратились по начальству съ ходатайствомъ о разрешеніи ему сбора добро-

вольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника на томъ мѣстѣ, где въ 1792 году впервые высадились запорожскіе козаки, образовавшіе бывшее Черноморское, нынѣ Кубанское козачье войско. Военнымъ министерствомъ подпись разрѣшена, а затѣмъ военный министръ повергалъ это дѣло на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, и на всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому предмету имѣется резолюція военнаго министра: «Высочайше одобрено». Въ настоящее время установленъ порядокъ производства подписки и пожертвованій, но остается еще выработать проектъ памятника, а по немъ уже исчислить приблизительную смету потребныхъ расходовъ на сооруженіе памятника. По этому поводу начальникъ Кубанской области, желая придать проектируемому памятнику идею, симпатичную Кубанскимъ козакамъ и наиболѣе соответствующую историческому событию въ жизни Черноморского козачества, обратился къ вѣкоторымъ изъ должностныхъ лицъ, художникамъ и пр. съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ проситъ сообщить: какую слѣдовало бы вложить идею въ вмѣющій быть сооруженнымъ памятникъ; къ письму приложена для свѣдѣнія особая печатная брошюрука: «историческая прсаака объ обстоятельствахъ образованія Черноморского, нынѣ Кубанского козачьяго войска.

Премія Харьковскаго земельнаго банка. Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра П., объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣть цѣлію содѣйствовать изученію экономического состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донскаго, а также въ другихъ сторонахъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатаныя и писанныя. Первые должны присыпаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непремированныя и вышедшия въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміахъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволять присыпать ихъ по адресу: «Харьковъ, университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцати пятилѣтія царствованія Императора Александра II».

Подробныя условія, которымъ должны отвѣтчать премиуемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміахъ въ память двадцати пятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры которого по требованію заинтересованныхъ лицъ высыпаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

Общество любителей изученія Кубанской области. Въ гор. Екатеринодарѣ на дняхъ начало дѣйствовать «Общество любителей изученія Кубанской области». По уставу этого общества, утвержденному 16 октября 1897 года, оно имѣть цѣлью: изученіе, изслѣдованіе и описание Кубанской области въ научномъ отношеніи. Для достиженія этой цѣли Обществу предоставлено право устраивать засѣданія, открытыя и закрытыя, снаряжать экспедиціи, командировать членовъ, входить въ сношениія съ учрежденіями, обществами и лицами, отъ которыхъ оно можетъ ожидать содѣйствія, назначать вознагражденія за особенно выдающіеся труды и за разрѣшеніе научныхъ задачъ, содѣйствующихъ цѣлямъ общества; печатать свои труды. 1-го прошлаго февраля состоялось первое торжественное собраніе этого общества. Объ этомъ собраніи въ мѣстныхъ «Кубанскихъ областныхъ Вѣдомостяхъ» (№ 27) читаемъ слѣдующее:

1-го февраля, въ 12½ час. дня, въ зданіи женской гимназіи, состоялось первое торжественное собраніе общества любителей изученія кубанской области. Собрание было открытое для посторонней публики (не членовъ общества), въ которое пришло очень много изъ среды мѣстной интеллигенціи. Въ числѣ присутствовавшихъ были: почетный предсѣдатель общества — начальникъ области и наказной атаманъ генералъ-лейтенантъ Я. Д. Малама, а также и многія другія лица, занимающія высшіе посты въ области. Торжество началось

служеніемъ молебствія, совершенного соборнымъ протоіереемъ, о. Воскресенскимъ. Затѣмъ, предсѣдатель общества, г. Сысоевъ, прочелъ предъ собраніемъ исторію зарожденія и возникновенія общества и, перейдя къ вопросу о задачахъ, предстоящихъ обществу, указалъ на то, что Кубанская область представляетъ собою положительно неисчерпаемое поприще для изученія со стороны представителей самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія.

Въ слѣдующихъ затѣмъ рефератахъ товарищъ секретаря общества А. И. Дьячковъ-Тарасовъ указалъ на тотъ интересъ, какой представляетъ Кубанская область для этнографа, какъ магистраль движения народовъ изъ Азіи въ Европу, оставившихъ слѣды по пути движения, и на неотложность изученія жизни горныхъ племенъ, а дѣйствительный членъ общества И. И. Дмитренко сообщилъ о поселеніи на Кубани некрасовцевъ, борьбѣ съ ними правительства и обѣ удаленіи ихъ въ Анатолію.

Всѣ рефераты были выслушаны присутствующими съ большимъ интересомъ и вызывали дружные аплодисменты.

Въ заключеніе предсѣдатель общества, В. М. Сысоевъ, въ короткой рѣчи просилъ собравшихся содѣйствовать развитію общества, а почетный президентъ общества, Я. Д. Малама, выразилъ желаніе, чтобы общество развивалось на пользу Государю Императору и отечеству.

Изъ тѣхъ-же «Куб. Вѣд.» узнаемъ, что 11 февраля состоялось открытое засѣданіе общества любителей изученія Кубанской области, въ которомъ были предложены слѣдующіе доклады: 1) П. П. Короленко: «о первоначальномъ заселеніи Кубанской земли черноморскими казаками», 2) В. М Сысоева: «о древностяхъ терской области и ихъ связи съ Кубанскими древностями» и нѣсколько отрывковъ «изъ исторіи Тиутороканского княжества».

Желаемъ новому обществу полнаго процвѣтанія въ предстоящей ему широкой дѣятельности.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ К. В. Жученка—20 руб.; Д. А. Ткаченка—2 р.; 3) Н. И. Ткаченка—1 р.; 4) М. А. Ткаченка—1 р.; 5) NN—изъ ложи театра—1 р.; 6) И. Е. Гребенюка—50 коп.; 7) Г. Ф. Овсянко—50 к.; а всего 26 р., что вмѣстѣ съ прежними 835 руб. 77 коп. (см. 1897 г., № 12) составить 861 р. 77 к., которые и отправлены въ Полтаву.

Поправка. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старинѣ» въ отдѣлѣ «Бібліографіи» вкрались слѣдующія опечатки:

Стр.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
58	8 сверху	Очеркъ Кієва	Очеркъ історії Кієва
59	7 снизу	экономическое	эпонимическое
60	8 сверху	но также несомнѣнно	также несомнѣнно
—	10 >	Возышеніе	Но возвышение
—	18 >	остальныхъ	отдѣльныхъ
—	3 снизу	Постанова	Но статья
63.	4 сверху	Галшки	Галшка

БИБЛIOГРАФIЯ.

Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическихъ времена. Переводъ съ чешскаго Ф. К. Волкова, подъ редакцію Д. Н. Анучина. С.-Петербургъ, 1898 г.

Трудъ г. Нидерле представляетъ выдающееся сочиненіе въ европейской археологической литературѣ. Это самый полный сводъ свѣдѣній, добытыхъ наукой о доисторическомъ періодѣ существованія человѣчества. И по полнотѣ, и по времени выхода онъ далеко превосходитъ всѣ своды археологическихъ данныхъ, существовавшіе до того времени. Сочиненіе г. Нидерле не ограничивается изслѣдованіемъ одной лишь или нѣсколькихъ странъ Западной Европы, подобно трудамъ Эванса, Ворго, Монтеліуса, Сакена и т. д., или описаніемъ одного лишь периода или одного рода памятниковъ, подобно Мортилле, Шантру, Фергюсону, гр. Уварову и т. д., но старается сгруппировать данные, добытыя наукой во всѣ періоды доисторического времени и на пространствѣ всей Европы и значительной доли другихъ частей свѣта (Сибирь, Кавказъ, Индія, Египетъ и т. д.). Даже въ сравненіи съ другими лучшими археологическими сборниками, захватывавшими всеобщую археологію и всѣ ея періоды, какъ сочиненія Лебокка, Бэра, Надальяка, книга г. Нидерле отличается гораздо большою полнотою и всесторонностью, какъ потому, что въ нее включены новѣйшія открытія и изслѣдованія, появившіяся уже послѣ выхода въ свѣтъ названныхъ сочиненій, такъ и потому, что первый разъ въ сводѣ археологическихъ свѣдѣній обращено должное вниманіе на древности славянскія и русскія, о которыхъ обыкновенно за-

падные ученые упоминали бѣгло и отрывочно, иногда и съ явнымъ непониманіемъ памятниковъ славянскихъ земель и ошибочнouю ихъ классификациeю (вспомнимъ, напримѣръ, что Надальякъ относить курганы къ разряду мегалитическихъ памятниковъ).

Русское изданіе книги г. Нидерле не представляетъ перевода въ тѣсномъ смыслѣ слова—ее скорѣе можно-бы назвать вторымъ, дополненнымъ изданіемъ. Дополненія эти составлены частью самимъ авторомъ, который доставилъ для русского перевода приложенія, касающіяся всего того, что было добыто наукою за послѣднія пять лѣтъ, т. е. послѣ выхода чешскаго изданія (Прага 1893), и въ гораздо большей степени, особенно по отношенію русской археологии, переводчикомъ и редакторомъ, обогатившими книгу весьма цѣнными примѣчаніями, замѣтками и разъясненіями.

Къ выдающимся достоинствамъ книги слѣдуетъ отнести сдержанность, объективность и осторожность выводовъ, которые всегда основаны на всесторонней критической оценкѣ фактовъ съ полнымъ воздержаніемъ отъ фантазіи и предвзятыхъ апріорныхъ положеній, таковы, напримѣръ, прекрасныя главы, посвященные вопросамъ: о прописхожденіи человѣка, о существованіи его въ третичной эпохѣ, о первобытныхъ рассахъ, населявшихъ Европу. Такимъ-же характеромъ объективизма и сдержанности отличаются прекрасные очерки, рисующіе характеръ человѣческой культуры въ разные періоды доисторического времени.—При размотрѣніи русскихъ древностей, г. Нидерле привадлежитъ большая заслуга по отношенію къ ихъ классификациe; онъ положительно отказывается размѣщать ихъ въ рамки, выработанные западною археологіею, и указываетъ на ихъ отличительный характеръ и на невозможность распределить ихъ по тѣмъ категоріямъ, въ какія совершенно естественно укладываются памятники древнихъ странъ западно-европейскихъ; такъ, указавъ характеристику двухъ періодовъ желѣзного вѣка въ западной Европѣ: Гальштадскаго и Латенскаго, онъ положительно утверждаетъ, что подобное распределеніе русскихъ древностей желѣзного вѣка не мыслимо, и предлагаетъ весьма, по нашему мнѣнію, справедливую мысль о томъ, что русскій желѣзный вѣкъ можетъ быть раздѣленъ на два періода: 1) до великаго переселенія народовъ (скиескій) и послѣ этого переселенія и до введенія христіанства (славянскій). Правда, при дальнѣйшемъ изложеніи желѣзного вѣка г. Нидерле дѣлаетъ отступленіе отъ этой основной схемы и вводитъ классификациeю, на нашъ взглядъ не вполнѣ удачную,

предложенную г. Самоквасовымъ, на періоды: киммерійскій, скиѳскій, сарматскій, славянскій и половецко-татарскій; эта сложная классификація не способствуетъ разъясненію значенія памятниковъ древности, въ некоторыхъ частяхъ довольно произвольна и вызвала весьма обстоятельный возраженія со стороны гг. Милюкова, Анутина, гр. Бобринского и другихъ; между прочимъ при всей своей сложности она не даетъ возможности размѣстить весьма численные памятники древности, какъ напримѣръ курганы и похоронныя поля финскихъ и тюркскихъ племенъ, обитавшихъ на территории Россіи въ доисторическое время. Для переводчика ясна была неконсеквентность этой классификації, о чёмъ онъ и оговорился въ примѣчаніи (стр. 422), но тѣмъ не менѣе оставилъ классификацію автора, не желая вѣроятно передѣлывать значительную часть текста и вводить новое распределеніе не принятное авторомъ.

Въ числѣ другихъ, весьма впрочемъ немногочисленныхъ мѣсть книги, съ которыми мы не можемъ заявить согласія, отмѣтили только одно: на 93 страницѣ г. Нидерле относитъ городища къ памятникамъ неолитической эпохи, хотя и самъ соглашается, что сдѣланное изслѣдованіе не даютъ неоспоримыхъ фактовъ въ подтвержденіе этой гипотезы; мы позволяемъ себѣ заявить категорически, по крайней мѣрѣ относительно городищъ, встрѣчающихся въ южно-русскомъ краѣ, что нѣтъ ни одного городища, которое-бы относилось во времени, предшествовавшему желѣзному вѣку; полагаемъ, что и для западной славянщины изслѣдованіе городищъ въ будущемъ не доставятъ данныхъ, на основаніи которыхъ ихъ было-бы возможно отнести къ каменному вѣку.

Вообще книга г. Нидерле, какъ въ русской, такъ и въ общеевропейской литературѣ составляетъ лучшій, понынѣ вышедшій, *compendium* археологіи; она несомнѣнно составляетъ прекрасный источникъ позитивнаго знанія по отношенію къ древнѣйшей исторіи быта человѣчества. Петербургское изданіе съ вѣнчаніи стороны вполнѣ удовлетворительно и даже изящно; печать четкая, типографскіхъ погрѣшностей почти нѣть, текстъ иллюстрированъ 459 рисунками, значительно помогающими точному уразумѣнію текста, наконецъ, книга снабжена весьма обстоятельнымъ указателемъ, который даетъ возможность забирать справки по любому вопросу археологіи. Несомнѣнно, что изданія, подобныя переводу книги г. Нидерле, расширяютъ кругозоръ знанія и, въ силу этого, спомоществуютъ поднятію культурнаго

уровня нашего общества; потому мы и не можемъ не заявить глубокой благодарности автору, переводчику и редактору этого истинно ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ легко-читаемаго интеллигентною публикою сочиненія.

В. А.

*Гетманъ Мазепа. Историческая монографія Ф. М. Уманца. Спб.
1897. Стр. 455.*

Загадочность личности гетмана Мазепы, несмотря на то, что поэты и историки съ особеннымъ вниманіемъ, въ теченіе почти 200 лѣтъ, относятся къ событиямъ его времени; коренное противорѣчіе во взглядахъ на предметъ; поразительная неясность главныхъ обстоятельствъ; странное умолчаніе о многомъ и неправильное толкованіе нѣкоторыхъ фактovъ,—все это побудило Ф. М. Уманца пересмотрѣть старое забытое дѣло, результатомъ чего и явилась его монографія о гетманѣ Мазепѣ.

Г. Уманецъ дѣлить свою монографію на 8-ми главъ и въ концѣ ея даетъ приложеніе 14 документовъ, хранящихся въ семейныхъ архивахъ самого автора, П. Я. Дорошенка и В. А. Кочубея.

Первая глава касается «молодости Мазепы». Авторъ относитъ родъ гетмана къ древнѣйшимъ въ Малороссіи; онъ жилъ въ бѣлоцерковскомъ староствѣ и упоминается въ актахъ начала XVI в. Семья Мазепы держится крѣпко православія во всѣхъ вѣка: мать гетмана была игуменьей Киевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря, а сестра, не желая принимать католичества, расходится съ мужемъ. Гетманъ Мазепа, по вполнѣ вѣроятнымъ догадкамъ автора, родился въ 1629 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Киевской братской школѣ, гдѣ и застаются его начавшіася въ 1648 году войны Хмельницкаго. Вскорѣ послѣ этого Мазепа былъ взятъ въ Варшаву, и тамъ закончилъ свое образованіе. Въ 1659 году король даетъ ему порученіе къ Выговскому, а затѣмъ въ 1663 году къ Павлу Тетерѣ. Въ Варшавѣ при особѣ короля гетманъ былъ пажемъ и пользовался его довѣріемъ и расположениемъ. Въ 1663 году, осенью, въ началѣ похода короля въ Малороссію, Мазепа оставляетъ дворъ и остается при отцѣ. Что побудило Мазепу въ удаленію—теперь решить трудно. Очень можетъ

быть, что поводомъ къ этому могло послужить и столкновеніе съ Пасекомъ во дворцѣ, и скандалъ окончившійся для Мазепы романъ его съ Еленой Загоровской. Г. Уманецъ обходитъ этотъ вопросъ и не возражаетъ противъ установившагося мнѣнія. Но онъ не раздѣляетъ нашего предположенія о томъ, что любовная интрига Мазепы, относима Пасекомъ къ пани Фальбовской, должна быть отнесена къ Загоровской. Г. Уманецъ думаетъ (быть можетъ, ради увеличенія числа побѣдъ Мазепы надъ женщинами), что это были два отдельныхъ увлеченія будущаго гетмана, изъ коихъ одно имѣло мѣсто въ 1663 году, а другое въ 1669 г.; въ подтвержденіе своей догадки онъ приводитъ тотъ фактъ, что Мазепа въ 1669 г., наканунѣ перехода своего въ козачество, вносить во Владимір. гродскія актовыя книги привилегіи короля Яна-Казимира на утвержденіе за нимъ его родовыхъ имѣній и дѣлаетъ будто-бы это ради того, чтобы завязать знакомство съ семьей Загоровскаго. Но съ такимъ предположеніемъ согласиться нельзя, во 1-хъ потому, что Загоровскій былъ земскій судья, а не гродскій; слѣдовательно, въ гродскімъ книгамъ онъ не имѣть никакого отношенія; во 2-хъ онъ былъ судьей, а не подстаростой, и поэтому онъ не могъ принимать отъ Мазепы его привилегій, когда бы тотъ даже представлялъ ихъ въ земскій судъ, а не гродскій. Если же въ 1669 г. Иванъ Мазепа вносить свою привилегію, то скорѣе всего для укрѣпленія своихъ правъ на имѣнія по смерти отца и для предупрежденія захвата ихъ въ то время, когда онъ будетъ находиться на службѣ въ козачествѣ; внесеніемъ своихъ документовъ въ актовыя книги Мазепа скорѣе всего хотѣлъ обезпечить себя въ будущемъ, на случай оставленія службы въ козачествѣ. Поэтому мы, какъ и прежде, имѣя въ виду общія черты разсказа Пасека о связи Мазепы съ Фальбовской съ обстоятельствами романа его съ Загоровской, продолжаемъ думать, что мемуары Пасека и бракоразводное дѣло Загоровскаго говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ. Продолжаемъ мы также думать, что на переходъ Мазепы въ козачество могъ влиять разрывъ съ польскимъ обществомъ, гдѣ въ нему могли относиться преабрѣжительно, какъ къ православному, какъ къ стороннику козачества, какъ къ дважды оскорбленному человѣку и Пасекомъ и Загоровскимъ, и безсильному, чтобы смыть это оскорблѣніе. Предполагать же, что Мазепа еще въ Варшавѣ мечталъ занять положеніе, ускользнувшее отъ Выговскаго, какъ думаетъ г. Уманецъ, нѣтъ никакихъ основаній да и жизнь въ козацкомъ лагерѣ зависѣла отъ столькихъ случайностей, что самый предусмотрительный козакъ едва ли могъ предви-

дѣть свой конецъ, что въ другомъ мѣстѣ своего труда признаетъ и самъ авторъ.

Перехода въ козачество, Мазепѣ приходилось дѣлать выборъ между Петромъ Дорошенкомъ и Иваномъ Брюховецкимъ. Чему онъ выбралъ первого? Разрѣшенію этого вопроса посвящена вторая глава монографіи г. Уманца: «У Дорошенка». Авторъ старается характеризовать, подробнѣе даже, чѣмъ требуетъ того необходимость, характеръ и политическая стремленія обоихъ гетмановъ Дорошенка и Брюховецкаго. «Изъ всѣхъ гетмановъ Малороссіи, Дорошенко, говоритъ авторъ, съ наибольшей энергией и убѣжденіемъ стоитъ за «Рѣчь по-сполиту Украинскую». Поколѣніе, само умиравшее за Малороссію, невольно мирится съ нимъ ради его политической программы». Вокругъ Дорошенка соединяются всѣ лучшіе люди правобережной Украины; къ нему же переходитъ и Мазепа. Понятно—почему. На сторонѣ Дорошенка престижъ таланта, патріотизма и увлекательной для малороссіянъ цѣли. Но тутъ же г. Уманецъ допускаетъ какіе-то личные расчеты Мазепы, оговариваясь, что «объяснить переходъ къ Дорошенку однѣми только частными выгодами нельзя уже потому, что тѣхъ выгодъ не было». Зачѣмъ же предполагать эти «личные расчеты», когда для нихъ не было даже основанія? Авторъ и забываетъ о нихъ далѣе и говорить: «Мазепа не могъ сдѣлать ничего нравственно лучшаго. Когда всѣ увлекались Дорошенкомъ, имъ увлекся и Мазепа». Послѣ сближенія Дорошенка съ татарами, многіе изъ старшинъ его оставили и перешли на сторону Самойловича. Мазепа продолжалъ служить Дорошенку и былъ отправленъ имъ въ качествѣ послана въ Крымъ. На пути онъ былъ захваченъ кошевымъ Сѣркомъ и выданъ Ромодановскому лишь потому, что тотъ арестовалъ жену Сѣрка. Такимъ образомъ Мазепа оставилъ Дорошенка не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, а вслѣдствіе непредвидѣнаго стеченія обстоятельствъ. Что касается до перехода Мазепы на сторону Москвы, то, по мнѣнію г. Уманца, «для всѣхъ малороссійскихъ патріотовъ подобный переходъ былъ естественнымъ финаломъ службы при Дорошенкѣ». Задача Дорошенка оказалась неисполнимой; самъ онъ лишился твердой почвы; его имя компрометировано турецкимъ подданствомъ. Въ тоже время, какъ ни плохо жить за Москвой, она однаждеи даетъ Малороссіи нѣкоторую гарантію и спокойствіе.

Далѣе г. Уманецъ, въ третьей главѣ своего труда, переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній Мазепы къ «семье Самойловича». Бла-

годари своему уму и образованію, Мазепа скоро становится въ близкія отношенія къ гетману и исполняетъ разнаго рода его поручевія въ Москвѣ, какъ личныя, такъ и государственныя; но никогда онъ не является дѣйствующимъ отъ своего имени: «въ Москву и Кіевъ онъ возвилъ только мысли Самойловича и нигдѣ не дѣйствовалъ официально по собственному усмотрѣнію». Обвиненіе Мазепы въ доносѣ на Самойловича (какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ) ни на чёмъ не основано; оно только предполагается. Доносъ не подписанъ Мазепой и настолько наивенъ, что Мазепа не могъ быть даже его цвигателемъ. Послѣ паденія Самойловича, избраніе Мазепы въ гетманы многіе представляютъ результатомъ взятки князю Голицьну. Г. Уманецъ рѣшительно отвергаетъ это обвиненіе. Подарки Голицьну, по его мнѣнію, были взяткой сильному временщику, съ цѣлью купить его благоволеніе и поддержку въ Москвѣ; они не имѣли прямого отношенія къ избранію; съ другой стороны, козаки, низложившіе своего гетмана, поднявшіеся на старшину, вышедшіе изъ повиновенія начальству—не могли подчиняться внушеніямъ чуждаго имъ человѣка. Ясно—не Голицьну подсунулъ Мазепу козакамъ, но въ данную минуту Мазепа—самый популярный человѣкъ, если не во всей Малороссіи, то въ лагерѣ подъ Коломакомъ.

Избранный въ гетманы, Мазепа оставался вѣренъ Москвѣ, но вѣрность эта, по мнѣнію автора, прежде всего вытекала изъ того, что безъ Москвы у него нѣть точки опоры—народъ и старшина сами выдавали и казнили измѣну. Сблизившись съ Петромъ, Мазепа сначала вѣрилъ въ него и надѣялся на лучшее будущее для Малороссіи; только этой вѣрой и могутъ быть объяснены некоторые поступки гетмана, какъ напр., устройство крѣпостей на югѣ противъ татаръ, возбужденіе войны съ турками и татарами. Возстаніе Петрика въ это время въ извѣстномъ смыслѣ было пробнымъ камнемъ для Мазепы; но изъ этого испытанія онъ вышелъ вѣрнымъ Петру и Россіи. Ясно, что въ это время Мазепа еще не держитъ въ умѣ мысли объ отડѣленіи Малороссіи отъ Москвы и вполнѣ стоитъ за Петра и его политику. Ихъ раздѣляетъ только рядъ реформъ, начатый Петромъ по возвращеніи изъ-за границы. И авторъ осуждаетъ быструю перемѣну старыхъ порядковъ на новые; онъ старается уменить значеніе этихъ перемѣнъ, которыхъ рано или поздно должны были случиться сами, такъ какъ онъ вызывались всѣмъ строемъ тогдашней жизни Россіи. Еще болѣе возмущаютъ его тѣ жестокости

которыми сопровождались реформы. «Изъ-за Петра реформатора и прогрессиста, въ видѣ какой-то стихійной силы, быстро выдвигается дикарь, ослѣпленный мишурой западной цивилизаціи... Петръ ставить нигилизмъ на степень государственного учрежденія. Получается царь на подклалкѣ Базарова.» Въ это время сближеніе съ Москвой, въ суровыхъ рукахъ Петра, сулило только постоянныя войны, раздѣлъ страны, освободившейся при Хмельницкомъ, рекрутскіе наборы, новые налоги и новое изданіе крѣпостного права до обязательнаго обученія кораблестроенію включительно. Масса недовольныхъ Петромъ и Мазепой. Всѣ обвиняютъ Мазепу за чуждыя народнымъ инстинктамъ войны, тяжелую службу вдали отъ родины, утѣсненія отъ проходящихъ войскъ, уступку полякамъ праваго берега Днѣпра, тяжелыя повинности и налоги, словомъ, за все, что называлось «умаленіемъ Малороссіи». Но и Мазепа разочаровывается въ Цетрѣ, доказательствомъ чего служать стихотворенія, приписываемыя авторомъ Мазепѣ: дума и элегія, въ относимыя имъ къ 1698—99 годамъ. Въ дѣлѣ сближенія царя съ Польшой и возстанія Палія Мазепа является уже противникомъ Петра; онъ старается удержать царя отъ этого шага и на нѣкоторое время успѣваетъ въ этомъ; въ дѣлѣ же Шалія онъ вынужденъ былъ исполнить волю Петра: отдать Бѣлую-Церковь полякамъ, а самого Палія арестовать. Неудовольствие на гетмана проявляется даже въ бунтѣ противъ него въ 1704 г. въ лагерь подъ Любаромъ. Но и въ Москвѣ его положеніе было не прочно; подумывали уже рѣшительно объ отмѣнѣ правъ Малороссіи, и въ 1706 г. въ Кіевѣ, на обѣдѣ у гетмана, Меншиковъ прямо высказалъ эту мысль. Старшины подняли голову, стали читать «гадяцкіе пункты» и разсуждать о независимости Малороссіи. Близкіе люди—Данило Апостоль и Димитрій Горленко говорили Мазепѣ: «Яко мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ нига ляцкаго свободилъ; такъ противнымъ способомъ и мы, и дѣти наши, въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если нась за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволѣ зоставишъ». Рисун далѣе общественное настроеніе въ Малороссіи, авторъ замѣчаетъ, что умири даже Мазепа въ 1708 году, задуманное имъ дѣло нисколько бы не измѣнилось. Ему кажется даже, что «наклонность измѣнить Москвѣ у Мазепы была слабѣе, чѣмъ у большинства старшинъ и козаковъ. Но если источникъ измѣны доходилъ до самой глубины народныхъ массъ, то планъ дѣйствія и его выполн

неніє принадлежать одному Мазепѣ.—Немъння, чего хотѣлъ Мазепа?—Независимой Украины?—Федеративного союза съ Польшой?—Чего-либо въ свою личную пользу?—спрашиваетъ авторъ,—и рассматривая тогдашнее высокое положеніе Мазепы, глубокую старость, бездѣтное вдовство, онъ приходитъ къ заключенію, что, въ случаѣ удачи, Мазепа не могъ-бы воспользоваться плодами своей измѣны (стопло-ли хлопотать для одного-двухъ лѣтъ!), въ случаѣ-же неудачи рисковаль всѣмъ. Слѣдовательно, личное честолюбіе и выгоды, не объясняютъ измѣны, не очерчиваютъ и ея цѣль. Не могъ онъ работать и для родственниковъ. Онъ не могъ думать о наследственной передачѣ гетманства или княжества: оказавшееся невозможнымъ для Хмельницкаго, въ десять разъ было невозможнѣй для него. Наканунѣ взмѣны Мазепа такъ объясняетъ старшинамъ свое личное отношеніе къ тревожному вопросу: «предъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюша и на томъ присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для вышихъ гоноровъ, и ни для иныхъ яковыхъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властью и региментомъ моимъ зостающихъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей, отчизны бѣдной, Украины, всего войска Запорожскаго и народу Малороссійскаго, и для подышенія я расширенія правъ и вольностей войсковыхъ, хочу то при помощи Божіей чинити, чтобы вы, съ женами и дѣтьми, а отчизна зъ войскомъ Запорожскимъ, какъ отъ Московской, якъ и отъ шведской стороны, не погибли». Сказавши это, Мазепа поцѣловалъ крестъ съ животворящимъ древомъ.

Въ рѣчи, произнесеной имъ 25 октября 1708 г. предъ козацкими полками, при всей разности ея редакцій, вездѣ заключается одна и та-же мысль: «Вотъ когда пришло время свергнуть съ себя ненавистное иго и сдѣлать Украину страной свободной и ни отъ кого независимой!» — «И такъ, заключаетъ авторъ, конечно цѣлью измѣны служила для Мазепы полная независимость Малороссіи.

Да и могло-ли быть иначе? Шансы на популярность и, пожалуй вѣкоторые шансы успѣха, имѣла только идея самостоятельнаго государства.

Таковы мнѣнія г. Уманца о политической дѣятельности гетмана Мазепы, котораго онъ старается представить благородѣйшимъ, умнѣйшимъ и преданнѣйшимъ сыномъ Украины. Для полноты обзора его книги и для болѣе подробной характеристики гетмана, намъ оставалось-бы разсмотрѣть административную дѣятельность Мазепы и его личную душевную жизнь, выражившуюся въ увлеченіи Матре-

ной Кочубей и книгиней Дольской. Но и здесь, въ обѣихъ сферахъ общественной и личной жизни авторъ остается вѣренъ себѣ, представливъ Мазепу такимъ же симпатичнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ. Какъ дальновидный администраторъ, онъ, хотя и безуспѣшно, все-таки пытается задержать развитіе крупнаго землевладѣнія и развитіе крѣпостного права въ Малороссіи; въ отношеніяхъ къ Матрени Кочубей отъ остается вполнѣ корректнымъ; съ Дольской же его сближали общіе дипломатические интересы. Эти стороны жизни гетмана авторъ очень подробно рассматриваетъ въ двухъ большихъ главахъ, которые являются лучшими и прочиѣ другихъ обоснованными въ цѣлой монографіи.

Авторъ въ концѣ книги подвергаетъ разбору сохранившіеся портреты Мазепы и прилагаетъ 14 документовъ; но мы не будемъ останавливаться на первыхъ, потому что они не входятъ въ нашу задачу; вторые не имѣютъ особенного интереса и касаются, по своему содержанію, второстепенныхъ вопросовъ въ жизни гетмана, а нѣкоторые и вовсе не касаются его.

Но нельзя обойти вниманіемъ двухъ вопросовъ, которые ставить г. Уманецъ:

1. Почему не удалась измѣна Мазепы?—

2. Какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на Малороссійскій народъ?—

Причины неудачи измѣны авторъ видитъ, во 1-хъ, въ направленіи Карла на югъ, вместо того, чтобы идти на сѣверъ. Во 2-хъ, въ положенія занятомъ народомъ, который, враждую со старшиной, питалъ надежду найти на нее управу въ Москвѣ у царя. Въ 3-хъ, старшины боялись будто бы внутренней неурядицы, которая всегда бывала въ второй союзницей Москвы. Мы же думаемъ, что не столько пугали старшину беспорядки, сколько боязнь потерять маestности и то приобрѣтеннное общественное положеніе, которое она успѣла занять, но легко могла потерять въ наступавшемъ переворотѣ.— «Было общее недовольство, говоритъ авторъ, но взрыва народныхъ чувствъ не было и, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, не могло быть. Но главная причина, погубившая Мазепу, въ томъ, что онъ имѣлъ дѣло съ Карломъ—типомъ прямолинейнаго человѣка, не способнаго угадывать теченіе и дѣйствовать сообразно положенію вещей.

Что касается до 2-го вопроса—о вліяніи измѣны на народъ,—то г. Уманецъ думаетъ, что «измѣна временъ Мазепы, съ ея неудачнымъ концомъ, была необходима для того, чтобы разъ навсегда по-

кончить съ иллюзіями, отрезвить массу и поставить народное чувство Малороссіи на новую дорогу. Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которые почти обязательны въ начальный периодъ народной жизни. Только благодаря ей, здѣсь быстро вырабатывалась новая форма патріотизма. Только послѣ нея преданность Россіи перестала носить отг҃внокъ измѣны родному царю, а измѣна «всей Россіи» — характеръ патріотизма по отношенію къ родинѣ... Всѣ поняли необходимость въ надеждѣ на лучшіе дни, вмѣстѣ съ Псковою и Новгородомъ, Рязанью и Тверью... «вкушъ лихо отбуватъ».

Такимъ образомъ монографія г. Уманца затрагиваетъ серьезные и очень важные вопросы, группирующиеся вокругъ загадочной и неизученной личности гетмана Мазепы. Для своихъ выводовъ онъ пользуется имѣющимися уже материалами и изслѣдованіями, давая фактамъ лишь новое освѣщеніе и объясненіе. Точно также онъ уклоняется отъ полемики по спорнымъ вопросамъ, а даетъ таіія характеристики фактовъ и лицъ, какія кажутся ему болѣе близкими къ истинѣ. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ нельзя не согласиться съ вѣрностью выводовъ автора, но отъ этого еще больше чувствуетъся необходимость въ изданіи новыхъ материаловъ, относящихся къ гетманству Мазепы, и въ пересмотрѣ тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, съ горячей любовью къ своему предмету, даетъ Ф. М. Уманецъ.

И. Каманинъ.

Къ исторіи поселенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности. И. В. Галанта. (Восходъ, 1897 г. №№ 8 и 9).

Существованіе евреевъ въ предѣлахъ древней Польши въ концѣ XII в. и въ самомъ началѣ XIII в.—фактъ неоспоримый, фактъ общепризнанный: за него даныя изъ области нумизматики (Гленбокскій кладъ) и изъ области дипломатики. А разъ существованіе евреевъ въ Польшѣ въ XII в. есть фактъ безусловной достовѣрности, известіе Козьмы Пражскаго о массовомъ переселеніи евреевъ въ 1098 г. изъ Богеміи въ Польшу, вызванномъ ужасами крестового похода, заслуживаетъ въ свою очередь полного довѣрія. Послѣднее событие даетъ уже возможность говорить о причинахъ движенія евреевъ въ Польшу въ Западной Европѣ. Первой причиной передвиженія ихъ съ запада на востокъ можно считать тѣ бѣдствія, какія тамъ ихъ преслѣдовали со стороны католического фанатизма. Вторая причина усматривается

авторомъ въ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, какія предоставили евреямъ князья и короли, какими обеспечивали они возможность жить согласно обычаямъ и религіознымъ узаконеніямъ. Въ концѣ XV в. приливъ еврейского населенія въ Польшу цѣлыми массами произошелъ изъ литовско-русскихъ областей, послѣ формального изгнанія ихъ оттуда великимъ княземъ Александромъ Казимировичемъ,—въ 1495 году.

Слѣды существованія евреевъ въ древней Руси, дающіе намъ право считать ихъ весьма давними здѣсь поселенцами, видны уже въ исторіи XI в.: митрополитъ Иларіонъ ведетъ литературную съ ними полемику; преніа съ еврейской пропагандой вель и преподобный Феодосій печерскій; а ватиканское пятокнижіе, написанное гдѣ-то на Руси въ 1094 году, говоритъ о значительномъ вліяніи древне-русскаго языка на его языкъ. Евреи, такимъ образомъ, явились въ древней Руси далеко до XI в., быть можетъ, въ то время, когда Хозары, исповѣдывавшіе іудейскую вѣру, были владыками южной Руси. Въ этой же главѣ г. Галантъ, при оцѣнкѣ данныхъ, служащихъ къ подтвержденію давнаго пребыванія евреевъ на Руси, справедливо отвергъ еврейское яко-бы происхожденіе новгородскаго епископа Лука Жидаты.

Поселеніе евреевъ въ Подолії, хотя и потребовало себѣ цѣлой главы, осталось однако вопросомъ открытымъ; такъ какъ г. Галантъ надгробной надписи изъ м. Таврова, относимой къ 1240 году, придаетъ мало значенія, а читатель, незнакомый съ литературой затронутаго имъ вопроса, едва-ли повѣрить ему на слово, что «время появленія евреевъ въ Подолії можно, на основаніи историческихъ данныхъ, разбросанныхъ въ респонсахъ польскихъ раввиновъ, отнести къ столѣтію, предшествовавшему бѣдствіямъ 1648—49 гг., т. е. къ XVI столѣтію» (стр. 22), по той простой причинѣ, что самъ онъ, такъ тщательно указывающій, на чемъ построено и обосновано любое его положеніе, въ данномъ случаѣ обошелъ молчаніемъ изданіе, которое было въ его рукахъ. Въ послѣдней главѣ авторъ остановился на крупныхъ явленіяхъ въ исторіи евреевъ, отъ болѣе позднаго времени, это на Синодѣ четырехъ странъ, выдвинувшемъ между прочимъ политическое значеніе раввиновъ, и на появленіи мистическихъ сектъ саббатіанцевъ, братства Гуды Хасида, франкизма и цадикизма. Усматривая причину появленія, конечно, отчасти, послѣднихъ въ страшномъ погромѣ, разразившемся надъ головами евреевъ въ 1648 и 1649 годахъ, авторъ, не щадя красокъ, старается набросать свои чувства,

въ которыхъ и облекаетъ безспорно одну изъ печальныхъ страницъ исторіи польскихъ и русскихъ евреевъ. Напрасно также, по нашему мнѣнію, думаетъ г. Галантъ что «Хмельницкій, расправляясь съ евреями самымъ варварскимъ и звѣрскимъ образомъ, не руководствовался въ данномъ случаѣ одними только политическими соображеніями, и действовалъ отчасти еще подъ вліяніемъ жажды мести евреямъ за нѣкоторыя имъ лично принесенные обиды и оскорблениа, причиной которыхъ былъ еврей». Едва-ли Хмельницкому, объявившему борьбу не польскому государству, а польскому шляхетству, и державшимъ сторону послѣдняго евреямъ, было мѣсто и время считаться со своими личными чувствами въ то время, когда онъ совершалъ такой исторической важности и столь крупный переворотъ въ жизни польского государства. Натанъ Гановеръ, на кото-раго ссылается авторъ, слишкомъ наивенъ въ своихъ извѣстіяхъ, а его сообщеніе о доносѣ со стороны еврея польскому правительству о заключенномъ Хмельницкимъ союзѣ съ крымскимъ ханомъ, такъ и дышитъ полнейшимъ незнаніемъ способа веденія дипломатическихъ переговоровъ въ то время, чего нельзя и требовать отъ рядового еврея.

Е. Кашировскій.

Вс. Срезневскій. Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго (1831—1839). (Журналъ М-ва Нар. Просвѣщенія 1898, № 1).

Въ январской книжкѣ журнала М-ва Нар. Просв. В. И. Срезневскій помѣствъ интересную статью о первыхъ шагахъ своего отца на учено-литературномъ поприщѣ. Статья эта основана на данныхъ, извлеченныхъ частью изъ переписки покойного слависта, частью изъ его бумагъ, а частью изъ дѣлъ Харьковскаго университета.

Начало литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго представляеть большой интересъ. Великороссъ по рожденію, привезен-ный двухмѣсячнымъ ребенкомъ въ Харьковъ и не выѣзжавшій изъ Малороссіи до окончанія университета, Срезневскій сознавалъ себя великороссомъ и въ одномъ изъ писемъ къ матери съ глубокимъ чувствомъ говорилъ о «милой своей родинѣ», которой не зналъ вовсе.

Въ то же время онъ съ жаромъ отдается изученію малорусской народной словесности и становится однимъ изъ самыхъ видныхъ, если не самымъ виднымъ представителемъ кружка, для членовъ котораго малорусскія изученія являлись не дѣломъ холодной любознательности, а были результатомъ горячей любви къ родинѣ. Въ 1839 г. Срезневский отправился въ заграничную командировку и прервалъ свои занятія малорусской этнографіей, къ которымъ болѣе не возвращался. Юношескія увлеченія прошли навсегда. И увлеченіе И. И. Срезневского малорусской этнографіей и полное охлажденіе къ ней авторъ статьи объясняетъ такъ: «Молодого человѣка не могли не привлекать къ себѣ и поэтическія луны, и музикальныя пѣсни, и малоизслѣдованная, полная интереса исторія Малороссіи, и богатство сохранившейся въ народѣ живой старины, но онъ относился ко всему этому какъ наблюдатель, изслѣдователь, а не какъ патріотъ-украинецъ». Такое объясненіе, на нашъ взглядъ, не представляется удовлетворительнымъ. Юноша, чутъ не мальчикъ не могъ отнести къ предмету своихъ занятій, какъ спокойный изслѣдователь интереснаго материала, да и не такъ относился къ немъ И. И. Срѣзний. Не вѣрѣ ли смотрѣть на юношескія увлеченія его, какъ на дань настроенію тогдашняго харьковскаго общества, среда котораго, какъ указывается и авторъ статьи, пробудился въ ту пору живой интересъ къ прошлому своей родины. Кружокъ давнихъ пансіонерскихъ пріятелей, въ которомъ вращался Срезневский во время пребыванія въ университѣтѣ, могъ только возбуждать и поддерживать въ молодомъ студентѣ симпатіи къ малорусскому народу и народному творчеству. Въ статьѣ Вс. И. Срезневскаго сообщаются любопытныя свѣдѣнія о членахъ этого кружка. Это были: Шчигоцкій, братья Евецкіе и Роськовщенко. Всѣ они были въ большей или меньшей степени малороссы-патріоты. Наиболѣе пылкимъ патріотомъ былъ цвідимому, Шчигоцкій, переводившій на малорусскій языкъ Мцкевича. Объ одномъ изъ Евецкихъ, (Федорѣ) Срезневскій отзыается, какъ о «большомъ знатокѣ малорусскаго языка», оба брата доставили ему «массу пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, описаній обрядовъ», оба начекатали цѣлкомъ работѣ, относившихся къ Малороссіи, «Увлеченіе Українцемъ у обоихъ братьевъ Евецкихъ въ послѣдствіи превратилось подъ вліяніемъ П. П. Дубровскаго, издателя «Денницы», въ увлеченіе цацлавизмомъ». Къ этому примыкалъ еще Л. А. Джунковскій, не занявшійся, впрочемъ, этнографіей. На основаніи предисловія къ «Запорожской Старинѣ», начало общихъ занятій Срезневскаго и его товарищѣй этнографіей можно

отнести приблизительно къ 1826 г. Въ 1831 г. Ср—ій, при участін всѣхъ своихъ пріятелей кромѣ Джунковскаго, издаєтъ «Украинскій Альманахъ». (Объ «Украинскомъ Альманахѣ» см. ст. Вс. Иам. Срезневскаго въ «Кiev. Ст.» 1893, № 1). Съ этого времени разѣхавшиеся изъ Харькова пріятели присылаютъ собранный ими матеріалъ Ср—му, въ его «скарбницу». Самъ Иам. Ив. собираетъ массу матеріаловъ въ 1832—33 гг., когда живеть, въ качествѣ домашнаго учителя, въ семье Подольскихъ, въ м. Варваровкѣ, Екатеринославской губ., вблизи пороговъ. 97-лѣтній запорожецъ Гречка много рассказывалъ ему о старинѣ, отъ 80-лѣтняго бандураста записалъ онъ нѣсколько думъ и старинныхъ пѣсень. Матеріалы, собранные Срезневскимъ и были изданы имъ въ «Запорожской Старинѣ».

Съ этого времени литературныя знакомства Ср—го расширяются. Завязываются отношенія съ Гулакомъ-Артемовскимъ, Г. Ф. Квиткой, Максимовичемъ и мн. др. Къ сборнику пѣсень подъ заглавіемъ «Собрание памятниковъ народной украинской словесности» приложенъ уже длинный списокъ сотрудниковъ. Еще болѣе разростаются эти сношения по мѣрѣ выхода книжекъ «Запорожской Старинѣ», захватываюая въ свой кругъ и великорусскихъ ученыхъ. Въ 1834 г. И. М. Снегиревъ пишетъ Срезневскому: «Новые въ своемъ родѣ труды Ваши, посвященные Малороссіи, возбуждаютъ живѣйшие участіе свѣжестью мыслей и чувствованій, прелестною оригинальностью слога. Страненъ миѣ показался отзывъ «Сѣверной Целы о малорусскомъ языке», который будто достался въ удѣль чумакамъ. Неужели она видѣть въ благородномъ ревнованіи Квитокъ, Гулаковъ, Срезневскихъ что либо подозрительное? Не постигаю, ибо смотрю чистыми глазами и съ чистымъ сердцемъ, которое не можетъ остаться холоднымъ при со-сердціи истиннаго, добраго и освященнаго. Какъ бы удивился по-чтенный И. М. Снегиревъ, если бы почиталь писанія нашихъ со-временныхъ публицистовъ, которые недалеко ушли въ своемъ міро-созерцаніи отъ публицистовъ «Сѣверной Целы».

Особенное значеніе имѣло для Ср—го сближеніе съ Вадимомъ Пасекомъ, Метлинскимъ и Костомаровымъ. Первый, жившій тогда въ своемъ имѣніи близъ Харькова и много работавшій по изученію Малороссіи, обратился къ Ср—му съ приглашеніемъ принять участіе въ задуманномъ имъ изданіи журнала и скоро очень сблизился съ нимъ, хотя затѣянное изданіе и не состоялось. Еще ближе были отношенія Ср—го къ А. А. Метлинскому, «Амвросію Могилѣ», «самому

полному и отчасти восторженному украинофилу», по словамъ де-Пуле. При посредствѣ Метлинского Ср—ій познакомился и съ Н. И. Костомаровыи. «Изм. Ив-чъ много способствовалъ развитію въ Костомаровѣ его «стремленія къ изученію малорусской народности»; при его помощи К—въ, «вооружившись новыми взглядами», началъ учиться малорусскому языку, ранѣе мало ему знакомому, изучать повѣсти Квитки». Подъ вліяніемъ Ср—го К—въ «перешелъ къ изученію живой малорусской рѣчи», «началь дѣлать этнографическихъ экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами». «Любопытно отмѣтить, прибавляетъ авторъ, что К—въ въ характерѣ увлеченія работами по малорусской старинѣ и народной словесности скоро ушелъ далеко отъ Изм. Ив-ча, своего бывшаго руководителя: въ 1837 г. онъ началъ только учиться по-малорусски, а въ 1839 г. въ одномъ письмѣ къ Изм. Ив-чу писалъ про малорусский языкъ, какъ про «нашу мову». Въ другомъ письмѣ къ Ср—му К—въ говоритъ, что Метлинскій, прочитавъ его письмо, «такъ заразъ и закепкую, на те винъ козакъ и батько его козакъ и диды ёго козаки, весь родъ его козаки украинскіи, а я бидный неофитъ, перекрещенецъ, перевертенъ и тымъ тилько мени можно въ простыти, що хочъ може я и не вмю гораздъ зовсімъ переродыться, такъ коханіе у мене щыре и серде за Україну беться, бильше, ніжъ у якого спражнѣго южнорусса». Близкія отношенія К—ва со Ср—мъ прервались лишь въ 1846 г. и, возобновившись, впослѣдствії не носили уже ирежнаго характера.

Вторая половина интересной статьи Вс. И. Срезневскаго посвящена разсказу о посылкѣ Изм. Ив-ча въ заграницную командировку, по возвращенію изъ которой онъ уже не возвратился къ прежнимъ занятіямъ.

Въ приложениі къ статьѣ перепечатано предисловіе къ «Запорожской Старинѣ».

Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Николая Барсукова.

Спб. 1898 г. 31 стр.

Читатель будетъ сильно разочарованъ, заинтересовавшись прекрасно изданной брошюркой г. Барсукова, т. к. не найдетъ онъ въ ней того, чего ожидаетъ: всѣ воспоминанія отрывочны и мало касаются тѣхъ лицъ, ради которыхъ написаны. Такъ напримѣръ:

«Иныхъ, какъ говорятьъ, лекціи Костомарова влекли на площадь (sic); меня же неудержимо потянули онъ къ Полному Собранию Русскихъ Лѣтописей, изданному по Высочайшему повелѣнію Археографической Коммиссіей; а потому я и до сей минуты съ благодарностью и благословеніями поминаю и буду поминать до скончанія жизни моей это почтенное имя»... Такъ говорить о Н. И. Костомаровѣ г. Барсуковъ, который былъ слушателемъ его въ знаменательный въ исторіи петербургскаго университета періодъ 1861 года. Читатель естественно заинтересованъ узнать подробности о лекціяхъ Н. И. Костомарова, о его отношеніяхъ во время студенческихъ исторій 1861 года, какъ это представлялось г. Барсукову и т. п. Ничего нѣтъ; зато почему-то г. Барсуковъ подробнѣ, слишкомъ даже подробнѣо, описываетъ, какъ онъ ъздилъ въ деревню, и затѣмъ ходатайствовалъ при посредствѣ родственниковъ, чтобы вторично почасть въ университѣтъ... 18 января 1862 года г. Барсуковъ познакомился съ Н. И. Костомаровымъ; «результатомъ нашего свиданія было то, что онъ засадилъ меня за азбучный указатель къ Нестору, а этотъ указатель привелъ меня къ благодѣтелю моему Аѳанасію Федоровичу Бычкову, опредѣлившему меня на службу въ Археографическую Коммиссію»...

Въ маѣ 1862 г. Н. П. Барсуковъ ъздилъ съ Н. И. Костомаровымъ и А. Н. Майковымъ обозрѣвать Новгородъ. На г. Барсукова Н. И. Костомаровъ возложилъ обязанность «лѣтописца», «въ Дорожный дневникъ», говоритъ Н. П. Барсуковъ, я вносила все то, что производило впечатлѣніе на моихъ знаменитыхъ спутниковъ; но сохранить ихъ вдохновенные бесѣды на память потомству я не сумѣлъ!»...

Этотъ дневникъ съ 3 по 11 мая 1863 года и напечатанъ теперь г. Барсуковымъ... Но, какъ безодержателенъ онъ! Читаешь его и невольно спрашиваешь, гдѣ же Костомаровъ? Вѣдь это же былъ самый интересный спутникъ по мѣстамъ, известнымъ исторически!... Перечисленіе монастырей, разныхъ ничего не значащихъ мелочей детальное указаніе мѣста, гдѣ обѣдали и какого гдѣ архимандрита застали, къ какимъ мощамъ прикладывались — вотъ и все содержаніе *Дневника*.

Самое интересное въ брошюре г. Барсукова — это письмо къ нему Н. И. Костомарова на старо-славянскомъ языке, въ которомъ знаменитый историкъ былъ, какъ извѣстно, мастеръ. Мы выписываемъ для образца начало и конецъ этого любопытнаго письма: «Чадо

Николае, благородный сыне честяго родителя именемъ Платона! Се азъ худый и многогрѣшный старецъ, недостойный лѣтописатель Великаго Новгорода и Пскова, цѣлую тя вселюбезнѣ и реку ти: радуйся и здравъ буди! Что убо твориши и коего ради орудія сѣдиши далече въ предѣлахъ Тамбовскія страны? Имѣши ли иѣкое дѣло или иокою прелашиша, иокой же къ грѣху приводить. Еще бо младъ еси и всяческія крѣости душевныя и тѣлесныя исполненъ: пороботай же о Господѣ наученію книжну, напаче же въ бытописанія земли Русскія упражнайся, да Богу спосиѣществующу, плодъ многъ принесеши на пользу братіи и земли своей».

«Да благословитъ Господь все входы и исходы твоя, чадо Николае, да исполнитъ желаніе сердца твоего. Не презирай мя, чадо, худаго и недостойнаго, и паче всѣхъ человѣкъ грѣшишаго старца Николаи, еже на Невѣ рѣцѣ суща, въ дому Карманова, на островѣ св. Василія, во градѣ Петроградѣ, иѣмецки же Шетербургѣ.

Ноемврія 24, въ день субботній. св. великомученицы Екатерины, лѣта отъ воиплощенія Бога Слова 1862»...

Въ заключеніе «Воспоминаній» Н. П. Барсуковымъ приведена выдержка изъ дневника гр. П. С. Шереметьева, въ которомъ рассказывается о встрѣчѣ графа съ А. Н. Майковымъ у Я. П. Полонского. А. Н. Майковъ разказывалъ о поѣздкѣ съ Н. И. Костомаровыми въ Новгородъ. «Пріѣхавъ въ Новгородъ, говорить гр. Шереметьевъ, они взяли лодку и поѣхали кататься по озеру. Во время катанья надвигнулась гроза. Костомарову вдругъ пришло въ голову сравненіе бури на Ильменѣ съ волненіями Новгородцевъ. Но какъ Ильмень не глубокъ, такъ и Новгородъ, не смотря на свои волненія, былъ также не глубокъ, и вотъ со стороны все ближе и ближе надвигается Москва, подобно бурѣ, и наконецъ накрываетъ Новгородъ...» Вотъ другой эпизодъ: причаливъ къ берегу, вся компания стала устраиваться на привалъ; они заказали бабѣ сварить уху изъ только что наловленной рыбы; пока она варила лещей, они сѣли около Костомарову понадобилось отойти на пять минутъ; вдругъ онъ возвращается и объявляетъ, что какая-де у него внезапно явилась мысль: Новгородцы непремѣнно должны быть Малороссійского происхожденія! Вѣдь вотъ эта баба говоритъ не хлѣбъ, а хлѣбъ. И то, и другое внесено Костомаровымъ въ свой трудъ «Вотъ до чего иногда доходила его легкомысленность! сказалъ Майковъ»...

Приводя слова А. Н. Майкова, Н. П. Барсукову слѣдовало бы оговориться, что мысль Костомарову не новгородской бабой навѣяна, но что она была высказана еще раньше поездки въ Новгородъ, въ 1862 году въ статьяхъ «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» и «Дѣяния русскія народности». Обѣ статьи первоначально появились въ «Основѣ» 1861 года.

Х.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина № 1—2, 1898.

„Московскій обѣдъ 28 дек. 1857 г. и ею послѣдствія“. (№ 1 и 2). Когда Высочайшіе рескрипты на имя виленского и с.-петербургскаго генерал-губернаторовъ объ улучшении положенія крестьянъ дошли до Москвы, многіе мѣстные жители рѣшили запечатлѣть обѣдомъ столь великое событие въ Россіи. Говорили рѣчи и прозоглашали тосты за здоровье Государя. Описаніе обѣда со всѣми рѣчами было напечатано въ «Русскомъ Вѣстнику». Въ числѣ другихъ рѣчей была напечатана и непроизнесенная на обѣдѣ, по случайнымъ обстоятельствамъ, рѣчь извѣстнаго откупщика Кокарева отъ имени купечества, призывающая всѣ классы общества, и купечество въ особенности, денежными средствами къ участію въ великомъ дѣлѣ освобожденія. Рѣчь Кокарева произвела громадное впечатлѣніе, и дворянство сильно вознегодовало на цензуру. Мин. Нар. Просвѣщенія А. С. Норовъ потребовалъ объясненій отъ Каткова и цензора Краузе по поводу ея напечатанія. Въ результатѣ послѣдовало запрещеніе перепечатывать описаніе обѣда въ другихъ современныхъ изданіяхъ. Но прежде чѣмъ распоряженіе объ этомъ запрещеніи достигло Одессы, въ «Одесскомъ Вѣстнику» были помѣщены выдержки изъ ст. «Русскаго Вѣстника» о московскомъ обѣдѣ. (Нужно замѣтить, что изданіе и редактированіе «Одесскаго Вѣстника», то ходатайствующаго печателя Одесскаго Учебнаго округа Н. И. Пирогова, было предоставлено Ришельевскому Лицѣю). Перепечатка эта вызвала энергическій протестъ со стороны генерал-губернатора гр. Ал. Гр. Строганова. Въ своихъ отношеніяхъ къ Министру Нар. Просв., онъ высказываетъ взгляды на печать и цензуру. Такъ онъ пишетъ: «тосты за здравіе Государя

должны быть предлагаемы коротко, не допуская никакихъ разбирательствъ, безъ всякой иной побудительной причины, какъ только потому, что онъ императоръ... Основаніемъ къ такому моему убѣженію служить логическій выводъ, что допущеніемъ огласки мнѣній рго исключаемъ возможность... воспрещать оглашеніе мнѣній соптга». — Если въ допущеніи къ произнесенію этихъ рѣчей на обѣдѣ была виновата полиція, то вина цензуры, давшей разрешеніе на печатаніе статьи, еще болѣе важна: «многое, что можетъ быть почти безъ неудобства высказано на словахъ, принимаетъ характеръ совершенно другой знаменательности, будучи выражено въ письмѣ; предаваясь же тисненію, оно часто содѣлывается чрезвычайно важнымъ». Въ заключеніе гр. Строгановъ просить, «чтобы я, недоумѣвающій повидимому обязанностей цензуры, освобожденъ былъ отъ отвѣтственности за ону,... и передать столь трудную и щекотливую для меня обязанность Попечителю Одесскаго Учебнаго Округа, служащему подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ. Г. Пироговъ вѣроятно будетъ имѣть болѣе смѣтливости и умѣнія примѣнять свои мнѣнія къ направлению, которое принимаетъ въ имперіи цензура въ *настоящее время*». Въ письмѣ къ министру нар. пр. онъ вообще обращаетъ вниманіе Министра на несоответственное направлениe, принятое редакціей журнала «Одесскій Вѣстникъ». «Съ появленіемъ вѣсколькихъ нумеровъ, и уже могъ замѣтить во мнѣніяхъ гг. редакторовъ вѣкоторые признаки вреднаго стремленія къ системѣ критическаго разбора важныхъ административныхъ и общественныхъ вопросовъ... Считаю долгомъ заявить, что если редакція не измѣнить усвоенной ею программы и особенно своего оттѣнка, я не буду колебаться (буду ли стоять во главѣ цензуры, или нѣтъ) и прекращу изданіе Одесскаго Вѣстника». Въ заключеніе гр. Строгановъ просить о снисходительности къ цензорамъ: «этимъ двумъ чиновникамъ, подчиненнымъ г. Попечителю — предсѣдателю цензурнаго комитета, трудно не допускать къ печати такихъ статей, которыя будучи читаны, чemu бывали примѣры, въ литературныхъ собраніяхъ г. Попечителя, въ присутствіи довольно большаго числа профессоровъ, уже удостоены предварительного одобренія въ этихъ совѣщательныхъ бесѣдахъ»... — Письма гр. А. Г. Строганова были переданы на разсмотрѣніе товарища Мин. Нар. Пр. князя П. А. Вяземскаго. Князь далъ слѣдующее заключеніе: «послѣ такого воззрѣнія на литературу и цензуру нельзя для общей и государственной пользы не желать, какъ и самъ гр. Строгановъ того желаетъ, что бы освободилъ его отъ обязанностей цен-

зуры, которую, тоже согласно ходатайству его, передать Попечителю Одесского учебного округа.

Князь П. А. Вяземский, исполняя поручение Министра Народного Просвещения Е. И. Ковалевского, вторично разсмотрѣлъ всѣ статьи «Одесского Вѣстника», на которых указывалъ графъ Строгановъ, и пришелъ къ заключенію, «что въ общемъ нѣтъ въ нихъ ничего вреднаго. Въ частностяхъ же иная изъ этихъ статей заключаютъ въ себѣ вѣкоторыя въ цenzурномъ отношеніи неумѣстные и непріличныя выходки»... Обвиненіе «О. В.» послѣдовало и отъ херсонскаго губернскаго предводителя дворянства Касинова.— «Статьи этого журнала, по словамъ К., выводятъ небылицу на дворянское слово, обвиняя его въ злоупотребленіи помѣщичьей властью..., провозглашаютъ, что въ странѣ не должно быть другаго труда, кроме свободнаго»... Касиновъ особенно негодуетъ на попечителя Одесскаго уч. окр. Н. И. Пирогова, будто бы покровительствующаго вредному направленію газеты и помѣщающему въ ней собственныхъ статьи, не соотвѣтствующія своимъ содержаніемъ въ характеромъ занимаемому имъ служебному посту.

Поставленный въ двухсмысленное положеніе этимъ разногласіемъ, Е. П. Ковалевскій предложилъ члену главнаго управлениія цензуры А. Г. Тройницкому дать и свое заключеніе. А. Г. Тр. нашелъ, что вѣкоторыя статьи заключаютъ въ себѣ только неосторожныя фразы и выраженія, а статья Н. И. Пирогова, какъ могущія вызвать полемику, неудобную при его административномъ положеніи, довольно нетактичны. Въ виду же того обстоятельства, что въ «Од. В.» нынѣшняго года въ другихъ номерахъ появлялись статьи истинно дѣльныя и полезныя, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ генераль-губернатора, что нынѣшняя редакція этой газеты приняла направленіе рѣшительно вредное. Однако принимая во вниманіе съ одной стороны рѣквое противорѣчіе во взглядѣ на редакцію этой газеты между главнымъ начальникомъ края, попечителемъ Одесскаго уч. округа и съ другой стороны недостаточную компетентность профессоровъ Лицея, людей теоретической мысли, далекихъ отъ практической жизни, въ руководствѣ газетой, которая должна быть органомъ коммерческихъ интересовъ Южной Россіи,—г. Тройницкій полагалъ необходимымъ пригласить Лицей отказаться отъ изданія этой газеты, а графа Строганова просить избрать благонадежнаго и опытнаго редактора. Главное Управлѣніе цензуры, которому было повелѣно постановить окончательное рѣшеніе по дѣлу «Од. В.», сдѣлало постановленіе согласно съ мнѣніемъ А. Г. Тройницкаго. Такимъ образомъ окончилось ре-

дактированіе «Одесского Вѣстника» Ришелевскимъ Лицѣемъ и активное участіе въ немъ Н. И. Широгова.

Въ ст. „На зарѣ крестьянской свободы“ (№ 1 и 2), приводится цѣлый рядъ писемъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Зап. Европы, писанныхъ людьми различныхъ взглядовъ и убѣждений по вопросу ожидавшагося освобожденія крестьянъ, ярко рисующихъ состояніе умовъ нашего дворянства въ эпоху, предшествовавшую 19 февраля 1861 г. Въ числѣ писемъ есть письма и изъ Малороссіи, въ томъ числѣ и письмо Гр. П. Галагана къ Ю. О. Самарину (1857 г.). Между прочимъ изъ письма О. И. Тургеневой къ А. Р. Дрентельну мы узнаемъ, что б. начальникъ Юго-Западнаго края былъ убѣженнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ.

Въ ст. *M. A. Филиппова „Профессоры братья Бруно“* (№ 1), характеризуются два брата Бруно, иѣмцы по происхождению, оба профессоры съ начала Ришелевского лицея, а потомъ Новороссийскаго университета. Филиппъ Карловичъ Бруно—ученый историкъ. Любопытно впечатлѣніе, произведенное нашимъ южно-русскимъ крестьяниномъ на Фил. Карл. «Одно меня удивляетъ въ этомъ народѣ, говорилъ онъ, что болѣе вѣковая крѣпостная зависимость не убила въ немъ собственного достоинства и не притупила его способностей; я говорилъ со многими крестьянами и мнѣ казалось, что и говорю съ людьми, которые никогда не знали рабства». —Фил. Карл. извѣстенъ сочиненіемъ о Черноморѣ, второй томъ котораго изданъ уже послѣ его смерти г. Головкинскимъ.

Історический Вѣстникъ № 1-й, 1898.

Б. Глинскій—Русская періодическая печать въ провинціи. Въ краткомъ очеркѣ начала періодической печати въ провинції Гл. даетъ перечень всѣхъ органовъ печати за первую половину XIX в.; въ немъ упоминаются между прочимъ слѣдующія изданія: въ Харьковѣ—«Харьковскій Еженедѣльникъ» (1812), «Украинскій Вѣстникъ» (1816—20), «Харьковскій Демокрить» (1816), «Труды Общества наукъ» (1817), «Украинскій Домоводъ»; въ Одессѣ—«Украинскій Журналъ» (1824—25), «Одесскій Вѣстникъ» (1823—93), «Листки издаваемыя Обществомъ сельскихъ хозяевъ Южной Россіи» (1831—40); въ Кіевѣ—«Кіевскія объявленія» (1835—38, 1850—57), «Воскресное Чтеніе» (1837—97).

Въ отдѣлѣ критики К. Х. помѣщается рецензію о монографії Вас. Ласкоронскаго— «Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII ст.». Киевъ 1897. По мнѣнію рецензента трудъ Ласкоронскаго во многихъ отношеніяхъ почтенный, серьезный и вполнѣ добросовѣстный. Географическій обзоръ обработанъ съ та-кою полнотой, которая, пожалуй, и не требовалась задачей специально исторического сочиненія. Послѣдняя глава, трактующая о главныхъ чертахъ общественного устройства и частнаго быта Переяславской земли, исполнена многихъ обобщеній, къ сожалѣнію, не имѣющихъ научнаго значенія.

Русская Мысль № 1 и 2. 1898.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ (№ 1) помѣщены отзывы о слѣ-
дующихъ сочиненіяхъ: *Сборникъ историческихъ материаловъ, извлеченныхъ изъ архивовъ собственной Ею Императорской Величества канцелярии. Вып. IX. Изд. по ред. Н. Ф. Дубровина. Спб. 1897. 2).*
Писки о Травинѣ. Проф. Н. Ф. Сумцова. Харьковъ 1897 г. 3) Новая Наука о Безсоновѣ. Проф. Сумцова. Киевъ 1897 г.

Сверхъ того, разсмотрѣны слѣдующіе журналы, но въ нихъ ип-
чего не нашлось относящагося къ югу Россіи: *Сѣверный Вѣстникъ №№ 1-й и 2-й, Вѣстникъ Европы №№ 1-й и 2-й, Русский Архивъ №№ 1-й и 2-й. Русское Обозрѣніе № 1-й.*

О БЪЯВЛЕНИЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 годъ

на большую, научно-литературную, политическую и экономи-
ческую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ“

подъ редакціей В. В. СВЯТЛОВСКАГО.

Газета будетъ выходить въ Екатеринославѣ въ объемѣ и въ форматѣ большихъ органовъ столичной прессы. Русская провинциальная жизнь требуетъ печатаго слова, и это главная причина возникновенія „Приднѣпровскаго Края“. Россіи нужна правда—и знакомство возможно широкое со своей собственной внутренней общественной жизнью. Удовлетворенію этихъ потребностей и будетъ служить литературный органъ, который на первомъ планѣ ставитъ изученіе мѣстныхъ вопросовъ, а за тѣмъ и вопросовъ общерусской жизни. Задача мѣстного провинциального органа должна заключаться въ оказаніи всесторонней помощи обществу и администраціи въ дѣлѣ бытъ населения, а также въ поднятии уровня его благосостоянія и въ указаніи мѣръ для усиленія борьбы съ отрицательными и нежелательными сторонами мѣстной жизни. Приднѣпровскій Край, ставшій въ послѣднее время центромъ могучаго развитія желѣзного и горнаго дѣла, а также цѣлаго ряда разнообразныхъ промышленныхъ предпрѣлтій, нуждается въ свободномъ органѣ для правильного освѣщенія и пониманія этихъ важныхъ отраслей индустріи. И эту задачу беретъ на себя также новая газета. Желательно возможно широкое участіе читателя въ доставленіи газетѣ фактическаго матеріала. Газета создаетъ знаніе и всенародную грамотность человѣка можетъ вложить свою крупу знанія на пользу общаго дѣла. всякая правдивая справка, всякая правдивая корреспонденція будетъ желаннымъ гостемъ на страницахъ „Приднѣпровскаго Края“. Личные, партійные интересы, реклама, травля всякаго рода—ни подъ какой маской не будутъ имѣть дос-тупа въ газету.

Дальнѣйшее развитіе программы и profession de foi редакціи читатель найдеть въ первыхъ номерахъ „Приднѣпровскаго Края“.

Въ „Приднѣпровскомъ Краѣ“ будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимается участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, и между прочими слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, К. С. Барапцевичъ, Л. Б. Бергенсонъ, Е. В. Святловскій, И. А. Гофштетеръ, Л. П. Никифоровъ, Скальпель (псевдон.), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Д. И. Тихомировъ, А. М. Коншинъ, И. И. Рачинскій, Л. Ю. Гольдштейнъ, С. П. Добрачевъ (Степановъ), М. Скобинъ, П. И. Ковалевскій, (проф.), И. И. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), Д. Н. Маминъ Сибирякъ, Сарматъ (псевдон.) и мног. друг.

Съ первыхъ нумеровъ начнется печатаніе романа А. Доде „Опора Семьи“ (*Le Soutien de famille*).

Условія подписки	На 12 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
	РУБ.	К. РУБ.	К. РУБ.	К. РУБ.

Съ дост. въ Екатеринославѣ	10	—	5	50	3	50	1	50
--------------------------------------	----	---	---	----	---	----	---	----

Съ пересыл. въ другіе города.	12	—	6	50	4	50	1	75
---------------------------------------	----	---	---	----	---	----	---	----

Пріемъ подписки производится во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ, подписки и объявленій въ главной конторѣ, которая помѣщается въ Екатеринославѣ. Проспектъ, домъ Конышова, а также въ конторѣ Торгового Дома Л. и Э. Метцля о №° въ Москвѣ, Масницкая улица, домъ Спиридонова, и въ его отдѣленіи С.-Петербургъ, Б. Морская, № 11.

Издатель С. М. Копыловъ.

3—3

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 годъ

на ежедневную политическую и литературную газету

„ВОЛЫНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ	6 р.
” ” ” полгода	3 р.
” ” ” три мѣсяца	1 р. 50 к.
” ” ” одинъ мѣсяцъ	— 60 к.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца и до конца года.

Допускается разсрочка подписной платы для гг. служащихъ, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ съ ручательствомъ г. г. казначеевъ или управляющихъ. Подписывающіеся на газету съ разсрочкой, уплачиваютъ при первомъ взносѣ еще 50 к.

ПОРЯДОКЪ РАЗСРОЧКИ:

при подпискѣ 2 руб. 50 коп., къ 1-му мая 2 руб. и въ 1-му сентября 2 рубля.

Лица, подписавшіяся въ первыхъ числахъ декабря, получаютъ газету въ теченіи мѣсяца бесплатно. Подписка принимается въ г. Житомирѣ и въ отдѣленіяхъ главной конторы.

Издатель А. М. Когенъ

Редакторъ Е. А. Фидлеръ

3—3

*26. Долговая расписка лоевскаго мещанина Крыштона Юшковича
Мишку Игнатьевичу Волошанину 1678 г.*

Я Крыштона Юшкович, мещанин лоевъский, въдомо чыню симъ моим писанем, ижем зостал винен длукгу певънаго, то ест вонъ шесть гротей доброе монеты сребръное пану Мишку Игнатьевичу волошанинови тракту Любецкого Лопатъневъскому, которую вонъ шесть звышъпомененую маю отдать на ден и рок от мене заложеный на ден Сочествия Святаго и Жывотворящего Духа водлуг стараго календару в року 1670 осмымъ, не похибламечь року и дня, под закладем такиежъ сумы под вшелякими варунаками, кондыцыми, обвязаками правными, на що для лѣтшое твердости даю сее мое писане с подписом руки от мене упрошоного. Писан в Лоевъ року 1670 осмого (М. П.). Очевисто упрошоный печатор од Крыштона Юшковича до того церекграфу подписуяся Исидоръ Охрѣмович, мещанин лоевъский рукою власною.

27. Расписка Рѣпника священника Феодора Симеоновича Михаю Тимофеевичу Мухѣ въ получении выкупа за отказаннаго ему за требу грунта. Року 1678, месеца іюня дня 9-го.

Я Феодор, священник Рѣпницкий, даю писмо свое пану Михаю Тимофеевичу прозвищом Мусѣ, которое писмо уволняет его от мене, стороны грунту Убѣжицкого, на котором вышпоменененный Михаль зостает; в том же грунту и панъ Щуковский малъ частку по жонѣ своей першой, которую частку мнѣ, священнику рѣпницкому, отказалъ за похорон и отправованя службы Божой. А гдѣж вышпоменененный Михаль Муха ближший был до того крунту, поедналъ мене, священника рѣпницкого, за вшистку отправу, взявши от похорона и за столи и от субутника, заплатиль мнѣ панъ Михаль, ведлугъ зможности своей, даль мнѣ пят таларей, на всем сталося мнѣ досит. А чтобы важился пана Михаля турбоват, албо в тое ся втручоват, теды повинен на старшого выни сто золотыхъ заплатит, а и заплативши повинен грунт при пану Михаю зостават. Тоє писмо я вышпоменененный священникъ отдаю в дому пана Лаврѣна Григориевича в райци чернѣговскаго и при пану Богдану Петровичу, мѣщанину любецкому. Феодор священникъ Симеонович, на тот час резидуючий в Рѣпках, рукою власною своею подаю писмо вышпомененному пану Михаю Тимофеевичу Мусѣ.

28. Купчий листъ Максима Васченка Нижинца на проданную Гурии Зубашенку половину грунта. Року Божего 1679, 15 дня месеца декабрия.

Я Майдим Васковъ сынъ зъ Любеча, по прозвищу Нѣжинец, чиню явне симъ писанем моим вѣчистымъ записомъ, жем продал половину

груяльту всего от мала до велика и поле з съножати, криницѣ и
що належит, що ми з братом моим Проциком были купили у Семена
Чорного за коп шест бес пулзолотого, я теж Мадим продал
Гурину Зубашенку за суму грошай золотихъ девят свою полу-
вицю всего вѣчными часы, же я Мадим не маю части жадной,
анѣ дѣти мои, только Гуркови волно буде на своей половици що
хотѣти чинити, и вол(но) буде продат, дароват и самому будо-
ваться, яко на своем добром купленом кгрутѣ. Я теж Мадим Вас-
ченко вимовляю собѣ двѣ соснѣ бортних у Конском, а мой брат
Процик саберство из Гурином Зубашенком, поки Богъ позволит, на
що и писмо даю от себе Гурину вѣчними часы, при людех добрих
и вѣри годних, найперше Павел Евсѣенко Потвѣскакун, року и дня
вышменованого. Писар того писаня Феодор Данилович, священник
Кротинский рукою власною.

*29. Доловая роспись лоевского мещанина Васка Лодена Мишику
Игнатенку. 1680 г. февраля 1-го.*

Я, Васко Лоден, мещанин лоевъский, вѣдомо чиню тым моим
писанем, ижем зостал винен пану Мишику Игнатенку, отчычу ло-
патневъскому, то ест золотых тридцать твердо монеты личбы литов-
ские; которую то золотых тридцат и золотый маю отдать и скуч-
тично зыстится на рок и ден от мене доброволне зхожоный, то ест
на ден Рожества Пресвятая Богородици, ведлуг старого календару,
в року дасть Богъ прийдучом тисеча шестсѧ осимъдесят третим,
ненохоблаючи менованого дня и року, звышъпомененый терминъ под
вшелякими обвязками правъными в середине сего моего церокграфу
описанаго отдан и зыстится маю. На що для лѣпшое тверности
даю сее писане с подписом руки от мене упрошонаго. Дѣлося при
людех добрых, вѣры годных, мещанах и отчыцах лоевъских, при
Тереху Романовичу и Лазару Шишкевичу. Писан в Лоевѣ, року
Божего 1680, февраля 1 дня. (М. И.). Очевисто упрошоный печа-
тар от Васка Лодня до того церокграфу подписуюсѧ Спиридонъ
Охрѣмович, свещеникъ лоевъский.

*30. Закладная любецкаго мещанина Богдана Петровича Щпака
любецкому священнику Григорию Прокоповичу на огородѣ. 1680 г.
апреля 5-го.*

Я, Богдан Петрович Щпакъ, мещанин любецкий, вѣдомо чиню
сімъ моим писанем, ижем на пилную свою потребу вызычил у гос-
подина отца Григория Прокоповича, священника любецкого Пятниц-
кого, грошай золотых тридцат, в чумъ ему зоставую до паханя и до

вкупена огоруд свый отцовский, и при тим куплений през мене самого у пана Яна Стецкаго, в значного шляхтича любецкого, ко-торый то огород никому ни в чомъ незаведеный и не п'янный и тиляко отецъ Григорий Прокоповичъ повинен пахат, а если бы якъ в лѣшому пожиткови своему оборочать, а в томъ ни хто господи-нови не маєть перечить с кревнихъ моихъ, яко и з иныхъ поспо-лityхъ людей, чтобы смѣть вожитися и перепоню быти господинове, таковыи на уряд любецкий вину заплатит десет золотих; на що дле лѣпшиої вѣрности даю сие мое писане господинови с подпісом руки моей власной и при печати. Диялося в Любечи року 1680, месеца апреля дnia пятого. (М. П.). Богдан Петрович, мещанин любецкий рукою власною.

31. Урядовый листъ по дѣлу Грицка Чеботченка съ Кунрѣмъ Нечипоровичемъ Богушемъ о наследствѣ. Року тисеца шестсотъ осмъдесятъ первого, априля 12.

На вряди перед нами Василием Устимовичом, сотником любецким, Иваном Терешенком, товаришомъ сотни любецкой, Михаиломъ Венским, товаришем сотни полковой черниговской, а особливо при бытности Стефана Кодаковича, на тот час зостающаго войтомъ любецким, и Ивана Норца, мещанина любецкого, и при иныхъ, прекладал скаргу Грицко Чеботченко, мешканец тракту любецкого на Кунрѣя Нечипоровича Богуша в той способъ, же по змартю Кирила Чеботченка, брата рожоного старшого, небожчыка славной памети оставшиы жона его вдовою безпотомне на имя Маря Реву-хинна принела собѣ было вышпомененнаго Кунрѣя за малжонка на въсё свое государство и мешткали з собою лѣт четыри, потом змерла и осталос набытку немало, веспол набытого небожчикою из Гриц-ковым братом, первым малжонком своим, а гды помирала, помене-ному Грицку не дано вѣдати, и остался грунт Яцковъскій, купъ-леный недавъно за старанем небожчиковым Кириловим, опроch давъ-нѣйшихъ добѣръ набытыхъ. О котором то помененный Грицко, видици себе быт близшии, доходил, теды помененный Кунрѣй, пораховавъ-ши з сумъленемъ своим, не въдающыс далесе в право, а видачи же ему и такъ добре стало, уступил того зовъсим на вѣчност грунтъ Грицку Чеботченку, брату рожоному небожчиковому Кири-ловому, первого мужа брату, только купъчого листа не подал и на въряде не объявлял. Теды мы зверху имианованный вряд, видачи принадлежитъ ужыток тыхъ добѣръ имианованный грунтъ Яцковъскій, купълѣный от Евтуху, зятя Рыбалченкового, лежачий у села Гал-кова (?), зо въсим подаем в моц и посессию Грицку Чеботченку,

ведлуг зречея . Купърѣвого и опису самого купъчого листа. Ежели бы ся кто близшы одозвал, суму откъладающы, и на том петребуючой сторони казалисмо и сей нашъ врядовий выдати для лѣпъши твердости лист, при бытности зверху имланованных особы и притисненемъ печати врядовой любецькой, а на подпise нижей имланованных рукъ. Дѣлося у Любечу, року, мѣсца и дnia вышъписанного. Васил Устыменко, на сей часъ сотникъ любецкий рукою (М. П.). О которой то справи добрѣ свѣдомымъ, бывъши подписуюс Кирил Гапонович Худольй рукою.

*32. Закладная, выданная Василемъ Плющемъ Мишку Игнатовичу.
20 апреля 1682 г.*

Wiadomo czynię tym moim listem, iżem wzioł u pana Miszka Ihnatowicza, wołoszczanina Łopatniowsskiego, klacz własnusz nie wczym nikomu niezawiedzioniu w kopach dwunastu litewsko liczbo, ja Wasili Pluszcz, zostający w opiece u Ostapa, przyjaciela swego y sestrzenca boiarzyna dobrzdieja naszego, ktorze te pieniędzy mam ja własny wyszpomieniony Wasili Pluszcz, obawatel Łoiowsky, panu Miszku Ihnatowicz, wołoszaninu Łopatkowskому, oddac we trzy lata liczbo litewsko, poczowszy w roku teraz idącym 1682, w miesiącu aprilu die 20, o Wielkiey Nocy ruskiey, a ieżeli by nie mógł wyszpomienionemu nistifikowac, tedy ostrow Macieiew, pod Burowicami leżący za Dnieprem, ktrym ma on władac, iako swoim, do oddania pieniędzy własnych iego w zakład z sosnoiu bortnoiu na wieczne czasy, w tym že ostrowie o nieczka sosna, niczym tego roku y dnia nie chibiać pod wszelakimi warunkami y kondiciami wrawnymi, tak zamkowemi, iako y magdeburskimi, winien y powinny będąc ten dług utsciwie oddac w domie jego własnym. Pisan w Łoiowie, roku y dnia wyszmianowanego. Michał N. . . . iako pisma nieumiejetny de tego dobrowolnego ceregrafa mieszczanin Łoiowsky prosił ręki swoiej podpisac. Potap, mieszczanin Łoiowsky, Kali Pobołowiec, wołoszanin Łoiowsky tez ruki swoie kazali podpisac.

*33. Купчий листъ, выданный любецкимъ земяниномъ Климою Кирѣйченкомъ Ивану Масловцу на грунты. Року тепер идучомъ 1684,
месеца августа 1 дnia.*

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазарем Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукьяновичом, войтом любецким, и при бытности иных людей, ниженоименованных особы, ставши очевисто на имя Клим Кондратович Кирѣйченко, земянин любецкий, сознал явно, ясно и доброволне, ани з жадного

примущена, въ тыхъ словахъ моячи: ижъ я, и ѿючи къ грунтъ свой власный, лежачий обмежу з одной стороны от грунта Законовскаго, а другой стороны от Онопрѣйковъскаго грунта, тыломъ от рѣчки Варежки, а въ проти у шляхъ любецкій лежачий на Листве, а от третью от Клима Червечошкы и Грина Галабурды, которую уживал прежде небожъчикъ Пантелеїй Галабурда и продал был отцемъ моему Кондрату Кирѣйченку, а я, вышъпомененный, яко посессоръ тыхъ добръ, будучи потребный пѣнзей, продал есми и зреckыи на вѣчность уступил, то есть Ивану Андрѣевичу Масловцу за готовую и рукъ моихъ дошлуу суму пѣнзей, а именовите за копъ осмънадцат грошей личбы и монеты литовъской, позваляющы ему тымъ грунтомъ владѣти, поля пахати и заросли россыщи, албо и дерево бортъное по той часъ ты уводити, ежелибыся зложе показати и ѿло алльбо рабчай продати, дати и даровати и заминати и якимъ хотячи правомъ отъ себѣ пустит ведлугъ воли и уподобаня своего, а жаден въ томъ ему перешкодою быти не мае, такъ я самъ, вышъпомененный, яко тежъ жона моя и потомки, албо съ креvныхъ моихъ близкихъ и далекихъ, ани з людей общихъ, яко никому ни въ чемъ пенно, ани заведено, подъ зарукою вины на врядъ близко належачый золотыхъ ста, а и по заплаченю вины предся тая моя продажа отъ помененного Ивана и поссесоровъ его отдалена и отсужена быти не мае, яко и сесъ купъчый листъ вѣчной продажи мати и ѿстъ моц зуполную. При котормъ то справованю сего запису быт рабчыи люде добрыи и вѣry годныи, то есть Микита Масловецъ, Луцько Масловичъ, Гришько Бурдукъ, Миколай Гавrilовичъ Орищенко и Макъсимъ Коробъко, и на томъ, за для лѣпшой вѣry и честности, далисмо сей купъчый листъ помененному Ивану съ подписомъ особъ и притисненiemъ печати врядовой, а на подписе нижей имънованного руки писарскове. Дѣлося у Любечу, року, и ѿсеца и дня вышъписанного. (М. П.). Кирил Гапоновичъ Худолѣй, писаръ любецкій, рукою.

34. Коитаниця, выданная Гаврилом Янченкомъ Авраму Кваченку въ уплату долга. Року 1684, месеца ноемврия 9 дnia.

Передъ пами, Василиемъ Устимовичомъ, сотникомъ любецкимъ, Лазаремъ Феодоровичомъ, атаманомъ городовымъ любецкимъ, Яковомъ Лукано-вичомъ, войтомъ любецкимъ, и при бытности Сидора Яцковича, на тотъ часъ будучаго войтомъ кротынскимъ, и при иныхъ нижей особъ имънованныхъ людехъ, ставши очевисто Гавърыло Янченко, обывателъ кротынскій, созналъ явне, ясне и доброволне, ани з жадного примушоня, въ тыхъ словахъ моячи, ижъ мовитъ, я и ѿючи писане отъ Аврама Кваченка, приятеля своего. писане на грунтъ его, лежачаго въ зди

Любецкомъ, посполе с кротынцами даче чрезъ Лаврина Цымбалистого, которому винен был помененый Аврам талеровъ четыри за Еячанку, и не мѣвъши чым отдати, през оное писане тот грунтъ отчызну свою вручал Гаврилу до часу, абы тот долгъ отдал Лаврину за него; теды Гаврило, оккупивши тот грунтъ, владѣлъ ирэ лѣтъ килкадцат. А гды повернувшись до своей отчызны Аврамъ и отдал долгъ свой Гавърылу ведлуг порахунку що ся доходило, а я тежъ, помененый Гавърыло, его квитую во всемъ дале, злецающы вси его добра подъ протекстомъ своимъ держачныи, а писане тое згубилъ, которое от Лаврина мѣвъ Гаврило на грунтъ Аврамовъ; а ежели бы хто з онымъ писанемъ отзывался турбовати Аврама и през сие писане враду любецкого квитации, таковыи вины заплатит на врядъ близко належачый залотыхъ ста, а и по заплаченю вины сия справа отминятия не повинна, яко и сия квитация мати мѣет зуполную моц. И на томъ, задля лѣшои вѣры и твердости, мы, зверху имѧносанный врядъ, потребуючи стороны казалисмо сию квитацию выдат с подписомъ рукъ и притисненемъ печати урядовой любецкой, а на подписе ниже имѧнованныхъ особъ. Дѣялся в Любечу, року, месеца и дніа вышписанного.

(М. П.). Кирил Гапоновичъ, писар любецкий рукою.

35. Вътис с книгъ мѣскихъ права майдеборскаго ратуша черниговскаго. О соглашеніи между Мишкомъ Игнатовичемъ и Татьяною Оксеновною Андреихой Безбожненковой относительно владѣнія грунтами. Року тисяча шестсотъ осимдесятъ семого, месеца февраля двадцатъ осмого днія.

Перел наим Стефаномъ Отроховичомъ, войтомъ черниговскимъ, Иваномъ Тарасовичомъ, бурмистромъ, и райцами, в ратушу черниговскомъ засѣлыми, ставъши очевисто, Мишко Игнатович и Татьяна Охеновна Андрииха Безбожненкова, жытелка черниговская, згодне, доброю волею своею перед урядомъ мѣскимъ помярковала, любо розниця межи ними о част кгрунту небожчыка Ивана Скраги была при сели Допатиох и о другую част в Сивери, ув острове Матееве, почавъши тот островъ увес границею в тракте Любецкомъ и Лоевскомъ, у Сухий Вир, з Сухого Виру у рѣчъку Смачу, з речки Смачи у рѣчъку Горнечу, з речъки Горнечи у Дорогое болото, з Дорогого болота ув островъ Матеевъ, з деревомъ бортнымъ и до борта згожнымъ, з полами, ролами, запустами, облогами, з селищами, сеножатми, езерами, углядами, лесами, борами, зо всими пожитками, до тых частей кгрунту належачими, вымовивъши Мишко

приробокъ свой в крунте своем отцевъском, даючи моцъ и владзу одно другому тым всимъ кгрунтьом менованымъ частыми по половици вѣчными часы владѣти и пожитки мѣти, и межи собою якъ хотѣти одно другому, которое захочет сплатити и кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; и на далшое утвержене тое угоды свое то утвердили, иж от сего часу по половици в тыхъ кгрунтах части мают ходити, пожытки всякие на себе брати и спокойне держати, не перешкожаючи одно другому, ани в далшые часы межы собою не мают турбовати, ани до права позывати, под виною на вряд належитый золотых ста; еслибы от сего часу которая з межи пих сторона тое помяркованье и згоду нарушати мѣла, на том доброволная их згода до книгъ мѣских ратушных черниговъских ест записана, с которых и сес выпис под печатью урядовою мѣскою ратушною черниговъскою ест выдан. Писан в ратушу черниговъском. Емелян Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

36. Декретъ по поводу жалобы Никиты Скугара съ сябрами на священника Пронковича о захватѣ земли. Року тепер идучом тисяча шестсот осімдесят осмого, месеца іюня осмнадцятого дня.

Перед нами іеромонахом Климентием Тишевичем, уставником катедры черниговское, Иосифом Павловичом Іезуневъским, іеромонахомъ, зослаными от его пастырскoe милости на ревизию справ духовных и Ерофеем Котовичем, священником Пречистенским любецким, так теж вряду свицкого Прокопием Никифоровичем Орловъским, выстановленным на туу справу сотником наказным любецкимъ, Гришком Бурдуком, атаманом городовым любецким, а особливе Тишкакомъ Романовичомъ, старостою и дозорцем любецкимъ, и Феодором Красковъским, чынил протестъ и прекладал скаргу Микита Скугар ис сябрами своими на честного господина отца Григория Пронковича, священника любецкого Пятницкого, о занятию бы огорода их Скугаревского, о котором оци(су)вается в сим же декрети нижей описанном; теды мы, вряд, зверху имянovanныи особы, казалисмо перед себе запризват обѣ стороны поводовую и жалобную на усправедливене, а гды стапули, вытали ихъ помененнаго Микита ис сябрами, якимбы способом оны узнавали, же отецъ Григорій их огорода част бы никоторую ку своему огороду, купъленому от Якова Матслюхи, прозываемаго Лашуковскаго, о котором шире оци(су)ва в купъчом листи, чы своею достовѣрностю, чыли теж признатель посторонних людей? Теды помененный Микита ис сябрами своими вымирался таким способом: же мы, мовит, прежних часовъ не паметаем досконале, як родичи поки уживали наши, а сами прешлых

часовъ в отлегломъ мешканю през руину военную заставали на разныхъ мѣсцахъ, теды, мовит, нам признают люде, а меновите: Петро Бубенникъ, который при купиленю и завоженю межы отцу Григорию от Якова Мателюхи был и написаный в рядовые в купчай отца Григориевой, а другой Володымеръ. А гды передъ себе на вряд казалисмо станут помененным Бубеннику и Володимеру и пыталисмо их, ежелебы оны, достовѣрне бывыши свидомы заводу и межы тым огородом помежным, лежачым за Нагорною Брамою любецкою ку улицы Гончарыской, теды Бубенник мочно взялся и Володымер на попартъе правное Микиты на господина и под виною декларовался, же не только, мовит, доведу того, же господин през завод Мателюхин, зайдшовъ Скугаревскаго огородъ, леч и огорожу старой межы в земли найду, и так квестию завдавыши честному господину отцу Григорию из его заводцем, одозвался ити на мѣске межы шукат, а гды, пойшъли и шукал за позволенем врядовым, где схотѣлъ, теды не знайшолъ на томъ мѣсцу, где имяновал, ни жадной признаки, тыхъ оденъ куль в земли знайшъли старый на межы господиновой, яко и Мателюха заводивъ при продажи и теперь з заводы сеъ справы тож посвидчал противъ ложныхъ словъ Бубенниковых и фалчывого признаваня. Которой то справы мы, зверху имянованный вряд, з обоихъ сторон выслушавыши контролерий поводовой и жалобъной, а узнавыши шалвѣрство Бубенниково, наказали ему ревсковат, яко нецнотливой губи, и всеи шкоды и наклады правныи честному господину отцу Григорию при караню вины панской нагорожат, а прикрывши их сим декретом навѣ... честному господину на вѣчность на спокойное ужыване, яко свое власное, поки тепер межа лежыт, ведлуг его купчай, владѣти позволяем. А хтобы в потомные часы отозвался честного господина отца Григория албо теж его поссоровъ през сей декрет турбоват за тот огород в якой мѣри, яко и сей нецнотливый Бубенник, та-ковый на вряд близко належачый заплатит вины золотых сто, а и по защланеню вины при иенарушоной цѣлости сей декрет захован повинен быти. Дѣялося в Любечу року, месеца и дnia вышай писанного. Іеромонах Климентий Тишович, уставник его пастырской милости. Іеромонах Іосифъ Павлович, вишипсаний. (М. П.) (М. П.) Юрый Александрович, сотникъ любецкій рукою. Кирил Гапонович Худолѣй писар.

37. Тестаментъ любецкаго мещанина Дмитра Григоревича Козачка. 1689 г., сентября 29.

Во Имя Отца и Сына и святого Духа, святую живоначальную и нераздѣлимую Троицѣ—Аминь. Я рабъ Божій, Дмитръ Григоровичъ Козачко, обевател и мещанин любецкій, чыню вѣдомо и явно

сознавую сим моимъ тестаментомъ каждому, кому будетъ того вѣдати потреба, тепер и на потомные часы, иж будучи я навѣжоный отъ Господа Бога обложенною хороброю и на смертной постели лежачи и видечи себе близшаго къ смерти, а нынѣ къ животу, теды умыслимъ то собѣ передъ часомъ годины смертной за доброе намети и з доброго розсудку моего, убоztво мое распорядитъ и расправитъ, aby по животу моемъ межъ близкими кревными и повинными моими, яко тежъ и межъ людми общими покой стобливый заховатъ, а на моемъ сумленію нѣчего не залегло. На первѣй полецаю душу мою грѣшную въ руцѣ Створителеви, а тѣло мое грѣшное Стефанъ, полу-сыновъ мой, погребомъ християнскимъ маest поховатъ, и вшелякие памятки дорочные за душу мою грѣшную при церкви Божай маest отправитъ, ведлугъ звычаю християнского. Которому то звышено-ванно(му) Стефанови, полу-сынови моему, по смерти отказать такъ домъ у мѣстѣ стоячий, зобополне з нимъ убодований коштомъ и працею нашею, зовѣтъ на вся, якъ самъ въ собѣ мѣтъ ис пляцемъ моимъ влас-нымъ у керсте въ концы лежачимъ, при томъ же дворѣ и огородѣ лежачий подле Чисника, тому же Стефану, полу-сынови, отказать, а знову засъ другий дворъ мой власный, подъ Любечомъ у Вомчимехахъ стоячий мой власный, ни кому ни въ чымъ не пѣнныи, коштомъ и працею мою убодованый, якъ самъ въ собѣ мѣтъ, тотъ отказать по смерти дочце моей Поси; а до того тежъ кргунтъ мой власный, добра лежачий тамже у Вомчимехахъ подъ Любечомъ, такъ поле разробленое и зарослое що илеколвекъ естъ моего власного разробку, теды тоe все звышено-ваннымъ Стефану, полу-сынови, и дочцѣ моей Поси напол маest поделитъ. А що естъ маю частъ дерева бортнаго отчиною зъ розныхъ людей датаго и дарованаго, теды Стефану отказать деревъ пятъ, а дочцѣ моей Поси чтыре. Гумно тежъ тамже у Вомчимехахъ наше власное и тоe посполу звышено-ваннымъ Стефану и дочцѣ моей Поси въ зобополненомъ держаню маютъ мѣти. При которомъ справованю сего тестамента були люди добрые и вѣрыгодные, меновѣтѣ: Семенъ Болоушко, Максимъ Бубенникъ, Иванъ Терещенко, Климъ Безноско, обевателе и ме-щане любецкие и иныхъ при томъ часо будущихъ людей вѣрыгод-ныхъ, справы добре свѣдомыхъ. А хто бы смѣлъ и важился сесъ мой тестаментъ, остатнюю волю мою, нарушитъ и власоватъ, теды съ тако-вымъ судомъ буду мѣти на ономъ страшномъ судѣ Христовѣ предъ Судиою неплицемѣрнымъ. Писанъ у Любечу, въ дому Дмитра Григоре-вича, року 1689, месеца сентября 29 дня. За устною и очеви-стою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписью Василъ Устименко, на тотъ часъ сотникомъ любецкимъ рукою (мѣсто двухъ печатей). За устною и очевистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписанъ Ерофей Іоановичъ, священикъ Пречистен-

ский любецкий. Року 1698, месеца іануария 4 дня. Пред нами, Павлом Ворошилом, сотником любецким, Семеном Василевичом, атаманом городовим, а Майдимом Стасиком, войтом любецким, и пред иными людми при том часе будучими, ставши персоналите Степан Козаченко, мещанин любецкий, просил нас, власти, абысмо на томже его тестаментѣ винисали по отцу ему спадлье добра и вивели литерою з духовници, якиис вже он продал пана Авраму Никифоровичу на вѣчност, на що и купчую от себе урядовне дал. Напрод на плац з садом и з огородом на продмѣстю, и на двѣ синожати, а потих у Вомчимехах на селище з грунтом, з полями и зарослями з утчиною. Що для лѣшой вѣдомости казали записат, року и дня зверхуменного.

38. Рѣшеніе любецкаго сотеннаго уряда по спору Андрея Злобы съ Юскомъ Злобою объ огородѣ. Року 1691, месеца августа 10 дня.

Перед нами урядом, Миною Михайловичом, на тот час зостающимъ сотником наказнимъ любецким, Илком Стоконским, старостою любецким, Кирилою Гапоновичом Худолием, товаришом сотни любецкой, прекладал намъ скаргу Андрій Злоба, жител шибириновъ-скій пак тежъ на Юска Злобу, жителя села Онтонович, ижъ, мовит незънаю зъ яких мир огород мой отцевский уживает Юско безправне; теди ми на жалобу Андрія Злоби велили припозвать пред себе и Юска Злобу, що тежъ, пришедши перед уряд, Юско и мовит Андрію Злоби: Нит, мовит, тоби в тум вгороди ни жадной частки. Що тежъ чуючи тии слова, Андрій Злоба вдался до людей, именно: до Ероша Стасика, старинного человека и мещанина любецкого. Теды на тую справу того часу трафился тамъ и Ерошъ Стасик, мещанин любецкий, и почалъ ми его питати под сумлением, жеби признал о той огород. И онъ, яко паматаючий на смерть свою, мовит намъ: Признаю, мовит, въсе що видяу, ижъ, мовит, той огород, который и тепер лежачий берег попа пятницкого помижный с цоповым огородом, теди купил Андріев Злобин дидъ Юрка в мое тютки рудной за золотых 5, которая и между отвела небожчику Юрку даду Андріеву. Теди тое почувши признале Юско Злоба от имененного Ероша Стасика и сам в тие слова сознал и уступил тогожъ часу того огорода и во всюм злецил на вичность Андрію Злоби. Що теди ми вислушавши, звишменованный уряд, тои справи, казалисмо и писмо з уряду нашого Андрію Злоби написать с подпісом рукъ и притисненемъ печати врядовой. Писан в Любечу, року, месеца и дня вишъписанного. (М. П.). За позволенем пана сотника, яко самого писат невмієнного, мисто сотнико-

вой руки подписью я писар Мина Михайлович, сотник наказний любецкий.—Я теж Илия Иванович, слуга его милости пана полъковника, видючи подпись руки пана Мины, сотника наказъного, руку свою подписью.

39. Выпис с книгъ мѣскихъ права майдеборскаго ратуша черниговскаго. О продажѣ Исаакомъ Григорьевичемъ Голобояриновицемъ части грунта своимъ сабрамъ Мишку Лопатинъцу, Мартину Кононовичу и Федку Мишковичу. Року Божаго тысяча шестсотъ деветдесятъ третіго, месеца июля одинадцатаго дня.

На урядѣ их царскаго пресвѣтлаго величества мѣскимъ черниговскимъ, передъ нами Ефимомъ Иевлѣевичомъ, войтомъ черниговскимъ, Иваномъ Тарасовичомъ, бурмистромъ, и райцами, в ратушу черниговскомъ заседающими, ставъши очевисте панъ Исаакъ Григоревичъ Голобояриновицъ, бывшій бурмистръ черниговский, явне, ясне и доброволне до книгъ мѣскихъ ратушныхъ черниговскихъ признал, иж онъ, мающы част кгрунту в Матвеевскомъ острове у Суховирсчине, в тракте любецкомъ з сабрами Маркомъ Каменскимъ и Мишкомъ Лопатичовскимъ, и Федкомъ и Мартиномъ Кононовичомъ, свою част власную з деревомъ бортнымъ и до борта згожимъ, лесами, борами, дубровами, ... и всими пожитками, до тое части належными, на вѣчност паномъ Мишку Лопатинъцу, Мартину Кононовичу, Федку Мишковичу, имъ самимъ, жонамъ и потомкомъ ихъ за сто и за двадцат золотыхъ грошей личьбы литовское продал, и гроши отобразыши, тут же на урядѣ квитовалъ, дающы моцъ и владзу Мишку и Мартину и Федку, имъ самимъ, жонамъ и потомкомъ ихъ при своихъ частехъ, тымъ частю грунтомъ, ско панъ Исаакъ владѣль, такъже спокойне владѣти, пожитки мѣти и отъ себѣ кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; которое продажи части кгрунту проданого сознавающій панъ Исаакъ самъ и потомки его вѣчными часы боронити не маютъ и мочы не будуть подъ закладомъ другихъ ста золотыхъ и двадцати золотыхъ на врядъ належитый черниговский. А на далшое утверженіе тое проданое части кгрунту речоный сознавающій, панъ Исаакъ тут же передъ урядомъ зреckъши въ реальную и спокойную вѣчнѣсту поссесию паномъ Мишку Лопатинъцу и Мартину и Федку подал, зреckъсе и вѣчными часы тую част кгрунту помененемъ уступил. Ско все для памети до книгъ мѣскихъ ратушныхъ черниговскихъ естъ записано, съ которыхъ и сей выпис, подъ печатю мѣскою, естъ выдан. Писан в ратушу черниговскому.—Еменъ Ивановичъ Яхимовичъ, писар мѣский черниговский. (М. П.).

40. Обликъ, въданній Петромъ Семеновичемъ Тимоху Маковченку на занятые двѣнадцать золотыхъ и пять чоховъ. 1696 г., мая 8.

Я, на имя Петро Семеновичъ, даю на себе тое писаніе пану Тимухови Маковенкови, ижъ облѣкуюся отдать, щомъ виненъ двѣнадцать золотихъ и пять чоховъ о святомъ Петрѣ, албо тижъ о жливахъ, а не алѣ Господь Богъ мене под своею ласкою, яко Богъ Отецъ мой ласкавий, ежели Господь мене споможеть, я ся обѣцую и прудше отдать, а теперъ мене якось Господь Богъ фортуною доброю оминулъ, лечъ надѣю маю на него и знову приверне до мене; а тепер пана Тимофетя прошу и писаніе ведлугъ того долгу на себе даю. При томъ былъ панъ Стефанъ Шчербина, другий панъ Стефанъ Куликъ. В Киевѣ дѣялося тое мѣсяца мал дня 8, в школѣ святой Пречистой року 1696 того. Петръ Семеновичъ рукою свою власною подписуюся.

На сей обликъ одобрилъ я Тимохъ¹ Маковченко у Петра Семеновича долѣжного своего золотыхъ сѣмъ, в Киевѣ року 1696 того мая 9 дня. Дѣялося в домѣ судовом киевскимъ козацкимъ.

41. Листъ, данный любецкимъ сотникомъ земянину Степану Коробку. 1697 г., июля 27.

Ихъ милостямъ паномъ, на вряди зостаючимъ, вшелякаго стану людемъ, при залеценю уклону моего доносимъ вѣдати, ижъ оказателъ сего листу нашего на имя Степанъ Коробокъ, земянинъ трактъ любецкого, простиутъ у города украинские на заживаня пашни, котрого если бы могъ нашъ же жителъ любецкий, прозываемый Гузикъ, до права потягати, а бы тому Гузеви вѣра не дана, а сего листу подавци ни в чомъ не турбовано, чого по вашимъ милостямъ жадающи и о томъ вѣдати доносячи, зостаю на завше вашимъ милостямъ во всемъ зычливый приятель, а радъ служити Тимофей Юревичъ, сотникъ любецкий. З Любечы, 1697 року, мѣсяца юля 27 дня.

42. Урядовое письмо о соглашении между Максимомъ Коробкомъ, священникомъ Григориемъ Прокоповичемъ и Мартиномъ Зарпукимъ относительно владѣнія садомъ. Року тисяча съмвсотного первого, мѣсяца авгуаста 21 дня.

Въед урадомъ любецкимъ, Петромъ Теременкомъ, атаманомъ городовъ, Аврамомъ Никифоровичомъ, войтомъ любецкимъ, Онисекомъ Вышкимъ, товаришомъ сотеннымъ, Романомъ Пѣшкою, мещаниномъ любецкимъ, и при бытности многихъ людей задныхъ при томъ часѣ бѣдущихъ, ставъши очевисто Максимъ Коробокъ з чест-

нимъ господиномъ отцемъ Григоріемъ Прокоповичомъ, священникомъ свято-Пятницкимъ любецкимъ, своимъ поможнымъ сябромъ, прекладали жалосне скаргу свою на Мартина Зарѣцкого, жителя коробковъскаго, который Мартинъ Зарѣцкий, присвоючи собѣ садовину, имъ Максиму и отцу Григорію сполную, на подгорю въ Коробкахъ стоячую, Ивана Максименка Коробка обнажилъ з свити, и ону свиту Иванову на урадъ принесши, презентовалъ тое, ижъ якоби въ своей власной садовѣнѣ Ивана Максименка заставъши, тую свиту з него Ивана зняль. А на подпарто своей справы, тот же Мартинъ Зарѣцкий становилъ свѣдка, Дмитра Ветошку, такъ же жителя коробковъскаго, который Ветошка предъ нами урадомъ призналь, въ тѣ слова мовячи: ижъ, мовитъ, за сотинства пана Тимофѣя Юревича, помежку Мартиномъ Зарѣцкимъ и межи Стефаномъ а Максимомъ Коробками объ тую же между вщаляся була турбація, на которой межи Коробки и колокъ були забили, потомъ, неудающимъ до права урадового, сами помежку собою дома погодилися и колокъ той з межѣ выкинули, положивши вины на урадъ любецкій конъ десятъ, чтобы могъ на потомъ обѣ тую же между яковую вчать турбацію. На которое Ветощино свѣдотство Максимъ Коробокъ з сполнимъ сябромъ своимъ отцемъ Григоріемъ, хотячи дати слушную реляцію, прошли насъ ураду до Коробковъ на межу; где гдымо на прозбу ихъ до Коробковъ зѣхали, теды отецъ Григорий и Максимъ Коробокъ становили предъ нами, урадомъ, людей постороннихъ, Кирилу Ковалю, Лаврѣрина Кукару, Стефана Пищика, мещан любецкихъ, людей старожитныхъ, которое особы подъ сумленемъ между отведши, предъ нами, урадомъ, признали, ижъ, мовить, не слушне Мартинъ Зарѣцкий з Ивана Коробка свиту зняль на семъ пагорку, поневажъ, мовитъ, якъ мы запомнимъ же межа лежить Зарѣцкихъ з Коробками, почавъши отъ улицы коробковъской до самого Григорева по узгорномъ, а самий подол належитъ Зарѣцкимъ; который подол для того Коробки дали Зарѣцкимъ на селитбу, же Зарѣцкіе оными поступили частѣножателей луговыхъ за тую селитбу Коробковъскую, поневажъ, мовитъ, давъно тутъ Зарѣцкіе неживали, але жили на Клиговѣ, а якъ тутъ почали жить, на самомъ подоли жили, а узгорокъ и самая гора з лѣсомъ и з садовиной зданьна належитъ Коробкомъ, а не Зарѣцкимъ. Що и Демьянъ, Прасового зять, на межи стоячи своимъ свидотствомъ потвердилъ, ижъ, мовитъ, Иванъ Зарѣцкій, на смертной постели лежачи, мнѣ говорилъ: тіе, мовитъ, прищепи, и, которое на узорку я щепивъ, то я не на своеимъ грунтѣ, а на Коробковъскомъ прищепилъ, которое прищепки, жебы не бу, по моей смерти турбацій, нехай Марко оттолъ выкопавъши пересадитъ. На которое людей старожитныхъ подсумленное признане Мартинъ За-

рѣцкій (з) Максимом Коробкомъ и з отцемъ Григоріемъ, при нас, урадовѣ, помежку собою зуполную прияявши згоду, на межи подлугъ людскаго признатия, рубежи порубали и коиъци покопали; а же садовина, в садку Грицихи Зарѣцкой стоячая, тимиже рубежами иѣкоторая отишла, туу садовину мѣла Грициха, що будуть прищены, знести, а дички з землею повинни быт при Максиму Коробку и при отцу Григорію. И на томъ погодилися и руки межи собою подававши, вину сами межи собою положили на звѣрнѣшую власть, золотых сто, а на близко лежачий урадъ копѣй двадцат. Которую оныхъ зобополную згоду, мы, урадъ, для лѣпшой памяти, казали записат, и потребуючай сторонѣ казалисмо сее наше урадовое выдат писмо, з подпісомъ рукъ и притисненемъ печати, року, мѣсца и дня звышъписанного. (М. П.) (М. П.) (М. П.). Петро Терешенко, атаман городовий любецкий.— Васил Полонѣцкий, сотникъ любецкий подписалеся для крѣности, юбы впередъ не турбовалися, поневажъ доброволно сами згодилися.— Авѣрамъ Никифорович, войтъ любецкий.

43. Атестація любецкаю сотеннаго уряда по поводу спора Павла Теремецкаго и Василя Богуша съ Алексеем Красковскимъ о наслѣдствѣ. 1708 года, апрѣля 20.

На врадѣ сотенному любецкому, перед Василем Полонѣцким, сотникомъ любецкимъ, при пану Демяну Посудевском, товаришу знатному полковому, при атаманнѣ курьянном и товариству многому, на тот часъ в Любечу будучому, такъже от пана Струтинского, старости замкового, присланнныи шафару мѣскомъ Петру Безпалчомъ до тогожъ суду причиво за своимъ человѣкомъ до мѣста наложачим и для прислушана ся сирави таковой: Павел Теремецкій, товарищ сотенный и Васил Богушъ мѣский человѣкъ, ускаржающиisя перед судомъ доходили собѣ отчизны в кгрунтах тестевских Осаковских пахатныхъ, по жонахъ своихъ, Алексея Красковского, брата родного тыхъ Теремецкого и Богуша, подлугъ права ратушного мѣского чернѣговского, в якомъ доложено, юбы з третей части кгрунту, на небожку Красковскую спадающую, виховала матка их Фесю и Настю, сестри Алексееви, и замужъ видала з тоеижъ части, незаймающи иїмало отдѣленной части, в том же правѣ спецѣфѣкованой Ивана Красковского по отцу только брата родного оныхъ женъ, Насти и Феси, лечь оные жени хотѣли собѣ у вѣчност тую част, до виданя только онымъ належную, сдержати, чого имъ в ратушном правѣ не отсужено, до якого нинѣшний урядъ любецкий стосуючися наказадъ быль юбы дали покой жонъ небожника Ивана Красков-

ского и дѣтемъ его, того кгрунту сукцессоромъ, а вже по половинѣ з Алексѣемъ Красковскимъ подѣленимъ, и болигъ не турбовать Красковской Иванѣхъ и Алексѣя, а до згоды з собою пришли, якоjkъ перед судомъ доброволне помѣрковалися були и прощеніе взяли, за что Алексѣй, братъ тыхъ жонъ Феси и Наstѣ, по отцу и матцѣ родній, з любвѣ своей ку сестрамъ, четвертую част в половинѣ своей кгрунту, пахатного толко, хотѣлъ лекговати по смерти своей, чимъ они не уконтептовавшися, до вишъшго удалися, по прощеніи своеемъ, права. Що мы, уряд любецкий, вѣдячи ихъ упартост и неблагодарствіе, велиисмо записати, а потребуючай сторонѣ видати сию атестацию. Дѣяло в Любечу року 1708, априла 20 дня. Василий Полонѣцкий, сотникъ любецкий. (М. П.).

44. Жалоба Иоана Коробка на Пятницкаго священника Григорія за завладѣніе грунтомъ.

Видение мое моей жалобъной скарги о свое дѣловское и отцевское житие, на чомъ зоставал дѣдъ мой и отец мой в селѣ Коробѣкахъ, на чомъ и мнѣ Ивану Макъсимовичу Коробѣку зостават приходило и дѣтямъ моимъ, отдаючи ловинност монаршу и панскую; а же мнѣ скорбъ от дядка моего Стефана небожчика, а тепер от панѣ Красковской, обивателки любецкой, которая невинне мой грунтъ привлашаетъ и тримаетъ, и мене отбивает от части дядка моего Степана Коробѣка; в такомъ дѣдѣ мой отецъ Макъсимъ откупил единаго брата Осина часть заставную в десяти золотыхъ; а третий брат бил Степанъ вишереченный на своей третей части; теди оній Степанъ, отца моего брат, почал добиватис третьего брата части, (а) отецъ мой, Макъсимъ, мовил: аще мнѣ вернеш половину утраты моей, могу и третью часть брата нашего розъделити по половїнѣ; на що и люде звели обоѣхъ до миркования, жеби Степанъ Макъсиму, брату своему, дал десет золотихъ; на що изволил Степанъ такъ учинити. Теды по маломъ времени принос два талари, а зостал вицен чотири золотихъ, узял же . . . тойже дядко мой Степанъ у шести копахъ и свою часть зоставил Петру Гузяю у шести копахъ до отдання грошай, а гди прийшло время отданя грошамъ, мы не были в дому, з отцемъ моимъ Макъсимомъ на жнивахъ били, он Степанъ, брат отца моего, не вѣдаeм, чи он продал, чи он зоставил у осми копахъ отцу Григорию, Пятницкому попу любецкому. Теди отецъ мой Макъсимъ, пробувши жнива, до господи приїхавши, отецъ Григорий Пятницкий мовил отцу моему Макъсиму: я тобѣ еябръ, Макъсиме. А отецъ мой сказал: я того не

знаю, покажи, отче, купъчую, чили в заставѣ, чили на вѣчность, а он священникъ мовил: уже в Чернѣговѣ писмо зостает. Не добро, отче, такъ могль бы я знат, що брат мой такъ у... тит мал. Теди колко разъ отец мой Макъсим упоминался купъчой братней, онъ, священникъ, тим отбивал, же у Чернѣговѣ и до сих временъ не знаем, чили купил, чили в заставѣ; бо гди многих людей старожителей питаем, чили не знае о той то куцъчой, не можемъ доцітат, для якой речи от такого часу тримаest грунтъ тот дядка моего Степана в селѣ Коробѣкахъ попъ Пятницкій, отец Григорій, бо еще за памяти отца Григорія прохали, абы становился пред судъ во мною и купъчю показал; и так тое вакует до сих час от блаженной памяти небожичка пана Якова Лизогуба, полковника чернѣговскаго старого; а тепер не можем терпѣти таких утисков, кривды, що нашим добърим даремно владѣют и розмножаются, а ми худѣемъ и убожи биваем за ихъ неправедное купленіе; бо гдижъ могльби мене Ивана Макъсіменка Коробѣка силою притягнути, аби увидѣлъ купъчую правдивую, аби болшай не докучал объ тую часть грунту. Я Иван Коробокъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ LX, 1898 г., январь, февраль, мартъ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЗАПАДНО-РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ МИТР. ПЕТРѢ МОГИЛѢ. (1633—1646). Гла́зы I—IV. С. Голубева.	1-34, 240-264, 397—420
II. ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ. (Опытъ характеристики Гри- горія Саввича Сковороды). Гла́зы I—XII. О. Кудрин- скаго	35-63, 265-282, 436—457
III. БЮДЖЕТЫ Г. КІЕВА ВЪ СРЕДИНѢ XVIII в. Н. Молча- новскаго	64—83
IV. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ И. Ф. ХИЛЬЧЕВСКОМУ 1858—1875.	84—149
V. АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СКАЛЬКОВСКІЙ. (По поводу девяностолѣтія его жизни)	150—159
VI. ГЕТМАНСКІЕ ДОМА ВЪ ГЛУХОВѢ (Къ рисунку) А. Л. .	160—166
VII. ПИСЬМА ЧЕСТАХОВСКАГО, ПИСАННЫЯ ВЪ 1861 ГОДУ О ПОХОРОНАХЪ ПОЭТА ШЕВЧЕНКА.	167—193
VIII. ШЕВЧЕНКО И ЩЕПКИНЪ. (Очеркъ) А. Ярцева . .	194—209
IX. О МОТИВАХЪ ПОЭЗІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. Н. О. Сумцова.	210—228
X. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ ШЕВЧЕНКУ	229—239
XI. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ (1846— 1877 г.г.)	283—313
XII. ПАМЯТИ О. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА	315—317
XIII. ПИСЬМА О. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА КЪ БРАТУ ВЪ КІЕВЪ (1865—1867 г.г.).	318—365
XIV. МОРОЗЕНКО. Повисть. П. Мырного	366—396
XV. НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІЇ ШЕВЧЕНКА Н. Стороженка	421—435
XVI. ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ. (По поводу книги О. М. Уманца «Гетманъ Мазепа»)	458—485
XVII. МАМАЙ. Изображенія запорожца (къ рисункамъ) . .	486—492

О Т Д І Л Ъ П.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Универсалъ гетмана Гаврила Крупинича, 1603 года. А. Л. б) Пререканія вѣдомствъ по поводу Запорожья въ 1751 г. Сообщ. Н. М. в) Письмо Ивана Вагилевича къ сенатору А. Я. Стороженку. Сообщ. В. Н. г) Засѣданіе Черниговской архивной комиссіи 9 декабря 1897 г. д) Заговоръ отъ лихорадки. Сообщ. О. Л. е) Киевская почта въ 1731 г. ж) Актъ объ избраніи сельского священника 1713 г. з) Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ полковника Косырева Б. и) О памятникѣ Шевченку. к) Похороны запорожца въ 1772 г. л) Воспоминанія подольского старожила о временахъ крѣостного права. м) Крестоность. н) Дѣло о совращеніи въ католицизмъ князя Любомирской. Ѹ. Кудринскаго. о) Малороссійскія пьесы въ казармѣ. п) Читатели изъ народа и поэзія Кулиша. р) «Зміевый валь» въ черниг. губ. А. Бѣлецкаго-Носенка. с) Къ вопросу о собираніи этнографическихъ матеріаловъ. т) Описаніе Днѣпра. у) Предполагаемый памятникъ. ф) Прѣмія Харьковскаго земельнаго банка. х) Общество любителей изученія Кубанской области. и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. ч) Поправка 1-12, 35-58

83—104

- II. БІБЛІОГРАФІЯ. а) Сборникъ историческихъ матеріаловъ по истории Кубанского козачьяго войска. З тома. Собраны и изданы И. И. Дмитренко. А. Л. б) О начальномъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ А. А. Шахматова. Н. В. в) Жерела до історії України-Руси. Т. II. *Fontes historiae (ukraino-ruthenicae) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae editi. Vol. II.).* В. Щербины. г) Сборникъ Харьковскаго историко-филологического Общества И. Каманина. д) Новости польской исторической литературы А. С. е) Обзоръ журналовъ. ж) Историко-топографические очерки древняго Киева и Киевъ, его святыни и памятники. Сост. проф. Петровъ. В. Щербины. з) Сборникъ свѣдѣній о родѣ «Максимовичъ». А. Л. и) *Materyaly antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne.* А. Л. і) Складка. М. Кононенка. к) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Н. В. л) Ѹ. В. Тарановскій. Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Н. В. м) И. П. Лаппо. Земскій судъ въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ

III

въ концѣ XVI в. В. Д. в) Библіографическая замѣтка. о)	
Обзоръ журналовъ. п) Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторической времена. В. А. р) Гетманъ Мазепа. Историч.	
моногр. Ф. М. Уманца. И. Каманина. с) Къ исторії посе-	
ленія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подолії въ	
частности. И. В. Галанта. Н. Каушевскаго. т) Вс. Срезнев-	
скій. Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности	
И. И. Срезневскаго (1831—39). у) Воспоминанія о Н. И.	
Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ Николая Барсукова. Х.	
ф) Обзоръ журналовъ . . . . . 13-34, 59-81, 105—127	
КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА»	
(въ концѣ книги) . . . . . 1-8, 1-3, 1—3	
ОБЪЯВЛЕНИЯ. . . . . 1-32, 1-6, 1—2	
III. ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Рисунокъ: планъ гетманского дома въ	
Глуховѣ.	
2) Рисунокъ могилы Т. Шевченка.	
3) Любецкій Архивъ. . . . . 225-240, 241—256	
4) 2 рисунка: а) Мамай ранній редакціи,	
и б) Мамай позднѣйшей редакціи.	

О ТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ „Кievской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта или служитъ проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычай религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналь, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.